

М.В. Толстой

История Русской Церкви

СПИСКЪ

История Русской Церкви. В двух томах //САТИСЪ, СПб., 2004

ISBN: 5-7868-0063-6

FB2: Александр Умняков "shum29" <au.shum@gmail.com >, 2020-03-13,
version 1

UUID: c8de6f7e-5cb7-11ea-a705-0cc47a520474

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Владимирович Толстой

История Русской Церкви. В двух томах

По благословению Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского ВЛАДИМИРА

В замечательной книге графа Михаила Владимировича Толстого рассказывается о том, как появилось и утвердилось христианство на Руси, как возникла и возросла Русская Православная Церковь и как она явилась тем стержнем, вокруг которого выросло государство Российское.

Содержание

#1	0005
Предисловие	0006
Том I	0010
Книга первая	0010
Книга вторая	0251
Книга третья	0579
Том II	0896
Книга четвертая	0896
Книга пятая	1264
Приложения	1738
Хронологическая таблица к очеркам истории Церкви	1738
Хронологический список русских Святых	1769
Хронологический список предстоятелей Русской Церкви	1851
Хронологический список Великих князей, царей, императоров и императриц российских	1855

**Михаил Владимирович
Толстой
История Русской Церкви. В
двух томах**

© Издательство «Сатисъ», оригинал-макет, оформление, 2004

Предисловие

История Церкви – это прежде всего история идей и подвигов святых праведников и подвижников. Вспомним слова евангельские: «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем же сделаешь ее соленою?» (Мф. 5, 13). Именно поэтому в основу «Истории Русской Церкви», подготовленной Издательским Отделом Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, положен труд известного русского агиографа графа М.В. Толстого[1].

Сравнивая труд М.В. Толстого с подобными ему трудами, мы не найдем в этой книге каких-либо редких фактов, не известных в той или иной степени церковно-исторической науке. Однако, несмотря на это, книга М.В. Толстого была куда более любимым чтением по истории Русской Церкви, чем многие иные, имевшие на титуле имена прославленных историков. Причина здесь только одна: «История Русской Церкви» М.В. Толстого написана церковно и научает церковности. История Церкви – это описание ее святости и благочестия, открывающихся в ее подвижниках.

Естественно поэтому нам и от церковного историка ожидать «по тщательном исследовании всего сначала», как пишет евангелист Лука (Лк. 1, 3), прежде всего благочестивого повествования о событиях, чтобы мы узнали твердое основание церковного учения (Лк. 1, 4). Такие повествования Церковь преимущественно заключала в круг Четий-Миней, подчеркивая равноценность различных временных отрезков пред вечностью. Но и хронологическое («от сотворения мира»), по годам («полетное») изложение всегда признавалось Церковью имеющим свой смысл и значение. Именно поэтому преподобный Нестор, монах Киево-Печерской Лавры, составлял «Летопись». М.В. Толстой в своей «Истории...» следует традициям как церковного летописания, так и житийного повествования и поэтому читатель получает от его книги и исторические познания, и благочестивое назидание.

Естественно, что М.В. Толстой, опиравшийся на доступные в середине XIX века источники и литературу, заимствовал из них данные, некоторые из которых, по мере развития церковно-исторической науки были уточнены.

Именно поэтому, не изменяя авторского текста, редакция сочла необходимым внести некоторые уточнения и дополнения фактического характера, которые оговариваются. Кроме того, книга снабжена справочным материалом, часть которого подготовлена специально для данного издания и публикуется впервые (Хронологический список Русских святых и подвижников благочестия IX–XX вв.). Даны кончины святых по тексту книги приведены в соответствие с более выверенным «Хронологическим списком...»

История Русской Церкви неотделима от истории Российского государства, народа. Недаром среди святых, прославленных Русской Православной Церковью, – великие благоверные князья Владимир, Александр Невский, Димитрий Донской и многие другие русские государственные люди. Недаром же и в Акафисте преподобному Сергию, игумену Радонежскому и всея России чудотворцу, назван святой подвижник «данным России воеводою», «светозарным светилом в православной Российской державе». Поэтому и в данном издании читатель найдет сведения по истории

русской государственности, жизнеописания великих князей, царей, императоров Российских, историю народных движений.

Предлагаемое издание охватывает период с начального времени устроения Русской Православной Церкви и до учреждения Святейшего Синода. Десятилетия открытых гонений на Церковь после 1917 года заставляют нас теперь пристальнее взглянуть в предысторию второй российской смуты и более глубоко оценить целый ряд исторических явлений. Всего этого, конечно, нет в настоящем томе, но может быть восполнено в будущем.

Игумен Андроник (Трубачев)

Том I

Книга первая

Глава I

Первые проявления христианства на земле Русской. Аскольд и Дир. Святая княгиня Ольга. Первые мученики. Варяги. Святой равноапостольный князь Владимир. Святые страстотерпцы Борис и Глеб. Преподобный Ефрем Новоторжский.

«Духовное возрождение целого народа, как и одного человека, совершается неодинаково, – говорит один недавно почивший знаменитый архипастырь¹, – в ином народе оно совершается ранее, в другом позднее, в одном быстро, в другом медленно».

Преподобный Нестор повествует, что апостол Андрей из Синопы через Корсунь, или Херсон, доходил берегом Днепра до Киевских гор, благословил их и водрузил там крест, сказав: «На сих горах воссияет благодать Божия». Оттуда он отправился на север, до берегов Волхова и озера Ильмень, а оттуда в Рим². Но

в летописи Нестора не упомянуто, чтобы путешествие Первозванного Апостола оставило по себе следы на почве Киевской Руси.

Известия о частных обращениях жителей южной Руси к христианству начинаются с IV века. Блаженный Иероним писал: «Гунны изучают псалтирь; хладная Скифия согревается огнем веры истинной; войска рыжих и белокурых гетов и даков носят за собою походные храмы». Из этих слов видно, что под именем холодной Скифии нужно разуметь ту, которая простиралась от левого берега Дуная до Дона, где, по свидетельству древних, еще с I века по Р.Х. обитали славяне. У гетов, или готфов, живших в нынешней Бессарабии вместе со славянами, еще при Константине Великом образовалась епархия.

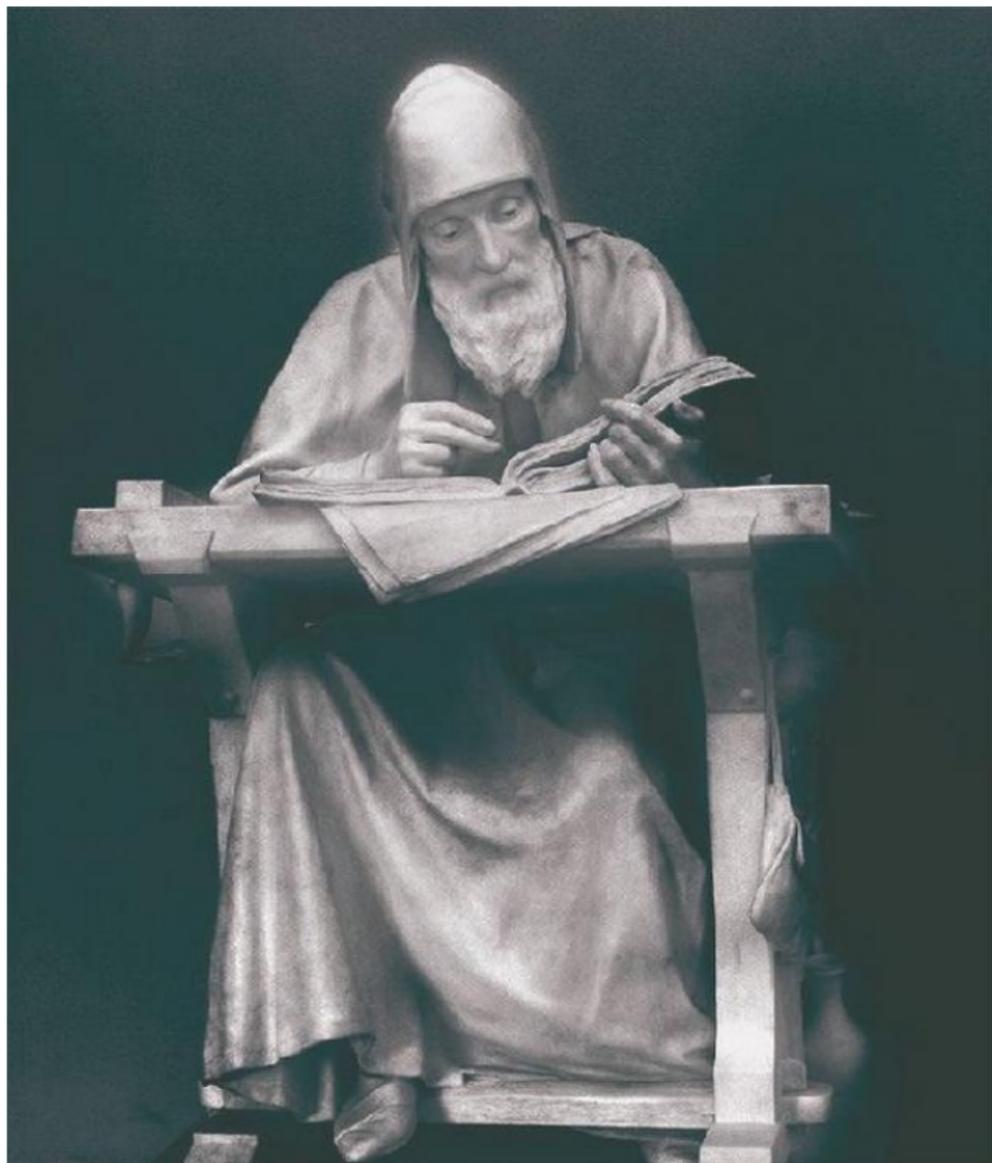
О распространении веры между готфами и скифами более всех заботился святой Иоанн Златоуст. Он посылал миссионеров к скифам, жившим за Дунаем, и для готфов посвятил епископа Ульфилу. Но гунны, авары и болгары, одни за другими, опустошали Скифию, и христианство, еще слабое между скифами, искоренялось войною или гонением язычества.

На севере Русской земли, где славяне, жившие при впадении Волхова в озеро Ильмень, призвали к себе на княжение Рюрика с братьями (около 862 года), почти не было слухов о христианстве. Двое из сподвижников Рюрика, Аскольд и Дир, отправились из Новгорода искать счастья в Царьград. На берегу Днепра они увидели городок и завладели им: это был Киев. Отсюда в 866 году они предприняли поход к Царьграду с языческой дружиной на 200 вооруженных судах, открыли себе путь в Черное море и в самый Босфор Фракийский (Константинопольский пролив), опустошили берега Пропонтиды (Мраморного моря) и заставили трепетать столицу империи. Блаженный Патриарх Фотий, столько заботившийся о просвещении славян, вынес из Влахернского храма ризу Богоматери и погрузил ее в море, тихое и спокойное. Вдруг оно закипело бурю и разбило суда руссов⁴. Аскольд и Дир, объятые страхом, уверовали во Христа. Повествуют, что по возвращении с остатками флота в Киев Аскольд принял на вече народном епископа, присланного от Патриарха Фотия. Стали рассуждать о вере своей и христи-

анской и спросили епископа: чему он хочет учить их? Епископ открыл Евангелие и стал говорить им о Спасителе мира и земной Его жизни, говорил и о разных чудесах, совершенных Богом в Ветхом Завете. Руссы, слушая проповедника, сказали: «Если и мы не увидим чего-нибудь подобного тому, что случилось с тремя отроками в печи, мы не хотим верить». Служитель Божий не поколебался; он смело отвечал им: мы ничтожны перед Богом, но скажите, чего хотите вы? Они просили, чтобы брошено было в огонь Евангелие, и обещали обратиться к христианскому Богу, если оно останется невредимым. Тогда епископ воззвал: «Господи! Прослави имя Твое перед сим народом», – и положил книгу в огонь. Евангелие не сгорело. Видя это, князья и многие язычники, пораженные чудом, приняли крещение»⁵.

Прп. Нестор Летописец. *Скульптура М. Антокольского*

Спустя 15 лет, Олег, принявший на себя правление в Новгороде, по смерти Рюрика и в малолетство сына его Игоря, предпринял по-

ход на юг. Оставив позади войско, он прибыл на ладьях к Киеву, вызвал к себе обманом Ас-

кольда и Дира и умертвил их. Местность и удобство Киева пленили Олега; он сказал: «Да будет он матерью городов русских»; и поселился на берегах Днепра. Оттуда с огромной ратью, собранной из всех подвластных ему племен, на легких судах, он пустился к югу и осаждал Константинополь. Греки откупились от него деньгами. При язычнике Олеге христианство могло скорее ослабеть, нежели усиливаться в Киеве; однако и он, хотя без намерения, знакомил руссов с верой Евангельской. Когда послы его были в Царьграде для заключения мира, им показали «страсти Господни, терновый венец, гвозди и хламиду багряную» и мощи святых и учили их христианской вере. Возвратясь в Киев, они рассказали землякам, что видели и слышали.

При Игоре вера Христова имела более покоя и свободы в Киеве. В договоре, заключенном им с греками, упоминается о том, что руссы крещеные будут присягать в соборной церкви святого Илии в Киеве и целовать крест. Таким образом, христиан между руссами уже было столько, что надобно было упомянуть о них в договоре, и в Киеве был собор-

ный храм, что может указывать на существование других храмов.

Но еще ярче воссиял свет Евангелия в России по смерти Игоря. Игорь был женат еще при жизни правителя Олега. Жена его, природная славянка⁶, родившаяся близ Пскова или, лучше сказать, в той стороне, где после основался Псков, называлась Прекрасною, а при браке переименована Ольгою.

По смерти мужа, убитого возмущившимися древлянами (в 946 году), и в малолетство сына Святослава, который остался сиротой на пятом году, Ольга правила Русской землей, как Любуша у чехов и Драгомира в Богемии. Она наказала и усмирила древлян, обложив их тяжелой данью, учредила в Новгородской земле погосты и оброки. При ней в Киеве было много христиан. Одаренная светлым, проницательным умом, Ольга видела непорочную жизнь христиан и понимала, что язычество не могло воспитать таких людей; беседы с учителями христианскими (один из них сопровождал ее в Царьград) открыли ей небесную чистоту и высоту учения Христова. Она решилась креститься и, чтобы вернее ознако-

миться с христианством, отправилась сама в Константинополь в 957 году. Там пробыла она около трех месяцев, и хотя сначала была принята очень холодно и должна была долго простоять на пристани, но потом пользовалась вниманием императора и наставлениями Патриарха Полиевкта, знаменитого по святости жизни и по высокой образованности. Патриарх сам крестил Ольгу, нарек ее Еленой и сказал ей: «Возлюбив свет и отвергнув тьму, благословенна ты между женами русскими; благословлять тебя будут сыны русские до последнего рода»⁷.

Возвратясь в Киев, она заботилась о распространении христианства, но не могла обратить сына своего Святослава. Он не только не обнаруживал расположения к истинной вере, но, исключительно занятый мечтами о власти и славе, не раз выражал гнев свой на предложения матери.

Блаженная княгиня после крещения своего прожила еще 12 лет и успела посеять первые семена веры в юном внуке Владимире и его братьях. Пользуясь частыми отсутствиями войнолюбивого сына, она посетила свою

родину. Там, обозревая местность нынешнего Пскова и стоя на берегу реки Великой, где тогда был густой лес и многие дубравы, она увидела три светоносных луча, как бы падающие с неба на крутое возвышение противоположного берега. Равноапостольная княгиня водрузила крест на этом месте⁸, и предрекла, что здесь будет храм Святой Троицы и воздвигнется великий и славный город⁹.

Тогда как святая мать подвизалась для счастья своей Родины, сын ее Святослав, рыская по чужим землям, едва не потерял своей: стесненные печенегами, беспомощные киевляне доведены были до того, что готовы были передать город врагам. Возвращаясь поспешно в Киев, Святослав прогнал печенегов, но снова спешил за Дунай, тогда как мать его лежала на одре смертном. Благоверная Ольга сказала со скорбью сыну: «Погреби меня и тогда иди, куда хочешь». Спустя три дня, 11 июля 969 года, святая Ольга скончалась; она завещала не совершать над ней языческой тризны и не насыпать кургана языческого, а послала деньги на поминовение Патриарху, и духовник ее совершил над ней погребальное

пение. Церковь называет святую Ольгу «денницей спасения земли Русской, равноапостольною и единоревнительницею апостолам»¹⁰, а преподобный Нестор говорит о ней: «Она предтекла христианству в земле нашей, как зарница пред солнцем, как утренняя заря пред светом полуденным; как луна в ночи, так светила она между людьми неверными. Она и по смерти молит Бога за Русь. Ее славят все сыны русские, видя ее лежащую в теле много лет». Эти прекрасные слова летописца доказывают, что в его время Церковь уже чтит Ольгу между святыми и мощи ее почитали открыто. Другой летописец¹¹ говорит, что святая Ольга почил в гробе, как спящая, в Десятинной церкви Богородицы, куда перенес мощи ее святой князь Владимир при митрополите Леонтии.

После Святослава, который жил и умер упорным язычником, наступили междоусобия между тремя сыновьями его. Младший из них, Владимир, рожденный от наложницы Малуши, Ольгиной ключницы, с восьмилетнего возраста был отправлен Святославом в Новгород под присмотром дяди, Добрыни

Любчанина, который, как грубый язычник, давал полную волю страстям своего воспитанника. По смерти отца Владимир завладел Киевом посредством измены, велел умертвить старшего брата своего Ярополка, взял себе насильно невесту его Рогнеду, княжну Полоцкую, и беременную жену его, гречанку. Сделавшись единовластителем Русской земли, Владимир проводил свою молодость в необузданном сластолюбии: кроме пяти жен, у него было в разных местах до 800 наложниц. Он отличался также страстью к войне и отдаленным походам.

В 983 году Владимир ходил на ятвягов и покори́л землю их (в нынешней Гродненской губернии). Возвратясь в Киев, он совершал жертвоприношения идолам. Старшины и бояре сказали ему: «Бросим жребий на отрока или девицу; на кого падет, того и принесем богам».

Жребий пал на юного Иоанна, сына одного варяга-христианина, по имени Феодор, жившего в Киеве. Посланные сказали отцу: «Отдай сына богам; они выбрали его себе в жертву». Феодор отвечал: «Ваши боги – исту-

каны, сотворенные руками человеческими. Един Бог, которому поклоняются греки, сотворил небо и землю. Не дам сына моего бесам». Услышав этот ответ, киевляне сбежались и разломали двор варяга. Он стоял с сыном на сених. Ему кричали: «Поддай сына твоего!» Он отвечал: «Пусть боги ваши сами придут и возьмут его». Язычники подрубили сени под ними и умертвили обоих¹².

Но приближалось уже время общего просвещения земли Русской: ужасное братоубийство, сластолюбие грубое не могли не тяготить совести Владимира. Он думал облегчить душу тем, что ставил новых кумиров на берегах Днепра и Волхова, украшал их серебром и золотом, приносил тучные жертвы перед ними. Но все это, как чувствовал он, не доставляло покоя душе – душа искала света и мира. Владимир чувствовал тревогу, движения и сомнения в душе. Он стал припоминать свое детство и наставления блаженной бабки своей Ольги. К великому князю, недовольному старой верой, явились проповедники новых вер. Первыми явились послы из восточной Болгарии, мусульмане. Описание магометова

рая, населенного прекрасными гуриями, понравилось сластолюбивому князю, но обрезание казалось ему мерзостью, а запрещение пить (крепкие напитки) – несовместимым с обычаями Руси. После немецкие паписты говорили о величии невидимого Бога и о ничтожности идолов; но князь знал папскую политику и отвечал им: «Идите обратно, отцы наши не принимали веры от папы». Выслушав проповедь иудеев хозарских, Владимир спросил: «А где ваше отечество?» «В Иерусалиме, – отвечали они, – но Бог разгневался на отцов наших и расточил их по чужим странам». «И вы, отвергнутые Богом, – сказал им Владимир, – еще приходите учить других? Или хотите, чтобы и мы лишились своего отечества?» Наконец выслушан был философ, инок греческий. Показав несправедливость других вер, он представил историю Ветхого и Нового Завета и в заключение развернул картину Страшного Суда. «Добро стоящим одесную, – сказал Владимир, – и горе грешным на левой стороне». – «Крестись, – и будешь в раю с праведными», – отвечал ему инок.

Отпустив последнего проповедника с ува-

жением и дарами, Владимир созвал бояр и старшин на совет об избрании новой веры: решено было послать послов и рассмотреть каждую веру на месте. Послы побывали у болгар восточных, потом у немцев и наконец прибыли к грекам. Императоры Василий и Константин, узнав причину прибытия русских выборных, известили о том Патриарха, и Патриарх в присутствии послов совершил торжественную службу. Великолепие храма Софийского, множество духовенства в богатых облачениях, стройное пение клира привели русских в восторг. Они думали, что стоят на небе, а не на земле. Возвратясь в Киев, они с восхищением говорили о вере греческой. «Если бы греческий закон не был лучше всех других, – сказали великому князю бояре и старцы, – то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрейшая из людей». Владимир решился принять крещение, ноне хотел унижаться перед греками и положил завоевать себе веру.

Через год после совещания о вере Владимир пошел с войском к Корсуню¹³ и, взяв его, требовал себе от двора Константинопольско-

го руки царицы Анны, сестры императора. Ему отвечали: «Пусть примет святую веру». – «Я давно испытал и полюбил закон христианский», – сказал Владимир. Но прежде чем невеста его пришла в Корсунь, с языческим князем случилось то же, что было некогда с Савлом: он ослеп. Прибывшая царица советовала ему не медлить с крещением как средством к исцелению. Когда епископ возложил руку на выходящего из купели князя, Владимир, в крещении Василий, прозрел и душевно и телесно и в восторге воскликнул: «Теперь я увидел Бога истинного»¹⁴. По крещении Владимир вступил в брак с царицей и отдал Корсунь грекам, а сам возвратился в Киев новым человеком, с памятниками боевой и христианской славы¹⁵.

Равноапостольный князь искал лучшей веры не для себя одного, но для всего своего народа. Прежде всего крестились в Киеве сыновья его. Потом уничтожены были идолы; главного из них, Перуна, Владимир велел привязать к хвосту конскому, стащить с горы и бросить в Днепр; суеверный народ плакал из сожаления о старине своей и долго следо-

вал по берегу за уплывавшим истуканом¹⁶. Тогда же князь велел объявить, чтобы на другой день все жители Киева, не исключая женщин и детей, собрались на берег Днепра для принятия крещения, под опасением немилости князя за ослушание.

Киевляне давно уже знали греческую веру, знали и решимость князя и бояр переменить веру и охотно шли креститься. Необозримые толпы людей, старцы и юноши, матери с младенцами покрыли берег реки. Туда явился и Владимир с собором духовенства. Народ взошел в Почайну, взрослые держали на руках младенцев, священники с берега читали молитвы. Владимир, объятый небесным восторгом, молился Господу и поручал ему себя и народ свой. «В этот день небо и земля ликовали», – говорит летописец.

Святой Владимир не ограничился просвещением престольного своего города, но поспешил с распространением святой веры и во всех других городах, больших и малых, – причем первым деятелем был святой Михаил, первый митрополит Киевский и всея Руси. После Киева был просвещен святой верой

второй из славных городов русских, Новгород Великий. Но здесь перемена веры обошлась не без сопротивления, нужно было укрощать возмущение силою¹⁷. После того благовестие веры Христовой принесено было в область Ростовскую. Там, как и в Новгороде, ревностные благовестники крестили много людей, поставили церкви и священников, но не искоренили язычества.

В прочие города Владимир отправил сыновей своих и с ними священников для водворения веры Евангельской; в то же время он распространял и просвещение: в Киеве открыто было училище; богослужebные и учительные книги получены были из южной Болгарии. Храмы строились преимущественно на тех местах, где прежде стояли идолы. Особенная заботливость святого князя обращена была на построенный им в Киеве храм Богородицы, прозванный Десятинным, потому что в пользу его блаженный храмоздатель назначил десятую часть из своих доходов.

Нравственная жизнь Владимира совершенно изменилась после благодатного крещения. Довольствуясь одной женой (царев-

ной), с которой сочетался браком по закону христианскому, он отпустил от себя всех прочих жен и наложниц, а Рогнеде послал сказать: «Я теперь христианин и должен иметь одну жену; ты же, если хочешь, выбери себе мужа между боярами». Рогнеда отвечала: «Я природная княжна. Ужели тебе одному дорого Царство Небесное? И я хочу быть Невестой Христовой»¹⁸.

Повествователь почти современный¹⁹ говорит, что Владимир глубоко скорбел о прежней нечистой жизни и говорил: «Господи! Был я как зверь, жил я по-скотски, но Ты укротил меня. Слава Тебе, Боже!»

Владимир-христианин заботился о внутреннем благоденствии своих владений, которые прежде распространял мечом. Он не поднимал оружия на соседей, но жил с ними мирно. Только дикие печенеги вынуждали его воевать с ними. Желая скрепить мир с Польшей родственным союзом, святой Владимир женил сына своего (а может быть, и племянника²⁰) Святополка на дочери короля Болеслава.

Но вместе с Польской королевой прибыл

бискуп Рейнеберг, пустил в ход римские про-
иски и расположил Святополка к папизму и
восстанию против великого князя. Владимир
заключил Святополка в темницу с женою и
бискупом²¹.

Жестокий и мстительный в язычестве,
Владимир-христианин сделался образцом
кротости и любви к ближнему; он не хотел
наказывать даже и преступников. Епископы
представили ему, что злодейства умножи-
лись и строгие меры правосудия необходимы.
Послушав их, он стал наказывать преступни-
ков, но весьма осторожно и без жестокости.
Бедным и нуждающимся отворен был вход к
нему: он щедро раздавал им пищу, одежду,
деньги; покоил странников, выкупал долж-
ников, невольникам и пленным возвращал
свободу. Видя, что больные не в силах прихо-
дить к нему за помощью, он приказал разво-
зить по улицам мясо, рыбу, хлеб, овощи, квас
и мед. В праздничные дни всегда были у него
три трапезы: первая для митрополита с епи-
скопами, иноками и священниками; вторая
для нищих; третья для самого князя с бояра-
ми и дружиной. Такова была христианская

жизнь приснопамятного крестителя земли Русской!

Святой равноапостольный князь Владимир преставился в старости²² 15 июля 1015 года. Он погребен в созданной им Десятинной церкви, рядом с гробницей супруги его Анны, скончавшейся за 4 года до него. Церковь уже чтит память его при сыне его Ярославе. Митрополит Иларион называет его вторым Константином, апостолом Русской земли, и, обращаясь к нему, говорит: «За благие дела получив ныне возмездие на небеси, блага, уготованные от Бога любящим его, и насыщаясь сладким Его лицезрением, помолись Господу о земле твоей и о людях, над которыми ты благоверно владычествовал»²³. Но мощи святого Владимира не были открыты и прославлены²⁴. Они покоились в мраморном гробе, который при нашествии татар был скрыт в земле под развалинами Десятинной церкви и обретен в 1635 году²⁵. Святая Церковь, празднуя память равноапостольного князя, воспевает: *«Радуйся, слава России! Радуйся, правитель верных; радуйся, Божественный Владимир, первоначальник наш; радуйся, забрало ве-*

ры; радуйся, притекающих пристанище тихое; радуйся, камень веры и молебник о поющих и величающих тебя верно»²⁶.

Немедленно по кончине Владимира Святополк, как старший в семье княжеской, сел на престол и спешил задобрить киевлян ласками и подарками; но они знали, каков он, и не доверяли ему; к тому же братья их были в походе против печенегов с князем Борисом. Чтобы вернее сохранить власть, Святополк решился умертвить двух любимых сыновей Владимира²⁷, Бориса и Глеба.

Святые князья Борис и Глеб – прекрасные весенние цветы новопросвещенной Русской земли, ранние и яркие звезды на христианском небосклоне России.

Рожденные от матери христианки и оставаясь по малолетству еще довольно долго при отце своем, тогда как прочие братья²⁸ отправлены были на уделы, они росли и развивались в благочестии, не тронутые заразой язычества. Они оба, как и праведный отец их, любили назидательное чтение. Борис (в крещении Роман) научен был грамоте, прилежно читал книги, особенно же подвиги и жития

святых; а Глеб (в крещении Давид), младший брат, слушал с полным вниманием и наслаждением. Читая о страдании мучеников, святой Борис обливался слезами и молился: «Господи Иисусе Христе! Удостой меня участвовать в святом произволении святых Твоих; научи меня идти по их следам. Молю сердце мое, чтобы оно знало Тебя и Твои заповеди; даруй мне дар, какой даровал Ты угодникам Твоим»²⁹. Борис и Глеб горячо любили отца своего, любили друг друга и были всегда неразлучны в детстве. И отец преимущественно любил их, видя на них благодать Божию, и назначил им соседственные уделы: Борису – Ростов, а Глебу – Муром. Прибыв в свои уделы, они делали все, что могли, для распространения святой веры и отличались правосудием, кротостью, смирением и милосердием к бедным.

Вызванный из Ростова отцом, состарившимся и больным, Борис был отправлен против печенегов и, возвращаясь после напрасной погони, на берегу реки Альты, близ южного Переяславля, узнал о смерти блаженного родителя. Это известие поразило его тяжелой

скорбью: он горько плакал, говоря: «Свет очей моих, не буду уже я наслаждаться благим учением и мудростью твоей!» Окружавшие его предлагали ему выгнать Святополка и возвести его на великое княжение. «Нет, – отвечал святой Борис, – не подниму я руки на брата старейшего; умер отец мой, пусть брат будет мне вместо отца». Он распустил войско и собирался в Киев, куда звал его Святополк, обещая ему лучший удел.

Был вечер субботы, 24 июля 1015 года. Борису дали знать, что к нему подосланы убийцы. Он велел священнику петь утреню, сам читал шестопсалмие и канон. Окончилась утренняя; он стоял еще перед иконой и молился: «Господи! Ты пострадал за грехи наши; удостой и меня пострадать за Тебя. Умираю не от врагов, а от брата; не поставь ему того во грех». Затем, причастившись Святых Тайн и простясь со всеми, покойно лег в постель. Убийцы, как звери, ворвались в шатер, пронзили Бориса копьями и, думая, что он умер, вышли вон. Но рана не была смертельна; страдалец опомнился и вышел из шатра. Один из злодеев ударил его копьем в сердце.

Тело святого Бориса тайно привезли в Вышгород и схоронили при церкви святого Василия.

Святополку мало было смерти Борисовой. Он послал к Глебу гонца. «Иди скорее, – велел он сказать ему, – отец тяжело болен и зовет тебя». Глеб спешил в Киев. Он был близ Смоленска, плывя на ладьях по реке Смядыне, когда старший брат Ярослав, княживший в Новгороде, прислал сказать ему, что отец умер, а брат Борис убит Святополком. Глеб оплакал смерть отца и еще более горевал о брате, которого нежно любил. «Не услышу я более кротких наставлений твоих, брат мой любимый. Если получил ты милости у Господа, моли Его, чтобы и я пострадал, как ты; лучше быть мне с тобой, чем в этом злом мире». Так говорил плачущий юноша, рано постигнув суету временной жизни. Скоро встретили его убийцы, посланные Святополком. Спутники Глеба увидали их и схватились за оружие, чтобы защитить любимого князя. Глеб сказал им: «Братцы, если мы не будем драться с ними, они возьмут меня и поведут к брату; если же вступим в бой, они всех нас убьют. Плывите к берегу, а я останусь на середине реки».

Убийцы, приблизившись к лодке святого князя, схватились за оружие. Напрасно Глеб говорил им, что ни в чем не виноват перед братом: злодеи заставили повара Глебова, родом из Торков, зарезать своего господина, вынесли тело князя из лодки и бросили между колодами в глухом лесу³⁰.

За смертью святых страстотерпцев последовало кровавое волнение во всей России. Святополк убил еще брата Святослава, княжившего в земле Древлянской, и вступил в отчаянную борьбу с Ярославом. Воюя то с дикими печенегами, то с поляками, четыре года сряду обаграл он свою Родину кровью. Наконец он встретился с Ярославом в 1019 году на берегах реки Альты, на месте страшного братоубийства. Ярослав молился и сказал: «Кровь невинного брата моего вопиет к Всевышнему!» Три раза возобновлялась битва упорная и жестокая; подобной, по словам летописца, не бывало еще на земле Русской. Наконец Святополк обратился в бегство. Терзаемый тоской, гонимый небесным гневом, беспрестанно слыша за собой мнимую погоню, изверг бежал через Польшу в пустыни Богем-

ские и там кончил гнусную жизнь свою, заслужив проклятие современников и прозвание «окаянного». Заняв престол Киевский, Ярослав прежде всего захотел отдать последний долг страдальцам-братьям. Скоро успел он узнать о месте погребения святого Бориса, но целый год искал напрасно останки святого Глеба. Только в 1020 году тело его было случайно найдено в лесу звероловами, перевезено в Вышгород и погребено подле святого Бориса. Тело святого Глеба, лежавшее пять лет на открытом воздухе, нимало не повредилось от перемен погоды; ни птицы, ни звери плотоядные не коснулись его; оно было белым и цвело нетлением, как живое. Скоро у могилы мучеников начали являться знамения и чудеса. Великий князь Ярослав, по совещании с митрополитом Иоанном, решился открыть мощи новоявленных мучеников, прославленные нетлением и даром чудотворений. С благоговейной радостью перенесли святые мощи в часовню, поставленную на месте церкви святого Василия, которая незадолго перед тем стorerела. Решились соорудить новую церковь и установить праздник в честь мучеников.

Лес приготовили зимой, к дню кончины святого Бориса построили церковь и поставили в ней икону святых князей. 24 июля 1021 года³¹ храм освящен митрополитом Иоанном в присутствии великого князя, при многочисленном стечении народа. Во время литургии хромой, ползавший у раки святых, встал и стал ходить в виду всех. Митрополит поставил открыто на правой стороне церкви мощи первых русских чудотворцев и установил ежегодно праздновать память их в этот день. В 1072 году храм, сооруженный Ярославом, оказался ветхим, и сын его Изяслав построил новый храм. При торжественном перенесении святых мощей из старой церкви в новую мощи святого Бориса были несены князьями, а каменную раку святого Глеба везли на санях. Тогда же совершилось несколько чудес, и положено праздновать каждый год 2 мая перенесение мощей святых страстотерпцев.

«Приидите, восхвалим чудотворцев и мучеников: пострадав законно, они победили врага и ныне, светло украшенные, радостно предстоят Христу. И мы с любовью прославляем память их песнями, взывая к ним: радуйтесь,

заступники вселенной и поборники на врагов; радуйтесь, врачи болящих и прогонители демонов; радуйтесь, любезная чета прекрасных братьев, любимых Христом – Роман славный и Давид чудный»³².

С памятью святого страстотерпца Бориса неразлучна память о верном слуге его, преподобном Ефреме Новоторжском. Ефрем, уроженец венгерский, пришел на службу к князю Борису, вместе с двумя своими братьями – Моисеем и Георгием. Последний из них был при своем князе на берегу реки Альты и хотел прикрыть его собой от последних ударов убийц, когда блаженный Борис, уже раненный, вышел из шатра. Злодеи умертвили Георгия и отрезали ему голову, чтобы снять с шеи золотую гривну. Узнав о смерти князя и любимого брата, Ефрем искал тело Георгия на месте убийства, но нашел только голову его, которую взял с собой. Он принял иночество и удалился на берег реки Тверцы, в селение Новый Торжок. Там построил он странноприимный дом и несколько лет усердно служил странникам. Когда открылись мощи святого князя Бориса и Глеба, преподобный Ефрем по-

строил в честь новоявленных мучеников каменный храм и при нем основал обитель иноческую. Веселясь духом, что в созданном им храме верующие молятся любимому князю его, прославленному Господом, он подвизался в посте и молитве и мирно почил в глубокой старости 28 января 1053 года³³.

Примечания

1 Преосвященный архиепископ Филарет. «История русской Церкви».

2 Летопись Нестора по Лаврентьевскому списку. (По преданию, «святой апостол Андрей Первозванный, просветитель скифов и славян, прибывши из Киева в Новгород, отсюда по реке Волхову достиг Ладожского озера, а потом – Валаама. Там благословил горы каменным крестом, истребил капища Велеса и Перуна, обратил в Христову веру и жрецов идольских и обитавших на острове язычников, положил основание на Валаама исповеданию веры Христовой и оставил пастырям новособранного стада Христова некоторых, сопутствующих ему, учеников. Вот еще когда в Валаама утвердилась православная вера

Христовая! Если признают достоверным предание о пребывании святого апостола Андрея в Киеве и пределах Новгородских, то отчего же не могло быть, чтобы апостол предпринял путешествие на Валаам, где надлежало сокрушить для водворения Христовой веры оплот и господство язычества в северных странах? В рукописи “Оповедь”[2] говорится о сем с полным убеждением в истинности сего предания, следующими словами: “Св. Андрей от Иерусалима прошел Голяд, Косог, Роден, Скеф, Скиф и Словен смежных лугами, достиг Смоленска, и ополчений Скоф и Славянска Великого и Ладогу оставя, в лодью сев, в бурное вращающееся озеро на Валаам пошел, крестя повсюду, и поставлял по всем местам кресты каменные. Ученики же его Сила, Фирс, Елисей, Лукослав, Иосиф, Косма повсюду сделали ограды, и все посадники доезжали до Словенска и Смоленска, и многие жрецы окрестились и капища Перуна и Велеса разрушили и уничтожили”» (Валаамский монастырь и его подвижники. Изд. 3. С.-Петербург, 1903, с. 18–19. – Прим. ред.).

3 То есть в IV веке. – Прим. ред.

4 Об этом событии писали Георгий Амартол и другие византийские историки.

5 Патриарх Фотий пишет в одном из своих посланий: «Руссы преложили нечестивое языческое суеверие на чистую и неблазненную христианскую веру и, приняв епископа, ведут себя как послушные дети и друзья».

6 По Иоакимовой летописи, отысканной Татищевым, Ольга была правнучка Гостомысла, того самого правителя новгородского, который будто бы дал совет призвать Рюрика. (см.: Татищев В.И. «История Российская». М. – Л., 1962, Т. 1, с. 107–119 – Прим. ред.).

7 О пребывании Ольги в Царьграде и о крещении ее сохранилось много подробностей в сочинении императора Константина (имеется в виду его сочинение «Об обрядах или церемониях Византийского двора» – Прим. ред.).

8 Этот крест был взят впоследствии в Троицкий собор и там сгорел в 1509 году. Святая Ольга поставила также кресты в Никольском погосте на реке Нарове и в других местах Псковской стороны. Некоторые из них были еще целы и в XVI веке.

9 На месте, где стояла блаженная княгиня,

напротив Псковского Кремля и Троицкого собора, находится теперь часовня блаженной княгини Ольги, при источнике, из которого и летом и зимою струится чистая вода, имеющая целебное свойство.

10 Из службы святой Ольге, в Минее 11 июля.

11 Иаков Черноризец в Похвале Владимиру. «Христианское Чтение» за 1849 г.

12 Мощи мученика Иоанна-младенца почивают в Антониевой пещере. К нему прибегают с молитвою о чадородии не имеющие детей. Где находятся мощи отца его Феодора – неизвестно. Празднование памяти Феодора и Иоанна означено в прологе XV века под 12-м числом мая.

13 Город Корсунь (Херсон) находился на Таврическом полуострове, в двух верстах от нынешнего Севастополя. В недавнее время заложен на этом месте храм во имя святого князя Владимира.

14 Так как Владимир отправился в Корсунь весною, в марте, а имя святого Василия, которым назван крещеный Владимир, указывает в таком случае на святого Василия Парийско-

го, празднуемого 12 апреля, и Пасха 988 г. была в 8-й день апреля; то крещение князя Владимира по всей вероятности происходило 8 апреля, в день Святой Пасхи, что согласно и с древним обычаем креститься в этот праздник. А крещение киевлян, по одному древнему известию (Синодальная рукопись N 323), совершилось 1 августа того же года. См. «Русские Святые» преосвященного Филарета Черниговского, июль, с. 98.

15 Владимир привез с собою из Корсуни мощи святого Климента, папы Римского, и ученика его Фива; честные кресты (может быть, те самые, которые назывались Корсунскими и Владимировыми в Новгороде и теперь находятся под тем же именем в Московском Успенском соборе) и многие иконы, в том числе иконы Спасителя (теперь в том же соборе в Москве), Богородицы и первоверховных апостолов (обе в Новгородском Софийском соборе, куда, по преданию, присланы от самого Владимира). Он привез также с собою в Киев двое ворот из коринфской меди.

16 В Киевском Синописе рассказывается, что, когда идол Перуна плыл рекою, суевер-

ные язычники бежали по берегу и кричали: «Выдыбай!», то есть выплывай. Он действительно выплыл на берег, и это место названо Выдибичи, или Выдубичи. Впоследствии там сооружен Выдубицкий Михайловский монастырь.

17 В народе сохранилось присловие о крещении новгородцев. «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем».

18 Рогнеда постриглась и назвалась Анастасией. Рассказ об ответе ее Владимиру взят из Тверской летописи (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Ч. I, с. 478).

19 Черноризец Иаков в похвале Владимиру (монах Киево-Печерского монастыря Иаков жил в XI веке. – Прим. ред.).

20 Святополк рожден от жены Ярополка, гречанки, которую Владимир, убив брата, взял к себе беременною.

21 При Дворе Владимира являлся и другой латинский миссионер – Бруно (Русская Беседа. Ч. I, стр. 11). Он ходил проповедывать к печенегам.

22 Вероятно, святой Владимир прожил около 60 лет.

23 «Похвала кагану нашему Владимиру, писанная митрополитом Иларионом» (Прибавление к творениям святых отцов. Ч. II, с. 281). Сегодня это произведение более известно как «Слово о Законе и Благодати» – по церковной традиции читается в день памяти святого равноапостольного князя Владимира, 15 июля (см.: Минея, июль. Ч. III, с. 405–414) – Прим. ред.

24 Черноризец Иаков для успокоения современников говорит: «Не будем дивиться, возлюбленные, если он по смерти не творит чудес: многие праведники не творили чудес и, однако, святы», – и потом приводит слово Златоуста, который учил, что святые люди узнаются не по чудесам, а по делам.

25 «Тогда же взяты из гроба некоторые останки просветителя России, известные доныне, каковы: глава благоверного князя, находящаяся в Великой церкви Киево-Печерской Лавры, челюсть – в Московском Успенском соборе и ручная кисть – в Киево-Софийском соборе» (Преосвященный митрополит Макарий. «История Русской Церкви». Ч. 1, с. 68).

26 Из службы святому Владимиру. Она известна по рукописи XIII века и писана во время уделов, как видно из последних слов тропаря: «Моли спастися державы твоя начальником, христолюбивым князем и множеству владомых».

27 По летописи Иоакимовой, Борис и Глеб родились от греческой царевны Анны, а по свидетельству Нестора и черноризца Иакова – от христианки Болгарыни.

28 При жизни Владимира получили уделы: Изяслав, Ярослав, Борис, Глеб, Святослав, Всеволод, Мстислав и Святополк.

29 Древнее житие свв. Бориса и Глеба в Чтениях в Императорском Московском Обществе Истории и Древностей Российских. 1858, книга I, с. 4.

30 Преподобный Нестор замечает о мученической кончине святых князей: «Видите ли, как важна покорность старшему брату? Если бы они воспротивились ему, то едва ли бы удостоились такого дара от Бога. Потому что и ныне много юных князей, которые не покоряются старшим, сопротивляются им и бывают убиваемы; но они не достаиваются

благодати, как сии святые братья».

31 «Русские святые», июль, с. 137.

32 Из службы святым Борису и Глебу, находящейся в рукописи XII века. В «Истории Русской Церкви» преосвященного Макария (ч. 1, с. 244–250) помещена служба полнее, как весьма древний и, вероятно, первый опыт песнопений Русской Церкви.

33 Мощи преподобного Ефрема, обретенные в 1572 году, почивают открыто в соборной церкви Новоторжского Борисоглебского монастыря. При них нетленная глава брата его Георгия, которая по завещанию преподобного Ефрема была положена с ним в могилу.

Глава II

Разделение России на уделы. Великий князь Ярослав I. Распространение христианства. Различие между православной и латинской проповедью Евангелия. Иерархия Русской Церкви. Способы содержания духовенства. Церковное управление. Уставы Владимира и Ярослава о судах церковных.

Разделение России на уделы имело гибельные последствия для государства; но Про-

мысл Божий и из этого вели кого зла извлек благо для Церкви Своей. Сыновья святого Владимира, просвещенные христианством, отправляясь в свои уделы, брали с собой священников, созидали храмы и заботились о водворении христианства. Исторические предания свидетельствуют, что святой Борис содействовал утверждению веры в Ростове, Мстислав – в Тмутаракани, Судислав – в Пскове, Изяслав – в Полоцке и что святой Глеб несколько раз, хотя и безуспешно, пытался просветить Крещением жителей Мурома.

Князь Ярослав Владимирович Мудрый *Реконструкция М.М. Герасимова*

Ярослав-Георгий, которого преподобный Нестор называет христороубцем, а позднейшие историки – великим и мудрым, сделавшись единодержавным обладателем России, ревностно продолжал святое дело равноапостольного отца своего, употреблял все средства к утверждению в Русской земле веры Христовой, заботился о распространении священных и назидательных книг, повелевая писцам своим списывать их и предлагать для

чтения всем желающим; создал в Киеве великолепный Софийский собор по образцу знаменитого храма, воздвигнутого Юстинианом в Константинополе, хотя и в меньших размерах, и украсил его мозаическими картинами и византийскими фресками¹. Он построил еще несколько храмов в разных областях своего обширного государства, даже самых отдаленных, как, например, в Чудской стороне, где он основал г. Юрьев (ныне Дерпт) с храмом Ангела своего, святого великомученика Георгия. Везде, где мог, он заводил училища; любил духовенство и иноков; ревностно заботился укоренить благочестие в собственном благословенном семействе. Супруга его Анна и сын Владимир прославлены от Бога святостью и нетлением.

Святая благоверная княгиня Анна, дочь шведского короля Олава, называлась в язычестве Индегердою, а во святом Крещении Ириною. По кончине супруга она постриглась с именем Анны и скончалась 10 февраля 1050 года.

Святой князь Владимир Ярославич Новгородский в юных летах получил от родителя

Новгородское княжение и княжил там 18 лет. Оставив о себе незабвенную память сооружением Софийского собора, первой и важнейшей святыни Великого Новгорода, донныне уцелевшей во всей древней красе своей, он преставился на 33-м году от рождения², 4-го октября 1052 года, и был погребен в апсидной (красного шифера) гробнице рядом с матерью блаженной княгиней Анной в Корсунской паперти Софийского собора³.

Возвратимся к рассказу о распространении христианства при святом Владимире равноапостольном и ближайших его преемниках.

На юге России, близ средоточия власти духовной и княжеской, проповедь евангельская имела наиболее успеха: в конце XI века там было семь епископий⁴; не только по городам, но и по многим селениям стояли храмы христианские. Между тем восток России еще мало был знаком с христианством, а в северо-восточных дебрях и болотах еще господствовало язычество; оно держалось там даже и в начале XII века. Святители и смиренные иноки принимали на себя трудный подвиг просве-

щать светом истины грубых язычников.

В Новгороде, как мы уже видели выше, дело первоначального обращения народа обошлось не без сопротивления, которое надлежало укрощать силой. Окончательное утверждение святой веры в Новгороде суждено было первому Новгородскому епископу, блаженному Иоакиму. Прибыв к своей пастве, он ниспроверг остальных идолов, построил деревянный соборный храм и при нем основал монастырь, называвшийся Десятинным⁵. Ревнуя о христианском просвещении, он поставил ученика своего Ефрема в должность наставника в училище, куда Ярослав велел собрать до 300 детей. Пастырские труды блаженного Иоакима продолжались 37 лет (993 – 1030)⁶.

В области Ростовской, несмотря на ревностные подвиги первого епископа Феодора, многие жители еще не принимали Крещения и были столько упорны и неприязненны к святителю, что он принужден был покинуть Ростов и переселиться в Суздаль, где проповедь его была успешнее⁷.

Дикая страна вятичей оставалась в языче-

стве до конца XII века. Один только из древнейших городов ее, Курск, был христианским городом ранее прочих соседних мест.

Удел святого Глеба – Муром – также долго упорствовал в язычестве, чему способствовало в особенности то обстоятельство, что после кончины святого Глеба Муромская область долго оставалась без близкого княжеского надзора. Первый из князей, поселившихся в Муроме, святой Константин (Ярослав) Святославич, внук Ярослава Первого, отправил сына своего князя Михаила для убеждения муромцев в покорности; но язычники убили юного князя и выбросили тело его из города. Когда Константин приступил к Мурому с войском, жители согласились принять его на княжение, но не захотели принимать новой веры. Константин построил первую церковь Благовещения над могилой сына своего и однажды, когда муромские язычники собрались с оружием, чтобы убить его, вышел к ним один с иконой Богородицы в руках. Пораженные ужасом, язычники пали на землю, единогласно прося крещения. Через несколько дней после этого чудесного обращения весь

народ муромский торжественно крещен в реке Оке⁸.

Во многих местностях, особенно на севере, распространение святой веры встречало препятствия. Особенно волхвы, друзья невежества и чувственных страстей, старались быть опорой падающего язычества. Суеверия еще долго держались в народе усилиями волхвов, пока власть их над народом не была ослаблена подвигами пастырей Церкви.

Несмотря на препятствия со стороны язычества, христианство нигде не водворялось так мирно, так быстро, как водворилось в России. Сколько борьбы и страданий вытерпели исповедники имени Христова между греками и римлянами! Сколько пролито крови при введении христианства в разных странах Западной Европы и в Америке! В России же не было ничего подобного. Говорят, что русский народ, всегда кроткий и мало испорченный язычеством, спокойно принимал крещение из покорности к уважаемому князю и тем охотнее, что в течение ста лет (от Аскольда до Владимира) привыкал видеть христиан близ себя. Эти причины справедливы; но почему

же они не оказали того же влияния при обращении западных славян? Последние – тот же народ, как и славяне восточные, с тем же характером кротости и миролюбия; они жили целое столетие в соседстве западных христиан, тогда как наши предки с трех сторон окружены были язычеством. Однако между западными славянами латинские миссионеры гибли от ярости озлобленного народа, который проливал кровь за своих мнимых богов и не хотел покориться Евангелию.

Значит, мало было одного кроткого народного духа, мало и долговременного знакомства с соседями-христианами. Что же еще нужно было для мирного успеха святой веры?

Необходимо сеять слово Божие так, как сеяли апостолы Христовы и последователи их – проповедники Православной Восточной Церкви.

Латинский миссионер приходил к язычникам с огнем и мечом, с жестоким насилием и корыстолюбивыми притязаниями; проповедуя Христа Распятого, он в то же время проповедовал царскую власть папы Римского. Проповедник восточный не опоясывался мечом,

не проливал крови, не зажигал костров; он приходил не с войском, а с картиной Страшного Суда, не требовал земных выгод, не отягчал никого новой земной властью.

Латинский миссионер приносил с собой латинскую Библию, непонятную для народа, к которому он приходил. Проповедник православный приносил Священное Писание в переводе на язык того народа, к которому он обращался с проповедью; сила его проповеди заключалась в силе Слова Божия; вместо него действовала на душу язычника сама Библия. Так было и в России, для которой уже был готов перевод Священных книг – труд святых Кирилла и Мефодия.

Церковная иерархия и правление Церкви, со времени Крещения Руси при святом Владимире, были устроены по образцу Православной Восточной Церкви. Главный архипастырь – митрополит Киевский и всей Руси – избирался и поставлялся в Царьграде от Вселенского Патриарха; начальствовал над епископами, но управлял Церковью не самовластно, а во всех важных случаях сзывал епископов на совет. Князья называли его «от-

цом». Он принимал деятельное участие в делах общественных, мирил князей, поднимал их на защиту родной земли, останавливал народные волнения.

К счастью новопросвещенной страны, между первыми митрополитами Киевскими было несколько мужей богоугодных. Первый святитель и просветитель земли Русской, ревностный подражатель апостолов, митрополит Михаил, скончался в 992 году. Мощи его прославлены нетлением⁹. Иларион был прежде старшим священником в селе Берестове, где был летний дворец великого князя и где, по примеру отца, любил жить Ярослав, обогащая церковь и причет своими дарами. Блаженный Иларион и тогда был известен великому князю как постник, муж добродетельный и просвещенный. Не довольствуясь священническим служением, он налагал на себя особенные подвиги. Из Берестова часто удалялся он на соседнюю гору, покрытую тогда дремучим лесом, выкопал себе там пещерку в две сажени и в ней предался уединенной молитве и богомыслию, удаляясь от шума житейского. Такие подвиги располагали к нему

благочестивого князя и возвышали его в общем мнении народа. В 1051 году Ярослав собрал собор епископов в Киеве и предложил им посвятить Илариона в сан митрополита¹⁰. Тогда в первый раз первосвященитель Русский был избран и посвящен собором Русских святителей, по воле Русского самодержца, и из природных русских; в первый раз обнаружилась мысль, что и наша Церковь, подобно многим другим, может сделаться независимой в собственном управлении, не нарушая ни канонов церковных, ни уважения к Патриарху Цареградскому. Перед посвящением Иларион был пострижен в монашество¹¹, а после посвящения испросил себе благословение и утверждение Цареградского Патриарха. О пастырских подвигах блаженного Илариона не сохранилось подробных сведений, но преподобный Нестор замечает, что тогда «вера христианская начала плодиться». В правление Илариона развивалось устройство церковного богослужения и пришли из Греции певцы для обучения русских стройному действительному пению. Тогда же начало процветать русское духовное просвещение: сам Иларион на-

писал «Слово о Законе и Благодати», направленное против иудеев, «Похвалу равноапостольному Владимиру», «Исповедание веры и нравственное наставление». В его же время положено основание Лавре Печерской, которая, как увидим ниже, имела большое значение в истории Русской Церкви. Блаженный Иларион преставился около 1067 года, проведя несколько последних лет в схиме, в пещерном монастыре. Мощи его нетленно почивают в пещерах преподобного Феодосия¹².

Митрополит Иоанн II, посвященный в 1080 году в Константинополе, заслужил имя «добророго». Современный летописец говорит о нем: «Подобного ему еще не было на Руси, да и не будет. Был муж, сведущий в книгах, искусный в учении, милостивый к убогим и вдовицам, равно ласковый к богатому и бедному, смиренный и молчаливый, владевший даром слова и утешавший святыми беседами печальных».

Ефрем, скопец, любимец и казначей великого князя Изяслава, постриженник Печерский, изучивший впоследствии монашескую жизнь на востоке, вынес оттуда знание уста-

ва иноческой жизни и благочиния Церковного. Возведенный в сан епископа Переяславского, он управлял делами митрополии за болезнью митрополита Иоанна III и в 1090 году называется митрополитом, хотя постоянно жил в Переяславле-Южном, укрепив его каменной стеной и украсив несколькими храмами. Блаженный Ефрем установил празднование 9 мая, в память перенесения мощей святителя Николая Чудотворца из Ликии в италийский город Бар, завел в разных местах больницы для безмездного пользования больных и за благодеяния свои получил от Господа дар творить чудеса при жизни и после смерти. Преставился в первых годах XII века и погребен в построенной им соборной Архангельской церкви в Переяславле. Ныне мощи его почивают в Антониевых пещерах.

Епархии управлялись епископами. Избрание епископа в удельном княжестве почти всегда зависело от князя, который представлял избранного митрополиту для посвящения. Власть епископа, сообразно с правилами Православной Церкви, была чисто духовная. Он поставлял служителей алтаря, судил их и

наказывал по правилам Церковным. Епископы призывались на совещания народные, мирили князей в их распрях, и князья не решались на важные предприятия без благословения архипастырей. Более других епископов участвовал в гражданском управлении Новгородский владыка, избираемый (после кончины Ярослава I) народным вече с участием князя, игуменов и Софийского причта.

Способы содержания митрополита и епископов состояли из десятины доходов, пожертвованных князьями в пользу Церкви, из судебных пошлин и из доходов с недвижимых имений, пожертвованных в пользу Церкви¹³. Эти доходы митрополит и епископы употребляли не для себя одних, но и на содержание соборного храма с его причтом, на пропитание нищих, больных, странников, сирот и вдов, на пособия потерпевшим от пожара и неурожая, на возобновление храмов и монастырей. Так дом каждого святителя был домом призрения всякой нищеты.

Приходские храмы иногда обеспечивались жертвованиями своих строителей и благотворителей. Христолюбец Ярослав, поставляя

храмы по городам и селам, давал священникам «от имени своего урок», т. е. определенное жалованье. Общим же источником содержания причтов были добровольные приношения от прихожан, как это издревле и постоянно существовало в Церкви Восточной.

Православная Церковь Русская управлялась на основании Греческого Номоканона (называвшегося позднее Кормчей книгой), принесенного в Россию из Царьграда вместе с православной верой. Усердием двух христианских князей – равноапостольного Владимира и сына его Ярослава, даны два новых устава, касающиеся Церковных дел, по духу и по существенным основаниям совершенно согласные с древними Церковными правилами, но в некоторых частностях примененные к особенным потребностям Православной Церкви среди русского народа¹⁴.

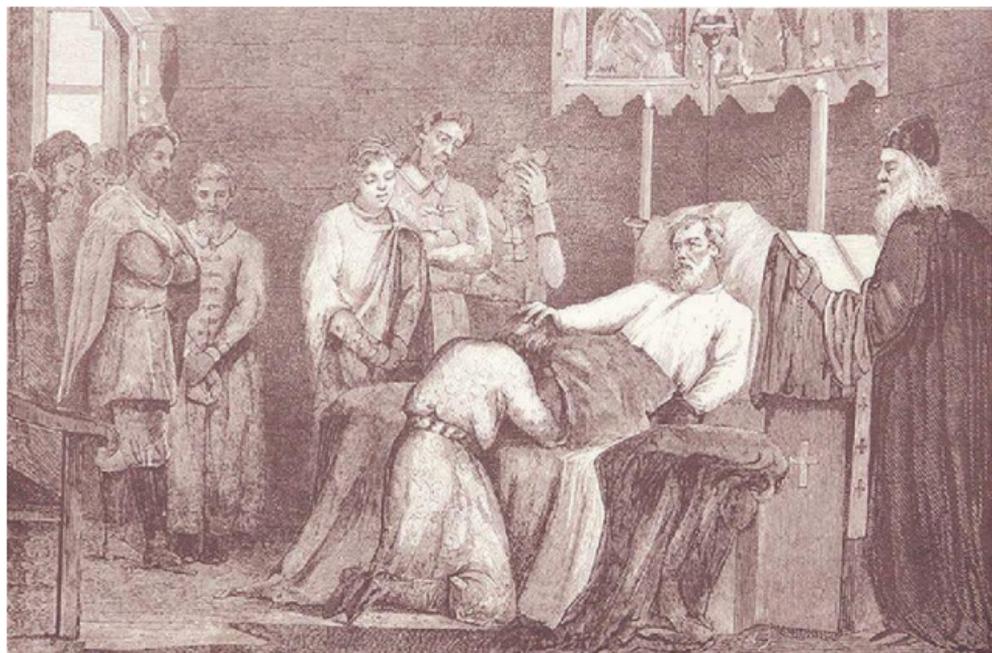
Церковный устав святого Владимира дошел до нас в разных списках, более или менее пространных и относящихся к разному времени (от XIII до XVII века). Он состоит из трех существенных частей. В первой из них говорится о десятине, дарованной великим кня-

зем в пользу созданной им в Киеве церкви Пресвятой Богородицы. Во второй части исчисляются предметы суда церковного, переданного митрополиту и епископам, или те преступления, по которым должны подлежать суду Церкви все христиане земли Русской. К таким преступлениям отнесены: 1) дела против веры и Православной Церкви, как-то: суеверие, еретичество, колдовство или волшебство, отправление языческих обрядов, святотатство, оскорбление храмов и ограбление могил; 2) дела семейные: похищение жен, вступление в брак в запрещенных степенях родства и свойства¹⁵, ссоры между мужем и женой, обличенное прелюбодеяние, оставление матерью незаконнорожденного младенца, противоестественные пороки, оскорбление родителей и тяжбы о наследстве. Третья часть заключает в себе лиц, подлежащих ведомству Церкви. Здесь поименованы: 1) лица, служащие Церкви: игумен, поп, диакон и те, кто в клиросе (причетники), попадья, попович, чернец, черница и просвирница; 2) лица, принятые под покровительство Церкви и получающие содержание из церковных дохо-

дов: вдова, слепец, хромец, калека, лечец (врач), прощенник (получивший чудесное исцеление), прикладень или прикладник (человек, находящийся под епитимией, и потому временно отданный в руки Церкви), задушный человек (раб, отпущенный на волю по духовному завещанию господина), странник и паломник. Сверх того, тот же устав предоставляет, по примеру Византийского законодательства, наблюдению епископов городские весы и всякие мерилы и воспрещает тиунам, или судьям, нарушать церковные суды или судить их без святительского наместника.

Христолюбивый Ярослав в дополнение церковного устава, данного отцом его, дал свой устав по церковным делам при митрополите Иларионе, незадолго до своей кончины. Этот устав, дошедший до нас в многочисленных разнообразных списках, имеет свои особенности. О некоторых предметах, изложенных в уставе святого Владимира, он вовсе не упоминает, как-то: о десятине в пользу Церкви, о торговых мерах и весах, о тяжбах за наследство. О других предметах, например, о

преступлениях семейных и нарушающих целомудрие, о незаконных браках и разводах, о незаконном рождении детей, в уставе Ярослава говорится гораздо подробнее, нежели в уставе святого Владимира.

Кончина Ярослава Мудрого. Наставление детям.

Отличительные черты Ярославова устава состоят в следующем: 1) суд церковный отделяется от светского или княжьего; 2) определяются более ясным и точным образом степе-

ни преступления и виды наказаний – епитимии, денежные пени и градские казни. Назначение последних предоставляется князю, – существенное различие уголовного суда древней России от Западной Европы, где право налагать уголовные наказания было предоставлено судьям церковным; 3) оставляя неприкосновенным святительский суд над лицами, подведомственными Церкви, Ярослав исключает из этого суда дела уголовные (душегубство и кражу с поличным). Если кто из лиц, состоящих в ведении Церкви, был обвиняем в этих делах, то подлежал суду смешанному, т. е. княжьему вместе с церковным.

Церковные уставы Владимира и Ярослава имели повсеместное значение в земле Русской. Удельные князья, со своей стороны, делали применение этих уставов в своих областях по своему, конечно, усмотрению.

Примечания

1 Киевский Софийский собор заложен в 1037 году; год окончания и освящения его неизвестен. День освящения, 4 ноября, установлено было праздновать ежегодно. Многие

мозаики и фрески уцелели до нашего времени.

2 Новгородский Софийский собор основан в 1045 году и освящен 14 сентября 1052 года. В алтаре его сохранилась мозаика, а в средней главе – изображение Спасителя со сжатой рукой; то и другое современно построению собора. Более подробные сведения о Новгородском Софийском соборе – в книге моей: «Святыни и древности Великого Новгорода», с. 7–64.

3 Нетленные мощи святых князя и княгини в 1652 году перенесены Новгородским митрополитом Макарием из притвора в собор и переложены в новые деревянные гробы. Впоследствии они переложены в серебряные раки: мощи св. княгини Анны – в 1861 году, а мощи св. князя Владимира – 7 сентября 1862 года, накануне торжества тысячелетия России. Деревянная рака, в которой нетленные останки блаженного князя покоились более 200 лет, сохранилась совершенно свежей, как бы новая.

4 В Киеве, Чернигове, Белгороде, Юрьеве, Турове, Переяславле, Владимире-Волынском и Тмутаракани. Тогда же на севере Руси было

только три епископа: в Новгороде, Полоцке и Ростове.

5 Вероятно, потому, что в пользу архиерейской кафедры собиралась десятина. Впрочем, этот монастырь существовал недолго, и последующие летописцы о нем не упоминают.

6 Блаженный Иоаким и блаженный Лука, по прозванию Жидята, первый из русских удостоенный сана епископского, местно чтятся в Новгороде. Мощи их перенесены в XVII веке в золотую или Мортирьевскую паперть Софийского собора. После блаженного Луки сохранилось пастырское поучение (История Русской Церкви Преосвященного Макария. Ч. 1, с. 262–263).

7 Мощи святого Феодора, первого епископа Ростовского и Суздальского, открыто почивают в Суздальском соборе.

8 Подробное исследование о времени и происхождении святого князя Константина можно видеть в Истории Русской Церкви Преосвященного Филарета, ч. 1, с. 23–24. Нетленные мощи святого князя Константина и сыновей его Михаила и Феодора обретены 21 мая 1553 года и положены открыто в Благо-

вещенской церкви монастыря, основанного в то же время по обещанию царя Иоанна Грозного.

9 Мощи святого митрополита Михаила погребены в Десятинной церкви, обретенны нетленными в 1103 году и тогда же перенесены в Антониеву пещеру, а в 1730 году – в Великую церковь Печерскую. По Иоакимовой летописи он был родом из Болгарии южной.

10 Нет достоверных сведений о том, почему Ярослав не хотел принять митрополита из Константинополя; но можно полагать с вероятностью, что после войны, вероломно начатой греками и оконченной страшной жестокостью – ослеплением 800 русских пленных, он хотел порвать единственную нить своей зависимости от Греческого императора, по воле которого, как известно, поставлялись Русские митрополиты в Константинополе. Впрочем, нет сомнения, что избрание и посвящение Илариона было правильно: по древним правилам Церкви, избрание митрополита предоставлено было епископам той области, для которой он избирался (Апостольские правила – Первого Никейского Собора

правило IV).

11 В Исповедании своем Иларион говорит: «Аз милостью человеколюбивого Бога мних и пресвитер Иларион, от богочестивых епископов священ был...» (Прибавления к Творениям святых отцов. Т. II. с. 255).

12 О том, что мощи блаженного митрополита Илариона почивают в пещере с именем преподобного Илариона-схимника, смотри Историю Русской Церкви Преосвященного Филарета. Ч. 1, с. 126, и «Сказания о жизни и подвигах св. отцев дальних пещер Киево-Печерской Лавры» игумена Модеста. Во многих древних рукописях митрополит Иларион называется святым, а в Киевском каталоге Русских архиереев сказано о нем, что он «положен был в Печерском монастыре и крайней ради его добродетели был свят и чудотворец предивен».

13 Начало владения недвижимыми именами относится к самым древним временам Русской Церкви; о них упоминается еще в уставах святого Владимира и Ярослава. Для Печерской обители еще при жизни прп. Феодосия пожертвованы были поместья.

14 Хотя Номоканон был положен в основание уставов Владимира и Ярослава, но эти последние разнятся от Греческого Номоканона некоторыми особенностями. Так, например, святой Владимир дал русскому духовенству десятину, которой не пользовалось духовенство греческое. Дела о публичных играх, о самоубийцах, о публичных банях, о рабах, отыскивающих свободу, о лихоимстве, отнесенные Номоканоном к духовному суду, не упомянуты в Русских церковных уставах, а в «Русской Правде» Ярослава почти все подчинены суду гражданскому.

15 Браки были допущены между правнучатыми и далее, брак между внучатыми считался незаконным и подлежал расторжению. Четвертый брак был безусловно запрещен; третий хотя считался осквернением, но разрешался под некоторыми условиями. Самовольный развод наказывался денежной пеней и сверх того княжеским судом («князь казнит»).

Глава III

Начало иночества в России. Основание Киево-Печерской обители. Преподоб-

*ные Антоний и Феодосий. Сооружение
Великой церкви.*

Церковные уставы святых Владимира и Ярослава упоминают об игуменах, чернецах и черницах. И действительно, некоторые монастыри мужские и женские существовали со времени Крещения Русской земли¹. Но эти обители, основанные князьями или епископами при кафедрах, известны почти только по имени и не сделались рассадниками русского иночества, доколе не возникла дивная обитель Киево-Печерская.

«Много монастырей, – пишет преподобный Нестор-летописец, – поставлено от князей, от бояр и от богатства; но не таковы они, каковы поставленные слезами, пощением и молитвой. Антоний не имел ни золота, ни серебра, но все стяжал слезами и постом».

Антоний, в мире Антипа, родился в местечке Любече, недалеко от Чернигова. Здесь поныне показывается пещера, в которой юный Антипа испытывал силы свои в великих подвигах иночества. «Бог положил ему на ум, – говорит преподобный Нестор, – желание странствовать, и, странствуя, достиг он Свя-

той Горы (Афонской). Здесь он смотрел многие обители чудные и, возжелав облещись в чернические ризы, молил игумена одной из обителей постричь его; тот возложил на него монашеский образ, назвав его Антонием, и учил его монашескому чину». По примеру большей части тогдашних черноризцев Афонских, Антоний избрал для себя образ жизни отшельнический. Близ одного монастыря Афонского, Есфигмена, в котором он принял пострижение, доселе называют пещеру, где начал свои подвиги первоначальник иноков русских. Успехи его в духовной жизни, постоянно возраставшие, радовали всех. Тогда игумен сказал ему: «Антоний! Иди опять в Россию, и да будет тебе благословение от Святой Горы; от тебя произойдет множество черноризцев».

Антоний пришел в Киев (около 1028 года) и, ища себе здесь места для жительства, обходил монастыри, но не захотел ни в одном из них остаться. Затем начал ходить по дебрям и горам и пришел на холм, где существовала уже небольшая пещера, ископанная священником Иларионом (впоследствии митрополи-

том). Возлюбив это место, преподобный Антоний поселился на нем и выкопал себе пещеру при подошве холма, пребывая в молитве, трудах, посте и бдении, не давая себе покоя ни днем, ни ночью; сухой хлеб, и то через день, был его пищей; простая вода, и то в меру, была его питьем. Вскоре о подвигах Антония узнали люди: одни приносили ему необходимое для жизни; другие просились к нему в сожителство.

Первый поселился при нем преподобный Никон, иеромонах, которому преподобный Антоний поручал постригать приходивших к нему впоследствии. В 1032 году пришел Феодосий.

Замечательна жизнь этого избранника Божьего с самых первых лет его юности. Родившись в городе Василеве (близ Киева) и вскоре переселившись с родителями в Курск, Феодосий едва начал приходить в сознание и возраст, как уже обнаружил в себе самое благочестивое настроение души. Каждый день ходил он в церковь и со всем вниманием слушал Божественную службу; чуждался детских игр, не любил светлых одежд, какие давали

ему родители, а облакался в простые и убогие; сам упросил родителей отдать его на учение книжное к одному из городских учителей и вскоре так успел в знание Священного Писания, что все чудились премудрости и разуму мальчика; он отличался совершенной скромностью и покорностью не только учителю, но и соученикам своим. На 13-м году лишившись отца своего и оставшись под надзором матери – женщины строгой и упорной, не сочувствовавшей влечению сердца его, хотя и пламенно любившей сына, – Феодосий еще более начал подвизаться. Смирение его простиралось до того, что он с рабами своими, в простой одежде, ходил на работы; по-прежнему удалялся игр со сверстниками и не хотел надевать нарядной одежды, несмотря ни на увещания матери, ни даже на сильные от нее побои. Услышав о святых местах Палестинских и встретив странников, которые шли туда, Феодосий упросил их взять его с собой и тайно от матери ушел с ними. Мать догнала его, наказала побоями и несколько времени держала в оковах. Сын принужден был остаться дома и по-прежнему часто ходил в

церковь. Заметив, что литургия совершается редко по недостатку просфор, он стал печь просфоры; потом возложил на себя железные вериги. Но когда мать заметила это по крови на одежде сына, она сорвала с него вериги.

Но ничто уже не могло удержать юношу от стремления к подвижнической жизни. Тайно от матери ушел он в Киев, обходил там все монастыри и наконец пришел к преподобному Антонию, подвизавшемуся в пещере. Бросившись к ногам отшельника, юноша со слезами умолял принять его к себе. «Чадо, – сказал ему Антоний, – видишь пещеру мою; она трудна для жизни, место мое тесное. Ты молод, не вытерпишь». Феодосий отвечал: «Сам Бог привел меня к твоей святыне; буду делать все, что ты мне повелишь». Принятый в пещеру, Феодосий, по приказанию Антония, был пострижен Никоном и со всем жаром чистой души предался трудам подвижничества, так что опытные старцы Антоний и Никон дивились подвигам юноши. Еще раз надлежало ему вытерпеть борьбу с материнской любовью: мать отыскала его и насильно влекла к себе, но Феодосий убедил ее оставить мир и

постричься в женской обители при церкви святителя Николая, на могиле Аскольдовой.

Жизнь пещерная была вообще строга. Отшельники питались одним ржаным хлебом; в субботу и в воскресенье они ели сочиво (вареный горох или бобы). Чтобы иметь хлеб, занимались простым рукоделием; продавали его, покупали рожь и, разделив ее между собой, сами мололи на ручных жерновах. По окончании утрени копали землю в огороде; после литургии трудились в подземных своих кельях. Феодосий трудился более обоих старцев. Крепкий телом, он брал на себя часть их работы: носил за них воду, рубил дрова, молот рожь. Иногда в знойную ночь, обнажив плечи и грудь, он отдавал тело свое в пищу комарам и мошкам, кровь текла по нему, а он спокойно пряд и пел псалмы. В храме, устроенном в пещере, являлся он прежде других и, став на месте, не сходил с него до конца службы.

Тогда, по словам преподобного Нестора, три светила сияли в пещере: Антоний, Никон и Феодосий. Вскоре присоединился к ним еще один подвижник – преподобный Моисей Уг-

рин (Венгерец), родной брат Георгия и Ефрема, вместе с ними служивший у князя Бориса. Когда святой Борис был умерщвлен на реке Альте, он один уцелел из слуг князя и скрылся у сестры его, княжны Предиславы. После того он попался в плен и отведен в Польшу, где томился пять лет в оковах. Крепкий телом и красивый лицом, он невольно обратил на себя внимание одной знатной и богатой польки. Воспламененная страстью, она выкупила его из оков и всячески старалась привлечь к себе. Но напрасно источала она ласки и угрозы; напрасно заключала его в темницу и томила голодом; напрасно предлагала свои богатства и даже предлагала свою руку; напрасно жаловалась на своего невольника королю Болеславу, которого благословением пользовалась: ничто не могло поколебать нового целомудренного Иосифа. Дав Богу обет быть иноком, он вскоре получил возможность достигнуть своей цели: к нему пришел афонский черноризец и тайно постриг Моисея.

Узнав, что пленник – уже инок, искусительница запылала злобой, велела ежедневно бить его палками и наконец – сделать ев-

нухом, так что страдалец, истекая кровью, едва остался жив; а Болеслав в угоду неистовой женщине выгнал всех черноризцев из своих владений. Суд Божий не замедлил покарать нечестие и неправду: Болеслав умер внезапно; поднялся мятеж в земле ляхов, много панов было избито народом, и в числе их погибла и та нечестивая полька, которая мучила целомудренного Моисея. Это было около 1027 года. Мало-помалу собравшись с силами и оправившись от жестоких страданий, многострадальный Моисей спустя несколько лет пришел в пещеру к преподобному Антонию. Здесь провел он десять лет в посте и молитвах, но был постоянно больной и слабый телом. За великую победу над нечистой страстью Господь дал ему власть врачевать эту страсть и в других. Один брат, мучимый волнением плоти, пришел к преподобному Моисею и просил у него помощи. «Во всю жизнь не говори ни с одной женщиной», – сказал мученик целомудрия и коснулся тела брата своего посохом, без которого не мог ходить от прежних терзаний; нечистая страсть утихла, и брат освободился от искушения. Преподоб-

ный Моисей предузнал блаженную свою кончину².

Слава преподобного Антония привлекла в пещеру его еще двух подвижников из знатных бояр. У первого боярина при великом князе Изяславе (сыне Ярослава I) был сын, который любил слушать беседу преподобного Антония и его сподвижников и пожелал по примеру их отречься от мира. Отвергая мирскую пышность, оставив жену и дом отца, он просил о пострижении. Антоний напомнил ему о важности обетов иноческих, о власти отца, о гневе великого князя. Юноша отвечал, что готов потерпеть даже мучения, но не возвратится в мир. Тогда Никон постриг его по воле Антония и назвал Варлаамом.

В то же время пришел к дивному старцу другой любимец великого князя, скопец, пользовавшийся полным доверием Изяслава. По усердной просьбе его он был также пострижен и назван Ефремом.

Пострижение этих двух важных лиц сильно прогневало Изяслава; он потребовал к себе Никона, с гневом допрашивал его и велел ему убедить новопостриженных воротиться до-

мой, угрожая в случае неисполнения его воли сослать в заточение всех старцев и раскопать пещеру. «Делай, что хочешь, – отвечал преподобный Никон, – а я не могу отнимать воинов у Царя Небесного». Антоний и сподвижники его удалились из своей пещеры с намерением перейти в другую область. Княжий отрок известил о том князя. Супруга Изяслава, родом польская княжна, вступилась за пещерных иноков. «За какое-то дело, – говорила она мужу, – король Болеслав изгнал черноризцев, и много бед вышло из того в Польской земле». Изяслав, убоясь гнева Божия, отпустил Никона и приказал воротить уходивших отшельников. Антоний, всегда покорный и смиренный, возвратился в свою пещеру.

Отец Варлаама силой увлек его из пещеры домой и сорвал с него иноческую одежду. Но юный подвижник просидел три дня молча в доме отца без пищи и питья, желая только одного – возвращения в пещеру. Наконец, на четвертый день отец сжалился над сыном, опасаясь, чтобы он не умер голодной смертью, и Варлаам с радостью возвратился в свою пещеру.

С этого времени начало еще более стекаться народа: одни приходили за благословением отшельников, другие просили пострижения. А некоторые из прежних братьев стали оставлять пещеру. Так преподобный Никон удалился в Тмутаракань и там основал Богородицкий монастырь. Другой инок, родом болгарин, постриженник монастыря святого Мины, удалился вместе с Никоном к Черному морю и затем один отправился к Царьграду, но, встретив уединенный остров, поселился на нем, отчего и остров долго прозывался Болгаринов. Третий черноризец, преподобный Ефрем, переселился в один из Цареградских монастырей.

По удалении Никона преподобный Феодосий был посвящен в сан пресвитерский и отправлял богослужение в пещерной церкви.

Число братьев в пещере простиралось уже до 15 человек. Преподобный Антоний, любя уединение, собрал братию и сказал им: «Бог собрал вас сюда, братия, и над вами почивает благословение Святой Горы Афонской, данное мне постригшим меня игуменом, а от меня перешедшее на вас. Я назначу вам игумена,

асам пойду в другое место жить наедине, как привык издавна». Назначив первым игуменом Варлаама, он выкопал себе новую пещеру, которая и поныне называется Антониевой, или Ближней, в расстоянии 100 сажений от прежней пещеры. Чуждаясь, по глубокому смирению, власти игуменской и сана иерейского и уединяясь в новой пещере, он не переставал быть великим отцом и наставником для всех учеников своих; дух его постоянно пребывал с братией, и крепкие молитвы его низводили на сердца подвижников благодать небесную, укрепляющую их в жизни духовной. В особенных случаях игумен и братия обращались к нему за советами и наставлениями.

Так, в 1057 году преподобный Антоний не только одобрил желание братии построить монастырь на горе, но и послал от себя к великому князю с такой просьбой: «Князь мой! Бог умножает братию, а место у нас тесное; не подаришь ли ты нам ту гору, что над пещерой?» Изяслав охотно исполнил смиренную просьбу великого отшельника. На горе построили малую деревянную церковь Успения

Богородицы, но братия еще жили в пещере.

В это время великий князь Изяслав-Дмитрий основал, в честь ангела своего, монастырь Дмитриевский, украсил его великолепно и, думая возвысить новую обитель над Печерской при помощи богатства, взял туда в игумены Варлаама³.

Тогда братия выбрали на игуменство преподобного Феодосия, и святой Антоний утвердил избрание. Первым делом нового игумена было устройство нагорного монастыря, не законченное предместником его Варлаамом: Феодосий построил более обширный деревянный храм, окружил его кельями и оградил тыном. Приняв начальство над братией, он не переменял своего смирения и образа жизни: на труды и на службу церковную выходил прежде всех. Он не отвергал никого из тех, кто желал быть черноризцем, ни бедного, ни богатого, но постригал не вдруг, а прежде испытывал во всех послушаниях.

Окончательно устроив братию на новом месте, бдительный игумен стал вводить в Печерский монастырь (около 1062 года) порядок общежительного жития по уставу Студийско-

му, принесенному из Цареградского монастыря преподобного Феодора Студита блаженным Ефремом-скопцом⁴. Этот устав перешел из Печерского монастыря во все прочие русские обители, а потому преподобный Феодосий называется «начальником общего жития монашеского в России» и Киево-Печерский монастырь – «старейшим из всех монастырей русских».

Там, кроме игумена, явились и другие подчиненные ему должностные лица. Так доместик, или уставщик, распоряжался пением или чтением в церкви. Церковные строители (пономари) заведовали церковным вином, елеем для лампад и звоном. Эконому поручена была казна и все монастырское имущество. Келарь имел в своем ведении братскую трапезу, просфорню и все съестные припасы. Ключнику, помощнику келаря, вверены были ключи от погребов. Начальник хлебопеков заведовал пекарней. Вратарь находился постоянно при вратах обители.

Братия разделялась на четыре степени: одни еще не были пострижены и ходили в мирской одежде; другие хотя еще и не были по-

стрижены, но ходили в монашеской одежде; третьи были уже пострижены и носили мантию; четвертые были облечены в великую схиму.

Все в обители совершалось не иначе, как с благословения игумена, и освящалось молитвой. В келиях не позволялось братии держать никакой собственности: ни пищи, ни излишней одежды, ни какого-либо другого имущества. Келейные занятия состояли в молитве, чтении и пении псалмов и рукоделии. После повечерия запрещено было инокам ходить друг к другу и беседовать между собой. Для наблюдения за всем этим преподобный Феодосий имел обычай каждую ночь обходить все келлии и если слышал в келлии молитву инока, то благодарил Бога, если слышал беседу двух или трех, то ударял рукою в двери келлии и отходил, а наутро призывал виновных и обличал: раскаивающихся прощал, а на других налагал эпитимии. Для отдохновения братии, проводившей в богослужении большую часть ночи и все утро, назначалось полуденное время, а потому ворота монастырские запирались тотчас после обеда и не

отворялись до вечерни.

Преподобный Феодосий с величайшей заботливостью и любовью следил за духовным развитием всей братии и не упускал случая подать каждому приличное наставление. Когда он поучал, то говорил тихо, смиренно, как бы умоляя того, к кому обращался; когда обличал виновного, слезы текли из глаз его. Если кто из братьев подвергался искушениям от злых духов, он призывал его, убеждал не ослабевать в борьбе, указывал на опыты подвижников и подкреплял искушаемого силой своей молитвы.

Но не столько правилами устава и устными наставлениями руководил своею братию богомудрый игумен, сколько примером своей святой, высокой, истинно подвижнической жизни. За братской трапезой он вкушал только сухой хлеб и вареную зелень без масла; не пил ничего, кроме воды; одежду носил ветхую и худую, а под ней колючую власяницу. Для сна никогда не ложился, но после полвечерия засыпал сидя. Часто проводил он ночи без сна, в молитве за себя и за обитель, что много раз замечали церковные будильники,

слыша плач его и звук земных поклонов, когда приходили за благословением к утрене. Когда наступал Великий Пост, он удалялся в пещеру, известную доньне под именем Феодосиевой, или Дальней, а иногда переходил из нее в другую, близ монастырского села; возвращался в обитель накануне Лазаревой субботы. В свободное время он сам трудился в пекарне, рубил дрова и носил воду.

Смирение преподобного Феодосия было изумительно. Однажды он замедлил до вечера у великого князя Изяслава, где-то далеко от города. Князь приказал одному из своих слуг отвезти его в обитель. Слуга, видя инок в худой одежде, сказал ему дорогой: ты, чернец, всегда празднен, а я живу в хлопотах и в труде; дай мне отдохнуть в повозке, а сам садись на лошадь. Преподобный обменялся местом со слугой и целую ночь то ехал верхом, то шел подле лошади, чтобы не уснуть. Когда рассвело, вельможи, ехавшие к великому князю, при встрече с Феодосием слезали с коней и кланялись ему. Слуга испугался, но смиренный игумен успокоил его и угостил в обители. Столько же замечательно было и мило-

сердие преподобного Феодосия. Он был заступником притесняемых и обиженных. Особенно же любил он бедных. Для них построил он при монастыре особый двор и отделял им десятую часть монастырских доходов. Каждую субботу отсылал он воз хлебов в темницы. Однажды привели к нему воров, пойманных в монастырском селе. Увидев их связанными, преподобный заплакал, велел развязать и накормить их; потом, дав им наставление не обижать других и снабдив всем нужным, отпустил с миром.

По свидетельству преподобного Нестора, Феодосий поучал братию в церкви духовными словами. «Молю вас, братия, – говорил он инокам, – будем подвизаться в посте и молитве. Попечемся о спасении душ наших; возвратимся от злобы и от путей греха, каковы любодеяние, татьба, клевета, празднословие, пьянство, объедение, неприязнь к брату. Взыщем Бога рыданием, слезами, пощением, бдением, покорностью, послушанием. Назвавшись чернецами, должны мы каждый день каяться о своих грехах. Покаяние есть путь, приводящий к Богу; он есть ключ к Царству;

без него никому нельзя войти в Царство Небесное»⁵.

Сила веры преподобного игумена обнаружилась во многих благодатных опытах. Собрав множество иноков, он не любил собирать запасы для обители, но заботился прежде всего о спасении душ и во всем возлагал упование на Бога. Когда недоставало хлеба и других припасов для братской трапезы и угощения приходящих или вина и елея для церковной службы, то по молитве Феодосия все являлось в свое время; иногда благодетели монастыря с избытком доставляли то, что было на этот раз нужно; иногда пустые закрома оказывались полными.

В обращении с князьями и вельможами преподобный Феодосий оказывал то же смирение, простоту и любовь к правде, без всякого лицемерия, как и в обращении с простым народом, который всегда находил в нем помощника и покровителя. Великий князь Изяслав, весьма любивший добродетельных иноков, по примеру христоролюбивого родителя своего Ярослава I нередко посещал преподобного Феодосия и с любовью слушал его на-

ставления, почитая святого старца как отца. Он никогда не позволял себе въезжать в монастырь на коне и не брал с собой многочисленной свиты. Однажды Изяслав пришел обитель во время послеобеденного отдыха братии, когда Феодосий запрещал впускать кого бы то ни было, чтобы не нарушать покоя иноков; привратник хотя и узнал князя, но не смел впустить его, не доложив Феодосию. Изяслав у ворот дождался настоятеля и не только не оскорбился строгостью устава монастырского, но еще более полюбил Феодосия. Изяславу понравились брашна монастырския. Он спрашивал: отчего его брашна, которые гораздо дороже, не так сладки? «Оттого, – отвечал Феодосий, – что здесь братия все готовит с молитвой и благословением, а твои рабы ссорятся, клянут друг друга и получают побои от приставников, когда готовят тебе трапезу. У нас, когда хотят что-нибудь варить или печь хлебы, пекарь берет сначала благословение у игумена, потом кладет три земных поклона перед алтарем и, зажегши свечу от святого алтаря, разводит огонь; вливая воду в котел, он говорит: “Благослови, от-

че!» Приняв благословение, он начинает свое дело».

Когда после неудачного похода на половцев в 1067 году Святослав и Всеволод, братья Изяслава, изгнали его из Киева, Феодосий долго отказывался иметь общение с Святославом и никогда не переставал устно и письменно обличать его в незаконном поступке. В церковных молитвах он поминал одно только имя Изяслава и только по усиленной просьбе братии согласился вслед за именем законного князя помянуть имя Святослава за любовь его к Церкви. Святослав смиренно выслушивал обличения от святого старца и приглашал его в свой дворец. Однажды Феодосий пришел к Святославу во время пиршества; песни и музыка оглашали дворец княжеский. Феодосий сел поодаль, опустил глаза в землю, и потом, взглянув на князя, сказал: «Будет ли так на том свете?» Святослав прослезился и велел прекратить игры. После уже всегда умолкали игры в палатах князя, когда возвещали о приходе Феодосия. «Если бы отец мой встал из мертвых, – говаривал Святослав Феодосию, – я так не обрадовался бы ему, как тво-

ему приходу».

Несчастливая битва с половцами на реке Альте, после которой Изяслав лишился великокняжеского престола, была предсказана преподобным Антонием князьям, пришедшим к нему за благословением. Военачальник, варяг Шимон (в крещении Симон), друг Феодосия, утраченный предсказанием святого отшельника, пал к ногам его и молил, чтобы не погибнуть ему в битве; блаженный старец сказал ему: «Многие падут от меча, преследуемые врагами; но ты, сын мой, останешься жив и будешь положен в том храме, который здесь воздвигнется». И действительно, Симон чудесно уцелел в кровопролитной битве.

Через несколько месяцев изгнанный Изяслав возвратился в Киев и начал гневаться на преподобного Антония за общение его с Всеславом Полоцким, который при Изяславе содержался в темнице, а по изгнании его был возведен киевлянами на престол. Услышав о неудовольствиях против Антония, князь Черниговский Святослав взял его к себе в Елецкий монастырь, незадолго перед тем основан-

ный на месте явления иконы Богородицы на ели. Преподобному Антонию особенно понравилась Болдина гора, покрытая густым лесом, и он выкопал в ней себе пещеру. Скоро собрались к нему иноки⁶. Так смиренный старец и самое гонение обратил в славу Божию.

Возвратясь в свою Киевскую пещеру по просьбе великого князя, который скоро почувствовал, что согрешил перед человеком Божиим, преподобный Антоний был награжден небесной славой за земное унижение. К нему пришли из Царьграда четверо зодчих, нанятых в чудном видении самой Царицей Небесной во Влахерне для построения Ей церкви в Киеве. Царица повелела им идти к Антонию и Феодосию, которых указала им в видении, сказав: «Этот Антоний только благословит вас на труд и отойдет на вечный покой; на другой год последует за ним Феодосий». Окончив рассказ, зодчие спросили: «Где же нам строить церковь?» Антоний сказал: «Подождите три дня». Затем обратился он к Богу с пламенной молитвой и спросил чудесное указание места для храма. По молитве его в одну ночь на избранном месте было сухо, а

все окрестности покрыты были росой; в другую ночь одно оно оросилось, тогда как прочие места были сухи. Благословение места для Великой Печерской церкви было последним земным делом дивного Антония. На 90-м году своей многотрудной жизни, 7 мая 1073 года, он мирно предал дух свой Господу⁷.

По кончине преподобного Антония вскоре последовала закладка нового храма на предназначенном месте. Земля эта принадлежала князю Святославу, который охотно подарил ее монастырю и сам первый начал копать ров для основания храма.

Наконец и преподобный Феодосий приблизился к дню блаженного упокоения. Он велел собрать всю братию, находившуюся на послушании в селах и других местах. Когда все собрались, он учил братию со слезами спасению души и богоугодной жизни, пощению, усердию к Церкви, братолюбию и покорности. Вскоре заметили, что блаженный игумен лежал в сильном лихорадочном изнеможении: то томил его холод, то огонь сильно жег его, так что не мог он говорить. В продолжение трех дней был он в таком положении,

что думали, не умер ли он. Затем встал он и сказал: «Братия и отцы! Вот я знаю, что время жизни моей оканчивается, как открыл мне Господь еще во время поста в пещере». Благословив избранного братией игумена и простившись со всеми, он лег в постель, взглянул на небо и с веселым лицом громко сказал: «Благословен Бог! Если так, то я уже не боюсь, а с радостью отхожу из сего света». Затем он предал дух свой Господу, 3 мая 1074 года, 65 лет от роду. Мощи преподобного Феодосия погребены были в его пещере. Незабвенны заслуги преподобного Феодосия для русского монашества и вообще для Русской Церкви. Он первый ввел в своей обители общежительный устав, и своим мудрым правлением, своей святой жизнью он дал новую силу этому уставу, доставил ему такое уважение, что его стали вводить во всех монастырях русских. Дух благочестия и подвижничества, укоренившийся при преподобном Феодосии, крепко держался и при его преемниках. Печерский монастырь был сонмом святых подвижников, украшенных различными дарованиями духовными, и рассадником усердных де-

лателей вертограда Церкви во всех краях Русской земли. «Радуйся, насадитель винограда Христова, – так взывает к Феодосию составитель похвального ему Слова, – ибо простерлись ветви до моря и отрасли его до великих рек. Нет страны, ни места, куда ни проникли бы отпрыски от виноградной лозы святого Феодосия».

Строение храма, начатое при разных чудесах и знамениях, продолжалось в краткое время игуменства преподобного Стефана, который вскоре должен был по неудовольствиям с братией оставить обитель и основал вблизи ее новый монастырь – Кловский, или Влахернский, а впоследствии был епископом во Владимире Волынском⁸. После него был четвертым игуменом преподобный Никон, собеседник и первый ученик великого Антония, присный друг преподобного Феодосия, который поручал ему братию, когда временно удалялся из обители. В 1083 году пришли к игумену Никону иконописцы из Царьграда, чудесно нанятые в видении почившими первоначальниками Печерской обители – Антонием и Феодосием, и принесли с собой чудо-

творную икону Успения Божьей Матери, которая и доныне остается драгоценнейшей святыней Печерской Лавры⁹. Тогда же греческие купцы привезли мозаику на украшение церкви. Но преподобный Никон не дожид до освящения храма¹⁰. При преемнике его, игумене Иоанне, 14 августа 1089 года Великая церковь Печерская была освящена митрополитом Иоанном с епископами: Иоанном Черниговским, Исайей Ростовским, Лукой Белоградским и Антонием Юрьевским.

Красота и великолепие этого храма изумляли современников. Внутренность его блистала золотом и мозаикой и привлекала взоры иконной живописью. Помост устроен был мозаически из разноцветных камней, расположенных красивыми узорами. Верхи церкви были позолочены; крест, поставленный на главном куполе, был выкован из чистого золота; современники называли Печерскую церковь «небеси подобной» и говорили, что она составляет славу и украшение всей земли Русской.

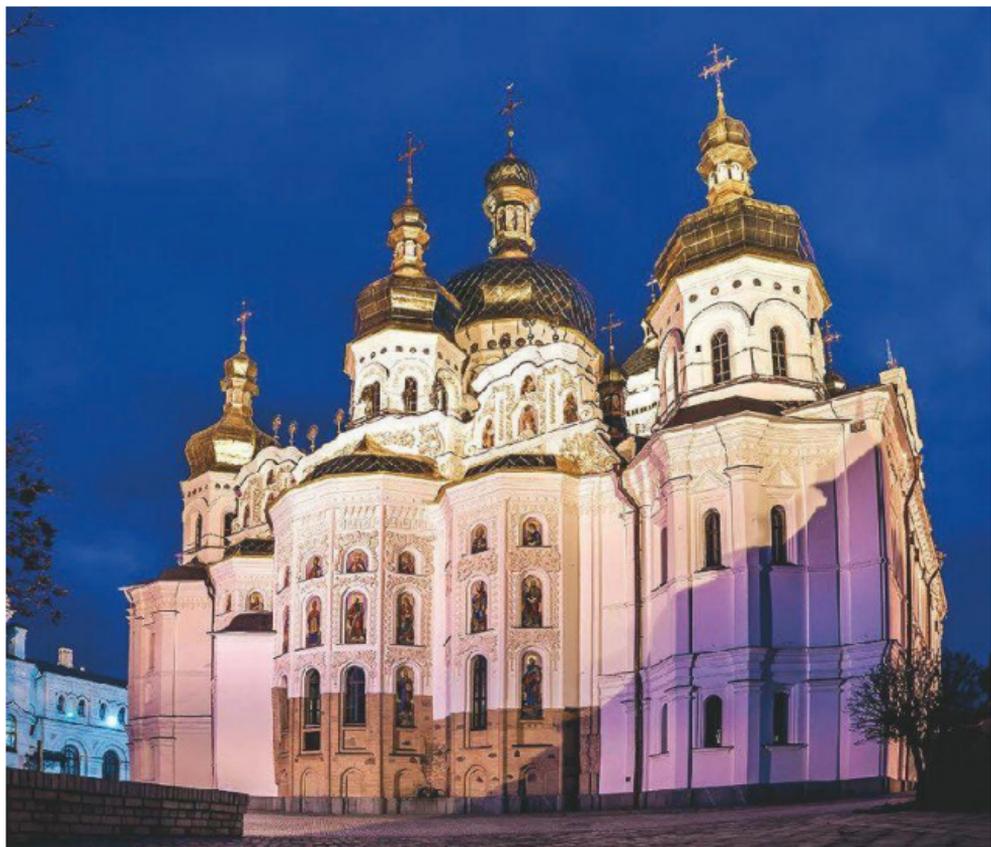
Когда Великая церковь была освящена, игумен и братия Печерского монастыря ре-

шились перенести в нее мощи преподобного Феодосия. Преподобному Нестору, летописцу, поручено было выкопать мощи. Они оказались совершенно нетленными, суставы не распались, и только волосы присохли на голове; на следующий день собрались бывшие в Киеве епископы, пришли игумены всех монастырей с черноризцами и множество народа. Святые мощи перенесены были в Великую церковь и поставлены в притворе 14 августа 1091 года¹¹.

Великая церковь Киево-Печерской Лавры (1729)

Прославление имени преподобного Феодосия довершено в 1108 году причислением его к лику святых при митрополите Никифоре. Тогда же начали праздновать как день представления блаженного первоначальника монашеского жития, так и день перенесения мощей его.

«Приидите все верные, – взывает Святая Церковь, празднуя память преподобного Феодосия, – воспоем богоносных отцев, которых прославил Христос Бог наш. Воззовем к ним

голосом радости и чистой совести: Радуйся, ангел земной и человек небесный, Антоний преблаженный! Радуйся, восточная звезда златозарная, отец наш Феодосий, светило и пастырь монашествующих! Радуйтесь, похвала наша, помощники и утешители вселенной, водворяясь с ангелами в свете Пресвятой Троицы! Молите Господа, чтобы избавил нас

от врагов видимых и невидимых и от всякой беды и напасти!»¹².

Примечания

1 Предание говорит, что еще первый митрополит Киевский, святой Михаил, основал в Киеве монастырь на том холме, где стоял истукан Перуна. Первый святитель Новгородский, блаженный Иоаким, основал Десятинный монастырь при Новгородской Софийской церкви. Ярослав построил в Киеве монастыри: Ирининский и Георгиевский; были и некоторые другие обители.

2 Преподобный Моисей преставился еще при жизни преподобного Антония, 26 июля, вероятно, в 1043 году. Мощи его почивают в пещере Антониевой.

3 Теперь не могут даже указать места, где стоял Дмитриевский монастырь; некоторые полагают, что он был построен на крутом берегу, где теперь лютеранская кирка.

4 Это тот самый Ефрем, впоследствии епископ Переяславский, о котором мы упомянули прежде, исчисляя первых митрополитов Киевских.

5 В одной рукописи отысканы шесть поучений преподобного Феодосия; все они кратки, дышат кротостью, простотой и силой духа. Известны еще два послания его к Изяславу и замечательно слово о «казнях», сказанное после несчастной битвы с половцами в 1067 г.

6 Елецкий Успенский Черниговский монастырь находится близ Чернигова в Болдиных горах. Там находится Елецкая икона Богородицы, явившаяся на ели в 1060 году.

7 Мощи преподобного Антония почивают под спудом в той пещере, где он подвизался. То глубокое смирение, которое он хранил всю земную жизнь свою, скрывает его от славы человеческой и за гробом («Русские Святые», май, с. 77).

8 Святой Стефан в сане епископа был при перенесении мощей преподобного Феодосия; преставился 27 апреля 1094 года.

9 Эта чудотворная икона в настоящее время привешена над царскими воротами Великой церкви Печерской. Она покрыта золотой ризой, осыпанной множеством дорогих камней, и вставлена в серебряный, вызолоченный круг.

10 Преподобный Никон преставился 23 марта 1088 года. Мощи его почивают в пещере преподобного Антония.

11 Со времени татарского нашествия и разорения Киева мощи преподобного Феодосия пребывают скрытыми в основании Великой церкви, а на том месте притвора, где они прежде почивали открыто, поставлена гробница, прикрытая серебряной вызолоченной доской с изображением преподобного («Киевские пещеры и Лавра»).

12 Стихира из службы преподобному Феодосию. Месячная минея под 3-им числом мая.

Глава IV

Подвижники Печерской обители: затворники, претерпевшие искушение духовной гордости, похоти плотской и сребролюбия; образцы добродетели и служения ближним; проповедники веры Христовой. Распространение христианства в земле Ростовской и на северных окраинах Руси.

Ученики преподобного Феодосия, достойные великого наставника, были сильны духом для подвигов духовных. «Господь со-

брал таких черноризцев в обители Пречистой Матери Своей, что они сияли добродетелями, как звезды, в земле Русской. Одни крепки были в посте, другие в бдении или в коленопреклонении; иные постились через день или через два дня; другие вкушали только хлеб с водой; иные – вареную зелень, а другие и невареную. Все же пребывали в любви. Младшие покорялись старшим, не смея говорить пред ними иначе, как с покорностью и послушанием великим. А старшие имели любовь к младшим, наставляя их, как детей любезных. Если кто впадал в какое-либо согрешение, его утешали с кротостью, и трое или четверо по любви делили епитимию одного. Если брат выходил из монастыря, все братия скорбели о том, посылали за ним и просили возвратиться в монастырь. И когда приходил, все шли к игумену, кланялись и умоляли игумена. И потом с радостью принимали брата. Такова была Божественная любовь, таковы смирение и воздержание в святом братстве. И по смерти сияют преподобные, как неугасающая свеча, различными чудесами и молят за нас Бога¹.

Самый трудный и самый опасный вид ино-

ческой жизни – затворничество. В Печерской обители было несколько затворников. Они доказали своим примером, что не может быть такого искушения, которого бы не вынесли силы человеческие, укрепляемые незримой силой Божьей. Преподобный Исаакий был богатый купец торопецкий. Пожелав жизни иноческой, он роздал все свое имение и пришел в пещеру к преподобному Антонию, прося пострижения. Антоний принял его и постриг. Исаакий наложил на себя тяжелые подвиги: надел власяницу и сверх ее покрылся сырой козлиной кожей, которая на нем высохла, затворился в тесной пещере и молился Богу со слезами. Пища его была просфора, и то через день; воду пил он в меру. Антоний приносил ему то и другое, подавая в малое окошко, куда едва проходила рука. Семь лет провел он в таких подвигах, не выходил из затвора, не ложился набок, но только сидя засыпал ненадолго. С вечера до полуночи он пел псалмы и клал поклоны. Однажды он сел отдохнуть после ночных поклонов. Внезапно пещера озарилась ярким светом. Взошли два светлых юноши. «Исаакий, –

сказали они, – мы ангелы, и вот идет к тебе Христос – поклонись ему». Обольщенный затворник, не оградив себя ни крестным знаменем, ни сознанием своего недостойнства, поклонился до земли бесовскому действию, как самому Христу. Бесы воскликнули: «Ты наш, Исаакий, пляши с нами!» Они подхватили его, начали им играть и оставили полумертвым. Наутро Антоний, по обычаю, подошел к окошку и сотворил молитву; ответа не было. Великий старец подумал, что затворник уже преставился; откопали пещеру и вынесли его как мертвеца, но тут заметили, что он еще дышит. Опытные в духовной жизни старцы узнали дело бесов. Во время болезни ходил за ним сначала преподобный Антоний; потом Феодосий взял больного к себе в келью и служил ему. Исаакий был в таком расслаблении, что не мог не только встать или сесть, но даже оборотиться с одного бока на другой. Два года пролежал он ничего не вкушая, лишенный языка и слуха. Денно и ночью молился о нем Феодосий. Наконец, на третий год Исаакий заговорил, начал слышать и, как младенец, стал учиться ходить. Насильно приводи-

ли его в церковь, потом приучали ходить в трапезу. Но хотя и лежал перед ним хлеб, он не дотрагивался до него, если кто из братии не положит в руки. Потом Феодосий велел, чтобы он сам приучался брать хлеб; таким образом, мало-помалу Исаакий оправился от страшного потрясения, произведенного в нем нападением бесовским. Он опять начал вести строгую жизнь. Испушенный в затворе, подвижник не захотел уже идти опять в пещеру, но надел власяницу и начал помогать поварам в кухне. Прежде всех приходил он в церковь и стоял неподвижно. Во время зимы ходил он в протоптанных черевьях, так что ноги примерзали к земле, но он стоял на одном месте до конца службы. После заутрени уходил в поварню, приготавливал воду и дрова, разводил огонь. Над ним смеялись, как над юродивым. Укрепившись в силах духовных, он снова вошел в прежнюю пещеру и выдержал много нападений от злых духов, которые являлись к нему в виде лютых зверей и гадов. «Победил ты нас», – сказали наконец бесы. «Вы победили меня прежде, – отвечал им Исаакий, – когда пришли в образе Христа моего и

ангелов. Теперь, в подлинном своем виде, вы мне не страшны, вы точно гадки и злы». Еще много лет провел он в подвигах воздержания, поста и бдения до блаженной кончины своей².

Тому же искушению духовной гордости подвергся и другой затворник – Никита, постриженный при игумене Никоне. Желая славы пред людьми и избирая великое дело подвижничества не для Бога, он просил у старца дозволения идти в затвор. Игумен не позволял ему. «Чадо! Ты молод, – говорил он, – и потому не полезно для тебя сидеть праздным; лучше тебе трудиться вместе с братьями, и ты не потеряешь твоей награды; сам ты видел брата нашего Исаакия, как он прельщен был; только великая благодать Божия спасла его, и он творит ныне чудеса». Никита отвечал: «Никогда не соблазнюсь я такой вещью, а прошу у Господа, дабы дал мне дар чудотворения». – «Выше сил твоих прошение твое, – сказал Никон, – остерегись брат, чтобы, вознесшись, не упасть. Смирение наше приказывает тебе служить братии». Никита настоял на своем, и тайная гордость его привлекла к

нему отца гордости. Явившийся в виде ангела, он дал ему совет оставить молитву и заниматься только книгами, а на себя принял молиться за него и молиться в виду его. Скоро стал Никита прозорливым и учительным. Он послал сказать Изяславу: «Ныне убит Глеб Святославич в Заволочье, пошли скорее сына твоего Святополка на Новгородский престол». Как сказал он, так и исполнилось: князь Глеб точно был убит 1078 года, мая 30-го дня. Это оправдавшееся прозрение обратило внимание всех на Никиту: князья и бояре стали приходить к нему, чтобы слушать наставления его и предсказания. Никто не мог сравниться с ним в знании книг Ветхого Завета; он знал их на память, но книг Нового Завета он чуждался. По этой последней странности поняли, что он оболещен. Любовь отцов не могла быть равнодушной к несчастью брата. Игумен и подвижники Печерские пришли к прельщенному брату и, помолившись, отогнали от него беса. Они вывели его из затвора и спрашивали о Ветхом Законе, желая что-нибудь услышать от него. Но он с клятвой уверял, что никогда не читал книг. Тот, который

прежде знал на память все ветхозаветные книги, теперь не знал ни слова, и отцы едва научили его грамоте. С того времени он посвятил себя посту и чистому, смиренному, послушливому житию, так что превзошел добродетелями других подвижников. В 1096 году он был избран и посвящен в сан епископа Великого Новгорода, где однажды во время пожара молитвой угасил пламя, а в сильную засуху испросил дождь на жаждущую землю. После тридцатилетнего святительства блаженный пастырь скончался 30 января 1108 года и был погребен в Софийском соборе³.

Преподобный Иоанн Многострадальный представляет собой пример тяжелой борьбы с плотской похотью и славной победы над ней, при совокупном действии твердой воли подвижника и благодати небесной. «Послушай, – говорит Иоанн одному брату, страдавшему унынием от борьбы с нечистыми помыслами, – я расскажу тебе, что было со мной. От самой юности много я страдал, мучимый похотью плоти, и не знаю, чего не делал я для своего спасения. По два и по три дня пребывал я без пищи, часто и по целой неде-

ле не ел ничего, томил себя жаждой, носил на себе вериги. В таком страдании провел я три года и все не находил желанного покоя. Я пошел в пещеру, где лежит отец наш Антоний, и пробыл тут день и ночь, молясь пред его гробом. Тогда услышал я голос: “Иоанн! Тебе надобно затвориться здесь, чтобы по крайней мере невидением и молчанием ослабить брань. Господь поможет тебе молитвами Своих преподобных”. С того времени поселился я в скорбной и тесной пещере. Вот уже 30 лет живу я здесь и только недавно нашел покой, а всю жизнь провел обуреваемый страстями. Жестока была моя жизнь в постоянной борьбе с плотским вожделением. Не имея силы выносить эту борьбу, я думал бежать отсюда. Наконец, я возложил на себя тяжелые вериги и выкопал себе яму по плечи; при наступлении Великого поста влез в нее и своими руками засыпал себя землей, так что только руки и голова остались у меня свободными. Так, подавляемый землей, провел я весь пост, не имея возможности двинуть ни одним членом тела. Но и тут не вдруг прекратилось волнение плотское. Ноги мои, засыпанные землей,

были как в огне, так что корчились жилы, трещали кости, жар обнимал чрево и все члены мои. Но я забывал лютую болезнь и в душе своей радовался, что через это утихали нечистые движения. Подлинно, я лучше желал сгореть в этом огне для Бога, чем выйти из ямы. Враг спасения навел на меня страх, желая выгнать меня из пещеры. Я увидел страшного змея, который хотел пожрать меня, дыша пламенем, осыпая меня искрами, и много дней продолжалось это действие лукавого. В самую ночь Светлого Воскресения Христова этот змей так напал на меня, что голова моя как бы поглощена была его пастью. Тогда воззвал я из глубины сердца: “Господи Боже и Спаситель мой! Почто оставил Ты меня? Помилуй меня, Ты един человеколюбивый; избавь меня от скверного беззакония моего, чтобы не увязнуть мне в сети неприязненного; избавь меня от врага моего; блесни молнией и прогони его”. Лишь только произнес я эти слова, вдруг блеснула молния; змей исчез, и я не видел его с тех пор. Свет Божественный осиял меня, как солнце, и я услышал голос: “Иоанн! Вот тебе помощь; отселе внимай се-

бе, чтобы не случилось тебе худшее и не пострадал ты в будущем веке”. Я поклонился и сказал: “Господи! Зачем же Ты оставлял меня так долго мучиться?” – “По силе терпения твоего, – сказано в ответ, – навел Я на тебя искушение, чтобы ты был выжжен как золото; крепким и сильным слугам назначает господин тяжкую работу, а немощным и слабым – малую и легкую; ты молись о себе погребенному здесь против тебя: он может помочь тебе в этой борьбе; он выше Иосифа”. Я не знал имени умершего, уже после узнал, что это был Моисей Угрин. Молись и ты, брат, сему преподобному Моисею». Блаженная кончина преподобного Иоанна последовала в затворе, где он подвизался. Святые мощи его почивают в том же положении, в котором он умер: голова и крестообразно сложенные руки – на виду; все прочее – в земле⁴. В удалении от мира и его соблазнов, отшельники, еще не вполне укрепившиеся в любви к Богу, подвергаются иногда искушению сребролюбия, страсти не столь грубой, как страсти плотские, но тем не менее опасной для души. Несколько подобных примеров было и в обители Печерской.

Один инок, по имени Феодор, при вступлении в монастырь раздавший все свое имение нищим, поселился в Варяжской пещере⁵ и провел много лет в строгом воздержании. Но по искушению врага в сердце его зародилась скорбь о розданном имении и желание обогатиться, чтобы не терпеть нужды в старости. Искуситель помог ему отыскать в пещере сокровище, состоявшее из золота и дорогих сосудов. Обрадованный Феодор хотел уйти с богатством своим в мир. По счастью, другой инок, по имени Василий, связанный с ним союзом братской любви, успел привести сребролюбца в раскаяние. Феодор снова забыл сокровище и, чтобы впредь не увлекаться опасными помыслами, поставил у себя в пещере жернова, брал из закромов рожь и ночью молот ее. Между тем до Мстислава, сына великого князя Святополка Изяславича, дошел слух, что Феодор нашел клад в пещере; он призвал Феодора и Василия и стал их допрашивать. Феодор отвечал ему: «Еще при жизни отца нашего Антония слышал я, что в этой пещере было древнее варяжское хранилище. Я видел там много золота и сосудов латинских,

но Бог отнял у меня память, теперь не знаю, где зарыл их». Мстислав, будучи пьян, велел мучить Феодора и сам пустил стрелу в Василия, который вынул ее, бросил к ногам князя и сказал, что он сам погибнет от стрелы. Оба инока в ту ночь скончались⁶, а Мстислав через несколько лет был смертельно ранен стрелой.

Другой инок, по имени Арефа, имел много богатства в своей келье и никогда не подавал нищим. В одну ночь воры украли все его сокровище. Отчаяние довело его до тяжелой болезни. Но, выздоровев, он раскаялся, раздал нищим все, что у него осталось, сделался затворником и провел остаток жизни в посте и молитве⁷.

Искушение страсти сребролюбия постигло также преподобного Еразма, который прежде того употребил все свое имение на украшение Великой церкви Печерской. Враг стал внушать ему: «Нет тебе пользы от того, что ты истратил добро свое на церковь; лучше было бы сберечь деньги у себя и подавать нищим». Мучимый помыслом, он занемог и семь дней лежал в бесчувственном положе-

нии. На восьмой день Еразм внезапно встал как здоровый и сказал: «Отцы и братия! Я великий грешник, но ныне явились мне отцы наши Антоний и Феодосий и сказали мне: “Мы молились за тебя, и Господь дал тебе время на покаяние”. Потом видел я и Пречистую Богородицу с Предвечным Сыном Ее на руках, и Она сказала мне: “Ты украсил церковь Мою иконами, и Я украшу тебя в царстве Сына Моего; встань, покайся, а на третий день Я возьму тебя к Себе”». После того Еразм исповедал грехи свои пред всеми, постригся в схиму и на третий день умер⁸.

Два киевлянина, Иоанн и Сергей, пред прославленной чудо-творениями Печерской иконой Богоматери заключили между собой духовное братство. Спустя несколько времени Иоанн заболел; чувствуя приближение смерти, он пригласил к себе преподобного игумена Никона и при нем, раздав много имения бедным, завещал 1000 гривен серебра и 100 гривен золота пятилетнему сыну своему Захарии, а до совершеннолетия его отдал это наследство на сохранение другу своему Сергию. Захария, пришедши в возраст, стал просить

у Сергия отцовской собственности. «Отец твой, – отвечал Сергей, – отдал имение свое Богу: у него и проси, а я ничем не должен ни тебе, ни отцу твоему; отец твой был так глуп, что раздал имение бедным, а сына оставил нищим». Молодой человек со слезами просить дать ему половину или даже третью часть наследства, но Сергей отказал. «Если ты ничего не взял у отца моего, – сказал наконец Захария, – то иди и поклянись в том пред чудотворной иконой Богородицы, пред которой ты заключил союз братолюбия с отцом моим». Сергей пошел в церковь и пред иконой Богородицы сказал, что ничего не взял из имения Иоаннова. Но когда хотел он лобызать святую икону, то не мог подойти к ней и закричал: «Преподобные отцы Антоний и Феодосий! Запретите этому жестокому ангелу губить меня; молитесь Пресвятую Богородицу, чтобы прогнаны были от меня злые духи; пусть возьмут серебро и золото в запечатанном ящике, в моей клетке». Принесли ящик и нашли в нем 2000 гривен серебра и 200 гривен золота. Пораженный чудом, Захария отдал золото и серебро в распоряжение игумена

Иоанна, асам постригся и сделался строгим постником; до самой кончины он не вкушал ничего, кроме сырой зелени⁹.

Безопаснее затворничества путь общежительной жизни, подвиги послушания и отречения от своей воли. В числе смиренных послушников был преподобный Николай Святоша, сын Черниговского князя Давида Святославича, в миру Святослав-Панкратий. Он первый из русских князей добровольно принял иночество, хотя имел жену и детей; одна дочь его была супругой святого князя Всеволода-Гавриила. Оставив княжество, он проходил разные послушания в Печерской обители: три года работал на братию в поварне, сам рубил дрова, носил из реки воду на плечах своих и приготавливал братскую пищу; еще три года стоял у врат монастырских как сторож, не отходя никуда, кроме церкви; отсюда взят был служить при трапезе и своим усердием приобрел общую любовь. После таких подвигов послушания преподобный должен был, по совету игумена и всей братии, поселиться в келлии и заботиться только о собственном спасении. Он повиновался, и никто

никогда не видел его праздным. Своими руками он насадил пред своей келлией небольшой сад и постоянно занимался каким-либо рукоделием, имея в устах молитву Иисусову. Не вкушал ничего, кроме общей монастырской пищи на трапезе, и не имел у себя никакой собственности, потому что раздавал нищим и на устройство Церкви все, что получал от родственников. Братья его много старались возвратить его в мир, особенно через врача, поселившегося для князя-инока в Киеве. Врач уверял, что такая суровая жизнь очень вредна для здоровья князя. «Да и благочестивые братья твои, Изяслав и Владимир, – говорил врач, – терпят укоризну от твоей нищеты. Кто из князей поступал так? Кто из бояр пожелал иночества, кроме того Варлаама, что был здесь игуменом?» Блаженный отвечал ему: «Много думал я и положил не щадить плоти моей, чтобы она не одолевала меня; пусть она, угнетаемая многими трудами, смирится. Если никто из князей не делал этого прежде меня, то пусть я буду вождем, и кто захочет, пойдет по следам моим. Благодарю Бога моего, что освободил меня от работы

мирской и сотворил слугой рабам Своим, блаженным черноризцам. Братия мои пусть думают о своем спасении, а мне прибыток, если умру для Христа». Опыт показал, что подвижническая жизнь надежнее искусства врачевания. Подвижник-князь бывал нездоров; но каждый раз выздоравливал прежде, нежели приходил врач. Раз захворал врач и очень тяжело. Князь-инок послал ему сказать: «Если не будешь пить зелья, будешь здоров; а если не послушаешься, много будешь страдать». Врач не послушался и едва спасся от смерти. В другой раз случилось заболеть врачу: он послушал совета блаженного князя и на третий день выздоровел. В 1142 году преподобный Николай примирил князей Черниговских с братьями великого князя Всеволода и тем прекратил междоусобие; это была последняя земная служба его Церкви и родине: в том же году, 14 октября, он мирно почил¹⁰. Брат его Изяслав выпросил себе на благословение крест и власяницу умершего и надевал последнюю, когда отправлялся на войну, для избавления от опасностей.

Преподобный Алипий, научившись иконо-

писанию от греческих художников, которые расписывали Великую Печерскую церковь, принял пострижение при игумене Никоне, трудился неусыпно и бесплатно писал иконы для игумена, для братии, для церквей Киевских. Если случалось ему получать плату за труд, то одну треть ее употреблял на краски, другую – на милостыню, а третью – на свои нужды. За чистую и добродетельную жизнь он удостоился священства и прославлен от Бога даром чудотворения: он помазывал раны своими красками, как лекарством, и больные исцелялись. Одна из икон, чудесно написанных в его келье, находится и теперь в Ростовском Успенском соборе, где она сохранилась невредимой при трех больших пожарах, при падении первого каменного храма и при грабительских набегах татар и ляхов¹¹. Другая икона была также чудесно написана в последние дни жизни Алипия. Он сказал братии: «Ангел, написавший икону, стоит теперь предо мной и хочет взять меня». С этими словами первый русский иконописец предал дух свой Богу¹².

Преподобные Спиридон и Никодим зани-

мались печением просфор, трудясь единодушно в течение тридцати лет. Первый из них, быв неграмотным, выучил наизусть всю псалтирь и прочитывал ее ежедневно при своей работе. Оба они почили около 1140 года

13.

Марк, называемый пещерником и гробокопателем, живя в пещере, постоянно копал землю и выносил ее на своих плечах, приготовляя места для погребения братии. За свой труд не брал он ничего, а если кто давал ему, он раздавал нищим. Однажды, утомившись от трудов, он не успел раскопать могилу достаточной ширины. Случилось тогда умереть одному из братии. Место оказалось так тесно, что мертвый едва с нуждой был вложен в могилу; братия роптали на Марка, не имея возможности ни убрать покойника, как следовало, ни возлить на него елей. Пещерник смиренно кланялся и говорил: «Простите меня, отцы святые, по худости моей не dokonчил». Иноки еще более стали бранить его. Тогда Марк сказал умершему: «Сам, брат, потрудись: возьми и возлей на себя елей». Мертвый протянул руку, взял масло и возлил его себе

на лицо и на грудь крестообразно; потом, отдав сосуд, оправил на себе одежду и почил. Когда совершилось это чудо, на всех напал страх¹⁴.

Некоторые из братии Печерской исключительно посвящали себя на служение нуждам ближних: таков был преподобный Прохор, прозванный Лебедником, уроженец Смоленский, постриженный при игумене Иоанне. Он так полюбил воздержание, что лишил себя ржаного хлеба, а вместо него собирал лебеду, растирал ее, пек себе хлеб и тем питался. Кроме просфоры церковной и хлеба из лебеды, он не вкушал ничего, ни овощей, ни вина, никогда не был печален и всегда весело работал для Господа. В княжение Святополка Изяславича, после сильных междоусобий, наступил голод. Лебеды родилось очень много. Блаженный Прохор удвоил труды свои, собирая лебеду и приготавливая из нее хлеб. Всем голодным он раздавал хлеб свой, который казался всем сладким, как будто испеченным с медом; но тот же хлеб, если брали его тайно у Прохора, оказывался нестерпимо горьким. Когда по причине войны между князьями прекратил-

ся привоз соли, Прохор собрал золу из всех келлий и раздавал ее нуждающимся: она оказывалась чистой солью. Князь Святополк, желая воспользоваться народным бедствием для своего обогащения, послал отнять соль у Прохора. Привезли отнятую соль: оказалось, что это зола; три дня подержали и выбросили. Тогда нуждающиеся, по наставлению Прохора, стали подбирать пепел, выброшенный князем, и он был для них солью. Узнав, как Прохор делал хлеб из лебеды и соль из пепла, князь с чувством раскаяния пришел в монастырь и примирился с игуменом Иоанном, которого прежде он сослал было в заточение и возвратил только по настоянию Владимира Мономаха. А к блаженному Прохору он стал иметь великое уважение и заключил с ним такой договор: «Если я прежде тебя умру, то положи меня в гроб своими святыми руками, чтобы видно было на мне твое незлобие; если же ты представишься прежде меня, я возьму тебя на плечи и сам отнесу в пещеру, чтобы Господь простил мне грех мой пред тобой». В 1107 году настало время кончины преподобного Прохора. Святополк собирался тогда на

войну с половцами. Блаженный послал ему сказать, чтобы пришел, если хочет исполнить свое обещание. Дав наставление князю, Прохор предрек ему победу, благословил его и вскоре скончался. Князь своими руками перенес его в пещеру¹⁵, потом он отправился на войну и возвратился с победой. После того он пред всяким походом приходил за благословением в обитель Печерскую.

Некоторые из подвижников Печерских имели дар исцеления болезней. При преподобном Феодосии был черноризец пресвитер, по имени Дамиан. Он отличался необыкновенной кротостью и был такой постник, что кроме хлеба и воды не вкушал ничего до самой кончины своей. Если приносили дитя, страдающее каким-либо недугом, или приходили больные в монастырь, преподобный Феодосий поручал Дамиану сотворить молитву над больным. Дамиан совершал молитву, помазывал освященным елеем, и страждущие получали исцеление. Когда он сам разболелся и приближался к кончине, ангел явился ему в образе преподобного Феодосия, обещая Царство Небесное. После пришел Феодосий и сел

подле него. Умиравший, взглянув на игумена, сказал: «Не забудь же, что ты обещал мне в эту ночь». Великий Феодосий отвечал ему: «Брат Дамиан, да будет тебе, что обещано мной». Он же, сомкнув очи, предал дух свой Господу¹⁶.

При преподобном Антонии постригся безмездный врач Агапит, уроженец киевский. Он помогал великому отшельнику в заботах его о больных. Когда занемогал кто-либо из братьев, Агапит, оставляя свою келлию, переходил к больному брату, служил ему и давал вместо лекарства свою пищу – вареную траву. И больной по молитве его выздоравливал. Если же болезнь продолжалась, блаженный Агапит оставался неотступно при больном, молясь непрестанно, пока Господь подавал здоровье по его молитве. Многие из города приходили к нему, и безмездный врач никому не отказывал в благодатной помощи. Сделался болен князь Владимир Мономах, княживший тогда в Чернигове. Не получая помощи от своих врачей, он послал звать к себе Агапита. «Если пойду к князю, – рассуждал блаженный Агапит, – то должен ходить и ко

всем. Для человеческой славы не пойду за ворота монастырские, чтобы не преступить обета моего. Если выгонят меня отсюда, пойду в другую сторону и после опять возвращусь». Он не пошел к князю, но послал ему вареную траву, которую употреблял в пищу. Исцеленный князь пришел благодарить чудотворца, но Агапит скрылся. Найдя в келлии золото, положенное князем, он выбросил его вон. Чудесное врачевание безмездного врача Печерского возбудило зависть в армянине, который славился тогда врачевным искусством. Но, убедившись многократными опытами, что во врачевании Агапита действует не искусство земное, а сила Небесная, армянин, вскоре по блаженной кончине Агапита¹⁷, сам сделался иноком и в добрых подвигах кончил жизнь.

Других подвижников Благодать Божественная призывала к спасению путем страданий и телесных болезней. Преподобный Пимен, прозванный многоболезненным, родился больным и вырос в болезнях: страдания очистили душу его от грехов. Много раз просил он родителей, чтобы дозволили ему постричься, но им не хотелось отдать в мона-

стырь единственного своего наследника. Наконец, не видя надежды на выздоровление, они решились отнести его в Печерскую обитель, дабы молитвы отцов испросили ему исцеление. Но и эти молитвы остались безуспешными, потому что сам больной усердно молил себе не здоровья, а умножения болезни, чтобы остаться в монастыре. Он желал только одного – иночества. И вот в одну ночь пришли к нему невидимые иноки, совершили над ним обряд пострижения, облекли страдальца в иноческую одежду. Никто не слышал, как пришли они; никто не знал, как в запертой церкви, в раке преподобного Феодосия, очутились волосы Пимена, отнятые при пострижении. Только звуки пения дошли до некоторых; но обряд был кончен, когда пришли к Пимену и нашли его уже постриженным с горящей свечой в руках. Более 20 лет пробыл Пимен в тяжелой болезни, так что прислужники тяготились им, нередко оставляя его без пищи и питья; но он все переносил с радостью. В ту же пещеру принесен был другой больной, чтобы слуге было удобнее ходить за двумя вместе, но и после того часто

оставляли их без присмотра. «Брат, – сказал Пимен лежавшему с ним больному, – служащие нам гнушаются нами. Если Бог нас исцелит, можешь ли ты исправлять эту службу?» Больной обещался посвятить всю жизнь на служение больным. По слову блаженного Пимена, он встал здоровым и служил ему; но однажды обленился – и вновь заболел. «Маловерный, – сказал ему Пимен, – разве ты не знаешь, что болящий и служащий ему получают равную награду? Здесь – скорбь легкая, а там веселье вечное. Бог, который исцелил тебя, может исцелить и меня; но я не желаю. Пусть я сгнию в этой жизни, чтобы там плоть моя осталась без истления; пусть здесь будет вокруг меня смрадный запах, но чтобы там наслаждаться мне неисчерпаемым благоуханием». Перед смертью добровольный страдалец сделался здоров, обошел все кельи, чтобы проститься с братьями, указал себе место для погребения и скончался в мире¹⁸.

Преподобный Григорий-чудотворец постригся еще в игуменство преподобного Феодосия. Под его руководством он обучился смирению, послушанию и нестяжательности;

особенно же любил непрестанную молитву и столь успел в духовной жизни, что творил чудеса, провидел будущее и одним приближением своим изгонял бесов. Особенным подвигом его было исправление воров: три раза они покушались обокрасть его. Но он чудесами своими обратил их к покаянию. Недостойному брату Мономаха, князю Родиславу Всеволодовичу, шедшему в поход на половцев, блаженный Григорий предсказал, что он утонет в реке (что вскоре и исполнилось), и за это предсказание сам тотчас был утоплен, по воле разгневанного князя, но на третий день найден мертвым в своей келье, с камнем, привязанным на шее¹⁹.

В числе иноков Печерских был преподобный Нестор-летописец, поступивший в обитель при преподобном Феодосии, незадолго до его кончины, и постриженный при игумене Стефане. Обладая необыкновенными дарованиями и разнообразными сведениями богословскими и историческими, он посвятил труды свои на изображение жизни и чудес новоявленных чудотворцев, святых мучеников Бориса и Глеба; потом написал житие на-

ставника своего, преподобного Феодосия; наконец, положил начало русской летописи, доведенной им до 1110 года. Многих происшествий был он самовидцем, а о других узнал от брата своего по иночеству, монаха Яна Вышатица, жившего 96 лет и умершего в 1106 году, следовательно, родившегося еще при Владимире Равноапостольном. Преподобный Нестор преставился в 1115 году в глубокой старости²⁰.

В жизни преподобного Тита, пресвитера Печерского, находим поразительный пример силы примирения. Он имел искреннюю любовь к иеродиакону Евагрию, но ненавистник добра посеял вражду между ними: они стали ненавидеть друг друга, не могли смотреть один на другого и старались не встречаться. Так прошло много времени; они дерзали совершать литургию и принимать Святые Тайны, не примирясь между собой. Наконец Тит тяжело заболел и послал к Евагрию, умоляя простить его. Братия, видя Тита умирающим, насильно привели Евагрия, чтобы тот простился с братом. Больной, увидя его, поднялся с помощью других и пал к ногам его, повто-

ря со слезами: «Прости меня и благослови!» Евагрий отворотился от брата и сказал: «Не прощу его ни в этом веке, ни в будущем!» С этими словами он вырвался из рук монахов и упал мертвый, а Тит встал, совершенно здоровый. «Что было с тобою?» – спросили Тита. «Я видел, – говорил он, – что ангелы отступили от меня, а злые духи радовались моей злобе на брата. Тогда начал я просить прощения у брата. Когда привели его ко мне, я увидел ангела с огненным копьем; когда же Евагрий не захотел простить меня, грешного, ангел ударил его копьем, а мне подал руку и исцелил меня»²¹.

В распространении веры Христовой потрудились Киевские подвижники. Преподобный Евстратий-постник попался в плен к половцам, разорившим Печерский монастырь в 1096 году. Он вместе с монастырскими работниками был продан в Корсунь одному еврею. Еврей стал принуждать пленников своих голодом к отречению от Христа. Подкрепляемые наставлениями Евстратия, они решились скорее умереть, нежели изменить вере, и все скончались голодной смертью. Остался

один Евстратий, привыкший с юности к посту: он пробыл 14 дней без пищи и питья. В день Пасхи еврей распял Евстратия на кресте; распятый страдалец благодарил Господа Иисуса Христа за то, что Он удостоил его пострадать так, как пострадал Он сам. «Я верую, – говорил он жидам, – что Господь скажет некогда и мне, как сказал разбойнику: днесь будешь со Мной в раю. Но вас постигнет мщенье за кровь христианскую». Раздраженный еврей пронзил страдальца копьем и бросил тело его в море²². Казнь Божия постигла убийцу: он был повешен. Многие из евреев, свидетели страданий и исполнения пророчества распятого инока, уверовали во Христа и крестились. Таким образом мученический подвиг преподобного Евстратия положил основание христианства между хозарами-иудеями.

Нечто подобное случилось тогда и у половцев. В числе пленных, приведенных ими из Киева, находился преподобный Никон (впоследствии прозванный Сухим); он достался в рабы одному половчанину, который держал его в оковах. Богатые родственники хотели

выкупить пленника. «Не тратьте понапрасну денег, – сказал он им. – Если бы Господу было угодно, чтобы я был свободен, Он не отдал бы меня в руки беззаконников. Охотно перенесу все, что случится по воле Его». Не получив выкупа, половцы озлобились, начали мучить пленника разными муками: морили голодом, били, жгли на огне, резали ножами, летом сажали на солнце, зимой держали на морозе. И так прошло три года; страдалец молился и наконец, удостоившись откровения, предсказал своим мучителям, что через три дня он будет в Печерском монастыре. Думая, что Никон хочет бежать, половец подрезал ему жилы на обеих ногах; но на третий день, в самый полдень, он вдруг сделался невидимым и внезапно явился, окованный цепями и покрытый ранами, в Великой церкви Печерской. Спустя несколько времени, пришел в Киев половец, у которого Никон был в плену, и узнал своего пленника, так чудесно спасшегося из плена. Это так поразило язычника, что он немедленно крестился, принял пострижение в Печерской обители и усердно служил преподобному Никону Сухому, который прожил еще

несколько времени²³. По слуху о чудесном избавлении Никона крестились многие половцы; в последних годах XI века и в начале XII века крестились в Киеве и вступили в брак с русскими князьями три дочери половецких ханов.

Просветителем диких вятичей был преподобный Кукша, священноинок Печерский. Хотя Курск был христианским городом в начале XI века (в раннюю молодость преподобного Феодосия, как мы видели из жития его), но другие поселения вятичей – Мценск, Брянск, Козельск – оставались языческими. Одушевляемый святой ревностью к вере, Кукша с учеником своим оставил тихую Печерскую обитель, чтобы проповедовать Истину Неба грубым язычникам; проповедь сопровождалась чудесами, которые утверждали веру в сердцах простых; большая часть крестилась; но упорные в суеверии, идольские жрецы замучили святого проповедника. «Все ведают, – писал блаженный Симон, епископ Владимирский, о преподобном Кукше, – как он бесов прогнал, вятичей крестил, дождь свел, озеро иссушил, сотворил многие другие чудеса и

после многих мучений убит был учеником своим». В один день и час с ним скончался и преподобный Пимен-постник, друг Кукши, исцелявший недужных, имевший дар пророчества и за два года предсказавший свое отшествие к Богу. Став посреди церкви, он громко воскликнул: «Брат наш Кукша теперь убит». Сказав эти слова, он преставился²⁴.

И на север – в землю Ростовскую и Суздальскую – стремились с Евангельской проповедью благодатные чада Антония и Феодосия. Мы видели прежде, что вера Христова еще не укоренилась в Ростове, и первый епископ того края святой Феодор вынужден был оставить Ростов и поселился в Суздале. Преемник его, грек Иларион, после бесплодной борьбы с язычеством, удалился в Царьград. Третьим епископом Ростовским был святой Леонтий, один из учеников преподобного Антония, первый святитель (первопрестольник) из числа иноков Печерских. Он велик по действиям земной жизни, как равноапостольный просветитель Ростовского края. Он велик на Небе, как сильный молитвенник за землю Русскую. В пещеру преподобного Антония

пришел он, без сомнения, позднее 1032 года, потому что тогда Феодосий нашел у Антония одного только Никона, а рукоположен в сан епископа прежде 1051 года, т. е. прежде нежели был посвящен блаженный митрополит Иларион, второй святитель из пещерян. В земле Ростовской, населенной чудским племенем мери, святитель Леонтий встретил язычников упорных, суровых и диких. Они не хотели слушать его, а близкой помощи князя не было²⁵. Увещания и мольбы любви христианской не имели успеха; язычники осыпали святителя бранью, били его и выгнали из города. Но он решился не оставлять вверенного ему стада. Поселясь за городом, близ ручья Брутовщины, он построил здесь деревянный храм архистратига Михаила. Видя невозможность действовать прямо на жителей Ростова, закоренелых в язычестве, он обратился к юному, еще не испорченному поколению: стал приглашать к себе детей, кормил их и ласкал; обласканные дети охотно ходили к Леонтию, а он учил их началам святой веры и потом крестил; вслед за детьми обратились ко Христу и некоторые из взрослых. Но заста-

релье язычники взволновались и бросились к церкви с дубинами и оружием. Причет, окружавший Леонтия, испугался; но святитель был спокоен, облачился в ризы святительские и вместе с священниками и диаконами, также облаченными в ризы, вышел к дикому народу. Спокойная твердость его поразила язычников: они пали перед ним в страхе, и многие из них крестились. Святой Леонтий рукоположил многих священников и диаконов, но не успел привести ко Христу всю «заблудящую чудь» (как выражается древний писатель жития его). Апостольский подвиг его окончился мученической смертью

26.

Преемником великого святителя был также инок Печерский Исая, бывший игуменом Дмитриева монастыря в Киеве по кончине блаженного Варлаама. Он превзошел многих подвижников в посте, молитве и других добродетелях и за высокую жизнь свою был поставлен епископом Ростовской страны в 1078 году. Блаженный святитель, найдя в Ростове людей новокрещенных и еще не утвердившихся в вере, усердно наполнял их учени-

ем веры и крестил их; истреблял идолов и на местах их строил храмы²⁷. Утешением для святого Исайи послужило участие князя Владимира Мономаха. Этот набожный князь построил на свой счет храм в Ростове и прислал для него одну из чудесных икон преподобного Алипия. Ревностный святитель преставился в 1090 году²⁸.

Почти современно святителю Исайе трудился в просвещении остальных язычников Ростовского края преподобный Авраамий, не принадлежавший к Печерскому братству. Неизвестно, откуда пришел он в Ростов, где весь чудский конец города поклонялся еще каменному идолу Велесу. Близ озера Неро Авраамий поставил себе убогую хижину, начал принимать приходивших к нему христиан и поучал их Закону Божию, а вместе и молить Господа, чтобы помог сокрушить идола Велеса и привести ростовцев к истинной вере. Скорбя об этом всей душой, благочестивый старец скоро удостоился видения святого евангелиста Иоанна Богослова, который вручил ему жезл для сокрушения идола. Идол немедленно был сокрушен. На том месте, где

явился святой Иоанн Богослов, Авраамий поставил церковь, а там, где стоял прежде Велес, устроил первую в Ростове иноческую обитель с малым храмом во имя Богоявления Господня. При помощи Божией преподобный Авраамий мало-помалу привел ко Христу и крестил всех остальных язычников города Ростова и почил в глубокой старости²⁹.

Около того же времени христианство укоренилось и в других окраинах Русской земли. Так, в пределах древней Биармии, при слиянии двух рек, Сухоны и Юга, в начале XII века существовал Троицкий Гледенский монастырь близ города Устюга Великого. Можно предполагать, что в этих местах уже были тогда христиане, если не туземцы, то поселенцы новгородские, или что самое основание иноческих обителей имело целью дальнейшее распространение христианства между коренными жителями.

Около 1174 года многие жители Новгородской области, вероятно вынужденные смутами своей родины, оставили ее и поплыли Волгой до устья Камы: одни из выходцев остались на Каме, другие продолжали плыть к за-

паду. Вышедши на берег, они нашли укрепленный город Болванск (ныне село Никулицкое) и овладели им. Туземцы, грубые язычники финского поколения, убежали от новых пришельцев в леса и долго не могли ознакомиться и соединиться с ними. Новгородцы построили в своем городке церковь; оставшиеся на Каме спутники этих выходцев плыли рекой Вяткой до черемисского города Кокшарска (нынешний Котельнич); завоевав его, соединились между собой и для безопасности от туземцев основали крепкий город Хлынов (нынешняя Вятка). Переселенцы старались просветить христианством язычников, среди которых жили. Вначале встретили они со стороны суеверия сильное сопротивление, но впоследствии вотяки стали обращаться в христианство. Раннее водворение христианства в Вятке было залогом успешного действия русских проповедников Евангелия на северо-восточных пределах России.

Почти в то же время трудился преподобный Герасим, уроженец и постриженник Печерский. В 1147 году он пришел из Киева на берега реки Вологды и у ручья Кайсарова ос-

новал обитель с храмом Святой Троицы. Это было еще до начала города Вологды. Тогда был здесь глухой лес, а в лесу посад с Воскресенской церковью и при нем малый торжок. Подвижник благочестия примером своей жизни и светлыми наставлениями озарил дикую страну и мирно почил 4 марта 1178 года³⁰.

Примечания

1 Преподобный Нестор в Летописи.

2 Вторичные труды преподобного Исаакия в затворе продолжались до 20 лет, так что преставление его должно полагать около 1090 года. Мощи его почивают в пещерах преподобного Антония.

3 Память святого Никиты начали почитать с XIII века; мощи его открыты в 1553 году (Святыни и древности Великого Новгорода, с. 23–26).

4 Время кончины преподобного Иоанна многострадального можно полагать не ранее 1160 года. Память его празднуется 18 июля.

5 Пещера Варяжская находится подле Феодосиевых пещер. Она частью обвалилась в XVII веке.

6 Преподобные Феодор и Василий скончались 11 августа 1091 года. Мощи их почивают в Антониевой пещере в одном гробе.

7 Мощи преподобного Арефы почивают в Антониевой пещере.

8 Преподобный Еразм скончался около 1160 года. Мощи его почивают в Антониевой пещере.

9 Мощи преподобного Захария-постника почивают в Феодосиевой пещере.

10 Преподобный Николай Святоша провел в иночестве 36 лет (1106–1142); мощи его почивают в Антониевой пещере.

11 О чудотворной Ростовской иконе Богородицы (которая зовется Владимирской) подробно описано в книге моей «Святыни и древности Ростова Великого», издание 3-е, стр. 30 и 31. Другая икона преподобного Алипия, находящаяся в Московском Успенском соборе, известна под именем «Предста Царица».

12 Кончину преподобного Алипия можно полагать около 1114 года. Мощи его почивают в Антониевой пещере.

13 Мощи преподобного Спиридона и Нико-

дима – в пещере преподобного Антония. Троеперстное изображение крестного знамения, которым преподобный Спиридон осенил себя в минуту кончины, доселе сохранилось на его руке и обращает к Православию многих поклонников мнимой старины.

14 Преподобный Марк преставился в последних годах XI века. При мощах его, в пещере преподобного Антония, находится медный крест, служивший ему определенной мерой воды для утоления жажды.

15 Мощи преподобного Прохора почивают в Антониевой пещере.

16 Преподобный Дамиан преставился в 1071 году, мощи его – в Антониевой пещере.

17 Преподобный Агапит скончался в 1095 году, мощи его – в Антониевой пещере.

18 Время жизни преподобного Пимена относится к первой половине XII века. Мощи его – в Антониевой пещере.

19 Несчастливая битва с половцами на реке Стугне и кончина преподобного Григория были в 1094 году. Мощи его – в Антониевой пещере.

20 Нетленные мощи первого русского лето-

писца покоятся в Антониевой пещере, в раке, окованной серебром. Над ней прибита бронзовая вызолоченная доска, присланная в 1826 году.

21 Преподобный Тит жил в начале XII века. Мощи его – в Антониевой пещере.

22 Мученическая кончина преподобного Евстратия совершилась 28 марта 1096 года. Мощи его, по совершившимся чудесам, отысканы верующими и привезены в Киев, где и ныне почивают в Антониевой пещере.

23 Время кончины преподобного Никона Сухого должно полагать в первых годах XII века. Мощи его – в Антониевой пещере.

24 Обращение вятичей и кончину преподобного Кукши должно отнести к первым годам XI века. Мощи его и преподобного Пимена-постника – в Антониевой пещере.

25 Ростовский удел принадлежал князю Всеволоду и потом сыну его Владимиру Мономаху. Оба они постоянно жили на юге.

26 Древние известия молчат о годе кончины святого епископа Леонтия; по всей вероятности, он был убит около 1070 года, т. е. в то время, когда видим в летописях страшные

злодейства чудских волхвов в пределах Ростовской епархии. Блаженный епископ Симон, исчисляя Печерских иноков, удостоенных сана епископского, пишет: «Первый был Ростовский епископ Леонтий, священномученик, которого Бог прославил нетлением; это был первый (из Печерской обители) престольник; неверные мучили и убили его, и он стал третьим небесным гражданином из Русской земли, получив вместе с двумя варягами венец от Христа, за Которого пострадал». Некоторые заключают из этих слов, что страдальческий подвиг Ростовского святителя следовало бы отнести ко времени святого Владимира Равноапостольного, прежде страдальческой кончины Бориса и Глеба. Но блаженный Симон исчисляет русских мучеников за Христа, в числе которых Леонтий был действительно третьим, потому что и Святая Церковь ублажает Бориса и Глеба, как прославленных Богом за невинное страдание, и именует их страстотерпцами, а не мучениками.

27 Так, в селе Угодичах (древняя слобода Угожь, в 5 верстах от Ростова, на восточной

стороне озера Неро) сохранилось предание, что первая деревянная церковь этого села сооружена при святом Исае, который благословил жителей Угожа, за усердие их к вере, иконой Богоявления Господня. Эта икона сохранилась до нашего времени храмовой в Богоявленской церкви села Угодичь (Святыни и древности Ростова Великого, изд. 3-е, с. 95–97).

28 Мощи святителей Леонтия и Исаии обретыены нетленными в 1164 году при копании рвов для закладки каменного соборного храма на месте погоревшего дубового. Они почивают в Ростовском Успенском соборе: мощи святого Леонтия – под спудом, в приделе, посвященном его имени, а мощи святого Исаии – открыто близ иконостаса, у южных врат алтаря, в серебряной раке. До нашествия ляхов в 1609 году мощи святого Леонтия почивали открыто в «золотой раке», единственной в России. Чудеса святого Леонтия описаны в книге моей: «Святыни и древности Ростова», изд. 3-е, с. 35–36.

29 Мощи преподобного Авраамия обретыены и прославлены чудесами 29 октября 1210 года. Они почивают открыто в главном храме

Богоявленского Авраамиева монастыря, в великолепной серебряной раке, устроенной в 1862 году. Здесь же хранится медный шестиконечный крест от жезла, врученного Авраамию святым Иоанном Богословом, для сокрушения идола. Самый жезл взят Грозным-царем в 1553 году. (Святыни и древности Ростова Великого, изд. 3-е, с. 64–67).

30 Мощи преподобного Герасима почивают под спудом в Вологде, в Троицком храме обители его, упраздненной в 1764 году. Более подробные сведения – в моих «Письмах с Севера», с. 37 и 38.

Глава V

Гибельные последствия удельной системы правления. Убиение святого князя Игоря-Гавриила. Владимир Мономах и сын его святой Мстислав Великий. Преподобный Антоний Римлянин. Сыновья Великого Мстислава: святой Всеволод и блаженный Ростислав.

Раздробление Русской земли на множество уделов препятствовало развитию государственного значения потомков святого Владимира: каждый из них смотрел на свое княже-

ство как на временную стоянку, в ожидании более обширного или более богатого удела. Народ, со своей стороны, смотрел на князя как на временного правителя.

Самодержец (по выражению современников – самовластец) Ярослав I, разделив свои владения между пятью сыновьями, назначил старшего из них, Изяслава, великим князем. Порядок и согласие между князьями не могли быть прочными, тем более что великий князь не был государем для младших, а только имел надзор над ними – надзор отца за детьми, не пользуясь даже правом лишать виновных княжения. По прямому смыслу завещания Ярослав имел в виду постоянную неприкосновенность владений, данных каждому из сыновей его.

Через несколько лет по кончине Ярослава старший сын его был выгнан из Киева (как мы видели выше), а младшие сыновья стали заботиться, каждый на счет прочих, об усилении владений своих. Междоусобия сделались непрерывными. Наконец все князья решились, по совету лучшего из них – Владимира Всеволодовича Мономаха, внука Ярослава I от

третьего сына его, Всеволода, – не подчиняться суду великого князя, но сделать общий княжеский съезд и на нем порешить возникшие споры. Этот первый съезд князей (по-нынешнему – общий конгресс) был в Любече в 1097 году и впоследствии нередко повторялся, причем утвердилось новое правило – отнимать по общему приговору уделы у князей, которые окажутся виновными. Границы княжения и отношения князей стали определяться договорами.

Но и этих мер было недостаточно для спокойствия и порядка. Право на великое княжение принадлежало старшему в роде. Несмотря на то, князья очень часто восходили на киевский престол не по старшинству, а по согласию союзников, по выбору народа и просто по праву сильного. Ни один княжеский род не мог укрепиться на киевском престоле, где успели перебывать предки всех родов княжеских. Так было и в других княжениях, где иногда брат наследовал брату, иногда сын отцу, иногда один родственник вытеснял другого только потому, что был сильнее его.

Раздоры князей губительно действовали на

народ: он учился подражать им в самоуправстве. Когда Изяслав Мстиславич звал киевлян на войну против родственников низверженного и постриженного великого князя Игоря Ольговича, некоторые из народа сказали: «Идем с радостью, но враг князя и народа Игорь не в темнице сидит, а живет спокойно в монастыре святого Феодора; убьем его и пойдем на Ольговичей Черниговских». Тысячи голосов завопили: «Убьем Игоря!» Напрасно князь Владимир, брат Изяслава, митрополит Климент и народные сановники запрещали, удерживали, молили. Неистовые устремились к монастырю, схватили жертву свою в церкви во время литургии, безжалостно убили Игоря и бросили нагого на площади. На другой день Феодоровский игумен, совершая печальный обряд погребения убиенного князя-схимника Гавриила, воскликнул к народу: «Горе живущим ныне! Горе веку суетному и сердцам жестоким! Где любовь христианская?»¹

Недаром народ, ненавидя род Ольговичей, был искренно привязан к племени Мономаха. Родоначальник этого племени, из которого

вышло много святых князей, князь Владимир Всеволодович, прозванный Мономахом, славный победами, подвигами за Отечество и благими нравами, употребил всю свою жизнь на примирение князей и успокоение земли Русской.² Летописцы хвалят привязанность его к отцу, которого он никогда и ни в чем не ослушался, снисходительность, милосердие, щедрость, незлобие. Он творил добро врагам своим и любил отпускать их с дарами; молясь в церкви, всегда проливал обильные слезы. Но всего яснее изображает его душу завещание и поучение, написанное им для сыновей.

«Приближаясь ко гробу, – пишет он, – благодарю Всевышнего за умножение дней моих. Рука его довела меня до старости маститой. И вы, дети мои, помните заповеди Божии, ходите по стопам отцов ваших. Страх Божий – основание добродетели. Велик Господь, и чудны дела Его! О, дети мои! Хвалите Бога и любите человеков. Не пост, не уединение, не монашество спасет вас; спасут вас дела добрые. Не забывайте бедных, кормите их и мыслите, что всякое достояние принадлежит Богу, а нам дано только на время. Не скрывайте богат-

ства в недрах земли. Сиротам будьте отцами, не давайте сильным губить вдов и слабых. Не убивайте ни правого, ни виновного; жизнь и душа христианина священны перед Спасителем нашим. Принимайте с любовью благословение пастырей духовных; творите им добро, да молятся за вас Всевышнему. Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце и думайте: “Мы тленны, ныне живы, а завтра во гробе”. Бойтесь лжи, пьянства и любострастия, равно пагубного для тела и души. Старцев чтите, как отцов, мудрых слушайте, старшим покоряйтесь, с равными и меньшими имейте любовь, беседуйте без криводушия, воздерживайтесь от смеха, старайтесь опускать очи к земле, а душу возносить к небу. В пути, на коне, не имея дела, читайте наизусть молитвы или повторяйте чаще: «Господи, помилуй!» Не засыпайте никогда без земного поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на постели. Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю: так делал отец мой, так делали все добрые люди в мое время. Когда озаряло их восходящее солнце, они радостно сла-

вили Господа».

Благочестие и добрые дела составляли принадлежность семейства Мономаха. Старшая сестра его, блаженная княжна Анна, прозванная Янкою, постриглась в Киевском Андреевском монастыре, основанном родителем ее, великим князем Всеволодом, и занималась воспитанием девиц, сама учила их грамоте, пению и рукоделиям. Она преставилась 3 ноября 1112 года. Сестра ее Евпраксия и дочь Владимира Мономаха Марина кончили жизнь свою в подвигах иночества в той же обители.

Достойный сын благочестивого Мономаха, святой Мстислав-Феодор, заслужил от современников имя Великого. С 12-летнего возраста отправленный дедом княжить в Новгороде, он еще в молодости явился образцом мужества и великодушия христианского. Олег, князь Черниговский, убил брата его Изяслава и захватил удел его, Ростов и Суздаль. Мстислав, не желая проливать кровь, послал сказать ему: «Ты убил брата моего, но на войне гибнут цари и князья; будь же доволен своей наследственной Рязанью, а я упрошу отца мо-

его помириться с тобою». Олег не послушал кротких убеждений и увещеваний, но, разбитый Мстиславом, потерял свои завоевания и едва укрылся в Муроме. Тогда Мстислав снова предложил ему мир, умолил отца простить Олега, и Мономах согласился, сознавшись, что сын пристыдил его великодушием.

Вскоре Олег снова нарушил мир, снова был разбит и бегал в отчаянии, не зная, где приклонить голову. Мстислав послал сказать ему: «Святополк и отец мой Владимир (о себе он не говорил) не лишат тебя земли Русской; я буду твоим ходатаем, останься в своем княжении, только смирись». Вслед за тем он возвратился в Новгород и примирил Олега с великим князем Святополком и Мономахом.

Понятно, что таким князем не могли не дожить новгородцы. Когда Святополк хотел послать в Новгород сына своего, новгородские послы объявили ему: «Если у сына твоего две головы, то пришли его к нам. Новгороду нужен Мстислав, новгородцам дал его Всеволод; мы вскормили его для себя и любим его, а сына твоего не хотим».

Мстислав остался в Новгороде, где сохра-

нились как памятники его благочестия каменные храмы: Благовещенский на Городище, близ Новгорода, где со времени Рюрика было пребывание князей, и великолепный собор на княжьем дворе во имя святителя Николая, которого мощи незадолго пред тем были перенесены в Бар-град. Этот последний храм был памятником признательности блаженного князя к великому святителю за исцеление от болезни. Святой Николай в видении повелел больному князю Мстиславу послать в Киев послов за иконою своею, которой вид и мера были показаны. Послы отправились, но буря, поднявшаяся на озере Ильмень, удержала их у острова Липного три дня. Здесь нашли они пловшую по воде икону святителя Николая, того самого вида (круглую) и размера, какие показаны в видении. Больной князь, приложась к святой иконе, получил исцеление.³

После многих воинских подвигов для защиты пределов новгородских доблестный Мстислав по воле отца перешел в Белгород, а в 1125 году, оплакав кончину родителя, сел в Киеве на престоле великокняжеском. В Киеве он устроил монастырь в честь ангела своего,

великомученика Феодора, и храм в честь Пирогощей иконы Богородицы, доставленной из Царьграда.

После блистательного похода против дикой Литвы доблестный и благочестивый князь скончался в один из светлых дней Пасхи (15 апреля 1132 года), на 56 году своей жизни, и погребен в построенном им монастыре. Он умел править Русскою землею, хранил порядок и правду, мог бы надолго утвердить спокойствие России, если бы дожил до мастиной старости отца своего. Еще современники не только называли его добрым и христоролюбивым князем, но и надеялись на загробные молитвы его. В одном древнем Прологе сказано, что он был неудержимо милостив ко всякому, серебра и золота в руки не принимал, потому что не любил богатства, и заранее узнал день преставления своего⁴.

Во время княжения святого Мстислава, при святительстве святого епископа Никиты, основана в Новгороде первая общежительная обитель преподобным Антонием, чудотворцем. Он был уроженец города Рима, сын богатых и благородных родителей. Зная твердо

догматы веры православной и хорошо научившись греческому языку, он прилежно читал книги святых отцов; по кончине родителей, будучи 18 лет от роду, он роздал бедным большую часть имения, оставшееся золото, серебро, драгоценные сосуды и другие церковные вещи вложил в бочку (делву) и пустил в море. После того Антоний, в 1086 году, удалился в пустыню, где отыскал православных монахов, укрывавшихся от папских гонений в горах и расселинах, и поселился с ними, приняв пострижение. Оттуда по любви к уединению он перешел на одну приморскую скалу и здесь, стоя на камне, провел год и два месяца в посте и молитве, после чего неисповедимыми судьбами Божиими перенесен вместе с камнем, на котором стоял, по морю, реке Неве, Ладожскому озеру (Невоозеро) и вверх по реке Волхову в страну Новгородскую. Камень пристал к берегу в ночь с 7 на 8 сентября 1106 года. Преподобный услышал звон к утреннему пению, увидел жителей неведомой страны и не понимал языка их, а они смотрели с удивлением на чудного пришельца, который не смел сойти со своего кам-

ня, не зная, где он, и опасаясь новых гонений от враждебного Рима. После трехдневной молитвы Господь послал ему человека, знающего греческий и латинский языки.

Св. София Новгородская (1045–1052). Вид до реставрации.

С изумлением узнал от него Антоний, что пред ним Великий Новгород и Святая София, что он в три дня и три ночи совершил тот

путь, который обыкновенно совершается в полгода. Ликовала душа пришельца, когда он увидел священное величие храма Святой Софии, благолепие обрядов церковных и услышал сладкогласное пение, хотя на незнакомом ему языке. Обучившись несколько русскому языку, он открыл тайну своего чудного пришествия одному только епископу святому Никите, который посоветовал преподобному устроить обитель иноческую в честь Рождества Богородицы на том месте, где пристал к берегу плывший камень, и выпросил это место у новгородских посадников.

Спустя год после того случилось однажды, что рыбаки, трудившись целую ночь в рыбной ловле, ничего не поймали. Тогда преподобный Антоний предложил им гривенный слиток серебра с тем, чтоб они еще раз закинули сети в Волхов и все, что поймают, отдали в новую обитель. Рыбаки закинули сети и едва могли вытянуть их на берег: к общему изумлению, в неводе, кроме великого множества рыбы, оказалась та самая бочка, которую Антоний, еще будучи в Италии, бросил в море. Но рыбаки заспорили, уверяя, что бочка

принадлежит им издавна и что они нанимались ловить рыбу, а не товары. Преподобный должен был прибегнуть к суду посадников, и бочка была присуждена ему, когда он объяснил, что в ней находятся золотые потиры, церковная утварь, также золото и серебро, доставшееся ему в наследство от родителей. Это богатство послужило на построение каменного храма и на покупку близлежащих земель для монастыря. Святитель Никита сам начал копать ров под основание церкви, но не дожидаясь окончания здания. После 16-летнего игуменства, преподобный Антоний, предугадывая свою блаженную кончину, открыл духовному отцу дивную повесть жизни своей и велел предать писанию во славу Божию⁵.

Два сына блаженного великого князя Мстислава Владимировича оставили по себе память добродетельной и святой жизни.

Старший из них, святой князь Всеволод-Гавриил, в ранней юности был оставлен отцом в Новгороде на княжение, когда престарелый Мономах вызвал Мстислава к себе, чтобы иметь в нем помощника. Достойный сын великого Мстислава много сделал добра

для новгородцев; но они заплатили ему злом.

Начало своего княжения юный князь ознаменовал основанием Юрьева монастыря в Новгороде: вместе с игуменом Кириаком, он заложил там в 1119 году величественный храм великомученика Георгия, наделив обитель разными угодьями. По случаю рождения сына Иоанна он построил на торговой новгородской площади, на Петрятином дворе, храм святого Иоанна Предтечи и выдал для нового храма весьма значительную по содержанию грамоту.⁶

Наступило тяжкое время для Новгорода: угнетаемый двухлетним голодом, народ питался липовым листом, березовой корой, соломой и мохом; по улицам лежали трупы, и некому было погребать их; родители отдавали детей своих купцам иноземным, чтобы только спасти их от голодной смерти. В эти горестные дни Всеволод явил всю отеческую любовь свою к народу: он был отцом сирот и вдов, питателем нищих и голодных, истощал на них казну свою, но и ее не доставало для множества просящих.

Пребывая в Новгороде, Всеволод делал по-

ходы в Емь (Финляндию) для охранения новгородских границ, в Эстонию и Литву; все эти походы были удачны.

В 1132 году дядя его, князь Ярополк, вступил на киевский престол, дал Всеволоду удел Переяславский, который считался старшим после Киева и служил иногда переходным к великому княжению. С неудовольствием отпустили новгородцы своего доброго князя, упрекая его, что он изменил Святой Софии; а между тем родной дядя его, младший сын Мономаха князь Юрий Долгорукий, вооружился, говоря, что Ярополк хочет сделать племянника наследником своим в Киеве. Утром въехал Всеволод в Переяславль и до обеда выгнан был Юрием. Избегая междоусобия, богобоязненный князь возвратился в Новгород, но там на вече уже не хотели принять его, забыв благодетельное его правление и славные победы. Спустя два года брат его Изяслав, лишенный удела тем же дядею Юрием, пришел в Новгород просить помощи. Новгородцы зашумели, вызываясь защищать Мстиславичей против властолюбивого Юрия. Всеволод выступил с войском, но поход был неудачен.

Новгородцы требовали новой войны, хотели снова идти к Суздалю, но и на этот раз Бог не благословил оружия новгородского. Начали зимний поход, с терпением сносили холод и вьюги, но кровопролитная битва на Ждановой горе (26 января 1135 года) осталась навсегда памятною в летописях: здесь новгородцы потеряли множество людей, побили еще более суздальцев, но не могли одержать победы, и сам Всеволод едва спасся с остатком дружины. «Вся земля Русская разодралась тогда», по красноречивому выражению летописца.

Раздраженные неудачей новгородцы, собравшись на смутное вече, осудили Всеволода на изгнание. Он был заключен в епископском доме с женою, детьми и тещею (супругою святого князя Николы Святоши), семь недель содержался как преступник под стражею и получил свободу только тогда, когда прибыл в Новгород избранный народом князь Святослав Ольгович, друг Юрия.

Добродушный Ярополк дал изгнаннику Вышгород. Жители Пскова, до того времени неразлучные от новгородцев под властью одного князя, дорожили благодеяниями Всево-

лода и с живым усердием звали его к себе. Всеволод согласился на призыв любви; на дороге имел он утешение видеть, что между князьями его времени не иссякла любовь христианская. Полоцкий князь Василий, вместо того чтобы мстить за обиды, нанесенные ему Великим Мстиславом, принимал и провожал Всеволода с братскою любовью. Верные псковитяне приняли с восторгом призванного ими князя и не уstraшились, когда новгородцы поднялись на них войною. Устроив засеки и засевши в окопах, они клялись не выдать своего князя. Одумался Святослав Новгородский, побоялся кровопролития и воротился в Новгород, говоря: «Пусть Бог все управит Своим Промыслом».

Между тем святой Всеволод заложил в Пскове каменный храм Святой Троицы. Не более одного года княжил он в Пскове, но этот последний год его жизни был ознаменован непрерывными благодеяниями. Блаженный князь во всю жизнь свою любил Господа и его служителей; любил и нищих, которых щедро снабжал всем нужным. Предчувствуя близкую кончину, он смирял себя постом и молит-

вою, питал нищих, призревал странных, сам перевязывал раны больным; но окрестные народы трепетали при имени князя, который никому не выдавал чести своей и верного ему Пскова; никто не смел нападать на подвластный ему город. После краткой болезни он мирно скончался в летах зрелого мужества 11 февраля 1138 года.

Опамятовались граждане Великого Новгорода, услышав о кончине блаженного князя, и послали протопопа от Святой Софии, именем Полюда, и с ним несколько благоговейных людей, чтобы взять мощи в Новгород. Но рака не двинулась с места, потому что святой князь хотел остаться там, где любили его. Горько плакали послы новгородские, раскаиваясь в неблагодарности своего народа и молили дать им хотя малую часть от святых мощей на утверждение града их. Тогда отпал сам собою ноготь от руки блаженного князя. С радостью принял святыню протопоп Полюд и возвратился с нею в Новгород, а псковитяне погребли благоверного князя в построенном им храме великомученика Димитрия Солунского, потому что Троицкий собор был еще

не достроен. Спустя 54 года они обретенны нетленными. Святой князь явился в видении одному богобоязненному человеку и сказал: «Объяви властям, чтобы перенесли мощи мои в храм Святой Троицы; там хочу я возлечь. Господь Иисус Христос предал мне град мой Псков, чтобы хранить его от нечестивых немцев». Святые мощи были благоговейно перенесены открыто в Троицкий соборный храм (27 ноября 1192 года)⁷; там они прославились многими чудотворениями.

Ночью, под 30 число июля 1363 года, святой князь явился соборному пономарю, спавшему в притворе храма, и сказал: «Завтра объяви причту Святой Троицы и посадникам, чтобы вынесли иконы из церкви; в следующую ночь Господу угодно явить чудо над моими мощами». Приказание исполнено, и ночью обрушился громадный свод храма и отшиб малую часть челюстей благоверного князя, которая и доныне сохраняется в серебряном ковчеге.

Над гробницею святого Всеволода висит огромный и тяжелый меч его с надписью: «*Nonorem meum nemini dabo*» (чести моей ни-

кому не отдам)⁸.

Другой сын Великого Мстислава, благоверный князь Ростислав-Михаил, родоначальник князей Смоленских, принадлежал к числу тех редких правителей, которые в блеске верховной власти находят более тягости, нежели наслаждения. Два раза возводили его на престол великого княжения, но он не любил власти и всегда готов был отказаться от нее. Достигнув глубокой старости и уже больной, он отправился из Киева в Новгород, чтоб утвердить там сына своего Святослава. На дороге смоленские послы встретили его за 300 верст от города; в Смоленске жители всех сословий приняли с подарками добродетельного старца-князя. Утомленный путем, он не мог ехать далее Великих Лук и там взял клятву с послов новгородских – забыть прежние неудовольствия на сына его и не искать себе другого князя. Больной, возвратился он в Смоленск, где сестра его Рогнеда и сын Роман уговаривали его остаться, чтобы быть погребенным в сооруженной им церкви Петропавловской⁹. «Везите меня в Киев, – отвечал он, – если умру на дороге, положите меня в отчет

монастыре у святого Феодора; если же Бог исцелит меня молитвами Пречистой Своей Матери и преподобного Феодосия, постригусь в Печерском монастыре». Блаженный князь скончался на пути, с тихой молитвой на устах: «Ныне отпусти раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром». Это были последние слова его, и слезы остановились на застывших ланитах почившего¹⁰.

Блаженный князь Ростислав отличался необыкновенным незлобием: он все прощал другим, помнил только о своих грехах, о своих долгах перед Богом и забывал о том, что должны ему другие. Часто говорил он Печерскому игумену: «Приготовь мне келлью, боюсь смерти неожиданной». Во время Великого поста, по субботам и воскресным дням, приглашал он к своей трапезе игумена с избранными старцами обители преподобного Феодосия, беседовал с ними о душевном спасении, а в каждое воскресенье поста приобщался Святых Тайн. Ему очень хотелось уклониться от суетного мира в Печерскую обитель, чтобы краткую мимо текущую жизнь посвятить Богу в безмолвии. Не раз говорил

он о том Печерскому игумену, блаженному Поликарпу¹¹, но благоразумный старец оставивал его, говоря: «Бог требует от тебя других подвигов: твори правду и блюди землю Русскую». Ростислав не равнялся свойствами с отцом и дедом, но любил родину, любил мир и правду и боялся запятнать себя кровью русскою.

Примечания

1 Святой князь Игорь убит 19 сентября 1147 года. Мощи его перенесены в Чернигов. Икона Богородицы, перед которою он молился в последние минуты своей жизни, находится теперь в Печерской Лавре.

2 Великий князь Владимир Мономах скончался в 1125 году.

3 Чудесная явленная на озере Ильмень икона святого Николая находится в Новгородском Николо-Дворищенском соборе. На острове Липном, где она была найдена, в 7 верстах от Новгорода, блаженный Мстислав поставил деревянную церковь и основал монастырь Липенский, от которого сохранились только развалины каменного храма, построенного в

1290 году (Святыни и древности В.Новгорода, с. 115 и 253).

4 «Русские Святые». Апрель, с. 64.

5 Преподобный Антоний Римлянин представился 3 августа 1147 года и погребен в созданной им церкви. Мощи его открыты в 1597 году. В обители его сохранились: камень, на котором он приплыл из Италии, ветви морской травы, которую он держал в руке во время плавания; две фелони и два паникадила, принадлежавшие чудотворцу, а из вещей, найденных им в бочке, – шесть мозаических (мусийных) икон. Полагают, что два драгоценных потира, взятые Грозным-царем при разграблении Антониева монастыря в 1560 году и находящиеся теперь в Московском Успенском соборе, принадлежали также преподобному Антонию (Святыни и древности В.Новгорода, с. 154–157).

6 В этой грамоте обеспечено содержание храма и причта и назначена пошлина со всех предметов торговли, особенно же с воска. Другая грамота святого князя Всеволода, данная им Софийскому собору (Новгородской кафедре), сходная по содержанию с уставами

святых Владимира и Ярослава, включает в себе замечательную черту. По «Русской Правде» дочерям боярина давалась часть наравне с сыновьями, а дочери смерда (простого свободного человека) получали равную часть только тогда, когда не выданы замуж; иначе братья давали только приданое. Блаженный князь Всеволод пишет: «Если после кого-нибудь останутся сыновья и дочери, то как сыновьям, так и дочерям следует из всего имущества по равной части». Князь лишает наследства только нецеломудренную дочь, но и при этом говорит: «Если брат из желания корысти возведет на свою сестру ложь, то он повинен зато смерти».

7 Мощи святого князя Всеволода-Гавриила в царствование императора Петра I закрыты и с того времени почивают под спудом. В день Пасхи, 22 апреля 1834 года, они переложены вместе с дубовою ракою в великолепную серебряную.

8 Описание и рисунок меча можно видеть в книге моей: «Святыни и древности Пскова», с. 23.

9 Петропавловский храм в Смоленске, по-

строенный в 1146 году набожным князем Ростиславом, несмотря на все перевороты времени, особенно страшные для Смоленска в 1612 и 1812 годах, уцелел без малейшего повреждения.

10 Блаженный князь Ростислав Набожный (так звали его современники) преставился 14 марта 1168 года и погребен в Киевском Феодоровском монастыре. При нем открыта епископская кафедра в Смоленске, в пользу которой он пожертвовал два села с землями и дал грамоту о судах церковных, сходную с грамотою брата его святого Всеволода.

11 Преподобный Поликарп, первый из игуменов Печерских именованный архимандритом, преставился 24 июля 1182 года. Мощи его почивают в Антониевой пещере.

Глава VI

Основание великого княжения во Владимире. Юрий Долгорукий. Сын его святой Андрей Боголюбский. Святые епископы Новгородские: Нифонт и Илья-Иоанн. Святой князь Мстислав Храбрый. Преподобная княжна Евфросиния. Святой Кирилл Туровский. Преподоб-

*ный Никита Столпник. Преподобный
Варлаам Хутынский и ученики его.*

Между тем как достойный сын Мономаха, Мстислав Великий, и благочестивые сыновья его, Всеволод и Ростислав, подавали земле Русской пример христианских и царственных добродетелей, на северо-востоке России, в земле Суздальской, княжил младший сын Мономаха Юрий (Георгий) Владимирович, прозванный Долгоруким. Властолюбивый, но беспечный, он знаменит в истории гражданским образованием восточного края Руси, в котором он провел цветущие лета своей жизни. Он заботился о распространении там христианской веры, строил церкви в Суздале, Владимире, на берегах Нерли; открыл пути в лесах дремучих; основал новые города: Юрьев-Подольск, Переяславль-Залесский и Дмитров. Но он не любил дикого и сурового севера, считал себя изгнанником в земле Суздальской и скучал по Киеву. «Неужели и детям моим не будет части в земле Русской?» – говорил он, стараясь добыть Киев. Юрий не имел добродетелей великого отца, не прославил себя в летописях ни одним подвигом, ни

одним действием искреннего добросердечия, свойственного племени Мономахов. Он не уважал святости клятв и часто волновал Русь в пользу своего честолюбия. Будучи сыном Мономаха, которого любили во всех концах земли Русской, он не умел заслужить народной любви ни на севере, ни на юге, где наконец удалось ему, незадолго до смерти, занять престол великого княжения. Народ киевский столь ненавидел Долгорукого, что, узнав о смерти его, поспешил разграбить дворец княжеский и не дал похоронить тела его подле гробницы Мономаховой: Юрия похоронили за городом в Спасском Берестовском монастыре.

Сын его Андрей, прозванный Боголюбским, любил север, как родину; там народ был спокойнее, нежели на юге, не судил и не менял князей, но повиновался им усердно и сражался за них мужественно. Видя, что ему нечего искать на юге при жизни сыновей старшего из Мономаховичей, Великого Мстислава, храбрый и набожный Андрей тяготился в душе нерасчетливым властолюбием отца своего и тайно удалился из Киева в наслед-

ную область, где ростовцы и суздальцы приняли его с радостью и по смерти отца признали своим князем. Он мог тогда же завоевать себе древнюю столицу; но хотел единственно тишины долговременной и порядка в своем наследственном уделе. Он основал новое великое княжение суздальское, или владимирское, которое Промысл Божий предназначил быть истинным сердцем Русского государства. Чувствуя, что Россия гибнет от раздробления власти, Андрей старался ввести единодержавие.

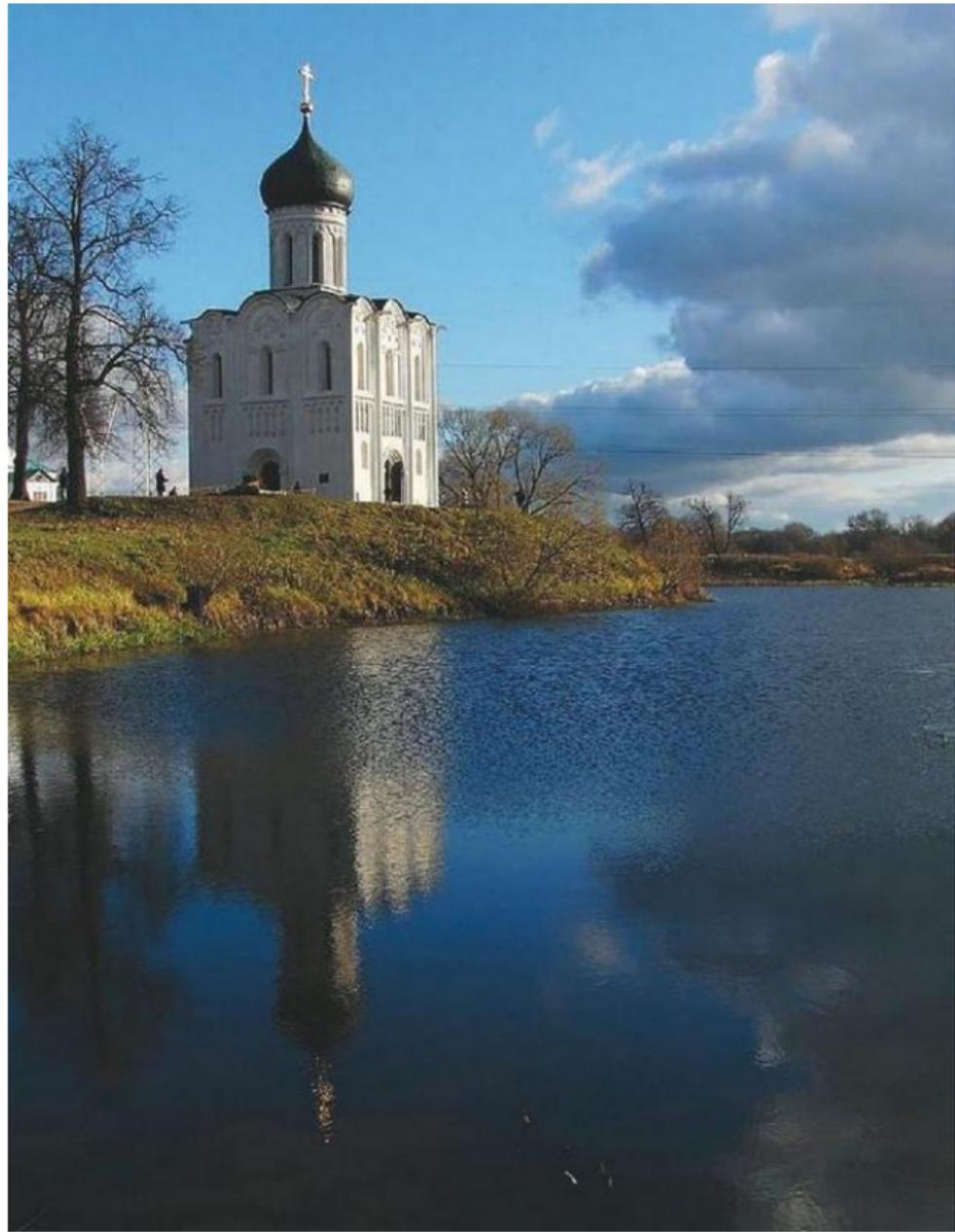
Удаляясь из Киева в Суздаль, он тайно взял с собою знаменитую икону Богоматери, написанную, по общему верованию наших предков, святым евангелистом Лукою. Из Иерусалима она была перенесена в Царьград императрицею Евдокиею, супругою Феодосия Младшего, и поставлена во Влахернском храме, а Патриарх Константинопольский Лука Хризоверг прислал ее в Киев к великому князю Юрию, который поставил икону в девичьем монастыре в Вышгороде. Оттуда и взял ее Андрей. Когда пришли на берег Клязьмы, не доезжая до Владимира, кони, везшие ико-

ну, остановились и не могли сдвинуться с места. Князь построил здесь каменный храм и поставил на время икону, а место назвал Боголюбовым, потому что Богородица возлюбила его. Построив во Владимире великолепный соборный храм¹, благочестивый князь перенес в него чудотворную икону и украсил ее окладом из 15 фунтов золота, жемчугом и драгоценными камнями. Быв свидетелем многих опытов благодатной помощи от сей святой иконы, князь Андрей питал к ней особенную веру и, когда выходил на брань, имел обычай брать с собою ее честный крест. Так поступил он и в 1164 году, отправляясь в поход против восточных болгар-магометан. Пред сражением благочестивый князь укрепил дух свой приобщением Святых Тайн и молитвою пред иконой Богоматери. Болгары были разбиты, и князь далеко преследовал их. По возвращении из преследования на место битвы князь прежде всего принес благодарение Богоматери пред чудотворною Ее иконой. В это время от животворящего креста и иконы Богоматери воссиял свет, озаривший все войско. Память о сем чуде доселе сохраня-

ется в празднестве Всемиловитовому Спасу (1 августа), установленном по желанию Андрея и по сношению с императором греческим Мануилом, который в тот же день видел свет от Креста Господня и победил сарацин².

Князь Андрей Юрьевич Боголюбский
Реконструкция М.М. Герасимова

Церковь Покрова Богородицы на Нерли.
Ок. 1165 г.

Княжение Андрея Боголюбского кончилось страдальческой смертью: люди, осыпанные милостями князя, убили его в Боголюбове. Последние слова его были: «Господи! В руке Твои предаю дух мой»³. За девять дней до убийства святого князя Андрея скончался сын его князь Глеб, 20-летний юноша, благочестивый, чистый душою и телом. Тело его, положенное во Владимирском соборе, прославлено нетлением и чудесами⁴.

Между тем как в земле Суздальской возникло новое великое княжение, на архиерейской кафедре Великого Новгорода сияли добродетелями два великих святителя – Нифонт и Илия-Иоанн.

Святой Нифонт, уроженец киевский, монах Печерский, за святость жизни поставленный в сан епископа Новгородского в 1130 году, великолепно возобновил Софийский храм и построил каменные церкви: Успения и святого Климента в Новгороде и Спасскую на Псковском Завеличье⁵.

В 1147 году великий князь Изяслав решил последовать примеру Ярослава Великого и созвал собор епископов для избрания и посвящения митрополита. К несчастью, тогда происходило кровавое междоусобие между Изяславом и Юрием Суздальским за киевский престол, и почти все князья удельные, разделившись на две стороны, принимали участие в этой распре. Естественно, тогда не могло быть того единодушия на соборе, какое было при самодержце Ярославе, тем более что давность обыкновения – получать первосвященителей из Царьграда – обратилась как будто в непреложный закон. Нельзя было ничего сказать против лица, предлагаемого великим князем: это был Климент Смолятич, родом русин, черноризец и затворник, строгий и просвещенный подвижник. Но святой Нифонт и Грек Мануил, епископ Смоленский, утверждали, что митрополит может быть посвящен не иначе, как вселенским Патриархом в Царьграде. Несмотря на их несогласие, Климент был посвящен русскими епископами в Киеве, а для блаженного Нифонта наступило тяжелое время. За несогласие покориться новому

митрополиту он вызван был в Киев и содержался в заключении до тех пор, пока Юрий Долгорукий, утвердясь на киевском престоле, не отпустил его с честью в Новгород. Вскоре в Царьграде посвятили нового митрополита Константина⁶, и Нифонт поспешил в Киев, чтобы встретить его, но не дождавшись его приезда, скончался в Киеве 21 апреля 1156 года, в субботу пасхальной недели⁷. Новгородский летописец, благоговей пред высокими добродетелями святого Нифонта, говорит: «Мы за грехи наши лишены утешения видеть у себя гроб его».

Известны ответы блаженного Нифонта на вопросы Кирика, иеромонаха новгородского Антониева монастыря, относящиеся до богослужения, совершения Таинств и обрядов. Эти ответы в древности пользовались полным уважением всей Русской Церкви и теперь служат для нас доказательством, что все существенное в догматах веры и совершении Таинств сохранилось издревле неизменным, как непреложна самая воля Божия.

Через несколько лет после преставления блаженного Нифонта вступил на Софийскую

кафедру, по избранию народного веча, святой Илия-Иоанн, природный новгородец, священник Власьевской церкви на Волосовой улице⁸. Он посвящен в Киеве в 1166 году и вскоре после того получил от митрополита грамоту, предоставлявшую Новгородскому владыке и преемникам его сан архиепископа.

Вскоре потом новгородцы, беспрестанно призывая и изгоняя князей, не послушались Андрея Боголюбского. Тогда великий князь решился сломить гордыню Новгорода и послал многочисленное войско с 72 князьями. Бесчеловечно опустошив область Новгородскую на триста верст в окружности, князья осадили Новгород. В третью ночь осады, 25 февраля 1170 года, святитель Илия со слезами молился пред иконою Спасителя⁹, и Небесный Голос возвестил ему: «Иди в церковь Спаса, что на Ильиной улице, возьми там икону Богородицы, неси ее на городские стены и увидишь чудное спасение». Наутро архиепископ вынес икону на наружное укрепление города¹⁰ прямо против осаждающих. Народ молился с воплем и слезами. Осаждавшие простерли воинскую отвагу до наглости против святы-

ни: сыпались стрелы на молящихся, и одна из них поразила святую икону¹¹. Тогда на суздальцев напал внезапный ужас, и они потерпели страшное поражение; в плен взято их было так много, что за пленного суздальца давали только по две ногаты (денежки). Святитель установил ежегодный праздник (27 ноября) Знамения Богородицы в воспоминание чудной победы, «дня избавления для Новгорода и дня наказания для врагов его»¹².

После того Новгород несколько времени наслаждался миром. Блаженный пастырь, умиряя народ и умилоствляя князей, находил время на сооружение многих храмов в городе и Благовещенской обители на озере Мячине¹³, на составление церковных правил, сохранившихся до нашего времени, а может быть, и на писание летописи. Достигнув глубокой старости, пред концом жизни он сложил с себя омофор и принял схиму под именем Иоанна. По усердной просьбе духовенства и всего народа он передал архиепископство брату своему Гавриилу и преставился 7 сентября 1186 года¹⁴.

В числе князей, которых много перемени-

лось при 40-летнем святительстве архиепископа Илии-Иоанна, был святой Мстислав, сын блаженного великого князя Ростислава и внук святого Мстислава Великого. Еще в молодости он заслужил у современников прозвание Храброго, не только по личному мужеству в битвах, но и по особенному благородству характера, по которому он всегда вступался за правого против виноватых и за слабого против сильных. Руководствуясь древним обычаем, по которому киевский престол должен был принадлежать старшему в роде, он вместе с братьями посадил на киевское княжение дядю своего Владимира Мстиславича, против воли Андрея Боголюбского. Привыкнув, как пишут современные летописцы, от ранней юности не бояться никого, кроме Бога Единого, храбрый князь не побоялся стотысячной рати Боголюбского. С малочисленной, но смелою дружиной он заперся в Вышгороде, рубился на вылазках днем и ночью и выдержал девятидневную осаду. Между тем в стане осаждающих не было ни усердия, ни согласия: одни князья тяготились самовластием Андрея, другие опасались ко-

варства Ольговичей, некоторые тайно доброжелательствовали Мстиславу и его братьям. Наконец, когда один из князей, подручных Андрею, Ярослав Луцкий, открыто перешел на сторону осажденных, несметные полчища осаждающих взволновались и ночью в беспорядке обратились в бегство, стараясь переправиться на другой берег Днепра.

При свете утренней зари Мстислав стоял на стене Вышгорода. Он смотрел с изумлением, как войско многочисленное, как бы гонимое сверхъестественною силою, бросалось с крутого берега в глубину Днепра, поднял руки к небу и восхвалял заступников Вышгорода, святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Мгновенно вскочил на коня храбрый князь и спешил довершить поражение врагов, завладел станом неприятельским и множеством плененных, которых отпустил без выкупа. Посадив в Киеве старшего брата своего Романа, он отдал ему и Смоленск. Себе храбрый князь не искал никакого удела: он был везде, куда звала его правда и слава. С того времени Мстислав Ростиславич считался храбрейшим из всех храбрых князей. Вскоре новгородцы при-

слали звать его к себе на княжение, но он колебался, говоря, что не хочет расстаться с добрыми братьями и своею отчиной – Смоленском. «А Великий Новгород разве не твоя отчина? – возразил посадник, – иди, князь, поклонись святой Софии, послужи ей верой и правдой, как служили дед твой и прадед». Мстислав согласился, потому что добрая душа его, как пишут современные летописцы, «всегда рвалась на дела великие».

С восторгом встретили новгородцы храброго князя, прославившегося борьбою с тем самым Андреем, который угрожал Святой Софии своими несметными полчищами. Мстислав усмирил чудь, принудив ее платить дань, освободил Псков от междоусобий и собирался в поход на Полоцкого князя, которого прадед ограбил некогда Новгород и Святую Софию.

Но приближался уже предел земной его жизни: во всей силе мужества он внезапно поражен был тяжким недугом. Чувствуя приближение смерти, Мстислав велел нести себя в Софийский собор и там пред всем народом приобщился Святых Тайн; после того он

взглянул на супругу и трех сыновей и, проследясь, сказал: «Поручаю их добрым братьям моим, особенно берегите младенца моего Владимирка». Тогда успокоились крестообразно мощные руки его на широкой груди, которая служила щитом Великому Новгороду, и почил доблестный князь 14 июня 1180 года. Громко рыдал о нем народ, погребая храброго князя в Софийском соборе, в древней апсидной гробнице блаженного храмоздателя Святой Софии князя Владимира Ярославича¹⁵.

Современники, оплакивая раннюю кончину Мстислава, всеми любимого, величают мужественную красоту его, светлый и смелый взгляд голубых очей, исполинский рост, необыкновенную силу, удачу в победах, младенческое добродушие, соединенное с пылкостью сердца благородного, ненависть к неправде, смирение пред старшими родом и летами, ласковость и приветливость ко всем, милосердие к бедным и сиротам, горячее усердие к Богу и Церкви. По свидетельству летописца, он был красою Руси и своего века. Другие воевали для корысти, он только для правды и славы, презирая опасности и отда-

вая всю добычу Церкви и своей дружине, которую ободрял в битвах, говоря: «За нас Бог и правда, умрем сегодня или завтра, умрем лишь с честью». Не было земли на Руси, где бы не желали служить ему и где бы не оплакивали ранней его кончины.

В лице храброго Мстислава мы видим уже третье поколение святых князей из благословенного рода Мономахова, как бы самим Промыслом Божиим предназначенного для счастья и славы России. Но и в других родах княжеских того времени появлялись личности, удивлявшие современников благочестием и святостью жизни. К числу их принадлежит преподобная княжна Евфросиния, в миру Предислава, внучка владетельного князя Полоцкого Всеслава Брячиславича. Отец ее, Святослав-Георгий, был младший из семи сыновей князя Всеслава. Родители воспитывали Предиславу в страхе Божиим, и она оказывала такую любовь к книжному учению, что изумляла тем родителей. Красота ее стала привлекать князей, но сердце чистой девы было занято любовью к Небесному Жениху, и она тайно удалилась в девичий монастырь,

где игуменствовала тетка ее, вдова князя Романа Всеславича, и по неотступной просьбе пострижена с именем Евфросинии. Впоследствии она испросила себе позволение жить в пристроенной к Софийскому собору келлии и голубце. Здесь она пребывала в молитве, занималась списыванием книг и плату, какую получала за то, раздавала нищим. Потом, по особенному видению, решилась она основать свой монастырь на загородном месте, отданном ей местным епископом с ветхою Спаскою церковью.

Там к благочестивой Евфросинии скоро собрались сестры. В числе их была младшая родная сестра ее Градислава, нареченная в иночестве Евдокиєю; потом двоюродная сестра ее Звенислава принесла к преподобной все дорогие вещи, приготовленные ею на приданое, и навсегда отреклась от мира с именем Евпраксии. Ревнуя о благолепии дома Божия, блаженная Евфросиния, вместо ветхого деревянного храма, построила (около 1160 года) каменный храм Спасителя в своем монастыре, сохранившийся до нашего времени¹⁶, и приготовила для нового храма драгоценный

напрестольный крест¹⁷. Горя любовью к Спасителю и Богоматери, она воспользовалась родственною связью с домом императоров Комнинов, чтобы выпросить одну из трех икон, писанных по преданию евангелистом Лукою, которая тогда находилась в Ефесе¹⁸. По усердной ее просьбе император Мануил и Патриарх Лука Хризверг прислали ей Ефесскую икону, и Евфросиния, украсив ее драгоценною ризой, поставила в своей Спасской церкви.

Преподобная игуменья усердно заботилась о спасении сестер своих о Господе. Древний жизнеописатель передает трогательную беседу, которую она возбуждала их к подвижничеству. «Я собрала вас о Господе, – говорила преподобная, – как кокош собирает птенцов, собрала словесных овец на духовную пажить. Паситесь же в заповедях Господних, возрастайте в добродетелях от силы в силу, чтобы я с радостию заботилась о вашем спасении и видела с утешением духовные плоды трудов моих. Стараюсь я сеять в вас слова Божии, но сердечные нивы ваши не остаются ли в прежнем виде? Они не зреют, а время жатвы бли-

зится, и лопата готова, чтобы отделить плевелы от пшеницы. Страхусь, не нашлись бы между вами плевелы и не преданы бы были Огню Негасимому. Старайтесь, молю вас, старайтесь сохранить себя от грехов и спастись от геенны. Творите из себя чистую пшеницу Христову, измелитесь в жерновах смирения, трудами постническими, чистотою, любовью, молитвами, – да будете Богу как хлеб сладкий».

Уже в преклонных летах преподобная Евфросиния исполнила давнее свое желание – посетить святые места Палестины. Вверив обитель сестре своей Градиславе-Евдокии, она отправилась на восток в сопровождении родного брата своего, князя Давида и Звениславы-Евпраксии. На пути она встретила императором Мануилом, шедшим в поход против венгров; потом в Константинополе была обласкана Патриархом Лукою. Она посетила Святую Софию Цареградскую, поклонилась святыням и в других местах столицы восточной и продолжала путь в Иерусалим. Здесь, остановясь в русском монастыре Пресвятой Богородицы, блаженная княжна

несколько раз ходила на поклонение живоносному Гробу Господню и поставила над ним золотую лампаду. Потом обошла места, ознаменованные земною жизнью Спасителя, и в русском монастыре занемогла. После краткой болезни она предала дух свой Господу 23 мая 1173 года. Тело преподобной Евфросинии погребено было в окрестностях Иерусалима, в общежительном Феодосиевом монастыре, на паперти храма, там, где покоились мощи преподобного Саввы Освященного и преподобного Феодосия. Впоследствии¹⁹ святые мощи ее были перенесены в Киевские пещеры, где нетленно почивают и поныне, в раке, окованной серебром, в знак благодарности за исцеление.

В одно время с преподобною Евфросинией жил великий святитель Русской Церкви святой Кирилл Туровский, по выражению древнего писателя жития его, «златословесный учитель, светлым учением богоразумия своего просветивший все концы русские». Он родился в Турове, на реке Припяти, от богатых родителей, но, отказавшись от наследства, принял монашество в Туровском Борисоглеб-

ском монастыре. Не довольствуясь строгою жизнью обыкновенных иноков, блаженный Кирилл, по примеру великих столпников востока, первый из русских стал подвизаться на столпе. Впоследствии возведенный в сан архипастыря Туровского, он с ревностью предлагал пастве своей поучения в храме. По любви к уединению, блаженный пастырь в 1182 году оставил кафедру и проводил последнее время жизни своей в уединенной молитве. Он преставился 27 апреля 1183 года.

После святого Кирилла сохранились драгоценные памятники трудов его: объяснение чина черноризцев, с превосходными мыслями об иноческой жизни, 24 молитвы, покаянный канон, вполне достойный имени Великого не по обширности, но по обилию и глубине чувств, и 12 поучительных слов на Господские праздники; слова эти справедливо оставили за Кириллом имя русского Златоуста; они дышат любовью к слову Божию и спасению людей.

Вот несколько тропарей из покаянного канона, написанного святым Кириллом:

«Становлюсь обличителем против меня са-

мого в злых делах, которыми прогневал я Христа, преступая заповеди его: передаю письму все помыслы, слова и дела, все скверны и беззакония, вслух всему миру».

«Доколе тебе, бедная душа, быть в узах, объятай страстями, обидами, немилосердием, гордостью, пьянством? Эти тенета врага сведут тебя живую в ад. Воззови в покаянии: о, Христе мой! Разорви узы греха и спаси меня».

«Душа моя! Горька темница и тяжелы окоувы – злые твои страсти. Если не сбросишь их, сама себя отдашь ты бесам и будешь ими мучима».

«Как человек согрешил я, но прости меня как Бог, Ты, Отче, Сыне и Святой Дух! Тебе поклоняюсь я верно и ищю Твоей милости, до последнего вздоха моего».

«Всех я грешнее, не смею взглянуть на Небо; припадая, вопию пред Тобою, Мать Божия пречистая: умилосердись надо мною, избавь меня от вечного мучения».

Подвижничество на столпе, по примеру великого Симеона Столпника, продолжалось на востоке до XII века, но и там, как необыкновенно тяжкое, мало находило подражателей.

В Русской Церкви, при суровом климате нашего отечества, столпничество было еще реже: кроме святого Кирилла известен только один русский столпник, также XII века – преподобный Никита, Переяславский чудотворец.

Уроженец Переяславля-Залесского, преподобный Никита заведовал сбором податей на своей родине в то время, когда устройство многих городов Суздальского края князем Юрием Долгоруким и перенесение Переяславля с низменного берега озера Клецина на берег реки, прозванной тогда Трубежем, требовали усиленных налогов. Сборщик Никита был беспощаден к другим, не столько для князя, сколько для своей корысти: грабил бедных, теснил слабых и безнаказанно наживался на счет других. Так жил он много лет без страха Божия. Однажды случилось ему войти в церковь и услышать чтение из книги Исая-пророка: «Измойтесь и чисти будете, отымите лукавства от душ ваших» и проч. Слова эти так потрясли душу Никиты, что он целую ночь провел без сна. Наутро, желая развлечься, он пригласил к себе приятелей на

веселую беседу и велел жене приготовить обед. Но когда она стала варить, то сперва увидела кровь на поверхности воды, потом разные члены человеческого тела. В ужасе сказала она о том мужу, и он увидел то же самое. «Горе мне, много согрешившему», – промолвил он с глубоким вздохом и ушел из дому. Игумен Никитского монастыря, куда пришел Никита, ища спасения, велел ему стоять три дня у ворот обители. Никита сделал еще более: он пошел и сел нагой в тростниковое болото; там комары и мошки осыпали его; кровь текла из тела, искусанного ими. Принятый в обитель, Никита затворился на столпе. Там молился он о грехах своих, в тяжелых веригах и каменной шапке²⁰, открытый морозу и зною. По ночам, выходя из обители, он выкопал два колодца²¹.

В таких многотрудных подвигах душа блаженного Никиты очистилась и удостоилась благодати Божией. Князь Михаил, сын Всеволода Черниговского (тогда еще отрок, а впоследствии мученик, как увидим ниже), страдал тяжким недугом. Услышав, что в Переяславле живет святой столпник, удостоенный

дара исцелений, он с верою отправился к нему; преподобный Никита послал ему жезл свой, и больной, опершись на него, стал здоров. Признательный князь, 16 мая 1186 года, велел поставить, в память милости Божией, крест на том месте, где получил исцеление²². Вскоре после того родственники блаженного Никиты, приходившие к нему, прельстясь блестящими веригами, которые показались им сделанными из драгоценного металла, умертвили столпника 24 мая ок. 1186 года.²³

Иноческая жизнь в Новгороде и его окрестностях в это время особенно распространялась из Хутынского монастыря. Основателем этой знаменитой обители, находящейся в 10 верстах от Новгорода, на высоком берегу реки Волхова, был преподобный Варлаам (в мире Олекса Михалевич, или Алексей Михайлович), уроженец новгородский, сын благочестивых и благородных родителей. Приняв на себя пострижение, он поселился на месте, называемом Хутынъ или Худынъ, где он видел светлый луч из чащи леса. Мало-помалу собиралась к нему братия, которой он построил малую деревянную церковь Преображения

Господня.

Дар прозорливости и чудотворений привлекал к Варлааму особенное уважение граждан вольного города. Особенно замечательны в житии его два опыта прозорливости.

Однажды блаженный игумен Хутынский увидел на Великом Волховском мосту толпу народа и палача, который готовился сбросить в реку человека, осужденного на смерть. Преподобный остановился и, благословив народ, стал просить, чтобы отдали ему осужденного, дабы он загладил вину свою служением в монастыре. Народ единогласно воскликнул: «Отдайте, отдайте, отдайте его отцу нашему Варлааму!» Впоследствии этот несчастный постригся в обители и кончил жизнь в богоугодных подвигах. Но в другой раз, встретив на том же мосту другого, осужденного на потопление, прозорливый старец, несмотря на просьбы сродников несчастного и многих из народа, не захотел вступить за него и проехал мимо; казнь совершилась. На вопросы учеников, почему он поступил не так, как прежде, старец сказал им: «Первый осужденник, которого я выпросил у народа, был весь-

ма грешный человек и осужден справедливо. Но как в сердце его возбудилось раскаяние и я видел, что по вере своей он может спастись, то и выпросил его у народа и пристроил в обитель, как было угодно Богу. Другой же осужден был напрасно, и я видел, что он умирает мученической смертью и готов ему венец от Христа; не нужно мне было ходатайствовать о нем, потому что сам Христос – Помощник ему и Избавитель»²⁴.

Часто приходил преподобный для беседы к Владыке Новгородскому. Однажды, расставаясь с Владыкою, святой Варлаам сказал ему: «Если Бог благословит, приеду к святыне твоей на санях в пятницу первой недели поста святых апостолов». И действительно, в ночь накануне этого дня выпал снег на полтора аршина, при сильном морозе. Святой Варлаам исполнил свое обещание и вместе с тем успокоил народ, испуганный безвременною непогодой, предсказав необыкновенный урожай, что и сбылось, потому что снег истребил червей, появившихся во множестве на корнях хлеба²⁵.

Незадолго до блаженной кончины препо-

добный Варлаам окончил сооружение каменного храма в своей обители²⁶. Чувствуя приближение смерти, он назначил вместо себя настоятелем ученика своего Антония и предал Богу праведную свою душу 6 ноября 1192 года²⁷.

Сокровище мощей преподобного Варлаама со дня преставления его и донныне остается под спудом. Он был отцом иноков и насадителем иночества в пределах Новгородских. Премник его в игуменстве, преподобный Антоний, основал свой монастырь²⁸ на берегу Дымского озера, в 15 верстах от г. Тихвина. Там он почил 24 июня 1224 года²⁹.

Третий игумен Хутынский, также ученик преподобного Варлаама, преподобный Ксенофонт, удалился за 25 верст от Новгорода и на берегу речки Робейки, около 1230 года, основал пустынную обитель с храмом Святой Троицы³⁰.

Другие ученики преподобного Варлаама, Константин и Козьма, уединились в окрестности Старой Руссы и там, на острове, омываемом двумя речками, Полистью и Снежною, положили основание Косинской обители³¹.

Примечания

1 Храм этот уцелел до нашего времени. Камень для постройки его привозился из каменоломен болгарских. Внутренняя отделка и украшение собора отличались необыкновенным великолепием: дорогие камни, золото, серебро покрывали иконы; сосуды и кресты были золотые. Храм был заложен в 1158 году; освящение совершено 21 июня 1160 года. Князь назначил для собора лучшие села с купленными поселенцами, десятую часть своих стад и десятую пошлину с торга; он назначил быть здесь епископской кафедре и все это утвердил грамотою. Он даже просил Цареградского Патриарха об избрании особенного митрополита для северной России с тем, чтобы кафедра его была во Владимире; но Патриарх не согласился, боясь раздоров.

2 В тот же день совершается празднование честному Кресту, упоминаемое еще в месяцеслове Остромирова Евангелия (1070) под 31 июля и уже позднее перенесенное на 1 августа.

3 Убиение святого князя Андрея было но-

чью с 29 на 30 июня 1175 года. Мощи его открыто почивают в серебряной раке, в посвященном памяти его приделе сооруженного им собора. По словам летописи, князь Андрей был невысок ростом, но широк в плечах, красив лицом, с волосами черными и кудрявыми, с высоким челом, с большими светлыми очами.

4 Святой князь Глеб преставился 20 июня 1175 года; мощи его, открытые в 1702 году, отличаются изумительною живостью: рука юного князя свободно поднимается, гнется, наклоняется, как бы у живого. В честь князя Глеба устроен придел во Владимирском соборе, где почивают мощи его в серебряной раке.

5 Спасо-Мирожская церковь, основанная святым Нифонтом в год кончины его, сохранилась донныне в целости. Святой Нифонт почитается основателем не только этого храма, но и монастыря Спасо-Мирожского, в котором первым настоятелем был преподобный игумен Авраамий (преставившийся 24 сентября 1158 года). В монастырской ризнице хранится принадлежавшая святому Нифонту деревянная чаша (Святыни и древности Пскова, с. 67).

6 Митрополит Константин недолго оставался на Софийской кафедре. Раздоры между князьями окончились тем, что положили: не управлять митрополиею ни Клименту, ни Константину, а призвать нового митрополита из Греции. Изгнанный из Киева, блаженный Константин горько сокрушался о том, что был невинной причиной столь упорного разделения мыслей в князьях, духовенстве и народе; он скоро скончался в Чернигове (5 июня 1159 года), удивив современников и потомство странностию своего завещания. Он вручил запечатанную духовную епископу Черниговскому Антонию, истребовав клятву, что последняя воля его будет исполнена. Антоний, в присутствии князя Святослава, срезал печать и с изумлением читал следующее: «Не погребайте моего тела: да будет оно извлечено из гроба и повержено псам на снадение!» Епископ не дерзнул нарушить клятвы; но князь, страшась Гнева Небесного, велел на третий день привезти тело митрополита в Чернигов и с честью предал земле в соборной церкви Спаса.

7 Мощи святого Нифонта почивают в Анто-

ниевой пещере. Память его празднуется повсеместно, по установлению митрополита Макария (в XVI в.).

8 Святой Илия-Иоанн был поставлен в сан епископа без пострижения в монашество (см.: Прибавления к Творениям святых Отцов за 1862 год, статью о сани епископском – с. 469).

9 Изображение Спасителя, пред которым молился святой Илия-Иоанн, находится на каменной стене притвора, или сеней, пред входом в Грановитую палату, в Иоанновском корпусе Новгородского архиерейского дома. В недавнее время устроена в этой палате церковь во имя святителя Иоанна.

10 По народному преданию, вынесенная святителем икона поставлена на Белой башне, которая одна только из всех наружных укреплений Новгорода сохранилась до нашего времени.

11 Чудотворная икона Знамения Божией Матери находится в Знаменском соборном храме, воздвигнутом в честь ее новгородцами в 1682 году. Под левым оком изображения заметно небольшое пятно от поражения стрелой. На украшение иконы употреблено более

12 фунтов золота. Знамение Богородицы изображалось на печати Владык Новгородских.

12 Выражение из рукописного жития святого Иоанна. (Сборник в библиотеке Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, N 692, л. 8).

13 Каменная церковь Благовещения при озере Мячине, построенная в 1170 году, сохранилась донныне. Бывший при ней монастырь упразднен в 1786 году.

14 Мощи святителя Иоанна обретенны в 1440 году и почивают в богатой серебряной раке в Предтеченском приделе Софийского собора. Брат и преемник его, блаженный архиепископ Гавриил, также удостоенный архиерейства без пострижения, после шестилетнего святительства принял на себя схиму с именем Григория и почил 24 мая 1193 года. На гробнице его, под помостом Предтеческого придела, положено изображение святителя в рост.

15 Нетленные мощи святого князя Мстислава почивают открыто у южной стены соборного алтаря св. Софии в бронзовой раке, которой подножием служит апсидная (красноватого шифера) гробница святого князя

Владимира. Время открытия мощей и переложения их из апсидной в бронзовую раку неизвестно.

16 Этот храм, построенный преподобной Евфросинией, в просторечии называется Спас-Юревичи (Спас-Георгиев); он сохраняет доселе как снаружи, так и внутри, неизглаженные временем признаки священной древности. На стенах церкви уцелело стенное писание в древнем византийском вкусе, а на хорах – две крестообразные келлии, место молитвы преподобной Евфросинии и сестры ее Градиславы. В 1832 году эта церковь, бывшая в руках униатов, передана в духовное ведомство православного исповедания.

17 Крест преподобной Евфросинии – шестиконечный. Длина его $11 \frac{3}{8}$ вершка; верхняя поперечина, или титло, на 3 вершка, нижняя – $4 \frac{5}{8}$ вершка. Весь крест обложен золотыми и серебряными вызолоченными листами, на которых множество украшений, искусно сделанных из мелкой муссии (мозаики), и 19 маленьких образов (один утрачен). Внутри креста вложены: часть животворящего древа, камня от гроба Господня и Богороди-

цы и несколько частиц святых мощей. Из боковой надписи, начертанной вокруг всего креста, видно, что крест приложен в Спаскую церковь от преподобной Евфросинии в 6669 (1161) году и стоимость креста, кроме заключенной в нем святыни, составляла 140 гривен, т. е. около 1400 нынешних серебряных рублей.

18 В 1239 году, когда святой великий князь Александр Невский сочетался браком в Торопце с дочерью Полоцкого князя Брючислава, эта княжна принесла с собою из Полоцка на брак Ефесскую икону Богородицы и поставила ее в Торопецком соборном храме. Здесь находится она и теперь под именем Торопецкой, или Корсунской.

19 Кульчинский приводит известие, что русские монахи перенесли мощи преподобной Евфросинии из Феодосиевой обители в Аккону, ныне Сен Жан-д'Акр, уходя от нашествия египетского султана Саладина, который вскоре после того (в 1187 году) покорил Иерусалим. Оттуда (вероятно, они же) привезли мощи в Киев.

20 Тяжелые вериги преподобного Никиты

находятся при его гробнице. Каменная шапка до 1735 года оставалась в обители, и ее вместе с веригами носили на себе богомольцы, обходя вокруг столпа блаженного столпника.

21 Один из этих колодезей – близ бывшего Борисоглебского монастыря, другой – близ потока Слудного. Оба недалеко от Никитского монастыря.

22 Крест, поставленный святым князем Михаилом Черниговским, находится в часовне, в расстоянии около версты от монастыря, по дороге к Переяславлю.

23 Мощи преподобного Никиты, хотя были обретыены нетленными при митрополите Фотии и прославились множеством чудес, почитают под спудом в Никитском монастыре, в соборной церкви святого великомученика Никиты. В 1564 году там устроен придел во имя преподобного Никиты Столпника. Год кончины прп. Столпника показан по сборнику Синодальной библиотеки, N 628.

24 Из рукописного жития преподобного Варлаама в сборнике Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, N 792.

25 В память этого чудного события доньне

совершается крестный ход из Софийского собора в Хутынский монастырь, в первую пятницу Петрова поста.

26 Храм Преображенский, построенный преподобным Варлаамом, существовал около 312 лет. Он был разобран за ветхостью, и на месте его построен в 1515 году великолепный собор, который сохранился донныне. В арке между этою соборною церковью и южным Покровским приделом почивают нетленные мощи преподобного Варлаама, прикрытые богатою серебряною ракой. Подле раки повешены тяжелые вериги его, с большими железными крестами спереди и сзади. В ризнице монастыря сохранились облачения преподобного Варлаама: фелонь, епитрахиль, подризник, поручи и власяница, около 18 фунтов веса. Вообще все эти облачения отличаются необыкновенными размерами и доказывают, что Хутынский чудотворец был огромного роста.

27 Чудеса преподобного Варлаама подробно описаны в моей книге «Святыни и древности Великого Новгорода», с. 180–189.

28 Еще и ныне Дымский монастырь окру-

жен густыми лесами. В 1409 году он был ограблен и сожжен полчищами Едигея; в 1613 году опустошен шведами.

29 Мощи преподобного Антония были обретыены нетленными, прославлены чудесами и с того времени стояли открыто в храме Дымской обители. По слуху о приближении татар в 1409 году святые мощи сокрыты были в земле и донныне остаются под спудом. На раке преподобного Антония лежит железная 15-фунтовая шляпа его.

30 Преподобный Ксенофонт Робейский преставился в половине XII века; мощи его почивают под спудом в храме упраздненной его пустыни.

31 Косинский Николаевский монастырь, в 3 верстах от Старой Руссы, упразднен в 1764 году. Мощи преподобного Константина и Козьмы почивают под спудом, под деревянною крытою папертью, соединяющею сооруженную ими каменную церковь святого Николая с деревянною колокольней.

Глава VII

Всеволод Великий. Взятие Царьграда латинами. Орден меченосцев в Ливо-

нии. Мстислав Удалой. Борьба между сыновьями Всеволода: Константином и Георгием (Юрием). Святой Симон, епископ Владимирский. Князья Муромские: святой Петр и святая Феврония. Святой князь Феодор Новгородский. Дела Галицкие. Первое нашествие татар и битва на реке Калке. Нашествие Батыя. Разорение Рязани, Владимира и других городов. Убиение святого великого князя Георгия. Святой Василько – князь-мученик. Разорение Киева. Порабощение Русской земли.

Всеверном великом княжении, основанном Юрием Долгоруким и укрепившемся при сыне его, Андрее Боголюбском, несколько времени сохранялось единоедержавие, но и там наконец появились княжеские уделы. Брат Андрея, Всеволод Георгиевич, прозванный Великим, княжил славно и счастливо 37 лет и строго соблюдал правосудие. «Не обинуяся лица сильных, – по словам летописца, – и не туне нося меч, от Бога данный», он казнил злых, миловал добрых, мстил иногда жестоко, но без несправедливости; уважал древние обычаи, требовал безусловной покорности от

князей южных, но без вины не отнимал у них уделов; повелевая Новгородом, он льстил иногда своеволию граждан; мужественный и счастливый в битвах, он старался сохранить мир и не любил кровопролития бесполезного. Он соорудил несколько храмов, укрепил Владимир, Суздаль и Переяславль-Залесский и казнил убийц Андреевых.

Первая супруга Всеволода, Мария, родом ясыня, мать 8 сыновей, из коих двое умерли в младенчестве, отличалась благочестием и мудростью. Летописцы называют ее русскою Еленою, Феодорою, второю Ольгою. В последние годы жизни, страдая тяжким недугом, она показывала собою пример удивительного терпения, часто сравнивала себя с Иовом, а пред кончиною призвала сыновей и заклинала их жить в любви и помнить мудрые слова Великого Ярослава, что междоусобие губит князей и Отечество, возвеличенное трудами предков; советовала детям быть набожными, трезвыми, приветливыми ко всем и особенно уважать старцев¹.

В княжение Всеволода, в 1204 году, взят крестоносцами третьего крестового похода

Царьград – происшествие, горестное для наших предков, тесно связанных с греками верою и торговлею. Ограбив богатые храмы², похитив многие святыни³, крестоносцы избрали не только своего императора – Балдуина, графа Фландрского, но и латинского патриарха Фому Морозини; православный Патриарх Иоанн Каматер, оставив им в добычу казну Софийскую, удалился из города, как бедный странник, на осле, прикрытый рубищем. Папа Иннокентий III, один из самых могущественных первосвященников римских, спешил воспользоваться этим случаем, чтобы подчинить себе Русскую Церковь. Он писал к нашему духовенству, что вера истинная торжествует в Царьграде и во всей империи, что Церковь Римская есть ковчег спасения и вне ее все должно погибнуть: неужели одни только жители земли Русской захотят быть отверженными от паствы Христовой? Увещание папы осталось без последствий; митрополиты наши поставлялись после того в Никее, где пребывали православные Патриархи Царьградские до изгнания латинян из Константинополя.

Тогда же другие крестоносцы сделались опасными для северо-западной России. Еще Ярослав I утвердился в Прибалтийском крае, населенном эстонскою чудью, построив там город Юрьев (Дерпт), и заботился о распространении православной веры между туземцами; но во время междоусобий власть князей в этом крае ослабела, и только по временам новгородцы производили в нем опустошения и заставляли чудь платить дань. В другой стороне Прибалтийского края, по Западной Двине, до самого устья, латыши или ливы издревле платили дань князьям Полоцким. Сюда-то, к устью Двины, пристал в 1158 году корабль бременских купцов и положил основание двум торговым конторам, в Уксуле и Далене. Узнав о том, архиепископ Бременский, с благословения папы Александра III, отправил сюда миссионеров. Вслед за миссионерами открылся крестовый поход против язычников; в конце XII века крестоносцы утвердились в Ливонии; в 1200 году епископ Альберт основал Ригу, а два года спустя возник в Ливонии и орден рыцарей Меча. Князья Полоцкие не имели достаточных сил для про-

гнания пришельцев и готовы были довольствоваться данью, которую привыкли брать с латышей или ливонской чуди. Немцы не только отказали им в платеже дани, но мало-помалу совершенно завладели всею южною частью приморского края, или собственно Ливонии. Папа отпуская грехи всякому, кто под знаменем креста лил кровь на берегах Двины. Ежегодно из Германии толпами отправлялись туда странствующие богомольцы, ноне с посохом, ас мечом – искать спасения души в убийстве людей.

Северная часть Прибалтийского края и особенно страны, пограничные с областью Псковской, еще держались под властью Новгорода, который тогда, более чем когда-либо, нуждался в доблестном князе. Там княжил малолетний сын великого князя Всеволода; бояре владимирские правили именем князя-отрока. Мстислав Удалой, или Удатной, сын святого князя Мстислава Храброго, вздумал воспользоваться обстоятельствами, зная, что память отца его любезна новгородцам и что они тяготятся самовластием Всеволода. Он внезапно занял Торжок и прислал посла к

новгородцам с такими словами: «Бью челом Святой Софии и гробу родителя моего; низко кланяюсь Великому Новгороду. Я сведал, что Суздальский князь угнетает вас. Новгород – моя отчина; иду восстановить вольность его по всей старине». Эта речь пленила граждан вольного города; они единогласно объявили Мстислава своим князем. Удалой Мстислав собрал войско для защиты от Всеволода; но осторожный старец не хотел битвы: он довольствовался возвращением к себе юного сына, сам предложил мир Новгороду и назвался отцом Мстислава, который поспешил ополчиться на немцев, прошел по Чудской земле до самого моря и взял выкуп 400 гривен серебра.

Вскоре после того (15 апреля 1212 года) великий князь Всеволод скончался. Великое княжение Суздальское разделилось тогда на две области: Константин, старший из сыновей умершего, княжил в Ростове и Ярославле; второй сын, Юрий (Георгий), которого отец перед смертью назначил наследником всего великого княжения, владел Владимиром и Суздаlem; оба желали единовластия, и каж-

дый считал себя законным наследником; первый опирался на право старшего в роде, а последний – на предсмертную волю отца. Братья их также разделились: Ярослав-Феодор в Переяславле-Залесском и Святослав в Юрьеве-Польском взяли сторону Георгия; Дмитрий-Владимир в Москве остался верным Константину. Началось кровавое междоусобие. Большая часть князей, в том числе и Мстислав Удалой, была на стороне Константина. Борьба братьев кончилась битвою на берегах реки Липецы. Летописцы оплакивают эту страшную сечу, в которой сын шел на отца, брат на брата. Константин при помощи Мстислава одержал победу, не стал преследовать брата и медленно пошел к Владимиру. Георгий не мог уже обороняться, покорился старшему брату и уступил ему великое княжение, а Константин оказал великодушие, объявив его своим наследником.

Правление Константина продолжалось только три года (1216–1219). Он заложил в Ростове, на месте прежней соборной церкви, которая по неопытности зодчих обрушилась, великолепный храм Успения Богородицы⁴; ока-

зывал любовь к просвещению, необыкновенную в его время: когда еще вся Европа коснела в глубоком невежестве, у Константина были писцы, которые списывали для него множество рукописей, и просвещенный князь часто и прилежно читал их. Он был благочестив, любил раздавать милостыню, не оскорблял ни одного человека, но словом и делом утешал всякого.

При нем святительствовал во Владимире святой епископ Симон, постриженник Печерский и писатель житий подвижников Киевских, поступивший на епископскую кафедру в 1214 году, по желанию князя Георгия. Он преставился 20 мая 1226 года, приняв предкончиною схиму. Современный летописец называет его «блаженным, милостивым и учительным епископом», а по сочинениям он известен как благочестивый и искусный жизнеописатель. Он написал для друга своего Поликарпа, Печерского инока, повествование о жизни и трудах подвижников, трудившихся в Печерской обители. Сочинение блаженного Симона, как житие преподобного Феодосия, написанное преподобным Нестором, вошло в

состав первоначального Патерика Печерского, который сохранился в множестве древних списков. В превосходном послании к Поликарпу святой Симон, величая обитель преподобных Антония и Феодосия, из которой вышло тогда уже до 50 епископов, выражается так: «Я рад бы был оставить епископию и служить игумену в Печерском монастыре. Но тебе известно, что удерживает меня. Кто знает, что у меня, грешного Симона-епископа, соборная церковь во Владимире – красота города, а другая – в Суздале, которую я сам построил? Сколько они имеют городов и сел! И десятину собирают со всей земли той. И всем тем владеет худость наша. Но пред Богом говорю тебе: всю эту славу и власть сочел бы я за ничто, если бы мне хоть колом торчать за воротами Печерского монастыря и быть попираемому людьми. Один день в дому Божией Матери лучше тысячи лет временной чести. В нем хотел бы я жить лучше, чем в селениях грешников»⁵.

Ко всеобщей горести народа, великий князь Константин скончался в цветущих летах (на 33 году)⁶. Он оставил по себе сыновей:

Василька, Всеволода и Владимира, назначив им уделы: первому – Ростов, второму – Ярославль, а третьему – Углич. Великое княжение он предоставил брату, Георгию. Сыновьям своим, из коих старшему было только 10 лет, он завещал жить согласно, делать добро и чтить дядю как второго отца.

Русская земля несколько времени наслаждалась тишиной. Здесь мы можем остановить взор на двух отрадных явлениях христианской жизни: благоверной чете Муромских чудотворцев и князе Новгородском, в ранней юности удостоенном Небесной Славы.

Блаженный Давид, князь Муромский, был второй сын князя Юрия Владимировича Муромского⁷. Старший брат его, Владимир, княжил в Муроме. Между тем князь Давид подвергся тяжелой болезни – тело его покрыто было струпьями. Дочь бортника (древозлазца), славившаяся умом и красотой, вылечила его мазью; князь дал слово жениться на ней, но потом нашел неприличным для себя супружество с девицею простого рода, дочью лесного пчеловода. Болезнь возобновилась. Евфросиния вновь вылечила князя; и он выпол-

нил свое обещание – сочетался с нею браком. Когда же он наследовал княжение после брата, муромская знать объявила ему: «Или отпусти жену, которая своим происхождением оскорбляет знатных барынь, или оставь Муром». Князь, верный долгу христианина, согласился лучше отказаться от власти княжеской, нежели разлучиться с супругою. Он остался после того с весьма скудными средствами к жизни и нередко скорбел о том. Но умная княгиня говорила ему: «Не печалься, князь, Бог милосерд и не оставит нас в бедности». В Муроме скоро открылись раздоры и кровопролития; князь Давид, по усердной просьбе бояр, возвратился с княгинею на свое княжение.

В Муроме правление князя Давида было правдивое, но без суровой строгости, милостивое, но без слабости. Умная и благочестивая княгиня помогала супругу советами и делами благотворительности. Оба жили по заповедям Господа, не любили ни гордости, ни несправедливой корысти; покоили странников, облегчали участь несчастных; чтители иноческий и священнический чин, ограждая

его от нужд. Оба вели жизнь постническую, чистую, целомудренную. Когда князь и княгиня достигли старости, то в одно время приняли иночество, один – с именем Петра, другая – с именем Февронии. Оба преставились в один день – на пасхальной неделе 1228 года и, согласно завещанию, положены в одном гробе⁸.

В Новгороде княжил тогда старший сын князя Ярослава, внук Всеволода Великого, юный князь Феодор. По воле отца, он собирался вступить в брак: уже готова была невеста⁹, гости князя собрались на пир. Но не свадебным весельем окончились приготовления, а плачем погребальным¹⁰: жених, чистый девственник, прекрасный душою и телом, скончался от внезапной болезни. Это было 5 июня 1233 года. Мать умершего князя, блаженная княгиня Феодосия, перенесла тяжкую потерю с покорностью воле Божией. Она говорила: «Ты, Господи, дал, Ты и взял; да будет благословенно святое имя Твое!»¹¹ Тело юного князя погребено было в Юрьеве монастыре, а впоследствии, прославленное нетлением и чудесами, перенесено в Софийский собор¹².

Между тем как новгородцы оплакивали

раннюю кончину своего юного князя, дед его, Удалой Мстислав, был далеко на юге России. Прощаясь в 1218 году с гражданами вольного города, он сказал им: «Бью челом Святой Софии и гробу отца моего. Иноплеменники завладели княжением Галицким; пойду прогону их. Но вас, верные новгородцы, никогда не забуду; желаю, чтобы кости мои лежали под сводами святой Софии, в ногах у блаженного родителя моего».

Обширное княжение Галицкое (нынешняя Галиция), окруженное народами иноплеменными и иноверными – венграми, ляхами и другими – в это время оставалось без главы. Умный и властолюбивый князь Галицкий, Роман Мстиславич, соединял в себе, по выражению летописи, «мудрость Соломонову, дерзость львиную, быстроту орлиную, ревность Мономахову». Галичане и волынцы, хотя не любили его за жестокость, но уважали, не боясь под щитом его ни хищных ятвягов, ни дикой Литвы. Романа знали и в Византии, на защиту которой он ходил с войском, знали и в Риме. Папа Иннокентий прислал к князю Галицкому посла, чтобы доказать ему превос-

ходство закона латинского; не выдержав спора с Романом, искусным в прениях богословских, посол наконец сказал ему, что папа может наделить его городами и сделать великим королем посредством меча Петрова. Роман, обнажив свой собственный меч, отвечал ему: «Такой ли у папы? Доколе ношу его при бедре, не нуждаюсь в чужом мече и кровью покупаю города, по примеру дедов моих, возвеличивших землю Русскую». Этот смелый князь в 1205 году погиб в битве с ляхами, оставив княжение малолетнему сыну своему, Даниилу, под опекою матери. Тогда начались и несколько лет продолжались неурейства в земле Галицкой, обуреваемой внутренними мятежами и нападениями хищных соседей. Уже самый Галич был занят венграми, но поспел с дружиною Удалой Мстислав, разбил и обратил в бегство врагов, сел на престоле Галицком, обручил дочь свою юному Даниилу, привел подкрепление из южной Руси и орды половецкие, завоевал и очистил от венгров и ляхов все Галицкое княжество. Неустршимый воин, но искусный политик, он впал в непонятное ослепление: по совету

галицких бояр-изменников, Мстислав обручил другую дочь свою с венгерским королевичем Андреем и обещал ему в наследство все княжение Галицкое, безвинно обидев Даниила, который лишился законного своего достоинства. Это безрассудство, как кажется, не было вполне оценено современниками. Им было не до того: приближалось бедствие ужасное — гибель ратей, гибель князей, порабощение государства.

Русская земля в 1223 году в первый раз услышала о татарах. Казалось, самая природа предчувствовала что-то страшное. На западе появилась комета, величины необыкновенной, с хвостом, обращенным на юго-восток, наподобие копья. В то же лето сделалась необыкновенная засуха, леса и болота загорались; густые облака дыма закрывали свет солнечный; мгла тяготила воздух, и птицы, к изумлению народа, падали мертвые на землю.

Из глубины Средней Азии нахлынули полчища монголов, или татар (как называли их современники). По воле Чингис-Хана, завоевателя большей части Азии, эти дикие орды

начали опустошение в степях половецких. Множество половцев бежали в Киевскую область с семействами и стадами и принесли туда весть о новом страшном неприятеле. Бодрый Мстислав Галицкий собрал южных князей на совет в Киеве; они решились встретить неприятеля вне пределов отечества, в степях половецких. Перешедши Днепр, они достигли до реки Калки¹³ и здесь увидели несметные полчища татар. Половцы обратились в бегство: князья не успели еще изготавиться к битве, потому что Удалой князь Галицкий, желая один воспользоваться честью победы, не дал им вести о начале сражения. Этот порыв славолюбия храброго князя погубил войско русское. После ужасной сечи татары одолели русские рати и погнали их в беспорядке перед собой; завладели укрепленным станом, смертвили всех пленников, задушили трех князей под досками и пировали на их трупах. Павших в битве было множество, в том числе шесть князей. Избегшие смерти и плена князья разбежались по своим уделам, и победители шли за бегущими остатками русского войска до самого Днепра, истребляя все,

что попадалось на пути. Вся южная Россия трепетала: народ с воплями отчаяния молился в храмах. Вдруг татары обратились на восток и ушли в Бухарию.

Земля Русская, по словам летописцев, от начала своего не видала подобного бедствия: войско прекрасное и многочисленное совершенно исчезло, народ разбежался в ужасе по лесам и болотам. Мстислав Галицкий, в первый раз в жизни потерпев поражение, в горести и ужасе уехал в Галич, где нашел страшный беспорядок, произведенный венграми и ляхами. Не чувствуя в себе прежней бодрости духа, он не только выдал дочь за королевича Андрея, но и возвел его на престол Галицкий, оставив себе одно Понизовье¹⁴. Сознавая вину свою перед зятем Даниилом Романовичем и видя неблагодарность другого зятя – венгерца, Мстислав думал снова вооружиться, привести на помощь половцев и возвратить Даниилу отцовское наследие. Но он не успел исправить зла, которое сделал. На пути в Киев, в 1228 году, Мстислав заболел и скончался в Торческе, постриженный в схиму. Тело знаменитого князя, пережившего свою воинскую

славу, было отвезено в Киев и погребено в построенной им Воздвиженской церкви.

После несчастной битвы при Калке несколько лет не слышно было о татарах. Северная Русь наслаждалась миром. Великий князь Георгий Всеволодович занимался устройством Русской земли, заложил, при впадении Оки в Волгу, Нижний Новгород, посылал войска на помощь Новгороду и Пскову против ливонских немцев. К стыду своего имени, князь Ярослав Владимирович, недостойный внук святого Мстислава Храброго, был другом и союзником немцев. Он оставил по себе злую память: княжив в Пскове, поссорился с гражданами и ушел к ливонским рыцарям, вместе с ними ходил опустошать Псковские земли, прогнал от себя добродетельную супругу Евпраксию и едва ли не принял участия в убийстве ее пасынком, сыном его от немки¹⁵.

В Ростове юный Василько, сын великого князя Константина Всеволодовича, скоро стал показывать своими делами, что был вполне достоин любви отца и дяди. Вот как описывает его современник: «Он был красавец лицом,

с очами светлыми и грозными; он был храбр, добр сердцем, ласков с боярами. Кто из бояр служил ему, кто ел хлеб его и пил из его чаши, тот не мог забыть его, не мог быть слугою другого князя. В нем мужество соединено было с умом и правдивость – со знанием. Он был во всем сведущ, на все способен. Это был отец и кормитель сирот, великое утешение печальным. Очи сердца его отверсты были Богом на весь церковный чин, и он был отцом для всех бедных»¹⁶. При первом появлении татар, Василько, по воле дяди своего, великого князя Георгия, ходил с ратью на помощь к южным князьям и дошел уже до Чернигова, когда узнал о жестоком поражении русского войска на берегах Калки. При княжении Василька, на Ростовскую епископию, по желанию его, был посвящен в Киеве блаженный епископ Кирилл II из архимандритов Рождественского монастыря во Владимире¹⁷.

Между тем снова поднималась гроза над Русскою землею. В глубине великой Татарии жил хан Октай, или Угдай, старший сын и преемник завоевателя Чингис-Хана. Он дал полмиллиона войска племяннику своему Ба-

тыю и велел ему идти на покорение северных берегов моря Каспийского и дальнейших стран.

В 1237 году Батый разорил столицу закамских болгар. Едва слух о том достиг русских князей, как монголы сквозь густые леса вступили в южную часть Рязанской области. Владетели Рязанские дали знать великому князю во Владимир, что пришло время крепко стать за веру и отечество; но они не дождались помощи от Георгия. Тогда старший из князей Рязанских, Юрий, послал сына своего Феодора с дарами к Батыю, который, узнав о красоте супруги Феодора Евпраксии, захотел видеть ее; но юный князь отвечал ему, что христиане не показывают жен злочестивым язычникам. Батый велел мучительно умертвить Феодора; а Евпраксия, услышав внезапно о страдальческой кончине любимого супруга, ринулась в беспамятстве из высокого терема вместе с сыном своим, младенцем Иоанном, которого держала на руках, и оба убились до смерти. Батый двинул страшную рать свою к Рязани и взял приступом город после пятидневной кровавой битвы. Князь Юрий с семейством и

множество народа погибло. Варвары распинали пленников, оскверняли храмы насилием женщин и девиц, обагрjali алтари кровью священников. Весь город с окрестными монастырями обратился в пепел. Несколько дней продолжались убийства. Наконец умолк вопль отчаяния, ибо уже некому было стелать и плакать.

Только одного из князей, Олега Ингваревича Красного, привели после битвы к Батю живого, но изнемогающего от ран. Удивляясь смелости и красоте его, Батый предлагал ему свою дружбу и убеждал отречься от веры Христовой. Но когда юный князь назвал его безбожным, варвар, разъярившись, велел разнять его по суставам¹⁸. Старый князь Ингварь, возвратившись из Чернигова, где он находился во время разорения его родины, похоронил тела князя Юрия, сына своего Олега и других убиенных князей в Рязани, а над могилами князя Феодора Юрьевича с супругою и сыном поставил каменные кресты, на берегу реки Осетра, подле знаменитого храма святого Николая Зараского¹⁹.

Продолжая свой опустошительный набег,

Батый близ Коломны встретил сына великого князя, Всеволода, который соединился с остатками Рязанской дружины, смело вступил в неравную битву, потерпел поражение и бежал к отцу во Владимир.

Батый в то же время сжег Москву, тогда еще ничтожный городок, перерезал жителей и пленил второго сына Георгиева – Владимира. Великий князь увидел, как опасны новые неприятели, и спешил выехать из столицы, поручив защиту ее двум сыновьям, а сам отправился собирать войска.

В праздник Сретения Господня, 2 февраля 1238 года, татары подошли к стенам Владимира. Из города стали пускать в них стрелы. «Не стреляйте!», – кричали татары, показывая на пленного князя Владимира, которого влачили они за собою, бледного, истомленного страданиями. Братья его, Всеволод и Мстислав, не могли удержаться от слез и говорили дружине: «Лучше нам умереть за святую веру, чем быть в неволе варварской. Все это навел на нас Бог за грехи наши». Неприятель поставил вокруг города стенобитные орудия, и в мясопустное воскресенье, 7 февраля, вскоре после

заутрени, начался приступ. Князя Всеволод и Мстислав, мать их, княгиня Агафия, с дочерью и двумя снохами, многие вельможи собрались в соборный храм Богоматери и приняли от епископа Митрофана иноческое пострижение; все они принесли исповедь в грехах своих, причастились Святых Тайн и приготовились к смерти. Татары завладели городом и зажгли церковь; тогда епископ сказал: «Господи, простри невидимую руку Свою и прими в мире души рабов Твоих», и благословил всех на смерть неизбежную. Все бывшие в соборе²⁰ страдальчески умерли от дыма и мечей неприятельских, кроме сыновей великого князя, которые успели пробиться с дружиною за город и там пали в битве; большая часть жителей столицы убиты, немногие взяты в плен. Великий князь, получив весть о гибели своего семейства, столицы и народа, сказал с Иовом: «Так ли, Господи, угодно милосердию Твоему? Зачем я остался один?»

Благоверный Георгий под тяжестью бед не только не пал духом, но еще окреп. Удалясь в Ярославль, он взял с собою Ростовских князей с их дружинами и решился идти в глушь ле-

сов на берега реки Сити, где тянутся болота на огромные пространства. Туда же пригласил он ополчение братьев своих, Ярослава и Святослава. Батый, взяв Владимир, отправил сильные отряды к Ярославлю, в погоню за великим князем; но Георгий решился сберечь слабые силы свои до лучшего времени. Он разбил стан свой на берегах Сити²¹ и ждал татар от Ярославля; но они, опустошив Переяславль и Кашин, напали на него со стороны Бежецкого Верха. С великим князем был брат его Святослав, со своими юрьевцами, и племянники, князья Ростовские, с их дружинами, но не было брата Ярослава с переяславцами. Открылась кровопролитная война с неприятелем многочисленным и рассвирепевшим; русские дружины, при всем мужестве, не устояли; великий князь был убит вместе с племянником, Всеволодом Константиновичем, первым князем Ярославским; почти все русское войско легло на поле сражения. Это было 4 марта 1238 года.²²

Князь Василько Ростовский, израненный, остался пленником в руках варваров. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбию

об отчизне и голодом, он был влачим татарами до Шеренского леса²³. Здесь он должен был вытерпеть последнюю борьбу с оболъщениями славы и ужасами смерти. Татары любовались величественным его видом, знали по опыту мужество и крепость руки юного князя: они старались убедить его, чтобы он вступил к ним в службу и пристал к нечестивым их обычаям. Но напрасно оболъщали его дружбою Батыея, напрасно хвалились своим воинственным счастьем. Мужественный князь не слушал их; он не хотел прикоснуться к пище и питью татар, считая их нечистыми. «О, темное царство, – сказал он, – не разлучить тебе меня со Христом моим. Он предал нас в ваши скверные руки, любя нас и даруя нам жизнь вечную. Но есть Бог, и темное царство погибнет, когда исполнится мера беззаконий его: взыщет Он кровь верных Своих». Варвары скрежетали зубами от ярости, готовые напиться кровью страдальца. А он молился вслух: «Господи, Ты знаешь тайны сердца моего, знаешь все нечистоты мои; очисти меня от грехов моих». Он молился за себя, за малолетних сыновей своих, Бориса и Глеба, за

всех братьев-христиан; он благодарил Бога, что в цвете лет умирает мучеником и память о нем не будет бесславною. Варвары много мучили неустрашимого князя, свирепо умертвили его и бросили в лесу Шеренском.

Между тем Ростовский епископ Кирилл, возвращаясь из Белозерской страны, куда он удалился от татар, проходил по берегам реки Сити и в куче мертвых тел отыскал обезглавленное тело святого великого князя Георгия. Он узнал его по княжескому одеянию, взял с благоговением священные останки, привез в Ростов и, с великою честью совершив надгробное служение, положил в Ростовском соборе²⁴; туда же привезли тело святого Василька, найденное в лесу Шеренском²⁵. Вдовствующая супруга его, княгиня Мария, дочь святого князя Михаила Черниговского, дети, епископ Кирилл и весь народ Ростовский встретили с горьким плачем тело любимого князя и погребли его под сводами соборного храма²⁶.

Полчища татар с берегов Сити устремились к Новгороду; взяли Волок-Ламский, Тверь, Торжок, не давая никому пощады. Уже Батый был в 100 верстах от Новгорода, где

плоды долговременной торговли обещали ему богатую добычу; но вдруг, испуганный непроходимыми лесами и болотами этого края, обратился назад к Козельску, который осмелился сопротивляться и выдержал семинедельную осаду. Наконец татары завладели Козельском, умертвили всех жителей и прозвали Козельск «злым» городом. Князь Козельский, младенец, из племени князей Черниговских, пропал без вести: говорили, что он утонул в крови.

Отдельные отряды татар по завоевании Владимира рассеялись по великому княжеству, завладели, в течение одного месяца, четырнадцатью городами, в том числе Ростовом, Ярославлем, Галичем, Дмитровым, Переяславлем, Юрьевым. «Головы жителей, по словам летописца, падали на землю, как трава скошенная». Один из этих отрядов (вероятно из-под Козельска) приступал к Смоленску, где прославился доблестными подвигами святой мученик Меркурий²⁷.

Батый, как бы утомленный убийствами и разрушением, удалился в землю Половецкую, на берега Дона. Ярослав Всеволодович, брат

святого великого князя Георгия, в надежде, что буря миновала, спешил из Киева во Владимир – принять достоинство великого князя и господствовать над развалинами и трупами.

На юге России продолжалась борьба между князьями, которые не приняли участия в бедствиях северной Руси, издали смотрели на них равнодушно, помышляя единственно о выгодах своего властолюбия. Михаил Черниговский, заняв Киев, посадил в Галиче сына своего Ростислава; но Даниил Галицкий успел завладеть без битвы своим родовым княжеством. Галичане, по выражению летописца, «стремились к Даниилу, как пчелы к матке или как жаждущие к источнику водному». Но приближалась уже кара Божия и южной Руси. Покорив совершенно половцев, толпы Батыевы снова явились в пределах России: опустошили Переяславль-южный и Чернигов на пути к Киеву.

Батый давно слышал о Киеве, о церковных сокровищах древней столицы и о богатстве людей торговых. Михаил Черниговский, княживший тогда в Киеве, удалился в Венгрию.

Смелый Даниил Галицкий занял Киев; но и он видел невозможность обороны столицы с малочисленною дружиною и решился искать помощи у короля венгерского, поручив оборону Киева опытному и храброму боярину Дмитрию.

Несметная рать Батыея со всех сторон облегла Киев; стенобитные орудия действовали день и ночь. Татары разбили стены и ворвались в город. Но Дмитрий не знал страха. Он отступил с киевлянами к церкви Десятинной, ночью укрепил ее тыном и на другой день снова оборонялся. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; они схватили мужественного Дмитрия и привели к Батыю, который, удивляясь его храбрости, даровал ему жизнь.

Варвары несколько дней торжествовали победу ужасами разрушения. Они ограбили дома жителей и великолепные храмы, разрушили до основания церковь Десятинную – первое здание греческого зодчества в России, похитили все сокровища Печерской обители, сняли с главы Великой церкви златокованный крест, разломали ее до самых окон, вместе с

кельями и стенами монастырскими. Пещеры со святынею мощей были закладены и скрыты от варваров²⁸.

Гибель России совершилась. Князья, которые не жалели Отчизны в кровавых междоусобиях, заботясь только о личной прибыли или о первенстве и власти, теперь все поравнялись: все сделались рабами варваров. Исчезла самобытность государства, исчезли начатки просвещения, успехи промышленности и торговли, разрушены города, храмы и обители иноческие. Словом, погибло все земное, все временное, все дела рук человеческих. Уцелело только то, что вечно и неизменно: святая вера Христова, Церковь Православная, которой, по обетованию Спасителя, не одолеет и самый ад. Она одна уцелела между развалинами, горела и не сгорела, подобно купине, прохлаждаемая росой Любви Небесной. Она очищалась, как золото в горниле страданий, возвышалась незыблемо, как каменный утес посреди бурь океана. Только на этот утес могла опереться Русь, когда наступил светлый день воскресения ее из могилы!

Примечания

1 Княгиня Мария скончалась 19 марта 1206 года, приняв пострижение перед смертью. Гробница ее находится в церкви основанного ею девичьего монастыря во Владимире, где она приняла иноческое пострижение пред кончиною.

2 По словам современного писателя Никиты Хониата, крестоносцы нашли столько серебра, золота и разных драгоценностей в домах цареградских жителей, что из бедняков вдруг сделались богачами. В храме Святой Софии крестоносцы изрубили на части и разделили между собой святой престол, слитый из золота с драгоценными камнями, сорвали все украшения, захватили священные сосуды и утварь. Они навьючивали сокровища в храме и поднимали ударами копий вьючных животных, когда они скользили и падали на мраморном помосте: кровь животных и другие нечистоты оскверняли святилище. Развратная женщина пела непристойные песни и плясала на горнем месте.

3 Нигде не было столько святынь, как в

столице Православия восточного. В числе своих сокровищ Церковь Константинопольская имела Крест из животворящего древа, терновый венец Спасителя, много мощей мучеников и других угодников Божиих; почти все эти святыни были расхищены латинскими аббатами и монахами. Так, в Рим перенесены были – терновый венец, мощи великих святителей Григория Богослова и Иоанна Златоуста; в Амальфи – мощи святого апостола Андрея, в Венецию – мощи святой царицы Елены и святого Иоанна Милостивого; в Париж – части животворящего древа, ризы Богородицы и главы Иоанна Крестителя.

4 Успенский собор в Ростове, существующий доныне, достроен и освящен уже по кончине Константина, при сыне его, святом князе Васильке Ростовском. По своему зодчеству этот храм принадлежит к числу великолепнейших древних зданий в России («Святыни и древности Ростова», изд. 3-е, с. 27–45).

5 Мощи блаженного епископа Симона были погребены во Владимирском Успенском соборе, а впоследствии перенесены в Киев, в пещеру преподобного Антония, где и ныне

почивают.

6 Великий князь Константин Всеволодович скончался 2 февраля 1219 года во Владимире и был погребен в соборе, в приделе святого князя Глеба Андреевича, у южных дверей алтаря.

7 Князь Юрий Владимирович Муромский был внуком Святослава Рязанского, а этот последний был правнуком Ярослава Великого от четвертого сына его Святослава.

8 Мощи святого князя Петра и княгини Февронии почивают под спудом в одной раке, в Муромском соборном храме. Празднование памяти их установлено на Соборе 1547 г.

9 В двух верстах от Новгорода, в древней Петропавловской церкви на Синичьей горе, где прежде был женский монастырь, почивают под спудом мощи преподобной инокини Харитины, княжны литовской и настоятельницы Петропавловской обители. Некоторые полагают, что она была обрученною невестой святого князя Феодора.

10 Новгородский летописец пишет: «Преставися князь Феодор, сын Ярославль вящший, и положен бысть в монастырь святого

Геоργия, и еще млад, и кто не пожалует сего? Сватба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позвани, и бысть в веселия место плач и сетование за грехи наши».

11 Местночтимая в Новгороде блаженная княгиня Феодосия Мстиславовна, дочь Мстислава Удалого, супруга великого князя Ярослава Всеволодовича, мать девяти сыновей, в числе которых были двое святых – Феодор и Александр Невский, в конце жизни постриглась под именем Евфросинии и скончалась 4 мая 1244 года. Гробница ее – в соборной церкви Юрьева монастыря близ Новгорода.

12 В 1614 году, когда Новгород был во власти шведов, гроб святого князя Феодора был вынут из земли и открыт наглыми солдатами шведскими. Митрополит Новгородский Исидор перенес гроб в Софийский собор, причем мощи девственного князя не только оказались нетленными, но источали исцеления. Они почивают открыто, в серебряной раке, при входе в Предтеченский придел Софийского собора.

13 Ныне река Килипа, близ Мариуполя.

14 Юго-восточный край Галиции, часть

нынешней Подольской губернии.

15 Святая княгиня-инокиня Евпраксия, в мире Евфросиния, дочь Полоцкого князя Рогвольда Борисовича, супруга князя Ярослава Псковского, отвергнутая мужем, который ушел к рыцарям и женился на немке, построила в Пскове Предтеченский храм, сохранившийся донныне, и при нем основала девичий монастырь. Там она постриглась и была настоятельницей. Приглашенная для свидания с мужем в ливонский городок Одемпе (Медвежья голова), она была там убита 8 мая 1243 года злым пасынком. Мощи ее были привезены во Псков и погребены в построенной ею церкви, а чрез несколько дней совершилось чудо: от иконы Спасителя, стоящей над гробницею убиенной княгини, текло миро в течение 12 дней. Эта чудотворная икона и теперь стоит на том же месте. Надпись о чуде вырезана на древнем подсвечнике и на камне, вделанном в стену церкви. Блаженная Евпраксия изображена на древней иконе в молитвенном положении пред Иоанном Предтечею и апостолом Андреем. (Святыни и древности Пскова, с. 70).

16 Собрание летописей, Ч. 1, с. 191.

17 Епископ Ростовский, Кирилл II, по выражению летописца – «блаженный, учительный, истинный пастырь, пасый люди Ростовския с кротостию», был посвящен в 1231 году и скончался 21 мая 1262 года. По всей вероятности, ему принадлежит, известное в рукописях, «Поучение попам». (Прибавление к Творениям Святых Отцов за 1843, с. 426 и 427).

18 В древних рукописных святцах, известных под названием «Книга, глаголемая описание о российских святых», помещены в числе святых князя Рязанские: Роман Ольгович, Олег Красный и Феодор Юрьевич с супругою Евпраксией и младенцем Иоанном.

19 Этот храм воздвигнут князем Феодором Юрьевичем для чудотворной иконы святителя Николая, принесенной в землю Рязанскую в 1224 году. Перед тем князь Феодор видел во сне святителя Николая, который сказал ему, что невидимо сопутствует иконе своей, приближающейся к его уделу, и обещал испросить у Господа венец Небесного Царствия ему, жене его и сыну. Впоследствии юный князь женился на Евпраксии, «девице от царского рода» (вероятно, из рода императоров Визан-

тийских) и имел от нее сына Иоанна. Место, где Евпраксия убила с младенцем, прозвано Зараз (убой). Здесь после возник город Зарайск.

20 В тех же древних святцах помещены между святыми: святитель Митрофан, князья Владимир, Всеволод и Мстислав Георгиевичи, мать их, великая княгиня Агафия с снохами Мариєю и Христиною и дочерью княжною Феодорою.

21 Село Станилово с валами и окопами остается памятником Георгиева стана. Оно находится в Моложском уезде Ярославской губернии, на берегу реки Сити, которая вытекает в Бежецком уезде из огромной топи и впадает в реку Мологу, в 40 верстах от впадения сей последней в Волгу.

22 Хотя в «Степенной книге» мученическая кончина святого князя Георгия показана 4 февраля и память его совершается в тот же день, но здесь очевидная ошибка, потому что весть о взятии Владимира дошла к великому князю в исходе февраля (Никоновская летопись, 376). Битва на Сити не могла быть ранее 4 марта.

23 Шеренский лес известен и ныне, в 25 верстах от Кашина и 38 от Колязина. Здесь был позднее Шеренский монастырь, конечно, в память страдальческих подвигов князя-мученика, а ныне село Шеренское, при реке Шеренке, в лесной стороне («Русские святые» март). Проф. Соловьев указывает этот лес близ Козельска. Но здесь епископу Кириллу вовсе было не по дороге проходить с Белоозера.

24 Голова великого князя Георгия отыскана после и положена в гроб его. На втором году после кончины тело страдальца веры и Отчизны перенесено было во Владимир. Тогда увидели невиданное чудо: святая глава прильнула к святому телу, так что не осталось и следа отсечения. Мощи святого великого князя почивают открыто, во Владимирском соборе, в серебряной раке, устроенной в 1645 году, по обещанию, Патриархом Иосифом.

25 Тело Василька, брошенное в лесу, узнала одна женщина и сказала о том богобоязненному человеку, поповичу Адриану, который взял тело и скрыл до времени в тайном месте.

26 Мощи святого князя Василия Константиновича погребены в княжеской усыпальнице под сводами алтаря Ростовского соборного храма. Они почивают в середине усыпальницы, под самым престолом. Теперь нет входа в усыпальницу, но старожилы ростовские еще помнят, что прежде была дверь туда из придела святого Леонтия.

27 В «Русском Временнике» повествуется: во время приступа татар к Смоленску был там православный и благородный римлянин Меркурий. Он слышал глас от чудотворной иконы Богоматери, повелевшей ему выйти на единоборство с татаринцом-исполином, который наводил собою страх на Смоленскую рать. Меркурий победил этого богатыря и убил его. Потом вышел ночью на Долгий мост и перебил множество татар. Утомившись, он заснул, и татарин отрубил ему сонному голову. Не одолев города, татары отступили. Мощи святого Меркурия почивают под спудом в Смоленском Успенском соборе; тяжелый железный шишак и копье святого витязя висят над его гробницею.

28 Повествуют, что иноки Печерские укры-

лись в лесах и собирались на молитву в один малый придел, уцелевший среди развалин монастыря. (Карамзин Н.М. История Государства Российского ч. IV).

Книга вторая

Глава I

Состояние Русской земли под игом монголов. Великий князь Ярослав Всеволодович. Состояние Церкви. Блаженный митрополит Кирилл. Победа святого Александра Невского над шведами и ливонскими рыцарями. Мученический подвиг святого князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора. Святой Александр на великом княжении. Кончина его.

Страшное иго порабощения легло на Русскую землю. Более двухсот лет Церковь Русская, князья и народ наслаждались свободю; но князья – кровопролитными распрями, а народ – грубыми пороками и суевериями, сохраненными из язычества, навлекли на себя наказание Божие. Наступило время тяжких и продолжительных страданий.

Поработитель Руси, Батый, основал свое пребывание на берегах Волги, назвав столицу свою Сараем. Здесь кочевала Орда его, известная под именем Золотой, или Кипчакской. Но и сам Батый не был полновластным повелителем: он, в свою очередь, зависел от великого хана, наследника Чингиса, который кочевал с большою ордою в пустынях Средней Азии.

Особенно тяжело и безотраднo было положение князей. Покорностью диким завоевателям определялась не только участь самих князей, но и участь народа: по судьбам Вышнего, это было для князей уроком – дорожить счастьем народа. И когда для спокойствия христианской земли своей князь жертвовали своим самолюбием, имуществом, здоровьем и самою жизнью – это была жертва чистая, высокая, христианская¹.

В 1243 году Батый назначил в города русские своих надзирателей – баскаков, а князьям приказал являться к нему с изъявлением покорности. Прежде всех подвергся этому унижению великий князь Ярослав Всеволодович: он должен был отправиться в Золотую

Орду к Батыю, а одного из сыновей своих послал в Татарию, к великому хану монголов – Октаю. Батый принял Ярослава с уважением и назвал «главою всех князей русских», отдав ему Киев. Поступок великого князя служил примером для князей удельных: они также били челом надменному татарину, чтобы мирно господствовать в областях своих.

Мало-помалу князья начали устраиваться в своих уделах; мало-помалу начали оживать города и селения Русской земли, изнуренной, безлюдной, полной развалин и гробов. Ростовская область поступила в наследство малолетним сыновьям князя-мученика, Борису и Глебу Васильковичам, под опекою матери²; впоследствии младший из них получил в удел Белозерскую область и сделался родоначальником князей Белозерских³. Также и в Ярославле стали княжить сыновья князя Всеволода Константиновича, павшего на берегах Сити⁴, святые князья Василий и Константин⁵. На юге князь Всеволодович должен был, по воле хана, уступить Киев великому князю и возвратиться в Чернигов. Храбрый Даниил Галицкий, после опустошения земли

своей монголами, должен был смириться и идти на поклон к Батыю, который в знак особенного благоволения впустил его в свой шатер без всяких суеверных обрядов, ненавистных православным князьям. «Ты долго не хотел меня видеть, – сказал Батый, – но теперь загладил вину повиновением»⁶. Впрочем, Даниил мечтал об освобождении, при помощи западных государей, входил даже в сношения с папою и хитрил пред ним, изъясняя расположение к покорности римским догматам. Папа Иннокентий IV, со своей стороны, нарек его королем русским, прислал ему корону и скипетр, разрешил совершать литургию на квасном хлебе и наблюдать обычаи, не принятые Римскою Церковью. Храбрый и умный король Галицкий ожидал помощи от западных соседей, которых папа побуждал к всеобщему ополчению против монголов; но так как это ополчение не состоялось, то Даниил снял с себя личину, отрекся от связи с Римом и смеялся над гневом папы⁷.

Состояние Церкви было так же скорбно, как и состояние государства. На огромном пространстве, от Белого озера до южного Га-

лица, Батый оставил за собою пепел и пустыню: храмы Божии были истреблены огнем или остались грудями камней; священная утварь, иконы, книги сделались добычею богохульных хищников; украшенные сединою служители алтарей умерщвлены, а молодые отведены в плен⁸. Нелегко было возобновить храмы и все нужное к богослужению; еще труднее – найти способных священнослужителей среди всеобщего опустошения и нищеты, тем более, что образование более или менее сохранилось только на юге – в Галиче и Волыни, странах, менее угнетенных дикими завоевателями. Митрополиты и прочие архипастыри должны были, подобно князьям, являться с поклоном в Орду для утверждения на своих кафедрах. Монголы не поднимали явного гонения на христианскую веру, как некогда римские императоры в первые века христианства. Чингис в «Ясе», принятой преемниками его за основной закон государства, признавал единого высочайшего Бога, но вместе с тем велел чтить всех богов, чьи бы они ни были; отсюда толпы жрецов идольских в Орде и уважение к жрецам всех религий. В

ярлыках, выдаваемых ханами русским свя­тителям, запрещалось хулить веру русскую под страхом смертной казни, но произвол дикого завоевателя был для него выше всякой религии; он говорил: «Бог владеет небом, а сын Божий, хан, – землю». Естественно, что ему не могли быть приятны те, которые не признавали мнимо-божественного его достоинства. Естественно, что тот же неукротимый произвол принуждал иногда христиан следовать суевериям языческим. Много страдала Русская Церковь и от ненасытной алчности татар: они нападали внезапно, без всякой при­чины, на города, покорные их власти, граби­ли церкви, монастыри, отнимали все, что по­падалось в руки.

В премудром намерении Промысла иго монголов было мерою любви, врачевством для нравственных болезней народа русского. Какое же было действие ига на народ? Общее бедствие прежде всего пробудило в народе чувство покаяния: люди русские применили к себе покаяние ниневитян и каялись; вспо­минали о рабстве Израиля в Египте и возно­сились мыслию от земли к Небу. Народ созна-

вал, что он – народ христианский, а лютые властители его – неверные, ненавистные Богу. Таким образом утвердилась вера в превосходство христианского учения. Эта вера ободряла народ в скорбях, в трудах самых тяжких; она заставляла дорожить тем, что внушало ему христианство. Благодаря вере Христовой народ русский удержал любовь к разоренной родине и не перенял дикой хищности от монголов.

К довершению бедствий Русской Церкви, она в первые, самые тяжкие, годы порабощения Руси оставалась без первосвященника. Митрополит Иосиф Грек, прибыв из Царьграда пред самым нашествием Батыя, пропал без вести⁹. Управление митрополией с 1243 года принял на себя Кирилл, один из южных игуменов, по выбору князей. Но всеобщее расстройство дел не прежде дозволило ему принять посвящение от Патриарха, как в 1250 году. Возвратясь оттуда в Киев, он отправился обозревать северные епархии своей митрополии, посетил Чернигов, Рязань, Владимир и наконец Новгород, который не видал у себя Батыя и только один из престольных городов

Руси оставался еще независимым и неразоренным.

Можно думать, что сам Господь хранил Новгород вместе с Псковом и другими его пригородами как оплот со стороны Запада, более опасного для Руси, нежели орды монгольские: татары разоряли государство и губили народ, а латинство грозило опасностью для самой чистоты веры православной. Папы старались воспользоваться для своих целей общими бедствиями Русской земли и поднимали на нее крестовые походы – то из Швеции, то из Ливонии. Но на западных пределах Руси, в великом Новгороде, княжил тогда юный князь Александр, сын великого князя Ярослава Всеволодовича, одаренный необыкновенным разумом, мужеством, величественною красотою и крепкими мышцами Самсона; голос князя, по выражению летописца, гремел, как труба на вече.

В 1240 г. шведский король, вследствие папской буллы, отправил многочисленное войско под начальством зятя своего Биргера на ладьях в Неву, к устью Ижоры; при войске были бискупы, чтобы крестить русских. Бла-

говерный Александр вышел к ним навстречу с малою дружиной, но с твердой надеждой на Бога. На берегах Невы, где шведы стояли уже станом, встретил Александра начальник приморской его стражи, ижорянин Пелгуй, ревностный христианин, и поведал ему чудное видение, которого удостоился накануне. Ожидая князя, он провел ночь на берегу Финского залива в бдении и молитве. Мрак ночной исчез, и солнце озарило поверхность тихого моря. Вдруг Пелгуй услышал шум на море и увидел ладью с гребцами, овеянными мглою, и двумя лучезарными витязями в ризах червленых; витязи походили на святых страстотерпцев Бориса и Глеба, как изображались они на иконах. Один из витязей сказал другому: «Брат Глеб, вели грести скорее, да поможем сроднику нашему Александру». Битва началась 15 июля, в день памяти святого Владимира, просветителя Руси, в начале дня и продолжалась до ночи. Шведы бились упорно, но потерпели страшное поражение. Александр собственным копьем «возложил печать на лице» Биргера. Темная ночь спасла остатки шведов: они спешили бежать восвояси, наполнив три

судна телами лучших своих мужей и оставив поле битвы, усеянное трупами своих собратьев¹⁰. Эта славная победа доставила Александру прозвание Невского.

Кончив со шведами, Невский витязь должен был поспешить против ливонских рыцарей, которые завладели Изборском, разбили псковитян и при помощи изменника Твердислава ворвались в самый город Псков. Александр двинулся на защиту Пскова и разбил немцев на весеннем льду Чудского озера. Пятьсот рыцарей пало в битве, около пятидесяти попало в плен. Когда Александр с торжеством входил в город святой Ольги, ведя за собою пленных рыцарей, весь Псков с восторгом встретил его. Он завещал псковичам любовь к своему потомству. «Если кто из позднейших моих потомков прибежит к вам в печали, – сказал он, – или просто придет пожить к вам, и вы не примете и не почтете его как князя, то назоветесь вторыми жидами».

Эта знаменитая победа защитника Православия над ливонскими рыцарями (современники прозвали ее Ледовым побоищем) заставила орден трепетать за собственное суще-

ствование¹¹; папа принужден был до времени отложить свои виды на присоединение Русской земли к латинству. Александр после того недолго оставался в Новгороде. Отец его, великий князь Ярослав, должен был ехать в Большую Орду, на берега Амура, где монголы, по смерти Октая, занимались избранием нового великого хана. Он в последний раз простился с Отечеством; сквозь степи и пустыни достигнув до ханского стана, в числе многих других данников, смирился пред троном нового хана Гаюка и скончался в Орде 30 сентября 1246 года, как уверяют, от яда, данного ему матерью хана¹². Тело его было привезено и погребено во Владимире, в соборной церкви.

Почти в то же время, в Золотой Орде, Михаил Всеволодович, князь Черниговский, и боярин его Феодор явились исповедниками и мучениками святой веры. Потребованный к Батью, Михаил просил благословения у отца духовного, епископа Иоанна. «Многие князья ездили в орду, – сказал ему епископ, – и, прельстясь славою мира сего, ходили сквозь огонь, кланялись идолам, вкушали оскверненную пищу; но ты, князь, не подражай им».

Князь отвечал: «Я желаю пролить кровь мою за Христа и за веру чистую». То же сказал и боярин Феодор. Епископ дал им Святые Дары на путь и отпустил с молитвою. Когда Михаил прибыл в стан Батыя с юным внуком Борисом Ростовским и боярином Феодором, Батый приказал жрецам совершить над Михаилом все, что следует по языческим уставам, и потом уже представить его в ханскую ставку. Жрецы потребовали, чтобы князь и боярин прошли сквозь огонь¹³. Михаил отвечал: «Христианин поклоняется Творцу, а не твари». Узнав о непокорности русского князя, Батый озлобился и велел ему выбрать одно из двух: или поклониться богам, или умереть. «Я готов поклониться царю, – отвечал Михаил – ему вручил Бог судьбу царств земных: но я христианин и не могу поклониться тому, чему поклоняются жрецы». Напрасно юный Борис со слезами умолял деда побереечь жизнь свою, напрасно бояре Ростовские выказывались принять на себя и на весь народ епитимию за князя: Михаил, подкрепляемый благочестивым Феодором, не хотел слушать их. Он сбросил с плеч княжескую шубу и сказал: «Не

погублю души моей; прочь слава мира сего тленного, не хочу ее».

Пока вельможи ханские относили к Батью ответ князя-христианина, блаженный Михаил и достойный боярин его начали петь псалмы и, окончив пение, приобщились Святых Тайн. Татарские чиновники еще раз сказали им: «Идут от хана убить вас; покоритесь и останетесь живы». Михаил и Феодор отвечали в один голос: «Не слушаем вас, не хотим славы мира сего». Скоро явились убийцы. Соскочив с коней, татарские палачи схватили Михаила, растянули за руки и за ноги и начали бить кулаками и палками по груди, потом повернули лицом к земле и били ногами. Долго длилось это зверство. Наконец, какой-то отступник Домант, уроженец Путивля, отрезал ножом голову святому мученику. Последнее слово его было: «Я христианин!»¹⁴.

Тогда стали уговаривать боярина Феодора и обещали ему почести. Он отвечал: «Не хочу кланяться твари, хочу страдать за Христа моего, как и государь мой, князь». Его мучили так же, как и князя, и наконец отрезали ему голову. Это было 20 сентября 1246 года. Тела испо-

ведников Христовых брошены были в пищу псам, но остались целы и невредимы. Господь, за Которого пострадали мученики, явил Свое знамение в подкрепление веры слабых и унижение язычества. Над святыми мощами стоял столп светлый, горели огоньки и слышалось небесное пение. Богобоязненные христиане тайно взяли их и принесли в Чернигов¹⁵.

Вскоре по страдальческой кончине, святой князь Михаил, вместе с боярином Феодором, явился в сиянии Небесного Света дочери своей, блаженной Евфросинии¹⁶, и возвестил ей, что они оба мученическим подвигом стяжали вечное блаженство. За великий подвиг свой князь-мученик и на земле был награжден благословением небесным: в потомках его постоянно сохранялось живое благочестие¹⁷. Между тем как роды многих других потомков равноапостольного Владимира давно уже угасли, ветви святого князя поныне зеленеют на земле Русской¹⁸.

Почти в то же время, как святой Михаил Черниговский был замучен в Орде Кипчакской, в Большой Орде преставился, как мы

уже видели выше, великий князь Ярослав Всеволодович. После непродолжительного правления брата его Святослава, престол великого княжения достался по праву престолонаследия Александру Невскому.

Теперь победителю шведов и рыцарей предстояла другая, более трудная победа – победа над самим собой. Доселе он не преклонял выи своей в Орде, и русские люди с гордостью называли его своим независимым князем. Но теперь он должен был пожертвовать своей воинской славой и идти на поклон к Батю, который давно слышал о нем и желал его видеть. Александр любил Отечество более княжеской чести своей, более самой жизни, не хотел подвергнуть Русскую землю новым бедствиям и смиренно поехал в стан монгольский, где Батый принял его с ласкою и освободил от исполнения обрядов языческих (в уверенности, что герой-христианин отвергнет их и предпочтет смерть за веру Христову). Узнав Александра, Батый сказал, что молва не преувеличила достоинств доблестного князя, что он действительно человек необыкновенный. Оттуда Александр должен был предпринять

путешествие в глубину Татарии к великому хану. И там он нашел такой же прием, как у Батыея: великий хан утвердил Александра на престоле Владимирском, поручив ему всю южную Россию и Киев.

Прямо из Орды Александр с торжеством прибыл во Владимир, где радостно встретили его митрополит Кирилл с духовенством, бояре и народ. Вскоре прибыло к новому великому князю посольство от папы: отчаявшись водворить латинство в России оружием крестоносцев, папа надеялся еще на успех от хитрых обольщений. Он уверял Александра, что Ярослав, отец его, находясь в Татарии у великого хана, дал слово монаху Карпини принять веру латинскую и, без сомнения, исполнил бы свое обещание, если бы не скончался внезапно, уже присоединенный к истинному стаду Христову; что сын обязан следовать благому примеру отца, если хочет душевного спасения и мирского счастья, что в противном случае он доказал бы свою безрассудность, не повинуваясь Богу и Его заместнику (папе), что князь и народ русский найдут тишину и славу под сенью Римской Церкви.

Александр, посоветовавшись с мудрыми людьми, написал папе ответ, в котором изложил подробно всю историю Ветхозаветной и Новозаветной Церкви и догматы семи Вселенских Соборов, заключив свое послание так: «Все это мы ведаем, а от вас учения не приемлем». Этот ответ обличает высокую умеренность благоверного князя и истинно христианское желание правды и мира в делах веры: Александр не думал укорять римлян, но только доказал, что вера русских чиста и православна.

Южная Россия давно уже была обложена данью; новый хан Золотой Орды, Сартак, сын недавно умершего Батыея, захотел распространить эту меру в северной России и в Новгороде. Александр снова ездил в Орду и старался яснее определить отношения Руси к хану: ему удалось придать делу такую форму, что только исчисление народа и раскладка дани были поручены татарским чиновникам, а все прочие дела по управлению государством остались в заведовании природных русских князей: они сохраняли свое право суда по родным законам, право войны и мира без ведома

хана и, наконец, – что всего важнее – неприкосновенность не только веры, но и церковного устройства. Таким образом Александр достиг того, что Русь, совершенно покоренная монголами и не имевшая возможности бороться с ними, получила от своих сильных и диких властителей права державы почти самостоятельной.

Зимой 1257 года прибыли чиновники татарские, сочли народ в областях северной Руси и поставили сборщиков дани поголовной, от которой было избавлено одно только духовенство. Дань поголовная требовалась и от Новгорода: герой Невский, некогда ревностный поборник новгородской чести и вольности, должен был с горестию взять на себя дело тяжкое и неприятное – склонить к рабству народ гордый, пылкий, который все еще славился своею исключительною вольностью. Александр отправился в Новгород, где едва успел усмирить народ и подчинить его общему закону. Баскаки сочли жителей Новгорода, распределили налоги и удалились, потому что новгородцы обязались доставлять определенное количество серебра прямо в Орду или

через великих князей, но не хотели иметь дела с татарскими сборщиками.

Св. Александр Невский. Поклонение Св. Софии Новгородской (из Лицевого летописного свода XVI в. – житие)

Ненадолго мог успокоиться во Владимире защитник земли Русской: он снова должен был отправиться в Орду, чтоб избавиться от обязанности присылать татарам вспомогательное войско и оправдать изгнание из городов Суздальской области «бесерменских купцов» – хивинцев-мусульман, которые откупили тогда у монголов дань русских княжеств и мучили христиан бесчеловечным сбором податей. Хан принял оправдание, согласился не требовать войска, но продержал великого князя в Орде всю зиму и лето. Осенью Александр возвращался в Россию успокоить народ и обрадовать его новою милостию хана. Близок был конец путешествия: Александр уже миновал монгольские пустыни и достиг Нижнего Новгорода, но жестокий недуг сокрушал тело, изнуренное трудами. Отдохнув здесь несколько времени, он доехал до Городца, но

там, чувствуя приближение кончины, поспешил принять схиму с именем Алексия и представился в ночь на 14 ноября 1263 года, на 45 году от рождения. В продолжение немногочисленной своей жизни Александр участвовал более нежели в двадцати битвах, четыре раза ездил в Орду, где многие из современных князей сложили свои головы под ножами убийц; но он, хранимый самим Богом, везде был цел и невредим, мечи врагов и ножи убийц щадили его, только он сам не щадил себя. Истоощив силы в ревностном служении отечеству, он не давал себе покоя и, отягченный трудами непомерными, скончался в цвете лет¹⁹.

Горестная весть о кончине Александра достигла Владимира в то самое время, когда народ молился в соборном храме о благополучном возвращении его на родину. Блаженный митрополит Кирилл со слезами воскликнул к народу: «Чада мои милые, закатилось солнце земли Русской!» Слезы и рыдания народа прервали речь первосвященника; все поняли горький смысл слов его и в один голос завопили: «Погибаем, погибаем!» Митрополит с духовенством, князья, бояре и народ в глубоком

унынии встретили останки любимого князя у Боголюбова; по словам летописца, земля стояла от вопля и рыданий. Наконец, тело великого труженика за Русскую землю было привезено во Владимир и 23 ноября погребено в соборной церкви Рождественского монастыря. Современники повествуют, что усопший великий князь, когда при отпевании хотели разнять руку его для вложения разрешительной грамоты, сам, как бы живой, распротер руку и принял грамоту из руки митрополита²⁰. Все присутствующие поражены были ужасом при этом чудесном событии и уверились, что Бог желает прославить Своего ученика.

С того времени благоверного князя Александра Ярославича называли святым и чтили в лике ангелов-хранителей Русской земли²¹. Святая Церковь, восхваляя память благоверного князя Александра, взывает так: *«Драгоценная отрасль священного корня, блаженный Александр, тебя явил Христос Русской земле, как некое божественное сокровище, как нового чудотворца, преславного и Богоприятного. Ты невидимо посещаешь людей Христовых и щедро подаешь исцеления всем,*

усердно приходящим к тебе и единодушно вопиющим: Радуйся, столп пресветлый, просвещающий нас светлостью чудес! Радуйся, победивший помощью Божией гордого короля! Радуйся, освободивший город Псков от неверных! Радуйся, презревший догматы латинян и вменивший в ничто все их обольщения! Радуйся, облако росы, орошающее мысли верных! Радуйся, прогонитель темных страстей! Радуйся, заступник Русской земли! Моли Господа, даровавшего тебе благодать, соделать державу сродников твоих Богоугодною и сынам России даровать спасение»²².

Примечания

1 Преосвященный Филарет. «История Русской Церкви», II, с. 11.

2 Супруга князя-мученика Василька, Мария, была дочерью князя Михаила Черниговского. Оставшись вдовою в молодости, она посвятила себя воспитанию сыновей, не приняв пострижения над гробом супруга, по обычаю княгинь того времени. Она скончалась в 1271 году и была погребена в Ростове, в построенной ею церкви Спасского Княгинина мона-

стыря. Это замечательное здание XIII века вполне уцелело до нашего времени и принадлежит теперь Спасо-Иаковлевскому монастырю.

3 Глеб Васильевич, будучи князем Белозерским, около 1260 года путешествовал водою с Белоозера к Устюгу и был застигнут бурей на Кубенском озере. Принесенный к Каменному острову, он нашел там 23 пустынников, давно уже живших на острове и проходивших апостольское служение среди окрестных язычников. Князь Глеб воздвиг для них на острове храм и монастырь во имя Преображения Господня, названный по месту Спасо-Каменным. Тот же князь Глеб в 1251 году основал на устье реки Шексны, в 17 верстах от Белозерска, Троицкий Усть-Шехонский монастырь, с великолепною (по тому времени) деревянною церковью. История Российской Иерархии, VI, с. 585.

4 Князь Всеволод Ярославский, второй сын великого князя Константина, убит на Ситском побоище, и тело его там не найдено.

5 Старший из сыновей Всеволода, святой князь Василий, собрал народ, рассеянный

варварским нашествием, и милостиво заботился о вдовах и сиротах ратников, павших с отцом его на берегах Сити. Он был женат и оставил после себя одну дочь Марию, окончив жизнь, испытанную скорбями, в 1249 году. Брат и наследник его, святой князь Константин, убит в 1257 году в битве с шайками татарских грабителей на горе, близ Ярославля, которая поныне зовется «Туговою», как место туги (горести) и слез, пролитых осиротевшими ярославцами. Оба святых князя были погребены в соборной церкви, при перестройке которой, в 1501 году, обретены нетленные их мощи.

6 Представляясь Батыю, Даниил пил кумыс, стоя на коленях и славя величие хана. Батый похвалил его за соблюдение татарских обычаев, однако велел подать ему кубок вина, говоря: «Ты не привык к молоку наших кобыл».

7 Даниил Галицкий скончался около 1240 года. Не восставая открыто против хана и держась союза государей западных, он умел крепко утвердиться в своем княжестве: преемники его около ста лет владели его насле-

дием и рабствовали менее других князей русских, уважаемые и ханами, и соседними христианскими державами Запада, которые считали княжество Галицкое оплотом против монголов.

8 При нашествии Батыя сгорел блаженный епископ Владимирский Митрофан, в соборном своем храме (см. гл. VII в первой книжке «Рассказов»); умерщвлен святой Симеон, епископ Переяславский; при взятии Чернигова пленен, истомлен скорбями и вскоре скончался епископ Порфирий; в Киеве замучены пресвитеры Печерские: преподобный Лукиан и Памва и многие другие подвижники.

9 Может быть, он погиб в развалинах Киева или удалился в другое место и там скончался.

10 При Александре, по словам летописца, «бе множество храбрых якоже древле у Давида царя: баху бо сердца их, аки сердца львов». Один из них, Гаврило Олексич, вскочил в шведскую шнеку (судно), бился там с воеводою, убил его и бискупа латинского. Другой новгородец, Сбыслав Якунович, въезжал в густые ряды неприятелей с одним топором, ру-

бил направо и налево, ужасая всех своей силой и храбростию. Яша Полочанин, ловчий князя, ударил с мечом на целый полк неприятельский. Миша Новгородец бросился пеший в море с товарищами и потопил три шнеки со шведскими воинами. Подобные подвиги нам кажутся невероятными; им дивились современники и даже очевидцы. По словам летописца, новгородцы не смели приписывать себе победы, но говорили, что за них и вместе с ними сражались Ангелы Божии. Указывая на другой берег Ижоры, покрытый неприятельскими трупами, они утверждали, что полки Александровы там не были и не могли пройти туда, но Силы Небесные избивали там шведов. (Лаврентьевская Летопись, с. 206).

11 По свидетельству ливонских хроник, магистр меченосного ордена, разбитый на Чудском озере, опасался даже за Ригу и просил помощи у датского короля.

12 «Ярослава великого князя зелием умориша» (Волынская Летопись, с. 182). О том, что яд был дан Ярославу матерью хана, свидетельствует латинский монах Плано-Карпини, бывший в то время в Великой Орде посланни-

ком от папы. В «Степенной книге» сказано о Ярославе: «Причте его Бог ко избранному своему стаду». В Рукописных Святцах (Книга глаголемая о Российских святых) он включен в число святых.

13 Что должно разуметь под названием прохода через огонь? Полевой, Арцыбашев и другие полагают, что это была одна только маловажная формальность, суеверная предосторожность татар против злого умысла являющихся к хану. Но современный западный миссионер (Плано-Карпини), который сам в Орде проходил через огонь, пишет, что от Михаила требовали поклонения на юг – могиле Чингисхановой, поклонения огню и войлочным идолам.

14 Сказание о мученическом подвиге Михаила и Феодора написано духовником их, епископом Иоанном; нет сомнения, что с того же времени стали чтить память их в Чернигове.

15 Святые мощи Михаила и Феодора в 1572 году по воле царя Иоанна были перенесены в Москву, из опасения, чтобы они не подверглись поруганию со стороны папистов по пере-

ходе Чернигова под власть польскую. Они были положены под спудом в соборной церкви Черниговских чудотворцев, находившейся в Кремле, близ Тайницких ворот. Когда же упразднен был этот собор для закладки Кремлевского дворца, по плану Баженова, тогда они, повелением императрицы Екатерины II, торжественно перенесены в 1770 году, августа 25, в Сретенский собор на сенях, откуда в 1774 г. перемещены в Архангельский собор, где почивали сначала в великолепной серебряной раке, устроенной в память мира с Турцией, а после 1812 года (когда эта рака похищена была неприятелями) донныне покоятся в медной посеребренной (Памятники Московской Древности, с. 67).

16 Старшая дочь святого князя Михаила, княжна Феодулия, отличалась искренним благочестием. Родители желали выдать ее замуж за князя Мину Ивановича, потомка благочестивого варяжского князя Шимона, жившего в Суздале. Покорная дочь не противилась воле родителей, но тайно молила Господа сохранить ее в девстве. Молитва чистой души была услышана: жених ее скончался, ко-

гда она была на пути к Суздалью. Не возвращаясь к родителям, княжна решилась вступить в Суздальский Ризоположенский монастырь и приняла пострижение с именем Евфросинии. Там провела она целую жизнь в подвигах, посте и молитве, была настоятельницею обители и сохранила ее своими молитвами от разорения при нашествии Батыя на Суздаль. Она преставилась 25 сентября 1250 г. Мощи ее обретенны нетленными в 1698 году и положены в соборном храме ее обители.

17 У святого Михаила было пять сыновей: Роман княжил в Брянске, Симеон – в Глухове, Мстислав – в Карачеве, Юрий – в Тарусе; старший из них, Ростислав, зять короля Белы, остался в Венгрии. От сыновей его, Белы и Михаила, произошли герцоги Маховские и Боснийские. Особенно подражал в благочестии великому родителю князь Роман Брянский, а еще более внук – князь Олег-Леонтий Романович. Он уступил княжество Черниговское брату, а сам решился, в одежде инока, с именем Василия, служить Господу, построил Петропавловский монастырь близ Брянска и там скончался строгим подвижником в конце

XIII века. В древнем синодике Елецком упоминаются имена потомков святого Михаила: князя Димитрия Мстиславича Черниговского и князя Иоанна Романовича Путивльского, «страстотерпца и чудотворца – убиенных от татар за православную веру, князя Романа Новосильского и князя Иоанна Титовича Козельского, принявших ангельский образ» (Русские Святые. Сентябрь, с. 121).

18 От святого Михаила Черниговского произошли князья Бярятинские, Волконские, Горчаковы, Долгорукие, Елецкие, Звенигородские, Кольцовы-Мосальские, Оболенские, Одоевские и Щербатовы.

19 Александр Невский был женат два раза: первая супруга Александра – дочь Полоцкого князя Брячислава, и вторая – княгиня Васса погребены подле прежней могилы его, в Рождественском монастыре. Там же погребена и дочь его, княжна Евдокия.

20 Софийский Временник, т. 1, с. 273.

21 Благоговейное уважение к памяти святого Александра Невского особенно оправдалось при великом князе Димитрии Донском. Пред началом битвы с Мамаем, ночью в хра-

ме, где была могила Александра, загорелись свечи, и два старца, вышед из алтаря, подошли к гробу и сказали: «Алекса́ндре! Восста́нь и спаси правнука твоего Димитрия, одолеваемого иноплеменными». Александр встал и удалился. Благочестивый инок-причетник, видевший и слышавший все это, сказал о чуде начальникам обители; они нашли нетленные мощи витязя Невского и поставили их открыто в раке. Вслед затем последовали исцеления больных (Степенная книга, I, с. 374, 375). В 1724 году император Петр I перевез из Владимира мощи святого Александра на берега Невы, в сооруженный им Александро-Невский монастырь и установил праздновать память его, кроме древнего праздника 23 ноября, еще 30 августа, в день заключения мира со Швецией. Святые мощи почивают в раке, сооруженной императрицею Елисаветою в 1753 году из первого серебра, добытого в ее царствование.

22 Икос и тропарь из службы 23 ноября по старопечатной Минее 1652 года.

Глава II

Братья святого Александра на вели-

ком княжении. Мученичество святого князя Романа Рязанского. Собор 1274 года во Владимире. Постановления этого Собора. Блаженный Серапион, епископ Владимирский. Преподобный Петр, царевич Ордынский. Князья, подвижники благочестия: Роман Угличский, Василий Волынский и сын его Владимир-Иоанн. Святой Прокопий, юродивый Устюжский

Преемником Александра Невского на великом княжении был брат его Ярослав Ярославич, князь Тверской. Следуя примеру отца и великого брата, он старался, сколько мог, угождать хану. Летописцы не говорят ни слова о характере Ярослава; но дела его показывают, что он не имел великих качеств брата, не ладил с новгородцами, жаловался на них хану, желая вооружить татар против Новгорода¹, обижал народ и винулся, как преступник, не довольствовался властью ограниченою, но не умел расширить и утвердить ее. Он скончался на возвратном пути из Орды (в 1272 году). Тело его было отвезено для погребения в Тверь.

Кратковременное правление Ярослава

ознаменовано мученичеством князя Романа Рязанского. Князь Роман Ольгович происходил из рода благочестивого, искренно преданного вере и отечеству; два деда его, Юрий и Олег Игоревичи, умерли страдальцами за отчизну в битве с Батыем. Последний из них, богатырь и красавец, умирал от ран на поле битвы; Батый, дивясь мужеству князя, хотел лечить его, с тем чтобы принять к себе в службу. «С врагом христиан не могу быть в приязни», – сказал умирающий князь, и разъяренный Батый велел разрубить его в куски. Отец Романа, князь Олег Ингваревич, вытерпел много мучений от татар: захваченный в плен Батыем, он томился в Орде более десяти лет в тяжелой неволе и, возвратившись на родину, скончался иноком². Таковы были предки благоверного князя Романа: он воспитался скорбями в любви к святой вере; жил в слезах и молитве за родину; старался облегчать, сколько мог, участь разоренных и угнетаемых подданных. Благочестивого князя много утешило учреждение кафедры православного епископа в самой Орде³. Один из злых баскаков, которого князь удерживал от бесчеловеч-

ных насилий при сборе дани, донес хану Менгу-Темиру, что князь Рязанский поносит великого царя и его веру. Хан вызвал Романа в Орду и велел объявить ему, что он должен выбрать одно из двух – или смерть мучительную, или веру татар⁴. «Покорный воле Божией, – сказал князь, – я повинуюсь власти хана: но никто не заставит меня изменить святой моей вере». Татары стали бить князя. «Я христианин», – говорил он; но уста заткнули платком, оковали его и бросили в темницу. Гордый Темир произнес приговор твердому князю: «Пусть умрет мучительною смертью». На месте казни мученик стал говорить собравшемуся народу о святости веры Христовой. Ему отрезали язык. Затем стали мучить его с ужасающим зверством: ему вырезали глаза, обрубили персты рук и ног, обрезали уши и губы, потом отсекали руки и ноги. Когда же осталось одно туловище, но еще с искрами жизни, мучители содрали с головы кожу, отрубили голову и воткнули ее на копье. Мученический подвиг святого Романа совершился 19 июля 1270 года⁵. Память его, как мученика, была постоянно чтима в Русской Церкви⁶.

Современники считали за особенную милость Божию к Русской земле, что в ней еще есть такие князья, которые, презирая славу мирскую, великодушно проливают кровь свою за веру Христову. Также за милость Небесную почитали они явление чудотворной иконы Божией Матери, прозванной Феодоровскою, в окрестностях города Костромы, где тогда княжил Василий Ярославич, утвержденный на престол великого княжения после смерти брата своего Ярослава⁷.

Святая вера жила крепкою жизнью в сердцах народа, но устройство церковное много пострадало при совершенном расстройстве государства. Ревностный митрополит Кирилл, обозрев состояние Церкви почти во всех пределах своей обширной митрополии, заметил, к прискорбию своему, значительные беспорядки в совершении таинств и обрядов, недостаток должной разборчивости при посвящении в духовный сан и даже самое святокупство. Нравы народа также требовали исправлений: в иных местах укоренились игры и обычаи, противные христианской нравственности и правилам Церкви. Та-

кое неустройство в духовном чине и народе происходило, как замечает сам митрополит, частью от небрежения пастырей, редко посещавших свою паству, и, наконец, оттого, что правила церковные, определявшие круг пастырской деятельности, для многих были невразумительны⁸. В 1274 году он открыл Собор во Владимире с епископами: Далматом Новгородским, святым Игнатием Ростовским, Феогностом Сарайским и Симеоном Полоцким. Изобразив долг пастырей блюсти исполнение законов Церкви, он говорил отцам Собора: «Какую пользу получили мы, пренебрегши Божественные правила? Не рассеял ли нас Бог по лицу всей земли? Не взяты ли были грады наши? Не пали ли сильные наши от острия меча? Не отведены ли в плен дети наши? Не запустели ли святые Божии церкви? Не томят ли нас каждый день безбожные и нечестивые люди? И все это постигло нас за то, что мы не храним правил святых отцов наших». Канонические определения этого Собора⁹ направлены к прекращению замеченных беспорядков и относятся: к правильному поставлению служителей Церкви, к доброму

их поведению и обязанностям служения, к правильному совершению таинств, к благочинию при богослужении и к исправлению жизни народа.

Епископам воспрещено брать плату или дары с посвящаемых. Кроме пошлины, определенной обычаем (не более семи гривен), за посвящение «на мзде» (за деньги) назначено извержение из сана и посвящающему и посвящаемому. Собор определил, чтобы избираемый в сан священства был тщательно испытан в образе жизни и поведении, чтоб он был или девственник, или в законном первом браке с девицею, хорошо знал грамоту, чтобы не был обвиняем в кощунстве, чародействе, воровстве, пьянстве, прелюбодеянии, лихоимстве, вольном или невольном убийстве. Обличенный в одном из этих пороков не может быть даже и причетником. Возраст для посвящения на основании древних церковных правил определен: для диакона – 25-, а для священника – 30-летний. Сверх того, поступающий в клир должен был быть непременно человек свободный или получить освобождение от прежнего господина. Свя-

ценники, замеченные в нетрезвости и алчности к прибытку, если не исправятся, осуждались на лишение сана. «Пусть лучше будет один достойный служитель Церкви, – прибавляют отцы Собора, – нежели тысяча беззаконных».

Собор обратил особенное внимание на совершение таинств, определил совершать Крещение чрез погружение в особом сосуде (купели), а не чрез обливание¹⁰; при миропомазании помазывать части тела освященным миром, не смешивая его с елеем, как делали некоторые; преподавать Святые Тайны всякому новокрещенному, совершать браки с согласия родителей и по православному чиноположению в храме¹¹.

Заметив, что непосвященные дерзали иногда исполнять то, что предоставлено было только посвященным, Собор запретил диаконам совершать проскомидию и освящать приношения (плоды, кутью за умерших и т. п.), причетникам – касаться священных сосудов и совершать каждение, а мирянам – входить в алтарь, сказывать прок имен и читать Апостол.

В жизни христиан замечены языческие обычаи: новгородцы в праздники устраивали неприличные зрелища, оскорблявшие честь праздников. Буйные толпы тешились кулачным боем, бились кольями, причем многих убивали до смерти и с убитых снимали окровавленное платье. Собор определил: «Отлучать от Церкви всех, участвующих в таком бесчинстве, и не принимать от них приношений. Если кто из них умрет, священники под опасением низвержения не должны отпевать его и хоронить вблизи церкви. Убитые на кулачном бое прокляты в сей и в будущей жизни».

Большая часть правил Владимирского Собора составляет только возобновление древних постановлений Церкви, и даже наказания, определенные Собором, суть те же самые, какие издревле назначались Церковью за нарушения тех же правил¹². В историческом отношении определения Владимирского Собора очень важны потому, что раскрывают тогдашнее состояние христианского общества, показывают его недуги и меры, какие принимали для уврачевания этих недугов по-

печительные святители.

На этом Соборе посвящен в сан епископа Владимирского и Нижегородского архимандрит Печерского монастыря Серапион, которого митрополит Кирилл привез с собою из Киева, – престарелый подвижник, пастырь, по выражению современников, «учительный и сильный в Божественном писании». Он недолго управлял паствой, скончался 12 июля 1275 года в глубокой старости¹³ и погребен во Владимирском Успенском соборе.

После блаженного Серапиона сохранилось несколько «Слов», из них особенно четвертое может служить указанием на образованность пастыря Русской Церкви XIII века. В этом «Слове» проповедник обличает слепых суеве-ров, убивавших волхвов и волшебниц по самым странным причинам. Обличение его исполнено ума и вполне согласно с духом Откровения; читая его, видишь и изумляешься, какое расстояние отделяло тогда Запад от светлого Востока. Что делалось на Западе в XIII веке? На кострах горели мнимые волхвы по распоряжениям епископов! Благословен Господь Бог, благоволивший хранить свет

Свой в Церкви Российской при посредстве
святильников Своих!¹⁴

Приведем несколько отрывков из поучений блаженного Серапиона. Одно из «Слов» своих он начинает так:

«Дети! Я чувствую в сердце своем великую скорбь о вас: ибо вовсе не вижу вашего обращения от дел беззаконных. Не так скорбит мать, видя детей своих больными, как скорблю я, грешный отец ваш, видя вас, болящих делами беззаконными. Многократно беседовал я с вами, желая отвратить вас от худых навыков, но не вижу в вас перемены. Разбойник ли кто из вас – не отстаёт от разбоя; вор ли кто – не пропустит случая украсть; имеет ли кто ненависть к ближнему – не имеет покоя от вражды; обижает ли кто другого и захватывает чужое – не насыщается грабительством; лихоимец ли кто – не перестает брать лихву; бедный, он не подумает о том, что, как родился нагим, так и умрет, не имея ничего, кроме вечного проклятия; любодействует ли кто – не отказывается от своего любодейства; сквернословец и пьяница не отстают от своей привычки. Чем мне утешиться, видя, что вы

отступили от Бога? Чему мне радоваться? Всегда сею я на ниве сердец ваших семья Божественное, но никогда не вижу, чтобы оно прозябло и принесло плод. Умоляю вас, братия и дети, исправьтесь, обновитесь добрым обновлением, перестаньте делать зло, убойтесь Бога, сотворившего нас; вострепещите суда Его страшного! К кому идем? К кому приближаемся, отходя от сей жизни? Чего мы не навлекли на себя? Каких не понесли мы наказаний от Бога? Не была ли пленена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не в короткое ли время отцы и братия наши пали мертвыми на землю? Не отведены ли в плен жены и дети наши? А мы, оставшиеся, не порабощены ли горьким рабством от иноплеменников? Вот уже сорок лет – томление и мука и тяжкие налоги, не прекращаются также голод и мор скота нашего. Мы и хлеба не можем есть в сладость. От воздыханий и печали сохнут кости наши. Что же довело нас до этого? Наши беззакония и наши грехи, наше непослушание, наша нераскаянность. Умоляю вас, братия, пусть каждый из вас вникнет в свои мысли, рассмотрит сердечны-

ми очами дела свои, возненавидит их и откажетя от них. Прибегните к покаянию: гнев Божий прекратится, и милость Господня изливается на нас. Мы в радости будем жить на земле нашей; а по отшествии из сего мира придем с радостью к Богу своему, как дети к отцу, и наследуем Царство Небесное, для которого Господом мы созданы. Ибо Господь сотворил нас великими, а мы чрез непослушание сделались малыми. Не погубим, братия, своего величия. Не слышащие о делах и законе спасаются, но исполняющие закон. Ежели в чем согрешим, опять прибегнем к покаянию, обратимся с любовью к Богу; прольем слезы; будем по мере сил давать милостыню нищим; имея возможность помогать бедствующим, от бедствий избавляйте их. Если не будем таковыми, то продолжится гнев Божий на нас. Пребывая же всегда в Божией любви, будем жить в мире».

Так обличал грешников ревностный святитель в то самое время, когда Русь страдала под страшным ярмом неверных и благоверные князья ее проливали кровь свою за имя Христово. Но та же вера, которая одушевляла

их на крепкий подвиг, в то же время действовала и на неверных, приводя их ко Христу: примером тому может служить жизнь преподобного Петра, царевича Ордынского.

Преподобный Петр-царевич – живой пример тому, что пребывание пастырей Русской Церкви в Орде, тяжелое для них самих, не оставалось бесплодным для веры Христовой. Ростовский епископ Кирилл, которого современники называли блаженным и учительным, приходил в Орду к хану Бергаю¹⁵, был принят им ласково и по желанию хана рассказал ему о святой вере – как распространил ее в Ростове святой Леонтий и какие чудеса совершаются при мощах его силою Христовою. В числе слушателей беседы епископа с ханом был юный племянник Бергая, сын брата его. Слово о вере Христовой пало на добрую почву – на сердце доброго юноши. Он был сильно поражен тем, что слышал, и стал уверяться в пустоте своей языческой религии – в пустоте поклонения солнцу, звездам, огню. В том же году у хана захворал сын, и хан, вспомнив рассказы епископа об исцелениях, совершающихся при гробе святого

Леонтия, вытребовал Кирилла к себе для исцеления сына. Святитель, после теплой молитвы к Богу и Пресвятой Богоматери, молил чудотворца Леонтия оправдать дело святой веры пред заблудшими. Прибыв в Орду, он исцелил царевича молитвою и освященною водой. Щедро одаренный ханом, Ростовский епископ отправился в отечество, а юный племянник хана во время вторичного пребывания епископа в Орде решил удалиться с ним в Ростов, чтобы там принять Крещение. Не смея открыть своих намерений матери и боясь власти дяди, он тайно ушел из Орды, догнал на дороге епископа и со слезами просил взять его с собою. Святитель согласился.

В Ростове царевич жил в доме епископа, ходил смотреть на чин богослужения, слушал чтение и пение, и все это приводило его в восторг. Тогда в кафедральном храме епископа, говорит древний повествователь, «на левом клиросе пели по-гречески, а на правом – по-русски». Царевич просил крестить его. Епископ опасался, не навлечь бы гнева ханского на Ростов за царевича. Но прошло довольно времени; поисков о царевиче не было из Ор-

ды, и епископ крестил его с именем Петра. Новый христианин научился русскому языку, усердно читал книги, трудолюбиво молился, посещал богослужение, жил чисто и воздержно, оставаясь в доме епископа.

Блаженный Кирилл скончался, и 19 сентября 1261 года из Авраамиевой обители взошел на кафедру Ростовскую святой Игнатий. Петр продолжал жить и при святом Игнатии в кафедральном доме. Продолжая усердно посещать храм Божий и жить благоговейно, по временам забавлялся он соколиною охотой на берегу озера Неро. Раз, замедлив до ночи на ловле, заснул он у озера. Ему явились во сне, а по пробуждении и наяву, святые апостолы Петр и Павел; в ужасе он пал перед ними; они, подняв его, ласково сказали: «Не бойся, друг Петр, мы посланы к тебе Богом, в Которого ты уверовал, и желаем, чтобы здесь, где заснул ты, создана была церковь в наше имя; завтра ты выменяешь три иконы: одну – Богородицы с предвечным Младенцем, другую – святого Николая, а третью – великомученика Димитрия, отнесешь их к епископу и скажешь: “Апостолы Петр и Павел повелева-

ют построить во имя их церковь на указанном ими месте»». Затем дали они царевичу два мешка, один с золотом, другой с серебром, и стали невидимы. Блаженный Петр пробыл в молитве до утра на месте, где явились ему апостолы. Потом нашел в городе у иконописца три указанные иконы, выменял и понес их к епископу. В ту же ночь святому Игнатию явились апостолы и приказали построить во имя их храм. Устрашенный видением, святитель Игнатий утром пригласил к себе князя (Бориса Васильковича) и рассказал ему о видении, недоумевая, где строить храм. В это время они увидели Петра с иконами на руках; епископ и князь поражены были изумлением, откуда Петр-иноземец мог достать такие превосходные иконы, каких не мог написать тогда ни один иконописец в городе. Выслушав рассказ Петра, они благоговейно поклонились иконам, отслужили пред ними молебное пение, отнесли их в крестном ходе на место явления святых апостолов и здесь поставили в построенной наскоро часовне.

По требованию князя Петр решился купить у него довольно большое место для

церкви и монастыря по берегу озера; князь приказал протянуть вервь вокруг выбранного места, и Петр потребовал, чтобы выкопали ров, «как бывает в Орде, чтобы не пропало то место». Затем царевич начал класть в вырытом рву монеты, вынимая их из мешков апостольских и кладя девять серебряных, а десятую золотую; так клал он по всему протяжению рвов, а монеты, к изумлению и ужасу князя, не истощались. Целый воз денег достался князю, который принял их как благословение апостольское, и несколько дней щедро раздавал милостыню бедным. На отведенном месте построен был храм в честь святых апостолов Петра и Павла, и при нем основалась обитель иноков.

Сам царевич остался мирянином, но был молчалив, всегда занимаясь в душе то молитвою, то размышлением о вечности. Святой Игнатий и князь, опасаясь, как бы царевич не удалился в Орду, предложили ему вступить в брачную жизнь, и Петр согласился. Невестой себе он выбрал дочь ордынского вельможи, поселившегося в Ростове. Святой Игнатий сам венчал его; а князь побратался с ним, и святил-

тель укрепил это душевное братство их церковною молитвою. На земли, предоставленные храму и царевичу, князь Борис выдал грамоты¹⁶. Петр прожил в супружестве много лет, имел детей, оставаясь отцом всех бедных и несчастных, пережил и князя, нареченного брата, и святого Игнатия¹⁷. В глубокой старости, овдовев, он принял монашество в основанной им обители и мирно перешел ко Господу, Которого возлюбил, и погребен в построенной им церкви. Это было, вероятно, около 1290 г.¹⁸

Между князьями русскими, современными преподобному царевичу Петру, были также замечательные подвижники благочестия.

Благоверный князь Роман Угличский был сыном князя Владимира, получившего Угличский удел от родителя – великого князя Константина Всеволодовича в то же время, когда братья его, святые Василько и Всеволод, получили Ростов и Ярославль. Блаженный Роман вступил в управление княжеством в 1261 году и был попечительным отцом народа. В уделе его были города: Углич, Кашин, Бежецкий

Верх, Устюжна, Дмитров, Звенигород, и он еще построил на высоком берегу Волги, напротив слободы Борисоглебской, новый город Романов, соорудил до 15 храмов в разных местах своего княжества, устроил богадельни и странноприимные дома. Каждый день он слушал службу Божию, часто беседовал с опытными иноками и любил читать Божественные книги. Осиротевший, вдовый и бездетный, блаженный Роман посвятил последние дни жизни своей подвигам молитвы, поста и благотворительности. Он мирно почил 3 февраля 1285 года и погребен в соборном храме города Углича¹⁹.

Между князьями южными особенно славился благочестием в последние годы жизни своей Волынский князь Василий Романович, родной брат короля Даниила Галицкого. Храбрый и неутомимый воин, дожив до старости, он скончался монахом и тружеником в окрестностях Львова (Лемберга), в дикой, заросшей кустарником пещере, под горою Георгиевского монастыря²⁰, оплакивая грехи мирского властолюбия и кровавой деятельности.

Сын его, Владимир-Иоанн, наследовавший

область родительскую, был истинный страдалец Божий. Кроткий, милостивый к другим, строгий к себе, трезвый и целомудренный, смелый на войне и в звериной ловле, любознательный и начитанный (современники звали его философом), этот князь четыре года страдал, как Иов: нижняя губа его гнила, болезнь распространялась и становилась сильнее; но он терпеливо сносил боль и занимался делами; болезнь усилилась: вся мясистая часть бороды отпала, нижняя челюсть и зубы выгнили – он молился и благодетворил. Никто из князей южных не построил столько монастырей и городов, никто более его не наделил храмы книгами и утварью; пред смертью он все движимое имущество – золото, серебро, одежды – раздал бедным²¹.

В конце XIII века мы видим образец особенного рода жизни, высокого и трудного, – образец юродства о Христе. Неизвестно, шло ли кто в Русской земле по этому пути прежде блаженного Прокопия Устюжского; но из прославленных чудотворцев Русской Церкви Прокопий является первым подражателем блаженных угодников Божиих Греческой

Церкви, посвятивших себя на этот тяжкий по-
двиг.

Блаженный Прокопий был иностранный купец и торговал в Новгороде. Пленившись учением Православной Церкви, он отказался от папизма, принял Православие и оставил торговлю. Жизнь православных иноков так подействовала на него, что он, раздав имение бедным, поселился на несколько времени в Хутынской обители²², но вскоре удалился в Великий Устюг и там вступил на новый путь жизни, на путь юродства. Он нашел полузырянский город с христианскими храмами; соборная церковь в нем была деревянная и очень высокая. На паперти ее Прокопий стал проводить ночи в молитве, а днем ходил по городу, претерпевая насмешки, брань и побои; над ним издевались и дети, и те, которые имели духовный смысл, еще менее развитый, нежели у детей, и не могли понимать поступков человека духовного. Блаженный Прокопий молился за них молитвою Распятого: «Господи, не постави им греха сего». Отдыхать ложился он то на навозе, то на камне или на голой земле. Одежда на нем была изо-

рванная, и в ней он переносил северные морозы. Он принимал пищу от нищих и от людей богобоязненных, а от богачей, обогатившихся неправдою, не брал ничего. Утешением для праведника служила праведная чета – Иоанн и Мария. Иоанн Буга, или Бога, был монгольским сборщиком в Устюге; дозволяя себе всякое своеволие, он взял силою дочь одного гражданина Марию. Народ взволновался и готов был убить дерзкого баскака. Тогда Бога принял крещение и женился на Марии. Народ примирился с ним. Бога-Иоанн переменил жизнь свою, жил с супругою праведно и чисто; на Сокольей горе он построил храм Предтечи с монастырем. Блаженный Прокопий посещал иногда Иоанна и Марию, но не пользовался удобствами их жизни²³. Другом и собеседником его был блаженный Киприан, основатель Архангельской Устюжской обители, но и у него не искал он покоя для себя²⁴.

Раз была ночью жестокая стужа. Сильная вьюга засыпала дома и улицы снегом, и мороз и ветер северный так были резки, что птицы падали мертвые на землю, даже скот и люди замерзали. Можно представить себе, ка-

ково было нагому Прокопию. Терзаемый морозом, он пытался войти в хижину нищих, чтобы сколько-нибудь погреться: но одни запирали дверь, другие прогоняли его палкою. Прогнанный страдалец нашел сарай, где в углу лежали собаки; он лег около собак, чтоб от них согреться, но и собаки ушли от него. Не тяжко ли не найти защиты от смерти у людей и даже у псов? «Буди имя Господне благословенно», – сказал Прокопий и пошел на обыкновенный свой ночлег – на паперть соборную; дрожа всеми членами и ожидая смерти, молился он, да примет Бог душу его. И вот он чувствует какую-то теплоту; взглянув, он увидел пред собою Ангела Божия с прекрасною ветвию в руке; небесный гость, коснувшись веткою лица Прокопия, оживил страдальца: приятная теплота разлилась по всему телу его. Об этом блаженный Прокопий рассказал любимому клирику Семиону, отцу святого Стефана Пермского, под условием – не говорить о том другим до смерти юродивого.

Любимое место, где часто и долго сиживал Прокопий, был один камень на берегу реки Сухоны. Здесь, смотря на плывущие мимо су-

да, он молился за тех, которые вверяли судьбу свою неверной стихии.

В один воскресный день Прокопий говорил народу в храме: «Покайтесь, братия, во грехах ваших; умилоствуйте Бога постом и молитвою; иначе город погибнет от града огненного». – «Он не в уме», – говорили слушавшие Прокопия. После литургии Прокопий, сидя на паперти, плакал и рыдал, плакал потом днем и ночью. Проходившие мимо его спрашивали: «Что с тобою, Прокопий? Что за скорь у тебя?» Блаженный отвечал: «Бдите и молитесь, дане внидете в напасть». Но проповеди его не принимали к сердцу. На третий день Прокопий пошел по городу и говорил со слезами: «Плачьте, други, плачьте о грехах ваших, молитесь, чтоб избавил вас Господь от гнева правды своей, чтобы не погубил вас, как Содом и Гоморру, за беззакония ваши». Но и теперь ожестевшие в грехах не трогались и не приходили в себя; над проповедником смеялись, как над безумцем, и молитвенником остался один Прокопий. Через неделю после первой проповеди, в полдень, явилось на небосклоне черное облако; приближаясь к го-

роду, оно росло более и более; наконец, день превратился в темную ночь. Молнии бегали огненными полосами, и страшные грохоты грома раскатывались в воздухе, не прерываясь ни на минуту; от громовых ударов тряслись стены зданий и от оглушительных звуков не слышно было людского голоса. Тогда-то увидели, что городу грозит гибель, вспомнили о проповеди Прокопия и бросились в Соборный храм Богоматери. Прокопий был уже здесь и пред иконою Благовещения молился с горькими слезами, да будет Богоматерь ходатаицею за людей согрешивших. И весь народ с рыданием молился о спасении от гнева Божия: вдруг от иконы потекло мироручейком и по храму разлилось благоухание. В то же время оказалась перемена в воздухе: не стало удушливого зноя, тучи с громами и молниями скатились вдаль – на пустынные места. Скоро узнали, что за 20 верст от Устюга, в дебри Котовальской, пали с градом раскаленные камни, поломали лес, но никто из людей не убит и даже скот везде остался цел. Между тем из святой иконы истекло столько мира, что им наполнили сосуды церковные;

мазавшиеся миром получали исцеление от разных болезней²⁵.

После этого Прокопий стал опять юродствовать и юродством скрывал от людей обильную благодать, обитавшую в нем. Он носил в руке три кочерги. Замечено было, что, когда носил их вверх головами, в тот год бывал хороший урожай; когда же оборачивал их головами вниз, бывал недостаток во всем.

Блаженный Прокопий преставился в старости 8 июля 1303 года у ворот обители Архистратига Михаила. Согласно с его желанием, тело его похоронили на берегу реки Сухоны, близ соборной Успенской церкви. Камень, на котором часто сидел он на берегу Сухоны, молясь за плавающих, положен над гробом его, а на месте кончины поставлена часовня²⁶.

Церковь поет блаженному Прокопию: «Ты был бездомным, Прокопий, и перенося всякое оскорбление, приносил Богу дела добрые, как фимиам благовонный, как жертву приятную. Потому ты и получил дерзновение пред Ним в Обителях Небесных. Моли даровать очищение грехов славящим святую память твою»²⁷.

Так, при тяжком испытании Русской зем-

ли Господь прославлял в ней избранных Своих многоразличными путями спасения!

Примечания

1 Получив великое княжение, Ярослав выгнал из Новгорода юного племянника Димитрия Александровича, которого оставил там на княжении великий родитель, когда предпринял последнее путешествие в Орду, в то самое время, когда хан был сильно разгневан изгнанием «бесерменских откупщиков» из области великого княжения. Святой Александр был уверен, что в Орде ждет его неминуемая смерть. Прощаясь с новгородцами и оставляя им сына, он говорил: «Служите ему, как служили мне». Несмотря на то, они беспрекословно покорились Ярославу, который заключил с ними договор, но не хотел исполнить его. Новгородцы возмутились и выгнали от себя наместников великого князя. Ярослав жаловался хану и просил у него войск для усмирения непокорных; младший брат его Василий Костромской вступился за новгородцев и убедил хана, что неудовольствия их на великого князя вполне справедливы и закон-

ны. Тогда хан воротил полки свои, уже выступившие в поход, а добродетельный старец, митрополит Кирилл, успел примирить новгородцев с Ярославом, умоляя их не проливать крови и принимая на себя грех, если они поклялись не мириться с великим князем.

2 Отца святого князя Романа, Олега Ингваревича, некоторые смешивают с князем Олегом Игоревичем Красным (в крещении Козмою), убиенным от Батыя и вписанным в число святых в рукописных святцах (в Книге о Российских святых). Он погребен в Борисоглебском соборе, а Олег Ингваревич, племянник его и сын Ингваря Игоревича, скончался иноком и положен в Спасском монастыре.

3 В 1265 году блаженный митрополит Кирилл открыл епархию Сарайскую в самом стане Орды. Святитель русский среди шатров дикого язычества – явление отрадное для всех христиан. В нем видели утешителя и наставника князя, томившиеся в Орде, и многие тысячи народа, захваченные в неволю татарами.

4 Карамзин (т. IV, с. 68, 69) ошибочно говорит, что князя Романа принуждали к магоме-

танству. В Степенной Книге (I, с. 384) князь Роман говорит: «не достоин последовати обычаям идолослужения».

5 Предание говорит, что святые останки князя-мученика тайно унесены были в Рязань и там преданы земле, но неизвестно, в каком месте.

6 Лик святого Романа изображался на иконах так: «Князь не старых лет, с волосами русыми, кудрявыми, падающими на плечи тонкой волною, в собольей шубе на плечах, в бархатной поддевке; правая рука простерта на молитву, а левая держит город с церковью» («Русские Святые». Июль, с. 118; Буслаев. «Очерки народной словесности и истории», ч. 2, с. 351).

7 Эта чудотворная икона прежде находилась в Городце (в нынешней Нижегородской губернии) и там прославлена чудесами, сохранилась невредимою в пожаре и внезапно исчезла: князь Василий, забавляясь охотою в одной версте от Костромы, на берегу речки Запруденки, увидел на сосне икону Божией Матери, но не мог достать ее. Пришли священники с крестным ходом, взяли икону и

поставили в соборной церкви святого Феодора Стратилата. Некоторые из жителей Костромы рассказывали, что накануне явления (15 августа) некоторый воин, похожий на святого Феодора Стратилата, пронес явившийся образ через город. Этот рассказ послужил поводом назвать явленную икону Феодоровскою. Она находится в Костромском Успенском соборе, сооруженном тем же князем Василием. («Исторические Записки о Костроме» протоиерея П. Островского, с. 10–17).

8 «Помрачени бо беху облаком мудрости еллинскаго языка». Это обстоятельство заставило митрополита еще до созвания Собора вытребовать от наместника царя болгарского, Иакова-Святислава, список полных церковных правил (номоканон) с толкованиями Зонары, полученный Святиславом от Патриарха Константинопольского.

9 Список правил этого Собора помещен в «Русских Достопамятностях», ч. 1, но без конца и без речей митрополита Кирилла, которые сохранились в старинных списках Кормчей книги.

10 Отцы Собора говорят: об обливании ни-

где не пишется, но предписывается погружать крещаемого в сосуд «отлученный» (т. е. собственно для того предназначенный).

11 Тогда многие из простого народа считали церковное венчание приличным и благословенным только для бояр и князей, а сами собирались на какие-то вечерние бесчинные празднества, похищали там невест и «брачились по старине» – посредством троекратного объезда около какого-нибудь заветного дерева или озера, причем по-язычески плескались водою.

12 Так, например, лишение сана за симонию или святокупство и за нетрезвую жизнь назначено еще в правилах апостольских (прав. 29).

13 Блаженный Серапион в 1230 году говорил «Слово» в Киеве по случаю сильного землетрясения, а потому в 1274 году был, без сомнения, уже старцем. Четыре «Поучения» его помещены в Прибавлениях к Творениям Святых Отцов. 1843, с. 97–111, по списку XIV века в Лаврской рукописи «Златая цепь». Еще одно «Поучение» найдено и издано Шевыревым («Поездка в Кириллов монастырь») и два на-

печатаны в «Православном Собеседнике», 1860. В надписаниях «Слов» он называется «святым, преподобным и блаженным». В рукописных святцах (на которые мы уже многократно ссылались) он также поставлен в числе святых.

14 «Прибавления к Творениям Святых Отцов» 1843, с. 95–96.

15 Хан Бергай (или Берка) воцарился в Золотой Орде по смерти брата своего Батыя, умертвив сына его Сартака. Это было около 1256 года. При нем дела русские находились в заведовании наместника его Улавчия.

16 Эти грамоты были впоследствии предметом спора между потомками Петра и князьями Ростовскими. Сыновья князя Бориса звали Петра дядею; но дети их не хотели уважать этого духовного родства и стали отнимать луга у сына его, Лазаря Петровича. «Мы слышали, – говорили они, – что родители наши называли отца его дядею, наш дед взял у Петра много золота и серебра и побратался с ним в церкви; но татарский род – кость не наша, а денег не оставили нам ни он, ни родители наши». Более всего неприязнь возбужда-

лась завистью: князья завидовали, что сыновья царевича «в орде выше их честь принимают». Лазарь жаловался хану, и посол ханский, обмерив землю по грамоте князя Бориса, запретил оскорблять родственника ханского. Также и у внука Петрова Юрия правнуки старого (Бориса) князя стали отнимать право ловить рыбу в озере, так как в грамотах его упоминалось только о земле. Ордынский посол велел князьям снять воду с земли, если вода принадлежит им, а земля Юрию. Когда же они сказали, что это невозможно, он приговорил по земле и воду Юрию, сказав притом, что «вода есть сотворение вышнего Бога на службу всем человекам». Сын Юрия Игнатий, услышав о приближении к Ростову грозного царя ордынского, заставил епископа Прохора идти с ним навстречу хану и вынес подарки – соколов, шубы и угощение. Он объяснил свое родство с ханами и сказал: «Сие купля прадеда нашего». Гордый татарин ласково принял «тешь царскую» – соколов и пощадил город («Древняя святыня Ростова Великого», издание 3, с. 73–79).

17 Святой Игнатий, епископ Ростовский,

возведен на архипастырскую кафедру в 1261 году. При нем устроен храм и кельи для отшельников, которые найдены были князем Глебом Васильковичем Белозерским на Каменном острове Кубенского озера. Эти пустынники занимались обращением к вере Христовой чуди и карелов, живших по берегу озера. При нем же князь Глеб основал Троицкую обитель на берегу Белого озера, при устьях Шексны, весьма полезную для распространения света евангельского между чудью. Блаженная кончина святого Игнатия последовала 28 мая 1288 года. Он один из всех чудотворцев земли Русской прославился нетлением и цельбоносною силой мощей своих еще прежде погребения и вовсе не был предан земле. Чудеса, открывшиеся при отпевании, заставили поставить открыто святые мощи на том месте, где остаются они доселе. Когда тело святителя несено было в соборную церковь, две благочестивые инокини видели, что святитель поднялся, взошел на высоту по воздуху, встал над собором, благословил народ и весь город, потом сошел к месту, назначенному для погребения. Тогда же исцелился архи-

мандрит Стефан, у которого палец, скорченный со дня рождения, выпрямился, прикоснувшись к святым мощам. Когда после отпевания подали список священников и диаконов, рукоположенных святым Игнатием во время его святительства, усопший простер руку и взял список. В летописях XV века святой Игнатий именуется великим чудотворцем. Мощи его почивают открыто в Ростовском Успенском соборе, на левой стороне, близ иконостаса, в серебряной раке, устроенной в 1795 году.

18 По памятникам не видно, когда царевич Петр причтен к лику святых; в XIV веке память его чтили местно, а в святцах XVI века показано «преставление святого Петра-царевича, Ростовского чудотворца». Мощи почивают под спудом в соборной церкви основанного им Петровского монастыря, что на Поле, в 3 верстах от Ростова. Над гробницей его стоят три принадлежавшие ему иконы (о которых упомянуто выше), замечательные по превосходному искусству.

19 В 1486 году при копании рвов для основания новой соборной церкви обретенны

нетленные мощи святого князя Романа. По распоряжению Патриарха Иова они были вновь освидетельствованы в 1595 году Казанским митрополитом Гермогеном. В 1609 году ляхи предали огню соборный храм и святые мощи князя Романа; останки их хранятся в соборе.

20 Лев Данилович, князь Перемышльский, по желанию дяди Василия, построил монастырь святого Георгия из букового дерева. (История Карамзина, т. IV, примеч. 144).

21 Он скончался в 1289 году и погребен в соборной церкви города Владимира Волынского (История Карамзина, т. IV, примеч. 175).

22 В рукописном Житии блаженного Прокопия сказано, что он пользовался наставлениями преподобного Варлаама Хутынского. Но так как сей угодник Божий († 1193) не был современником Прокопия, то здесь, по всей вероятности, должно разуместь другого подвижника Варлаама (в миру Вячеслава Прокшинича), который жил в Хутыни и умер в 1243 году (Новгородская летопись под 6751 годом).

23 Иоанн и Мария похоронены у Вознесен-

ской церкви Устюга. Память их чтится там доныне. Рукописные святцы называют их святыми, но не указывают времени кончины их.

24 Преподобный Киприан, родом земледелец Двинской стороны, основал около 1212 года Архангельский монастырь близ Устюга и провел там в подвигах более 60 лет. Он преставился 28 сентября 1276 года в обители своей. Впоследствии над могилою его построен храм и в нем устроена гробница.

25 Чудотворная икона Благовещения Божией Матери, пред которою молился святой Прокопий, перенесена в Москву при царе Иоанне и поставлена в иконостасе Успенского собора. Тяжелая серебряная, позолоченная риза устроена в 1818 году, иждивением Велико-Устюжского градского общества.

26 Местное почитание святого Прокопия началось со дня его кончины. Храм во имя его построен в Устюге в 1495-м, а всеобщее празднование его памяти в 8-й день июля утверждено Московским Собором 1547 года. Наружность блаженного Прокопия в подлиннике описывается так: «Подобием средовек (средних лет, а по другому подлиннику: стар и сед),

волосы на голове русы, борода Козмина (т. е. длинная); рубище дико-багряное, с правого плеча спустилось; в руках три кочерги; на ногах сапоги разодраны, колени голы» (Буслаев. «Очерки словесности и истории», II, с. 428).

27 Служба на 8 июля в Минее Московской, изд. 1646 года.

Глава III

*Сыновья святого Александра Невского
Димитрий и Андрей. Блаженный Симеон,
епископ Тверской. Кончина митрополита
Кирилла. Свяой Феодор, князь
Смоленский и Ярославский. Святой
князь Даниил Московский. Святой Довмонт,
храбрый князь Псковский*

Спустя тридцать лет после грозы Батыевой Русская земля как будто отдохнула, обязанная внутренним устройством и тишиною умному правлению Ярослава Всеволодовича и великого сына его святого Александра. Некоторые местные грабежи татар, маловажные распри князей, даже самая утрата государственной независимости казались легким злом в сравнении с ужасными всеобщими бедствиями минувших лет, еще свежими в

памяти народа. Войны внешние были довольно счастливы: победы витязя Невского и бодрое охранение западных пределов отечества доказывали, что русские люди еще умеют владеть мечом; а торговля, ободряемая ханскими грамотами, доставляла купцам и землевладельцам способ платить дань без больших затруднений.

В таком состоянии находилось великое княжение, когда оно досталось, по смерти дядей, Димитрию Александровичу, сыну святого Александра Невского. Восемнадцатилетнее его правление (1276–1294), памятное для Русской земли одними несчастиями, протекло в непрерывных кровавых междоусобиях, возбуждаемых безумным властолюбием младшего брата его Андрея, который не мог успокоиться, пока не сделался великим князем. Непрестанно враждуя со старшим братом и вовлекая в свои распри всех прочих удельных князей, Андрей в то же время умел угождать ханам и получать от них войско для разорения городов русских. Так, однажды татары, приведенные Андреем, напомнили время Батыя: они опустошили окрестности Вла-

димира, Суздаля, Юрьева, Ростова, жгли и грабили селения, монастыри, церкви, не щадя ни икон, ни сосудов, ни утвари церковной. Народ разбежался и погибал в лесах от жестоких морозов. Переяславль-Залесский, удельный город Димитрия (бежавшего в Новгород), хотел обороняться и был жестоко наказан: не осталось жителя, по словам летописи, который бы не оплакал смерти отца, сына или брата. Это кровопролитие случилось 19 декабря 1282 года. В праздник Рождества Христова ограбленные храмы стояли пустыми; вместо священного пения раздавались в городе стоны и рыдания. Один только Андрей, злобный и недостойный сын великого отца, праздновал и ликовал с татарами. В другой раз он привел рать хана Ногая, который в то время завел неустройство в Золотой орде и основал свою собственную Ногайскую. Снова татары опустошили и ограбили много городов; даже духовенство, свободное от дани ханской, не спаслось от всеобщего грабежа. Ужас царствовал повсюду, и только дремучие леса служили убежищем для несчастного народа. Димитрий укрылся тогда во Пскове; он отказался от

великого княжения, довольствуясь наследственным уделом Переяславским. Изнуренный горем и болезнью, он умер на пути, близ Волока-Ламского, приняв схиму пред кончиною¹.

При несчастном правлении его утвердилось независимость Тверского княжения. Оно было прежде частью Суздальского и Владимирского, но сделалось отдельным при Ярославе Ярославиче (младшем брате Невского, наследовавшем после него великое княжение). При нем же учреждена епископия в Твери, и первым архипастырем там был блаженный епископ Симеон. Кафедра его была прежде в Полоцке, но неустройство и распри литовских князей принудили его переселиться в Тверь, принадлежавшую к той же епархии. Великий князь Ярослав Ярославич принял его с любовью и наделил новую епископию богатыми имениями и угодьями. Блаженный Симеон управлял паствою, как один из лучших пастырей Церкви. По свидетельству летописи, он хорошо знал священные книги, благодетельствовал нищим и сиротам, без боязни говорил правду князьям и вельможам².

Он пережил благодетеля своего Ярослава, заложил при сыне и преемнике его князе Михаиле соборный храм в Твери и мирно почил 3 февраля 1289 года.

Незадолго пред тем угас великий светильник Церкви Русской: блаженный первосвященник Кирилл преставился в глубокой старости 9 декабря 1280 года в Переяславле-Залесском, при объезде северных епархий. Тело его перевезено было во Владимир, а потом в Киев и заключило собою ряд первосвященнических могил в Софийском соборном храме. В продолжение многолетнего святительства (1243–1280), он старался восстанавливать разрушенное опустошителями, водворять мир между враждующими, оберегать вверенное ему стадо от влияния римского, исправлять беспорядки в жизни духовенства и народа, утверждать управление Церкви на правилах Соборов и святых отцов. Преемником его был Максим, родом грек, присланный Патриархом из Царьграда.

Между тем княжение Ярославское перешло из рода великого князя Константина Всеволодовича в род князей Смоленских. Это

произошло следующим образом. Феодор Ростиславич, по прозванию Черный, сын Смоленского князя Ростислава Мстиславича, женился на дочери последнего князя Ярославского, святого Василия Всеволодовича, Марии, единственной наследнице княжества Ярославского. Он был воспитан в страхе Божиим, чуждался распрей и ссор, хотя отличался мужеством и знанием ратного дела. Только неудовольствия с братьями, которые дали ему из всего княжества Смоленского один небольшой городок Можайск, заставили его жить в Ярославле, где теща, княгиня Ксения, не хотела уступить ему власти.

Князь Феодор вместе с другими князьями ходил на поклон в Орду и по воле хана Менгу-Темира предпринимал поход против яссов или алан, которые жили близ Кавказа и не хотели платить дани татарам. Возвратившись оттуда с богатою добычей, мужественный князь обратил на себя особенное внимание хана и жены его; последняя предложила ему руку своей дочери. Феодор не побоялся отвечать, что у него есть супруга и он, как христианин, не может иметь другой. Но когда

он с опасностью для жизни отклонял от себя лестную честь быть зятем ханским, теща его, княгиня Ксения, по возвращении его в отечество не впустила его в Ярославль, объявив, что там есть уже законный князь, сын его и Марии – малолетний Михаил. Даже посредничество ордынского посла не могло победить упрямство властолюбивой княгини. Добрый и миролюбивый Феодор не хотел призывать гнева ханского на отчизну, и Господь Сам устроил судьбу его: он вскоре овдовел и получил Смоленское княжество после умерших братьев. Тогда он снова отправился в орду, где принят был с прежнею благосклонностию. Для брака его с дочерью хана оставалось одно препятствие – языческая вера невесты. Дочь Менгу-Темира крестилась с именем Анны и с разрешения Патриарха Царьградского вступила в христианский брак с Феодором³, причем хан назначил города на содержание дочери и зятя. С дозволения тестя благочестивый князь поставил несколько храмов в улусах орды; твердый в бедах, он не изменялся и в счастье: по-прежнему любил Господа более всего и старался о славе имени

Его.

Скоро мечты властолюбивой Ксении рассеялись: внук ее, младенец, умер. Тогда благоверный князь Феодор отправился в Ярославль с супругою и с двумя сыновьями, Давидом и Константином, родившимися в Орде. Жители Ярославля не хотели принять их, но князь Феодор со Смоленскою дружиною принудил их к покорности, а виновники возмущения по воле хана были наказаны.

За непокорность ярославцев блаженный князь Феодор заплатил им благодеяниями: он распространил город Ярославль, обвел его земляным валом, построил в нем несколько храмов и великолепно украсил их. Особенно любил он монастырь Спасский: часто он молился там, раздавал милостыню бедным, кормил братию. Супруга его, княгиня Анна, хотя родилась и воспиталась в язычестве, но подражала ему в добродетелях; она построила храм Архангела Михаила на берегу реки Корости⁴.

При частых смутах этого несчастного времени не удивительно, что блаженный князь Феодор вовлекался невольно в распри князей.

Удрученный старостию, скорбями и недугами, он почувствовал близость кончины и велел нести себя чрез весь город в монастырь Спасский. Когда поставили его здесь в притворе церковном, то на вопрос игумена: «Что пришел, брат? Желает ли сподобиться ангельского образа?» – князь, подняв руки к небу, сказал: «Всею душою готов, Владыка и Творец мой, работать Тебе, – и, обратясь к игумену, прибавил: – Да, честный отче». По совершении пострижения понесли его в келью к игумену, где весь день прощался он со всеми, исповедал всенародно грехи и ошибки в жизни своей и давал прощение другим. Позвав к себе княгиню и детей, простился с ними, наказывая детям исполнять его наставления. Поздно вечером попросил игумена облечь его в схиму и затем попросил, чтобы, кроме игумена и немногих братьев, все вышли. Во время утреннего пения он оградил себя крестным знамением и предал дух свой Богу; это было 19 сентября 1299 года⁵.

Между тем как святой князь Феодор подавал современным князьям назидательный пример благочестия, умеренности и миролю-

бия, злобный Андрей Александрович, достигнув великого княжения, продолжал терзать землю Русскую. Наконец распри дошли до судилища хана: посол ханский созвал князей во Владимире, и суд кончился миром или, лучше сказать, ничем, потому что посол ханский взял дары, а великий князь дал слово оставить в покое братьев и племянников, но в то же время собирал войско, чтобы усмирить их.

Тогда возобновились, но, к сожалению, безуспешно древние съезды князей, учрежденные некогда Мономахом; на них присутствовали и святители как толкователи уставов правды и совести. Но в этих съездах не участвовали князья уделов отдаленных – Рязанские, Смоленские и другие. Нашествие монголов разорвало последние связи между разными частями Русской земли: великий князь, не удержав господства над уделами собственного великого княжения Владимирского, мог ли вмешиваться в дела других областей и быть душою общего согласия и порядка? Неустройство и междоусобия продолжались до смерти Андрея: он окончил жизнь в 1304 году, заслужив ненависть современни-

ков и презрение потомства.

Не таков был брат его Даниил, княживший в Москве. Из четырех сыновей святого Александра Невского только самый младший вполне усвоил себе христианское благочестие родителя. И Господь, предназначивший высокую будущность потомству угодника Своего Александра, избирает только род Даниила для управления Русскою землею: «Праведное семя его возлюбил Бог, благоволил ему царствовать в роды и роды»⁶.

Жизнь Даниила ознаменована печатью особенного избрания Божия. Двухлетним младенцем остался он по смерти отца⁷, но никто не нападал на князя-младенца, никто не покушался завладеть уделом его. А как часто в то время и у взрослых князей отнимали уделы другие князья, более сильные!

Ему достался самый незначительный из уделов великого княжения, с ничтожным городком – Москвою. Пришедши в возраст, Даниил увеличил свое княжество, не прибегая к мерам насилия. Неизбежно вовлекаемый в междоусобия князей⁸, он держал себя умеренно и осторожно, берег свою совесть и старал-

ся гасить ссоры любовью⁹. Храбрый, но вместе с тем и миролюбивый, он брался за оружие только для того, чтобы грозою меча устрашить злонамеренных. Довольный своим жребием, он не отнимал чужой собственности ни насилием, ни коварством; за то сам Господь неожиданно благословил его новым владением.

Родной племянник блаженного Даниила, сын умершего великого князя Димитрия, Переяславский князь Иоанн Дмитриевич, кроткий, набожный, благотворительный, был связан узами тесной дружбы с благочестивым дядей. Умирая бездетным¹⁰, он отказал свой удел Даниилу, которого современники называли «Богоснабдимым»¹¹, потому что сам Бог, видя благочестие и бескорыстие раба Своего, снабдевал его всем нужным. Здесь начало соединению русских княжеств в одну мощную державу и первенству Москвы над прочими уделами!

Блаженный князь Даниил не искал достоинства великого князя; но оно досталось впоследствии сыновьям и внукам его. Он построил на берегу реки Москвы деревянную цер-

ковь в честь заступника своего преподобного Даниила Столпника и при ней основал монастырь¹². Приняв схиму с именем пророка Даниила, он преставился 4 марта 1303 года. По глубокому смирению, он назначил могилу себе не в храме, а на общем кладбище основанной им иноческой обители¹³.

Описывая внутренние дела Русской земли, мы давно не упоминали о защите западных ее пределов. Там в это время бодрствовал на страже мужественный князь, но не потомок святого Владимира, а литвин, родившийся язычником, – явление, дотоле небывалое и неслыханное!

Миндовг, великий князь Литовский, заманив к себе жену Довмонта, князя Нальшанского, заставил ее разделить с ним ложе; Довмонт, исполняя долг языческой мести, убил Миндовга и двух сыновей его. Это было осенью 1263 года. Вслед за тем началась резня в Литве; сын Миндовга Воишелг страшно мстил за смерть отца. Тогда Довмонт с 300 семей литовских, спасая жизнь, бежал во Псков. Здесь дохнула на него, говорит древний летописец, «обновляющая благодать Бо-

жия». Он крестился и был назван Тимофеем. Псковичи посадили его на столе святого Всеволода-Гавриила; но с тем вместе, желая соединить его с дорогим для них родом святого Александра Невского, они выпросили для Довмонта руку княжны Марии, дочери великого князя Дмитрия Александровича. Так пришлец из Литвы стал княжить во Пскове. Но этот пришлец щедро возблагодарил свое новое отечество: своими доблестями, своею ревностью по вере он напомнил Пскову лучших князей из рода Рюрикова – Мстислава Великого, Всеволода и деда жены своей, приснопамятного Александра. Довмонт пошел войной на дикую Литву, которая часто вторгалась в пределы Русские из лесов своих, опустошала жилища и уводила в плен множество христиан. Еще прежде псковские священники насадили православное христианство в Летгаллии, а в это время Литовский князь Гердень уступил эту область гермейстеру ливонских рыцарей, и, таким образом, папизм угрожал новопросвещенным. Пользуясь отсутствием Герденя, Довмонт с 270 воинами прошел с огнем и мечом по его владениям, взял в плен

жену его с детьми и толпы литовцев. Переправившись через Двину, храбрый князь оставил при себе только 70 воинов, отпустив остальных с добычей во Псков. Скоро сторожевые дали знать, что Гердень приближается с войском. «Братья псковичи, – сказал Довмонт, – кто стар из вас, тот мне отец; кто млад, тот мне брат. Я слышал о вашем мужестве. Пред вами жизнь и смерть. Братья мои! Постоим за Святую Троицу». Слова Довмонта одушевили псковичей. С 70 человеками дружины он одолел 700 литовцев, многих побил и потопил в Двине. На другой год он снова ходил в Литву: страна предана была опустошению, и князь Гердень убит.

Особенно важны подвиги Довмонта в обуздании ливонских рыцарей: немцы, завладев Ливонией, готовы были простираť далее свои завоевания. В отношении к вере они были вреднее языческой Литвы, которая довольствовалась грабежом, не касаясь совести; а немцы не только грабили, но и принуждали православных к папизму, объявляя русских язычниками. В 1268 году силы почти всех русских князей собрались в Новгород, чтобы вы-

гнать из Эстонии датчан, которые вздумали заводить поселение в стране, издавна платившей дань Новгороду. Довмонт с ратью псковскою присоединился к войску тестя своего, великого князя Димитрия. В самом начале похода дворяне Божии (так называли себя ливонские рыцари) прислали послов с клятвенными уверениями, что они не станут помогать датчанам и желают сохранить мир с князьями. Но когда войска русские приблизились к Раковору (Везенбургу), магистр ордена и дерптский бискуп явились с многочисленным войском на защиту датчан. Началась страшная битва; особенно отличалось мужеством правое крыло союзного войска, где стояли Довмонт и Дмитрий. Бискуп был убит, и с ним легло, по показанию самих немцев, до 1350 человек. Пользуясь темнотою ночи, рыцари обратились в бегство. Новгородцы, чувствуя большой урон в войске, возвратились назад; а Довмонт с псковичами прошел по Везенбергскому округу до самого моря, разоряя капища эстов, и возвратился со множеством пленных. Спустя несколько дней после Раковорской битвы немцы тайно вступили в пре-

делы псковские и ограбили несколько сел. Довмонт с небольшим отрядом догнал и разбил их. Иные скрылись на остров; Довмонт велел зажечь траву, и клятвопреступники погибли.

На следующий год магистр явился с 18 000 войска и стенобитными орудиями; он грозил сравнять Псков с землею. Осмотрев силы неприятелей и собрав войско, Довмонт пришел в Троицкий собор, положил меч свой пред алтарем, пал на лицо и молился со слезами: «Господи Боже сил! – говорил он. – Призри на кротких и смиренных рабов Твоих и смири высокоумие гордых». Игумен Мирожский, Исидор, препоясал князя мечом и благословил на битву за святую веру; храбрый князь, не дожидаясь новгородцев, ударил с дружинами псковскими на немцев, разрубил лицо магистру и истребил несколько тысяч латинян. На десятый день осады подоспели полки новгородские: немцы бросились спастись бегством и потом заключили мир на условиях, какие предписал им Довмонт.

После того немцы и Литва надолго оставили в покое пределы Русские. Защищая Псков мечом своим, Довмонт укрепил его каменною

стеною¹⁴. Он судил народ праведно, не давал слабым в обиду, помогал бедным, посещал узников в темницах, покоил странников, любил духовенство, строил храмы¹⁵, проводил жизнь в посте и молитве и благоговейно чтил праздники.

Приближаясь к блаженной кончине, доблестный князь, уже маститый старец, должен был в последний раз отразить немцев от Пскова. В начале 1299 года ливонские рыцари неожиданно напали на Псков, грабили и жгли монастыри в окрестностях города¹⁶. Блаженный князь вывел дружину, сразился с немцами под стенами города, на берегу реки Великой, вогнал их в воду и многих захватил в плен. Спустя несколько месяцев, 20 мая 1299 года, после тяжелой болезни святой Довмонт скончался. Горько плакал весь народ псковский, погребая тело его под сводами соборного храма Святой Троицы, «за которую», по словам летописца, «он много потрудился». Спустя год мирно почил и блаженная супруга его Мария, в иночестве Марфа¹⁷.

Псковичи верили, что мужественный и благочестивый князь их – угодник Божий и

небесный заступник города, в котором княжил. Пред битвою с врагами они обращались с молитвою к святому князю Довмонту¹⁸. В 1480 году, когда немцы в числе ста тысяч осадили Псков, святой князь Довмонт явился во сне одному благочестивому мужу и сказал ему: «Возьмите одеяние (покров) гроба моего, обнесите его три раза вокруг города с крестным ходом, молитесь и не бойтесь». Исполнив волю святого князя, псковитяне смело вступили в бой с врагами и принудили их снять осаду¹⁹.

Примечания

1 Великий князь Димитрий Александрович скончался в 1294 году – погребен в любимом своем Переяславле-Залесском, в соборной Спасской церкви, построенной в 1152 году великим князем Юрием Долгоруким. Она сложена вся из белого камня и сохранила свой первобытный вид до настоящего времени. Недавно открыты в ней весьма древние фрески, может быть, современные построению храма.

2 Памятники древности передают нам раз-

говор блаженного епископа Симеона с Полоцким князем Константином, который, желая посмеяться над своим тиуном (судьей), сказал за обедом святителю: «Где будут наши тиуны на том свете?» Симеон отвечал: «Тиун будет там же, где и князь». Князю это не понравилось, и он сказал: «Тиун судит несправедливо, берет взятки, мучит людей, а я что худое делаю?» Владыка объяснил ему: «Если князь добрый и богобоязненный, жалеет людей, любит правду и поставит тиуна – человека доброго и богобоязненного, умного и правдолюбивого, то князь будет в раю и тиун его с ним. Если же князь без страха Божия, не жалеет христиан, не думает о сиротах и вдовах и поставляет начальника злого, нерассудительного, только бы доставал ему деньги, пускает его, как голодного пса на падаль, губит людей: и князь будет в аду и тиун его с ним» (Русские Святые. Февраль, с. 7, 8).

3 Сарайский епископ Феогност ездил в Константинополь послом от Менгу-Темира за патриаршим разрешением на брак князя Федора с новокрещенною татаркой. Карамзин напрасно считает Анну дочерью хана Нагая и

язычника Менгу-Темира – фанатиком магометанства. (Русские Святые. Сентябрь, с. 100, примеч. 166).

4 Время кончины и место погребения княгини Анны неизвестны. В 1692 году производилось дело о мощах княгинь Анастасии и Ксении, и князя Михаила, обретенных по случаю построения новой Петропавловской церкви в бывшем Петровском монастыре, где погребались князья и княгини первой династии князей Ярославских (Синодальная рукопись, N 781). Ксения – теща, а Михаил – сын святого князя Феодора. Анастасия, как можно полагать, – иноческое имя второй супруги его, княгини Анны. В этом храме издревле совершалась соборная панихида в Неделю Православия за вечернею. Это торжественное поминовение отменено Ростовским митрополитом Арсением Мацеевичем (Описание г. Ярославля А.П. Крылова. С. 124–125).

5 Сыновья святого князя Феодора, Давид и Константин, наследовали благочестие отца своего; младший скончался безбрачным, а князь Давид 23 года управлял Ярославским княжеством и, оставив двух сыновей, Васи-

лия и Михаила, умер в 1321 году. Оба сына святого Феодора положены подле родителя в Спасском монастыре. В 1463 году Спасский архимандрит Христофор обрел нетленные мощи трех святых князей – Феодора и сыновей его – «под церковию в подклете, поверх земли». Он перенес их в храм и положил в одном гробе. Благодатными струями потекли от святых мощей исцеления и чудеса. Ростовский архиепископ Трифон за неверие в святость новых ярославских чудотворцев поражен ослаблением всего тела, но он исцелился, когда уверовал. С того времени мощи святых князей почивают открыто в соборной церкви Спасского монастыря (ныне архиерейского дома) в серебряной раке, устроенной в 1831 году («История г. Ярославля» протоиерея И. Троицкого, с. 34–36. «Описание г. Ярославля» А. Крылова, с. 166–170). Житие святых князей написано вскоре по открытии мощей их иеромонахом Спасского монастыря Антонием и помещено в «Степенной книге» (Обзор Русской духовной литературы. Ч. 1, с. 100).

6 Степенная книга, I, с. 377.

7 Хотя неизвестно время второго брака свя-

того Александра Невского, но весьма вероятно, что Даниил, оставшийся сиротою в двухлетнем возрасте, был рожден княгинею Вассою, а не Александрою Брячиславовною, от которой родились старшие сыновья Александра.

8 В усобицу между старшими братьями Дмитрием и Андреем за великое княжение, потом – между Андреем и некоторыми удельными князьями.

9 Так, например, после княжеского съезда в Дмитрове из всех князей только один Даниил Московский искренне помирился с Андреем. (Карамзин. История Государства Российского, т. III, с. 344).

10 Иоанн Дмитриевич имел сына, который умер в младенчестве. Они оба погребены подле гробницы великого князя Димитрия Александровича, в древнем Спасском соборе Переяславля-Залесского.

11 Степенная книга, I, 377. Когда Иоанн Переяславский завещал свой удел Даниилу, прочие князья дивились, что такой значительный удел присоединен к «малому и убогому» городу – Москве. В то время область Переяс-

лавская вместе с Дмитривом была после Ростова первой во Владимирском великом княжении как по числу жителей, так и по крепости главного города. Переяславль-Залесский обведен был глубоким рвом с водой, высоким валом и двойною стеной с 12 башнями.

12 Еще прежде того, при блаженном князе Данииле, и, вероятно, не без помощи его, начат строением около 1296 года Богоявленский монастырь в Москве (История Российской Иерархии, III, с. 403).

13 Когда сын святого Даниила, Иоанн Калита, построил вблизи дворца своего в Кремле Спасский монастырь, то назначил туда архимандритом игумена Данииловской обители Иоанна, оставив за ним управление прежним его монастырем. Впоследствии монастырь блаженного князя Даниила оскудел и опустел; осталось только место, или сельцо, Данииловское с деревянною церковью. При великом князе Иоанне III Васильевиче, боярину, проезжавшему мимо того места, явился некто неизвестный и сказал ему: «Не бойся меня – я христианин и господин сего места: имя мое Даниил, князь Московский. Скажи от

меня Иоанну: «Сам ты тешишь себя, а меня забыл; но не забыл меня Бог мой»». При сыне Иоанна, великом князе Василии, было новое знамение: боярин князь Василий Шуйский, оказавший неуважение к месту Даниловскому, был тут же наказан падением на землю, после чего раскаялся и часто приходил туда для пения панихид. Наконец, при царе Иоанне Грозном исцелился у гроба святого Даниила отрок, сын коломенского купца. После того учрежден ежегодный крестный ход к месту Даниловскому для совершения панихиды о почивающем там князе-праведнике. Тогда же и самый монастырь возобновлен царскою казною, и в нем построен каменный храм в честь Седми Соборов Вселенских. Мощи святого Даниила обреты нетленными и открыты в 1652 году. Соборный храм, воздвигнутый при Грозном-царе, разобран за ветхостию в 1729 году, причем мощи перенесены в новый собор, построенный над теплою Покровскою церковью.

14 Стена из плитняка, примыкающая к южной стороне Псковского кремля, доньше называется Довмонтовою стеной.

15 Святой князь Довмонт построил во Пскове в память побед своих два храма: святого Феодора Стратилата и великомученика Георгия. Оба эти храма давно уже не существуют. Предтеченский женский монастырь, основанный блаженной Евпраксиєю, теткою святого Довмонта, получил от щедрости его разные угодья.

16 В это время сожжены немцами два монастыря: Снетогорский – в 4 верстах от Пскова на берегу реки Великой и Спасо-Мирожский – в Завеличье. В первом из них умерщвлен основатель его, преподобный игумен Иоасаф, а в последнем – преподобный игумен Василий, с многими черноризцами, нищими, женщинами и детьми. Мощи преподобного Иоасафа почивают под спудом в соборной церкви Снетогорского монастыря, а в особом ковчеге открыто хранятся две кости и глава его. Преподобный игумен Василий погребен в Мирожской обители, но место могилы его позабыто.

17 Благоверная княгиня-инокиня Марфа по кончине святого князя Довмонта постриглась в Предтеченской обители и преставилась там

в 1300 году. Она погребена на южной стороне древнего Предтеченского храма и в рукописных святцах показана в числе святых: память ее местно чтится 6 ноября. На чудотворной Мирожской иконе, прославленной чудесами в 1567 году, представлены молящимися: по правую руку Богоматери – святой князь Довмонт, а по левую – блаженная княгиня Мария.

18 В 1374 году псковитяне построили храм во имя святого князя Довмонта.

19 Дубовая гробница, заключающая в себе мощи святого Довмонта, имеет вид высокого ящика самой простой работы, с изображением блаженного князя на верхней доске. Она перенесена (неизвестно когда) из нижней церкви в верхнюю и поставлена в приделе святого князя Всеволода, на южной стороне, у окна. В простенке близ гробницы стоит древняя икона святого Довмонта и висит знаменитый меч его – предмет особенного уважения псковитян, которые вручали его князьям, возводимым на княжение в соборном храме Святой Троицы. Этот меч, так же как и меч святого Всеволода-Гавриила, имеет форму креста, но он не так велик и отделка его не

так изящна; оба они износятся в крестных ходах. Рисунок меча святого Довмонта в книге моей: «Святыни и древности Пскова». Служба блаженному князю Довмонту составлена в конце XVI века, после спасения Пскова от нашествия Батория.

Глава IV

Борьба между Тверью и Москвою. Страдальческая кончина великого князя Михаила Ярославича Тверского в Орде. Горестная судьба потомков его. Облегчение ига при великом княжении Иоанна Даниловича Калиты. Кончина блаженного митрополита Максима. Святой митрополит Петр. Возвышение Москвы. Смерть Иоанна Калиты

Как жизнь, так и кончина великого князя Андрея Александровича были несчастьем для Русской земли. Явились два искателя великого княжения: князь Михаил Ярославич Тверской и князь Георгий Данилович Московский; первый из них имел более прав как внук Ярослава Всеволодовича и двоюродный дядя Георгия, следовательно – старейший в роде. Это по понятиям того времени казалось

неоспоримым, и бояре великокняжеские, похоронив тело Андрея в Городце Волжском, спешили в Тверь поздравить Михаила с престолом Владимирским. Новгородцы также признали его своим князем, с условием, если хан утвердит за ним великое княжение. Тщетно блаженный митрополит Максим уговаривал Георгия не искать великого княжения и обещал ему именем вдовствующей княгини Ксении, матери Михаила, предоставить ему на выбор несколько городов в прибавок к Московской области. Дядя и племянник поехали судить к хану; началась продолжительная кровавая борьба между Москвою и Тверью.

Сначала Михаил превозмог соперника и приехал с ханскою грамотой во Владимир. Зная неуступчивость врага своего, он хотел смирить Георгия оружием и дважды приступал к Москве; но не мог взять ее. Это еще более усилило взаимную злобу, пагубную для обоих князей. Впрочем, летописцы оправдывают Михаила и винят князя Московского, который заслужил всеобщую ненависть гнусным злодейством: он велел зарезать Рязан-

ского князя Константина, находившегося у него в плену.

Несколько лет Михаил властвовал спокойно и жил большею частию в Твери, управляя великим княжением и Новгородом чрез наместников. Между тем Георгий в Орде три года бил челом вельможам ордынским, дарил их и наконец умел снискать милость нового хана Узбека, который выдал за него замуж любимую сестру свою Кончаку, названную в крещении Агафиею, объявил его великим князем и дал ему войско. В сопровождении монголов и воеводы их Кавгадыя, Георгий возвратился в отечество и хотел немедленно завоевать Тверь.

Михаил отправил посольство к племяннику и велел сказать ему: «Будь великим князем, если так угодно царю; но оставь меня спокойно княжить в моем наследии; ступай во Владимир и отпусти войско». Георгий вместо ответа опустошал с татарами Тверскую область. Михаил призвал на совет епископа и бояр: «Судите меня с племянником, – говорил он, – не сам ли хан утвердил меня на великом княжении, а теперь отдал его Георгию? Я не

спору против воли ханской, а Георгий ищет головы моей, терзает наследственную мою область. Скажите, кто из нас виноват?» Епископ и бояре единогласно отвечали ему: «Ты прав, государь, пред лицом Божиим: возьми меч праведный и иди на врага; с тобою Бог и верные слуги, готовые умереть за доброго князя». – «Не за меня одного, – сказал Михаил, – но за множество людей невинных, лишаемых крова отеческого, свободы и жизни». Открылась кровопролитная битва, и Михаил обратил в бегство врагов своих, освободив множество тверитян, взятых в неволю татарами. Жена Георгия и Кавгадый попались в плен. Первая, к несчастью, вскоре умерла скоропостижно, и враги Михайловы распустили слух, будто бы она отравлена ядом.

Не желая продолжать кровопролития, Михаил отпустил Кавгадыя с богатыми дарами к хану и предложил Георгию ехать с ним в Орду на суд. Уверенный в правоте своей, он не спешил и спокойно занимался в Твери делами правления. Между тем коварный племянник предупредил дядю и успел при помощи Кавгадыя очернить его перед Узбеком.

Наконец и Михаил собрался в Орду. Приняв благословение от епископа Варсонофия, помолившись и благословив детей, он отправился в путь. Благочестивая супруга, княгиня Анна, проводила его до берегов Нерли; там он исповедался пред духовником и открыл ему свою тайную мысль: «Я всегда любил отечество, но не мог прекратить наших злобных междоусобий; буду доволен, если хотя смерть моя успокоит землю Русскую».

Во Владимире, куда провожали Михаила два старших сына, Димитрий и Александр, посол ханский объявил ему гнев Узбека: сыновья умоляли отца не ездить в Орду, но послать их вместо себя, чтобы умилоствовать хана. «Царь требует меня, а не вас, – отвечал Михаил, – за мое послушание падет много голов христианских; тогда и я не избегну смерти; не лучше ли теперь положить душу за братию?» Он написал завещание, распределил уделы сыновьям, дал им отеческое наставление и отпустил их в Тверь.

Михаил нашел Узбека на берегу моря Сурожского (Азовского), при устьях Дона, вручил дары хану и шесть недель жил спокойно

в Орде. Вдруг хан велел судить Михаила с Георгием. В числе судей были Кавгадый и вельможи ханские, подкупленные Московским князем. В первом заседании суда обвиняли Михаила в неисправном платеже дани; в этом он легко оправдался. Во второе заседание привели его уже скованным и объявили ему две новых вины, сказывая, что он обнажил меч на посла ханского и опоил ядом ордынскую царевну. «В битвах не узнают послов, – отвечал Михаил, – но я спас Кавгадыя и отпустил его с честью. В смерти Кончаки я невинен; как христианин, свидетельствуюсь Богом, что у меня и на мысли не было такого злодеяния». Судьи не слушали его, удалили от него верных его слуг и наложили ему на шею колодку.

Узбек ехал тогда на ловлю к берегам Терка. Вся Орда тронулась за ханом; вслед за нею повлекли и Михаила. Страдалец, обремененный цепями и тяжелою колодкой, терпел унижение и муку с удивительною твердостью; спокойно готовясь к смерти, он несколько раз причащался Святых Тайн; проводил ночи в молитве и чтении Псалмов Да-

видовых, причем отрок княжеский держал книгу и перевертывал листы. Несколько раз верные слуги предлагали ему бегство, говоря, что кони и проводники готовы. Князь отвечал: «Не дай Бог и думать о том; спасусь сам, а народ мой подвергну беде; что же будет ждать меня там? Да будет воля Божия!»

Орда кочевала уже далеко за Тереком близ Дербента, когда Узбек утвердил смертный приговор Михаилу. Страдалец не ужаснулся смерти. Отслушав утреню (с ним были игумен и два священника), он благословил сына своего Константина (которого прислал перед собой в орду) и передал ему на словах все, что было в сердце его заветного, к супруге, детям и братьям. «Дайте мне теперь Псалтырь, – сказал он, – прискорбна душа моя до смерти!» Разогнув книгу, он прочел слова: «Сердце мое смятется во мне, и боязнь смерти нападе на мя». Душа его неволью содрогнулась. Игумен сказал ему: в том же псалме написано – «возверзи на Господа печаль твою». Князь продолжал: «Кто даст ми криле, яко голубине, и полещу и почию?» Он закрыл книгу. В ставку вбежал один из отроков княжеских с лицом

бледным, сказывая, что князь Георгий, Кавгадый и толпа народа приближаются к шатру. «Ведаю, для чего», – отвечал Михаил и поспешил отправить юного сына к супруге Узбека, надеясь, что она сбережет его.

Недалеко от шатра, на площади, остановились Георгий и Кавгадый, отрядив палачей на убийство. Всех людей княжеских разогнали: Михаил стоял один и молился. Убийцы повергли его на землю, мучили, били пятами; наконец один из них, по имени Романец (вероятно, отступник), вонзил ему нож в ребра и вырезал сердце. Это было 22 ноября 1319 года. Тело святого страстотерпца лежало нагое, пока народ, по обычаю татарскому, грабил имущество князя. Кавгадый, свирепо взглянув на Георгия, сказал ему: «Он твой дядя; оставишь ли труп его на поругание?» Тогда Георгий приказал слуге покрыть тело¹.

Память Михаила была освящена для современников; великодушный в бедствиях, он заслужил славное имя «отечестволюбца». Все жалели его искренно, но всех более верные тверитяне. Он любил их, как отец, и возвеличил Тверское княжение. Святой Михаил отли-

чался добродетелями семейными, нежною привязанностию к супруге², к детям и особенно к матери, умной и добродетельной Ксении, воспитавшей его в духе благочестия³.

Вскоре злодей Кавгадый погиб внезапно, чрез несколько лет Провидение наказало и коварную жестокость Георгия. В 1325 году Георгий встретил в Орде князя Димитрия, старшего сына святого Михаила. Пылкий юноша, носивший прозвание Грозные Очи, затрепетал от ужаса и гнева при виде убийцы отца и вонзил меч по рукоятку в грудь Георгия перед глазами хана. Георгий испустил дух, а Димитрий был казнен в орде. Великое княжение было предоставлено сначала Александру Михайловичу Тверскому и вскоре потом, когда он избил татар в Твери⁴, Иоанну Даниловичу Московскому.

Иоанн Данилович напоминал собою благочестивого родителя, святого князя Даниила, а не коварного брата своего Георгия. При нем, как выражаются летописцы, «мир и тишина воцарились в земле Русской». Монголы перестали наконец опустошать города и села и кровию бедных жителей орошать пепелища;

христиане за 40 лет отдохнули от истомы и насилий. Узбек и его преемники, довольствуясь определенной данью, перестали посылать воевод своих на грабеж Русских уделов: они были заняты делами Востока и внутренними беспокойствами Орды. Еще отечество наше сетовало в уничижении; головы князей еще падали в Орде по мановению ханов. Но земледельцы могли уже спокойно трудиться на нивах, купцы – ездить с товарами из города в город, бояре – наслаждаться избытком.

Эта благословенная перемена ознаменовала возвышение Москвы, которая со времен Иоанна становится сердцем России, истинною матерью городов русских, заменяя собою древний первопрестольный Киев, который вместе с другими южными уделами почти в то же время перешел под власть язычника Гедимина⁵.

Мы видели, что прежние великие князья предпочитали свои наследственные уделы Владимиру, совершая в нем только обряд возведения на престол великокняжеский: Дмитрий Александрович жил в Переяславле-Залесском, Михаил Ярославич – в Твери.

По той же привязанности к родине Иоанн Данилович не захотел выехать из Москвы, тем более что там находилась уже и кафедра русской митрополии.

Блаженный митрополит Максим испытал много скорби во время своего архипастырства. Жизнь его была скитальческая: разъезжая по отдаленным епархиям своей паствы, он долго не мог найти себе постоянного места жительства. В Киеве нельзя было жить ему при непрестанных грабежах и насилиях татарских; а переселением на север он опасался оскорбить князей южных, и, сверх того, на севере непрочным было место престола великокняжеского: он был то во Владимире, то в Переяславле, то в Твери. Блаженный первосвяtitель проливал теплые молитвы пред Богоматерью об указании ему воли Божией, и всеблагая Матерь страждущих утешила его своим явлением, в котором указала Максиму место успокоения во Владимире. Сюда переселился он в 1299 году и здесь преставился⁶. По кончине его южные князья обратились к Патриарху Константинопольскому с просьбою об учреждении особой митрополии для южных

областей русских. Это поручение возложено было на игумена Ратского монастыря на Во-лыни Петра, о котором князья (тайно от него самого) писали к Патриарху, чтобы он рукоположил этого игумена на южную митрополию. Между тем явился соперник Петру: некто игумен Геронтий⁷ отправился в Царьград просить митрополии Русской лично для себя; но Промысл Божий устроил так, что смиренный Петр получил то, чего напрасно домогался властолюбивый Геронтий. Тот, кто ничего не искал для себя, поставлен в сан первосвященителя всех областей русских, потому что Геронтий, задержанный бурей, замедлил на дороге, а Патриарх не захотел разделить митрополии.

Великий во святителях, святой митрополит Петр⁸ с самой ранней юности был строгим подвижником благочестия. Двенадцати лет вступил он в монастырь и был образцом в исполнении послушаний монастырских и в подвигах молитвы и поста. Удостоенный сана пресвитерского, он начал учиться иконному писанию, потому что находил услаждение всегда взирать на святые изображения Госпо-

да Иисуса Христа, Пречистой Его Матери и святых угодников и, взирая на них, возноситься умом к самим изображаемым. Наконец, после многолетних иноческих подвигов, святой Петр сам основал монастырь на избранном им уединенном месте близ реки Рати, создал в нем церковь во имя Спасителя и, собрав немалое число братьев, словом и делом поучал их жизни по Боге. Новое знание открыло в нем новые добродетели: он был кроток в назидании, безгневен в обличении согрешающих, щедр и милостив в призрении убогих; если не имел чего другого, то раздавал требующим свои иконы и отдавал свою власяницу.

Извлеченный из мирной обители на чреду первосвятительства (1308), святой Петр встретил немало огорчений. Он видел татарский набег в Брянске и сам принужден был искать безопасности в храме, был холодно принят князьями северными, которые не знали его, и, наконец, подвергся клевете, от которой должен был оправдываться на Соборе. Тверской епископ Андрей, сын Герденя, князя Литовского, тайно послал к Патриарху донос, в

котором ложно возводил на митрополита какие-то тяжкие вины. Как человек легковёрный и честолюбивый, он мог завидовать Петру и, епископствуя в той области, где жил великий князь, мог сам желать для себя митрополичьего престола.

Патриарх не поверил обвинению, но для исследования дела прислал одного из своих клириков, требуя оправдания. Созван был Собор в Переяславле-Залесском; прибыли епископы Ростовский и Тверской, знатнейшие игумены и пресвитеры. Из числа князей были Тверские – Димитрий и Александр Михайлович и Московский – Иоанн Данилович. Прочитан был присланный к Патриарху донос; он произвел сильное волнение в присутствовавших. Чтобы укротить смятение, невинный святитель, подобно святому Григорию Богослову, предложил: «Возлюбленные братья и чада о Христе! Я не лучше пророка Ионы. Если из-за меня такое великое волнение, извергните меня из среды своей». Наконец, истина восторжествовала; все пожелали узнать имя клеветника. Когда открылось, что это епископ Андрей, то все обратились про-

тив него с укоризною и посрамлением. Один только смиренный святитель Петр принял его под свою защиту и сказал ему слова любви: «Мир тебе, чадо. Не ты сие сотворил, но древний завистник рода человеческого, диавол. Отныне блюдись лжи, а прошедшее да простит тебе Господь»⁹.

Между тем, святому Петру готовился новый тяжкий подвиг: он должен был отправиться в Орду, чтобы получить от нового хана Узбека подтверждение прежних грамот, освобождающих духовенство от дани, и чтобы предупредить послов папы, которые могли испросить себе у хана вредные для Православия преимущества в южных областях Руси. Бог благословил путешествие святителя полным успехом, и святой Петр, принятый ханом с великими почестями, получил от него подтверждение всех прежних прав клира¹⁰.

Устроив таким образом внешние дела Церкви, он тем с большею ревностию заботился о внутреннем ее благосостоянии: объезжал епархии, не стесняясь ни болезнями телесными, ни преклонною старостию; поучал вверенное ему стадо словом¹¹ и примером,

щедро благотворил бедным и обличал противников истины. К этому времени жизнеописатель святого Петра относит обличение и осуждение еретика Сеита¹².

Самым важным из дел великого святителя Петра было переселение его в Москву: он положил прочное основание мира и будущего величия России, когда перенес первосвятительскую кафедру из Владимира в Москву и принес с собою новой столице русской благословение Божие. Жизнеописатель святого Петра повествует, что в Москву привлекла его любовь к князю Иоанну Даниловичу, известному миролюбием, набожностью и щедростью к бедным. В 1325 году святой Петр был уже в Москве, где по его желанию происходила закладка храма в честь Успения Пресвятой Богородицы. Убеждая князя к сооружению этой соборной церкви, святой Петр пророчески говорил ему: «Если послушаешь меня, сын мой, то и сам прославишься с родом твоим паче иных князей, и град твой будет славен пред всеми градами русскими, и святители поживут в нем, и въздут руки его на плечи врагов его, и прославится Бог в нем».

Князь с усердием приступил к совершению дела богоугодного: быстро воздвигаемы были стены храма. Но еще скорее приближался к концу своему блаженный святитель. Он только успел заложить себе каменный гроб в новой церкви, но не освятил ее. Незадолго до блаженной кончины первосвятителя Петра князь Иоанн видел сон: представилась ему высокая гора и на вершине ее снег; но вдруг снег растаял и исчез. Рассказав об этом сновидении святителю, князь услышал от него такое объяснение: «Гора высокая – это ты, князь; а снег – это я, смиренный. Мне прежде тебя должно отойти из сей жизни в вечную»¹³. Вскоре после того святитель почувствовал приближение блаженной кончины. Князя Иоанна Даниловича тогда не было в Москве; святой Петр призвал к себе тысяцкого Протасия Вельяминова и сказал ему: «Чадо, я отхожу от жития сего; оставляю сыну моему, возлюбленному князю Ивану, милость, мир и благословение от Бога ему и семени его до века. За то, что сый мой успокоил меня в старости, воздаст ему Господь сторицею в мире сем и дарует ему живот вечный, и не оскудеют от

семени его обладающие местом его, и память его прославится». После того святитель представил все свое стяжение на строение соборной церкви, простился со всеми, начал петь вечерню и во время пения, с молитвою на устах и с воздетыми к небу руками, преставился 21 декабря 1326 года. Мощи его положены были в гробнице, которую он себе приготовил; чудеса от мощей открылись при самом погребении и не прекращались после того¹⁴. Приемник святого Петра, митрополит Феогност, родом грек, прибыл из Царьграда в 1328 году.

Вскоре начало сбываться пророчество святителя. При любимом его князе Иоанне Москва стала возвышаться над старинными городами; первосвятители утвердились на кафедре Московской. Единодержавная власть великого князя Московского возрастала и усиливалась в потомстве Иоанна и облеклась наконец порфирию царскою. Верная Москва, с любовью почитая память первого своего святителя и сохраняя в первопрестольном храме своем нетленные его мощи как залог своего благоденствия, благоговейно соблюдала свя-

тые иконы, им написанные, панагию его и жезл пастырский¹⁵. Святая церковь взывает к святителю Петру устами благодарной его паствы: «Ты явился новым чудотворцем, богоносный Петр, подавая исцеления всем, притекающим к тебе с верою, и невидимо посещая людей Христовых; ты просвещаешь землю нашу, и мы единодушно взываем к тебе: радуйся, жилище света бесстрастного! Радуйся, прогонитель страстей темных! Радуйся, разрушивший козни демонов! Радуйся, возвеселивший лики ангельские! Радуйся, высота чистого боговедения! Радуйся, глубина смирения, омывающая болезни! Радуйся, пастырь и учитель земли Русской! Радуйся, возвеличивший державу князей наших! Радуйся, преславный источник чудотворений! Радуйся, утверждение града нашего! Светло ликуй, преславный град Москва, имея в себе святителя Петра – зарю солнечную, озаряющую чудесами всю землю Русскую: он врачует немощи и прогоняет недуги вопиющих ему: радуйся, Иерарх Бога Вышнего, чрез тебя посещающего паству твою»¹⁶.

После преставления святителя Петра вели-

кий князь Иоанн Данилович прожил еще несколько лет. По воле хана Узбека он должен был вместе с другими князьями ополчиться против псковитян, которые не хотели выдать Александра Тверского, между тем как хан требовал его к суду своему. Иоанн шел медленно, надеясь, что жители Пскова образумятся; наконец видя, что надобно сражаться или уступить, прибегнул к другому способу: избегая кровопролития бесполезного, он склонил митрополита Феогноста наложить клятву церковную на Александра и на всех псковитян, если они не покорятся. Тогда Александр созвал вече и, сказав: «Да не будет проклятие на друзьях и братьях моих ради меня», – удалился в Литву. Спустя несколько лет он сам добровольно решился ехать в Орду и явился к Узбеку. «Царь верховный, – сказал он хану, – я заслужил гнев твой: милуй меня или казни. Если помилуешь, прославлю Бога и твое великодушие. Если хочешь головы моей – вот она пред тобою!» Свирепый хан смягчился, взглянул на него милостиво и объявил, что «князь Александр смиренной мудростию спас себя от казни». Узбек возвратил

Александр у княжение Тверское.

Благоразумный Иоанн, видя, что все бедствия Русской земли произошли от несогласия и слабости князей, старался присвоить верховную власть над князьями удельными. Князья Рязанские повиновались ему беспрекословно; он выдал одну из дочерей своих за князя Ярославского, другую – за князя Ростовского, и предписывал законы зятьям своим в собственных их областях¹⁷. Оставался у него еще один непокорный соперник: возвратившись из орды и уверенный в милости ханской, мог ли Александр Тверской спокойно видеть враждебный род князей Московских на престоле великого княжения, мог ли не думать о мести? Но подозрительность Узбека предупредила новое столкновение Москвы с Тверью: слыша, что Александр собирает войско, хан вызвал его в орду и там велел умертвить его вместе с юным сыном Феодором; им отрубили головы и розняли по суставам¹⁸. Новые князья Тверские – Константин и Василий Михайловичи, младшие братья убитого Александра – не дерзали выходить из воли великого князя Московского; самый Новгород сми-

рялся пред ним.

Пораженный внезапно тяжким недугом, достойный сын святого Даниила принял пострижение в схиму и скончался в годах зрелого мужества 31 марта 1340 года. Москвитяне проливали слезы, погребая тело его в соборе Архангельском (где с того времени стали погребаться все князья Московские)¹⁹, называли его «собирателем» земли Русской и государем-отцом. Князь Иоанн Данилович не любил проливать кровь в междоусобиях; освободив великое княжение от грабителей внешних и внутренних, он восстановил безопасность собственности и личную, был правосуден, набожен, усерден к построению храмов и весьма милостив к нищим; он всегда носил с собою калиту (мешок, наполненный деньгами для бедных), отчего и прозван Калитою²⁰, окружил свою столицу дубовыми стенами и возобновил сторевший в его время Кремник, или Кремль. В духовном завещании (душевной грамоте) он разделил удел свой между сыновьями, а Москву предоставил им всем вместе. О городах великого княжения (Владимире, Переяславле, Костроме и проч.) в заве-

цании не сказано ни слова. Иоанн мог располагать только своею отчиною, а назначение ему преемника зависело от хана.

Примечания

1 Георгий отправил тело святого Михаила в Москву. На пути, в торговом городе Маджараха, на реке Куме, купцы, знавшие лично Михаила, желали внести гроб в церковь, но бояре Георгиевы поставили его в хлеве. В Москве погребли тело в Кремлевской Спасской обители. По просьбе вдовы и сыновей убиенного Георгий согласился наконец отпустить драгоценные останки в Тверь. Вдовствующая княгиня Анна с сыновьями, духовенство и народ встретили гроб великого князя на берегу Волги. Сняв крышку гроба, они с несказанною радостью увидели целость мощей, неповрежденных ни дальним путем, ни пятимесячным лежанием в могиле. Святые мощи были преданы земле в соборном храме, а в 1765 году обретены нетленными и поставлены открыто в том же храме подле иконостаса, с правой стороны. Наружность святого князя Михаила по старинному подлиннику:

волосы с проседью, борода густая, на голове шапка, в правой руке крест, в левой меч в ножнах (Буслаев. Очерки словесности и искусства. II, с. 357).

2 2 Блаженная княгиня Анна Дмитриевна, дочь князя Димитрия Борисовича Ростовского, сочеталась браком с князем Михаилом Ярославовичем в 1294 году. После страдальческой кончины супруга она приняла пострижение с именем Софии в Тверском Софийском монастыре и пребывала то в Твери, то в Кашине, уделе меньшего сына своего Василия, до блаженной своей кончины, последовавшей 2 сентября 1338 года. В XVII веке по воле царя Алексия и Патриарха Иоасафа мощи княгини-инокини, обретенные нетленными, перенесены митрополитом Ростовским Варлаамом из Кашинской Успенской церкви в соборный храм того же города. А в 1677 году по желанию царя Феодора Патриарх Иоаким посылал в Кашин духовных лиц для освидетельствования мощей и исследования записанных чудес; затем вместе с бывшими в Москве архиереями и другими властями сравнивал житие блаженной княгини, написан-

ное дьячком Никифором Варлаамовым, с летописями и нашел много несогласий. Чудеса, приписанные к житию, оказались сомнительными, и самое нетление мощей и одежд при осмотре не подтвердилось. А потому присутствовавшие на Соборе святители решили отложить сопричисление блаженной Анны к лику святых «до подлинного извещения, егда аще впредь Бог объявит и утвердит». Вследствие того рака благоверной княгини запечатана, иконы ее, служба и житие отобраны и спрятаны архиепископом Тверским, пение молебнов воспрещено, храм, созданный во имя ее в Кашине, освящен вновь во имя Всех Святых. Соборное деяние о блаженной княгине Анне находится в Московской Синодальной библиотеке (Сборник N 684, л. 381–415). С того времени мощи почивают под спудом, а память благоверной княгини местно чтится 2 октября.

3 Княгиня Ксения, супруга князя Ярослава Ярославовича, была дочь какого-то новгородца Юрия Михайловича. А в жизни святого Михаила Тверского помещен рассказ, что отец его, Ярослав, ловя зверей на берегу Вол-

ги, близ села Едимонова, встретил красавицу Ксению, дочь причетника, и женился на ней, хотя она была уже невестою служившего при нем отрока Григория. Григорий после того удалился от света и основал близ Твери Отрочь монастырь (Карамзин, IV, прим. 118; История Российской Иерархии, V, с. 419). Ксения скончалась в 1312 году, приняв пострижение, и погребена в Тверском соборном храме. В ризнице этого собора хранится древний образ великого князя Михаила и блаженной матери его Ксении, которые представлены держащими в руках город (Тверь). Снимок с этого образа приложен к книге священника А. Соколова: «Святой князь Михаил Тверской. Тверь. 1864». Местные жители почитают память княгини Ксении как молитвенницы за родину.

4 В 1327 году посол и родственник ханский Шевкал явился в Тверь с многочисленными толпами грабителей. Разнесся слух, вероятно, ложный, что он хочет умертвить князя Александра Михайловича с братьями и обратить тверитян в магометанство. Александр, вооружив народ, напал на татар, перебил значи-

тельную часть войска Шевкала и сжег его самого с остатком дружины во дворце, где заперлись татары; хан послал Иоанна Московского с другими князьями для усмирения Александра, который должен был бежать и укрыться в Пскове.

5 Гедимин, великий князь Литовский, в это время завоевал южные и юго-западные уделы России; Киев достался ему в 1321 году (История Карамзина. IV, с. 127–130. Нарбут в истории Литовского народа, IV, с. 484–491).

6 Митрополит Максим скончался во Владимире в 1305 году и только один из перво-святителей русских погребен во Владимирском Успенском соборе. Над гробницею его стоит чудотворная икона Божией Матери, называемая Максимовскою, на которой, кроме Богоматери, изображенной во весь рост, представлен в малом виде и сам митрополит Максим, принимающий омофор из рук Пресвятой Богородицы. Эта икона написана по видению блаженного Максима, о чем свидетельствует и надпись на ней (Иеромонах Иоасаф. Описание Владимирских достопамятностей, с. 87). В рукописных святцах митрополит Максим на-

зван святым и чудотворцем. В подлинниках наружность его описывается так: «подобием рус, брада Златоустава (т. е. продолговатая, как изображается на иконах святого Иоанна Златоуста), в белом клобуке; сак (саккос) лазоревый, с омофором и Евангелием» (Буслаев. Очерки Словесности и Искусства, ч. II, с. 354). После него сохранилось «Правило о постах, с увещанием жить с женами в законном браке, а не без венчания» (Востоков. Описание Румянцевского Музея, с. 305–321).

7 Геронтий, вероятно, был прислан для посвящения кем-либо из северных князей. Нельзя думать, чтоб он сам мог принудить идти за собою церковных сановников (вероятно, бояр митрополичьих) и захватить утварь святительскую (статья г. Карпова о святом Петре в «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских», 1864, кн. III, с. 2–28).

8 Житие митрополита Петра составлено одним из его преемников, святым митрополитом Киприаном (помещено в «Степенной Книге», ч. I, с. 410–424). Другое, более древнее житие, писанное современником, Ростовским епископом Прохором, – в Московской Сино-

дальной библиотеке (рукоп. N 324).

9 Клеветник епископ Андрей остался ненаказанным; кроме смирения и кротости святого Петра, тут могла быть еще другая причина: нежелание усилить раздор между Тверскими и Московскими князьями осуждением Тверского епископа (Та же статья г. Карпова, с. 8–9).

10 Ярлык, выданный в орде митрополиту Петру, напечатан в Собрании государственных грамот (т. II, N 7). Вот его содержание: 1) признается полная свобода православной веры и неприкосновенность всего церковного; 2) подробно исчисляются лица и имущества, принадлежащие Церкви; 3) духовенство освобождается от даней; 4) предоставляется митрополиту право церковного суда; 5) за нарушение всех вышеизложенных правил назначается смертная казнь; 6) митрополиту и духовенству вменяется в обязанность молиться Богу за хана, семейство и воинство его, и наконец; 7) в заключение ярлыка сказано, что он выдан по примеру прежних ярлыков, данных от бывших ханов.

11 После святителя Петра сохранился дра-

гоценный памятник пастырской его попечительности о стаде Христовом – «Поучение духовенству». Оно напечатано по древним спискам в «Прибавлениях к Творениям святых отцов», 1844 г., с. 85–90.

12 Неизвестно, кто был Сеит и в чем состояла ересь его. Татищев говорит, что Сеит отвергал существование рая на земле и восставал против монашества, что к нему пристали многие из иноков, оставили монашество и женились, что епископ Андрей принял его учение по легкомыслию. По замечанию преосвященного Макария («История русской Церкви», IV, с. 313) известие о еретике Сеите читается различно. В «Степенной книге»: «и Сеит еретик явился», а в Никоновской летописи: «и се ин еретик», т. е. другой после епископа Андрея, о котором сказано прежде. Может быть, из слов «се ин» какой-нибудь переписчик составил собственное имя – Сеит.

13 Об этом сновидении повествуется в Житии Пафнутия Боровского, писанном архиепископом Ростовским Вассианом Саниным (Рукопись Лаврской библиотеки, N 692, л. 177–196).

14 Празднование памяти святителя Петра установлено митрополитом Феогностом с согласия Патриарха. При нашествии Тохтамышша татары раскрыли гробницу святого Петра, думая найти в ней сокровища. С того времени мощи его почивали открыто, но после нашествия ляхов, похитивших драгоценную серебряную раку, положены под спудом и оставались в этом положении до 1812 года. Тогда Наполеон расторгнул гробницу святителя, вероятно, с таким же умыслом, как и Тохтамыш. С дозволения Священного Синода Московский архиепископ Августин торжественно открыл нетленные мощи и обносил их вокруг Успенского собора, при освящении его 30 августа 1813 года (Памятные Московские древности, с. 6–7). Память святого Петра празднуется 21 декабря, в день преставления; 24 августа, в память перенесения мощей в новопостроенный Успенский собор в 1471 году, и 5 октября, совокупно со святителями Алексием и Ионою.

15 Храмовая икона Успения Божией Матери, писанная святым Петром, стоит в иконостасе Успенского собора, подле местного чудо-

творного образа Всемилоственного Спаса. Там же, в приделе первоверховных Апостолов, находится икона Богородицы, именуемая Петровскою, та самая, которую святой Петр, еще игумен Ратский, поднес предместнику своему, блаженному митрополиту Максиму. У патриаршего места поставлен архипастырский его жезл, деревянный, с надписью на серебряном ободке: «Смиренный Петр, митрополит всея Руси». В Синодальной ризнице (бывшей патриаршей) хранится панагия святого Петра: небольшая овальная, с ониксовым камнем, осыпанная венисами и жемчугом. По старинному подлиннику святитель Петр изображается на иконах маститым старцем, с недлинною, но широкою седою бородой. (Подлинник библиотеки Московской Духовной Академии, XVII в., N 433).

16 Икос и тропарь из службы 21 декабря, по Московской Минее 1645 года.

17 Тогда московский боярин Василий Кочев, уполномоченный Иоанном, жил в Ростове, отрешил от должности и мучил тамошнего градоначальника, старшего боярина Аверкия, распоряжался судами, отнимал и давал

имения. Народ жаловался на самовластие Москвы (Никоновская летопись, ч. II, с. 204).

18 Истерзанные останки несчастных князей были преданы земле в Тверской соборной церкви, подле гробницы святого Михаила и Димитрия: четыре жертвы лютости Узбека и кровавой борьбы между Тверью и Москвою!

19 Кроме каменного собора Успенского, Иоанн построил, также из камня, собор Архангельский, церковь святого Иоанна Лествичника и церковь Преображения Господня в Кремле, в Спасском монастыре. Из числа этих храмов только последний (Спас на Бору) уцелел до нашего времени, хотя в измененном виде, а прочие храмы впоследствии разобраны и перестроены вновь.

20 В рукописном житии преподобного Пафнутия Боровского (см. выше примечание 13) помещен анекдот о князе Иоанне Калите: «Сказывают, что один нищий, взяв у князя милостыню, тотчас же опять пришел и получил вторично; потом, зашедши сзади, стал опять просить. Князь дал ему в третий раз, сказав: “Возьми, несытыя зеницы”. – “Ты сам несытыя зеницы, – отвечал нищий, – и здесь

царствуешь, и там хочешь вечно царствовать”». В том же житии повествуется, что одна благочестивая инокиня обмирала и видела в раю великого князя Иоанна Даниловича. В рукописных святцах он поставлен в числе святых.

Глава V

Присоединение южнорусских княжеств к Литве. Ольгерд, великий князь Литовский. Литовские мученики. Великий князь Симеон. Подвиг святого Феогноста в Орде. Начало деятельности святого Алексия. Кончина святого Феогноста и великого князя Симеона Гордого. Великий князь Иоанн Иоаннович. Святой Алексий, митрополит всея Руси. Юность и первые подвиги преподобного Сергия Радонежского. Исцеление Тайдулы. Великий князь Димитрий Суздальский. Основание монастырей святым Алексием. Юный Димитрий Иоаннович на великом княжении. Конец борьбы между Москвою и Тверью. Преставление святого Алексия. Памятники пастырской его деятельности. Куликовская битва. Кончина Донского. Сын его великий князь Василий

*Дмитриевич. Явление Богоматери пре-
подобному Сергию. Преставление пре-
подобного Сергия*

В первой половине XIII века окончательно рушились русские княжения в Галицкой и Волынской землях. Последний князь Галицкий, Георгий Юрьевич, умер бездетным, и хан Золотой Орды, считая себя верховным властителем земель Русских, прислал в Галицию своих наместников; но жители убили их и поддались сначала Болеславу, зятю Гедими-на, а потом, когда он вздумал обращать их из Православия в папизм, присягнули на верность свояку его Казимиру, который, сделавшись королем Галицким, заключил мирный договор с Литвою и уступил часть новых своих владений сыновьям Гедими-на. Так уничтожилось знаменитое княжество, или королевство, Даниила Романовича, и древнее достояние России, приобретенное оружием святого Владимира, было разделено между ино-племенниками.

Около того же времени скончался Гедимин. В Вильне, новой столице Литовской, было уже много христиан православных, а па-

пизм еще не проникал туда. Почти все сыновья Гедимины были крещены в православной вере. Один только Ольгерд, с 1341 до 1377 года великий князь Литовский, долго и упорно оставался язычником¹.

Ольгерд, второй сын Гедимины, превосходил братьев умом и славолубием: вел жизнь трезвую, деятельную: не пил ни вина, ни крепкого меда, не терпел шумных пиршеств, был занят единственно мыслию о распространении своих владений, не чтит святости договоров и был всегда готов на войну с соседями, если только она казалась ему выгодною.

Духовник первой супруги его, священник Нестор, успел обратить к христианству нескольких литовцев и в том числе двух родных братьев – любимцев Ольгерда. Кумец и Нежило (в крещении Иоанн и Антоний) перестали являться в храм Перкуна для принесения жертв Зничу (огню)² и соблюдали пост в известные дни. Это открыло их веру жрецам. Ольгерд по настоянию жрецов приказал бросить в темницу обоих братьев. Там провели они целый год, томимые голодом и сыростью темницы, но оставались тверды в вере. На

другой год старший брат Иоанн ослабел и объявил жрецам Знича, что отрекается от христианства. Тогда Ольгерд освободил обоих братьев. Но Антоний не перестал быть твердым христианином, и даже брат его Кумец, терзаемый угрызениями совести, открыто объявил князю, что он не хочет изменить святой вере и остается христианином. Свирепый язычник решил отдать Иоанна и Антония в распоряжение жрецов. После бесчисленных зверских истязаний Антоний 14 апреля 1347 года был повешен на дубе. Иоанна мучили дольше, потому что надеялись снова отвлечь его от христианства; наконец 24 апреля жрецы повесили его на том же дубе.

Родственник мучеников Круглец, также придворный Ольгерда, умный и прекрасный юноша, пораженный твердостью страдальцев, принял крещение с именем Евстафия и признался в том самому Ольгерду, отказавшись есть мясо в Рождественский пост. Пришедши в ярость, Ольгерд принялся мучить Евстафия, велел лить ему в рот холодную воду при жестоком морозе, ломать ноги железными прутьями и содрать кожу с головы вме-

сте с волосами. Мученик терпел и еще утешал христиан, свидетелей его подвига, надеждою на блаженную вечность. Наконец святой страдалец был повешен 13 декабря на том же самом дубе, который был освящен мученической смертью Иоанна и Антония³.

«Кровь мучеников – семя христианства», по выражению одного из древних писателей церковных⁴. Пример страданий мучеников литовских привлек многих язычников к истинной вере.

Между тем как эти события происходили в Литве, престол великого княжения по кончине Иоанна Даниловича Калиты был занят старшим сыном его Симеоном с утверждения хана Узбека. Новый великий князь при самом вступлении на престол показал опыт твердости в сношениях с новгородцами, которые отказались от уплаты ордынской дани, говоря, что Новгород сам избирает князей и не терпит насилия. Симеон ополчился против Новгорода со всеми удельными князьями, принудил своевольных граждан просить мира, взыскал с них дань и сам обязался грамотою наблюдать древние уставы Великого Новгоро-

да.

Вместе с митрополитом Феогностом Симеон должен был отправиться в Орду, на поклон к новому хану, Джанибеку, сыну и приемнику Узбека. С честью и милостию отпустив великого князя, хан удержал митрополита: фанатики исламизма настоятельно требовали, чтобы митрополит платил дань за себя и духовенство. Феогност ссылался на ханские ярлыки, освобождающие Церковь от податей; но магометане, не желая нарушать устава монгольского правительства, хотели довести первосвященника до того, чтобы он сам отказался от прежних прав. С этою мыслию они томили митрополита и подвергали его разным истязаниям; но блаженный Феогност терпел и не соглашался сделаться предателем Церкви. Наконец он роздал татарским вельможам богатые дары (до 600 тогдашних рублей) и возвратился в отечество с прежними правами⁵.

Видя усиление Литовских князей, Симеон старался не только уклониться от всякого разрыва с ними, но и привязывать их к себе родственными союзами⁶. В то же время сын Оль-

герда Андрей, крещенный в православной вере, княжил во Пскове по избранию тамошних граждан.

Святой митрополит Феогност неутомимо трудился, обозревая северные и южные области обширной своей паствы. Ослабленный старостию и трудами, он чувствовал нужду в помощнике, который мог бы заменять его собою при частых отсутствиях святителя из Москвы. Вероятно, не без особенной воли Божией, он избрал в это звание будущего своего преемника, великого по духу веры Алексия.

Еще при княжении святого князя Даниила Александровича переселился в Москву из Чернигова, разоренного тогда татарами, знатный боярин Феодор Бяконт. Здесь под защитою кроткого и благочестивого князя он нашел спокойную жизнь и оставил по себе многочисленное потомство⁷. Старший сын его Елевферий, родившийся в 1300 году⁸, был принят от купели сыном князя Даниила, отроком Иоанном. Обучившись грамоте, Елевферий узнал на 13-м году жизни об ожидающем его высоком назначении; однажды раскинул он сети на птичек и, долго сторожив их, от утом-

ления задремал. Вдруг слышит он голос: «Алексий! К чему такой труд твой? Тебе надобно быть ловцом людей». Эти слова глубоко запали в душу отрока; он стал молчалив, покинул игры детские, искал уединения, проводил время в молитве и чтении книг и изнурял себя постом.

На 15-году он решился посвятить себя иноческой жизни и в 1320 году пострижен в Московском Богоявленском монастыре с именем Алексия, которое слышал он в сонном видении, за семь лет пред тем. Наставником и руководителем юного инока был старец Геронтий, опытный в духовной жизни. Прошло более 20 лет в иноческих подвигах Алексия. Блаженный митрополит Феогност любил Геронтия и ученика его, часто призывал их к себе для беседы и повелел Алексию жить на святительском дворе и заведовать церковными судебными делами. Алексий провел 12 лет в этой должности со званием наместника митрополичьего. В конце 1352 года блаженный первосвятитель, уже дряхлый и слабый, рукоположил наместника своего в сан епископа Владимирского и на совете с великим князем

Симеоном назначил Алексия своим преемником. Об этом избрании тогда же послали грамоту в Константинополь.

В то время свирепствовала в Москве и во многих других областях Русской земли страшная моровая язва, известная под именем «черной смерти». Она началась в Китае, где истребила до 13 миллионов народа, обошла всю Северную и Среднюю Азию, большую часть Европы и из Скандинавии перешла во Псков, где свирепствовала с такою силою, что едва одна треть жителей осталась в живых. Псковитяне призвали к себе из Новгорода блаженного архиепископа Василия; как добрый пастырь, он спешил утешить их, презирая опасность, и молился вместе с ними, обходя город крестным ходом с чудотворными иконами и святыми мощами. На возвратном пути блаженный святитель скончался, без сомнения, зараженный язвою⁹. Скоро язва посетила Новгород, Киев и почти все города русские; в Москве в короткое время скончались блаженный митрополит Феогност¹⁰ и великий князь Симеон с двумя сыновьями.

Симеон скончался 36 лет от рождения. До-

стигнув великокняжеского сана в бодрой юности, хитрый, благоразумный, твердый, он умел угождать ханам и даже выпрашивать у них облегчение дани для уделов разоренных, умел ладить с Литвою и держать в страхе Новгород. Русскими князьями он повелевал строго, не допуская их до междоусобий и заслужил от них прозвание «Гордого». Он справедливо именовал себя «великим князем всея Руси», как это вырезано на его печати. В завещании своем он обращается к братьям с такими словами: «Худых людей не слушайте, а если кто станет ссорить вас, слушайтесь отца вашего, владыки Алексия».

Преемником Симеона был родной брат его Иоанн Иоаннович, тихий, миролюбивый и слабый. Хотя новгородцы желали иметь великим князем умного Константина Суздальского, но Джанибек утвердил на великом княжении Иоанна Московского.

Преемнику Феогноста предстояла борьба с разными неприятностями. Болгарский (Терновский) Патриарх еще при жизни Феогноста посвятил Феодорита в митрополита для Русской митрополии. Хотя Константинополь-

ский Собор признал поступок Болгарского Патриарха незаконным и, отвергнув Феодорита, назначил Владимирского епископа Алексия в митрополиты всея Руси (в 1354 году), однако, уступая требованию Ольгерда, который не хотел, чтобы христиане, живущие в Литве, зависели от митрополита, избранного в Москве, Патриарх решился поставить для Литвы другого митрополита, какого-то Романа. Это произвело тревогу в Русской земле, тем более что Роман стал оказывать притязание и на Тверскую епархию. Чтобы положить конец смутам, святитель Алексей должен был снова отправиться в Царьград, где Патриарх подтвердил Роману, чтобы он управлял только Литвою и Волынью, а Алексею предоставил быть митрополитом Киева и всея Руси

¹¹.

С восторгом приняла Москва своего первосвятителя, который стал прилагать труды к трудам, как истинный пастырь стада Христова¹². А во время путешествия святителя воссиял в Русской земле великий светильник благодати, скрывавшийся дотоле в тени дремучего леса.

В Ростовской области жил благочестивый боярин Кирилл с женою своею Мариєю. У них было три сына: Стефан, Петр и Варфоломей. Еще до рождения последнего (в 1314 году) Промысл Божий указал, что он будет избран-ным сосудом благодати. Однажды, когда Мария слушала литургию, младенец закричал во чреве три раза – пред чтением Евангелия, в начале Херувимской песни и при возгласе: Святая Святым. После этого необыкновенного приключения Мария во все остальное время беременности не употребляла ни мяса, ни молока, ни рыбы, ни вина, а питалась только хлебом и водою и молилась Богу. Новорожденный младенец был назван Варфоломеем, и в нем открылась дивная особенность: в сре-ду и пяток он не брал сосцов матерних.

На 7-м году отдали Варфоломея учиться грамоте; он учился с усердием, но почти без всякого успеха, и грамота не давалась ему, к глубокому огорчению доброго дитяти. Однажды Варфоломей увидел близ дома родительского, под дубом, старца-черноризца, стоявшего на молитве. Отрок подошел и дождался конца молитвы. «Что тебе надобно, чадо?» –

спросил старец, «Учусь грамоте, – отвечал отрок, – но не успеваю; помолись за меня Богу, отче, чтобы я мог выучиться грамоте». Старец помолился и дал ему часть просфоры в знамение благодати Божией, сказав при том, что отроку надлежит соделаться обителем Св. Троицы и привести многих к разумению воли Божией.

Получив неожиданный и совершенный успех в учении, благодатный отрок чуждался детских игр, смеха и праздности, прилепился к церковному Богослужению, читал священные книги и наблюдал строгое воздержание: в среды и пятки не вкушал ничего, а в прочие дни питался хлебом и водою.

Все это происходило в окрестностях Ростова. Там воспламенялись только первые искры того великого светильника благодати, которому надлежало просиять в мрачной пустыне и оттуда светить престольному граду и всем пределам земли Русской.

Притеснения московских правителей¹³ в Ростове принудили Кирилла переселиться с семейством в одну из областей великого княжения – в Радонеж, который отдан был Иоан-

ном Калитою в удел меньшому сыну его Андрею. Там переселенцам обещались разные льготы, а Кирилл, некогда богатый, по разным несчастиям оскудел. Старшие сыновья Кирилла уже вступили в брак, а младший, Варфоломей, желал сделаться иноком. Но, повинаясь воле родителей, он оставался при них и служил им до того времени, когда они сами вступили в монастырь и, недолго пожив в монашестве, отошли к Богу¹⁴. Тогда, отдав последний долг родителям и предоставив имение их брату Петру, Варфоломей пошел искать себе места для пустынножителства вместе со старшим братом своим Стефаном¹⁵.

Они долго ходили по лесам, пока полюбились им место в густой дубраве, в 10 верстах от Радонежа и от Хотькова, удаленное не только от жилищ, но и от путей человеческих. Оно возвышалось небольшим холмом над окрестностью, почему и прозывалось Маковицею, или Маковкою. Здесь пустынники поставили келью, а потом небольшую церковь, которая освящена в честь Пресвятой Троицы¹⁶, по благословению святого митрополита Феогноста. Вскоре после того Стефан пе-

реселился в Московский Богоявленский монастырь, а Варфоломей принял пострижение от некоего игумена Митрофана на 24-м году жизни, в 1337 году, 7 октября, на память святых мучеников Сергия и Вакха, причем, по обычаю того времени, наречено ему имя Сергий.

Юный инок остался в глухом лесу, без предшественника и без сверстника, без наставника и без помощника, с единым Богом Вездесущим и всегда готовым на помощь к призывающим Его. Много искушений предлежало пустынножителю: голод, жажда, мороз, страх зверей, уныние и смущение души, тягость и волнение плоти. И невидимые враги старались преследовать отшельника; во время ночной молитвы ему представлялись ужасающие видения и слышался вопль: «Беги отсюда, не надейся здесь жить!» Мужественный подвижник прогонял пустынные страхи и мечтания крепкою, смиренною молитвою; он обуздывал плоть постом, трудами и бдением. Иногда стаи голодных волков рыскали около кельи с ужасным воем; иногда приходили и медведи. Однажды Сергий увидел перед собою хижину медведя и, примечая, что он го-

лоден, сжалился над ним, вынес кусок хлеба и предложил ему пустынный обед на пне. Зверь полюбил странноприимство пустытника и часто приходил за угощением. А пустыжник привык миловать зверя, делил с ним хлеб, а иногда отдавал ему последний кусок, сам оставаясь без пищи.

Около двух лет пробыл преподобный Сергей в совершенном одиночестве; потом стали приходиться к нему люди, ищущие спасения, и просили дозволения жить подле него. Он выставлял им трудности пустынной жизни, но они обещались терпеть с помощью Божию. Так собралось к Сергию до 12 братьев¹⁷, построены кельи, и обитель обнесена тесною оградой.

Но для совершения литургии не было священника, а для управления новою обителью не было игумена. По глубокому смирению преподобный Сергей не хотел принять ни игуменского, ни пресвитерского сана. Он управлял только посредством примера своей жизни: он был первый тем, что был всем слуга. Он строил кельи, рубил дрова, молот жерновом рожь, пек хлебы, варил пищу, носил

воду на гору в водоносах и ставил у кельи каждого. Но братия чувствовала нужду в игумене-наставнике и неотступно умоляла Сергия принять на себя настоятельство. Смиренный отшельник долго не соглашался; наконец братолюбие одержало победу. «Желаю, – сказал преподобный Сергий, – лучше повиноваться, нежели начальствовать, но страшусь суда Божия и предаю себя в волю Господню». Взяв с собою двух старцев, он отправился в Переяславль-Залесский к Афанасию, епископу Волынскому, которому святой митрополит Алексей поручил дела митрополии на время отсутствия его в Царьграде. Сергий просил епископа назначить игумена для новой обители. «Я слышал о тебе, – сказал святитель, – тебя избрал Господь; ты будешь игуменом в обители Святой Троицы». Так преподобный Сергий против желания принял посвящение в сан пресвитера и игумена. Это было в 1354 году.

Возвратившись из Царьграда, святитель Алексей узнал пустынножителя Сергия, и с того времени святая любовь соединяла двух угодников Божиих. В 1357 году совершился

великий подвиг святителя в Орде, где супруга хана Джанибека, Тайдула, лежала больная и слепая уже три года. Хан писал к великому князю Иоанну: «Мы слышали, что есть у вас служитель Божий Алексей, которого Бог слушает, когда он о чем попросит. Отпустите его к нам; если его молитвами исцелет моя царица, то дарую вам мир; если же не отпустите его, пойду опустошать вашу землю». Смутился великий святитель: любовь к родине и усердие к святой Церкви не позволяли ему отказать от исполнения воли грозного хана. «Прощение и дело превышают меру сил моих, – говорил он князю, – но я верую Тому, Который даровал прозрение слепому. Он не презрит моления веры». Собираясь в путь, святитель совершил молебствование в соборном храме, пред чудотворною иконою Богоматери и при раке святителя Петра. Вдруг во время молебна пред глазами всех сама собою зажглась свеча при гробе чудотворца. С остатком этой свечи и освященною водою отправился святитель в Золотую Орду, был принят там с честью, отслужил над болящею молебствие с чудною свечою, окропил больную свя-

тою водою, и Тайдула стала видеть¹⁸. В том же году святой Алексей должен был снова по просьбе князей отправиться в Орду, где по смерти Джанибека воцарился свирепый Бердибек и требовал к себе князей русских.

Так святой Алексей умел снискать милость хана, хотя свободно обличал магометанство, и получил ханский ярлык с подтверждением прав духовенства.

Торжественно встречали на родине ходатая за землю Русскую. В Нижнем Новгороде встретили его князья Суздальские. В Москве великий князь с юным сыном Димитрием, духовенство и народ вышли встречать первосвятителя за город. «Владыко! Чем заплатим тебе за труды твои? Ты даришь нас жизнью мирною», – говорил святому Алексею восьмилетний отрок Димитрий, наследник Московского престола.

Спустя два года по возвращении святителя из Орды (1359 г.) скончался великий князь Иоанн, сын Иоанна Калиты. В краткое время его правления удельные князья, с одной стороны, а с другой – Ольгерд Литовский нередко нарушали спокойствие Русской земли; было

заметно ослабление власти в руках великого князя, за мягкосердечие прозванного Кротким.

Смерть его подала повод к притязаниям Суздальских князей, и старший из них, Димитрий Константинович, был утвержден новым ханом Наврузом в достоинстве великого князя. Новгород, не любя и боясь самовластия богатых князей Московских, охотно принял к себе великокняжеских наместников, а Димитрий согласился на все условия, предложенные вечем вольного города. Он желал перенести во Владимир, как в древнюю столицу великокняжескую, и престол митрополии; но святитель Алексей, благословив Суздальского князя на великое княжение в кафедральном соборе Владимирском, не захотел расстаться с Москвою по любви к юному Димитрию, о котором он заботился, как отец о родном сыне, и по вниманию к воле Божией, изреченной устами святителя и чудотворца Петра.

Несмотря на заботы по управлению обширным Московским княжеством, которые легли на рамена святого Алексея, по малолетству князя он неусыпно продолжал свою пас-

тырскую деятельность и занимался строением иноческих обителей. В 1361 году он основал женскую общежительную обитель во имя заступника своего, преподобного Алексия человека Божия; там первую игуменьей была благочестивая старица Иулиания, а после родная сестра святого Алексия, старица Юлия¹⁹; в том же году основан им обетный монастырь на берегу реки Яузы во имя Нерукотворенного образа Спасителя²⁰. На следующий год основан святителем Владычень монастырь близ Серпухова, где первым игуменом был ученик его Варлаам²¹. В 1365 году святой Алексей основал в самом Кремле Московском монастырь в честь чуда Архангела Михаила, на месте, подаренном царицею Тайдулою. Это был благодарный памятник чудесному исцелению царицы, совершившемуся 6 сентября. Святитель весьма щедро украсил построенный им каменный храм Архангела, обеспечил содержание обители и учредил полное общежитие²². Он любил эту обитель и в ней подвизался по временам в посте и молитвах; ей отказал по духовному завещанию несколько селений²³. Святой Алексей восстановил из

развалин древние монастыри: Благовещенский близ Нижнего Новгорода и Константино-Еленинский во Владимире.

В это время Золотая Орда волновалась смутами: в 1363 году явилось вдруг два хана. Один из них, Муруд, или Мюрид, признал малолетнего Дмитрия Московского великим князем и главою князей русских. Дмитрий Суздальский удалился из Владимира в свой удел, а святитель с радости благословил своего питомца на великое княжение чудотворною Владимирскою иконою Богоматери.

Такая слабая рука 12-летнего отрока взяла кормило государства, раздробленного, тесного извне и возмущаемого внутренним междоусобием. Калита и Симеон Гордый положили в Москве начало великого и спасительного дела – единой державы; слабость Иоанна Кроткого и неспособность Дмитрия Суздальского приостановили успехи этого дела и дали удельным князьям надежду на независимость от престола великокняжеского. Требовалось много твердости и ума, чтобы поддержать то, что начинало клониться к падению. Но, по счастью, Провидение даровало Димит-

рию пестунов и советников мудрых. Святой Алексей был душою советов и дел юного князя Московского; непрерывными заботами святителя росла и крепла власть великокняжеская.

Между тем как святой Алексей трудился в управлении Церковью и государством, преподобный Сергей Радонежский продолжал свои иноческие подвиги в пустыне, служившие примером благочестия для его братии и для всех приходивших к нему.

Первым подвигом преподобного Сергея был подвиг воздержания. Мы видели выше опыты его постничества в младенчестве и отрочестве. Сделавшись иноком, он часто по несколько дней пребывал без пищи. В житии его изображается один поучительный случай постнического труда. Проведши три дня без пищи, Сергей приходит к старцу Даниилу и говорит ему: «Я слышал, что ты хочешь сделать сени у себя пред кельею; я сделаю тебе сени, а ты дашь мне хлеба за труд». Даниил сказал, что у него есть хлеб, но гнилой. Сергей отвечал, что для него хорош и гнилой хлеб, построил старцу сени и получил обе-

щанное воздаяние за труд. Сотворив молитву, он растворил гнилой хлеб с водою, утолил голод и воздал Богу благодарение.

Другой подвиг благоносного пустынника состоял в смирении и нестяжательности. Даже тогда, когда имя его сделалось известным не только в земле Русской, но и на востоке, преподобный Сергей оставался неизменно верен заповеди евангельской о смирении и нищете. Он носил одежду из толстого и грубого сукна и притом самую ветхую, со множеством заплат, сделанных собственными его руками. Однажды не случилось в монастыре хорошего сукна для одежды, и никто из братьев не хотел употребить единственную оставшуюся половину дурного сукна. Смиренный игумен взял это сукно себе, сшил из него рясу и не снимал ее до тех пор, пока она не распалась от гнилости. Приходившие в обитель иногда не признавали преподобного по внешнему виду за игумена, но думали видеть в нем одного из монастырских работников. Так было с одним поселянином, который издалека пришел, чтобы видеть знаменитого первоначальника Троицкой обители. Он уви-

дел Сергия в огороде, копавшим землю в поте лица и одетым в разодранное рубище. Вскоре прибытие в обитель одного князя, который повергся на землю пред Сергием, вразумило поселянина, и он сделался учеником учителя смирения. До нашего времени сохранились памятники нестяжательности преподобного Сергия в его одежде, келейных и богослужебных вещах²⁴; они свидетельствуют, что богоносный отшельник был чужд привязанности к внешним удобствам, предпочитая всему сокровище духовное.

При умножении числа братии, преподобный игумен постановил правило, чтобы после повечерия иноки не ходили из кельи в келью и не беседовали друг с другом, а занимались молитвою и рукоделием каждый в своем месте. Наблюдая за исполнением этого правила, он сам по совершении своей келейной молитвы в глубокую ночь обходил все келлии братии. Если находил кого в молитве, за книгою или за рукоделием, радовался и благодарил Бога о нем. Если же слышал празднословящих, ударял в дверь или в окно и удалялся. А наутро, призвав их к себе, ста-

рался привести к смиренному сознанию греха; непризнательных он обличал и подвергал епитимии. Другим правилом преподобного Сергия запрещалось братии в случае недостатка пищи и других потребностей ходить по деревням и селам за подаяньем; пустыnnики должны были с терпением просить и ожидать милости от Бога. Трудное правило для обители, которая находилась в таком дремучем лесу, что к ней едва можно было пробраться по узкой, едва заметной тропинке²⁵! Но Сергей веровал, и сбывалось по вере его; уповал, и упование не посрамляло его. По молитве блаженного игумена сам Бог через неизвестных христолюбцев посылал хлеб во время скудости. «Видите ли, братия, – говорил Сергей ученикам своим, – Господь не оставляет рабов Своих. Будем подвизаться, не ослабевая».

Случалось, что недоставало вина для совершения литургии, фимиама для каждения и воска для свеч; тогда зажигали лучину и при таком освещении совершали утреннюю и вечернюю службу. Даже самые книги писались в обители не на хартиях, а на бересте²⁶.

Так при начале своем великая Лавра Сергиева была пустыня безлюдная, дикая, бесплодная, безводная, скудная, беззащитная и беспомощная! Но основатель ее и сподвижники его твердо уповали на Бога Спасяющего, упование их оправдалось в течение многих веков и ныне оправдывается в нашем скудном верою веке. Современный нам великий святитель в одном из слов своих говорит: «Желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврою. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной келлии, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором впечатлено столько глаголов духовных, пророчествен-

ных, чудодейственных. Посмотрел бы я, как позже других насажденный в сей пустыне преподобный Никон спешно растет и созревает до готовности быть преемником преподобного Сергия. Послушал бы молчания Исаакиева, которое без сомнения поучительнее моего слова. Взглянул бы на благоразумного архимандрита Симона, который довольно рано понял, что полезнее быть послушником преподобного Сергия, нежели начальником в другом месте. Ведь это все здесь, только закрыто временем или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге. Откройте мне ковчег, покажите сокровище; оно непохитимо и неистоцимо; из него без ущерба его можно заимствовать благопотребное, например, безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования».

Иногда братия жаловались на недостаток воды и говорили игумену: для чего на таком месте создал обитель? Сергей отвечал: «Я хотел один безмолвствовать здесь; но Богу угодно было устроить обитель. Он не презрит вас, работающих Ему в молитве день и ночь, и по-

даст вам все нужное». По молитве преподобного Сергия оказался источник и потекла вода там, где ее не было²⁷. И в других случаях вера чудотворца являлась чудодейственной: великий Сергий молитвою воскресил отрока, который был принесен к нему едва живым и умер на глазах его, и исцелил бесноватого.

Слава о духовных подвигах Сергия и дарованной ему от Бога благодати распространилась не только в Русской земле, но и в странах отдаленных. К богоносному пустыннику пришли посланные от Патриарха Царьградского Филофея и принесли ему крест²⁸, параманд, схиму и послание Патриарха. «Не к другому ли кому вы посланы?» – спросил их смиренный Сергий, а сам поспешил к святителю Алексию и донес ему о случившемся. По прочтении послания, в котором Патриарх советовал составить общее житие в обители, митрополит, и со своей стороны, подтвердил совет Патриарха.

С того времени в обители Троицкой учреждено совершенное общежитие²⁹ и запрещено инокам что бы то ни было называть своим, потому что всякая собственность в мона-

стыре должна быть общею для всех. Так совершилось благоустройство обители, причем стало возрастать число братии и начало водворяться в ней всякое обилие. Но, чтобы избыток не повлек за собою нерадения и пороков, мудрый основатель обители ввел в ней странноприимство, питание нищих и подавание просящим³⁰. Об этом учреждении он сказал ученикам своим: «Если сохраните заповедь мою без роптания, то и по кончине моей обитель распространится и многие годы стоять будет, благодатию Христовою»³¹.

Казалось, что после того монастырь Сергиев уже безопасен от превратностей; но внезапно поднялась буря, которая едва не лишила обители блаженного ее основателя и хранителя. В один субботний день святой Сергий стоял в алтаре, совершая сам вечернюю службу. Брат его Стефан, который опять пришел в обитель, стоял на левом клиросе. «Кто тебе дал эту книгу?» – спросил Стефан канонарха. «Игумен», – отвечал тот. «Кто здесь игумен? – с гневом сказал Стефан. – Не я ли первый основал это место?» И прибавил к тому другие жесткие слова. Сергий слышал все это в алта-

ре. Ему понятно было, что здесь излилось тайное негодование многих на новый порядок обители³². По окончании вечерни он не пошел и в келью, а удалился из обители на место, называемое Киржач, где вскоре собралось к нему немало братии и где был основан монастырь. Лучшие старцы Троицкой обители умоляли святителя Алексея возвратить им игумена. Немедленно святитель послал к Сергию двух архимандритов, убеждая его возвратиться на первоначальное место подвига. Узнав волю архипастыря, смиренный угодник Божий отвечал посланным: «Скажите господину моему митрополиту, что все исшедшее из уст его принимаю, как из уст Христовых». Он возвратился в Троицкую обитель, где ученики, радуясь возвращению любимого наставника, целовали руки его, ноги и одежду.

В это время святитель Алексей был обременен заботами о водворении мира и утверждении единой державы в земле Русской. Еще прежде, вскоре после того, как Димитрий Суздальский без борьбы уступил престол великого княжения юному Димитрию Московскому,

последний должен был помочь первому в получении Нижегородского удела, неправильно захваченного братом его, Борисом Константиновичем по смерти другого брата, Андрея. Первосвятитель послал в Нижний Новгород преподобного Сергия объявить Борису, чтобы шел судиться с братом к великому князю; но князь отвечал, что повинуется только велениям хана. Тогда Сергей, согласно с волей митрополита, затворил все храмы в Нижнем Новгороде, а великий князь двинул войска свои; Суздальские князья разделились между собою мирно³³.

Подкрепляемый мудрыми советами великого святителя, юный Димитрий Иоаннович усмирил своеволие новгородцев и выдержал несколько нападений Ольгерда Литовского, который, победив немецких рыцарей, скучал миром и искал случая к войне, несмотря на преклонную свою старость. Он усердно помогал брату второй жены своей, Тверскому князю Михаилу Александровичу, и кровавая брань между Москвою и Тверью продолжалась с ожесточением. Михаил Тверской успел достать себе в Орде ярлык на великое княже-

ние и возвратился оттуда с ханским послом. Но время беспрекословного повиновения воле ханской уже миновалось. Тщетно посол звал Димитрия во Владимир выслушать грамоту хана³⁴; он отвечал: «К ярлыку не еду, Михаила во Владимир не пущу, а тебе, послу, даю путь свободный». Действительно, Михаил не только не мог занять столицы великого княжения, но, гонимый московскими отрядами, едва успел пробраться к зятю своему Ольгерду в Вильну. Советники великого князя убедили его и святого Алексея призвать Тверского князя для примирения в Москву; но здесь споры князей еще более усилились, и князь Тверской был на несколько времени задержан в Москве³⁵. Это несчастное происшествие еще более разожгло закоренелую вражду, и великий князь должен был пять лет бороться с Михаилом Тверским и наконец усмирить его, ополчившись почти со всеми удельными князьями и осадив Тверь. Тогда наконец заключен был мирный договор между Москвою и Тверью³⁶.

Около того же времени Димитрий успел усмирить и Литву, где в 1377 году умер посе-

дельный в коварстве старец Ольгерд³⁷.

Земля Русская наслаждалась спокойствием, и все удельные князья повиновались великому князю не как старшему между равными, но как государю; один только смелый Олег, князь Рязанский, оставался тайным врагом Москвы и ждал случая, чтобы удовлетворить своему честолюбию.

Примирение великого князя с Михаилом Тверским было последним государственным делом великого святителя Алексия. Последние годы его были омрачены скорбью о беспорядках, которые современники называли «церковною смутою». Король польский Казимир и князь огнепоклонников Ольгерд сильно злобились на митрополита за попечение его о Московском великом княжестве. Они требовали от Патриарха Филофея особого митрополита для западных епархий. Патриарх был вынужден уступить воле властителей иноверных³⁸ и посвятил в сан митрополита Антония, епископа Галицкого, а по смерти его – Киприана, родом серба, и притом с тем, чтобы по смерти святого Алексия он остался митрополитом всея Руси. Великий князь Мос-

ковский выразил сильное неудовольствие назначением Киприана без его согласия, при жизни святого Алексия.

При таких обстоятельствах маститый первосвященник, чувствуя приближение своей кончины, захотел, подобно предшественнику своему, блаженному Феогносту, избрать себе при жизни достойного преемника. Он призвал к себе преподобного игумена Сергия и приказал принести для него золотой крест. «Прости меня, Владыко, – сказал с поклоном Сергий, – я от юности не носил злата, тем более в старости желаю пребывать в нищете». Тогда святитель объявил богоносному пустыннику, что он, чувствуя немощь старческую, намерен посвятить Сергия в сан епископа и назначить его своим преемником. Не только с глубоким смирением, но даже с живою скорбью отрекся любитель пустыни от высокого назначения. Долго и настойчиво старался святитель убедить Сергия; но смиренный труженик сказал ему решительно: «Владыко святой! Если не хочешь прогнать нищету мою от твоей святыни, не говори о таком тяжком бремени моему недостойнству».

Уразумев, что дальнейшие настояния заставят Сергия удалиться в безвестную пустыню, прозорливый святитель отпустил его обратно в монастырь.

Кто может изъяснить это священное состязание двух праведников! По человеческим соображениям, богомудрый Сергий не хотел противиться воле Патриарха, назначившего митрополитом Киприана, отягчить тем свою совесть и обречь себя на продолжительные тревобления. Сверх того, по внушению Духа Божия, он мог ясно ведать свое назначение, помня слова апостола: каждому дается особенное явление Духа на пользу (1 Коринф., XII, 7). «Великий отец наш Сергий, как бы в некоторое вознаграждение Православной Церкви за то, что не отдал ей в епископство самого себя, в обилии возвращает под сению своею сынов послушания и разума духовного, которых потом избрание церковное призывает к епископству»³⁹.

Между тем великий князь готовил в приемники престарелому святителю своего любимца Михаила (Митяя). Кроме осанистой наружности, этот Михаил отличался обширны-

ми познаниями в делах гражданских; много читал он книг и имел крепкую память; беседа его была разнообразна и любопытна. Поэтому-то великий князь и взял Митяя из Коломны, где он был священником, и сделал его своим печатником; потом, согласно со своими видами, убедил его постричься в монашество и в тот же день, как он постригся, сделал его архимандритом в своем Спасском монастыре⁴⁰. Димитрий усиленно просил святого Алексия, чтобы он благословил Михаила быть преемником митрополии, но святитель отвечал ему: «Михаил еще молод в иночестве. Я не могу благословить его. Пусть будет митрополитом тот, кого изволит Бог и Пресвятая Богородица и изберет Патриарх с Собором».

Предавая престол митрополии и верное свое стадо в волю Божию, святой митрополит и чудотворец Алексий предал и дух свой Богу 12 февраля 1378 года, 78 лет от рождения, пробыв на кафедре всероссийской митрополии 24 года. Смиренный первосвятитель повелел положить тело свое вне церкви; но благодарный питомец его Димитрий, с совета епископов, решился отступить от его завещания, и

хранение священных останков предоставил той самой обители, которую почивший святитель вверил попечительству великого князя⁴¹.

Драгоценными памятниками его учения служит Евангелие, писанное собственной рукою святителя, Окружное послание к пастве и Послание к нижегородским христианам.

Евангелие святителя Алексия писано им в 1355 году, когда он был в Константинополе и, следовательно, мог иметь в руках лучшие списки подлинника. Евангельский текст у святого Алексия, во многом не сходный с прежними славянскими списками, включает не только исправление ошибок, сделанных писцами, но совершенно новый перевод с подлинника⁴² и отличается буквальной близостью к греческому тексту. «Сей подвиг, – по словам современного нам архипастыря, – важен, между прочим, потому, что чрез него святитель, Богом просвещаемый, предварительно обличил неправое мнение людей, явившихся после него, которые донныне утверждают, будто в священных и церковных книгах и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода заменить понят-

ным непозволительно и противно Православию: он поверял и исправлял; и потому, очевидно, не так рассуждал, как новые ревнители не очень старой старины, а точно так же, как и древле и ныне рассуждает Православная Церковь»⁴³.

В Окружном послании святитель советует христианам: «Приходите к отцу духовному с покаянием и слезами; отвергните все дела злые и не возвращайтесь к ним. Истинное покаяние в том, чтобы возненавидеть свои прежние грехи. Оставив все дела свои, без ленности собирайтесь на церковную молитву. Не говорите: отпоем себе дома. Как храмина без огня от одного дыма не может нагреться, так и молитва домашняя без церковной. Церковь именуется земным небом. В ней заклается Агнец, Сын и Слово Божие для очищения грехов всего мира; в ней проповедуется Евангелие Царствия Божия и писания святых апостолов; в ней Престол славы Божией, невидимо осеменяемый херувимами; в ней руками священническими приемлются Тело и Кровь Божественная и преподаются верным во спасение и очищение души и тела. Имейте знамение

Христово в душах ваших. Знак же для овец стада Божия есть приобщение Тела и Крови Христовой. Вы, дети, как овцы словесного стада, не пропускайте ни одного поста, не возобновив на себе сего знамения; причащайтесь Тела и Крови Христовой».

В Послании к нижегородской пастве святитель поучает страху Божию и сильно восстает против пьянства. «Корень зла, – говорит он, – поднимающий всякие беззакония – пьянство. Оно губит душу, помрачает зрелище очей, обессиливает тело, сокращает в человеке страх Божий, удаляет его от Бога и доводит до нищеты душевной и телесной»⁴⁴.

Ублажая память великого святителя, истинного отца Церкви и государства, святая Церковь взывает к нему: «Радуйся, светило Российской митрополии, свято-прозябший гроздь винограда жизни, сопрестольник апостолов, верный хранитель Божественных догматов, преблаженный святитель Алексий! Стекаясь с любовью к благодатной раке твоей, славословим Христа Бога нашего, даровавшего нам тебя, угодника Своего, как обильный источник врачеваний, как защиту и

утверждение престольному граду Москве и всей земле Русской»⁴⁵.

По преставлении святителя Алексия великий князь настоятельно хотел видеть любимца своего Михаила на кафедре первосвященительской, а Михаил желал, чтобы посвящение было совершено в Москве русскими епископами, нарочно для того созванными. Никто из них не смел прекословить великому князю, кроме епископа Суздальского святого Дионисия⁴⁶, который утверждал, что самовольное посвящение митрополита, без благословения Патриарха, будет противно правилам церковным. Голос святителя, уважаемого за добродетельную жизнь, друга преподобного Сергия Радонежского, был принят Димитрием. Михаил уже считал себя первосвященителем, позволяя себе украшаться святительской мантиею и белым клобуком и употреблял жезл архиерейский, перешел жить на митрополичий двор и заведовал всеми судами и сборами церковными. Теперь он был вынужден искать посвящения в Царьграде и, отправляясь туда, грозил мщением не только Дионисию, но и Сергию, которого считал вра-

гом своим⁴⁷. Но блаженный игумен, услышав об угрозах честолюбца, спокойно сказал ученикам своим: «Михаил не получит желаемого и Царьграда не увидит». Предсказание праведника сбылось: Михаил умер на пути в Царьград.

В это время великий князь был занят другими заботами: ему предстояла ожесточенная борьба с татарами не только за целостность, но и за существование Русского государства.

Мамай уже давно злобился на Димитрия, который отказывал ему в послушании (как мы видели выше) и осмеливался обнажать меч против татар⁴⁸. Как истинный властелин Орды, Мамай приготовился к страшному нашествию на Русскую землю. Кроме несметных полчищ монгольских, он вел с собою наемные войска и вступил в тесный союз с Ягайлом Литовским⁴⁹, который условился действовать с ним заодно. К ним пристал внутренний изменник, Олег Рязанский, в надежде распространить свои владения при уничтожении Московской державы.

Великий князь, со своей стороны, приготовился к обороне; с ним соединились все кня-

зья удельные со своими дружинами. Составилось ополчение, какого не видала земля Русская даже в самые счастливые времена своей целости и независимости: более 150 000 всадников и пеших стояло под Коломною, на Девичьем поле, где Димитрий обозревал войско. Признавая в богоносном игумене Троицком силу веры и дар пророчества, достойный воспитанник святого Алексия пришел к преподобному Сергию и спрашивал его: идти ли ему против сильного и грозного врага? Преподобный, совершив молитву, благословил великого князя и сказал ему: «Тебе, государь, должно попещись о врученном тебе христом именем стаде; Бог правды дарует тебе победу и сохранит тебя для вечной славы, а многим из сподвижников твоих готовы венцы мученические». Он отпустил с Димитрием двух своих иноков, Александра Пересвета и Андрея Ослябю, которые были облечены в схиму и горели желанием пролить кровь свою за веру христианскую.

Выступив против врагов, великий князь отважно перешел Дон, чтобы предупредить соединение Мамаю с Ягайлом; здесь получил

он от преподобного Сергия просфору и послание, в котором было писано: «Иди, иди смело, князь, надейся на помощь Божию». Эти слова одушевили мужеством Димитрия и все войско русское. На берегу реки Непрядвы, на обширном поле Куликовом, произошла знаменитая кровопролитная битва – 8 сентября 1380 года. Мамай, не успев соединиться с Ягайлом⁵⁰, был разбит и обратился в бегство. Преподобный Сергий, во время битвы стоя с учениками своими на молитве, говорил об успешном ходе сражения и о решительной победе над врагами; он даже наименовал павших на поле брани и принес за них молитву. В числе их были оба инока, посланные Сергием на войну. Один из них, Пересвет, мужественно вступил в бой с татарским великаном и богатырем Темир-Мурзою: они ударили друг друга копьями и оба пали мертвыми с коней⁵¹.

Прп. Сергий благословляет Димитрия Донского на борьбу с Мамаем.

Великий князь, возвратясь с победою, благодарил богомудрого Сергия за советы и мо-

литву и с восторгом восхвалял милость Божию. Вся Русская земля ликовала, в первый раз после порабощения одержав победу над неверными. Благодарные потомки единогоглас-

но прозвали Димитрия Донским, двоюродного брата его, Серпуховского князя Владимира Андреевича, одного из главных виновников счастливой победы – Храбрым, а самую битву – Мамаевым побоищем. Эта достославная битва еще не освободила Русской земли от постыдного ига, даже не прекратила варварских нашествий⁵², но доказала возрождение сил Руси и явилась зарею ее свободы и независимости.

Молитвенное участие в поражении Мамаея не было последним опытом любви к отечеству в жизни дивного пустынника. В 1385 году преподобный Сергей ходил в Рязань, чтобы примирить великого князя с коварным Олегом. Богомудрый игумен умел смягчить сердце вероломного князя, и он заключил с Димитрием искренний союз, скрепленный потом и родственною связью⁵³.

Любовь и вера Донского героя к основателю Лавры Троицкой была так велика, что он имел преподобного Сергия приемником детей своих от святой купели и свидетелем при своем духовном завещании⁵⁴.

Великий князь Димитрий Донской скон-

чался в 1389 году, после краткой болезни, едва достигнув сорокалетнего возраста. По словам летописца, невозможно описать скорби народной о смерти любимого государя, которого современники называли «орлом высокопарным». Долго не умолкали стенания и вопли. Кроткий и незлобивый, как младенец, но твердый в делах правления, мужественный в битвах, смиренный в счастье, терпеливый в бедствиях, чистый и целомудренный, добрый отец семейства, Димитрий был достойным питомцем великого святителя Алексия; он ежедневно ходил в церковь, часто приступал к Святым Тайнам и носил власяницу на голом теле, но не пожелал по примеру предков принять перед смертью иноческого пострижения⁵⁵. Престол великого княжения наследовал старший сын его, 17-летний Василий.

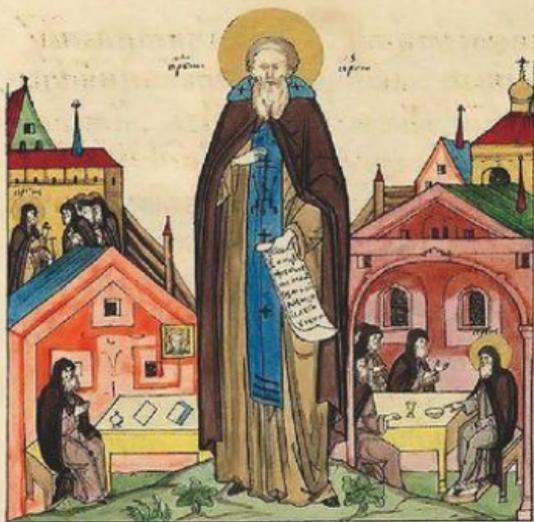
Между тем богоносный Сергей, подвизаясь в пустыне своей, возрастал духом и восходил от силы в силу. Мы не можем описать здесь бесчисленных знамений, в которых разнообразно являлась дарованная Сергию благодать Господня; но не должны умолчать об одном

чудесном видении, которое не только преисполнило небесною радостью самого дивного подвижника, но сохранилось вечным залогом благоволения Божия к обители Сергиевой. Однажды, в глубокую ночь, Сергей пел акафист пред иконою Богоматери и молил Царицу Небесную, да призрит на избранное им место. Окончив правило, он сел отдохнуть; но вдруг сказал ученику своему Михею: «Бодрствуй, чадо, мы будем иметь чудное посещение». Едва сказал он эти слова, как услышан был голос: «Пречистая грядет». Преподобный поспешил из келлии в сени, и там осиял его великий свет ярче солнечного. Он узрел Богоматерь, сопровождаемую апостолами Петром и Иоанном. Сергей пал на землю. Преподобная Матерь коснулась его и сказала: «Не бойся, избранник Мой, молитва твоя о учениках твоих и о месте сем услышана; при тебе и после тебя Я неотступна буду от обители твоей и буду покрывать ее». Когда видение кончилось и преподобный Сергей пришел в себя, он нашел ученика своего полумертвым от страха и поднял его. «Скажи, отче, – спрашивал блаженный Михей, – что за чудное видение? Ду-

ша моя едва не разрешилась от тела». Но Сергей не мог еще говорить от сильных движений духа; только лицо его цвело и сияло радостью⁵⁶.

Наконец приближалось время богоносному Сергию перейти к нескончаемому Божественному ведению. Предвидя приближение кончины, преподобный игумен поручил обитель управлению ученика своего Никона, а сам вступил в совершенное безмолвие. В сентябре он почувствовал предсмертный недуг, призвал сподвижников своих и дал им последние наставления. Пред самым исходом души, праведник принял Святые Тайны Христовы и предал чистую душу свою Господу 25 сентября 1392 года, на 78-м году жизни. В минуту разрешения души от тела небесное благоухание разлилось в келье, и лик богоносного старца сиял дивным светом и чистотою. Святые мощи были преданы земле близ деревянной церкви, построенной первоначальником Троицкой обители.

Прп. Андрей Рублев пишет образ Спасителя. Из рукописного жития прп. Сергия Радонежского, XVI в.

Лицы бо ихъ быша великомъ томъ
 и ето мб старцѣ самовидцы же и
 услгн . оучицы и таѣбницы . паче
 послѣшницы иже своей маѣ оучи маки
 дѣша егѣ и оуши и слышаша . и роуцѣ
 ихъ о са застѣи . и доша же и пиша
 ени мѣ . иже оучениа егѣ насыттишася .
 и до бродѣ телнегѣ насладишася . то
 тѣи не требую сего худаго нашего пи
 смене . доволни бо оущейны на оучи
 ти . паче же и мене самого наказати

Преподобный и богоносный отец наш Сергий, игумен Радонежский, чудотворец, – не только великий светильник благодати, но и особенный избранник Божий в деле распространения иноческой жизни: он отец монашества средней Руси; последующие судьбы основанной им Лавры показывают в нем дивного заступника земной отчизны его. «Благодарение Богу, – скажем с блаженным Епифанием⁵⁷, – что Он даровал нам такого богоугодного старца, святого и преподобного Сергия».

Троицкий собор Троице-Сергиевой Лавры (1423) с приделом преподобного Никона

«От юности ты принял Христа в душу твою, преподобный, и более всего желал уклониться от шума мирского, мужественно поселился в пустыне и в ней возрастил чада послушания, плоды смирения. Всех, приходящих к тебе с верою, ты просвещаешь чудесами и всем обильно подаешь исцеления. Подвижник добродетелей, истинный воин Бога-Христа, ты много подвизался против страстей в жизни временной, был образцом для

учеников своих в молитвах, посте и бдении;
а потому и вселился в тебя Пресвятой Дух,
светло украсив тебя Своими дарами. Предстоя
престолу Святой Троицы, поминай стадо, ко-
торое ты мудро собрал, и не забудь посещать,

по обещанию, чад твоих, Сергей, преподобный отец наш»⁵⁸.

Примечания

1 Сыновья Гедимины почти все были христианами: Кориат-Михаил построил храм святого Николая близ Новогродка; Наримунд в крещении назывался Глебом; Любарт-Димитрий, может быть, Владимир, князь Волынский, был всегда ревностным сыном Православной Церкви; Явнут-Иоанн в 1345 году крестился в Москве; Кейстут, кажется, умер язычником. Сам Ольгерд-Александр еще при жизни отца крещен в Православие и остался христианином по расчетам житейским, чтобы получить Витебское княжество с рукою княжны Марии Витебской. По смерти ее он снова сделался язычником и гонителем христиан.

2 Храм Перкуну стоял в дубовой роще, там, где теперь Виленский кафедральный костел.

3 Мощи мучеников Литовских были погребены у церкви святого Николая в Вильне. В 1364 году святой митрополит Алексей, по сношении с Цареградским Патриархом Филофем, включил Литовских мучеников в число

святых и установил праздновать память их 14 апреля. Мощи мучеников в 1826 году были освидетельствованы, по распоряжению священного Синода, в Виленском Святодуховском монастыре, куда они были укрыты от насилий унии и папизма. Ныне они почивают открыто в церкви, посвященной им в 1851 году и устроенной в склепе под алтарем соборного храма Святодуховской обители.

4 Это выражение принадлежит Тертуллиану.

5 Такой подвиг блаженного Феогноста заслужил признательность Церкви. В Прологе, 14 марта, помещено «страдание митрополита Феогноста».

6 Так за Любарта Волынского была выдана Ростовская княжна, родная племянница Симеона, а за вдовца-язычника Ольгерда – княжна Юлиания, дочь Александра Михайловича Тверского. Этот последний брак был разрешен святым Феогностом в надежде, что Ольгерд рано или поздно возвратится к христианству, и с условием, чтобы дети его воспитывались в истинной вере. Сам Симеон был женат на дочери Гедимины, названной в

крещении Анастасиею. Исповедуя православную веру и приняв русский язык, литовские князья роднились с князьями русскими. Русские княжны приносили с собою в Литву усердие к Православию, строили церкви, воспитывали детей в истинном благочестии; княжны литовские, выходя в замужество за князей русских, сближали свое прежнее отечество с новым. Язык русский был господствующим языком Литвы; на нем писали законы и производились сношения с иностранными государями. (Западно-Русский Месяцеслов, 1866, с. 62 и 63).

7 По летописи, внук Бяконта, Даниил Феофанович, был одним из старших и лучших бояр московских; умный, храбрый, он верно служил великому князю в Руси и в Орде. Он погребен в Чудове монастыре, близ могилы святого митрополита Алексия. От младших сыновей его произошли дворянские роды Плещеевых, Игнатьевых, Жеребцовых и Фоминых (последние долго прозывались митрополичьими). Бяконт и его супруга погребены в Богоявленском монастыре, когда старший сын их подвизался уже там в иночестве.

8 По житию святого Алексия, писанному Пахомием, он был старше великого князя Симеона 17 годами, а Симеон родился в 1317 году.

9 Блаженный архиепископ Василий (в миру священник Григорий Калика) святительствовал в Новгороде 23 года, украсил Софийский храм новым иконостасом, стенным писанием и медными позолоченными воротами; после пожара он восстановил мост на Волхове и заложил каменную стену на Торговой стороне. Он получил от Патриарха Цареградского знаменитый белый клобук, хранящийся в Софийской ризнице. Скончался на берегу реки Шелони 3 июля 1352 года и погребен в Софийском соборе. Новгородцы местно празднуют память его 10 февраля.

10 Святой Феогност преставился 11 марта 1353 года и погребен в Успенском Соборе. В 1471 году мощи его обретенны нетленными, но почивают под спудом в ногах у раки святителя Петра.

11 На обратном пути страшная буря застигла святителя на море. Он молился усердно и дал обет соорудить храм во имя того угод-

ника Божия, которому будут праздновать в день высадки пловцов на берег. Господь услышал молитву праведника, и корабль пристал к берегу 16 августа, когда Церковь празднует Нерукотворенному образу Спасителя.

12 К этому времени относится послание святого Алексия к христианам, живущим на Дону; оно помещено в Исторических Актах, I, N 3.

13 Великий князь Иоанн Данилович, купив уделы Белозерского и Угличского князей (как видно из завещания Димитрия Донского), составлявшие прежде одно целое с Ростовским княжеством, наложил державную руку и на остальной удел Ростовский. О действиях московских бояр в Ростове упомянуто выше. Место, куда переселился Кирилл, город Радонеж – ныне село Городец в Дмитровском уезде.

14 Блаженный Кирилл и Мария погребены в Хотьковом монастыре, тогда мужеском, а ныне девичьем.

15 Стефан жил недолго в супружестве, имел двух сыновей: Климента и Иоанна и, овдовев, постригся в Хотькове монастыре. После

того он жил в пустыне с младшим братом; наконец, был игуменом в Московском Богоявленском монастыре и духовником великого князя Симеона.

16 Когда деревянный храм был срублен, младший брат спросил старшего: «Во чье имя будет храм?» Старший, напомнив Варфоломею о словах дивного старца, сказал, что храм следует освятить в честь Святой Троицы. Тогда младший признался, что и он имел ту же мысль (Русские Святые. Сентябрь, с. 157).

17 Первыми сподвижниками преподобного Сергия в отшельнической жизни были: Василий Сухой, пришедший с берегов Северной Двины; Иаков, усердный труженик; Онисим, престарелый диакон, служивший привратником; Исаакий – наложивший на себя обет молчания, и Симон-екклесиарх. Число пустынников долго ограничивалось 12; первый, поступивший сверх этого числа, был Смоленский архимандрит Симон, променявший власть на звание послушника Сергиева.

18 Перстень с изображением дракона, подаренный ханом Джанибеком святому Алек-

сию в память исцеления Тайдулы, сохраняется в Московской Патриаршей (Синодальной) ризнице.

19 Алексиевский девичий монастырь был основан святым Алексием у берега реки Москвы и урочища Стоженки. В XVI веке он перенесен внутрь города к Пречистенским воротам, а при императоре Николае I, когда занимаемое им место было назначено для построения храма Христа Спасителя, – в Красное село, близ Сокольничьего поля. На месте, где он был первоначально основан, возник новый девичий монастырь – Зачатьевский. В одном из храмов этого монастыря находятся гробницы двух сестер святого Алексия – игуменьи Юлии и инокини Евпраксии. О первой игуменье Алексиевской сказано в летописи: «Ульяна от града Ярославля, дочь некоего родителя богата и славна, сама же зело боязлива, игуменья бывши 90 черницам и общему житью начальница».

20 Этот монастырь получил название Андроникова, по имени своего первого игумена, о котором будет упомянуто в следующей главе. Обет святого Алексия, послуживший поводом

к основанию этой обители, описан выше в примеч. 11-м.

21 Владычень Серпуховской монастырь, в полуверсте от Серпухова, на берегу реки Нары, в 1806 году обращен в женский монастырь. На паперти соборной его церкви погребен блаженный игумен Варлаам, бывший келейник святого Алексия, скончавшийся 5 мая 1376 года и местно чтимый за благочестивую жизнь.

22 Преподобный Иосиф Волоколамский пишет: «В Чудовом монастыре блаженный митрополит Алексий посадил честных старцев, испросив одних у великого аввы Сергия, а других взяв из иных обителей, старцы те жили иночески, жизньию духовною; приходили к ним многие и пользу получали».

23 Духовное завещание святого Алексия обнаруживает великое его смирение и любовь к основанному им монастырю. Оно начинается словами: «Се аз смиренный грешный раб Божий Алексий». Великий святитель Божий именуется себя грешником, не упоминая и о сане митрополита. Чудовской обители он оставил 12 сел (в том числе Жилинское, Чер-

кизово и Раменное). «А все те села, – сказано в завещании, – даю с серебром и с половники и с третники и с животиною. А что моя в селах челядь, на них серебрецо. Не похотят служити, кто куды, тем воля, отдав серебрецо. А монастырь Михаила Чуда приказываю тебе, своему сыну, великому князю Дмитрию Ивановичу».

24 В Лавре сохранились: ветхая крашенная фелонь преподобного Сергия с епитрахилью и поручами, деревянные потир и дискос, аналав из схимы, игуменский посох простого дерева, кожаные сандалии, бывшие 30 лет на ногах чудотворца во гробе, нож с ветхим влагищем и ложка деревянная.

25 Более 15 лет к пустыне преподобного Сергия вела только тропинка по лесам. При великом князе Иоанне II (около 1355 года) стали в окрестностях селиться земледельцы, и уже позднее, по словам блаженного Епифания, «исказиша пустыню и не пощадеша и составиша селы и дворы многи». Тогда проложили мимо обители большую дорогу из Москвы в северные города. Однако и по преставлении преподобного Сергия леса были так глу-

хи, что по рекам еще ловили бобров (Акты Археографической Экспедиции, I, 16).

26 Преподобный Иосиф Волоколамский о духовной грамоте, гл. 15.

27 Чудесным источником Сергия считается колодезь под горою, близ приходской Пятницкой церкви.

28 Крест, присланный Патриархом Филофеем, сохраняется в ризнице Лавры: он вырезан из кипарисного дерева, обложен золотом и украшен драгоценными камнями.

29 Преемник Филофея, Патриарх Нил, около 1382 года прислал также послание преподобному Сергию: он называл привычный образ жизни русских монахов того времени жизнью мирскою, зависящею от дикости и необразованности, а общежитие, учрежденное Сергием, – делом высокой духовной мудрости. Это послание напечатано в Православном Собеседнике, 1860, I, с. 459–464.

30 Доныне в Лавре Сергиевой многие сотни бедных богомольцев ежедневно пользуются трапезею от монастыря. Сверх того, при обители находятся: богадельни, приют для странников, больницы для приходящих боль-

ных и школы для сирот.

31 Симон Азарьин в предисловии к новым чудесам преподобного Сергия.

32 Монахи того времени не любили общежития. Даже и позднее пастырям Церкви нелегко было заводить общины в монастырях. Из обители Сергиевой тайно удалились многие недовольные общежитием; другие, более упорные, изгнаны святым Алексием.

33 Привязав к себе Димитрия Константиновича Суздальского, великий князь в 1367 году женился на дочери его, благочестивой княжне Евдокии. Свадьбу праздновали в Коломне со всеми пышными обрядами того времени.

34 В это время Мамай успел соединить две Орды: Золотую, или Сарайскую, и свою Волжскую. Он объявил ханом Мамант-Салтана и господствовал под его именем с титулом темника.

35 Михаил Тверской после того жаловался Патриарху на святого Алексия и на старания его усилить могущество Москвы.

36 В этом договоре князь Тверской дал клятву за себя и за своих наследников при-

знавать великого князя Московского «старшим» себе братом, не искать и не принимать от хана ни Владимирской отчины, ни Великого Новгорода; а великий князь обещал не вступаться в удел князя Михаила и не отнимать у него Тверской отчины.

37 Перед смертью Ольгерда сбылась надежда святителя Феогоста: Ольгерд, по убеждению второй супруги своей и Печерского архимандрита Давида, не только возвратился к православной вере, но и принял схиму с именем Алексия. Он погребен в соборном храме Богородицы в Вильне, построенном им (еще до отступничества) и освященном в 1348 году святым Алексием, тогда еще наместником митрополита Феогоста. В недавнее время великий подвижник русской народности, граф М.Н. Муравьев, приступил к возобновлению этого древнего святилища, преданного поруганию и запустению папистами. Теперь древний Пречистенский храм уже воскрес из своих развалин вместе с обновленною русскою жизнью в русской Литве.

38 Казимир угрожал, что, в случае отказа Патриарха, он заставит подвластных ему рус-

ских людей принять римскую веру и подчиниться папе. Патриарх писал к святому Алексию: «Что мы должны делать в таком положении? Тебя призываем в судьи; что ты сам скажешь? Другое дело, если бы государь земли был православный. Посуди сам, хорошо ли было бы, если бы так случилось, как писал король» (Русские Святые. Февраль, с. 110).

39 Ответ высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Московского, на речь, произнесенную архимандритом Леонидом при наречении его в сан епископа Дмитровского, викария Московского.

40 Из обители преподобного Сергия вышло 79 архипастырей, а именно: митрополитов всея России – 3, митрополитов епархиальных – 11, архиепископов – 31, епископов – 32 и, сверх того, 2 архипастыря занимают святительские кафедры вне пределов России на Востоке. Из числа этих святителей некоторые были настоятелями, другие – заместителями Лавры, остальные получили воспитание в лаврской Семинарии (1742–1814 г.) и в Московской Духовной Академии, находящейся в обители преподобного Сергия с 1814 года.

41 Это тот самый Спасский монастырь, который основан в Кремле Иоанном Калитой. Позднее, при Иоанне III, он перенесен на Крутицы – высокое место на берегу реки Москвы и по новому месту назван Новоспасским, а древняя церковь его обращена из монастырской в дворцовую. Теперь Новоспасский монастырь состоит первым в числе ставропигиальных первоклассных.

42 Мощи святого митрополита Алексия были погребены в построенной им Архангельской церкви Чудова монастыря, в правом преддальтении. Нетление мощей и даже одежд на них открылось 20 мая 1431 года, при копании рвов для основания нового храма на месте старого, которого своды обрушились от ветхости. С того времени стали чтить память великого святителя; мощи прославлены многими чудесами и исцелениями. По сооружении в 1686 году теплой церкви во имя святого Алексия цари Иоанн и Петр Алексеевичи перенесли на руках своих мощи чудотворца в новый храм, где почивают они и доньше в серебряной раке, устроенной после похищения старинной раки врагами в 1812 году. Близ ее со-

храняются святительские облачения и пастырский жезл великого угодника Божия.

43 Святой Алексей, как видно из поправок в переводе Евангелия и из греческой подписи его (Описание Румянцевского Музея, с. 48), хорошо знал по-гречески. Он мог научиться этому языку, когда жил и служил при митрополите-греке.

44 Высокопреосвященнейший митрополит Филарет, в слове на день обретения мощей святого Алексия.

45 Первое из этих посланий напечатано в Прибавлениях к Творениям Отцов 1849 года, а последнее издано К.И. Невоструевым в 1-й книжке «Душеполезного Чтения» за 1861 год.

46 Тропарь и стихиры из службы святителя Алексия, составленной святым Питиримом, тогда архимандритом, а впоследствии епископом Пермским и мучеником. Житие святителя писано, по кратким запискам того же блаженного Питирима, Пахомием Логофетом в XV веке.

47 О святом Дионисии мы будем говорить подробнее в одном из следующих рассказов.

48 Преподобный Сергей убеждал великого

князя принять Киприана, уже управлявшего в то время западными епархиями, чтобы избегнуть вредного для Церкви разделения митрополии. Но на этот раз Димитрий, увлекаемый пристрастием к своему любимцу, не послушал Сергия, а Михаил (Митяй) обещал разорить обитель Сергиеву по возвращении из Царьграда.

49 В 1377 году татары вместе с мордвою опустошали Новгородские и Рязанские области. Димитрий не побоялся ополчиться против них и разбил их на берегу реки Вожи («История» Карамзина, V, 28).

50 Ягайло, или Ягелло, сын Ольгерда от Иулиании Тверской, крещенный в Православии с именем Иакова, перешел в римскую веру, чтобы жениться на королевне Ядвиге и с нею получить престол польский. При этом он поклялся польским бискупам ввести папизм в Литовско-Русском княжестве и сделался изуверным гонителем Православия.

51 В день Куликовской битвы Ягайло был не более как в 40 верстах от Мамаю; узнав о поражении своего союзника, он поспешно бежал.

52 Пересвет был прежде боярином Брянским. После Мамаева побоища тела иноков-витязей перевезены в Москву и погребены на Старом Симонове, где теперь приходская церковь Рождества Богородицы, близ Симонова монастыря. Карамзин (V, прим. 82) говорит: «Разбирая колокольню сей церкви в царствование Екатерины II, нашли древнюю гробницу под камнем, на коем были вырезаны имена Осляби и Пересвета; ныне она стоит в трапезе, а камень закладен в стене». В рукописных святцах сказано: «Преподобномученицы зде на Симонове положены у церкви Рождества Богородицы, ученицы Сергиевы, во иноцех Адриан (Андрей Ослабя), во иноцех Александр (Пересвет), что были посланы от чудотворца Сергия на безбожного Мамаю».

53 Спустя два года после Мамаева побоища Тохтамыш, победитель Мамаю, вторгнулся в пределы России и разорил Москву. Димитрий, не успев собрать сильного войска, должен был удалиться с семейством своим в Кострому.

54 В 1387 году сын Олега, Феодор, женился на княжне Московской Софье Дмитриевне.

Пред концом жизни своей Олег, мучимый раскаянием, принял иночество и схиму в основанном им Солотчинском монастыре, в 18 верстах от Рязани. Он жил там строгим подвижником, носил власяницу, а под нею ту самую стальную кольчугу, которую не захотел надеть на себя для защиты отечества против Мамайя. Также и благочестивая супруга его Евфросиния окончила жизнь инокинею. Общая гробница князя и княгини находится в соборной церкви Солотчина монастыря. Многие жители Рязани и соседних уездов приходят на поклонение и служат панихиды, надевая на себя кольчугу Олега (Странник, 1862, N 9, сс. 390 и 398).

55 В духовном завещании Донского, прекрасном по чувству христианскому и по значению политическому, нельзя не ощутить веяния духа Сергиева.

56 В рукописных святцах Димитрий Донской вписан в число святых и назван царем.

57 Это видение было в пост Рождества Христова, в пятницу, вероятно, в последний год жизни преподобного Михея, который скончался 5 мая 1385 года. (Русские Святые. Сен-

тябрь, с. 176).

58 Первоначальное житие преподобного Сергия написано учеником его, блаженным Епифанием, который (как видно из предисловия) принялся за этот труд вскоре по преставлении своего блаженного наставника, писал то, что видел своими глазами, а о том, что было до него, собирал сведения от древних старцев и от Стефана, брата преподобного Сергия. Житие, писанное Епифанием и пересмотренное Пахомием Логофетом в XV веке, напечатано в 1647 году. Самый древний из сохранившихся списков рукописного жития, писанный на Афоне в 6939 (1431) году и переписанный Угрешским игуменом Ионою, хранится в библиотеке Лавры. В нынешнем веке составляли житие преподобного Сергия: 1) Высокопреосвященнейший Филарет, митрополит Московский в 1822 году и 2) Преосвященный Филарет, архиепископ Черниговский, в издании его «Русские Святые», сентябрь, 1865. Чудеса преподобного Сергия описывали. 1) Пахомий Логофет; 2) келарь Троицкой Лавры Симон Азарьин; 3) Митрополит Филарет: «Некоторые черты жития преподобного Сергия по-

сле смерти»; 4) Монастырские письма, 1863; 5) некоторые из новейших чудес описаны в духовных периодических изданиях. Пределы статьи не дозволили нам исчислять здесь чудеса великого чудотворца, в своем месте упомянем о тех, которые имели отношение к судьбам Церкви и государства.

59 Два тропаря преподобному Сергию. Служба ему написана Пахомием Логофетом; акафист, употребляемый в Лавре, приписывается митрополиту Платону.

Глава VI

Видение преподобного Сергия об учениках его. Преподобный Никон Радонежский. Обители иноческие, основанные преподобным Сергием. Ученики его, основатели монастырей, – Роман Киржачский, Андроник и Савва Московские, Феодор и Павел Борисоглебские, Феодор Симоновский (после – архиепископ Ростовский), Мефодий Пешношский, Афанасий Серпуховский, Савва Стромьинский, Григорий Голутвинский, Никита Высоцкий, Ферапонт Боровенский, Авраамий Чухломский, Савва Дубенский и Сторожевский, Ксено-

фонт Тутанский, Иаков Железноборский, Афанасий и Феодосий Череповские, Пахомий Нерехотский, Никита Костромской, Сильвестр Обнорский, Павел Обнорский, Сергей Нуромский, Кирилл Белозерский, Ферапонт Можайский.

Однажды, в глубокий вечер, во время молитвы, великий чудотворец Сергей услышал голос, звавший его по имени. Сотворив молитву, он открыл окно и увидел необыкновенный свет с неба. «Сергий! – говорил голос. – Господь услышал молитву твою о чадах твоих!» Чудотворец увидел множество прекрасных птиц. Небесный голос продолжал: «Так умножится число учеников твоих, и после тебя не оскудеют последующие стопы твоим». Сергей в удивлении и радости позвал к себе ученика своего Симона, и тот успел еще видеть некоторые остатки явления.

Эти прекрасные птицы, порхавшие в обители Сергиевой и вокруг нее, изображали собою достойных учеников великого наставника. Одни из них до гроба оставались в обители отца своего; другие были основателями

монастырей вокруг престольного града, послуживших образцом благочестия для живущих в шуме мирской жизни; наконец, третьи удалились в непроходимые дебри севера и оттуда светили миру дивными подвигами и распространяли веру Христову между полудиким населением.

В числе учеников преподобного Сергия первое место принадлежит тому, которого сам великий отец иноков назначил своим преемником. Преподобный Никон, уроженец Юрьева-Поволжского, еще в ранней юности слышал о подвигах Сергия и пришел к нему. Но Сергей, вероятно, находя неудобным присоединить к собору опытных старцев юношу, который мог нуждаться в отдельном руководстве, не принял в свою Лавру своего будущего преемника и отослал его в Серпуховский Высоцкий монастырь к ученику своему Афанасию. Никон пробыл там не более двух лет¹, много успел в иноческих добродетелях и был удостоен священства. После того преподобный Сергей, видя успехи Никона в духовной жизни, принял его в свою обитель и велел ему жить в своей келье. Здесь будущий игу-

мен Сергиевой обители нашел для себя «высшее училище духовного любомудрия в беседе богомудрого Сергия, и новое поощрение к подвигам и добродетелям в близком его примере, и ограждение от искушений в его прозорливом руководстве, и подкрепление против немощи в его сильной молитве, и райское утешение в общении сей молитвы. Любящее сердце преподобного Сергия было для Никона отверстою дверью, отколе исходил к нему благодатный свет и мир; верное сердце Никона к Сергию было также отверстою дверью для открытия помыслов и душевных движений, дабы никакая мгла сомнения или смущения не уменьшала чистоты совести. Так почил на Никоне дух Сергия, который сперва возложил на него часть своих попечений о братии под своим смотрением и, наконец, за шесть месяцев до своего преставления совершенно передал ему начальство над своею Лаврою»².

Приняв на себя настоятельство (в 1392 году), преподобный Никон выполнял с точностью все заповеди богоносного своего наставника и разделял труды с братиею. Самое имя

Никона пользовалось всеобщим уважением, как нечто священное³, но слава человеческая тяготила смиренного подвижника; он испросил себе у братии увольнение от игуменства и провел шесть лет в безмолвии. Когда же избранный на место его игумен отказался от начальства, преподобный Никон, по неотступным просьбам братии, снова принужден был принять на себя настоятельские заботы, но с условием, чтобы отделять себе из каждого дня некоторую часть для безмолвного богомыслия и слезной молитвы.

Пустынная жизнь в обители Сергиевой текла тихо и богоугодно. Но святому месту неожиданно грозило разрушение. В 1408 году слух приближающегося нашествия неверных поколебал страхом всю землю Русскую. Преподобный Никон молил Господа о защите и призывал на помощь чудотворца Сергия, дабы не погибли плоды многолетних благословенных трудов его. Однажды, после долгой ночной молитвы, он присел для отдыха и задремал. Внезапно явились ему святители Петр и Алексей и с ними богоносный Сергий. «Так угодно судьбам Божиим, – сказал Сер-

гий, – чтобы нашествие иноплеменников коснулось и сего места. Но ты, чадо, не скорби и не смущайся: искушение будет непродолжительно, и обитель моя не запустеет, но после распространится еще более». После того явившиеся изрекли Никону мир и исчезли с глаз его.

Вскоре за предвещанием последовало событие. Татарский военачальник Эдигей, недовольный тем, что великий князь Василий Дмитриевич не помогал хану в походе против Литвы, устремился с полчищами ханскими прямо к Москве. При этой страшной вести великий князь, не имея готового сильного войска, удалился с семейством в Кострому. Он надеялся на крепость стен кремлевских, на суровость зимы. (Это было в конце ноября 1408 года.) Защитником Москвы остался дядя великого князя, князь Владимир Андреевич Храбрый, украшенный сединою честной старости и славною памятью Куликовской битвы; он ободрял народ своим величественным спокойствием в опасности, но принужден был выжечь посады, чтобы не подпустить врагов слишком близко к стенам кремлевским. Эди-

гей, обложив Москву, напрасно ждал к себе князя Тверского со стенобитными орудиями⁴ и не предпринимал ничего против столицы, опасаясь действия кремлевских пушек. Несмотря на недостаток нужных для приступа снарядов, он хотел зимовать в Коломенском, чтобы взять Москву голодом, а между тем отряды татар рассыпались по областям великого княжения, сожгли и разорили их, ограбили церкви и монастыри. Тогда в числе прочих опустошена и сожжена была обитель великого чудотворца Сергия.

Только три недели продолжалась осада Москвы: Эдигей получил от хана Булата известие о внутренних смутах в Орде и должен был поспешить в свои степи, взяв выкуп с жителей московских. Великий князь воротился в столицу и с любовью обнял храброго дядю⁵.

Тогда и преподобный Никон возвратился на пепелище обители, из которой успел удалиться заблаговременно и притом спасти некоторые святыни: утварь преподобного Сергия и книги. Блаженный игумен снова устроил обитель на прежнем месте с деревян-

ным храмом Святой Троицы.

«Друг молчания, делатель бдения, образец целомудрия, неисто щимое сокровище молитвы»⁶, преподобный Никон занимался преимущественно Богослужением, келейною молитвою и чтением книг⁷.

Радостным венцом и сладостною наградою терпения и подвигов преподобного Никона было явление и прославление цельбоносных мощей чудотворца Сергия.

Когда исполнилось 30 лет по преставлении преподобного Сергия, Бог благоволил явить миру сокровище святыни. Преподобный Никон, приступая к созданию каменного храма, в присутствии князя Звенигородского и Галичского Юрия Димитриевича, 5 июля 1422 года вынес из земли мощи отца своего. При открытии гроба разлилось благоухание необыкновенное. И не только тело чудотворца оказалось нетленным – самые одежды его были невредимы, хотя с обеих сторон гроба стояла вода. Мощи на время поставлены были в деревянном храме. Каменный храм, как место покоя великого Сергия⁸, созидался и украшался с благоговейною любовью и с

усердными молитвами. Он и теперь, непотрясаемый веками, освящает молящихся, и руки нечестивых врагов доныне не прикасались к нему. Святые мощи преподобного Сергия перенесены в новый храм при самом его освящении.

Вскоре после того преподобный Никон почувствовал близость кончины. Уже на одре болезни призвал он братию и дал последнее наставление. В предсмертном изнеможении он сказал: «Отнесите меня в светлую храмину, уготованную мне молитвами отца моего», – и скончался 17 ноября 1426 года. Мощи его были преданы земле подле храма, в котором почивали уже открыто обретенные им мощи великого чудотворца Сергия⁹.

Несколько обителей иноческих основаны самим преподобным Сергием или учениками его, с благословения великого учителя, прежде блаженной его кончины.

Так, когда преподобный Сергей удалился из своей обители, чтобы избежать тревоги и несогласия, он поселился в лесу близ реки Киржач, на прекрасном высоком месте, и основал малый монастырь с церковью Благове-

щения Богородицы. Вскоре после того, возвращаясь по воле святителя Алексия в свой монастырь, преподобный Сергей поручил ученику своему Роману окончить устройство новой пустынной обители и быть в ней наставником иноков. Блаженный Роман исполнил заповедь отца своего: устроил Благовещенский монастырь и был образцом подвижнической жизни для своей братии. Он преставился 28 июля 1392 года¹⁰.

В предыдущей главе мы упоминали об основании в 1361 году святым митрополитом Алексием Спасского монастыря на берегу реки Яузы под Москвою. Первым игуменом этой обители был Андроник, один из любимых учеников великого аввы Сергия, уроженец ростовский, отличавшийся, при строгом постничестве, кротостию и глубоким смирением. Вскоре по устройении обители отец и наставник монашествующих Сергей приходил посмотреть на труд ученика своего и благословить новое место подвигов иноческих¹¹. Преставление преподобного Андроника, по всей вероятности, относится к первым годам XV века¹². Преемником его был ученик его, пре-

подобный Савва, а третьим игуменом – Александр, ученик Саввы и самого Андроника. Он построил в обители своей прекрасную каменную церковь.

Вскоре после построения храм Спасов расписан был лучшими иконописцами того времени, андрониковскими иеромонахами: старцами Даниилом Черным и учеником его, Андреем Рублевым. Они поступили в сию обитель еще при преподобном Андронике и отличались такою ревностию к посту и иноческим подвигам, что удостоились Божественной благодати; они столько возвысились в святой любви к Богу, что никогда не занимались земным, но всегда ум и мысли свои возносили к невещественному и Божественному свету, а чувственное око всегда возводили к написанным вещественными красками лицам Владыки Христа, Пречистой Матери Его и всех святых. В самый праздник Светлого Воскресения Христова они, сидя на скамейках и имея пред собою честные иконы, смотрели на них неуклонно и исполнялись святою радостью и светом. Так поступали они и в другое время, когда не занимались писанием икон¹³.

Последние труды их, уже в глубокой старости, посвящены были расписанию двух соборов: Троицкого, в Сергиевой Лавре, и Спасского, в своем монастыре. Вскоре Господь за благоговейное украшение святых храмов возвал их обоих созерцать славу Небесных обителей и лики праведников на Небе. Блаженный Андрей предварил своею кончиною наставника своего Даниила; спустя немного времени и Даниил стал приближаться к смерти; перед самым преставлением он увидел возлюбленного ему Андрея, в радости призывающего его к себе¹⁴.

Вскоре по основании Андроникова монастыря в Москве, когда преподобный Сергей в 1363 году приходил на родину для примирения Ростовских князей с великим князем, два пустынножителя, Феодор и Павел, просили у богоносного старца благословения для устройства обители и указания места. Первый из них пришел из Новгородской стороны в Черный лес на реке Устьи, построил себе из хвороста хижину, а при большой дороге из Белозерска в Москву повесил на дереве кузовок, чтобы принимать от проходящих мило-

стыню для своего пропитания. Он жил, как птица Небесная, без забот о земном, проводя время в молитвах. Спустя три года пришел к нему Павел, и оба старца вместе обратились к великому отцу пустынножителей, бывшему тогда в Ростове. Сергей избрал прекрасное местоположение на берегу реки Устья, в 15 верстах от города, и сказал пустынножителям: «Призрит Бог и Пресвятая Богородица на место сие». Ободренные этими словами, а потом и явлением святых Бориса и Глеба, Феодор и Павел построили монастырь Борисоглебский. Игумен Феодор, после недолгого настоятельства, поручил обитель сотруднику своему Павлу, а сам удалился сначала на берег Кубенского озера, а потом на устье реки Ковжи, где основал новый монастырь¹⁵. Предузнав кончину свою, блаженный старец возвратился в Борисоглебскую обитель, где и преставился 22 октября 1409 года. Вскоре после него скончался и преподобный Павел¹⁶.

В 1365 году, возвращаясь из Нижнего Новгорода в Москву, преподобный Сергей положил основание Георгиевской пустыни, в Гороховском округе, на реке Клязьме¹⁷.

В числе учеников преподобного Сергия находился родной племянник его, сын брата его Стефана, Феодор (в миру Иоанн). Он приведен отцом на 13-м году в пустыню Сергия и тогда же был пострижен в монашество. Под непосредственным руководством игумена-дяди, юный инок возрастал в чистоте и святости, недоступный соблазнам грешного мира. В душе его не было ничего сокровенного для отца и наставника; он открывал ему грехи свои и помыслы тревожные и днем и ночью. Удостоившись священства в обители Сергиевой, Феодор почувствовал желание основать новый общежительный монастырь. Святой Сергий, видя твердость и неизменяемость этого помысла в продолжение многого времени, признал его делом Божиим и согласился отпустить Феодора и с ним несколько братьев, чтобы они избрали место для новой обители. Им понравилось место близ реки Москвы, по имени Симоново. Сергий сам приходил осмотреть это место, одобрил и благословил. Тогда Феодор, с разрешения святителя Алексия, поставил церковь Рождества Богородицы и основал общежительный монастырь, из-

вестный донине под именем Симонова¹⁸. Отличаясь не только привлекательною наружностью, но и добродетелями иноческими и обширным умом, новый игумен приобрел себе всеобщее уважение. Великий князь Димитрий Донской избрал его духовником своим и часто поручал ему дела церковные. Так, в 1381 году Димитрий посылал Феодора в Киев, чтобы пригласить в Москву митрополита Киприана, а в 1383 году отправлял его с поручениями в Царьград к Патриарху Нилу, который, беседуя с Феодором, весьма любил его, посвятил его в сан архимандрита и возвел монастырь его на степень патриаршей ставропигии. Наконец, в 1388 году преподобный Феодор снова путешествовал в Царьград с поручением великого князя, который писал, что желает видеть его на святительской кафедре. Патриарх рукоположил Феодора в сан архиепископа в Ростове, где до того времени были епископы; но, утомленный трудами, понесенными для Русской Церкви во время долгих и опасных путешествий, блаженный святитель недолго правил Ростовскою Церковью¹⁹: он преставился 28 ноября 1394 года²⁰.

Другой ученик, «спостник и собеседник великого Сергия»²¹, преподобный Мефодий, проведший несколько лет под руководством великого наставника иноческой жизни, в 1361 году удалился, по благословению его, искать безмолвия. За рекой Яхромою, в дубовой роще, на месте, окруженном болотами и лесами, он поставил себе келью и жил в совершенном уединении. Но вскоре подвижническая жизнь его сделалась известною и начала собирать к нему ревнителей пустынножительства. Преподобный Сергий, посетив любимого ученика, дал ему совет построить обитель и храм на другом, более сухом и обширном месте и благословил то самое место, где ныне стоит обитель²². Преподобный Мефодий сам трудился при построении храма во имя чудотворца Николая, «пеш» нося деревья через речку²³. Обитель Мефодиева была и остается обителью трудолюбия; основатель ее был первым между братиею по неутомимым подвигам труда, поста, молитв и нищелюбия. Иногда, как любитель безмолвия, он удалялся для молитвы за 2 версты от обители. Сюда же приходил к нему для духовной беседы бого-

носный Сергей²⁴. Блаженный игумен Мефодий переселился в вечную жизнь 14 июня 1392 года²⁵.

По просьбе Серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго, преподобный Сергей в 1378 году ходил в Серпухов, основал там монастырь в честь Зачатия Богородицы и дал этой новой обители первого игумена, ученика своего Афанасия, который был сыном священника из Обонежской пятины и, слыша о пустынных подвигах игумена Радонежского, пришел к нему из отдаленного края и принял пострижение в Троицкой обители.

С помощью благочестивого князя новый игумен Афанасий построил в новом городе Серпухове храм и келлии монастыря, прозванного Высоцким по высокому берегу реки Нары, на котором он стоит вблизи реки Оки, в версте от города. Скоро собрались к нему ученики: первым из них был преподобный Никон, будущий игумен Лавры Сергиевой, присланный сюда самим Сергием, а вторым – Амос, сын знатных родителей из Ярославской области, который при пострижении назван Афанасием. Блаженный игумен ревностно за-

ботился о душевной пользе учеников своих, советовал им остерегаться праздности и как можно чаще заниматься чтением книг²⁶. Преподобный Афанасий был другом святого митрополита Киприана, и, когда Киприан по неудовольствию великого князя Димитрия вынужден был удалиться из Москвы в Киев и потом в Царьград, Афанасий, оставив игуменство, добровольно последовал за ним в изгнание. В Царьграде, в Предтеченской обители, старец купил себе келлию и жил с несколькими учениками, занимаясь то молитвою, то списыванием книг²⁷, то делами благотворения. Святитель Киприан, возвращаясь в Москву по приглашению преемника Димитриева, сильно упрашивал Афанасия возвратиться с ним вместе и обещал ему почести. Но смиренный старец отказался. «Келля моя дороже мне всех почестей», – сказал он. Святитель отвечал ему: «О, ум рассудительный! О, взор светлый! Возлюбил ты горькое и скорбное, зная, что, по слову пророка, эта горечь слаще меда. Дивлюсь твоему подвижническому житию, скорблю, что ияне могу наслаждаться им». Таким образом, блаженный

Афанасий остался в Константинополе, но и там трудился для блага Церкви Русской²⁸. Там он и почил в глубокой старости в первых годах XV века²⁹.

Между тем основанная им обитель находилась под управлением ученика его Афанасия, который вел жизнь богоугодную и скончался 12 сентября 1395 года³⁰.

По желанию великого князя Димитрия Донского богомудрый Сергей основал в 1378 году³¹ монастырь Дубенский на реке Стромыни, с церковью Успения Богородицы, в 30 верстах на юго-восток от Троицкой Лавры, при речке Дубенке, впадающей в реку Дубну, и поставил игуменом ученика своего Леонтия. Вторым игуменом в той же обители был преподобный Савва Стромынский по благословению преподобного Сергея³².

В 1380 году, также по желанию Донского, в благодарность Богу за победу над Мамаем основан преподобным Сергием другой монастырь, Дубенский, на острове, также с Успенскою церковью, к северо-западу, в 40 верстах от Лавры Сергиевой, при другой речке Дубенке³³. Здесь первым игуменом был преподоб-

ный Савва, впоследствии игумен Лавры и основатель Сторожевского монастыря близ Звенигорода.

В 1385 году великий отец пустынножителей Сергей основал по желанию великого князя Димитрия Голутвин монастырь близ Коломны, при впадении реки Москвы в Оку³⁴, с церковью Богоявления Господня. Здесь он поставил игуменом ученика своего блаженного Григория³⁵.

Во все эти места преподобный Сергей сам ходил, по обычаю, пешком, чтобы избрать место и положить начало обители. Средства как для построения, так и для содержания этих трех монастырей даны были великим князем.

Еще при жизни чудотворца Сергея ученик его, блаженный Никита, положил основание Покровскому Высокому монастырю на восточной окраине города Боровска, на берегу реки Протвы³⁶

Другой ученик Сергея, преподобный Ферапонт, с иконою Успения Богородицы, данною ему в благословение от дивного наставника, удалился в густые леса Мосальской округи и там соорудил Успенскую Боровенскую оби-

тель³⁷.

Преподобный Авраамий, возлюбивший Господа с молодых лет, усердный послушник в обители Сергиевой, был удостоен сана священства и пожелал подвизаться в безмолвии. Испросив благословение великого наставника, он удалился в страну Галичскую на берег озера. Здесь, стоя на молитве под горою, он увидел на горе сияющую икону Богородицы с Предвечным Младенцем. На месте явления иконы пустынный, при пособии местного удельного князя, устроил храм и обитель в честь Успения Богоматери³⁸. Обитель процвела и сделалась многолюдною; преподобный Авраамий назначил ей настоятеля – ученика своего Порфирия, а сам удалился в пустыню, за 30 верст далее, где по желанию учеников основал новый монастырь в честь Положения пояса Богоматери. Потом он перешел на реку Вочу и благословил ученикам своим поставить храм в честь Собора Богоматери и третью обитель. Наконец, неутомимый проповедатель дикого края нашел себе лучшее место, в 13 верстах от Вочского монастыря, под горой, на которой был Чудский Городок –

гнездо старого чудского суеверия. Здесь нужно было много Света и Силы Небесной, чтобы рассеять оставшийся мрак язычества. Когда собрались сюда ревнители духовной жизни, Авраамий основал на Чудском Городке храм в честь Покрова Богоматери: сам на старческих плечах своих носил землю для укрепления крутого берега и ревностно трудился вместе с учениками при устройении обители. Велико было значение основателя четырех монастырей в чудской стороне! Он сам жил уединенно под горою; но сюда приходили к нему ученики для исповедания помыслов своих; сюда же приходили и окрестные жители и получали полезные наставления. Чухломская сторона чтит его как своего просветителя. Преподобный Авраамий, прозываемый также Чухломским и Городецким, почил 20 июля 1375 года³⁹.

По блаженной кончине чудотворца Сергия многие из чад его разлетелись, как птицы небесные, по разным краям Русской земли и свили себе священные гнезда – обители иноческие.

Преподобный Савва, о котором мы говори-

ли выше по случаю основания Дубенского монастыря на острове, научившись с молодых лет от блаженного наставника своего послушанию, смирению, чистоте мыслей и слезной молитве, желал уединения, но недолго наслаждался им на пустынном острове Дубенском: по удалении преподобного Никона в безмолвие, смиренный подвижник Савва принужден был неотступными просьбами братии принять на себя управление обителью Сергиевой⁴⁰.

Спустя несколько времени, духовный сын преподобного Саввы и крестник преподобного Сергия Звенигородский князь Юрий Дмитриевич, брат великого князя Василия, желая устроить монастырь в уделе своем, умолил духовника своего принять на себя это святое дело. Преподобному Савве понравилось место близ Звенигорода на горе Сторожевской⁴¹. Он принес с собою икону Богородицы, поставил себе хижину на уединенной горе и близ нее небольшой деревянный храм в честь Богоматери.

Скоро слух о святой жизни нового подвижника Звенигородского привлек к нему мно-

гих, искавших безмолвия. Преподобный Савва с любовью принимал приходивших к нему и завел общежитие в новом монастыре, щедро одаренном селами и угодьями от местного удельного князя. Прекрасный белокаменный храм Рождества Богородицы в Сторожевской обители остается поныне памятником трудам преподобного Саввы и благотворительности князя Юрия⁴². Блаженный основатель обители, несмотря на богатые пособия духовного сына, не переставал сам трудиться: он вырыл своими руками колодезь под горой, который поныне доставляет прекрасную воду, а для безмолвных подвигов выкопал себе пещерную келью в овраге, в версте от монастыря. Преподобный Савва достиг глубокой старости и предал Богу праведную свою душу 3 декабря 1407 года. Мощи его погребены были на паперти созданного им храма⁴³.

Другие ученики великого Сергия пошли далее от Москвы, в пределы Тверские, Новгородские и Костромские. Так блаженный Ксенофонт основал Тутанский монастырь в Тверском уезде⁴⁴. Преподобный Иаков Железноборский, из рода Галичских дворян Амосо-

вых, поселился в 1392 году в 30 верстах от Галича, в глухом лесу у железных рудников, в уединенной хижине, на берегу речки Тепзы. Пришедши случайно в Москву, он своими молитвами возвратил к жизни супругу великого князя Василия Дмитриевича, которая страдала трудными родами и была при смерти. Когда великий князь послал просить молитвы отшельника о больной, старец отвечал: «Молись Богу и Пречистой Матери Его; о княгине не скорби, будет здорова и в нынешний же вечер родит сына, наследника тебе». София Витовтовна благополучно родила сына Василия, а благородный супруг ее дал щедрое пособие на устройство Железноборской обители. Преподобный Иаков преставился в глубокой старости 11 апреля 1442 года⁴⁵.

Отшельники Афанасий, по прозванию Железный Посох, и Феодосий поселились в Новгородском краю из Череповском урочище, в весьма красивой местности, при впадении речки Ягорбы в реку Шексну, среди непроходимых дремучих лесов. Там поставили они церковь в честь Святой Троицы и устроили монастырь. Житие их неизвестно⁴⁶.

Если верить сохранившимся памятникам старины, то к числу учеников преподобного Сергия, основавших новые монастыри, должно отнести преподобного Пахомия, Нерехотского чудотворца⁴⁷, и блаженного Никиту Костромского⁴⁸.

Небесные птицы из дивного гнезда Сергиева залетели и в дикие дубравы вологодские, на живописные берега реки Обноры, и в непроходимые тундры Белозерского края.

Прежде других учеников преподобного Сергия пришел на берега Обноры преподобный Сильвестр⁴⁹. Он остановился в глухом лесу, водрузил крест, поставил себе келью и «подвизался подвигом добрым и изнурил свое многострадальное тело»⁵⁰. Долго окрестные жители не знали о пребывании отшельника в лесу; но один из них, сбившись с дороги, увидел пустытника, одетого в рубище, который изумлен был появлением человека близ своей кельи и рассказал путнику, что он давно уже живет в пустыни, питается травами и кореньями и не желает, чтобы знали о нем люди. Вскоре потом пришелец этот нарочно посетил подвижника и принес запас

хлеба, а вслед за ним начали приходить многие за благословением и духовными советами. Некоторые пожелали жить в пустыне и с благословения преподобного Сильвестра поставили себе кельи. Таким образом устроился монастырь с деревянным храмом Воскресения Христова. Многолюдное стечение богомольцев, знатных и простых, побудило любителя пустыни искать себе по временам уединения в дремучем лесу⁵¹. Преподобный Сильвестр преставился 25 апреля 1379 года; мощи его почивают под спудом в Воскресенской церкви⁵² и прославлены многими чудотворениями в XVII веке, а в наше время, с половины 1860 года, исцеления от гроба его потекли обильною, неистощимою струей и текут доныне⁵³.

Вскоре по кончине блаженного Сильвестра воссияло в Обнорской стороне новое пустынное светило. Преподобный Павел, уроженец московский, сын благородных родителей, в ранней юности сделался учеником великого наставника Сергия. Он трудился несколько лет с безответным послушанием в обители Троицкой, потом провел 15 лет в отшельниче-

ской келье, в лесу, под надзором богоносного Сергия, и жил в нескольких монастырях от обители⁵⁴. Но сердце любителя пустыни жаждало совершенного безмолвия: переходя с одного места на другое, наконец остановился он в лесу Комельском, над речкою Грязовицею, и избрал себе жилищем дупло старой липы. В нем дивный Павел прожил три года, славя Бога вместе с пернатыми; они лишь одни вторили пению отшельника в дебрях безлюдных, куда не проникал до него голос человеческий. Здесь пустынный непрестанно молился Господу, питался травой и кореньями и в безмолвии очищал ум духовным созерцанием⁵⁵.

По особенному внушению Божию преподобный Павел, оставив дупло свое, перешел на реку Нурму, впадающую в реку Обнору, и, полюбив место, сказал: «Здесь покой мой, здесь вселюся!» Построил себе хижину, почти такую же тесную, как и оставленное им дупло, и проводил дни свои в бдении и молитве. Пять дней в неделю оставался он вовсе без пищи и питья; только в субботу и воскресенье вкушал немного хлеба и воды. При нем поселилось несколько ревнителей благоче-

ствия, но еще не было обители иноческой. Однажды, в светлую ночь Пасхи, преподобный Павел услышал в пустыни своей звон колоколов и увидел свет на том месте, где после поставлена им церковь Святой Троицы.

Между тем на тех же пустынных берегах Нурмы, в 4 верстах от пустыни Павловой, подвизался другой отшельник, преподобный Сергей Нуромский, постриженник Афонский. Он пришел с востока в пределы Московские искать просвещения духовного от Радонежского светила. Успев в духовной жизни, Святогорский Сергей с благословения русского Сергия водворился в этой пустыни еще тогда, когда отшельник Павел обитал в дупле липы, как птица, обретшая себе храмину, и горлица – гнездо свое (Псалом 83, ст. 4). Два раза нападали на Сергия разбойники: в первый раз они избили пустытника до полусмерти, но во второй раз были прогнаны силою его молитвы. Когда к блаженному Сергию собралось до 40 подвижников, он поставил деревянный храм Преображения Господня и устроил общежительную обитель.

Услышав о подвигах Павла, Сергей пошел

к нему и увидел в лесу, что стая птиц вилась около чудного отшельника; мелкие пташки сидели на голове и на плечах старца, и он кормил их из рук. Тут же стоял медведь, ожидая себе пищи от пустычника; лисицы, зайцы и другие звери бегали вокруг, не враждуя между собою и не боясь медведя. Вот жизнь невинного Адама в Эдеме, владычество человека над тварию, которая вместе с нами страдает от нашего падения и жаждет освободиться в свободу славы чад Божиих! (Римл. 8, 21–22).

С духовною радостью узнали друг друга два великих подвижника. Павел избрал себе духовным отцом Сергия, облеченного в сан пресвитерский еще на Святой горе Афонской, и открывал ему все свои помыслы. При частых взаимных посещениях⁵⁶ Сергий посоветовал Павлу устроить монастырь на том месте, которое было указано ему в видении. Старцы расстались во временной жизни для свидания в вечной: Сергий стал готовиться к отшествию в Небесную обитель, а Павел пошел в Москву, чтоб испросить благословение на основание монастыря⁵⁷.

Возвратясь в свою пустыню, преподобный Павел не нашел уже в живых своего собеседника и духовного отца: преподобный Сергей Нуромский предал Богу чистую свою душу 7 октября 1412 года⁵⁸. Построив деревянный храм Святой Троицы, преподобный Павел учредил общежительную обитель и строго наблюдал, чтобы все в монастыре исполнялось по преданию отцов, чтобы в келлиях не было никакой собственности, кроме икон и книг. Он заповедовал на работах наблюдать безмолвие, не носить в монастырь хмельных напитков и рукодельем изгонять праздность. «Нищих не забывайте, – говорил он, – помните, что мы сами нищие и душою, и жизнью». Поручив настоятельство ученику своему Алексию, сам преподобный Павел по-прежнему жил отшельником на горе, в своей келье. Он приходил к братии на молитву только по субботам и дням воскресным. В эти дни разделял он с братией трапезу; но сам вкушал только хлеб с водою и овощами: ни масла, ни молока, ни рыбы он никогда не вкушал. Когда слух о нем распространился, то многие приходили к нему для пользы душев-

ной. Он был доступен для каждого, и для каждого готово было у него живое слово назидания. Он наставлял и словом, и жизнью, узнавал тайные помыслы проходящих к нему, врачевал душевные недуги и утешал скорбящих. Так великий подвижник достиг глубочайшей старости – 112 лет, из которых 50 провел в разных монастырях и 40 лет в Обнорской пустыни. Но дивный старец еще был свеж и бодр, очи его были светлы, сияя кротостию и благодушием, стан не согбенный, борода густая и окладистая, белая как снег. Предкончиною он провидел разорение Костромы татарами и преставился 10 января 1429 года⁵⁹.

«Возлюбив жизнь безмолвную, преподобный отче, ты удалился от людей, поселился в пустыни и жил со зверями и пернатыми. Ныне пребываешь ты во свете святых. Поминай нас, почитающих память твою»⁶⁰.

В стране Белозерской процвели святостию жизни великие подвижники Кирилл и Ферапонт. Оба они были учениками святого Феодора и богомудрого наставника иноков Сергия Радонежского, потому что, пребывая в Симоновской обители, пользовались духовны-

ми советами преподобного Сергия.

Первый из них, называвшийся в миру Козьмою, сын благородных родителей и сирота с ранней юности, жил в Москве уродственника своего, боярина Тимофея Вельяминова⁶¹, и надзирал за слугами его. Но, не чувствуя расположения к светской жизни, Козьма стремился душою на служение Господу. Он открыл сердце свое преподобному Стефану, игумену Махрицкому, который успел испросить согласие боярина и отвел юношу в Симонов монастырь к архимандриту Феодору. Облекши Козьму в иночество с именем Кирилл, святой Феодор поручил его опытному старцу, а потом назначил ему послушание в хлебне и поварне. По временам приходил на Симоново преподобный Сергий и прежде прочих посещал Кирилла в хлебне, где подвижник носил воду, рубил дрова, топил печи и, смотря на пылающий огонь, говорил сам себе: «Смотри, Кирилл, не попасть бы тебе в вечный огонь». Эти смиренные труды Кирилла продолжались 9 лет; потом, уважаемый братиею за подвижническую жизнь, он был удостоен иерейства; а по возведении святого Феодора

на святительскую кафедру, в 1390 году, назначен архимандритом обители. Кирилл, будучи архимандритом, не изменил образа жизни и в свободное время выходил на работу вместе с послушниками; но посещения богатых и знатных людей смущали смиренный дух подвижника. Он недолго оставался настоятелем и перешел подвизаться на Старое Симоново. И здесь шум города беспокоил любителя безмолвия: преподобный Кирилл молил Богоматерь указать ему место, удобное для спасения души. Однажды ночью читал он акафист Богоматери и услышал голос от Ее иконы: «Иди на Белое озеро – там тебе место». Вместе с тем Кирилл увидел на дальнем севере прекрасную местность, озаренную светом.

В числе иноков Симонова монастыря был тогда преподобный Ферапонт, уроженец Волока-Ламского, в мире Феодор, из рода дворян Поскочиных. Он тайно ушел из родительского дома, постригся в Симонове, проводил жизнь подвижническую и по временам слушал наставления преподобного Сергия. Незадолго до видения, которого удостоился Кирилл, Ферапонт, связанный с ним узами ду-

ховного дружества, был послан настоятелем по какому-то делу в дальнюю Белозерскую сторону. С посохом странническим ходил он по живописным берегам Белого озера, пленился тишиною густых лесов и вынес оттуда жажду уединения пустынного.

Дождавшись возвращения друга, Кирилл спросил Ферапонта: если ли на Белом озере место, где бы можно было безмолвствовать иноку? Ферапонт отвечал, что там много прекрасных мест. Друзья ушли тайно в пустынную сторону, долго ходили по Белозерскому краю, тогда еще глухому и малолюдному, и взошли на гору Мауру. Здесь леса, луга и воды соединились на огромном пространстве; подошву высокой горы омывают волны озера Сиверского. С одной стороны, быстрая Шексна извивается по лугам необозримым, с другой – несколько синих озер разбросано среди густых дебрей.

Здесь преподобный Кирилл узнал прекрасную местность, указанную ему в видении; он пал с усердною молитвою пред иконою Богородицы, которую принес с собой, поставил деревянный крест, и подле него пустынники и

выкопали себе землянку.

Вскоре Ферапонт ушел далее за 15 верст от Кирилла и поселился между двумя озерами – Пашским и Бородавским, на красивом высоком месте. Тут он расчистил землю для насаждения овощей и прогонял уныние безмолвия то трудом, то молитвою и бдением.

Между тем преподобный Кирилл более года подвизался в своей землянке, не видясь ни с кем, кроме двух крестьян, которые приносили ему сухой хлеб. После того пришли из Сиимонова два инока, любимые Кириллом, а вслед за ними стали приходиться многие. Преподобный Кирилл увидел, что настал конец безмолвному его уединению; в 1397 году он построил храм в честь Успения Богородицы.

Когда в окрестности распространилась молва, что пришедший из Москвы архимандрит Кирилл устраивает в пустыни монастырь, то соседнему боярину Феодору пришло на мысль, что, верно, архимандрит принес с собою много денег, и он послал слуг своих ограбить его. Но две ночи сряду подходили они к обители и видели вокруг обители ратных людей. Феодор подумал, что, верно, при-

шел кто-нибудь из московских вельмож к Кириллу, и послал узнать, кто такой пришел. Ему отвечали, что более недели, как никого из посторонних не было в обители. Тогда Феодор пришел в чувство и, поспешив в обитель, со слезами исповедал Кириллу грех свой. Преподобный сказал ему: «Будь уверен, сын мой Феодор, что ничего нет у меня, кроме одежды, которую видишь на мне и нескольких книг». Боярин с того времени стал благоговейно уважать преподобного Кирилла.

Когда в обители Кирилловой умножилось число братии, он дал для нее устав общежития и освящал его примером своей жизни. В церкви никто не смел беседовать, и никто не должен был выходить из нее прежде окончания службы. За трапезу каждый садился на своем месте, и в трапезе была тишина. Весьма строго заповедал преподобный Кирилл, чтобы ни при нем, ни после него хмельных напитков не только не пили, но и не держали в обители. Из трапезы каждый молча шел в свою келлию, не заходя к другому. Никто не смел получать ни писем, ни подарков, помимо настоятеля, – к нему приносили нераспе-

чатанные письма; без его благословения и не писали писем. Деньги хранились в монастырской казне, и ни у кого не было никакой собственности. Даже пить воду ходили в трапезу: в келле же ничего не держали, кроме икон и книг, и она никогда не запиралась. Иноки старались один пред другим являться как можно раньше к службе Божией и на монастырские работы, подвизаясь не для людей, а для Господа. Когда случался недостаток в хлебе и братия понуждали настоятеля послать за хлебом к христороубцам, Кирилл отвечал: «Бог и Пречистая Богоматерь не забудут нас – иначе зачем и жить на земле?» – и не позволял докучать мирянам просьбами о подаении.

Почти одновременно с Кирилловым монастырем возникла и обитель Ферапонтова. Когда к преподобному Ферапонту стали стекаться любители пустынной жизни, он построил в 1398 году храм Рождества Богородицы и учредил общежитие, но не согласился принять на себя ни священства, ни игуменства. На усиленные просьбы братии, желавшей иметь его настоятелем, старец отвечал: «Не я

оградил это место, а Пречистая Богородица: Онаи может наставить вас на все полезное». Но преподобный Ферапонт оставался для всех отцом и наставником. Устав обители был во многом сходен с Кирилловским; братия занимались то списыванием книг, то плетением сетей для ловли рыбы. В монастыре была крайняя скудость до того времени, когда князь Андрей Можайский, сын Донского, владевший и Белозерскою странюю, пожаловал новой обители земли и озера и прислал утварь для храма ее.

Друзья, основатели пустынных обителей, приходили друг к другу для духовной беседы. Но в 1408 году им суждено было расстаться: князь Андрей, давно желавший построить монастырь близ Можайска, вызвал к себе преподобного Ферапонта и умолил его принять на себя устройство новой обители. На просьбы князя старец сначала отвечал слезами, но потом согласился исполнить волю его, или, лучше сказать, волю Божию. Он покинул свою пустыню⁶² и переселился в Можайск, где при богатых средствах князя скоро устроился монастырь Рождества Богородицы в Лужках,

в версте от города. Основатель новой обители пользовался особенным уважением первосвященника Фотия, который с любовью беседовал с ним о духовной жизни и облек его саном архимандрита. После 18-летнего настоятельства в Можайском монастыре преподобный Феррапонт преставился в глубокой старости 27 мая 1416 года⁶³.

Приближался уже конец земных подвигов преподобного Кирилла. Господь наградил угодника Своего даром прозорливости и чудотворений: преподобный Кирилл узнавал помыслы приходивших к нему, исцелял больных, умножал молитвою запасы монастырские, щедро раздавая хлеб нищим во время голода; укротил бурю на озере осенением животворящего креста, испросил чадородие Белевскому князю Михаилу и супруге его Марии.

Приближаясь к блаженной кончине, богоносный Кирилл призвал к себе братию, строго заповедал не нарушать данного им устава и сказал рыдавшим ученикам своим: «Не скорбите о моем отшествии: если получу дерзновение у Господа и труд мой будет уго-

ден Ему, то не только не оскудеет обитель моя, но еще больше распространится по отшествии моем, – только любовь имейте между собою». Он блаженно почил на 90-м году своей жизни 9 июня 1427 года⁶⁴.

Преподобный Кирилл любил заниматься списыванием книг⁶⁵. После него сохранилась подлинная духовная грамота, писанная на столбце обыкновенной бумаги мелким, четким и красивым почерком⁶⁶, и три послания, которые, отличаясь простотою изложения и искренностью благочестивой души, глубоко назидательны. В одном из них, писанном к великому князю Василию Дмитриевичу, чудотворец говорит: «Ты, государь, приобретаешь себе великую пользу душевную смирением своим, посылая ко мне грешному, нищему, недостойному, страстному и чуждому всякой добродетели, с просьбою о молитве. Я, грешный, с братиею своею рад, сколько силы будет, молить Бога о тебе, нашем государе, и о княгине твоей, и о детях твоих, и о всех христианах, порученных тебе Богом. Но будь и сам внимателен к себе и ко всему княжению, в котором Дух Святой поставил тебя пасти

людей, искупленных кровию Христовою. Чем больше удостоен ты власти, тем более строгому подлежишь ответу. Воздай Благодетелю долг твой, храня святые Его заповеди и уклоняясь от путей, ведущих к погибели. Как на корабле, если ошибется наемный гребец, вред от того бывает не важный; если же ошибется кормчий, то губит весь корабль: так, государь, бывает и с князьями. Если согрешит боярин, наносит пакость себе, а не всем; но если согрешит сам князь, причиняет вред всему народу. Слышал я, что у тебя, великий князь, великое несогласие с твоими сродниками, князьями Суздальскими; ты выставляешь свою правду, а они – свою; кровь христиан льется. Осмотрись, государь. Если они правы в чем-либо, уступи им смиренно; если в чем правда на твоей стороне, стой за правду. Если они будут кланяться тебе, Бога ради, государь, окажи им милость, сколько можно, покажи к ним любовь и сострадание, дабы не погибли, блуждая в татарских странах. Никакая власть, ни царская, ни княжеская, не может избавить нас от нелицемерного Суда Божия; а если будешь любить ближнего, как себя, ес-

ли утетишишь души скорбные и огорченные, – это много поможет тебе, государь, на страшном и праведном Суде Христовом».

Благотворителю своему, князю Андрею Можайскому и Белозерскому, богомудрый старец напоминает посланием, что он поставлен от Бога удержатъ людей от зла в своей отчине. «Смотри, государь, чтобы судьи судили суд праведно, как пред Богом, не кривя; чтобы не было подлогов и поклепов... Наблюдай, чтобы не было в твоей области питейных домов – от них великая пагуба людям: крестьяне пропиваются, а души их гибнут... Также пусть не будет у тебя и таможенных сборов – эти деньги неправедные. Пусть не будет в твоей вотчине ни разбоя, ни воровства. Если не уймутся от злого дела, вели наказывать, кто чего стоит. Унимай подчиненных твоих от скверных слов и брани – все это гневит Бога. Если не потщишься управить всем тем, взыщется на тебе, потому что ты властелин над своими людьми, поставленный Богом. Не ленись сам давать управу крестьянам; это вменится тебе выше поста и молитвы. Удерживайтесь от пьянства. Подавайте по силе

милостыню. Вы часто не можете поститься и молиться ленитесь: пусть же милостыня восполнит недостатки ваши».

Звенигородского князя Юрия Дмитриевича преподобный Кирилл утешал в скорби о болевшей супруге и по смирению своему просил, чтобы князь отложил намерение приехать к нему в монастырь. «Знаю, государь, – писал старец, – что по грехам моим выйдет из того искушение, если поедешь ко мне. Извещаю тебя наперед, что нельзя тебе видеть нас: оставлю монастырь и уйду, куда Бог наставит. Вы думаете, что я тут добрый, святой человек. Нет! Истинно я всех грешнее и окаяннее и исполнен срама. Не удивляйся сему, князь Юрий: слышу, что ты сам читаешь и знаешь Священное Писание и понимаешь, какой вред происходит от человеческой похвалы, особенно для нас, слабых. Был у нас брат твой, князь Андрей; но здесь его отчина, и нам нельзя было не отдать поклона своему государю. А твоей отчины здесь нет. Если поедешь ты сюда, все люди станут говорить: для Кирилла поехал князь»⁶⁷.

Знаменитая Лавра чудотворца Кирилла⁶⁸ и

по преставлении его долго и неослабно соблюдала устав своего основателя; она почиталась основным камнем иночества для всего севера Русской земли и воспитала в недрах своих многих дивных подвижников, которые разошлись по крайним пределам севера и светили миру из пустынных своих обителей, как яркие звезды во мраке ночи.

Не всех духовных чад великого отца нашего Сергия могли мы исчислить в нашем кратком рассказе: имена и деяния многих из них известны единому Богу, Которому посвятили они многотрудную жизнь свою. На духовном потомстве заступника земли Русской сбылось обетование, дарованное ему в дивном видении; птенцы гнезда его свили свои пустынные гнезда, и бесчисленное множество прекрасных птиц Божиих наполнило собою дебри и тундры сурового севера, поморье и острова Ледовитого моря⁶⁹.

Примечания

1 «Русские Святые», под 17 ноября, примечание 118.

2 Житие преподобного Никона, составлено

высокопреосвященнейшим митрополитом Филаретом.

3 «Бысть имя его (Никона) яко священство некое обносимо». Рукописное житие преподобного Никона. Лаврская Библиотека, N 692, л. 177.

4 Князь Иоанн Михайлович Тверской, несмотря на недавнюю борьбу отца своего с Донским, не хотел быть изменником и не присоединился к Эдигею.

5 Князь Владимир Андреевич Храбрый скончался в 1410 году с доброю славой князя мужественного, любившего отечество более власти. Он первый отказался от древних прав старшего в роде и был между князьями русскими первым дядею, служившим племяннику. В духовной записи, при которой был свидетелем преподобный Никон Радонежский, он поручает жену и детей великому князю, делит удел свой между сыновьями и вменяет им в обязанность «служить» Василию и детям его.

6 Служба преподобному Никону в ноябрьской книге Минеи 1646 года.

7 В Лавре сохранились богослужебные

книги преподобного Никона: Евангелие, Служебник и Октоих от 4-го до 8-го гласа, также списанные при нем «Диоптра» Филиппа пустынноика, «Лествица» с 44 главами Григория Синаита и «Поучения» аввы Дорофея (Описание Сергиевой Лавры. С. 41, 42, 152 и 155).

8 Мощи преподобного Сергия почивают открыто в Троицком соборе Лавры, построенном преподобным Никоном из белого камня, в серебряной позолоченной раке, устроенной царем Иоанном. Эта рака опущена в другую, также серебряную, которая, равно как решетка и сень на столпах, вылиты из серебра усердием императрицы Анны.

9 Над могилою преподобного Никона построен около 1560 года каменный храм во имя его. Мощи преподобного Никона почивают здесь под гробницей, покрытою серебром. Рака великого Сергия отделяется одною каменною стеной от раки ученика его. Память преподобного Никона установлено чтить повсеместно на Соборе 1547 года, но служба ему написана была Пахомием Логофетом почти за сто лет до того по воле святого митрополита Ионы.

10 Преподобный Роман в рукописных святцах поставлен в числе святых. Монастырь его был постоянно приписным к Сергиевой Лавре и упразднен в 1764 году, причем монастырские храмы обращены в приходские заштатного города Киржача, Владимирской губернии, Покровского уезда. У южной стены древнего Благовещенского храма в особой палатке почивают под спудом мощи преподобного Романа; на медной гробнице вычеканены тропарь и кондак (Владимирские губернские Ведомости, 1864 г., N 30).

11 Московский Спасо-Андрониковский монастырь имел 1674 души крестьян, а ныне положен во втором классе. Близ него, на прежней Нижегородской дороге, донныне стоит часовня, поставленная, по преданию, на том месте, где преподобный Сергей после продолжительной беседы с Андроником простился с ним и пошел в Нижний Новгород по поручению митрополита Алексия.

12 Исследования о времени кончины преподобного Андроника можно найти в Описании обители его, составленном в 1865 году (приложение, с. 3–6). Преемник его, преподоб-

ный Савва, скончался около 1415 года. Мощи двух первых игуменов Спасской обители почитают в главной церкви ее под спудом.

13 Иконы, писанные блаженным Даниилом и Андреем Рублевым, пользовались большою известностью с XV века и до нашего времени. Эти знаменитые иконописцы расписывали Благовещенский собор в Московском Кремле и Успенский во Владимире. Из числа сохранившихся образцов их кисти особенно замечательна храмовая икона в Троицком соборе Сергиевой Лавры.

14 Духовная грамота преподобного Иосифа Волоцкого, слово 10. Рукопись Синодальной Библиотеки, N 25. Русские Святые под 12 июня. Блаженный Даниил-иконописец и Андрей Рублев, спостник его, в старинных святцах поставлены в числе святых. Они скончались в 1426 году и погребены в Андрониковском монастыре.

15 Ковженский Николаевский монастырь в 40 верстах от города Белозерска, в устье реки Ковжи, впадающей в Белое озеро. Строе-ние в нем было все деревянное. По ветхости и бедности он упразднен еще до учреждения

штатов (История Российской Иерархии, ч. IV, с. 548).

16 Борисоглебский, что на Устье, второклассный монастырь замечателен по громадным постройкам конца XVI и начала XVII века. Каменная ограда до 15 аршин вышиною, а в окружности около версты, с 14 башнями и множеством бойниц; огромные храмы, высокая одноярусная колокольня – все это напоминает прежнее богатство обители, теперь давно уже обедневшей. Мощи преподобных Феодора и Павла почивают под спудом в построенном ими соборном храме монастыря. Сведения о них взяты из древнерукописной повести (Библиотека Сергиевой Лавры. Сборник под N 20).

17 Эта пустынь была приписною к Сергиевой Лавре и давно уже упразднена (Описание Лавры, с. 164. История Иерархии, III, с. 688).

18 Обитель Рождественская на Симонове первоначально стояла у большой дороги. Блаженный Феодор, уклоняясь от шума, перешел несколько далее, в тихое и лесное место, поставил себе келлию и подвизался безмолвно. Скоро собрались к нему иноки на новое ме-

сто: игумен построил здесь церковь Успения Богородицы и келлью для братии, при благотворительной помощи боярина Григория Ховрина, родоначальника Ховриных и Головиных. Так возник новый Симонов монастырь, стоящий теперь в числе первоклассных ставропигиальных, а старое Симоново осталось усыпальницею иноков.

19 В Ростове святой Феодор основал женский монастырь в честь Рождества Богородицы. Занимаясь в свободное время искусством иконописания, он написал для этой обители икону Богородицы, которая и теперь там сохраняется (Святыни Ростова, изд. 3-е, с. 80).

20 Мощи святого Феодора почивают под спудом в Ростовском Успенском соборе, у южной стены. Память его благоговейно чтити еще в XV веке.

21 Так называется Мефодий в древнем тропаре.

22 Николаевский Песношский, или Пешношский, монастырь находится в Дмитровском уезде, расстоянием от Москвы в 80, а от Дмитрова в 15 верстах. Он отличается особенно продолжительностью Богослужения. Пе-

ние употребляется единственно столповое (знаменное). Общежитие полное; странноприимство образцовое. О времени основания монастыря указано в описании его, составленном К.Ф. Калайдовичем (с. 8).

23 Оттого обитель прозвалась Пешношскою, а речка под стенами ее, впадающая в реку Яхрому – Пешношею.

24 Эта местность и теперь называется «Беседою». Здесь стоит часовня, посвященная Предтече. Место первоначального уединения блаженного Мефодия в лесу поддерживается в памяти другою часовнею, которая называется Мефодиевою, в 1 версте от обители.

25 Мощи преподобного Мефодия почивают под спудом в церкви святого Сергия и Мефодия, построенной над могилою его в 1732 году. Медная позолоченная рака с иконою на кипарисной доске сделана в 1801 году. В монастыре сохраняется посох и деревянный потир преподобного Мефодия.

26 В Синодальной Библиотеке сохранилась книга Николая Черногорца, писанная в 1381 году по благословению игумена Афанасия в обители его.

27 Один из учеников Афанасия, списавший в Царьграде в 1392 году сборник, говорит в послесловии: «Сию книгу писал я по благословению и совету моего старца, священночестнейшего между иноками, кир Афанасия, бывшего прежде начальником общежития и братии в монастыре на Высоком. Рассмотрев жизнь рассудительным умом своим, оставил он монастырь и все, что было дорого ему: родных, знатных знакомых – и удалился в Константинополь; здесь пребывает он как один из убогих; забывая все земное, печется только о будущем». В Румянцевском Музее есть копия этого послесловия в Сборнике XVI века под N 360, л. 422.

28 В 1401 году преподобный Афанасий прислал в свою обитель списанный (а может быть, и переведенный им) церковный устав, с которого снято потом много списков в России. Он прислал также несколько икон византийского искусства, которые и теперь целы в Высоцком монастыре.

29 О преподобном Афанасии сказано в летописи: «Бога ради остави (Афанасий) игуменство и отъиде в Царьград и купи себе там кел-

лью, и поживе в молчании со святыми старцы, и тако в старости глибоце преставися ко Господу» (Никоновская Летопись, IV, 39).

30 В рукописных святцах сказано об Афанасии младшем: «Преподобный Афанасий, игумен Высоцкого Зачатского монастыря, иже Серпухове, новый чудотворец, ученик преподобного Афанасия, дивного ученика преподобного Сергия, что после был в Царьграде и тамо преставися».

31 История Русской Церкви преосвященно-го Макария, IV, 188.

32 В рукописных святцах сказано: «Преподобного Сергия ученицы преподобнии отцы, Савва и Леонтий, начальницы быша Стромьинскаго монастыря благословением Сергия чудотворца». Из последних слов видно, что оба они были поставлены самим Сергием. Со времени основания Стромьинскаго монастыря до преставления преподобного Сергия протекло 13 или 14 лет; должно полагать, что Леонтий недолго был игуменом и выбыл куда-либо в другой монастырь, а Савва был его преемником в управлении обителью, в ней скончался и погребен. Святостию жизни он более

прославился, чем Леонтий, и потому имя его в списке учеников Сергиевых поставлено выше Леонтиева, и чтилось в XVII веке. На месте Стромьинского монастыря стоит теперь село Стромьинь на дороге Стромьинке, лежащей между Ярославскою и Владимирскою шоссейными дорогами. Там подле древнего Успенского храма, в особой часовне, почивает под спудом преподобный Савва Стромьинский, который на иконах изображается кривым, с закрытым правым глазом.

33 В местности монастыря Дубенского, упраздненного в 1764 году, на границах Владимирской и Тверской губерний, в Александровском уезде, на берегу реки Дубны, в пустоши Шавыкиной, принадлежащей ныне помещику П.Н. Аксакову, находится остров длиною, от севера к югу, около 2 верст, шириною до 200 сажен, образуемый с северной стороны речкой Дубенкою, вытекающей из реки Дубны, с востока – самую Дубною, с юга – речкою Ватраскою, а с запада – речкою Быстрицею. Здесь на холме, близ берега Быстрицы, под тенью нескольких вековых сосен, видны следы гряд, высохший прудок, несколько могил,

обросших травой, и две часовни на месте прежде бывших храмов Успенского Дубенского монастыря; в одной из них сохраняются обветшалые иконы, а другая стоит уже в развалинах. Сюда ежегодно приносится из Спасо-Кубежского погоста чудотворная Иверская икона Богородицы, которая прежде стояла в церкви бывшего здесь монастыря (см. мою статью: «Несколько слов об Успенском Дубенском монастыре», в Чтениях Московского Исторического Общества, 1860, 1 отд. 45–50).

34 Голутвин монастырь совершенно обветшал по отобрании монастырских имений. По перенесении Коломенской архиерейской кафедры в Тулу остался в Коломне древний архиерейский дом, пустой и без способов поддержания. Митрополит Московский Платон в 1800 году решил перевести сюда Голутвин монастырь, назвав его Новоголутвиным. Тогда открылось другое важное неудобство: древняя местность Голутвина, освященная благословением великого чудотворца Сергия, осталась необитаемой. В этой крайности митрополит Платон соединил старый опустевший Голутвин с монастырем Бобреновом (на-

ходящимся от него в 7 верстах) в одну обитель под названием Бобренева-Голутвина монастыря, причем содержание для братии получалось от угодий Бобреневских, которые остались и теперь за Староголутвиным монастырем по отделении Бобренева, который, по просьбе почетного гражданина Д.И. Хлудова, снабдившего его новыми угодьями, в 1865 году восстановлен самостоятельным, на своем содержании.

35 О блаженном Григории сказано в рукописных святцах: «Преподобный отец Григорий, игумен Голутвинского монастыря Богоявленского, ученик бысть святого Сергия чудотворца».

36 Эта обитель упразднена в 1764 году. Место ее, на крутой горе, занято теперь городским кладбищем.

37 Боровенский монастырь находился в 10 верстах от Мосальска и в 20 – от Мещовска, при речке Боровенке. Он упразднен в 1764 году в одно время с Покровским Боровским. Сохранилась только Успенская соборная церковь (ныне приходская для нескольких окрестных селений), двухъярусная, велико-

лепно построенная в 1754 году; здесь стоит местночтимая храмовая икона Успения Богородицы, принесенная преподобным Ферапонтом. Она имеет вид складней и вставлена в старинный кивот превосходной работы. (Чтения Московского Исторического Общества, 1863, I, 127 и 128).

38 Авраамиев Чухломской Городецкий (по имени Чудского Городка) заштатный монастырь находится в 10 верстах от города Чухломы. Остальные обители преподобного Авраамия давно уже не существуют.

39 Мощи преподобного Авраамия почивают под спудом, в последнем монастыре его, в приделе, посвященном его памяти.

40 Это было в 1392 году. Игуменство преподобного Саввы в Лавре Сергиевой, по словам Маркелла, писавшего житие Саввы в половине XVI века, продолжалось около 6 лет, а потому переселение его на Сторожу должно полагать около 1398 года. Будучи игуменом Лавры, преподобный Савва извел своими молитвами источник воды за стенами обители. Этот источник существует и теперь, под именем Саввина кладезя, близ Воскресенской церкви что

в Кокуеве.

41 Саввин Сторожевский монастырь находится в 50 верстах от Москвы к западу и в версте с половиною от Звенигорода, на берегу реки Москвы и речки Разварни. Название Сторожевского современно основанию монастыря и усвоено ему от горы Сторожи, на которой он построен. Во время литовских набегов на горе стояла воинская стража для наблюдения за движением неприятелей, которые проходили к Москве по старой Смоленской дороге, за Можайском уклонявшейся влево к Звенигороду. С этой горы открывается превосходный вид на Звенигород и на окрестные села. Она усыпана множеством благоухающих растений, и самому преподобному Савве показалась она «Небесным Раем, насажденным благовонными цветами».

42 Этот храм построен в самом начале XV века. Зодчество и размеры его совершенно сходны с Троицким собором Сергиевой Лавры, который начат строением в 1422 году. Можно думать, что Сторожевский храм служил образцом для Троицкого.

43 Мощи преподобного Саввы обретенны

нетленными, после 145-летнего пребывания в земле, 19 января 1652 года, в присутствии царя Алексея Михайловича, который особенно благоволил к Сторожевской обители и сам на себе испытал благодатную помощь преподобного Саввы. Мощи блаженного основателя обители почивают открыто в созданном им храме, на правой стороне, близ южных дверей алтаря, в серебряной раке, устроенной в 1680 году. Сторожевский монастырь, бывший некогда ставропигиальным, ныне считается первоклассным, а с 1800 года находится в управлении епископов Дмитровских, викариев Московских. Он был весьма богат: до учреждения штатов 1764 года за ним числилось более 17 000 душ крестьян и к нему было приписано 15 монастырей. В обители сохранилась белая тафтяная фелонь преподобного Саввы. Подробности о жизни и чудесах преподобного Саввы и об основанной им обители можно найти в превосходном описании Саввина Сторожевского монастыря, составленном ординарным профессором Московской Духовной Академии С.К. Смирновым.

44 «Русские Святые», под 25 сентября, с.

480. О жизни преподобного Ксенофонта и о монастыре его не сохранилось никаких сведений.

45 Железнодорожный Галицкий заштатный монастырь существует доныне. В Предтеченской церкви его почивают под спудом мощи преподобного Иакова.

46 О преподобном Афанасии сказано в рукописных святцах: «Преподобный Афанасий-пустынный, зовомый Железный Посох, ученик бысть святого Сергия чудотворца; представился в лето 6900» (1382). Череповский Воскресенский (называвшийся так по соборной церкви) монастырь был разорен до основания во время нашествия Литвы, а потому не сохранилось сведений о блаженных его основателях, кроме одной надписи на вкладной книге 1568 года: «Сия книга святой обители Воскресения Христова и Живоначальныя Троицы и начальников преподобных отец наших Феодосия и Афанасия». Эта обитель упразднена в 1764 году, а монастырская слобода и ближнее село Феодосьево в 1760 году обращены в уездный город Череповец.

47 Преподобный Пахомий Нерехотский,

уроженец Владимирский и постриженник Рождественского монастыря, ходил по монастырям, ища себе места пустынного. Святитель Алексей, возобновив во Владимире монастырь Константиновский, поставил его туда игуменом; но любитель безмолвия вскоре оставил настоятельство и удалился в страну Нерехотскую. Там, на урочище Сыпанове, он соорудил храм Святой Троицы и основал обитель. Преподобный Пахомий преставился 21 марта 1384 года. Мощи его почивают под спудом в церкви упраздненного монастыря его, теперь приходской села Сыпанова. В Сборнике Синодальной библиотеки (N VI, л. 117–155), в службе преподобному Пахомию, сказано: «Оставил еси отечество твое и хождаше по странам многим и по честным обителям». Не во время ли этого странствия Пахомий был учеником Сергия, как он называется в древней надписи, иссеченной на камне над его гробницею, и в списке учеников Сергиевых? (Библиотека Ундольского, Сборник конца XVI века, N 574, л. 543, об.).

48 Основание Богоявленского монастыря обыкновенно относят к половине XV века

(«Исторические известия о Костромском Богоявленском монастыре». С.-Петербург, 1837, сс. 3 и 4). Но в том же списке учеников Сергиевых, о котором мы сейчас упоминали, основателем этой обители назван «преподобный старец Никита, сродник и ученик Сергию чудотворцу». Теперь при возобновлении стенописи в Успенском соборе Сергиевой Лавры открыто в Никольском приделе изображение преподобного Никиты.

49 В рукописных святцах имя преподобного Сильвестра поставлено в числе учеников Сергиевых. Тропарь и кондак ему вышиты вязью на покрове 1664 года, сохранившемся в Воскресенской церкви.

50 Слова из тропаря и кондака.

51 Глухое место, где преподобный Сильвестр уединялся для молитвы, сохраняет и теперь название «заповедной рощи», которую основатель обители запретил рубить. В середине этой рощи труженик Божий выкопал три колодца, а четвертый – на склоне горы к реке Обноре. Последний и до сих пор источает струи чистой воды, благоговейно почерпаемой богомольцами.

52 Монастырь Воскресенский на Обноре упразднен в 1764 году. На месте его стоит каменная церковь, приходская, села Воскресенского. В ней, за правым клиросом, близ южной стены, поставлена деревянная надгробница с изображением на ней преподобного Сильвестра; под надгробницею пол прорезан, и на поверхности земли поставлен гроб с мощами, сохранившийся неповрежденным; гроб окружен четверугольным бревенчатым срубом. В стене, с наружной стороны, проделано малое оконце, в которое часть гроба видна. Но весь гроб можно видеть сверху из-под раки, от которой с южной стороны отодвигается доска. (Сведения о жизни и чудесах преподобного Сильвестра, собранные С.К. Смирновым, в Душеполезном Чтении, 1861, III, 254).

53 Чудеса преподобного Сильвестра, совершившиеся в XVII веке, описаны в Сборнике Румянцевского Музея, N 3364, л. 71–75. В числе их особенно замечательно исцеление в 1645 году строителя Воскресенского монастыря иеромонаха Иова, который был поражен слепотою за то, что велел рубить «под огнище чу-

дотворцеву рощу». Новейшие чудеса описаны в Ярославских Епархиальных Ведомостях 1860 года.

54 В обители преподобного Кирилла и в великой пустыни, основанной на Городце преподобным Авраамием Чухломским. По соображению времени преподобный Павел находился в этой последней обители еще при жизни преподобного Авраамия (Русские Святые под 10 января, примеч. 49).

55 Доныне уцелел остаток того липового дупла, в котором преподобный Павел жил три года по подобию пернатых; в этом дупле не более 4 аршин в окружности.

56 При свиданиях с преподобным Сергием Нуромским преподобный Павел провожал духовника своего более, нежели на две трети расстояния от своего монастыря. Это место ознаменовано часовнею.

57 Когда преподобный Павел пришел в Москву, митрополит Фотий сначала не обратил внимания на просьбу старца, но в следующую ночь услышал голос: «Зачем оскорбил ты человека Божия? Поспеши найти старца и выполнить желание его – иначе сильно по-

страдаешь». Фотий провел ночь без сна, в страхе, и утром велел отыскать отшельника. Его нашли в одной из обителей, и святитель принял его с любовью; испросил прощение у преподобного Павла, благословил строить храм, дал щедрое подаяние от себя на обитель, выпросил у него худую одежду его, а ему в знак любви дал свою; наконец посвятил ученика его Алексия в иерейский сан, после того как сам Павел отказался от священства. Первосвятитель прислал новому монастырю поучительную грамоту; она помещена в Исторических Актах, I, N 257.

58 Мощи преподобного Сергия почивают под спудом в кладбищенской Спасской церкви села Нуромского, стоящей на месте обители, давно уже упраздненной. От гробницы великого подвижника истекали многие исцеления; до 1584 года описано 80 чудес (Русская Фиваида, с. 502. «Русские Святые», под 7 октября).

59 Обитель преподобного Павла в 1538 году была разорена казанскими татарами, причем умерщвлено несколько иноков. В 1546 году при копании рвов для нового храма найден

был гроб с мощами преподобного Павла. Игумен Протасий хотел осмотреть их, но великий подвижник явился ему и сказал гневно: «Зачем ты хочешь осмотреть мои мощи? Огонь сожжет вас. Вели скорее заделать гроб!» Настоятель немедленно исполнил волю угодника Божия. Мощи преподобного Павла почивают под спудом в соборном храме Павлова Обнорского монастыря. На раке его лежит медный осьмиконечный крест – благословение чудотворца Сергия Радонежского. В церкви замечательна икона чудного пустынножителя Павла, писанная преподобным Дионисием Глушицким. На Московском Соборе 1547 года преподобный Павел вместе с другими угодниками Божиими причислен к лику святых.

60 Служба в Минее на 10 января.

61 Окольничий Тимофей Васильевич Вельяминов, впоследствии боярин, в 1380 году собирал пешее войско у Лопасни и в 1381 году был свидетелем завещания Дмитрия Донского.

62 Белозерский Ферапонтов монастырь упразднен в 1798 году, и древняя соборная

церковь его обращена в приходскую.

63 Мощи преподобного Ферапонта почивают под спудом в соборной церкви основанного им Можайского Лужецкого монастыря.

64 Мощи преподобного Кирилла почивают под спудом в обители его, между Успенским собором и церковью во имя его. Над мощами поставлена рака из кипарисных досок, обложенная басменным серебром в 1643 году. В обители сохранились памятники преподобного Кирилла: 1) икона Богородицы Одигитрии, принесенная им из Симонова: она богато украшена золотом и драгоценными камнями; 2) образ преподобного Кирилла, писанный при жизни его преподобным Дионисием; 3) два креста деревянных, срубленных чудотворцем: один из них, восьмиконечный, поставлен им самим в часовне, сооруженной подле первоначальной его землянки, а другой, четвероконечный, сделанный им же из сосны, которая едва не убила его своим падением, теперь обозначает место бывшей землянки, оба эти креста покрыты навесами на каменных столбах; 4) фелонь и подризник преподобного Кирилла из белого мухояра; 5)

разные келейные вещи, как-то: колпак, вязанный из шерсти, тулуп, кожаный пояс, дорожный посох черемхового дерева, деревянный ковш и две медные чашки с кожаными влагищами.

65 Преподобный Кирилл много потрудился в списывании книг. Доселе целы в обители его 17 рукописей – книги чудотворца Кирилла: 7 Евангелий; Апостол, Псалтирь, 3 книги Правил, Лествица, 4 Канонника. Два Евангелия писаны рукою Христофора, ученика преподобного Кирилла: один Канонник писан в 1405 году, а другой – в 1423 году, по благословению «старца Кюрилы игумена рукою преподобного Мартиниана, так же ученика Кириллова». Весьма замечательны две книги Правил, писанные рукою самого преподобного Кирилла. В одной из них, кроме ответов на вопросы Феоноста Сарайского и правил против суеверных примет, помещены выписки из Галена о происхождении грома и молнии, о падающих звездах, об устройстве земли, о землетрясениях, о четырех стихиях, о морях. Ясно, что преподобный Кирилл читал и изучал книги о законах видимой природы, при-

обретал познания о ней, поверенные опытом и рассудительностью, и тем рассеивал пред-
рассудки народа («Обзор Русской Духовной
Литературы», I, 580). В XVI веке ни одна из
обителей русских не была так богата рукопи-
сями, как Кириллова. По описи XVII века, в
ней хранилось до 2092 рукописей. Хотя мно-
гие из них поступили в Патриаршее и другие
книгохранилища, но библиотека Кириллов-
ская и теперь еще заключает в себе немало
замечательных рукописей. Они описаны от-
части С.П. Шевыревым в книге его «Поездка в
Кириллов монастырь».

66 В этой духовной грамоте чудотворец Ки-
рилл поручает обитель свою покровитель-
ству князя Андрея и говорит: «Если кто не за-
хочет жить по моему преданию и не станет
слушать игумена, вели, государь, выгнать то-
го из монастыря». Житие преподобного Ки-
рилла и множество чудотворений описаны
Пахомием Логофетом со слов преподобного
Мартиана и других учеников чудотворца.

67 Послания преподобного Кирилла напе-
чатаны в Исторических Актах, I, N 12, 16 и 17.

68 Обитель преподобного Кирилла во мно-

гих актах называется лаврою. Наружный вид ее подобен укрепленному городу: высокая трехъярусная ограда, более 700 саж. в окружности с 10 огромными башнями, не считая малых, окружает монастырь, разделенный на несколько частей; одна из них, заключающая в себе тот холм, в котором была землянка преподобного Кирилла, называется Ивановским монастырем. Кириллов монастырь был некогда весьма богат и имел до 20 000 крестьян. Теперь средства его значительно оскудели, но следы прежнего богатства еще видны в украшениях храмов и икон и в драгоценностях ризницы, которая почитается одною из лучших в России.

69 О подвигах духовного потомства преподобного Сергия, которое возникло в лавре Кирилловой и других обителях, основанных учениками Радонежского чудотворца, мы будем говорить в одной из следующих глав.

Глава VIII

Конец церковной смуты. Нашествие Тамерлана. Принесение в Москву чудотворной Владимирской иконы Богоматери. Пастырские и книжные труды

святого митрополита Киприана. Преставление его. Святая мученица Юлиания, княгиня Вяземская. Святая великая княгиня Евдокия (Евфросиния) Московская. Святой митрополит Фотий. Временное разделение Русской митрополии. Григорий Симвлак, митрополит юго-западной Руси. Кончина великого князя Василия Димитриевича. Великий князь Василий Васильевич. Воссоединение митрополии. Преставление святителя Фотия. Послания и поучения его. Ересь, или раскол, стригольников. Заключение книги.

Описывая подвиги насадителей иночества – учеников и духовных друзей великого чудотворца Сергия – и распространение веры Христовой в отдаленных окраинах Русской земли, мы отклонились от дел общего управления Русской Церкви. Теперь мы возвратимся к продолжению «церковной смуты», возникшей по кончине святого митрополита Алексия.

Мы видели, что Митяй-Михаил умер на пути в Царьград; Пимен, посвященный на основании подложных грамот, не принят в

Москве и заточен в Чухлому; святитель Киприан, призванный на кафедру великим князем Димитрием, изгнан им же, по неудовольствию, после нашествия Тохтамышша; и, наконец, святитель Дионисий, получивший утверждение на митрополию от Цареградского Патриарха, задержан в Киеве и скончался в заточении¹. Около того же времени в Константинополе умер Пимен, вызванный на суд к Патриарху, а в Москве скончался великий князь Димитрий Иоаннович Донской. Преемник его поспешил призвать на кафедру Московскую святителя Киприана.

Так окончилась «церковная смута», продолжавшаяся почти 13 лет (с 1376 до 1389 года). Святитель Киприан на пути в Русскую землю, где предоставлялась ему власть перво-святительская как в Московских, так и в Литовских странах², посетил свое отечество – Сербию, опустошенную турками, которые в битве Косовской положили конец некогда сильной и знаменитой державе Сербской.

Много важных дел ожидало иерарха, возвращавшегося в знакомую ему Русь. Папизм, проникавший с запада, грозил подавить Пра-

вославие и распространить влияние римских бискупов на православные епархии юга. В Новгороде образовалось своевольное покушение отделиться от суда митрополичьего³. В Твери вражда между князем и епископом требовала соборного рассмотрения⁴. Но, с другой стороны, было немало и таких явлений, которые могли порадовать благочестивого пастыря: в стране Пермской воссиял свет Евангелия, а подвигами духовных птенцов гнезда Сергиева распространялись на севере России обители иноческие.

В марте 1390 года блаженный Киприан прибыл в Москву. Сам великий князь с матерью, блаженною княгинею Евдокиею, встретил его за городом. Блаженный святитель прежде всего занялся делами митрополии, которые находились в крайнем беспорядке.

Между тем юный великий князь вступил в брак с княжною Софиею, дочерью Витовта⁵. Василий надеялся приобрести в тесте сильного сподвижника против Ягайла или посредника для мира с Литвою. Спустя несколько месяцев после свадьбы Василий отправился к хану Тохтамышу, который принял его с осо-

бенною ласкою, не как данника, а как друга и союзника, утвердил великое княжение наследственным в роде владетелей Московских, отдал Василию всю область Суздальскую, Нижегородскую, Мещерскую и несколько мелких уделов⁶.

Такая благосклонность дикого властителя, еще недавно разорившего Москву, объясняется обстоятельствами времени: Тохтамыш начал губительную ля себя войну с грозным Тамерланом и боялся, чтобы князья русские не пристали к этому страшному завоевателю, который шел против него от моря Аральского к берегам Волги и Яика (Урала).

Вскоре последовали важные события в татарской Орде и навели ужас на всю Русскую землю. Тамерлан, разбив Тохтамыша, устремился вслед за ним к северу, перешел Волгу и степи, взял Елец и стал на берегу Дона с 400 000 монголов. Ожидали такого же всеобщего разрушения, какое было при нашествии Батые. В это страшное время великий князь явил себя достойным сыном Димитрия Донского: он не упал духом, велел немедленно собираться войску и сам принял начальство.

Многие из воевод Димитрия уже лежали в земле; другие, послужив отцу, хотели служить и сыну; поседельные на бранях старцы-вятизи сели на коней и явились перед полками в доспехах, обагренных кровью татарскою на Куликовом поле. Войско вышло охотно и бодро тем же путем, которым шел Донской против Мамаю. Поручив Москву храброму дяде своему Владимиру Андреевичу, великий князь стал с ратью за Коломною на берегу реки Оки, готовый встретить неприятеля.

Между тем в Москве все церкви были отворены с утра до глубокой ночи; весь народ молился с горькими слезами. Тогда блаженный Киприан отправил по желанию великого князя духовенство во Владимир за чудотворною иконою Богоматери, которая была принесена из Вышгорода Андреем Боголюбским и, находясь с того времени в соборном Владимирском храме, носила название Владимирской. Умилительно было шествие святой иконы из прежней в новую столицу. Жители Владимира провожали святыню с горестию; москвичи приняли ее с восторгом как залог мира и благоденствия. Когда священное шествие

приблизилось к Москве, митрополит с духовенством и со всеми жителями столицы вышел за город на Кучково поле для сретения грядущей Заступницы рода христианского. Все пали ниц перед иконою; не было ни одного человека, который бы не плакал и не молился из глубины души. Все взывали единодушно: «Мать Божия! Спаси землю Русскую!» И молитва сокрушенных сердец была услышана. В тот самый день, когда Москва встретила икону Богоматери, Тамерлан оставил берега Дона и пошел назад в свои степи. Не одна Москва – вся Русь спаслась защитой Царицы Небесной. «Не наши воеводы прогнали врага, – говорили современники, – не наши рати устрашили его; у него были войска неисчислимые. Сила невидимая послала на него страх, и он бежал, Богом гонимый». Великий князь, по совету с митрополитом, положил построить на месте сретения чудотворной иконы монастырь, сохраняющий доныне имя Сретенского, и установил праздновать 26 августа день избавления Русской земли от ужаснейшего из всех завоевателей⁷.

Нужды юго-запада, где Православие под-

вергалось угнетениям латинства, часто требовали присутствия первосвященника. Блаженный Киприан неоднократно предпринимал путешествия в Смоленск, Киев, Луцк и другие юго-западные епархии. Он имел свидание с Витовтом, который на съезде князей в Смоленске дал слово священнику не теснить православной веры. Сам фанатик Ягайло принял Киприана с уважением.

Устраивая дела Церкви в странах, подвластных государям иноверным, блаженный Киприан в то же время заботился об ограждении прав Церкви со стороны гражданской власти. В несчастное время тяжкого порабощения первосвященники Русские получали ярлыки от ханов. Теперь, когда великий князь один только имел сношения с Ордою и все внутренние дела начали зависеть исключительно от его власти, митрополиту надлежало иметь подтверждение прав своих от государя Московского. В 1402 году великий князь Василий Дмитриевич дал митрополиту Киприану грамоту, подтверждающую уставы Владимира и Ярослава о судах церковных и права владения имениями, принадлежащи-

ми митрополичьей кафедре⁸.

После тяжких трудов и тревог жизни блаженный Киприан искал уединения в любимом своем селе Голенищеве, близ Москвы, окруженном тенистыми рощами. Там он занимался учеными трудами, «перелагая многие святые книги с греческого языка на русский»⁹, написал многие жития святых¹⁰ и духовное завещание, наполненное благочестивыми мыслями. Приведем из него небольшой отрывок.

«Род людей земнородных! Оплачем общую нашу долю. Как унизилось высокое создание Божие, образ и подобие Творца! Лежит без дыхания, полно червей нечистых, испускает смрад гнусный. Как пропала мудрость, замолкло слово, распалось двойственное естество!.. Земля – состав наш, земля – покров, хотя земля же и восстанет. Нагим младенцем вышел я для плача, нагим и отхожу. К чему же труды? К чему заботы, когда знаем такой конец свой? Выходим из тьмы в свет и отходим из света в тьму. С плачем выходим из чрева матерного в этот мир, с плачем и отходим из мира печального во гроб. И начало и

конец – слезы. Что же в середине? Сон, мечты, тени – таковы блага жизни! Жизнь исчезает, как цвет, как прах, как тень».

Еще в начале своего святительского служения блаженный Киприан написал житие святого митрополита Петра и тем напомнил жителям столицы, что возвышение ее началось с того времени, когда святой Петр перенес в Москву свою кафедру; напомнил и о том, в каких близких отношениях находились тогда святитель и князь, взаимно содействуя друг другу. Он сам по молитве испытал чудную помощь святого Петра, когда жил в Царьграде после первого изгнания по проискам Митяя. «Мне нельзя было выйти из Царьграда, – пишет святитель Киприан, – морем владели латиняне (генуэзцы), а на суше – безбожные турки. Тут напала на меня тяжкая болезнь. Я обратился за помощью к святому Петру-чудотворцу и молился ему так: “Угодник Божий! Ты имеешь дерзновение к Богу; если угодно тебе, чтобы я, раб твой, достиг до твоего престола и поклонился чудотворному гробу твоему, подай мне облегчение в болезни”. И, верьте мне, в тот же час тяжкий недуг мой пре-

кратился, и через несколько дней я оставил Царьград. Угодник Божий помог мне совершить путь и поклониться честному гробу его, а великий князь Московский принял меня с честью»¹¹.

В посланиях блаженного Киприана к игуменам встречается много благочестивых советов и размышлений. «Горе нам, – пишет святитель к Афанасию, – что мы оставили путь праведный. Все хотим повелевать, все быть учителями, не быв учениками. Новоначальные хотят властвовать над многолетними и высокоумствуют. Особенно скорблю и плачу о лжи, господствующей между людьми. Ни Бога не боясь, ни людей не стыдясь, сплетаем мы ложь на ближнего, увлекаемые завистью. Лютый недуг – зависть: много убийств совершено в мире, много стран опустошено ею... Самого Господа распяли жидаы по зависти... Приобретем братолюбие и сострадание. “Нет иного пути ко спасению, кроме любви, хотя бы кто измождал тело свое подвигами”, – так говорит великий учитель Павел. Кто достиг любви, достиг Бога и в Нем почивает»¹².

Кроме того, святитель Киприан, по изве-

стиям летописцев, положил начало Степенной книге¹³, описывал деяния русских Соборов¹⁴, начал летопись, которой не успел докончить¹⁵.

Возвратясь из поездки в западные епархии, святитель Киприан, отягченный старостию и болезнями, удалился в уединенную келью свою в селе Голенищеве. Здесь он и преставился 16 сентября 1406 года¹⁶.

При последнем посещении Смоленска блаженным Киприаном этот древний город, захваченный Витовтом, принадлежал уже к Литовской Руси. Последний владетель Смоленский, князь Юрий Святославич, искал убежища в вольном Новгороде и получил звание наместника в Торжке, но там запятнал себя гнусным злодейством. Друг его, разделивший с ним изгнание, князь Симеон Вяземский, имел прекрасную, добродетельную супругу по имени Иулианию. Жестокий и сластолюбивый Юрий пылал вожделением осквернить ложе Симеона; он не успел в том ни соблазном, ни угрозами и решился на явное злодеяния: в своем доме, среди веселого пира, он убил князя Симеона, надеясь безнаказанно

насытит похоть свою насилием. Но целомудренная Иулиания, любя непорочность более всего в мире, схватила нож и ранила насильника в плечо. Тогда любострастие уступило место ярости. Юрий, обнажив меч, погнался за мужественной княгиней, изрубил ее и велел бросить тело ее в реку Тверцу¹⁷. Это было 21 декабря 1406 года.

Другой поучительный пример целомудрия и искреннего благочестия представляла собою мать великого князя, святая великая княгиня Евдокия Димитриевна. Живя в супружестве, она была супругою нежною, кроткою, набожною и вместе с мужем своим заботилась о спасении души, не предаваясь стремлениям чувственности. Благочестивое расположение молодых супругов поддерживали великие угодники Божии: святитель Алексей был отцом и хранителем юной четы, святой Феодор, игумен Симоновский, был духовником их, а великий чудотворец Сергей принимал детей их от святой купели. Благоверная княгиня поддерживала супруга своего в борьбе со скорбями и в ратных подвигах неуспяною молитвою и щедрою милостынею бед-

ным. В память Мамаева побоища она построила в Московском Кремле, на дворе княжеском, каменный храм Рождества Богородицы¹⁸, а лишившись супруга, основала рядом с Чудовым монастырем женскую обитель Вознесения Господня. Из духовного завещания Донского видно, что он высоко уважал подругу своей жизни¹⁹.

Блаженная Евдокия была матерью для всех бедных, благотворила обителям иноческим, в том числе преподобному Кириллу Белозерскому в северной дикой пустыне, и вела жизнь подвижническую. Но, скрывая от людей свои подвиги, известные единому Богу, она являлась везде пышною княгинею, с веселым лицом, носила богатые одежды, украшалась жемчугом и драгоценными камнями. Такая жизнь вдовы-княгини служила поводом к клевете. Она слышала о людских толках и радовалась, что подвергается бесславию. Но когда худая молва дошла до сыновей ее, которые не могли скрыть беспокойства от матери, княгиня-подвижница призвала детей в свою молельню, сняла часть своей одежды: сыновья испугались, увидев худобу ее тела, изну-

ренного постом и отягченного веригами. Она просила детей не открывать другим того, что они видели, и не обращать внимания на людские толки.

Приближение кончины было извещено ей явлением ангела. После видения она онемела и знаками требовала, чтобы подали ей икону. Когда подали ей образ Архангела Михаила, она обрадовалась и сказала: «Он точно в таком виде явился мне».

Наконец пришло время княгине заключиться в обитель, к которой давно стремилась душа ее. Идучи туда, она встретила на дороге нищего-слепца, который закричал ей: «Боголюбивая княгиня, кормилица нищих! Ты обещала мне во сне даровать зрение; исполни же слово твое». Как будто нечаянно, не обращая внимания на слепого, княгиня опустила ему длинный рукав своей рубашки; слепец ощутил его в руке, отер им глаза и прозрел. Приняв иночество в своей Вознесенской обители с именем Евфросинии, она удвоила свои молитвенные подвиги, заложила там каменный храм²⁰ и основала Горицкий монастырь в Переяславле-Залесском²¹. Но ско-

ро Господь призвал в Небесные обители кроткую и боголюбивую душу праведницы: достойная супруга Донского преставилась 7 июля 1407 года²².

Таким образом Москва, лишившись общего отца-первооснователя, через несколько месяцев проводила на вечный покой и вдовствующую княгиню, которую все бедные и страждущие привыкли называть матерью. Но столице великокняжеской и другим городам русским предстояло новое горе – внезапное нашествие татар. Великий князь Василий успел усилить великое княжение без всякого кровопролития, обогатил казну свою доходами и не делился ими с Ордою, имея возможность считать себя независимым. Он не принял участия в войне Тохтамыша с Витовтом, видел, что монголы, некогда страшные силою, теперь начали уже хитрить, стараясь ссорить государей, которые были для них опасны, и не послушался татарского князя Эдигея, который требовал его содействия в походе против Литвы. Эдигей разорил окрестности Москвы и несколько недель держал в осаде самую столицу.

Спустя три года по кончине святого Киприана прибыл в Москву новый митрополит Фотий, избранный и назначенный Патриархом для всей Русской земли, уроженец города Монева в Море. С юности он воспитывался в пустыне, пользуясь наставлениями благочестивого старца Акакия, и не желал ничего, кроме безмолвия, а потому неохотно отправился в страну отдаленную, иноязычную и холодную²³.

Посетив Киев, он прибыл в Москву и был поражен еще свежими следами нашествия Эдигея²⁴: все города русские, от Рязани до Ростова и от Нижнего Новгорода до Твери и Серпухова, были опустошены; Кремль Московский уцелел, но все посады Москвы сгорели²⁵. Затем он посетил древний кафедральный город своей митрополии – Владимир и поручил прибывшему с ним греку, священнику Патрикию, охранять Златоверхий Успенский собор, известный своим богатством. Но едва успел митрополит выехать из Владимира на север, как этот город был опустошен ордынским царевичем Талычой с толпами татар. Грабители ворвались в соборный храм, оборвали святые

иконы, но тщетно принуждали Патрикия выдать сокрытые им сокровища – сосуды и казну. Его жгли, сдирали с него кожу, влачили по городу, привязав к лошадиному хвосту, и замучили до смерти, но не могли принудить к измене. Так пострадал доблестный служитель алтаря, нашедший на чужой земле венец мученический²⁶. Талыча послал татар захватить самого святителя; но Фотий удалился с Пахомием в глухие леса, на озеро Синег (ныне в Покровском уезде). Тихая, безмятежная дубрава напоминала собою пустыню старца Акакия. Здесь святитель Фотий построил малый деревянный храм Рождества Богородицы и с сокрушением сердца повторял: «Думал ли я расстаться с любезною пустынею, молчанием и плачем о грехах моих? И вместо прежнего покоя сколько предстоит тревог, волнений и трудов тяжких!» Святитель пробыл в уединении около месяца, потом должен был возвратиться в Москву по требованию великого князя и здесь узнал о помолвке дочери Московского государя и родной внучки Витовта с сыном византийского императора Иоанном Палеологом. Блаженный Фотий с радостью бла-

гословил этот брачный союз²⁷.

Много трудов предстояло святителю на его кафедре. Как свидетель страшных явлений гнева Божия (мора, голода и нашествия ино-племенников), он обращался к духовенству и народу с духовными увещаниями. В окружном послании к духовенству²⁸ он в особенности указывает на два великие дарования, усвоенные священству благодатию Христовою: на право вязать и разрешать грехи и на право совершать великое Таинство Евхаристии. Сообразно с высоким достоинством духовного сана, святитель требовал, чтобы священники жили чисто и неукоризненно, чтобы они были светом миру и солию земли. Внушая духовенству бдительность о словесном их стаде и благоговение к священнодействию, блаженный Фотий пишет: «В благолепии держите церковь, как земное Небо, и в особенности святой алтарь, и с благоговением входите в него: ибо там не земного царя жилище, но гроб, и ложе, и место селения Царя Царствующих, окружаемого Небесными Силами. Приготавливаясь к священнодействию Христовых Тайн, ночь проводите в молитве и

предстоянии пред Богом, и только разве по преизнеможению вкушайте мало сна до утрени; после утрени же никак не предавайтесь сну, а после священнослужения храните святую в чистоте жизни». Святитель запрещал духовенству заниматься торговлею и отдавать деньги в рост. Для предупреждения соблазнов он предписывал вдовым священникам и диаконам вступить в монастырь, а при мирских церквях не священнодействовать²⁹.

В отношении к народу блаженный Фотий обращал внимание на беспорядки в жизни мирян: он предписывал строго исполнять правила церковные при совершении браков, удерживаться от сквернословия³⁰, соблюдать посты, заботиться об очищении совести чрез покаяние пред отцом духовным, чуждаться ворожбы и колдовства. Особенно возмущался дух ревностного первосвятителя судебными поединками, хотя они допускались законами того времени. Убившего на поединке он считает душегубцем и потому налагает на него 18-летнюю епитимию, а убитому отказывает в христианском погребении³¹.

Так заботился блаженный Фотий об ис-

правлении своей паствы; но обстоятельства часто отвлекали его от занятий духовных к устройству хозяйственных дел митрополии. Хотя при митрополите Кирпиане были определены права и преимущества церковных имений, но не все беспорядки были устранены. А после опустошений Тохтамыша и Эдигея, когда кафедра митрополии несколько лет оставалась праздною, земли церковные были захвачены князьями, боярами и даже епископами; некоторыми доходами митрополии пользовалась казна великокняжеская. Это ввело митрополита в споры с людьми сильными, подвергло его клеветам и злоречию; но при усиленной и продолжительной настойчивости он успел восстановить владения своей кафедры в прежней их целости. Заботы о делах земных блаженный Фотий облегчал духовными беседами с подвижниками благочестия, чадами великого Сергия Радонежского. Между близкими к первосвятителю иноками были юный монах Иона³², который приготавлился подвижничествою жизнью в преемники Фотию, и преподобный Савва Тверской, отличавшийся, кроме строгости жизни, мудрым

рассуждением, так что Фотий часто призывал его для совета в затруднительных случаях³³.

Мирные занятия иноческие, сродные душе блаженного Фотия, может быть, отвлекали его от церковных дел юго-западного края. Множество дел и забот удерживало первосвященителя в Москве, а между тем церковными делами Литовских епархий заведовал наместник митрополичий, живший в Киеве, хотя состояние Церкви Православной при государях иноверных могло требовать более близкого, непосредственного надзора самого митрополита³⁴.

Для митрополии Русской готовилось новое бедствие – разделение. Оно истекало из давнего желания великих князей Литовских образовать у себя самостоятельное церковное управление, независимое от Москвы. Витовт созвал к себе подручных ему русских князей и объявил, что нужно отнять у Фотия управление юго-западными епархиями и иметь особого митрополита. По общему решению³⁵ отправили посольство в Царьград, чтоб испросить согласия императора³⁶ и Патриарха на разделение Русской митрополии. Но ни

тот, ни другой не нашли нужным исполнить желание Витовта, и Григорий Симвлак, которого желали видеть митрополитом, возвратился без успеха.

Тогда Витовт в 1414 году созвал епископов и архимандритов своей области на Соборе в Новогородке-Литовском, предложил им свои намерения, обвинял императора и Патриарха в корыстолюбивых целях, а Фотия – в небрежении о Церкви и обременении южных епархий пошлинами, которые отсылаются в Москву. Как видно из летописи, некоторые епископы и тогда не соглашались посвятить Григория без патриаршей воли³⁷. Витовт настоял, и Григорий был посвящен в Новогородке 15 ноября 1415 года. В оправдание свое Собор епископов³⁸ издал грамоту, в которой изображает все невзгоды, какие терпела кафедра Киевская от пребывания митрополитов в Москве, жалуется на незаконное вмешательство греческого императора в дела Русской Церкви, ссылается на правила апостольские, на постановления митрополитов Илариона и Климента в Киеве³⁹ и на примеры Болгарии и Сербии, где епископы издавна избирают и по-

ставляют себе первосвященника. Чтобы устранить от себя обвинение в измене Православию, епископы пишут: «Мы храним правила святых отцов, клянем ереси, чтим Патриарха Константинопольского и других и имеем с ними одну веру, но отвергаем незаконную в церковных делах власть, присвоенную царями греческими».

Витовт, со своей стороны, издал грамоту, в которой высказывает резкие жалобы на императора, Патриарха и Фотия, уверяя, что он действовал единственно для чести и пользы Русской Церкви⁴⁰.

Блаженный Фотий желал предупредить бедствие личным объяснением с великим князем Литовским, но был ограблен на границе и принужден возвратиться в Москву. Узнав о посвящении Григория, святитель не замедлил отвечать на грамоту епископов Литовско-Русских. Он не опровергает обвинений, возводимых лично на него (замечательная черта смирения пастырского), не обвиняет Витовта, но всю вину слагает на Григория и на епископов, посвятивших его, осуждает своевольное нарушение церковных правил и

внушает всем верным, чтобы не имели общения с нарушителями древнего порядка церковного, изменившими своему клятвенному обещанию. Епископам Литовским блаженный Фотий напоминает, что каждый из них при своем поставлении давал пред алтарем Господним обещание не принимать иного митрополита, кроме присланного из Царьграда, и церковными правилами доказывает, что приемлющие власть не от законного чиноначалия церковного и самовольно поставляющие себе пастыря сами себя подвергают извержению из сана⁴¹. Это определение первосвятителя и все дело о Григории было рассмотрено Собором великорусских епископов, созванных в Москву в марте 1416 года по случаю посвящения Новгородского владыки. Святители произнесли соборное осуждение на незаконно поставленного митрополита Киевского⁴². Замечательно, что в это смутное время, когда оспаривались права митрополии Московской на Киев, в особенном изобилии открылись знамения от мощей почившего в Москве первосвятителя всея Руси святителя Петра. Первый из митрополитов Киевских,

перенесший свою кафедру в городок святого князя Даниила, свидетельствовал чудесами неизменность своего благоволения к Москве и утешал своего преемника, незаконно отвергаемого самовольными⁴³.

Впрочем, на этот раз разделение Русской митрополии не было окончательным. По смерти или удалении митрополита Григория⁴⁴ Витовт согласился, чтобы Фотий снова принял в свое заведование епархии Юго-запада⁴⁵, а блаженный святитель поспешил посетить города, возвращенные в его паству⁴⁶.

Но, несмотря на радость, доставленную старцу-митрополиту прекращением разрыва между двумя половинами Русской Церкви, последующие годы были скорбны для попечительного пастыря. Три года сряду был неурожай, и во многих местах появился голод. Моровая язва свирепствовала в разных краях Русской земли и особенно во Пскове. Святитель рассылал послания и поучения, призывая к покаянию нераскаянных и утешая унылых. Впрочем, Сам Господь посылал утешение верному рабу Своему⁴⁷.

В 1425 году открылся новый источник тяж-

ких забот для блаженного Фотия: в Москве скончался великий князь Василий Дмитриевич⁴⁸, оставив по себе малолетнего сына Василия. Трудно было надеяться, чтобы братья умершего великого князя добровольно согласились подчиняться младенцу-племяннику. И действительно, старший из них, Юрий Дмитриевич, не согласился с завещанием умершего брата, не поехал в Москву, куда звали его от имени племянника, и начал собирать полки в своем обширном княжении. Влекомый желанием мира, маститый первосвятитель сам отправлялся в северный Галич и убеждал Юрия прекратить притязания на великокняжеский престол и заключить вечный мир с племянником; Юрий не согласился. Тогда святитель расстался с ним, не дав благословения ни князю, ни народу. Немедленно губительная болезнь начала свирепствовать в Галиче, где прежде ее не было. Народ пришел в ужас, а князь догнал блаженного Фотия, умолил его воротиться в город и согласился на мир, но с условием, чтобы спор о престоле предоставлен был решению хана⁴⁹. Так первосвятитель успел остановить, хотя

на время, кровавые междоусобия!

Исполнилось 20 лет архипастырского служения блаженного Фотия в Москве. Рано утром в четверток Пасхальной недели (20 апреля 1430 года) святитель увидел перед собою светящегося мужа с венцом на голове и с посохом в руке. В трепете Фотий спросил: «Кто ты и как явился здесь, когда двери заперты?» «Я не из числа людей, – отвечал посетитель, – но Ангел Божий, послан к тебе от Господа Вседержителя. Господь повелел сказать тебе слово для утверждения твоего. Внимай себе и стаду твоему. Христос Бог дает тебе время на рассмотрение жизни твоей и на распоряжение о пастве». Услышав эти слова, святитель в трепете пал к ногам посланника Божия, но он стал невидим. После того блаженный Фотий успокоился, предоставил себя воле Божией и продолжал свое пастырское служение. Он еще раз предпринял путешествие в западную Русь, был вместе с юным великим князем Василием в Вильне у Витовта, который хотел короноваться королем Литовским, но тщетно ждал венца из Рима. Отпущенный с ласкою, митрополит в Новогродке узнал о

кончине престарелого Витовта⁵⁰ и там же виделся с преемником его Свидригайлом.

Исполнился срок, данный блаженному Фотию для приготовления к вечности: он мирно почил 1 июля 1431 года⁵¹, оставив своим преемникам Церковь Русскую умиренною и воссоединившеюся под властью одного иерарха. Перед смертью он написал, подобно предшественнику своему Киприану, завещательную грамоту, в которой, сказав о своей прежней спокойной жизни в Греции и о внезапном избрании на престол Русской митрополии, о своих многоразличных скорбях в России по случаю постигавших ее бедствий и особенно по случаю церковного мятежа, испрашивает себе прощение у всех и сам преподает прощение всем, благодарит тех, которые содействовали воссоединению Церкви, умоляет соблюдать неприкосновенными все церковные имения, приобретенные им в России и Литве, поручает молиться о душе своей и преподает всем последнее благословение⁵².

После святителя Фотия сохранилось много посланий и поучений. В одном из них он обращает внимание пастырей на важность слу-

жения, к которому они призваны.

«Как небо отстоит от земли, – говорил он, – так наш сан выше всякого мирского, так Христово священнодействуемое Таинство выше всего в мире. Христос сам священнодействовал, дав нам Тело Свое и Кровь Свою в пищу и питье, и завещал через апостолов творить то же самое. Превыше всего рука священническая: она касается Божественного угля. Приняв человека смрадного и мертвого, силою благодати Христос сотворил его яко Бога, поручив нам дело, которое принадлежит Единому Богу, – прощать грехи человеческие»⁵³.

В послании к литовцам святитель Фотий, упомянув о совершившемся воссоединении Русской митрополии, говорит, что он с теплою любовью духовною пришел к их любви, чтобы сеять между ними семя Слова Божия; объясняет притчу «о человеке-царе, состязавшемся с рабами своими», прилагает ее к тем страшным казням Божиим, которые тогда поражали Литву и всю Россию; убеждает всех покаяться и исправиться, угрожая гневом Божиим, и, в частности, дает наставления князьям, вельможам и богатым. «Вы, благород-

ные князья и вельможи, – говорит он, – которым вручен народ христианский, молю вас, непрестанно оказывайте всякое благодеяние, и заступление, и помощь Христовым людям, по природе родственной вам и присной братии, от которых и вы сами произошли. И за них Христос пролил Кровь Свою, и вас поставил над ними владельцами. Посему умоляю вас, чада мои, призирать и блюсти их в соблюдении заповедей Христовых и во всем содержать нелицемерный суд Божией правды. Так, чада мои, немилостивым владельцам предлежит тяжкий суд, державных и сильнейших ожидает грозное испытание от праведного Судии. Ибо как правосудие, так и правомерие любит Бог, будучи праведен и промышляя о праведных. В постановлениях касательно торжищ не делайте ничего вопреки правды Божией и узаконенного вам, не обижайте и не корыстуйте излишним несправедливо насчет братии вашей. Ибо неправильно собранное во зле погибнет и приобретает вам вечную душевную тщету; а сеющие с благословением – с благословением и пожнут и в тишине снут труд плодов своих. И так

молю вас, будьте довольны оброками вашими... Богатые! Стяжите милосердие и человеколюбие и оказывайте нищим щедрое подавание... Сам Бог убожит и богатит, смиряет и возносит, возводит от земли убогого и воздвигает от гноища нищего»⁵⁴.

Особенно назидательны послания блаженного святителя во Псков по случаю моровой язвы. «Изначала, – пишет митрополит, – Творец наш Христос Владыка наказывает нас, Свое достояние, многоразличными наказаниями и болезнями к нашему исправлению, требуя обращения нашего, а не гибели. Посему многократно всячески претит нам, щадя корень, да сохранит плоды. Вот и на нас, возлюбленные, последовало такое Божие наказание, на Москву и на иные окрестные грады, и на Тверь, и на другие страны. Мы за это только благодарим глубину судеб Божиих и неизреченную пучину человеколюбия Господа, что Он не внезапно и не горько взымает Свои создания, а дает вполне приготовляться к христианской кончине с чистым покаянием и исповеданием, с елеосвящением и причащением Честного Животворящего Христова

Тела и Божественной и Животворящей Его Крови; а многие отходят к Богу и в подобии великого ангельского одеяния. И я имею надежду на человеколюбие Божие об отходящих таким образом к вечной жизни. Молюсь также человеколюбцу Богу и надеюсь, ожидая, что Он праведный гнев Свой обратит в прежнее милосердие к нам, Своему достоянию. Страшась же и трепеща постигших нас Владычных наказаний, все мы, православные, вместе должны внимательно испытать себя и познать, за что мы так страдаем, и не уклонились ли мы с правого пути. А затем со слезами да потщимся снова вступить на правый путь, прибегнем к Богу, чистосердечно исповедуясь Ему во всем, и отступим от всех нечистот и страстей»⁵⁵.

Святитель Фотий ревностно боролся с ересью или, лучше сказать, расколом стригольников, возникшим во время «церковной смуты». Это лжеучение обнаружилось в Пскове. Расколоучители – Карп-стригольник и Никита-диакон⁵⁶ нападали сначала на беспорядки духовенства, а потом стали отвергать самую иерархию Церкви, утверждая, что епископы и

священники поставляются и поставляют «на мзде» (т. е. за плату). Отвергая священство, они с тем вместе отвергали и Таинства, совершаемые освященными лицами, отвергали и поминование умерших, как источник доходов для духовенства: они сами поставляли себе учителей по выбору народа, без всякого посвящения. Церковное отлучение, произнесенное владыкою Новгородским против стригольников, снятие диаконского сана с расколуучителя Никиты и самая смерть Карпа и Никиты, убитых народом в 1376 году⁵⁷, не прекратили лжеучения. К несчастью, самые обстоятельства благоприятствовали беспорядкам: Псков, враждуя с Новгородом, тяготился властью владык Новгородских, которые, со своей стороны, также тяготились зависимостью от митрополитов, пребывающих в Москве; Русская Церковь, раздираемая «церковною смутою», или вовсе оставалась без иерарха, или управлялась часто сменяемыми митрополитами. Наконец дело о лжеучении дошло до Царьграда. Патриарх Нил поручил святому Дионисию, архиепископу Суздальскому, бывшему в Царьграде в 1387 году, посе-

тить лично новгородскую паству и употребить ревностные попечения об истреблении пагубного учения стригольников. Патриарх прислал с ним две увещательные грамоты, в которых объяснял заблуждающимся необходимость священноначалия, несправедливость пренебрежения к священству вообще на основании недостойной жизни некоторых духовных лиц и, наконец, различие между мздою за посвящение и вознаграждением необходимых расходов⁵⁸. По свидетельству одной летописи⁵⁹, святой Дионисий совершенно прекратил мятежи и соблазны в Новгороде и Пскове; но он прекратил их, как видно из последующих событий, только наружно и на некоторое время, потому что действия стригольников продолжались еще долго. После обличительной грамоты, присланной в Новгород Патриархом Антонием (преемником Нила⁶⁰), митрополит Фотий в 1416 году написал послание псковитянам. Он выражал свою глубокую скорбь о пагубной ереси; ободрял православных мыслию, что сколько ни было еретиков и раскольников, как ни нападали они на Церковь Божию, но сами все погибли,

а Церковь оставалась непоколебимою и сияет, как солнце. Приводил целый ряд правил, строго запрещающих производить раскол в Церкви и отделяться от епископа или священника, каковы бы они ни были, пока тот и другой по законному суду не будут лишены своего сана. Наконец, убеждал православных псковичей, чтобы они сами поучались Божественным заповедям, а стригольников старались вразумлять и наставлять на путь истины. «Если же они не обратятся к истинному пути и останутся бесчувственными, – присо­вокуплял митрополит, – то отжените их от своей православной веры, да не будут посре­ди вас, как плевелы среди пшеницы». Прошло еще более десяти лет, и тот же первосвя­титель вновь писал псковитянам, как прискорбно ему, что между ними доселе остаются ере­тики, отвергающие священство и иночество. «Благословляю вас, детей моих, – говорил он, – не сообщайтесь с ними ни в пище, ни в питии, да не осквернитесь, пока не покаются. А я, по Божественным Правилам, сотворю суд на таковых и осуждение»⁶¹.

Увещения митрополита не остались без

действия. Псковитяне ревностно принялись за стригольников, стали отыскивать их и казнить. Некоторые из заблуждающихся обратились, другие упорствовали в заблуждении, а иные бежали. О всем этом псковитяне дали знать митрополиту. Фотий хвалил усердие их и советовал вперед так поступать, но не одобрял того, что они наказывали еретиков смертными казнями. Тех, которые не обратились, велел, как и прежде, увещевать – если не послушают, не принимать в общение с собой, даже наказывать, но только сносными наказаниями и заточением. Псковитяне переменили образ своих действий. Благомыслящее гражданское начальство, по предварительном сношении с духовною властью, положило, захватив всех державшихся мнений стригольников, заключить на всю жизнь в темницу. Мера эта была приведена в исполнение и послужила к уничтожению лжеучения, о котором с того времени ничего уже не известно

62.

Пагубное учение стригольников, распространявшееся в продолжение 50 лет, было плодом своего времени, произведением той

почвы, на которой появилось и развилось. Резкие примеры симонии, или святокупства, случавшиеся тогда в самом Царьграде при поставлении митрополитов Русских (напр. Романа и Пимена), очень естественно могли возбуждать многих против самих Патриархов. В Новгороде ересеначальники могли указывать на выборы митрополитов при месячном суде, а в Пскове – на пошрины, собираемые в пользу Новгородских владык их наместниками. Укоры против пастырей Церкви и иноков за соблазнительную и нетрезвую жизнь подтверждались грамотами самих святителей Алексия и Фотия, обращенными к духовенству. Сверх того, при духе вольности или, лучше сказать, необузданного своеволия, каким постоянно отличались новгородцы и псковитяне, они постоянно допускали народное участие в делах церковных, сами избирали и при первом неудовольствии сменяли владык своих. При таком порядке вещей здесь легче, нежели в другом месте, могло образоваться восстание против духовенства, открытое неповиновение и, наконец, отложение от самой Церкви⁶³.

Обращая внимательный взор на события, которые мы обозрели теперь – от нашествия татар до разделения Русской митрополии на две отдельные половины, – мы могли убедиться, что ни угнетение полудиких завоевателей, ни беспорядки гражданского быта при жалкой неурядице удельного правления, ни местные проявления лжеучений, ни самые церковные смуты не могли ослабить или поколебать твердой привязанности русского народа к Церкви Православной, основанной на краеугольном камне – Самом Господе и Спасителе нашем Иисусе Христе.

Ему Единому, Царю веков, Нетленному, Невидимому, Премудрому Богу⁶⁴, честь, слава и поклонение во веки веков. Аминь.

Примечания

1 Об этих происшествиях мы упоминали выше, в VI и VII главах, при описании жизни преподобного Никона Радонежского, святого Феодора, основателя Симонова монастыря, преподобного Афанасия Высоцкого и святителя Дионисия Суздальского.

2 Не допущенный в Москву Митяем по

преставлении святителя Алексия, Киприан писал обширное послание к преподобному Сергию и племяннику его Феодору Симоновскому. Здесь он изложил искреннюю любовь свою к великому князю и несправедливости Дмитрия в отношении к управлению Церкви и низкие поступки Митяя, а в заключение произнес пастырское осуждение против тех, которые оскорбили в лице его сан святительский. «Не ищущу я ни славы, ни богатства, – писал святитель, – ищущу своей митрополии, которую даровала мне Святая Великая Церковь; желаю тишины и единения церковного между югом и севером» (Три послания блаженного Киприана к игуменам, писаны в 1378 г. и напечатаны в «Православном Собеседнике» 1860 года). Прибыв в Москву после смерти Митяя-Михаила и желая утешить тех, которые оплакивали недавно павших в Куликовской битве, святитель Киприан установил ежегодное поминовение убиенных на брани за веру и отечество – в субботу Дмитриевскую, то есть в ту субботу, которая бывает перед 26 октября, днем великомученика Дмитрия.

3 Упорство новгородцев в отделении от суда митрополичьего было в связи с ересью стригольников, о которой мы будем говорить особо; они не хотели также платить великому князю народной дани. Василий ополчился против Новгорода, и новгородцы уступили, исполнив волю государя и первосвященника.

4 В Твери митрополит Киприан по жалобе князя предал соборному суду епископа Евфимия, который был признан виновным и лишен престола, а на место его посвящен блаженный Арсений, прославившийся впоследствии богоугодной жизнью и нетлением мощей. Святой Арсений преставился 2 марта 1409 года; мощи его открыто почивают в соборной церкви основанного им Желтикова монастыря, близ Твери, на берегу реки Тмаки.

5 Витовт был сын Кестутия и внук Гедимина.

6 Тесть Донского – Димитрий Константинович Суздальский – скончался схимником; сыновья его и брат Борис Городецкий спорили о наследстве и судились в Золотой Орде; но Тохтамыш легко примирил их, отдав все их владения великому князю. Тогда же присо-

единены к великому княжению Таруса и Муром – древние уделы Черниговских князей, никогда не принадлежавшие роду Мономаха.

7 Степенная Книга, I, 554. Никоновская летопись, IV, 256–264.

8 Святитель Киприан не советовал инокам владеть селами, как видно из послания его к игумену Афанасию, духовному его другу: «Владеть селами и людьми неприлично инокам и не предано святыми отцами. Как можно отрешиться от мира и всего мирского снова связывать себя мирскими делами и быть нарушителем своих обетов? Древние святые отцы не приобретали ни сел, ни богатства... Ты спрашиваешь, что тебе делать с селом, которое князь дал в монастырь? Вот мой совет: если ты с своею братией уповаешь на Бога, если Бог доныне пропитывает вас без села, да и впредь пропитает, то для чего связывать себя заботами житейскими?.. Если бы можно было, хорошо было бы устроить так: пусть будет село близ монастыря, но инокам никогда в нем не бывать, а отдать его в заведование какому-нибудь богобоязненному мирянину, и ему заботиться о всех делах с тем,

чтоб он доставлял в монастырь все готовое, жито и другие потребности. Ибо вредно инокам владеть селами и часто ходить в них» («Акты Исторические», I, 149, 480). Но положение митрополита было совершенно иное: он наследовал от своих предшественников земли и волости, приписанные к кафедре и к монастырям, зависившим от нее непосредственно. Великий князь грамотою на имя Киприана освободил живущих в вотчинах митрополичьих и монастырских от своего суда, таможенных сборов и княжьих податей, исключая те случаи, когда придется платить дань Орде.

9 Он перевел с греческого Требник, разные каноны и молитвы («Обзор Русской Духовной Литературы», параграф 75) и исправил славянский Служебник, сличив его с греческим (Прибавления к Творениям Святых Отцов, VI, 357). Ему же приписывается включение в наши святцы имен сербских святых.

10 Вероятно, здесь разумеют жития, помещенные в Степенной книге.

11 Степенная книга, I, 422–424.

12 Исторические Акты, I, 481–482.

13 Степенная книга приведена в полный

состав митрополитом Макарием при царе Иоанне Грозном.

14 Мы не имеем отдельного изложения Соборов русских с именем Киприана; но в XVI веке сохранялся в Успенском соборе Номоканон, переведенный Киприаном. На этой рукописи были приписаны им и определения русских Соборов (Русские Святые. Сентябрь, с. 93).

15 Окончание этого последнего труда, для которого собрано было множество книг, святитель поручил Спасскому архимандриту Игнатию.

16 Мощи святителя Киприана, обретенные в 1472 году, почивают в юго-западном углу Московского Успенского собора, под спудом. Память его празднуется в день преставления. Загородное жилище святителя находилось не в самом селе Троицком-Голенищеве, но ближе к селу Волинскому, на горе, которая и теперь зовется Трехсвятительскою, по имени крестовой (опричной) церкви святителя Киприана.

17 Мощи мученицы целомудрия по наступлении весны найдены в реке, положены

в каменную раку и погребены в соборном храме города Торжка, где и ныне почивают под спудом. При них совершилось более 50 исцелений. В одной рукописи сохранился тропарь святой Иулиании. В соборном Синодике записаны для поминовения имена двух невинных жертв вместе с именем убийцы. Юрий, гонимый своею совестью и ненавистью народной, бежал в Орду и на обратном пути умер в области Рязанской, в пустынном Веневском монастыре (Карамзин, V, прим. 196. Русский временник, I, 220).

18 Этот храм построен в 1393 году; стены его были расписаны знаменитыми в то время иконописцами: Феофаном Греком и Даниилом Черным. В 1480 году упали своды церкви, но были складены вновь Алевизом. В этом виде церковь, соединенная переходами с теремным дворцом, сохранилась донныне.

19 Димитрий Донской, разделив волости детям своим, говорит в завещании: «Вы, дети мои, живите заодно, а матери своей слушайтесь во всем. Если кто из сыновей моих умрет, то княгиня моя наделит его уделом остальных сыновей моих: кому что даст она,

то тому и есть; дети мои из воли ее да не выйдут. Если у кого из сыновей моих уменьшится отчина против того, чем я благословил его, то княгиня моя наделит из уделов прочих сыновей моих; а вы, дети мои, слушайтесь матери. Если Бог возьмет к себе сына моего, князя Василия, то удел его идет к следующему за ним сыну, а уделом последнего княгиня поделит сыновей моих; а вы, дети мои, слушайтесь своей матери; что кому даст она, то того и есть... Который сын не станет слушаться матери своей, на том не будет моего благословения».

20 Храм Вознесения Господня, заложенный блаженною великою княгиниею Евдокией, существует донныне; в нем погребены до 35 цариц и царевен. Московский Вознесенский монастырь занимает первое место в числе первоклассных девичьих монастырей.

21 Горицкий Переяславский монастырь, сначала мужской общежительный, а потом, с 1744 года, кафедральный Переяславских епископов, упразднен в 1783 году и приписан к городскому собору. Здания его стоят теперь в развалинах, кроме огромной Успенской церк-

ви, которая построена епископом Амвросием Зертис-Каменским и отличается превосходным зодчеством.

22 Мощи блаженной княгини – инокини Евфросинии – почивают под спудом в соборной церкви основанного ею монастыря.

23 В Морее немало было и славян. Фотий мог иметь понятие о нашем языке, мог знать дух и обычаи славян. Он взял с собою близких к нему: иеромонаха Пахомия, из болгар, и иерея Патрикия Грека (первого из них не надобно смешивать с известным жизнеописателем сербом Пахомием Логофетом).

24 Нашествие Эдигея описано в VI главе этой книги, в жизни преподобного Никона.

25 Вслед за разорением от татар городà и селения, лежащие близ Москвы, страдали от губительной болезни. Мор повторялся несколько лет сряду в разных краях России и сопровождался иногда неурожаем и голодом. Все эти бедствия привели современников к мысли о приближении конца мира; большая часть грамотеев ожидала Второго Пришествия Христова к концу седьмой тысячи лет (то есть в 1492 году). Только до этого срока до-

ходила и Пасхалия, составленная в 1408 году. Впрочем, некоторые считали конец мира еще более близким: они полагали, что Страшный Суд наступит тогда, когда Пасха случится в один день с Благовещением. Один летописец даже внес это предсказание в свою летопись, но, дождавшись 1459 года (когда случилось сказанное сближение праздников), приписал, что предсказание не сбылось потому, что написано было неразумно.

26 Степенная книга, II, 30–33. Соборная Летопись, V, 256.

27 Этот брачный союз был бесплоден и непродолжителен: Анна спустя три года скончалась в Цареграде от морового поветрия. Памятником брака русской княжны с византийским царевичем сохранился в Патриаршей Синодальной ризнице саккос, присланный блаженному Фотию из Константинополя с изображением молодой царственной четы, великого князя Василия, супруги его Софии Витовтовны и самого Фотия; по переднему краю саккоса вышит золотом Символ Веры на греческом языке.

28 Дополнения к Актам Историческим. Т. I,

№ 181, с. 325. Акты Археографической Комиссии. Т. I, № 369, с. 462.

29 Впрочем, сам святитель должен был отступить от строгости этого правила, когда при губительной болезни открылась большая нужда в священниках, и между ними вдовы оказались более свободными для подвигов любви и самоотвержения.

30 Говоря о сквернословии, святитель замечает, что этого зла в такой степени не встречал ни в каком христианском народе.

31 Дополнения к Актам Историческим, I, № 181, с. 328, 329, и Акты Археологической Экспедиции. Т. I, № 369, с. 461–462.

32 Однажды святитель Фотий, посетив Симонов монастырь, нашел в пекарне монастырской молодого инока Иону спящим; на лице его видно было изнурение от трудов души и тела, а правую руку держал он на главе «согбену, яко благословяше ею». Святитель сказал окружавшим: «Знайτε, дети, сей инок будет великим святителем царствующему граду Москве» (Степенная книга, 2, 69–71).

33 Преподобный Савва, игумен Сретенского, иначе Саввина, монастыря, по свидетель-

ству преподобного Иосифа Волоколамского, проводил высокую духовную жизнь и удостоен был дара чудес. «Мы видели, – пишет Иосиф, – блаженного Савву, который настоятельствовал в Саввином монастыре, в Тверской стороне, более 50 лет. Он так заботился о своей пастве, что всегда стоял в церковных дверях с жезлом в руке: если кто-либо из братии не приходил к началу служения в церковь или выходил прежде отпуста, или во время пения разговаривал, или переходил с своего места на другое, то Савва никак не молчал о том, а запрещал так, что не опускал без внимания и малых проступков. А тех, которые вступали в спор и бесчинствовали, иногда бил жезлом, а иногда сажал в затвор; когда нужно, бывал он строг, а когда надобность была, бывал и милостив. Раз он, строго вразумляя бесчинного брата, положил бороду на окно; а этот, по внушению бесовскому, схватил обеими руками бороду его и едва не всю вырвал. Братия схватили его, привели к блаженному Савве и спрашивали: как велит наказать его? Он отвечал им: “Я бью жезлом и сажаю в затвор за бесчинства и оскорбле-

ния братии; но за свою обиду не могу наказывать, а должен все терпеть”. Когда же увидел он брата кающимся в своих грехах, то вскоре простил его, и прощенный брат пребывал в монастыре до смерти, в покаянии и умиленнии» (Чтения Московского Исторического Общества, 1847, № 7: «О святых отцах в монастырях Рустех»). Преподобный Савва был игуменом Саввиной пустыни с 1417-го и преставился около 1467 года. Обитель его, в 20 верстах от Твери, давно уже не существует; там теперь село Саввино (Русские Святые. Март, с. 23–28)

34 Действительно, распоряжения польского короля Ягайло-Владислава в подвластных ему областях русских и Витовта в Литве были враждебны Православию. Ягайло отнимал древние храмы у православных и замышлял обратить народ в римскую веру. В 1413 году он вместе с Витовтом подтвердил права одного только латинского духовенства, усвоил права дворянства и другие преимущества только лицам, принадлежащим к Римской Церкви, запрещая им притом вступать в брачные союзы с православными. С этого вре-

мени начинается открытое притеснение православной веры в юго-западной Руси (Прибавления к Творениям Святых Отцов, XI, 232).

35 В этом съезде не участвовали, как кажется, епископы литовско-русские. С одной стороны, они могли желать единства митрополии в видах сохранения единства народа русского в обоих государствах и свободной самостоятельности церковного управления; с другой стороны, для них было удобнее иметь митрополита близ себя, не затрудняясь отдаленными сношениями, которые по временам совершенно прерывались при несогласиях и войне между Москвою и Литвою.

36 За императором греческим тогда, как и в первые времена Русской Церкви, признавали право участия в делах нашей иерархии. Сам блаженный митрополит Фотий говорит в духовном завещании, что его прислал в Россию царь Мануил.

37 Собрание Летописей, V, 259.

38 Соборное определение подписано епископами Феодосием Полоцким, Исаакием Черниговским, Дионисием Луцким, Герасимом Владимирским, Геласием Перемышль-

ским, Севастианом Смоленским, Харитоном Холмским и Евфимием Туровским. Они же написали послание к митрополиту Фотию, объявляя ему, что заметили какие-то действия его, противные правилам церковным, а после услышали о каком-то поступке, подвергающем его извержению, но не хотят наносить бесчестия митрополиту и только отказываются от повиновения ему. Незаконность этого акта очевидна.

39 См.: Настоящее издание. Книга I, гл. II.

40 Грамота Витовта издана в «Актах Западной России», I, № 25. Витовт хочет казаться в ней покровителем Православной Церкви, которой изменил.

41 Акты Исторические, I, № 19.

42 Собрание Летописей, IV, с. 116.

43 Посвященный на этом Соборе, владыка Симеон, один из местночтимых святителей Новгородских, возвратясь в Москву, построил в Новгороде храм в честь святителя Петра.

44 Григорий Симвлак, или Памвлак, родом из Болгарии, был в близких отношениях к митрополиту Киприану, которому он был обязан и приездом своим в южную Россию,

как видно из написанного им похвального слова Киприану. Современники напрасно обвиняли его в наклонности к Римской Церкви: в проповедях он касается некоторых латинских установлений, например, совершения литургии на опресноках, и осуждает их. Он был отправлен с посольством Витовта на Собор Констанский, прибыл уже перед закрытием Собора и таким образом мог возвратиться в Литву, не подвергаясь опасности изменить православной вере на том Соборе, который сожег Иоанна Гусса. Слова Григория, исполненные живого красноречия, распространились даже в Великой России, где осуждалось его имя. В сентябре 1419 года Симвлак, по словам наших летописей, скончался в Киеве; а по свидетельству одного молдавского летописца, удалился в Молдавию и жил в звании митрополита Молдовлахийского (Преосвященный Макарий. «История Русской Церкви», IV, 100).

45 Теперь трудно решить: недовольство ли народа отделением Литовской митрополии, внушения ли некоторых князей и бояр, заботившихся о воссоединении ее с Московскою,

освобождение ли из темницы Литовского князя Свидригайла (сына Ольгердова), которого Витовт считал своим соперником и более девяти лет держал в заключении, а православные жители Литвы признавали как бы поборником своей веры, всегда готовым на помощь им, – или все эти обстоятельства вместе расположили Витовта примириться с митрополитом Фотием и возвратить ему право на управление Литовскими епархиями.

46 В это путешествие Фотий виделся с Витовтом в Новогородке, посетил Киев, Вильну, Львов и другие города.

47 Святитель был утешен прекращением язвы во Пскове, когда принесена была туда из Чирской волости чудотворная икона Богородицы («Святыни и древности Пскова», с. 20), открытием мощей великого чудотворца Сергия и святителя Алексия, чудесами преподобного Никиты-столпника Переяславского.

48 Василий Дмитриевич скончался на 53-м году, пробыв на княжестве 36 лет, чтимый князьями и народами, союзниками и неприятелями. Он не отличался великими свойствами родителя, но был справедлив, тверд и

осторожен.

49 Это решение последовало не ранее шести лет после заключения мира и было благоприятно Василию. Но и суд ханский не погасил вражды между дядей и племянником: она продолжалась еще долго и достигла, как увидим ниже, до кровопролития и страшных злодейств.

50 Витовт был одним из знаменитых государей своего времени; он умел пользоваться случаем и временем, управлять народом и князьями, обогащать казну свою войною и торговлею; он отличался, подобно Ольгерду, трезвостью и неутомимо занимался делами государственными. С ним, по словам польского историка Длугоша, воссияла и затмилась слава Литвы и Западной Руси («История» Карамзина, V, 147).

51 Мощи блаженного митрополита Фотия погребены рядом с гробницей святого митрополита Киприана в северо-западном углу Московского Успенского собора. Они обретенны нетленными в 1471 году и прославлены чудесами, но почивают под спудом.

52 Завещание Фотия – во II Собрании Рус-

ских Летописей, VI, 144; Никоновская Летопись, V, 100.

53 Поучения блаженного Фотия изданы в «Православном Собеседнике».

54 Дополнения к Актам Историческим, I, № 183.

55 Акты Исторические, I, № 30.

56 Основатель секты стригольников Карп был прежде диаконом, потом за свое лжеучение расстрижен и отлучен от Церкви. Он занимался ремеслом стригольника, т. е. стрижкою волос (Преосвященный Макарий. История Русской Церкви. Т. IV, с. 153).

57 Карп, Никита и еще один еретик были сброшены новгородцами в Волхов с Великого моста (Полное Собрание Летописей, III, 79).

58 Грамоты Патриарха Нила сохранились обе: одна в подлиннике, а другая в переводе. Первая помещена в Актах Исторических, I, № 4, а последняя – Act. Patriatch. Constantinop., II, 31.

59 Никоновская Летопись, IV, 130.

60 В грамоте Патриарха Антония лжеучение стригольников изложено полнее; она заключается увещанием, обращенным к лже-

учителям, чтобы они покаялись и возвратились в недра Церкви, и угрозою анафемы, если они пребудут в своем упорстве и ожесточении (Акты Исторические, I, № 6).

61 Обе грамоты святителя Фотия помещены в Актах Исторических, I, № 33 и 34.

62 О том, что лжеучение стригольников прекращено тюремным заключением их, свидетельствует преподобный Иосиф Волоколамский в своем «Просветителе» (Н. Руднев «Рассуждение о ересьях и расколах», прим. 72).

63 Святитель Фотий, искореняя лжеучения стригольников, счел нужным отстранить соблазн, который причиняло вдовое духовенство, особенно во Пскове, где каждое пятно его представлялось лжеучителями в преувеличенном виде. Он писал туда, чтобы вдовы священники и диаконы не священнодействовали при церквях приходских и соборных, но вступали в монастыри. Он запрещал также жить в одном монастыре чернецам и черницам (Стоглавый Собор, гл. 73).

64 1 Тим. I, 17.

Книга третья

Глава I

Святой Иона, епископ Рязанский. Междоусобия между великим князем Василием и дядею его Юрием. Митрополит Исидор и Собор во Флоренции для соединения Церквей. Последствия этого Собора. Злодейство Шемяки. Обличительное послание святителей. Возведение святого Ионы на престол митрополии. Пастырские его подвиги. Завоевание Константинополя турками. Кончина святого Ионы. Чудеса его. Смерть Василия Темного.

По кончине святителя Фотия митрополичья кафедра в Москве оставалась несколько лет праздною, непрестанные распри между юным великим князем Василием и дядею его Юрием Галицким не давали досуга позаботиться о замещении кафедры. Хотя в сан первосвятительский был избран и наречен Рязанский епископ Иона¹, но не спешили отправить его в Царьград для посвящения.

Родившись близ Солигалича, епископ

Иона с двенадцатилетнего возраста был иноком в одном из Галичских монастырей, а после перешел в Московскую Симоновскую обитель, которая славилась святостью жизни первых своих святителей. Юный инок еще застал здесь старцев, которые хорошо помнили и неизменно хранили их правила и учреждения. Между ними известны: Варфоломей, строитель (эконом) Симонова монастыря, Иоанн Златый и Игнатий-иконник. Собственная ревность Ионы к подвигам иноческим скоро сдружила его с этими благочестивыми старцами, а их наставления и пример воспитали в нем самом строгого подвижника. Подобно им, он неуклонно стоял за исполнение правил монастырских и, не выходя из границ послушания, с дерзновением напоминал новым настоятелям о правилах благочиния, преданных святыми их предшественниками. А сам подвизался в непрерывных трудах: пощении, молитве и чтении слова Божия, проходя разные иноческие послушания². В этих подвигах дух его возрастал и совершенствовался столь быстро, что прозорливому оку и в простом послушнике можно было провидеть

будущего великого пастыря Церкви Русской.

Строгая жизнь и твердое знание правил церковных доставили блаженному Ионе такое общее уважение, что он посвящен был в сан епископа Рязанского, а когда скончался митрополит Фотий, назначен управляющим делами митрополии.

Между тем кровавые междоусобия между дядей и племянником продолжались несколько лет и сопровождались страшными злодействами³. Счастье служило попеременно той и другой стороне: сначала Василий, разбитый дядею, должен был удалиться в Коломну; по смерти Юрия великий князь долго вел борьбу с сыновьями его, Василием Косым и Дмитрием Шемякой; только младший из Юрьевичей, Димитрий Красный, не принимал участия в междоусобии⁴. Наконец Василий Васильевич, по-видимому, утвердился прочно на великом княжении.

Между тем Смоленский епископ Герасим отправился в Царьград, а осенью в следующем году возвратился оттуда уже в сане митрополита⁵. Он остановился в Смоленске и не пошел в Москву, где продолжались княже-

ские междоусобия. Впрочем, он управлял западными епархиями не более двух лет⁶.

После смерти Герасима великий князь Василий, с согласия великого князя Литовского, всех русских князей, всего духовенства и народа, отправил нареченного митрополита Иону в Константинополь для поставления. Только и теперь не суждено было святителю Рязанскому сделаться первосвятителем всей Русской земли: еще до приезда его был избран на Русскую митрополию и посвящен в Царьграде Исидор, родом болгарин, а блаженному Ионе обещали, что он будет митрополитом после Исидора.

Избрание Исидора было в связи с делом, давно уже задуманным. Греческая империя находилась тогда в крайней опасности; она заключалась почти в одних стенах столицы; все ее области уже были во власти турецкого султана; войска были немногочисленны и большею частью наемные; финансы государства почти не существовали. Император Мануил Палеолог и сын его Иоанн очень ясно видели, что греки решительно не в силах защитить себя от турок; они думали, что един-

ственное средство для спасения империи состоит в примирении с папою, чтобы через него получить помощь от западных христиан.

Переговоры об этом продолжались более 20 лет. В 1433 году отцы Базельского Собора, который считал себя Вселенским и действовал в духе независимости от папы, приглашали греков к себе для рассуждения о примирении Церквей и уверяли, что от Собора вернее можно ожидать помощи, нежели от папы Евгения II, который находился тогда в самом ненадежном положении, между тем как на стороне Собора было несколько королей и сам немецкий император Сигизмунд. Но император Иоанн, возлагая всю свою надежду на папу (хотя и отправлял посольство для предварительных совещаний в Базель), согласился, чтобы Собор был открыт в Италии, и притом с тем условием, чтобы папа доставлял от себя содержание грекам, присутствовавшим на Соборе. Указ императора созывал в Константинополь всех православных епископов. Многие из них прибыли лично, но из Патриархов Вселенских один только Иосиф

Цареградский согласился ехать в Италию; Патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский отказались присутствовать на Соборе и назначили вместо себя местоблюстителей.

Исидор был давно известен императору: еще в сане игумена он был отправлен в числе посольства в Базель⁷. После посвящения в сан митрополита он получил поручение склонить русских к участию в предполагаемом Соборе. Прибыв в Москву, Исидор тотчас же начал возвещать, что в Италии готовится восьмой Вселенский Собор для примирения Церквей, в котором необходимо участвовать и представителю Русской Церкви. Он стал собираться к путешествию. Напрасно великий князь Василий Васильевич убеждал митрополита не ездить в латинскую землю и даже запрещал ему своею властью. Наконец, видя упорство Исидора, Василий сказал: «Если уже ты непременно желаешь идти на Собор, то принеси нам оттуда наше древнее Православие, которое мы приняли от предка нашего святого Владимира; а нового и чуждого не приноси нам, – мы того не примем». Исидор

дал клятву стоять за Православие⁸ и отправился в Италию, взяв с собою епископа Суздальского Авраамия и много других духовных и светских лиц, числом до ста.

Между тем император Иоанн с Патриархом Иосифом 22, митрополитами и епископами и почти 700 другими лицами, духовными и светскими, отправились на папских галерах в Италию. Собор был открыт в Ферраре 9 апреля 1438 года, под председательством папы Евгения, при котором было 11 кардиналов и до 150 латинских епископов. Несколько месяцев прошло в частных совещаниях о чистилице и о состоянии праведников по смерти; папа, видя непреклонность греков к принятию латинского учения, начал действовать принудительно, прекратив выдачу назначенного им содержания. Наконец, 8 октября были открыты торжественные заседания Собора. Для ведения прений назначены были с обеих сторон по шести лиц и в числе их со стороны греков блаженный Марк, митрополит Ефесский, и Исидор, митрополит Русский. Предметом для соборных рассуждений избран был вопрос: законно ли прибавление к

Символу Веры «Filioque» (и от Сына), сделанное латинами? Этим вопросом занимались до 8 декабря в 15 соборных заседаниях. Спорившие тщетно истощали все свое знание и искусство: ни та, ни другая сторона не хотела уступить ни в чем; не состоялось никакого решения и соборного определения.

После того Собор был перенесен во Флоренцию. Здесь с 26 февраля возобновлены были торжественные заседания, посвященные рассмотрению латинского учения об исхождении Святого Духа от Отца и Сына. Все прения со стороны греков вел почти один Марк Ефесский, а со стороны латинян – один провинциал ордена Доминиканцев Иоанн, славившийся своей диалектикой. Начали разбирать свидетельства отцов Церкви Греческой и в продолжение пяти заседаний рассмотрели только весьма немногие, вдаваясь в величайшие тонкости и словопрения, которые утомляли всех. Император, наскучив медленностью, поручил Марку Ефесскому изложить главные основания православного учения о спорном предмете. Это изложение и было читано в следующем заседании Собора. Но так

как латиняне и после этого не хотели согласиться с греками и требовали продолжения соборных заседаний, то император, убедившись из опыта, что прения не приводят решительно ни к какому соглашению, запретил Марку являться на заседания. Греки слушали, что говорил провинциал Иоанн, и не возражали ему ни слова. Тогда раздраженный папа прислал объявить Патриарху, что, так как греки отказались от дальнейших состязаний, то они должны к наступающей Пасхе (5 апреля) или изъявить свое согласие на учение Римской Церкви, или отправляться в отечество. Этим окончились соборные действия во Флоренции, не приведшие ни к какому результату. Отселе начинается долгая и тяжкая борьба между совестью императора Иоанна и требованиями латинян, между видами на помощь колеблющейся империи и опасением подвергнуться общему укору и проклятиям за измену Православию. Надежда на истинный христианский мир Церквей была потеряна. Надобно было купить его уступками и уступками тяжкими.

Чтобы принять на себя как можно менее

ответственности перед Церковью и народом, Палеолог старался приблизить к себе тех членов Собора, которые оказались наиболее преданными делу соединения: Виссариона Никейского, Исидора Русского и Григория-духовника. С ними он советовался, через них старался направить умы прочих, грозил своим гневом тем, которые оставались верными Православию, не допускал их к участию в прениях и вместе с тем никому не позволял возвратиться в отечество. Папа, со своей стороны, старался действовать на греков, задерживая выдачу денег на содержание.

Когда (в понедельник Страстной Недели) возобновились частые совещания греков в кельях больного Патриарха Иосифа, митрополит Исидор первым подал голос: «Лучше душою и сердцем соединиться с латинами, нежели возвратиться, не кончивши дела. Возвратиться, конечно, можно; но как возвратиться, куда и зачем?» С этим мнением открыто согласился Виссарион, другие молчали. Один Марк Ефесский оставался непреклонным.

После нескольких собраний сделана была

первая уступка латинянам: греки признали, что «Дух Святой исходит от Отца чрез Сына». После того Патриарх Иосиф внезапно скончался. Уступки продолжились: согласились, что Таинство Евхаристии равно действительно при совершении на квасном хлебе или на опресноках; признали, хотя неясно, учение о чистилище и, наконец, решились написать, что греки почитают папу верховным первосвященником, наместником Иисуса Христа, пастырем и учителем всех христиан, управляющим Церковью Божией, с сохранением прав и преимуществ четырех Восточных Патриархов, так что они занимают первые места непосредственно после папы.

Латиняне и греки спешили составить соборное определение о соединении Церквей (unio ecclesiarum). Под ним подписались сперва греки – немногие, как первые виновники дела, – с радостью, другие – увлекаемые подкупом или боязнью. Немногие успели освободиться от подписи, скрывшись из Флоренции⁹. Одного только Марка Ефесского никто не тревожил, потому что все были убеждены в непоколебимой твердости сего великого му-

жа Православной Церкви. Когда соборное определение было принесено для подписи к папе и на вопрос его «Подписался ли Ефесский?» – ему отвечали: «Нет»; то папа недовольно воскликнул: «Так мы ничего не сделали!» Вместе с папою подписались кардиналы, епископы и аббаты.

Торжественное обнародование соединения совершено в кафедральной церкви Флорентийской. Кардинал Юлиан и митрополит Никейский Виссарион громогласно прочли с кафедры соборное определение: один на латинском, другой на греческом языках.

Так заключен был мир, но мира не было! Не было мира в духе примирившихся! Признали, что Таинство Евхаристии равно действительно как на опресноках, так и на квасном хлебе. Но греки отказались от причащения за литургией латинской, а латиняне отказались и присутствовать при литургии греческой. После того греки начали разъезжаться с Собора. Папа напутствовал императора одними благословениями и обещанием выслать флот и войско на помощь Царьграду, если согласятся европейские государи. Странники, с

лишком два года не выдавшие отечества, прибыли в Константинополь 1 февраля 1440 года.

Как смотреть на это соединение Церквей, Восточной и Западной, будто бы совершившееся во Флоренции? Без всякого сомнения, это было соединение незаконное и недействительное, а только мнимое, призрачное. Рассматривая обстоятельства, предшествовавшие Собору, с первого же взгляда можно видеть, что не искреннее, святое желание мира церковного, но посторонние своекорыстные цели побуждали императора и папу стараться о восстановлении древнего союза Церквей. На соборных прениях латиняне не могли опровергнуть несомненных доказательств, приводимых греками. По прекращении публичных собраний мало-помалу начались со стороны греков уступки, вынуждаемые то стеснением в способах содержания, то подкупом, то льстивыми убеждениями, то милостями, то насилием. Наконец разными неправдами, через немногих изменников Православию латиняне достигли призрака торжества над греками. Такой ли Собор присвоит себе право именоваться восьмым Вселенским?¹⁰

Если даже не принимать в соображение очевидной незаконности определений, то нельзя признать Флорентийского Собора Вселенским уже и потому, что акт соединения не подписан никем от имени Патриарха Константинопольского за смертью Иосифа, а равно и от имени Патриарха Антиохийского, потому что местоблюститель его Марк Ефесский остался непреклонным поборником Православия. Со стороны латинян Собор также не был Вселенским; кроме папы с немногими кардиналами и епископами, на нем не присутствовали епископы французские и других стран Европы, которые упорно продолжали свой Собор в Базеле и наконец осудили папу как еретика, а созванный им Собор признали незаконным.

Не можем умолчать об одном дивном событии, явно подтверждающим неправославность Собора Флорентийского: Суздальский священник Симеон, бывший с Исидором на Соборе, не хотел покориться латинству, много пострадал за это и вместе с Тверским послом Фомою решился бежать в отечество. Не имея ни средств, ни защиты, ни знания путей, они пристали было к путешествующим купцам;

но, приближаясь к одному, грозно укрепленному городу, купцы отогнали их от себя, опасаясь потерпеть от них как от людей неизвестных и сомнительных. На одной горе, утомясь и недоумевая о пути, Симеон и Фома легли и задремали. Вдруг видит пресвитер старца, который, взяв его за правую руку, сказал: «Благословился ли ты от последовавшего стопами апостольскими Марка, епископа Ефесского?» Он отвечал: «Да! Я видел сего чудного и крепкого мужа и благословился от него». Тогда явившийся говорил далее: «Благословен от Бога человек сей, потому что никто из суетного латинского Собора не преклонил его ни имением, ни ласкательством, ни угрозами мук. Ты сие видел, не склонился на прелесть и за то пострадал. Проповедуй же заповеданное тебе от святого Марка учение, куда ни придешь, всем православным, которые содержат предание святых апостолов и святых отцов семи Соборов, и имеющий истинный разум да не уклоняется от сего. О путешествии же вашем не скорбите: я буду неотступно с вами и чрез сей непроходимый город проведу вас безопасно. Теперь, восстав, идите; прошед

немного, увидите место, где две палаты, и подле них жену, именем Евгению, которая примет вас в дом свой и успокоит; а потом вскоре и чрез город пройдете без задержания». Пресвитер спросил старца, кто он, и явившийся отвечал: «Я Сергей Маковский (Радонежский), которого ты некогда призывал в молитве. Ты обещался прийти в обитель мою, но не пришел; и теперь обещания не исполнишь, но поневоле там будешь». Пробудясь, пресвитер рассказал видение своему спутнику, и они пошли с радостью. Все случилось по предсказанию: Евгения пригласила их для успокоения; потом прошли они через город среди множества вооруженных людей, не быв никем задержаны. Так Симеон возвратился в отечество, где сбылось над ним предсказание великого чудотворца¹¹.

Достиг ли папа своей цели, успел ли утвердить свою власть над греками? Нисколько. Лишь только бывшие на Соборе сошли с галер на родной берег и были встречены вопросом, чем кончился Собор, то многие из них с сокрушением отвечали: «Мы продали нашу веру, мы променяли Православие на ересь ла-

тинскую!» Как бы отдавая себя на суд своих соотечественников и отрекаясь от принятого соединения, они восклицали: «Да отсечется рука, подписавшая незаконное определение! Да исторгнется язык, изрекший согласие с латинянами!» Один из митрополитов, бывший местоблюстителем Патриарха Александрийского, Антоний Ираклинский, явившись на Собор архипастырей в Константинополе, торжественно исповедал: «Я не был согласен с одобрявшими соединение, как вы сами знаете, однако же подписался под определением, хотя недобровольно. И с той поры совесть меня мучит. Я отвергаю соединение и предаю себя суду Церкви как виновного». Такие известия произвели сильное смущение в православных жителях столицы. Все чуждались новоприбывших. Духовенство, остававшееся в Царьграде, не хотело совершать богослужения даже с теми, которые раскаялись в своем согласии на унию. Патриархи Востока, собравшись во Иерусалиме, произнесли осуждение на всех, соединившихся с Западной Церковью. Не молчал и твердый адамант Православия, блаженный Марк Ефесский, изнурен-

ный летами и болезнями, но твердый духом: окружными посланиями ко всем православным христианам он заклинал всех удалиться от Флорентийского единения, как от дела богоненавистного. И голос великого поборника Православия имел неотразимую силу. Собор Флорентийский не только не привлек греков к папе, но еще сильнее возбудил в них ненависть к латинству.

Достиг ли император того, что так пламенно желал достигнуть, принося чистоту своей веры в жертву земным выгодам? Нет. Бог не благословил предприятий, основанных на измене Православию. Император не получил из Рима обещанных пособий: никто из государей Европейских не отозвался на воззвание папы, кроме короля Венгерского и Польского Владислава, который ополчился против турок и погиб под Варною. Иоанн Палеолог, хотя находил нужным казаться ревнующим о соединении и для того поставлял на Цареградский патриарший престол лиц, преданных унии, но до конца своей жизни не хотел или не смел обнародовать определения Флорентийского Собора и умер (в 1448 г.) православным,

отрекшись от всякого союза с Римской Церковью. А по смерти его новая попытка сближения с Римом для защиты от турок произвела сильное волнение между православными и только ускорила падение империи.

Каков был успех Исидора в Русской земле? Облеченный саном кардинала и званием легата от ребра Апостольского (а *latere apostolico*) для всех стран северных, он возвестил соединение Церквей в Будине, Кракове и Львове, совершая литургии в храмах латинских, провел зиму в Киеве, где получил грамоту на все митрополичьи отчины и доходы¹². Весною 1441 года он прибыл в Москву, но там уже знали о действиях его в Италии. Перед ним несли крест латинский. Лжепастырь, надеясь на простоту и малообразованность своей паствы, поступил решительнее, нежели его собратия в Константинополе. На первой литургии уже возносимо было имя папы Евгения, а по окончании службы архидиакон с амвона прочитал определение Флорентийского Собора. Все эти новости, неслыханные в Церкви Русской, сильно изумили и духовных, и мирян. Никто не знал, что и думать о виден-

ном и слышанном. Но великий князь Василий, одушевляясь ревностью к чистому учению Церкви, торжественно в храме стал обличать изменника Исидора, называл его лжепастырем, губителем душ, еретиком, наконец, велел низвести недостойного митрополита с престола и, посадив его под стражу в Чудовом монастыре, созвал на Собор епископов¹³ и знатнейшее духовенство для рассмотрения Флорентийской соборной грамоты. Когда сие определение признано было противным древнему православному учению и от спутника Исидора Авраамия узнали весь ход дела на Соборе Флорентийском, тогда великий князь повелел склонять Исидора к раскаянию и исправлению. Но все было напрасно. Пробыв в заключении все лето, предатель Православия бежал сначала в Тверь, где также подвергся заключению, потом в Литвуи наконец в Рим с печальной вестью о неудавшемся замысле.

Может быть, он надеялся иметь более успеха в областях Русских, подлежащих литовскому и польскому иноверному владычеству. Но и там православные не поддались

обольщению, не прельстились привилегиями Владислава Варнского, не уступали даже преследованиям¹⁴. Таковы были последствия Флорентийских постановлений! Вместо сближения Русской Церкви с Римом или уклонения ее от Православия они только усилили отвращение Руси от латинства.

После побега из Москвы изменника Исидора великий князь послал грамоту в Царьград о том, чтобы Собором восточных святителей разрешено было избрать и поставлять митрополита в Москве; но слух об измене Православию в Царьграде заставил воротить посла с дороги¹⁵.

А между тем новые страшные междоусобия надолго отодвинули заботу о делах церковных. Великий князь Василий был захвачен врагом своим Дмитрием Шемякой в обители Троицкой, ослеплен (16 февраля 1446 года) и заточен в Углич. Похититель великого княжения вызвал в Москву святителя Рязанского, встретил с почетом, как нареченного митрополита, и успел убедить его, чтобы принял «на свою епитрахиль» и доставил к нему малолетних детей Василия из Мурома, куда

укрыли их верные бояре. Обманутый коварным обещанием милостей детям несчастного отца, святитель исполнил волю Шемяки, но сам же должен был вскоре отвезти их в отцовскую темницу – в Углич.

Управляя церковными делами в Москве, как блюститель митрополии, правдолюбивый святитель был всегдашним обличителем незаконного князя и ходатаем за Василия Темного (так прозвали современники венценосного слепца). Он непрестанно твердил Шемяке: «Ты поступил несправедливо и меня ввел в грех и стыд. Тебе бы следовало выпустить князя на свободу, а ты и детей его засадил с ним в неволю. Ты мне дал свое правое слово – и сделал меня обманщиком, посрамив седины мои. Какой вред может причинить тебя князь, лишенный зрения, с малыми детьми? Если еще ты сомневаешься в том, возьми с него клятву при свидетельстве братии нашей, епископов». Шемяка решил созвать епископов на совет об этом деле, объявил свободу Василию Темному и дал ему в удел Вологду.

Спустя несколько месяцев, Василий, успо-

коенный советом любивших отечество иноков¹⁶, снова занял престол великокняжеский, незаконно у него отнятый. Враги спешили примириться с ним. Когда же Шемяка и по заключении мирного договора продолжал коварствовать и заводить новые смуты, тогда Собор пастырей русских обратился к нему с грозным обличительным посланием. «Враг рода человеческого возбудил тебя на брань междоусобную, – писали святители. – Презирая святость крестных обетов, ты, второй Каин и Святополк в братоубийстве, разбоем захватил старшего брата твоего, великого князя, и злодейски истязал его: на добро ли себе и людям? Долго ли властвовал и в тишине ли? Не беспрестанно ли волнуемый, мучимый страхом, перебегал с места на место, днем томимый заботами, ав ночи сновидениями и мечтами? Искал ты большего, но сгубил свое меньшее. Великий князь снова на престоле, ибо данного Богом никто отнять не может. Одно милосердие государя спасло тебя: он поверил клятве твоей и опять видит измену... Ты дерзаешь быть вероломным, презрел крестное целование, а епитрахили наши

сквернишь своими богомерзкими речами... Епитрахили наши святительские не могут оскверниться твоими гнусными клятвопреступными словами, но ты губишь бедную душу твою... Никогда между христианами не было слуху о таких злодействах, какие ты совершал. Принеси покаяние перед Богом и примиришься с великим князем, а он готов, по нашему ходатайству, жаловать тебя и держать как брата. Если же не раскаешься, то чужд будешь Богу и Церкви Божией и православной вере, не будет тебе части с верными, не будет на тебе милости Божией и силы животворящего Креста, который ты целовал клятвопреступно. Ты будешь проклят и погибнешь навеки»¹⁷.

Закоренелый клятвопреступник смирился, но ненадолго. Вскоре он опять ополчился на междоусобие¹⁸, потерял свой Галичский наследственный удел и бежал в Новгород. Потом еще раз пытался, но напрасно, вернуть удел свой, после чего снова нашел убежище в Новгороде и там, отлученный от Церкви, умер от яда¹⁹.

Еще прежде смерти непримиримого врага

своего великий князь Василий Темный, едва успев утвердиться на своем престоле, начал помышлять о поставлении митрополита. Из Константинополя ожидать было нечего: в Москве уже слышали, что в Царьграде свирепствует разделение между верными Православию и принявшими соединение с Римом. Основываясь на правилах церковных и примерах прежнего времени²⁰, Собор пастырей русских 5 декабря 1448 года возвел Иону на престол митрополита Киевского и всея Руси.

Новый первосвятитель прежде всего озаботился соединением епархий юго-запада под одно управление, что было особенно нужно ввиду опасности со стороны латинства. Он принял участие в мирных сношениях великого князя с королем Казимиром²¹ и утвердил своим благословением договор их. Король, со своей стороны, изъявил согласие на подчинение святителю Ионе православных епархий Литовского княжества и звал самого Иону в Литву для личного свидания. В начале 1451 года митрополит отправился в Литву. Король сдержал свое слово и выдал святителю грамоту на управление Киевской митрополией.

При таком положении своем святой Иона немедленно вытребовал к себе Волынского епископа Даниила, посвященного Исидором, заставил его отречься от согласия с Римской Церковью и дать обязательство на верность Православию, после чего отпустил его на епархию. Он также назначил наместников своих для городов, непосредственно зависевших от Киевской митрополии (Киева, Вильны, Новоградка и Гродна), с правами выдавать одобрительные грамоты ищущим духовного сана, надзирать за соблюдением церковных постановлений, судить виновных и управлять церковными имениями.

Кроме попечений о поддержании Православия в западном краю Руси, святому Ионе, уже одаренному благодатью прозорливости и чудес, предстояло много забот и скорби внутри Московского государства. Едва успел он возвратиться в Москву из Литвы, разнеслись слухи о нашествии на Россию Мазовши, сына Седиахмета, хана Ногайского. Великий князь выехал из Москвы, вверив ее охранение святому Ионе и боярам. Неприятель (22 июля 1451 года) зажег посады московские. Пастырь,

готовый положить душу свою за стадо, подкреплял заключавшихся вместе с ним в Кремле духовными пособиями. Под зноем страшного пожара, в облаках дыма, несшегося на Кремль, он совершал крестные ходы по стенам его. Стрелы татарские искали своих жертв. Один инок Чудова монастыря, Антоний, по прозванию Кловыня, уважаемый святителем за строгость жизни, едва успел сказать, что Господь за молитвы святительские спасет город, как пал, пронзенный стрелою²². Вечеру того дня осаженные сделали вылазку и бились с татарами ночью. На другой день неприятеля уже не было под стенами московскими: он бежал, оставив тяжелые запасы в добычу осажденным. Святой Иона сам почтил погребением богоугодного инокa и в память милости Божией поставил церковь на своем дворе в честь Положения риз Пресвятой Богородицы, которое празднуется Церковью 2 июля²³. После другого нашествия ногайских татар, которые приходили, «похваляясь, на Русь», как говорит летописец, и были прогнаны юным сыном великого князя Иоанном, святитель устроил в Успенском соборе при-

дел в «похвалу Божией Матери»²⁴.

Содействуя благоденствию Русской земли своими молитвами, престарелый митрополит, как попечитель отечества, разделял с великим князем важнейшие государственные заботы, постепенно приготавлившие самодержавие государей Московских. Своим благословением он утверждал все договоры Василия с удельными князьями, старался удерживать последних в зависимости от великого князя и в согласии с ним. Когда жители Вятки, возмущенные Шемякой, долго не покорялись великому князю, святой Иона отправил к ним игумена со своим посланием к воеводам и прочим начальникам земским, в котором укорял их за своеволие и грабительство и увещевал принести великому князю раскаяние в своих винах, в то же время духовенству вменялось в обязанность строже наблюдать за поведением своих духовных детей. Видим отсюда, как усердно власть духовная вспомоществовала распоряжениям власти гражданской.

Святитель Божий старался насаждать в пастве своей истинное благочестие и искоре-

нять дурные привычки то увещаниями и распоряжениями пастырскими, то помощью гражданской власти. Вот что писал великий князь своим сельским волостелям: «Отец мой, митрополит Иона, говорил мне, что ваши люди ездят незваные в митрополичьи села и на праздники, пиры и братчины, и на этих пирах бывают убийства, воровство и другие худые дела. И я, великий князь, дал митрополиту грамоту, чтобы в его села не ездили незваные на праздники, пиры и братчины»²⁵. В Вышгороде, волости Верейского князя Михаила, десятильник и дворяне святителя прибиты были до полусмерти. Святитель потребовал от князя, дабы горожане немедленно подвергнуты были наказанию. «Спроси старых бояр своих, – писал святитель князю, – бывало ли такое неуважение к Церкви Божией и святителям при твоих прародителях и родителях? Тебе известно, что великий князь Витовт, как и теперешний король и все их княжата и паны, – все нашей веры; но спроси, как они оберегают Церковь и какую воздают ей честь! А эти люди, будучи православными христианами, поносят и бесчестят Церковь Божию и

нас... Молю тебя, чтобы ты, как православный властитель, защитил от горожан Церковь Божию и меня, своего отца и пастыря, дабы вперед не было ничего подобного»²⁶.

Жители Смоленска скорбели о том, что древняя чудотворная икона Богородицы Одигитрии оставалась в Москве. Епископ их Мисаил прибыл в Москву с усердною просьбою возвратить смоленскую святыню в Смоленск. Святой Иона, желая, чтобы древняя святыня питала и поддерживала древнее благочестие в смолянах, убедил великого князя отпустить к ним чудотворную икону²⁷.

В 1453 году Константинополь пал под ударами поклонников Магомета. Несчастные греки искали себе убежища на Западе, имея там уже довольно своих соотечественников, то переменою вероисповедания, то своею образованностью снискавших себе покровительство папы и государей; но были выходцы из порабощенной империи и у нас: Россия отверзла свои сокровища для облегчения их участи и для искупления страдавших в плену²⁸. Страдания Церкви Греческой были неизобразимы. Дивный защитник веры от латин-

ства и исламизма, святой Патриарх Геннадий (в миру Георгий Схоларий), просил святителя Иону о помощи бедствующим христианам Востока. Отправляя ответ с послом великого князя, святитель Московский извинялся в скудости посылаемых пособий и писал, что дорожит поддержанием союза с православною Церковью Цареградской²⁹. Может быть, благодаря этим сношениям даровано было Русской Церкви право избирать и поставлять себе первосвятителей, не сносясь с Константинопольским престолом, и митрополия Русская была поставлена выше всех прочих, первой после престола Патриархов Иерусалимских³⁰.

Отношения Московского первосвятителя к воссоединенным епархиям не изменялись, пока не явились из Рима новые притязания на западную половину Русской митрополии. В 1458 году Григорий, ученик отступника Исидора, был поставлен в Риме митрополитом Русской земли. Великий князь, лишь только услышал об этом, писал к королю Казимиру, чтобы он не принимал к себе новопоставленного митрополита, который ни за что не бу-

дет принят в Москве. Епископы северо-восточной Руси на Соборе определили: не иметь никаких сношений с самозванцем Григорием и признавать законным митрополитом только того, кто посвящен у гроба чудотворца Петра. Сам святой Иона, удрученный старостью и болезнью, не мог отправиться в Литву, но вместо себя послал с письмами к литовским православным епископам, князьям, панам и народу двух игуменов знатнейших монастырей своей митрополии: Троице-Сергиева – Вассиана, знаменитого красноречием, и Кирилловского – Кассиана. Князья успокоили митрополита твердостью в Православии; епископы литовские также обещались быть верными, но, к скорби святого Ионы, некоторые из них вошли в сношение с Григорием. Лжемитрополит привез с собою в Литву грозную буллу Пия II. Папа, поручая королю Григория, повелевал «поймать и сковать нечестивого отступника Иону»³¹. Но Господь посрамляет гордость человеческую! Папа называет святого Иону нечестивым отступником, а Господь тогда уже прославил его даром предвидений и чудотворений³². Внушая всем твердо стоять

В Православии, святой Иона писал: «Если бы кому пришлось и умереть за свое исповедание, верую Христу, моему Владыке, причтен будет пострадавший к лику мучеников»³³.

Так подвизался святитель Божий, уже близкий к блаженной кончине! По совету великого князя и с согласия епископов, он сам назначил себе преемником старшего из архиепископов по служению, а может быть и по делам, Феодосия Ростовского. Это было сделано с тем намерением, чтобы Церковь Русская, в таких затруднительных обстоятельствах, не оставалась без архипастыря.

О близости кончины святой Иона извещен был свыше. Тогда же, для засвидетельствования святости его перед людьми, открыто было о том ключарю Успенского собора священнику Иакову. В одну ночь сторож Успенского собора приметил необыкновенное освещение в запертом храме и услышал пение. Видя это, ключарь немедленно отпер церковь, вошел в нее, нашел свечи горящими, но никого здесь не видел; только слышал голос: «Пойди, скажи рабу Моему митрополиту Ионе, что по его молитве о посещении его тела, ради спасения

души, Я попустил быть знамению на ноге его с болезнью. Он же, устроив потребное о себе и о порученной ему пастве, с благодарением переселится из жизни временной в вечную, где всем веселящимся жилище». Смущенный пресвитер не посмел явиться к своему митрополиту с такой вестью; но наутро сам святитель призвал его, обличил за слушание Божественному повелению и предсказал ему за это скорую смерть жены его, тогда здоровой. Болезнь открылась в ноге святителя, но, преодолевая болезнь, святитель Иона не отлучался от Церкви, с радостью приготавливаясь к блаженному исходу. Он скончался в глубокой старости 31 марта 1461 года, во вторник на Страстной Неделе. Мощи его преданы земле в северо-западном углу Успенского собора.

Память святого митрополита Ионы осталась священной для Церкви Русской. Не прошло и года после блаженной его кончины, как духовный друг его, святой Иона, владыка Новгородский, поручил сербскому иноку Пахомию, жившему тогда в России, составить канон в честь святого Ионы-митрополита. Спустя 11 лет, при построении вновь Успен-

ского собора, мощи его обретенныи, причеи многие больные получили исцеление. Ав 1547 году, на Соборе Московском, установлено повсеместное празднование памяти великого святителя³⁴.

После святого Ионы сохранилось много посланий³⁵. Одни из них относятся к охранению гражданского покоя России и порядка внутреннего церковного управления; другие – к защите Православия от насилий папизма; третьи утешают скорбящих или вразумляют нарушителей закона.

Святой Иона, митрополит Московский (иконостас Костромского Ипатьевского монастыря)

Святой Иона писал к вятскому духовенству: «Молю вас, священники Господни, осмотритесь всячески и содрогнитесь. Смотрите, в какие уста входит бессмертное Тело и честная Кровь Христа – Спасителя нашего и Владыки. Если с устами нечистыми и гнусными дерзаете приступать или допускать кого-либо к бессмертным и животворящим Тайнам, вы, как трава, прикасаетесь к огню».

Святитель писал к детям, не повинующимся своей матери³⁶: «Жаловалась мне за вас мать ваша, а моя дочь, княгиня, что вы, по нерадению ли своему, или по научению диавола, или по своей молодости не только не почитаете ее, но еще обижаете ее во всем. Муж ее, князь, дал ей отдельное владение, чем ей прожить, пока угодно Богу, а потом по смерти учинить помощь душе своей; вам отец ваш дал особые части, а вы отняли у своей матери данное ей. Это дело богопротивное, дети: вы строите себе погибель во времени и вечности. Ужели не помните вы Господа, Который говорит: “Иже злословит отца или мать, смертью да умрет?” И апостол сказал: “Чада, послушайте родителей своих, – это благоугодно Богу”. И в другом месте Писания говорит: “Яко раб послужи родившим тя: что бо воздаси противу даяния их?” В Книге Притчей писано: “Чтйй отца и мать долги дни сотворит и очистит свои грехи; благословение бо отчее утверждает дома, клятва же матерняя искореняет и основание...” Пишу вам кротко, чтобы вы пришли в чувство, испросили бы прощение у матери и возвратили бы ей

почтение по Божию повелению, слушались бы ее во всем, а не обижали; пусть она заведует своим, а вы – своим, по благословению отцовскому. Отпишите к нам, когда вы примиритесь с своею матерью, и я, по святительскому долгу и по вашему чистому покаянию, буду молить за вас Бога. Если же станете опять гневить и оскорблять свою мать, то, делать нечего, сам боясь Бога, по святительскому долгу, пошлю за своим сыном, за вашим владыкою, и за другими многими лицами, и вместе с ними возложим на вас духовную тягость церковную, свое и прочих священников лиц неблагословение».

Москва утвердилась и окрепла под покровом деятельности и молитв трех дивных святителей. Великий в смирении святитель Петр перенес престол митрополии в малый и убогий город святого князя Даниила: пророческим словом он возвестил будущее величие Москвы. Великий в вере святитель Алексей упрочил великокняжеское достоинство в роде Иоанна Калиты, поддержав малолетнего внука его и возвысив Москву над прочими удельными городами. Великий в законе и

правде святитель Иона возвратил престол законному великому князю, смирил междоусобие, был крепкой подпорой несчастного слепца в делах государственных и неусыпным стражем Православия в делах церковных.

Первоначальное образование под надзором строгих иноков Симоновского монастыря имело влияние на всю жизнь святителя. Сам неуклонно держась правил церковных и закона христианского в исполнении своих обязанностей, он требовал и от других строгого исполнения своего долга³⁷. И неоднократно в суде его над нарушителями сего долга изрекался грозный приговор суда Божия. Малолетняя дочь великого князя Василия, Анна, была при смерти. Молитвы святителя, к которому принесли ее почти бездыханною, возвратили болящей здоровье и силы. Между боярами нашелся один, который говорил, что княжна выздоровела сама собой. Святитель, призвав его, сказал: «Страшна хула на Святого Духа. Поверь, сын мой, здоровье возвращено больной Самим Господом по вере родителей благочестивых». В ответ на эти слова неверующий начал кощунствовать. «Да загра-

дятся хульные твои уста, – изрек святитель, – и да умрешь ты вместо княжны, бывшей при смерти». Боярин внезапно пал мертвым к ногам святителя. Другой вольнодумец, боярин Василий Кутуз, страдал зубной болезнью. Святой Иона подозвал его к себе по окончании литургии, дал ему наставление и сильно ударил по лицу. Пришедши в себя от сильной боли, Василий почувствовал, что зубная болезнь совершенно миновалась, и раскаялся в своем неверии. Ключник святого Ионы, Пимен, обличенный в том, что отказал бедной вдове в малой мере меда для ее подкрепления в немощи, в тот же день, по предсказанию святителя, лишился жизни. Другой слуга святителя, которому поручено было раздавание милости бедным, отказавший в подаении также нищей вдове, за жестокосердие и обман перед святым Ионой, по его обличению, немедленно впал в болезнь и вскоре умер³⁸. Достоинно замечания, что в двух последних случаях кара постигла виновных за недостаток любви.

Вскоре после святителя Ионы скончался великий князь Василий Темный, на 47 году

жизни: страдания и скорби преждевременно изнурили в нем телесные силы. Он утвердил великое княжение за старшим сыном своим Иоанном, который с юных лет был соправителем отца, лишенного зрения; но отделил небольшие уделы и меньшим сыновьям, клятвенно обязав их слушаться матери не только в делах семейных, но и в государственных. Он приготовил многое для успехов своего преемника: присвоил себе большую часть уделов, принадлежавших потомкам Донского, властвовал в Суздале и Рязани³⁹, покориł Вятку и ослабил вольность новгородскую. Хотя Василий не умел повелевать, как повелевали отец и дядя его, но оставил сыну государство более сильное и более обширное: рука Божия явно влекла Москву к величию, благословив доброе начинание Калиты и Донского.

Примечания

1 В начале 1433 года епископ Иона уже действовал как «нареченный на святейшую митрополию Русскую» (Акты Исторические. I, № 37).

2 «Сказание о блаженных отцах» преподобного Иосифа Волоколамского.

3 Два старших сына Юрия отличались свирепством и жестокостью. Так они сами зарезали боярина Морозова. Василий Косой, имея себе товарищем в бегстве какого-то князя Романа, велел отрубить ему руку и ногу. Но и великий князь также запятнал себя злодейством: захватив в плен двоюродного брата своего Василия Косого, он велел ослепить его.

4 Младший сын Юрия, Димитрий, прозванный Красным, был кроток и набожен. Он скончался в молодости, изумив современников необыкновенными обстоятельствами кончины. За несколько дней до смерти он лишился слуха, вкуса и сна; хотел причаститься Святых Тайн и долго не мог – кровь лила у него из носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастие. Когда приобщился он Святых Тайн, то совсем успокоился и заснул. Но в поздний вечер увидели, что он умирает; прочитали отходную, и все думали, что князь скончался; его одели как мертвого. В полночь мнимый мертвец скинул с себя покровы и, не открывая глаз, начал петь церковные песни.

Перед утреней духовник принес Святые Дары. Князь, взглянув, сказал: «Радуйся, утробо Божественного Воплощения!» – и причастился. Целых три дня князь пел и говорил о душе-спасительных предметах, узнавал людей, но не слышал ничего, наконец умер. Тело его было перенесено в Москву и погребено в Архангельском соборе. В рукописных святцах имя Димитрия Красного поставлено в числе святых.

5 По-видимому, Герасим был поставлен не для одной Литвы: ему приписывали титул митрополита Киевского и всея Руси, а впоследствии даже Московского и всея Руси. Впрочем, не видно, чтобы он принимал участие в управлении северо-восточными епархиями, хотя посвятил архиепископа в Новгород («История Русской Церкви преосвященного Макария», IV, прим. 111).

6 Сначала Герасим пользовался благосклонностью князя Свидригайла. Известно, что оба они вместе замыслили принять участие в начинавшемся тогда деле о соединении Церквей. Но вскоре Свидригайло прогневался на Герасима, заколол его и сжег на кост-

ре в июле 1435 года.

7 На Базельском Соборе, в акте, который надлежало доставить в Царьград, Исидор позволил назвать Греческую веру «старою ересью» (*Silvestr. Syropuli vera historia unionis non verae*. Hagae. 1600, pag. 27, 29 & 45).

8 При выезде из пределов Русской земли Исидор показал свою привязанность к латинству: в Юрьеве-Ливонском (Дерпте) он пошел вместе с немцами в их костел, а не в Православную церковь.

9 По свидетельству Сиропула и священника Симеона Суздальского (в описании путешествия Исидора во Флоренции), папа несколько раз присылал грекам золото и серебро. Авраамий, епископ Суздальский, сопровождавший Исидора, на целую неделю был посажен им в темницу и потом насильем вынужден к подписи.

10 В изложении действий Флорентийского Собора мы руководствовались сочинением, изданным от Московской Духовной Академии: «Историей Флорентийского Собора», и «Историей Русской Церкви преосвященного Макария». Т. V, стр. 340–367.

11 Симеон почему-то замедлил и не поспешил в обитель Сергиеву. Между тем возвратился Исидор и заключил его в оковы как непокорного. По изгнании Исидора Симеон был освобожден из оков и отдан игумену Троицкой лавры Зиновию. Таким образом, по предсказанию преподобного Сергия, он поневоле привезен в обитель его, где со слезами рассказывал братии свои приключения (Некоторые черты из жития преподобного Сергия Радонежского после смерти, стр. 35–37).

12 Грамота, данная Исидору Киевским князем Александром Владимировичем, помещена в Актах Исторических. Т. I, № 259. Впрочем, летописец свидетельствует, что Исидор был изгнан из Киева (Полное Собрание летописей. Т. II, стр. 355).

13 На этом Соборе были святители: Ефрем Ростовский, Иона Рязанский, Варлаам Коломенский, Иов Сарайский, Герасим Пермский, Авраамий Суздальский (возвратившийся из Флоренции) и множество архимандритов, игуменов, священников и иноков.

14 «Литовская церковная уния», соч. М. Ко-

яловича. Т. I, стр. 15 и след.

15 «Русские Святые» под 31 марта, стр. 143.

16 Трифона, игумена Кирилловского, преподобного Мартиниана, игумена Ферапонтовского. Они объявили Василию, что клятва, данная им в Угличе, незаконна, как действие неволи и страха. Первый из них был после архиепископом в Ростове, а последний – игуменом Троицкой Сергиевой обители.

17 Это послание писано 29 декабря 1477 года и помещено в Актах Исторических. Т. 1, № 11. Подпись Рязанского владыки Ионы занимает здесь третье место; ему, по всей вероятности, принадлежат укоризны за осквернение епитрахилей святительских.

18 В этом междоусобии достопамятна ожесточенная битва под Угличем как последнее кровопролитное действие княжеских междоусобий.

19 Шемяка умер от «лютого зелья», которым отравил его близкий к нему человек, Иван Готов (Львовская летопись, II, 348). Место могилы несчастного и преступного князя, погребенного новгородцами, несмотря на отлучение от Церкви, в Юрьевском монастыре,

совершенно забыто потомством.

20 По первому правилу апостольскому и по 4-му правилу первого Вселенского Собора епископы каждой области имеют право избрать и посвятить старшего епископа. На основании этих правил были посвящены в Киеве русскими епископами митрополиты: Иларион при великом князе Ярославе и Климент при великом князе Изяславе.

21 Король польский Казимир, избранный из великих князей Литовских, держал сторону Собора Базельского и не признавал унии, установленной папой Евгением. Он охотно подчинил святителю Ионе православные епархии западной Руси, но мятежные папы не допустили возвратить под власть того же святителя епархии, которые принадлежали собственно Польше, а именно: Галичскую, Холмскую и Перемышльскую.

22 Похвальное слово святому митрополиту Ионе в Макариевской Четьи-Минее, 21 марта, л. 953, об.

23 Эта церковь стоит против западных врат Успенского собора. С построением ее положено основание новому дому первосвящен-

телей русских, которые прежде того жили у Боровицких ворот при храме Предтечи Господня Иоанна.

24 Придел похвалы Богородицы устроен в юго-восточной главе Успенского собора. Внем сXVI века до конца XVII происходило избрание и наречение первосвятителей русских.

25 Акты Исторические, I, № 50.

26 Там же, № 261.

27 Чудотворная икона Богородицы Одигитрии – древнейший предмет благословения Смоленска и всей православной Руси – представляет с лицевой стороны Божию Матерь с Ее Божественным Сыном; правая рука Ее приподнята у груди с раскрытою дланью, левая поддерживает Младенца Иисуса. На оборотной стороне иконы изображено Распятие и стоящие при Кресте: Божия Матерь и Иоанн Богослов. Величина иконы – 1 аршин в длину и 14 вершков в ширину. Церковные предания относят этот образ к первым векам христианства; Никифор Каллист в своей «Истории» (кн. VI, гл. 13) говорит, что евангелист Лука, прежде составления книги Деяний, написал образ Пресвятой Богородицы, носящей Мла-

денца Предвечного на руках, потом написал еще две такие же иконы и принес показать их Матери Господа, угодны ли они Ей. Богоматерь, увидавши своей образ, произнесла: «Благодать Родившегося от Меня да будет с сими иконами». Из сих трех икон первая (именно та, на которой есть Распятие с другой стороны) была писана по просьбе Антиохийского правителя Феофила и послана ему в дар. Впоследствии, по словам святого Димитрия Ростовского, она была перенесена в Иерусалим, а оттуда в Константинополь, где была поставлена в храме Влахернском и прозвана Одигитрией. Император Константин в 1046 году выдал дочь свою Анну за князя Всеволода, одного из сыновей Ярослава I, и, благословив ее сею иконой Одигитрии, отправил в Русскую землю. Здесь чудотворная икона находилась сначала в Чернигове, где княжил Всеволод; потом Владимир Мономах, получив икону в благословение от матери своей княгини Анны, принес ее в дар новостроенному им соборному храму в Смоленске. Последний князь Смоленский Юрий при завоевании Смоленска Витовтом привез икону в Москву,

где она оставалась с лишком 50 лет. Теперь эта древняя святыня пребывает в Смоленске, в Успенском кафедральном соборе (Истор. описание Смоленской епархии, стр. 246–249).

28 На другой год после падения Константинополя был в Пскове какой-то Царьградский митрополит Игнатий; получив здесь щедрую милостыню, он отправился с тем же в Новгород. Около того же времени святой Иона сделал воззвание ко всем князьям, епископам и всему православному христианству о вспомоществовании греку Димитрию на искупление его семейства, приглашая и всех своих детей духовных подать ему милостыню, кому что Бог положит на сердце, во спасение души своей (Акты Исторические, I, № 264).

29 Акты Исторические, I, № 263.

30 Дополнение к Актам Историческим, II, № 76.

31 Софийский Временник, II, 40–42. Истор. Карамзина, V, прим. 311.

32 Преподобный Иосиф Волоколамский, почти современник святого Ионы, пишет об этом времени в одном из своих писем: «И тогда был на Москве митрополит Иона Киев-

ский и вся Русь, иже бша чудотворец».

33 Акты Исторические, I, № 134 и 119.

34 Память святого Ионы празднуется марта 31 – в день преставления, мая 27 – в день обретения мощей, июня 15 – вместе с памятью святителей Петра и Алексия. Мощи его почивают открыто на том же месте Успенского собора, где покоились они в могиле. К массивной серебряной раке великого святителя, так же как и к серебряным лампаде и подсвечнику перед гробницей его, не прикоснулись святотатственные полчища Наполеона I, ограбившие в 1812 году московские соборы.

35 Большая часть посланий святого Ионы напечатана в Актах Археографической Экспедиции, Актах Исторических и Дополнениях к ним.

36 Сыновьям умершего Киевского князя Александра Владимировича (Акты Исторические, I, № 45).

37 Так, в 1455 году он судил на Соборе архиепископа Ростовского Феодосия за неправильное разрешение монахам на рыбу, а мирянам на мясо в навечерие Богоявления, которое случилось тогда в воскресный день. Только

по ходатайству великой княгини Софии Федосий не лишился архипастырского сана. Епископа Полоцкого Симеона святой Иона строго обличил, когда тот позволил себе в посланиях к своему митрополиту называть себя его братом. Несмотря на уважение к преподобному Пафнутию, игумену Боровскому, святитель заключил его в темницу и оковы за неисполнение в обители его какой-то заповеди митрополичьей (в мартовской книге Четых-Миней Митрополита Макария, л. 954, об.).

38 В мартовской книге Четых-Миней, Митрополита Макария, л. 952–956.

39 Рязанский князь Иоанн Федорович перед смертью поручил малолетних детей своих великому князю. Василий взял их на воспитание в Москву и послал своих наместников для управления Рязанским княжеством.

Глава II

Угодники Божии, современные святому митрополиту Ионе. – Святители: Евфимий и Иона Новгородские; Герасим, Питирим и Иона Пермские. – Преподобные: Паусий Галичский; Диони-

сий, Амфилохий, Макарий и Тарасий Глушицкие, Филипп Рабангский и Григорий Пельшемский; Макарий Желтоводский и Унженский; Александр Куштский, Евфимий и Харитон Сянжемские; Иосаф Спасокаменский, Варлаам Шенкурский или Важский; Савва Вишерский и Ефрем Перекомский; Пафнутий Боровский. – Юродивые: Максим Московский, Исидор Ростовский и Михаил Клопский.

При архипастырстве святого митрополита Ионы просияли в нашем отечестве святостью жизни многие богоугодные мужи. Различными путями достигали они одной цели – Царствия Небесного в блаженной вечности. Одни из них сияли ярким светом на престолах святительских, другие укрывались от мира в пустынных обителях, но и там примером жизни своей учили мир благочестию; третьи трудились в тяжком подвиге юродства для Христа.

На Софийской кафедре сияли благочестием и святостью, один после другого, двое святителей-чудотворцев: Евфимий и Иона.

Родители святого Евфимия, священник

Михей и благочестивая жена его Анна, долго жили в супружестве, но не имели чад; наконец, по усердной молитве их, Господь даровал им сына, которого они назвали при крещении Иоанном и посвятили на служение Господу и Пречистой Его Матери. Весьма рано научился грамоте блаженный отрок и почувствовал влечение к пустынному безмолвию: 15-ти лет он уже удалился в непроходимое место, называемое Вяжищи, где жило тогда несколько иноков под настоятельством Пимена, который с радостью принял юношу Иоанна и немедленно постриг его под именем Евфимия. Вскоре юный инок столько прославился послушанием, смирением и всеми добродетелями, что блаженный архиепископ Симеон¹ взял его к себе в архиерейский дом и назначил казначеем над церковными именьями. По кончине святителя Симеона Евфимий удалился на безмолвие в Хутынскую обитель, откуда по неотступной просьбе братии Лилицкого Богородицкого монастыря поступил к ним на игуменство.

Когда умер преемник святителя Симеона, народное вече великого Новгорода вместе с

духовенством, запечатав по обычаю, жребии с именами избираемых положили на престол святой Софии; по воле Господней выпал жребий блаженного Евфимия. С радостью устремился народ на Лисичью гору, чтобы возвести благоговейного игумена на владычные сени палат Софийских². Но по причине смятений в Москве между великим князем Василием и дядей его Юрием нареченный владыка не успел принять посвящения от святителя Фотия. Только спустя три года после избрания, 26 мая 1434 года, он посвящен был в Смоленске митрополитом Герасимом. Новый святитель трудился неусыпно в управлении паствой; не упуская ежедневного иноческого правила, он исполнял ночью то, чего не успевал исполнять днем, а во все дневное время был доступен каждому, имевшему до него нужду. Тайная милостыня его была известна единому Богу; но все ежедневно видели, как он был милостив ко всем страннным и убогим, подражая страннолюбию Авраама, так что никто не отходил от него скорбным. И не на один Новгород простиралась его щедрость: милостыни святого Евфимия достигали Царь-

града, до Святой горы и до самого Иерусалима. Пост и воздержание его были беспримерны: во всю первую неделю святой четырехдесятницы он вовсе не вкушал пищи, а в прочие недели Великого поста вкушал понемногу через день. Тоже правило соблюдал он и в прочие посты, разрешая пищу только по праздникам.

Прилагая особенное попечение о храмах Божиих, святитель Евфимий обновил и благолепно украсил первопрестольный храм Софийский³, построил Софийскую звонницу и украсил многие храмы в Новгороде и окрестностях. С особенной любовью занялся он благоустройством той обители, где он постригся и где предназначил себе вечное упокоение. При нем сооружены палаты архиерейские, сохранившие донныне название Евфимиевых, и высокая башня с боевыми часами заграничного искусства, которые служили предметом удивления для новгородцев.

Ночью 1439 года пономарь Софийского собора Аарон не во сне, а наяву увидел почивших святителей Новгорода, вошедших в храм из притвора. Объятый ужасом, не смел он

разбудить своих товарищей. Немного спустя, святители вышли из алтаря в полном облачении и, став перед Корсунской иконой Богородицы, начали совершать молебное пение: голос их слышал Аарон, но слов не мог понять. Они молились долго и возвратились в алтарь. Тем кончилось видение. На рассвете Аарон донес о том архиепископу Евфимию. Блаженный архипастырь соборно отслужил литургию и панихиду по всем архипастырям святой Софии и потом роздал щедрую милостыню бедным⁴.

В том же году, при возобновлении Софийского собора, внезапно упал камень сверху стены и так сильно ударился в крышу близ стоявшей каменной гробницы, что она рассеклась; гробница была без надписи, и давно уже все забыли, кто в ней покоится. Услышав об этом, блаженный архиепископ Евфимий пришел в церковь, приказал отвалить рассекшийся камень, причем весь храм наполнился благоуханием, и, заглянув в гробницу со свечой, увидел нетленное тело, облеченное схимой. «Разумею, – сказал он предстоящим, – что здесь почивает великий раб Божий». По-

сле того он приказал снова покрыть гробницу, а сам в келлии своей усердно молился Богу, да проявить ему, кто сей угодник Божий? Однажды ночью явно предстал архиепископу виденный им во гробе старец и сказал: «Не ужасайся, раб Божий: я тот, лежащий во гробе, о котором ты молился, архиепископ Илия, в схиме Иоанн, сподобившийся послужить чуду Пречистой Богородицы и честного Ее знамения. Господь послал меня к тебе, да устроишь память преставившихся и погребенных в Храме Премудрости Божией князей русских, святителей Великого Новгорода и всех православных в 4-й день октября, и поминовение сие да будет установлено навсегда, потому что тебя избрал Бог достойным строителем Церкви, и дела твои угодны Богу. Я же буду молить Господа о всех христианах, и ты сам будешь причтен вместе с нами в Царствии Небесном». С того времени сделались известны и положены открыто многоцелебные мощи великого святителя Иоанна и тогда же устроено ежегодное поминовение в 4-й день октября всем почивающим в Софийском соборе, продолжающееся донныне⁵.

Вскоре после того другой чудотворец Новгородский явил святителю славу нетления мощей своих, остающихся под спудом. Святой Евфимий пожелал видеть мощи преподобного Варлаама Хутынского. После трехнедельного поста в обители и многих всенощных бдений он с игуменом Тарасием и иподиаконом своим, по имени Иоанном, вошел в церковь. Владыка стал у главы, а игумен у ног раки, и вместе сняли они каменную доску, прикрывающую гроб. Тогда увидели честные мощи, лежащие поверх земли и совершенно нетленные; лик и брада почившего сходны были с изображением на гробовой иконе на том образе, который стоял в иконостасе⁶.

Нравы новгородцев того времени доставляли много скорби святителю, который был столько заботлив о несчастных, сколько же и строг для нераскаянных грешников. В обличении греха не могли остановить его ни просьбы, ни дары, ни угрозы. Особенно тяготила святого Евфимия связь новгородцев с бессовестным клятвопреступником Шемякой. Своевольные граждане Новгорода, смотревшие с ненавистью на усиление Москвы, кри-

чали на вече: «Святая София – защита притесненным!» – и поддерживали крамолы мятежного князя, уже отлученного от Церкви Собором русских святителей⁷.

Даже и достигнув глубокой старости и чувствуя близость кончины, святой Евфимий беспокоился в душе, что союз Новгорода с Шемякой поставлял его в неблагоприятные отношения к первосвятителю, которого он глубоко чтит. Смиренный святитель послал нарочного в Москву, испрашивая молитв и прощения у святого митрополита Ионы, и вскоре после того мирно преставился, 11 марта 1458 года. Мощи его были преданы земле в Вяжицком монастыре, а найденные на теле его тяжкие вериги повешены над гробницей⁸.

На шестнадцатый день после погребения святого Евфимия прибыл в Новгород митрополичий духовник старец Евмений с прощальной грамотой, которую он должен был вложить в руки почившего владыки, если не застанет его в живых. Когда открыли гроб, все изумились, видя, что тление не коснулось архиерея Божия: лицо его было светло, как бы уснувшего на время от житейских забот, а

правая рука была сложена как бы для благословения паствы. «Еще хранит Бог Великий Новгород: за него молится владыка Евфимий», – сказал вслух старец Евмений и, прочтя грамоту святого Ионы, вложил ее в руку почившего святителя. Гробницу снова закрыли, а святость угодника Божия засвидетельствована многими чудесами⁹.

Непосредственным преемником святого Евфимия был святой Иона, игумен Отней пустыни¹⁰. Он был избран на вече и принял рукоположение в Москве от святого митрополита Ионы. К утешению паствы своей, он показывал в судах столько же правосудия, не взирающего на знатность и богатство, сколько снисхождения к немощам и бедности¹¹.

После дружеских отношений новгородцев к Шемяке, продолжавшихся до самой смерти этого неукротимого крамольника, великому князю естественно было помышлять и об укрощении своевольного Новгорода. Новгородцы знали это и усердно просили своего владыку отправиться в Москву, чтобы утешить гнев государя. Несмотря на долготу пути и преклонную старость, святитель испол-

нил желание сограждан своих. Приближаясь к Москве, он вспомнил великого Сергия Радонежского, незадолго перед тем прославленного чудотворца, и положил обращение воздвигнуть в честь его храм на дворе своем, если достигнет исполнения своих намерений. В Москве приняли святителя с почетом и любовью. Однажды великий князь Василий при сыне своем Иоанне и святом митрополите Ионе стал сильно жаловаться владыке Новгородскому на своеволие сограждан его и грозил наказать Новгород войной. Подвигнутый любовью к родине, святой архиепископ умолял Василия не поднимать оружия, от которого могут пострадать и невинные. «Если ты презришь старческую мольбу мою, – сказал он, – и поднимешь руку на невинных, то помни, государь, что между детьми твоими поднимутся раздоры зависти. Не твори неправды и не дерзай поработать людей свободных¹². Конец жизни твоей близок. Наследнику твоему предстоит обладание всеми пределами Русскими. За счастье его я, смиренный, и паства моя будет усердно молить Бога, и я уповаю, что Господь пошлет ему свободу

от ига ордынского, укрепит и распространит державу его в награду за милость твою к родине моей». Этим пророчеством старца был тронут и обрадован великий князь и, по ходатайству святого первосвятителя Ионы, отложил гнев на Новгород, и оба соименных святителя обещались молиться об исполнении предсказанного архиепископом. Когда все замолчали, владыка Новгородский прослезился и стал горько плакать. Великий князь и митрополит в удивлении спрашивали о причине неутешной скорби в то время, когда он уже получил желаемое. Старец отвечал: «Кто в состоянии унижить и смирить вольный город мой, такой сильный и многолюдный? Междоусобие сограждан, неправды, зависть, раздоры низложат великий Новгород. По крайней мере при жизни моей да ниспошлет Господь благословение, мир и тишину людям моим!»

По возвращении в Новгород святой Иона исполнил обет свой и устроил в своих палатах первую церковь в честь новоявленного чудотворца – преподобного Сергия¹³.

Когда великий первосвятитель Иона, чувствуя приближение кончины, желал видеть в

Москве владыку Новгородского, смиренный архиепископ отвечал ему: «Я уже стар, в ногах у меня болезнь, не могу исполнить воли твоей, господин и отец; скоро увидимся в другой жизни». Но в 1463 году маститый святитель решился снова предпринять путешествие в Москву для свидания с новым великим князем Иоанном Васильевичем, который был недоволен Новгородом. Приняв почтительно владыку, Иоанн просил молитв его за себя и напомнил обещание свободы от ханов ордынских. Святитель сказал ему: «Не презрит Господь слезные молитвы угнетенных, рассеет Орду своими неисповедимыми судьбами, если только государь пребудет в твердом благочестии и будет надзирать тихими очами за своей державой».

Во все время архипастырства святого Ионы Новгород наслаждался миром; соседи не тревожили его пределов, и граждане не заводили междоусобий. Пользуясь спокойным временем, престарелый владыка обратил заботливую любовь свою на Отнюю пустынь, построил в ней два храма и снабдил ее землями и рыбными озерами, которые купил на

свои келейные деньги. Он вызвал к себе в Новгород ученого инока, серба Пахомия, жившего тогда в Москве, и поручил ему составить жизнеописания и службы чудотворцам Новгорода и Пскова¹⁴. При страшной моровой язве в 1467 году святой Иона показал себя добрым пастырем и отцом своего народа¹⁵.

Святой архиепископ Иона мирно почил в глубокой старости 5 ноября 1470 года. Мощи его положены были в могиле, им самим приготовленной в Предтеченском храме Отней пустыни, но не засыпаны землей, потому что чистое тело святителя не издавало запаха тления¹⁶.

Между тем как Великий Новгород наслаждался миром и благоденствием при архипастырстве двух великих своих святителей – Евфимия и Ионы, святители Церкви Пермской, незадолго перед тем насажденной апостольскими трудами святого епископа Стефана, боролись с диким язычеством и проливали кровь свою за веру Христову. После блаженной кончины первого просветителя Пермской земли преемник его, епископ Исаакий, архипастырствовал недолго и большую часть

времени провел в Москве. Новая паства, оставшаяся без пастыря, и сама по себе скоро дозволила себе беспорядки, а фанатики язычества – волхвы – рады были, не встречая препятствий, рассеивать плевелы на ниве Божией; дикие вогуличи даже насилием стали принуждать новых христиан к язычеству. При таком положении дел новому пастырю, ревностному к своему долгу, много надлежало трудиться, много перенести неприятностей. Блаженный епископ Герасим ревностно очищал плевелы, появившиеся на новой ниве Христовой. В последние годы его жизни вогуличи под начальством свирепого князя Асыки снова стали врываться в поселения крещеных зырян. Святитель до того простирали свою отеческую заботу о покое паствы, что с опасностью жизни являлся сам в стан вогуличей. Несмотря на свирепость начальника, просьбы и убеждения святителя подействовали на дикарей, и они удалились в свои места. Ревностный пастырь занялся потом водворением покоя и порядка в поселениях, пострадавших от дикого неприятеля: он проникал в самые глухие места, если слышал, что

там страдает беспомощная бедность; входил во все нужды жителей и спешил оказывать помощь. Такими подвигами заслужил он имя благодетеля народа. По одному древнему известию близ Усть-Вымской крепости святитель был удушен омофором рукой вогулича, принятого им на воспитание.

Преемник святого Герасима блаженный Питирим испросил у великого князя Василия Темного многие льготы и пособия для зырян, пострадавших от нападения того же Асыки, и успел даже обратиться к вере Христовой некоторых вогуличей, живших по соседству с пермскими христианами. Он был схвачен и убит вогуличами 19 августа 1456 года. В продолжение 40 дней тело святителя оставалось на месте кончины, и тление не коснулось его. Из ближних и дальних мест стекались жители к нетленным мощам священномученика, и многие по вере своей получали благодатную помощь.

После святого Питирима блаженный епископ Иона неусыпными апостольскими трудами довершил крещение Великой Перми¹⁷. После нелегкой борьбы с волхвами он успел

склонить к вере Христовой местного князя (кажется, сына Асыки) и, окрестив, назвал его Михаилом. Этот новопросвещенный князь усердно помогал святителю в дальнейших успехах его. Волхвы были изгнаны, предметы суеверного и нечестивого обожания истреблены, идольские капища заменены храмами Божиими, на новой ниве поставлены трудолюбивые святители из опытных священников Усть-Выми¹⁸. Блаженный святитель был образцом искреннего благочестия и неутомимо трудился для блага паствы своей. Он мирно почил в Усть-Выме в 1470 году¹⁹.

Во второй половине XV века прославились святостью жизни многие иноки. Некоторые из них жили отшельниками в отдаленных окраинах Русской земли, другие положили основание многолюдным обителям и принимали невольное участие в событиях своего времени. Так преподобный Паисий, игумен Галичской Успенской обители, был духовником князя Дмитрия Красного, меньшего брата Шемяки, и свидетелем междоусобных распрей князя Юрия Галичского и сыновей его с великим князем Василием. По кончине князя

Дмитрия²⁰ преподобный Паисий проводил тело его в Москву и, по завещанию усопшего, принес великому князю икону Богоматери, списанную с чудотворной Овиновской²¹; в Москве святой митрополит Иона, великий князь, бояре и народ благоговейно встретили святую икону, и первосвятитель почтил Паисия саном архимандрита. Блаженный старец преставился 25 мая 1460 года²².

Преподобный Дионисий Глушицкий, вологодский уроженец, пострижен в обители Спасокаменской соименным ему игуменом-святогорцем и подвизался там в посте и молитвах несколько лет. После того он отправился с учеником своим Пахомием искать места для пустынной жизни и нашел близ селения Святой-Луки запустевший монастырь, построил здесь деревянный храм святого Николая и возобновил древнюю общежительную обитель²³.

Оставив здесь Пахомия, блаженный Дионисий пошел далее. За 15 верст от Луки подвижник Божий поселился в лесу, на берегу реки Глушицы, поставив себе хижину под черемушным кустом. Сюда стали собираться к

нему и селиться вокруг убогой кельи его любители безмолвия. В 1403 году срублена небольшая церковь Покрова Богородицы и по совету Ростовского архиепископа Григория учреждено строгое общежительство под настоятельством блаженного Дионисия, который еще прежде, на Святой-Луке, был рукоположен в иерейский сан тем же архипастырем.

Не ослабляя своих подвигов, ревностный игумен строго требовал от братии полной нестяжательности, терпения и сострадательности к нуждающимся. «Дети, – говорил он ученикам своим, – не смущайтесь трудами пустыни. Многими скорбями надо достигать Небесного Царствия. Для нас эти скорби – пост и лишения всякого рода. Молитва наша должна быть от чистого сердца. О милостыне к нищим будем помнить слова Спасителя: “Блаженны милостивые”». Подавая собой пример инокам во всех трудах и послушаниях, блаженный Дионисий особенно любил заниматься писанием икон²⁴.

Когда Глушицу стали посещать многочисленные богомольцы, любитель безмолвия

удалился за 4 версты в непроходимую дебрь и у огромной сосны, оставившей и месту название Сосновца, соорудил себе келью, а потом небольшой храм во имя пустынного ангела Предтечи. Это было в 1420 году. К нему приходили жены с желанием слушать наставления его и желали бы часто слушать их; а потому Дионисий в 2 верстах от Покровской обители устроил женское общежитие с храмом святителя Леонтия Ростовского. В устройении и поддержании всех трех обителей щедро помогали преподобному князь Дмитрий Заозерский²⁵ и Юрий Бохтюжский, особенно же последний²⁶.

Блаженный Дионисий ревностно заботился о распространении славы имени Божия. В 18 верстах от Глушицкой обители, на реке Сухоне, построен им храм во имя Вознесения Христова с тем, чтобы окрестные жители могли в нем слушать слово Божие и учиться страху Божию. Другой храм, во имя святого Николая, построен им в селе Двинице по просьбе бедных жителей того села, и для этого храма писал он сам иконы.

За семь лет до кончины богоносный осно-

ватель трех обителей приготовил себе могилу и часто приходил к ней, размышляя о загробной жизни. Он мирно почил 1 июня 1437 года²⁷. Строго благочестивая жизнь, насажденная аввою в его пустыни, долго процветала и по кончине его²⁸. Собор 1547 года установил чтить память преподобного Дионисия, прославленного многими чудесами, во всех церквах русских²⁹.

Известность блаженного Дионисия как опытного наставника привлекала к нему весьма многих подвижников. В числе их были преподобные: Амфилохий, Макарий и Тарасий Глушицкие, Филипп Рабангский³⁰ и Григорий Пельшемский.

Блаженный Амфилохий пришел уже иноком из Устюга к преподобному Дионисию, когда основаны были обители Глушицкая и Сосновец. Преподобный игумен особенно любил Амфилохия за кротость и смирение и перед кончиной своей сказал ему: «Вижу, что смерть близка ко мне, тебе же велит Господь жить. Предай тело мое земле; не оставляй сего места, подвизайся каждый день. Кто из нас может заплатить чем-нибудь Владыке Хри-

сту?» Когда Амфилохий стал плакать о разлуке с учителем, – «ты еще не довольно подвижался, – сказал тот, – для получения назначенной тебе награды», – и поручил ему управление своими монастырями. Преподобный Амфилохий скончался спустя 15 лет после своего наставника, 12 октября 1452 года³¹.

Юноша Матфей, ростовский уроженец, с 12-летнего возраста поступил в обитель преподобного Дионисия. Постриженный там в иночество с именем Макария и посвященный в иерейский сан Ростовским епископом Дионисием (прежде бывшим игуменом Спасокаменским), Макарий жил в келье блаженного аввы до самой его кончины, отличаясь чистотой и простотой души. Он был игуменом Глушицким после Амфилохия³².

Игумен одной из Пермских обителей, основанных святителем Стефаном, блаженный Тарасий, добровольно оставил начальство, чтобы подвизаться в послушании. Когда сказали Дионисию о прибытии его в Глушицкую лавру, он вышел навстречу к Тарасию. «Издавна желал я видеть лицо твое, честный отче, и много молил о том Господа», – сказал Тарасий

при встрече с Дионисием. «Благословен Бог, пославший к нам, недостойным, мужа опытного и благоговейного», – отвечал Дионисий. «Тебя прославил Господь по делам твоим, – сказал Тарасий, – позволь же моему смирению подражать тебе и исполнять волю твою». Дионисий говорил ему: «Не ты ли был сам пастырем и целителем людей, блуждавших во мраке язычества в земле Пермской?» Поселившись в Глушицах, преподобный Тарасий проводил суровую пустынную жизнь в Глушицкой обители, сохранял строгий пост и приобрел благодатные слезы умиления, которые часто текли из очей его. Он преставился в 1440 году³³.

Преподобный Григорий Пельшемский, из рода галичских дворян Лопотовых, постриженный в ранней юности, был игуменом Спасской обители, что на Песках, в Ростове³⁴, но, тяготясь настоятельством и чувствуя неодолимое влечение к безмолвной жизни, он удалился в дебри вологодские. В келье Сосновицкой пустыни он нашел желаемый покой и стал продолжать свои подвиги, пользуясь опытными наставлениями преподобного

Дионисия Глушицкого. Приятна была Григорию тишина уединенной жизни, но он почувствовал нужду потрудиться для спасения других.

С крестом на плечах пустился отшельник искать удобного места для иноческого пребывания и на берегу реки Пельшемы водрузил крест в основание обители. Скоро стали собираться к нему любители пустынной жизни, и построен был первый деревянный храм, для которого преподобный Дионисий принес иконы праздников Господних своей работы и книги Пролога. Преподобный Григорий в свободное от подвигов время любил списывать священные книги для своего монастыря. Обитель его цвела братской любовью и иноческими подвигами. Когда при губельных междоусобиях того времени князь Дмитрий Шемяка опустошал страну Вологодскую, несчастные жители бежали из жилищ своих и скитались в лесах, не зная, где преклонить голову; многие умирали с голоду. Толпы разоренных стекались за пищей в обитель Григория; он помогал им, сколько мог. Одушевляясь любовью к отчизне, он решил сказать правду Шемяке.

«Князь Дмитрий, – говорил пустынник, – ты творишь дела нехристианские; ступай лучше в сторону языческую, к людям поганым и не знающим Бога; вдовы и сироты христианские вопиют против тебя перед Богом. Сколько людей гибнет от тебя голодом и стужей!» Шемяка, взбешенный гордостью, приказал сбросить Григория с высокого моста. Старец несколько часов лежал без чувств, сильно разбитый. Очнувшись, сказал он окружающим: «Каков господин, таковы и слуги; но погибнут они, несчастные». Вскоре Шемяка должен был оставить Вологду, разбитый войсками великого князя, а мужественное ходатайство отшельника за несчастных усилило уважение в народе к преподобному Григорию и его обители.

Старец-подвижник не изменял своих правил до гроба, соединяя смирение с подвигами любви к Богу и ближним: после молитвенной беседы с Господом лучшим утешением для него было принимать странных и оказывать возможную помощь нуждающимся. Приблизясь к кончине, он приобщился Святых Тайн и, преподав наставление братии о себе, ска-

зал: «Когда умру я, не воздавайте мне никакой почести, а взяв за ноги, оттащите меня в болото». Он предал дух свой 30 сентября 1442 года³⁵.

Из Печерского Нижегородского монастыря, основанного святым Дионисием Суздальским³⁶, воссиял светильник, предназначенный светить не только христианам, но и поклонникам Магомета. К Дионисию еще во время настоятельства его пришел 12-летний отрок, сын благочестивых жителей Нижнего Новгорода, в детстве обученный грамоте, причем он обнаружил особенные дарования ума и сильную любовь к ученью. На вопрос настоятеля, кто он и откуда, отрок отвечал, что он безродный сирота и желает работать Господу. Дионисий принял его в свою келью и вскоре постриг, назвав Макарием. Юный монах начал подвизаться со всей пылкостью души юношеской, был послушен каждому в обители, особенно же настоятелю. Спустя три года отец Макария, по слухам о молодом монахе, пришел в обитель для свидания с любимым сыном, которого считал погибшим, но сын, посвятивший себя Богу, сказал, что отец его –

Господь, а после него – настоятель. Отец, слыша голос его за стеной, со слезами говорил: «Сын мой, сын мой! Дай посмотреть на тебя!» Макарий отвечал: «Лучше будет для обоих, если не увидимся здесь; увидимся там – в вечности». – «Не хочу я препятствовать твоему благому намерению, – говорил отец, – радуюсь о твоем спасении: но не отойду от кельи, пока не увижу тебя». Блаженный оставался твердым в своей решимости; тогда отец просил, чтобы сын протянул ему по крайней мере свою руку. В успокоение рыдающего отца сын выставил в окошко руку. Отец схватил ее, поцеловал и сказал: «Теперь спасайся о Господе, сын мой, и молись о нас».

Блаженный Макарий отличался необыкновенной строгостью поста: хотя всегда ходил в трапезу вместе с другими, но принимал пищу в такой мере, чтобы только не умереть с голоду. Братия, замечая это, стали уважать постника, а Макарий, тяготясь уважением других и пламенно желая безмолвия, решил удалиться в пустыню.

Тайно оставив обитель Печерскую, он пришел на реку Лух, при впадении в нее речки

Добрицы; там он поставил себе хижину и стал жить один. Мало-помалу стали собираться к нему ревнители благочестия, и образовался общежительный монастырь³⁷. Устроив обитель и назначив игумена для братии, преподобный Макарий стал снова искать безмолвия. Переходя из пустыни в пустынь, он пришел на берега Волги и выкопал себе пещеру близ озера Желтые Воды. Узнали и здесь великого подвижника: не только православные, но и чтители лжепророка Магомета с благоговением и изумлением смотрели на строгую и многотрудную жизнь отшельника. Они приносили ему то хлеб, то мед, то другие припасы, которые Макарий раздавал приходившим к нему. Когда собралось довольно братии, преподобный Макарий построил (в 1435 году) деревянный храм во имя Святой Троицы и был посвящен в игумена Троицкой Желтоводской обители. Для всех служил он примером труда и смирения; обходясь ласково с соседними язычниками – мордвой, черемисами и чувашами, он проповедовал им веру Христову, и многие из них крестились³⁸.

Когда Улу-Ахмет утвердился в Казани³⁹,

сын его Мамомяк в 1439 году напал на Нижний Новгород и опустошил окрестные селения. Тогда толпы хищных татар напали неожиданно и на обитель Желтоводскую, разорили ее, умертвили многих иноков, а самого Макария увели в улусы. Когда Улу-Ахмет увидел Макария, то, зная высокую жизнь его и благотворительную любовь ко всем, немедленно отпустил на родину доблестного старца. Из уважения к нему он дал свободу и другим христианам, так что с Макарием вышли из плена до 400 человек. «Но не смей жить на Желтых Водах, – говорил хищный татарин, – это земля наша». Макарий выпросил себе еще дозволение похоронить избитых братьев в разоренной обители⁴⁰. «Вот Божий человек, – сказал хан, – он заботится не только о живых, но и о мертвых». Оплакав пострадавших братьев, преподобный убедил вышедших с ним из плена не селиться на прежних местах – иначе татары предадут их злой смерти. Все согласились идти в Галичскую сторону, за 240 верст, и, помолясь Богу, отправились лесами и местами топкими. На дороге не стало у них хлеба, голод начал терзать непривычных к

нему. Преподобный Макарий стал молиться, и вот нашли они завязшего в узком месте лоса. Это было во время поста апостольского. Путники просили у Макария утолить голод лосем. Но он не благословил им нарушать пост и убеждал потерпеть до праздника святых апостолов Петра и Павла. «Поверьте, братья, – прибавил старец, – лось будет в ваших руках, когда придет время разрешить пост; потерпите еще три дня; Господь сохранит жизнь вашу». Путники послушались преподобного и, надрезав ухо лосю, пустили его, а преподобный молил Господа, чтобы укрепить слабых товарищей его. По милости Всемогущего даже малые дети остались живы, пробыв без пищи до праздника апостолов. В праздник преподобный Макарий, отойдя в сторону от прочих, преклонил колена и, воздав благодарение Господу за Его благодать всеильную, молил Его пропитать гладных спутников его. И вот неожиданно явился тот самый лось, которого пустили на свободу за три дня перед тем. Святой старец с радостью благословил для трапезы. «Надейтесь же, друзья мои, на Господа, – прибавил он. – Он не

оставит нас и впрядь». И точно, после того то попадался им лось, то без труда ловили оленя, и так благополучно дошли до старинного и многолюдного города Унжи. Там спутники Макария рассказали жителям Унжи об избавлении своем из плена, о чудном прокормлении в дальнем странствии, и унжане приняли Макария, как Ангела Божия, а он отыскал себе безмолвное место в 15 верстах от города, на правом берегу реки Унжи, окруженное лесом, ровное и красивое. Здесь он поселился, основал третью обитель и преставился 25 июля 1444 года⁴¹, на 95-м году от рождения, после 83-летнего монашества⁴².

В пустынной обители Спасокаменской, орошаемой водами Кубенского озера, созрело несколько дивных подвижников. Один из них просиял святостью жизни на том самом острове, где получил духовное воспитание; другие сделались отцами пустынножителей на диких берегах Кушты и Сянжемы.

При игуменстве блаженного Дионисия, постриженника Афонской горы, введен в Спасокаменском монастыре строгий Афонский устав. К нему стеклись многие любители пу-

стынной жизни. В числе их был преподобный Евфимий, уроженец вологодский. Он вскоре перешел из обители, с благословения настоятеля, за две версты от Кубенского озера, на реку Кушту, и в тесной келье работал Господу постом и молитвой.

Вскоре после того пришел в ту же пустынную обитель молодой странник, родом также из Вологды, по имени Алексей. Он пал к ногам настоятеля и со слезами просил облечь его в иноческий образ.

«Чадо, – сказал ему игумен, – это место скорбное и требует подвигов. Ты молод, не перенесешь здешней жизни».

Странник отвечал: «Бог всем желает спасения. Он привел меня сюда, и я готов исполнить все, что повелишь, только не отвергай меня». Игумен велел ему служить братии и скоро постриг его с именем Александра. Новый инок предал себя Богу, выполнял все послушания, наблюдал строгий пост, неослабно пребывал в молитве и прогонял леность рукоделием. Братия дивились его подвигам и смотрели на него, как на ангела Божия.

Тяготясь всеобщим уважением в обители

и стремясь душой к подвигам безмолвия, блаженный Александр отправился искать пустынного места и пришел на реку Сянжему, где был густой лес, окруженный озерами. Здесь поставил он себе хижину и проводил жизнь в молитве, терпя голод и стужу. Мало-помалу стали приходить к нему люди и дивились жизни пустытника. Он удалился и отсюда и, встретив близ устья реки Кушты⁴³ преподобного Евфимия, провел с ним несколько времени в духовной беседе. Потом пустытники поменялись келльями. Преподобный Евфимий пошел в хижину Александра на Сянжеме, а ему уступил свою малую келлью на Куште и при прощании оставил ему на благословение свой крест. Когда блаженный Евфимий поселился на Сянжеме, вскоре пришел к нему делить подвиги отшельник Харитон, и мало-помалу возникла Вознесенская обитель. Блаженный Евфимий и ученик его Харитон сами копали землю, садили овощи, рубили лес и таким образом, изнуряя плоть, возвышались в жизни духовной. Наставник стоял в храме, как перед лицом Божиим, и слезы умиления текли из очей его;

он пел псалмы Давидовы наизусть, упражняясь в рукоделии. Перед кончиной он передал управление монастырем блаженному Харитону⁴⁴.

Тихая пустынь на берегах Кушты очень понравилась преподобному Александру. Там он водрузил крест, полученный от Евфимия, и усердно молился: да благословит Господь собрать на место сие ревнителей тесного пути Христова. Блаженный отшельник трудился одиноко, копал лопатой землю и сеял рожь для своего пропитания. Когда пришли к нему, один за другим, двое пустынников, преподобный Александр испросил благословение бывшего игумена своего, а с 1418 года архиепископа Ростовского Дионисия на устройство пустынной обители с храмом Успения Богоматери. Князь Дмитрий Васильевич Заозерский очень рад был тому, что являются новые молитвенники к населенной его отчине. Он помогал пустынникам при основании монастыря; супруга его, княгиня Мария, часто присылала припасы для обители, а по кончине мужа⁴⁵ отдала обители сельцо на поминовение души его. Однажды она нечаянно пришла в

монастырь и вошла в церковь, где преподобный Александр читал псалтирь в простоте пустынной, с обнаженной грудью, которую терзали насекомые; преподобный Александр огорчился безвременным посещением и сказал: «Не следует тебе, княгиня, назирать за нашим убожеством и недостойнством». Княгиня смиренно просила прощения. Отшельник простил ее и дал наставление: «Корми свою нищету в доме своем». Скоро она занемогла и прислала просить молитв, но преподобный Александр отвечал: «Пусть готовится к вечной жизни». Спустя 20 дней княгиня скончалась.

Предчувствуя близость блаженной кончины, старец сказал ученикам своим: «Я ослабеваю и оставляю вас, а вы, чада мои, терпите на этом месте, храните смирение и любовь взаимную». Совершив литургию и причастившись Святых Тайн, преподобный Александр преклонил колена, помолился со слезами за себя и за обитель свою и на 68-м году мирно предал дух свой Господу 9 июня 1439 года.

Мощи преподобного Александра положены были по завещанию его вне церкви, у юж-

ной стороны алтаря.

Год спустя после его кончины выросло над могилой его рябиновое деревце. Отрок из поселян отломил ветку от этого дерева, и внезапно разболелась рука его: родители привели сына на гроб преподобного, и больной исцелился. С тех пор народ стал брать ягоды на исцеление себе, особенно одержимые духами нечистыми исцелялись у гроба преподобного

46.

Сын благодетелей Куштской обители, князь Андрей Дмитриевич Заозерский, воспитанный с детства в страхе Божиим, оставшись сиротой и лишившись отцовского наследия⁴⁷, рано почувствовал суетность мирской жизни. Он пришел в Спасский монастырь, на Каменный остров, и просил игумена облечь его в иночество.

Молодость князя (ему было не более 20 лет), знаменитый род его и нерасположение великого князя к семейству князей Заозерских смущали игумена Кассиана. Он сказал юному князю: «Место твое не здесь, а в думе боярской или на поле брани». Князь Андрей отвечал ему: «Напрасно смущаешься, отче;

я твердо решил не принимать услуг от других, а служить другим и нести крест по следам Господа моего». Игумен, после многих увещаний, решился принять его в монастырь и вскоре постриг, назвав Иоасафом, именем царевича, который оставил царство для Христа. Юный князь-инок с радостью исполнял обеты иночества. С братией имел он свидание только в храме; все время его посвящалось молитве и размышлениям о вечности; пост соблюдал он самый строгий. Чистый душой и телом, он еще на земле удостоился посещения небесного. Раз пел он псалмы в келье и услышал голос в ответ на молитву души его. Голос уверял: «Обширная пустыня, окружающая озеро, наполнится пустынноиками, певцами славы Божией, и, если они будут хранить заповеди Божии, все будет готово для их земной жизни». Борису Васильевичу Ржевскому пришло на мысль посетить племянника и предложить ему денег с тем, чтобы он построил себе свой монастырь, — предложение, приятное для самолюбия, но опасное для душевного спасения. Блаженный Иоасаф отвечал князю-дяде: «Не нужно нам серебра и

золота, когда искренно желаем жить в пустыне; раздай бедным, что принес для нас, и получишь щедрую награду от Господа». Юный подвижник чувствовал, что путь подвигов его не будет продолжителен, и с пламенным усердием спешил творить добро. Только пять лет подвизался он в обители. В последний год своей жизни он вкушал пищу один раз в неделю, в день воскресный, по приобщении Святых Тайн. Тело его от подвигов весьма ослабело, но он благодарил за то Господа. Недолгая, но богоугодная жизнь князя-инока прекратилась 10 сентября 1453 года. Девственное тело его положено было в храме Спасокаменской обители и скоро стало источать чудесные исцеления⁴⁸.

Еще далее к северу, в глубине Заволочья, пустынные берега Ваги прославлены преподобным Варлаамом Шенкурским – и в мирской его жизни, и в иночестве.

Посадник Великого Новгорода Василий Степанович Своеземцев, человек весьма богатый и уважаемый великими князьями, имел обширные наследственные владения в Заволочье⁴⁹ и употреблял огромные средства свои

на пользу дикой страны, а особенно для нравственного образования туземцев. Он жил в Новгороде и посылал в отчину свою управителей, а по временам и сам бывал на Ваге⁵⁰. Исполняя заповедь Спасителя, он был питателем сирот, одеждой нагим, покровителем странников.

Тревоги и неправды при союзе Новгорода с Шемякой возмущали совесть богобоязненного посадника; он совсем удалился из шумного Новгорода в любимый Важский край; на Ваге он основал иноческую обитель в честь евангелиста Иоанна, наградив ее селами и угодьями. Приготовив душу к подвигам самоотречения делами благотворительности и глубоко чувствуя пустоту мирской жизни, Василий Степанович, оставив жену и детей, поселился в обители евангелиста и принял монашество с именем Варлаама. Иноческая жизнь его была весьма строга; смирением и послушанием он ставил себя ниже всех, как будто и не был основателем обители и владельцем богатых земель. Сколько знаменит он был за оградой обители, столько в обители, в одежде инока, старался отличиться только иноческими по-

двигами. Верный Владыке своему раб, он работал Ему каждый день со всем усердием, упражняясь в посте и молитвах. Достигнув глубокой старости, преподобный Варлаам мирно преставился 10 июня 1462 года, незадолго до покорения Новгорода и всего Важского и Двинского края державным великим князем Иоанном.

При необыкновенном разливе реки Ваги в июне 1552 года оторвалась часть горы, на которой стоял монастырь Богословский. Тогда открылось много гробов, в том числе и гроб преподобного Варлаама. Братия перенесли гроб основателя своей обители и увидели, что мощи преподобного Варлаама совершенно целы, даже иноческие одежды его и самый гроб не истлели⁵¹.

Около того же времени была основана новая обитель иноческая в окрестностях Великого Новгорода, уже доживавшего эпоху своей вольности. Преподобный Савва, уроженец города Кашина, второй из восьми сынов тверского боярина Ивана Васильевича Борозды⁵², с ранней молодости не любил рассеянной жизни: нося мирскую одежду, он постился и

усердно ходил в храм Божий. Увлекаемый Божественной ревностью и любовью к Богу, он оставил дом свой и родственников, принял пострижение в одной из обителей своей родины⁵³ и беспрекословно исполнял самые тяжкие послушания, днем трудясь в хлебне и поварне, ночи проводя без сна на Божественной службе. Безмерное смирение подвижника привлекло к нему всеобщее уважение, так что не только братия обители, но все жители того края почитали его, как Ангела Божия. Избегая славы человеческой, подвижник отказался от игуменства и отправился на Афонскую гору. Неизвестно, долго ли он пробыл на Афоне, но впечатления Афона надолго остались в душе его⁵⁴. Возвратясь со Святой Горы в отечество, блаженный Савва странствовал в виде бедного инока по окрестностям Новгорода, отыскивая себе место для уединенных подвигов.

В 7 верстах от великого вольного города, на реке Вишере, понравилось ему тихое место. Он поставил тут крест⁵⁵, а вблизи хижину и стал жить отшельником. Случилось одному из новгородцев проходить мимо того места,

где подвизался Савва. День был знойный; а инок пустынный стоял на молитве, недвижимый: лицо его покрыто было комарами и истерзано до крови, а он как бы ничего не чувствовал, погруженный в молитву. Изумленный новгородец рассказал другим, какого видел он раба Божия. Когда до архиепископа Иоанна III дошла молва, что в его епархии явился неведомый отшельник, он послал спросить, как дозволил себе тот жить в епархии без благословения? «Одна девица, – поручил отвечать Савва, – сидела у окна близ площади и бесстыдно смотрела на всех проходивших; другая же, сидя у другого окна, бережно хранила чистоту души своей. Люди добрые осуждали первую и одобряли вторую; не будет, говорили, добра в той суетной и рассеянной. Поселясь в этой пустыне, я убегаю только мира, а не пастыря, которого молитв и благословения жажду». Архиепископ понял по такому ответу, что отвечающий – старец духовной жизни, и захотел посетить его. Он встретился с Саввой на пути и, не узнав его, покрытого рубищем, велел ехать с собой до кельи Саввы. Беседа во время пути показала

архиепископу в спутнике смиренномудрого раба Божия, и архиепископ полюбил Савву, прежде чем узнал его. Перед кельей своей Савва назвал себя по имени, и архипастырь с живейшей радостью любви благословил его. Разделив с ним пустынную трапезу и наслаждаясь духовной беседой его, архиепископ Иоанн присылал потом свои дары для пустыни Саввы.

По случаю спора, поднятого иноками Лисичьего монастыря⁵⁶ за землю, преподобный Савва обратился к начальникам Славянского конца с просьбой отвести ему место на реке Вишере для пустынной обители; они с любовью отвели. В 1481 году, по благословению блаженного архиепископа Симеона преподобный построил деревянный храм в честь Вознесения Господня и поставил кельи для братии. Когда он рубил своими руками храм, пришли к нему трое разбойников. «Дети, – сказал Савва, – помогите мне поднять дерево на стену». Он указал им на тонкий конец огромного дерева, а сам взялся за толстый. Они не могли поднять своего конца, а старец Савва, крепкий телом и духом, легко подхва-

тил свой конец и положил на место. Разбойники переглянулись между собой и поспешили уйти.

К подвижнику стали стекаться ревнители пустынной жизни. Он принимал их с любовью и учил подвигам собственным примером, трудясь более всех.

Устроив обитель, преподобный Савва поставил себе столп и стал подвизаться на нем в посте и молитве. Столпник сходил со столпа в субботу, слушал службу воскресную, разделял с братией трапезу и потом возвращался на столп, никогда не изменяя своего правила. Однажды родной брат пришел к нему из Твери; Савва сошел со столпа, молча благословил брата и возвратился на столп. В обители сохранилась повесть о том, как преподобный Савва привел однажды на вече дикого медведя, жалуясь, что он растерзал двух рабочих коней монастырских. По суду посадников медведь осужден был работать вместо лошади и нес это наказание несколько лет. Так и лютые звери повинуются угодникам Божиим!

Много лет провел блаженный столпник в многотрудном своем подвиге и мирно преста-

вился на восьмидесятом году жизни, 1 октября 1461 года.

Вскоре начались чудотворения при гробнице преподобного Саввы; в особенности исцелялись многие, страдавшие продолжительными лихорадками⁵⁷.

Под руководством преподобного Саввы образовались дивные подвижники. Блаженный Андрей, ученик и преемник его в игуменстве, до того изнурил тело свое постом и бдением, что едва оставались кожа и кости. Другой ученик его, преподобный Ефрем Перекомский, или Перекопский, вскоре после кончины наставника своего удалился на западный берег озера Ильмень, на устье реки Веренды, и там поставил себе келью в глухом безмолвном месте, в 25 верстах от Новгорода. Когда собрались к нему пустынники, он основал обитель с деревянным храмом святого Николая, а чтобы осушить болотистую почву и доставить монастырю чистую воду, выкопал проток из реки Веренды в озеро. По уставу его братия ночью мололи рожь, после утрени работали в поле или огороде, после же литургии трудились по кельям. Преподобный Ефрем достиг

глубокой старости и почил 26 сентября 1492 года⁵⁸.

Почти в то же время в пределах Московского великого княжения просиял святостью жизни дивный подвижник из духовного потомства великого чудотворца Сергия. Преподобный Пафнутий Боровский, внук татарина, бывшего баскаком в Боровске⁵⁹, в молодости ушел из родительского дома в Боровский Высоко-Покровский монастырь, здесь наставником его был блаженный Никита, один из учеников Богоносного Сергия Радонежского. Спустя несколько лет братия упростили Пафнутия принять на себя начальство над обителью, но на 13-м году игуменства он тяжело заболел, принял схиму и отказался от управления монастырем. Выздоровев, Пафнутий стал жить в трех верстах от Боровска, среди густого леса⁶⁰, с одним послушником. Мало-помалу начали приходить к нему братия и построили деревянный храм Рождества Богородицы. Так основался Боровский Пафнутьев монастырь!

В числе многих, поселившихся в новой обители, чтобы пользоваться наставлениями

опытного подвижника, были: юноша Иоанн Санин, в иночестве Иосиф, будущий основатель Волоколамского монастыря; родной брат его Вассиан, впоследствии архиепископ Ростовский; дивный старец Иннокентий; Исаия – родственник блаженного Пафнутия, и несколько других.

Жизнь свою преподобный Пафнутий проводил так: в понедельник и пятницу ничего не ел, ав среду – сухой хлеб; в прочие дни вкушал вместе с братией. Всегда пребывал в трудах, рубил дрова, орошал растения, копал в саду землю, занимался другими тяжелыми работами, и никто прежде его не являлся ни на работе, ни на общем правиле молитвы. Зимнее время занимался чтением и рукоделием, плел мережи для ловли рыбы. К телу своему не позволял касаться никому, а женскому полу не дозволен был и вход в обитель его; чистота девства сохранена им от рождения до смерти. Тем не менее с того времени, как он принял схиму, не литургисал он, как обрекший себя на уединенную молитву смиренного схимника, только однажды в день Пасхи по нужде совершил он Таинство с глу-

боким умилением; после того говорил он ученикам своим: «Ныне душа моя едва осталась в теле». Когда нужно было, вступал он в разговор; а когда надобно было молчать – молчал; во всем любил нищету и бедность; о телесных нуждах не заботился. Относительно догматов веры соблюдал такую строгость, что, если кто начинал говорить несогласно со Святым Писанием, не медля выгонял того из обители. «Чистота жизни, неутомимые подвиги, твердая любовь к Богу, надежда на заступление Пречистой Богородицы привлекли к преподаванию Пафнутию особенную благодать Божию, по которой он провидел сердечные помыслы, исцеляя болезни, получал все, чего просил с верой у Бога»⁶¹.

Так он провидел тайные мысли учеников своих, искушения лености, ропота и нечистоты плотской, открывал виновным собственные их чувства и намерения и приводил их к покаянию.

Преподобный Пафнутий говорил ученикам своим, что можно узнать по взору, добрыми ли кто занят мыслями или дурными. Ученики дивились, но потом увидели и опыты

прозорливости Богоносного своего наставника. Однажды пришел в обитель Пафнутиеvu один странник, монах; прозорливый старец, никогда прежде не видав его, сказал ученикам: «Видите ли: этот человек и иночеством не очистился от крови князя Димитрия, которого уморил». Это был Иван Котов, убийца Шемяки.

Много исцелений и других чудес совершил преподобный Пафнутий в земной своей жизни⁶². Во время сильного голода он ежедневно кормил до тысячи человек окрестных жителей, и запасы монастырские не истощались.

После 63 лет иночества, преподобный Пафнутий приблизился к блаженной кончине, которую предсказал за несколько дней, и мирно почил 1 мая 1477 года⁶³.

В XV веке видим несколько дивных подвижников, принявших на себя юродство и превосходивших прозорливой мудростью всех тех, которые сами себя считали умными. Так, в Москве юродствовал блаженный Максим; он ходил нагим в морозы и терпел голод. «Хоть люта зима, да сладок рай», – говорил он, бегая по улице. Добровольные страдания его

служили к спасению не только ему самому, но и многим. Он жил в бедственное время: то набеги татар, то засуха и голод, то моровые поветрия томили бедный народ. Блаженный подвижник вольным терпением своим учил народ невольному терпению, переносил мысли людей к раю, для которого охотно переносил он все на земле. Он говорил народу: «Не все по шерсти, ино и напротив. Не верти головой, как бешеная коза: не продали бы татарам. За дело побьют, повинись да ниже поклонись. Не плачь битый, плачь небитый». Купцам и знати Москвы говаривал: «Божница домашня, а совесть продажна. По бороде Авраам, а по делам Хам. Всяк крестится, да не всяк молится. Бог всякую неправду сыщет. Ни Он тебя, ни ты Его не обманешь». Блаженный Максим почил от тяжких подвигов своих 11 ноября 1434 года⁶⁴.

В Ростове подвизался другой дивный угодник Божий. Блаженный Исидор родился в Германии от богатых родителей, покинул родителей и латинскую веру по твердому убеждению в истинах Православия, принял на себя юродство и пришел в Ростов. Здесь бедный

странник, представляя из себя безумного, терпел насмешки и побои, проводил целые дни на улице, а ночи – в молитве, в непокрытой хижине из хвороста, которую он поставил себе внутри города, на болотистом пустыре. За тяжкие подвиги блаженный Исидор удостоен был благодати чудотворений. В житии его повествуется, что один знакомый ему купец, утопая в море, был спасен святым Исидором, чудесно явившимся ему на помощь. В другой раз по молитве его пустые сосуды наполнились вином на трапезе у князя в присутствии архиепископа. Современники звали его Твердисловом, потому что слово его всегда сбывалось. Блаженный Исидор преставился 14 мая 1474 года. В минуту кончины его по всему городу разлилось благоухание в воздухе. Ростовцы погребли его в самой хижине и подле построили деревянную церковь Вознесения Христова⁶⁵.

Третий дивный подвижник прославился в Великом Новгороде. Однажды летом во время утрени в Клопской обители⁶⁶ иеромонах, совершая каждение в храме, вздумал покадить и свою келью, нашел ее отворенной, а в ней –

человека в монашеском одеянии, писавшего книгу. На все вопросы игумена и братии пришелец отвечал повторением тех же слов и представлял из себя юродивого. Впрочем, на литургии читал Апостол, а за трапезой – житие, весьма приятно и вразумительно. Игумен дал ему келью, и незнакомец поселился в монастыре. Это было в 1408 году.

Однажды князю Константину Дмитриевичу (сыну Донского) случилось быть в Новгороде и сидеть за трапезой. Незнакомец читал житие, и князь, долго смотрев на него, поклонился ему и сказал игумену: «Это наш родственник Михаил Максимович, из княжеского рода»⁶⁷. Сам подвижник ничего не хотел открыть о себе, кроме того, что имя его – Михаил. В преподобном Михаиле открылся дар прозорливости и чудес: он узнавал и предсказывал будущее, а во время засухи, когда пересохли речки и источники, извел своими молитвами поток чистой и свежей воды. Однажды он начал звонить во все колокола и объявил святому архиепископу Евфимию: «Теперь в Москве радость: у великого князя родился сын Иван. Он будет наследником Мос-

ковского государства и грозой для соседей, покорит Новгород, отберет у вас золото и изменит все ваши обычаи».

Отшельник смело говорил правду князьям русским. Когда Шемяка, будучи изгнанником в Новгороде, спросил блаженного Михаила об успехе дела его, юродивый отвечал: «Довольно бед натворил ты в земле Русской, к радости врагов ее: если и теперь воздвигнешь междоусобие, со стыдом воротись сюда, а здесь готовы для тебя три локтя земли». После нового междоусобия старец сказал закоренелому крамольнику: «Слышу, князь, земля простонала три раза и зовет тебя к себе». Вскоре после этого Шемяка умер от яда.

Преподобный Михаил преставился 11 января 1454 года⁶⁸, в глубокой старости, прожив в Клопской обители 45 лет. Во все время он только один раз в неделю ел сухой хлеб и пил немного воды; в келье не было у него ничего, даже и рогожи. Подвижник спал на голом полу и не знал теплой одежды.

Таков был дивный старец, отрекшийся от славы земной для небесного наследия, провидевший рождение державного собирателя

земли Русской и плачевный конец вольности
Великого Новгорода!

Примечания

1 Блаженный архиепископ Симеон, именованный в иночестве Самсоном, преставился 15 июня 1421 года и погребен в Макариевской паперти Софийского собора. Он чтится местно вместе с владыками Новгородскими Иоакимом, Лукой, Мартирием, Аркадием, Антонием и Василием.

2 Новгородцы имели обычай избирать владыку своих на вече. Жребии с именами избираемых полагались потом на престол Софийского собора, откуда снимал их или младенец, или слепец. Последний жребий, оставшийся на престоле, заключал в себе имя новоизбранного владыки, который тогда уже вступал, еще до посвящения, во все права управления епархией. Случалось, что нареченный владыка несколько лет оставался без рукоположения; случалось и то, что новгородцы, почему-либо недовольные им, изгоняли его из палат владычных и на место его выбирали другого.

3 Он украсил гробницы храмоздателя Софийского собора святого князя Владимира, святой княгини Анны и поставил в соборе много драгоценных икон. В соборной ризнице сохранился устроенный при святом Евфимии артосный панагиар, замечательный по изяществу древнего искусства.

4 Новгородская III Летопись под 6947 годом.

5 Собрание Летописей, III, 183.

6 Четьи-Минеи рукописные в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры, № 671, л. 126.

7 Святой митрополит Иона в одном из посланий своих к святителю Евфимию пишет: «Ты говоришь, будто я называю в своей грамоте князя Дмитрия (Шемяку) моим сыном: посмотри внимательнее на грамоту; так ли там пишется? Сам он отлучил себя от христианства, сам положил на себя великую тягость церковную – неблагословения от всего великого Божия священства. Дал клятву не мыслить никакого зла против великого князя – и ей изменил. Ты видел эту грамоту. Как же после того можно мне именовать его своим сыном духовным? Итак, как прежде, так и те-

перь пишу тебе, что я с прочими владыками почитаю князя Дмитрия неблагословенным и отлученным от Церкви Божией. Ты пишешь еще, что и прежде Святая София и Великий Новгород давали убежище у себя гонимым князьям русским и по возможности оказывали им честь; однако ж прежние митрополиты не присылали грамот с таким тяжким наказанием. Но скажи мне, сын мой, какие князья причиняли столько зла своим великим князьям, нарушив крестное целование, или какие князья, оставив жену свою, детей и все имущество в Новгороде, ходили по великому княжению проливать кровь христианскую? Как прежде этого не бывало, так прежние митрополиты не посылали грамот с такой тяжестью».

8 Теперь эти вериги сохраняются в Софийской ризнице.

9 Мощи святого Евфимия почивают под спудом в церкви, устроенной в 1684 году во имя его под Никольским собором Вяжицкого монастыря, у правого клироса. Память его празднуется 11 марта.

10 Святой Иона, в мире Иван, остался круг-

лой сиротой в семилетнем возрасте и был воспитан в доме богатой вдовы Наталии Медоварцевой. В зрелых уже летах он удалился в Отнюю пустынь, в 50 верстах от Новгорода, незадолго перед тем основанную удалившимся из Киева от гонений архимандритом Харитоном. Здесь он постригся с именем Ионы, был настоятелем по смерти Харитона и успел построить в бедной пустыни великолепный каменный храм.

11 «Вдовьи уста благословили тебя, блаженный святитель, удостоившись твоей защиты; богоугождал ты Богу, по примеру Иова, и избавлял обижаемых от насилия». Из службы святому Ионе в ноябрьской Минее Московской печати 1645 года.

12 Из рукописного жития святого Ионы в библиотеке ТроицеСергиевой Лавры, № 671, л. 1–18. Это житие писано новгородцем и современником святого Ионы, как видно из сведения о мощах и особенно из послесловия, которое оканчивается следующими словами: «Да даст Господь и ныне молитвами его благословение, якоже и при нем, и мир граду вольному и гражданам его». Очевидно, что житие

писано прежде покорения Новгорода.

13 Церковь преподобного Сергия, ныне крестовая, находится между Евфимиевским корпусом и часовой башней, над воротами. В ней весьма замечательна храмовая икона: лик чудотворца отличается необыкновенной выразительностью; правая рука его благословляет именовсловно, а левая держит развернутый свиток.

14 Пахомий составил жития архиепископа Евфимия, преподобного Варлаама Хутынского, Саввы Вишерского и святой княгини Ольги, также службы святому Евфимию, преподобному Савве, князю Всеволоду-Гавриилу и Черской иконе Богоматери.

15 Во время этого ужасного морового поветрия в одном Новгороде число умерших простиралось до 48 000 человек, в том числе монахов и монахинь умерло 7 650 и 300 приходских священников; во всех Новгородских пятинах похищено заразой 260 652 человека. Можно представить себе, какой скорбью сокрушалось сердце доброго архипастыря. Он плакал и молился день и ночь. В тяжелой скорби о пастве услышал он голос: «Иди крестным

ходом в Неревский конец, где явился образ Богоприимца Симеона, и мор перестанет». В Зверином девичьем монастыре, в Неревском конце, была тогда обширная скудельница для погребения несчастных. Святитель с крестным ходом отправился в Зверин монастырь, совершил коленопреклонение перед явленной иконой об утолении гнева Божия, освятил обыденный храм в честь праведника и отслужил литургию. Затем мор прекратился.

16 В том житии, о котором мы упоминали выше, сказано, что гроб поставили в могилу, но не засыпали землей до 40 дней. А после этого срока, как не слышно было запаха тления и добрая жизнь святителя была всем известна, то решились оставить гроб незасыпанным, а только покрыть досками. «И ныне, – говорит писатель жития, – на исходе второго года по кончине его нет дурного запаха». Последние слова явно указывают время, когда писано житие. Чудеса святого Ионы описаны в сочинении преосвященного Филарета Черниговского. Русские Святые, ноябрь, сс. 143 и 144.

17 Великая Пермь, обширная и дикая, про-

свещенная при святом епископе Ионе, заключала в себе нынешние уезды Пермский, Соликамский, Чердынский и западную половину Верхотурского (Русские Святые, под 29 января).

18 Для утверждения благочестия в людях простодушных были основаны два монастыря: Богословский в Чердыне и Троицкий на реке Печоре; иноки этой последней обители долго отправляли обязанности приходских священников для новых христиан, живших по реке Печоре (там же, стр. 144).

19 Мощи трех святителей Пермских: Герасима, Питирима и Ионы – покоятся в Усть-Вымском Благовещенском храме, там, где была их кафедра. Над гробницами их стоит древняя икона, изображающая их во весь рост. Память их местно празднуется 29 января, и к этому дню бывает необыкновенное стечение народа в Усть-Выме.

20 Необыкновенные обстоятельства кончины Дмитрия Красного описаны в первой главе этой части «Рассказов из истории Русской Церкви».

21 Прославленная чудотворная икона Бого-

родицы принадлежала галицкому боярину Иоанну Овину, который поставил ее в Галицком монастыре в построенной им деревянной Успенской церкви. С того времени монастырь, где преподобный Паисий был игуменом, прозвался Успенским, а икона – Овиновской. Бездетный внук храмоздателя, Дмитрий Овин, отдал обители все свои отчины (История Русской Иерархии, V, 447–449).

22 Мощи преподобного Паисия почивают под спудом в соборном храме монастыря его, где находится и чудотворная Овиновская икона.

23 «История Иерархии», III, 699. По рукописному списку вологодских святых – «преподобный Пахомий на Кубенском озере, начальник монастыря, чудотворец», но время кончины его неизвестно.

24 До нашего времени сохранились труды преподобного Дионисия: 1) в Сосновце – икона Знамения Богородицы с огненными Серафимами и резная икона Одигитрии; 2) в Кирилло-Белозерском монастыре – образ Успения Богородицы и преподобного Кирилла; 3) в Седмиозерной пустыни, близ города Кадни-

кова, – другая икона Успения, перенесенная из Глушицкой обители и прославленная чудесами; 4) в Прилуцком монастыре – образ преподобного Дмитрия Прилуцкого.

25 Князья Заозерские имели пребывание близ устья реки Кубены, впадающей в соименное ей озеро, напротив села Устья. На месте двора их при деревне Черикове ныне стоит часовня (Ярославские Губернские Ведомости, 1853, № 3).

26 Жалованная грамота Глушицкому монастырю князя Юрия Ивановича Бохтюжского помещена в «Истории Иерархии», III, 704. Князь Юрий жил в волости Бохтюге, в 8 верстах от Глушицы.

27 По словам древнего жизнеописателя, внешний вид преподобного Дионисия был таков: «Роста небольшого и очень сухой, голова немалая, брови полукруглые, лицо длинное, щеки впалые, взор тихий, борода густая по грудь, волосы светло-русые и полуседые» («Русские Святые», под 1 июня).

28 По свидетельству царя Иоанна Грозного, обитель Глушицкая в его время процветала «постническими подвигами» («Исторические

Акты», I, 380).

29 Житие преподобного Дионисия и похвальное слово ему написано иноком Ирнархом. Служба составлена в 1548 году («Служба Русским Святым», рукопись Румянцевского Музея XVI века, № 397, л. 252).

30 Преподобный Филипп Рабангский в 1447 году основал на реках Сухоне и Рабанге обитель с храмом Преображения Господня, в 32 верстах от Вологды. Здесь и мощи его покоятся под спудом, а монастырь его упразднен в 1764 году.

31 Изображение преподобного Амфилохия – в «Христианских Древностях Прохорова» 1864 г.; кн. VII. Мощи его вместе с мощами преподобного Дионисия почивают под спудом посредине Предтеченской церкви в селе Сосновце. Рака над ними устроена в 1640 году усердием гостя Бахтияра Булгакова. Теперь иноки живут в Сосновце, кроме церквей, все строение доньше деревянное; в Глушицы они ходят по временам для священнослужения в трех древних деревянных храмах («История Иерархии», III, 702 и 703).

32 Мощи преподобного Макария почивают

под спудом в деревянном храме Глушицкого монастыря. Общая служба чудотворцам Глушицким отправляется по старинной рукописной книге.

33 Преподобный Тарасий погребен рядом с преподобным Макарием: подле них почивает блаженный Феодосий, один из учеников великого аввы Дионисия. Над ними поставлена общая рака.

34 Этот монастырь, основанный в XIII веке княгиней Марией, вдовой святого князя-мученика Василька, присоединен к ставропигиальному Иаковлевскому монастырю. Древняя церковь его цела донныне.

35 Мощи преподобного Григория почивают под спудом в церкви основанного им монастыря, который удерживает прозвание своего блаженного основателя и известен под именем Лопотова. Он находится в 40 верстах от Вологды и в 7 верстах от Кадникова.

36 О святом Дионисии, архиепископе Суздальском, и об основании им Печерского Нижегородского монастыря мы упоминали прежде.

37 Теперь на месте первой обители препо-

добного Макария стоит храм Святой Троицы, при слободе Ромне.

38 «Материалы для статистики Российской Империи», ч. II, стр. 161. Перед самыми воротами обители находится глубокий пруд, называемый Святым озером, в котором, как уверяет предание, преподобный Макарий крестил язычников и татар.

39 В Казанской Болгарии, покоренной Батыем, сын его Саин заложил город Казань (котел или золотое дно) для перепутья татарским сборщикам русской дани. Это новое поселение, состоявшее из болгар, черемисов и других племен, смешавшихся с монголами, звалось также Саиновым юртом. Впоследствии Казань опустела. Но в 1437 году хан Улу-Ахмет (или Махмет) после набега на пределы Рязанские возобновил разоренную Казань и населил ее монголами из Золотой Орды, Астрахани и других мест. Новое татарское царство сделалось опасным для спокойствия Русской земли (Карамзин. «История Государства Российского», V, 25, 159).

40 Разоренная татарами Желтоводская обитель возобновлена в 1620 году муромским

уроженцем монахом Авраамием. Она окружена на пространстве 500 сажен каменной стеной и имеет девять башен и двое больших ворот. В самом монастыре шесть каменных церквей и 83 каменные кельи, в которых до учреждения штатов в 1764 году помещалось братии до 200 человек.

41 В словаре Щекатова, в Словаре Русских Святых и в «Истории Русской Иерархии» кончина преподобного Макария ошибочно отнесена к 1504 году. По свидетельству рукописного жития он преставился 25 июля 6952 (1444) года («Русские Святые» под 25 июля).

42 Преподобный Макарий, как при жизни своей, так и по кончине, прославлен был многими чудесами. Мощи его почивают в соборной Троицкой церкви Макариева Унженского монастыря, в серебряной раке («История Российской иерархии», V, 40).

43 Место, где первоначально жил преподобный Евфимий, а после основан преподобным Александром монастырь, находится на берегу реки Кушты, в 40 верстах от Вологды, в 8-ми от бывшего на Кубенском озере Спасокаменского монастыря и в 3-х – от села Кубен-

ское Устье. (Там же, III, 88).

44 Время преставления преподобного Евфимия полагают около 1465 года; преподобный Харитон почил 11 апреля 1509 года. Мощи их почивают под спудом в Спасской Вознесенской церкви, оставшейся от основанного ими монастыря и обращенной в приходскую по упразднении обители в 1764 году. Память преподобного Евфимия и Харитона Сянжемских местно празднуется 11 апреля.

45 Дмитрий Васильевич, князь Заозерский, был убит татарами в 1429 году.

46 Мощи преподобного Александра почивают под спудом в Николаевской церкви его монастыря, упраздненного в 1764 году. Теперь эта церковь служит приходской для окрестных селений.

47 Заозерье было отнято великим князем Василием Темным в 1447 году у сыновей князя Димитрия за родство их с Шемякой (который был женат на родной сестре их Софии) и отдано князьям Можайским.

48 После пожара 1472 года остатки мощей преподобного Иоасафа собраны в ковчег, и от них продолжали истекать исцеления. Когда

Спасокаменный монастырь в 1773 году был совершенно разрушен пожаром и перемещен в Вологодский Духов монастырь, ковчег с мощами, спасенный от пламени, перенесен туда же.

49 Еще дед Василия Степановича, посадник Василий Матвеевич Своеземцев, в 1315 году приобрел у чудских старшин земли Шенкурские (почти 300 верст длиной) за 20 000 белок и за 10 рублей серебряных. Так образовалась на реке Ваге боярщина Васильевская, самая обширная и богатая между всеми боярщинами на Ваге. Своеземцевы впервые завели там хлебопашество: до того времени чудь питалась рыбой и звериным мясом.

50 Василий Степанович купил Вагу. Он построил вблизи городок, в 17 верстах ниже Шенкурска и назвал его Пинежским городком. В той стороне построил он много храмов: Рождества Христова на Химаневе, Рождества Богородицы на Усть-Пути, Предтечи на Леде и несколько других.

51 Мощи преподобного Варлаама, освидетельствованные в 1630 году Новгородским митрополитом Киприаном, почивают откры-

то в Богословской церкви, прежде бывшей монастырской, а с 1765 года приходской, в 15 верстах от города Шенкурска, Архангельской губернии. В день преставления преподобного Варлаама бывает крестный ход к мощам его.

52 Родоначальником Бороздиных был Юрий Лозынич, выехавший из Волыни к князю Александру Михайловичу Тверскому. Правнук его и родитель преподобного Саввы получил прозвание Борозды (это слово в старину означало окоп или траншею). Родословная Бороздиных помещена в «Бархатной книге», IV, 187.

53 По рукописному житию преподобного Саввы (рукопись 1514 года в библиотеке Московской Духовной Академии, № 73) можно полагать, что преподобный Савва пострижен в Тверском Желтиковом монастыре; по мнению же преосвященного Филарета Черниговского, он – постриженник Тверской Саввиной пустыни.

54 Список Кормчей книги, принесенный преподобным Саввой с Афона, находится в сборнике XV века, в архиве Министерства иностранных дел.

55 Этот крест и теперь стоит в часовне близ монастыря, но обложенный досками и с лицевой стороны литыми из алебастра священными изображениями.

56 Лисицкий монастырь с церковью Рождества Богородицы находился на Лисьей (Лисичьей) горе, в трех верстах от Хутынской обители. Он давно уже упразднен, но следы его еще заметны по оставшемуся кургану.

57 Мощи преподобного Саввы Вишерского почивают под спудом в обители его, напротив южных дверей алтаря соборной Вознесенской церкви. Память его празднуется 1 октября. Служба и житие написаны, по воле владыки Ионы, Пахомием Логофетом. В 1764 году обитель его была упразднена, но семь лет спустя снова возобновлена по ходатайству генерал-аншефа Бороздина, усердием гвардейских офицеров, посвятивших себя иноческой жизни: Василия Павловича Глазатова (в иночестве Варлаама) и Ивана Ивановича Аничкова (в иночестве Иоасафа). Первый из них по возобновлении монастыря был первым строителем, а последний – его преемником.

58 Мощи преподобного Ефрема почивают

под спудом в соборной Никольской церкви основанного им монастыря, в посвященном ему приделе. Обитель его называлась Перекопской и по протоку Веренды – Верендовской, а теперь носит название Перекомского Розважского заштатного монастыря.

59 Преподобный Пафнутий родился в наследственном сельце Кудинове, в 3 верстах от Боровска. На месте этого сельца стоит теперь часовня.

60 Место, где основал монастырь преподобный Пафнутий, – отлогая долина между рекой Протвой и речкой Истермой, близ дороги из Боровска в Серпухов – принадлежало к отчине князя Суходольского, а монастырь Высокий, где он прежде игуменствовал, находился в уделе князей Боровских. Основание Пафнутиева монастыря относится к 1444 году. Эта обитель до учреждения штатов имела 11 000 крестьян и более 30 000 десятин земли; теперь она состоит в числе первоклассных, но от прежнего богатства сохранила только небольшое число драгоценной утвари в ризнице.

61 Подлинные слова преподобного Иосифа

Волоколамского из Сказания его о блаженных отцах.

62 Несколько чудес преподобного Пафнутия описано преосвященным Филаретом Черниговским («Русские Святые», 1 мая); еще большее число – в рукописном житии, составленном Вассианом, архиепископом Ростовским (Минея Митрополита Макария, в Синодальной библиотеке, № 818).

63 Мощи преподобного Пафнутия почивают под спудом в соборном храме обители его, созданном им самим в честь Рождества Богородицы и освященном в 1467 году, близ южной стены иконостаса. Над ними – рака, обложенная золоченым серебром – вклад боярина князя И.Б. Репнина.

64 Мощи блаженного Максима юродивого почивают под спудом в церкви, построенной в 1698 году во имя его на Варварской улице. Память его чтится, по определению Собора 1547 года, вследствие чудес, совершавшихся при гробе его.

65 На месте этой церкви сооружена каменная, на средства Иоанна Грозного, в 1566 году. Мощи блаженного Исидора почивают под

спудом в арке между приделом, посвященным его памяти, и правым отделением главного алтаря. Серебряная рака устроена в 1815 году. В рукописном житии блаженного Исидора записано несколько чудес, совершившихся при гробе его.

66 Троицкий Клопский 3-го класса монастырь находится в 20 верстах от Новгорода на берегу реки Варяжки, близ озера Ильмень. Время основания его неизвестно.

67 В рукописном житии преподобного Михаила (в Библиотеке Троице-Сергиевой Лавры, № 673, л. 226) слова эти выражены так: «А се Михайло, Максимов сын, рода княжеского, сродник наш». Но автор «Житий святых Российской Церкви» и вслед за ним другие неизвестно на каком основании называют преподобного Михаила сыном великого князя Симеона. Вовсе невероятно, чтобы младенец, родившийся в 1348 году, мог дожить до 1454 года (в современных Минеях дата преставления преподобного Михаила обыкновенно указывается с меньшей определенностью: ок. 1453–1456 гг. – Прим. ред.).

68 Мощи преподобного Михаила почивают

под спудом на южной стороне соборного храма Клопской обители, в бронзовой позолоченной раке. Память чудотворца положено праздновать повсеместно на Соборе 1547 года.

Глава III

Иоанн III Васильевич, великий и державный. Покорение Новгорода. Брак с греческой царевной. Освобождение от монгольского ига. Уничтожение уделов. Война с Литвой для защиты Православия в западной Руси. Соборы в Москве. Ересь жидовствующих. Подвиги святого Геннадия Новгородского и преподобного Иосифа Волоцкого

Присушаем к описанию той блистательной эпохи, когда северо-восточная Русь, свергая с себя иго рабства ордынского, восстает, как воскрешенный мертвец из гроба, свободная извне и сильная внутри своей целостью, под скипетром единого самодержца. Православная Церковь перестает страдать от нашествия варваров, которые обращали в груды пепла храмы Божии и обители иноческие, и от кровавых междоусобий князей; она находит себе ревностных защитников в благоче-

стивых государях, помазанниках Божиих.

После двух тяжких веков внешнего порабощения и внутреннего неустройства Руси Господь «вознес избранного из людей Своих». На престоле обширной державы Русской является Иоанн III, сын Василия Темного: он свергает иго Орды, уничтожает уделы, подчиняет себе вольный Новгород, водворяет самодержавие в расширенной им державе и становится твердым стражем и поборником православной веры в пределах западной Руси, соединенной с иноверной Польшей¹.

Начинаем с судьбы Новгорода. По кончине святого архиепископа Ионы избран владыкой на вече протодиакон и ризничий Феофил. Испросили дозволение нареченному владыке явиться за посвящением к митрополиту, но в Новгороде открылись сильные волнения против великого князя, который требовал, чтобы новгородцы не смели «вступаться в его земли и воды и держали имя его честно и грозно, по старине и по крестному целованию». Легкомысленный народ, несмотря на увещевания Феофила, мечтал о прелестях свободы, хотел тесного союза с Казимиром, королем Поль-

ским и великим князем Литовским, и принял от него воеводу – князя Михаила Олельковича. Мятежом руководила, к удивлению современников, женщина гордая и честолюбивая – вдова посадника Исаака Борецкого, Марфа, мать сыновей уже взрослых, из которых один, Димитрий, был в то время посадником. Заключили договор с королем: он обязан был дать помощь Новгороду в случае войны с Московским государем, не ставить римских костелов на земле Новгородской и предоставить владыке посвящаться там, где будет угодно Новгороду. Два последних условия были поставлены для того, чтобы удержать на кафедре Феофила, который хотел удалиться в монастырь, не желая быть пастырем мятежников и клятвопреступников. На вече громко кричали: «Не хотим Иоанна! Да здравствует Казимир! Да исчезнет Москва!» Иоанн взялся за оружие, разбил дружины новгородские на берегах Шелони (14 июля 1474 года) и оказал умеренность: он взыскал с Новгорода около 80 пудов серебра, отнял северное поморье и поселения на берегах Двины, обязал новгородцев присягой платить ему народную дань,

а митрополиту – судную пошлину, ставить владык в Москве, не иметь сношений с Казимиром и не принимать к себе врагов великого князя. Со своей стороны государь дал слово забыть прошедшее, простил всех злоумышленников, в том числе и Марфу Борецкую с сыновьями, и не прикоснулся к вольности новгородской.

Феофил был посвящен в Москве и отпущен с честью. Но умеренность самодержца не отрезвила людей, привыкших к своеволию; несогласия новгородцев с наместниками великокняжескими продолжались, недовольные являлись в Москву требовать суда. Наконец некоторые из знати новгородской устроили дела так, что двое чиновников веча прибыли в Москву с признанием Иоанна государем Великого Новгорода. Державный собиратель земли Русской был убежден, что настало время водворить единовластие, и если при первом походе не покорил Новгорода, то единственно потому, что надеялся изменить порядок дел мало-помалу, не прибегая к мерам насилия. Теперь он спешил воспользоваться данным ему поводом и потребовал,

чтобы новгородцы отказались от всех древних прав своих, уже отживших свой век и несогласных с новым положением государства Московского. Буйный народ взволновался, избил многих, которых считал сторонниками Москвы, и отважился снова вступить в сношения с Казимиром. Иоанн снова вооружился, пошел с многочисленной ратью на Новгород и окончательно покорил его (в конце 1477 года).

Ударил последний час новгородской вольности! Иоанн принял присягу от новых подданных, уничтожил вече, перевез в Москву вечевой колокол, казнил начальников мятежа и отправил в ссылку Марфу Борецкую.

В числе виновных пострадал один невинный: архиепископ Феофил, принужденный по званию владыки принять участие в договоре с Литвой, должен был отказаться грамотой от управления епархией и был заточен в Московском Чудовом монастыре, где провел около трех лет в заключении и тяжело заболел. В болезни явился ему святой Нифонт, епископ Новгородский, почивающий в ближних пещерах Киевской Лавры, и напомнил ему

прежнее обещание – поклониться Печерским чудотворцам. Больной святитель отправился в Киев и уже приближался к Днепру, как болезнь его усилилась, и он получил откровение, что, хотя не достигнет живым до пещер, но тело его упокоится в них².

Другим важным делом государя Московского был брак его с греческой царевной. Брат последнего императора греческого Константина Палеолога, деспот Фома, умер в Риме. Сыновья его жили благодеяниями папы, не заслуживая их легкомысленным поведением; но юная сестра их, царевна Софья Фоминична, была предметом общего доброжелательства. Папа Павел II искал ей достойного жениха и обратил взоры на великого князя Московского, незадолго перед тем овдовевшего³. Папа надеялся через юную царевну, воспитанную в правилах Флорентийской унии, убедить Иоанна к соединению с Римом и таким образом покорить себе Русскую Церковь. Он сам, через особое посольство, предложил великому князю знаменитую невесту, «отрасль царственного древа, которого тень покоила некогда все христианство православное, еще

нераздельное». Брак Иоанна с царевной совершился (в ноябре 1472 г.) и доставил Московскому государству более известности в Европе, которая чтит в Софии племя древних венценосцев Цареградских. В виде приданого Иоанн принял герб властителей Восточной Римской империи – орла двуглавого, соединив его на своей печати с гербом Московским. Но папа не успел в своих замыслах, и присланный им легат, хотя имел прения с духовными лицами в Москве, но сам принужден был прекратить спор будто бы по неимению книг. Сама София сделалась в Москве ревностной православной христианкой.

Князь Иоанн III разрывает ханскую басму

Наконец наступило для Русской земли время полного освобождения от ига ордынского. Мы видели, что Дмитрий Донской отважился вступить в бой с татарами на берегу Непрядвы; но незабвенная Куликовская битва не освободила Руси от постыдной власти монголов. Сам победитель и потомки его подвергались нашествиям татар, земля Русская обгалялась кровью и дымилась пожарами. Хотя

Большая Орда давно уже не была так сильна, как во времена Батыея, хотя отделились от нее уже многие другие Орды, как-то: Ногайская, Крымская, Казанская и Астраханская, но и при державном Иоанне хан Большой Орды Ахмат еще осмеливался вторгаться в Русские пределы. Иоанн, помня обетование двух соименных святителей – Московского и Новгородского, девять лет не платил дани и наконец в 1480 году решился торжественно объявить свободу Русского государства. Когда хан

Ахмат отправил в Москву послов для сбора дани, великий князь взял при них басму (изображение хана), бросил на землю и растоптал ногами, велел умертвить послов, кроме одного, которого отправил сказать хану, что с ним поступит так же, как с его басмой, если он не оставит в покое Русской земли. Скоро слышали в Москве о походе Ахмата. Иоанн встретил его на берегах Угры осенью, когда реки начинали уже замерзать. Прошло около двух недель в бездействии; Иоанн, не любивший проливать крови в битвах, решил отступить на поля Боровские. Бояре изумились, а воины оробели, думая, что великий князь страшится битвы. Митрополит Геронтий и Ростовский архиепископ Вассиан убедительными грамотами напоминали Иоанну обет его стоять крепко за веру и отечество. Старец Вассиан, достойный брат преподобного Иосифа Волоколамского, писал так: «Наше дело говорить царям истину: что я прежде изустно сказал тебе, славнейшему из владык земных, о том ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу. Когда ты, вняв молению и доброй думе митрополита,

своей родительницы, благоверных князей и бояр, приехал из Москвы к воинству с намерением ударить на врага христианского, мы, усердные твои богомольцы, денно и ночью припадали к алтарям Всевышнего, да увенчает тебя Господь победой. Что же слышим? Ахмат губит христианство, грозит тебе и отечеству: ты же пред ним уклоняешься, молишь о мире и шлешь к нему послов; а нечестивый дышит гневом и презирает твоё моление?.. Государь! Каким советам внимаешь? Людей, недостойных имени христианского. И что советуют? Повергнуть ли щиты, обратиться ли в бегство? Но помысли: от какой славы и в какое уничижение низводят они твоё величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви – разорению, тьмы людей – гибели! Чье сердце каменное не изливается в слезах от единой мысли? О, государь! Кровь паствы вопиет на небо, обвиняя пастыря. И куда бежать? Где воцаришься, погубив данное тебе Богом стадо? Смертным ли бояться смерти? Судьбы Божии неизбежны. Я стар и слаб, но не убоюсь меча татарского, не отвращу лица моего от его блеска... Отложи страх и возмо-

гай о Господе в державе крепости Его! Един поженет тысящу и два двинут тьму, по слову мужа святого: “Не суть боги их, яко Бог наш! Господь мертвит и живит”. Он даст силу твоим воинам. Поревнуй предкам своим: они не только землю Русскую хранили, но и многие иные страны покоряли; вспомни Игоря, Святослава, Владимира, коих данниками были цари греческие, и Владимира Мономаха, ужасного для половцев. А прадед твой, великий, достославный Димитрий, не сих ли неверных татар победил за Доном? Презирая опасность, сражался впереди и не думал: “Имею жену, детей и богатство; когда возьмут землю мою, вселюся инде”, – но стал в лице Мамаю, и Бог осенил главу его в день брани. По какому святому закону ты, государь православный, обязан уважать его, злочестивого самозванца, который силой поработил наших отцов за их малодушие и воцарился, не будучи ни царем, ни племени царского? То было действием гнева Небесного; но Бог есть Отец чадолубивый: наказует и милует. Древле потопил Фараона и спас Израиль – спасет и народ твой, и тебя, когда покаянием

очистишь свое сердце; ибо ты человек и грешен. Покаяние государя есть искренний обет блюсти правду в судах, любить народ, не употреблять насилия, оказывать милость и виновным... Тогда Бог восстановит нам тебя, государя великого, яко древле Моисея, Иисуса и других, освободивших Израиль, да и новый Израиль, земля Русская, освободится тобой от нечестивого Ахмата, нового Фараона. Ангелы снидут с небес в помощь твою, Господь пошлет тебе от Сиона жезл силы, и одолеешь врагов, и смятутся, и погибнут. А мы Соборами святительскими день и ночь молим Его, да рассыплются племена нечестивые, хотящие брани; да будут омрачены молнией небесной и, как псы голодные, да лижут землю языками своими»⁴. Но осторожный Иоанн не решился на битву. Тогда, по словам летописца, совершилось чудо: при отступлении русских войск от левого берега Угры татары вообразили, что их заманивают в сети и вызывают на бой, приготовив засады. Объятый странным ужасом, хан спешил удалиться. Представилось зрелище удивительное: два воинства бежали друг от друга, никем не го-

нимые! Россияне наконец остановились; но Ахмат ушел в степи, разорив в Литве двенадцать городов, за то что Казимир не дал ему помощи. Так кончилось это последнее нашествие хана Большой Орды на Россию: он не мог ворваться в ее пределы и не вывел ни одного пленника московского. «Да не похвалятся легкомысленные страхом своего оружия, — писали современники. — Нет, не оружие и не мудрость человеческая, но Господь спас ныне Россию!»⁵ При всеобщем ликовании народа, в благодарность Богоматери, заступлению Которой приписали освобождение от ига монголов, установлен был ежегодный крестный ход в Москве, с чудотворной Владимирской иконой, 23 июня, в день бегства Ахмата от Угры.

Так положен был конец бедственному положению наших предков! Оно продолжалось около двух с половиной столетий. Иго, в начале своем страшное и губительное, позднее сделалось более легким, ограничивалось временными нашествиями, вмешательством в распри князей и в последнее время одним платежом дани. Наконец Господь помиловал

Русскую землю и положил конец монгольскому владычеству, даровал Иоанну победу без пролития крови.

Освобождение России было почти современно уничтожению уделов и водворению самодержавия. Покоритель Новгорода присоединил к своему государству все отдаленные северные владения бывшего вольного города – Вятку и Пермскую землю до самого хребта Уральского, присвоил себе уделы многих⁶ мелких владетелей, подчинил верховной своей власти ханов, или царей Казанских и, наконец, завоевал Тверское княжество, которое боролось некогда с Москвой и спорило с ней о первенстве⁷. Собиратель уделов в одно целое мог справедливо именоваться самодержцем всея Руси; только Псков оставался еще вольным городом⁸, и Рязанское княжество сохранило вид державы независимой⁹.

Счастливым в делах государственных, Иоанн был менее счастлив в делах семейных. От второй супруги своей Софии, царевны греческой, он имел сначала несколько дочерей, потом, по молитве великого чудотворца Сергия Радонежского¹⁰, – сына Василия. Старший

сын и наследник Иоанн Младой скончался еще при жизни отца, оставив после себя малолетнего сына Димитрия, которого державный дед назначил своим наследником и сам венчал на царство в первопрестольном Успенском соборе венцом Мономаховым¹¹. Но, как видно, Промысл Божий судил царствовать в России потомству императоров греческих: Иоанн разгневался на невестку, мать Димитрия (может быть, по проискам греческой партии), заключил под стражу юного внука и запретил ему называться великим князем, а вскоре объявил сына Василия наследником престола.

Дочь Иоанна, Елена, была в супружестве с Александром, сыном Казимира, наследственным великим князем Литовским и избранным королем Польским. При совершении сего брака Александр обязался грамотой не беспокоить супруги в исповедании православной веры и дозволить ей иметь домовую церковь, но, слишком слабый характером, допустил изуверов силой обращать православных к папизму, запретил строить храмы православные, умножил костелы в городах русских

и даже стал стеснять и оскорблять совесть супруги своей. Иоанн, разгневанный на зятя, объявил войну. Грамота его заключалась словами: «Хочу стоять за христианство, сколько мне Бог поможет».

Бог не благословил оружие, поднятое за православную веру: Александр лишился многих владений, которые перешли к Московскому государству¹². Но Иоанну не суждено было окончить войну с Литвой и наказать зятя: он скончался после 43-летнего царствования, 27 октября 1505 года.

Иоанн принадлежал к числу весьма немногих государей, воздвигаемых провидением для решения судьбы народов. Явившись на троне в то время, когда новая государственная система возникла повсюду вместе с новым могуществом государей на развалинах системы феодальной или поместной, Иоанн, великий и державный, совершил в Русской земле то, что современные ему венценосцы совершали в Западной Европе: он не только учредил единовластие, но был первым истинным самодержцем России, заставил благоговеть перед собой вельмож и народ, восхищая

милостью, ужасая гневом и карой. Князья племени святого Владимира и Гедимины служили ему наравне с другими подданными, славились чинами бояр, дворецких, окольных, приобретая эти чины долговременной службой государю. Не принимая на себя титула царя¹³, он умел внушить народу беспредельную покорность воле монаршей. Он первый завел сильное многочисленное войско и умел найти воевод смелых и счастливых, хотя сам не был отважным воином и никогда не решался на войну без крайней необходимости. При Иоанне были иностранные художники, которые лили пушки, чеканили монету и строили великолепные здания¹⁴.

Царствование Иоанна может служить ясным доказательством той истины, что венценосцы великие являются в свое время по воле Того, Кем цари царствуют и сильные пишут правду. Рожденный и воспитанный данником степной Орды, без учения, без наставлений, руководимый только природным умом, Иоанн сделался одним из знаменитейших государей своего времени: силой и хитростью он восстановил свободу и целостность России, тес-

нил Литву, сокрушал вольность Новгорода, захватил уделы, расширил свои владения до пустынь Сибири и Лапландии на севере, а на юге – почти до самого Киева. Браком с царевной Софьей обратив на себя внимание Европы, он дал себе мудрое правило для политики внешней: ласкаемый от Рима до Константинополя, Вены и Копенгагена, не уступая первенства ни императорам западным, ни гордым султанам, он не хотел мешаться в дела чужие, избирал союзы только для пользы России, искал орудий для своих замыслов, а сам никому не служил орудием. При нем Россия, как держава независимая, величественно подняла главу свою в пределах Европы и Азии, спокойная внутри и не боясь врагов внешних.

Таков был наш первый самодержец в делах государственных, в политике внутренней и внешней! Но в делах церковных он не присваивал себе власти, на которую не имел права. При всех важных случаях он ограничивался тем, что созывал на Соборы святителей и знатнейшее духовенство. Соборы в царствование Иоанна созывались чаще, нежели прежде

¹⁵. Государь только утверждал соборные решения и содействовал исполнению приговоров своей властью. Так поступали и преемники Иоанна.

На Соборе 1503 года Иоанн предложил вопрос об имениях церковных, по поводу вотчин владычных и монастырских, отобранных им в Новгородской епархии после покорения вольного города. Самодержец желал, чтобы были отобраны в казну имения и прочих монастырей русских. Замечательно, что того же желали пустынники Белозерские: Паисий Ярославов¹⁶ и ученик его преподобный Нил Сорский говорили, что неприлично монастырям владеть селами, так как чернецы должны жить в пустынях и кормиться своим рукоделием. Но преподобный Иосиф, ученик Пафнутия Боровского и основателя монастыря близ Волоколамска, держался другого мнения. Он находил необходимым, как для благолепия церковного, так и для поддержания монашеской жизни в сословиях более образованных, чтобы монастыри пользовались некоторым довольством и владели недвижимыми имуществами¹⁷. Святители рассудили, что в Гре-

ческой Церкви не существовало запрещения монастырям и церквам владеть недвижимыми имениями; в Русской земле было то же со времен святых Владимира и Ярослава; даже злочестивые ханы ордынские щадили собственность епископов и обителей иноческих. «Не смеем, – заключил Собор, – отдать церковного стяжания: оно принадлежит Богу и неприкосновенно». И государь, которого слово было законом, добровольно подчинился решению Собора.

На том же Соборе рассуждали о вдовых священниках. Еще святой Фотий, желая пресечь повод к соблазну стригольникам во Пскове, запрещал псковским вдовым священникам священнодействовать. Митрополит Феодосий особенно заботился о нравственности белого духовенства: вдовых священников он отсылал в монастыри, развратных лишал сана. К скорби доброго пастыря, недостойных оказалось много, и много храмов опустело без священников; народ поднял ропот на святителя, и Феодосий отказался от кафедры¹⁸. Собор 1503 года постановил правилом, чтобы вдовые священники и диаконы отправляли

священнослужения, пока не решатся обязать себя монашеским обетом чистоты. Им предложено, если ведут они жизнь непорочную, причащаться в алтаре – иереям в епитрахильях, диаконам в стихарях, а за пение на клиросе пользоваться четвертой частью доходов. С того времени стали выдавать епитрахильные грамоты¹⁹.

Важнейшим предметом для Московских Соборов в конце XV и в начале XVI века была ересь жидовствующих. В 1470 году пришел в Новгород из Киева еврей Схария (Захария); хорошо знакомый с естественными науками, известными тогда под именем алхимии, он успел обольстить легковерных мнимыми чудесами магии и совратить их в ересь. Два священника, Дионисий и Алексей, обманутые Схарией, и вновь прибывшие из Литвы четыре еврея распространили заразу ложного учения; сам Софийский протопоп Гавриил был в числе зараженных. В 1480 году великий князь Иоанн взял в Москву двух начальников общества: священника Алексея – протопопом в Успенский собор, а Дионисия – священником в Архангельский; сюда перешла с ними и

ересь. Они казались людьми кроткими, воздержанными, праведными и тайно рассеивали плевелы лжеучения. Действуя тайно и хитро, они нашли себе слушателей даже при дворе; таковы были: близкий к великому князю дьяк Феодор Курицын с братом Иваном Волком. Алексей и Курицын имели такой свободный вход к великому князю, какого никто не имел. Нельзя было требовать обстоятельств более благоприятных для распространения ереси. Она была под защитой таких людей, которые занимали важные места в Церкви и в государстве, могла даже ожидать покровительства от самого великого князя, которого, как сам он после признавался, еретики старались уловить в свои сети. Так прошло еще несколько лет.

В Новгороде архиепископ Сергей, слабый духом и телом и нелюбимый народом, видел опасность, ноне имел твердости действовать против нее²⁰. Наконец, провидение дало Церкви Русской сильного поборника веры. На кафедре Новгородской явился известный ученостью, а еще более ревностью по правде, мужественный, деятельный, твердый Геннадий²¹.

Вскоре по прибытии к пастве он открыл существование тайного общества и донес о том великому князю и митрополиту, а сам приступил к розыску. Некоторые из еретиков были уличены в Москве и преданы казни. Со своей стороны, ревностный Геннадий, руководствуясь строгим указом государя, действовал успешно. В Новгороде еретики присмире-ли; одни принесли раскаяние, другие подверглись заточению.

Не так было в Москве: там ересь находила покровительство, с одной стороны, в Курицыне, с другой – в новом митрополите Зосиме. Несмотря на то, по державной воле Иоанна в Москве 17 октября 1490 года открыт был Собор²². Допросили еретиков, обличили их, предали проклятию, некоторых сослали в заточение, других отправили в Новгород к святителю Геннадию, который, давно желая искоренить настоящее зло и страхом наказания предотвратить будущее, подверг еретиков всенародному позору²³.

По-видимому, лжеучение утихло, тем более что и суд Божий карал богохульников²⁴, но втайне оно продолжало распространяться

в Москве. Зосима не только давал волю злу, но и наказывал смелых обличителей нечестия. Даже в самом Новгороде еретики употребляли во зло снисходительность святого Геннадия, исходатайствовали себе свободу лицемерным покаянием и разнесли свое нечестивое учение по многим городам и селам. Всеобщее ожидание кончины мира, оказавшееся напрасным²⁵, дало им повод с бесстыдной наглостью смеяться не только над ожиданием христиан, но и над самими догматами Православия: «Если Христос есть Мессия, – говорили они, – почему же не является Он в славе Своей по вашему ожиданию?» Ересь снова усилилась в Новгороде²⁶, с диким нечестием и страшными мерзостями разврата. Пламенный ревнитель Православия, Геннадий призвал к себе на помощь преподобного Иосифа Волоколамского: они оба стали действовать решительно, несмотря на силу ереси при дворе. Хотя митрополит Зосима принужден был в 1494 году оставить кафедру, но для искоренения зла нужно было участие целой Церкви Русской, нужен был новый Собор, который и был созван державным Иоанном в

1503 году. В числе заседавших на Соборе был и игумен Волоколамский; он требовал казни еретиков. Обвиняемые были столь дерзки, что решились открыто защищать свое учение. Но пламенное, проникнутое силой Слова Божия и Писаний Отцов Церкви слово Иосифа на всех пунктах обличало и опровергало их; важнейшие из еретиков наконец были осуждены на смерть и всенародно сожжены в клетке; другим резали языки, иных заключали в темницу. Осужденные хотели было спасти себя лицемерным раскаянием, но Иосиф настаивал, что притворство, вынужденное страхом наказаний, не есть раскаяние истинное, и еретики не избегали строгости гражданского суда. Так, по крайней мере наружно, кончились успехи ереси, которая распространялась тайно, свирепствовала долго и сильно

27.

Мы изложили ход жидовской ереси в Русской Церкви, но не сказали еще ни слова о сущности лжеучения еретиков, известных под именем жидовствующих. По соборному дознанию 1503 года они: 1) отвергали воплощение Сына Божия; 2) не верили воскресению

нию Иисуса Христа и вообще воскресению мертвых; 3) не чтили Богоматери, угодников Божиих, икон и мощей; 4) не признавали Святой Евхаристии и прочих Таинств; 5) держались более Ветхого Завета, нежели Нового, празднуя Пасху по-иудейски (т. е. по Иудейскому календарю); 6) не соблюдали постов, отвергали монашество и предавались явному разврату.

Происхождение ереси из Литвы ясно указывает на то, что начало ее нужно искать в брожении идей рационализма, распространенных на Западе задолго до времен Лютеровой реформы и даже до появления социнианства²⁸. Жидовский элемент был внесен в учение ереси, по всей вероятности, самим Схарией или людьми, пришедшими с ним в Новгород, потому что они сами были евреи.

Весьма болезненно было для Церкви Русской появление в недрах ее такой новой, совершенно противной христианству, ереси. Но в то же время отрадой и славой Церкви были два ревностных деятеля – неутомимый в подвигах святой архиепископ Геннадий²⁹ и искренно благочестивый учитель чистой веры

Примечания

1 Может быть, некоторым читателям покажется, что в этом рассказе слишком много событий государственных, а не чисто церковных. Но нужно заметить, что, с одной стороны, краткое изложение этих происшествий необходимо для связи рассказа, а с другой – такие события, как освобождение Руси от татар, соединение уделов в одно великое государство, водворение самодержавия, не могли не оказывать значительного и постоянного влияния на судьбы Православной Церкви.

2 Мощи святого архиепископа Феофила почивают в Феодосиевой пещере Киевской Лавры. Обстоятельства его заточения и поездки в Киев написаны на доске, закрывавшей мощи блаженного святителя. («Русские Святые», август, с. 109).

3 Иоанн был женат в первом браке на Марии Борисовне, княжне Тверской, и имел от нее старшего сына и соправителя – Иоанна, прозванного Младым, в отличие от отца.

4 Знаменитое послание Вассиана находит-

ся в летописи Синодальной библиотеки, № 365, л. 487. Оно же помещено в Степенной книге, II. 140.

5 «История» Карамзина, VI, примеч. 233 и 238. Современники называли реку Угру «поясом Богоматери», охраняющим Московские владения. Река Угра протекает в нынешней Калужской губернии. В 1502 году союзник Иоанна, крымский хан Менгли-Гирей разрушил остатки Большой Орды, прогнал хана в степи Ногайские и торжественно известил Иоанна, что Большая Орда уже не существует.

6 Верецкий удел Иоанн присвоил себе грамотой, а остальную часть удела Ростовского купил. Князья Ярославские, давно уже зависевшие от Москвы, добровольно отреклись от наследственных прав своих. Не упоминаем о других менее важных уделах.

7 Шурин Иоаннов, Михаил Борисович, носивший титул великого князя Тверского, принужден был бежать в Литву. Там же нашли убежище многие из князей, лишённые уделов. Другие сделались слугами государя Московского.

8 Псков, хотя вполне покорный Иоанну, со-

хранил свое вече и другие принадлежности самобытной общины. Замечательно, что, называясь младшим братом Новгорода, Псков не осмелился ослушаться Иоанна и выслал ему свои дружины для покорения великого вольного города.

9 В Рязани княжил тогда Василий Иванович, женатый на Анне, любимой сестре державного великого князя Иоанна.

10 «София желала иметь сына и с молитвой о сем предприняла путешествие из Москвы в обитель преподобного Сергия пешком. Прошед подмонастырское село Клементьево и спускаясь под гору к самой обители, нечаянно увидела она идущего ей навстречу священнолепного инока, видом подобного изображению преподобного Сергия. Он имел в руках своих младенца и, приближаясь, внезапно положил его в недра великой княгине. Она вострепетала и упала бы, если бы не была поддержана бывшими с ней женами вельмож. Села и стала искать у себя в пазухе, но ничего не нашла. Тогда уразумела она, что то было посещение преподобного Сергия, укрепилась и с упованием принесла она в обите-

ли свою молитву. После сего зачала она и родила сына Василия» («Черты жития преподобного Сергия после смерти», с. 57).

11 Это был первый опыт венчания на царство в Москве. На юного великого князя Дмитрия возложены были дедом бармы и венец Мономахов, но о помазании святым миром не упоминается («История» Карамзина, VI, 172).

12 Многие православные князья из рода Рюрика и Гедимины, не стерпев гонения на православную веру, предались Московскому государству вместе со своими владениями. Так, в состав державы Иоанновой поступили: Масальск, Серпейск, Мценск, Рыльск, Стародуб, Чернигов и другие города, которые при заключении мира (уже по кончине Иоанна) остались в составе Московского государства. Замечательно, что в числе этих князей были потомки непримиримых врагов государя Московского: сын князя Ивана Андреевича Можайского – Симеон и внук Шемяки – Василий. Оба они владели наследственно целыми областями в южной России, дарованными отцам их Казимиром; оба были верными при-

сязжниками короля Александра, пока он не вздумал обращать князей и народ в латинство. Так безрассудство поборников папизма послужило к распространению южных пределов Московской державы.

13 Впрочем, Иоанн писался царем в сношениях с иностранными государями, и они в своих грамотах величали его титулами: Kaiser, Imperator.

14 Иоанн вызвал из Италии знаменитого зодчего Аристотеля Фиораванти, который построил вновь Московские соборные храмы: Успенский (освящен в 1479 г.) и Благовещенский. Другой зодчий, миланец Алевиз, был строителем Архангельского собора и нового дворца великокняжеского (теремного) подле огромной палаты (Грановитой), основанной Марком Фрязиным. Иностранцами же художниками воздвигнуты башни кремлевские: Тайницкая, Боровицкая, Константино-Еленинская и другие. Фиораванти и другие итальянцы чеканили для Иоанна монету, лили пушки и колокола.

15 О частых Соборах того времени святой Геннадий Новгородский писал к митрополи-

ту: «Поелику повелено нам каждый год съезжаться к тебе, нашему отцу: то да учинишь на Собор с нами, твоими детьми и сослуживниками, исправление дел недоразумеваемых». К сожалению, этот обычай, столько полезный для дел церковных, в позднейшее время вышел из употребления. Как бы полезно было и в наше, скудное верой, время, если б архипастыри собирались по временам к одному из старейших святителей для совещания о потребностях Церкви.

16 Блаженный Паисий Ярославов, постриженник Спасокаменский, старец Кириллова монастыря, потом игумен Сергиевой лавры, отказавшись от престола митрополии, почил в той обители, где принял иночество. Он был наставником одного из великих отцов Русской Церкви, преподобного Нила Сорского, и других подвижников и занимал первое место в числе пустынных старцев, считавших неполезным для монастырей обладание селами.

17 Иосиф говорил на Соборе: «Аще у монастырей сел не будет, како честному и благородному человеку пострицися? И аще не бу-

дет честных старцев, отколе взяти на митрополию, или архиепископа, или епископа на всякие честные власти» («Прибавления к Творениям Отцов Церкви», 1851, с. 505).

18 Митрополит Феодосий, оставив кафедру в 1465 году, окончил жизнь свою строгим подвижником в келье Чудова монастыря. Там он взял старика, покрытого ранами, сам служил ему и обмывал раны его до конца своей жизни. Преемник его, митрополит Филипп I, был также пастырь ревностный и просвещенный: когда легат папский, сопровождавший в Москву невесту великого князя Софию, хотел иметь торжественный въезд в Москву с преднесением большого серебряного креста, блаженный святитель Филипп объявил Иоанну: «Если легат въедет с крыжом в одни ворота, то я, отец ваш, выеду в другие; кто честит чужую веру, тот унижает свою». И легату велено было спрятать крыж. Филипп преставился в 1473 году и вписан в старинных рукописных святцах в числе святых.

19 Георгий Скрипица, Ростовский священник, представил Собору весьма основательное письменное возражение против распоря-

жения о вдовых священниках. «Пусть, – писал он, – подвергаются запрещению те, которые не хранят чистоты вдовства своего. Зачем же без вины отлучать прочих, и без того уже тяжко наказанных судом Божиим? Справедливо ли, что вдовый священник, постригшись, служит не только в монастыре, но и в городах и в селениях, а тот же священник, если не постригся, не может служить ни в пустыне, ни в городе, ни в селе?» Послание Георгия напечатанов «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских» 1847 года.

20 Сергей, бывший архимандрит Чудовский, первый владыка, присланный в Новгород из Москвы по низложению блаженного Феофила, пробыл на кафедре Софийской не более одного года.

21 Геннадий, по прозванию Гонзов, ученик преподобного Савватия Соловецкого, «муж (по отзыву Степенной книги) сановитый, мудрый, добродетельный и сведущий в Писании», был в 1480 году архимандритом московского Чудова монастыря. Там заложил он каменный храм в честь святителя Алексия.

22 На этом Соборе были святители: Тихон

Ростовский, Нифонт Суздальский, Симеон Рязанский, Вассиан Тверской, Прохор Сарский и Филофей Пермский. Председательствовал митрополит Зосима, тайный злоумышленник еретиков. Вместо великого князя присутствовал на Соборе сын и наследник его Василий Иванович.

23 Присланных из Москвы еретиков он велел посадить на коней, лицом к хвосту, в вывороченных тулупах, в шлемах берестовых, остроконечных, с мочальными кистями, с венчиками из сена и соломы и с надписью: «Се есть сатанино воинство». В таком виде возили их по улицам, проходящие плевали им в глаза и говорили: «Се враги Божии, хульники Христа!»

24 Дионисий впал в сумасшествие и кричал на разные голоса и умер скоропостижно; протопоп Алексей, чернец Захар и дьяк Истома погибли мучительной смертью.

25 Мы упоминали еще прежде, что при окончании седьмого тысячелетия от сотворения мира (по греческому летоисчислению) были ожидания кончины мира. Когда в 1408 году окончился миротворный круг, то реши-

лись продолжать пасхальное счисление не на 532 года (как бы следовало для полного мировторного круга), а только на 84 года, т. е. до 1492 года от Рождества Христова, или 7000 года от сотворения мира. Наконец этот роковой год наступил и миновал благополучно; только еретикам открылись новые средства против поборников истины. Святой Геннадий, по соборному определению в 1492 году, составил пасхальные числа на 70 лет восьмой тысячи и написал «коловратный ключ пасхальный на 532 года», при котором не только в целой тысяче лет, но и далее можно находить пасхальное число того и другого года. Он разослал по своей пастве вместе с пасхалией окружное послание с той главной мыслью, что о дне и часе пришествия Христова не предоставлено знать людям, а потому преступно и толковать о том.

26 В это время предводителем еретиков в Новгороде был Юрьевский архимандрит Касиан, столько же дерзкий, сколько и развратный еретик. Будучи прислан на это место из Москвы по ходатайству дьяка Феодора Курицына и надеясь на защиту своего сильного

покровителя, он собирал к себе разбежавшихся из Новгорода еретиков, несмотря на противодействие местного владыки.

27 Сохранился отрывок из позднейшего послания преподобного Иосифа к великому князю Василию Ивановичу о том, «еже еретика руками убить или молитвой едино есть». Это послание вызвало строгое письменное осуждение мыслям Иосифа со стороны Заволжских иноков, старцев Кириллова и других монастырей; они убеждали в необходимости милосердия к заблуждающимся и в неуместности крутых уголовных мер в деле веры, хотя казни последовали не по соборному определению, а по воле великого князя («Древняя Русская Вивлиофика», XVI, 423 и 424). Иосиф отвечал посланием (рукопись Московской Духовной Академии, № 171). Видно, что некоторые, освободясь от казни лицемерным раскаянием, остались с ложными мыслями. Смертный приговор еретикам (в числе сожженных были дьяк Курицын и архимандрит Кассиан) долго возбуждал против себя жалобы; но лжеучители, обузданные страхом казни, не смели уже распространять ереси.

28 В Западной Европе еще в XIII столетии было общество еретиков, называвшихся образованными (*circumcisi*). Около половины того же столетия образовалась в Лангобардии секта Пассажиров (*Passagieri*). Сущность их учения состояла в том, что они не принимали Таинства Святой Троицы в таком смысле, в каком принимает его Православная Церковь. Пассажиры отвергали также равенство Сына Божия и Святого Духа Богу Отцу; сверх того держались закона Моисеева, соблюдали обрезание и другие обряды иудейской религии («Рассуждение о ересьях и расколах в Русской Церкви» Н.А. Руднева, с. 139). Впрочем, в нашей жидовской ереси действовали и природные жидаы.

29 Святой Геннадий был вскоре оклеветан перед великим князем Василием и в 1504 году, вызванный в Москву, подал грамоту, которою отказался от управления епархией и местом уединения избрал себе Чудов монастырь. Здесь он предал дух свой Господу 3 декабря 1505 года; честное тело его погребено в правом предалтарии Михайловского храма, в той самой могиле, где покоились мощи святого

митрополита Алексия до перенесения их в новый, посвященный ему храм.

30 О письменных трудах преподобного Иосифа Волоколамского мы будем говорить в следующей главе.

Глава IV

Ревность о Православии и просвещении в южнорусской митрополии. Собор в Вильне. Священномученик Макарий, митрополит Киевский. Упадок образования в северной Руси. Обители иноческие. Рассадники духовного просвещения. Библия, собранная святителем Геннадием. Жизнь и писания преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Свет Христов на крайнем Севере: преподобный Евфимий Карельский и первоначальники Соловецкие Савватий, Герман и Зосима

Обзорное достославное царствование Иоанна III отвлекло нас от дел южной митрополии, о которых мы почти не упоминали с того времени, когда Православная Русская Церковь по преставлении святителя Ионы окончательно разделилась на две половины, под отдельным управлением двух иерар-

ХОВ.

Чистота веры и ревность к Православию сохранялись в юго-западной Руси иноверной властью, несмотря на козни папизма. Мы видели, что гонение, воздвигнутое в Литве против Православия, послужило во вред самим гонителям: слабый великий князь Александр за послабление фанатизму принужден был уступить Москве свои восточные владения по Днепр. Хотя папа со времени Флорентийского Собора считал себя законным распорядителем Церкви не только на западе, но и на востоке, но уния не распространялась в Литовской Руси, несмотря на то, что ученик отступника Исидора, Григорий, долго занимал первосвятительскую кафедру Киева¹. Преемники его были архипастыри православные, избираемые своими епископами, с утверждения Патриарха Константинопольского. Несмотря на скудость сведений об этом времени, мы часто встречаем указания на сношение их с Константинополем и никакого намека на сношение с Римом.

Живое и общее стремление к наукам, пробудившееся в Европе, отразилось и на запад-

ной Руси. Некоторые из дворян православных еще в XV веке слушали уроки в Краковской академии, в Праге и других местах. Необходимость охранения чистой веры предков от покушения папы заставила умножать собственные училища. А для размножения православных богослужебных книг и сохранения их от злонамеренных повреждений послужили типографии в Кракове, Вильне и других местах, учрежденные вскоре по изобретении книгопечатания³.

Блистательным памятником заботливости южных пастырей о лучшем управлении Церковью Христовой служил Виленский Собор 1509 года. На нем составлены были правила благоразумные, твердые, достойные Восточного Православия. Изобразив печальное состояние южной своей Церкви, Собор постановил: 1) Не подкупать никого для получения сана епископского, и епископа, поставляющего в священство за деньги, лишать власти. 2) Не поставлять в священство людей чужой епархии. 3) Поставлять в священство людей достойных, одобренных судом духовника. Если бы и сам государь прислал недостойного,

то всем епископам с митрополитом, явясь к государю, объявить недостойнство того и ни за что не посвящать. 4) Отлучать от священства тех, которые, скрыв свое поведение перед духовником, обнаружат жизнь своею недостойнство. 5) Не допускать до священнодействия священников и иночествующих, когда являются без увольнительной грамоты. 6) Не допускать к служению и вдовых священников, пока не поступят в монашество. 7) Священников и игуменов без вины не лишать церквей их. 8) «Если князь или боярин отнимет церковь от священника без вины и свидетельства святительского, то не давать другого священника, пока не оказана будет справедливость невинно обиженному». 9) Князь или боярин может оставлять церковь без священника не долее, как на три месяца; по прошествии срока сего посылать священника по усмотрению епископа. 10) Не отнимать имений у церквей. 11) Священник, священствующий только по воле князя или боярина, но без благословения святителя, лишается сана. 12) Также игумены-иеромонахи, произвольно удаляющиеся из обители. 13) Епископам

не принимать на себя мирских дел и не уклоняться от Соборов за недосугами. Наконец, 14) «Если государь, или бояре, или другая власть пришлют за митрополитом или епископом по какому-либо из поставленных и утвержденных теперь правил, желая разрушить заповедь, положенную по правилам апостольским, и выполнить свою волю, то никому на то не осмеливаться, а всем немедленно съехаться к митрополиту, каждому на свой счет, смиренно просить государя и твердо стоять, дабы не был нарушен закон, положенный и утвержденный по правилам Божиим, апостольским и отеческим»⁴.

Эти определения писаны, как очевидно, под влиянием особенной осторожности и внимания к влиянию иноверной гражданской власти; они поставлены, таким образом, в главное руководство для управления Православной Церковью среди козней папизма.

Южная Русь много страдала от набегов крымских татар; они несколько раз опустошали юг, убивали или уводили в плен христиан, грабили и жгли храмы. Особенно поражен был юг глубокой скорбью, когда татары,

сделав внезапный набег, умертвили митрополита Макария⁵, мужа святой жизни и пастыря ревностного (1 мая 1497 г.). Макарий отправился из Вильны в Киев, с тем чтобы заняться исправлением дел, расстроженных нападениями тех же татар, преимущественно же возобновлением Софийского храма; татары нагнали его в селе Скрыголове на реке Бчичи, за 5 миль от Мозыря. Современный летописец, знавший жизнь Макария, оплакивает смерть его как наказание за грехи паствы, но вместе видит в ней залог наград за его святую ревность. И он не ошибся: мощи Макария прославлены нетлением как мощи священномученика⁶.

В северной Руси, или государстве Московском, усердие к вере и отвращение от всего неправославного были так же живы и искренни, как и на юго-западе Русской земли, хотя образование не только мирян, но и клира находилось в жалком положении. В XIV веке, даже в начале XV, еще были (особенно в Новгороде, в Москве и других городах) училища для первоначального обучения грамоте, чтению, письму и церковному пению под ру-

ководством местных священнослужителей⁷, но к концу XV столетия невежество стало усиливаться. Как печальна картина, представленная блаженным архиепископом Геннадием, богомудрым ревнителем просвещения: «Вот, – пишет он к митрополиту, – приводят ко мне мужика для поставления в священный сан: я приказываю дать ему читать апостол, а он ступить не умеет; приказываю дать ему псалтирь, а он и по той едва бредет. Я отказываю ему, и на меня жалобы: “Земля, господине, такова; не может добыть, кто бы умел грамоте”. Вот и обругал всю землю, будто нет человека на земле, кого бы ставить в священство! Бьют мне челом: “Пожалуй, господине, вели учить”. Приказывать учить ектению, а он и к слову пристать не может; ты говоришь ему то, а он другое. Приказываю учить азбуку, а они, немного поучившись азбуке, просятя прочь, не хотят учить ее. Ау меня духа недостает ставить неучей в священники. Мужики-невежи учат ребят грамоте и только портят: а между тем за ученье вечерни принеси мастеру кашу да гривну денег, за утреню то же или и больше; за часы особо... А отойдет от

мастера, и ничего не умеет, едва-едва бредет по книге; а церковного порядка вовсе не знает». Вот как готовили к сану учителей Церкви! Вот каковы были познания будущих наставников народа! Святитель Геннадий молил великого князя и митрополита об учреждении первоначальных училищ, но не видно, чтобы желания его были исполнены⁸.

Не было в храмах живой изустной проповеди Слова Божия: она, по необходимости, заменялась уставными чтениями из древних учителей Церкви. Люди неграмотные, составляющие огромное большинство народа, не могли освободиться от суеверия и ложных толкований, потому что поучения, писанные для древнего времени или другой страны, переведенные неясным языком и читаемые в церкви без всякого изъяснения, были для них совершенно невразумительны. Такое невежество народа открывало к нему свободный доступ всем учителям лжи, всем носителям ересей и расколов. Пагубные плоды такого посева увидим в последующее время.

Только смиренные обители иноческие продолжали распространять просвещение ду-

ховное по Русской земле; в них по-прежнему духовный опыт объяснял подвижникам тайны веры и благочестия; примеры святой жизни разливали свет и жизнь на современников. Во многих обителях списывали отеческие сочинения, заносили в летописи события современные, писали жития угодников Божиих.

Памятником пастырской заботливости святого владыки Новгородского Геннадия сохранился составленный им полный список Библии⁹. При этом он желал не только доставить православным возможность читать Священное Писание, необходимое для всех и почти никому недоступное¹⁰, но и оградить простодушных от обольщений еретиков, которые выдавали подложные и баснословные сочинения за книги священные.

Другой знаменитый ревнитель и труженик духовного просвещения был преподобный Иосиф, Волоцкий чудотворец. Уроженец Волока-Ламского, он исходил из дворянского рода Саниных. Ученик опытного наставника, преподобного Пафнутия Боровского, Иосиф наследовал ему, по желанию братии, в управ-

лении монастырем. Как пламенный приверженец общежительного жития, он предлагал братии ввести в обитель чин общежития и, когда предложение не было принято, тайно ушел на Белое озеро и там несколько лет в виде простого послушника на опыте изучал устав общежития, который был составлен преподобным Кириллом и сохранялся во всей строгости. Там у братии все было общее – и пища, и одежда; собственности личной не было; послушание было совершенное, так что без благословения старца не делалось ни малейшего дела; в храме иноки вели себя благоговейно, каждый стоял на своем месте, погруженный в молитву; за трапезой безмолвно внимали чтению душеспасительных книг. Иосиф принял на себя послушание в хлебопечкарне монастырской; между тем он старался точнее узнать устав преподобного Кирилла и беседовал со старцами, более прочих знакомыми с преданиями богомудрого основателя обители. Здесь Иосиф нашел тот порядок, который желал учредить в своем братстве. Посетив еще несколько монастырей¹¹, ревностный игумен возвратился в свою обитель, сно-

ва предложил братии правила общежития и, получив новый отказ, решился оставить навсегда Пафнутиев монастырь и основать свой собственный, чтоб устроить его по своему желанию. Для сего с семьёю преданными ему иноками он удалился в знакомые ему леса волоколамские.

Князь Волоколамский Борис Васильевич, давно слышавший о добродетелях Иосифа, узнав о прибытии его в пределы Волоколамские, отдал в полную его волю выбор места для обители¹². Она была основана преподобным Иосифом в 1479 году.

При самом начале монастыря ревностный основатель не имел возможности учредить общее житие; но когда число братии возросло значительно и удовлетворение внешних нужд обеспечено было обильными вкладами, тогда Иосиф учредил порядок общежительных монастырей, избрав образцом преимущественно устав Кирилло-Белозерского монастыря.

По правилу преподобного Иосифа у братии должно быть все общее: одежда, обувь, пища, питание; никто из братии без благословения на-

стоятеля не мог взять в келлию ни малейшей вещи; не должен был ничего ни есть, ни пить отдельно от других; хмельные напитки не только не позволялось держать в монастыре, но запрещалось привозить приезжающим и в гостиницу. К божественной службе должно было являться по первому благовесту и занимать в храме определенное для каждого место; переходить с места на место или разговаривать во время службы запрещалось. После литургии все должны были идти в трапезу, вкушать пищу безмолвно и внимать чтению. В свободное от службы время братия должны были участвовать в общих работах или, сидя по кельям, заниматься рукоделием. После повечерия не позволялось оставаться в монастыре или сходиться, но каждый должен был идти в свою келью и с наступлением вечера исповедоваться отцу своему духовному – в чем кто согрешил в течение дня. Женщинам и детям запрещен был вход в монастырь, а братии – всякая беседа с ними¹³. Без благословения никто не мог выходить за ворота. Для управления монастырем был совет из старцев.

Под руководством преподобного Иосифа братия подвизались усердно на поприще иноческой жизни. Все время было посвящено или молитве, или трудам телесным. Пища была самая простая; все носили худые одежды, обувь из лык, терпели зной и холод с благодушием; не было между ними смеха и празднословия, но видны были постоянные слезы сокрушения сердечного. В келльях своих братия ничего не имели, кроме икон, книг божественных и худых риз, а потому у дверей келлий и не было запоров. Кроме обыкновенного правила монашеского, иной полагал еще по тысяче, другой и по две и по три тысячи поклонов в день. Для большего самоумерщвления иной носил железную броню, другой – тяжелые вериги, третий – острую власяницу. Большая часть ночи проходила в молитве. Сну предавались на короткое время, иной сидя, иной стоя. И все такие подвиги предпринимались не самовольно, но с благословения настоятеля. Таким образом послушание освящало их, а любовь увенчивала. Каждый готов был помочь телесным и душевным нуждам своего брата. Знаменитость происхождения,

мирская слава и богатство за воротами были забываемы. Приходил ли в монастырь нищий или богач, раб или вельможа, они равны были; на каждого возлагались одинаковые труды, и почесть отдаваема была только тем, которые более подвизались и преуспевали на поприще иноческих подвигов.

Сам Иосиф во всем был примером для братии. Прежде всех приходил он в храм Божий, пел и читал на клиросе, говорил поучения и после всех выходил из храма. Была ли общая работа для братии, он спешил и здесь предварить всех, трудился, как последний из братии; носил такую убогую одежду, что часто его не узнавали; изнурял себя постом и бдением, вкушая пищу большей частью только через день и проводя ночи в молитве. Но не видали его никогда дряхлым или изнемогающим; всегда лицо его было светло, отражая душевную чистоту. С любовью помогал он братии во всех их нуждах; особенное внимание обращал на душевное состояние каждого, подавал мудрые советы и силу слова подкреплял усердной молитвой к Богу о спасении вверенных ему душ. Когда кто из братьев боялся

или стыдился открывать ему свои помыслы, опытный старец, провидя внутренние помышления, сам заводил беседу о них и подавал нужные советы. Ночью тайно обходил он келльи, чтобы видеть, чем кто занимается, и если слышал где разговор после повечерия, то ударял в окно, показывая свой надзор. Во время одного из таких обзрений заметил он, что кто-то крадет жито из монастырской житницы. Увидя Иосифа, вор хотел бежать, но Иосиф остановил его, сам насыпал ему мешок жита и отпустил с миром, обещаясь впредь снабжать его хлебом.

Благодетельное влияние Иосифа не ограничивалось одним монастырем, но распространялось на всю Волоцкую область. Слава добродетельной жизни Иосифа, мудрость наставлений, подкрепляемых свидетельствами Писания и Отцов Церкви, сила слова привлекали к нему многих. Князь Волоколамский Борис часто посещал его, открывал ему свою душу и руководствовался в жизни благочестивыми его советами. Сын его Иоанн был крестник и духовный сын Иосифа. Вельможи и высшие сановники считали для себя за сча-

стве удостоиться беседы с Иосифом, избирали его себе духовным отцом, с любовью исполняли его советы и исправляли жизнь свою по его указанию. Женщины, не имея возможности лично пользоваться наставлениями Иосифа, спрашивали советов его письменно или через своих духовников.

Особенно он любил помогать нуждающимся. Имел ли кто из поселян нужду в семенах для посева или лишался домашнего скота и земледельческих орудий, приходили к Иосифу, и он снабжал всем нужным. В один год в Волоколамской области был голод. Не имея насущного пропитания, поселяне стекались к обители Иосифа, прося хлеба, в продолжение всего этого несчастного времени Иосиф питал около семисот человек, кроме детей. Чтобы дать приют некоторым из них, и особенно детям, Иосиф построил подле монастыря странноприимницу и при ней церковь в честь Введения во Храм Богородицы, велел покоить болящих и страждущих, кормить всех бедных, поставил здесь особого смотрителя, и эта странноприимница получила название «Богородного монастыря». Когда истоцились соб-

ственные средства обители, Иосиф, несмотря на ропот братии, делал займы и кормил бедных. В то же время убеждал и владельцев князей употребить свои меры для вспомоществования страждущим от голода. По устроению Промысла Божия, пожертвования преподобного Иосифа в пользу бедных не остались без вознаграждения – для новых воздаяний бедным. Великий князь Василий Иоаннович, лично удостоверившись в оскудении обители, обильными дарами спешил вознаградить издержки. Братья великого князя: Симеон, Дмитрий и Юрий – также присылали от себя пожертвования в обитель Иосифа.

Мы знаем уже подвиги преподобного Иосифа в борьбе с ересью жидовствующих. Твердые речи его на Соборе и богомудрые писания много способствовали к обузданию ереси¹⁴ и успокоению Церкви.

Но вскоре неутомимый оберегатель мира церковного сам подвергся огорчениям в собственном своем монастыре. Главной причиной этих беспокойств был князь Волоколамский Федор Борисович. Он начал делать различные притеснения Иосифову монастырю,

который принадлежал тогда, вместе с владениями Волоцкого князя, к епархии Новгородской. Чтобы избавиться от обид, преподобный Иосиф решился, по примеру некоторых других обителей¹⁵, перейти под непосредственное покровительство великого князя и митрополита. В 1507 году желание его было исполнено, и он получил от великого князя несудимую грамоту.

Переход Иосифа из Новгородской епархии в область митрополии оскорбил владыку Новгородского: архиепископ Серапион¹⁶ подверг Иосифа церковному запрещению за то, что он без ведома и воли своего архипастыря уклонился из паствы его; а великий князь, приняв запретительную грамоту Серапиона за личное оскорбление¹⁷, объявил владыку лишенным кафедры и подверг тяжкому заключению в Москве, в Андрониевом монастыре. На Соборе 1509 года обвинили Серапиона за неправильное отлучение Иосифа, который желал, но не мог получить благословения архипастыря¹⁸, а Иосифу выдали разрешительную грамоту. Спустя несколько времени двое богоугодных мужей – святитель и игумен –

примирились, и прежняя любовь водворилась между ними¹⁹.

Пользуясь расположением великого князя, преподобный Иосиф последние годы жизни своей провел в мире. Но он подвергался тяжким и частым недугам. Перед концом жизни ослабло у него зрение, так что он с трудом видел, но не мог читать, едва мог ходить в церковь, водимый и поддерживаемый братией. Чувствуя свою немощь и приближение смерти, он вновь просил великого князя охранять своим покровительством монастырь, насажденный его потом и трудами и возвращенный молитвами и слезами. Чувствуя приближение кончины, он поручил братии избрать из среды себя преемника ему. Выбор пал на Даниила, старца, любившего нищету, пребывавшего в трудах, посте и молитве. Преподобный Иосиф утвердил это избрание и после того часто беседовал со своим преемником об обязанностях его звания, завещал ему поступать во всем по духовной грамоте, написанной самим Иосифом, а братии внушал иметь любовь и почтение к новому игумену.

В последние дни своей жизни преподоб-

ный Иосиф принял великую схиму и пребывал постоянно в совершенном уединении и в молитвенной беседе с Богом. Во время церковного богослужения братья выносили его в храм: там, в уединенном месте, невидимый другими, он слушал церковную службу. В субботу, 8 сентября 1515 года, приобщившись Святых Тайн, он созвал всех братьев, преподал им мир и благословение и при последнем прощании изрек им утешительное обетование. «Вот вам знамение, – сказал он, – если я получу некое дерзновение и милость у Господа, место сие святое не оскудеет, и обитель распространится». На следующий день братья отпели у него в последний раз утреню. В церкви богослужение еще продолжалось, и в то время, как там начали петь «Святой Боже», преподобный Иосиф, оградив себя крестным знаменем, предал дух свой Богу, 75 лет от рождения²⁰.

В обители преподобного Иосифа образовалось много великих подвижников. Некоторые из них возведены были на кафедры святительские: непосредственный преемник Иосифа, Даниил, был после митрополитом.

Ростовский архиепископ Вассиан II – брат Иосифа; епископы: Смоленский Савва Слепушкин, Коломенский Вассиан Топорков, Тверской Акакий, Крутицкие Савва Черный, Нифонт и другие были постриженниками и учениками богомудрого игумена Волоколамского. Из простых иноков замечательны по своей жизни Герасим Черный и Кассиан Косой, пришедшие с Иосифом из Пафнутиева монастыря. Первый из них, строгий постник, жил впоследствии вне обители, в затворе, занимаясь молитвой и рукоделием. Одним из главных его занятий было списывание книг. Кассиан Косой ни летом, ни зимой не носил обуви, не знал меховой одежды; он так изнурял себя постом, что преподобный Иосиф находил нужным умерять его подвиги.

Известен также по жизни добродетельной Иона Голова, в мире бывший приставником у детей князя Бориса. В одно время он недосмотрел за князем Феодором, который упал и повредил себе язык. Избегая гнева князя, он удалился, как в тихое пристанище, в обитель Иосифа, постригся в монашество и проходил самые тяжелые послушания, непрестанно

пребывая в трудах и молитве. Непрестанное сокрушение и смирение наделили его обильным даром слез, а любовь и святость жизни привлекали к нему всех. Проходящие мимо обитатели воины брали хлеб, который он пек, на благословение, а больные – для исцеления. Ему отдался в послушание племянник его, юный Епифаний, оставивший двор князя Бориса и убежавший от похвалы человеческой, чтоб удостоиться благословения Божия. Шесть лет провел он в беспрекословном повиновении своему духовному отцу, подвизаясь в молитве; никакое обидное слово не могло вызвать с его стороны гнева и ропота. Через 14 лет по кончине Епифания тело его найдено было нетленным. Славится также своим благочестием Дионисий, из рода князей Звенигородских: он исправлял послушание в хлебопекарне за двоих братьев и каждый день прочитывал по 77 псалмов и полагал по 3000 земных поклонов. Но, любя уединение, он выпросил себе у Иосифа позволение идти на Белоозеро к Нилу Сорскому. С ним вместе удалился туда и другой знаменитый инок Иосифова монастыря, Нил Полев, из рода князей

Смоленских. Князь Андрей Андреевич Голенин-Ростовский был душевно привязан к Иосифу и любил слушать его наставления. В одно время, отправившись на охоту, он заехал в монастырь Иосифа, вошел в церковь, где совершалась Божественная служба, и, пав к ногам Иосифа, умолял его немедленно постричь в монашество, повторяя, что он не выйдет из храма, пока не исполнится его желание. И тут же, свергнув с себя драгоценную одежду, облекся в грубую власяницу инока и получил при пострижении имя Арсений. Свое имение он подарил монастырю, а слуг отпустил на свободу. Отданный в послушание Ионе Голове, он разделял с братией все труды, держал чреду на поварне и хлебопекарне, ходил за больными. Никогда не видали его праздным; одежду носил он одинаковую с братией и питался той же пищей²¹.

Писания преподобного Иосифа по большей части находятся в тесной связи с обстоятельствами его жизни: та же ревность о славе Божией и вечном благе своих братьев, которая одушевляла его во всех делах, открывается и в сочинениях праведника. Преподобный

Иосиф одарен был обширной и твердой памятью; при светлом уме, при опытности в духовной жизни он обладал обширными сведениями²². Главное из творений его – шестнадцать Слов против еретиков и жидовствующих, известное под общим наименованием «Просветителя». Здесь богоносный игумен является глубоким богословом, основательно защищающим догматы и постановления христианской Церкви местами из Священного Писания и свидетельствами Отцов Церкви, а иногда объясняющим и своими умозаключениями. В предисловии к этой книге, изложив сущность новгородской ереси, он говорит о Соборе, бывшем против еретиков при Зосиме, и о нечестивых мнениях самого Зосимы. После сего, прерывая повествование, занимается опровержением еретических мнений в XIV Словах. В XV Слове он доказывает, что не всякого еретика тотчас же после покаяния можно допускать к общению с Церковью, но нужно различать свойство и тяжесть ереси и отступление от веры. Рассматривая действия новгородских еретиков после Собора, бывшего при Зосиме, до второго Собора, преподоб-

ный Иосиф доказывает, что с такими еретиками нельзя поступать снисходительно. В XIV Слове он старается доказать, что раскаяние, вынужденное страхом казни, не должно освобождать кающегося от наказания.

Основатель Волоколамского монастыря желал оградить обитель свою определенными правилами, дабы своеволие не ввело в нее, ко вреду духовной жизни, своих обычаев. В таком духе писан им «Устав монастырю» в 14 главах²³. В заключение Устава приложены «завещание, или духовная грамота, грешного, или худого, игумена Иосифа» и дополнительные правила для иноков.

Сверх того преподобный Иосиф оставил после себя много посланий, писанных им во время борьбы с еретиками, по поводу спора со святым Серапионом и для назидания разных лиц в жизни духовной²⁴.

Чтобы ближе ознакомить читателей с писаниями преподобного Иосифа, извлечем из них наставления его о том, как надобно служить единому Богу.

«Прежде всего возлюби Господа Бога всем сердцем и всем умом твоим и крепостью;

пусть не отлучает тебя от любви Божией ни жизнь, ни смерть, ни настоящее, ни грядущее. Пусть все правила и привычки твои будут угодны Богу... Мало говори и много размышляй; не будь дерзок в слове, не излишествуй в беседе, не будь склонен к смеху, украшайся стыдливостью. Трудись руками своими, благодари за все, терпелив будь в скорби, охраняй сердце от гордости и худых помышлений. Не засматривайся на жизнь ленивых, а ревнуй житию святых; радуйся успехам добродетельных, но не завидуй. Плачь о согрешающих, но не осуждай их – есть Судия, который воздаст каждому по делам его. Не оправдывай себя, а признавай себя грешником перед Богом и людьми; не беседуй льстиво; не клеветничи ни на кого и не слушай клеветы. Пусть ярость не дает тебе насилия и похоть не владеет тобой; не гневайся напрасно и не думай о мести, чтобы платить злом за зло. Пусть укоряют тебя, но ты не укоряй; пусть бьют тебя, но ты не бей; пусть обижают тебя, но ты не обижай. Остерегайся бесед женских и вина: то и другое отуманивает даже самых умных людей. Совершая заповеди Господа, не

будь печален, а жди награды от Бога и ищи Жизни Вечной.

Читай заветные книги и отнюдь не читай запрещенных. Ищи небесного и не жаждай земных благ: над ними растянута сеть – увязнешь, как птица. Откажись от мирской мудрости и умудряйся во Христе. Иное дело мудрость Его и другое – мудрость мира, который распял Христа, Господа славы.

Пусть исходит из уст твоих слово утешения, укрепляя любовь к тебе других. Беседуй с лицом веселым, чтобы весело было и разговаривающему с тобой. Разговаривая с бедняком, не оскорби его: кто обижает нищего, оскорбляет Создателя. Не стыдись кланяться всякому, как созданному по образу Божию. Старшего летами постарайся почтить; с равными встречайся мирно; младших принимай с любовью; перед почтенными не ленись стоять. Алчущего накорми, жаждущего напои, как повелел Господь, нагого одень, странного введи в дом, больного посети; дойди до темницы и узнай беду тамошних; чего требуют, подай; поскорби, вздохни и прослезись с ними; вспомни, что многие из них страждут за один

какой-нибудь грех, а мы постоянно грешим и, однако, живем счастливо. Так скорби о грехах своих, воздыхай о соблазнах и падениях города, где живешь.

Ищи человека, боящегося Бога и служащего Ему всей душой, и к нему прилепись душой и телом. Если нашел ты такого человека, будь покоен: ты нашел ключ к Царству Небесному. Следуй ему во всем, внимай словам его, делай приятное ему. Монастыри и дома святых пусть будут для тебя пристанищем; прибегай к ним, принимай в них участие, утешай их в нищете их. Если есть у тебя нужное для них, принеси им: ты отдашь это в руки Божии. Пойми, чего требует Царь Небесный от твари своей – малой и легкой милостыни. Подай же малость и получишь вечное; подай немного и возвратится тебе во сто раз. Милующий убогого дает займы Богу.

Мир этот прейдет мимо нас, и слава его исчезнет; а придет Господь с Небесными Силами, поставит каждого на суд и каждому воздаст по делам его. Помни, что можешь завтра же увидеть, как разверзнутся небеса, сойдут ангелы, и ты станешь пред Страшным Судом.

лицем и будешь давать отчет о твоей жизни, в делах, словах и мыслях. Позаботься же о себе, вспомни грехи свои, не забывай о суде. Помни, что ты человек смертный, немощный и подверженный страстям. Помни, что ты живешь в жизни печальной, погубившей многих добрых и злых, умных и неумных, богатых и бедных. Помни, что ты человек слабый, не можешь вынести труда одного дня, ни бдения одной ночи. Вспомни, сколько ты грешил перед Богом в юности своей. Подумай, сколько там под землей душ, оскорблявших Бога, желавших получить малый отдых и не получивших. Подумай, как часто поднималось море жизни нашей от плоти нашей, сколько бурь и мятежей, сколько ветров, сколько грехов, сколько слез по городам, домам и торгам! Подумай, сколько было людей после Адама, и все прошли без следа. Прославились на небе и на земле лишь те, которые жили по заповедям Божиим. Что в этом мире не ложь? Все полно болезни и страха. Рождение наше со страстями, и смерть страшна. А что будет по смерти, неизвестно; все пути наши – печальны. Плоть наша неумерима. Здоровая воует,

немогущая печалит нас; не давай ей хлеба – ослабеет. Кто в этой жизни прожил без скорби? Кто не стонал? Сколько обманутой жизнью! Подумай, что скоро, скоро оставишь ты все видимое: и эту землю, и это небо, и этих людей. Подумай, как ничтожен ты телом и душой. Малая скорбь одолевает тебя, малое слово громит тебя, малая болезнь, как огонь, обжигает тебя и ввергает в скорбь. Каждое веселье света оканчивается печалью. Ныне играют свадьбу, завтра плачут над мертвецом. Ныне рождаются, завтра погребаются. Ныне радость, завтра слезы. Ныне богат, завтра нагой. Ныне знатен, завтра труп, поедаемый червями. Содрогнемся и вострепещем. Что с нами будет, не знаем. Покаемся теперь; после смерти нет покаяния. Что сделаем здесь, то и найдем там; что посеем, то пожнем»²⁵.

Другим путем, но к той же цели – спасению своей души и пользе ближнего – шел великий отец Русской Церкви, преподобный Нил Сорский, из дворянского рода Майковых. Он родился в 1433 году и положил начало иноческой жизни в Кирилловой обители, где пользовался советами мудрого и строгого

старца Паисия Ярославова. Спустя несколько времени он пошел с учеником своим и сотрудником, монахом Иннокентием, к святым местам восточным и несколько лет провел на Афонской Горе и в монастырях Константинопольских. В это особенно время он напитал дух свой наставлениями великих отцов пустынных, которые путем внутреннего очищения и непрестанной молитвы, совершаемой умом в сердце, достигали светоносных озарений Духа Святого. Душеспасительные уроки сих богомудрых отцов не только изучил он умом и сердцем, но обратил в жизнь и постоянное упражнение²⁶.

Возвратясь в Белозерский монастырь, преподобный Нил уже не остался жить в нем, но срубил себе келью невдалеке от него; потом отошел на 15 верст, где, водрузив крест, поставил сперва часовню и уединенную келью и при ней ископал кладезь, а когда собралось к нему для жительства несколько человек братии²⁷, то построил деревянную церковь Покрова Богородицы. Отсюда писал он к другу своему Иннокентию: «Когда мы жили вместе с тобой в монастыре (Кирилловом), ты

знаешь, как удалялся я мирских связей и старался жить по Священному Писанию, хотя полености моей и не успевал. По окончании странствования моего пришел я опять в монастырь, устроил себе вблизи его келью, жил сколько мог. Теперь переселился я вдаль от монастыря, нашел благодатию Божией место по мыслям моим, мало доступное для мирских людей, как сам ты видел²⁸. Живя наедине, занимаюсь испытанием духовных писаний: прежде всего испытываю заповеди Господни и их толкование и предания Апостольские, потом жития и наставления Святых Отцов. О всем том размышляю и что, по рассуждению моему, нахожу богоугодного и полезного для души моей, переписываю для себя. В этом жизнь моя и дыхание. По немощи моей и лени возложил упование на Бога и Пречистую Богородицу. Если что случается мне предпринимать и если не нахожу того в Писании, на время отлагаю в сторону, пока не найду. По своей воле и по своему рассуждению не смею предпринимать что-нибудь. Живешь ли отшельнически или в общежитии, внимай Святому Писанию и следуй по стопам Отцов

или повинуйся тому, кто известен тебе как муж духовный в слове, жизни и рассуждении... Святое Писание жестоко лишь для того, кто не хочет смириться страхом Божиим и отступить от земных помышлений, а желает жить по своей страстной воле. Иные не хотят смиренно испытывать Святое Писание, не хотят даже слышать о том, как следует жить, как будто Писание не для нас писано, не должно быть выполняемо в наше время. Но истинным подвижникам и в нынешние, и во все века слова Господни всегда будут словами чистыми, как очищенное серебро; заповеди Господни для них дороже золота и камней драгоценных, слаще меда и сота».

Как для себя, так и для учеников своих, преподобный Нил поставил правилом не общежительное житие, а строгое скитское (аскетское). При построении храма надлежало сделать на болотистой почве высокую насыпь, тем более что под церковью назначалась братская усыпальница. Руками богомудрого старца и живших при нем скитников насыпан был высокий холм для храма и усыпальницы. Кельи поставлены на возвыше-

нии; каждая от другой и от храма – на расстоянии брошенного камня. Скитники собирались в храм свой, по примеру восточных, только по субботам, воскресеньям и праздникам; в прочие дни каждый молился и трудился в своей келье. Всенощная скитская продолжалась во всю ночь в полном смысле слова: за каждой кафизмою предлагалось по три и четыре чтения из Святых Отцов. Во время литургии пели только Трисвятую песнь, аллилуйя, Херувимскую и Достойно; все прочее читалось протяжно, нараспев. В субботу приходили в братскую усыпальницу, где совершалась панихида за упокой усопших. В завещании ученикам преподобный Нил так изображает внешнюю сторону скитского жития:

«а. Пропитание снискать трудами рук, но не заниматься даже земледелием, так как оно по сложности свой неприлично отшельнику.

б. Только в случае болезни или крайней нужды принимать милостыню, но не ту, которая могла бы служить кому-либо в огорчение.

в. Не выходить из скита.

г. В церкви не иметь никаких украшений

из серебра, даже и для священных сосудов, а все должно быть просто.

д. Здоровые и молодые должны утомлять тело постом, жаждой и трудом, а старцам и слабым дозволяется успокоение в известной мере.

е. Женщинам отнюдь не входить в скит». Немного сложно правило для наружной жизни! Но преимущественный труд и подвиг скитского жития состоит во внутреннем подвижничестве, в бдительности над состояниями души, в очищении ее молитвой и богомыслием. Сие-то подвижничество преподобный Нил изображает довольно подробно для учеников своих в обширном сочинении «Предание о жительстве от Святых Отцов учеником своим», или скитском уставе²⁹.

Сколько устав преподобного Иосифа Волоцкого отличается внешней строгостью, столько творения дивного подвижника Сорского – глубокими сведениями о внутренней жизни во Христе³⁰. Введенный им неслыханный дотоле на севере скитский образ жизни, полное отречение от всего земного, высказанное им на Соборе³¹, и заботы об исправлении

испорченных переписчиками церковных книг восстановили многих против преподобного Нила и учеников его; но он продолжал терпеливо идти путем своим, не обращая внимания на клеветы людские.

Преподобный Нил предал дух свой Господу 7 мая 1508 года, достигнув 75-летнего возраста. Перед кончиной он заповедал ученикам своим: «Молю вас, бросьте тело мое в пустыне, потому что оно согрешило перед Богом и недостойно погребения; пусть растерзают его звери и птицы. Или, если хотите, выкопайте яму и положите его туда без всякого уважения. Бойтесь слова, сказанного великим Арсением, ученикам его: “На суд стану с вами, если кому отдадите (для почитания) тело мое. Во всю жизнь я избегал чести и славы века сего; того не желаю и по смерти”». И предсмертное желание великого ревнителя нищеты и смирения исполнилось: обитель его осталась одной из самых малолюдных и бедных на севере России, и святые мощи его почивают под спудом в убогой часовне³².

И дальние окраины севера, суровые берега и острова Студеного моря (как называли на-

ши предки Северный океан с его заливами) населились пустынножителями. В начале XV века пришел (неизвестно откуда) на карельский берег Белого моря преподобный Евфимий. Но едва усердный труженик успел построить храм святителя Николая и несколько келлий, как в 1419 году норвежские разбойники напали на монастырь, сожгли церковь и умертвили нескольких иноков. Вскоре потом сыновья Марфы-посадницы, владевшей на севере огромными пространствами земли, осматривая имения свои, утонули в устье Двины³³ и были погребены в развалинах разоренной обители, а мать их доставила богатые средства для возобновления церкви и келлий. Блаженный Евфимий известен не только по заботам об устройстве монастыря, но и по ревности к просвещению дикого Карельского края светом Евангельской истины. Он просвещал заблудших словом и примером жизни своей. Преставление преподобного Евфимия последовало около 1435 года³⁴.

Почти в то же время на одном из бесплодных островов Белого моря возникла обитель иноческая, которой суждено было занять од-

но из самых видных мест между монастырями Русской земли.

В Белозерской Лавре преподобного Кирилла подвизался инок Савватий. Безответное послушание игумену, кроткая любовь к братии и строгая жизнь стали приобретать уважение к нему. Это тяготило старца, и он решился скрыться в безмолвное место. Услышав, что в Новгородской стороне на озере Нево (Ладожском) есть остров Валаам и на нем монастырь, отделяемый от мира водой, любитель смирения и безмолвия собрался идти на тихий остров; Белозерские иноки не без скорби расстались с подвижником Божиим. На Валааме Савватий явился иноком послушливым и безответно выполнял поручения, не спрашивая и себя, для чего требуют того или другого. Дошли до слуха Савватия, что еще дальше на севере есть Соловецкий остров³⁵, никем не обитаемый, весьма тяжелый для пребывания на нем, редко доступный даже для рыбаков. Загорелась душа пустыннолюбивого старца желанием пожить там в любезном безмолвии. Когда объявил он о своем желании игумену и братии, они никак не хоте-

ли расстаться с Савватием. Чудная ревность к суровым подвигам! Убеленный сединами старец ночью бежал с Валаама. Когда достиг он берега Белого моря и стал расспрашивать прибрежных жителей о Соловецком острове, они рассказывали ему, что остров велик, с озерами, лесами, горами, но необитаем от того, что очень неудобно сообщение с ним. Этот рассказ еще более воспламенил в старце желание поселиться на нем. «Чем же ты будешь питаться и одеваться там, старец, когда ты так беден и дряхл?» – спросили люди, с которыми беседовал Савватий. Подвижник отвечал: «У меня такой Владыка, Который и дряхлости дает силы свежей юности и голодных питает до сытости». Старец решился остаться на время в часовне, стоявшей вблизи устья реки Выги³⁶. Здесь увидался он с отшельником Германом и от него узнал еще более, как благоприятен для безмолвия остров. Герман изъявил готовность не только проводить его до острова, но и поселиться с ним там. На малой ладье отправились они по беспокойному морю и, хранимые Господом, на третий день счастливо достигли берега. Близ горы Секир-

ной, в расстоянии 12 верст от нынешней обители, поставили крест³⁷ и себе кущи. Это были первые отшельники на дальних Соловках. Подвиги их с 1429 года освятили негостеприимный остров сурового севера. Это отшельничество далеко тяжелее отшельничества восточного. На здешней почве нельзя было иметь никакой растительной пищи, а страшный холод зимы и сырость осени сжимали самую жизнь в организме телесном. Подвижники Божии терпеливо выносили все перемены климата в своих хижинах, согреваясь любовью ко Господу; они молились и пели псалмы, ожидая вечности блаженной.

Когда прибрежные жители Кеми услышали, что на Соловецком острове поселились монахи, они позавидовали и послали туда одну семью, с тем чтобы она, ознакомясь там ближе со средствами острова, открыла удобства и другим для поселения. Раз Савватий пел с другом своим воскресную всенощную и вышел покадить крест, поставленный перед кельей. Неожиданно слышит он крик и вопль и в смущении спешит в келью сказать о том Герману. Оградясь крестным знамени-

ем, Герман идет на голос и видит только рыдающую женщину. «О чем ты так плачешь?» – спросил он. «Я шла к мужу, – отвечала она, – и вдруг встретились мне двое юношей светлых, с гневом стали жестоко бить меня и говорить: бегите отселе, не для вас это место, сонмы иноков будут здесь славить Бога, – бегите, чтобы иначе скорая смерть не постигла вас. И мгновенно исчезли они». Герман рассказал старцу, что узнал, и оба прославили Господа за Его дивную волю.

На шестом году соловецкой отшельнической жизни авва Герман для нужд келейных отправился на берег к реке Онеге. После него в том же году старцу Савватию было извещено о скором разрешении его от уз телесных. Он поспешил на твердую землю, чтобы приобщиться Святых Тайн, и в два дня на утлой ладье достиг берега. Там встретил он игумена Нафанаила, жившего при часовне на реке Выге; рассказав о себе, где он жил, Савватий просил преподать ему разрешение и приобщить Святых Тайн. Нафанаил спешил напутствовать больного и просил святого старца идти в часовню и там ждать его до утра. «Не весте,

что утре будет», – сказал старец и просил не отлагать исполнения просьбы его до утра. Игумен исполнил желание святого старца и просил подождать его в часовне, чтобы насладиться духовной беседой. «Как Господу угодно, так и будет», – отвечал старец и пошел к часовне. В это время прибыл на берег новгородский купец Иоанн. Помолясь в часовне, зашел он в келлию и здесь увидел благолепного старца. Усладясь беседой его, купец предложил ему богатое подаяние. «Мне это не нужно, – сказал старец, – раздай бедным», – и объяснил, как много значит для души подаяние милостыни. Купец опечалился тем, что святой старец не принял у него ничего для себя, и Савватий с лаской любви сказал ему: «Останься, друг, до завтра здесь, не будешь жалеть о том, и путь твой будет покоен». Купец отвечал, что ныне же должен отправиться в море. Но едва вышел из келлии, как в море поднялась буря. Пришлось и против желания остаться на берегу. Наутро добрый купец пришел принять благословение у старца; с молитвой толкнул дверь, ответа не было, вошел в келлию и увидел старца, сидящего в

куколи и мантии, с кадильницей в руке, но не услышал ответа на приветствие: старец скончался с молитвой на устах. Это было 27 сентября 1435 года. Пришедший игумен Нафанаил похоронил вместе с Иоанном почившего подвижника.

Преподобные Зосима, Савватий и Герман Соловецкие

По кончине преподобного Савватия остров, освященный его молитвами и подвигами, не надолго остался необитаемым. В Поморский край пришел инок по имени Зосима³⁸, искавший удобного места для безмолвия. На устье реки Сумы встретил он блаженного авву Германа и узнал от него о подвигах преподобного Савватия. Зосима обрадовался и вместе с Германом пустился в ладье через Белое море на Соловецкий остров. Прибыв безбедно на желаемое место, пустынники ходили по острову с мыслью, где бы Бог благословил устроить обитель, и остановились недалеко от морского берега, на берегу озера с приятной водой. Они поставили себе кущи и провели ночь в молитве. Это было в 1436 году.

ПЕРВЫИ ОТЕЦЫ СОЛОВЕЦКІЕ

ПРІ ЗОСІМА

ПРІ

ІВАНІЗ

ПРІ ПАВЕЛІИ

Наутро преподобный Зосима вышел из хижины и увидел над местом их необыкновенный свет и на воздухе церковь. Незнакомый еще с видениями, он ужаснулся и в страхе поспешил в кущу. Старец Герман, увидев изменившееся лицо его, понял, что он видел что-нибудь особенное, и спросил: «Что случилось с тобой, брат мой? Ты видел что-то необыкновенное». Зосима передал ему, что видел. Старец рассказал ему, в свою очередь, как еще при Савватии прогнаны были с того места мирские люди и как оно свыше назначено было для пребывания иноков. Обрадованный уверением небесным о назначении места, Зосима утвердился в намерении основать здесь обитель. Помолясь Господу, отшельники начали рубить деревья для сооружения келльи; днем они занимались работой, а ночь проводили в молитве. В исходе лета Герман отправился на Сумский берег, чтобы заpastись хлебом, и надеялся возвратиться осенью. Но ветры, потом снег не позволили ему пуститься в море, и он провел зиму на берегу. Зосима остался один, но возложил упование на Господа. Он удвоил молитвенные бдения свои³⁹.

Духи злобы стали тревожить отшельника разными призраками, домогаясь прогнать его с места. Зосима подвизался твердо. «Если дана вам, – говорил он, – власть надо мною, сделайте что хотите; если же нет, напрасно трудитесь». Призраки исчезли. Но стала грозить голодная смерть: скудный запас хлеба исchezал. Зосима обратился с молитвой к Господу о помощи. И вот приходят к нему два человека с запасом хлеба, муки и масла и говорят: «Возьми это и положи у себя; если будешь иметь нужду, можешь употреблять в пищу до нашего возвращения». Зосима не успел спросить, кто они и как зимой попали на остров. Напрасно прождав их немалое время, он понял, что это была помощь от Господа, и возблагодарил Его. Весной Герман привез с собой запас хлеба и рыболова Марка со снастью для рыбной ловли. Духовные друзья прославили вместе Господа за дивную благодать Его.

Когда разнеслась молва о новом подвижнике Соловецком, к преподобному Зосиме стали приходиться любители безмолвия, и он принимал их с любовью. На месте дивного видения срублен был небольшой храм Преоб-

ражения Господня и при нем трапеза. Послали одного монаха в Новгород испросить благословения архипастыря и антиминос для нового храма. Возблагодарив Господа за благодать, одушевившую таким мужеством рабов Его, святитель⁴⁰ решил послать игумена Павла с антиминосом для освящения храма и для управления новым братством. Так началась обитель Соловецкая! Для содержания своего братия рубили дрова, копали под огород землю, доставали из озер соль. Последнюю время от времени продавали они для сторонних людей, которые стали ездить на остров и взамен соли привозили хлеб. Приобретая трудами рук средства к жизни, иноки, по наставлению и примеру Зосимы, ревностно славили Бога в храме и довольны были малым. Но жадная зависть подняла войну против пустынников. Боярские люди явились на остров и отняли у иноков рыбную ловлю. «Это отчина бояр наших», – говорили они, тогда как дотоле никто не жил на острове. Лопари также жестоко обижали иноков. Эти нападения злости также тревожили Зосиму. Старец Герман успокаивал его. «Нужны терпение и молит-

ва», – говорил он. Между тем игумен Павел недолго мог вытерпеть трудности жизни на суровом и глухом острове. После него были еще два игумена, но и они возвратились в Новгород.

Так как настоятели, посылаемые на остров, не могли уживаться там, то братья решились избрать игумена из среды себя, и стали они просить первоначальника своего, преподобного Зосиму, чтобы он принял на себя игуменство. Но смиренный подвижник не хотел и слышать о том. Пустынники собрались к Герману и сказали: «Мы собрались сюда для подвижника Божия Зосимы, из нас никто не может быть игуменом; игуменом должен быть тот, кому поручили мы души свои». Затем тайно отправили посла в Новгород, чтобы архипастырь вызвал и посвятил игумена Зосиму. Святитель согласился и, вызвав Зосиму, убедил его принять сан священства и игуменства. В Новгороде уже слышали о чудном подвижнике соловецком, и многие желали получить от него благословение в домах своих. Преподобному игумену Зосиме дарили для обители церковную утварь и хлеб; другие

вызывались помогать обители в возможных нуждах.

Возвратившись на свой остров, преподобный Зосима ревностно занялся устройением внутреннего быта обители. Постановив непрременным правилом для нее общежитие, он внушал братии вести жизнь иноческую так, как заповедали великие отцы общежития: не желать и не искать для себя, а заботиться об общем покое, в храме стоять со страхом Божиим, не сходить с места до конца службы, не разговаривать с другими, в трапезе сохранять молчание и внимать назидательному чтению. Поныне известен устав его о жизни братии. «Игумен, – говорится в нем, – священники, старцы, вся братия едят и пьют в трапезе; кушанье для всех одинаковое; по келлиям, за исключением больных, нет стола; из трапезы не выносят кушанья и питья. Одежда и обувь выдаются из казны. Если кто может, покупает себе келлью; иначе живут в келлиях обители. Дохода нет никакого ни священникам, ни братии, ни служащим в монастыре и за монастырем: все нужное для каждого выдается из казны»⁴¹.

Бог благословил монастырь по молитвам угодника Своего. По двум грамотам⁴² новая обитель получала земли по реке Суме и право на владение целым островом Соловецким и другими соседними островами.

Слух о высокой духовной жизни преподобного Зосимы привлекал на остров ревнителей вечного спасения со всех сторон. Приходили священники, диаконы, причетники, иноки, желая жить с преподобным и пользоваться наставлениями его: старец принимал их с любовью. Даже лопари и чудь, даже норвежцы приходили к преподобному Зосиме и поучались душевному спасению. Мало зная язык русский, они слушали язык сердца чистого, которое без слов говорит сердцам о Боге и вечности⁴³.

В 1465 году, по совету кирилловских иноков⁴⁴, преподобный Зосима перенес мощи преподобного Савватия, уже прославленные чудесами, с берега реки Выги в свою обитель. Между тем люди мира грешного не переставали оскорблять иногда соловецких иноков. Блаженный игумен отправился в Новгород. «Часто приходят к нам боярские дети, – гово-

рил он владыке Феофилу, – и много делают оскорблений, не позволяя ловить рыбу и угрожая даже совсем выгнать нас из нашей пустыни; заступись за нас». Владыка обещал помочь. Старец обратился с просьбой и к новгородским боярам. Боярыня Марфа, вдова посадника, была тогда лицом сильным в Новгороде. К ней более, чем к кому-нибудь, нужно было обратиться с просьбой, потому что слуги ее, жившие на ее землях, близких к острову, более чем кто-нибудь делали оскорбление послушникам обители. Преподобный явился к ней. Гордая барыня, возмущенная своими слугами, сочла за оскорбление для себя жалобы иноков и приказала выгнать Зосиму из своего дома. Преподобный спокойно перенес оскорбление и сказал со вздохом ученикам: «Настанут дни, когда обитатели сего дома не станут ходить в нем; затворятся двери его и дом зарастет травой». Прочие бояре почтительно принимали преподобного, у кого только он был. Марфа почувствовала затем вину свою и пригласила к себе святого старца. Встретив его с детьми своими, просила она простить ее вину перед ним и обителью. Она

вручила ему новую вкладную грамоту на землю и рыбные ловли. За обедом, к которому приглашено было несколько бояр, Зосима сидел молча и по обыкновению мало кушал. Взглянув на сидевших с ним, он увидел, что шестеро бояр сидят без голов; в другой и третий раз смотрел он на всех и видел одно и то же. Слезы жалости потекли из глаз его, и он уже более не касался пищи. Ученик его Даниил, когда вышли они из дома боярыни, спросил его: «Что значит, отче, что во время стола три раза смотрел ты на сидевших и потом с поникшим лицом плакал?» Святой старец открыл ученику, что видел он, и не велел говорить о том до времени другим⁴⁵.

Великий светильник глубокого севера Русской земли, начальник общежития в стране нестерпимых морозов, богоносный Зосима прожил 42 года на Соловецком острове и 25 лет настоятельствовав в созданной им обители. Убеленный сединами, чувствуя близость кончины, созвал он братию и сказал: «Дети, я иду в путь отцев, изберите себе наставника». Они зарыдали о разлуке с ним. «Не плачьте, – сказал преподобный, – поручаю вас милости-

вому Спасителю и Матери Божией». Братия со скорбью объявили, что только он, наставник их, может назначить им вместо себя наставника. Преподобный указал на Арсения и, обратясь к последнему, сказал: «Ты строитель и питатель обители сей; смотри, чтобы сохранилось все установленное по храму и трапезе, соблюдался чин, введенный смирением моим. Заповедую ученикам моим соблюдать устав киновии; опьяняющее питье и женские лица не должны быть на этом острове, даже и дающие млеко животные не должны быть здесь. Телесно разлучаюсь с вами, но духом с вами пребывать буду». Сказав последнее: «Мир всем», он осенил себя крестным знаменем и предал душу свою Господу 17 апреля 1478 года⁴⁶.

Вскоре по блаженной кончине преподобного Зосимы множество исцелений и других благодатных знамений доказали святость угодника Божия. Особенно пловцы Белого моря много раз испытывали дивную помощь в страшных опасностях, когда призывали на помощь преподобного Зосиму. «Постоянно обуреваемые бедами и страстями, прибегаем

к тебе, преподобный Зосима, и молим быть молитвенником за нас пред Богом. Посещай милостиво, отче наш, за тобой спасаемые, поем: благословен Бог отцев наших»⁴⁷.

Под руководством великого аввы образовались крепкие подвижники благочестия. Таковы были: священосец и ученик святой Иоанн, Василий – ученик, Онуфрий – ученик и пустынный, Герасим – ученик и отшельник⁴⁸. Все они пережили дивного наставника. Пережил и его ветхий старец Герман. Более 50 лет прожил авва на острове Соловецком. Он не был человеком книжным, но многолетняя духовная опытность научила его различать явления духовные от естественных. Убежденный в том, что жизнь великих подвижников доставляет назидание многим, авва Герман приказывал ученику своему Дорофею⁴⁹ и другим записывать все, что он видел при жизни преподобного Савватия и как жил с ними на острове. Он любил слушать назидательное чтение и собирал книги. Несмотря на глубокую старость, он много раз путешествовал на твердую землю для нужд обители, и самая кончина застигла старца в 1479 году вдали от

обители – в Великом Новгороде, куда он был послан игуменом Арсением. Преподобный Герман преставился в обители преподобного Антония Римлянина⁵⁰.

Прославляя подвиги первоначальников Соловецкой обители, святая Церковь воспева-ет: «Избегая шума многомятежного мира, мудрый Савватий, ты поселился на пустынном острове и в ладье телесной, при кротком дыхании всеоживляющего Духа легко переплыл пучину житейскую, в которой мы теперь подвергаемся бурям и напастям: молись о душах наших»⁵¹.

«Воссияла весна духовная в стране лютого мороза, когда ты, богомудрый Зосима, руководимый доблестным Германом, проник в незнакомые отоки моря, в селение Савватия, и там собрал множество подвижников, неусыпно прославляющих Господа»⁵².

Примечания

1 Литовская церковная уния М. Кояловича, т. I, ст. 16–22.

2 Статья «Митрополия Киевская в начале своего отделения от Московской» в «Прибав-

лениях к Творениям Святых Отцов» за 1854, с. 535.

3 В Кракове изданы (1491 г.) псалтирь, часослов, шестоднев, триоди. В Вильне с 1525 года напечатано много церковных книг. Позднее издавались они в Заблудове, Львове, Остроге.

4 Определения Виленского Собора помещены в Исторических Актах. Т. I, № 289.

5 Святой митрополит Макарий посвящен в этот сан из архимандритов Виленского Троицкого монастыря в 1495 году.

6 Нетленные мощи священномученика Макария почивают открыто в Киевском соборе. Там же хранится кипарисный крест святителя.

7 В одном из таких училищ воспитывался сирота Иванец, впоследствии святитель Новгородский Иона, как видно из жития его. И Собор 1551 года свидетельствует, что «в прежние времена в Москве, в Новгороде и других городах бывало много училищ».

8 «История Русской Церкви» преосвященного Филарета Черниговского, изд. 3-е, III, с. 94.

9 Полный список священных книг Ветхого и Нового Завета, древнейший из всех доселе известных в России, написан в 1499 году в Новгороде, по воле святого Геннадия, и хранится в Московской Синодальной Библиотеке под № 915. Некоторые из ветхозаветных книг помещены в переводе с еврейского, другие – с греческого, а некоторые – с латинской вульгаты. Превосходный обзор этой замечательной рукописи, составленный А.В. Горским и К.И. Невоструевым, помещен в описи рукописей Синодальной библиотеки, с. 1–164.

10 Отдельные священные книги нелегко было отыскать и самому владыке Новгородскому, как видно из Послания его.

11 В это время он посетил Тверской Саввин монастырь, Савватиеву пустынь близ Твери, где подвизался тогда дивный старец Евфросин, прошедший 60 лет безвыходно в пустыне, и видел преподобного Макария в Калязинской его обители.

12 Место новой обители избрано Иосифом среди густого соснового леса, на берегу небольшой речки Струги, вливающейся в реку Сестру.

13 Строго запрещая женщинам входить в монастырь, преподобный Иосиф отказался даже принять престарелую мать свою – инокиню, когда она просила свидания с ним.

14 Ересь жидовствующих не прекратилась вполне, потому что из числа еретиков многие разбежались по разным окраинам Русской земли и впоследствии положили начало «секте иудействующих», которая существует и до сих пор. Позднее эта секта сливалась иногда с молоканством или подготавливала многих к принятию молоканства и духоборчества (См. статью Ливанова «Тамбовские молокане и духоборцы в XVIII веке» в журнале «Всемирный труд», 1867, февраль, с. 252).

15 Иосиф оправдывал себя примерами монастырей Троице-Сергиева, Толгского и Каменного, которые от притеснений удельных князей перешли под покровительство великого князя.

16 Святой Серапион был прежде сельским священником недалеко от Москвы и, овдовев, постригся в Дубенской пустыни, что на острове (см. в VI главе II части этих «Рассказов»), был там настоятелем, потом игуменом Серги-

ево́й Лавры, ас 1506 года – архиепископом Новгородским.

17 Серапион писал в грамоте к Иосифу: «Почему ты передал монастырь свой в ведение великого государства? Ты отступил от небесного и перешел к земному». Великий князь понял эти слова превратно и после выговаривал святителю: «Ты назвал князя Феодора (Волоцкого) небесным, аменя – земным. Что я земной, это я знаю: но скажи мне, почему ты Феодора назвал небесным?»

18 По причине моровой язвы, свирепствовавшей тогда в Новгороде, великий князь поставил на дорогах заставы для прекращения сообщений с зараженным краем.

19 По примирении со святым Серапионом преподобный Иосиф испросил ему дозволение великого князя жить в любимой им Лавре чудотворца Сергия. Здесь, в тот самый час, когда Иосиф переходил в Жизнь Вечную, Серапион встал и сказал бывшим при нем: «Брат наш Иосиф преставился. Да простит ему Бог: бывает подобное и с праведными». Святитель-страдалец, приняв схиму, мирно почил 16 марта 1516 года. Мощи его обретены

нетленными 7 апреля следующего года и остаются под спудом в Серапионской палате близ Троицкого собора Сергиевой Лавры.

20 Мощи преподобного Иосифа почивают под спудом в соборном храме основанного им монастыря. Житие его писано двумя учениками его: Досифеем Топорковым и Саввой Черным, епископом Крутицким. Память его празднуется повсеместно, по определению Собора 1591 года.

21 По кончине преподобного Иосифа Арсений часто ходил на могилу его и умолял со слезами, чтобы взял его к себе, если он обрел благодать у Бога. Иосиф явился ему во сне и сказал: «Знай, что я получил благодать от Бога, и ты скоро перейдешь в лучшую жизнь». Действительно, Арсений вскоре заболел и, приняв схиму, скончался.

22 Заметим, что преподобный Иосиф, хотя не знал по-гречески, но приводит в своих писаниях места почти из всех великих отцов Греческой Церкви и даже из многих не очень важных писателей. Это доказывает, как богата была в его время славянская письменность переводами отеческих творений. Преподоб-

ный Иосиф любил собирать книги; многие из учеников и преемников его подражали в этом отцу своему, так что в Волоколамском монастыре составила весьма обширная библиотека, из которой в недавнее время часть рукописей поступила в Московскую Духовную Академию, а другая – в Московскую Епархиальную библиотеку.

23 Особенно замечательна X глава «Устава», заключающая в себе прекрасное описание иноческой жизни по наблюдениям преподобного Иосифа во время путешествий его по монастырям. Это описание напечатано в Чтениях Московского Общества Истории и Древностей Российских за 1848 г.

24 Послания и другие сочинения преподобного Иосифа перечислены в обзоре Русской Духовной Литературы преосвященного Филарета Черниговского. Ч. I, с. 121–126.

25 Эти наставления извлечены нами из книги «Русские святые» (сентябрь, с. 39–45).

26 «Преподобного отца нашего Нила Сорского предание ученикам о житействе скитском». М., 1894, сс. 1 и 2.

27 Братья было немного: иеромонах, диа-

кон и 12 старцев. Преподобный Нил не желал принимать к себе многих, потому что усердных исполнителей правил его оказывалось весьма мало.

28 Дико, мрачно, пустынно место, избранное преподобным Нилом. Речка Сорка чуть струится по болотистой, низкой местности, на которой устроен скит. Там целы еще выкопанные дивным подвижником небольшой пруд и колодезь с весьма вкусной водой, целебной для верующих. Еще цела власяница преподобного Нила: волосья ее колются, как иглы.

29 Скитской устав преподобного Нила напечатан в «Истории Русской Иерархии», V, 214–236, но не совсем исправно; более исправная редакция его – в вышеупомянутой брошюре (см. прим. 26); в переводе на современный язык – в книге А.Н. Муравьева «Русская Фиваида на Севере». Там же помещены отрывки из посланий преподобного Нила, доныне еще не изданных.

30 Общежительных уставов, писанных для разных монастырей, было несколько (Корнильев, Кириллов, Иосифов и другие); но на-

ставником жизни созерцательной остался один Нил Сорский, великий отец скитников (аскетов).

31 Один современник говорит о мнении, предложенном Собору преподобным Нилом: «Некоторые отцы, любители пустынного уединения и внутреннего безмолвия (преподобный Нил Сорский со старцем своим Паисием Ярославовым и немногими другими), скорбели о том, что монастыри владеют селами, и полагали, что напрасно монахи произносят отречение от мира, потому что они, так же как и миряне, волнуются и ссорятся за доходы с имений, ходят по судам и заводят тяжбы. В этом убеждении они высказали свой образ мыслей Собору и самодержцу, уважавшему их за крепкую жизнь и великие добродетели» («Русская Святость», апрель, с. 20).

32 Царь Иоанн Грозный в 1569 году хотел построить каменный храм над гробницей преподобного Нила. Но богоносный ревнитель скитской простоты в сонном видении запретил царю эту постройку. Прошло несколько столетий, и уже в наше время возобновилась мысль о каменной церкви в честь препо-

добного Нила; церковь была построена, но своды ее обрушились над самой ракой основателя обители, причем чудесно спаслись от смерти трое каменщиков, работавших в церкви («Русская Фиваида», с. 353).

33 Потонувшие Феликс и Антоний были сыновьями Марфы от первого ее брака с Филиппом Васильевичем и кончили жизнь в молодости, потому что в 1470 году мы видим Марфу уже вдовой после второго ее брака с Исааком Борецким, матерью взрослых сыновей Борецких: посадника Дмитрия Исааковича и других. Один из числа утонувших, Феликс, при жизни своей был известен благотворительностью: он дал Михаило-Архангельскому монастырю, что на устье Двины, земли с топиями на морском берегу (Акты юридические, № 110, с. 144). Над могилами сыновей Марфы построена часовня, и там сохранились портреты их. В том же монастыре хранится изображение будто бы самой Марфы-посадницы, но вся одежда и обстановка до мельчайших подробностей похожи на портреты другой Марфы – Романовой, матери царя Михаила Феодоровича, хотя самое лицо

различно. Невольно возникает сомнение: не снято ли изображение древней новгородской боярыни с портрета «великой старицы» Марфы Иоанновны?

34 В древних святцах записаны между святыми, покоящимися в Корельской обители, не только Антоний и Феликс под названием «праведных», но и «преподобный Стефан, подвижник, и преподобные отцы Исаия и Никифор, новые чудотворцы».

35 Острова Белого моря, числом шесть, известные под названием Соловецких, находятся в 150 верстах от берега Кемского уезда, в 180 от Онеги и 400 от г. Архангельска. Главный из них – Соловки – длиной от севера к югу около 25, а шириной до 16 верст. Остальные пять островов называются: Анзерский, Большой и Малый Муксалмские и два Заяцких. Около них множество мелких островов, или «корг», и отмелей.

36 Здесь теперь волость Сороки на Карельском берегу.

37 На этом месте впоследствии сооружена пустынь с часовней преподобного Савватия и несколькими келльями.

38 Преподобный Зосима был родом из села Толвуя, на берегу Онежского озера; неизвестно, в какой обители он постригся.

39 Еще цела в Синодальной библиотеке (№ 708) рукописная псалтирь, по которой, как видно из собственноручной приписки святого митрополита Филиппа, «правил правило сам Зосима-чудотворец».

40 Вероятно, святой Евфимий (1429–1457), хотя писатель жития преподобного Зосимы Досифей по ошибке называет святого Иону, который вступил на епископство не ранее 1458 года.

41 Описание Соловецкого монастыря, составлено архимандритом Досифеем. Ч. I, с. 222.

42 Обе подлинные грамоты: вдовы посадника Борецкого Марфы на земли при устье реки Сумы и Новгородского веча на право владения Соловецким островом с прочими островами, принадлежащими к нему, – хранятся в монастырской ризнице. Вечевая грамота писана на пергамене за подписью святого владыки Ионы, посадников и тысяцких, при ней 8 свинцовых печатей.

43 Воевода Каянского войска Феодор с двумя подвоеводами, «дети Корельские, Вымольцы и Тиврульцы, и все войско Каянское», наученные вере Христовой преподобным Зосимой, дали при преемнике его колокол в Соловецкую обитель (Православный Собеседник, 1860, № 2, с. 27).

44 Иноки Кириллова Белозерского монастыря, свидетели добродетельной жизни преподобного Савватия, писали в Соловецкую обитель и советовали перенести мощи его туда, где он много лет трудился. В том же письме сообщено известие о знамениях и чудесах при гробнице преподобного Савватия и о том, как он сохранил от потопления на море купца Феодора, родного брата того Иоанна, который беседовал с ним перед блаженной его кончиной. Когда раскопали уединенную могилу дивного подвижника, воздух наполнился благоуханием; нетленные мощи по перевезении на остров были положены за алтарем Преображенского храма, и на гробнице поставлен образ.

45 Видение преподобного Зосимы о боярах обезглавленных вскоре исполнилось: сын

Марфы Борецкой Дмитрий Исаков, Василий Селезнев-Губа, Еремей Сухощек, Киприан Арбузеев и еще двое бояр, те самые, которых прозорливый старец видел сидящими без голов, были казнены Иоанном Грозным как главные возмутители при окончательном покорении Новгорода. В Новгородском Софийском соборе, на заднем столпе с правой стороны, поставлена большая икона Соловецких чудотворцев письма XVI века: на ней изображение преподобного Зосимы и Савватия окружено множеством клейм с событиями их жизни чудотворцев. Особенно замечательны два клейма, на которых представлена Марфа Борецкая: на первом – принимающая в своем доме преподобного игумена Соловецкого, а на втором – сидящая за обедом с ним же и с обезглавленными гостями. Черты лица Марфы на иконе довольно сходны с портретом, о котором упомянуто нами выше (в прим. 33).

46 Мощи преподобного Зосимы были преданы земле за алтарем деревянного Преображенского храма, подле могилы преподобного Савватия, в 1566 году. По освящении нового каменного собора нетленные мощи обоих чу-

дотворцев перенесены в придел, посвященный их памяти, и там почивают под спудом на южной стороне. В ризнице сохраняется фелонь белого полотна с камчатным оплечьем, данная преподобному Зосиме святым архиепископом Ионой.

47 Из канона на 17 апреля Минеи Московской печати 1625 года.

48 О первом из них, блаженном старце Иоанне, сказано в описании чудес преподобного Зосимы (в рукописи Жития святых русской библиотеки Троице-Сергиевой Лавры, № 692): «Этого Иоанна все помнят, он был постриженник Соловецкий еще при преподобном Зосиме, дивный подвижник и постник, смиренный, кроткий и послушливый; особенно трудился в рыбной ловле». При исцелении одного больного, по имени Никона, преподобный Зосима и Савватий явились ему вместе с Иоанном.

49 Этот Досифей после был игуменом Соловецким. По желанию архиепископа Геннадия, он написал записки о житии преподобного Зосимы и похвальное ему Слово. Им собрано много книг в монастыре; некоторые из них

доньне целы. После преподобного Германа сохранился принадлежавший ему сборник.

50 Ученики повезли тело старца своего в Соловки, но за распутицей принуждены были оставить его на берегу реки Свири, в часовне при деревне Хавроньиной. Спустя 5 лет гроб святого аввы Германа перенесен на Соловецкий остров; мощи его, обретенные нетленными, положены 30 июля 1484 года в часовне, посвященной его памяти, под спудом. Там же хранится четвероконечный келейный крест его.

51 Из канона преподобному Савватию, в сентябрьской Минее.

52 Стихира из службы преподобному Зосиме по рукописной Минее начала XVII века, принадлежавшей Иосифову монастырю, а ныне находящейся в Московской епархиальной библиотеке под № 391.

Глава V

Подвижники и основатели монастырей в конце XV и начале XVI века: преподобный Мартиниан и ученик его блаженный Галактион; преподобные Макарий Калязинский, Паусий Углицкий,

князь Иоанн-Игнатий, Кассиан Грек, Савва Крыпецкий, Александр Свирский, Корнилий Комельский и Кирилл Новозерский.

Прежде, нежели приступим к изложению Общецерковных и соединенных с ними гражданских событий при преемнике Иоанна III, обратим благоговейный взор на подвиги тружеников Божиих, насадителей иночества, основателей пустынных обителей, которые светили, как яркие светильники, среди лесов, болот и дебрей покрытой мраком земли Русской.

В стране Белозерской доживал последние годы долгой своей жизни дивный подвижник Мартиниан, ученик преподобного Кирилла Белозерского, основатель общежительной обители на безлюдном острове озера Вожа, а после преподобного Ферапонта настоятель в монастыре его. Там подал он совет державному слепцу, изгнаннику Василию Темному, искать наследия, отнятого Шемякою¹, и благодарный великий князь, возвратив снова престол, вызвал Мартиниана к себе и поручил ему игуменство в Лавре чудотворца Сергия.

Искренно любя великого князя Василия и желая ему добра, преподобный Мартиниан всегда прямо говорил ему правду. Однажды Василий поручил ему уговорить вельможу, удалившегося к Тверскому князю, возвратиться в Москву и обещал, что тот не только будет прощен, но и получит награду. Боярин послушался преподобного, но вместо почести заключен был в темницу. Услышав о том, Мартиниан немедленно явился к великому князю и сказал ему: «Таков ли праведный суд твой, государь! Ты продал грешную мою душу, лишив свободы того, кому ручался я за свободу душою моею. Да не будет благословение мое на тебе и на твоём княжении!» Великий князь сознал свой грех. В присутствии бояр своих сказал он, как бы гневаясь: «Судите, бояре, что со мною наделал болотный чернец?

Пришел ко мне во дворец и снял с меня благословение Божие». Бояре не понимали, что это значит. Великий князь прибавил: «Винovat пред Богом, забыл свое слово и поступил несправедливо; пойдём к Святой Троице, к преподобному Сергию и блаженному Мартиниану, чтобы получить прощение». Вслед

за тем освободил он боярина и осыпал его милостями и потом отправился в обитель преподобного Сергия. Здесь со всей братиею вышел к великому князю навстречу обрадованный Мартиниан. Но обитель, близкая к столице, тяготила пустынника. Он припоминал себе слова наставника своего преподобного Кирилла: «Добро иноку хранить молчание и несотяжание и избегать всего, что может возмущать чувства». С другой стороны, желал он докончить устройство внутреннего порядка в любезной ему Ферапонтовой обители.

Он простился с братиею Лавры в 1455 году и еще 28 лет управлял обителью преподобного Ферапонта. Здесь он преставился 86 лет от рождения 12 января 1483 года². Любимый ученик великого Кирилла и собеседник подвижника Ферапонта воспитал много духовных чад. В числе их особенно замечателен преподобный Галактион. Он жил в келлье своего отца и наставника, и, когда старец, по дряхлости, не мог ходить в церковь, Галактион носил его на плечах своих. Достигши тайными подвигами высокого совершенства духовного и желая сохранить смирение, Галактион, по

благословению преподобного Мартиниана, иногда налагал на себя юродство и предсказывал будущие события. По кончине наставника своего он прожил еще 20 лет в обители, служа примером строгой жизни и подкрепляя ослабевших. Так сказал он одному брату, который впал в уныние и хотел оставить обитель: «Что это, брат, задумал ты? От волнения не убежишь, хотя бы ты и удалился от нас: нельзя нигде избежать искушений вражьих». Когда в 1505 году великий князь Василий посылал войско против Казани, прозорливый подвижник говорил: «Еще много раз князь Василий будет хлопотать о Казани, но безуспешно; родится сын Иван, тот овладеет Казанским царством»³. Блаженный Галактион предвидел свою кончину и известил о том братию; сотрудник его Савва скорбел о разлуке с ним. «Не скорби, чрез восемь дней увидимся», – сказал ему Галактион. И точно, спустя 8 дней после блаженного Галактиона умер и Савва. Это было в 1506 году.

В Тверской области, близ города Кашина, в селе Грибкове (что ныне Кожино), у боярина Василия Кожи⁴ родился сын Матвей. Рано обу-

ченный грамоте, молодой Кожин женился на девице из рода Яхонтовых, но, скоро овдовев, решился быть слугою Царя Небесного и постригся в Клобукове монастыре⁵ с именем Макария. Спустя несколько лет, не довольствуясь подвигами послушания и стремясь душою из городской обители в пустынное уединение, Макарий удалился с семью иноками из Клобукова, чтоб отыскать безмолвное место для подвигов. В 18 верстах от Кашина, между двумя озерами, вблизи Волги, нашел он место красивое и тихое, какого искал душою. Водрузив крест, поставил он хижину и стал подвизаться в безмолвии. За местом трудов его оставил название Колязиной пустыни боярин Иван Коляга, которому принадлежали ближние земли. Этот Коляга сначала ненавидел пустынников, но, исцеленный преподобным Макарием от тяжелой болезни, отдал свои земли под новую обитель иноческую. Она была устроена в честь Святой Троицы, и Макария принудили принять на себя настоятельство. В сане игумена Макарий трудился наряду со всею братиею, как и в то время, когда был простым иноком. Для умножавшейся

братии купил он у Тверского князя село Сергеевское. Игумен к подвигам инока присоединил заботу и труд наставлять братию и посетителей обители. К Макарию приходили и простые люди, и многие вельможи. Они уважали его как отца, хотя носил он одежду худую, покрытую заплатами. По такому одеянию и по простоте обращения иные принимали его за человека простого и даже смеялись над ним. Утешением для него было ходить по местам безмолвным и беседовать с природою. Тогда почти единственными жителями пустынного края были дикие звери; но они были кротки с кротким рабом Божиим и иногда принимали от него пищу.

Духовная жизнь цвела в обители Макария. Вот что говорил сам Макарий посещавшему его преподобному Иосифу Волоколамскому: «Когда пришел я на то место, то со мной пришли из Клобукова монастыря семь старцев. Они были так совершенны в добродетелях и духовной жизни, что все братия приходили к ним принимать наставления; они же учили всех полезному, одних утверждали в добродетелях, а уклонявшихся к бесчинию удержива-

ли запрещением и не дозволяли следовать своей воле». Благодать Божия проявлялась в подвижнике Божиим чудными знаменами еще в земной жизни его. Раз привезли в обитель его расслабленного Захарию, и больной со слезами просил Макария помолиться за него. «Зачем привезли тебя ко мне, брат мой, зачем просишь ты помощи у грешника, который едва кое-что приобрел только для своего спасения?» – говорил смиренный игумен. Расслабленный не переставал просить помощи. «Знаю, – говорил он – что молитва твоя за меня, несчастного, не останется тщетною пред Богом». Макарий сказал ему: «Сын мой! Бог не хочет смерти грешника и ведет его к покаянию. Вот и на тебя пришло посещение Божие. Если покаешься и отстанешь от прежних привычек худых, получишь исцеление; если же нет, хуже будет с тобою». Захария со слезами исповедал все грехи свои. Блаженный благословил его, и больной стал здоров. Другой опыт был с бесновавшимся молодым человеком Василием Рясиным. Макарий отслужил молебен о его здравии, осенил его крестом, и выздоровевший больной уже не возвратился

в свой дом, а принял в обители иночество. Раз недобрые люди украли рабочих волов обители, но внезапно ослепли. Блуждая по окрестностям, они невольно воротились в обитель и покаялись в грехе своем Макарию; преподобный разрешил их от греха и слепоты, прибавив: «Вперед не грешите».

С тех пор, как поселился в пустыни, Макарий не изменял своего иноческого правила до глубокой старости: твердо стоял он на молитве днем и ночью. Раз вступив на жесткий путь, не оставлял его до гроба и часто лил слезы умиления. По смерти нашли на нем тяжелые вериги, о которых дотоле не знали. Блаженная кончина его последовала 17 марта 1483 года, на 83 году жизни его⁶.

Родная сестра преподобного Макария, Ксения Васильевна, была в замужестве за помещиком Иваном Гавреневым, верным слугою Углицкого князя Андрея Васильевича. Сын их, отрок Павел Гавренев, часто приходил в обитель Калязинскую, а по смерти родителей совсем перешел к дяде: был им пострижен на 11-м году возраста и наречен Паисием. Под руководством опытного старца в тиши обите-

ли юный инок возрастал в жизни духовной, не тревожимый опасными волнениями и наветами мира: с юных лет научился он подвигам послушания, поста и молитвы. Он занимался списыванием душеполезных книг и между прочим списал книгу святого Григория Богослова. Не засоряемый впечатлениями мирскими и очищаемый подвигами самоотречения, дух его стал способен и к созерцанию мира духовного. Раз во время ночной молитвы явился к нему Ангел и сказал: «Ты должен быть наставником для многих; ты выйдешь отсюда и будешь жить там, где тебе велют, так надобно для славы Божией». Паисий со страхом выслушал эту весть и тайно передал наставнику своему преподобному Макарию.

Прошло несколько времени после чудного видения. По просьбе князя Андрея, желавшего основать обитель иноческую в Угличе, преподобный Макарий отпустил к нему юного инок. Паисий поселился в хижине, на левом берегу реки Волги, в 3-х верстах от Углича, и на первый раз построил деревянный храм Божоявления с несколькими келльями. К нему

собралось 10 человек братии, и он ввел строгое общежитие. По настоянию князя подвижник принял сан игуменства. Благочестивый и добрый князь искренно уважал Паисия и щедро подавал пособия для новой обители, в 1482 году освящен был каменный храм в честь Покрова Богоматери. Но ни уважение князя, ни сан игумена не ослабили подвижнической строгости в достойном ученике преподобного Макария. Он сам копал землю, носил воду и в жестокие морозы ходил в одной власянице. Светская ветренность смеялась над трудолюбивым старцем, но к своему вреду. Раз молодой боярин ехал мимо обители и, увидев старца, заступом копающего землю, посмеялся над ним. Вдруг лошадь сбросила его с себя, и он упал без чувств: блаженный Паисий привел его в чувство и кротко сказал: «Не осуждай иноков». Печальная участь любимого князя Андрея, скончавшегося в темнице (в 1493 г.)⁷, и детей его, сосланных в заточение, оживляла в душе подвижника мысль, что в Царствие Божие входят путем скорбей многих. Преподобный просил великого князя за невинных детей; но это не облегчило их

горькой участи; удручаемый скорбью и немощами глубокой старости, передал он управление монастырем ученику своему Геннадию, но неутомимо продолжал молитвенные подвиги. Каждый воскресный день и каждый праздник сам он совершал литургию. Когда же наконец ноги отказались служить, ослабленные дряхлостью и подвигами, он сидя совершал келейное правило. Преподобный Паисий почил от трудов на 107-м году своей жизни, 6 июня 1504 года⁸.

Между тем невинные дети князя Андрея Васильевича, жертвы подозрительности державного дяди, невинно томились в Вологодской темнице. Старший из них, Димитрий, тосковал и по временам горько жаловался на жестокость Иоанна III. Но младший – Иоанн, с юных лет кроткий и богобоязненный, находивший утешение только в изучении Закона Божия, и самую темницу сделал для себя училищем благочестия; не только не роптал он на суровую участь свою, но благодарил за нее Господа, по примеру мучеников Божиих: он подвизался в молитве и в ней находил для себя силу и утешение. Он утешал брата теми

высокими мыслями христианскими, которыми жила душа его. «К чему скорбеть, брат мой? – говорил он Димитрию – Бог внушил великому князю позаботиться о спасении душ наших. Не видишь ли, как мы далеки от мира, опасного для души? Все, что есть в мире – похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, – все это не от Отца, но от мира. Тесен затвор наш? Но не тесным ли путем шли в Царство Небесное святые? Они терпели голод, стужу, побои, раны, темницу, потерю всего; но пели псалмы и утешались чтением Слова Божия. Будем и мы подражать им, и нам дан будет венец нетления». Так чистая душа блаженного юноши смотрела на земную участь свою как на строение благой премудрости Божией, обращающей и дела людские в средства ко спасению. Наконец, страдалец Божий истомился в душном воздухе темницы и, чувствуя близость кончины своей, захотел облечься в иноческую одежду. Почему же давно он не облекся в эту одежду? Но в таком случае брат Димитрий, не желавший иночества, не принявший его и перед смертью, остался бы один в темнице; а этого не допускала нежная

любовь к брату. По просьбе блаженного узника, Прилуцкий игумен Михаил облек его в иноческую одежду, назвав Игнатием. Страдалец причастился Святых Тайн и, осенив себя крестным знамением, сказал: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой». Так перешел он в вечный покой 19 мая 1523 года, 45 лет от рождения. Горько плакал брат Димитрий о потере утешителя и наставника – брата. Но, смотря на светлое лицо почившего, не имевшее вида мертвенности, и ощущая легкое благоухание, исходившее от почившего, успокоился уверенностью в блаженной его доле. Весь город собрался к темнице, услышав о преставлении блаженного князя: его уважали в узах более, нежели других, обладавших силою власти земной. Во время погребения блаженного князя-инока совершилось несколько чудес⁹.

Собеседником и другом преподобного Писисия был пришелец из Греции, потомок княжеского рода, по имени Константин. Он прибыл в Москву с невестою Иоанна III, царевною Софиею, но не захотел остаться при дворе великокняжеском и, любя уединение и скорбя о горькой участи своей родины, стра-

давшей под игом турок, избрал себе скромное место боярина при Ростовском архиепископе Иоасафе, из князей Оболенских. Когда святитель Иоасаф отказался от кафедры и удалился в Ферапонтов монастырь, на место своего пострижения, сюда вместе с ним перешел и князь Константин. Здесь в молитве и чтении книг находил он покой душе. Это было спустя шесть лет по преставлении преподобного Мартиниана. Константин не желал пострижения иноческого, хотя и уговаривали его блаженный Иоасаф и другие. Явившись ему в сонном видении, преподобный Мартиниан грозил подвергнуть его строгому наказанию за сопротивление доброму совету. «Видел я во сне, – рассказывал он владыке Иоасафу, – великолепную церковь с иконами; посреди ее как бы кафедра и на ней преподобный Мартиниан с жезлом в руке. “Постригись”, – говорит мне игумен. “Не постригусь”, – отвечал я. “Если не послушаешься, – продолжал он, – буду бить тебя жезлом”, – и хотел ударить меня. От страха я проснулся». Константин тогда же, по просьбе его, пострижен был с именем Кассиана.

В обители Ферапонтовой жил он недолго и удалился с несколькими братьями в удел доброго Угличского князя Андрея, с которым был дружен еще в мире. В 15 верстах от Углича, на берегу Волги и реки Учмы, водрузил он крест, поставил келльи и по благословению Ростовского архиепископа построил храм в честь Успения Богоматери. Но храм поврежден был разливом Волги. Добрый князь Андрей доставил ему средства построить храм и келльи на новом месте и назначил еще пособие на содержание обители. Чудотворец Кассиан, предузнав свое отшествие к Господу, преподал наставление братии, приобщился Святых Тайн и преставился 2 октября 1504 года¹⁰.

В половине XV века подвижник по имени Савва, пришедший из чужих стран (из Сербии, а по сказанию других, со Святой Горы Афонской), спасался в окрестностях Пскова, сначала в Снетогорском¹¹, потом Елезаровом монастыре¹², где пользовался наставлениями преподобного Евфросина; наконец удалился за 15 верст далее на урочище, называемое Крыпцы, находившееся в непроходимом месте, где жили только медведи и другие дикие

звери, около озера, обильного рыбой. Там на камне поставил себе Савва малую хижину, подвизался в посте и молитве, питался хлебом и водою, а в среду и пяток пребывал во все без пищи, возделывая землю своими руками, что впоследствии завещал и ученикам своим, которые вскоре начали стекаться к нему на жительство, привлекаемые молвою о святой его жизни. Не желая сам начальствовать, блаженный старец в обители своей поставил игумена, по имени Кассиана, и устроил общежительство, не позволяя никому из братии считать что-либо своим, хотя бы кто и пожертвовал из имения своего при вступлении в монастырь. В келлии у самого Саввы ничего не было, кроме икон Спасителя и Божией Матери, убогой мантии и ветхой рогожи, на которой он ложился для краткого успокоения. Посадники и бояре псковские усердно жертвовали имения для нового монастыря, а псковский наместник, князь Ярослав Васильевич Оболенский, имея великую веру к преподобному Савве, подавал много милостыни обители и еженедельно приезжал туда к всеобщему бдению. Однажды он вздумал от-

правиться с супругою, которая была больна и хотела просить преподобного о исцелении. Но прозорливый старец выслал к нему навстречу ученика своего с такими словами: «Грешный старец Савва говорит тебе, князь: не входи с княгинею в монастырь, ибо, по преданию святых Отцов, не дозволено женщинам входить в обители иноческие; если же не послушаешь меня, то супруга твоя не получит исцеления». Князь смиренно повиновался, вошел один в монастырь и просил прощения в нарушении заповеди, которой не знал, а старец вышел к княгине за ворота обители, там отслужил для нее молебен с водосвятием и окроплением святой водою и исцелил княгиню от болезни. Благодарный князь в память сего избавления устроил через непроходимые болота мост к обители преподобного Саввы в 1400 саженьей длины, существующий донныне под именем «моста Ярославля», а в 1487 году, по совету с посадником, с тысяцкими и со всем Псковским вече, по благословению духовенства всех соборов богоспасаемого града Пскова, дал обители крепостную грамоту на владение землями.

В том же году преподобный Савва, достигнув маститой старости, впал в тяжкую болезнь и мирно отошел ко Господу 28 августа 1495 года. Ученики с великим плачем погребли его на правой стороне построенной им деревянной церкви святого Иоанна Богослова¹³.

В дикой и суровой стране Олонецкой воссиял великий светильник благочестия, преподобный Александр Свирский¹⁴. Жизнь его – чудновысокая, отражение чистой евангельской жизни.

Дивный раб Божий родился в древней Обонежской пятине, в селе Мандере, что ныне в Каргопольском уезде. Когда он отдан был учиться грамоте, то сначала тупо учился в сравнении с прочими. Это сильно огорчало отрока. Раз со слезами молился он в храме о раскрытии разума своего и слышал голос: «Встань – ты получишь, чего просил». Веселым воротился он в дом и с того времени легко и скоро стал понимать книжную мудрость. Богобоязненный отрок постоянно соблюдал пост и молился по ночам. «Зачем ты, сын мой, так изнуряешь себя?» – со скорбью говорила мать. Сын отвечал: «Зачем же тебе, мать моя,

отклонять меня от приятного мне воздержания?» Родители хотели, чтобы вступил он в брак; но он отклонялся от того под разными предложениями и думал об одном, как бы совсем расстаться с миром.

Тайно от родителей отправился он прямо на Валаамский остров и на 26-м году возраста облекся в иночество. Здесь провел он 13 лет, как самый строгий к себе послушник. Крепкий здоровьем, он усердно служил всем, носил воду, таскал из леса дрова и того никогда не допускал, чтоб отказаться от приказания старших. Ночь проводил в молитве, а иногда обнаженное тело свое отдавал в пищу комарам.

В 1486 году Александр удалился на озеро Рощенское, в 6 верстах от реки Свири, избрал себе место и там, где впоследствии будет построен храм Спасителя, 7 лет подвизался в тесной хижине. Здесь по случаю нашел его боярин Завалишин и подумал, что видит видение: так изнурил себя подвигами раб Божий. По усердной просьбе набожного боярина преподобный открыл ему жизнь свою под условием молчания. «Семь лет живу я здесь,

не видя никого, – говорил он, – ни разу не вкушал я хлеба, а довольствовался травой; иногда же приходилось мне есть одну сырую землю». – «Трудно было жить тебе так?» – спросил изумленный боярин. «Вначале было тяжело, – отвечал подвижник, – сильно страдал желудком; по временам я валялся на земле, не в силах будучи поднять головы; я совершал пение свое, лежа на земле; раз очень сильно страдал я и вот вижу кого-то светлого. «Чем ты болен?» – спросил он меня. «Желудком», – отвечал я. «Покажи мне больное место», – сказал он. И когда я указал, он возложил на меня руку и сказал: «Се здрав еси, к тому не согрешай, но работай Господу». С того времени чувствую себя здоровым». Была еще борьба отшельнику. Духи злобы не раз являлись ему в грозных привидениях, но он не уступал насилию их и молитвою рассеивал мечтания. Спустя 7 лет стали собираться к нему труженики, но и они сперва жили отшельнически, не близко один от другого. Боярин Завалишин доставлял по временам отшельникам хлеб, что укрепляло слабых.

По особенному внушению преподобный

Александр начал строить монастырь в 130 саженьях от своей хижины, а сподвижники убедили его принять на себя сан священства и настоятельства. В 1508 году был освящен храм Святой Троицы. Новый игумен не переменил строгости к себе, но казался последним в обители. Он первый выходил на труды и больше других трудился: то месил в хлебне тесто и пек хлебы, то носил воду из озера, то рубил и носил дрова, то молол рожь за других своими руками. Никогда не спал он даже на рогоже, а всегда на голой доске или сидя. Одежда его была покрыта заплатами. Иные и смеялись над ним за такую одежду, но он оставался верным себе. Усердно заботился он о спасении чад своих, иноков, и умолял братию приближаться к Богу смирением, трудами послушания, постом и молитвою.

Высокая духовная жизнь северного пустынноика привлекала к нему многих из близких и дальних мест. К великому подвижнику одни приходили для испрошения благословения и молитв, другие шли со скорбями земной жизни, третьи открывали больную совесть свою. Преподобный принимал всех с

кроткою любовью и старался помогать всем.

Вот один из многих опытов прозорливости великого подвижника. При освящении храма Святой Троицы народ подавал ему деньги и вещи. Соседний поселянин Григорий также хотел подать от себя что-то, но преподобный не принял. Два и три раза Григорий пытался положить дар свой в фелонь игумена, но старец отталкивал руку его. «Рука твоя смердит, – сказал ему наконец преподобный, – ты бил ею мать твою и тем навлек на себя гнев Божий». – «Что ж мне делать?» – спросил в сокрушении Григорий. «Ступай, испроси прощение у матери твоей и впредь не смей оскорблять ее». Незадолго до блаженной кончины святой пустынный утешен был видением Богоматери, обещавшей ему не забывать обители его и умножить число братии богоугодной.

Много подвижников благочестия воспитал преподобный Александр. В бывшей Оредежской пустыни подвизался ученик его преподобный Макарий, основатель этой обители, почивший в 1532 году. В Важеозерской Спасской пустыни, в 12 верстах от Свирского мо-

настыря, поживает сподвижник его и основатель пустыни преподобный Никифор. В Оятской пустыни скончались питомцы Свирского наставника Игнатий, Леонид, Дионисий, Федор, Ферапонт, Корнилий и Афанасий (поставленные, по рукописным святцам, в лике преподобных). Александр в духовном своем завещании писал: «Братии моей приказываю жить о Христе и отнюдь не держать в нашей пустыне опьяняющего питья, не иметь вражды между собою и не считаться ни в чем. Бог дал, доселе считаться не из чего – казны монастырской нет; что Бог посылал при моей жизни, какой христороубец давал вклад в монастырь – то все пошло в дом Святой Троицы и боголепного Преображения, на храм и теплую церковь и на другой монастырский расход». Святой старец скончался на 85-м году от рождения, 30 августа 1533 года¹⁵.

И из необъятного леса Комельского свет Божий продолжал сиять на окрестности. Какое благословенное Богом место была эта дубрава, расстилавшаяся во всю южную полосу Вологодского края, рассекаемая пустынным течением Нурмы и Комелы и других безвест-

ных речек! Казалось, дебри были созданы для обитания диких зверей, но туда стремились ангелоподобные люди, чтобы сперва по краям леса, где только позволяла местность, а потом даже и в самой дремучей глуши его с большим дерзновением созидать свои духовные твердыни.

Преподобные Сергей Нуромский и Павел Обнорский с южной стороны коснулись только сих девственных лесов, и едва ли не впервые застучала их иноческая секира на вековых соснах, не выдавших дотоле руки человеческой¹⁶. В конце XV столетия подвизались здесь преподобный Авраамий и Коприй – на берегу реки Печенги¹⁷, преподобный Иннокентий, друг и собеседник Нила Сорского¹⁸, преподобный Онуфрий и Авксентий, основатели Перцовой пустыни¹⁹, и, наконец, великий отец пустынножителей Корнилий.

Родители преподобного Корнилия, люди знатные и богатые, по прозванию Крюковы, оставили его сиротою в младенчестве, поручив дяде Лукьяну Крюкову, служившему при дворе великой княгини Марии, супруги князя Темного. Лукьян, удалясь в Белозерскую оби-

тель преподобного Кирилла, взял с собою и 13-летнего племянника. Здесь отрок, приняв пострижение, начал труды иноческие тяжелым послушанием в хлебнях, в свободное время списывал книги, носил вериги, потом предпринял странствование по пустынным обителям²⁰. Это странствование не было праздным: юный инок собирал опыты жизни духовной, терпел голод и жажду, зной и мороз для Господа.

В 1497 году Корнилий перешел в глухой и дикий Комельский лес и поселился в 45 верстах от Вологды. Сначала он подвизался одиноко и безмолвно, потом стали собираться к нему любители безмолвия; он построил в 1501 г. деревянную церковь Введения Богоматери во Храм и посвящен был в сан священства. Решась жить в обществе братии, блаженный Корнилий не щадил себя для их пользы. Он сам наряду с другими трудился в лесу и в обители, рубил и очищал лес. Разбойники, досадуя на старца, как на помеху ремеслу их, избили его до того, что едва добрел он до келльи. Раз шел он с братиею по лесу, и на него упало дерево, мимо которого другие про-

шли счастливо; последствием была тяжкая болезнь, от которой пролежал он на одре полтора года; а рана на голове его оставалась еще долго. Едва оправился он от этой болезни, как, будучи на работе, оскользнулся и покатился по ребрам страшной стремнины: он разбился до того, что отчаивались в сохранении его жизни; но Господь сохранил раба Своего. Немало пришлось ему перенести огорчений и за самое место, где основалась пустынная обитель. На него жаловались даже великому князю, будто он отнимает чужую собственность, тогда как заселял он непроходимый лес. Когда число братии увеличилось, он построил (в 1512 г.) новый, более прежнего обширный храм. При этом одни из братии плотничали, другие писали иконы или занимались разною работой, третьи списывали книги. Корнилий построил и еще храм в честь начальника пустынной жизни Антония Великого; при теплом храме была устроена братская трапеза. Для наблюдения за порядком в храме назначил он экклесиарха, а для хозяйственных дел – келаря; установил чин утренних и вечерних служб. В постоянное руководство

своей братии он дал письменный устав²¹. Для больных и странников поставил больницу и странноприимный дом. Если приходилось преподать кому-либо из братии наставление в присутствии других, старец не обличал его лично, а говорил против греха его. Если же кто сам приходил к нему исповедать грех свой, для облегчения совести он возлагал епитимию.

Преподобный Корнилий особенно любил исполнять заповедь Спасителя о милостыне. Случилось, что к дню праздника преподобного Антония запасы вышли и раздавать было нечего. Преподобный обратился к Богу, и на рассвете дня праздничного посланный великого князя Василия принес богатую милостыню, так что весь народ питался с избытком. Милосердие и вера его открылись в блистательном виде во время голода, посетившего Вологодскую страну. Для всех приходящих отворены были клетки с мукою, хотя мука покупалась по дорогой цене. Родители оставляли детей у стен обители, не имея чем кормить их: преподобный устроил для них богадельню при монастырском дворе и кормил их. Другие

по два или по три раза получали милостыню, во зло употребляя доброту старца, и приставники говорили о том преподобному Корнилию; но он приказывал подавать помощь всем просящим без различия. За подвиги любви утешен он был видением. В праздник великого Антония, вечером после обычного правила, сел он отдохнуть и в тонком сне видит преподобного Антония: египетский отшельник приказывает ему идти за ним и выводит на обширное поле с грузами просфор и калачей. «Вот твои подаяния нищим, – сказал Небесный посетитель, – собирай себе в полы». Корнилий стал собирать, собралось так много, что они посыпались на землю. Корнилий проснулся и с радостными слезами дивился видению. Потом рассказал о том братии и заповедал, чтобы при жизни и по смерти его щедро подаваема была милостыня нищим.

Устроив обитель свою, старец по случаю неудовольствий, поднятых против него некоторыми строптивыми людьми, решился удалиться на новое уединение. Напрасно уговаривали его лучшие из братий не оставлять обители своей. Сказав им, что он не расста-

нется с ними духом, он поручил управление монастырем 12-ти ученикам, а сам с учеником Геннадием отправился искать себе уединения и за 70 верст от своей обители, на Сурском озере, стал подвизаться в посте и молитве. В 1526 году великий князь Василий с молодой супругой Еленой ходил на богомолье в Кириллов монастырь. На пути посетив Корнилиеву обитель, великий князь узнал, что Корнилия там нет. Он послал сказать Корнилию, что желает видеть его. Старец явился к великому князю в Вологду. Василий рад был свиданию с дивным подвижником; он просил его молить Господа и Богоматерь, дабы даровано было ему чадородие; потом потребовал, чтобы старец возвратился в свою обитель, и смиренный пустынный подвижник повиновался. После сего великий князь сказал ему: «Слышал я, отче, что монастырь твой не имеет ни сел, ни деревень: проси, что тебе нужно – дам все». Преподобный благодарил великого князя и просил утвердить за монастырем окружающую его землю с лесом, дабы братия спокойно, трудами рук своих, доставали себе хлеб. Великий князь исполнил желание старца²².

В обители с радостью встретили преподобного Корнилия. Он принялся по-прежнему трудиться здесь и очищать лес для нивы. Раз в полдень братья отдыхали, а он собирал хворост; внезапно поднявшееся пламя обхватило вокруг него лес, и он едва не сторел; но поднявшийся ветер открыл ему дорогу среди пожара. Невзирая на старость, он не уклонялся ни от каких трудов по обители и первый являлся на церковную службу. Одежду любил он самую бедную. Инок Закхей просил его, чтобы мантия Закхеева, связанная лыками, заменена была другою. Игумен отдал Закхею свою, а на себя надел Закхееву.

Сила Божия, могущественно действовавшая в дивном подвижнике, действовала через него и в других людях, которых сердца были открыты для нее. Осязаемый опыт тому был следующий: инок, посланный на работу, принесен был в монастырь едва живой, избитый разбойниками. Преподобный велел позвать духовника, а сам пошел к больному и лишь только коснулся перстом ран его, как тот встал здоровым.

За год до смерти передал он правление

обитатели ученику своему Лаврентию. На четвертой неделе после Пасхи изнемогший от лет старец велел вести себя в церковь, чтобы еще раз причаститься Святых Тайн. Возвратясь из церкви, простился со всеми, выслушал акафист Спасителю и Богоматери и тихо предал дух свой Господу; это было 19 мая 1537 года, на 82-м году жизни²³.

Великий пустынножитель Комельский примером жизни своей и наставлениями возрастил для духовной жизни много мужей богоугодных. Таковы: блаженный Лаврентий Комельский²⁴; основатели монастырей: преподобный Геннадий Любимский, Иродион Илоезерский, Адриан Пошехонский²⁵, Кирилл Новоезерский.

Земною родиною Кирилла был город Галич; родители его были люди богатые и благочестивые, из дворянского рода Белых, или Белого. Еще в летах отрочества Кирилл ушел из родительского дома искать преподобного Корнилия, о котором много слышал. Дорогой встретил он старца. На вопрос: «Куда идешь?» – Кирилл отвечал: «К Корнилию; у него, как слышно, учатся спасению, а мне

хотелось бы спастись». – «Благословен Бог, вразумивший тебя, – отвечал старец, – если хочешь, иди за мною к Корнилию». На другой день в виду было местопребывание Корнилия; указывая на него, старец сказал: «Иди, чадо, к блаженному Корнилию, я попрошу его за тебя»; благословил его и расстался с ним. Преподобный Корнилий с любовью принял отрока и вскоре же постриг его в иночество; ему было тогда около 20 лет. Молодой инок с горячей любовью начал совершать подвиги иночества, учиться послушанию, посту и молитве. После молитвы общей со всем усердием трудился он то в пекарне, то на другой службе. В свободное от трудов время поучался житию святых, читал святые книги, особенно псалмы Давидовы. Чистая, духовная жизнь его радовала всех, живших с Корнилием. Родители блаженного, без пользы искав сына долгое время, начали уже считать его умершим, как спустя 7 лет комельский монах сказал им, что в их пустыни ведет высокую жизнь молодой инок, неизвестно откуда пришедший. Отец отправился в пустынь с богатыми жертвованиями и узнал в строгом

постнике Кирилле сына своего.

Сын продолжал молить Господа о спасении родителей. Наконец отец, узнав сына, объявил ему, что сам желает иночества, и его постригли с именем Варсонофия. Спустя 8 дней было получено известие, что мать блаженного Корнилия скончалась инокиней Еленой. По распоряжению Кирилла, оставшееся имение роздано было бедным и слугам дана была свобода. Отец прожил в обители около трех лет в посте и молитвах; сын покоил старость его до гроба.

Спустя год по смерти родителя Кирилл, стремясь к высшему совершенству, решился вести жизнь отшельническую, в глуши лесов северных. По благословию Корнилия отправился он на север и ходил по пустыням; пищу его составляли теперь то разные травы²⁶, то кора сосновая; чаще ему случалось видеть зверей, чем людей. Так провел он около 7 лет, очищая в уединении душу молитвой и созерцаниями духовными. По временам посещал он, как благоговейный поклонник, святые места Новгорода и Пскова; но, проходя по жилым местам, не заходил он ни в один дом

и не брал ни от кого подаяний, кроме разве куска хлеба. Дух его возвысился в таких подвигах, но телесное здоровье ослабело. Он молил Господа указать ему место постоянного пребывания. Молитва была услышана.

По Небесному указанию блаженный Кирилл в 1507 году из Тихвина пошел к Белоозеру; с Кобылиной Кору увидел Новое озеро и на нем Красный остров; Ангел во сне известил его, что здесь назначено ему место²⁷. Пустынник под высокою елью устроил себе хижину, выпросил у соседних крестьян Красный остров для основания обители, поставил другую келью, сборную, для ожидаемой братии, соорудил две малые церкви: Вознесения Христова и Одигитрии. Вероятно тогда, как испрашивал он благословение архипастыря на освящение храмов своих, посвящен он был в сан священства. Один за другим стали собираться к Кириллу искатели безмолвия. Но на пустынном острове предстояли им скорби. Рыболовы, приезжавшие на остров для своего промысла, видели в Кирилле своего врага; опасаясь, что озеро сделается собственностью монастыря, они делали ему разные оскорбле-

ния, домогаясь согнать его с острова. Блаженный переносил оскорбления их терпеливо. Не так принял он людей, живших бесчестным, бесчеловечным ремеслом. Шайка разбойника, грабившего берега Нового озера, досадовала уже на то, что поселились на острове люди, которые могут знать о ее делах. Хищники приплыли на челнах к Красному острову. «Сыны беззакония, – грозно сказал отшельник при встрече с ними, – вы забыли, что есть грозный суд правды Божией, и на пустой остров явились вы для грабежа, и у пустытника думаете найти корысть? Что вы делаете?..» Приведенные в ужас хищники молили простить их. «Вперед не злодействуйте, чтобы не быть в аду», – сказал преподобный и отпустил их.

Он служил для учеников своих образцом подвижнической жизни: сам копал землю и рубил лес, в жесточайшие морозы ходил в худой одежде и даже иногда босой. Когда только нужно было для других, сам совершал литургию, никогда не утомляясь. Похотливая жена вздумала прельстить блаженного на грех: она явилась в келью, когда чтением молитв гото-

вился он к совершению литургии. На вопрос блаженного: «Зачем пришла?» – лукавая отвечала, что, не зная, где добыть огня, пришла за огнем. Преподобный обличил ее перед всей братией. «Вздумала, – говорит он, – видеть тело мое мертвое, заживо погребенное». Пораженная страхом, трепетала всем телом. Преподобный успокоил ее кротким наставлением, но запретил женщинам являться на остров его.

Опыты прозорливости и чудесных исцелений доказали святость угодника Божия, который мирно преставился 4 февраля 1532 года²⁸. В числе чудес преподобного Кирилла Нового (так звали его современники) особенно замечательно следующее: в селе Кеме в 1620 году жена священника Михаила сильно страдала от родов. Преподобный явился ей в иерейском облачении с крестом в руке и сказал: «Иди в монастырь мой – и будешь здорова». Она почувствовала облегчение, хотела идти в обитель, но удержана была родными по опасению за ее здоровье. Преподобный явился опять в прежнем виде. «Не бойся, Антонина! – сказал он. – Пусть священник отслужит мо-

лебен, и ты будешь здорова. Мужу твоему иерею Михаилу скажи, чтоб учил людей добру. Видите гнев Божий: то нападают иноплеменики, то посещает голод и мор. Это за то, что презирают праздники Божии, не постятся в среду и пяток, не чтят воскресного дня и валяются в тине грехов. Если не покаются, хуже того будет».

«По успени твоем, блаженный, и рака твоя – учитель наш. Истекающими из нее чудесами возбуждая к трудам и подвигам, она говорит нам: любите Господа, чтоб обрести благодать; не ставьте ничего выше Его, дабы тогда, как придет Он, найти покой с избранными и сподобиться Жизни Вечной»²⁹.

Примечания

1 См. в I гл. 3-й кн. «Рассказов».

2 Мощи преподобного Мартиниана почивают под спудом в Ферапонтовом монастыре, упраздненном в 1798 году. Они обретенны нетленными, спустя 30 лет по кончине, когда хотели погребсти друга и ученика его, архиепископа Иоасафа, хотя весь гроб был наполнен водой. Рака, окованная серебром, устро-

ена в 1643 году. Над гробницей воздвигнута позднее церковь во имя преподобного Мартиниана (Русская Фиваида, с. 385).

3 Это предсказание сбылось в свое время: царь Иоанн (Грозный) покорил Казань в 1552 году.

4 Полководец Василия Темного, сын выходца из Швеции Георгия Фаренсбаха, Василий, одержал победу над Галицким князем (Шемякою?) и убил под ним коня. В знак победы он привез великому князю лук, палаш и лоскут кожи от убитого коня и с того времени получил прозвание Кожа. (Лакиер. «Русская Геральдика». Ч. II, с. 514).

5 Клобуков Николаевский заштатный монастырь находится подле города Кашина. Время основания его неизвестно. Там доньше указывают келью, в которой подвизался преподобный Макарий. (Журнал Министерства Внутренних Дел, 1844, V, 508).

6 Мощи преподобного Макария почивали в соборном храме обители его, на правой стороне под аркой, в серебряной раке, устроенной иждивением царя Бориса. В 1610 году ляхи взяли приступом монастырь, сожгли и ра-

зорили его, причем похитили раку, извергнув из нее святые мощи. Теперь они почивают открыто в серебряной, позолоченной раке, сооруженной в 1700 году («История Русской Иерархии», IV, 583). Повсеместное празднование преподобному Макарию установлено на Соборе 1547 года. основанный им Макариев-Колязин монастырь, состоящий ныне в 1-м классе, имел до отобрания монастырских имений около 12 000 крестьян.

7 Иоанн не доверял братьям – Андрею и Борису, которые не могли привыкнуть к новому порядку вещей и досадовали на властолюбие самодержца. В 1491 году князь Андрей был вызван в Москву; здесь объявили ему, что он лишается свободы за измену против великого князя. «Волен Бог да государь, брат мой, – сказал Андрей, – а Всевышний рассудит нас в том, что лишаюсь свободы безвинно». Спустя два года Андрей умер узником, а дети его остались в Вологодской темнице.

8 Мощи преподобного Паисия почивают под спудом в соборном монастырском храме; они были освидетельствованы в 1610 году, и тогда же написана служба. Чудеса описаны у

преосвященного Филарета Черниговского («Русские Святые», июнь, с. 32–34).

9 Мощи преподобного Игнатия положены в том же храме Прилуцкого монастыря, где почивают мощи преподобного Димитрия, основателя этой обители. Брат князя-инока Игнатия еще несколько лет по кончине его остался узником, но умер на свободе и погребен при ногах брата, утешителя его в узах темничных. Замечательно, что икона Богородицы, единственное родительское наследие братьев-узников, постоянно находится в тюрьме в память страдальцев. Жители Вологды притекают с верою к сему чудотворному образу в остроге. Церковная служба преподобному Игнатию известна по рукописи XVI века (Библиотека Царского, № 563).

10 Основанный преподобным Кассианом монастырь упразднен в 1764 году, причем церковь сделана приходскою для соседних селений. В ней почивают мощи преподобного Кассиана под спудом. Надгробная икона написана иконописцем-священником по двукратному явлению чудотворца. Чудеса исчислены в Ярославских Епархиальных ведомо-

стях, 1861, № 29.

11 Время основания Снетогорского монастыря, близ Пскова, на Снетной, или Снятной, горе, неизвестно. В 1299 году он был разорен ливонскими рыцарями, причем умерщвлен блаженный игумен Иоасаф с 17 иноками. Соборная церковь обители, построенная в 1312 году, замечательна по красоте древнего зодчества.

12 Спасо-Елеазаров монастырь, в 25 верстах к северу от Пскова, близ Псковского озера, основан в 1425 году преподобным Евфросином, в миру Елеазаром, который собрал братию, дал ей наставление в форме заветования, сохранившегося донныне, потрудился более 50 лет в пустыне и преставился 15 мая 1481 года, достигнув 95-летней старости. Мощи его почивают под спудом в соборном храме воздвигнутой им обители.

13 Основанный преподобным Саввой Крыпецкий монастырь находится в 20 верстах от города Пскова, за рекой Псковой. В нижней церкви под собором святого Иоанна Богослова, построенным в 1547 году, почивают под спудом мощи преподобного Саввы-чудотвор-

ца. Подробности о Спасо-Елеазаровом и Крыпецком монастырях можно найти в книге моей «Святыни и древности Пскова».

14 Житие преподобного Александра Свирского, писанное в 1545 году учеником его, игуменом Иродионом, в Синодальной Библиотеке, № 874.

15 Память преподобного Александра чтили церковной службой с 1547 года («Акты Археологической Экспедиции», I. 203), но мощи его открыты не ранее 1641 года, и царь Михаил устроил серебряную раку, в которой они и ныне покоятся. В алтаре Московского Успенского собора есть древний, огромной величины образ «в житии» преподобного Александра Свирского. По свидетельству одной старинной рукописи, эта икона прославлена чудесами в 1555 году. Она стояла тогда «у столпа, против чудоносного гроба блаженного Ионы митрополита» («Сборник Румянцевского Музея XVII века» под № 364, л. 286).

16 О подвигах преподобного Сергия и Павла см. во второй книжке наших «Рассказов», гл. VI.

17 По рукописному описанию Вологодских

святых преподобные отцы Авраамий и Коприй Печенгские жили в 1492 году. Пустыня их была в Грязовецком уезде, в 20 верстах от Вологды. Там и мощи их почивают под спудом в Спасской церкви, сделавшейся приходской по упразднении обители в 1764 году.

18 Преподобный Иннокентий, из боярского рода Охлябининых, постриженник обители Кирилла Белозерского, странствовал на востоке с преподобным Нилом Сорским и следовал за ним в скит его. В 1491 году он удалился, по совету Нила, на реку Нурму и поселился в самой глубине Комельского леса, в 70 верстах от Вологды. Здесь собралось к нему духовное стадо. Он преставился 19 марта 1521 года. обитель его закрыта в 1764 году, и Благовещенская церковь ее обращена в приходскую. Там почивают под спудом мощи преподобного Иннокентия.

19 Преподобный Онуфрий и Авксентий в 1499 году поселились в Комельском лесу, в 35 верстах от Вологды, и основали Перцову пустынь с церковью Святой Троицы. В этом храме, ныне приходском, почивают мощи их под спудом.

20 Тогда Корнилий несколько времени пробыл в пустыне близ Новгорода, где посещал святителя Геннадия, который желал удержать его при себе; потом искал, но не нашел безмолвия в Савватиевой пустыни.

21 Устав, оставленный преподобным Корнилием, довольно сходен с правилами других общежительных монастырей. Предписывая братии нестяжательность и воспрещая принимать отдельные подаяния, отец пустынножителей говорит: «Инок, имеющий в общежитии что-либо свое собственное, чужд любви Божией. Желаящий сподобиться благодати пребывает в полном нестяжании и нищете по примеру убожества Христова. Если же кто из приходящих захочет раздавать милостыню по рукам, то пусть лучше не будет милостыни, нежели разорять ею правило общежития».

22 Впрочем, преподобный Корнилий не любил владеть угодьями и селами. Он продал землю в Пошехонском уезде, подаренную Комельской обители князем Семеном Шелешанским («Юридические Акты», с. 121).

23 Мощи его почивают под спудом в собор-

ном храме Комельской обители. Там сохранилась часть власяницы чудотворца, фелонь его из белой камки, составленный им устав общежития и подлинная ставленная грамота, выданная в 1501 году митрополитом Симонем рукоположенному им в диаконский и иерейский сан «дьяку иноку Корнилию Федорову сыну Крюкову». Эта грамота напечатана в «Истории Российской Иерархии», IV, 660.

24 Лаврентий, преемник преподобного Корнилия в настоятельстве Комельской обители, постник, подвижник и молитвенник, скончался 1 мая 1548 года.

25 О преподобном Геннадии Любимском мы будем говорить в одной из следующих глав. Преподобный Адриан по кончине богомудрого наставника своего поселился с двумя иноками, по указанию черноризца Безстужа, в дремучем лесу, на берегу реки Вотхи, под дубом, на котором нашли они икону Богородицы. Здесь в 1543 году соорудили они обитель, в которой почивают под спудом мощи преподобного Адриана, умерщвленного разбойниками 5 марта 1550 года. Другой ученик дивного Корнилия, преподобный Иродион Илоезер-

ский, – основатель монастыря на острове Илозере, в 15 верстах от берега озера Белого, представлен 28 сентября 1541 года. Над гробницей его в XVII веке построен храм Рождества Богородицы с приделом в честь преподобного Иродиона. Надгробная икона его написана, по особому явлению, живописцем Софонием.

26 В числе растений, которыми питался в пустыни преподобный Кирилл, упоминается вахта, или трефоль (*Menyanthes trifoliata*) – горькая болотная трава.

27 На Кобылиной горе стоит теперь часовня с Тихвинской иконой Богородицы, принесенной преподобным Кириллом из Комельской обители. Сюда ежегодно бывает крестный ход из монастыря («Поездка в Кириллов монастырь» Шевырева, II, 186).

28 Мощи преподобного Кирилла обретенные были нетленными при основании нового храма монастырского, освидетельствованы и в 1652 году перенесены в новый храм, гдеи ныне почивают открыто.

29 Стихира из службы преподобному Кириллу в Минее Московской печати 1646 года.

Глава VI

Великий князь Василий Иоаннович. Завоевание Смоленска, присоединение Пскова, Рязанского и Северского уделов. Нашествие Крымского хана и чудное видение инокини. Расторжение брака великокняжеского. Блаженная княгиня-инокиня София. Преподобный Максим Грек. Блаженный Феодорит и преподобный Трифон Кольский, просветители северных лопарей. Утверждение веры Христовой между чудскими племенами. Второй брак великого князя и рождение наследника. Кончина Василия Иоанновича.

Сын и наследник державного Иоанна великий князь Василий принял державу родительскую без всяких священных обрядов, которые могли бы напоминать народу о злополучном Димитрии, пышно венчанном и сверженном с престола в темницу. Безжалостно осужденный на самую тяжкую неволю, скрытый от людей, от света солнечного в тесной, мрачной палате, изнуряемый горестью, скукой праздного уединения, лишенный всех приятностей жизни, без отрады, без надежды в годах цветущих, юноша Димитрий преста-

вился в 1509 году¹.

Война с Литвой, начатая при Иоанне, продолжалась более десяти лет при Василии, благоприятствуя иногда одной, иногда другой стороне. Важнейшим приобретением для Московского государства было завоевание Смоленска, крепкого оплота со стороны битвы (28 июля 1514 года). Оно, по словам летописца, казалось «светлым праздником для всей Русской земли». Сто десять лет находился Смоленск под властью Литвы. Уже обычаи изменялись, но имя русское еще трогало сердца жителей, и любовь к древнему отечеству вместе с братолюбием православным облегчили для великого князя это важное завоевание, которое увековечено в памяти народной основанием Новодевичьего монастыря в Москве².

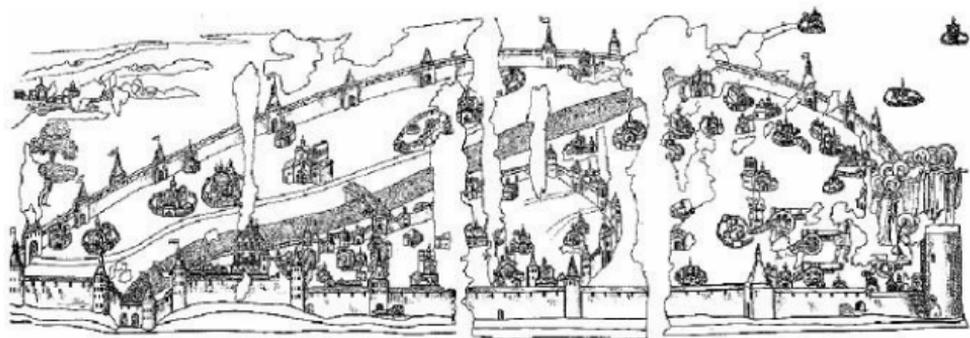
Хотя после того войска литовские и польские под предводительством князя Константина Острожского³ разбили войска московские в Оршинской битве, но Василий при замирении с Литвой удержал Смоленск и все прежние приобретения державного Иоанна.

Княжение Василия казалось только про-

должением Иоаннова. Будучи, подобно отцу, ревнителем самодержавия, твердым, непреклонным, хотя и менее строгим, он следовал тем же правилам в политике внешней и внутренней; решал важные дела в совете бояр, учеников и сподвижников Иоанна, их мнением утверждал собственное, являл скромность в действиях монархической власти, но умел повелевать; любил выгоды мира, не страшась войны и не упуская случая к приобретениям, важным для государственного могущества.

Утверждение самодержавия было главной его целью. Еще Рязань сохраняла тень независимости под управлением вдовы княгини Агриппины, за малолетством сына ее Иоанна. Но когда этот последний владелец Рязани, достигнув совершеннолетия, захотел свергнуть с себя опеку матери и великого князя Московского и вступил в союз с ханом Крымским, Василий заключил его в оковы и взял себе Рязань с остальными городами этого древнего княжества.

Вид Пскова в 1581 г. (с иконы Покрова Богородицы в часовне Владычного Креста близ

Пскова)

Еще Псков считался вольным городом и пользовался вечевыми правами, хотя и под управлением Московского наместника. Но самые остатки народного правления не могли уцелеть в общей системе самодержавия. Повод к тому скоро представился. Псковитяне жаловались на своего наместника. Великий князь, приехав в Новгород, вызвал к себе на суд посадников и старост псковских; они были задержаны, и в то же время объявлено во Пскове, что граждане, если хотят жить по старине, должны исполнить волю государя – отменить народное вече, снять вечевой колокол и во все города принять наместников великокняжеских. Горько было псковитянам

расстаться со своей вольностью, но они покорились беспрекословно, не оказав дерзости новгородской⁴. Так кончилась самобытность Пскова как вольного города! Отселе он становится уже областным городом Московского государства, но продолжает быть оплечьем Руси со стороны Литвы и Ливонии, и жители города, неохотно покорившегося Москве, служат ей верно и за нее проливают кровь свою в тяжелой борьбе с соседями-врагами.

Оставался еще один удельный владетель в Путивле, в стране Северской, князь Василий Шемяка, перешедший добровольно из литовской зависимости под власть великого князя Московского. Он был верным стражем южной России, но, как родной внук ненавистного Шемяки, не внушал к себе доверия. Вызванный в Москву, он умер в темнице, несмотря на ходатайство Троицкого игумена Порфирия⁵ и самого митрополита Варлаама⁶.

Успехи великого князя Василия в войнах с соседями и ограждении целостности государства возбуждали зависть в Крымском хане Махмет-Гирее. Воспользовавшись войной Литовской и надеясь, что не встретит сильного со-

противления, хан возмутил казанских татар и в одно время с ними двинулся к Москве. Татары восточные и южные соединились в Коломне и стали под Москвой, где все трепетало от ужаса. В это время одна престарелая инокия Вознесенского монастыря, лишенная зрения, сидя в своей келье, узрела в видении, что в Флоровские (Спасские) ворота выходит из Кремля, как бы в крестном ходу, сонм святителей, в числе которых она узнала чудотворцев Петра, Алексия, Иону и святителя Ростовского Леонтия, а среди них – чудотворный Владимирский образ Богоматери. Едва вышли они из ворот, как встретили их богоносные подвижники: Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский близ великого торгу Ильинского и, припав к стопам святителей, вопрошали их, зачем они идут вон из города и на кого оставляют его при настоящем нашествии врагов. Святители со слезами ответствовали: «Много молили мы всемилостивого Бога и Пречистую Богородицу о избавлении от предлежащей скорби; Господь же не только повелел нам выйти из города, но и вынести с собой чудотворный образ Пречистой Его

Матери; ибо люди сии презрели страх Божий и о заповедях Его не радели, а посему попустил Бог прийти сему варварскому народу, да накажутся ныне и чрез покаяние возвратятся к Богу». Чудотворцы Сергей и Варлаам стали умолять отходящих святителей, чтоб они своим ходатайством умилоствовали правосудие Божие, и начали вместе с ними петь молебен, произнесли молитву Пречистой Богоматери и, осенив град крестообразно, возвратились в Кремль⁷. Москва была спасена: татары удовольствовались дарами и удалились без кровопролития⁸.

После того великий князь, свободный от дел воинских, занялся важным делом семейным, тесно связанным с государственной пользой. Он был уже двадцать лет супругом, не имея детей, следовательно, и надежды иметь их. Отец с удовольствием видит наследника в сыне: таков устав природы; но братья не так близки к сердцу, и сверх того братья великого князя Василия не оказывали ни великих свойств душевных, ни искренней привязанности к старшему брату, более опасаясь его как государя, нежели любя как еди-

нокровного.⁹ Не только льстецы придворные, но и ревностные слуги отечества могли советовать Василию, чтоб он развелся с супругой, обвиняемой в неплодии, и новым супружеством даровал наследника престолу. Следуя их мнению и желая быть отцом, государь решился на дело жестокое в смысле нравственности: он без милосердия отвергнул Соломонию¹⁰ и повелел постричь ее в Рождественском девичьем монастыре. Повествуют, что она противилась совершению незаконного обряда, билась об землю, вырывала ножницы из рук митрополита Даниила; наконец, видя неодолимое насилие, залилась слезами и, надевая мантию, сказала: «Бог увидит и отмстит моему гонителю». Но порывы страстей скоро утихли в сердце невольной постриженницы; она всей душой обратилась ко Господу и изгнала из души мирские мечты. Она стала очищать сердце, столько нечистое у всех нас, духовной бдительностью, самоукорением, покаянием, молитвой. Так, восходя от совершенства к совершенству путем скорби и борьбы с собой¹¹, блаженная инокиня София прожила в Суздальской Покровской обители (куда зато-

чили ее после пострижения) 17 лет и мирно почила 16 декабря 1542 года¹². Современники почитали ее преподобномученицей¹³ и осуждали Василия за жестокость и нарушение церковных уставов¹⁴.

Если митрополит Даниил, уклончивый и человекоугодливый, охотно согласился на развод великого князя и сам постриг супругу его, то нашлись любители правды, которые прямо сказали государю, что дело его противно совести: таковы были князь-инок Вассиан¹⁵ и преподобный Максим Грек, святогорец.

Преподобный Максим, хотя и не родился в Русской земле, но по великим подвигам своим вполне принадлежит Русской Церкви, для которой он был светильником при жизни и остался светильником по смерти в своих сочинениях.

Получив начальное воспитание в отечестве своем, в городе Арте, Максим по любви к наукам путешествовал по Европе: в Париже у знаменитого грека Иоанна Ласкаря, потом во Флоренции и Венеции изучал словесные науки, историю, философию, богословие; основательно узнал языки латинский и древнегре-

ческий, познакомился с языками французским и итальянским. По возвращении в отечество поступил на Афон и здесь в Ватопедской обители принял иночество.

Когда великий князь Василий Иоаннович, желая разобрать в своей библиотеке собрание греческих рукописей и некоторые из них видеть в переводе, просил начальство Афонских обителей прислать к нему ученого грека, то на Максима указали, как на человека, самого способного исполнить желание великого князя. Максиму не хотелось расстаться с безмолвием Святой Горы, но, повинувшись воле старцев, он в 1516 году отправился в Москву. Здесь принят он был ласково: ему указано жить в Чудовом монастыре и получать содержание от великого князя. Сокровища греческой учености привели его в восторг; сочинений, не переведенных на славянский язык, нашлось много. На первый раз ему поручили перевести толкование на Псалтирь. В помощь ему, мало знакомому со славянским языком, даны переводчики с латинского: Димитрий Герасимов и Власий и для письмоводства инок Сергиевой Лавры Силуан и Михаил Ме-

доварцев. Через полтора года перевод толковой Псалтири совсем был окончен; Максима осыпали милостями и оставили для новых трудов. Потом поручили ему пересмотреть богослужебные книги, и он принялся за это дело по-прежнему при пособии переводчиков. Многосведущий Максим нашел много грубых ошибок, внесенных невежественными переписчиками в церковные книги, и «разжигаемый – как говорит он, – Божественной ревностью, очищал он плевелы обеими руками». Но слепая страсть к старине принимала отзвук его о старинных ошибках писцов за оскорбление святыни. Сначала ропот был тайный. Митрополит Варлаам, у которого испрашиваемо было разрешение на важные перемены в древних книгах, понимал преподобного Максима; великий князь отличал его своей любовью. И клевета не смела открыто восставать на труженика. Советами его пользовались в делах Церкви и государства, отличая в нем человека умного и образованного, инока пламенного в любви к истине и вере. Он был усердным ходатаем за вельмож, впадавших в немилость великого князя, и Васи-

лий был внимателен к его просьбам.

В конце 1521 года на кафедру первосвященительскую, оставленную правдивым и рассудительным Варлаамом, вошел новый митрополит, Даниил. Блаженный Максим скоро понял, что он не может уже с прежней свободой и покоем трудиться для истины, и он обратился к новым предметам деятельности: он стал писать против папизма¹⁶, магометан и язычников. Митрополит Даниил требовал, чтобы Максим перевел церковную историю Феодорита. Рассудительный Максим представлял, что это сочинение по содержащимся в нем письмам Ария и других еретиков может быть опасно «для простоты». Даниил принял такой ответ за непослушание непростибельное и остался в сильной досаде. Он не только не приближал к себе Максима, но, как видно из последствий, был очень недоволен исправлением книг, совершенным при Варлааме. Великий князь продолжал быть благосклонным к Максиму. Пользуясь этой любовью, Максим свободно обличал пороки вельмож, духовенства и народа. Он писал, что неприлично, бесполезно, весьма опасно ино-

кам владеть недвижимым имуществом. Это сильно оскорбило Даниила и ему подобных¹⁷.

Когда великий князь Василий вознамерился приступить к расторжению своего брака, преподобный Максим прислал ему обширное сочинение: «Главы поучительные к начальствующим правоверных», начинавшееся убеждением не покоряться плотским страстям. «Того признавай царем истинным и самодержцем, благоверный государь (так писал Макарий Василию), кто управляет подданными по правде и закону, а бессловесные похоти и страсти старается преодолевать в себе... Кто побеждается ими в оскорбление смыслу, тот не образ одушевленный Владыки Небесного на земле, а человекообразное подобие бессловесного естества». Разгневанный государь повелел заключить обличителя в темницу Симоновской обители, отягчив его цепями.

С того времени вся остальная жизнь преподобного Максима была длинной и непрерывной цепью страданий. Сначала старались, но тщетно, уличить праведника в мнимом соучастии в деле виновных бояр; потом осыпали его обвинениями в порче книг, оскорби-

тельной для веры. Действительно, нашлись в первых переводах его некоторые неточности в выражениях: Максим искренно признался в них и извинился недостаточным знанием русского языка. Узника схватили из Симонова, отправили в Волоколамскую темницу, запретив ему не только приобщение Святых Тайн, но и самый вход в церковь как еретика нераскаянному; здесь от дыма и смрада, от оков и побоев по временам приходил он в омертвление; но здесь же явившийся ему ангел сказал: «Терпи, старец! Этими муками избавишься от вечных мук». Там Максим углем на стене написал канон Святому Духу Утешителю. Спустя шесть лет (в 1531 году) снова потребовали Максима к духовному суду в Москву. Это потому, что в Москве лучшие люди стали говорить за Максима и против Даниила, а сам Максим не признавал себя ни в чем виновным, когда в монастыре увещевали его каяться. Из книг Максима выбрали все, что можно было выставить против него. Но и по судному списку ошибки в поправках оказываются то ошибками писцов, то ошибками незнания русского языка. Тщетно блаженный

страдалец три раза повергался перед Собором, умоляя о помиловании ради милости Божий, ради немощей человеческих, со слезами просил простить ему ошибки, если какие и допущены им в книгах, и отпустить его в Афонское уединение. Максима оставили и после суда под запрещением церковным; но немалым облегчением для него было то, что послали его в Тверь под надзор добродушного епископа Акакия, который принял его милостиво и обходился с ним приветливо. Особенно приятно было для Максима, что он теперь мог читать книги и писать. В 1532 году написал он для себя самого «Мысли, какими инок скорбный, затворенный в темнице, утешал и укреплял себя в терпении»¹⁸.

В то время, когда исповедник правды Максим томился в тесном заключении, проповедь слова Христова распространялась на крайних пределах Русской земли. Еще преподобный авва Лазарь¹⁹ благовествовал Евангелие лопарям, жившим по берегам Онежского озера. Теперь Благовестие достигло до собратий их на берегах Колы и Печенги, на северных окраинах «моря Студеного».

Уроженец Ростовский (род. около 1480 г.²⁰), с юных лет постриженник Соловецкой обители, блаженный Феодорит после многолетних подвигов в разных обителях²¹ по любви к совершенному безмолвию удалился в устье реки Колы; по рукоположении во пресвитера, он построил здесь монастырь. Долговременное пребывание в соседстве с лопарями ознакомило Феодорита с их языком: он начал благовествовать бедным детям бедной природы, простым и кротким, по собственному его отзыву, и скоро некоторых крестил. Он учил лопарей грамоте и перевел на их наречие некоторые молитвы. Наконец проповедь ревностного инока, подтверждаемая и чудесными знамениями, принесла обильные плоды: в один день он крестил до двух тысяч человек.

В то же время призван Господом на подвиг просвещения лопарей еще другой труженик, сын новгородского священника Митрофан²². С юных лет благочестивый, он по временам удалялся в уединение, чтобы беседовать со своей душой и Господом. Раз, когда он молился в уединенном месте, услышал он голос: «Не

здесь твое место; тебя ждет земля непросвещенная и жаждущая». Повинуясь небесному призыванию, отправился он на реку Печенгу, к диким лопарям. Эта страна дальнего севера входила прежде в состав Новгородских владений, а потом перешла под державу Московскую. Русские и в начале XVI века бывали здесь только временными гостями, являлись для рыбных и звериных промыслов. Для них в Коле была часовня, а церковей вовсе не было. Длинная и широкая полоса по реке Печенге была занята более кочующими, чем оседло живущими лопарями. Тут было поле обширное для деятельности проповедника, полного ревности к истине Христовой и к спасению людей.

Первые сношения с лопарями завязал Митрофан под видом дел торговых. Потом он говорил с ними об их верованиях и об одной небесной вере. Лопари обожали не только духов, но даже гадов и ночных нетопырей, поклонялись и камням. Проповедник Евангелия говорил им, что один есть истинный Бог, один Творец земли и неба, один Отец всех племен и народов, один Спаситель всех по-

томков первозданного и согрешившего человека. Он внушал им, как близок к людям Отец Небесный, посылающий пищу и одежду, и как грубо, ошибочно обожание идолов и духов, из которых первые не видят и не слышат, а другие не более, как слуги Божии, мятежные или покорные, но творения одного Творца вселенной. Тяжелы подвиги, какие надлежало совершать проповеднику у лопарей. Жрецы языческие, кебуны, восстали на Митрофана сперва с гордой надеждой оспорить его, потом с яркой злобой, готовой убить и растерзать непобедимого проповедника новых мыслей и дел. Не раз они били его жестоко и таскали за волосы. «Ступай прочь отселе, – говорили ему кебуны, – иначе ждет тебя злая смерть». Не раз собирались они и убить его; но Господь хранил раба Своего. Ревнитель небесной истины с кротостью переносил брань и побои и, когда свирепела злоба, удалялся в горы, а потом опять выходил на проповедь. Когда он снова являлся к дикарям, одни из них, волнуемые слепой злобой, кричали: «Убьем его»; другие говорили: «Он ни в чем не виноват перед нами, напротив, он же-

дает нам добра; за что же убивать его?» Таким образом, сперва немного было таких, которые принимали к сердцу слова проповедника истины; потом число их становилось значительнее. Для научения новопросвещенных Митрофан пользовался молитвами, которые перевел на язык лопарей блаженный Федорит²³.

После долгих трудов и скорбей проповедника значительное число лопарей, живущих у реки Печенги, уверовали в Господа Иисуса. Блаженный Митрофан не крестил их, потому что не был облечен саном священства: он даже не был еще иноком. Он отправился в Новгород испросить у архиепископа Макария грамоту на построение храма. Из Новгорода привел он с собой и плотников, которые более из усердия к Богу, нежели за деньги, решились идти с ним в дальнюю и дикую сторону. При построении церкви блаженный храмоздатель за три версты носил на плечах своих бревно и лес. В Коле, тогда еще малолюдном местечке, он нашел иеромонаха Илию, который освятил храм, крестил обученных вере лопарей и постриг в монашество самого

проповедника с именем Трифона. Это было не прежде 1531 года²⁴. Блаженный Трифон стал устроить на устье реки Печенги обитель Святой Троицы. Теперь у него были два труда – труд распространения Евангелия и труд устройства обители. Чтобы продолжать дело евангельской проповеди, надлежало путешествовать. А что это значило в той стране? Жилища лопарей разбросаны по местам болотистым, пересеченным горами и скалами; ни сел, ни деревень нет, а только уединенные шалаши. Каково же было, не встретив готовности сердец в одном жилье, идти по тундрам и горам, чтобы встретить, может быть, подобный же прием в другом отдаленном месте? Но подвижник Божий трудился терпеливо. Когда между обращенными им нашлись готовые посвятить жизнь свою служению Господу, это облегчило труды проповедника веры. Лопари, наученные Трифоном живому благочестию, с живым одушевлением передавали другим семена благочестия, и целый дикий край получил совсем новый вид. Крещенные лопари до того полюбили святую веру, что одни приносили в пользу обители плоды тор-

говли своей – деньги, другие отдавали земли, озера и приморские уголья. Звание игумена в новой обители преподобный Трифон предоставил другому иноку, а сам озаботился тем, чтобы оградить рассадник благочестия, насажденный в дикой стране, защитой гражданской власти. Он отправился в Москву и испросил у государя охранную грамоту²⁵.

С 1570 года во всем северном крае был сильный, продолжительный голод. Несколько лет сряду мороз убивал посев хлеба. Это вызвало блаженного Трифона на новые тяжкие труды для обители. Взяв с собой нескольких братьев, он ходил по Новгородскому краю из одного поселения в другое, испрашивая у боголюбивых подаяния. Все, что получал, отсылал на содержание братии. Так кормил он духовных детей своих целых 8 лет.

С юных лет возлюбив Господа, перенесши столько трудов и скорбей для Него, в летах зрелости дивный старец продолжал подвизаться до гроба. Раз купил он в Коле ручные жернова и положил их себе на плечи, чтобы нести в свою обитель. Ученики просили его не мучить себя такой ношей: «Братия! – ска-

зал старец. – Тяжелое бремя лежит на потомках Адама с рождения до самой смерти; лучше повесить камень на шею, нежели соблазнять братию праздностью». И 158 верст от Колы до Печенгской обители, дорогой то болотистой, то гористой, нес он жернова на себе и при таком труде мало вкушал пищи.

Такими подвигами преподобный Трифон достиг великой крепости духовной. Раз медведь вошел в его келью, опрокинул квашню и начал есть тесто. Подвижник, подойдя к келье, сказал медведю: «Иисус Христос, Сын Божий, повелевает тебе выйти из кельи и стоять смиренно». Медведь вышел и стал у ног преподобного. Взяв жезл, преподобный наказал виновного медведя, и, сказав, чтоб впредь не смел беспокоить обители, отпустил его. С того времени, прибавляет писатель жития преподобного Трифона, медведи никогда не делали вреда ни оленям, ни другим животным монастырским.

В последние годы жизни своей преподобный часто удалялся в пустыньку, где, построив храм Успения Богоматери, проводил время в уединенной молитве.

Перед кончиной своей блаженный Трифон был тяжело болен. Наконец, близкий к смерти, сказал он братьям: «Заповедую вам, погребите меня у церкви Успения Богородицы в пустыньке, куда отходил я на молчание». Он преставился в глубокой старости 15 декабря 1583 года, прожив на Печенге около 60 лет²⁶.

Чудь поморья Балтийского, в Ижоре и Копорье²⁷, еще не отставала от жрецов древнего суеверия – колдунов, чтила камни и деревья, совершала обряды языческие при рождении и смерти родных. Архиепископ Макарий, по сношении с государем, в 1530 году отправил способного священника к суеверам, велел разорять мольбища их, а местному духовенству строго напомнил о его долге. Старики по привычке к старине со страхом смотрели, как священник сокрушал страшные для них деревья и камни. Но дети оказались умнее стариков: они помогали священнику в трудах его. С того времени христианство прочнее утвердилось между чудью.

Апостольские подвиги распространения веры христианской между лопарями и чудью происходили в последние годы жизни вели-

кого князя Василия Иоанновича и перед самой его кончиной.

Отвергнув добродетельную, но неплодную супругу, Василий поспешил вступить в новый брак, чтобы занять наследника. Он избрал невестой княжну Елену Глинскую, родную племянницу знаменитого изменника, князя Михаила Глинского²⁸. Великолепно отпраздновали брак, но более трех лет Елена не имела детей. Наконец, 25 августа 1530 года родился столь давно ожидаемый сын и наследник. Он был окрещен в обители Троицкой и наречен Иоанном: обрадованный отец принял младенца из рук восприемников – столетнего старца Кассиана Босого и преподобного Даниила Переяславского и положил в раку чудотворца Сергия, моля угодника Божия, да будет ему заступником в опасностях жизни. Василий не знал, как изъявить благодарность небу: сыпал золото в казны церковные и на бедных; велел отворить все темницы и снял опалу со многих знатных людей, бывших у него под гневом.

Но дни его уже сочтены. Спустя три года по рождении первенца великий князь заболел и

через несколько недель скончался (3 декабря 1533 года), приняв перед смертью монашество с именем Варлаама, благословил младенца-сына на царство тем самым крестом, которым некогда святой Петр, митрополит, благословил Иоанна Калиту, и простился со всеми, окружавшими смертный одр его.

Любовь народная к почившему государю, которого летописец называет «добрым и ласковым»²⁹, раскрылась вполне при его погребении. Скорбь народа была неописанная, плач и вой раздавались в Кремле: видно было, что дети хоронили отца.

Может быть, всеобщая грусть увеличивалась еще страхом предстоящего царствования государя-младенца под опекой матери, которую мало любили и еще менее уважали жители Москвы. Но они не знали еще, какие ужасы ожидают их в будущем; они не могли предчувствовать, что плод законопреступного брака³⁰ сначала возвеличит царство и раздвинет пределы его, но потом обольет землю Русскую потоками русской крови и оставит по себе страшную память кровожадного мучителя!

Примечания

1 Несчастный Димитрий по кончине удостоен царских почестей и погребения в Архангельском соборе, подле могилы деда и отца.

2 Московский первоклассный Новодевичий монастырь основан в 1525 году, в память завоевания Смоленска; соборный храм его, освященный в честь чудотворной Смоленской иконы Богоматери, стоит на том месте, до которого великий князь Василий Темный и митрополит Иона провожали эту икону (в 1455 году), отпуская ее по просьбе смольнян из Москвы, где она оставалась с лишком 50 лет, с того времени, как последний князь Смоленский Юрий, спасаясь от завоеваний Витовта, привез святую икону в Москву. Список, снятый с иконы при отпуске ее из Москвы, поставлен в виде храмового образа нового монастырского собора, причем установлен праздник с крестным ходом из Кремля 28 июля. Первая игуменья Новодевичьей обители Елена, прозванием Девочкина, прославлена в числе святых в старинных рукописных

святцах (книга о Российских святых).

3 Знаменитый полководец литовский, князь Константин Иоаннович Острожский, взятый в плен (в 1500 году) в славной Ведрошской битве, шесть лет томился в заточении в Вологде, куда Иоанн III отослал его в оковах. Там он получил исцеление от преподобного Димитрия Прилуцкого (Сказания князя Курбского, изд. 2-е; прим. 210). После того Константин в 1507 году принял присягу на верность Василию, одарившему его поместьями и воеводством, но вскоре он бежал из Москвы в Литву, был снова вождем литовским и одержал знаменитую победу при Орше.

4 Всегда верные общему отечеству и вере православной, граждане Пскова не могли покориться ни Литве, ни немцам – не могли и сопротивляться властителю, который имел в руках силы всей Руси, соединенной уже в одно государство. Они испросили себе у посла великокняжеского один день для размышления: этот день и ночь за ним прошли в плаче, рыданиях и столах. На рассвете позвонили к вечеру, и псковичи объявили послу великого князя, что «волен Бог и государь в своей от-

чизне и в нас, в колоколе нашем, а мы на государя рук поднять и в городе запереться не хотим». 13 января 1510 года сняли вечевого колокол и повезли его в Новгород к великому князю. Народ плакал по своей старине и по своей воле. Спустя несколько дней Василий приехал в Псков, обошелся ласково с гражданами, но выселил в Московское княжество 300 лучших семей псковских, которые вскоре замещены были таким же числом семейств Московских и подмосковных купцов.

5 Игумен лавры Сергиевой Порфирий, постриженник Кириллова Белозерского монастыря, осмелился ходатайствовать за гонимого Шемяку и сказал великому князю: «Если ты приехал в храм Безначальной Троицы с тем, чтобы испросить себе прощение грехов, то будь наперед сам милосерд к гонимым без правды». Раздраженный Василий изгнал Порфирия из обители преподобного Сергия, и старец с радостью удалился в свою прежнюю пустыню.

6 Митрополит Варлаам, бывший свидетелем и порукой при крестоцеловальной записи Шемякина, строго обличил неправду вели-

кого князя и отдал ему посох свой. Раздраженный Василий отослал святителя в Спасокаменный монастырь, где он и скончался.

7 Русский Временник II. 272–280.

8 В благодарение Пречистой Заступнице Москвы учрежден праздник с крестным ходом 21 мая – день избавления от нашествия Махмет-Гирея.

9 Современный летописец повествует, что великий князь, проезжая однажды вне города, увидел на дереве птичье гнездо, заплакал и сказал: «Птицы счастливее меня: у них есть дети!» После он также со слезами говорил боярам: «Кто будет моим и Русского царства наследником? Братья ли, которые не умеют править и своими уделами?» Бояре ответствовали: «Государь! Неплодную смоковницу посажат: на ее месте садят иную в вертограде» («История Карамзина», VII, прим. 276).

10 Дочь боярина Сабурова, Соломония Юрьевна, вступила в брак с Василием Иоанновичем в 1505 году. Тогда для наследника Московского престола по воле державного Иоанна собрано было 500 девиц-невест, отличавшихся красотой и здоровьем; из них вы-

брали 10 лучших красавиц, и уже из этих десяти молодой князь-жених выбрал Соломонию (Герберштейн. De rebus moscovit. pag. 25).

11 «Сказание о житии и чудесах благоверной великой княгини схимонахини Софии, Суздальской новой чудотворницы», помещенное в «Историческом описании о граде Суздаде» соборного ключаря Анания Федорова («Временник Московского Общества Истории и Древностей», кн. 22, с. 182–186).

12 Ключарь Анания пишет, что «от гроба преподобной Софии истекало множество чудес и исцелений для притекающих с верою в славу Христа Бога нашего». Он описывает и самые чудеса (числом 21): прозрение слепой княжны Александры Ногтевой, спасение Суздаля от разорения Литвой в 1609 году, исцеление глухих, расслабленных, помешанных и больных.

13 «Сказание князя Курбского», изд. 2-е, с. 4.

14 Закон церковный о ненарушимости брака основан на словах самого Спасителя (Мф. V, 32). Впрочем, для поступления в монашество допускается исключение только в том

случае, когда оба лица, соединенные брачным союзом, одновременно примут пострижение.

15 Вассиан, по прозванию Косой (в мире Василий), был сын князя Ивана Юрьевича Патрикеева, праправнука Ольгерда и сына дочери великого князя Василия Васильевича. Князь Иван служил верно Иоанну III, как первый боярин в делах войны и мира: он отстаивал права внука его Димитрия, за что подвергся гневу строгого государя, заключен в темницу и осужден на смертную казнь вместе с сыном. Митрополит и другие святители испросили пощаду Патрикеевым, но они должны были принять пострижение: отец – в обители преподобного Сергия, а сын – в Кирилловом Белозерском монастыре. Там Вассиан прославился строгой чистотой жизни и был вызван уважавшим его великим князем Василием в Симонов монастырь. Но когда строгий инок не убоился обличить самодержца в прелюбодейном расторжении брака, он был заточен в Волоколамскую Иосифскую обитель, где скоро скончался в «томлении», по свидетельству Курбского.

16 В 1520 году папский легат Николай Шомберг хитрил в Москве и распространял Слово «о соединении руссов и латинов». Максим писал против него.

17 Максим вполне разделял мнение князя-инока Вассиана, что при значительных имениях, какими владели многие монастыри, естественно было завестись роскоши и неге, а затем последовать сильному расслаблению благочиния. Но вот что писал инок Зиновий о современных ему монахах: «Плакать мне хочется от жалости сердечной. Доселе приходит мне на память, как видел я монахов некоторых из тех монастырей, которых осуждают за деревни. Руки скорчены от тяжких страданий; кожа как воловья и истрескалась; лица осунувшиеся, волосы растрепаны; без милости волочат и бьют их истязатели (сборщики податей), истязают, как иноплеменников; ноги и руки посинели и опухли. Иные хромают, другие валяются. А имения так много у них, что и нищие, выпрашивающие подаяния, больше их имеют. У иных пять или шесть серебряных монет, у других две или три; а у большей части редко найдешь и одну медную

монету. Обыкновенная пища их – овсяный, невянный хлеб, ржаные колосья толченые, и такой хлеб еще без соли. Питье им – вода; вареву – листья капусты; зелень достаточных – свекла и репа; если есть овощи, то это рябина и калина. А об одежде что и говорить?»

18 В многочисленных писаниях преподобного Максима нельзя не удивляться разнообразию познаний его и талантов: он филолог и историк, поэт и оратор, философ и богослов. Невозможно исчислить все труды его в истолковании Святого Писания, в исправлении церковных книг и объяснении обрядов, в защите Православия от иноверцев, иудеев, магометан и язычников, в обличении суеверия и предрассудков невежества; в исследованиях исторических, в нравственном назидании, в песнях и молитвах. Список сочинений и переводов великого труженика помещен в «Обзоре Русской Духовной Литературы» преосвященного Филарета Черниговского, ч. I, с. 194–198. О последних днях жизни преподобного Максима мы упоминаем в одной из следующих глав.

19 Об авве Лазаре мы упоминали прежде в

наших Рассказах.

20 Журнал Мин. Народ. Просвещ., 1968, июль, статья: «Просветители лопарей», с. 262 и след.

21 Тогда же Феодорит посетил обитель Свирскую. Преподобный Александр-чудотворец, увидев его, сказал: «Сын Авраамов пришел к нам, Феодорит диакон» (Сказания князя Курбского, изд. 2-е, с. 127).

22 По другим известиям, он был родом из Торжка.

23 Блаженный Феодорит провел на берегах Колы около 20 лет. Строгость правил его была причиной того, что малодушные изгнали его из основанной им обители. После того он два года был игуменом одного бедного новгородского монастыря, потом около пяти лет – архимандритом Суздальской Евфимиевой обители. Оклеветанный (в 1554 г.) в единомыслии с еретиками, он заточен был в Кирилло-Белозерский монастырь, где пробыл полтора года, потом был оправдан и удалился на пребывание в Вологодский Спасоприлуцкий монастырь. Несмотря на глубокую старость, он два раза путешествовал из Вологды

к любезным детям своим – лопарям. Когда, где и как Феодорит окончил жизнь, достоверно неизвестно: по сказанию некоторых, он был по повелению Грозного царя (около 1577 г.) утоплен в реку за то, что дерзнул ходатайствовать о прощении князя Курбского, бывшего некогда его духовным сыном; по другим известиям, старец мирно скончался в уединении (Волог. Епарх. Вед. 1867 г. № 13).

24 В летописях сказано под 1531 годом: «Прибыли в Великий Новгород лапландцы с Мурманского (Норвежского) моря, с р. Колы и Туломи (с р. Туломи, соединяющейся с р. Коллой перед впадением в море), и просили архиепископа Макария дать им антимины и священников, чтобы освятить церкви Божии и их просветить святым Крещением. Боголюбивый архиепископ Макарий послал священников и диакона, и они осветили церкви Благовещения Богородицы и святителя Николая и лопарей крестили в великом числе, даже за Святым Носом («Собрание Летописей», VI, с. 289).

25 Царь Иоанн наделил обитель Трифона церковной утварью, угожьями, рыбными лов-

лями и приписал к ней лопарей, обитавших при Матоцкой и Печенгской губах. Добрый и набожный царевич Феодор предупредил отца своего милостью к северному подвижнику: он прислал Трифону свою парчовую одежду. Уже по блаженной кончине своей угодник Божий отблагодарил за этот дар: в одну ночь, когда Феодор (тогда уже царь) спал в шатре при осаде Нарвы, ему явился благолепный старец в иноческой одежде и сказал: «Встань, государь, и выйди из шатра, иначе будешь убит». – «Кто ты такой?» – спросил царь. Явившийся отвечал: «Я тот Трифон, которому ты подал свою одежду, чтобы твоя милостыня предварила другие; Господь Бог мой послал меня к тебе». Пробудившись, царь едва успел выйти из шатра, как ядро из города ударило в кровать царскую. Путешествие преподобного Трифона в Москву отнесено в житии его к 1556 году, но это явная ошибка: тогда еще не родился царевич Феодор, давший свой кафтан просветителю лопарей. Можно думать, что Трифон был в Москве позднее, а именно – после великого голода 1570 года, или отнести подарок царевича (рожденного в 1557 году) ко

второму приезду преподобного Трифона в Москву, о котором упоминается в декабрьской книге Милютинских Четъих-Миней без указания года (в Синодальной Библиотеке, № 800).

26 Мощи преподобного Трифона погребены в основанном им монастыре Кольско-Печенгском, который находился при впадении реки Печенги в Северный океан, близ Святого Носа. Впоследствии эта обитель перенесена в самый город Колу, а в 1764 году упразднена и приписана к Кольскому собору. На первоначальном месте монастыря над могилой преподобного Трифона стоит деревянная церковь Сретения Господня. В житии преподобного Трифона помещено несколько чудес его и ученика его, праведного старца Ионы. Блаженный Трифон много раз являлся на море, во время бури, и спасал погибавших.

27 В нынешней Петербургской губернии и в южной части Финляндии.

28 Князь Михаил Глинский, один из знатнейших вельмож литовских, владелец города Турова, славился храбростью и умом. По неудовольствиям с Сигизмундом он передал-

ся Василию; потом спустя несколько лет изменил и ему, тайно сносившись с Литвой и бежал из русского стана; но был схвачен, заключен в оковы и сидел в тюрьме до тех пор, когда племянница его сделалась великой княгиней. Может быть, как думает Карамзин, не одна красота невесты решила выбор великого князя; может быть, Елена, воспитанная в знатном владетельном доме и в обычаях немецких, коими славился ее дядя Михаил, скорее могла понравиться венценосному жениху, нежели тогдашние московские боярышники, научаемые единственно целомудрию и кротким, смиренным добродетелям женским.

29 В старинных святцах («Книга о Российских святых») великий князь Василий Иоаннович вписан в лик Московских чудотворцев. На паперти Московского Благовещенского собора и теперь еще сохранилось изображение его с надписью: «Святой и благоверный великий князь Василий Иоаннович».

30 В одном из сборников Московской Синодальной Библиотеки помещена «Выписка из грамоты (?), что прислана к великому князю Василию Иоанновичу о разлучении первого

брака и сочетании второго брака чадородия ради. Творение Паисиино, старца Ферапонта-ва монастыря». Здесь, между прочим, сказано, что великий князь Василий испрашивал разрешения на брак с Еленой у восточных Патриархов и настоятелей Афонских монастырей; но от всех получил отказ, причем Иерусалимский Патриарх Марко в пророческом духе писал ему, что если он, вопреки канонам церковным, дерзнет вступить в законопреступное супружество, то будет иметь сына, который удивит весь мир лютостью (Сборник № 466, л. 359, № 360).

Том II

Книга четвертая

Глава I

Малолетство царя. Изгнание двух митрополитов. Внезапное исправление молодого самодержца. Венчание Иоанна на царство и первый брак его. Соборы 1547–1549 годов. Стоглав. Ересь Башкина и Косого. Дело о дьяке Висковатом. Покорение Казани и учреждение Казанской епархии. Болезнь Иоанна. Кончина царицы Анастасии.

Воцарение государя-младенца было не в радость Церкви и государству. Недолго власть оставалась в руках правительницы-матери¹. После преждевременной смерти Елены начались необузданные смуты бояр, которые принялись управлять государством и беспощадно губили друг друга. В этих крамолах не уважалась и святость сана первосвященителей: митрополит Даниил был свержен с митрополии указом боярским и заточен в Иосифов монастырь². Преемник его Иоасаф,

поставленный из игуменов Сергиевой Лавры, муж богоугодный и добродетельный, не более трех лет занимал кафедру первосвященническую: крамольники низвергли его еще с большей наглостью и буйством. На место его возведен владыка Новгородский Макарий, святой просвещенный, усердный ко благу Церкви и отечества.

Между тем возрастал юный самодержец-сирота. Рожденный с отличными способностями, но предоставленный с детства своим влечениям, лишенный всякого воспитания, он развивался во зло, а не в добре. Может быть, предрасположение к жестокости он всосал в себя с молоком матери, но бояре, на беду самим себе, постарались усилить в нем это предрасположение до страсти; они тешили его звериной охотой, любовались, когда он убивал животных и мучил их разными муками. «Пусть веселится, державный», – говорили они. Отрок-государь уже разумел, что верховная власть, которой так дерзко злоупотребляли князья Шуйские и другие бояре, принадлежит ему, а не им; видел, что они пренебрегают им, позволяя себе всякое бесчи-

ние и наглость даже в присутствии государя. В душе отрока возникла и росла ненависть к боярам-крамольникам.

Иоанну исполнилось 17 лет. Он объявил митрополиту и боярам волю свою – венчаться на Царство и вступить в брак. Торжество Царского Венчания было совершено митрополитом Макарием в Успенском соборе 16 января 1547 г.; на Иоанна возложен был крест царский, венец Мономахов и бармы (ожерелье)³. С того времени самодержцы русские начали не только в сношениях с иными державами, но и внутри государства во всех актах именоваться царями, сохраняя и древний титул великих князей. В 1561 году Патриарх Константинопольский Иоасаф в знак усердия к венценосцу русскому соборной грамотой утвердил его в сане царском⁴.

Со всех краев России привезли в Москву красавиц, девиц благородных. Иоанн выбрал из них девицу Анастасию Романовну, дочь вдовы Захарьиной⁵. Совершая бракосочетание царственной четы, первосвященник Макарий в красноречивом слове поучал новобрачных творить правду и милость, посещать

темницы, чтить духовенство, жаловать бояр и народ, не слушать клеветников, святить дни воскресные праздничные молитвой и добрыми делами, и соблюдать посты, воздерживаясь на это время от плотских удовольствий.

Но советы мудрого правителя и влияние добродетельной супруги не могли сразу исправить царя, приученного к шумной праздности, к забавам грубым, неблагочестивым. Нужен был сильный урок, и этот урок был ниспослан в страшном пожаре, опустошившем Москву. На пепелище столицы кипел мятеж народный, Иоанн трепетал в недоумении на Воробьевых горах. Там предстал царю Благовещенский иерей Сильвестр и сильным словом пробудил заснувшую совесть юноши. Угрозы суда Божия в минуту гнева Божия потрясли сердце, не совсем еще ожесточенное. Иоанн стал как бы другим человеком. Он призвал митрополита и святителей, торжественно каялся им в грехах своих, собрал и народ на Лобном месте, оплакал перед ним свои заблуждения, слагая вину на недостойных пестунов. С чудесным исправлением царя все

приняло вокруг него иной вид: удалились преступные бояре; Адашев, новый добродетельный друг царя, не знатный родом, но благонамеренный и верный, стал на ближней ступени престола – и процвело государство, нашлись в думах мужи совета, в битвах – вожди. На законы гражданские вначале обратилось внимание нового правительства: опытная дума бояр, рассмотрев уложение Иоанна III, составила новый судебник.

Собрав Собор епископов русских, царь открыл его трогательной речью, в которой изложил бедствия первых лет своих. «Отцы наши, пастыри и учителя, – говорил он, – внидите в чувства ваши, прося у Бога милости и помощи, истрезвите ум и просветитесь во всяких богодухновенных обычаях, как предал нам Господь, и меня, сына своего, наказуйте и просвещайте на всякое благочестие, как подобает быть благочестивым царям, во всех праведных царских законах, во всяком благоверии и чистоте, и все православное христианство нелестно утверждайте, да непорочно сохранит истинный христианский закон. Я же единократно всегда буду с вами исправлять и

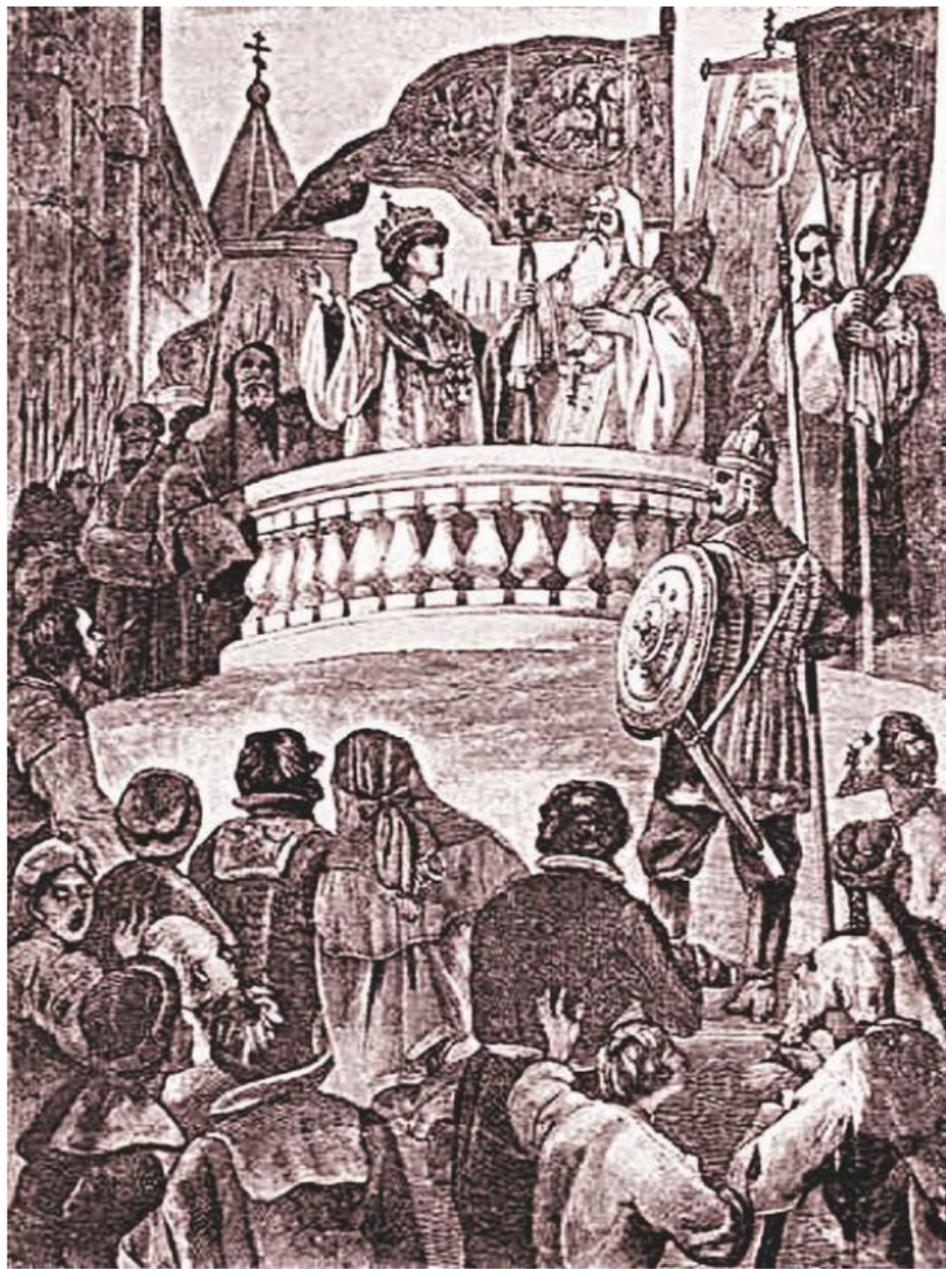
утверждать все, чему наставит вас Дух Святой; если буду вам сопротивляться, вопреки божественных правил, вы о сем не умолкайте; если же преслушник буду, воспретите мне без всякого страха, да жива будет душа моя и все сущие под власть нашу». На этом Соборе установлено празднование угодникам Божиим, новым чудотворцам Русской земли, от которых царь желал призвать благословение на свой царский сан; постановлено составить им новые службы и пересмотреть жития их⁶. Тот же Собор утвердил и предложенный ему на рассмотрение новый судебник.

В 1551 году снова собрались святители русские в Москву по желанию государя⁷. Положение не только государства, но и самой Церкви требовало соборных совещаний. Беспорядки государственные, развившиеся от мятежного духа бояр и нравственной порчи самого юного самодержца, не могли не вредить и благоустройству Церкви. Церковь на восточной окраине Русского царства испытывала внешние бедствия от врагов иноплеменных, которые при вторжениях своих грабили и разрушали храмы, попирали святыню, отводили в

плен священнослужителей и многих плененных христиан до измены вере и отечеству.

Речь царя Ивана Грозного на лобном месте при открытии собора 1500 г. (худ. А. Шарлемань)

Во внутреннем своем состоянии Церковь страдала от буйства правителей государства, которые (как мы уже видели) низвергли в течение трех лет двух первосвятителей. Когда царь, еще юный, но совращенный с доброго пути теми же боярами, уже терял уважение к постановлениям церковным, когда и сами пастыри увлекались смутами правления, неизбежно возникали важные опущения и беспорядки во внутренней жизни Церкви⁸. В самом деле, явное пренебрежение обязанностями христианскими, нарушение уставов церковных, нравственные беспорядки в духовенстве, взаимное невнимание и презрение между духовенством и мирянами – все это ясно и сильно представляет сам Стоглавый Собор. Народ по легкомыслию и невежеству легко мог увлекаться в заблуждения, своеволь-

ничать в делах веры и предаваться всей грубости своих нравов. Таковы были действия невежества при отсутствии способов к просвещению народа, при отсутствии даже самого попечения об этом важном предмете!

Предметы рассуждений Собора разделены на сто глав, откуда и самый Собор получил имя Стоглавого. В этих главах изложены вопросы царские Собору, ответы на них Собора и некоторые соборные постановления. Собор рассуждал, обличая беспорядки и бесчиния, о богослужении и уставах церковных, об иконах⁹, о книгах богослужебных¹⁰, о просфорах и просфорницах¹¹, о благочинии в храмах, о чине совершения Таинств, о крестном знамении, о произношении «аллилуии», об избрании и поставлении священнослужителей, о благочинии черного и белого духовенства, о суде церковном, или святительском, о содержании храмов и причтов, об исправлении общественных нравов и обычаев¹². Догматов веры Собор не касался и не имел в виду опровержения какой-либо ереси.

Что сказать о достоинстве постановлений Стоглавого Собора? Справедливость требует

сказать, что многие постановления Собора были полезны для Церкви и имеют свое несомненное достоинство. Таковы его определения о заведении училищ при церквях, об учреждении старост для надзора за благочинием духовенства¹³, защите судебных прав клира, мысль об исправлении церковных книг, об истреблении соблазнительных пороков духовенства, суеверий и зловерных обычаев народных. Заботливость об избрании достойных служителей алтаря, о точности в соблюдении церковного устава при богослужении, о благочинии христианском в храмах, благоустройство монастырей, попечение о содержании церквей, ограничение мзды в церковных сборах, приведение в порядок судопроизводства епископского – все это показывает в членах Собора пастырскую ревность о благоустройстве Церкви отечественной. Некоторые особенности постановлений Собора были весьма полезны для жизни общественной, как например, постановления о богадельных домах, о выкупе пленных, о принятии в церковные училища детей гражданских сословий; с добрым намерением Собор

предохранял отечество от иноземных обычаев, с доброй мыслью обращал внимание на крестьян (епископских и монастырских) и людей, скитающихся по миру для собирания милостыни, открывая последним способы получать пропитание честными трудами, облегчая состояние первых через ограничение роскоши и корыстолюбия в монастырях. Вообще видна благонамеренность решений Собора и усилие основывать их на правилах Вселенской Церкви. Но при всем том нельзя не заметить и тех недостатков и даже погрешностей в решениях Собора, которые уничтожают его достоинства и лишают его канонической важности в Церкви.

Так, в особенности главы о двуперстном сложении для крестного знамения и сугубой «аллилуии» потворствуют неразумной привязанности к мнимой старине. Впрочем, в разных дошедших до нас списках Стоглава крестное знамение и иерейское благословение «двумя персты» изложено неодинаково и неясно¹⁴.

О сугубой «аллилуии» особого вопроса на Соборе предложено не было. Но в одной из

глав Стоглавника помещено сведение о явлении будто бы Пресвятой Богородицы великому князю Евфросину, Псковскому чудотворцу¹⁵, с повелением произносить сугубое «аллилуия» (т. е. «аллилуия» дважды, а в третий раз: слава Тебе, Боже). Эта мнимая заповедь Божией Матери, изложенная в житии преподобного Евфросина, в виде весьма важного догмата веры введена в Стоглавник как правило для всеобщего употребления и сопровождается толкованием, наполненным самыми странными заблуждениями и нелепостями, – жалкими плодами невежества.

Должно полагать, что учение об «аллилуии» не принадлежит целому Собору, но есть частное мнение одного из членов его, внесенное в Стоглавник позднее переписчиками. Это тем более вероятно, что еще в 1419 году первосвятитель Фотий грамотой к новгородцам предписывал «трегубить аллилуия» (как и ныне соблюдается при православном Богослужении), и сам председатель Стоглавого Собора, митрополит Макарий, поместил такое же распоряжение в одной из книг своей великой Четвы-Минеи со строгим обличением

против «сугубящих» аллилуию¹⁶.

Подлинных актов Стоглавого Собора не сохранилось в летописях; даже ни в одном из списков сборника, называемого Стоглавником, не видим подписей лиц, бывших на Соборе, даже подписи самого митрополита Макария. Может быть, недостаток единомыслия между членами Собора в определениях или общая неуверенность в правильности и твердости соборных постановлений были причиной того, что они не были утверждены общим согласием и не могли иметь законной силы. Во всяком случае, Собор Стоглавый не имеет канонического значения для Церкви Русской, как допустивший заблуждения, сделавшиеся впоследствии опорой суеверия и расколов и в особенности как не утвержденный Греческой Церковью и позднее отвергнутый большим Собором не только русских святителей, но и Патриархов Восточных.

Спустя два года созван был снова Собор по следующему случаю: появилась, особенно в северных монастырях¹⁷, ересь Матвея Семенова Бакшина (или Башкина). Вот сущность этой ереси:

1. Бакшин хулил Иисуса Христа, отрицая Его равенство Отцу.
2. Тело и Кровь Господа называл простым хлебом и вином.
3. Не признавал Таинства Покаяния по чину Православной Церкви. «Как перестанет грех творити, – говорил еретик, – аще и у священника не покается, то несть ему греха».
4. Отвергал достоинство внешних учреждений церковных. «Что такое Церковь? – говорил он. – Собрание верных? Итак, эти храмы – ничто, иконы – идол» и проч.
5. Отечественные предания и жизнеописания Отцов называл баснословием и обвинял во властолюбии Отцов Вселенских Соборов. «Все для себя они писали, – говорил Бакшин, – чтоб им всем владеть – и царским, и священническим». Кроме этого, Бакшин рассеивал много и других плевел, подкрепляя свое учение неправильным толкованием разных мест Святого Писания.

Ересь Бакшина очевидно сходна с ересью жидовствующих; но, по сознанию самого ере-сеучителя, наставниками его были литовские протестанты: аптекарь Матвей и Андрей Хо-

теев¹⁸.

Бакшин наименовал своими последователями многих, между прочими – Артемия, отказавшегося перед тем от игуменства Сергиевой Лавры, которому Бакшин отдан был на увещание. На Артемия явились и другие доносители. Но обвинение в хуле Артемия на Святую Троицу, на таинства, на иконы Собор признал недоказанным; а за неосторожность отзывов его о некоторых предметах священных лишили его сана и заточили в Соловецкий монастырь¹⁹.

Между зараженными вольномыслием Бакшина особенно известны стали Феодосий Косой, распутный бродяга, и такой же товарищ его Игнатий. Феодосий был слугой одного боярина в Москве, но, обокрав его, бежал на Белоозеро и постригся в монашество. За распространение нечестивых мыслей он (в 1555 г.) был взят в Москву, но и отсюда бежал вместе с Игнатием, и оба скрылись в Литве. Здесь, сбросив с себя монашество, оба женились: Косой на жидовке, Игнатий на польке, и стали новыми проповедниками.

Косой оставил и в северной России семена

своих лжеучений. Мысли его сильно тревожили клирошан Хутынского монастыря. Учение Косого было совершенно сходно с ересью Бакшина. Только Косой был наглее Бакшина и, начитавшись социнианских книг, нагло высказывал самые дерзкие выходки Социна. Он прямо выставлял только один разум источником знания человеческого; прямо говорил, что смерть человеку естественна, а не есть плод вольного греха; троичности Лиц в Божестве и Воплощения Сына Божия решительно не допускал; над всем внешним устройством церковным, над святыми иконами и прочим насмеялся нагло.

Монах Зиновий, даровитый ученик преподобного Максима Грека, сосланный в Отенский монастырь (в 50 верстах от Новгорода) после заточения его учителя, написал здесь целую книгу против ереси Косого²⁰.

Около того же времени на Соборе рассматривалось дело дьяка Висковатого. После страшного пожара 1547 года возобновлялось стенное писание в придворном Благовещенском соборе; иконописцы, вызванные из Новгорода, изобразили на стенах храма вместо

прежних предметов историю творения мира, Символы Веры, содержание некоторых церковных стихов в лицах, или, как говорили тогда, – «в притче». Когда окончено было стенное письмо, начались толки о новости; отставленные иконописцы явились первые с судом над новостью и распространяли между простодушными подозрение. Дьяк Висковатый, как вероятно, по особенным видам против любимца царского Сильвестра поднял открытое волнение, шумел, бранил новые иконы, а еще более надзиравших за работой. Он указывал народу в Сильвестре и Благовещенском же священнике Симеоне сообщников Бакшина. Поднялось волнение. Висковатый устно и письменно изложил перед Собором сомнения о новостях, говорил, что другие изображения, кроме показанных Седьмым Вселенским Собором, запрещены; позволил себе даже говорить, что Лицо Бога Отца – Лицо неизобразимое. Митрополит Макарий, которому, вероятно, известны были иконописцы и их работа еще в Новгороде, словесно и письменно разрешил сомнения Висковатого. Священники Сильвестр и Симеон оправда-

лись во взведенных на них подозрениях, и первый присовокупил: если некоторые изображения соблазняют народ, то благословит Собор рассудить, не должно ли запретить их. Собор показал, что ни на каком другом не было запрещения новым иконам, а потому нет нужды запрещать новые иконы за то, что они новы, указал в Ветхом Завете явление Бога Отца в образе Ветхого Деньми, поставил на вид Висковатому и правило Трульского Собора: «Не подобает пред людьми простыми учительного слова подвигнути, или учить, сам себе учительство усвояя, но внимати от Господа преданному чину». Висковатый принес раскаяние. Собор за то, что он произвел волнение в народе и несправедливо говорил, особенно об изображении Бога Отца, наложил на него духовную епитимию²¹.

Между тем внутреннее благосостояние государства отозвалось победами над врагами: царства и области постепенно падали к ногам юного царя; обломки Золотой Орды, рассыпавшейся при Иоанне III, вошли в державу его внука. Еще недавно грозились Крым и Казань взаимно поддерживать свои силы и хан

Девлет-Гирей опустошительным набегом приближался к столице, приводя в трепет думу боярскую и отрока Иоанна; в свою очередь, бежал он в степи при одном слухе о вооружении возмужавшего царя. В последний раз взволновалась Казань и возбудила гнев Иоанна. Сильные приготовления воинские предшествовали величайшему из ратных подвигов того времени. На пути к мятежному городу заложена была Свияжская крепость; увещательные грамоты митрополита возбудили ее новых поселенцев и собравшиеся полки к святому исполнению своего долга²². Наконец поднялся сам Иоанн; блистательный поход его имел совершенное подобие крестового; торжественность обрядов церковных мешалась с упражнениями воинскими; молебствия начинали и заключали каждый подвиг. В виду Казани расположился необъятный стан русский, и близ шатра царского был разбит шатер церковный. Перед началом приступа все войско очистило совесть исповедью. Царь молился в походном храме, при совершении литургии готовясь к приобщению Святых Тайн. Когда диакон возгласил

слова Евангелия: «Будет едино стадо и един пастырь!» – грянул гром первого взрыва подкопов; при словах ектении: «Покорити под нозе его всякого врага и супостата», – второй взрыв поднял на воздух стены Казанские. Сеча закипела, но царь причастился и дождался конца литургии. Едва успел он сесть на коня, как принесли ему весть: «Казань взята!». Это событие совершилось 1 октября 1552 года и сопровождалось избавлением 60 тысяч христиан, томившихся в неволе мусульманской.

Торжествующий победитель сам водрузил первый крест среди покоренного города и, обойдя по стенам с хоругвями и иконами, посвятил Пресвятой Троице бывшую столицу царства Казанского. В несколько дней была создана им малая церковь Благовещения, начаток просвещения северо-востока. Неисчислимы были счастливые последствия взятия Казани, прославившего имя Иоанна в Европе и Азии: владетель Сибирский предложил ему дань, князья Горские и Черкасские – подданство. Скоро пало перед его оружием и другое царство татарское – Астрахань, хотя с меньшими усилиями. Казаки, новый народ, обра-

зовавшийся еще при его деде из разнородных племен с одним лишь условием Православия на верховьях Дона и на порогах Днепра, тревожили Крым и Литву и соединились под предводительством вождей русских, чтобы наступить на хана. Стоило проявиться одной воли Иоанновой, и последний остаток силы Батыевой исчез бы в пределах наших, но царь не послушал совета благоразумных вельмож, обратил честолюбивый взор на Ливонию, и Крым ожил для бедствий Русской земли.

Торжественно и радостно возвращался царь-победитель из покоренной Казани; рождение сына Димитрия, возвещенное ему на пути, еще более усугубило радость. Он направил путь в Лавру дивного чудотворца Сергия, чтобы принести там благодарственное моление; два святые мужа, как жильцы иных времен, встретили его у гроба Сергиева: святитель Иоасаф, пострадавший во дни его юности, и преподобный Максим Грек, доживавший в заточении многострадальную старость. Другая, более торжественная встреча ожидала его в Москве: митрополит Макарий со всем духовенством стоял на том месте, где

некогда предместник его Киприан принимал икону Владимирскую как залог спасения Москвы от Тамерлана. В умиленной речи изложил царь все свои победы, смиренно относя их к молитвам святителей, и в избытке чувств простерся пред собором. В свою чреду приветствовал его Макарий, благодаря от лица всей земли Русской, и пал к ногам его с духовенством и бесчисленным народом. Последняя сладостная встреча была в Кремле – супруга Анастасия с младенцем. Крещение его ознаменовалось принятием в недра Церкви царицы и двух царей Казанских: митрополит сам испытывал искренность обращения. В новопокоренном царстве Казанском открыта, по определению Собора 1555 года, новая архиепископия, к которой причислена Казань, Свияжск, нагорная страна, вся Вятская земля. Для устройства церквей в новопросвещенной стране и на содержание причтов царь сделал значительные пожертвования из казны; то же вменено в обязанность монастырям и святителям. Пастырем по жребию избран был Гурий, игумен Салижаровский, а в помощники ему даны архимандриты Герман

и Варсонофий. Царь, отправляя Гурия в Казань, вменял ему в обязанность приводить к вере с любовью и не против воли, лучших из крестившихся наставлять при своем доме, других посылать в монастыри, не отвергать и тех, которые искали бы крещения с сознанием в вине гражданской, и ходатайствовать за подсудимых²³. Новый первопрестольник Казанский был торжественно отпущен из Москвы на судах, сопровождаемый крестами и хоругвями.

Подвиг сокрушения царства Казанского был делом достославным не только для государства, но и для свободы и успехов веры православной, страдавшей от татар целые столетия. Памятником покорения Казани сохранился для нас воздвигнутый по повелению Иоанна один из великолепнейших храмов московских, собор Покрова Богородицы, поражающий взоры своей необычайной, полувизантийской – полуготической громадой²⁴.

Обращение царя Иоанна на путь благочестия, правды и добра казалось искренним и прочным. Но мало-помалу обстоятельства стали возбуждать в нем чувства недоверия к

добрым советникам. Жестокая болезнь едва не свела в могилу молодого венценосца и послужила началом грядущих бедствий Русского царства: на смертном одре Иоанн испытал опять смуты боярские, которые еще в детстве и отрочестве были ему так горьки. Бояре в его присутствии спорили между собой, и – что наиболее поразило умирающего – самые близкие к нему люди из страха безначалия при государе-младенце или зависти к родственникам царицы не хотели присягать законному наследнику, малолетнему царевичу Димитрию, и желали видеть на престоле двоюродного брата царского, князя Владимира Андреевича²⁵. В каком волнении была душа Иоанна, когда он на пороге смерти видел непослушание, строптивость в безмолвных дотоле подданных, в усердных любимцах, когда он, государь самовластный и венчанный славою, должен был смиренно молить тех, которые еще оставались ему верными, чтобы они охраняли семейство его, хотя бы в изгнании! Иоанн перенес ужас этих минут, выздоровел и встал с одра, по-видимому, исполненный милости ко всем боярам. Казалось, он не

хотел помнить того, что происходило во время его болезни, – но мог ли пылкий самодержец забыть мятеж крамольников и муки души своей, растерзанной ими в минуты борения с ужасами смерти?

С этого времени начался гибельный переворот в чувствах и делах царя, уже остывшего в любви к ближним своим советникам²⁶. Отправляясь на богомолье в Кириллов Белозерский монастырь с царицей и младенцем-царевичем, Иоанн посетил на Песноше бывшего Коломенского епископа Вассиана Топоркова, друга отца его, лишённого епархии в боярское правление за лукавство и жестокосердие. Маститая старость не смягчила в нем души: склоняясь к могиле, он еще питал мирские страсти в груди, злобу и ненависть к боярам. Иоанн желал лично узнать человека, заслужившего доверенность его родителя: говорил с ним о временах Василия и требовал у него совета, как лучше править государством. Вассиан сказал ему: «Если хочешь быть истинным самодержцем, то не имей советников мудрее себя; держись правила, что ты должен учить, а не учиться, повелевать, а не

повиноваться. Тогда будешь тверд на царстве и грозою вельмож. Советник, мудрейший государя, неминуемо овладеет им». Эти ядовитые слова проникли в глубину Иоаннова сердца. Схватив и поцеловав руку Вассиана, он с живостью сказал: «Сам отец мой не дал бы мне лучшего совета!» В Лавре Сергиевой царь беседовал в последний раз с преподобным Максимом Греком. Страдалец за правду не похвалил богомольного путешествия царского. «Пристойно ли тебе, государь, – говорил угасающий старец, – скитаться по дальним монастырям с юной супругой и младенцем? Вездесущего не должно искать только в пустынях: весь мир исполнен славы Его. Если желаешь изъявить ревностную признательность к небесной благодати, то благотвори на престоле. Завоевание Казанского царства, счастливое для России, было гибелью для многих христиан: вдовы, сироты, матери избитых льют слезы: утешь их своей милостью. Вот царское дело». Иоанн не принял его совета, и преподобный Максим сказал ему через бояр последнее слово: что если он не печется об устройстве сирот и вдов, то Бог у него

самого отнимет сына²⁷.

Предсказание Максима сбылось: царевич Димитрий скончался в дороге. Он был заменен царю двумя сынами – Иоанном и Феодором, но ничто не могло заменить царицы Анастасии. Ранняя кончина ее, после краткой болезни, отняла у неутешного супруга последнюю подпору на пути к добру. Никогда общая горесть не изображалась умильнее и сильнее. Не двор один, а вся Москва погребала свою первую, возлюбленную царицу. Когда несли тело в Девичий Вознесенский монастырь, народ не давал пути ни духовенству, ни вельможам, теснясь со стонами ко гробу. Все плакали и всех неутешнее – бедные, нищие, называя Анастасию именем матери. Им хотели раздавать обыкновенную в таких случаях милостыню: они не принимали, чуждаясь всякой отрады в день печали. Но еще не знали тогда, что Анастасия унесла с собой счастье царя и царства Русского!

Примечания

1 Правление Елены было ознаменовано развратом и жестокостью. Она уморила в тем-

нице (голодом, по уверению современников) шурина своего, князя Юрия. Родной дядя, заменивший ей отца, знаменитый изменник князь Михаил Глинский, смело обличал правительницу в зазорном ее поведении и за то был замучен в тюрьме. Сама Елена после пятилетнего правления умерла скоропостижно от яда, как свидетельствует современник Герберштейн.

2 Бояре взяли с Даниила запись, будто бы он добровольно отказался от святительства, желая окончить жизнь в той обители, где принял пострижение. Там он загладил грехи своего честолюбия, человекоугодия и участия в кознях вельмож строгой жизнью подвижника.

3 Венчание Иоанна IV было совершено по тому же обряду, как и венчание несчастного Димитрия, внука Иоанна III.

4 В грамоте Патриарха, за подписью его и 36 святителей греческих, сказано: «Нынешний властитель Московский происходит от незабвенной царицы Анны, сестры царя Багрянородного, и митрополит Ефесский, нарочно присланный из Византии, венчал на цар-

ство великого князя русского Владимира». По исследованиям А.Ф. Вольтмана, слова эти относятся не к Владимиру «Мономаху», а «монарху», т. е. к Владимиру Равноапостольному, а потому и древняя утварь царская ошибочно называется Мономаховой («Чтение Общей Истории и Древностей» 1860 г., кн. I, с. 37–41). За соборной грамотой послан был в Царьград блаженный Феодорит, просветитель лопарей. По возвращении царь подарил ему соболью шубу и 30 рублей, из которых подвижник взял только 25. Подлинная грамота сохраняется в Московском Архиве Министерства Иностранных Дел.

5 Отец Анастасии, Рома Юрьевич, был окольниким, а дед – боярином Иоанна III. Но не знатность рода, а личные достоинства невесты оправдали царский выбор: современники приписывают Анастасии все женские добродетели: искренне благочестие, смирение, целомудрие, милосердие, доброту души, соединенные с умом основательным и твердостью воли, которые нечувствительно укрощали пылкие страсти супруга. Летописцы свидетельствуют, что «добрая царица настав-

ляла и приводила царя на всякие добродетели»,

6 Определено праздновать по всем церквям России следующим двенадцати чудотворцам: святому митрополиту Ионе, святому Иоанну, архиепископу Новгородскому, святому князю Александру Невскому; преподобным: Никону, «Сергиеву ученику», Пафнутию Боровскому, Макарию Калязинскому, Михаилу Копскому, Зосиме и Савватию Соловецким, Павлу Обнорскому, Дионисию Глушицкому и Александру Свирскому. Празднование только на месте подвигов и прославления назначено девяти угодникам Божиим, а именно: в Москве – блаженному Максиму, в Устюге Великом – блаженными Прокопием и Иоанном, в Муроме – благоверным князьям Константину с сыновьями Михаилом и Феодором, князю Петру и супруге его Февронии. Впрочем, двум последним назначено и повсеместное празднование (Грамота митрополита Макария в «Актах Археографической Экспедиции», т. I, № 213).

7 На Соборе присутствовали архиепископы: Новгородский Феодосий и Ростовский Ни-

кандр; епископы: Суздальский Трифон, Смоленский Гурий, Тверской Акакий, Коломенский Феодосий, Сарский Савва, Пермский Киприан и Рязанский Кассиан (впоследствии лишенный епархии за ересь) с архимандритами, игуменами и другими духовными лицами. В рассмотрении соборных постановлений принимали участие бывший митрополит Иоасаф, живший на покое в Сергиевой Лавре, и бывший архиепископ Ростовский Алексей.

8 Сам Иоанн в речи к Собору свидетельствовал, что многие священные обычаи в церкви «поиспаталися», многие предания нарушены, многое введено самовольно, вопреки древним священным установлениям: появились «безумные человеки», готовые поносить всякое доброе предприятие в пользу Церкви.

9 Собор требовал от иконописцев, кроме искусства в иконописании, неукоризненной жизни и поручал их надзору духовных отцов; епископам вменял в обязанность надсматривать за иконописанием, лучших иконописцев отличать вниманием любви, а неискусным и людям худой жизни запрещать писать свя-

тые иконы. Он же советовал следовать в иконописании лучшим древним образцам, указывая в особенности на иконы блаженного Андрея Рублева.

10 Порча богослужебных книг через переписывание их невежественными, полуграмотными писцами была очевидна для всех. Собор горько жаловался на неисправность книг церковных и вменил в обязанность протопопам и благочинным (поповским старостам) исправлять церковные книги по хорошим спискам и книг непересмотренных не пускать в употребление, но не мог дать надлежащего руководства и нужных пособий для выбора лучших списков. Тогда же возникло убеждение, что вместо писцов необходимо завести типографию и печатать книги. Это было приведено в исполнение, но по неудачности первых опытов первая книга Московского печатного двора – «Апостол» – была напечатана не ранее 1564 года.

11 Просфорницы (просвирни) при церквах, по определению Собора, должны быть «чистые вдовицы, единобрачные, а не второбрачные», не моложе 40 или 50 лет. Черницам не

дозволено быть просфорницами при мирских храмах.

12 Собор рассуждал о выкупе пленных христиан из неволи, о необходимости богаделен и других благотворительных учреждений и строго вооружался против клятвопреступления, волшебства и разных суеверных обычаев.

13 Десятильники, или старосты поповские (нынешние благочинные), существовали и прежде в Новгороде, Пскове и других городах, но Стоглавому Собору принадлежат правила для повсеместного назначения этих лиц. Церкви города Москвы разделены были на семь соборов и подчинены семи старостам, по одному при каждом соборе. Замечательно, что избрание «поповских старост» Собор предоставил самому духовенству («Акты Археографической Экспедиции» т. I, № 238).

14 В 1554 году игумен Сергиевой Лавры Артемий отозвался, что на Стоглавом Соборе о крестном знамении «слово было, да не доспели ничего», т. е. ничего не успели решить определенно («Акты Археографической Экспедиции» т. I, № 239). Этот отзыв доказывает,

что положение о двуперстии в Стоглавнике должно почитаться частным мнением, а не постановлением соборным.

15 Преподобный Евфросин, в миру Елеазар, Псковский чудотворец, основатель Спасо-Елеазаровского монастыря в 25 верстах от Пскова, преставился 15 мая 1481 года, 95 лет от рождения. Житие его, бывшее на рассмотрении Собора, переделано с более древней редакции около 1547 года известным попом Василием. Здесь сообщается длинный рассказ о путешествии преподобного Евфросина в Царьград: речь о том, что будто Евфросин, видя «велик раскол посреде Христовой Церкви, овем бо двоящим, овем бо троящим пресвятую аллилуию, сетовал безмерною печалию пред Богом». Так как никто из русских пастырей не мог «протолковать преподобному Евфросину тайну о божественной аллилуии», то он отправился в Царьград к Патриарху Иосифу, который будто бы протолковал ему тайну «аллилуии» так, что ее нужно двоить, или сугубить; для большего подтверждения Патриарх будто бы дал Евфросину «писание», которым уполномочил его завести в своем мона-

стыре сугубую «аллилуию». Затем идет речь о восстании против преподобного Евфросина всех пяти соборов Псковских, особенно некоего священника Иова. Далее говорится, будто бы первому писателю жития преподобного Евфросина являлся два раза во время тонкого сна преподобный Евфросин вместе с преподобным Серапионом и говорил: «Опиши сию тайну святой аллилуии»; наконец, явилась ему Сама Пресвятая Богородица с Архангелом и теми же преподобными, изъяснила ему тайну сугубой «аллилуии» и велела написать о ней для общего ведения. Как будто дело шло о каком-то всемирном перевороте или о столь великой тайне, без которой невозможно спасение человечества! Кроме того, Василий в своих рассказах поместил много противоречий и несообразностей исторических с жизнью преподобного Евфросина, которому усвоет слишком узкий взгляд на «аллилуию», и произнес хулу на Пресвятую Богородицу, приписав ей понятия темные и даже еретические («История Русской Церкви» преосвященного Филарета Черниговского, пер. III, прим. 306). Недавно отыскался в библиотеке покойного

В.М. Ундольского единственный и никем не описанный экземпляр жития преподобного Евфросина первоначальной редакции, принадлежащий первой половине XVI века («Житие и жизнь и подвиги преподобного отца нашего Евфросина, трудолюбца и пустынножителя». Полуустав XVI в., на 117 листах, в 4-ку. Библиотека Ундольского, № 306). Здесь нет рассказа о явлении Божией Матери и чудотворцев писателю жития. Откуда же мог почерпнуть этот рассказ Василий, не заставший в живых первого, неизвестного ему даже и по имени, жизнеописателя? Нелепое суждение о важности сугубой аллилуии изложено так же, как и у Василия, только короче и темнее. И здесь также немало невежественных лжеучений. Но все эти «сонные мечтания» (по выражению осудившего их Собора 1667 года) достаточно опровергаются уставом, который составлен преподобным Евфросином для основанной им обители, и завещанием его. И устав, и завещание сохранились в Спасо-Елеазаровом монастыре: ни в том, ни в другом документе нет ни слова об аллилуии. Мог ли бы Евфросин не преподать братии своей осо-

бого подробного постановления о таком мнимо важном предмете, составлявшем будто бы, по словам обоих писателей жития его, главную цель его деятельности?

16 «Указ о трегубом аллилуия» помещен в книге великих Четъих-Миней за месяц август (Экземпляр Успенского Собора, пожертвованный митрополитом Макарием под 31 августа, с. 3 126). Тот же «указ» помещен полнее в экземпляре Синодальной Библиотеки (л. 815–816). В тех же Великих Минеях находится ясно выраженное мнение о правильности крестного знамения тремя перстами (в августовской книге соборного экземпляра, с. 2 772, и в декабрьской, с. 1 907). Неоспоримое доказательство, что предстоятель Стоглавого Собора не принимал ни двуперстия, ни сугубой «аллилуии»!

17 Именно в Заволожских. По выражению Курбского, «тогда за Волгою прозябоша ругания».

18 Собор действовал против новых еретиков снисходительнее, нежели против жидовствующих. Бакшин был заточен в Иосифов монастырь; некоторые из последователей его

были отданы под присмотр в отдаленные монастыри, «да не сеют злобы своей роду человеческому»; другие были подвергнуты церковной епитимии. Гражданских казней не было.

19 По свидетельству Курбского, Артемий «преподобный и премудрый», пустынник Заволожский, взятый за святость жизни в игумены Сергиевой Лавры, удалился оттуда снова в пустынь против воли царя, «много ради мятежа и любостязательных, искони законопреступных мнихов» (лаврских); потом, заподозренный в соучастии с еретиками, подвергнут истязаниям и сослан, отягченный цепями, в Соловецкий монастырь (Сказание Курбского, изд. 2-е, с. 134–135). На Соборе обвиняли его в том, что он хулил крестное знамение, считал бесполезным поминовение усопших, унижал чтение акафистов. Но Артемий отвечал, что порицал не крестное знамение, а наглое махание рукой, при небрежном осенении себя крестом, что бесполезным считал поминовение только для грешников нераскаявшихся, а чтение акафистов – для тех, которые, называя Иисуса Сладчайшим и взывая к Бого-

родице «радуйся», презируют закон Иисусов и не радят о своем спасении. Все новейшие писатели по истории Русской Церкви налагают на Артемия печать ереси и утверждают, что он, бежав из Соловков в Литву, действовал там заодно с Косым. Но нельзя не заметить: 1) что Артемий был в числе судей Бакшина и опровергал на Соборе его лжеучения, весьма сходные с учением Косого; 2) что он, когда был игуменом Лавры, испросил дозволения перевести в обитель преподобного Сергия праведного узника Максима Грека, которого глубоко почитал и старался успокоить его старость, чего никак нельзя было ожидать от еретика; 3) известный писатель Захарий Копыстенский утверждает, что «преподобный инок Артемий в Литве от ереси арианской и лютеранской многих отвергнул» («Палинодия», рукопись библ. Ундольского, № 425, л. 377). Всего более служит к оправданию Артемия весьма редкая или, лучше сказать, единственная, никому не известная рукопись: «Артемия старца послания против Будного и других еретиков, полуустав Белорусский, конца XVI века» библ. Ундольского, № 494. В этих

посланиях на имя князя Черторисского и других лиц, излагается учение чисто православное, без всяких примесей ереси, и опровергаются лжеучения Лютера и Кальвина. В замечательном послании к царю Иоанну Артемий упоминает о епископе, который советовал ему: «Не чти много книг, да не во ересь впадеши» (л. 151). В другом месте, оправдываясь от нареканий в ереси, просит не верить на слово ни ему самому, ни другим, «кроме верного свидетельства богодухновенных писаний». «На убийство и изгнание, – говорит он, – устремляются царскою помощью, яко и древние мучители, ничто же имуще глаголати, точию: еретик! указати же явственно ереси не могут» (л. 162). Вообще, в личности Артемия, скорее, можно видеть жертву невежества того темного времени, нежели соумышленника еретиков.

20 «Истины показание к вопросившим о новом учении». Монах Зиновий писал в назидание монахам, которые спрашивали его об учении Косого, в том порядке, в каком передавали ему клирошане Хутынские, присовокуплявшие по местам и свои мнения. Рассужде-

ния его спокойны, ответы обдуманны, опровержения отчетливы, сведения удивляют обширностью. Зиновию известен был «Просветитель» Иосифа, и сочинение его показывает, что он выполнил свое дело далеко лучше своего предшественника (Обзор Русской духовной литературы ч. 1, с. 216).

21 В Благовещенском соборе изображены тогда в лицах церковные стихи: «Приидите, людие, Триипостасному Божеству поклонимся; Единородный Сыне; Во гробе плотски». В Новгороде символические изображения появились еще ранее. Весьма вероятно, что новгородские и псковские иконописцы переняли их у западных художников, с которыми имели сношения.

22 Еще до похода Иоанна на Казань великий заступник земли Русской, преподобный Сергей Радонежский, назнаменовал благословением своим место для христианского города Свяжска. Когда был основан Свяжск и в нем монастырь с храмом чудотворца Сергия, тогда от храмовой иконы его совершились многие исцеления. Старшины горных черемис, пришедши в Свяжск, сказывали: «Лет

за пять до основания сего города, когда место сие было еще пусто, когда Казань была спокойна, мы часто слышали здесь русский церковный звон. Удивляясь и приходя в страх, мы посылали легких молодых людей к сему месту посмотреть, что такое происходит; и они слышали голоса прекрасно поющих, как будто в церкви, а никого не видали, кроме одного вашего старого инока, который ходил с крестом, благословлял на все стороны, как будто измерял место, где теперь город; и все то место наполнялось благоуханием. Когда посланные нами покушались ловить его, он становился невидим. Когда пускали в него стрелы, стрелы не ранили его, а летели вверх, падали на землю и ломались. Мы сказывали о сем нашим князьям, а они – царице и вельможам в Казани». (Некоторые черты жития преподобного Сергия после смерти, собр. Филаретом, митрополитом Московским, с. 58).

23 В таком духе написана была «память» святителю Гурию («Акты Археографической Экспедиции» т. I, № 241).

24 Покровский собор, что на рву, более известный под названием храма Василия Бла-

женного, на площади близ Лобного места, заложен «на казенные деньги» в 1554 году; довершен уже по кончине Иоанна, сыном его царем Феодором. Строил «фрязин», т. е. один из западных художников; имя зодчего не сохранилось, но по народному преданию (впрочем, не имеющему достоверных оснований) и по отзывам иностранных писателей, царь Иоанн так был доволен зданием, что велел выколоть глаза зодчему, дабы он не мог произвести ничего подобного.

25 Феодор Адашев (отец любимца) сказал умирающему государю: «Мы, до твоего возраста, испили чашу бед от правления боярского. Не хотим служить Захарьиным-Юрьевым!» Священник Сильвестр также клонился на сторону князя Василия.

26 Иоанну внушали, что не только Сильвестр, но и Алексей Адашев тайно держали сторону князя Владимира. Всего хуже было то, что ближние советники царя подверглись неприязни царицы, которая думала, что они хотели пожертвовать ею, сыном и братьями ее своему честолюбию.

27 Преподобный Максим Грек переведен в

1551 году из Тверского Отроча монастыря в Лавру Сергиеву, наслаждался здесь полной свободой, но был изможден недугами старости после долгих страданий. Здесь он пробыл на покое еще 5 лет, преставился в 1556 году и погребен у северо-западного угла церкви Сошествия Святого Духа. Часовня над гробницей его сооружена митрополитом Московским Платоном. Святость страдальца за веру и правду ознаменована чудесами: 20 исцелений описаны в одной рукописи библиотеки В.М. Ундольского («Максима Грека житие и избранные творения», полуустав XVIII века, № 338). Последнее из описанных здесь чудес относится к 1721 году.

Глава II

Святители, современные первой половине царствования Иоанна IV: митрополиты святой Иоасаф и Макарий; святитель Гурий Казанский и сорудники его Варсонофий и Герман. Преподобные иноки-подвижники: Даниил Переяславский, Герман Болдинский, Арсений Комельский, Адриан Ондрусовский, Геннадий и Никифор Важезерские, Антоний Сийский, Нил Столбенский; свя-

Обозрев церковные события в первой, достославной половине царствования первого царя Московской Руси, обратим благоговейный взор на те благодатные звезды, которые светили тогда на небосклоне русском, озаряя собой тьму глубокого невежества. В числе их были великие святители, «правоправившие слово Твоя истины», были и смиренные отшельники, уединенно подвизавшиеся в пустынях.

Митрополит Иоасаф, из дворянского рода Скрипицыных, принял пострижение в Лавре Сергиевой и с 1529 года был там игуменом. Близкий к приятелю иноков и иночества великому князю Василию Иоанновичу при жизни его, он крестил сына и наследника его Иоанна у раки преподобного Сергия. Во время малолетства царя, при буйном управлении бояр, митрополит Даниил принужден был сложить с себя сан первосвятительский, и на место его избран игумен Иоасаф. В своем исповедании веры нареченный митрополит писал: «Во всем следуя святейшим патриархам, соблюдающим истинную непорочную веру

христианскую, установленную святыми апостолами и преподанную богоносными отцами, а не ту, которую принес Исидор с несвященного латинского Собора, просиявшего злочестием. К тому же обещаюсь не делать ничего из одного угождения великому князю или многим князьям, хотя бы грозили мне смертью, принуждая сделать что-либо вопреки божественным и священным правилам». Блаженный Иоасаф выполнил обещание свое с полной твердостью.

В эту эпоху совершенного безначалия и неистовых злодейств, которыми особенно отличались Шуйские, новый первосвятитель, заботясь о прекращении беспорядков, испросил свободу заточенному князю Бельскому, и действительно, добрый боярин, заняв место в думе правителей государства, сумел остановить грабежи и насилия. Но князь Иван Шуйский схватил и отправил Бельского на Белозеро, где его и удушили. Тогда толпы неистовых едва не убили святителя: в келью его бросали камни; во дворце самого великого князя он не нашел защиты; на Троицком подворье готовы были растерзать его. Именем препо-

добного Сергия игумен Алексей умолил пощадить жизнь первосвятителя. Святой Иоасаф выпросил себе милость провести последние годы на месте иноческого обета. С ним и здесь были неприятности: с ним жили тогда люди, которые сами по себе мало хотели жить в монастыре и которых загнали туда только беды жизни мирской: они часто оскорбляли блаженного Иоасафа припадками своего мирского своеволия. Невольными и вольными скорбями святитель очищал душу свою для светлых радостей Неба и мирно почил 27 июля 1555 года¹.

В уединении блаженный Иоасаф еще потрудился для Церкви, рассматривая присылаемые к нему рассуждения Стоглавого Собора², и усердно занимался исправлением книг для пользы общей. В сборнике его читаем: «Божиею благодатию и Пречистой Богородицы помощью переписал житие святой преподобный отец. Писал же с разных списков, тщаясь обрести правый. И обретох в списках много не исправлено. И елика возможна моему худому разуму, сия исправлял, а яже невозможно, сия оставих, да имущии разум больший

нас, тии исправят неисправленная и пополнят недостаточная»³.

Достойный преемник его, митрополит Макарий, поставленный из архимандритов Лужецкого монастыря на кафедру Новгородской архиепископии (в 1526 г.), был избран на митрополию в 1542 году и, как мы уже видели прежде, председательствовал на нескольких Соборах. Забота его об уменьшении заблуждений и суеверий в народе и о распространении просвещения – одна эта забота уже дает ему почетное место между великими учителями Церкви. Множество письменных трудов, учреждение типографии, попечение о лучшем устройстве иноческой жизни, о распространении христианства на северных и восточных окраинах Руси, наконец, благотворное влияние на молодого царя делают навсегда незабвенным имя первосвятителя Макария.

Определение Собора 1551 года о необходимости пересмотра книг, очевидно, вело к тому, чтобы большинство людей осознало на опыте, в каком печальном положении находятся богослужебные книги. После такого

опыта должно было согласиться, что против повреждения книг рукописных надобно воспользоваться тем средством, которым давно уже пользовались в южной Русской митрополии – надобно ввести печатание книг. Царь Иоанн просил датского короля прислать в Москву книгопечатников, и в 1552 году прислан был королем типограф Ганс. Впрочем, и в Москве святитель Макарий нашел русских, знающих дело типографское. Диакон Иоанн Федоров и Петр Тимофеев приняли на себя приготовить все нужное для типографии. В Новгороде сыскался резчик букв Василий Никифоров. Первые опыты печати, как и во всем, были неудачны: не прежде как в 1564 году напечатана была первая книга – Апостол⁴, уже по кончине Макария.

Обратимся к словесным произведениям приснопамятного святителя. Он владел блистательным даром красноречия. Речи его к царю – при браке его, перед походом царя на Казань и по возвращении из Казани – написаны с одушевлением и красноречиво. Таковы же увещательное его послание к войску в Свяжске перед началом Казанского похода

и пространное послание к царю от 17 июля 1552 года с увещанием идти смело против врагов Христовых⁵, учительные послания о молитве против разных ересей, в Водскую пятину об искоренении язычества⁶ и многие другие. Глубоко умирительно духовное завещание святителя⁷.

Весьма замечательны труды блаженного Макария на поприще истории. Красноречивый слог, каким описаны в Степенной книге 26 лет царствования Иоанна, скромность, с какой коснулись здесь действий митрополита Макария и опустили речи и послания его к царю, показывают, что труд митрополита Киприана в составлении Степенных книг продолжен был самим Макарием. Несомненно и то, что он дополнил труд Киприана внесением житий святых⁸. «Великая книга Минеи-Четьи» – блистательный памятник трудов Макария и самый богатый подарок для истории. Это целая библиотека сочинений исторических, поучительных и назидательных, состоящая из 12 огромных фолиантов. Над составлением ее проведено двенадцать лет. За основание приняты синаксари, или, как несправед-

ливо называли их, прологи; потом помещены не только полные жизнеописания, не только слова на дни святых и на праздники, но и целые обширные сочинения учителей Церкви⁹.

Незабвенны для иночества заботы Макария об устройстве общежития в обителях. Тогда как многие из московских монастырей, по учреждению святого Алексия и преподобного Сергия, сохраняли чин общежития, почти все новгородские монастыри, в том числе и Антониев, до 1527 года не имели сего чина. «Каждый, – говорит летопись, – в своей келье имел трапезу, вся отягчались житейскими печальми». Некоторые монастыри имели у себя приходы наравне с церквами приходскими. В 1528 году архиепископ Макарий собрал к себе игуменов обителей новгородских и предложил им принять устав строгого общежития. Из 18 обителей в Новгороде и близ него только две отказались принять этот устав: «в том бесчинии обыкош жити». Во всех прочих стали вводить строгое общежитие. Следствия сего скоро замечены. «Когда устроились общежития, – говорит летопись, – тогда начала умножаться благодать Божия, благочиние

усилилось, число братьев увеличилось! Тогда же владыка назначил для инокинь особые монастыри, поставив над ними игумений, а игуменов, дотоле заведовавших женскими обителями, вывел в мужские обители. Тем монастырям, которые изъявляли желание принять строгое общежитие, архиепископ давал грамоту благословения с объяснением чина общежития¹⁰.

Когда Макарий возведен был на митрополию, он стал заботиться, чтобы и во всей митрополии обители иноческие подчинились уставу общежития. Намерения святителя были приведены в исполнение, но не повсюду – привычка к старому обычаю была слишком сильна.

Наконец, попечения об исправлении юного царя и о руководстве его на пути правды и добра составляют также великую заслугу приснопамятного святителя. Священник Сильвестр, пробудивший совесть Иоанна после великого пожара и с того времени имевший сильное влияние на царя, был, без сомнения, известен Макарию еще в Новгороде и им переведен в Москву. Блаженная кончи-

на великого святителя последовала 31 декабря 1563 года, когда царь Иоанн уже совратился с доброго пути, но не успел еще сделаться ужасом человечества¹¹.

Ко времени первосвятительства Макария относится начало апостольских трудов в покоренном царстве Казанском. Нет сомнения, что выбор архипастыря для новой паствы и достойных его сотрудников принадлежит митрополиту Макарию. Святитель Гурий, в крещении Григорий, родился в Радонежском городке, где жил некогда преподобный Сергей в родной семье своей, до удаления в пустыню. Родители Григория была дворяне Руготины, бедные и малоизвестные. В доме благочестивого отца сын получил и благочестивое воспитание и обучен был читать и писать. Сыновья незнатных дворян обыкновенно служили тогда если не в службе великого князя, то при домах богатых княжеских фамилий. Так служил в доме князя Ивана Пенькова и Григорий Руготин. Григорий был умен и деятелен, нрава кроткого и послушливого, честности неподкупной; он любил ходить в храм Божий на молитву, молился и в доме;

любил целомудрие и, охраняя его, держал пост, подавал нищим милостыню, какую только мог. Ум, строгая честность и благочестивая жизнь Григория приобрели особенную доверенность к нему князя и его супруги: Григорию поручено было все правление по княжескому дому. Товарищи Григория стали завидовать его счастью и оклеветали чистого юношу в преступной связи с княгиней. Гневный князь придумал жестокую месть: была выкопана яма и в нее опущен сруб, сюда заперли Григория. Только малое отверстие сверху темницы пропускало в нее свет, и в то же окошко бросали Григорию на пять дней по снопу овса и опускали немного воды. Тяжко было положение невинного страдальца; природа отвращается от страданий и неправды. Но благочестивая душа его скоро помирилась с темницей. «Мученики, – думал Григорий, – терпели и не то при всей своей святости; темница избавила меня от соблазна и тревог мирских. Это уединение оставляет мне полную свободу готовиться к вечности, а для чего и жить на земле, если не для вечности?» И вот блаженный Григорий «в таковой беде

наипаче простирается на славословие Божие, терпя и благодаря Бога о всем». Уже проходил второй год заключения, когда один из товарищей по княжескому дому, бывший другом Григорию, упросил сурового сторожа позволить подойти к окну темницы и поговорить с заключенными; расспросив о состоянии заключенного, он вызвался доставлять ему приличную пищу. Григорий поблагодарил друга за участие и сказал: «Без наказания, которое терплю я, душа моя могла остаться неисцеленной; благодарение Богу за все! В пище не имею я нужды; а прошу тебя приносить чернила и бумаги: я стану писать азбуки, а ты будешь продавать их и деньги после покупки бумаги станешь раздавать нищим». Так Григорий и в темнице хотел, чтобы дети учились Закону Божию, так же как хотел помогать бедным, сам терпя крайнюю нужду. Спустя два года неожиданно в дверях темницы блеснул свет. Григорий, сотворив молитву, толкнул дверь, она отворилась. Страдалец понял, что Господь посылает ему свободу. Он взял икону Божией Матери, бывшую с ним в темнице, и пошел оттуда прямо в обитель препод-

добного Иосифа Волоколамского, известную тогда по строгой жизни иноков. Там он и постригся с именем Гурия.

После многолетних подвигов в посте, безмолвии и богомыслии, к которым он причился еще в темнице, Гурий был возведен на игуменство в Иосифовом монастыре; потом, по воле царя, принял на себя настоятельство Селижаровской обители¹².

Для завоевания Казанского царства Собор определил избрать архиепископа. Это место служения в тогдaшнее время было чрезвычайно важно; здесь надлежало быть мужу с апостольской ревностию и чистотою души, чтобы благоплодно проповедовать святую веру не знающим ее. Поэтому и избрание архипастыря происходило необыкновенным образом. По совершении молебного пения митрополитом из четырех жребиев взят был престол один, и это был жребий Гурия; потом взят один из двух, и это был опять жребий того же избранника. В 1555 году святой Гурий Собором архипастырей рукоположен в сан архиепископа Казанского. Отправляясь из Москвы водою, архипастырь в каждом городе

встречаем был молебствиями, и сам совершал молебствия, так что все путешествие святителя до Казани, продолжавшееся два месяца, было почти непрерывным молением.

Первопрестольнику Казанскому даны были два достойных помощника для многотрудного его служения: Герман, бывший архимандрит Старицкого монастыря, бывший на покое в Иосифовом монастыре¹³, и Варсонофий, игумен Песношский; первый определен архимандритом в Успенский монастырь города Свияжска, а последнему предназначена была архимандрия в новой обители Преображенской, которую он должен был сам еще основать в Казани. Варсонофий был сын Серпуховского иерея Василия, и сам получил в крещении то же имя. В 1512 году сыновья хана Менгли-Гирея опустошили берега реки Оки и захватили многих в плен, в том числе и юного Василия. Горько было положение пленника. Зная на память псалмы Давидовы, он взывал к Богу отцов своих: «Отец мой еси Ты, Бог мой и заступник спасения моего (Пс. 88, 27); избави мя от руки чуждых» (Пс. 143, 7). Молитва и богомыслие не только облегчали

скорбь его, но доставляли сердцу его такое утешение, какого не чувствовал он в доме родительском. В нем росла любовь к Богу, а с нею и преданность воле Его. В таком расположении души молодой Василий работал неверным со всем усердием и обучался послушанию безответному, терпению и незлобию. Пост, сперва невольный, обратился в дело воли его. Утомительные работы невольника занимали у него все время дня, и он посвящал ночь молитве. Всегдашняя готовность к услугам, верность и жизнь чистая смягчили сердце варваров; на другом году плена облегчили ему тягость трудов и дали некоторую свободу. Василий изучил разговорный язык татарский; по своей даровитости он узнал его столько, что мог излагать мысли свои на письме, изучал основания магометанского зловерия, так что мог отчетливо говорить о заблуждениях учения Магометова. Основательным познанием языка и веры татар исполнилась премудрая цель, для которой Господь попустил рабу своему быть в плену. И вот спустя три года плена отец нашел средства выкупить дорогого сына из неволи та-

тарской.

Василий возвратился на родину, но сердце его уже не могло увлечься земными радостями. Раб Божий покорил сам себя игу Христову в Андроньевской обители, и в монашестве наречен был Варсонофием. Потом жил он при Тверском епископе Акакии в сане иеродиакона. Там и здесь совершаемы им были иноческие подвиги с полным усердием. Слух о духовной жизни его дошел до митрополита Макария, и в 1544 году он был посвящен в игумена Песношской обители.

Много трудов предстояло на новом поприще святителю Гурию, бодрому духом, но изнуренному плотью (темничная жизнь навсегда расстроила его здоровье). Хотя существовали начатки христианства в земле Казанской, уже напоенной кровью мучеников Христовых¹⁴, но ревностный святитель и сотрудники его должны были неусыпно трудиться: прежде всего поучать духовенство, новокрещенных утверждать в вере и благочестии, магометан и язычников обращать к святой вере убеждениями, не прибегая к насилиям, за магометанина и язычника, осуждаемого судом

за преступление, но принимающего святую веру, ходатайствовать перед начальством о прощении вины его. Святитель, выполняя эти правила, присовокуплял для успехов веры молитву и милосердие: в доме его находили себе пищу и помощь всякая бедность и нужда. Неверующие видели, что вся жизнь его – любовь святая, любовь благотворительная для всех без различия. На втором году служения своего святитель начал строить близ Казани Зилантов монастырь. По уставу святителя, иноки этой обители занимались обучением детей чтению и письму, преимущественно же закону Божию. Благочестивое желание знакомить детей с верой и правилами христианскими, пробудившееся еще в темнице, теперь развилось в святом Гурии с особенной силой¹⁵. И труды евангельского проповедника в стране мрака были благоплодны. «Божественный муж, – как свидетельствует Гермоген, один из преемников его, – учением своим привел ко Христу множество душ».

Ревностно помогал наставнику своему блаженный Варсонофий. Вместе с добрыми иноками, взятыми им из Песноши, он устроил в

Казани новую общежительную обитель Преображенскую¹⁶ и неутомимо трудился в обращении магометан. В этом подвиге помогали ему знание языка и веры татар и искусство врачевать болезни. Знание татарского языка доставило ему удобство входить в близкие сношения с татарами, а основательное знание учения Магометова при его глубоком уме представляло обличения его магометанству неотразимыми. Умение лечить болезни привлекало к нему больных всякого рода, тогда как болезнь сама отворяет душу для лучших чувствований, а следовательно, и для принятия мыслей христианских; к тому же терпеливое и бескорыстное лечение со стороны Варсонофия внушало доверие к безмездному врачу не только в больных, но и в здоровых.

Другой сотрудник святого Гурия, блаженный Герман, устроил обитель иноческую в Свяжске, учил детей, во множестве крестил магометан и язычников в струях Волги и усердно выполнял поручения святителя по епархии. Со своей стороны, святой Гурий оказывал ему особенное доверие, поручил суду его все сельские церковные причты Свяж-

ского уезда, а монастырь его освободил от своего суда.

Последние три года жизни святитель Гурий лежал на одре болезни и не мог совершать служение и даже ходить в храм. Но дух его молился и молитвой низводил благодать небесную на его паству. В великие праздники носили его к литургии в соборный храм Благовещения Богоматери, построенный им; здесь сидел он или даже лежал, слушая службу Божию; душа его горела желанием молиться вместе с паствой своей в дни общей хвалы и молитвы. Блаженная кончина его последовала 4 декабря 1563 года. Преемником его кафедры был святой Герман.

Чудесное исцеление у мощей прпп. Гурия и Варсонофия Казанских

Вскоре после того (в 1567 г.) святой Варсонофий рукоположен был в сан святительский на Тверскую кафедру; но спустя четыре года, отягченный старостью, отказался от управления епархией и возвратился в Казанский Преображенский монастырь.

В обители продолжал он подвижническую

СВТ. ГЕРМАНЪ
КАЗАНСКІЙ

СВТ. ГЕРМАНЪ
КАЗАНСКІЙ

жизнь. Когда от дряхлости не мог он ходить в церковь, ученики возили его на тележке к богослужению: так любил он молитву и слово храма! Блаженная кончина его последовала 11 апреля 1567 года, на 86 году жизни его¹⁷.

Между тем как равноапостольные святители Казанские просвещали светом истинного богопознания страну, погруженную во мрак язычества и магометанства, в пустынных обителях земли Русской ярко сияли светильники благочестия, а на стогнах Москвы один дивный труженик подвизался в юродстве Христа ради.

Преподобный Даниил, Переяславский чудотворец, в мире Димитрий, еще в юных летах обнаруживал порывы души к строгим подвигам. Услышав при чтении жития преподобного Симеона Столпника, что тот тайно обвил себя веревкой для усмирения плоти, отрок отрезал себе конец веревки, которой рыбаки привязывали к берегу ладью, обвил ею стан свой и так крепко, что веревка по времени стала въедаться в тело; родители увидели у спящего мучительный пояс и поспешили

снять его. Воспитанный потом для жизни иноческой в Никитском монастыре, он тайно ушел в обитель преподобного Пафнутия Боровского и, приняв пострижение с именем Даниила, пользовался наставлениями опытного старца Левкия¹⁸.

По смерти родителей блаженный Даниил возвратился в Переяславль и поселился в Успенской обители, что на Горицах; архимандрит Антоний, родственник его, зная чистоту его жизни, убедил его принять сан священства. Тут совершал он особенный подвиг любви к ближним: умерших странников, убитых, замерзших и утопших бедняков на своих руках переносил в скудельницу; он просил и других сказывать ему, если увидят где застигнутого внезапной смертью, и ночью шел отпевать покойного. Так продолжал он не один год. По ночам, смотря из Горицкой кельи на скудельницу (божедомье), он думал: «Сколько тайных рабов Божиих лежит, быть может, в этой скудельнице, попав туда только оттого, что не хотели они быть известными миру ни при жизни, ни по смерти!» Эта мысль особенно часто стала посещать его после того, как

один странный человек, не сказавший о себе, кто он, но часто находивший у Даниила в келье покой себе, зимней ночью найден был им уже умершим и был похоронен в скудельнице. По временам преподобный Даниил видел в скудельнице огонь, и до слуха его оттуда доносилось пение. В блаженном подвижнике родилась мысль построить храм в божедомье, и Богу угодно было желание смиренного раба Его. Бояре Челяднины, избавленные молитвами преподобного Даниила от княжеской опалы, представили его лично великому князю Василию Ивановичу, выпросили ему дозволение иметь в своем распоряжении божедомье и построить там храм. Тогда же стали поступать приношения для построения храма, и появились желающие поселиться при нем, так что на божедомье неожиданно составила обитель иноческая. Новые подвижники стали жить под руководством преподобного Даниила. Он обнес божедомье оградой, дал правила монашеского жития и каждый день ходил из Горниц совершать службу в божедомском храме. Великий князь Василий, уважавший преподобного Даниила,

восприемника от святой купели сына его Иоанна, посетив бедную обитель, назначил для нее ежегодный отпуск хлеба.

Между тем иноки Горицкие упросили преподобного Даниила быть архимандритом их обители. «Если настояли вы на том, чтобы я был вашим настоятелем, – говорил Даниил братии, – то должны слушаться меня». – «Желаем повиноваться», – отвечали иноки. «У вас есть обычай, – говорил настоятель, – ходить из монастыря на торг без благословения настоятеля; хідите в мирские дома и там пируете и ночуете по несколько суток. Прошу вас вперед не делать так». Иноки обещались исполнить волю настоятеля. «Вы ходите в бани, – продолжал настоятель, – и там бываете вместе с мирскими людьми. Этому не должно быть». Согласились и на то иноки. Преподобный Даниил продолжал: «В праздники, именины, в поминовение родных созываете вы к себе родных, друзей, знакомых с женами и детьми, и они гостят у вас по несколько дней и ночей. Вперед не только не должно быть пиров, не только не должен никто из женского пола ночевать в келльях ваших, но жен-

щин никогда не должны вы принимать в келльи». Тяжело было на это согласиться монахам, но согласились. «Келльи у вас очень высоки, с высокими крыльцами, как у вельмож, – сказал еще преподобный, – это неприлично монашескому смирению». Братьям неприятно было это замечание, но прекословить не могли. Впрочем, не прошло и года, как преподобный Даниил отказался от настоятельства Горицкого и перешел жить в новую обитель на божедомье, где в 1530 году построил каменный храм Святой Троицы иждивением великого князя Василия.

Во время голода обитель Даниила, где уже было до 70 братьев, питала страдавших от голода. Раз сказали преподобному, что муки так мало осталось, что ее не станет для братии и на неделю. Даниил пошел посмотреть, и в то же время подходит вдова с детьми, изнуренная голодом, и просит помощи. Он дал ей муки и приказал отпустить оставшуюся муку всем нуждающимся по их просьбе. В продолжение 8 месяцев в обители Даниила доставало для всех хлеба. И после голодного времени многие, зная любовь святого старца к

несчастливым, бросали у ворот монастыря больных, увечных и не имевших чем кормиться. Угодник Божий с радостью принимал их в монастырь, лечил и кормил, одевал и покоил. Будучи образцом христианской любви к ближним, ондо гроба был и образцом смиренного подвижничества. Он воспитал и в учениках своих любовь к подвигам. Инок Нил, родом немец, постриженный преподобным Даниилом, соблюдал такой пост, что довольствовался только хлебом и водой, и то в меру.

Перед концом земной жизни своей богоносный старец посетил крестника своего, великого князя Иоанна Васильевича, и сообщил ему, что переяславские храмы святого Предтечи и святого Николая, стоящие у городских ворот, очень обветшали, так что необходимо построить новые; при этом преподобный Даниил сказал, что у ветхого храма святого Николая в земле лежат мощи святого князя Андрея Смоленского, которому в прежние времена, как он твердо помнит и знает, была служба со стихирами и каноном, и лик его писали на иконах; почему ныне не отправля-

ется пение, неизвестно. Об этом же доложил он и святителю Иоасафу. Великий князь и митрополит приказали построить новые храмы и дозволили преподобному Даниилу вместе с местным духовенством осмотреть гроб святого князя Андрея. После молебна разобрали надгробный памятник и начали копать могилу, открыли гроб и в нем мощи, обвернутые берестой, мощи нетленные и издававшие благоухание: волосы русые и длинные, одежда целая с медными пуговицами, загнутая на сторону. Крупицы бересты, осыпавшиеся при отгребании земли, с верою брали недужные и исцелялись. Преподобный Даниил послал священника Константина известить о том митрополита и великого князя. Из Москвы присланы Чудовский архимандрит Иона (впоследствии Суздальский епископ) и Успенский протопоп Гурий для проверки донесения и перенесения мощей в храм. Они вздумали спросить святого старца: с чьего дозволения решился он отыскивать мощи? – и объявили, будто бы «владыка митрополит ничего не знает о том и ничего не приказывал». Старец заплакал и сказал: «Не будем искушать

Духа Святого, действующего в чудных рабах Своих. Не говорите также, будто ничего не известно великому отцу нашему и святителю. Бог мне свидетель, что извещал я его сам и не только его, но и благочестивого самодержца, и по их воле осмелился я, недостойный, отрыть святые мощи».

Даниил сказал потом, что противодействующие святому делу будут наказаны¹⁹: митрополит лишится престола, архимандрит и протоиерей жестоко пострадают. Это слово сперва смутило следователей²⁰, но потом они приняли его за плод дряхлой старости. Впрочем, очевидность дела вынудила кончить неуместный спор. Мощи блаженного князя положили в новый гроб и совершили службу.

Преподобный Даниил преставился 7 апреля 1540 года, достигнув почти 90-летней старости²¹.

В том же Переяславле-Залесском, где подвизался преподобный Даниил, родился другой подвижник – преподобный Герасим Болдинский, в миру Григорий. Еще в юных летах он усердно ходил в храм Божий; святая жизнь преподобного Даниила особенно увлекла его

душу за собой, и на 13-м году он уже со слезами просил старца принять его к себе. Даниил принял отрока к себе послушником: это было еще тогда, когда старец жил в Горицком монастыре. Герасим был «кожешвец» (сапожник) и по воле старца усердно служил ремеслом своим бедной братии божедомья; на время оставлял он старца, чтобы слушать наставления других подвижников, и, по их совету, возвратясь к Даниилу, принял пострижение от рук его. Это было тогда, как Даниил начал жить в Троицкой обители. Новоначальный инок Герасим ревностно совершал подвиги поста и молитвы; принимал пищу через день и через два, постоянно выполнял келейное правило, а иногда всю ночь стоял на молитве. Преподобному старцу усердно служил он в заботах его о новой обители, особенно при построении храмов и келий. Чистой и подвижнической жизнью Герасим снискал себе общее уважение не только в обители, но и за оградой ее; он стал известен и в Москве. Эта слава тяготила его; он желал безмолвного уединения. Прожив до 26 лет под руководством преподобного Даниила, он вышел из

обитатели его с желанием работать Господу в уединении.

В 1528 году поселился он в Дорогобужском округе, в таком диком лесном месте, что, кроме змей и диких зверей, никого там не жило, по временам же скрывались там разбойники, так как недалеко проходила большая дорога, на которой они занимались своим промыслом. Блаженный Герасим поставил себе хижину и в ней стал подвизаться; разбойники не раз били его, стараясь прогнать из своего соседства, но пустынный терпел и молился. В хижине своей он жил, как птица, без печалей и забот житейских, хранимый и питаемый Господом. Впоследствии явился у него сторож – ворон; если недобрый человек подходил к хижине, ворон поднимал крик и, летая, бил крыльями по лицу нежеланного гостя; то же было с хищным зверем: тому клевал он глаза, пока не заставлял обратиться в бегство. По особенному видению перешел Герасим на Болдину гору, где над потоком Болдиным стоял огромный дуб. Отсюда хотели прогнать его поселяне и отвели в Дорогобуж к наместнику, который велел посадить подвижника в тюрь-

му, как бродягу. Но здесь внезапно явилась помощь: входит к наместнику царский посланный из Москвы. Увидав преподобного Герасима, которого видел вместе с преподобным Даниилом у царя, он с глубоким уважением поклонился ему и просил благословения. Наместник испугался и с честью отпустил подвижника. С того времени имя святого старца стало в уважении, и в пустыню его начали приходить ревнители благочестия. Сперва построена была молитвенная хранилища общих молитв и поставлена хижина. Потом преподобный Герасим отправился в Москву и там получил позволение на построение обители. Мало-помалу построены были храм Святой Троицы и келлии для братьев с трапезой. Преподобный Герасим сам трудился при постройках, трудился потом и для общежития вместе с другими: молотил жерновом рожь, даже и за других, пек хлебы, рубил и носил дрова, мыл для братии свитки, прислуживал больным. Спал он мало и никогда лежа. Пища его была хлеб с водою.

Кроме Болдина монастыря, преподобный Герасим построил еще Предтечев монастырь

в Вязьме; потом в Брынском лесу на реке Жиздре основал обитель Введения во храм Богородицы. В Болдинской обители под конец жизни преподобного было до 140 братьев. Он бдительно вел всех их по путям спасения. Под его руководством воспитались строгие подвижники благочестия: блаженный Антоний, почивший Вологодским епископом (в 1588 г.) и доньне местно чтимый вологжанам. После многолетних подвигов преподобный Герасим преставился 1 мая 1554 года²².

Другой ревностный труженик, постриженник Лавры Сергиевой и впоследствии один из достойных преемников великого чудотворца Сергия, преподобный Арсений, происходил из дворянского рода Сухорусовых. При том богатстве доходов, какие тогда имела обитель Сергиева, преподобный Арсений не изменялся в любви своей к нищете и посту. Однажды великий князь Василий пришел на богомолье в обитель Сергия и на игумене богатой Лавры увидел одежду разодранную и ушитую заплатами. На вопрос изумленного великого князя братья отвечали: «Игумен наш – истинный раб Божий и живет в Боге; но он думает толь-

ко о том, как бы оставить нас и удалиться в безмолвную пустыню». И действительно, в 1527 году любитель безмолвия оставил игуменство и удалился в необъятный Комельский лес, где прежде его уединялись многие отшельники; избрал себе самое глухое место, на берегах речек Кохтыжа и Лежи, водрузил крест, поставил келью и стал подвизаться в безмолвном уединении. Место это, в 36 верстах от Вологды, еще и ныне окружено трясиными и болотами. Крестьяне, ходившие сюда то для рубки леса, то для звериной ловли, сочли помехой себе келью Арсения и разорили ее. Давая место гневу, пустынный ушел в Шилегонский лес, на речку Ингарь или Маслянку, и здесь стал подвизаться. К нему стали приходиться ревнители пустынной жизни, и сверх того, многие жители страны Вологодской, гонимые нашествием татар, толпами бежали в Шилегонский лес. Так безмолвие пустынников нарушено было поселившимися близ пустыни изгнанниками.

Любитель безмолвия, поручив небезмолвную «Арсениеву пустынь» одному из учеников своих, решился водвориться опять в Ко-

мельском лесу: он поселился с учеником своим Герасимом там, где прежде водрузил крест свой, и стал расчищать лес. Его стали тревожить не люди²³, а звери; но молитвой своей он смирил их, и медведи уступали ему свои берлоги. Когда собралось к нему несколько учеников, он поставил храм в честь положения ризы Богоматери во Влахерне. Иногда посещал он и Шилегонскую пустынь. На пути из одной пустыни в другую он имел обычай беседовать о спасении души со встречавшимися с ним, а останавливаясь в селениях, назидал простых людей словом спасительным. Если замечал, что кто-нибудь в поле трудится в праздник или в день воскресный, то строго обличал за то. Раз поселяне ослушались его – не перестали работать в праздник, и внезапно поднявшийся ветер разметал снопы их. Проведя долгую иноческую жизнь в посте, молитве и непрестанных трудах, старец перед кончиной приобщился Святых Тайн и мирно предал дух свой Господу 24 августа 1550 года²⁴.

На другом краю Русского севера, в стране Олонецкой, подвизался один из достойных

учеников преподобного Александра Свирского²⁵: в 9 верстах от места подвигов преподобного Александра жил в своей отчине дворянин Андрей Завалишин, охотник до звериной ловли. Однажды в самом разгаре охоты Андрей увидел оленя и бросился догонять его; охотник мчался с такой быстротой, что далеко оставил за собой товарищей охоты, и все-таки олень исчез из глаз его. Вдруг Завалишин увидел перед собой хижину и следы пустынного человека в таком диком месте, где, казалось, никогда не ступала нога человеческая. Он постучался у хижины, и перед ним явился труженик, изнуренный постом и подвигами, в ветхой одежде. Повесть подвижника о дикой своей жизни произвела на Андрея глубокое впечатление. Это было в 1493 году. Завалишин после того часто приходил к преподобному Александру (это был он) слушать наставления его и доставлял хлеб сподвижникам его. Из беседы с отшельником познав сладость пустынной жизни, Завалишин решил следовать примеру жизни его, оставил богатое имение свое и удалился в Валаамскую пустынь; здесь принял он иночество с именем

Адриана и провел несколько лет в подвигах общежития. Потом, по благословению преподобного Александра, избрал для пребывания своего уединенное место на полуострове, на берегу Ладожского озера. К нему собрались ученики и последователи. В пустыне построен был храм в честь святителя Николая. Однажды Адриан вблизи своей обители встретился с такими людьми, которые грозили не только существованию обители, но и жизни пустынников. В дремучем лесу острова Сала, напротив Адриановой пустыни, укрывался недобрый человек, Ондрус, с шайкой подобных себе, живший на счет пловцов Ладожского озера. Близкое соседство пустытника, начавшего собирать к себе других, тревожило атамана разбойников: он объявил, чтобы пустытники удалились с острова, иначе будет им худо. Скорбно было Адриану расстаться с пустынным местом, особенно потому, что великий наставник его благословил ему здесь жить. Он умолял разбойника предоставить это место мирным труженикам; не имея у себя денег, чтобы предложить им выкуп за место, Адриан обещал атаману ходатайствовать

за него перед Богом и советовал ему расстаться с худым промыслом. Разбойник смеялся над словами пустынника. Долго упрашивал Адриан разбойника с горькими слезами; наконец, атаман смягчился и сказал: «Живите». На каменистом мысу Ладожского озера, называемом поныне Сторожевским, тогда жил другой разбойник с шайкой и сторожил пловцов. Завидуя счастью Адрианова соседа, он старался захватить и истребить его. Случилось, что оба атамана, разъезжая по озеру с шайками для промысла, встретились, и между ними завязалась битва. Жильцы Сала были побеждены, и скованный предводитель их брошен в лодку врага своего. Несчастный знал, что ожидает его мучительная смерть; он вспомнил советы пустынника – горькое раскаяние проникло в душу его, и вот он видит перед собой преподобного Адриана. «По милосердию Господа, для Которого просил я у тебя пощады пустынному братству, ты свободен», – сказал явившийся и исчез; атаман увидел себя без оков, на берегу, и никого подле себя. Пораженный до глубины души, пришел он в обитель и нашел Адриана и сподвижни-

ков его в псалмопении. Атаман пал к ногам настоятеля и просил научить его путям спасения. Оставленный в обители, он здесь и кончил жизнь свою в тихом покаянии. И соперник его по ремеслу молитвами старца Адриана наконец пришел в себя. Почувствовав пагубу своей жизни, он на месте разбойничьего притона основал обитель молитвы и подвижался в ней с именем инока Киприана. Новой жизнью своей, благотворительной для многих, блаженный Киприан не только привел в забвение у современников прежние недобрые дела свои, но и заслужил уважение; а Господь, Благий и Милостивый, за подвиги истинного самоотречения, прославил почившего подвижника чудесами. Так благотворна была жизнь преподобного Адриана для глухого края. Основатель Адриановой Ондрусовой пустыни столько известен был по святости жизни, что он и преподобный Григорий Пельшемский приглашены были царем Иоанном в Москву – для принятия от святого крещения дочери царской Анны. Это было в августе 1549 года. Когда святой старец возвращался из Москвы в свою обитель и уже недалеко

был от нее, близ селения Обжи злые люди напали на него и убили; злодеи надеялись найти у него деньги и не нашли ничего. Братия долго ждали своего настоятеля и уже не знали после долгого ожидания, что о нем думать. Спустя два года в одну ночь, в сонном видении, является преподобный Адриан одному из старцев Ондрусовой пустыни, рассказывает ему о страдальческой кончине своей, указывает место, где злодеи скрыли тело его, и повелевает перенести его в обитель. На другой день, 17 мая, иноки обрели в болоте нетленное тело страстотерпца и предали его земле подле стены церкви святого Николая. Так вся жизнь преподобного Адриана была преимущественно борьбой против злых людей, и Господь увенчал его венцом мученика²⁶.

Еще два ученика того же великого наставника пустынножителей преподобного Александра, Геннадий и Никифор, подвизались на Важеозере. Первый из них, наследник богатого достояния, раздав все нищим, отправился к преподобному Александру, который тогда жил один на Свири: не хотелось дивному от-

шельнику нарушить своего уединения принятием кого-либо в свою келью; но усердные мольбы Геннадия заставили его расстаться с любимым уединением – Геннадий остался учеником и сподвижником Александра. Спустя несколько лет преподобный Александр благословил Геннадия искать себе уединения в другом месте: Геннадий поставил себе келью на Важеозере и здесь подвизался отшельнически, впоследствии дозволил он двум-трем ученикам поставить хижины подле своей кельи для безмолвной молитвы. Перед кончиной своей авва сказал ученикам: «На этом месте будет храм и киновия».

Блаженный Никифор пришел к преподобному Александру иноком в веригах, когда уже основан был монастырь Свирский; отец пустынножителей принял Никифора и потом с утешением смотрел на его подвиги в общежитии. В 1518 году он просил у великого аввы благословения поклониться Печерским угодникам Божиим. «Иди наперед повидайся с рабом Божиим Кириллом Новоезерским», – отвечал авва. Послушный ученик исполнил волю своего старца. Когда прибыл он на берег

Новоозера, то, утомленный трудом, заснул. Кирилл, окончив вечернее правило, поспешил переплыть на лодке озеро и разбудил странника. Изумленный путник просил благословения. Кирилл, поклонившись ему, сказал: «Ты благослови меня, ты послан преподобным игуменом и духовным братом Александром посетить меня, грешного». Никифор понял, кто говорит с ним. Восемь дней после того пробыл Никифор у преподобного Кирилла, наслаждаясь духовными беседами его. С восторгом радости возвратился он к своему авве и пересказал, что видел и слышал у преподобного Кирилла. «Теперь можешь идти в Киев, по твоему желанию», – сказал Александр. Окончив благочестивое странствование свое до Киева, преподобный Никифор, по благословию аввы, поселился на Важеозере, там, где прежде его подвизался преподобный Геннадий, вблизи села Сермакаса, где жили и почили родители преподобного Александра. Мало-помалу он собрал к себе любителей пустынной жизни, построил храм в честь преображения Господня и завел общежитие. Здесь подвизался он до кончины своей, после-

довавшей 9 февраля 1550 года²⁷.

Еще далее, на тундрах Севера, просиял святостью жизни преподобный Антоний Сийский. Сын богатых и благочестивых земледельцев Двинской волости, Андрей (мирское имя Антония), научившись грамоте и иконописанию, не имел охоты к трудам земледельческим; любимым занятием его были иконописание и молитва. По смерти родителей отправился он в Новгород и там пять лет служил у одного боярина и по совету его вступил в брак; но через год жена умерла, и он решил расстаться с суетой мира. Возвратясь в дом свой, он роздал свою часть нищим и в одной одежде отправился в Пахомиеву пустынь на реку Кену. На дороге заснув, видел он во сне: муж благолепный с крестом в руке говорил ему: «Возьми крест свой и не бойся вступить в подвиг» – и осенил его крестом. Проснувшись, провел он остальную ночь в молитве. Блаженный Пахомий²⁸, облекши его в иноческую одежду, держал его в своей келье. Это было в 1508 году. Антоний прежде всех являлся в храм на молитву; трудился в поварне, нося воду и готовя дрова; пищу принимал через

день и то не до сытости; память о смерти и Суде постоянно хранил в сердце. Удостоенный иерейства, один совершал он служение в храме (другого иеромонаха не было) и вместе с тем ходил на работы наравне с прочими; здоровье его было так крепко, что мог он трудиться за двоих.

По любви к пустынному уединению, с благословения игумена, оставил он Пахомиеву пустынь и с двумя братьями, Александром и Иоакимом, отправился на реку Шелексну; здесь избрано было место для пустынной жизни, поставлен небольшой храм святого Николая и несколько келий. Там подвижники прожили семь лет; потом, теснимые соседними жителями, ушли еще далее на север.

В глухом севере зверолов показал пустынникам место, удобное для пустынной жизни, – Михайлов остров, окруженный глубокими озерами и омываемый с одной стороны рекой Сией. Место было совершенно дикое – тундра и лес, озера и чащи «непролазные»; оленей, лисиц, медведей, волков множество, и только по временам звероловы заходили сюда, гоняясь за зверем, но еще никогда не

обитал здесь человек. Антоний поставил тут часовню и для себя с братией хижину. Это было в 1520 году, на 42-м году жизни Антониевой. Три года проведено здесь в крайней скудости и тяжелом труде! Антоний очищал лес и копал землю, чтобы сделать место сносным для жилья; братья начинали роптать на скудость; но неожиданно неизвестный христоролюбец доставил им хлеб, муку, масло и сверх того деньги на построение обители. Сборщик доходов Новгородского архиепископа Василий Бебр в уверенности, что у Антония много денег, вздумал добыть богатый доход для себя: он послал известных ему людей ограбить пустынников; но после сам же с раскаянием говорил Антонию, что хищникам представилось, будто обитель окружена стражей. С того времени начали посещать пустынь Антония богомольцы и доставлять ему средства к жизни.

Когда число учеников умножилось, двое старших из числа братии, Александр и Исаия, отправились в Москву испросить у великого князя Василия дозволение занять дикое место пустынной обителью и получить за это гра-

моту. Тогда они построили обширный деревянный храм Святой Троицы. Местный храмовый образ написан был самим Антонием и с молебным пением поставлен в иконостас. Однажды после утреннего пения оставили в храме незагашенную свечу: храм объят был пламенем, когда вся братия была на работе с Антонием; весь храм и вся утварь сгорели; осталась только Антониева икона Святой Троицы. Был построен новый храм и другой, теплый, при трапезе. По общей просьбе братии Антоний принял звание игумена, но продолжал быть примером любви к труду; он каждый день был в храме при каждом богослужении и потом в худой одежде то чистил лес, то трудился на пашне, то занимался иконной работой. Праздности не любил ни в себе, ни в других; о больных заботился с отеческой любовью; пища и одежда была у него для всех одинаковая; нетрезвость считал тяжким грехом. Старец внушал братии никогда не увлекаться гневом, жить в кротости, терпении и любви. От иконы Святой Троицы еще при жизни преподобного Антония получались исцеления.

Перед кончиной своей по просьбе учеников оставил он духовную грамоту. «Братия и отцы! – писал он. – Видите, постигла меня, грешного, старость – часто подвергаюсь болезни, которой и теперьотягчен. Все болезни мои говорят мне об одном – о смерти и о Страшном Суде. Сердце мое смущено от грозного исхода, и страх смерти напал на меня. Вы любовью своею понуждаете меня, грешного, написать, как вам жить после моей смерти. Господь Бог видит мои беззакония и в ваших глазах – мои грехи. Вы видели – не был я примером ни одной добродетели. Вы называли меня, грешного, отцом своим, пастырем и учителем; но я не пастырь и не учитель. Един есть пастырь Христос, неразумием своим я, грешный, разорял ваше богоугодное житие. Но не отчаиваюсь я в своем спасении, а надеюсь на милость Божию и на ваши молитвы. Бог говорит: “Не приидох призвати праведники, но грешники и на покаяние”. Святыми молитвами вашими по слову пророка возлагаю на Господа печаль мою: пусть творит со мною, что Ему угодно. Он хочет, чтобы все спаслись и пришли в уразумение истины.

Много бы нужно писать вам из Святого Писания. Но вы знаете, что я умею грамоте лишь отчасти; да и боюсь Владыки моего Христа, Который сказал, что прежде надо самому делать и потом учить. Поручаю монастырь свой и вас Богу и Пречистой Матери Его и преподобному Сергию, великому чудотворцу. Назначая вам, по вашей просьбе, строителя старца Кирилла; пусть с ним священники соборно решают монастырские дела в трапезе при всей братии. Если иные строптивные и своевольные не захотят жить по монастырскому чину, не станут повиноваться строителю и братии, выгоняйте их из монастыря в страх прочим; если же такой возвратится с раскаянием, то нужно принять его как своего, простить и считать не врагом, а братом... Прежде всего имейте страх Божий в душе, да вселится в вас Дух Святой и научит вас всякой истине. Живите общей жизнью, по духу и телу, в пище и одежде, по заповеди святых отцов. Строитель пусть довольствуется братской трапезой, не прибавляя себе ничего; то же – в одежде и обуви, разве по особенному усмотрению. Не держите хмельного в мона-

стыре и не принимайте от христоробивых. Женский пол отнюдь не должен ночевать в монастыре, и миряне не должны ночевать в келльях вместе с братьями. Поите и кормите бедных досыта; подавайте милостыню, чтобы не обеднело это святое место. Здоровые из братии для своего спасения не должны оставаться без работ. Не позволяйте ставить дворов вокруг монастыря; скотный двор пусть стоит за озером. Молю вас, храните это».

Передав управление обителю ученику своему Кириллу, преподобный Антоний мирно почил на 79-м году жизни своей 7 декабря 1556 года²⁹.

В то же время и на острове другого озера подвизался отшельник. Уроженец Валдайского уезда, постриженник Крынецкой обители преподобного Саввы (близ Пскова), преподобный Нил удалился сначала на реку Серемлю (тогда Ржевского, ныне Осташковского уезда). Здесь поставив хижину, довольствовал он тело свое только травами, а дух насыщал молитвой и богомыслием. Он не давал простора желаниям плоти и жил духом для Господа, потому и Господь был с ним. Раз хотели на-

пасть на него злые люди; он вышел к ним навстречу с иконой Богоматери, и они бежали. К нему приходили многие за наставлениями и с просьбой о молитве; жизнь его была полезна для многих. Но он считал себя не утвердившимся в добре, а известность имени его – опасною для души. Потому сильно желал он безмолвия. Однажды после молитвы задремал он и услышал голос: «Нил! Иди на озеро Селигер, там на острове Столбенском можешь спастись». Узнав от приходивших к нему, где и каков Столбенский остров, Нил в радости о готовом для него безмолвии поспешил исполнить веление свыше³⁰.

Столбенский остров на озере Селигер, заключая в себе около 8 десятин пространства, весь покрыт был дремучим лесом. От нынешнего города Осташкова, если плыть водой, он в 9 верстах. Преподобный Нил рад был такому тихому месту. На первый раз он выкопал здесь в горе пещеру и прожил в ней зиму (1528 г.). Потом поставил себе небольшую келью и часовню; для овощей возделывал он землю; а прежде того питался ягодами и травой. Отшельник утешался тем, что славил

Господа вместе с природой, не отвлекаясь людьми. Плоть не докучала ему. Духу была свобода славить Господа своего.

Раз пришли к отшельнику охотники до чуждого добра и требовали денег. «Чада! – сказал гостям своим преподобный Нил. – Все сокровище мое – в углу кельи». Там стояла у него икона Богоматери. Разбойники бросились искать денег и ослепли. В слезах раскаяния просили они прощения. Нил преподавал им наставление жить честно, не волноваться завистью слепой, помнить волю Божию: в поте лица твоего снеси хлеб твой; потом, сжалившись над ними, молитвой возвратил им зрение.

Иные были и добры к пустыннику. Рыбаки по временам присылали ему рыбу. И он не оставлял их без наставления. Раз послали они рыбу с одним товарищем своим; но преподобный Нил, увидев его издали, затворил окно, и тот принужден был воротиться назад. «Конечно, брат, ты совершил какой-нибудь грех, почему святой старец не принял тебя», – сказали ему товарищи. И тот сознался в нечистом плотском грехе. Они послали другого то-

варища – отшельник принял от него рыбу и благословил его. Святой старец охотно преподавал наставления желавшим спасения, причем иным говорил голосом строгости. Один, оскверненный плотским грехом, бесстыдно пришел к преподобному, но был обличен в грехе и с того времени стал жить в страхе Божиим. Опытного в духовной жизни пустынника посещали многие с пользой для себя.

В последнее время свое святой Нил жил в пещере, приготовив в ней гроб, и молитвой готовился к переселению в вечность. Известный о близкой кончине, он молил Господа удостоить его Причастия Святых Тайн перед смертью. Великий подвижник, столько возвысившийся в духовной жизни, считал нужным для себя причаститься Тела и Крови Христовых. По молитве угодника Божия желание его исполнилось. На остров прибыл посетить отшельника духовный отец его Сергей, игумен Никольского монастыря, что на Рожку; блаженный отец исповедался и причастился Святых Тайн; он просил игумена и еще посетить его. На другой день игумен пришел с братией и уже застал преподобного по-

чившим. Святой старец стоял, опершись на двух костылях: так нашли его. Он преставился 7 декабря 1554 года после 26-летнего уединенного пребывания на пустынном острове³¹.

Между тем как дивные пустынножители озаряли светом богоугодной жизни своей дикие пустыни и дубравы, один великий труженик в первопрестольной Москве учил народ благочестию, посвятив себя на многотрудный подвиг юродства Христа ради. Это был блаженный Василий. В ранней молодости оставил он дом родительский³², без крова и пристанища ходил по Москве, едва не нагой; зимой переносил такие морозы, от которых трескалась земля, а летом терпел зной на солнце; днем скитался по улицам, а на ночь ложился на паперти церковной и проводил время в молитве. Ни дружбы, ни знакомства не было у него ни с кем, для всех был он чужим: так лишал он себя всякого утешения земного! Только у одной бедной вдовы иногда преклонял он голову. Ум блаженного Василия постоянно бы занят молитвой и богомыслием. Во время малолетства царя Иоанна и страшных смут боярских жизнь Василия бы-

ла уроком людям развратным и утешала невинно страдавших от произвола диких страстей. Нелегко было праведнику смотреть на грехи людские. Любя людей, он плакал за них и слезами своими вел их к покаянию. Так, в 1547 году он горько плакал, молясь перед монастырской церковью Воздвижения Креста³³. На следующий день в Москве был страшный пожар, начавшийся с этого самого храма; оба города, старый и новый, сгорели; храмы, дома, дворец великого князя исчезли: «мед, как вода, разливалась», по слову летописца.

Внимательные к спасению своему замечали, что, когда Василий проходил мимо дома, в котором безумно веселились, пели песни и пьянствовали, он со слезами обнимал углы того дома. «Что это значит?» – спрашивали Василия. «Ангелы скорбные, – прерывая молчание, отвечал он, – стоят у этого дома и сокрушаются о грехах людских, а я со слезами упрашивал их молить Господа об обращении грешников». Блаженный возвышался до чудных состояний духовных. Его видели ходящим по морю, как посуху: видели люди

неверные и дивились; придя в Россию, они говорили: «Мы видели такого человека ходящим по морю»³⁴. Это были персидские купцы, спасенные Василием на море во время бури.

Митрополит Макарий, узнав о блаженном Василии, сообщил о нем царю, и оба славили Бога, воздвигшего в их время такого подвижника. Однажды царь Иоанн стоял в храме и думал, как украсить ему свой новый дворец на Воробьевых горах. После службы Василий зашел из храма к царю. «Где ты был, Василий? Я не видал тебя в храме». – «А я видел тебя, – отвечал Василий, – только ты был не во храме, а на Воробьевых горах. Всякое ныне житейское отложим попечение, поет нам Церковь». Царю вздумалось пригласить юродивого на свои именины. Подносили заздравную чашу. Юродивый три раза принимал ее и выливал за окошко. Иоанн прогневался, считая действия юродивого за пренебрежение к себе. «Не кипятись, Иванушка, – сказал юродивый, – надобно было заливать пожар в Новгороде, и он залит». Царь не был из числа доверчивых людей, послан был нарочный в Новгород, и оказалось, что блаженный сказал

правду.

Один богатый вельможа любил блаженно-го Василия, и Василий по временам бывал у него. Раз Василий пришел к нему в лютый мороз. Сострадательный боярин стал упрашивать его, чтобы по крайней мере в такое время защитил тело свое от мороза теплой одеждой. «Хочется тебе этого?» – сказал юродивый. «Искренним сердцем люблю тебя, брат, прими в знак любви моей», – говорил боярин. Блаженный с улыбкой сказал: «Пусть так, и я люблю тебя». Боярин с радостью надел на Василия богатую лисью шубу. Блаженный по обычаю побежал по улице. Недобрые люди, увидав юродивого в богатой шубе, вздумали обманом взять ее у него. Один лег на дороге, притворясь умершим; товарищи стали просить Василия подать что-нибудь на погребение бедняка. Отдавая шубу, Василий сказал: «Лукавнующие потребятся». Когда отошел он, обманщики нашли товарища мертвым.

В последние дни свои блаженный труженик лежал на одре, тяжело больной. Царь и царица Анастасия с детьми Иоанном и Феодором пришли к нему испросить молитв его за

них. Блаженный, находясь уже при смерти, сказал царевичу Феодору: «Все достояние прародителей твоих будет твоим, ты – наследник». И вслед за тем скончался. Это было 2 августа 1552 года. Из 88 лет жизни своей блаженный Василий провел в подвигах юродства 72 года. Царь с боярами нес одр его. Митрополит Макарий с собором духовным совершил погребение. Тело блаженного погребено было на кладбище Троицкой церкви на рву³⁵.

Исцеления от мощей блаженного Василия начались с 1588 года. Из множества чудес, совершенных Василием в загробной жизни, заметим одно, весьма замечательное. Черноризец Герасим двенадцать лет был без ног и питался милостыней у Спасских ворот. «Сколько лет ты ползаешь на коленях?» – спросил явившийся ему Василий. «Двенадцать лет, и все, что имел, роздал врачам, но без пользы», – отвечал старец. «Для чего же ты, – сказал ему Василий, – не веришь святым, от которых можно получать исцеление без всякой платы? Веруешь ли, что Бог может исцелить тебя?» – «Верую, Господи, – сказал бедняк, – верую, – прибавил он, – что твоими молитвами

помилует меня Бог». – «Хорошо, – сказал явившийся, – ступай же к гробу юродивого». Герасим пошел и совершенно выздоровел.

Преблаженный Василий! С юности заботился ты стать в день Суда без страха и боязни и, смело отвергнув все удовольствия телесные, последовал за Христом; собирал богатство духовное трудами и терпением, со свечою, всегда горящую. Как истинный и непобедимый страдалец, явился ты с чистотою душевною и телесною, для Христа изнунив тело всякою нуждою. Потому и получил от Него дар исцелений. И ныне, блаженный Василий, моли о нас, славящих твое усение³⁶.

Примечания

1 Мощи святого митрополита Иоасафа почивают под спудом в южном притворе Троицкого собора Лавры, в Серапионовской палатке, прямо против входа. Память его празднуется в день преставления.

2 Замечания святителя Иоасафа помещены особой главой в книге так называемого Стоглавника.

3 «Историческое описание Лавры», с. 157. –

В патриаршей (Синодальной) ризнице хранится алтабасный саккос святого митрополита Иоасафа.

4 При печатании Апостола не пользовались греческим текстом, а потому не могли выбрать лучшего списка. Издатели называют текст Нового Завета текстом 70 толковников.

5 «Древняя Вивлиофика» XIX, стр. 227. «Царственная книга». Исторические Акты, I, № 150, 160.

6 «Описание Румянцевского музея» Востокова, с. 626. Дополнения к историческим актам. I, № 38. Последнее послание – памятник апостольских трудов Макария, еще архиепископа Новгородского, для распространения света Христова между оставшимися язычниками. Мы упоминали об этих трудах в VI главе III части «Рассказов».

7 Исторические Акты. I, № 172.

8 Святитель Макарий заботился о составлении житий и служб русским святым, память которых установлено праздновать на Соборе 1547 года (имена их исчислены нами в предыдущей главе). Из биографов и песнопевцев того времени известны: Михаил Тучков,

боярин, в иночестве Илья; блаженный Иродион, ученик преподобного Александра Свирского; Хутынский игумен Маркелл, Владимирский инок Михаил, Псковский священник Василий и другие. Сочинения Василия отличаются от всех прочих скудостью смысла и обилием басней.

9 «Писал есми, – говорил сам Макарий, – сия книга в Новгороде, как есми там был архиепископом, а писал есми и собирал и во едином месте их совокуплял дванадесет лет, многим имением и многими различными писари, не щадя серебра и всяких почестей, наипаче же многие труды и подвиги подъях от исправления иностранных и древних пословиц, переводя на русскую речь... иная же и доднесь в них не исправлена пребысть и сия оставихом по нас могущим с Божьею помощю исправити». Князь М.А. Оболенский отыскал книгу Великих Миней за август, с собственноручными поправками Макария («Москвитянин», 1850, т. V). Видно, что Великие Минеи окончены уже в Москве. Полный экземпляр, отданный святителем в Московский Успенский собор, хранится в Синодаль-

ной библиотеке. Сверх того там же и в других библиотеках находятся экземпляры неполные.

10 Известна грамота митрополита Макария с благословением на общежитие – у Востокова в «Описании Румянцевского музея», с. 780.

11 Митрополит Макарий погребен в Московском Успенском соборе, у северной стены. Современники глубоко чтили память святого, как мужа богоугодного. В «Книге о российских святых» имя его поставлено между святыми с прозванием «чудного» (чудотворца). В сборнике Румянцевского музея, скоропись XVII в., в № 364 помещено сказание о жизни «иже во святых отца нашего чудного Макария митрополита» (л. 319) и «Сказание о явлении преподобного отца Александра Свирского и с ним во святых чудного отца Макария митрополита» (л. 322).

12 Селижаров Троицкий монастырь Тверской епархии находится в Осташковом уезде, при впадении речки Селижаровки в Волгу. Время основания его неизвестно.

13 Святой Герман, в крещении Григорий,

был из знаменитой фамилии Полевых, происходившей от князей Смоленских. В ранней юности постригся он в обители Иосифовой, где отличался строгой жизнью родной дядя его Нил (в мире Никифор Васильевич Полев), там пользовался он наставлениями богомудрого страдальца Максима Грека и добродетельного игумена святого Гурия Руготина, для которых трудился в списывании книг. Назначенный на игуменство в Старицкий монастырь, блаженный Герман настоятельствова только два года и удалился на апостольские подвиги в Казань с наставником святым Гурием.

14 В Казани пострадали за веру Христову: в 1529 году – русский пленник Иоанн, а в 1552 году – Стефан и Петр, уроженцы Казанские, обратившиеся из магометанства в Свияжске.

15 Доныне жители Казани, начиная учить детей своих грамоте, испрашивают благословения святого Гурия при раке мощей его. Так памятна в том крае любовь святителя к делу образования детей!

16 Еще цел там устав, данный «в общий монастырь Спаса многогрешным чернецом,

архимандритом Варсонофием, что был игумен на Песноше; а писан устав с Песношского».

17 Мощи святого Варсонофия погребены в храме обители его, подле мощей святого Гурия. В 1596 году, при построении каменного Преображенского храма на месте деревянного, обретыны гробы обоих святителей. «Вся рака святого Гурия, – говорит очевидец (святитель Гермоген), – наполнена была благоуханным миром, и мощи плавали; святое тело было нетленно; только верхней губы несколько коснулось тление. Сам я, недостойный, грешною моею рукою коснулся святого тела и чувствовал, как оно плавало; осязал и погребальные ризы – и они были целы; прикасался к мантии и сильно тянул ее, но она была крепче новой». Мощи святителя Гурия почивают открыто в Казанском Благовещенском соборе, а святого Варсонофия – в Преображенском монастыре.

18 Блаженный Левкий был основателем Успенской пустыни на реке Рузе, в Волоколамском езде. Мощи его почивают под спудом в Успенской церкви, ныне приходской.

19 Предсказание прозорливого старца сбылось: архимандрит претерпел тяжкие скорби и истязания, протопресвитер лишился любимого сына, а митрополит – первосвятительского престола.

20 Кто был святой Андрей и когда жил? По повествованию о нем, после смерти его нашли записку: «Аз есмь Андрей, един из Смоленских князей», нашли также золотую цепь и перстень, которые потом взял себе Иоанн Васильевич и за то дал ругу для святителя Николая. По преданию, князь удалился из родной стороны по крамолам; в Переяславле жил он, как никем не знаемый бедняк и исправлял должность пономаря при церкви святого Николая; терпел всякую нужду, но был усердным молитвенником храма, вел жизнь чистую и строгую. Так провел он 30 лет. Таковы данные о жизни того, кто не хотел быть знаем во время земной жизни своей! По догадке преосвященного Филарета Черниговского, он был сын князя Феодора Фоминского Слепого и скончался около 1390 года («Русские Святые», октябрь, с. 90). Позднее при этой церкви был монастырь Князь-Андреевский; теперь она

приходская. Здесь почивают под спудом мощи святого князя Андрея, Переяславского чудотворца.

21 Мощи преподобного Даниила обретенны и освидетельствованы 30 декабря 1653 года. Они почивают открыто в сооруженном им соборном Троицком храме обители его, на северной стороне, под аркой, соединяющей собор с придельной церковью преподобного Даниила. Великолепная рака устроена в 1816 году.

22 Мощи преподобного Герасима почивают под спудом в соборной церкви Троицкого Болдина монастыря, в 15 верстах от города Дорогобужа.

23 От злых людей отшельник был огражден грамотой великого князя Василия Иоанновича. Этой грамотой строго запрещалось всем «около пустыни старца Арсения Сухоруова, в Комельском лесу на реке Кохтыже» рубить дрова, ставить новое поселение, гоняться за зверями и обращать в свое владение землю или лес.

24 Тело подвижника Божия положено было близ алтаря построенного им храма. Впо-

следствии мощи его ознаменовались многими исцелениями. Спустя сто лет после его кончины сооружен был в обители каменный храм с приделом в честь преподобного Арсения, где под спудом почивают мощи его. Там же сохраняется Евангелие, писанное им в 1506 году, еще в лавре Сергиевой, с надписью: «писал многогрешный чернец Арсеньишко Сухарусов». В послесловии этого Евангелия сказано: «Аще будет, по грехом, опись, в ведении или неведении, исправите Бога ради, за не многи пословицы приходили Новгородския; аз, окаянный, скуден умом, рассудити на се груб и невеглас, тесен разумом». Монастырь Арсениев существует, но другая, Шилегонская его пустынь, бывшая в 40 верстах от Вологды, упразднена, церковь ее обращена в приходскую села, доньне называемого Арсеньево.

25 Житие преподобного Александра Свирского помещено в третьей части наших «Рассказов» (глава V). Здесь упомянуто и о преподобных Важеозерских.

26 Император Александр I, осматривая в 1819 году Олонецкую губернию, пожелал по-

клониться преподобномученику Адриану, взял в проводники крестьянина и без свиты отправился к гробу пустынника. Здесь долго молился он со слезами и потом прислал сосуды и книги для храма. В 1828 году мощи преподобного Адриана перенесены в новый каменный храм.

27 Мощи преподобных Геннадия и Никифора почивают под спудом в пещере, близ церкви бывшего их монастыря, ныне приписанной к Свирской обители по упразднении Задне-Никифоровской пустыни в 1764 году. Над гробницами их поставлена часовня.

28 Блаженный Пахомий был основателем Кянской, или Кенской, пустыни в Онежском уезде, на реке Кене. В церкви этой пустыни, давно уже упраздненной, почивают под спудом мощи его. В рукописных святцах помещено имя его в числе святых, но время кончины не показано. По житию преподобного Антония можно полагать, что Пахомий скончался около 1520 года.

29 Память преподобному Антонию установлено праздновать в 1579 году. Мощи его, прославленные многими чудотворениями,

почивают под спудом в соборном храме основанного им Троицкого Сийского монастыря, в 92 верстах от Холмогор, на полуострове Михайловского озера, из которого вытекает речка Сия, впадающая в Двину. В обители сохранились доныне: чудотворная икона Пресвятой Троицы, фелонь и посох преподобного Антония и писанное им Евангелие.

30 Доныне часовня и келля, окруженные группой вековых сосен, остаются памятником пребывания преподобного Нила на реке Серемле, где прожил он 12 лет.

31 Спустя несколько лет по преставлении преподобного Нила двое иноков, желавших подражать его пустынножительству, поселились около запустелой его кельи. В 1594 году была поставлена здесь первая деревянная церковь и основана общежительная Нилова пустынь. Мощи преподобного Нила обретенны 27 мая 1667 года и почивают открыто в соборном храме обители, в великолепной раке. Здесь же находится чудотворная икона Богоматери, называемая Селигерской, принесенная на остров преподобным Нилом, и схима, в которой он был погребен. В день обретения

мощей преподобного Нила мощи его обносятся вокруг обители.

32 Родиной блаженного Василия было подмосковное село Елохово, вошедшее впоследствии в состав города.

33 На улице Воздвиженке. Теперь здесь приходская церковь.

34 Песнь 6-я канона на 2 августа, в Минеи Московской печати 1646 г.

35 Мощи блаженного Василия почивают под спудом в Покровском соборе, воздвигнутом царем Иоанном Грозным в память покорения Казани. На гробнице его висят тяжелые вериги.

36 Стихира и тропарь блаженного Василия из той же Минеи.

Глава III

Вторая половина царствования Иоанна IV. Последние дни святого Германа Казанского. Священномученик митрополит Филипп. Разгром Новгорода; преподобный Арсений-затворник и праведник Никола Салос. Преподобномученик Корнилий Псково-Печерский. Прославление мощей святого Никиты Новгородского и чудо в Нарве. Явление

Богородичной иконы в Казани. Заступление Богоматери во время достославной осады Пскова. Антоний Поссевин и происки папизма. Сыноубийство. Смерть Грозного царя

Страшно следить за состоянием души человеческой, когда она, предавшись вполне влечению страстей и похотей, ничем не сдерживаемых, никогда не укрощаемых, не внимая ни голосу совести, ни прещениям слова Божия, направляется к гибели путем беззаконий! Трудно и медленно поднимается человек на высоту по узкому пути добродетелей, под игом Христовым и бременем креста (хотя при всеильной помощи Господа-Спасителя это иго делается благом и это бремя легким). Но как быстро, без усилий и напряжений, подобно безжизненному телу, увлекаемому своей собственной тяжестью, стремятся в бездну те несчастные, которые пошли широким путем пагубы! Поразительный пример такого внезапного, бедственного, приводящего в ужас падения представляет нам личность царя Иоанна Васильевича, которого наши летописцы прозвали Грозным, а современни-

ки-иностранцы – Мучителем.

Иоанн родился с пылким сердцем, с воображением сильным, с умом более острым, нежели твердым или основательным. Худое воспитание, испортив в нем естественные склонности, оставило ему способ к исправлению в одной вере: ибо самые дерзкие развратители царей не дерзали тогда касаться сего святого чувства. Друзья отечества и блага в обстоятельствах чрезвычайных умели ее спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; исхитили юношу из сетей неги и с помощью набожной, кроткой Анастасии увлекли на путь добродетели. Несчастные следствия Иоанновой болезни расстроили этот прекрасный союз, ослабили власть дружества, приготовили перемену. Царь перестал чувствовать потребность в руководстве, обнаруживал холодность к Адашеву и Сильвестру, помня, что они благоприятствовали князю Владимиру во время болезни царской. Скоро не стало их при дворе Иоанна¹; враги прежних любимцев восторжествовали и заочно оклеветали их перед государем: уверили его, что Сильвестр и Адашев извели царицу ядом

или чародейством. Нашлись новые любимцы, которые умели угодить Иоанну пирами и разворотом. Новый брак с злонравной черкешенкой² еще более развил в сердце его подозрительность и злобу на бояр, которых почитал он изменниками; полилась кровь ручьями; появились пытки и казни неслыханные. В порыве непонятого иступления Грозный царь разделил всю державу Русскую на две части: одну назвал своей собственной, или «опричниной», в которую включил многие города и участки самой столицы под личным управлением; другую, с именем «земщины», поручил боярам, жертвуя ею во всех случаях своей опричнине. Он окружил себя ватагой буйных людей, объезжал города и села, предавая их огню, мечу и насилию, так что страшные опричники прослыли кромешниками в народе, как будто они исторглись из тьмы кромешной. Избегая столицы, в Александровской слободе³ устроил он себе келльи, палаты с Крестовой великолепной церковью и обнес их оградой наподобие обители; там в мантии иноческой (которою, как бы в поругание, облек и свою кровожадную братию) ревностно

исполнял он весь устав церковный, чтобы заглушить совесть, молясь и карая, из храма выходя на пытки: странная игра человеческого сердца! Благочестивые навыки детства, всосанные с молоком кормилицы, набожность внешняя, обратившаяся ему в природу, без отчета и отголоска в сердце, пробивались всюду сквозь жесткую, грубую оболочку страстей, которая сделалась второй природой Иоанна.

От мрачной подозрительности и лютости Грозного царя страдала не только держава Русская, но и Церковь.

Преемник приснопамятного митрополита Макария, кроткий, но слабый духом и телом Афанасий⁴, не мог вынести страшного зрелища казней и жестокостей и оставил кафедру. Иоанн, как будто бы заботясь о благе Церкви, пожелал видеть первосвятителем святого Германа, архипастыря Казанского; но когда нареченный митрополит пред поставлением на кафедру Московскую и вся Русь осмелился говорить царю о Страшном Суде Божиим, перед которым должны отдать отчет все подданные и цари и перед которым страшно бу-

дет презрителям Закона Божия, кто бы они ни были, – Иоанн с бесчестием изгнал праведника из митрополичьего дома⁵.

Тогда выбор царский, конечно не без воли Божией, пал на пустынного подвижника, настоятеля обители Соловецкой, известного Иоанну еще в детском его возрасте и некогда им любимого. Это был игумен Филипп, из боярского рода Колычевых. Он принадлежал к семейству знатному по заслугам предков и искренне благочестивому. Боярин Степан Иванович был любим великим князем Василием как доблестный и заслуженный воевода; жена его, Варвара, была набожна и сострадательна к бедным. Сын их Феодор (мирское имя Филиппа) получил лучшее воспитание в духе того времени: он учился грамоте по церковным книгам, приобрел и сохранил до конца жизни любовь к душеполезному чтению⁶. Великий князь Василий взял Феодора Колычева ко двору, и юный Иоанн полюбил его. Но в малолетство Иоанна жизнь при дворе была вдвойне опасна: опасна для жизни от крамол боярских, опасна и для сердца от разврата. Горькая судьба, постигшая родственников Фе-

одора⁷, не могла не подействовать на его сердце: юноша живо почувствовал греховность и пустоту светской жизни. В один воскресный день (5 июня 1537 года) случилось ему во время литургии слышать слово Спасителя: «Никтоже может двема господинома работати». Божественные слова так поразили его, что он решился навсегда расстаться с миром. Это было на 30-м году жизни.

Феодор тайно, в одежде простолюдина, удалился из Москвы и близ озера Онеги в деревне Хижах пробыл несколько времени в занятиях поселянина, чтоб остаться незамеченным в случае поиска; потом явился в Соловецкую обитель, не знаемый никем, и принял на себя суровые работы: сын знаменитых и славных родителей рубил дрова, копал в огороде землю, работал на мельнице и на рыбной ловле. Испытанный в течение полутора лет, Феодор Колычев пострижен по желанию своему в монашество с именем Филиппа и отдан под надзор опытному старцу Ионе Шамину, собеседнику преподобного Александра Свирского. Игумен Алексей послал нового инока в монастырскую кузницу, и Филипп ко-

лотил железо тяжелым молотом; потом заставили его работать в хлебне. Везде Филипп оказывался лучшим послушником; несмотря на тяжелую работу, он никогда не оставлял церковной молитвы – первым являлся в храм и последним выходил из него. После девятилетних подвигов смиренный послушник, по единодушному желанию всей братии, был посвящен в сан игумена (в 1548 году) и много потрудился для обители преподобного Зосимы и Савватия⁸.

Таков был новый избранник, вызванный в Москву на престол митрополии! Первый взгляд на царя должен был произвести тяжелое впечатление на благочестивого игумена: беспокойный, раздражительный вид, злоеущий огонь некогда ясных очей, внезапная, ранняя потеря волос должны были высказать опытному старцу всю несчастную повесть души царевой, пожираемой страстями. Царь надеялся, что найдет в Филиппе советника, который ничего не имеет общего с мятежным, по мнению Иоанна, боярством, как удаленный от него сначала образом мыслей и правилами воспитания, потом монашеством на

острове Белого моря. Самая святость Филиппа должна была служить укором для бояр – в глазах царя недостойных и нечестивых. Иоанну казалось, что если он вручит подобному человеку жезл первосвятительский, то угодит Богу ревностью к благу Церкви и себе доставит надежного молитвенного и духовного утешителя. Притом он мог надеяться, что смиренный отшельник не станет вмешиваться в дела правления, а, сияя добродетелью, будет и царя освещать ею в глазах народа. Он принял Соловецкого игумена с честью, говорил и обедал с ним дружески; наконец объявил, что желает видеть его на кафедре митрополита. Филипп долго не соглашался принять высокий сан. «Не могу, – говорил он со слезами, – принять на себя дело, превышающее силы мои: отпусти меня Господа ради; зачем малой ладье поручать тяжесть великую?» Царь настаивал на своем. Филипп объявил наконец, что исполнит волю царя, но с тем, чтобы уничтожена была опричнина, от которой страдает держава Русская. Иоанн отвечал, что опричнина нужна для царя и для царства, что против него все умышляют. Свя-

тители уговорили Филиппа согласиться на волю гневного царя: «Не вступаться в дела двора и опричнины, после поставления не удаляться с митрополии за то, что царь не уничтожил опричнины, но советоваться с царем, как советовались прежние митрополиты». Таким образом святой Филипп оставил за своей совестью свободу и долг печаловаться за невинно гонимых и говорить о правде евангельской⁹. В первое за тем время дела шли спокойно. Развратная опричнина притихла, опасаясь пустынного святителя. Царь осыпал его ласками и вниманием уважительным. Москва радовалась, увидев тишину с появлением нового митрополита.

В последней половине 1567 года снова поднялись дела опричнины: доносы, клеветы, убийства, грабежи; особенно по возвращении из безуспешного похода литовского царь был в сильном раздражении, и этим пользовались злодеи. Над стонами невинных смеялись они и предавались гнусным делам. Уже многие знатнейшие бояре сложили головы, кто в Москве, кто по городам; одни в истязаниях, другие под ударами топора на плахе,

некоторые пали от собственной руки Иоанна. Уже не только вельможи мнимо опасные, но и мирные безвестные граждане, страшась наглости кромешников, были в отчаянии, заперались в домах, и Москва как будто замерла от ужаса; опустели площади и улицы столицы. Среди страшного безмолвия несчастные ожидали только, не раздастся ли за них единственный спасительный голос – голос Филиппа... Между тем митрополит убеждал владыку Новгородского Пимена и других епископов стать за правду перед лицом гневного государя. Но уже не было в живых святого Германа Казанского, «непобедимого о Бозе ревнителя», а прочие трепетали от малодушия. Тогда ревностный первосвятитель не устранился и один, без помощников, вступил в подвиг: он отправился увещевать Иоанна в Александровскую слободу – эту берлогу разврата и злодейств. «Державный царь! – говорил он наедине Иоанну. – Облеченный саном самым высоким, ты должен более всех чтить Бога, от Которого принял державу и венец; ты – образ Божий, но вместе и прах. Властелин тот, кто владеет собой, не служит низким

похотям и не волнует в самозабвении собственную державу». Иоанн закипел гневом и сказал: «Что тебе, чернецу, до наших царских дел?» Святитель отвечал: «По благодати Святого Духа, по избранию Священного Собора и по вашему изволению, я – пастырь Христовой Церкви. Мы с тобою должны заботиться о благочестии и покое православного христианского царства». – «Молчи», – сказал Иоанн. «Молчание неуместно теперь, – продолжал святитель, – оно размножило бы грехи и пагубу. Если будем выполнять произволы человеческие – какой ответ дадим в день Пришествия Христова? Господь сказал: “Да любите друг друга: больше сея любви никто же иметь, да кто душу свою положит за други своя. Аще в любви Моей пребудете, воистину ученицы Мои будете”». Твердый начетчик книжный, Иоанн отвечал словами Давида: «Искреннии мои прямо мне приближишася и сташа, и ближнии мои отдалече мене сташа, и нуждахуся ищущии душу мою, ищущии злая мне». – «Государь! – сказал святитель. – Надобно различать добрых людей от худых: одни берегут общую пользу, а другие говорят

тебе неправду по своим видам: грешно не обуздывать людей вредных, пагубных тебе и царству; пусть водворится любовь на месте разделения и вражды». – «Филипп! – сказал Иоанн. – Не прекословь державе нашей, чтобы не постиг тебя гнев мой, или оставь митрополию». – «Я не посылал, – отвечал святитель, – ни просьб, ни ходатаев и не наполнял ничьих рук деньгами, чтобы получить сан святительский. Ты лишил меня пустыни моей. Твори, как хочешь».

С того времени опричники стали настойчиво вооружать царя против митрополита. Царь возвратился в Москву, и казни возобновились. К святителю приходили вельможные и простые и со слезами умоляли его о защите. Святитель утешал несчастных словами Евангелия. «Дети! – говорил он. – Господь милостив! Он не посылает искушений более, чем можем понести; надобно быть и соблазнам, но горе тому, кем соблазн приходит. Все это случилось с нами по грехам нашим, для исправления нашего; да и счастье обещано нам не на земле, а на небе».

В крестопоклонное воскресенье (2 марта

1568 года) царь пришел в храм соборный. Он и опричники были в черных одеждах, с высокими шлыками на головах и с обнаженными оружиями. Иоанн подошел к митрополиту, стоявшему на своем месте, и ждал благословения. Святитель безмолвно смотрел на образ Спасителя. Опричники сказали: «Владыко! Государь перед тобою, благослови его». Филипп, взглянув на Иоанна, сказал: «Государь! Кому поревновал ты, приняв на себя такой вид и исказив благолепие твоего сана! Ни в одежде, ни в делах не видно царя. У татар и язычников есть закон и правда, а на Руси нет правды; в целом свете уважают милосердие, а на Руси нет сострадания даже для невинных и правых. Убойся, государь, суда Божия. Сколько невинных людей страдает! Мы здесь приносим жертву бескровную Богу, а за алтарем льется невинная кровь христианская! Грабежи и убийства совершаются именем царя». Иоанн распалился гневом и сказал: «Филипп! Ужели думаешь переменить нашу волю? Не лучше ли быть тебе одних с нами мыслей!» – «К чему же вера наша? – отвечал святитель. – Не жалею я тех, которые пострадали невин-

но: они мученики Божии; но скорблю за твою душу». Иоанн пришел в неистовство и грозил казнями: «Нам ли противишься ты? Увидим твердость твою!» – «Я пришлец на земле, как и все отцы мои, – тихо отвечал святитель, – готов страдать за истину». Вне себя от ярости Иоанн вышел из храма. Перед собором епископов явился чтец с гнусной клеветой на святителя. Новгородский владыка Пимен, унижавшийся перед царем, сказал вслух: «Митрополит царя обличает, а сам делает гнусности». Тогда исповедник правды сказал Пимену: «Любезный! Человекоугодничеством домогаешься ты получить чужой престол, но лишишься и своего». Чтец тогда же со слезами сознался, что его заставили угрозами говорить клевету. Святитель, простив чтеца, предал себя в волю Божию. «Вижу, – говорил он духовным сановникам, – что хотят моей гибели, и за что же? За то, что никому не льстил я, не давал никому подарков, не угощал никого пирами. Но что бы ни было, не перестану говорить правду – не хочу носить бесполезно сан святительский».

Такую же смелость обличения показал свя-

титель и во время крестного хода (28 июля), куда Иоанн явился с опричниками в полном их наряде. В то время, когда пришел царь, святитель хотел читать Евангелие и, преподавая мир всем, увидел опричника в тафье. «Державный царь! – сказал святитель. – Добрые христиане слушают Слово Божие с непокрытыми главами; с чего же эти люди вздумали следовать магометанскому закону – стоять в тафьях?» – «Кто это такой?» – спросил царь. Но виновный спрятал тафью, а товарищи его сказали, что митрополит лжет и восстает на царя. Иоанн вышел из себя, грубо ругал святителя, называл его лжецом, мятежником, злодеем, клялся, что уличит его в преступлениях.

Стали искать лжесвидетелей против святителя в Соловецком монастыре, но там все называли Филиппа праведным и святым; наконец игумен Паисий, которому обещали сан епископа, монах Зосима и с ним еще некоторые, недовольные строгостью Филиппа еще во время его игуменства, согласились быть клеветниками против святителя. Составили донос. В Москве Паисий в присутствии царя и

духовенства со всей наглостью обвинил Филиппа. Святитель кротко сказал Паисию: «Что сеешь, то и пожнешь». И, обратясь к царю, говорил: «Государь! Не думаешь ли ты, что боюсь я смерти? Достигнув старости, готов я предать дух мой Всевышнему, моему и твоему Владыке. Лучше умереть невинным мучеником, чем в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония. Оставляю жезл и мантию митрополичьи. А вы все, святители и служители алтаря, пасите верно стадо Христово; готовьтесь дать отчет и страшитесь Небесного Царя более, чем земного». Святитель снял с себя белый клобук и мантию. Но царь остановил его, сказав, что ему должно ждать суда над собой, заставил взять назад утварь святительскую и еще служить литургию 8 ноября. При начале литургии ворвался в соборный храм один из гнусных любимцев царских, Басманов, и вслух при народе прочел осуждение Филиппу. Опричники бросились в алтарь, сорвали со святителя облачение, одели в рубище, вытолкали из храма, посадили на дровни и повезли в Богоявленский монастырь, осыпая его бранью и побоями.

Толпы народа со слезами провожали святителя, а он спокойно благословлял народ. Перед воротами обители он сказал народу:

«Дети! Все, что мог, сделал я, если бы не из любви к вам, и одного дня не оставался бы я на кафедре... Уповайте на Бога, терпите». Несколько дней страдал неустрашимый исповедник правды – в смрадной келлье, окованный цепями, с тяжелой колодкой на шее, лишенный хлеба. Сюда Иоанн прислал ему голову любимого его племянника и велел сказать ему: «Вот твой любимый сродник, не помогли ему твои чары». Святитель встал, благословил и поцеловал голову и велел возвратить царю кровавый подарок. Наконец Иоанн сослал Филиппа в заточение в Тверской Отроч монастырь.

Прошло около года, как святой Филипп томился в заточении. В декабре 1569 года двинулся царь со своей дружиной карать Новгород и Псков за мнимую измену. Тогда по воле Иоанна Малюта Скуратов¹⁰ явился в келлью Филиппа и с видом смирения сказал: «Владыко святой! Преподай благословение царю на путь в Новгород». Святитель знал, зачем

явился Малюта. Еще за три дня до того сказал он бывшим при нем: «Вот приблизился конец моего подвига» – и причастился Святых Тайн. Злодею отвечал он: «Делай, что хочешь, но дара Божия не получают обманом». Сказав это, он стал на молитву и просил Господа, да примет дух его с миром. Малюта задушил святителя подушкой и сказал настоятелю, что бывший митрополит умер от угара. Это было 23 декабря 1569 года. Так окончил земную жизнь свою великий святитель, положивший жизнь за стадо свое! Многими богоугодными, великими иерархами просияла Церковь Русская, но в числе их один только мученик за правду и человеколюбие: слава его нетленна, как нетленны самые останки его¹¹.

Святой Филипп, митрополит Московский (из иконостаса Костромского Ипатьевского монастыря)

Восхвалим Филиппа премудрого, наставника православия, провозвестника истины, ревнителя Златоустого, светильника Русской земли. Вооружив себя броней духовного мужества, ты бестрепетно обличил не послу-

шавших тебя; властью, от Бога единого данною, ты совершил свое течение и соблюл веру, блаженный святитель, увенчанный светлым венцом правды! Тобою украсил Бог храм Матери Своей и нетленное тело твое, в изгнании пострадавшее, много лет в земле сокровенное, возвратил престолу твоему, к радостию и веселию паствы твоей¹².

Между тем царь прибыл в Новгород, где верный народ и не думал сопротивляться воле его. Начались страшные истязания под предлогом мнимой измены, неслыханные свирепства; начался «разгром» или, как называет современный летописец – «неисповедимое колебание, падение, кровопролитие Великого Новгорода»¹³. Но и здесь нашелся смелый обличитель неправды и злодейства – преподобный Арсений-затворник¹⁴. Царь пощадил обитель Арсения, несколько раз посещал его и без гнева выслушивал обличения праведника, который один дерзал был заступником несчастного города, отказывал царю в благословении и не принял от него богатых даров. Во все продолжение разгрома Арсений не выходил из кельи, неусыпно, но – увы! –

неуслышанный, молясь о смягчении царской ярости. Утомившись казнями и собираясь во Псков, Грозный царь пришел к затворнику – принять благословение и звать его с собой. «Насытился ли кровию, зверь кровожадный? – сказал ему праведник. – Кто может благословить тебя, кто может молить Бога о мучителе, облитом кровию христианскою? Много душ неповинных послал ты в Царство Небесное, асам не узришь его. И еще замышляешь новое кровопролитие». Царь уверял, что никому не сделает зла во Пскове, если не найдет там измены. «И ты сам, отче, будешь свидетель тому», – прибавил он. «Пусть будет по слову твоему, – отвечал преподобный Арсений. – Завтра готов я в путь с тобой и неотступен буду от тебя во Пскове. Но знай, что не на радость тебе будет, когда помыслишь злое, и ярость кровожадная возгорится в тебе. Тогда вспомнишь слова мои: страх и трепет обымут тебя, и сотрясутся от ужаса все кости твои». Наутро дверь в келье Арсения оказалась запертою изнутри, и сколько ни стучались, старец не подал голоса. Разломали дверь и увидели старца на коленях, с согну-

тыми на груди руками и наклоненной головою. Он как будто продолжал молиться, но праведная душа его отлетела уже в селения небесные¹⁵.

Для совести, отягченной кровью, тяжело было зрелище мирной кончины праведника! Во всю дорогу Грозный был мрачен и задумчив. На последнем ночлеге в селе Любятове, близ Пскова, царь с ужасом выбежал из избы, между тем как в городе, трепетавшем от ужаса, раздался благовест к воскресной утрене. «Теперь во Пскове все трепещут, но напрасно; я не сотворю им зла», – сказал царь спокойным голосом. «Притупите меч о камень. Да престанут убийства». Чем объяснить внезапный ужас Иоанна, внезапный переход от свирепства к кротости? Царь твердо помнил последние слова затворника Арсения и был уверен, что усопший праведник невидимо сопутствует ему во Псков. При мрачном и подозрительном характере, при расстроенном воображении, при помраченной злодеяниями совести Грозного не страшно ли было ему иметь при себе такого неотступного обличителя?

На следующее утро, 20 февраля, во второе воскресенье Великого Поста, улицы Пскова представляли необыкновенное зрелище. По всем улицам до Кремля, против всех домов и ворот были расставлены столы с разными постными кушаньями; жители в праздничном платье стояли перед столами. Все они были в страхе, как приговоренные к смерти; многие дрожали, иные плакали. Один только человек в длинной рубашке, подпоясанный веревкой, смело и беззаботно разгуливал по улицам, пробегая босыми ногами от одного стола к другому и стараясь ободрить жителей.

Это был юродивый Никола, по прозванию Салос, всему городу известный и всеми уважаемый праведник. Царь въехал в город. Вдруг явился перед ним юродивый, прыгая на палочке по детскому обычаю и приговаривая:

– Иванушка! Иванушка! Покушай: вот тебе хлеб-соль. Чай, не наелся мясом человечесьим в Новгороде.

Царь разгневался и велел было опричникам схватить его; но блаженный исчез, скрывшись в толпе народа. При выходе из Троицкого соборного храма Никола снова

встретил царя и неотступно звал его к себе в келлью под соборную колокольню. В этой убогой и тесной келлье на лавке была разостлана чистая скатерть и на ней лежал огромный кусок сырого мяса.

– Покушай, покушай, Иванушка, – приговаривал Никола, с поклоном угощая царя.

– Я христианин и не ем мяса в пост, – сурово сказал царь.

– Мяса не ешь, а людей губишь, и кровь христианскую пьешь, и суда Божия не боишься!

Закипело на душе у Грозного. Он велел снимать колокола с соборной церкви и грабить ризницу. А юродивый, взглянув ему в глаза, сказал строгим голосом:

– Не тронь нас, прохожий человек, ступай скорее прочь. Если еще помедлишь, не на чем тебе будет бежать отсюда.

В ту же минуту вошел Малюта Скуратов, бледный от страха, и доложил царю, что любимый конь его пал.

– Вот только тронь кого-нибудь в богоспаемом Пскове, – закричал ему юродивый, – или церкви начни грабить – тотчас же издох-

нешь, как конь твой.

Грозный оставил в покое город, спасенный от разорения юродивым¹⁶.

Спустя несколько лет Грозный царь, отправляясь в ливонский поход, посетил Псково-Печерский монастырь¹⁷, где настоятельством тогда преподобный игумен Корнилий.

Иноческие подвиги Корнилия начались с ранней юности в той же Печерской обители; при нем устроен печерный храм, и с 1524 года храмовая икона Успения Богородицы начала источать исцеления. Облеченный в сан игумена с 1529 года, ревностный подвижник в продолжение многолетнего настоятельства возвысил обитель во всех отношениях. Жизнь его была образцом строгой иноческой жизни, и он старался одушевить ревностью к подвижничеству подчиненных ему иноков. Неутомимый в трудах, он построил в Пскове, на Печерском подворье, каменный храм в честь Богоматери Одигитрии; в монастыре своем деревянный храм 40 мучеников он перенес за монастырь для монастырских рабочих, а на месте его построил каменный храм

Благовещения¹⁸. В назидание другим описал он чудеса Печерской иконы Богоматери. «Свидетель этих чудес, – говорил он, – не я один, а весь Псков и Новгород. Богоматерь подает исцеления не только православным, но и иноверным, приходящим из немецкой земли (из Лифляндии) с верою к чудотворному образу». Блаженный Корнилий любил просвещение и насаждал благочестие не только в своей обители, но и во всей окрестности: он построил храмы Божии в Агиреве и Топине – соседних селениях и много заботился о просвещении полудиких эстов православною верою. Когда дружины русские завоевали большую часть Ливонии, блаженный Корнилий щедрой рукой раздавал пособия бедным эстам, пострадавшим от войны. В Нейгаузене построил он православный храм. Благотворительность ревностного игумена, кроткие наставления, бескорыстие и чистая жизнь его произвели то, что в приходе Нейгаузена **все** эсты, а в других приходах **многие**, обратились к Православию как к благочестию бескорыстному и искреннему. В 1565 году блаженный Корнилий окружил монастырь каменной оградой и над

вратами построил храм в честь святителя Николая, поручив сему дивному защитнику чистой веры оберегать обитель Православия. При положении обители на границе ливонских немцев, заклятых врагов Православия, такое укрепление необходимо было не для одной обители, но и для всей Русской земли.

Большая звонница ПсковоПечерского монастыря

Царь Иоанн знал и уважал преподобного Корнилия. Он обошелся с ним милостиво, когда встретил его в Пскове, после разгрома новгородского. Но, приближаясь к обители Печерской со стороны Ливонии, Грозный царь увидел твердыни монастырской ограды, воздвигнутые Корнилием, и страшно разгневался, подозревая по наветам клеветников, что в этих укреплениях кроется мысль независимости от Москвы¹⁹. Когда преподобный Корнилий вышел за ворота с крестом навстречу государю, Грозный тут же повелел умертвить старца. Так, по свидетельству летописи, *приснопамятный, достохвальный, достоблаженный игумен, добрый пастырь, от*

тленного сего жития земным царем предпослан к Небесному Царю в вечное жилище.

Страшная година мучительства служила испытанием веры для русского народа: не было ни заговоров против Грозного царя, ни мятежа, ни измены, немногие решились на побег за пределы отечества²⁰. Первые вельможи, подпоры престола, с таким же смирением, с такой же покорностью воле Божией, как и простолюдины, клали голову на плаху; никто среди неслыханных мучений не осмеливался проклинать мучителя, почитая в нем лицо помазанника Божия; нашлись и такие, которые, перенося истязания, молились за царя. При таких чувствах православного народа неудивительно, что Господь посылал чудные знамения для утешения и укрепления верующих в разных краях России.

Так, в Великом Новгороде незадолго до страшного разгрома прославлены нетлением и чудесами мощи святителя Никиты, которые с разрешения самодержца и митрополита были открыты владыкой Пименом после бывшего ему видения. Когда поднята была крыша гробницы, увидели священное сокровище

благодати: не только тело угодника Божия, но и ризы его сохранились в совершенном нетлении. Тогда же святые мощи, 450 лет почивавшие в недрах земли, были переложены из ветхой раки на одр и поставлены посреди церкви; бесчисленное множество чудес и исцелений над приходящими с верою слепыми, бесноватыми, хромыми, расслабленными и одержимыми разными недугами ознаменовало незабвенный для Новгорода день 30 апреля 1558 года²¹. В это время войска русские осаждали ливонский город Ругодив (Нарву), и в день открытия мощей многие ливонцы видели между русскими полками едущего по берегу Нарвы мужа безбородого²², в ризах святительских, с жезлом и крестом. Между тем в Нарве немец-пивовар бросил в огонь, разведенный над котлом, две иконы, писанные на липовых досках и похищенные из Ивангорода: на одной из них изображена была Богоматерь с Божественным Младенцем, а на другой – угодники Божии: Николай чудотворец, Василий, Козьма и Дамиан. Внезапно поднялся сильный ветер, и пламя, разливаясь из-под котла, объяло весь город, не только дома, но и

стены и ворота сгорели, а войска русские вместе с жителями Ивангорода, воспользовавшись смятением немцев, быстро переправились через реку Нарву и овладели Ругодивом без приступа и стенобитных орудий. К довершению чудного события, обе иконы, брошенные в огонь, найдены невредимыми в пепле на месте пивоварения²³.

Другим знамением милости Божией было явление иконы Пресвятой Богородицы в Казани. В 1579 году девятилетняя девочка по имени Матрона, жившая с матерью в новопросвещенной столице бывшего татарского царства, видела во сне образ Богоматери, причем голос повелевал ей донести градоначальнику и архиерею, чтоб открыли и взяли из земли святую икону, и указал самое место, где она была скрыта. Но Матрона, по свойственному детям неразумению и страху, боялась сначала открыть об этом происшествии и уже спустя неделю рассказала матери о благодатном сне своем. Мать не обратила на рассказ дочери должного внимания и отнесла сон ее к обыкновенной детской грезе.

Через несколько времени то же сновиде-

ние повторилось во второй и в третий раз, и уже с угрозой. Святитель и воевода, к которым обратились Матрона и мать ее, не обратили внимания на слова девочки. Тогда 8 июля, около полудня, мать Матроны пришла с заступом на указанное дочерью место и начала копать землю. Долго копала она, но святой иконы не находила. После нее принялись копать соседи ее, собравшиеся толпой из любопытства, вскопали все место, но также ничего не находили. Наконец вместе с другими начала копать сама девица Матрона в том месте, где прежде находилась печь, и только что прорыла землю на пол-аршина, вдруг явилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы с Предвечным Младенцем на руках, обвернутая в ветхое сукно вишневого цвета. Чудным светом сияла святая икона, как будто недавно была изображена она, и прах земли, казалось, не коснулся ее. Девица с благоговейным страхом и невыразимой радостью приняла на руки пречистую икону и поставила ее на том же месте. Такое чудное знамение милости Божией скоро сделалось известным всему городу: христиане радовались и благо-

дарили Бога, а магометане дивились непонятной для них силе Божией²⁴. Святая икона, прославленная многими чудотворениями, была перенесена в ближнюю церковь святого Николая, а царь Иоанн, получив известие о чудном явлении Казанской иконы Богородицы, повелел на самом месте, где обретена чудотворная икона, построить храм во имя Пресвятой Богородицы и основать женский монастырь, прислав на сооружение храма значительную сумму из собственных царских доходов и определив в то же время выдавать деньги на содержание священнослужителей, игуменьи и сорока сестер²⁵.

Спустя несколько лет на другом конце широкой Русской земли усердная Заступница христиан даровала им свою помощь и предстательство. Это было в древнем Пскове, осажденном ляхами и Литвою, во время несчастной войны Иоанна с королем Стефаном Баторием, одним из лучших полководцев своего времени. Грозный царь имел огромные рати в поле, но, мучимый неизъяснимым страхом, видя везде мнимую измену, не решался двинуть их против врага. Во Пскове войск было

немного, но доблестные воеводы укрепляли себя и воинов молитвой: духовенство города, воеводы, воины, граждане с крестами, чудотворными иконами и мощами святого князя Всеволода-Гавриила обошли крестным ходом вокруг всех укреплений. Они молились, да будет град святой Ольги неодолимою твердынею против врагов, да спасется сам и да спасет Россию. Вечером увидели густые облака пыли, которые сильным южным ветром неслись к городу. Скоро явилась и рать неприятельская; она шла медленно, осторожно и стала вдоль реки Великой. Началась достопамятная осада Пскова²⁶. Ждали приступа. Накануне праздника Рождества Богородицы дряхлый слепец Дорофей, инок Покровского монастыря, что в Углу, объявил воеводам бывшее ему видение. Он говорил так: «Сидел я в поздний вечер в сенях келлийцы своей и плакал о горестном положении нашего города. Вдруг вижу померкшими своими очами, будто свет великий простирается от Печерского монастыря, через Великую-реку к городу Пскову, и в том свете шествует Сама Пресвятая Владычица наша Богородица. Под левую руку под-

держивает Ее преподобный отец Антоний, Киевский пещероначальник, а под правую – наш блаженный Корнилий, игумен Печерский. Перешедши через градскую стену, Она вошла в нашу Покровскую церковь. Потом вышедши из нее вместе с преподобным Корнилием, Пречистая Богородица стала на стене близ Покровской башни. Здесь предстали перед Нею святитель Нифонт, строитель Мирожского монастыря, благоверные князья Всеволод-Гавриил и Довмонт-Тимофей и преподобные Евфросин и Савва игумены, а сзади них стал блаженный Никола Салос. Все они поклонились Пречистой Богородице, а Она, смотря на град, как бы с гневом сказала: “О, злые человеки града сего! Прогневали вы Сына Моего, Господа и Бога и осодомили град сей скверными делами своими. И ныне пришла на вас туча и беда великая”. Тогда игумены Корнилий, Евфросин и Савва с блаженным Николою пали перед Нею со слезами и сказали: “О, Пресвята Владычица Богородица! Велик грех их и беззаконие, ноне прогневайся на них до конца и помолись Сыну Твоему и Богу нашему за град сей и за народ согрешив-

ший”. Потом все благоверные князья припали к ногам Владычицы Богородицы, а Она, обратясь к тому месту, где я сидел, сказала мне: “Старче! Иди скорее, возвести боголюбивым воеводам, Печерскому игумену и всему народу, чтобы прилежно и непрестанно молили Господа Бога; завтра пусть стерегут это место, пусть принесут сюда старый Мой образ Печерский и святые хоругви, пусть поставят здесь пушки и направят их на шатры королевские. Всему народу вели плакаться о грехах своих, и Я буду молить Сына Моего и Бога за ваши согрешения”. После сих слов Пресвятой Богородицы все видение исчезло в очах моих. Я снова очутился в прежней темноте и поспешил поведать дивное видение, посланное мне, грешному и недостойному».

Наутро начался приступ и именно на том месте города, которое было указано в видении Дорофею. От действия тяжелых орудий вражеских образовался пролом в стене близ Свиной и Покровской башен, и в этом проломе закипела страшная сеча. Не одни воины защищали город, но все граждане, способные носить оружие, простились с женами,

благословили детей и стали вместе с воинами, между развалинами каменной стены и новой деревянной, еще недостроенной. Дряхлые старцы, женщины и дети собрались в соборный храм, где Печерский игумен Тихон и священники усердно молились. При страшном известии о приступе и проломе все молящиеся зарыдали воплем отчаяния. По словам летописца, они «весь пол храма омыли слезами». Через несколько часов враги завладели обеими башнями и ворвались в южную часть города. Град пуль сыпался на осажденных, слабеющих и теснимых. Уже они изнемогали и начали отступать шаг за шагом. Но мгновенно изменяется ужасная картина. Из Кремля идет духовенство с чудотворной иконой Печерской, с мощами святого князя Всеволода-Гавриила, с крестами и хоругвями. Под выстрелами неприятеля, посреди кровавой сечи, раздается пение молебствия. Утомленные защитники города одушевились верой, упованием и мужеством. Они стали непоколебимо. Вдруг Свиноская башня, под которой заранее подложен был порох, потрясенная пушками, взлетела на воздух с королевскими знаме-

нами. Весь ров наполнился трупами врагов, а на помощь к осажденным приспели свежие дружины из других частей города. Ужас овладел врагами, а верные псковичи твердо сомкнулись и двинулись вперед с криком: «Умрем за Христову веру! Богородицу и святого Гавриила не выдадим!» Дружным натиском они смяли изумленных неприятелей, вытеснили из пролома и прогнали в поле. Дальше других держались венгерцы, засев в Покровской башне; их выгнали огнем и мечом. Еще кровь лилась до вечера, но уже вне города, где оставались только больные, старцы и дети. Самые женщины помогали отцам и братьям: некоторые из них тащили на веревках в Кремль пушки, брошенные бегущим неприятелем; другие приносили холодную воду, чтобы освежить сражающихся, изнуренных жаждой. Поздняя ночь положила предел кровопролитию. С трофеями победы, знаменами, трубами литовскими и множеством пленных возвратились победители в город – воздать хвалу Богу в храме Святой Троицы. Там главный воевода, князь Иван Петрович Шуйский, сказал воинам и всему народу: «Вот, братие,

миновал для нас первый день печали и веселия, трудов и мужества. Совершим, как начали. Сильные враги наши пали, а мы, немощные, препоясались силою. Гордый исполин лишился хлеба, а мы, алчущие милосердия Божия, исполнились благ. Будем готовы умереть за Церковь и за царя, не изменим ни лукавством, ни малодушием». Воины и граждане отвечали ему со слезами умиления: «Мы готовы умереть за веру Христову! Как начали, так и довершим, с Богом, без всякой хитрости»²⁷. После достопамятного побоища 8 сентября 1581 года уже не было другого приступа к Пскову, но битвы возобновлялись. Морозы и недостаток продовольствия принудили врагов снять осаду.

Так по вере и молитве псковитян спасен древний город святой Ольги! В то же время Матерь Божия чудно сохранила от врагов Свою Печерскую обитель. Мимо монастыря нередко проходили обозы, отправляемые Баторием в Литву с награбленным имуществом и русскими пленниками. В октябре один из таких обозов, состоявший из 30 подвод, был остановлен людьми, бывшими в монастыре,

которые рассеяли польскую стражу, а имущество все взяли и привезли в монастырь. Ободренные этим успехом, защитники обители на другой день разбили польский отряд из 300 человек, отняли пленных и богатую добычу. Озлобленный сопротивлением, Баторий послал войско осаждать обитель. Осада началась приступом с восточной и южной сторон монастыря; монахи с небольшим числом воинов и поселянами, бывшими в то время в монастыре, твердо стали на стенах и бились с неприятелем от 3-х часов дня до самой ночи. Приступ был отражен, один из военачальников Батория ранен, а другой вместе с многими воинами взят в плен.

Знаменитая осада Печерского монастыря продолжалась более двух месяцев и окончилась перемирием, заключенным между Россией и Польшей. Во время осады неустрашимые защитники обители, подкрепляемые многими чудесными примерами заступления Божией Матери, бесстрашно отражали все нападения неприятелей и, несмотря на недостаток продовольствия, на мор и заразные болезни, не хотели слышать о сдаче обители.

Чудесное спасение Печерского монастыря от врагов прославило эту обитель не только между христианами всей Русской земли, но и в чужих странах и между неверными²⁸.

Война кончилась постыдным договором с ляхами²⁹, который был заключен при посредничестве папского посла Антония Поссевина. Хитрый иезуит имел целью не примирение враждующих, а подчинение Русской Церкви папскому престолу, и папа Григорий XIII питал большую надежду на успех посольства, потому что сам царь просил папу усювестить Батория, союзника султана, и обещал вместе с другими государями ополчиться против турок и быть в непрестанных, дружественных сношениях с Римом³⁰. Но надежды папы и старания Поссевина не увенчались успехом: Иоанн оказал всю природную гибкость ума своего, ловкость и благоразумие, которым и сам иезуит должен был отдать справедливость, благодарил за услугу (которая, впрочем, не стоила благодарности), обещал свободу и покровительство священникам латинским в Русской земле, честил и льстил римского посла, но отринул домогательство о поз-

волеии строить на Руси латинские церкви, отклонил споры о вере и соединении Церквей на основании правил Флорентийского Собора и не увлекся мечтательным обещанием приобретения не только Киева, но и всей Империи Византийской, утраченной греками будто бы за отступление от Рима. Царь спокойно отвечал: «Мы никогда не писали к папе о вере, и с тобой не хотел бы говорить о ней: во-первых, опасаясь уязвить твое сердце каким-нибудь жестким словом; во-вторых, занимаюсь единственно мирскими, государственными делами, не толкую церковного учения, которое есть дело нашего отца и богомольца митрополита. Ты говоришь смело, ибо ты поп и для того приехал сюда из Рима. Греки же для нас – не Евангелие: мы верим Христу, а не грекам. Что касается до Восточной Империи, то знай, что я доволен своим и не желаю никаких новых государств в сем земном свете; желаю только милости Божией в будущем». В ответ на папскую грамоту Иоанн снова изъявил готовность участвовать в союзе христианских держав против турок, но ни слова не сказал о соединении Церквей.

Этим пресекались сношения Рима с Москвой, бесполезные для обеих сторон, потому что не ходатайство папы, а доблесть воевод псковских побудила Батория к умеренности после выгодной для него войны.

Обретение Казанской иконы Божией матери (из рукописи св. Патриарха Гермогена)

Но война еще не была прекращена, а страшная кара Божия уже совершилась над мучителем, к ужасу современников и потомков. В старшем, любимом сыне своем – Иоанне – царь готовил России второго себя: вместе с ним занимаясь делами важными, присутствуя в Думе, объезжая государство, вместе с ним и сластолюбствовал, и губил людей. Но, изъявляя страшное в юности ожесточение сердца и необузданность в любострастии, царевич оказывал ум в делах и чувствительность к славе или хотя к бесславию отечества. Во время переговоров о мире, страдая за Россию, читая гордость на лицах бояр, слыша, может быть, всеобщий ропот, царевич пришел к отцу и просил дозволения стать во главе ратей русских, изгнать неприятеля, осво-

Създана же икона Божия Матере и Христа Спасителя в Пскове в 1565 году. Событие это описано в летописи Псковской. Икона эта была разрушена в 1700 году. В 1701 году в Пскове была построена новая церковь, в которой и была поставлена новая икона. Икона эта была разрушена в 1700 году. В 1701 году в Пскове была построена новая церковь, в которой и была поставлена новая икона.

бодить Псков, восстановить честь России. Иоанн в волнении гнева закричал: «Мятеж-

ник! Ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня с престола!» – и поразил сына в голову острым жезлом своим. Царевич упал, обливаясь кровью. Внезапно исчезла ярость Грозного царя. Помертвелый от ужаса, в трепете, в испуге, он закричал: «Я убил сына, Бог покарал меня, я убил его!» Он кинулся на землю, обнимал, целовал царевича, старался удерживать кровь, струившуюся из глубокой раны, плакал, рыдал, молил Бога о милосердии, звал лекарей иноземных. Но Суд Небесный уже совершился! Царевич Иоанн спустя четыре дня скончался в ужасной слободе Александровской³¹. Там, где потоками лилась кровь невинная, Грозный царь, обагрённый кровью сына, неподвижно, в страшном оцепенении, сидел у трупа несколько дней и ночей без пищи и сна. С тех пор никто не видал уже веселой улыбки на лице царя. Силы телесные изнемогли. Он тосковал ужасно, не знал тихого сна. Ночью, как бы окруженный привидениями, он вскакивал с постели, звал убитого сына, стонал, вопил; утихал только к утру от изнурения сил, забывался в минутной дремоте, на полу, где клали для него тюфяк и

изголовье. Он ждал и боялся дневного света, боялся видеть людей и показать им на лице своем муку сыноубийцы – страшное предвкушение адской муки!

Ни прекращение тяжелой и опасной войны с Баторием, ни успехи Ермака в завоевании Сибири не могли вернуть спокойствия Грозному. Он медленно угасал, как багровое солнце в тучах. В час кончины митрополит Дионисий постриг государя, и уже не Грозный царь Иоанн, а смиренный инок Иона предал дух свой Всевышнему Судии страшных дел его (18 марта 1584 года)!

Здесь не место изображать характер Грозного царя и судить о последствиях его царствования. Но не можем умолчать об одной замечательной особенности: непрестанно обуреваемый страстями неукротимыми, необузданный в кровопролитии и мерзостном сластолюбии, Иоанн сохранил до конца жизни усердие к обрядам Церкви и благолепию храмов. Так, он приносил великолепные вклады в некоторые, особенно любимые им, монастыри, не почитая грехом святотатствовать в опустошаемых им городах, и жертво-

вал награбленное в другие церкви и обители. Имена погубленных им он вносил в синодики и на поминование их щедро рассылал золото,³² почитал своим долгом заботиться о порядке и благочинии иноческой жизни и писал строгие обличения по монастырям³³. Слог его отличается твердостью, чистотой языка и едкостью иронии, но обличает тревожный дух и отсутствием теплоты душевной. Обладая обширной начитанностью и отличной памятью, Грозный царь любил употреблять выражения из Святого Писания и творений Отцов, также примеры из истории церковной и гражданской³⁴, любил составлять и песнопения церковные³⁵.

Наследник царства был Феодор, второй сын от первого брака царского, добрый сердцем, но слабый способностями ума и телесным здоровьем. Другой царевич, еще младенец, Димитрий, рожденный от последнего (шестого или седьмого) супружества Грозного царя, получил в удел Углич, куда и отправился с матерью, царицей Марией, из рода Нагих.

Примечания

1 Заметив немилость царскую, Адашев перешел на ратную службу и с успехом воевал в Ливонии, а Сильвестр удалился в Кириллов Белозерский монастырь и там постригся. Когда оба осуждены были заочно в Москве, Адашев был заключен в тюрьму в Дерпте, где и умер, а Сильвестр заключен в Соловки.

2 Летописцы уверяют, что вторая жена Грозного царя, Мария, из рода Черкесских князей, много содействовала злым своим нравом к развитию лютости Иоанна. Через 8 лет она умерла, и царь, ненасытный в плотских наслаждениях, был женат еще несколько раз; четвертый брак был разрешен ему Собором святителей 29 апреля 1572 года, с наложением епитимии (Акты Археографической Экспедиции, т. I, № 284, с. 329).

3 Александровская слобода (теперь Александров, уездный город Владимирской губернии) находится в 112 верстах от Москвы. Там сохранились доньше две церкви, построенный Грозным царем, с подземными ходами под одной из них. Они принадлежат теперь к Девичьему монастырю.

4 При посвящении Афанасия в сан митро-

полита был возложен на него, по соборному определению, белый клобук «с рясами (воскрилиями) и херувимом». До того одни владыки Новгородские носили белый клобук как отличие, данное святому архиепископу Василию Патриархом Цареградским Филофеем. В соборной грамоте упомянуто, что святые митрополиты Петр и Алексий и некоторые древние святители изображаются на иконах в белых клобуках.

5 Святой Герман не был отпущен на епархию, но тайно содержался в заключении. Впрочем, он был на посвящении святого Филиппа и скончался в Москве 6 ноября 1567 года, во время морового поветрия. Мощи его были погребены в церкви св. Николая (по прозванию Мокрого). В 1595 году свияжские граждане выпросили у царя Феодора дозволение перенести святое тело архипастыря их в Свияжск. Архиепископ Гермоген свидетельствовал и нашел нетленными мощи святителя. Когда ставили их (25 сентября) в алтаре созданного им монастырского храма, то не только в церкви, но и по всей обители разлилось благоухание. Тогда же истекли от них ис-

целения несколькими богомольцам; в том числе прозрели два слепца. Теперь мощи святого Германа почивают в соборной церкви Свяжска, в серебряной раке.

6 В то время многие из знатных бояр не знали грамоты. Так видим в одной грамоте 1566 года: «...а Шереметьев и Чеботов рук к сей грамоте не приложили, что грамоте не умеют» (Собрание государевых грамот и договоров, ч. I, стр. 556).

7 Колычевы пострадали за преданность князю Андрею (дяде царя Иоанна) в суровое правление великой княгини Елены. Один из них был повешен, другой пытан и долго содержался в оковах.

8 Труды святого Филиппа в звании игумена Соловецкого подробно изложены в сочинении преосвященного епископа Леонида: «Жизнь святого Филиппа митрополита» (Душеполезное Чтение, 1861, ч. II, с. 58–83).

9 Право «печалования» или заступничества за осуждаемых и гонимых искони принадлежало святителям русским. В грамотах самого Иоанна и отца его читаем: «для отца моего митрополита государь прощает» (До-

полнения в актах истории. Т. 1, №№ 52 и 62. Акты исторические, Т. 1, № 158, 175 и др.).

10 Любимец Иоанна и начальник опричников, закоренелый злодей, «муж каменно-сердечный», по выражению первого жизнеописателя святого Филиппа.

11 Мощи святого Филиппа были немедленно, в присутствии убийцы, преданы земле за алтарем монастырской церкви. В 1591 году они перенесены из Твери в Соловецкую обитель – на место иноческих подвигов священномученика, причем найдены совершенно нетленными и положены в приготовленной им для себя могиле, в преддверии созданного им храма, подле любимого наставника его в монашестве, инока Ионы Шамина. В 1652 году святые мощи перенесены из Соловков в Москву и поставлены открыто в царственном соборном храме Успения Богоматери, где и ныне почивают.

12 Кондак и стихиры из службы святого Филиппа, напечатанной в январской Минее под 9-м числом. Память святителя праздновалась всей Церковью Русской с 1591 года, в 23-й день декабря, но с 1660 года празднование пе-

ренесено на 9 января («Душеполезное Чтение», 1861, ч. II, с. 180).

13 «Собрание Летописей», т. III, ч. 154 и след. Кровопролитие «великого разгрома» было беспримерное: в муках и истязаниях, под мечом опричников и в волнах Волхова погибло в продолжение шести недель до 60 тысяч человек. Волхов, запруженный трупами, долго не мог пронести их в Ладожское озеро. Все церкви и монастыри в городе и окрестностях были разграблены. Особенно пострадал монастырь преподобного Антония Римлянина: там убили игумена Геласия со всеми монахами и совершенно ограбили обитель, которая осталась после того на три года пустой, без братии и без службы церковной. Владыка Пимен был заточен в Николаевский Веневский монастырь и там вскоре скончался, как думали современники, от голода.

14 Преподобный Арсений, уроженец Ржева-Владимиорова, устроил в 1562 году иноческую обитель с храмом Рождества Богородицы на Торговой стороне Новгорода, близ Ярославова дворища и церкви святых Мироносиц. Он был строгий подвижник, носил вери-

ги, жил в затворе и, предвидя бедствия родного города, непрестанно проливал слезы. Иногда видали его плачущим на Великом мосту.

15 Тело затворника погребено в той хижине, где он затворился для молитвы. По упразднении основанной им обители мощи преподобного Арсения перенесены в 1787 году в Кириллов монастырь (в 4 верстах от Новгорода) и там почивают под спудом. Память преставления его показана в святцах и житии 12 июля; но это явная ошибка: отъезд Грозного царя из Новгорода во Псков был в феврале 1570 года, а не в июле. Может быть, 12 июля (неизвестно, в каком году) обретены были мощи преподобного Арсения.

16 Праведный Николай, Псковский чудотворец, преставился 28 февраля 1576 года. По особенному уважению жителей Пскова к блаженному Николаю он погребен был под соборным храмом – почеть, какой удостаивались тогда только князья и архипастыри. Теперь мощи его почивают в закрытом дубовом гробе в правом приделе Троицкого собора. В древнем кондаке ему сказано: *Чудотворец явися Николае, цареву державу и смысла сви-*

репство на милость обратив, и ныне молим
тя, святе, пребуди в нас еще, защити от ко-
варств вражиих; ты бое си граду Пскову и
всем христоролюбивым людям похвала и утвер-
ждение. Память его местно празднуется в
день преставления.

17 В той местности, где стоит Псково-Пе-
черский монастырь (в 56 верстах от Пскова,
близ Лифляндской границы), в XV веке посе-
лилось несколько старцев, искавших уедине-
ния для спасения душ своих. Выкопав себе в
горе пещеры, а может быть, нашедши уже го-
товую пещеру, устроенную самой природой,
они проводили там жизнь свою и там presta-
вились, никому не ведомые. Звероловы из-
борские слышали пение как бы внутри горы,
прозванной после того Святой; потом случай-
но открыто было устье пещеры и надпись над
ним: «Богом зданная пещера». В 1473 году по-
селился здесь пришедший из Юрьева-Ливон-
ского (Дерпта) священник Иоанн. Приняв
иночество с именем Ионы, он устроил цер-
ковь в пещере и был первым строителем но-
вой обители.

18 Оба эти храма, Благовещенский в мона-

стыре и Сорока мучеников за оградой, доселе существуют. Последний из них, деревянный, с крышей в один скат, служит приходским для жителей заштатного городка Печерска. Живописное расположение монастыря в ущелии, с двумя горами, из которых одна – Святая – вмещает в себя Успенский храм и пещеры, необыкновенный вид маститых дубов над ней, громадные твердыни ограды, сложенной из плитняка, в 380 сажен длиной и до 5 сажен в вышину, с множеством башен – все это дает обители такой дивный вид, которого нельзя передать словами, но он навсегда остается в памяти того, кто хотя однажды видел эту дивную обитель.

19 Курбский уверяет, что преподобный Корнилий и вместе с ним другой инок, ученик его Вассиан Муромцев, раздавлены были каким-то мучительским орудием, и тела их положены в одном гробе. Теперь мощи преподобномученика почивают в закрытом дубовом гробе в пещерной Успенской церкви. Год кончины преподобного Корнилия трудно определить с точностью, но, принимая в соображение, что Курбский говорит о ней вслед за

известием об опустошении Нарвы и других городов, можно полагать, что Корнилий умерщвлен в 1577 году. Надпись на гробнице о времени смерти его 20 февраля 1570 года совершенно ошибочна: в этот самый день преподобный Корнилий встречал царя во Пскове и был принят им ласково. Тогда убийств вовсе не было. Преподобный Корнилий написал «Повесть о Псковском Печерском монастыре». Позднее она была дополнена разными лицами («Обзор Русской духовной литературы», ч. I, с. 214) и многократно напечатана.

20 В числе последних был боярин и знаменитый воевода князь Андрей Михайлович Курбский. Он бежал в Литву в 1563 году, в эпоху первых казней Грозного. Курбский был из числа образованнейших людей своего времени, ревностно заботился о поддержании Православия в Литве, что видно из переписки его с разными лицами. Запятнав доброе имя свое и омрачив славу свою, прежде безукоризненную, изменой государству и отечеству, столь несродной русскому сердцу, князь не мог не чувствовать угрызения совести. Среди богатств и почестей в стране чужой он тосковал

О России, о любимом отечестве своем и в летах цветущего мужества, убеленный сединами, страдал недугами: не раны телесные – раны сердца сокрушили его. Чтобы облегчить растерзанную душу и хотя несколько оправдать себя в глазах современников и перед строгим судом потомства, он взялся за перо и написал «Историю князя великого Московского о делах, яже слышахом у достоверных мужей и яже видехом очима нашими». Известны обличительные письма его к Грозному царю.

21 О житии святителя Никиты мы говорили в IV главе 1-й книжки наших «Рассказов». Мощи его открыто почивают в Новгородском Софийском соборе, под аркой между приделами Рождества Богородицы и святых Богоотцев Иоакима и Анны. Великолепная серебряная рака устроена в 1846 году усердием графини А.А. Орловой-Чесменской. В соборной ризнице хранится облачение, неистленно лежавшее 450 лет в земле на мощах святого Никиты: фелонь, омофор, епитрахиль, поручи и шапка.

22 Святитель Никита изображается на ико-

нах безбородым.

23 В житии святого Никиты (Сборник библиотеки Сергиевой Лавры 1630 года, № 673) говорится, что православие святых мощей его обличило еретиков, последователей Бакшина и Феодосия Косого, отрицавших Воскресение мертвых (лист. 371, обор.). Туже мысль выражает и Зиновий, ученик Максима Грека, писавший против ереси Косого. Он говорит, что за обличение этой ереси прославлены чудесами мощи святителя Никиты и две иконы в Нарве («История Русской Церкви» преосвященного Филарета, изд. 1, период III, с. 122).

24 «Сказание о явлении и чудесах от иконы Богородицы Казанския» написано в 1594 году митрополитом Казанским Гермогеном (впоследствии Патриархом). Он был самовидец прославления иконы еще в сане священника. Автограф «Сказания» сохраняется в Московской Синодальной библиотеке под № 982. тем же писателем писана и служба на 8 июля.

25 Богородицкий Казанский 1-го класса монастырь принадлежит к числу знаменитых женских обителей в России. В великолепном

соборном храме его, заложенном в 1798-м и освященном в 1808 году, хранится чудотворная икона Богородицы, покрытая золотой ризой со множеством драгоценных камней («История Российской Иерархии», III, с. 382–385).

26 Во Пскове было до 30 тысяч защитников; но этого войска было недостаточно по обширности городских укреплений. Рать Батория простиралась до 100 тысяч. А между тем более 200 тысяч русских войск стояло в бездействии в Новгороде, Ржеве и Волоке-Ламском.

27 Видение Дорофея было написано на иконе, которую воеводы прислали к царю, а царь, обложив ее золотом и жемчугом, возвратил во Псков и повелел поставить храмовой в церкви Покровского монастыря, получившего прозвание «у пролома». Эта Покровская церковь, построенная в XV веке, малая, с четырьмя столпами внутри и со множеством голосников в сводах, уцелела до нашего времени, хотя монастырь давно уже упразднен. Подле нее стоит Покровская башня, сохранившаяся в прежнем виде. За ручьем Свиноорским, обнимающим южную стену города, рас-

стиляется поляна – место избиения врагов, бегущих до слободы Выползовой, а за этой слободой возвышается Никитская колокольня, с которой Баторий смотрел на приступ. Список с Покровской иконы находится в Московском Успенском соборе.

28 По уверению летописца, сами ляхи и немцы Баториевы удивлялись, как эта малая крепостца, защищаемая монахами, служителями и поселянами, под управлением молодого и неопытного начальника Юрия Нечаева могла ускользнуть от рук их и как они не одолели ее. Тот же летописец рассказывает со слов Козьмы Ляпунова, бывшего в то время в плену у турок, что султан Амурат-Селим, услышав о неудачных приступах короля Стефана, сказал: «Како сей несмысленный не соодоле безлюдному граду Пскову и монастырю Печерскому, неимущему войск?» В благодарность Богу Избавителю и в память для потомства был учрежден крестный ход из монастыря с чудотворными иконами во Псков в седьмую неделю по Пасхе.

29 При заключении перемирия с Баторием на 10 лет Иоанн уступил всю Ливонию и По-

лоцк с Велижем. Но если бы врагам удалось завладеть Псковом, царь неминуемо лишился бы всей северной земли, Смоленска и, может быть, даже Новгорода (Карамзин. «История», IX, с. 206).

30 С просьбой о посредничестве был отправлен к папе гонец Шевригин, но Григорий XIII еще прежде собирался отправить посольство в Москву для совещаний о соединении Церквей.

31 Несчастный царевич еще в 1570 году как бы предчувствовал, что ему недолго жить при таком отце, каков Грозный царь, и он «пожаловал в Дом Пречистой и чудотворца Кирилла (т. е. Кириллов Белозерский монастырь) тысячу рублей... ино похочет постричься, царевича князя Ивана постричи за тот вклад, а если, по грехам, царевича не станет, то поминати». В сборниках библиотеки Общества истории и древностей № 39, 40, помещены: а) служба преподобному Антонию Сийскому, «описана Иваном Русиным, от рода Воряжска» в лето 7086 (1578); б) «Житие и подвиги аввы Антония чудотворца»... переписано было многогрешным Иваном во второе по

первом писатели; в) «Похвальное слово преподобному Антонию» того же сочинителя, царевича Иоанна, написанное в 1580 году. В послесловии царевич пишет, что при митрополите Антонии Сийский игумен Питирим и ученик преподобного Антония Филофей приходили в Москву просить об установлении празднования преподобному Антонию, и Собор повелел праздновать, и что тогда просили его, царевича, написать канон преподобному Антонию. Далее царевич называет Филофея первым списателем жития преподобного Антония и об этом жизнеописании замечает: «Зело убо суще в легкости написано». «После канона, – говорит он, – написал и житие; архиепископ Александр убедил написать и похвальное слово». Царевич упоминает еще, что преподобный Антоний приходил в Москву к родителям его и весьма любил их духовно; особенно любил его мать, т. е. добродетельную Анастасию. Эта-то любовь угодника Божия и заставила царевича описать жизнь его. Таким образом царевичем Иоанном сочинены служба и похвальное слово преподобному Антонию. Что касается до жития, то он не

говорит о том, имел ли он в виду при сочинении его жизнеописание иеромонаха Ионы 1579 года.

32 Синодики, в которых записаны имена жертв Иоанновой лютости, сохранились в Сергиевой Лавре, в Никитском Переяславском, Кириллове и других монастырях. При многочисленности убийств иногда видим не имена, а только счет убиенных, с прибавкою слов: «их же имена Ты веши, Господи!» За упокой значительных лиц вклады были крупнее прочих. После смерти царевича Иоанна на поминавание души его послано к четырем Патриархам Вселенским до 20 тысяч червонцев, кроме вкладов в монастыри русские.

33 Особенно замечательно послание к братии Кириллова монастыря, напечатанное в Истории Российской Иерархии, IV, с. 421–479.

34 В письмах к изгнаннику князю Курбскому.

35 В двух крюковых сборниках начала XVII века, из которых один находится в библиотеке Сергиевой Лавры (№ 428), а другой – в библиотеке Московской Духовной Академии (№ 78), читаем две стихиры святому Петру

митрополиту (21 декабря) на «Господи воззвах», с надписью: «Творение царя Иоанна – деспота Российского»; две стихиры ему же «на исхождение» (т. е. на литии) с надписью: «Творение царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России», и две последние стихиры на «Сретение Пречистой Владимирской» (26 августа). Для примера приводим одну из последних: *Слава и ныне, глас 6.* «Вострубите трубою песней во благонароচিতом дни праздника нашего, и тьмы разрушение, и свету пришествие паче солнца воссиявшу во всех; се бо Царица и Владычица, Богородица, Мати Творца всех Христа Бога нашего, услышавши моление недостойных раб своих, на милосердие преклоняется и милостивно и видимо руце простирающи к Сыну Своему и Богу нашему, молитву о своей Руси предлагающи и согрешением свободжений даровати молящися и праведное Его прощение возвратити. О великая милосердием Влыдычице! О великая щедротами Царице! О великая заступлением Богородице! Како убо молящи Сына Своего и Бога нашего, пришествием честного образа град и веси избавляющи, яко

да воспоем Царице Царя Рождшей: радуйся, христианам Милости и щедрот Промышление; радуйся, к тебе прибегающим Пристанище и Заступление и Избавление и Спасение наше» (Стихирарь Лаврский, л. 222–226). Молитвенное послание, писанное царем Иоанном в 1575 году к святым страстотерпцам князю Михаилу Черниговскому и боярину его Федору пред перенесением мощей из Чернигова в Москву, напечатано в «Памятниках Московских древностей», приложение, с. 4. Оно очень красноречиво.

Глава IV

Царь Феодор и правитель Борис Годунов. Установление патриаршества. Права и преимущества Патриарха. Убиение царевича Димитрия. Прославление мощей преподобного Антония Римлянина и святого князя Романа Углицкого. Крымский хан под Москвой. Достопамятное слово Феодора Годунову. Бедствие Нижегородского Печерского монастыря. Кончина Феодора. Воцарение Бориса.

После ужасной грозы Иоанновой внезапно

наступило время мира и всеобщего благоденствия. Двор царский не представлял уже страшной и отвратительной картины свирепства и разврата неслыханного; напротив того, юный венценосец был для подданных образцом кротости, сострадательности, искренней набожности, целомудрия и тихой семейной жизни.

Царь Феодор, рожденный от первого брака царя Иоанна Васильевича, был слаб душой и телом. Не одаренный от природы способностью к труду, почти постоянно больной, он уклонился от всех дел государственных. По словам современников, Феодор вставал обыкновенно в четыре часа утра и ждал духовника в спальне, наполненной иконами, освещенной днем и ночью лампадами. Духовник приходил к нему с крестом, благословением, святой водой и с иконой Угодника Божия, празднуемого в тот день Церковью. Государь кланялся до земли, молился вслух минут десять или более, шел к царице и вместе с ней отправлялся к утрени; возвратясь, садился на креслах в большой горнице, где приветствовали его с добрым днем некоторые ближние

люди и монахи; в 9 часов ходил к литургии; в 11 обедал; после обеда спал не менее трех часов; ходил опять в церковь к вечерне и все остальное время до ужина проводил с царицей, с шутами, карлами, смотря на их кривлянья или слушая песни, иногда же любуясь работой своих ювелиров, золотарей, швцов, живописцев; ночью, готовясь ко сну, опять долго молился с духовником и ложился с его благословением. Он любил пышность и благолепие обрядов церковных, любил звон колоколов, всякую неделю посещал монастыри в окрестностях столицы, иногда забавлялся медвежьей травлей. Случалось, что челобитчики окружали Феодора при выезде из дворца: «избывая мирския суеты и докуки», он не хотел слушать их и посылал к правителю.

Кто же был этот правитель, облеченный при жизни царя неограниченной царской властью? Грозный самодержец, ясно сознавая неспособность своего преемника, назначил ему советниками «и блюстителами державы» пятерых знаменитых вельмож 1; но один из них, ближайший к новому царю по родству и дружбе, Борис Федорович Годунов, умел от-

странить некоторых из них и вполне подчинить себе остальных.

Не только важное значение Годунова при жизни последнего царя из рода князей варяжских и по пресечении царского рода, но и влияние дел его на последующие судьбы Русской Церкви и государства заставляют нас ознакомиться ближе с этой необыкновенной личностью. Борис находился тогда в полном цвете жизни, в полной силе душевной и телесной, имея 32 года от рождения. Величественной красотой, повелительным видом, смыслом быстрым и глубоким, сладкоречием обольстительным превосходя всех вельмож (как говорит летописец), Борис хотел и умел благотворить, но единственно из любви к славе и власти; видел в добродетели не цель, а средство к достижению цели. Если бы он родился на престоле, то заслужил бы имя одного из лучших венценосцев в мире; но, рожденный подданным, с необузданной страстью к господству, он не мог одолеть искушений там, где зло казалось для него выгодой, и проклятие веков заглушает в истории добрую славу Борисову. Блистая умом в делах внут-

ренней и внешней политики, всегда осторожный и миролюбивый, Борис спокойно благоустраивал Русское царство, старался казаться беспристрастным, но всегда готов был жертвовать теми, которых считал своими врагами, не затрудняясь ни знатностью их, ни важнейшими заслугами государственными 2. В глазах России и всех сносившихся тогда с Москвой держав он стоял на высшей ступени величия, как полный властитель царства, не видя вокруг себя ничего, кроме слуг безмолвных, или громко славословящих его высокие достоинства, не только во дворце кремлевском, в ближних и дальних краях России, но и вне ее, пред государями и министрами иноземными, получая на свое имя грамоты и дары от союзных венценосцев. Все видели в нем правителя царства и притом «правителя изрядного» (т. е. превосходного, выходящего из ряда правителей обыкновенных).

В то время, когда все дела внутренние и внешние зависели от правителя Годунова, только одно важное дело должно быть приписано собственному желанию царя Феодора: это учреждение патриаршества Московского

и всея России. Со времен святого Владимира до царя Феодора, Русская иерархия не искала чести равенства с древними патриаршими престолами востока: Византия, державная и гордая, не согласилась бы на равенство своей иерархии с Киевской или Московской; Византия, раба Оттоманов, не отказала бы в том Иоанну III, сыну и внуку его. Русская митрополия в последнее время почти не зависела от Царьграда; Русского первосвященника, с половины XVI столетия, называли «святейшим» и отличали особенным уважением, как предстоятеля Церкви обширной, наслаждавшейся благоденствием. Естественно, что благочестивый царь Феодор, услаждавший душу свою только делами набожности и благочинием церковных обрядов, желал почтить митрополита всея России саном Патриарха. К тому же надежда найти в Русском Патриархе защиту Православию, угнетенному на востоке игом мусульманства, а с запада теснимому папизмом, также располагала желать возвышения сана для Русского митрополита.

В 1586 году прибыл в Москву за милостыней Антиохийский Патриарх Иоаким. Благо-

честивый царь предложил Собору святителей и боярской Думе свое желание об учреждении патриаршеского достоинства в Русском царстве 3. Годунову поручено советоваться о том с Антиохийским иерархом. Иоаким, соглашаясь с мыслями благочестивого царя, обещал предложить это делу Собору патриархов.

На следующий год получен был ответ из Константинополя, что патриархи Цареградский и Антиохийский согласны с желанием царя и что они послали за Александрийским и Иерусалимским для совещания и решения соборного, положив отправить в Россию Патриарха Иерусалимского. Но нужды Церкви Цареградской потребовали, чтобы отправился в Россию не четвертый, а первенствующий между патриархами, Патриарх Константинопольский, к области которого издревле принадлежала Церковь Русская. В июле 1588 года прибыл в Москву святейший Иеремия, пастырь знаменитый как просвещением, так и страданиями за Церковь. Вся Москва была в радостном волнении, когда первенствующий святитель православного христианства, бла-

гословляя народ и душевно умиляясь его радостным приветствием, ехал на ослиати к царю по стогнам Московским; за ним ехали на конях митрополит Монеувасийский (или Мальвазийский) Иорофей и архиепископ Элассонский Арсений. Когда они вошли в Золоту палату, Феодор встал, чтобы встретить Иеремию в нескольких шагах от трона; посадил близ себя, с любовью принял дары его: икону с памятниками страстей Господних, с каплями Христовой крови, с мощами святого царя Константина – и велел Борису Годунову беседовать с ним наедине. Патриарх передал правителю свою историю. Главной причиной бедствий, говорил Патриарх, был один отступник грек, который, променяв веру на выгоду земную, донес султану, будто Иеремия богат, будто храм его владеет сокровищами, которым нет цены: к тому же другой искал почести, от которой Иеремия готовился отказаться за старостью. Султан нарушил обещание Магомета II, давшего за себя и преемников клятву не вступаться в дела христианства, и велел Феолипту быть Патриархом без соборного определения. Иеремия смело на-

помнил через пашей о клятве султана, и султан сослал его на остров Родос, где пробыл он четыре года. Амурат отставил и Феолипта, ограбил церковь Божию, превратил патриарший храм в мечеть и возвратил Иеремию из заточения к новым скорбям. «Обливаясь слезами, – заключил Патриарх, – вымолил я у Амурата позволение ехать в христианские земли для милостыни, чтобы построить новый храм истинному Богу. Слышав о таком благочестивом царе, пришел я сюда, чтобы помог нам царь в наших скорбях». Затем первосвященник объявил, что прибыл с соборным определением об открытии патриаршества в России.

Оставалось избрать Патриарха. Бедствия святейшего Иеремии возбудили в Феодоре желание успокоить страдальца-священника в России, что, по мнению царя, возвысило бы и достоинство Патриарха Русского. Но представились затруднения. Если Патриархом Москвы будет не знающий языка русского, трудно иметь с ним сношения, особенно по делам тайным; не хотелось также доброму царю огорчить Иова лишением Московской кафед-

ры, особенно при просьбе правителя Бориса за Иова. Итак, царь велел предложить святителю Иеремии: «Ты известил, что, по грехам христианским, султан воздвиг на Церковь и тебя гонение; посему благочестивый самодержец молит святыню твою остаться в Русском царстве и патриаршествовать на престоле Владимира и всей России с именем вселенского; он обещает во всем успокоить тебя и твоих». Иеремия искренно благодарил доброго царя; но дал заметить, что, оставаясь вдали от царя, будет он бесполезен и для Русской, и Константинопольской Церкви, наконец, сказал, что желает лучше разделять скорби той Церкви, которую, «как мать, восприял», и куда его зовут скорби епископов и всей паствы. Святителю предлагал вторично о том же и Собор русских пастырей; но он опять отказался и благословил Государя избрать собором Патриарха Русского, с тем чтобы и вперед патриархи поставлялись в России своими митрополитами, по чину церковному, не испрашивая разрешения Восточных Патриархов.

Собрался многочисленный Собор русских пастырей, и царь предложил им сделать со-

вет о Патриархе. В храме Успения Богоматери, в приделе Похвалы Ее, где совершалось вообще избрание пастырей, происходило совещание о назначении великого первосвященителя Русской Церкви. По окончании совещания Патриарх принял на себя представить царю имена трех избранных, и вынул жребий митрополита Иова. Поставление Патриарха происходило 23 января 1589 года. Престол, покрытый парчой, для царя и два стула, обитых темным (смирненным) бархатом, для патриархов, поставлены были на амвоне, возвышенном 12 ступенями от помоста храма; по сторонам были скамьи для архиереев. Нареченный Патриарх исповедал на орле пред лицом всего Собора, перед Богом и избранными ангелами Церкви его праведную и непорочную веру. По прочтении символа веры, взойдя на амвон, он приял осенение патриаршее и целование епископов и, поклонясь, удалился в придел Богоматери.

Когда служивший Патриарх со всем собором епископов вошел на малом входе в алтарь и пели песнь Трисвятую, протоиерей соборный и архидиакон привели нареченного

Иова пред царские двери, а два епископа ввели его в алтарь. Патриарх вселенский, возложив на него руки, развернув над головой Евангелие, призывал божественную благодать, как на нуждающегося в сугубой благодати для высокого своего звания. Так совершилось посвящение Патриарха всероссийского. После литургии, которую совершили оба Патриарха, великолепное торжество в доме царя дополнило общую радость о великом святителе земли Русской. Патриарха вселенского долго еще честили в радушной Москве, так что он пробыл на севере, со времени прибытия, почти год. Избрание и поставление Патриарха царь велел описать на пергаменте, грамота была скреплена печатями царя, обоих патриархов и всех архиереев русских и греческих, а в рукоприкладстве участвовали весьма многие архимандриты и игумены.

Через два года Патриарх Иеремия прислал соборную грамоту об утверждении патриаршества в России за подписью его, патриархов Иерусалимского и Антиохийского (Александрийский в это время скончался), 19 митрополитов, 19 архиепископов и 20 епископов. В

грамоте писано: «Во-первых, признаем и совершаем в царствующем граде Москве поставление и поименование патриаршеское господина Иова, да почитается и именуется и впредь с нами патриархами и будет чин ему в молитвах после Иерусалимского; а главным и начальным содержать апостольский престол Константина града, как и иные патриархи держат; во-вторых, дарованное ныне имя и честь патриаршества не только одному господину Иову дано и утверждено непоколебимо, но позволяем и по нем поставлять Московским Собором начальных властей в патриархи по правилам».

Так патриаршество Русское утверждено всею Православною Церковью! Видимым поводом сего важного нововведения было, как сказали мы выше, одно благочестивое желание царя Феодора 4; но Промысл Божий невидимо творил Свое дело в Церкви Своей. Он готовил в патриархах Русских защиту для отечества на близкое время скорбей и потрясений, которых не могли еще предвидеть люди. Он незримо устроил обстоятельства дела так, что патриаршество Русское явилось как бы по

внезапному стечению случаев, к взаимному утешению востока и севера.

Права нового первосвященителя – Патриарха по управлению Церковью Русской были те же, как и права митрополитов, его предместников. Только преимущества священнослужения, сообразные сану, возвышали его перед прочими архиереями 5. Но как сан, так и эти преимущества сообщали ему высокое значение в глазах духовенства и народа, и благочестие чад Церкви окружало его глубоким уважением.

Патриарху, как и митрополиту всей России, окончательно принадлежал суд церковный, но с прежним ограничением: дела, касающиеся всей Церкви, решались на Соборе. И Соборы при патриархах были часты. За Патриархом оставалась особенная важность голоса на Соборе. Область Патриарха, как епархиального святителя, была весьма обширна 6, но она была та же, что и область Московского митрополита. Впоследствии времени с одной стороны она увеличилась частью несколькими монастырями с принадлежащими к ним сельскими храмами, взятыми под непосред-

ственное ведение Патриарха, частью селами, пожертвованными или купленными в пользу новых или прежних патриарших монастырей. Двор и управление прежних митрополитов сохранились в прежнем своем значении; чиновников в его распоряжении было великое множество, как говорил очевидец. Штат образован по примеру царского: были бояре, стольники, боярские дети и другие должностные лица.

Вместе с возвышением Московского первосвятительского престола на степень патриаршества возвышены и некоторые из епархиальных кафедр. Той же грамотой Московского Собора, которой узаконено патриаршество, положено быть в России 4 митрополитам, 6 архиепископам и 8 епископам. Сему возведению основанием поставлена сообразность с саном Патриарха и благолепием Церкви. Постановление Собора о митрополитах тогда же приведено было в исполнение: саном митрополита почтены были пастыри Новгородский, Казанский, Ростовский и Крутицкий, постоянный помощник (викарий) Патриарха. На степень архиепископа возведены прочие

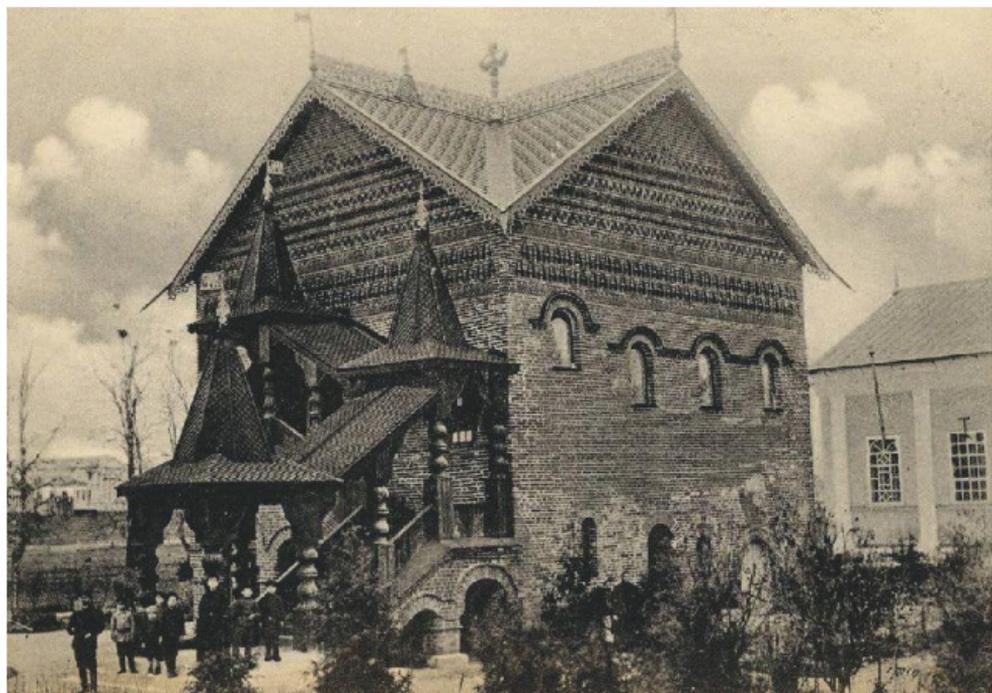
прежние епископы, кроме Коломенского. Из числа же новых кафедр епископских замещены только две – Псковская и Карельская.

Таковы были дела церковные в Московском государстве. Дела гражданские, внешние и внутренние, оставались в твердых руках Годунова; для него наступал решительный час, и самовластный правитель дерзнул наконец приподнять для себя завесу будущего!

По воцарении Феодора младенец царевич Димитрий, сын царя Иоана от последнего брака его, как уже было нами замечено, был удален в предоставленный ему родителем город Углич вместе с матерью, царицей Марией, и братьями ее, боярами Нагими. Мог ли Годунов спокойно наслаждаться величием и властью, помышляя о близкой кончине удрученного болезнью Феодора и о законном его наследнике 7, воспитываемом матерью и родными в явной, хотя и почетной ссылке, в ненависти к правителю, в чувствах злобы и мести? Что ожидало в таком случае Ирину? Монастырь. Что ожидало Годунова? Темница или плаха... Уже дела обнаружили душу Бо-

рисову: в ямах, на лобном месте изгибали несчастные, которых опасался правитель: кто же был для него опаснее Димитрия? Борис не страшился случая, беспремерного в нашем отечестве от времен Рюрика до Феодора: трона упраздненного, конца племени державного, мятежа страстей в выборе новой династии, и твердо был уверен, что скипетр, выпав из рук последнего венценосца Мономаховой крови, будет вручен тому, кто уже давно и славно царствовал без имени царского. Алчный властолюбец видел между собой и престолом одного отрока безоружного, как голодный волк видит агнца! Сначала правитель надеялся возбудить в народе ненависть к царевичу, распуская слух, что отрок Димитрий есть совершенное подобие отца – любит муки и кровь, даже сам для потехи убивает животных. Эта сказка осталась без успеха. Годунов думал объявить Димитрия незаконнорожденным как сына шестой или седьмой супруги Иоанна; не велел молиться о нем и поминать его имени на богослужении; но рассудив, что это супружество, хотя и действительно незаконное, было однако же утверждено или тер-

пимо церковной властью, что Димитрий, несмотря на то, во мнении людей остался бы царевичем, единственным наследником бездетного Феодора, – ненасытный властолюбец решил прибегнуть к яду или ножу; он искал только, кому отдать их в руки для совершения убийства.

Дворец Св. царевича Димитрия в Угличе
(1480–1484)

Начали с яда. Мамка царевича, Василиса

Волохова, и сын ее Осип, продав Годунову свою душу, служили ему орудием; но зелие смертоносное не вредило отроку, по словам летописца, ни в яствах, ни в питии. Нашли человека надежного, дьяка Михаила Битяковского, ознаменованного на лице печатью зверства, так что дикий вид его ручался за верность во зле. Годунов высыпал золото, обещал совершенную безопасность, велел извергу ехать в Углич, чтобы править там земскими делами и хозяйством вдовствующей царицы, не спускать глаз с обреченной жертвы и не упустить первой минуты благоприятной. Вместе с ним приехали в Углич сын его Данило и племянник Никита Качалов, также удостоенные совершенной доверенности Годунова. И вот 15 мая 1591 года «царевича в Угличе не стало». Как же это случилось? В полдень, когда во дворце не было никого из Нагих, мамка Волохова вывела царевича на двор; сюда же сошла и кормилица, Ирина Жданова. Убийцы уже дожидались жертвы. Осип Волохов, взяв царевича за руку, спросил: «Это у тебя, государь, новое ожерельице?» Отрок поднял голову и отвечал: «Нет, старое». В эту ми-

нуту сверкнул нож; но убийца не захватил гортани и убежал. Димитрий упал. Кормилица пала на него, чтобы защищать его собой, и стала кричать. Битяковский и Качалов отняли у нее царевича, дорезали и кинулись вниз с лестницы, в самое то мгновение, когда царица вышла из сеней на крыльцо... Восемилетний страстотерпец лежал окровавленный в объятиях той, которая вскормила его своей грудью; он «трепетал, как голубь», испуская дух, и скончался, уже не слыша воплей отчаянной матери. По звону на соборной колокольне, откуда пономарь видел убийство, прибежали братья царицы, Нагие, двор наполнился смятённым народом. Угличане, озлобленные убиением царевича, умертвили убийц: Битяковского, Качалова, Волохова и еще несколько человек; мамку сохранили живой для показаний. Уверяют, что злодеи, издыхая, облегчили свою совесть искренним признанием; наименовали и главного виновника Димитриевой смерти – Бориса Годунова.

Но виновник преступлений сам был распорядителем следствия и суда: следователи, присланные в Углич, Крутицкий митрополит

Геласий, боярин князь Василий Иванович Шуйский 8, окольный Клешнин и дьяк Вылузгин, в угодность правителю, засвидетельствовали неправду: они объявили, что царевич играл в тычку ножом и «тут пришла на него падучая немочь, и зашибло его и учало его бити; да как его било, и он поколосся ножом сам». Самый первый вопрос на следствии предложен так: «Которым обычаем царевича на стало? Ичто его болезнь?» Вообще следственное дело, сохранившееся до нашего времени, доказывает, что следователи действовали криводушно 9. Царская Дума утвердила следствие и донесла царю, что «жизнь царевича прекратилась судом Божиим; что Михайло Нагой есть виновник кровопролития ужасного и действовал по внушению личной злобы; что граждане углицкие вместе с ним достойны казни за свою измену и беззаконие». Бояр Нагих сослали в отдаленные города и заключили в темницы; вдовствующую царицу, неволей постриженную, отвезли в дикую пустыню, в обитель святого Николая на Выксе (близ Череповца); тела злодеев, Битяковского и товарищей его, кинутые углиц-

ким народом в яму, вынули, отпели в церкви и предали земле с великой честью, а граждан тамошних, объявленных убийцами невинных, казнили смертью, числом около 200; другим отрезали языки, многих заточили, большую часть вывезли в Сибирь и населили ими город Пелым, так что древний, обширный Углич, где было, если верить преданию, более 100 церквей и не менее 30 тысяч жителей, опустел навеки, в память ужасного Борисова гнева на смелых обличителей преступления. Тело невинного страдальца-царевича предано земле в Углицком Спасском соборе 10.

Св. благоверный царевич Димитрий.

Царь Феодор, по словам летописца, горько плакал о смерти нежно любимого брата и наконец сказал: «Да будет воля Божия!» – и всему поверил. Еще несколько лет продолжалась тихая, чуждая житейских попечений, богомольная жизнь последнего царя из дома Рюрикова. По выражению летописца, «Господь возлюбил смирение царево» и посылал Русской земле благодатные знамения Своего бла-

говоления. К числу таких знамений относится прославление мощей двух угодников Божиих: преподобного Антония Римлянина,

Новгородского чудотворца, и святого князя Романа Углицкого.

Протекло уже 450 лет после преставления преподобного Антония. После трех пожаров в XIV веке и страшного разгрома в 1570 году 11 обитель совершенно запустела, так что не было в ней ни братии, ни церковной службы. Гонителю Новгорода, Грозному царю пришло наконец на мысль, что нельзя оставить в запустении монастыря столько знаменитого по святости основателя его, чудодейственно прибывшего из Рима. Для возобновления обители царь избрал и послал туда игуменом добродетельного старца Кирилла 12, который собрал братию и ввел строгий устав общежития, чем навлек на себя злобу людей неблагонамеренных и был ими отравлен на трапезе; но по усердной молитве к Божией Матери и преподобному Антонию получил исцеление. За этим первым чудом преподобного, по возобновлении обители его вскоре последовали и другие чудеса.

Между тем как продолжались благодатные исцеления у раки преподобного Антония, в обители его жил добродетельный и блажен-

ный старец Анания 13 иконописец, который 33 года провел в монастыре неисходно и имел у себя ученика, именем Нифонта 14. По кончине праведного своего наставника этот Нифонт, одушевляемый живой верой и любовью к чудотворцу Антонию, сподобился дивного сновидения и после того решился приподнять доску, прикрывавшую раку, чтобы видеть святые и нетленные мощи, лежавшие поверх земли в каменном глубоком гробе, ниже помоста церковного. Это было при державе благочестивого царя Феодора Иоанновича, при святейшем Патриархе Иове и первом митрополите Новгородском Александре. Нифонт поведал о нетлении мощей игумену Кириллу, игумен митрополиту, а митрополит обещался донести царю и Патриарху, но не успел того исполнить, потому что вскоре скончался. Между тем игумен Кирилл, по воле царя Феодора, сделался архимандритом великой Лавры преподобного Сергия Радонежского, куда вслед за ним перешел и Нифонт, непрестанно умоляя Кирилла, чтобы позаботился о начатом святом деле. Архимандрит нашел случай доложить царю в присутствии

Бориса Годунова 15 о нетлении мощей преподобного Антония.

Новому митрополиту Новгорода Варлааму поручено было патриаршей грамотой освидетельствовать и открыть святые мощи. Когда сняли богато украшенную раку, стоявшую над гробом чудотворца, то митрополит, наклонившись, увидел нетленное тело, лежащее подобно живому на два локтя ниже помоста. Не осмеливаясь взять святыни руками, братия вместе с новым игуменом Трифоном стали копать землю подле гробницы. Тогда от святых мощей дивное благоухание разлилось в воздухе. Целебноносные останки чудотворца оказались лежащими на огромном камне, с которым вместе были приподняты на помост церковный 1 июля 1597 года.

Явление святых мощей сопровождалось множеством чудотворений. Митрополит со всем Новгородским духовенством и множеством народа совершил крестный ход из Софийского собора в Антониев монастырь и, приблизившись к многоцелебной раке, своими руками снял покров с чудотворца, причем весь храм наполнился сладостным благоуха-

нием; святые мощи были обнесены вокруг храма и поставлены в церкви Рождества Богородицы над прежней могилой преподобного. С того времени учрежден митрополитом Варлаамом по воле царя Феодора и по благословению Патриарха Иова, ежегодный крестный ход в обитель чудотворца, в первую пятницу после праздника Петра и Павла, совершаемый и донныне.

Игумен Трифон был отправлен в Москву к царю и Патриарху с грамотой об открытии святых мощей, а между тем чудеса и исцеления продолжались беспрерывно. Братия обители сообщали о них в Москву игумену Трифону, а он докладывал царю и Патриарху. Благочестивый Феодор в последние дни своей жизни радовался проявлению благодати Божией через нового чудотворца.

В древнем Угличе, вскоре после разорения его неправедным судом, как бы в утешение оставшимся горестным жителям прославлены нетлением и чудесами мощи святого князя Романа, обретенные при перестройке собора, в 1595 году 16. Они были освидетельствованы по распоряжению Патриарха Иова Ка-

занским митрополитом Гермогеном и поставлены открыто в том самом соборном храме, где таились до времени в недрах земли другие нетленные мощи – святого царевича и страстотерпца Димитрия.

В 1594 году Крымский хан Кази-Гирей сделал внезапный и коварный набег на Русскую землю в то самое время, когда послы его заключили мир с Москвой. Он прошел беспрепятственно до села Коломенского и встретил отпор только под стенами Москвы: здесь войско русское сразилось с неверными, в виду храмов и палат кремлевских, перед глазами царя и царицы. Стены, башни, колокольни были унижены вооруженными и безоружными, исполненными любопытства и ужаса: дело шло о Москве. Народ то безмолвствовал, то вопил, следуя душой за всеми движениями кровопролитной сечи, – зрелища нового для нашей древней столицы, которая видела приступы к стенам ее, но еще до того времени не видала полевой битвы на своих равнинах. В эти роковые часы, когда сильно трепетало сердце и в столетних старцах московских, один человек наслаждался спокойствием ду-

ши непоколебимой: тот, чье имя вместе с Божиим призывалось русскими воинами в пылу битвы, тот, за кого они умирали под стенами столицы – сам государь!.. Утомленный долгой молитвой Феодор мирно отдыхал в час полуденный; встал и равнодушно смотрел из высокого своего терема на битву. За ним стоял один добрый боярин и плакал. Феодор обратился к нему, увидел слезы и сказал: «Будь спокоен! Завтра не будет хана!» Битва была нерешительна и прекратилась к вечеру, но слово царское, по замечанию современников, оказалось пророчеством: хан, со всеми своими полчищами, бежал ночью за час до рассвета, преследуемый русской ратью, предводимой правителем Годуновым.

В 1596 году царь Феодор был утешен переложением нетленных и многоцелебных мощей святого митрополита Алексия в новую серебряную раку. Он приказал Годунову прикоснуться к мощам и сказал ему достопамятное слово: «Осыжай святыню, правитель народа христианского! Управляй им и впредь с ревностью. Ты достигнешь желаемого; но все суета и тление на земле».

Почти в то же время набожное сердце Феодора глубоко огорчено было бедствием знаменитой обители Печерский-Нижегородской, где спасались некогда угодники Божии – Дионисий Суздальский, ученик его Евфимий и Макарий Желтоводский или Унженский 17: гора, под которой стоял монастырь, вдруг с треском и колебанием двинулась к Волге, засыпала и разрушила церковь, кельи, ограду. Сия гибель места святого поразила воображение народное и названа в летописи «великим знамением» того, что ожидало Россию, чего ожидал и Феодор, заметно слабея и изнемогая. Он предвидел близкий конец свой, и час настал.

И в цветущей юности не имел иной важной мысли, кроме спасения души, он в это время еще менее заботился о мире и царстве, ходил и ездил из обители в обитель, благотворил нищим и духовенству, особенно греческим монахам, иерусалимским, палестинским и другим, которые приносили к нам драгоценности и святыни (одни нерасхищенные турками!): кресты, иконы, мощи. В конце 1597 года Феодор впал в тяжкую болезнь: 6 ян-

варя открылись в нем явные признаки близкой смерти, к ужасу столицы. Народ любил Феодора, как ангела земного, и приписывал действию ревностных молитв его благосостояние отечества, любил с умилением, как последнего царя Мономаховой крови; и когда в отверстых храмах усердные толпы москвичей еще с надеждой молили Бога об исцелении государя доброго, тогда Патриарх, вельможи, сановники, уже не имея надежды, с сокрушением сердца предстояли одру болящего в ожидании последнего действия Феодоровой самодержавной власти, завещания о России сиротеющей. Первосвященитель Иов дрожащим голосом сказал: «Свет в очах наших меркнет; праведник отходит к Богу... Государь! Кому приказываешь царство, нас сырых и свою царицу?» Феодор тихо отвечивал: «В царстве, в вас и в царице волен Господь Всевышний... оставляю грамоту духовную». Завещание было уже написано; Феодор вручал державу Ирине, а «душу свою приказывал» великому святителю Иову, двоюродному брату Феодору Никитичу Романову-Юрьеву (племяннику царицы Анастасии) и шурина Борису Годунову,

то есть избрал их быть главными советниками трона. В 11 часов вечера Иов помазал царя елеем, исповедал и приобщил Святых Тайн, а в час утра 7 января 1598 года Феодор испустил дух без судорог и трепета, незаметно, как бы заснув тихо и сладко 18.

Все присягнули с усердием вдовствующей царице Ирине, но скоро узнали, что вместе с ней вдовствует и трон Мономахов, что венец и скипетр лежат на нем праздно, что Россия, не имея царя, не имеет и царицы: Ирина приняла пострижение иноческое в Новодевичьем монастыре с именем Александры. Из всех областных городов созваны люди выборные на Великий Собор, и наконец 17 февраля 1598 года, правитель Борис Годунов единогласно был избран и возведен на престол царский.

Окончим словами нашего незабвенного историографа: «Что, по-видимому, могло быть торжественнее, единодушнее, законнее сего наречения? И что благоразумнее? Переменилось только имя царя, власть державная оставалась в руках того, кто уже давно имел оную и властвовал счастливо для целости государ-

ства, для внутреннего устройства, для внешней чести и безопасности России. Так казалось; но сей, человеческой мудростью наделенный правитель достиг престола злодейством... Казнь небесная угрожала царю-преступнику и царству несчастному» 19.

Примечания

1 Князя Ивана Мстиславского, сына родной племянницы великого князя Василия и, следовательно, двоюродного брата царя Иоанна, человека бесхарактерного и неспособного; князя Ивана Петровича Шуйского, прославившегося защитой Пскова и другими отважными делами воинскими; Никиту Романовича Юрьева, как чтимого народом брата незабвенной царицы Анастасии, как вельможу благодушного, сохранившего себя чистым от всякого зла, даже в бедственную эпоху кровопийства; Бельского, хитрого и гибкого любимца Грозного царя, и, наконец, Бориса Годунова, шурина царя Феодора (родного брата царицы Ирины).

2 Вот пример, как умел Годунов оберегать себя. Открыто было намерение митрополи-

та Дионисия и князей Шуйских, с многими участниками ударить челом Феодору, чтобы он развелся с неплодной супругой, отпустив ее, как вторую Соломонию, в монастырь, и взял другую, дабы иметь наследников, необходимых для спокойствия державы. Это моление, будто бы внушаемое опасением видеть конец Рюрикова племени на троне, хотели подкрепить волнением черни. Выбрали, как пишут, и невесту, княжну Мстиславскую. Борис успел захватить заговор в самом начале: княжна Мстиславская была пострижена; из враждебного рода Шуйских боярин князь Андрей сослан в Каргополь и там уморен, а знаменитый князь Иван Петрович удален в Белозерскую обитель преподобного Кирилла и вскоре удушен: спаситель Пскова, муж бессмертный в истории, предал позорной петле свою голову, увенчанную лаврами, в одной из монастырских башен, известной под названием «Мешок». Митрополит Дионисий лишен престола (как кажется, без суда) и заточен в Новгородский Хутынский монастырь. Вместо него возведен на первосвятительскую кафедру Ростовский архиепископ Иов, пас-

тырь добродушный, искренно преданный Годунову.

3 Собор, одоббив желание царское, говорил: «Благочестивый царь! аще восхощет благочестивая ти держава, да возвестится о сем писание вселенским четверем Патриархам. Понеже благочестивая ти держава и мы вси имеем сих яко столпы благочестию, аще и во области поганых суть, но святая, якоже рече писание, николи же оскверненна бывают». К тому же, говорил еще Собор, пусть не думают другие народы, особенно же пишущие против святой нашей веры латинские и прочие еретики, что в царственном граде Москве патриарший престол устроился только одной царской волей и проч. (Допол. к ист. акт. II. с. 191 и 192).

4 Напрасно Карамзин искал начала патриаршества во властолюбивых замыслах Годунова: набожный Феодор не отважился бы на важное нововведение церковное, если бы не имел своих собственных, благочестивых побуждений. Сверх того, правитель, в объяснениях с Иеремией, является скорее противником, нежели доброжелателем патриаршества,

а ту услугу, которой будто бы ожидал Годунов от Иова Патриарха, мог оказать ему тот же Иов и в сане митрополита.

5 Особенности патриаршего священнослужения: новопросвещенный Патриарх объезжал Кремль на осляти, «благословляя град и люди». Патриарх облачался среди церкви на амвоне о 3 ступенях, с 4 свещниками по сторонам. Перед пением Трисвятого, когда возглашалось ему многолетия, он благословлял народ сидя перед святой трапезой, лицом к западу. Во время причащения он причащал архиереев из своих рук. Одежды его в богослужении: саккос с нашивной епитрахилью, усыпанной жемчугом, по подобию Ааронова нагрудника, омофор, митра с крестом на верху, иногда с зубчатой короной по опушке, сихар (подризник), пояс, епитрахиль и поручи его с гамматами, как символами тока крови Иисусовой, два энколпия, или панагии, и крест. Мантия его бархатная зеленая со струями золотыми и серебряными, на которой скрижали вверху с образом Благовещения или с крестами и херувимами, а внизу со звонками. Пастырский жезл с змиями – символом муд-

рости; клобук беловидный с нашивным крестом и иногда с серафимами. В церковном ходу перед Патриархом несли свечу, а во время путешествия предшествовал ему крест и последовал жезл.

6 Московская патриаршая епархия в начале своем заключила в себе нынешние епархии: Московскую (исключая Коломенскую область), Костромскую, Вятскую, Нижегородскую, Курскую и Орловскую, с участками епархий Архангельской, Владимирской, Новгородской и Тамбовской. Пределы епархий были довольно перепутаны.

7 При суде над Шуйскими, желавшими расторжения брака Феодора с неплодной царицей, сам Годунов напоминал, что законный наследник державы – царевич Димитрий.

8 Правитель успел уже примириться с Шуйскими и вступить с ними в родство, женив князя Димитрия Шуйского (родного брата князя Василия) на своей свояченице, дочери Малюты Скуратова.

9 Никто из современников не сомневался, что царевич убит по воле Годунова. Только в наше время стали возникать сомнения: неко-

торые полагали, что вместо царевича подставлен и убит другой ребенок; другие разделяли мнение следователей о самозаклании царственного отрока; наконец, третьи отвергали виновность Годунова. Но если бы убитый не был царевичем, могли ли не видеть обмана не только царица и братья ее, но и весь народ углицкий, хорошо знавший и любивший Димитрия? При осмотре тела царевича в левой руке его нашли ширинку (платок), а в правой орехи; мог ли он держать орехи, если бы бросал ножом в тычку? Если бы он, в припадке болезни, упал на нож, горло было бы проколото, а в действительности – гортань была перерезана рукой сильного злодея, а не слабой детской. Если же царевич пал от руки злодея, то кого можно считать главным виновником страшного преступления, кроме правителя Годунова? Кому, кроме Бориса, нужна была смерть Димитрия? Пределы статьи не позволяют нам дальнейших подробностей; желающие могут найти их в превосходной статье покойного преосвященного Филарета Черниговского «Исследование о смерти царевича Димитрия» (Чтения в Обществе Ис-

тории и Древностей Российских, 1858, № 1).

10 Прославление мощей святого страсто-терпца Димитрия будет описано в одной из следующих глав.

11 Разгром Новгорода и разорение обители преподобного Антония описаны нами прежде.

12 Кирилл Завидов, впоследствии архимандрит Сергиевой Лавры (с 1594 г.), а с 1605 года митрополит Ростовский, скончался в 1619 году и погребен в Ростовском Успенском соборе (Историч. описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, изд. 1857 г., стр. 90. Древние святыни Ростова Великого, соч. гр. М. Толстого, изд. 3-е, прилож. I, с. 12 и 13).

13 Анания иконописец, помещенный в списке Новгородских святых в одной рукописи XVII века, погребен в обители, но место могилы его забыто.

14 Этот самый Нифонт написал обширное описание переложения мощей преподобного Антония и бывших при том чудес. Он говорит о себе так: «Аз многогрешный первый желатель бых и понудитель преложити честное тело преподобного из гроба на верх земли»

(лист. 215). Описание составлено им в Сергиевой Лавре в первые дни царствования Бориса Годунова, 22 марта 7106 (1598) года, по повелению Патриарха Иова, от которого были сообщены ему подлинные документы: «...взимах у него (Патриарха) чудесем святого писанные памяти до преложения честного и многочудесного тела преподобного и имени исцелевшим» (лист. 216). Монах Сергиевой Лавры Герман Тулупов списал сказание Нифонта в 1627 году и был, без сомнения, современником сего последнего. Тем важнее для нас труд старца Германа, в Минее-Четье месяца августа, писанной его рукою (Библиотека Сергиевой Лавры, рукопись № 681).

15 Нифонт говорит о Борисе: «Боярин Борис Феодорович быше муж добродетелен весьма и богобоязлив и весьма кипяше всякою добродетелию Богу и человеком» (лист. 179).

16 Святой князь Роман Владимирович Углицкий, внук великого князя Константина Всеволодовича, жил в бедственное время нашествия Батыева и преставился в 1285 году.

17 О святом Дионисии, преподобных Ев-

фимии и Макарии мы упоминали уже прежде.

18 В «Книге о Российских святых» царь Федор Иоаннович поставлен в лике московских чудотворцев. Повествуют, что в предсмертном томлении он беседовал с кем-то незримым для других, именуя его великим святителем, и что в час кончины Феодора ощущалось неизреченное благоухание в палатах кремлевских.

19 Карамзин, История Государства Российского, Т. X, конец III главы.

Глава V

Состояние Церкви в Киевской митрополии XVI века. Церковная уния. Состояние Церкви в Московской митрополии. Упадок иноческой жизни. Угодники Божии: преподобные Никандр Псковский, Адриан и Ферапонт Монзенские; юродивые: Симон Юрьевецкий и Иоанн Московский

Когда на престоле Московского государства прекратился державный род святого равноапостольного князя Владимира в лице царя Феодора, нашему отечеству готовились тяж-

кие, продолжительные испытания. В первопрестольной и боголюбивой Москве существовала уже крепкая опора для православных сынов ее, поставленная Промыслом Божиим незадолго до пресечения царственной династии: мы говорим о возвышении перво-святительской кафедры, которое придало ей новый блеск, новое освящение в глазах народа. Первые патриархи Московские, вынося на старческих раменах своих бремя власти не только церковной, но и государственной, явили себя истинными отцами Церкви и отечества 1.

Не такова была судьба Православной Церкви в западной Руси, под скипетром королей иноплеменных и иноверных, под высшим управлением патриархов Цареградских, отдаленных по месту жительства и чуждых по языку, при архипастырях слабых и нередко увлекаемых честолюбием. Мы говорили в своем месте о первых стеснениях православной веры при Ягайле, вскоре по соединении Литвы с Польшей 2. Хотя общих гонений и не было, но самое разделение Русской Церкви на две митрополии не могло не вредить чистой

вере 3 и пролагало путь к унии.

Уния Флорентийская не удалась папе и не оставила по себе следов не только в Московской, но и в Киевской (юго-западной) митрополии. Поборники папизма убедились, что им (после Флорентийской попытки) невозможно вести борьбу с Православной Церковью в полном ее составе; тогда они решились ограничить свои действия русскими областями, непосредственно подвластными польской короне 4. Первым и самым надежным приготовлением к унии было воспитание молодых людей из знатных южнорусских фамилий у иезуитов польских, особенно в Риме. Приготовление это как нельзя лучше вело к цели иезуитов 5.

Обстоятельства и страсти человеческие сильно содействовали коварным замыслам. С одной стороны, вступивший на престол Польши шведский королевич Сигизмунд III, от колыбели воспитанник иезуитов, был ревностным слугой их до гроба и всегда покорным орудием в руках папизма. С другой стороны, упадок нравов в православном духовенстве, особенно высшем, потребовал довольно стро-

гих мер от Патриарха Цареградского.

Святейший Иеремия, отправляясь в Москву для избрания и посвящения первого русского Патриарха (событие неприятное и тревожное для врагов Православия), увидел в южной митрополии много беспорядков – ослабление нравственности, отступление от правил и обычаев церковных. Он лишил кафедры митрополита Онисифора как двоеженца и предал суду Луцкого епископа Кирилла Терлецкого, который вел жизнь разгульную, по примеру римских прелатов, и уличался в разных преступлениях. Строгость первосвященителя возбудила неудовольствие духовенства, привыкшего к своеволию, недоверчивость и вражду к Патриарху, которого мало знали. Место Онисифора заступил Михаил Рогоза, старик добрый, но с характером слабым. Патриарху было угодно, чтобы к возвращению его из Москвы митрополит Михаил собрал Собор для рассуждения о церковном благочинии. Собор не был собран: Кирилл заставил слабого Рогозу бояться за самого себя. Патриарх напрасно ждал Собора в Замостье с потерей времени и издержек, тяжелых для его

скудного престола. Отзываемый делами в Валахию, он послал доверительную грамоту к митрополиту в Вильну; но Кирилл отнял ее на дороге. Патриарх, узнав о том, послал другую грамоту к Мелетию, епископу Владимирскому (на Волыни), поручая ему и экзарху своему созвать Собор, а на слабого митрополита возложил уплату издержек пребывания в Замостье. Кирилл дружески посетил Мелетия и тайно похитил у него грамоту Патриарха. Таким образом, Собор опять не состоялся; союз с Патриархом был сильно ослаблен.

Между тем иезуит Скарга издал новый панегирик унии, посвятив его «духовному сыну своему», королю Сигизмунду. Для Кирилла, склонявшегося на сторону унии, найден хитрый помощник в сенаторе Поцее, воспитанике латинской Краковской академии. Иезуиты выпросили у короля обещание доставить Поцею доходное епископство Владимирское, и Кирилл постриг Ипатия в монахи. В то же время по настоянию иезуитов открылись новые притеснения православным.

Впрочем, Церковь южнорусская имела две сильные опоры: первой из них были право-

славные церковные братства Львовское, Виленское и множество других (в числе их два первые основаны еще в XV веке). Братства, как попечители монастырей и храмов, заботились о поддержании церковных зданий, о содержании духовенства и бедных и имели право голоса при назначении настоятелей и священников. В бедственное время борьбы, о котором мы теперь говорим, братства одушевились новой ревностью. Не ограничиваясь прежним кругом деятельности, по преимуществу человеколюбивой, они обратили ревность свою на защиту веры, на помощь пастырям Церкви, на учреждение типографий и народных училищ 6.

Волнуемая бурей папизма, южнорусская Церковь имела также ревностного поборника в лице доблестного воеводы Киевского, князя Константина Константиновича Острожского, человека благочестивого и образованного. Он вступил в ближайшие сношения с Востоком, собирал и издавал богослужебные книги 7, заводил училища, рассылал по Литве, Украине и Волыни проповедников для утверждения народа в истинах веры. Постоянная, неусып-

ная заботливость князя о Церкви Православной была известна всем полякам, и они преклонялись пред нею. Король Стефан Баторий, уважая в князе несомненные заслуги воинские и гражданские, даровал ему то преимущество, которое верный и знаменитый сын Православной Церкви считал для себя выше всех наград: король признал его стражем, хранителем и защитником южной Русской митрополии 8. Убеленный сединами мастиной старости, доблестный воевода оправдал этот почетный титул неутомимыми трудами.

Собор, созванный в 1590 году (первый Брестский), рассмотрел грамоты и привилегии, данные в разные времена Православию. Положено было просить короля, дабы им возвращено было значение действующего закона. Хитрый Кирилл, который «яко бес не presta клевета на Патриарха», успел получить в свои руки белые бланкеты с приложенными печатями епископов, выданные для ходатайства пред королем о защите Церкви. После того Кирилл и Ипатий Поцей, уже епископ, объехали города для приготовления к унии. Они старались склонить на свою сторону Михаи-

ла Копыстенского, епископа Перемышльско-го, но тот тогда же протестовал против преступного их умысла. Легче казалось расположить к унии Гедеона Балабана, епископа Львовского, так как он сильно недоволен был Патриархом, который не в его пользу решил спор его с Львовским братством о правах епископа и даже грозил ему отлучением. Терлецкий и иезуиты, с одной стороны, употребляли все, чтобы отягчить положение Гедеона, с другой – твердили Гедеону, что Патриарх оставил его, что он несправедлив к нему. Гедеон поколебался; он склонил было и многих из духовенства, в том числе нескольких греков, к тому, чтобы признать над собой власть папы 9. Но эта неверность долгу совести была только временной в душе Гедеона. Князь Острожский в ответ на письмо Поцея (от 21 июня 1593 года) писал ему, что и он не прочь от мира с немиролюбивым Римом, по желанию облегчить участь Православия, но желает только мира, на который могли бы согласиться патриархи Восточные и Московский; к ним и надобно прежде всего отнестись по сему делу 10. Патриархи Александрийский и

Константинопольский прислали увещания – не прельщаться новыми учениями, а последний грозил отлучением от Церкви каждому, кто захотел бы изменить Православию. Голос Востока произвел сильное впечатление на всех. Но тем решительнее стали действовать Ипатий и Кирилл.

В конце 1594 года происходило совещание об унии, и через несколько месяцев узнали, что Кирилл ездил в Краков и возил туда бланкеты, а Ипатий писал: «Истинно не знаю я ни о каких бланкетах». На тех бланках, которые выданы были в 1590 году, за подписью всех пастырей Церкви, Ипатий и Кирилл написали прошение к королю и послание к папе (от 12 июня 1595 г.) с изложением желания унии не только от лица митрополита и всех епископов, но и «всего духовенства и вверенных им овец». Сигизмунд грамотой 30 июля 1595 года объявил равенство прав униатского духовенства с римским и отправил Ипатия и Кирилла в Рим на свой счет.

Там приняли с восторгом изменников Православия. В торжественном собрании кардиналов и прелатов римских 23 декабря 1595 го-

да Ипатий и Кирилл облобызали ногу папы Климента, вручили ему прошение Собора, и оно прочтено было вслух всем. Секретарь папы от имени его пышной речью объявил им благоволение. Оба епископа прочли исповедание веры: они признали исхождение Святого Духа и от Сына, верховную власть папы, чистилище, причащение Тела и Крови Христовой под одним видом, индульгенции, приняли все, что «определено Тридентским собором, сверх содержащегося в Никейско-Константинопольском символе»! Оба дали присягу за себя и прочих епископов. Таким образом, Ипатий и Кирилл действовали не только как отступники от веры, но и как вероломные предатели, потому что приняли в римском исповедании много такого, чего никто даже и из числа сообщников их не думал принимать, а потому и не мог позволять ручаться за него в принятии. Папа и кардиналы торжествовали, пели хвалебные песни, выбили медаль, достойную Рима 11, внесли в летопись «повесть о воссиянии нового света в странах полуночных».

Предатели родной веры не успели еще воз-

вернуться в отечество, а народное негодование против унии уже кипело и принимало грозный вид. Епископ Гедеон подал сейму жалобу (1 июля 1595 г.), что депутаты-отступники приняли во всем римскую веру, оставив только для виду греческие обряды, что они бессовестным подлогом позорят имя его и Михаила Перемышльского и без ведома папства покорили папству воле папы. Народ проклинал отступников. Князь Острожский объявил, что он не хочет знать унии. Митрополит Михаил еще прежде того окружной грамотой известил, что дорожит союзом с Патриархом Константинопольским.

Тогда на защиту унии восстал со всеми своими силами король Сигизмунд. В августе 1596 года он выдал привилегию на имя униатского духовенства. Затем назначен был сейм в Бресте, и в начале октября 1596 года прибыли туда пять епископов, приверженных унии, с поверенными королями, латинскими епископами и сенаторами. Поборниками Православия на Соборе (по нашему счислению третьем Брестском) 12 были экзархи патриархов: Константинопольского – Ники-

фор и Александрийского – Кирилл Лукарь; епископы Гедеон и Михаил, Лука, митрополит Белгородский, из Славонии, множество архимандритов и протоиереев. Князь Острожский и вся светская знать русская были на стороне Православия. Начались богословские прения. Но за униатов был король, требовавший только повиновения. Прибыл после всех и митрополит Михаил. Православные послали спросить его: чью сторону будет держать он? И он решительно объявил, что не хочет унии, но через несколько часов стал на сторону унии. Православные отправили протестацию к митрополиту, где грозили судом как ему, так и другим изменникам; но все было напрасно. Собор униатов собрался в храме Святого Николая, где все дело началось и кончилось тем, что с амвона прочтены были: булла папы и акт соединения, подписанный 8 октября митрополитом с пятью епископами, но никем из светских.

Православные составили и подписали приговор: а) не слушать ни в чем митрополита и прочих отступников епископов, а считать их лишенными власти, и б) не прини-

мать ничего в отношении к вере без согласия Константинопольского Патриарха.

Так началась уния. Сигизмунд, латинские прелаты-фанатики и польские магнаты употребили все меры насилия в пользу унии, облили землю кровью – на пагубу Польши, бессознательно и невольно подготавливая в будущем присоединение Малороссии к Москве, разделение Польши и зарю того отдаленного дня Господня, когда «отвергнутые насильем воссоединены любовью» 13.

«Отягчения и насилия, – писала Литовская конфедерация 1599 года, – умножаются более и более, особенно со стороны духовенства и некоторых светских лиц римского исповедания. Часто бывает, что ни в одном углу целого государства ни один из нас, православных, какого бы звания ни был, не бывает в безопасности. Наши церкви, монастыри, соборы большей частью уже захвачены, разорены и опустошены, притом с грабежом и мучительством, с убийствами и кровопролитием, с неслыханными ругательствами над живыми и мертвыми. Духовные лица наши за твердость в исповедании терпят разные преследо-

вания: на них нападают в собственных домах их, грабят, позорят, ссылают, лишают собственности. Священники наши не могут крестить младенцев, исповедовать умирающих, отпевать мертвых; тела православных христиан вывозят, как падаль, в поле. Всех, кто не изменил вере отцов, удаляют от чинов гражданских; благочестие есть опала; закон не блюдет нас... Вопием – не слушают!..»

Возблагодарим Бога при мысли, что такой нетерпимости никогда не бывало в нашем любезном отечестве – северной Руси, от самой отдаленной древности и до нашего времени. Все иноверцы были терпимы под одним условием – не свращать православных. Иностранцы в конце XVI века дивились нашей терпимости, неслыханной в образованной Европе, где пылали тогда костры инквизиции. Каковы бы ни были причины, которые произвели и поддерживали это благоговейное явление, во всяком случае, оно служило к славе православной Церкви и было выгодно для государства, облегчая завоевания древних князей наших и самые успехи в гражданском образовании, когда понадобились

лись нам иноверцы, как пособники этого великого дела. Не только христиане иных исповеданий, но магометане и язычники совершали у нас молитву по своим убеждениям и обрядам, между тем как в Литве принуждали православных быть папистами и хотели утвердить единство Римской веры кровавыми гонениями.

Но если Церковь северной Руси не страдала от латинского изуверства, то и она, готовясь к ужасам смутного времени, имела свои внутренние недуги – недостаток просвещения и упадок монашеской жизни. О мрачном невежестве не только народа, но и самого духовенства мы говорили уже прежде, но в конце XVI века это зло еще усилилось. На Московском соборе 1551 года признаны были необходимыми школы для народа и типографии для печатания книг церковных. Но школ учреждено не было, а типографское дело шло неудачно: первые книги напечатаны были без всякого сличения с подлинниками. Люди темные, особенно писцы, восстали против типографии; невежество и злоба не замедлили огласить их еретиками. Диакон Иоанн и Ти-

мофеев, напечатав в 1565 году Часовник, вынуждены были бежать из Москвы в Литву. Народ при слухе о ереси, о деле еретическом взволновался, и самый дом типографский был сожжен. Однако царь велел возобновить дело: в 1568 году напечатана учеником изгнанников, Андроником Невежею, Псалтирь в Москве, а в 1578 году она же – в Александровской слободе.

В предыдущих веках обители иноческие были рассадниками духовного просвещения; в них живой опыт объяснял для души тайны веры и благочестия, развивая в них сознание в превосходстве чистой веры; пример святой жизни разливал из них свет и жизнь на современность. Но в мрачное время Грозного царя заметно ослабление пустынной строгости в монастырях. Оно зависело особенно от помещения в обителях бояр, то постриженных насильно, по воле Иоанна, то укрывавшихся от страшного гнева под его иноческую мантию, и от невольного пострижения вдовых священнослужителей. Как бы строго ни наблюдали настоятели за сохранением правил монашествующими, невольные постри-

женники – ненадежные слуги Божии. Положим, со временем нужда приучала их к монашескому затвору; но до того времени каково было от них монастырю! Люди, привыкшие ни в чем не отказывать себе, могли ли скоро расстаться со своими привычками, даже с одной привычкой к независимости 14? Сверх того много вредили монашеству попечения об имениях недвижимых. Хотя управление ими возлагалось на немногие избранные лица, но разные неприятности и неурядицы управления привлекали внимание и во всей обители; притом смотреть на мир – не то, что иметь в виду только Бога и святых Его: пример мира заразителен, по крайней мере для слабых 15.

Впрочем, в это время просияло несколько угодников Божиих, подобно звездам на тверди небесной, среди темной ночи.

Так, в пустынном лесу, окруженном болотами, между Псковом и Порховом, поселился около 1530 года молодой отшельник по имени Никон, сын благочестивых поселян из погоста Виделебья. В доме родителя обучился он чтению и с юности был богобоязнен и часто

посещал храм Божий. Пример старшего брата, принявшего монашество с именем Арсения, и слава недавно почивших преподобного Саввы и Евфросина возбудили в юной душе его решимость отказаться от мира и служить Единому Господу. По смерти отца семнадцатилетний Никон убедил мать раздать имение частью храмам, частью бедным и удалиться в обитель молитвы. Сам он обошел обители иноческие в стране Псковской. Заметив в себе недостаточное умение читать полезные книги, он поступил для работы в дом одного набожного псковского жителя, а тот отдал его для обучения опытному книжному учителю, и Никон приобрел «разумение писаний».

Услышав о пустынном месте на реке Демьянке, он решился удалиться туда на безмолвие. Блаженный Никон, юродивый Псковский, встретив его на дороге, сказал ему, что ожидают его «горечи»; но это не остановило юношу, так же и как дикость пустынного места не изменила его намерения. Поставив себе хижину, Никон провел несколько лет в безмолвных подвигах молитвы и питался растениями пустыни. Соседние жители слыша-

ли о новом пустыннике, стали посещать его и невольно нарушили его безмолвие. Отшельник, избегая мирской известности, ушел в общежительную пустынь преподобного Саввы Крыпецкого и принял здесь иночество с именем Никандра. Строгостью жизни скоро обратил на себя внимания братии и потому снова возвратился в прежнюю свою пустынь.

Безмолвный и уединенный, без всякой защиты со стороны людей, отшельник жил в беседе с Господом и с надеждою на Него. Раз злые люди вошли в его келью, ограбили иконы, книги и другую бедную собственность отшельника, избили его самого немилосердно, а один пронзил копьем ребро его. Едва живой, покрытый кровью, подвижник со слезами благодарил Господа и молил простить врагов, увлекшихся грехами корысти и злости. Он исцелел быстро; хищники, потеряв дорогу, блуждали три дня около озера; двое из них, ожесточившись, осыпали имя пустынника бранью и скоро, упав в воду, утонули. Остальные раскаялись, возвратили Никандру отнятое у него и просили помолиться за них; отшельник отпустил их с миром. Народ стал со-

бираться к нему, желая слышать наставления из уст подвижника. Отшельник провел уже 15 лет в уединении, но и теперь боялся славы человеческой.

Избегая известности, опасной для души, он снова пришел в Крыпецкую обитель. Здесь поручили ему должность уставщика и потом келаря. Жизнь его была и здесь так же строга, как и в отшельничестве. Пять дней довольствовался он хлебом с водою и только по субботам и воскресным дням вкушал немного вареной пищи. Днем, сверх возложенного послушания, носил он воду и дрова для братии, а ночью молился. По временам, уходя из обители в лес, обнажал он до половины тело свое и отдавал его в пищу насекомых, а сам прял и в то же время пел псалмы. Строгость его по званию келаря и жизнь, не похожая на жизнь большинства братии, казались тяжкими для слабых. Тогда он, заметив, что тяготит собой других, решил оставить обитель; в 3 верстах от нее, на острове, поставил себе хижину и опять стал подвизаться в уединении. Но и здесь жизнь его колола глаза слабых. Когда стали приходиться ревнители благочестия за

советами отшельника, братия обитатели еще более вознегодовала на него и говорила: «Никандр отнимет доходы монастыря». Подвижник оставил их в покое и отправился опять на реку Демьянку.

На дороге в пустыню, в селе Локотах, нетрезвые крестьяне избили его по подозрению, – не из числа ли он злых людей, сожегших перед тем дом одного из них? Преподобный великодушно простил их.

В последние годы открылся в нем дар прозрения и чудесной силы. Одного соседнего помещика, никогда не видав прежде, назвал по имени и предсказал чадородие бесплодной супруге его. Другому предсказал скорую смерть. Крестьянин Назарий, полтора года лежавший больным, велел нести себя в пустынь к преподобному Никандру и умолял его о помощи. Старец велел отнести больного в гостинную хижину, где останавливались приходившие, и оградил его крестом; больной, сладко уснув, встал на другой день совершенно здоровым.

Каждый год, в великий пяток, преподобный отшельник приходил к вечерне в Де-

мьянский монастырь 16 и на другой день после исповеди приобщался Святых Тайн; за 8 лет до кончины принял схиму от демьянского игумена. Жившие в окрестности иногда тайно приходили к хижине отшельника и всегда слышали, что он молился с горьким рыданием; когда замечал близость людей, внезапно умолкал. Никто не заставлял его лежащим для отдыха; он только сидя засыпал немного. Постоянной пищей его были пустынные растения, и по захождении солнца вкушал он немного сухого хлеба, если приносили его; в Великий пост только раз в неделю принимал пищу.

В последние годы жизни преподобного Никандра часто приходил к нему благочестивый диакон Петр для беседы о душевном спасении. Однажды старец сказал ему: «Брат мой! Много страдал я ногами, но по благодати Божией освободился теперь от болезни». Тогда же открыл ему о скором своем преставлении и просил предать земле тело его. «Как же узнаю я о твоей кончине?» – спросил Петр. – «Без скорби нельзя сказать тебе об исходе моем, – отвечал преподобный, – в тот день Псков

объят будет бурею войны, его будут держать в осаде литовцы. Ты же, когда услышишь о смерти моей, послужи мне». Так и случилось. Прохожий крестьянин нашел 24 сентября 1581 года преподобного Никандра в келье его простертым на рогожке, со сложенными на груди руками, почившим в мире и еще не остывшим; в это время Баторий осаждал Псков. Диакон, услышав о кончине богоносного старца, пригласил духовных и мирян отдать честь подвижнику Божию, и, хотя литовское войско рассеяно было по уездам Порховскому и Псковскому, усердствующие безопасно совершили свое благочестивое дело.

Вскоре поселился на пустынном месте преподобного Никандра инок Исаия. Он первый испытал на себе благодеяния почившего праведника: Исаия сильно страдал ногами, так что едва двигался – и по молитве над могилой пустытника получил исцеление. Благодарный к преподобному Никандру, Исаия построил (1584 г.) на месте его подвигов обитель с храмом Благовещения Богоматери. В новую обитель скоро собрались пустытники, и от гроба великого подвижника стали истекать

чудеса. Новгородский дворянин Иаков Муравьев, скорбевший о бесчадии, обратился с молитвой к преподобному Никандру, и через год родился у него сын; он построил храм в честь преподобного Никандра 17.

В конце XVI века в пределах костромских возникла уединенная обитель Монзенская. Первоначальником ее был преподобный Адриан, в миру Амос, костромской уроженец. Еще в мирской жизни, будучи болен, он видел во сне одинокий храм между двух рек и слышал слово: «Здесь твое место». Оправясь от болезни, Амос тайно ушел из дома родительского в Толгский монастырь, потом в Геннадиевой обители принял пострижение с именем Адриана. Здесь прожил он несколько лет; после того жил на Каменном острове Спасской обители в Павловой Обнорской пустыни. Между тем повсюду сопровождала его мысль о храме, виденном между двух рек. В Павловой пустыни полюбил его старец Пафнутий, и Адриан рассказал ему давнее свое видение. В одно время вечером Пафнутий после правила лег отдохнуть. Является ему неизвестный человек и говорит: «Пошли дру-

га твоего Адриана к востоку: место не дальше 50 верст отсюда; там увидит он преподобного мужа». Пафнутий спросил: кто он и как знает то место? Неизвестный отвечал: «То место не тебе назначено». Пафнутий сообщил об этом Адриану. Адриан, по рассказу столетнего иерея Евпла, отыскал в глухом месте запустелый деревянный храм, тот самый, который представлялся ему в видении. С радостью возвратился к Пафнутию; оба вместе решились идти туда. Но неожиданно царский указ потребовал Пафнутия в Москву, где он был (в 1595 г.) назначен архимандритом Чудова монастыря. Адриан основался при храме с несколькими иноками. Место было самое пустынное, тихое и приятное. Но открылось и неудобство: полая вода подмывала берег, и была в виду опасность, что вода подроется под храм. Один старец сказал притом Адриану, что прежний игумен хотел перенести храм с опасного места на другое, и указал то место.

Но воля Божия назначала пустынникам не то место для подвигов, которое понравилось Адриану. Пришел к нему незнакомый от-

шельник и сказал: «Не трудись, старец! Тебе назначено другое место – на берегу реки Монзы; ты узнаешь его тогда, когда двое юношей исцелятся от жестокой болезни». Адриан стал осматривать место на берегу реки Монзы. В это время привезены в Благовещенскую обитель Адриана два больных отрока, один из Буйгорода, другой из Солигалича; отец первого объявил, что сын его по словам неизвестного старца исцелится у старца Адриана, у которого ветхий монастырь Благовещенский, а в новом месте – храм Воскресения Христова и Николая-чудотворца. По рассказу другого, старец сказал ему, что больной сын его исцелится у Адриана, который переносит монастырь на устье реки Монзы. Больные действительно исцелились у Адриана по совершении молебствия в храме. Тогда преподобный Адриан решился перенести обитель на новое место; оно было в 35 верстах от Галича и в 20 от Костромы, при впадении Монзы в реку Кострому. Неведомый Адриану пустынный, указавший новое место, был преподобный Ферапонт, великий подвижник и сокровенный раб Божий. Впоследствии узнали, часто он жил прежде в

Москве и подражал подвигам блаженного Василия 18, потом постригся в Костромском Воздвиженском монастыре и был там образцом послушания и постничества. Жители Костромы, начиная с воеводы, питали к нему уважение, приходили слушать наставления его и принимать благословения; он принимал пощавших с любовью, но иных строго обличал за слабую жизнь и пристрастие к мирской суете. Тяготясь известностью, удалился он из Костромы и поселился на реке Монзе, в 25 верстах от Галича; место, где поселился он, было лесное и окружено болотами, так что сюда можно было проникнуть только на челноке рекой Костромой. Незримый никем, подвизался он здесь в молитве и посте. Только след незнаемого человека видели здесь на траве; но пустынный не показывался никому.

Когда монастырь Адриана уже устроили на новом месте, преподобный Ферапонт сам пришел в обитель Монзенскую и стал жить здесь. Он взял слово с Адриана, что не будет говорить о нем ничего, что известно ему, и просил быть его духовным отцом. «Скоро, – прибавил преподобный, – спустя два года с

половиной, исполнится надо мной воля Божия: до смерти же моей не разглашай обо мне». Ферапонт каждый день выходил из обители и, перейдя реку Монзу, скрывался в чаще леса, там молился он наедине, а ночь проводил в келье без сна и переписывал книги. Инок Кирилл возроптал на святого старца, что не участвует в строении обители, и увидел эфиопов, внушавших ему негодование на святого; тяжело ему приходилось от этих посетителей, пока не пришел к нему чудный старец Ферапонт; старец разогнал духов, но запретил Кириллу говорить о том. Однажды преподобный Ферапонт вышел в лес на обычное место для уединенной молитвы. Женщина по имени Пелагея, собиравшая ягоды, увидела старца издали и перешла овраг, чтобы посмотреть на него вблизи. Старец сидел на колоде, обнаженный до пояса; по телу его, искусанному комарами и оводами, лилась кровь, над ним роились кровожадные насекомые. Увлекаемая женским любопытством, она подошла еще ближе и ослепла. В страхе закричала она: «Угодник Божий, прости меня, грешную!» С этим словом невидимая сила от-

бросила ее за овраг, и она стала видеть; но она боялась сказать о случившемся с нею кому-либо другому, кроме старца Адриана. Служивший в обители Петр, видя однажды неподобного идущего за реку Монзу, сказал ему с насмешкой: «Древен ты годами, а ступаешь искусно, как бы плывешь ногами, и мантия на тебе не движется». Старец ничего не отвечал ему и прошел мимо. Петр, возвратившись в монастырь, почувствовал страшную боль в голове, и лицо его искривилось. Адриан, узнав нечаянно о его болезни, спросил: «Не говорил ли ты при встрече чего-нибудь оскорбительного святому старцу?» Петр исповедал грех свой. Адриан советовал ему молиться и просить прощения у блаженного Ферапонта. Когда святой старец выходил от вечерни, больной просил у него помилования. Ферапонт возложил на него руки и сказал: «Не надобно осуждать никого», – и болезнь миновалась. За день до кончины блаженный Ферапонт сказал: «Близок конец мой», – и просил Адриана причастить его Святых Тайн во время литургии. Братия, видя его на ногах, не хотели верить, что он скоро умрет. В самый

день кончины его все собрались к утрени (это был воскресный день – неделя святых Праотцев); пришел к утрени и чудный Ферапонт, по окончании службы простился с братией и пошел в келью. Игумен Адриан пригласил иноков посмотреть на кончину праведника. Братия и теперь повторяли, что еще крепок он; но когда пришли в келью, подвижник лежал на одре в мантии и куколе, и свечи горели перед иконами: он уже отошел ко Господу. Это было 12 декабря 1591 года.

Вскоре по преставлении преподобного Ферапонта, однажды после литургии, игумен Адриан лег отдохнуть на рогожке. Является Ферапонт и говорит ему: «Спустя десять лет будет великий голод в России, береги рожь; многие будут тогда питаться из твоих житниц, и оне не оскудеют; тогда населятся и пустые земли твои». Феодосий, слепой старец, постриженник обители, в полночь молот жерновом рожь. И вот яркий свет наполнил храмину, и он увидел свет, исходящий из храма святого Николая; перед царскими дверями стоял преподобный Ферапонт. «Чего ты просишь у Господа?» – спросил его преподобный.

«Отпущения грехов», – отвечал слепой старец. «Подвизайся и как начал, так и довершай; спустя немного времени увидишь ты свет вечности», – сказал ему чудный Ферапонт. После того старец опять остался во мраке. В другое время Феодосий в полдень молот хлеб. Опять явился ему Ферапонт и сказал: «Мир тебе и благословение! Спустя немного времени будет великий голод во всей России, но ты не доживешь до того: скоро ты увидишь меня в другом мире; скажи тайно Адриану, чтобы крепко берег рожь – многим придется питаться от монастыря». Феодосий вскоре скончался 19.

В обители Монзенской братия доставала себе пропитание земледелием, и настоятель Адриан был первым на работах. Веря по-смертному предсказанию чудного Ферапонта, он наполнял монастырские житницы хлебом. Когда в 1601 году предсказание сбылось и наступил голод, 20 обитель Адриана и Ферапонта была питательницей для всей окрестности: люди селились на пустошах монастырских, не находя на прежних местах пропитания. Игумен Адриан отпускал хлеб всем нуж-

дающимися в уповании на Господа, и житницы обители не оскудели.

Преподобный Адриан прожил после кончины старца Ферапонта более 20 лет и мирно преставился 5 мая 1619 года 21.

Два подвижника того же времени проходили трудный путь юродства. Один из них был блаженный Симон, сын поселян, живших близ Юрьевца Повологского. Тайно ушел он из дома родительского в густой лес. Поселяне села Алнатского увидели в лесу человека полунагого, в лохмотьях, но не могли попытаться от него, кто он и откуда. Из сострадания привели они его к священнику. В доме доброго пастыря послушливо занимался он работой, никогда не оставаясь праздным; он усердно посещал и храм Божий; но, являясь малоумным перед людьми, подвергался насмешкам и оскорблениям. Одна рубашка зимой и летом была одеждой его, и земля служила ему постелью; обуви не носил он и в самые жестокие морозы. Так прожил Симон в селе Ялнатском 15 лет.

Перейдя в город Юрьевец, он не имел уже никакого пристанища. По-прежнему босой и

полунагой он скитался по улицам, претерпевая насмешки и оскорбления; только в жестокие морозы заходил он в корчемницу, но и здесь встречал наглые толчки и шутки. Любимым местом его была паперть того или другого храма, где проводил он время в молитве; особенно же любил он Богоявленскую обитель. Внимательные видали на глубоком снегу следы коленопреклоненных молитв его. От суровой жизни кожа его совсем почернела, а от поста прилипла к костям. Такими подвигами самоотречения дух его очистился и благодатно окреп, так что он видел то, чего не видали другие.

Раз юродствуя вошел он в дом воеводы Третьяка Трегубова; воевода разгневался на то, что вошел к нему такой нищий, и велел вытолкать его вон. Прогоняемый Симон намекнул на несчастье, ожидавшее воеводу, за это подвергся он новым побоям. На следующее утро жена Трегубова упала с крыльца дома и убилась до смерти. У гроба жены суровый воевода вспомнил о словах юродивого и, раскаявшись в своем поступке, стал уважать Симона. В другое время блаженный говорил:

«Молитесь, будет пожар». Но никто не обратил внимания на слова юродивого. Спустя несколько дней в полдень загорелся город. Третьяк вспомнил о словах Симона и послал отыскать его. Его нашли на паперти, со слезами молящимся перед иконой Богоматери. Воеводы и другие просили его о помощи против страшной беды, и пламень тотчас же погас. Юрьевский житель Зубарев, переплывая Волгу в ладье, на середине ее застигнут был сильной бурей, и ладья его готова была потонуть. Увидав блаженного на берегу, он мысленно молил Симона помолиться о его спасении и обещал дать ему новую одежду и обувь. Буря утихла, но спасенный забыл о своем обещании. Спустя несколько времени, Симон, встретясь с ним в уединенном месте, сказал ему: «А кафтан и сапоги где? Ты забыл свое обещание, которое давал, как тонул в воде». Зубарев сознался в грехе и готов был немедленно подарить обещанное; но блаженный сказал: «Мне не нужно; отдай нищим и не забывай их; милостыня избавляет от напастей».

Близкий к кончине, Симон зашел в дом нового воеводы Петелина. Тот, не зная его, из-

бил его жестоко – до того, что блаженный сильно заболел. Брошенный в подвал воеводы, упросил он слугу призвать духовника. Как великой милости Божией обрадовался он, когда пришел священник со Святыми Дарами; исповедался, приобщился Святых Тайн и предал дух свой Богу 4 ноября 1584 года 22.

Другой подвижник в то же время юродствовал на улицах Москвы. Уроженец страны Вологодской, блаженный Иоанн назывался «водоносцем». Это название напоминает о трудах его в молодости; в солончарне с тяжкими трудами добывания и переноски соленого раствора соединял он строгий пост и молитву. С заводов перешел он в Ростов. Здесь начался новый подвиг его, подвиг особого рода. Его звали «большим колпаком», потому что на голове носил он тяжелый железный колпак. На теле, под одеждой, носил он еще вериги, состоявшие из толстых железных крестов, тогда как на пальцах его было несколько блестящих колец. Раз посетив преподобного Иринея-затворника, он дал ему совет носить на себе кресты железные и сказал пророческие слова: «Даст тебе Бог научать людей от восто-

ка до запада, наполнять землю учениками, отводить людей от пьянства. За незаконное же пьянство и разврат Господь Бог найдет на Русскую землю иноплеменных. И они подивятся и почудятся великому терпению твоему и подвигам; меч их тебе не повредит, и они прославят тебя более верных. А я теперь иду в Москву просить у царя земли, потому что у меня в Москве столько будет видимых бесов (Литвы), что едва устоятся хмелевые тычины. Но их Святая Троица Своею силою прогонит» 23. В Москве ходил он в самые жестокие морозы босой, почти нагой, с распущенными волосами. Встречаясь с Годуновым, говорил вслух: «Умная голова, разбирай Божии дела. Бог долго ждет, да больно бьет». Перед смертью пришел он в церковь Покрова Богоматери, что на рву 24, и просил у протоиерея место себе, где бы ему лечь. Протоиерей, поняв, чего желает юродивый, обещал похоронить его; блаженный указал на место могилы. По выходе из церкви, Иоанн спустился к живому мосту на реку Москву; здесь встретился ему больной Григорий, два года не владевший ногой; расспросив его о болезни, Иоанн как бы

нечаянно наступил ему на ногу, и нога исцелела. Потом пошел за реку в баню и там, в первый раз сняв с себя вериги, трижды облился водой, готовя себя к погребению; лег на скамью, положив под голову все свои тяжести, и сказал: «Простите меня, братия; когда я умру, отнесите к церкви Покрова Богородицы, ко гробу блаженного Василия, чтобы протоиерей и его причт перенесли бездыханное тело праведника в церковь свою, где во время панихиды исцелился боярский сын Елеазар Юрьев, 20 лет страдавший глазами». По воле царя Феодора, слышавшего о подвигах блаженного, юродивого отпевали Казанский митрополит, Рязанский архиепископ и множество настоятелей монастырских. В самый час погребения забушевала буря с громом и молнией: ризничий владыки Рязанского убит был до смерти в самом храме; Покровского диакона Пимена вынесли едва живым; многие другие были оглушены и опалены 25.

Эта буря была как бы вестником волнений и безначалия, которые грозили Московскому государству. Они были предсказаны блаженным Иоанном преподобному затворнику

Иринарху, и время событий уже приближалось. Об этом страшном времени мы будем говорить в следующей главе.

Примечания

1 Подвиги двух первых патриархов будут изложены в одной из следующих глав.

2 Так для православных воспрещены были браки с папистами и затруднен доступ к общественным должностям. Но впоследствии эти меры были оставлены, потому что «жатва не отвечала ожиданиям», как говорит известный галицкий писатель Зубрицкий.

3 Разделение Русской митрополии на две – Московскую и Киевскую – было вредно для последней. Митрополит, подданный короля-паписта, не имел довольно силы, чтобы защищать Православие, а влияние Патриарха Цареградского, под властью которого оставалась южнорусская Церковь, было слишком незначительно.

4 На люблинском сейме Польша присвоила себе на особых правах лучшие области великого княжества Литовского – Киев, Украину. Тогда же прелаты заговорили о религиоз-

ной унии в самых обширных размерах. Желających подробнее ознакомиться с действиями иезуитов в эпоху, предшествовавшую Брестской унии, отсылаем к превосходному сочинению г. Кояловича «Литовско-церковная уния».

5 Князь Курбский оплакивал воспитание иезуитское, направленное к совращению православных в папизм (Киевлянин Максимовича на 1840 г., с. 923).

6 Старшим из училищ (после Острожского, известного еще прежде) было Львовское. Антиохийский Патриарх Иоаким, прибыв в Россию с наставлениями Цареградского Патриарха Иеремии, в 1586 году дал братству Львовскому устав и одушевил его ревностию открыть школу и типографию, а Патриарх Иеремия, получив известие о том от Иоакима, прислал во Львов Елассонского архиепископа Арсения, который принял на себя обязанность преподавать в новом училище уроки и преподавал два года. Львовским братством издана была (1591 г.) первая еллино-словенская грамматика. Прочие братства действовали усердно в том же духе, по мере средств сво-

их. Кроме того, епископом Львовским Геденом заведено было училище в Стратине. Предметами учения были языки: греческий, славянский, русский – диалектика и риторика.

7 Князь Константин открыл первое высшее училище в Остроге, которое при нем называлось академией. При училище завел он типографию, из которой вышло до 18 книг богослужебных и учительных. Библия, изданная им в 1580 и 1581 годах в Остроге, составляет блистательный памятник благочестия и христианского, светлого ума его. В предисловии, им самим написанном, он говорит, что изданием желает «благочестию некое дарование духовное оставить. Кто бо есть от благочестивых, его же не подвиже жалость, зряще ветхость церкви Христовы, на падение клонящуся? Волцы тяжцы нещадно расхищают и распушают овчье стадо Христово». Ему недоставало, говорит он, и людей, способных к изданию Библии, и полных списков Библии. Надлежало посылать к Патриарху и в монастыри греческие и болгарские за лучшими списками. При издании принято за правило

следовать греческому тексту. Усердие благочестивого князя достойно всякой похвалы, и Библия его, как первый опыт, во всяком случае, была дорогим подарком для православной Церкви. Особенно же дорог был этот подарок тогда, как, с одной стороны, гордая Реформация, с другой – коварный папизм упрекали православных недостатком образованности, а еще более тем, что у православных нет даже и Библии. Но, отдавая честь подвигу благочестивого князя, мы должны заметить, что Библия его требовала очень многих поправок. В ней не везде исправлены даже ошибки писца и слова часто не отделены одно от другого. В поправках старались быть вразумительными, но, редко справляясь с греческим текстом, часто удалялись от него (Обзор Духовной Русской литературы преосвященного Филарета Черниговского, ч. I, с. 233–235).

8 По свидетельству г. Кояловича.

9 Исторические Акты, т. IV, № 45.

10 Акты Западной России, т. IV, № 45.

11 На медали вырезали изображение папы Климента и падающего перед ним россияни-

на, с надписью: Ruthenis receptis – «на принятие руссов».

12 Между первым Брестским собором 1590 года и последним, на котором принята уния митрополитом Рагозой и другими предателями Православия, был еще второй Брестский Собор (26 октября 1591 года), совершенно неизвестный нашим историкам. Подлинный акт этого Собора, писанный в православном духе, за подписями и печатями Рагозы, Терлецкого, Гедеона Балабана и других епископов, составляет собственность преосвященного Павла, епископа Псковского.

13 Надпись, вырезанная вокруг креста, на медали, выбитой на воссоединение униатов с Православной Церковью. На другой стороне медали – лик Спасителя и слова апостольские: «Такова имамаи первосвященника». Какая противоположность между двумя памятниками – римским и русским!

14 Царь Иоанн в послании к братии Кирилло-Белозерского монастыря резко обличает порчу нравственную, внесенную боярами в обители иноческие. Но кто же, если не он сам, был виновником этого зла?

15 Тогдашнее ослабление строгости в богатых монастырях обнаруживает и самые их уставы. Тогда как в бедных обителях иноки вели жизнь истинно страдальческую, уставом Тихвинского монастыря во все субботы и воскресенья Великого поста предлагалась инокам икра, а в воскресенье 1-й недели жареная лососина или просоленная семга. Даже по уставу Сергиевой Лавры в субботу 1-й недели предлагали икру, а в воскресенье 1-й недели, в субботу 5-й и 6-й недель – рыбу. (Дополнение к Историческим Актам, № 135).

16 Демьянский Спасский монастырь находился недалеко от Никандровой пустыни, при впадении речки Демьянки в реку Шелонь. Он давно уже не существует.

17 Мощи преподобного Никандра почивают открыто в соборном храме Благовещенской Никандровой пустыни. Они были освидетельствованы по указу Патриарха Иоакима и торжественно открыты 29 июня 1687 года. Житие преподобного Никандра и служба ему написаны неизвестным, находятся в Московской синодальной библиотеке (рукопись XVII века, № 620).

18 Там, когда видел его старец Пафнутий (друг преподобного Адриана) в Павловом Обнорском монастыре, на вопрос Пафнутия: кто он? – Ферапонт отвечал: «Я сожителъ Васи́льев, что на Москве». Точно так же, когда в первый раз виделся с ним Адриан, он сказал ему: «Ты будешь мне отцом и тогда узнаешь мое имя: теперь же скажу тебе, что я сожителъ Васи́лия, который подвизался в Москве». Поселясь в Монзенской обители, старец на вопросы любопытных отвечал, что он «постриженник Воздвиженского монастыря, что в Костроме, но бывал в царствующем граде, где жил близ дома блаженного Васи́лия, отделенный от него одним лишь тыном». Он пострижен в иночество за 16 лет до кончины своей, как сам сказал духовнику (следовательно в 1575 г.). Таким образом ясно, что он едва ли видал в живых блаженного Васи́лия († 1554), а только подражал сокровенному духовному житию его.

19 «Преподобный Феодосий, трудник Благовещенского монастыря, иже на Монзе реце, преставился в лето 7100 (1592)». Так сказано о нем в древнем списке Русских святых.

20 В Успенский пост 1601 года мороз уничтожил хлеб по всей России: настал страшный голод и продолжался три года. в Москве похоронено в скудельницах до 127000 человек, умерших от голода. Тогда люди, получавшие пропитание из монзенских житниц и наученные примером тружеников пустыни, говорили: «Невеянный хлеб – не голод, а посконная рубашка – не нагота».

21 Мощи преподобных Адриана и Ферапонта Чудного почивают под спудом в Благовещенском храме обители их, которая упразднена в 1764 году, там же погребен и блаженный труженик Феодосий. Житие их изложено в «Сказании о начале Монзенского монастыря», библиотека Царского, № 118.

22 Мощи блаженного Симона погребены в Богоявленской церкви города Юрьевца; она принадлежала некогда к монастырю, который давно уже упразднен. Житие блаженного Симона в библиотеке Царского, № 113.

23 Жизнь преподобного Иринарха-затворника, составлена архимандритом Амфилохи-ем, с. 12 и 13.

24 Более известную под именем Василия

Блаженного.

25 Мощи блаженного Иоанна почивают под спудом в Москве, в Рождественском приделе Покровского собора, близ раки святого Василия Блаженного. Житие блаженного Иоанна в библиотеке Царского, № 128, в Синодальной библиотеке, № 850. В Ростовском Борисоглебском монастыре, в прежнем алтаре теплой церкви, а теперь зимней ризнице есть икона Иоанна юродивого «Большаго колпака» во весь рост, иконного письма первой половины XVIII века. Здесь он изображен с большой головой, не соответствующей его туловищу, и длинными распущенными, курчавыми волосами. Большого же колпака ни на голове, ни близ его изображения не написано.

Глава VI

Смутное время. Царь Борис. Попечение Патриарха Иова о распространении веры. Гонение на Романовых. «Великий глад» и прав. Юлиания Лазаревская. Смерть Бориса и его семейства. Лжедмитрий. Заточение Патриарха Иова. Лжепатриарх Игнатий. Воцарение Василий Шуйского. Патриарх Гермоген. Перенесение из Углича в Москву

мощей святого царевича Димитрия. Погребение Годуновых в Лавре Сергиевой. Смятения. Всенародное покаяние. Преставление Патриарха Иова. Низвержение Шуйского с престола. Твердость Патриарха Гермогена. Междоусобица. Ужасы безначалия и разврата.

Перед нами расстилается летопись той эпохи, которую современники очень метко назвали «смутным временем». Действительно, то было смутное время! Беспредельное нарушение долга присяги, низвержение царей и святителей, цареубийство, измена становятся делом обыденным, обыкновенным. Верность считается преступлением, измена и воровство заслугой; разрываются все связи общественные и даже семейные; святость крестного целования, любовь к отечеству, честь и совесть исчезают, как бы бесследно, на лице земли Русской; престол царский сиротеет и предлагается изменникам иноземцам; вера православная колеблется... Наконец, когда бедствие достигло крайних пределов, когда мрак греховного ослепления сде-

лался непроницаемым, гнев Божий обратился в милость, по молитвам Церкви, торжествующей на небесах и воинствующей на земле. Страшная ночь миновала. Новое солнце воссияло на небосклоне Русском.

«Смутное время» начинается с воцарения Бориса Годунова. Достигнув престола царевубийством, он был, однако же, царем законным, избранным «всею землею» Московского государства. Возлагая на себя венец Мономахов, новый царь клялся посвятить всю жизнь свою благу России. Как бы забыв устав церковный, среди литургии он воззвал громогласно: «Отче, великий Патриарх Иов! Бог мне свидетель, что в моем царстве не будет ни сирого, ни бедного», и, тряся ворот своей рубашки, промолвил: «Отдам и сию последнюю народу». Единодушный восторг прервал священнодействие: слышны были только клики умиления и благодарности в храме; бояре славословили монарха, народ плакал.

Несколько лет продолжалось мирное царствование при постоянных попечениях Бориса о благоустроении державы. В то же время и первый Патриарх Русский, Иов, заботился о

распространении веры Христовой между татарами казанскими. Христианство, насажденное между ними святителем Гурием, стало ослабевать, по мере ослабления охранительных мер. В 1593 году ревностный Гермоген, тогда митрополит Казанский, с глубокой скорбью писал в Москву, что некоторые из татар совсем отпали от веры. Посему просил он, чтобы возобновлены были меры к охранению христианства. По ходатайству Патриарха перед царем, приказано было построить слободу с церковью и туда переселить всех новокрещенцев из уезда; запрещено было мусульманам держать у себя христиан в услужении, а христианам предписано пленников иноверных или отпускать, или присоединять ко Христу, жен иметь не иначе как христианок и выполнять все требуемое святой верой 1. Чтобы оживить в казанцах память о чудесах христианства, бывших в Казанской стране, равно о подвигах первых проповедников веры, Гермоген (в 1594 г.) написал повесть о Казанской иконе Богоматери и житие святителей Гурия и Варсонофия.

Апостольская ревность первосвятителя

Иова распространялась и на отдаленную, но единовенную Грузию, страдавшую под игом самых тяжких бед и опасностей. Турция тревожила ее набегами, а Персия принуждала к принятию мусульманства. Перед концом жизни царя Феодора Грузинский царь Александр слезно умолял его принять под покровительство единовенную Иверию. «Настали времена ужасные для христианства, – писал он, – мы, единовенные братья россиян, стенаем от злочестивых; един ты, венценосец Православия, можешь спасти нашу жизнь и наши души». В следующем году принята была клятва царя Александра на подданство России, а Россия обязалась защищать Грузию, как собственность. Так как Церковь Грузинская была в расстройстве по всем частям, то царь Александр просил святителя Иова вспомоществовать ей способными людьми. В апреле 1589 года отправлены были священники для исправления порядка в богослужении и иконописцы для украшения ветхих и опустелых храмов живописью. Патриарх Иов отвечал тогда Александру за себя и царя умным посланием, в котором святительски поучал

царя и народ христианскому смирению перед судьбами Божиими. Царь с восторгом принял послание и посланных духовных людей и отвечал, что русские священники – ангелы для духовенства Иверского, омраченного невежеством 2.

Патриарх Иов и Московский народ просят Бориса Годунова на царство (худ. Медведев)

При Патриархе Иове установлены некоторые новые праздники: в 1591 году написан канон и самим Иовом исправлена служба преподобному Иосифу Волоколамскому, а Собор положил праздновать его во всех церквах; в 1600 году установлено повсеместное празднование преподобному Корнилию Комельскому 3.

Книгопечатание в Москве шло довольно успешно. К сожалению, по недостатку людей, знающих греческий язык, в новопечатных книгах оказывалось много недостатков, хотя в самом начале патриаршества уже твердо были убеждены, что необходимо исправлять бесчисленные ошибки в книгах и что для того надобно не только печатать книги, но

предварительно печатанию сличать поздние с древними, лучшими списками 4.

Но время всеобщего спокойствия и благоденствия не было продолжительно. Прежде всего заметили перемену в действиях самого царя: под личиной добродетели Борис таил в душе мрачную подозрительность. Он естественно думал, что и другие подобно ему могли питать в сердце жажду к верховной власти, лицемерие и дерзость; хотел быть на страже неуспешной, все видеть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы, и вот восстановил для того бедственную Иоаннову систему доносов и вверил судьбу граждан сонму гнусных изветников. Много знатных родов боярских, по доносам подкупленных рабов, подверглось опале, ссылке и истязаниям. В числе пострадавших заслуживает особенного внимания по дальнейшему влиянию на судьбы Церкви и государства семейство Романовых-Юрьевых 5. Старший в этом роде, родной племянник царицы Анастасии, боярин Федор Никитич, по ложном доносу холопа, обвинен в измене и в намерении извести государя средствами волшебства. Постриженный

наильно с именем Филарета, он был сослан в отдаленную Сийскую обитель преподобного Антония. Сюда не пускали даже и богомольцев, чтобы кто-нибудь не доставил письма иноку невольному, но ревностному в благочестии: коварный пристав, с умыслом заговаривая ему о дворе, семействе и друзьях его, доносил царю, что Филарет хотя занимается единственно спасением души, но тоскует о жене и детях, не зная, где они без него сиротствуют, и моля Бога о скором конце их бедственной жизни. Бог не услышал этой молитвы к счастью России! 6 Спустя три года Борис захотел похвалиться милостию: позволил Филарету стоять в церкви на клиросе, взять к себе чернеца в келью для услуг и беседы; приказал всем довольствоваться своего изменника (так называл он мужа, непорочного в совести) и для богомольцев отворить монастырь Сийский, но не пускать их к опальному иноку; приказал наконец (в 1605 году), посвятить Филарета в иеромонахи и в архимандриты, чтобы тем более удалить его от мира.

Это печальное время Борисова царствования, уступая Иоаннову в кровопийстве, не

уступало ему в беззаконии: наследство, гибельное для будущего! Любовь народная к государю, единодушно избранному, остыла: он не мог уже возобновить ее даже чувствительностью к народному бедствию и щедростью неслыханной во время голода. Весной, в 1601 году, небо омрачилось густой тьмой и дождили в течение десяти недель непрестанно, так что жители сельские пришли в ужас: не могли ничем заниматься, ни косить, ни жать; а 15 августа жестокий мороз повредил как зеленому хлебу, таки всем плодам незрелым. Еще в житницах и в гумнах находилось немало старого хлеба; но земледельцы, к несчастью, засеяли новым, гнилым, тощим, и не видали всходов ни осенью, ни весной; все истлело и смешалось с землей. Между тем запасы вышли и поля уже остались незасеянными. Тогда началось бедствие, и вопль голодных встревожил царя. Не только гумна в селах, но и рынки в столицах опустели. Борис велел отворить царские житницы в Москве и в других городах, убедил духовенство и вельмож продавать хлебные свои запасы низкой ценой, отворил казну, раздавал целые кучи

серебра народу. Но это пособие приманило в Москву несметное число нищих, и ужасы голода достигли до крайности. По свидетельству современников, люди сделались хуже зверей: оставляли семейства и жен, чтобы не делиться с ними куском последним. Не только грабили, убивали за ломоть хлеба, но и пожирали друг друга. Путешественники боялись хозяев, и гостиницы стали вертепом душегубства: давили, резали сонных для ужасной пищи! Мясо человеческое продавалось в пирогах на рынке! Матери глодали трупы своих младенцев!.. Злодеев казнили, жгли, кидали в воду, но преступления не уменьшались... И в это время другие изверги копили, берегли хлеб в надежде продавать его еще дороже! 7 Но нашлись и люди сострадательные, готовые жертвовать всем своим достоянием для помощи братьям по человечеству и христианству. Так блаженная Иулиания Осоргина, вдова помещика Муромского округа, при оскудении пищи распродала скот и всю движимость свою и кормила хлебом, купленным по дорогой цене, не только челядь свою, но и всех, просивших у нее милостыни. Когда ве-

ликая нищета умножилась в доме ее, она собрала своих рабов и сказала им: «Голод обдержит нас, видите сами. Если кто из вас хочет, пусть идет на свободу и не изнуряется для меня». Благомыслящие между ними обещались с нею терпеть, а другие отошли. С благословением и молитвой отпустила она их и не держала на них гнева. Оставшимся рабам велела собирать траву лебеду и кору с дерева, называемого «илим» (вяз), и из этих припасов велела готовить хлебы, и тем сама питалась и детей и рабов кормила. И молитвою ее был тот хлеб сладок, и никто в доме ее не изнемогал от голода. Тем же хлебом она и нищих питала и, не накормивши, никого из дому не отпускала, а нищих в то время было бесчисленное множество. Соседи говорили нищим: «Что к Юлиании в дом ходите? Она и сама голодом умирает». Нищие отвечали: «Много сел мы обходим, и чистые хлеба собираем, а так в сладость не наедаемся, как сладок хлеб у этой доброй вдовы». И соседи, для испытания, посылали к ней за хлебом. Ели его и дивились, говоря: «Горазды рабы ее печь хлебы», а того не разумели, что молитвою ее хлеб был сла-

док. Могла бы она умолить Бога, чтобы не оскудевал дом ее, но противилась смотрению Божию, терпя благодарно и ведая, что терпением приобретается Царствие Небесное. И терпела в той нищете два года: не опечалилась, не смутилась и не изнемогла нищетой, но была еще веселее прежнего 8.

Лжедимитрий в келье (худ. А.А. Наумов)

Но ужасы «великого глада» (как выражались современники) были только первыми каплями из фиала гнева Божия, медленно изливавшегося на Россию. Настало время явной казни для Бориса: не там, откуда он, волнуемый напрасными подозрениями, ждал для себя опасности, появилась опасность внезапная; не потомки Рюрика, не князья и вельможи, им гонимые, ополчились против него. Восстал на него неизвестный бродяга, именем младенца, давно лежавшего в угличской могиле 9. Имя царевича, слух о сохранении последней отрасли державного рода придали силу обманщику. Впрочем, успехи Лжедимитрия при жизни Бориса не были значительны. Еще не открылось явной измены. Патриарх

Иов с духовенством твердо стоял за царя законного, разослал грамоты, повелевая совершать ежедневное молебствие об успехах Борисова оружия и всенародно проклинал самозванца. Когда Борис скоропостижно умер, сын Феодор вступил на престол, и все присягнули ему. Но войско предалось Лжедмитрию, думая видеть в нем законного государя, сына Иоаннова; за этой первой изменой последовали другие; успехи измены навели ужас на столицу; грамоты самозванца читались на Лобном месте. Патриарх просил бояр уговаривать народ и сам в храме обличал обезумевших клятвопреступников. Многие присягнули самозванцу, но Патриарх Иов остался тверд. Злодеи во время литургии, которую совершал сам первосвященник, ворвались в храм, в самый алтарь, и стали рвать с Иова святительскую одежду. Иов снял с себя панагию, положил ее у чудотворной Владимирской иконы и со слезами молился вслух всех: «Владычице Богородице! Здесь возложена на меня панагия святительская, с нею исправлял я слово Сына Твоего и Бога нашего и 12 лет хранил целостность веры. Ныне, ради грехов

наших, как вижу, бедствует царство, обман и ересь торжествуют. Спаси и утверди Православие, молитвами к Сыну Твоему». Святая молитва святителя только озлобила злодеев – слуг Лжедмитрия. Они надели на Иова рясу и клобук простого монаха, позорно таскали по площадям и наконец, посадив в телегу, послали в Старицкий монастырь, прежнюю его обитель. Царь Феодор убит вместе с матерью; сестра его царевна Ксения обречена на горькую жизнь 10.

Едва успел воцариться самозванец, как все лучшие люди с ужасом увидели в пришельце орудие ляхов и иезуитов, а не сына Иоаннова. На кафедру низверженного Патриарха возведен, без соборного собрания, Рязанский архиепископ Игнатий, хитрый грек, живший долго в Риме. Такой пастырь нужен был самозванцу и ляхам. Когда Игнатий для приличия просил благословения у Иова, старец свободно отвечал: «По ватаге атаман, по овцам пастух». Новый Патриарх согласился венчать на царство, помазать святым миром и сподобить причащения Святых Тайн, еще до совершения брака, невесту мнимого Дмитрия, Мари-

ну Мнишек, папистку, позволяя ей иметь свою латинскую каплицу и соблюдать все уставы Римской веры. Казанский митрополит Гермоген и Коломенский епископ Иосиф настоятельно требовали, чтобы невеста, как царица Русская, торжественно приняла Православие, а иначе она не царица и даже не может быть заключен брак царя с нею. Самозванец закипел гневом, приказал немедленно выслать Гермогена из столицы в Казанский монастырь и грозил лишить его сана. Такая же участь ожидала и Иосифа. Но Господь защитил Церковь Свою! Неистовства ляхов во время свадьбы Лжедмитрия восстановили всех против самозванца, и он погиб смертью позорной. Тогда же и лжепатриарх сведен был с престола и заключен в Чудовом монастыре 11. Князь Василий Иванович Шуйский, первый деятель в низвержении Лжедмитрия и знатнейший между боярами, был избран жителями столицы и занял престол царский. Прежде всего желал он избрать законного первосвященителя (старец Иов, лишившийся зрения, отказался). Освященным Собором единодушно избран и посвящен Казанский

митрополит Гермоген, муж непоколебимой твердости и правоты, постигнутый опалой самозванца за ревность к Православию.

Бедствия еще только начинались. Хотя самозванец убит был всенародно, хотя труп его обруган был на площади Кремлевской, но буря, поднятая именем царевича Димитрия, не утихла. Некогда Василий Шуйский не имел твердости открыть перед царем Феодором об умерщвлении царевича Димитрия и низким лжесвидетельством в угодность Борису затмил обстоятельства смерти закланного отрока. Теперь, избранный на престол, отдал он торжественную почесть царственному страстотерпцу перенесением мощей его в Москву. Царь велел святителям: Филарету Ростовскому 12 и Феодосию Астраханскому, с боярами: князем Воротынским, Петром Шереметьевым, Андреем и Григорием нагими 13, перевезти в Москву тело Димитрия из Углича, где оно, в господствование самозванца лежало уединенно в опальной могиле, никем не посещаемой; иереи не смели служить панихиды над нею; граждане боялись приблизиться к тому месту, которое безмолвно уличало мни-

мого Димитрия в обмане. Но падение обманщика возвратило честь гробу царевича: жители устремились к нему толпами, лили слезы умиления и покаяния, потому что лучше других знали истину и молчали против совести. Когда святители и бояре московские, прибыв в Углич, объявили волю государя, народ долго не соглашался выдать им драгоценные останки юного мученика, взывая: «Мы его любили и за него страдали! Лишенные живого, лишимся ли мертвого?» Когда же, вынув гроб из земли и сняв его крышу, увидели тело, в пятнадцать лет не поврежденное сыростью земли: плоть на лице и волосы на голове целые, равно как и жемчужное ожерелье, шитый платок в левой руке, одежду, также шитую золотом и серебром, сапожки, горсть орехов, найденных у закланного отрока в правой руке и с ним положенных в могилу; тогда, в единодушном восторге, жители и пришельцы начали славить знамение святости. За чудом следовали новые чудеса, по свидетельству современников: недужные, с верою и любовью касаясь мощей, исцелялись. Из Углича несли раку, перемежаясь, люди знатнейшие, воины,

граждане и земледельцы. Василий, царица-инокиня Марфа, Патриарх Гермоген, духовенство, синклит, народ встретили раку за городом (1606 г.); открыли мощи, явили их нетление, чтобы «утешить верующих и сомкнуть уста неверным». Василий взял святое бремя на рамена свои и нес до собора Архангельского, как бы желая усердием и смирением очистить себя перед тем, кого он столь бесстыдно оклеветал в самоубийстве! Там, среди храма, инокиня Марфа, обливаясь слезами, молила царя, духовенство, всех россиян простить ей грех согласия со Лжедмитрием для обмана 14, и святители, исполняя волю царю, разрешили ее торжественно, «из уважения к ее супругу и сыну». Народ исполнился умиления, и еще более, когда церковь огласилась радостными кликами многих людей, внезапно исцеленных от болезней действием веры к мощам Димитрия, как пишут очевидцы. Хотели предать земле священные останки страстотерпца в правом предалтарии, где лежит царь Иоанн с двумя сынами; но благодарность исцеленных и надежда болящих убедили Василия не скрывать «источник бла-

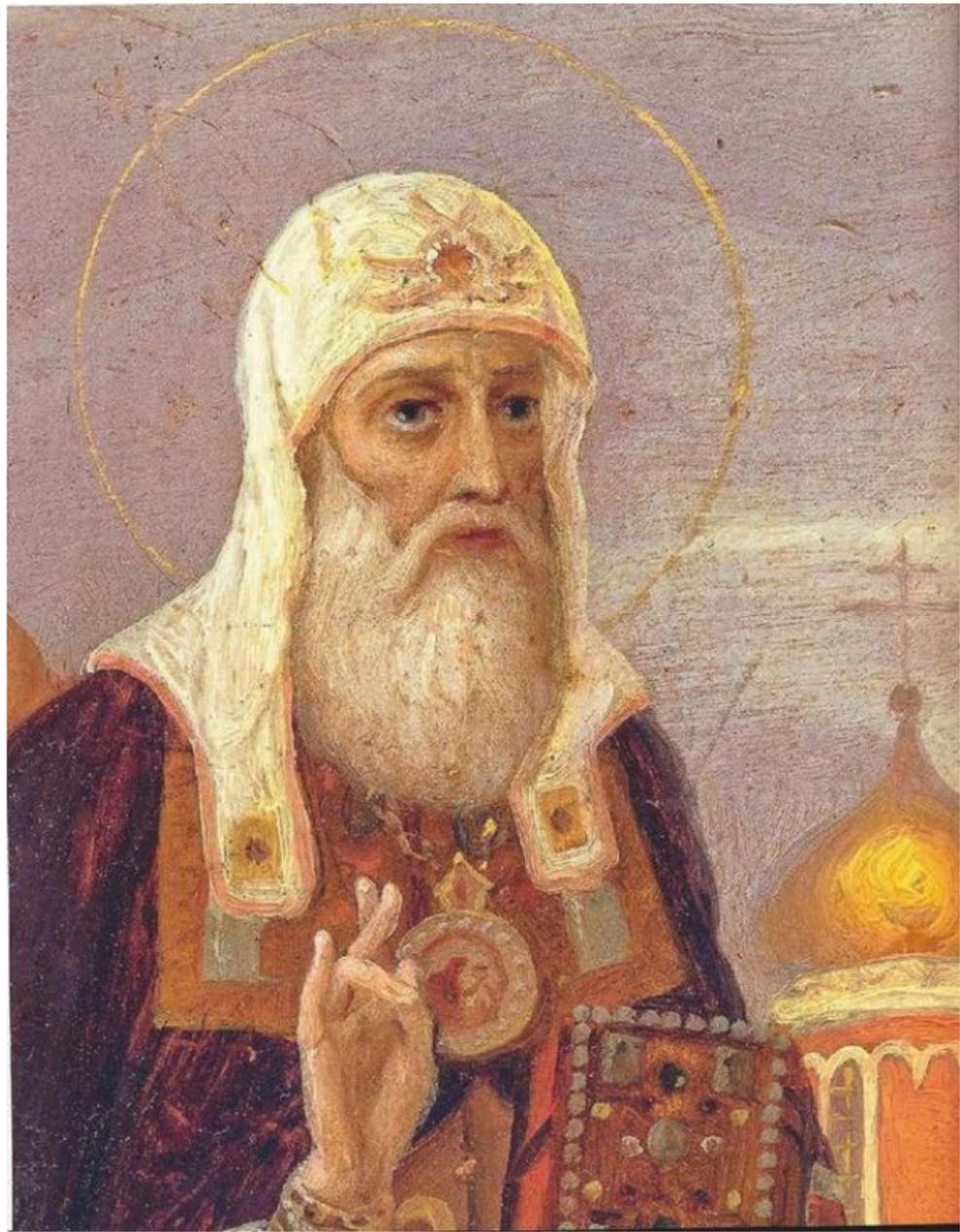
годати»; вложили мощи в деревянную раку, обитую золотым атласом, оставили ее на помосте и велели петь молебны новому угоднику Божию, вечно праздновать его память и вечно клясть Лжедмитриеву. С того времени нетленные мощи святого царевича Дмитрия открыто почивают в Московском Архангельском соборе.

Вслед за тем Василий захотел загладить несправедливость современников в глазах потомства, сняв опалу с памяти венценосца, хотя и ненавистного за многие дела злые, но достойного хвалы за многие государственные благодеяния: велел пышно и великолепно перенести тело царя Бориса, Марии, юного Феодора в знаменитую Лавру Сергиеву. Торжественно огласив убиение и святость Дмитрия, Шуйский не смел приблизить к его мощам гроб убийцы и снова поставить между царскими памятниками, но хотел сим действием уважить законного монарха в Годунове, будучи также монархом избранным, хотел возбудить жалость если не к Борису виновному, то к Марии и Феодору невинным, чтобы произвести живейшее омерзение к гнусным

их убийцам. В присутствии бесчисленного множества людей, всего духовенства, двора и синклита, открыли могилы: двадцать иноков взяли гроб Бориса на плечи свои (царь Борис скончался иноком); гроб Феодора и Марии несли знатные сановники, провождаемые святителями и боярами. Позади ехала, в закрытых санях, несчастная Ксения, громко вопила о гибели своего дома, жалуясь Богу и России на изверга-самозванца. Зрители плакали, вспоминая счастливые дни ее семейства, счастливые и для России в первые годы Борисова царствования 15.

Но еще не довольно смирился перед Богом царь Василий, чтобы погасить гнев Божий на Россию за нечистоты сердечные, за клятвопреступления и цареубийство. Повсюду начались волнения, сначала только потому, что Василий избран одной Москвой; далее стали говорить, что нельзя нарушить клятву Димитрию и что Димитрий спасся из Москвы во время восстания народного; появились новые самозванцы 16.

Св. Патриарх Гермоген

Тогда царь и Собор положили принести всенародное покаяние. Патриарх Гермоген посланием пригласил в Москву бывшего Патриарха Иова, «для великого государева и земского дела» 17. Иов приехал и (20 февраля 1607 г.) явился в соборном храме Успения, извне окруженном и внутри наполненном несметным множеством людей. Он стоял у патриаршего места в виде простого инока, но возвышаемый в глазах зрителей памятью его знаменитости и страданий за истину, смирением и святостью, отшельник, вызванный почти из гроба примирить Россию с небом. В глубокой тишине общего безмолвия и внимания, поднесли Иову бумагу и велели патриаршему архидиакону читать ее на амвоне. В сей бумаге народ (и только один народ, а не царь) молил Иова отпустить ему, именем Божиим, все его грехи пред законом, строптивость, ослепление, вероломство и клялся впредь не нарушать присяги, быть верным государю; требовал прощения живым и мертвым, дабы успокоить души клятвопреступников и в другом мире; винил себя во всех бедствиях, ниспосланных Богом на Россию, но не винился в

цареубийствах, приписывая убиение Феодора и Марии одному самозванцу; наконец молил Иова благословить царя, бояр, христоролюбивое воинство и всех христиан, да торжествует царь над мятежниками и да насладится Россия счастьем тишины. Иов отвечал грамотой, заблаговременно, но действительно им сочиненной, писанной известным его слогом, умилительно и красноречиво. Тот же архиерей читал ее народу. Изобразив в ней величие России, созданное умом и счастьем ее монархов, Иов соболезновал о гибельных следствиях Димитирева заклания, но умалчал о виновнике злодейства, некогда любив и славив Бориса 18, напомнил единодушное избрание Годунова в цари и народное к нему усердие; дивился ослеплению народа, прельщенного бродягой; говорил: «Я давал вам страшную на себя клятву в удостоверение, что он самозванец: вы не хотели мне верить и сделалось то, чему нет примера ни в священной, ни в светской истории». Описав все измены, бедствия отечества и Церкви, свое изгнание, гнусное цареубийство, если не совершенное, то по крайней мере допущенное

народом, воздав хвалу Василию, «царю святому и праведному», за великодушное избавление России от стыда и гибели, Иов продолжал: «Вы знаете, убит ли самозванец; знаете, что не осталось на земле и мерзкого тела его, а злодеи дерзают уверять вас, что он жив и есть истинный Димитрий! Велики грехи наши пред Богом “в сии лета последняя”, когда вымыслы нелепые, когда сволочь гнусная, тати, разбойники, беглые холопы могут столь ужасно возмущать отечество!» Наконец, исчислив все клятвопреступления, не исключая и данной Лжедимитрию присяги, Иов именем небесного милосердия, своим и всего духовенства объявлял народу разрешение и прощение, в надежде, что он не изменит снова царю законному, и добродетель верности, плодом чистого раскаяния, умилоstitвит Всевышнего, да победят врагов и возвратят государству мир с тишиною 19.

Действие было неописанное. Народу казалось, что тяжкие узы клятвы спали с него и что Сам Всевышний устами праведника изрек помилование России. Плакали, радовались и тем сильнее тронуты были вестью, что

Иов, едва успев доехать из Москвы в Старицу, преставился. Мысль, что он, уже стоя на пороге вечности, беседовал с Москвой, умиляла сердца. Видели в нем мужа святого, который в последние минуты жизни и в последних мольбах души своей ревностно занимался судьбой горестного отечества, умер, благословляя его и возвестив ему умилоствление неба 20.

Дальнейшие события не соответствовали благоприятным ожиданиям. Государство утопало в пучине крамол. На время воссияла надежда в лице юного витязя, воздвигнутого, по-видимому, самим Провидением для избавления погибающего отечества. Все благоприятствовало герою Михаилу Скопину-Шуйскому: доверенность царя и народа, усердие и единокорие своих, смятение и раздор неприятелей. Наконец русские увидели, что уже давно не видали: ум, мужество, добродетель и счастье в одном лице; увидели мужа великого в прекрасном юноше и славили его с любовью, которая столь долго была жаждой, потребностью неудовлетворяемого их сердца, и нашла предмет столь чистый и достойный.

Но и эта надежда исчезла: князь Михаил, на 23-м году жизни стяжав бессмертие в истории, умер скоропостижно 21. Москва в ужасе онемела. Не находя слов для изображения общей скорби, летописцы говорят, что Москва оплакивала князя Михаила столь же неутешно, как царя Феодора Иоанновича. Кончина Михаила, столь неожиданная, казалась явным действием гнева небесного: думали, что Бог осуждает Россию на верну гибель, лишив ее защитника, который один вселял надежду и бодрость в души, один мог спасти государство, снова ввергаемое в пучину мятежей без кормчего! Люди русские имели государя, но плакали как сироты, без любви и доверенности к Василию, омраченному в их глазах несчастным царствованием. Сам Василий лил горькие слезы о горе: их считали притворством, и взоры подданных убегали царя, в то время, когда он, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывал необыкновенную честь усопшему: отпевали, хоронили его великолепно, как бы державного. В Архангельском соборе, в приделе Иоанна Крестителя, стоит уединенно гробница знаменитого

юноши, единственного добродетелью и любовью народной в век ужасный! От древних до новейших времен России никто из подданных не заслуживал ни такой любви в жизни, ни такой горести и чести в могиле.

Может быть, Василий, погребая юного героя под кровом того храма, где починут наши венценосцы, уже предчувствовал свою гибель. Она скоро свершилась. В Москве зашумел мятеж народный. Враги Василия потребовали свержения его с престола; другие надеялись, что земля Северская и все бывшие слуги Лжедмитрия немедленно возвратятся под сень отечества, как скоро не будет Шуйского, для них ненавистного и страшного; что государство бессильно только от разделения сил: соединится, усмирится и враги исчезнут! Раздался один голос в пользу закона и царя злощастного – голос Гермогена; с жаром и твердостью Патриарх изъяснял народу, что нет спасения там, где нет благословения свыше; что измена царю есть злодейство, всегда казнимое Богом, и не избавит, а еще глубже погрузит Россию в бездну ужасов. Весьма немногие бояре, и весьма не твердо, стояли за

Шуйского; самые искренние и ближние его уклонились, видя решительную общую волю; сам Патриарх с горестью удалился, чтобы не быть свидетелем дела мятежного. Василий был сведен с престола и невольно пострижен 22.

Никто не противился насилью нечестивому, кроме великого святителя: Патриарх торжественно молился за Василия в храмах, как за помазанника Божия, царя России, хотя и в темнице; торжественно проклинал бунт и не признавал Василия иноком. Но вопли страстей заглушали голос правды: Дума боярская решилась предложить престол Владиславу, сыну Польского короля Сигизмунда, хотя Патриарх убеждал не жертвовать Церковью для земных выгод и советовал возложить венец на юного Михаила Романова (сына Филарета). Так богомудрый святитель предвозвестил отечеству волю небес, хотя далеко еще было до избавления! Впрочем, святейший Гермоген успел устоять на том условии, что Владислав до вступления на престол обязан принять Православие, прекратить связи с папой и поставить законом смертную казнь каждо-

му, кто отступит от Православия.

Между тем престол царский все еще оставался праздным. 23 Наступили времена ужаса, безначалия, буйства народного. Дума боярская, присвоив себе верховную власть, не могла утвердить ее в слабых руках своих, ни утишить народной тревоги, ни обуздать мятежной черни. Самозванец грозил Москве нападением; польские войска к ней приближались, народ вольничал, холопы не слушались господ, и многие люди чиновные, страшась быть жертвой безначалия и бунта, уходили из столицы, даже в стан к Лжедмитрию, единственно для безопасности личной. Казалось, что русские люди уже не имели ни отечества, ни души, ни веры; что государство, зараженное нравственной язвой русских изменников, издыхало в страшных судорогах. По словам очевидца, добродетельного келаря Сергиевой Лавры Авраамия Палицына, «Россию терзали свои более, нежели иноплеменные: путеводителями, наставниками и хранителями ляхов были наши изменники, первые и последние в кровавых сечах: ляхи, с оружием в руках, только смотрели и смеялись

безумному междоусобию. В лесах, в болотах непроходимых россияне указывали или готовили им путь, и числом превосходным берегли их в опасностях, умирая за тех, которые обходились с ними, как с рабами. Вся добыча принадлежала ляхам: они избирали себе лучших из пленников, красных юношей и девиц, или отдавали на выкуп ближним и снова отнимали, к забаве русских изменников... Сердце трепещет от воспоминания злодейств: там, где стыла теплая кровь, где лежали трупы убиенных, там гнусное любострастие искало одра для своих мерзких наслаждений... Были женщины, прельщаемые иноплеменниками и развратом; но другие смертью избавляли себя от зверского насилия. Уже не сражаясь за отечество, еще многие умирали за семейства: муж за жену, отец за дочь, брат за сестру вонзал нож в грудь ляху. Не было милосердия: добрый, верный царю воин, взятый в плен ляхами, иногда находил в них жалость и самое уважение к его верности; но изменники называли их за то женами слабыми и худыми союзниками царя Тушинского; всех твердых в добродетели предавали жестокой казни: ме-

тали с крутых берегов в глубину рек, расстреливали из луков и самопалов, в глазах родителей жгли детей, носили головы их на саблях и копьях; грудных младенцев вырывая из рук матерей, разбивали о камни. Видя такую неслыханную злобу, ляхи содрогались и говорили: «Что же будет нам от россиян, когда они и друг друга губят с такой лютостью?» Сердца окаменели, умы омрачились: вблизи свирепствовало злодейство, а мы думали, оно минует нас, или искали в нем личных для себя выгод. В общем кружении голов все хотели быть выше своего звания: рабы хотели быть господами, чернь – дворянством, дворяне – вельможами. Не только простые простых, но и знатные знатных и разумные разумных обольщали изменой, в домах и в самих битвах; говорили: «Мы блаженствуем, идите к нам от скорби к утехам!..» Гибли отечество и Церковь; храмы истинного Бога разорялись, подобно капищам Владимирова времени; скот и псы жили в алтарях; воздухами и пеленами украшались кони; злодеи пили из святых потиров, на иконах играли в кости; в ризах иерейских плясали блудницы. Иноков,

священников палили огнем, допытываясь сокровищ; отшельников, схимников заставляли петь срамные песни, а безмолвствующих убивали... Люди уступили свои жилища зверям; медведи и волки, оставив леса, витали в пустых городах и весях; в раны плотоядные сидели станицами на телах человеческих; малые птицы гнездились в черепахах. Могилы, как горы, везде возвышались. Граждане и земледельцы жили в делях, в лесах и пещерах неведомых, или в болотах, только ночью выходя из них обсушиться. И леса не спасали: люди, уже покинув звероловство, ходили туда с чуткими псами на ловлю людей; матери, укрываясь в густоте древесной, страшились вопля своих младенцев, зажимали им рот и душили их до смерти. Не светом луны, а пожарами озарялись ночи; ибо грабители жгли, чего не могли взять с собой – дома и скирды хлеба, да будет Россия пустыней необитаемой

24.

При этом страшном кипении необузданных страстей, только одни пастыри словесного стада Христова оставались верными своему долгу. Они видели, как действовал Патри-

арх Гермоген, непоколебимый столп Православия, несокрушимый адамант Церкви и отечества, и все ревностно подражали перво-святителю. В следующей главе увидим доблестные подвиги святителей, иереев, иноков и отшельников.

Примечания

1 Акты Археографической Экспедиции II, № 350.

2 Послание к царю Александру в I т. Исторических Актов № 227. – Тогда посланы в Грузию «учительные люди»: из Сергиевой Лавры соборный старец, бывший казначей, Закхей и иеромонах Иерофей, из Чудова монастыря диакон Феодосий, иконописцы: Успенский священник Богдан, Архангельский священник Димитрий и диакон Феодор. История Грузинской Церкви, Иоселиана, с. 102–105.

3 Волоколамские рукописи № 190 и 191, находящиеся теперь в библиотеке Московской Духовной Академии. – Акты Археографической Экспедиции II, № 222.

4 При патриархе Иове (с 1589 до 1602 г.) в первый раз были изданы обе триоди – цвет-

ная и постная, октоих, архиерейский чиновник, общая минея и служебник.

5 Память добродетельной царицы Анастасии и близкое родство Романовых-Юрьевых с угасшим царским домом были для них правом на общее уважение и любовь народа. Боярин Никита Романович (брат царицы), достойный любви благородными качествами, оставил пять сыновей: Феодора, Александра, Михаила, Ивана и Василия, в последний час жизни умоляя Годунова быть им вместо отца.

6 Супруга Феодора Никитича, Ксения Ивановна, постриженная и названная Марфой, заточена в один из Заонежских погостов, а сын их шестилетний Михаил (будущий царь) на Белоозеро, вместе с семейством дяди, князя Бориса Черкасского. Романовы, братья Ф.Н., также подверглись ссылке в самые отдаленные углы Русской земли, томились в душных землянках и померли в узах (кроме Ивана Никитича). Доныне близ села Ныроба (в 7 верстах от Чердыни) растет два кедра на месте могилы Михаила Романова. Доныне в церкви Ныробской хранятся тяжкие его оковы, и старцы еще рассказывают там по преданию

от дедов о великодушном терпении, о чудесной крепости и силе твердого узника, о любви к нему всех жителей, которых дети приходили к темнице его играть на свирелях и сквозь отверстия землянки подавали ему все лучшее, что имели для утоления голода и жажды: любовь, за которую их гнали при Годунове и наградили в царствование Романовых милостивой, обильной грамотой. – В 1616 году прах страдальцев перенесен в Москву и покоится в Новоспасском монастыре.

7 В 1603 году мало-помалу исчезли все знамения ужаснейшего из зол: снова явилось обилие, и такое, что четверть хлеба упала ценной от трех рублей до 10 копеек, к восхищению народа и к отчаянию корыстолюбцев, еще богатых тайными запасами ржи и пшеницы.

8 Блаженная Юлиания (по выражению книги о Российских святых), «новая чудотворица», преставилась 2 января 1665 года. Житие ее, написанное сыном праведницы, Каллистратом Осоргиным, помещено мною в Духополезном Чтении (1869 года № 1). Доньне жители Муррома чтут память прав. Юлиании

и отправляют панихиды над могилой ее в селе Лазаревском, в 4 верстах от города.

9 Здесь не место для исследования – кто был первый самозванец? Современники считали его беглым диаконом Григорием Отрепьевым; в наше время появились разные о нем мнения. Верно только одно, что он не был истинным Димитрием (сыном Иоанна Грозного), что он был выставлен польской интригой, при содействии некоторых бояр, недовольных Борисом. Просим читателей заметить, что мы всячески стараемся избегать исторических подробностей, не имеющих ближайшего отношения к судьбам Русской Церкви, и говорим о делах государственных только тогда, когда это становится необходимым для связи событий.

10 Царевна Ксения сделалась жертвой гнусного сладострастия самозванца, потом пострижена с именем Ольги и заточена в отдаленной обители.

11 Церковь не поставляет имени Игнатия в числе десяти Патриархов Московских и всея России, именуя его лжепатриархом.

12 Филарет (бывший боярин Феодор Ники-

тич Романов) по воле первого самозванца посвящен в сан митрополита Ростовского, как свойственник мнимого Димитрия.

13 Родными дядями св. Царевича Димитрия.

14 Возвращенная Лжедимитрием из заточения царица-инокиня согласилась (вероятно из страха) признать в обманщике своего сына.

15 Тела царя Феодора и матери его были преданы земле в девичьем монастыре св. Варсонофия (теперь приходская церковь на Рождественке). Здесь же зарыли и тело царя Бориса, извергнутое, по воле самозванца, из Архангельского собора. По перенесении трех царственных гробов в Лавру, они погребены были в притворе Успенского собора. Здесь же оставили место и для Ксении, которая прожила еще 16 горестных лет в девичьем монастыре Владимирском. Теперь этот притвор уже не существует и надгробницы Годуновых прикрыты железной кровлей.

16 Самозванцев было много в разных концах России; важнейшим из них был второй Лжедимитрий, известный под именем «Ту-

шинского вора». Он имел большое скопище ляхов, казаков и русских изменников и долго держался в селе Тушине (близ Москвы), угрожая столице.

17 Гермоген писал Иову: «Молим со усердием святительство твое и колена преклоняем: сподоби нас видети благолепное лице твое и слышати пресладкий глас твой: прельне бо желаем тя чувственными очима зрети и Богом благословенныя десницы твоя лобзания сподобитись, паче же о сих, еже благосердне препослеси о нас молитву твою к Трисобственного Естества Владычеству, да сподобить премилостивый Бог за молитв святых твоих Российское государство жити в мире и в покое и в тишине». (История Государства Российского Карамзина, т. XII, прим. 106).

18 О смерти царевича Димитрия Иов выражается так: «И Вел. Гос. нашего царевича не стало 99 (1591) году: прият заклание неповинно от рук изменников своих».

19 Заключение грамоты: «И в тех во всех прежних и нынешних клятвах и в преступлении крестного целования, из Ермоген, патриарх Московский и всея Руси и аз смиренный

бывый Иов патриарх царствующего града Москвы, по данный нам благодати от Пресв. и Животв. Духа, и полагаяся на премилостивые щедроты Божия, вас вкупе всех правосл. христиан прощаем и разрешаем в сий век и в будущий».

20 Патриарх Иов преставился 8 марта 1607 года. В книге о Российских святых он причислен к лику Московских чудотворцев. По воле царя Алексея Михайловича, мощи первого Патриарха Русского перенесены в Москву, поставлены в Успенском соборе поверх пола, и над ними устроена каменная надгробница. В сборнике Румянц. Музея (скоропись в 4-ку, конца XVII и начала XVIII в. № 364) после изложения жизни Патриарха Иова описаны следующие чудеса его: 1) При погребении была «великая роса» на лице почившего святителя. 2) Вскоре по преставлении блаженный Иов явился настоятелю обители, где он скончался, св. Дионисию, впоследствии знаменитому архимандриту Сергиевой Лавры. 3) В 1609 году больной Иван Тулупов исцелился по молитве над могилой святителя. 4) Мощи, вынутые из могилы для перенесения в Моск-

ву, оказались нетленными и благоуханными. 5) Тогда же исцелился бесноватый, посадский человек Иван Александрович. 6) В 13 верстах от Старицы в селе Ильинском исцелилась бесноватая девица Улита Харитоновна, приложившись к мощам, несомым в Москву. 7) На продолжении пути, в церкви села Латашина исцелилась бесноватая женщина деревни Горохова Агрипина Тарасова. 8) По принесении мощей в Москву исцелился в Успенском соборе крестьянин Устьяновской волости, Исаакий глухой, страдавший нарывом в ухе и беспрестанным шумом в голове. На конце приписка: «Списана с монастырского Успенского Старицкого история сия в лето 7267 (т. е. 1699) году слово в слово».

21 Современники уверяют, что князь Михаил умер, сраженный внезапным недугом во время обеда у царского брата князя Димитрия Шуйского, выпив чару вина, поднесенную хозяйкой княгиней Екатериной, дочерью того, кто жил смертоубийствами, – Малюты Скуратова. Думали, что и сам царь Василий не был чужд участия в злом умысле, потому что душа его страдала подозрениями с того време-

ни, как голос народный стал предназначать Михаилу венец царский. Истина в этом деле ведома единому Сердцеведцу.

22 Царь Василий был сначала заточен в Волоколамском Иосифовом монастыре, а после избрания Владислава выдан ляхам и умер в плену. Прах его при царе Михаиле Феодоровиче перевезен в Москву и погребен в Архангельском соборе. Супруга его царица Мария, в иночестве Елена, окончила жизнь в Суздальском Покровском монастыре.

23 Хотя королевич Владислав был избран на царство, но отец его король Сигизмунд, руководимый иезуитами, не утвердил условий избрания, желая получить Русский престол для себя и ввести в России унию. Бедственная эпоха от низложения царя Василия до избрания Михаила Романова носит в нашей истории название «Междущарствия» (с 1610 до 1613 года).

24 Летопись о мятежах, с. 32–47.

Глава VII

*Подвиги духовенства в Смутное время.
Святители: Филарет Ростовский, Сергий Смоленский, Сильвестр Вологод-*

ский. Преподобный Иринарх, затворник Ростовский. Исидор митрополит Новгородский. Открытие мощей святого князя Феодора. Преподобный Антоний Леохновский. Затворник Иоанн. Святители: Геннадий Псковский, Феоктист Тверской, Иосиф Коломенский, Галактион Суздальский. Протоиереи Димитрий и Амос. Преподобный Евфросин Синозерский. Разорение Пафнутьева монастыря. Знаменитая осада Лавры Сергиевой. Архимандриты Лавры Иоасаф и Дионисий и келарь Авраамий Палицын. Ляхи в Москве. Последние подвиги и страдальческая кончина Патриарха Гермогена. Троицкие грамоты. Пост и покаяние народа. Восстание городов. Явление преподобного Сергия Козьме Минину. Очищение Москвы. Избрание на царство Михаила Романова.

Посреди ужасов Смутного времени православное русское духовенство, одушевляемое сознанием священных своих обязанностей и руководимое примером своего неустрашимого первосвященника, сияло доблестью и совершало подвиги, достойные пер-

вых веков христианства. Постараемся изложить эти подвиги в том виде, как сохранились они в бытописаниях современников.

Патриарх Филарет Никитич Романов

Первое место принадлежит родоначальнику грядущего поколения царей, будущему Патриарху Московскому. Филарет (Романов), в сане митрополита Ростовского, показал в лице своем образец доброго пастыря. Когда (в 1608 г.) Сапега с ляхами возмутили Суздаль и Переяславль, верные ростовцы, не имея крепких стен для защиты, предложили митрополиту удалиться вместе с ними в Ярославль; но Филарет сказал, что не бегством, а кровью должно спасать отечество, что великодушная смерть лучше жизни срамной, что есть другая жизнь и венец мучеников для христиан, верных царю и Богу. Видя бегство народа, Филарет с немногими усердными воинами и гражданами заключился в соборной церкви; все исповедались, причастились Святых Тайн и ждали неприятеля или смерти. Не ляхи, а братья единовверные, переяславцы, дерзнули осадить святой храм, стреляли, ломились в

двери и диким ревом ярости ответствовали

на голос митрополита, который молил не быть извергами. Двери пали, и добрые ростовцы окружили Филарета и бились до совершенного изнеможения. Храм наполнился трупами. Злодеи ограбили святыню 1, а митрополита повезли в Тушинский стан, как узника, босого, в изорванном польском платье и татарской шапке. Там самозванец готовил новое бесчестие и посрамление: встретил его со знаками чрезвычайного уважения, как племянника Иоанновой супруги Анастасии и жертву Борисовой ненависти, величал как знаменитейшего достойного архипастыря, дал ему золотой пояс и святительских чиновников для наружной пышности, но держал его в тесном заключении, как непреклонного в верности царю Василию. Уже после двухлетнего плена Филарет отнят был у неприятеля, под стенами Волоколамской обители, отрядом Скопиона-Шуйского.

Во время междуцарствия Филарет был отправлен во главе посольства 2 к королю Сигизмунду для предложения венца царского сыну его Владиславу на условиях, заключенных в Москве. В этом трудном деле Филарет

действовал как верный сын отечества: ни хитрые обольщения, ни льстивые обещания, ни угрозы не могли поколебать его. В восемь лет плена, среди страданий и лишений всякого рода, он не уступил ни шагу врагам, не согласился ни на сдачу Смоленска Сигизмунду, ни на изменение Московских условий.

Достоинным сподвижником его был Смоленский архиепископ Сергей. Когда Сигизмунд с сильной армией осадил Смоленск и требовал сдачи города, архипастырь вместе с доблестным воеводой Шеиным отвечал королю: «Мы в храме Богоматери дали обет не изменять государю нашему Василию Иоанновичу, а тебе, литовскому королю, и твоим планам не раболепствовать вовеки». Добрый пастырь одушевлял защитников родины, разделял с ними лишения и опасности в продолжение двухлетней осады. Когда в городе из 80 тысяч жителей осталось едва 8 тысяч, когда наконец все средства геройской защиты истощились и город был взят приступом, тогда и Сергей сделался пленником ляхом и окончил жизнь свою в темнице.

И до отдаленной Вологды достигло буйство

ляхов и русских изменников. В 1609 году Вологда уцелела невредимой по молитвам преподобного Димитрия Прилуцкого 3; но три года спустя и она пострадала от врагов и мятежников.

В Вологде подвизался тогда замечательный затворник, преподобный Галактион. Когда Грозный царь умертвил боярина Ивана Бельского, семилетний сын убиенного Гаврил был укрыт родственниками и друзьями отца, которые отправили ребенка в город Старицу, чтобы спасти его от ярости царской. Там юный князь скрывался в неизвестности и кормился сапожным мастерством, а пришедши в зрелый возраст, постригся с именем Галактиона, пришел в Вологду, выпросил у жителей местечко для кельи на берегу ручья Содемки и наложил на себя тяжкий подвиг затворничества в оковах. Он приковал себя к стене цепью. Богобоязненные люди подавали ему в окошко пищу; когда склонял его сон, он становился на колени и, держась рукой за цепь, засыпал сном легким и прерывистым; пищей его был только сухой хлеб с водой. Подвижнику Божию открыто было о наступаю-

щих для Вологды бедствиях. Он вышел из кельи в цепях своих, явился в земскую избу и объявил: «Грехи призвали на нас ляхов и Литву: пусть начнут пост и молитву и поспешат построить храм Знамения Богоматери. Царица Небесная избавит Вологду, как некогда Новгород, от гнева Божия». Но один из именитых граждан Нечай Щелкунов сказал: «Не о нас, а о себе хлопочет старец; ему хочется только иметь храм вблизи себя; а что будет с храмом, – прибавил он с насмешкой, – когда умрешь ты, старец?» Старец отвечал строго: «Гнев близок к Вологде; что же до меня, то на моем месте прославится Бог, – построена будет обитель». Затем объявил, что Троицкий храм, построенный Нечаем, будет сожжен и дом Нечая – запустеет. Проходя мимо храма святого Димитрия Прилуцкого, он громко сказал: «Чудотворец Димитрий молил Спасителя за город, но его оскорбили тем, что вокруг его храма настроили лавок и завели шум торговый; вот увидите, и этот храм разорен будет».

Предсказание труженика скоро исполнилось: 22 сентября 1612 года ляхи напали на Вологду и, по сказанию современника, «город

взяли и людей всяких посекали, и церкви Божии поругали, и город и посады выжгли до основания». Злодеи не пощадили и смиренной кельи Галактиона; а его самого жестоко избили и истерзали, так что он чрез три дня скончался мучеником. Вологжане погребли тело страдальца в бывшей его келье 4. Лютость врагов особенно пала на духовенство вологодское, вероятно за то, что лица духовные поддерживали верность жителей при первом нападении ляхов. Епископа Сильвестра держали под стражей четыре ночи, подвергали истязаниям и едва отпустили живым 5. Множество священников и иноков было умерщвлено 6.

Почти в то же время, когда ляхи не пощадили в Вологде дряхлого старца-отшельника, наставник этого старца преподобный Иринарх, затворник Борисоглебского монастыря 7, бестрепетно говорил правду врагам и мятежникам. В 1609 году ляхи завладели Ростовом; свирепый пан Микульский пришел к затворнику 8 и спросил: «Кого признаешь ты царем?» – «Я живу на Руси, – отвечал старец, – и знаю Русского царя, а других не знаю». Слы-

ша угрозы ляхов, он сказал спокойно: «Верю своей я не изменю, и Русского царя не отвергну. Не много вам во мне крови: вашего меча тленного я не боюсь, а у моего живого Бога есть такой меч, что всех вас погубит и ввернет в геенну огненную». – После того и сам вождь грабителей, Сапега, посетил преподобного Иринарха. «Благослови, батько, – сказал он, – как терпишь ты эту муку в такой темнице?» – «Для Бога терплю, – отвечал старец. – А ты, пан, возвратись в свою землю; полно тебе разорять Русь. Если не выйдешь из Руси или опять придешь, то Богом тебя уверяю – убьют тебя в Русской земле». Сапега прислал старцу пять рублей и строго запретил ляхам тревожить обитель. Спустя три года снова явились ляхи в Ростове; преподобный Иринарх остался в своем затворе. Сюда пришел к нему один из панов с известием, что Сапега, по предсказанию затворника, убит под Москвой. «И вам не быть живым, – сказал старец, – если не уйдете в свою землю». На этот раз ляхи оставили Ростов, не тронув никого по уважению к преподобному Иринарху 9.

В Великом Новгороде митрополит Исидор

претерпел много притеснений, но успел своими увещаниями удержать народ от измены царю Василию, призвать на помощь героя Скопина-Шуйского и сохранить единение с Москвой; можно сказать, что один он отклонил новгородцев от намерения покориться шведам и призвать к себе шведского королевича Густава-Адольфа. Когда шведы, прежде союзники, а потом враги Московского государства, завладели Новгородом, самая жизнь архипастыря была в опасности. Тогда же открыты были мощи святого князя Феодора, вынутые шведскими солдатами из могилы в соборном храме Юрьева монастыря 10. Митрополит Исидор, услышав о том, выпросил у вождя шведов Делегардия дозволение перенести гроб в Новгородский Софийский собор; в это время не только оказались нетленными мощи девственного князя, но многим источали и исцеления. С того времени мощи святого покоятся открыто при входе в придел Иоанна Предтечи. При владыке находился тогда старец-подвижник, преподобный Антоний Леоновский, тверской уроженец, из боярского рода Вельяминовых. Приняв иночество в моло-

дости, Антоний основал пустынную обитель с храмом Преображения Господня. Здесь отшельник служил для братии образцом строгого подвижничества и почтен был саном игумена. Всего прожил он в иноческой жизни 56 лет и столько успел в духовной прозорливости. Когда шведы стали в 1611 г. опустошать окрестности Новгорода, митрополит Исидор вызвал к себе уважаемого старца с учениками его. Антонию было тогда уже 85 лет. В праздник Воздвижения Креста Господня причастился он Святых Тайн; тогда же сказал он вслух других, что тело его будет покоиться в пустынной его обители. 17 октября мирно предал он дух свой Господу. Тело его, по опасностям военным, предано было земле в Новгороде, у церкви святого евангелиста Луки 11.

Псков, еще недавно выдержавший со славою знаменитую осаду Батория, в пагубные дни безначалия сделался вертепом разбойников и душегубцев. Духовенство, дворяне, гости были верны, но лазутчики и письма Тушинского злодея взволновали мелких граждан, чернь, стрельцов, казаков, исполненных ненависти к людям сановитым и богатым.

Они присягнули Лжедмитрию, расхитили достояние святительское и монастырское. Добродетельный архипастырь Геннадий старался усюветить неистовых силой слова Божия; вооружал крестьян своих и монастырских для сопротивления мятежу и разбоям в окрестностях Пскова и не мог пережить измены своего города: он умер от горести 12. Не успел образумить изменников и дивный за-творник Иоанн, который совершал изумительные свои подвиги на городской стене. В 1592-м осаждали Псков шведы; с 1608 года семь лет сряду рыскал около Пскова с разбойничьими шайками своими лях Лисовский. Блаженный Иоанн во все время только молился и постился: среди шума, брани и битв, среди волнений гордого ума и малодушного маловерия он жил как в пустыне, беседа с Господом и для Него каждый день распинал плоть свою и каждый день твердил приходившим к нему людям о верности Богу и погибающему отечеству 13.

В том же духе действовали святители русские. Иосиф Коломенский, сопротивлявшийся первому самозванцу, схвачен был воинами

второго, которых напрасно хотел вразумить и, привязанный к пушке, влачим был бродягами; его паства при нем осталась верной долгу. Тверской архиепископ Феокист, еще в начале смятений от Тушинского самозванца, явился бодрым стражем своего стада, ополчил духовенство, людей приказных, собственных людей боярских, граждан и разбил многочисленную шайку злодеев. До последнего издыхания боролся он с изменой и, взятый в плен мятежниками, удостоился мученического венца. Ляхи, захватившие Суздаль, принуждали архиепископа Галактиона, чтобы он признал второго Лжедмитрия и разослал пастве своей грамоты о молитвах за него. Святитель не согласился: его отправили в заточение, где он и преставился 14.

Тою же ревностью и сознанием долга одушевлялось и белое духовенство; городские и сельские священники везде противились бунту и безначалию; немногие из них уцелели 15. Особенно отличался ревностный протопоп Зарайского Никольского собора Димитрий, достойный сподвижник князя Пожарского в защите родного города: он укреплял

граждан в верности законному царю, не допустил до присяги второму самозванцу и всех благословлял на смерть за правое дело 16.

Другой протоиерей в Великом Новгороде запечатлел пастырскую верность собственной кровью. Когда шведы ворвались в западную часть города и закипела сеча на улицах, один дом на торговой стороне казался неодолимой твердыней: шведы приступали и не могли взять его. Там мужествовал протоиерей Софийского собора Амос со своими друзьями, в глазах митрополита Исидора, который на стенах крепости пел молебны и, видя такую доблесть, издали давал ему благословение крестом и рукою. Шведы наконец сожгли и дом и хозяина, последнего славного новгородца!

Смиренные отшельники не щадили жизни своей за Бога и отечество; обители иноческие оказывались несокрушимыми твердынями веры и верности. Преподобный Евфросин подвизался в основанной им пустынной обители на берегу Синичьего озера 17. Сюда спешили укрыться многие из окрестных мест, когда ватаги ляхов проникли в округ Устюжи-

ны для грабежа и разбоя. Прозорливый отшельник увещевал всех твердо стоять в вере православной и не соблазняться обольщениями изменников, а 19 марта объявил, что скоро придут враги и в пустыню его. Он советовал бежать, кто куда может; о себе же сказал, что он должен остаться здесь по обету. Инок Иона в страхе хотел бежать вместе с другими. «Зачем допускать в душу страх малодушия? – говорил бестрепетный праведник. – Когда настает брань, тогда-то и нужно мужество. Мы дали обет жить и умереть в пустыни. Надобно быть верным слову, данному пред Господом. В таком случае смерть вводит в покой. Другое дело – мирские люди: они не связаны обетом и им надобно беречь себя и для детей». Укрепленный словами игумена, Иона остался со святым старцем. В следующий день ляхи явились в Евфросинову пустынь. Преподобный Евфросин в схиме молился у креста, который поставил он, как только пришел сюда. Наглые грабители потребовали у Евфросина монастырских сокровищ, а пустынный указал на храм Богоматери, как на единственное сокровище пустыни. Тогда

один из кровопийц ударил по шее преподобного и рассек ему голову. Старец упал полумертвым. Поляки ворвались в храм Божий, но в нем ничего не нашли и возвратились к своей жертве. Один ударил чеканом по голове Евфросина и разбил череп до самого мозга. Новый страдалец предал душу свою в руки Господу. С ним вместе убит был инок Иона.

Многие обители были разорены и иноки умерщвлены за ревность в вере и правде 18. Знаменитый Боровский монастырь преподобного Пафнутия был осажден врагами. Здесь был главным воеводой неустрашимый князь Михаил Константинович, по прозванию Хромой, из доблестного и верного рода князей Волконских. Когда младшие воеводы 19 изменили и тайно впустили ляхов и изменников в задние ворота монастыря, князь Михаил бился с врагами в воротах церковных и пал, покрытый ранами, близ раки чудотворца 20, оставив память своей доблести в гербе г. Боровска 21. Иноки и все защитники обители были умерщвлены.

Лучезарным венцом подвигов доблестных, незыблемым оплотом Москвы и всего отече-

ства в Смутное время была знаменитая обитель великого чудотворца Сергия. В 1608 году Троицкий монастырь окружен был мятежными полчищами, которые поддерживали второго Лжедмитрий (Тушинского). Самозванец хотел овладеть монастырем: его побуждали к тому и сокровища монастыря, собранные веками, и усилия иноков Троицких, вместе с Патриархом, поддержать в Москве верность народа царю Шуйскому, и местная важность Троицкой обители, которая стояла на пути к Москве от северных и восточных городов, откуда могли прийти верные сыны отечества для освобождения его от иноземцев и мятежников.

Защитой обители было, во-первых, упование на всеильную помощь Божию и ходатайственное заступление бессменного начальника монастыря, которому сама Матерь Божия дала обетование быть неотступной от его обители; потом благоразумие и попечительность ее временных правителей. Архимандрит Иоасаф везде являл себя сердобольным отцом для нуждающихся, усердным молитвенником, верным до смерти блюстителем святы-

ни. Келарем Лавры тогда был знаменитый в летописях отечества Авраамий Палицын. Во время осады его не было в Лавре; но тем не менее он болел душой за нее и делал все, что мог, в ее пользу, – в Москве.

Обитель Троицкая имела тогда более 300 человек братии; в числе их были такие, которые в мире служили отечеству на поле брани и в настоящих обстоятельствах могли быть полезными для обители своим мужеством и искусством. Сверх того, для защиты монастыря были присланы царем воеводы с отрядом войска, вооруженные слуги монастырские и жители окрестных селений. Число всех защитников монастыря простиралось, в начале осады, до 2500.

Стены и башни монастыря снабжены были принадлежностями, нужными для осадных случаев. Но непрочность укреплений видна была еще прежде осады; особенно западная стена была ветха и ненадежна. Запасов хлебных было немного. Таким образом обыкновенные человеческие средства защиты не обеспечивали обители: она не могла полагаться ни на число воинов, ни на крепость

стен, ни на довольство запасов – и, если бы Господь, по молитвам угодника Своего, не сохранил града, конечно – все бдели бы стерегущие.

Враги явились под стены Лавры 25 сентября. Со слезами встретили в обители праздник памяти преподобного Сергия, но не унывали. Принесши моление Господу Богу о защите от супостатов, воеводы, дворяне, дети боярские, слуги монастырские, стрельцы, все собравшиеся здесь, в самый день праздника, обязались присягой сидеть в осаде без измены. Число неприятельского войска, по показаниям захваченных в плен, простиралось до 30 000 человек. Предводителями были Ян-Петр Сапега, командовавший польскими войсками, и Лисовский с отрядом, славившимся дерзостью; к ним присоединились русские изменники, татары и казаки. Сапега и Лисовский хотели склонить архимандрита и воевод к добровольной сдаче монастыря, для чего прислали боярского сына с грамотой, обещая милости мнимого Димитрия и грозя истреблением в случае упорства. Осажденные не поколебались. «Надежда наша и упование, – говорили

они, – Пресвятая Живоначальная Троица; стена и покров наш – пренепорочная Владычица наша Богородица и Приснодева Мария; помощники наши и молитвенники о нас к Богу – преподобные отцы наши Сергей и Никон». И в сем уповании писали к полякам и изменникам: «Да будет известно вашему темному царству, что напрасно прельщаете вы стадо Христово; и десятилетнее отроча в Троицком монастыре смеется вашему безумному совету. Не изменим ни вере, ни царю, хотя бы предлагали вы нам и всего мира сокровища».

Начались приступы врагов и вылазки защитников монастыря. Так 13 октября Сапега выступил из таборов с полками, окружил монастырь и с наступлением ночи двинулся на приступ. Осажденные мужественно встретили нападающих и отразили; а наутро, увидев оставленные им осадные орудия, предали их огню и благодарили Бога за избавление от врагов, ходя со святыми иконами по стенам монастырским.

Защищая обитель свою от врагов, «великий чудотворец явился в чине Взбранного Воеводы, который приписуется ему в церков-

ном песнопении (акафисте). Он ободрял и охранял подвизающихся за веру и отечество, устрашал врагов и умножал свои чудеса, дабы, при умножении опасностей, не изнемогла надежда спасения» 22. 23 октября преподобный Сергей, явившись во сне пономарю Иринарху, предупредил осажденных о новом приступе врагов и велел сказать воеводам, чтобы они дерзали с надеждой. В подкрепление сей надежды преподобный прошел по стене, кропя ее и здания монастырские святой водой. Ночью действительно последовало нападение, но отражено с уроном врагов. Вскоре узнали, что под монастырь ведется подкоп. Так как место и направление подкопа было неизвестно, то опасение сделалось всеобщим. Осажденные начали готовиться к смерти; исповедывались, причастились Святых Тайн, с каждым часом ждали взрыва. В это скорбное время явился настоятелю преподобный Сергей, молящийся перед храмовой иконой Пресвятой Троицы, и по окончании молитвы сказал: «Бдите и молитесь: Всесильный Господь, по множеству щедрот Своих, еще милует вас и дает вам время

на покаяние». Осажденные ободрились, и неприятель, возобновивший нападение, был отражен с уроном.

В день архистратига Михаила, во время вечерни, ядро ударило в полуденные железные двери Троицкого собора и оставило след на доске образа святого чудотворца Николая. Народ пришел в ужас, слезы орошали церковный помост; пение замедлялось от плача. Но во время той же вечерни изнемогшему от уныния архимандриту явился архангел Михаил, с лицом сияющим, со скипетром в руках и, грозя врагам, говорил: «Вскоре Всесильный Бог воздаст вам отмщение». Сие видение тогда же возвещено народу, и архимандрит совершил молебное пение ко Пресвятой Троице и архангелу Михаилу.

Упование на помощь Божию еще более укрепилось, когда вечером, во время правила, архимандрит услышал новое ободрение из уст преподобного Сергия; а на другой день старцы Геннадий, Гурий и Киприан, с некоторыми мирянами, видели перед утреней преподобного Сергия, ходящего по монастырю и зовущего братию в церковь, где виден был

также святой архиепископ Серапион, молящийся перед образом Божией Матери.

Ободренные защитники обители вышли за три часа до света в трех отрядах разными путями; именем Сергия и быстрым нападением привели они неприятеля в смятение, опрокинули и преследовали по восточной и южной стороне монастыря. Это дало случай найти устье подкопа, веденного под монастырь. Двое крестьян монастырских взорвали его и сами сделались жертвой своего подвига.

Сражение продолжалось весь день, при возобновляемых с обеих сторон усилиях, в разных направлениях и при обоюдных утратах; но кончилось тем, что воины взяли восемь больших пушек, много мелкого оружия, пуль и пороху, укрепления сожгли и истребили и заставили Сапегу удалиться в свои таборы. Победители возвратились с телами павших своих братьев и добычей уже поздно. Первым делом было благодарение Господу, даровавшему победу. Звон до полуночи возвещал их торжество. Быстро разнесшаяся по России весть о сем славном бое послужила сильным ободрением для верных сынов оте-

чества.

Между тем внутри Лавры открылось новое гибельное зло. От тесноты, сырости, недостатка чистой воды и пряных зелий 17 ноября появилась цинготная болезнь. Сначала в сутки умирало человек по десяти, потом по пятидесяти, даже иногда по сто. Наконец некому стало ходить за болящими. Монастырь наполнился смрадом от зараженных и умирающих. Успенский соборный храм каждый день наполнялся умершими. Оскудели священники от непрерывного хождения за больными и умирающими. Не столько война, сколько эта губительная болезнь до того уменьшила число защитников, что нельзя уже было думать по-прежнему о частых вылазках. Помощи ниоткуда не было. Положение осажденных становилось весьма затруднительным.

В марте осажденные получили некоторый отдых со стороны врагов. Лисовский отлучился; оставшиеся враги, не тревожа монастыря, заключились в лагере. Но во время отдыха многие слишком забылись. Недостойные воины предались невоздержанию и другим бесчиниям; пользуясь трапезой монастырской,

они требовали еще себе урочного хлеба для продажи и ссорились с трезвенными иноками, которые, сами довольствуясь на трапезе только хлебом и водой, отказывали в удовлетворении их прихотей. Напрасны были увещания архимандрита Иоасафа. Стрельцы жаловались на него царю, что не даем им продовольствия, и отказывались выходить на вылазки.

Спасительным исправителем неурядицы явился сам преподобный Сергей. Однажды, когда воины, побежденные страстями, с робостью шли на брань против поляков, приступавших к стенам, встретил их муж святолепный, идущий от надворной церкви чудотворца Сергия, и грозно сказал им: «Что вы трепещете! Если и никто из вас не останется в живых, Господь не предаст святого места сего. Не будет услышано во вразех, яко пленником обитель Пресвятыя Троицы. Скажите в обители, что нечисто живущие во святом месте сем погибнут. Господь не нечестивыми спасет место сие, но имени ради Своего, без оружия избавит».

Архимандрит Иоасаф, для прекращения

смертоносного недуга, 8 мая положил устроить в храме Пресвятыя Богородицы придел по древнему обычаю – для испрошения чрезвычайной помощи Божией строить обыкновенные церкви. И 9 мая, в день святителя и чудотворца, действие болезни приметно сократилось. Еще не оправившись и не собравшись с силами, осажденные должны были вынести новый сильный приступ: 28 июня они заметили в лагере Сапеги и Лисовского необыкновенное движение и готовились отразить неприятеля. Будучи скудны числом и средствами, они кипятили вар, серу, смолу, таскали известь и камни на стену и вечером все стали на стене для стражи и защиты – мужчины и женщины. Иноки Афанасий Ощерин, Паисий Литвин, Гурий Шишкин приняли начальство над горстью оставшихся защитников. Когда смерклось, неприятель стал подвозить лестницы и стенобитные орудия, и пальбой из пушек на Красной горке открыт был жестокий приступ; поляки и литовцы лезли на стену, но везде были отбиваемы оружием, камнями, известью, смолой, варом. Приступ продолжался с первого часа ночи до первого

часа дня. В то время, как одни сражались на стенах, другие в храмах молились. И к утру враги со стыдом и с потерей стенобитных орудий и множества людей принуждены были отступить, хотя в обители оставалось уже весьма мало защитников 23.

Около того же времени преподобный Сергей исцелил одного больного старца в обители и притом сказал ему: «Не так гнусен мне смрад мирян, согрешающих блудом, как иноков, нерадящих о своем обещании; и под стенами обители моей всех пришедших врагов истреблю, и во обители моей нечисто и двоемысленно живущих погублю же, и со осквернившимися управлюсь».

Приметим здесь, как многообразно вдруг действовал чудотворец Сергей: и врагов устрашал, и находящихся в опасности ободрял, и болящих врачевал, и маловерных исправлял, и всех иноков поучал таким поучением, которое и ныне должно еще звучать в ушах наших 24.

При слухе об успехах Скопина-Шуйского Сапега удалился от монастыря, оставив под стенами несколько рот для наблюдения. Но

после несчастной битвы под Калязином, разбитый еще раз князем Михаилом под Александровом 18 октября, принужден был возвратиться в свой лагерь. В это время спаситель отечества Скопин-Шуйский, для охранения монастыря, послал отряд в 900 человек. Наконец Валуев, посланный князем Михаилом с 500 человек для обозрения неприятеля, соединясь с прежде присланным отрядом, ударил на Сапегу; поляки и литовцы были опрокинуты в свои таборы, и лагерь их зажжен. Много было пролито крови на Красной горе, на пруде Келарском, на Волкуше и Клементьевском поле; но это уже в последний раз.

Наконец 12 января 1610 года Сапега обратился в бегство, почти 16 месяцев продержав монастырь в осаде без успеха; в продолжение недели иноки еще не решались верить, что враги оставили их навсегда; но 20 числа отправили старца Макария в Москву к царю с извещением о милости Божией и со святой водой, окропив ею наперед стены монастырские 25.

Дионисий архимандрит Троице-Сергиевой

Прѣбный дѣшнисей архий Пр

Лавры

Архимандрит Иоасаф, старец, теплыми молитвами и попечительностью содействовавший спасению обители, утомленный бедами и опасностями, вскоре после окончания осады удалился в Пафнутиев монастырь, из которого взят был в настоятели Лавры. Но когда Пафнутиев монастырь взят был врагами, тогда вместе с прочими иноками умерщвлен и сей доблестный старец, которому напрасно грозил смертью Сапега в стенах Сергиева монастыря 26. Преемником его был преподобный Дионисий. Уроженец города Ржева, он в мире именовался Давидом; по желанию родителей вступил в супружество; «за благочестие» удостоен сана священства, но вскоре лишился супруги и вступил в Старицкий Богородичный монастырь; около 1605 года возведен в сан архимандрита того же монастыря. В Смутное время царя Василия Иоанновича Шуйского он особенно обратил на себя внимание Патриарха Гермогена, так что в последнее время неотлучно при нем находился 27. Царь имел в нем одного из ревностных за-

щитников своего престола. Когда Иоасаф оставил Троицкую обитель, царь и Патриарх вверили управление ею преподобному Дионисию.

Обитель Сергиева, после продолжительной осады, требовала от своих властей ревностных забот для восстановления ее благосостояния, но бедствующее отечество призывало их еще к новым усилиям и жертвованиями. Обитель предлагала кровь, пищу и врачевание лишенным крова и изувеченным от врагов. Архимандрит Дионисий убеждал братию и слуг монастырских служить бедствующим, кто чем может; приказал устроить странноприимные дома и больницы в подмонастырных слободах и селе Клементьеве. Братия согласилась довольствоваться на трапезе овсяным хлебом и водой, чтобы сберечь пшеницу и ржаной хлеб для раненых. По окрестным лесам и дорогам рассылаемы были люди собирать изнемогших от ран и мучений и приводить в обитель или погребать умерших. Старец Дорофей, келейник преподобного Дионисия, днем и ночью разносил от него больным и раненым платье, полотенца, деньги.

Такое пособие страждущим оказывала обитель во все то время, около полутора лет, пока Москва боролась с поляками. Келарь Симон полагал в это время более 7000 умерших и до 500 оставшихся при обители во многих службах: по сему можно судить, как велико было число всех воспользовавшихся пособиями от обители.

Так действовали служители православной Церкви Русской в тяжкую годину искушения и гибели! Чистая и пламенная молитва, твердая вера, единодушные подвиги самоотвержения и мученичества могли ли не привлечь к себе всеильной помощи Бога-Спасителя, Который изрек некогда Своими устами: «Где двое или трое соберутся во Имя Мое, там и Я посреди их»? Без сомнения, Сам Господь-человеколюбец невидимо присутствовал посреди верных рабов Своих, когда они жертвовали всем, даже жизнью, для сохранения Православия, для спасения отечества. И теперь, при преобладании ляхов и изменников, как некогда под игом монголов, не человеческие силы удержали Россию от гибели: теперь, как и тогда, Церковь спасла государство!

Чтобы вполне убедиться в этой непреложной истине, бросим беглый взгляд на продолжение событий, описанных нами в предыдущей главе. По избрании Владислава на Русский престол, Дума боярская решилась призвать гетмана Жолкевского с польскими войсками и поручить врагам охранение столицы. Среди бояр, частью изменников, передавшихся ляхам, частью робких и своекорыстных, среди черни, объятый безначалием и развратом, бодрствовал на страже Церкви и отечества только один старец, ветхий и слабый телом, но несокрушимо-твердый духом — первосвященник Гермоген. Зная (через Филарета и Голицына) намерения Сигизмунда и козни иезуитов, он разрешил всех от присяги польскому королевичу и разослал грамоты по городам, призывая православных на защиту веры и государства. Первый восстал по зову Патриарха и пошел к Москве со своей дружиной рязанский воевода Прокопий Ляпунов. Но не ему, прежнему слуге самозванца и заклятому врагу царя Василия, судил Промысл Божий спасти отечество: чистое дело требовало людей чистых 28.

Боярская Дума убеждала Патриарха успокоить народ, сильно взволнованный вестью о походе рязанцев. В особенности наглый изменник Михайло Салтыков требовал, чтобы Гермоген не позволял ополчаться Ляпунову. «Не велю, – отвечал Патриарх, – если увижу крещенного Владислава и ляхов, выходящих из Москвы; велю, если не будет того, и разрешаю всех от данной королевичу присяги». Салтыков в бешенстве выхватил нож; Гермоген осенил его крестным знамением и сказал громогласно: «Сие знамение против ножа твоего и да взыдет вечная клятва на главу твою!» И обратясь к князю Мстиславскому, который, по знатности рода, занимал первое место в Думе, тихо промолвил: «Ты начальник; тебе первому должно пострадать за веру и правду; но если соблазнишься кознями сатанинскими, то истребит Господь корень твой от земли живых и христианской кончины не сподобишься» 29. Между тем, по грамотам первосвященника, один за другим поднимались города русские; народ Московский с нетерпением ждал избавителей и замышлял гибель ляхов. Еще раз бояре заклинали Гер-

могена удалить бурю, спасти Россию от междоусобия и Москву от крайнего бедствия: писать к ополчившимся воеводам, чтобы они шли назад и распустили войско. «Ты дал им оружие в руки, – говорил Салтыков, – ты можешь и смирить их». «Все смирится, – отвечивал Патриарх, – когда вы, изменники, со своею Литвой исчезнете, но в царственном граде видя ваше злое господство, в святых храмах Кремлевских оглашаясь латинским пением (ляхи в доме Годунова устроили себе божницу), благословляю достойных вождей христианских утолить печаль отечества и Церкви». Дерзнули наконец приставить воинскую стражу к непреклонному иерарху; не пускали к нему ни мирян, ни духовенство; обходились с ним то жестоко и бесчинно, то с уважением, опасаясь народа. В неделю Ваий велели или дозволили Гермогену священнодействовать и взяли меры для обуздания жителей, которые в этот день обыкновенно стекались из всех частей города и ближних селений в Китай-город и Кремль – быть зрителями великолепного обряда церковного. Ляхи и немцы, пехота и всадники заняли Красную

площадь с обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. Но улицы были пусты! Патриарх ехал между уединенными рядами иноверных воинов: узду его осляти держал, вместо царя, один из бояр; за ним шло несколько сановников, унылых, мрачных видом. Граждане не выходили из домов, воображая, что ляхи умышляют внезапное кровопролитие и будут стрелять в толпы народа безоружного. День прошел мирно; так же и следующий. Но во вторник на Страстной неделе вспыхнуло народное восстание, кровь полилась рекой, запылал пожар. Ляхи, обратив в пепел Белый и Земляной город и предместья, заперлись в Китай-городе и Кремле. Там вместе с боярами-изменниками праздновали Светлое Воскресение и молились за царя Владислава, с иерархом, достойным такой паствы, – Игнатием, которого вывели из Чудовской обители, где он пять лет жил опальным иноком, и снова назвали Патриархом, свергнув и заключив Гермогена на Кирилловском подворье. Один среди врагов неистовых и гнусных изменников – между памятниками нашей славы, в ограде священной для веков

могилами Димитрия Донского, Иоанна III, Михаила Шуйского – великий святитель Божий в темной келье сиял добродетелью, как лучезарное светило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенив в народе жизнь и ревность к великому делу. Еще пытались склонить старца, изнуренного постом и тесным заключением, чтобы он отменил восстание городов на защиту Москвы. Ответ святителя был тот же: «Пусть удалятся ляхи!» Грозили ему злой смертью, – старец указывал им на небо, говоря: «Боюсь Единого, там живущего!» Невидимый для паствы своей, великий иерарх общался с нею молитвой; слышал звук битв за свободу отечества и тайно, из глубины сердца, пылавшего неугасимым огнем добродетели, слал благословение верным подвижникам. Наконец, видя непреклонность старца-первосвятителя, ляхи и изменники заключили его в Чудове монастыре и уморили голодом 30. Старец-святитель, истаявая и угасая, подобно догорающей лампаде перед ликом Господним, до последнего вздоха воссылал крепкую молитву к Богу об избавлении отечества и предал дух свой

небесному Пастыреначальнику 17 февраля 1612 года, оставив в наследие разоренной Москве свои нетленные священномученические мощи 31.

Умолк голос пастыря, призывавший верную паству на защиту отечества. Но оплотом России была Лавра Сергиева: оттуда рассылались по всем городам и полкам увещательные грамоты, призывающие к очищению земли. В одной из этих грамот архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын писали так: «Вспомните истинную православную христианскую веру, что все мы родились от христианских родителей, знаменовались печатью – святым Крещением, обещались верить в Святую Троицу; возложите упование на силу Креста Господня и покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтобы быть всем православным христианам в соединении и стать сообща против предателей христианских, Михайлы Салтыкова и иных, и против вечных врагов христианства, польских и литовских людей. Сами видите конечную от них гибель всем христианам, видите, какое разорение учинили они в Москов-

ском государстве, где святые Божии церкви и Божии образы? Где иноки, седидами цветущие, инокини, добродетелями украшенные? Не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием? Не пощажены ни старцы, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь над видимой общей смертной погибелью, чтобы вас самих таже лютая смерть не постигла. Пусть служилые люди без всякого мешкания спешат к Москве, в сход к боярам, воеводам и ко всем православным христианам. Сами знаете, что всякому делу одно время надлежит, безвременное же всякому делу начинание суетно и бездельно бывает; хотя бы и были в ваших пределах какие неудовольствия, для Бога отложите это все на время, чтоб всем вам сообща потрудиться для избавления православной христианской веры, пока к врагам помощь не пришла. Смилуйтесь, сделайте это дело поскорее, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здесь Москвой войско от скудости не разошлось».

Дружины из 25 городов стояли уже под Москвой, но, к несчастью, между защитника-

ми отечества господствовало несогласие: воеводы не слушались друг друга, и разные действия без общей цели, единства и связи не могли иметь важного успеха 32.

Но Троицкие грамоты не оставались без действия: народ был готов встать как один человек; непрерывный ряд смут и бедствий не сокрушил могучих сил юного народа, но очистил общество, привел его к сознанию необходимости пожертвовать всем для спасения веры, угрожаемой врагами внешними, и наряда государственного, которому грозили враги внутренние, — «воры». Явились признаки сознания и необходимости нравственного очищения земли от врагов, признаки того, что народ, не видя никакой внешней помощи, обратился всем сердцем к высшему духовному миру, чтобы оттуда извлечь средства спасения. По областям промчалось слово, города переслали друг другу грамоты, где писалось, что в Нижнем Новгороде было откровение Божие какому-то благочестивому человеку, именем Григорий, велено ему Божие слово проповедовать во всем Российском государстве; говорили, что этот Григорий сподобился

страшного видения в полуночи: видел он, как снялась с его дома крыша, и свет великий облистал комнату, куда явились два мужа с проповедью о покаянии и очищении всего государства. Во Владимире было подобное видение. Вследствие этого, по совету всей земли Московского государства, во всех городах, всем православным народом приговорили поститься – от пищи и питья воздерживаться три дня, даже с грудными младенцами; и по приговору, и по своей воле православные христиане постились: три дня – в понедельник, вторник и среду ничего не ели и не пили, а в четверг и в пятницу ели один хлеб. Так, при господстве религиозного чувства, выразилась в народе мысль о необходимости очищения всей земли, отделения себя от настоящего смутного и оскверненного общественным развратом времени. Мы видели, что еще царь Василий (Шуйский) думал об этом очищении, и два патриарха произнесли отпущение народу от греха недавних клятвopеступлений; но тогда покаяние совершалось по предначинанию правительства, а не по всеобщему убеждению; теперь же народ,

путем испытаний, сам пришел к мысли о необходимости очищения. «Православные христиане постились, – говорит грамота, – по своему изволению».

Одна из грамот Троицких получена была в Нижнем Новгороде. Когда прочли ее в соборе, земский староста Козьма Минин-Сухорукий объявил, что он удостоен был явления великого чудотворца Сергия. Бывшее ему видение состояло в следующем: однажды, в уединенной храмине, куда Козьма удалялся по временам для молитвы, «явился ему преподобный Сергий и повелел собирать казну для военных людей и идти для очищения государства Московского от врагов. Придя в себя, Козьма был в великом страхе, но ни на что не решился, думая, что устройство войска не его дело. Видение повторилось: но он опять остался в бездействии. По кратком времени преподобный явился ему в третий раз, возобновил свое повеление с прельщением и присовокупил, что есть изволение праведных судеб Божиих помиловать православных христиан и от великого смятения привести в тишину; что старейшие в городе не столько войдут в поруча-

емое Козьмой дело, сколько младшие, и что начинание их приведет к доброму окончанию. Сие последнее видение оставило Козьму не только в трепете, но и в некоторой болезни; почему он раскаялся в своем небрежении, решился приступить к исполнению повеленного и думал, как бы начать дело 33. На сходе граждан нижегородских Минин предложил: «Если захотим помочь Московскому государству, так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать и бить челом – кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником». После того начались частые сходки; Минин продолжал свои увещания. «Что же нам делать?» – спрашивали его. – «Ополчаться, – отвечал Минин, – сами мы не искусны в ратном деле, так станем клич кликать по вольных служилых людей». – «Будь так, будь так!» – закричали все. Начался сбор, всякий жертвовал, что мог; иные отдавали последнее «для великого земского дела». Пришла одна вдова и сказала: «Осталась я после мужа бездетна и есть у меня 12000 рублей, 10000 отдаю в сбор, 2000 оставлю себе». Но

прежде, чем скликать ратных людей, надо было найти воеводу. В это время в Суздальском уезде жил стольник и воевода, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, который долечивался от ран, полученных при разорении Москвы. Минин снесся с ним, уладил дело и сказал народу, что не за кем больше посылать, кроме князя Пожарского. Посланы были к нему Печерский архимандрит Феодосий, дворянин Ждан Петрович Болтин да изо всех чинов лучшие люди. Пожарский отвечал посланным: «Рад я вашему совету, готов хотя сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать». Посланные отвечали, что у них в городе такого человека нет. Пожарский сказал им на это: «Есть у вас Кузьма Минин, бывал он человек служилый, ему это дело за обычай».

Когда посланные возвратились и объявили нижегородцам слова Пожарского, те стали бить челом Козьме, чтоб принял за дело. «Соглашусь, – говорил он, – если напишете приговор, что будете во всем послушны и покорны и будете ратным людям давать день-

ги». Нижегородцы согласились, и Минин написал в приговор свои прежние слова, что не только отдавать имения, но и жен и детей продавать. Когда приговор был подписан, Козьма взял его и отправил к Пожарскому.

Козьма Минин просит нижегородцев стать на защиту Московского государства (худ. К. Маковский)

Собранное ополчение двинулось к Ярославлю, чтобы забрать по пути дружины других городов. Проходя с князем Пожарским и с воинством к Москве мимо Сергиевой обители и совершая в ней молебное пение, Минин сам объявил архимандриту Дионисию о бывших ему явлениях преподобного Сергия. 18 августа 1612 года, на горе Волкуше (в 4 верстах от Лавры), архимандрит Дионисий благословил христоролюбивое воинство на брань за веру и отечество. К успокоению не доверявших успеху дела ветер, дотоле противный, сделался попутным воинству, и все двинулись с надеждой к Москве. Келарь Авраамий пошел вместе с ними.

Но и соединившиеся под Москвой князья Трубецкой и Пожарский действовали неединодушно, потому что последний не мог вполне довериться первому, а еще более Заруцкому с его казаками. Из обители писали к ним о мире. Келарь Авраамий переходил из стана в стан, то склоняя несогласных воевод ко взаимному вспоможению, то ободряя в самых сечах именем Сергия, то убеждая казаков не от-

деляться от воинства. Чтобы удовлетворить корыстолюбивых, обитель предложила казакам последние свои сокровища – священные ризы, низанные жемчугом. Но никто не дерзнул коснуться святыни, и все единодушно обещались не отступать от столицы, доколе не освободят ее.

Келарь Авраамий в стане казаков Трубецкого под Москвой, 24 августа 1612 года (худ. Сафонов)

Не станем исчислять подробностей очищения Москвы от врагов: ляхи, запертые в Китай-городе, не получая помощи от своего короля 34 и томимые голодом, стали есть человеческое мясо и трупы; 22 октября русские сделали сильный приступ на Китай-город. Голодные поляки не могли обороняться и заперлись в Кремле. Пожарский и Трубецкой вошли в Китай-город с Казанской иконой Богородицы, которая находилась в Русском стане, и тогда же дали обещание построить в память этого дня церковь во имя иконы Пресвятыя Богородицы Казанския 35. Взяв Китай-город, русские окружили Кремль, но поляки уже не думали защищаться. На другой же день они прислали просить милости и пощады, сдавались военнопленными, вымаливали себе только жизнь. Пожарский дал от себя обещание, что ни один пленник не погибнет от меча. Наконец наступило время освобождения Москвы: ночью под 25 октября великий заступник земли Русской, преподобный Сергей чудотворец, явился Арсению, архиепископу Елассонскому 36, томившемуся от голода и

болезни в осажденном Кремле, среди врагов, и сказал ему: «Встань и иди в сретение православному воинству: молитвами Пресвятыя Богородицы, Господь очистил царствующий град от врагов» 37. В следующее утро верная русская рать торжественно вступила в Кремль. Земское войско, предводимое Пожарским и Мининым, собралось подле церкви Иоанна Милостивого, на Арбатской площади, а войско Трубецкого за Покровскими воротами. С двух этих концов пошло впереди духовенство с крестами, иконами и хоругвями: за ним двигались войска. Оба крестные хода сошлись в Китай-городе на Лобном месте. Во главе духовенства был преподобный архимандрит Дионисий, прибывший из своей обители нарочно для такого великого торжества веры и земли Русской. Из ворот Флоровских вышло духовенство, находившееся в Кремле, с архиепископом Арсением, получившим исцеление от преподобного Сергия. Духовенство вошло в Кремль, за ним посыпала туда ратная сила, и в Успенском соборе совершено было благодарственное молебствие о избавлении царствующего града, очищенного от вра-

гов чистой верой и любовью к отечеству.

Припомним слова нашего приснопамятного святителя: «Прославляют любовь к отечеству. Прославление справедливое и полезное! Бог да умножит в отечестве нашем людей, достойных такого прославления! Но славя любовь к отечеству, не забудем отдать должную славу благочестию, помощи Божественной, молитвам небесных граждан о земном отечестве. Любовь к отечеству возбуждается, действует и преуспевает только тогда, когда она одушевляется благочестием, когда руководствуется и утверждается помощью свыше» 38.

Москва была очищена, но престол царский оставался еще праздным; буйные ватаги ляхов, казаков-грабителей и русских изменников еще неистовствовали по городам и селениям. Разосланы были грамоты по городам с приглашением прислать властей и выборных в Москву для великого дела; писали, что «Москва от польских и литовских людей очищена, церкви Божии в прежнюю лепоту облеклись и Божие имя славится в них по-прежнему; но без государя Московскому государству стоять нельзя, печься о нем и людьми Бо-

жиими промышлять некому; и потому бояре и воеводы приглашали, чтобы все духовные власти прибыли к ним в Москву, и из дворян, детей боярских, гостей, торговых, посадских и уездных людей, выбрав лучших, крепких и разумных людей, поскольку человек пригоже, для земского совета и государственного избрания все города прислали бы в Москву». Когда съехалось довольно много властей и выборных, назначен был трехдневный пост, после которого начались сборы. Прежде всего стали рассуждать о том, выбирать ли из иностранных королевских домов или своего природного Русского? И порешили: «Литовского и Шведского короля и их детей и иных немецких вер и ни которых государств иноязычных не христианской веры Греческого закона на Московское государство не избирать, потому что Польского и Немецкого королей видели на себе неправду, и крестное преступление, и мирное нарушение. Литовский король Московское государство разорил, а Шведский король Великий Новгород взял обманом». Стали выбирать своих; тут начались козни, смуты и волнения. Однажды, говорит хронограф 39,

какой-то дворянин из Галича принес на собор письменное мнение, в котором говорилось, что ближе всех по родству с прежними царями Михаил Феодорович Романов, его и надобно избрать в цари. Раздались голоса недовольных: «Кто принес такую грамоту, кто, откуда?» В это время выходит донской атаман и также подает письменное мнение. «Что это ты подал, атаман?» – спросил его князь Дмитрий Михайлович Пожарский. «О природном царе Михаиле Феодоровиче», – отвечал атаман. Одинаковое мнение, поданное дворянином и донским казаком, сильно подействовало на избирателей. Но еще не все выборные находились в Москве. Знатнейших бояр не было: князь Мстиславский с товарищами тотчас после своего освобождения разъехали из Москвы; им неловко было оставаться в ней подле воевод-освободителей; теперь послали звать их в Москву для общего дела, и окончательное решение отложили на две недели. Наконец Мстиславский с товарищами приехали, приехали и запоздавшие выборные. 21 февраля 1613 года, в неделю Православия, то есть первое воскресенье Великого поста, был

последний собор: каждый чин подал письменное мнение, и все эти мнения найдены сходными, все чины указывали на одного человека – Михаила Феодоровича Романова. Тогда Рязанский архиепископ Феодорит, троицкий келарь Авраамий Палицын, Новоспасский архимандрит Иосиф и боярин Василий Петрович Морозов пошли на Лобное место и спросили у народа, наполнявшую Красную площадь: кого они хотят в цари? – Народ единогласно воскликнул: «Михаила Феодоровича Романова!» Тогда Авраамий Палицын сказал: «Се бысть по смотрению Всевышнего Бога!»

Примечания

1 При ограблении собора единственная в своем роде «золотая» рака святителя Леонтия была рассечена на части грабителями. С того времени мощи святого Леонтия почивают под спудом.

2 Вторым послом назначен был боярин князь В.В. Голицын. В числе посольства были и духовные лица: Новоспасский архимандрит Евфимий, келарь Лавры Сергиевой Авраамий Палицын, Угрешский игумен Иона и протоие-

рей Вознесенского монастыря Кирилл.

3 Воевода Вологодский доносил царю Василию: «Чудотворец Димитрий явил нам свою милость, обещался стоять за нами против врагов государевых. Он явился духовному старцу у своей гробницы и велел перенести чудотворный образ свой в Вологду. Мы встретили тот образ с великою честью, поставили его со слезами и молитвенным пением в церковь Всемиловитового Спаса и решились смело стоять против врагов государя и всего православного христианства» (Акты Археографической Экспедиции, II, 196).

4 Спустя несколько лет над могилой страдальца поставлен деревянный храм Знамения Богородицы и возник монастырь, называемый Духовым, по соборному храму Сошествия Святого Духа, построенному в 1654 году. Здесь почивают под спудом мощи преподобного Галактиона. При раке преподобномученика находится шапка, сделанная из двух железных полос, крестообразно сложенных с обручем вокруг головы, и железные вериги, соединенные с одной стороны таким аналавом, а с другой стороны крестом. На аналаве выре-

зана надпись: «Раб Божий Гавриил во имя Отца и Сына и Святого Духа обещался терпети до конца».

5 Епископ Сильвестр писал в Москву: «Нынешнего 1612 г. сентября 24 д. в последнем часу ночи разорители нашей чистой, православной веры и ругатели креста Христова, поляки и литовцы в черкесами и русскими изменниками нечаянным набегом пришли в Вологду, взяли город, умертвили людей, осквернили церкви Божии, сожгли город и посады; воевода князь Иван Одоевский ушел, а окольный и воевода князь Григорий Долгорукий и дьяк Истома Карташев убиты; меня грешного взяли в плен, держали у себя 4 ночи и не раз присуждали к казни, но Господь умиловивился надо мною, – едва живого отпустили. Когда ляхи и литва пришли к Вологде, то по грехам нашим, по нерадению воевод, не было ни разъезжих караулов, ни сторожей на башнях, на городской стене и в крепости; у ворот было несколько человек на карауле, да и те не слыхали, как литовцы вошли в город, а большие ворота не были заперты. – С 25 сентября неприятели оставили Вологду. Вое-

вода Григорий Образцов с своим полком прибыл с Белоозера и занял Вологду; но никто не слушает его, друг друга грабят... Все от пьянства: воеводы пропили Вологду». – Это донесение напечатано в словаре Щекатова, 1, 988.

6 В синодике Софийского собора записано следующее: «121 (612) году, сентября 22 день, вторник в первом часу дни. Помяни, Господь, иже во граде избиенных и пожженных священников и диаконов от польских и литовских людей и от русских воров»... Затем поименно исчисляются 68 человек убитых и сторевших во время нашествия: 3 протоиерея, 34 священника, 6 диаконов, 6 иноков (в числе иноков упомянут «иерей инок Галактион» (т. е. преподобный затворник-страдалец). В то время всех церквей в Вологде, градских и посадских, было около пятидесяти; а священников при них, вероятно, около шестидесяти, из которых следовательно погибло, при нашествии врагов, более половины. (Сведения об иерархах Вологодской епархии, Н.И. Суворова, с. 51 и 52).

7 В рукописном сборнике Московской Духовной Академии 1657 года под № 217 святцы

№ 1 исчислены ученики блаженного Иринарха, подвизавшиеся в затворе. Вот имена их: 1) затворник Иоаким подвизался в Николаевском-Шартомском монастыре в Суздальском уезде; 2) затворник Дионисий – в Переяславле-Залесском в Никольском монастыре, что на болоте; 3) преподобный схимонах Корнилий, затворник Переяславского Борисоглебского монастыря (Русские Святые, июль, с. 123–116); 4) преподобный Галактион, о котором мы сейчас говорили. «Сии вси, – сказано в том же сборнике, – един образ имуще жития, железа тяжкая на себе ношаху и к стене цепями прикованы бяху, пищею сухою питахуся, рыбы ж и масло, ни скорому, и мягких явств не прикасахуся. И житие их Единому Богу ведомо. Людие мнози к ним прихождах, и житие их ублажах, и пользу от них, сказывают, велию приимаху».

8 Преподобный Иринарх, в миру Илья, был сын крестьянина деревни Кондаковой, Ростовского округа, постригся на тридцатом году от роду в Борисоглебском монастыре (в 25 верстах от Ростова) и начал подвижничество свое тем, что стал ходить босой и в рубище, с

тяжелыми веригами на плечах и оковами на ногах, затворился безвыходно в келье и приковал себя цепью к стулу. С того времени Иринарх постепенно увеличивал тяжести, носимые на теле; спал только два часа в сутки и бичевал тело свое железной палкой. Так подвизался он тридцать лет. Тяжкими и долгими подвигами очистилось духовное зрение блаженного старца. Однажды, заснув в притворе, он увидел Москву в огне и во власти ляхов, и голос сказал ему: «Иди, скажи об этом царю». Преподобный Иринарх явился к царю Василию Ивановичу (Шуйскому) и рассказал о видении; царь принял его с честью и отвез назад в своей повозке.

9 Блаженный подвижник преставился на 69 году от рождения, 13 января 1616 года, оставив по себе подражателей дивного своего жития, и погребен в ископанной им самим могиле. При гробнице его совершилось несколько исцелений; особенно бесноватые боятся креста его. — Тяжести или «праведные труды» преподобного Иринарха, сохранившиеся в Борисоглебском монастыре, состоят из 142 крестов, тяжелого камня, множества цепей, же-

лезного кольца на голову, железного пояса, железной палки и толстого кнута. Все это составляет весь в 9 пуд. 34 фун. (Жизнь преподобного Иринарха, составлено о. архимандритом Амфилохием, с рисунками).

10 По известию 1634 года «немцы в церкви великомученика Георгия, в монастыре, ищущие поклажи, обрели человека цела и не разрушена в княжеском одеянии и вынув из гроба, яко жива, поставили у церковной стены» (Чтения Общества Истории и Древностей, 1862, кн. 4).

11 Мощи преподобного Антония в 1620 году перенесены из Новгорода на место подвигов его и почивают под спудом в храме бывшей обители его (в 45 верстах от Новгорода). Монастырь упразднен в 1764 году.

12 «Преставился епископ Геннадий от кручины». Псковская летопись, 77.

13 «Октября 24 (1616) преставился Иван, что в стене жил 22 лета; ядь же его рыба сырая, а хлеба не ел, ажил во граде, якоже в пустыни, в молчании великом». Полное Собрание летописей, IV. 332.

14 «Тверского архиепископа Феоктиста

обезчестивше, по многих муках на пути к царствующему граду в бегстве смерти предаша. Также и Суздальский архиепископ Галактион во изгнании скончался; епископа же Коломенского Иосифа на пушке привязавше, не единою под грады водяще, и сим устрашающе многих». Авраамий Палицын, с. 44.

15 «И малии от священного чина тех беде избегоша; память же тем язв многих и до смерти остася». Там же.

16 Никоновская летопись, 137 и 138.

17 Синозерская пустынь, основанная преподобным Евфросином в 1603 году, находилась в 60 верстах от Устюжины Железнопольской, на берегу Синичьего озера. Она упразднена в 1764 году, и храм ее обращен в приходской для Синозерского погоста. Здесь почивают под спудом мощи преподобного Евфросина.

18 Так в Николаевском Малоярославецком монастыре избита врагами вся братия, так что он более 10 лет стоял в запустении (История Российской Иерархии, VI, 702); в Калязинской обители преподобного Макария умерщвлено 68 иноков; в двух Костромских мона-

стырях Богоявленском и Крестовоздвиженском – более 20, а в Спасоприлуцком близ Вологды – до 200 человек, из числа которых захвачено в трапезе и сожжено 59 монахов.

19 Яков Змеев и Афанасий Челищев.

20 «Литовские люди и русские воры внидоша... К. Михайло жь Волконский, видя свое неизможение, побеже в церковь. Те же воеводы зваху его на встречу; он же им отказа, умереть-де мне у гроба Пафнутия чудотворца... ста в дверях церковных и бился много и изнемог от великих ран и паде к церкви у крилоса левого. Велие же чудо Бог показал над теми убиенными; того ж К. Михайлова кровь прыснула на левой крилос на камень, и многажды тое кровь скребляху и мыша, но не можаху тое крови ни соскресть, ни смыти». Никоновская летопись, 136. Прах князя Михаила покоится в обители преподобного Пафнутия, под церковью Всех Святых, сооруженной потомками его, князьями Волконскими, в 1837 году.

21 В память геройской кончины князя Михаила Волконского, императрица Екатерина II пожаловала Боровскому герб, в котором серебряное поле изображает непорочность,

червленое сердце – верность, а находящийся посреди его крест – усердие к закону Божию; сердце окружено лавровым венком – символом славы.

22 «Житие преподобного Сергия после смерти», составленное Филаретом, митрополитом Московским (с. 60).

23 По уверению келаря Авраамия, во время этого последнего приступа «в обители чудотворца более 200 человек не бяше».

24 Подлинные слова из «Жития преподобного Сергия после смерти» (с. 62).

25 Освобождение Лавры от осады торжествовала с нею вся Россия. В обители память благодеяния Божия увековечена установлением крестного хода по стенам монастыря в тот день, когда Сапега бежал от монастыря.

26 В одном из синодиков лаврских примени архимандрита Иоасафа отмечено: «убит в Пафнутиев». О взятии обители преподобного Пафнутия ляхами и изменниками мы уже говорили в этой главе.

27 Патриарх Гермоген ставил Дионисия в пример другим. «Смотрите, – говорил он, – на старицкого архимандрита; никогда он от со-

борной церкви не отлучается, на царских и всемирных Соборах всегда тут». Под всемирными соборами Патриарх разумел эти шумные собрания народа, где противники царя Василия требовали его низвержения, где Патриарх защищал царя, а Дионисий был подле Патриарха и увещевал народ, несмотря на оскорбления, которым подвергались увещатели от буйной толпы (История России Соловьева, VIII, 439).

28 Ляпунов был убит под Москвой казаками.

29 Проклятие первосвятителя, видимо, тяготело над изменником и его потомством; предсказание о прекращении рода Мстиславских также вскоре исполнилось.

30 О кончине святейшего Патриарха Гермогена в одной рукописи (Сборник Румянцевского Музея в 4-ку, XVII в. № 364 об.) сказано так: «Немилостивии приставники изменничьи замориша его гладом. Меташа бо страдальцу Христову не человеческую пищу – на неделю сноп овса и мало воды. И тако претерпе близ годичного времени и скончался о Христе, предаде честную свою душу в руце Бо-

жии в лето 7121 (1612) февраля в 17 д. и погребен бысть тамо в Чюдов монастыре». – Эти подробности о страдальческой кончине святейшего Патриарха Гермогена здесь в первый раз являются в печати.

31 Мощи священномученика Гермогена в 1653 году, при перенесении их в Успенский собор, были обретыены нетленными и потому положены поверх помоста, в ящике, обитом фиолетовым бархатом, подле медного шатра, построенного для Ризы Господней. В 1812 году враги-грабители извлекли их из ящика, думая, что там скрыты сокровища; по изгнании наполеоновых полчищ из Москвы мощи святителя Божия найдены на полу храма, в прежнем полном нетлении. Они почивают и теперь на том же месте, в том же ящике.

32 В стане русских, осаждавших Москву, по смерти Ляпунова, было два главных начальника: люди чиновные и пришельцы из Тушинского стана выбрали князя Димитрия Трубецкого, а грабители казаки – атамана Заруцкого. Трубецкой, сверх знатности, имел еще и некоторые благородные свойства, стараясь оказать себя достойным высокого сана;

Заруцкий же, вместе с ним выслужив боярство в Тушине, имел одну смелую предприимчивость для удовлетворения своим гнусным страстям, не зная ничего святого, ни Бога, ни отечества.

33 «Некоторые черты жития преподобного Сергия после смерти». Мы приводим здесь подлинные слова нашего незабвенного архипастыря, покойного митрополита Филарета (с. 69).

34 Король, поздно решившись идти к Москве, дошел только до Волока-Ламского, потеряв надежду завладеть столицей, пустился обратно в Польшу.

35 В память взятия Китай-города учреждено второе празднование, 22 октября, в честь Казанской иконы Богоматери. Обетный храм сооружен в 1630 году иждивением князя Д.М. Пожарского, на углу Никольской улицы и Красной площади. Он известен под названием Казанского собора.

36 Арсений, ученый грек, бывший архиепископ города Елассона в Фессалии, оставался в Москве, как кажется, с 1589 года. В 1613 году он получил кафедру в Суздале, где и

скончался в 1625 году. Тело его погребено в Суздальском соборе.

37 Пролог под 22 октября.

38 Слова приснопамятного митрополита Филарета («Некоторые черты жития преподобного Сергия после смерти», с. 71).

39 История России Соловьева, т. VIII, с. 460.

Книга пятая

Глава I

Воцарение Михаила Романова. Подвиг Сусанина. Возвращение из плена митрополита Филарета. Деятельность его в стане патриаршем: народная перепись; патриаршие приказы; исправление Богослужебных книг. Труды и страдания преподобного Дионисия. Учреждение Сибирской епархии. Сношения с Грузией. Принесение ризы Господней в Москву. Преставление Филарета. Отношения его к папству и протестантству. Патриархи Иоасаф I и Иосиф. Кончина царя Михаила.

Слово Авраамия Палицына при единодушном избрании на царство Михаила Рома-

нова: «Се бысть по смотрению Всевышняго Бога», – оказалось вещим и сбылось на деле. Новый царь, «излюбленный всею землею», стал залогом успокоения Церкви и государства. При ближайших потомках Михаила укрепилось царство Русское, и до наших дней, по милости Божией, на престоле обширной и сильной Империи сияют доблестями и славой державные отрасли дома Романовых.

Провозгласив царем шестнадцатилетнего Михаила Феодоровича Романова, Земский Собор назначил ехать к нему «в челобитчиках»: Феодориту, архиепископу Рязанскому, с Владимирской иконой Богоматери и образом Московских чудотворцев, троим архимандритам – Чудовскому, Новоспасскому и Симоновскому, троицкому келарю Авраамию Палицыну, троим протопопам, боярам – Феодору Ивановичу Шереметеву, родственнику молодого царя, и князю Владимиру Ивановичу Бохтеярову Ростовскому с несколькими окольными, стольниками и выборными людьми из городов. Посольство выехало из Москвы 2 марта; но еще прежде разосланы были грамоты по городам с известием об избрании Михаил-

ла.

Между тем послы Земского Собора прибыли в Кострому и 14 марта, подняв иконы, принесенные из Москвы, и чудотворную Феодоровскую икону Богоматери, из Костромского Успенского собора, пошли все с крестным ходом в Ипатьевский монастырь, где жил избранный царь с матерью, инокиней Марфой Ивановной. Они встретили образа за монастырем; но когда послы объявили им, зачем присланы, то Михаил отвечал «с великим гневом и плачем», что он государем быть не хочет, а мать его Марфа прибавила, что она не благословляет сына на царство, и оба долго не хотели войти за крестами в соборную церковь: насилу послы могли упросить их. В церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты от собора и говорили речи по наказу, но получили прежний ответ; Марфа говорила, что у сына ее и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем; он не в совершенных летах, а Московского государства всяческих чинов люди по грехам «измалодушествовались, дав свои души прежним государям, не прямо служили»; что

Михаилу быть на государстве, а ей благословить его на государство только на погибель; кроме того, отец его митрополит Филарет теперь у короля в Литве в большом утесненье, и враги, сведав об избрании сына его на царство, могут погубить Филарета. Послы со слезами молили и били челом Михаилу, чтоб сборного моленья и челобитья не презрел: выбрали его по изволению Божию, не по его желанию, положил Бог единомышленно в сердца всех православных христиан от мала и до велика на Москве и во всех городах. Все прежнее зло, говорили они, делалось попусшением Божиим для всех православных христиан грехом, во всех людях Московского государства была рознь и междоусобие. А теперь Московского государства «люди наказались все и пришли в соединение во всех городах». Послы молили и били челом Михаилу и матери его с третьего часу дня до девятого, говорили, чтоб он воли Божией «не снимал» и был на Московском государстве государем. Михаил все не соглашался; тогда послы стали грозить ему, что Бог взыщет на нем конечное разоренье государства. Наконец священные чины,

подъяв на руках честные кресты и чудотворные иконы, подошли с ними к Михаилу, и Феодорит с твердостью сказал: «Не противься воле Божией: не мы предприняли сей подвиг, но Пречистая Божия Мать возлюбила тебя – устыдись пришествия Ея». Смутился Михаил от неожиданной, строгой святительской речи, в которой мнил слышать глас Самого Бога; твердость его поколебалась: он пошел в слезах к матери, чтобы в ней найти себе подкрепление; но в то же время Феодорит со всем собором, и бояре с выборными из всех городов, и народ пали на колена пред инокиней Марфой Ивановной, рыдая и умоляя ее именем Бога, Церкви и страждущего отечества – отдать сына на утешение народа Русского, на спасение Церкви, веры и отечества. «Смотри, – говорили они в слезах, указывая на чудотворные иконы, – Кто желает сего, Кто пришел приветствовать тебя с избранным царем – сыном твоим». Наконец благочестивая инокиня с твердостью сказала сыну: «Божие есть сие дело, а не человеческий разум». Тогда сын повергся на землю перед чудотворными иконами Богоматери и, рыдая, произнес:

«Аще есть на то воля Твоя, я – Твой раб, спаси и соблюди меня». Потом, вставши и обратившись к послам, сказал: «Аще есть на сие дело воля Божия, буди тако». Затихли в храме рыдания; на лицах присутствующих в нем слезы печали превратились в слезы радости; весть о милостивом слове нового царя мгновенно перелетела за стены храма и вложила в сердца всех восторг невыразимый. Благочестивая старица взяла руку сына и, вместе с ним преклонив колена пред ликом Заступницы рода христианского, со слезами изрекла: «В Твои пречистыя руце, Владычице, предаю чадо мое, настави его на путь истинный, устрой полезная ему и всему православному христианству» 1. Тотчас возложили на государя животворящий крест, поднесли царский жезл и предложили стул царский. Самодержец всея России слушал Божественную литургию и торжественное молебствие, при окончании которого возглашено было многолетственное поздравление царю Богоизбранному. Так совершилось воцарение Михаила Феодоровича в Костромском Ипатьевском монастыре в 14-й день марта 1613 года, с того самого времени

доселе торжественно празднуемый Церковью в честь Феодоровской иконы Богоматери.

Принятие избрания на царство Михаилом Феодоровичем в соборном храме Ипатьевского монастыря (худ. Ю. Львов, 1851 г.)

Слова Феодорита с товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своих предшественников, потому что люди Московского государства «наказались» и пришли в соеди-

нение, – эти слова были вполне справедливы. Страшным опытом люди Московского государства научились, что значит «рознь и шатость», развязывающие руки измене. Земские люди имели столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказанием, встали, соединились, очистили государство и отныне могут уже поддерживать нового государя. Казны нет, и взять неоткуда, ибо государство разорено, земля наполнена воровскими казаками, не знающими меры своему буйству; Заруцкий грозит с юго-востока, шведы и поляки с запада; новый государь – неопытный, мягкосердечный юноша, около которого нет людей, сильных умом и доброй волей, и несмотря на это, Михаил удержался на престоле: при первой опасности, при каждом важном случае подле царя видим Собор Земский, одушевленный той же ревностью, с какой «последние люди» шли на очищение государства. До какой степени в лучших людях 1613 года крепко было убеждение, что должно пожертвовать всем для поддержания, охранения нового царя, восстановлявшего государственный порядок, до какой степени лучшие люди наказа-

лись в этом отношении, доказал всего лучше подвиг Сусанина. Когда Михаил, выехавши из Москвы после сдачи Кремля, жил в отчине своей близ Костромы, отряд поляков (как говорит грамота, по всей вероятности, воровских казаков, ибо поляков уже не было тогда в этих местах), узнав об избрании нового царя, отыскивал место его пребывания с целью умертвить нежеланного им восстановителя государственного порядка. Враги схватили крестьянина Ивана Сусанина из Костромского уезда села Домнина, принадлежавшего Романовым, и начали пытаться его страшными пытками, вымучивая показание, где скрывался Михаил. Сусанин знал, но не сказал, и был замучен до смерти 2.

Царское венчание Михаила совершилось в Московском Успенском соборе 11 июля; в священном обряде первенствовал Ефрем, митрополит Казанский 3.

И Дума, и двор в первые годы царствования Михаила находились в смутном положении, изобличали беспорядок, бывающий обыкновенно следствием сильных бурь: развалины старины, слабые, беспомощные, ли-

шенные главных подпор своих, низвергнутых бурей 4; под них нанесенный ураганом новый слой, также еще не утвердившийся крепко, не вошедший в свое новое положение. При таком неопределенном состоянии и при отсутствии твердой руки, которая бы все привела в порядок, каждому дала свое место, всего легче людям энергическим, ловким, дерзким, неразборчивым в средствах, овладеть волей других и приобрести видное место.

Наконец нашлась твердая рука для управления кормилом государства. По заключении перемирия с ляхами и Литвой 5 возвратился в отечество доблестный родитель государя, митрополит Филарет, измученный долговременным пленом. После многих почетных встреч на пути, под Москвой, на берегу речки Пресни 6, встретил митрополита сам царь и поклонился отцу в ноги. Филарет сделал то же самое перед сыном и царем, и долго оба оставались в этом положении, не имея сил ни тронуться, ни говорить от радостных слез (14 июня 1619 г.).

Патриарший престол после Гермогена остался праздным: дожидались Филарета, до-

жидался его Иерусалимский Патриарх Феофан, приехавший в Москву за милостыней. Вместе с владыками русскими Феофан предложил патриарший престол Филарету, «зная, что он достоин такого сана, особенно же потому, что он был царский отец по плоти, да будет царствию помощатель и строитель, сирым защитник и обидимым предстатель». Посвящение Филарета последовало 24 июня.

Царь Михаил Феодорович Романов

С этого времени начинается в Москве двоевластие: было два великих государя, Михаил Феодорович и отец его святейший Патриарх Филарет Никитич 7, и это была не одна форма: все дела докладывались обоим государям, решались обоими, послы иностранные представлялись обоим вместе, подавали двойные грамоты, подносили двойные дары. Хотя имя Михаила и стояло прежде имени отца его, но понятно, что опытный и твердый Филарет имел очень большую долю в правлении при малоопытном, молодом и тихом Михаиле. Этой неопытностью и мягкостью молодого царя уже успели воспользоваться люди, ко-

торым, по прежним делам их, не следовало быть близ престола. Иначе пошло дело, когда приехал Филарет; некоторые, привыкшие к своеволию при молодом царе, не желали возвращения его родителя, который должен был положить предел этому своеволию; другие, наоборот, были довольны тем, что с приездом Филарета они избавлялись от смутного и тяжкого многовластия 8.

Деятельность Филарета была обращена преимущественно на дела государственные. В самом начале правления предложил он меру простую, но весьма важную по последствиям: произвести всеобщую поземельную перепись государству. Земский Собор вполне одобрил предложение Патриарха. Когда составила перепись, правительство стало знать, с кого и сколько требовать, и доходы государственные увеличились. Помещикам определен рубеж, за который никто не мог простирать своего права; крестьяне перестали бродить с места на место и в нищенской праздности предаваться пьянству и грабежам.

Другим важным делом державного первосвященника было учреждение патриарших

приказов. Из числа их: а) Приказ судный, иначе патриарший разряд, стал заведовать всей судебной частью в значении епархиального управления. Предметами заведования были: 1) дело о построении церквей; 2) определение к духовным должностям или точнее – выдача настольных грамот; 3) рассмотрение жалоб на духовенство и духовных лиц между собой; 4) рассмотрение преступлений против веры; 5) рассмотрение завещаний и суд по брачным делам. б) Приказ церковных дел, наблюдавший, чтобы никто не служил без ставленных и отпускных грамот и при Богослужении соблюдалось бы благочиние. в) Казенный патриарший приказ, с 1620 года собирал доходы с вотчин, посылал приказчиков, посельских и житничных старцев, брал пошлины за грамоты и печать Патриарха. г) Дворцовый приказ под управлением дворецкого с дьяками, делал заготовления и расходы по продовольствию и постройкам патриаршего дома и двора и заведовал служащими при дворе Патриарха.

Печатание книг церковных и меры к исправлению их возобновились в Москве еще

до возвращения Филарета из плена. Вноябре 1616 года царским указом поручено архимандриту Сергиевой Лавры Дионисию 9, с канонархистом старцем Арсением Глухим и священником села Клементьевского (что ныне слобода Сергиевского посада) Иваном Наседкою, заняться исправлением Требника. Дионисий и его сотрудники принялись за дело, вверенное им, с живым усердием и не без достаточных пособий: кроме древних славянских рукописей были у них четыре греческих Требника. Арсений хорошо знал славянскую грамматику и язык греческий. С такими способами увидели, что позднейшие списки Требника обезображены ошибками; особенно странно было видеть, что Требник, недавно изданный, издан с грубыми ошибками. Исправители сделали, что могли сделать, — по мере сил и убеждению своему. Но в Москве огласили их еретиками. В июле 1618 года на соборе положили: «Архимандрит Дионисий писал по своему изволу. И за то архимандрита Дионисия да попа Ивана от Церкви Божией и литургии служить отлучаем, да не священствуют». Дионисия обвинили в том, что «имя

Святой Троицы велел в книгах марасть и Духа Святого не исповедует, яко огонь есть». Это означало: а) что исправители полагали сделать перемены в славословия Святой Троицы, оканчивающих собой разные молитвы; б) в чине водоосвящения исключали слово «и огнем», как внесенное произволом невежества

10. Напрасно Дионисий писал защитное поправкам своим. Пока происходили совещания Собора, Дионисия держали под стражей, а в дни праздничные в кандалах водили по улицам Москвы. Народ кричал: вот еретик! Хочет вывезть огонь из мира. И бросал в него чем попало. Преподобный, покрытый рубищем, был весел, как младенец. Потом в Новоспасской обители томили его в дыму на полатях и морили голодом. Арсений также посажен был в жестокое заключение. И целый год продолжались истязания с Дионисием. Главными обвинителями на Соборе были: Сергиева монастыря уставщик Филарет, ризничий диакон Маркелл да головщик старец Логгин. Маркелл мало известен, но весьма известны Логгин и Филарет. Головщик Логгин был прежде того справщиком книг при типогра-

фии, и, следовательно, теперь он стоял за личное свое дело. Все его достоинство состояло в том, что он был «громогласный певец, и хитрость грамматическую и философию книжное нарицал еретичеством». «Ты мастер всему, – замечал ему раз преподобный Дионисий, – а что поешь и говоришь, о том не рассуждаешь; вопишь великим гласом: Аврааму и семени, семени его до века». Архимандрит велел читать в храме беседы Златоустого, переведенные преподобным Максимом Греком; а Логгину это «море сладости, яко лужа негодная, вменяшесья». Наглость его не знала себе границ, как и невежество. Уставщик Филарет был другом Логгина. Этот был еще замечательнее. Он иночествовал в обители более 50 лет, но «от простоты ненаучения две мысли мудрования недоброго на ум его приидоша; первая убо мысль сицева: глаголаше бо, наш Иисус Христос не прежде век от Отца родися, но тогда, егда послан был Архангел Гавриил благовестити Пресвятой Деве Марии. Другая же мысль ему бе мудрование: Содетеля Бога, Непостижимого и Неописанного, Отца и Сына и Святого Духа, описана глаголаше и челове-

чеобразна суца».

Иерусалимский Патриарх Феофан, прибыв в Москву, обратил внимание любви на страдальцев: он предложил Патриарху Филарету облегчить положение их; Дионисий и Арсений освобождены были из темницы; Наседка успел освободиться от гонения еще прежде. Совершенное же оправдание Дионисию Филарет произнес не прежде того, как получил письменный отзыв от других патриархов. Тогда (в 1626 г.) особенной грамотой повелел он не читать более слова и «огнем» в молитве водоосвящения и зачернить это слово в Требнике. Таким образом волнение невежества, дышавшего расколом, было укрощено.

Исправление и печатание книг при Патриархе Филарете продолжалось непрерывно. Преподобный Дионисий и сотрудники его указали много ошибок в разных церковных книгах. Согласно с волей Патриарха особенно тщательно пересмотрены были Требник и Служебник. Но так как тревоги невежества, заволновавшегося из-за одного слова, показывали, что весьма нужна осторожность в деле исправления, да и сам Патриарх Филарет

стремился более всего сохранить русское от иноземного, от латинства, то в исправлении книг при нем следовали преимущественно также славянским спискам. В 1633 году окружной грамотой он требовал отобрать по всем местам и прислать в Москву для преданию огню устав, напечатанный справщиком Логгином 11.

Алексеевский монастырь в Москве (1625 г.)
Стоял на месте нынешнего Храма Христа Спасителя (худ. Рабус)

В то же время обращено особенно внимание на распространение христианства между сибирскими народами. Еще тогда, как при царе Грозном покорена была Сибирь, в ней стали селиться по местам русские; в 1603 году уже крестились некоторые из начальников чувовских вогуличей. В 1620 году по ревностной заботливости Патриарха Филарета положено было для успехов веры назначить архипастыря в Тобольск; архиепископом поставлен Киприан, игумен Хутынский, уже известный ревностью к отеческой вере. Благочестивый царь Михаил снабдил Сибирского архиепископа пособиями жизни. Ревностный архипастырь выполнял надежды царя и Патриарха, крестил многих неверных в святую веру; а чтобы и жизнь христиан не была соблазном для слабых в вере, он старался врачевать то сильное расслабление нравов, какое видно было в русских поселенцах того края. Это стоило ему многих трудов и огорчений. Для успехов веры и благочестия построил он несколько монастырей в разных местах своей епархии 12.

Заботы первосвятителя обращались и на

бедственную, отдаленную Иверию. Персидский шах Аббас, пользуясь бедствиями России, страшно опустошил Грузию. Кахетинский царь Теймураз I в 1619 году писал к царю Михаилу: «Лучше бы у матери моей утроба пересохла и я бы не родился, нежели видеть, что православная христианская вера и земля Иверская при моих глазах разорены; в церквах имя Божие не славится, и они стоят все пусты». Теймураз умолял подать помощь Грузии. На Соборе духовенства и земских лиц Кахетия, Карталиния и Имеретия приняты были в подданство русского царя. Россия спешила подать возможную помощь бедствующей Церкви и государству Грузии. В 1637 году при посольстве к Теймуразу отправились «для рассмотра и исправления христианской веры» Ипатский архимандрит, два священника с диаконом, два иконописца и столяр с материалами».

Желая поддержать мирные сношения с Россией, разоритель Грузии шах Аббас прислал в 1625 году посольство в Москву с дарами для великих государей. Патриарху поднесена была риза Господня в драгоценном золоте

том ковчеге, похищенная персиянами из Мцхетского собора 13. При этом случае Патриарх и святители поступили весьма осмотрительно. Они рассудили, что о ризе Господней нет письменных свидетельств, а положиться на отзыв магометан невозможно: остается одно – молить Бога от открытия истины. Назначен был недельный пост с молитвой. После того в крестопоклонное воскресенье Великого поста первосвятитель, совершив всенощное бдение, повелел возлагать принесенную из Персии святыню на недужных, как древле равноапостольная царица Елена полагала найденные ею кресты на мертвеца. И как тогда истинный Крест Христов узнали по силе, воскресившей мертвеца, так и теперь получено было удостоверение свыше о ризе Господней: больные разными болезнями по возложении на них святыни получали исцеления. В честь принесения ризы Господней в Москву учреждено празднество в 10-й день июля и составлена служба 14.

После 14-летнего правления Патриарх Филарет преставился в старости доброй 1 октября 1633 года и погребен при всеобщем плаче в

первопрестольном Успенском соборе. Знаменитый боярин в Думе и на поле ратном при сроднике его царе Феодоре, гонимый и невольно постриженный при Годунове, митрополит Ростовский при самозванце, страдалец за веру и правду в 10-летнем плену польском, наконец, Патриарх и соправитель державному своему сыну, – Филарет Никитич Романов занимает видное место между великими людьми Русской земли, как незыблемый столп Церкви и отечества в самое трудное и опасное время. Он любил просвещение: возвратясь из плена, он принес с собой с юго-запада сознание услуги просвещения для веры. В Чудове монастыре заведена была при нем патриаршая греко-латинская школа, первым учителем в ней был тот самый Арсений, который страдал перед тем за ревность свою в исправлении Требника; в 1633 году она уже подавала иностранцу-путешественнику Олеарию надежды на лучшую будущность. Ав следующем году напечатали для нее при букваре несколько грамматических правил. Под надзором Патриарха Филарета составлена и исправлена его рукой «Повесть о бывших после

царя Бориса замешательствах» 15.

Папизм на севере наделал столько зла, а на юге мнимое сближение с ним греческого православия (уния) раздирало Русь и топило ее в потоках собственной ее крови. В такое время недивно слышать отзыв православия о папизме не слишком мягкий. Патриарх Филарет на Соборе 1620 года положил перекрещивать обращающихся из латинства к Православию: постановление, неправоное пред учением церковным, но извиняемое ужасами времени 16. В том же духе горького недостойнства папизмом осуждены были сочинения Кирилла Транквиллиона и рассмотрен катехизис Лаврентия Зизания 17.

Хотя лютеранство представлялось менее опасным, нежели папизм, но постановление о перекрещивании римских христиан отнесено и к лютеранам. Царь строго предписал, чтобы как в Москве, так и в других городах, православные, находившиеся в услужении у иностранцев, оставили и дома их и впредь не поступали бы к ним для работ и служб.

Преемником Филарета на первосвятительской кафедре был архиепископ Псковский

Иоасаф, «по изволению царя и по благословению Патриарха Филарета». Современные хронографы говорят, что «нравом и жизнью он был добродетелен, но к царю не дерзновенен», т. е. не пользовался таким значением в делах государственных, какое по праву принадлежало великому предместнику его, отцу государя. Печатание богослужебных книг продолжалось и при новом Патриархе: Иоасаф сперва позволил издать Требник, Устав и Служебник Филарета без перемен; но потом счел необходимым исправить в них очень многое. Главное исправление состояло в пополнении чинов молитвами и действиями, частью же в отмене некоторых действий 18. В других книгах, например в октоихе, желали исправлять ошибки писцов поверкой, но по спискам славянским или же только одним своим рассуждением. Особенно же усердно продолжали печатать еще не напечатанные службы. В пособие к улучшению книг собирали славянские списки в Москву из монастырей; но точно так же, как при Патриархе Филарете, глубоко чувствовали и сознавали, что в исправленных книгах много разных по-

грешностей.

По кончине Патриарха Иоасафа I на престол возведен был по избранию жребием Симоновский архимандрит, старец Иосиф (27 марта 1643 года).

Вскоре после того (12 июля 1645 года) скончался царь Михаил, добродушный первоначальник державного рода Романовых на престоле русском. Перед кончиной, находясь в полном сознании, он велел призвать царицу, сына Алексея Михайловича с дядькой его, Борисом Ивановичем Морозовым, и Патриарха; простился с женой, благословил сына на царство, причем сказал Морозову: «Тебе, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: как нам ты служил и работал с великим веселием и радостью, оставя дом, имение и покой, пекся о его здоровье и научении страху Божию и всякой премудрости, жил в нашем доме безотступно в терпении и беспокойстве тридцать лет и соблюл его как зеницу ока: так и теперь служи».

Снова увидели люди русские венец Мономаха на главе шестнадцатилетнего отрока 19. Но еще не знали они, что юному царю Алек-

сею Промысл Божий предназначил расширить пределы государства, стесненные при отце его 20.

Примечания

1 Сказание Авраамия Палицына, с. 298.

2 Тело Сусанина погребено в Костромском Ипатьевском монастыре, но место могилы, к сожалению, забыто. Зятю Сусанина, Богдану Савинину, и всему его потомству дарована вечная свобода от всех податей, работ, рекрутства и половина земель, принадлежащих деревне Деревнищи; а так как село Домнино с деревнями, в том числе и показанная земля, по кончине инокини Марфы Ивановны отказаны были Новоспасскому монастырю, то потомкам Сусанина дана взамен пустошь Коробово, на левом берегу Волги, отстоящая от Костромы в 35 верстах. Они основали на сей земле деревню Коробово и доныне, пользуясь дарованными им правами, называются «белопашцами». Они сохраняют грамоты царя Михаила Феодоровича, подтвержденные в 1692 году царями Иоанном и Петром Алексеевичами, а в 1767 году императрицей Екатериной

II.

3 При венчании на царство Михаила сказано было боярство двоим стольникам: родственнику царскому, князю Ивану Борисовичу Черкасскому и вождю-освободителю князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому; Козьма Минин пожалован в думные дворяне. Яростные споры о местах во время самого торжества доказали, что московские вельможи чувствовали себя столько же независимыми, как и в эпоху междоцарствия.

4 Знатнейшие роды боярские мало-помалу выбыли из Думы: Романовы перешли на престол, удалились Годуновы, исчезли Шуйские беспотомственно, за ними Мстиславские, за теми Воротынские, погибли самые важные, самые энергичные из Голицыных; а при чиновном составе тогдашнего общества, при малочисленности фамилий, стоявших наверху и хранивших старые предания, исчезновение важнейших из этих фамилий имело решительное влияние на состав царской Думы.

5 Перемирие с Польшей на 14 лет заключено было в лаврской деревне Деулине, в 3 верстах от Троицкой Лавры. Через год сооружен

там деревянный храм во имя преподобного Сергия, «истинного миротворца». Эта церковь сгорела в 1867 году.

6 Речка Пресня впадает в реку Москву в Пресненской части города Москвы. В наше время этот ручей, запруженный плотинами, составляет из себя два пруда, занимаемые зоологическим садом.

7 Путешественник Олеарий сохранил нам печать Филарета: на одной стороне была изображена Богоматерь, а на другой следующая надпись: «Смиренный кир Филарет Никитич, Божию милостию Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича всея Руси Самодержца по плотскому рождению отец, волею Божию по духовному чину Пастырь и Учитель и по духу Отец, Святейший Патриарх Московский и всея Руси».

8 Один современник (в хронографе митрополита Пахомия 1639 г.) так изображает Патриарха Филарета: «Божественные писания отчасти разумел, нравом мнителен, а владетелен таков был, яко и самому царю бояться его. Бояр же и всякого сана царского синдиката зело томяше заточенми необратными и

инями наказаньями; к духовному же сану милостив был. Всякими делами царскими и ратными владел».

9 В предыдущих «Рассказах» мы неоднократно упоминали о преподобном архимандрите Дионисии.

10 Арсений Глухой пишет, что из числа 12 славянских списков в 10 списках не было слова «и огнем»; в одном из двух остальных прописано оно на поле, а в другом над строкой; но в печатном Требнике это слово внесено уже в строку.

11 Грамота – Акты Экспедиции III, № 228. Устав, изданный в 1610 году, повелено отобрать «для того, что печатал его вор и бражник чернец Логгин не по отеческому преданию, а своим самовольством».

12 В Туринске – Николаевский, в Алапаеве – Невьянский-Богоявленский, в Таре – Спасский, в Томске – Знаменский, в Тобольске – Николаевский.

13 О пребывании ризы Господней в Грузии сохранилось следующее предание. При распятии Господа нашего Иисуса Христа находился в числе воинов один грузин. Ему досталась по

жребию риза Господня (хитон нешвенный). Возвратясь в отечество, он подарил святыню сестре своей, девице, а она, умирая, велела положить ее с собой в могилу. Впоследствии риза Господня, вынутая из могилы девицы и вложенная в драгоценный ковчег, сохранялась в Мцхете, в престольном храме перво-святителей Иверских (Четьи-Миня 10 июля).

14 Ковчег с ризой Господней был положен в нарочно устроенном медном шатре, у западной стены Успенского собора. Теперь эта святыня в соборном алтаре, в Петропавловском приделе.

15 Она напечатана в Москве в 1837 году под названием «Рукопись Филарета».

16 Правила о перекрещивании латинян и униатов отменены решением патриаршего Собора в Москве 1667 года и грамотой Константинопольского Патриарха Иеремии в 1718 году.

17 В 1627 году рассмотрено было «Учительное Евангелие» Транквиллиона и определено – как это сочинение, так и другие сочинения Кирилла, какие найдутся, сжечь «и чтоб впредь никто никаких литовских книг не по-

купал» (Собрание грамот 3, 298). Книгу пересматривал священник Иван Наседка. Катехизис Зизания написал 1628 г. в Москве; исправителями были Богоявленский игумен Исаия и типограф Григорий Онисимов, спорившие с Зизанием целых три дня; они выпустили все, что им казалось новостью, и внесли то, что казалось, хотя и не всегда было, стариной.

18 Например в Филаретовом Требнике 1623 года положено погребение священников; а в Иоасафовом оно отменено. В первом: в начале чина исповеди положен указ, как иереям вязать и разрешать; здесь же положено в Великий пост, исключая первую и последнюю седмицу, есть рыбу в четыре дня недели: в субботу, воскресенье, вторник и четверток. В Иоасафовом Требнике это исключено.

19 Царь Алексей Михайлович родился от второго брака Михаила с дочерью бедного дворянина Стрешнева, Евдокией Лукьяновой. Первая супруга Михаила была Мария Владимировна, дочь думного боярина князя Долгорукова.

20 Уклоняясь, по возможности, от описания дел государственных, не имевших тесной

связи с церковными делами, мы не говорили о несчастной войне царя Михаила с польским королем Владиславом (тем самым, который в Смутное время был избран на Московский престол). Война эта была неудачна: при заключении мира в 1634 году уступлен Польше Смоленск с несколькими городами Северского края. Для примирения со шведами (1617 г.) отдана была Ижора и Карелия, т. е. все побережье Финского залива.

Глава II

Угодники Божии, жившие в первой половине XVII века, преподобные: Дионисий, архимандрит Сергиевой Лавры; ученик его блаженный Дорофей; Иринарх, игумен Соловецкий, Диодор Юрьегорский, Прокопий Вятский, Вассиан Тотемский, Симеон Верхотурский, Симон Воломский. Упадок иночества и просвещения. Семена будущего раскола

Обратим благоговейный взор на подвиги Угодников Божиих, современных царствованию первого самодержца из благословенного рода Романовых. Начнем с великого поборника веры и отчизны, преподобного Дио-

нисия, архимандрита Сергиевой Лавры. Освобожденный от истязаний, которым подвергнут был за исправление Требника, он имел утешение принять в обители своей Патриарха Иерусалимского, своего защитника от несправедливого гонения. Первосвятитель Феофан возложил на страдальца правды свой клобук, положив его прежде к ногам преподобного Сергия и совершив молитву к угоднику Божию. И всему братству Лавры со слезами радости изъявил Патриарх одобрение за его подвиги: «Прежде слышали все церкви восточные скорбь вашу и труд, понесенные вами за Христа от гонителей правой веры, а ныне очи мои видели все, за что пострадали вы, и не напрасно, потому что многим послужило это ко спасению».

Особенно Патриарх изъявил желание видеть тех иноков обители, которые во время беды ратной дерзнули возложить на себя броню с оружием в руках ратовать против врагов. Преподобный Дионисий принял было требование Патриарха с недоумением, но подвижники добровольно вызвались: «Яви нас, отче, владыке нашему; буди все по воле его».

И представлено Патриарху более двадцати иноков, «в нихже первый был именем Афанасий Ощерин, зело стар сый и весь уже пожелтел в седилах». Патриарх спросил его: «Ты ли ходил на войну и начальствовал над ратью мученической?» Афанасий ответствовал: «Ей, владыко святой, понужден был слезами кровными». Патриарх спросил еще: «Что тебе свойственнее – иночество ли в молитвах тайно или подвиг перед всеми людьми?» Афанасий, поклонясь, ответствовал: «Всякая вещь и дело, владыко святой, в свое время познается: у вас, святой отец, от Господа Бога власть в руках разрешать и связывать. Что творю и сотворил – то сделано по долгу послушания», – и обнажив голову, поклонился ему и сказал: «Известно тебе да будет, владыко мой, вот подпись латинян на главе моей от оружия; а еще и в лядвиях моих находится шесть памятей свинцовых; сидя же в келии в молитвах, как можно найти было добровольно таких будильников к воздыханию и стонанию? Все это не по нашему изволению, но по воле пославших нас на службу Божию».

Патриарх, без сомнения, удовлетворенный

сознанием, что над воинственным одушевлением защитников Лавры господствовал дух иноческого благочестия, смирения и простоты, благословил Афанасия, целовал его с любовью и прочих его сподвижников отпустил с похвалой.

Преподобный Дионисий ввел в обители чтение бесед святого Златоуста по переводу, сделанному Максимом и Силуаном, также бесед Григория Богослова и рассылал их списки по монастырям. «Келья не имеет устава», – говорил Дионисий; в келье по своей горячей любви к Богу он почти все время проводил в молитве, в чтении слова Божия и писаний святых отцов. Спать ложился за три часа до благовеста к заутрене: когда приходил к нему пономарь со свечой, он в малой мантии полагал 300 поклонов земных; потом, разбудив келейника, шел в церковь. Он строго соблюдал церковный устав, не позволяя ничего убавлять против него. Сам читал и пел на клиросе. Признательный к благодетелям обители, он требовал, чтобы читались синодики на проскомидии. В каждую утреню обходил он церковь и осматривал, все ли в храме; выхо-

дил с братией и на работы монастырские. У него были и живописцы, и иконописцы, и мастера золотых и серебряных дел. Он усердно заботился о храмах не только Лавры, но и сел монастырских, где построено им несколько новых храмов, особенно после разгрома польского. Все, что получал он для себя от благодетелей, употреблял он не на себя.

Из числа учеников преподобного Дионисия особенно известен блаженный Дорофей, по прозванию Трудник 1. Келарь Симон Азарьин пишет о нем: «Он был так тверд в благочестии, что никогда не оставлял церковного Богослужения, исправлял должность пономаря в церкви чудотворца Никона и вместе с тем был канонархистом и книгохранителем. В келье выполнял он правило необыкновенное: ежедневно читал псалтирь и клал до 1000 поклонов, притом же писал книги. Спал он очень мало и никогда не ложился для сна. Пищей его служил кусок хлеба и ложка толкна и притом не каждый день; только по убеждению архимандрита стал он есть хлеб с квасом. По известию священника Ивана Наседки Дорофей, усердно трудившийся для ра-

ненных и больных, много терпел неприятностей и по особенности своей жизни. Следившие за жизнью его замечали, что не едал он по три и по четыре дня, а иногда и целую неделю. Иные говорили о нем, что он – святой человек; другие же, видя его валяющимся у стены или у печки, смеялись над ним, как над глупцом. «Раз и я, – говорил Наседка, – смеялся над ним вместе с другими. Дионисий, заметив это, строго посмотрел на меня. Спустя 10 лет в духовной беседе в Москве напомнил я Дионисию о замечаниях его относительно Дорофея; авва сказал: «Не спрашивай иноков о делах иноческих. Для нас беда открывать мирянам наши тайны». Я, грешный, просил объяснить мне это. «Вы, миряне, – сказал он, – если услышите худое о чернецах, осуждаете их на грех себе; а если услышите доброе, не стараетесь подражать тому, а только хвалите; из вашей похвалы выходит опасное искушение для нас: рождается гордость». На вопрос о значении строгого взгляда он отвечал: «Вы смеялись над человеком святым оттого, что жил он не по-вашему. Мне известно, что не едал он по неделе, по 10 дней капли

воды не бывало у него во рту; ходил босой, нагой, голодный, с неумытыми руками и лицом. Он мучился блудными помыслами и потому-то томил себя голодом и жаждой».

После опустошений польских в селах Лавры храмы были сожжены или ограблены. Преподобный архимандрит построил несколько церквей сельских, из которых иные еще доселе целы. Ревностный о благолепии дома Божия, он имел в запасе всякую церковную утварь, когда являлись просители, с любовью выдавал нужное для той или другой цели.

Проведя жизнь в высоких подвигах любви к Богу и к ближнему, авва Дионисий мирно преставился 10 мая 1633 года, и Патриарх Филарет сам отпевал его 2.

В то же время просиял благочестием другой настоятель обширной и многолюдной обители, преподобный Иринарх, игумен Соловецкий с 1614 года. Тогда настоятель Соловецкого монастыря был лицом, весьма значительным для целого северного края. На него возлагалась защита севера от шведов и датчан. Хотя со шведами заключен был тогда

мир, но и на них нельзя было полагаться; а датчане, увлекаясь надеждой на счастье шведов, потребовали от России, чтобы отдана им была вся Лапландия (земля лопарей), и приготовились поддерживать требование свое морской войной. Царь Михаил, предоставив блаженному игумену Иринарху, кроме беспошлинной продажи соли и рыбы, казенную подать с монастырских крестьян и еще казенную долю с рыболовных промыслов на Норвежском берегу моря, предписывая привести все крепостные строения монастыря в полное оборонительное состояние на случай войны. Сколько забот и трудов игумену! На восточной стороне монастыря проведена вторая каменная стена с двумя огромными башнями; внутри монастыря построены два корпуса для военных людей; на северной и южной стороне обители проведены глубокие рвы, выложенные камнем. В Сумском и Кемском острогах сделаны новые укрепления. В них и в обители число военных людей увеличено до 1040 человек – на содержании монастыря. Датчане в 1632 году на четырех военных кораблях являлись у Карельского остро-

ва, ограбили некоторых русских промышленников, но ни на что более не отважились и возвратились. При таких заботах об ограждении обители от внешних бед преподобный Иринарх, как сам был примером духовной жизни, так и ревновал возбуждать и поддерживать в братии заботу о жизни духовной. Эта ревность заставила его просить великих государей – царя и родителя его Патриарха, дабы словом власти напомнили забывчивым инокам об их обязанностях. Во все времена правления своего преподобный Иринарх отличался снисходительной кротостью в отношении к другим и строгостью к себе. проведя последние два года свои без дел начальственных, в подвигах безмолвной молитвы, он представился 17 июля 1628 года 3.

При настоятельстве преподобного Иринарха подвизался в Соловецком монастыре преподобный Диодор Юрьегорский, постриженный в иночество еще игуменом Антонием, который поручил его в надзор духовному иноку, иеромонаху Иосифу Новгородцу.

Похоронив отца своего, скончавшегося иноком в Соловках, Диодор пожелал видеть

соловецких отшельников, подвизавшихся на пустых островах. Он ушел на пустынный остров, не взяв с собой ни пищи, ни питья; ходя 40 суток по острову, он изнемог до крайности; некоторые из братии нашли его лежавшим под деревом и едва живым; они принесли его на монастырское подворье и призвали духовника. После исповеди, укрепившись пищей, ревнитель отшельнической жизни поселился на пустынном острове, при двух найденных им отшельниках. Отсюда ходил он беседовать и с другими отшельниками, каковы были: старец Ефрем, Никифор-белец, Алексей, Иоасаф, Тихон-москвич, Федор-рязанец, Порфирий, Трифон, Иоасаф, Севастиан и другие. Пустынник Тихон по настоятельной просьбе его рассказал о себе, что он ушел из Алексина во время первого самозванца, оставив все свое и переплыв на утлой лодке море; Никифор, встреченный без всякой одежды, поспешил скрыться и только сказал: «Посещай подвижников, Диодор, чтоб и самому иметь от Бога утешение». Диодор усердно посещал пустынников, доставляя им необходимое для жизни. Впоследствии братия обители стали

роптать на то и говорили: хлеб обители тратится на тех, которые не трудятся для обители. Особенно же, когда ушел в отшельничество больничный келарь Кирик, лучше которого никто не ходил за больными, братия сильно возмутилась, и игумен Иринарх вынужден был принять меры против страсти к отшельничеству. Он послал братию, стрельцов и рабочих на остров, с тем, чтобы они возвратили отшельников в монастырь; тогда и Диодор вместе с другими заключен был в оковы в больнице и к нему приставлена была стража. Спустя три месяца он снова ушел на остров и прожил здесь полгода. Брат его, живший также в Соловецком монастыре, отыскал его, но в самом жалком положении, – расслабевшим от борьбы с нечистыми духами. Диодор решился теперь расстаться с Соловками и удалиться на Онегу. Недалеко от Кеноозера, в пустынном лесу, избрал он себе место для пребывания и начал подвизаться. Но соседние жители вынудили его уйти отселе. Ему понравилась Юрьева гора, над Водлоозером, в 25 верстах от Олонца к северу; здесь водрузил он крест, поставил келью и начал подвизать-

ся в молитве; сюда вскоре пришел к нему пустынный Прохор, и они 7 лет провели отшельниками. После того Диодор решился основать здесь обитель Святой Троицы и отправился в Москву; при посредстве келаря Сергиевой Лавры Александра 4 получив доступ к великой старице Марфе Ивановне (матери царской), он получил от нее разную утварь и 200 рублей денег; царь Михаил дал старцу грамоту; от других благодетелей получено им 300 рублей. Так построены были храм и обитель. Скоро собралось довольно число братьев и построен был еще храм Богоматери с приделом в честь Соловецких чудотворцев. Хлебопашества своего еще не было у обители, а место было вдали от поселений. Поэтому случилась нужда в хлебе. Поднялся ропот на старца. «Деньги, – говорили, – истратили на храм, а питаться нам нечем». – «Потерпите», – отвечал старец и сам стал на молитву. Ему явился светлый старец. «Кто ты?» – спросил Диодор. «Я Александр Ошевенский, – сказал явившийся, – не скорби, а утверждай братию; пропитал же Господь народ израильский в пустыне, а вас немного; будет время, что

здесь соберется множество иноков, теперь же скажи братии, чтобы ловили рыбу в озере». Старец не с первого раза поверил явившемуся, опасаясь обольщения; три раза явился ему небожитель, и только тогда, когда явившийся произнес молитву Господню, Диодор выслушал его доверчиво. Братия столько наловили рыбы, что, оставив себе нужное, продали на 60 рублей и купили хлеба. В другой раз избавились от голода тем, что нечаянно нашли в лесу черную куницу и продали ее за 8 рублей. В монастырь прислан был для усмирения от Патриарха Филарета инок Феодосий, человек беспокойный. Раз так озлобился он на старца, наставлявшего его добру, что хотел убить его. Он завел преподобного в лес под каким-то предлогом и жестоко избил его, до того, что бросил под деревом, считая умершим. Когда старец, придя в себя, добрел кое-как до кельи, Феодосий испугался и бросился в ноги настоятелю, прося простить его. «Бог да простит тебя, чадо, – это не твое дело, а дело врага», – отвечал незлобный старец и не сказал тогда никому о случившемся. Феодосий и после того не переменялся. Он начал возмущать братию

против настоятеля и уговорил некоторых удалиться из обители. 17 человек убежали с Феодосием, похитив что только могли из собственности монастырской. Диодор благодарил Бога, что избавил обитель от смут и тревог. Много и других скорбей пришлось испытать блаженному Диодору; но он все переносил терпеливо. Большая часть времени его проходила в уединенной молитве. Приблизился и конец жизни его. Собираясь ехать в Каргополь по нуждам обители, старец собрал братию и убеждал проводить жизнь иноческую и не слушаться людей, подобных Феодосию; а старцу Прохору сказал: «Уже нам с тобой здесь не видаться; если Богу угодно, увидимся в Будущем Веке». И точно, прибыв в Каргополь, он заболел, приобщился Святых Тайн и мирно скончался 27 ноября 1633 года. Он погребен был здесь под церковью; но собседник его Прохор спустя два года перевез нетленное тело его в обитель, где оно было похоронено на южной стороне храма Святой Троицы. После преподобного Диодора осталось духовное завещание, в котором строго заповедал он братии отнюдь не держать в

обитатели ничего хмельного 5.

В XVII веке немало являлось людей с именем юродивых. Патриарх Иоасаф I в 1636 году писал: «Иные ходят в образе пустынноическом и в одеждах черных и веригах, растрепав волосы, ноне для Господа и не в Господе» 6. И позднее Собор 1667 года осуждал таких же людей: «Иже мнятся благоговейни быти, но суть же таковы, живут посреди градов и сел в образе отшельника и затворника, волосаты, и в монашеской свитце, иные же и в железах скованы, такожде наги и босы ходят по городам и селам в мире, тщеславия ради, да восприимут славу от людей и да почитают их за святых, ко прелести простым и невеждам» 7. Не таков был блаженный Прокопий Вятский. Взяв на себя иго юродства для одного Христа, для Христа он нес его до смерти: до смерти терпел скорби самолюбия, язвимого то насмешками, то бранью, то холодностью людей, до смерти заставлял страдать плоть свою и от недостатка пищи, и от перемены погоды. Он блаженно почил 21 декабря 1627 года 8.

В пределах Тотемских подвизался преподобный Вассиан. В мирском быту он был

портным, жил в браке и имел двух сыновей. Потом, в Тотемской обители приняв монашество, года два провел в подвигах послушания под настоятельством настоятеля Ферапонта. Ревнуя же о высшем совершенстве, по благословению игумена поселился в 50 верстах от Тотмы, на реке Тиксне, при храме Святого Николая. Сперва жил он здесь на паперти храма, потом упросил причт и окрестных жителей уступить ему место в 20 сажнях от храма для хижины. Ему поставили келью, и он начал уединенное подвизаться в посте и молитве. Это было в 1594 году. Он приходил в храм на каждую службу, а в келье совершал иноческое правило. По благословению наставника своего Ферапонта возложил он на тело свое вериги, на плечи – цепь, на чресла – железный обруч, а на голову под куколем надел железную шапку. В таком одеянии подвизался он 13 лет. Он не пускал никого к себе в келью, кроме духовного отца, и питался подаванием, которое принимал в оконце кельи. Так подвизался раб Божий в строгом затворе, очищая дух страданиями грешной плоти для жизни небесной. Уразумев близкую кончину

свою, преподобный Вассиан призвал духовника, исповедался, причастился Святых Тайн и тихо предал дух свой Богу 12 сентября 1624 года. Только при погребении узнали, какими тяжестями смирял он тело свое 9.

Другой подвижник того же времени, Симеон Верхотурский или Меркушинский, был родом из дворян, но, скрыв знатность свою в смирении христианском, вел жизнь бедняка. Переходя из деревни в деревню, шил он платье преимущественно для бедных; кончив работу, уходил из дома рано поутру, когда все спали, чтобы избежать не только денежной платы, но и слова благодарного за работу. Он доволен был и тем, что давали пищу и кров. Чаще всего проживал он в погосте Меркушах, в 50 верстах от Верхотурья, где была пристань для судов, плававших по реке Туре. Он любил в тиши уединения наслаждаться красотами природы и прославлять Творца ее. Когда не было работы, брал он уду, садился на берегу реки и доставал оттуда лишь нужное для одного дня. Еще поныне цела ель на утесистом берегу реки Туры, где полюбил сидеть блаженный, занимаясь ловлей рыбы. Вогуличи и

другие инородцы края тогда были новыми христианами; блаженный Симеон вступал с ними в разговоры и учил христианскому благочестию. Располагая к себе бедных своей услужливостью, он находил сердца их открытыми для принятия наставлений его и усердно сеял в простых душах правила страха Божия. Никогда не оставлял он посещать Богослужение храма, и особенно храма Меркушевского. Чистая жизнь его служила примером для других; а этот пример особенно нужен был и благотворен для края еще дикого, недавно увидавшего свет христианский. Блаженный Симеон, страдавший грыжей, скончался не старым, около 35 лет, в 1642 году и погребен был при церкви Архистратига Михаила 10.

Земледелец из отчины Волоколамского Иосифова монастыря, Симеон, принявший иночество с именем Симона в Пинегской Макариевой обители, в 1613 году поселился в 80 верстах (к юго-западу) от Устюга, на реке Кичменге, в лесу Воломском. Здесь он пять лет прожил один, не знаемый людьми; питался овощами, которые сам сажал, а иногда выпра-

шивал хлеба в каком-либо селении. Когда понемногу стали являться к нему ревнители благочестия, он построил по грамоте царя Михаила и по благословению Ростовского митрополита Варлаама храм в честь Воздвижения Креста Господня и в 1620 году посвящен был в сан игумена своей обители. Строгий подвижник, служивший для других примером трудолюбия, простоты сердечной, поста и молитв, 12 июля 1641 года злодейски умерщвлен был в своей обители. Подвижник рубил лес, когда подошли к нему три крестьянина и стали требовать, чтобы он отдал им царскую грамоту на землю обители. Они навалили на него колоду и грозили смертью; преподобный едва упросил отпустить его в обитель за грамотой. Монастырские люди бросились искать злодеев, но те скрылись. Когда приблизился праздник блаженного Прокония Устюжского, народ пошел на поклонение святому и большая часть братии Симоновой пустыни отправилась также в Устюг. Злодеи, узнав о том, воспользовались благоприятным для них временем. Ночью найдя преподобного Симона одного в пустыни, стали

терзать его пытками, требуя царской грамоты; потом послали его в церковь искать грамоту. Преподобный со слезами молился Богоматери, причастился Святых Тайн и затем сказал: «Теперь делайте со мною, что хотите». Злодеи осыпали его ругательствами и побоями, потом отсекли ему голову и бросили тело близ кельи 11.

* * *

Читатель, без сомнения, заметил, что число подвижников, угодивших Богу в первой половине XVII столетия, весьма невелико. Мы не видим здесь ни тех великих святителей-чудотворцев, ни тех дивных основателей обителей иноческих, какие просияли в предыдущих веках. Упадок истинного, искренно-благочестивого монашества был очевиден в пределах Московского государства. Вместе с ним постепенно развивалось и другое зло – упадок просвещения, начинавшийся еще прежде. В страшном перевороте междуцарствия, нашествия ляхов исчезали последние остатки школ; в разоренных храмах и обителях Богослужебные книги, истребленные пожарами, заменены новыми рукопися-

ми – работами полуграмотных писцов, со множеством грубых ошибок, или вновь напечатанными без надлежащей проверки и исправления. А между тем слепая привязанность к букве и обряду возрастает по мере возрастания невежества. Мы видели, какую бурю гонения воздвигло одно слово, невежественно внесенное в Требник и исключенное из него преподобным Дионисием. Что же можно ожидать от других изуверов, подобных уставщику Филарету и громогласному певцу Логгину, когда будет предпринято полное исправление Богослужбных книг? Ответ на этот вопрос последует вскоре – во время первосвятительства великого Никона.

Примечания

1 В рукописных святцах: «Преподобный Дорофей трудник, бысть ученик преподобного Дионисия архимандрита; преставился в лето 7130» (1622).

2 Мощи преподобного Дионисия погребены в палатке при юго-западном притворе Триоцкого собора Лавры. Житие его и канон ему написаны келарем Симоном Азарьиным.

По словам Симона, Дионисий был роста высокого, с лицом благолепным, с очами светлыми, веселыми, с бородою долгою и широкою. Портрет, снятый с него по преставлении, хранится в Сергиевой Лавре.

3 Житие преподобного Иринарха написано (около 1640 г.) Калязинским игуменом Иларионом, постриженником Соловецким. Мощи его почивают под спудом в особой часовне.

4 Келарь Сергиевой Лавры, старец Александр Булатников, из знатного рода, заступил место знаменитого Авраамия Палицына, возвратившегося (в 1621 г.) в Соловецкий монастырь «на свое обещание». Александр был келарем около 20 лет и принес Лавре богатые вклады. Он был восприемником от купели царевича Алексея и царевен, сестер его.

5 Мощи преподобного Диодора почивают под спудом в храме бывшей обители его, ныне приходском Янгорского погоста.

6 Акты Археографической Экспедиции III, 402.

7 Дополнение к Актам Историческим, V, 465, 474.

8 Мощи блаженного Прокопия почивают

под спудом в соборной церкви Вятского Успенского монастыря.

9 По кончине преподобного Вассиана на месте подвигов его устроился монастырь с церковью в честь Нерукотворной иконы Спасителя. В этой церкви (ныне приходской) находится могила преподобного Вассиана. Почитание памяти его началось с моровой язвы 1647 года, когда у гроба его многие получали исцеление.

10 Праведный Симеон по преставлении своем совершал много чудес и в Меркушах, и в Николаевской Верхотурской обители, куда перенесены мощи его в 1704 году по распоряжению Сибирского митрополита Филофея. Особенность в явлениях праведного Симеона состоит в том, что он, исцеляя телесные недуги, вместе с тем подавал наставления для души. Так, например, в 1749 году он явился жителю Невьянского завода, раскольнику Василию Масленикову, три года лежавшему в параличе, и сказал ему: иди в Верхотурье, в обитель святого Николая, помолись там с усердием над моими мощами, а «крестное знамение изображай на себе, во образ Пресвятой Трои-

цы, тремя первыми перстами». После явления Василий почувствовал себя исцеленным и обратился от раскола к истинной вере (Рукописное сказание о житии и чудесах праведника Симеона, составлено митрополитом Сибирским Игнатием Корсаковым. Здесь описано до 50 чудес).

11 Мощи преподобного Симона погребены подле построенного им храма (ныне приходского). В 1646 году после многих чудес, совершившихся над мощами преподобного Симона, сочинена ему служба с описанием жития и чудес.

Глава III

Страдания южнорусского народа от унии. Иосафат Кунцевич. Восстановление православной иерархии. Архипастыри киевские: Иов Борецкий и Исаия Копинский

Между тем как Московское или, лучше сказать, севернорусское государство начинало успокаиваться после бедствий и кровопролитий Смутного времени под скипетром первого самодержца из дома Романовых, православный народ южной Руси претерпевал тяж-

кие страдания за веру отеческую. Насильственное введение унии сопровождалось мучительством и страшными гонениями, о которых мы говорили уже прежде. Дикий фанатизм короля Сигизмунда и иезуитов не уступали в свирепости языческим гонителям христианства. В Малороссию введены были войска, и начались преследования вооруженной рукой. Полилась кровь. Гетман Наливайко, пламенный защитник прародительской веры, защищал родину, счастливо разбил ляхов и старался возвратить слабых между духовными к долгу их по вере и жизни. В 1597 году войсковые депутаты отправились по обыкновению на главный сейм. Наливайко вместе с ними явился засвидетельствовать верность королю. Но их всех в первую же ночь схватили и бросили в подземную темницу; здесь, ни днем ни ночью не давая отдыха гетману, сторожа будили его обухом секиры, а на третий день он и депутаты выведены были на площадь, посажены в медного быка и сожжены медленным огнем. Этим злодейством, нарушавшим все права политики и совести, рас суда и чести, не удовольствовались. Поль-

ские солдаты с обнаженными саблями принуждали в храмах народ преклонять колена и ударять себя в грудь по обычаю римскому и читать Символ Веры о Святом Духе неправославно. Храмы насилием отнимали и объявляли униатскими. Духовенство латинское переезжало от храма к храму в повозках, в которых впрягали до 20 и более человек, вместо скотов. Те храмы, которых прихожане никаким насилием не могли вынудить к унии, отданы в аренду жидам; ключи храма и колокольни перешли в жидовскую корчму.

На сейме, в Варшаве, один депутат (Вольнский) говорил: «В войне турецкой много ратных людей потребуется от народа русского греческой веры – того народа, который если не будет удовлетворен в своих нуждах и просьбах, то может ли поставить грудь свою оплотом державы нашей? Как может он стараться от доставлении отечеству вечного мира, когда дома не имеет внутреннего спокойствия? Каждый видит ясно, какие великие притеснения терпит этот древний русский народ относительно своей веры. Уже в больших городах церкви запечатаны, имения цер-

ковные расхищены, в монастырях нет монахов – там скот запирают; дети без крещения умирают; тела умерших без церковного обряда из городов, как падаль, вывозят; мужья с женами живут без брачного благословения; народ умирает без исповеди, без приобщения. Неужели это не Самому Богу обида, и неужели Бог не будет за это мстителем? Не говоря о других городах, скажу, что во Львове делается: кто не униат, тот в городе жить, торговать и в ремесленные цехи принят быть не может; нельзя мертвое тело погребать, нельзя к больному с Тайнами Христовыми открыто идти. В Вильне, когда хотят погребсти тело благочестивого русского, то должны вывозить его в те ворота, в которые одну нечистоту городскую вывозят. Монахов православных ловят на вольной дороге, бьют и тюрьмы сажают» 2.

Более двадцати лет (считая от низложения на Брестском Соборе 1596 года увлеченного в унию митрополита Михаила Рагозы) кафедра православных первосвятителей Киевских оставалась праздною; не подчинившихся унии епископов оставалось только двое: Гедон Львовский († 1607) и Михаил Перемышль-

ский († 1612). Епископы, увлеченные в соединение с Римом, заняли престолы святителей православных и употребляли все средства, не стыдясь даже и самых преступных, для умножения своего стада. Между ними особенно отличался бесчеловечной жестокостью Полоцкий униатский епископ Иосафат Кунцевич. Он запечатал православные храмы по всей Белоруссии и открыто требовал выгнать православных вон из государства; мучил их следствиями и судами, домогаясь одного – перехода в унию; ругался над совестью и над самыми мертвецами 3. В ноябре 1623 года Кунцевич умерщвлен жителями Витебска, в котором он запечатал храмы, ругался над святыней и над клиром, сохранявшим верность отеческой вере 4. Смерть одного мучителя дала повод другим к усилению мучительства.

Но Церковь Православная, утвержденная на незыблемом основании, на самом Христе Спасителе, и Его единого признающая своим главой и верховным Пастырем пастырей, пребывала неодолимою, несмотря на отпадение многих чад своих, увлекаемых лестию или отторгаемых насилием 5.

Слабыми в вере оказались некоторые из дворянства, прельщаемые богатством и почестями. В числе их находился и сын святопамятного князя Константина 6, последний князь Острожский – Иоанн (Януш), принявший латинство из опасения лишиться своих богатых владений 7. Самой чувствительной потерей для Православной Церкви было отступничество князя Иеремии Вишневецкого, владельца неизмеримых пространств и неисчислимых поселений в южнорусском крае.

Главными опорами Церкви в это тяжкое время были казачество и школы, учрежденные братствами.

Непоколебимая твердость в вере казацкого войска удерживала иногда порывы фанатизма папистов. Шляхта ненавидела казаков, но короли дорожили ими, понимая значение войска Запорожского для обороны королевской власти от непокорных и мятежных панов, а потому опасались слишком раздражать казаков гонениями на Православие. Так особенно при воинственном гетмане Петре Сагайдачном польское правительство не нарушало прав казацких, и уния в Малороссии

утихла. Даже на Волыни, в Червонной Руси и в Литве при жизни Сагайдачного, всегда готового извлечь меч на защиту веры, гонения ослабели. По смерти его они возобновились с прежней силой.

Мы имели уже случай говорить о церковных братствах и основанных ими школах. В начале XVII века они усугубили ревность свою на защиту веры; явились и учителя, достойные Православия. Один из самых достойных представителей Православия был Леонтий Карпович, воспитанник Острожских школ, строитель и первый архимандрит Виленского Духова монастыря, с 1616 года епископ Владимирский и Брестский. Он еще тогда, как был иеродиакон Печерской Лавры, в 1608 году написал обличение на унию: он описывает унию как очевидец Брестского сейма 1595 года и пером, достойным событий. В звании архимандрита виленского братства Леонтий в 1615 году говорил две проповеди, одну – на Преображение Господне, другую – на Успение Богоматери. Эти проповеди – образец сердечного красноречия, плод глубокого знания слова Божия, искусства, достойного

церковной кафедры; современники не напрасно называли сего страдальца за веру «подобным Златоусту в витийстве».

Мелентий Смотрицкий, преемник Леонтия в управлении обителью и воспитанник того же Острожского училища, сперва был самым ревностным защитником Православия: отягченный злобным гонением латинян и униатов, он имел слабость (1627 г.) перейти на сторону унии; по мнению некоторых современников, он раскаялся перед смертью († 1633).

В том же Острожском училище написано было весьма дельное сочинение об унии: Апокризис, или Ответ на Ипатиево описание Брестского Собора 8. К числу училищ южной Руси в 1615 году присоединилось еще одно, которому суждено было стать во главе всех прочих. Жена Стефана Лозки, маршалка Мозырского повета, Анна Гулевичевна Лозкина, по наследственной набожности и по любви к русскому народу с согласия своего мужа отдала киевский дом и двор свой на пользу общественную, а именно: на устройство там монастыря, школы для детей всякого сословия и гостиницы для духовных странников «гре-

ко-восточного исповедания», а чтобы ее «фундация» пришла в действие, она немедленно ввела туда священника Исаию Копинского с несколькими монахами и светскими лицами и завела там школу; это распоряжение свое она утвердила на суде записью 1615 года, 14 октября. С этой записи и начинается положительная и достоверная история киевского братства 9. «Богомысленный муж» (по выражению современников) Исаия Копинский был первым исполнителем распоряжений достопамятной основательницы киевского братства и первым его устройтелем. Вскоре явился новый попечитель киевского братства – «муж христианских добродетелей и милостынь полный», по словам митрополита Иова Борецкого. То был питомец Острожских школ и Запорожской Сечи гетман Петр Конашевич Сагайдачный, уроженец червонорусский. После многолетних войн и походов он в 1619 году, «вспомогая православным монастырям и церквам на Украине», построил в киевском братстве деревянную Богоявленную церковь с приделом Благовещения.

В 1620 году, среди Великого поста, в брат-

ской гостинице остановился достопамятный духовный странник, Иерусалимский Патриарх Феофан, возвращавшийся из Москвы, где он посвятил в сан патриарший государева отца Филарета Никитича. При нем находился экарх патриаршего престола Константинопольского Арсений, архимандрит Великой церкви. Тогда киевское братство около десяти месяцев было, можно сказать, средоточием киевской иерархии, куда со всех ее концов приникали обрадованные православные люди. Феофан дал киевскому братству две благословенные грамоты и признал его патриаршею ставропигией.

Пребывание Патриарха Феофана в Киеве составило эпоху в управлении южнорусской митрополии. К празднику Успения Пресвятой Богородицы (15 августа 1620 г.) съехалось, по обыкновению, множество знатнейшего духовенства, дворян и запорожских казаков со своими начальными и гетманом Петром Конашевичем Сагайдачным. Скорбя о бедственном положении сиротствующей киевской иерархии, все, и особенно казаки, стали неотступно просить Патриарха Феофана поста-

вить им православного митрополита и епархиальных епископов. Долго не соглашался осторожный святитель; но когда ему представили сеймовые польские конституции, определявшие свободу восточного вероисповедания, и указали на примере прежних Константинопольских патриархов, которые присылали в Киев ими самими избранных митрополитов, тогда Феофан склонился на общую просьбу, посвятил Иова Борецкого, игумена Михайловского монастыря, в сан митрополита и рукоположил еще десять епархиальных архипастырей.

Восстановление православной киевской иерархии встревожило униатских епископов. Тотчас по отъезде Феофана из Киева они подали донос Сизигмунду III, что приезжавший Патриарх был не кто иной, как султанский шпион и возмутитель малороссиян, что Иов Борецкий и другие посвященные Феофаном епископы суть его соумышленники, что самое посвящение их без королевского разрешения есть нарушение и презрение высшей правительственной власти. Окруженный иезуитами, король забыл на этот раз, что он в

том же году предписывал киевским гражданам принимать священного гостя с почтением, что сам он в ту пору повелевал всем украинским и польским жителям провожать его «честно, безопасно и со всяким удобством». Без всякого исследования доноса он немедленно велел разослать универсалы, где все новопосвященные епископы объявлены были изменниками, которых следует ловить и представлять королевскому суду. Напрасно митрополит Иов посылал для оправдания себя Иосифа, епископа Владимирского: король требовал, чтобы к нему явились и все прочие. Исполнить волю королевскую значило бы подвергнуть себя крайней опасности, и потому Иов написал только свое «Оправдание невинности», посланное им к Сигизмунду III 10.

Тогда-то ожесточенные изверги поднялись с огнем и мечом на верных чад Церкви Православной. Иезуиты и униаты, как бы соревнуясь друг с другом, употребили все, что только могут внушить нетерпимость и изуверство. Описание этих ужасов до глубины волнует душу самого спокойного испытателя дел че-

ловческих...

В это бурное время наравне с прочими и киевское училище подверглось опустошению. Братство было рассеяно; ученики и учителя умирали в истязаниях; церковь разграблена, гостиница разорена, и не остаться бы камню на камне, если бы гетман Сагайдачный со своими казаками не остановил буйства грабителей и убийц. Огорченный вероломством поляков, он отказался помогать им против турок и, поднявшись со своим станом, перешел через Днепр и вступил в Малороссию. С прибытием Сагайдачного в Киев гонение на православных стало значительно утихать. Он начал отнимать вооруженной рукой церкви, занятые католиками и униатами, овладел остатками Киево-Братского монастыря и занялся возобновлением как его, так и находившегося при нем училища. Не жалея никаких издержек, Сагайдачный дал монастырю села и восстановил школу, пожертвовал ей свое достояние. Там покоится и прах его 11.

Митрополит Иов Борецкий (1620–1631), посвященный из игуменов Киевского Михай-

ловского монастыря, был, по словам святого Димитрия Ростовского, «благочестив и премудр, в Божественном Писании искусен, греческий и латинский языки добре умевающий и тех языков иные в школах учивый» 12. Им в 1621 году издано «Советование о благочестии», сочинение столь превосходное, что переносит с собой читателя во времена мужей апостольских. Вот некоторые правила его: «Возбуждать и приготавливать к святому мученичеству как самих себя, вспоминая слова Христовы – пастырь добрый душу свою полагает за овцы, так и сердца народа, и чтобы с радостью переносили расхищение и разграбление своих имуществ, и терпели бы, как за вины, притеснения от властей, а также и окопы, наконец, охотно, мученически принимали бы всякую смерть ради Господа... Не должно гневаться на младших и низких степенью клириков, если они архиереям и другим начальникам напоминают что-нибудь или от чего предостерегают; напротив, позволить им это делать, помня, что и царей, и патриархов предостерегали и обличали... Если архиереи и другие настоятели с любовью допустят де-

дать себе замечания и будут исполнять все предписанное, то отцы в сынах, а сыны в отцах пребывать будут, и таким образом последует согласие и приверженность к ним народа».

Когда православный епископ Полоцкий, Мелентий Смотрицкий, после путешествия в Рим написал «Защитение путешествию по восточным землям», в котором он не только высказал желание, дабы «Восточная Церковь соединилась с Западной», но и написал оскорбительные клеветы на Церковь Восточную и русских защитников Православия, митрополит Иов созвал Собор (в 1628 году) в Печерской Лавре. Общим приговором сочинение Мелентия признано противным истинной Церкви, а сам автор принужден был торжественно отказаться от своих мнений.

Между тем иезуиты и униаты, оспаривая законность существования киевской школы, воздвигнутой Сагайдачным без королевского разрешения, делали ей разные притеснения и обиды. Многочисленные вкладчики и покровители училища не смели продолжать своих благотворений: если бы кто даже по духовно-

му завещанию отказал что-нибудь в пользу церкви и училища, принимать не дозволялось.

Налоги, утеснения, гонения на Малороссию до того усилились, что наконец воевода киевский счел себя вынужденным принести королю и сенату жалобу о горестном состоянии народа русского, доведенного до крайности. Тогда же митрополит Иов отправил из Киева в Москву Исаакия, епископа Луцкого, с просьбой к царю и Патриарху принять Малороссию под свое покровительство. Уважая права народные и не желая поступить против чести, царь Михаил Феодорович не захотел воспользоваться этим и нарушить мир с Польшей 13; но щедро одарил митрополита и посланника его. Малороссия опять продолжала бороться своими собственными силами. После кровавой борьбы разбитые поляки старались помириться с казаками и предложили им в гетманы коневского уроженца Тимофея Арандаренка. Митрополит Иов и новый вождь храбрых запорожцев, съехавшись в Черкассах, положили отправить к королю двух представителей с жалобой на разорения,

причиняемые Украине войной. Вместе с тем Иов поручил исходатайствовать у короля привилегию на заведенную в Киеве братскую школу. В 1629 году последовала королевская грамота, которой утверждалось устройство на усадьбе, подаренной Анной Гулевичевной, братства милосердия и богадельни, с тем дабы что «они своим иждивением ни построили бы, то на вечные времена должно остаться во власти и ведомстве их самих, так и их потомков». О школе, впрочем, тут не было упомянуто ни слова; очевидно, что грамота эта писалась под редакцией ближайших советников короля – иезуитов, для которых борьба с училищами была во сто раз трудней, чем разграбление церквей, монастырей и богаделен. Но на этот раз довольно было и такой привилегии: все-таки она могла служить хоть какой-нибудь защитой от беспрестанных нападений заклятых противников православного училища. Наконец, на сейме после самого шумного заседания повелено и духовным, и мирянам обоих вероисповеданий сохранять мир и спокойствие, а за насилие и наезды на владения, принадлежащие пра-

вославленным, положен штраф в три тысячи гривен. Таким образом, при конце жизни своей митрополиту Иову привелось увидеть хотя бы малые плоды своих многолетних попечений о спокойствии угнетенного края.

Преемником святителя Иова был Исаия Копинский, воспитанник Острожских училищ, с молодых лет до гроба подвижник. Он 14 лет провел в Антониевой пещере и был ее настоятелем, потом короткое время начальствовал в Божоявленском братстве при самом учреждении училища. По просьбе старцев принимал он на себя заботы об устройении нового Густинского монастыря, по его ходатайству князь Михаил Вишневецкий обезопасил существование новой обители своими распоряжениями; а супруга его, княгиня Ирина (Раина) Вишневецкая назначила как для устроенного им Мгарского Лубенского монастыря, так и для нового Ладинского скита угодыя, с тем чтобы последний был женским, а игуменю была сестра отца Исаии Александра 14. Из игуменов Межигорского монастыря посвящен он в 1620 году Патриархом Феофаном в епископа Перемышльского. Гонение, воздвиг-

нутое иезуитами и униатами, принудило его оставить Перемышль. В Ладинском скиту с послушником Геннадием выкопал он своими руками пещеру, построил кельи и другие принадлежности: в Густыне и Мгаре построил и освятил храмы. Любимым местом пребывания его был Ладинский скит 15. Со званием архиепископа Смоленского и Черниговского присутствовал он на соборе, призывавшем Мелентия к раскаянию. В том же звании он подписался на исправлении Служебника, изданного в Киеве в 1629 году.

Софийский собор в Киеве (1036) Внутренний вид

Блаженному Исаии обязана Церковь превосходным назидательным сочинением – «Духовной лестницей». Это сочинение издается между сочинениями святого Димитрия Ростовского, но ему принадлежит разве только перевод сочинения на славянский язык 16. Особенно важно и по содержанию, и по духу послание святителя к князю Иеремии Вишневецкому, сыну благотворительницы основанных им монастырей, с увещанием возвра-

тяться к прародительской вере. «Милостивый князь, – взывал к отступнику богомысленный старец, – сердца всех нас духовных и всего благочестивого христианства преиспол-

нились скорбью неизреченной, когда мы увидели, что ваша княжеская милость, вожденная утеха наша, отрекаетесь от святой веры ваших предков и родителей. Плачет и сетует Церковь Божия, вами покинутая. Всем нам ведомо, какими страшными клятвами связала вас относительно религии родительница ваша, блаженной памяти княгиня Раина, отходя от мира сего. На чью душу падает грех, Господь ведает. Но мы знаем, что отцовская клятва сушит, а материнская искореняет. Спросил бы я всех, зачем отрекаются от древней и чистой веры? Если для мудрости мира сего, то она мудрость есть юродство пред Богом, по слову Апостола. Если для избежания заблуждений, то да ведают все, что нет и быть не может заблуждения в Православной Церкви Христовой; скорее там оно найдется, где ежегодно что-нибудь прибавляется или убавляется по изволению человеческого. Если же для почести мира сего и для корысти – то это дело постыдное и низкое, недостойное вашего славного рода» 17.

Кратковременное управление митрополией Исаии (1631–1633) ознаменовано по отно-

шению к юго-западной России некоторой лояльностью для Православия, а по отношению к Киево-братскому училищу полным развитием многополезной деятельности Петра Могилы.

Примечания

1 По словам польского фанатика патера Янчинского, отец гетмана Наливайки имел трех сыновей, отличавшихся нечестием (т. е. приверженностью к Православию). Старший был соборным протопопом в Острожском замке и притом самый закоснелый схизматик: перед смертью своей он запретил похоронить себя в церкви. «Знаю (сказано в его завещании), что в Остроге водворится латинская вера, почему похороните меня в поле, чтобы и кости мои не сблизились с латинской церковью». Меньшой брат Наливайки, шинкарь, торговал шубами, не уступая старшему в нечестии (т. е. в искреннем благочестии). (См. у Б. Каменского в Истории Малороссии, I, прим. 119).

2 Так было в Белоруссии и на Волыни во все времена царствования Сигизмунда. По

словам современника, «в Луцке храмы Божии обращены в питейные дома... В Вильне церкви стали кабаками и гостиницами. Невинных людей выгоняли из магистратов и цехов и сажали в подземелья... В Минске церковную землю отдали на построение мечети. В Полоцке принуждали к унии кандалами и несогласных выгоняли из города. В Турове насильем отбирали храмы с утварью и выгнали благочестивого епископа. В Орше, Могилеве, Мстиславе даже в шалашах запрещено было молиться... В Бельске составлено было определение: если кто из мещан не пойдет за крестным ходом в костел, казнить смертью» (Лифостратон або камень, Киев. 1642).

3 Канцлер Литовский, Лев Сапега, усердный униат, которого нельзя заподозрить в пристрастии к Православию, писал Кунцевичу: «Бесспорно, что я сам хлопотал об унии и покинуть ее было бы неблагоразумно; но мне никогда на мысль не приходило, чтобы вы решились приводить к ней такими насильственными средствами. Уличают вас жалобы, поданные на вас в Польше и Литве. Разве не известен вам ропот глупого народа, его речи,

что он хочет лучше быть в турецком подданстве, нежели терпеть такое притеснение своей веры? Поступки ваши, проистекающие более из тщеславия и частной ненависти, нежели из любви к ближнему, обнаруженные в противность священной воле и даже запрещению республики, произвели те опасные искры, которые угрожают всем нам или очень опасным, или даже всеистребительным пожаром. Что касается до опасности жизни вашей, то каждый сам причиной беды своей: надобно пользоваться обстоятельствами, а не предаваться безрассудно своему стремлению. Говорите, что вольно вам не униатов топить, рубить; нет, заповедь Господня всем мстителям строго сделала запрещение, которое и нас касается. Когда насилуете совести людские, когда запираете церкви, чтобы люди без благочестия, без христианских обрядов, без священных треб пропадали, как неверные, когда своевольно злоупотребляете милостями и преимуществами, от короля полученными, то дело обходится и без нас; когда же по поводу этих беспутств в народе волнение, которое надобно усмирять, тогда нами дыры за-

тыкать хотите! Печатать и запира́ть церкви и ругаться над кем-либо ведет только к пагубному разрушению братского единомыслия и взаимного согласия. Покажите, кого вы приобрели, кого вы уловили вашей суровостью, строгими мерами, печатанием и запира́нием церквей? Вместо того откроется, что вы потеряли и тех, которые в Полоцке у вас в послушании были. Из овец сделали вы их козлищами, навели опасность государству, а может быть, и гибель всем нам, католикам. Вот плоды вашей хваленой унии, ибо если отечество потрясется, то не знаю, что в то время с вашей унией будет!» (История России Соловьева, т. X, с. 85–88).

4 Имя этого Иосафата папа Пий IX недавно вписал в число римских святых, как бы имя мученика. Какое доказательство канонической «непогрешимости» мнимого наместника Христова, торжественно провозглашенной (в 1870 году) на Ватиканском лжевселенском Соборе, перед уничтожением светской власти папы!

5 Не дивно, что при продолжительном кровавом преследовании почти половина

православных жителей Литвы и Белоруссии обращена к унии или к латинству. Не столько успели на Волыни, еще менее в Червонной Руси. А в Малороссии народ отдал жизнь злобе фанатиков, но не изменял вере отцов своих.

6 Маститый поборник веры и просвещения христианского князь Константин Константинович Острожский скончался в 1608 году 18 февраля, на 82-м году жизни; погребен в Остроге, в замковой Богоявленской церкви, возле своего меньшого и любимого сына Александра, который умер, к неутешной скорби отца и всех православных, в 1603 году. Оба сына князя Александра – Константин и Иван, несмотря на то, что мачеха их княгиня Анна была ревностной католичкой и орудием иезуитов, жили и умерли православными. Когда дядя их Януш, не имевший сыновей, назначил в наследники своих племянников под условием быть католиками, то оба они отказались от богатого наследства. А сестра и наследница их княжна Гальшка (Анна) Острожская в 1636 году, в Великую субботу, велела раскопать могилу достославного деда своего

князя Константина, вынула кости и, обмыв их, отослала к матери своей для передачи иезуитам. Этот святотатственный поступок описан у М.А. Максимовича подлинными словами современной Львовской летописи (Письма о князьях Острожских. Киев, 1866).

7 Владение Острожское состояло тогда в 25 городах, 10 местечках и 670 селениях, кроме приписанных к разным монастырям и церквям. Сверх того, князьям Янушу и Александру Острожским принадлежало еще владение Тарновское, оставшееся от матери их, княгини Софии, дочери графа Станислава Тарновского. Были у них еще и литовские поместья, купленные отцом их. Недаром была пословица: «Богатый, як Острожский».

8 Эта книга, приписываемая Христофору Бронскому, была напечатана в Вильне в 1597 году как на польском, так и на литовско-русском языке; сочинение, превосходное по новаторности мыслей и любопытное по множеству исторических документов, на которых основана мысли автора. Киевская Духовная Академия к 50-летнему своему юбилею (в 1869 г.) изготовила новое издание Апо-

кризиса.

9 Без сомнения, и прежде существовали школы в Киеве, но о них не сохранилось достоверных сведений. Предание о том, будто бы цареградский Патриарх Иеремия, бывший в России в 1589 году, дал благословение на основание Богоявленского братства, не подтверждено документами. Об этом не упоминается ни в одном из начальных и вполне достоверных актов киевского братства, начиная с 1615 года, между тем как в актах тех братств, которые несомненно получили начальное благословение от Иеремии и других Восточных Патриархов, ясно упоминается об этом благословении. Наконец, самые выражения записи Анны Гулевичевны 1615 года и братского «уписа» начала 1616 года ведут к прямому заключению, что братство со школой только теперь начиналось. Анна Гулевичевна говорит, что дает двор с землею «на монастырь ставропигии патриаршей и школу», т. е. на будущий монастырь, будущую ставропигию, будущую школу, иначе она назвала бы этот монастырь, упомянула бы об учреждении ставропигии; далее она выражается, что только вводит мо-

нашествующих и школу в жертвуемый ею для них двор с землею. А члены «уписа» говорят еще прямее: «начинаем» сей душеспасительный, дружелюбный союз братства церковного, «начинаем» по благословению святейшего вселенского Патриарха господина Феофана и прочих святейших патриархов и согласно с уставами, которые даны от святейших патриархов братствам городов Львова, Вильны, Могилева и церквам других городов. (Памятники киевской комиссии т. II, отд. I, с. 17, 37–38.)

10 Наконец Сигизмунд послал в Грецию удостовериться, точно ли Феофан был Патриарх Иерусалимский. Утвердительное показание посла заставило короля признать напрасным гонение, воздвигнутое им на новопосвященных епископов.

11 См. мое первое письмо из Киева, Душеполезное Чтение 1869 г., ч. III, отд. 2, с. 57.

12 Он учился и был учителем в Львовской школе, потом священником в Киеве. Им издавно еще до святительства несколько книг: «Лимонарь, сиречь Цветник», переведенный им самим с греческого, напечатан в 1628 году «во

дворе Иова Борецкого, митрополита Киевского».

13 Впрочем, бояре московские сказали Исаакию: «А если вперед Вам от поляков в вере будут утеснения, а у вас против них будет соединение и укрепление, тогда вы царскому величеству и святейшему Патриарху дайте знать; тогда царское величество и святейший Патриарх будут о том мыслить, как бы православную веру и церкви Божия и вас всех от еретиков в избавлении видеть» (История России Соловьева, т. X, с. 95–96).

14 Акты Западной России IV. № 214–216. Княгиня Раина Вишневецкая называлась «Могилянкою», потому что происходила из молдавской княжеской фамилии Могил. По всей вероятности, она приходилась теткой митрополиту Петру Могиле.

15 «Тамо наипаче жительствовати обыче на уединении; не хтяще бо ни в чесом братии (Густынской) отягчати клиросом своим и самым собою» (Летопись Густынского монастыря, изд. в Чтениях Московского Общества Истории и Древностей, 1848).

16 В рукописи Синодальной библиотеки

(№ 146), принадлежавшей самому святому Димитрию, заглавие сочинения говорит: «Лествица духовного по Бозе жительства написана отцом Исаиею Копынским, последи бывшим митрополитом». (То же видим и в других списках у Царского № 229; у Толстого, 11, № 305.)

17 Акты Западной России, IV. № 526.

Глава IV

Благотворное правление митрополита Петра Могилы. Киевская коллегия. Преподобные Афанасий Брестский и Иов Почаевский.

Величайший благодетель киевской школы Петр Могила происходил от князей молдавских, был внуком волошского князя Иоанна и сыном молдавского князя Симеона. Он принадлежал к тому семейству, которое всегда славилось своей ревностью к Православию и любовью к благолепию храмов Божиих. В киевском каталоге митрополитов сказано, что Петр Могила получил воспитание в парижском университете, где выслушал полный курс словесных наук и богословия; другие же пишут, что он обучался во львовской

школе. Не утверждая ни того, ни другого мнения, мы видим только, что Могила совершенно был знаком с европейским образованием; он лучше всех усмотрел то, чего тогда недоставало нашему отечественному просвещению. В молодости он находился в военной службе и отличался в рядах польских войск под Хотинном. Неизвестно, что заставило Петра Могилу променять блестящее поприще, ожидавшее его в мирской жизни, на скромную долю инока: пути Промысла неисповедимы, и часто вопреки всем предположениям ведут они человека к цели высокой, которой с другого, противоположного, пути не видно. Печерский архимандрит Захария Копыстинский (1624–1626) принял его в число святого братства. Здесь в общении с учеными братьями, которые единственной целью своих мирных занятий поставляли поддержание Православия, он ближе мог ознакомиться с состоянием и нуждами Русской Церкви и довершить свое образование, полученное им в мире.

Обитель Киево-Печерская была тогда одной из главных опор гонимого Православия.

Заведенная в ней архимандритом Елисеем Плетенецким типография издавала необходимые книги для православных церквей и возникавших училищ. Святогорские иноки: Киприан, получивший образование в Венеции и Падуе; Иосиф, протосинкелл Александрийского Патриарха; виленский проповедник Лаврентий-Зизаний Тустановский, Памва Берында и Тарасий Земка приготавливали переводы писаний отеческих. Архимандрит Лавры, Захария Копыстенский, кроме переводов, писал защищение православного учения от нападения латинян и других иноверцев¹. Таким образом, в Киево-Печерской Лавре, несмотря на гонения врагов, все одушевлено было ревностью к Православию; ученые иноки старались и в прочих братиях и служителях церкви возбудить усердие к православной вере и слову Божию. Потомок княжеского рода, имевший, конечно, значительные связи, отлично образованный, Могила и в сане простого иеромонаха пользовался особенным влиянием на дела церковные. Он находился в близких отношениях и к митрополиту Иову, и к архимандриту Печерской Лавры Захарии.

С ними-то он думал думу крепкую о бедственном положении Церкви Православной; с благословения их он исполнил замысел, дотоле небывалый. Не столько боясь огня и меча врагов веры истинной, сколько зловредного и хитрообольстительного их учения, Петр Могила решился образовать достойнейших им соперников. Для этой цели, выбрав несколько способных молодых людей из иноческого и светского звания, он отправил их на собственное свое иждивение за границу, для усовершенствования в высших науках.

Когда архимандрит Захария скончался (в апреле 1626 года) и братия Лавры по своим правам приступили к избранию нового настоятеля вольными голосами, то нашлось много голосов в пользу иеромонаха Петра, человека, знатного родом, истинного ревнителя о благе Церкви, хотя ему было тридцать лет от роду и прошло не более двух лет, как он вступил в монастырь. Правда, были и несогласные на это избрание, и обитель довольно времени оставалась без настоятеля; но наконец ученые братия восторжествовали. Патриарх Константинопольский Кирилл Лукарь, от

которого зависела Лавра, как его ставропигия, утвердил избрание.

Киево-Печерская Лавра только с половины XVI столетия начала восставать из развалин. Сколько позволяли обстоятельства, настоятели ее Мелентий, Елисей и Захария заботились об улучшении наружного ее состояния. Петр Могила, будучи архимандритом Лавры и в сане митрополита в продолжение девятнадцати лет, не жалел ни своих денег, ни трудов на ее устройство. Он обновил извне и внутри церковь Успения Божией Матери, украсил святые пещеры, восстановил упавшие церкви. При нем в первый раз издано описание житий преподобных, подвижавшихся в пещерах, или Патерик, в прославление памяти древних подвижников 2. При нем описаны и совершившиеся при святых мощах угодников Божиих чудеса, которые, вопреки несправедливым толкам врагов Православия, не иссякали и по отпадении униатов; а вместе описана и Лавра с ее пещерами 3. Он возвратил под управление Лавры древний монастырь в Киеве Пустынно-Николаевский, основал Голосеевскую пустынь и на свой счет

завел богадельню.

Другое дело, постоянно занимавшее Петра, было учреждение высшего училища в Киеве для образования достойных защитников Православия. Училище, существовавшее в Бого-явленском Братском монастыре, не достигало этой цели, потому что не доставляло высшего богословского образования. Между тем для желающих такого образования из униатов открыт был доступ в коллегию, основанную папой Григорием XIII для греков в Риме, где по просьбе униатского митрополита Киевского назначено было постоянно содержать на казенный счет четырех воспитанников из русских. Многие из учившихся в этой коллегии заняли потом значительные места в греко-униатской иерархии. Подобную же коллегию или семинарию положили основать в Минске униатские епископы.

Петр Могила дождался возвращения из-за границы своих питомцев, а других ученых взял из львовского православного братства и назначил им пребывание в Лавре, обязавшись письменным условием доставлять им содержание и всякие пособия. Патриарх Кон-

стантинопольский Кирилл Лукарь и управляющий митрополией Киевской Исаия Копинский преподали благословение на сие святое дело. Епископы – Луцкий, Пинский и Хельмский, знатнейшее духовенство киевское и почетное братство лаврское письменно изъявили на то свое согласие. Как велика была ревность к святому делу в Лавре доказывает подпись одного из числа братии ее, Антония Мужилковского, который подписался так: «Антоний Мужилковский, иеромонах и старец монастыря Печерского, притом кровь свою пролить готов».

Однако же вскоре по прошению главных сословий: православного духовенства, войска казацкого и обывателей города Киева – Петр Могила решился соединить свое вновь заводимое училище с Богоявленским. Причиной такой перемены, с одной стороны, было опасение, чтобы училище Богоявленское совсем не упало, имея столь значительного соперника в училище лаврском, у которого были лучшие наставники, с другой, быть может, и желание самого Петра скорее достигнуть цели трудов своих, так как в училище братском

воспитанники уже были готовы для высшего образования, тогда как в Лавре надлежало бы еще готовить их. Петр Могила удержал за собой звание старшего брата в Богоявленском братстве, опекуна, смотрителя и защитника в братском училище. Таким образом давнее желание его исполнилось: круг образования духовного был расширен и приняты в преподавании наук лучшие методы, какие существовали тогда в иностранных училищах.

На сейме 1632 года, бывшем по смерти короля Сизигмунда и избравшем на престол польский сына его Владислава, знаменитый архимандрит Печерский был в числе депутатов от Малороссии. При усиленных стараниях его и православных его сотоварищей в первый раз после водворения унии было торжественно признано правительством существование православной митрополии и четырех епархий. Тогда же положено: 1) быть двум митрополитам, униатскому и благочестивому (т. е. православному); 2) в Полоцкой епархии быть двум епископам и благочестивому иметь пребывание в Могилеве; 3) в епархиях

Перемышльської и Львовської завжди бути благочестивим єпископам; 4) Луцьку єпископію уступити їм же; 5) благочестивим свободно відноситися к священникам и єпископам, хотя бы другой епархії. Возвратити їм несколько монастирей и храмів, отнятих уніатами. Жарко спорили ляхи и уніати, не допуская внести сей акт в актовіє книги; но успели только в том, что исполненіє его отложено до времени. На сейме коронаціонном (13 февраля 1633 г.) Владислав возобновил акт, предоставлявший свободу православным, и присягнул в охраненіи безопасности Православія. Тогда же вся Речь Посполитая подтвердила диплом, выданный королем.

В то же время все православные, бывшие на сейме, единодушно избрали в сан митрополита Киевского Петра Могилу. Ему хорошо было известно, что иезуиты и уніати не отдадут беспрекословно того, что они уже привыкли считать своей собственностью, что с ними надо будет действовать энергично. С другой стороны, он видел, что жезл киевской иерархії в дряхлых уже руках, что старец Исая не выдержит ожидаемого напора со сто-

роны врагов Церкви Восточной; поставляя все это на вид православным, собравшимся на сейм, он не стал отказываться от единодушного избрания, несмотря на то, что Исаия был еще жив. Петр не мог не видеть, что оказывается как бы неблагодарным к своему ближайшему благодетелю, что дело это может лечь пятном на достославную его память: но, имея целью умиротворение страждущей Церкви и оборону ее от врагов, он решился пожертвовать своей личной безукоризненностью и принял жезл архипастырский 4.

Получив королевское утверждение и испросив благословение патриарха Цареградского, Петр Могила вызвал во Львов Валашского митрополита с епископами и принял от него посвящение (28 апреля 1633 г.). После того он снова воротился в Краков и присутствовал при коронации короля Владислава IV, последовавшей 6 февраля того же года. Во время торжеств и церемоний Могила не терял из виду своего возлюбленного учителя. Испросив себе позволение и в сане митрополита оставаться архимандритом Киево-Печерской Лавры, а также и Никольского монастыря

блюстителем, Могила начал ходатайствовать о дозволении преобразовать Киево-братские Богоявленские школы в Православную академию. Но сколь легко достиг он утверждения первой своей просьбы, столь же трудно было ему отстоять последнее требование. Особенно неприятно это было католическому и униатскому духовенству: оно ясно видело, что заведением первоклассного училища готовится неизбежный подрыв всему тому, что воздвигали они столько лет и с такими неприятностями и трудами. Некоторые из значительнейших чинов сейма решительно отвергли просьбу Петра Могилы: но когда Владислав IV по неотступному его ходатайству изъявил твердую свою волю о преобразовании Киево-братского училища, тогда заспорили о переименовании его в академию. Могила уже не счел нужным гнаться за именем, когда самое дело было сделано, и получил желаемую привилегию на образование «коллегии», в которой введено было пространное преподавание философии и богословия.

Первопрестольный город Православия в России, после многократного разорения мон-

голами и литовцами надолго оставленный своими митрополитами, во время Петра Могилы имел не более десяти или двенадцати церквей православных. Софийский кафедральный храм или монастырь, со времени унии принадлежавший униатским митрополитам, был в запустении. Петр Могила, возвратив его в свое ведение, первое старание употребил на восстановление этого священного памятника благочестия Ярославова если не в прежнем величии, но по крайней мере в достойном его благолепии. Не укрылись от его благочестивой попечительности и другие памятники древней святыни. Он возобновил древний храм Спаса в Берестове, восстановил монастырь Выдубицкий, начал возобновлять и церковь Десятинную, под развалинами которой обрел священные останки святого великого князя Владимира. Такими услугами святитель Петр засвидетельствовал не только свое благочестие, но и глубокое сочувствие ко всему древнерусскому. Заботясь об удовлетворении главнейших потребностей своей паствы, Петр Могила обратил внимание и на издание церковных книг. Он требовал, чтобы

никакие церковные книги не выходили вновь без сличения с греческими, и сам трудился над их пересмотром и исправлением. Этим благовременным распоряжением он устранил от своей Церкви те смуты, какие произошли в Церкви Велико-русской от первых неисправных изданий, выходивших более полстолетия. Еще будучи архимандритом Лавры, Петр Могила вместе с собором малороссийских епископов занимался пересмотром Служебника. После того он трудился над приготовлением к изданию Цветной Триоди и особенно Потребника. Этот последний труд, кроме своей обширности, важен и по тем наставлениям, какие предлагаются для священнодействующего о существе и образе совершения Святых Таинств.

Особенное защищение православной веры и Богослужения обнаружено было Петром Могилой против сочинения бывшего ректора киевского училища, потом архимандрита Дубенского, Кассиана Саковича, который сперва обратился в унию, а после совсем перешел в Римскую Церковь. Этот отступник Православия издал книгу, исполненную самой злоб-

ной клеветы против своих прежних единоверцев – православных и униатов, в которой особенно напал на Богослужение и обряды Православной Церкви, оставшиеся и у униатов по большей части неприкосновенными, и обвинял православных в усвоении себе реформаторских мнений. При таком нападении на Православие ревностный архипастырь не мог оставаться безответным. Он издал опровержение на клеветы Кассиана, в книге под названием «Камень с пращи истинной святой Православной Церкви Русской», скрыв свое имя под названием Евсевия Пимена, т. е. благочестивого или православного пастыря. С отчетливым знанием дела он опроверг хулы на православное чиноположение в совершении Таинств и обрядов Богослужения, представил несправедливость укоризн, делаемых русскому духовенству, и доказал неосновательность учения Римской Церкви о главенстве папы и об исхождении Святого Духа «и от Сына».

В 1640 году Петр Могила пригласил епископов, архимандритов и игуменов на Собор. С 8 сентября начались заседания и читан был

Катехизис, сочиненный в Киеве. Предварительные рассуждения о спорных предметах происходили между учеными архимандритами и игуменами, под председательством Самуила Шацека, ученого архимандрита Слуцкого, а соборные определения записывали разумные и очень ученые отцы Иосиф Константинович, ректор киевский, бывший потом епископом Мстиславским, и Иннокентий Гизель, ректор Гойских школ. Тогда же рассуждали и составили определение не только «о состоянии святых, но и о состоянии вообще душ умерших, о частном Суде, о чистилище, о форме Таинства евхаристии». В этих определениях видим, что Собор, с одной стороны, опровергал римское мнение о чистилище, с другой – осуждал и крайность Реформации, введшей во вражде к Риму учение, что святые до будущего суда не наслаждаются блаженством, а все вообще души умерших остаются до Суда в каком-то сне, в состоянии бессознательном. Таким образом Собор старался отклонять православных сколько от ошибок папизма, столько же от своеволий Реформации. В этом духе пересмотрено и «Исповедание ве-

ры». Назвав его «Изложением веры руссов», Собор отправил его на греческом языке на рассмотрение восточных пастырей. Ясский Собор 1642 года при депутатах Русской Церкви снова пересмотрел его и отправил к Патриарху. «По настоянию нашей Русской Церкви, – писал Петр Могила, – Церковь Константинопольская произнесла проклятие на все кальвинские, еретические артикулы веры, изданные подложно под именем святого отца памяти Кирилла (Лукаря), Патриарха Константинопольского, на соблазн верных Божиих чад Восточной Церкви». Это определение мая 1662 года, защитившее честь Патриарха Кирилла, за подписью Патриарха Парфения препровождено было к Киевскому митрополиту и было подписано им самим и всеми епископами южной России. «Пусть это обратится в стыд тебе и каждому другому, несправедливо обвинявшему нас в потворстве кальвинизму и лютеранству», – говорил митрополит Могила отступнику Кассиану Саковичу. В мае 1643 года одобрено было всеми Восточными Патриархами «Изложение веры руссов» и названо «Православным исповеданием Ка-

фолической и Восточной Церкви» 5. Но книга осталась еще на Востоке. Митрополит два года ждал ее. В 1645 году он издал сокращение «Православного исповедания веры»; об артикулах веры сперва на польском, потом на русском языке; на польском для того, как сказано в предисловии к русскому изданию, чтобы «заградить уста бесстыдным клеветникам, которые на том же языке дерзают обвинять пред светом Церковь православно-католическую в разных ересях». Хотя пространное «Исповедание веры» оставалось еще 29 лет неизданным, вопреки надеждам Могилы 6, но определение границ, отделяющих Православие от папизма и Реформации, уже сделалось общеизвестным.

Забываясь непрестанно о созданной им киевской коллегии, святитель Петр дал ей приличное помещение в выстроенном на его иждивение каменном доме, назначил из своего имения и из волостей лаврских несколько деревень на ее содержание и вообще оказывал учащим и учащимся всякого рода вспоможение. Предоставив высшее образование юношества коллегии киевской, он завел дру-

гое низшее училище в Виннице. Он приготовил своим воспитанникам руководство для упражнения в молитве и благочестивых размышлениях в книге, названной им «Анфологион, или Собрание цветов». Посвящая сию книгу «благонравным студеом (студентам) школ киевских», он писал юношам: «Часто приходило мне на мысль, что в сем училище не только должно быть преподаваемы высшие науки, но и особенно должно быть посеваемо в сердцах ваших, юноши, благочестие. Посему я перевел некоторые духовные размышления и решился сам в настоящее цветущее весеннее время в виде отдыха от ежедневных трудов и хлопот собрать для вашего цветущего юношеского возраста благоухающие цветы благочестивых наставлений и умилительных молитв на лугах богодухновенных церковных учений и Святого Писания и в знак моего отцовского усердия принести их в дар всему вашему содружеству, т. е. конгрегации школ киевских».

Современники уверяют, что ревностный к вере и просвещению архипастырь, видя неустройство и безначалие Польши и встре-

чая на всяком шагу нетерпимость и фанатизм папистов, советовал вождям казацкой рати искать себе спасения в союзе с единокровным и единоверным Московским государством. Но Петру Могиле не суждено было дожить до соединения Малой Руси с Великою: еще не достигши преклонных лет, он уже приблизился к концу своего земного поприща. Обращая взор на протекшую свою жизнь, он мог сказать: «Все, что имел я, то посвятил вместе с собою на хвалу и служение Богу». Той же цели посвятил он и остатки своего имущества. В духовном завещании, составленном за восемь дней до кончины, он объявил первой своей наследницей киевскую коллегию, которой существование, как «единственный залог свой» (*unicum pignus meum*), желал упрочить и на будущие времена. Ей оставил он значительные суммы на содержание, свою библиотеку на разных языках и недвижимую собственность, для нее приобретенную; поручил ее покровительству знатнейших тогда защитников Православия и умолял их милосердием Божиим о сохранении ее навсегда, а наставников ее обязывал, чтобы они жили по дан-

ным от него правилам и по смерти его, в каждый четверток совершали о нем поминовение. Прочее свое имущество Петр Могила разделил киевскому собору, Лавре, бедным монастырям и церквам, им воздвигнутым из развалин. Несколько оставшихся отчин он передал своему брату Моисею, единственному тогда потомку рода Могила.

Приснопамятный и досточтимый архипастырь преставился 31 декабря 1646 года; тело его, согласно его завещания, положено в склепе Великой церкви Киево-Печерской Лавры.

Во время первосвятительства митрополита Петра, в юго-западной Руси подвизались угодники Божии: преподобный Афанасий Брестский, мученик, и преподобный Иов (по прозванию Железо), игумен Почаевский, подвижник и чудотворец.

Первый из них был сын благородных и благочестивых родителей, получил в молодых годах своих высокое образование, так что мог учить других языкам латинскому, польскому и русскому. В 1622 году гетман литовский Лев Сапега по воле короля отдал ему на воспитание мнимого сына Марины Мнишек,

шляхтича Лубу, которого иезуиты готовили на самозванство, чтобы вновь поднять смуты в России; по распоряжению Сигизмунда отпускали на содержание дорогого человека до 6000 злотых в год; наставник жил с питомцем своим семь лет в Брестском монастыре; потом, приняв иночество в Вильне, в 1629 году по гонениям от униатов принужден был переходить с одного места на другое. Он жил в обителях: Кутеинской, Межигорской, Дубовской, что под Пинском. В 1636 году, по распоряжению канцлера Радзивилла, Дубовский монастырь отдан был иезуитам и православные иноки выгнаны были из своей обители. Блаженный Афанасий пришел в Купятицкий монастырь; но и здесь не было ему покоя от папизма. В 1637 году он отправился для сбора милостыни в Белоруссию и оттуда в Москву. Полный помыслов и забот о благе Православия, представив царю Михаилу Феодоровичу о печальной судьбе своей, он для успехов святой веры над ее врагами советовал изобразить на военных хоругвях образ Божией Матери в кресте, по его видению 7. По возвращении из Москвы он назначен был игуменом

Симоновского монастыря в городе Бресте-Литовском. По долгу звания своего вступив в спор об имениях обители, резко обличал он поклонников папы в жадности, в корысти и в злостных происках. Это навлекло на него неприятности; но митрополит Петр Могила защитил его.

Проводя житие в страхе Господнем, игумен учил тому же братию и настойчиво внушал не слушать новых учений, рассеиваемых отступившими от восточной католической веры; особенно же в скорбях времени ожидал он помощи Божией и проводил дни и ночи в молитве. Положив себе за правило читать каждую субботу акафист Божией Матери, он с точностью выполнял свое правило; Матерь Божия утешила подвижника своего. «Иди, слуга Мой, – сказала Она блаженному Афанасию в видении, – смело говори сенату и королю, дабы не тревожили святой православной веры. Если они не послушают тебя, то навлекут на себя Суд Божий – преданы будут во власть сильного царя и народа». Повинуясь Матери Божией, смелый подвижник правды объявил вслух сенаторам, что ляхи должны

ожидать себе кары небесной за кровавые притеснения Православию. Тогда в Варшаве находились послы православного царя. Блаженный Афанасий открыл им, что иезуиты скрывают у себя лицо, опасное для России, мнимого сына Марины Мнишек, шляхтича Лубу, бывшего у него на воспитании, а теперь уже 15 лет проживающего у иезуитов; игумен доставил послам и несколько писем Лубы, где тот называет себя царевичем. По воле царя послы потребовали, чтобы выдан им был самозванец, но паны уверяли, что Луба – бедный шляхтич, невинный ни в чем, и Польша не может выдать его для казни. Блаженный Афанасий твердо повторил сенаторам, что напрасно худые люди строят козни против православного царства, – себе во вред преследуют они Православие. От него требовали доказательств, что воспитанник его – не сын Марины. «Ни покойный Сапега, ни Мнишки не признавали Лубу за царевича», – отвечал он. Блаженный Афанасий содержался в оковах и был освобожден только тогда, когда русское посольство перестало требовать выдачи Лубы. После того в Киеве невинный страдалец

докончил свой дневник, сохранившийся до нашего времени 8. Началась кровавая борьба казаков с ляхами. От блаженного Афанасия потребовали, чтобы он признал законность унии; за несогласие же с произволами человеческими заключили его в брестскую подземную темницу и заковали по рукам и ногам в кандалы. Твердый исповедник смело объявил гнев Божий польскому правительству за оскорбление прав человечества и за защиту, оказываемую тем, которые нагло оскорбляли Церковь Божию для прихотей человеческих. Ляхи решили предать его позорной смерти. Тогда он вслух сказал: «Конечно, отступники от святой веры, надменные ложным просвещением, еще немалое время будут преследовать исповедников веры истины небесной; но настанет время, когда в Бресте и во всей окрестной стране процветет Православие и сияние его уже не померкнет; там, где будет лежать тело мое, козни врагов, отступников от святой веры, будут бессильны». Святой исповедник был обезглавлен 5 сентября 1648 года 9.

Преподобный Иов, в крещении Иоанн, сын

православных родителей из Покутья, прозываемый Железо, положил начало подвижнической жизни в Угорницком Спасском монастыре, в Червонной Руси. Сюда поступил он 10 лет и спустя два года был пострижен в монашество. Возрастая послушанием, чистотой и кротостью в жизни духовной, он утешал друзей благочестия жизнью своей. Здесь же в 30-летнем возрасте удостоился он против воли своей и по воле настоятеля сана священства. Известность добродетелей его разносилась по Украине. По любви к благочестию и чистой вере князь Константин Константинович Острожский, узнав о духовной жизни его, выпросил его у Угорницкого игумена для должности настоятеля Дубенской обители своей. Дубенский крестный монастырь расположен был на острове, омываемом с трех сторон рекой, близ города Дубно 10. Благочестивый князь вызвал блаженного Иова в свою обитель, чтобы поддержать искреннее благочестие в иноках среди разливавшейся порчи нравов, растлеваемых папизмом. Ревностный игумен собрал в обитель свою многочисленное братство, которое по его наставлению

усердно занималось изучением писаний святых Отцов. К нему приходили многие слушать наставления его в благочестии. Строгий подвижник твердо боролся со скорбями времени и утешал других в скорбях.

По кончине приснопамятного князя Константина, при отступнике от веры отеческой, сыне его Януше, начались жестокие гонения на православных. Блаженный Иов более 20 лет управлял Дубенским монастырем, но, когда увидел, что нельзя уже ему оставаться более в том крае без вреда себе и другим, удалился в Почаевскую обитель.

Успенская обитель на Почаевской горе уже славилась тогда чудесами Богоматери 11. Приняв на себя по неотступной просьбе братии настоятельство, блаженный Иов встретил и здесь новые скорби, но уже не от папистов, а от протестанта Форлея, наследника благочестивой Анны Гойской. Он отнял у обители имения, пожертвованные ей Гойской, и всячески теснил иноков, разгонял богомольцев и хотел совсем разорить монастырь. В 1623 году послал он толпу слуг в монастырь разграбить его. В исполнение воли пана

ограблены были все драгоценные утвари обители и унесен был чудотворный образ Богоматери. Для Форлея и этого было мало. Он нарядил жену свою в священные одежды иерейские, дал ей в руки святой потир, и она стала произносить хулы на святую Евхаристию и на Богоматерь. Но в то же мгновение злой дух овладел богохульной женою. Страшные ее муки прекратились только тогда, когда чудотворная икона была благоговейно возвращена в монастырь.

Множество подвигов преподобного Иова, как замечает писатель жития его 12, «можно уподобить разве бесчисленному множеству звезд на тверди небесной, и они известны Единому Богу, прозирающему в тайные изгибы сердец человеческих». И преподобный Иов дела благотворительности и подвиги поста совершал в тайне, равно как и подвиги молитв в изрытой им уединенной пещере. Днем он упражнялся в разных рукоделиях и особенно любил заниматься садоводством: он собственными руками насаждал плодовые деревья, прививал их, окапывал, устраивал сад. Сам же копал озеро и обносил его плотинами

13. С братьями обходился кротко и ласково: никто не слышал от него слова резкого. Из уст его всего чаще слышались слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного». Раз проходя через гумно монастырское, застал он человека, крадущего пшеницу. Ворв испуге пал к ногам игумена и умолял его не объявлять о его поступке. Преподобный не только не укорил его ни одним словом, но еще сам поднял на плечи его мешок и отпустил с миром, напомнив ему только о том ответе, который должны мы дать за дела свои пред Судом Божиим.

За несколько лет до кончины, преподобный Иов принял великую схиму с именем Иоанна. Большую часть времени проводил он теперь в пещере, в строгих подвигах поста и молитвы. «Если бы каменная пещера, в которой тайно подвизался преподобный, имела уста, – говорит ученик его Досифей, – она о многом поведала бы нам». Впрочем, не оставлял он забот и об иноках обители; в 1649 году под его смотрением построен был великолепный храм Святой Троицы. В пещеру затворялся он иногда на три дня, иногда на целую

неделю, чтобы проливать слезные молитвы за себя и за бедствующее православие края. Однажды во время пламенной молитвы его небесный свет осиял пещеру его и отразился из глубины пещеры на храме обители. Свидетель сего чуда Досифей пал в ужасе. От подвигов стояния молитвенного ноги преподобного Иова отекали и покрывались ранами. Это можно видеть и поныне на нетленных мощах его. Гниение страдавших ног было так сильно, что тело кусками отпадало от костей, но блаженный подвижник переносил страдания с дивным терпением, по примеру древнего Иова. В таких подвигах дожил он до ста лет и, предсказав день смерти своей за неделю, тихо, без всяких страданий, почил 28 октября 1651 года 14.

Над мощами преподобного Иова являлся свет. Спустя семь лет по преставлении его блаженный игумен Почаевский явился Дионисию Болобану, митрополиту Киевскому, и сказал, что Господу угодно открыть мощи его. Видение повторилось в другой и в третий раз и сопровождалось угрозой гнева Божия за неисполнение воли Божией. Наконец митро-

полит Дионисий с архимандритом Феофаном и с братией обители (8 августа 1659 г.) открыл гроб преподобного Иова, и мощи его обретенны нетленными. При этом последовали исцеления. Самое замечательное из них совершилось над больным Почаевским игуменом Досифеем. Накануне праздника Воздвижения Креста Господня прибывшая в обитель благородная панна Домашевская услышала с прислугой своей необыкновенное пение, исходящее из храма, тогда как в окнах светился огонь 15. Сперва подумала она, что иноки совершают всенощное бдение. Посланная служанка Анна нашла церковные двери отворенными и в храме слышала пение, а когда вошла в храм, увидела преподобного Иова среди светлых мужей, совершающих молитву. В страхе стояла она неподвижно, но угодник Божий, обратясь к ней, сказал: «Не бойся, девушка, иди и позови ко мне игумена Досифея». – «Он лежит на смертном одре», – отвечала Анна. Преподобный подал ей шелковый плат, омоченный в миро, и велел отнести к больному. Анна пошла и у дверей кельи стала звать игумена в храм от имени преподобного

Иова. Больной сперва принял этот зов за мечту; потом, оградив себя крестным знамением, взял плат, положил его на себя и, почувствовав себя окрепшим, встал с постели и пошел в храм. Экклесиарх, пришедший к началу утрени, изумился, увидав того, кто вчера лежал на смертном одре. «Как это ты, отче, пришел сюда?» – спросил он игумена. «Отец наш Иов молится за нас и послал мне исцеление», – отвечал игумен. Припомним еще одно чудо из наших времен: в 1832 году девица Матрона из Оренбургской губернии, три года страдавшая головной болью и отвращением ко всему святому, приведена была на богомолье в Киев. там увидела она во сне старца, украшенного сединами, и близ него некую жену в белом одеянии. По слухам о чудесах Почаевской иконы Богоматери отправилась она в Почаевский монастырь и здесь над мощами преподобного Иова получила облегчение, а перед чудотворной иконой Богоматери полное исцеление 16. Это было за семь лет до уничтожения в пределах Русской земли той унии, от которой так много страдали православные в XVII и XVIII веках.

Примечания

1 Важнейшее из сочинений Захарии «Папинодия, или Оборона святой католической Церкви», к сожалению, донныне остается в рукописях. Здесь отец Захария с силой мысли и теплотой чувств поражает противника на каждом шагу его и предлагает много любопытного о состоянии Православной Церкви. В другом сочинении, «Предисловии к толкованию посланий апостольских», Захария предлагает прекрасное увещание духовным и мирянам изучать священные книги.

2 Труд Сильвестра Коссова, в то время преефекта киевской коллегии, издан в Киеве в 1635 году, на польском языке. В предисловии Сильвестр пишет: «Посещая пещеры киевские и гробы святых отцов и чудясь нетлению святых тел их, не раз я горько плакал, что несчастливое завистливое время до сей поры не явило свету избранных Божиих, которых прославил Сам Бог. Когда же нынешний наш архипастырь (Петр Могила) изъявил свое попечение и волю, чтобы жития святых были очищены от праха и изданы в свете, тогда я

охотно углубился в хроники и летописи греческие, славянские, латинские, русские и польские, чтобы узнать – кто были сии избранные Божии и когда они жили».

3 Афанасий Кальнофойский, инок пещерного монастыря, сочинил на польском языке «Тератургима чудеса, или Как в самом Печерском монастыре, так и в обеих святых пещерах», с историческими замечаниями. Набожный повествователь исчисляет до 64 чудес, современных ему (1594–1638), присовокупляя клятвенное свидетельство от каждого объявлявшего о чуде, совершившимся над ним. Все это описание предпринято и совершено было с тем, чтобы опровергнуть злонамеренные клеветы униатов и иезуитов, будто в Православной Церкви нет более чудес.

4 Митрополит Евгений замечает, что «съехавшиеся на сейм православные депутаты признали престарелого Исаию неспособным, а может быть, он не был еще и посвящен. Ни Сильвестр Коссов, ни киевский каталог не полагают его в числе киевских митрополитов» (Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии. Киев, 1825, с. 166 и 171). Некто

Ерлич в своей летописи, писанной на польском языке, обвиняет Петра Могилу в низвержении Исаии и грубых поступках с ним. Но Ерличу нельзя верить, потому что он, как шляхтич, не любил казаков, а Петр Могила был всегда к ним благосклонен и опирался на казачество, а потому шляхетство старалось всячески очернить его. Скорее можно думать, что старец-подвижник Исаия, дряхлый и немощный, сам благословил любимого архимандрита Печерского искать себе первосвященнического места. Если бы избрание Могила было не по мысли Исаии, он успел бы предупредить исполнение придуманного дела, продолжавшегося почти год, и не преминул бы написать об этом и к православным, бывшим на сейме, и к подведомственным ему епископам, и даже к самому королю; а мы не видим ни протеста, ни жалобы. По прибытии нового митрополита Исаия спокойно и благодушно сходит с утомившего его поприща, конечно, благословляя в душе сильного умом и волей мужа, поднявшего тяжкое бремя на рамена свои. Летописец киевский скромно замечает об Исаии: «Сидяше на митрополии яко две ле-

те со всяким бедствованием и остави престол судом неким Божиим, понеже изнемог бы старостию». Блаженный старец почил в Печерской Лавре в 1634 г.

5 Это «Исповедание веры», приписываемое позднейшими писателями самому Петру Могиле, составлено игуменом Киево-Николаевского монастыря Исаией Трофимовичем и пересмотрено митрополитом (Обзор русской духовной литературы, ч. 1, с. 271).

6 «Исповедание веры» на греческом языке в первый раз издано Панагиотом в Амстердаме в 1662 году. В переводе на славянский митрополита Варлаама Ясинского издано по благословению Патриарха Адриана в 1696 году в Киеве.

7 Наподобие Купятицкой Богородичной иконы, находящейся ныне в Киево-Софийском соборе.

8 «Диариуш Афанасия Филипповича» в Синодальной Библиотеке № 856.

9 Мощи преподобномученика Афанасия почивают в Брестском Симеоновском монастыре, под аркой между соборной церковью и приделом святого архидиакона Стефана.

10 Теперь на этом месте находится приходская Воздвиженская церковь.

11 Чудотворная икона Богоматери принесена была греческим митрополитом Неофитом в 1537 году (Сведения о монастырях, с. 83). Вскоре после Брестского Собора 1893 года ревнительница Православия помещица Анна Гойская соорудила в 1597 году на горе Почаевской обитель, чтобы доставить в ней безопасное убежище гонимому Православию и чтобы под покровом ее воспитывались защитники и поборники православной веры. Чудо от иконы Богоматери над татарами было в 1607 году. Впрочем, при Успенском храме живали иноки и прежде Гойской, но по временам разгоняемы были татарами.

12 Житие преподобного Иова писано учеником его Досифеем.

13 Это озеро за оградой Почаевской Лавры и сад у подножия горы существуют и теперь.

14 Хотя в то время, как Почаевской обителью владели униаты, нетленные останки преподобного Иова оставались под спудом, но православный народ не переставал притекать к гробу преподобного Иова, как притека-

ет и ныне. Мощи преподобного Иова почивают теперь открыто в гробнице серебряной, пожертвованной благочестивой графиней А.А. Орловой-Чесменской, в пещерной церкви, на том самом месте, где блаженный труженик подвизался во время земной своей жизни.

15 Еще цело в Почаевской обители завещание Домашевской, в котором она просит похоронить ее в церкви, построенной ею, «по чину восточного православного исповедания».

16 Христианское Чтение 1834, 1, 113–116.

Глава V

Первые годы правления царя Алексея Михайловича. Никон до патриаршества. Преподобный Елеазар Анзерский. Бунт в Новгороде. Перенесение в Московский Успенский собор мощей святителей, пострадавших за веру и отечество. Никон-Патриарх. Присоединение Малороссии и счастливая война с Польшей. Моровая язва. Церковная деятельность Никона. Основанные им монастыри. Заботы о просвещении. Исправление богослужбных книг. Сно-

шение с Востоком. Соборы 1654 и 1655 годов. Судьба расколоучителей.

Царь Алексей Михайлович при вступлении на престол имел важное преимущество перед своим родителем: он был уже не избранным, а наследственным государем; бояре и народ привыкли смотреть на него от колыбели с благоговейным уважением, как на будущего законного царя. Он наследовал государство, многолетней деятельностью его родителя успокоенное внутри, огражденное безопасностью извне. Несмотря на то, бремя правления, неразлучное с царским венцом, казалось, было еще не по силам 16-летнему монарху. Ему недоставало твердости и опытности, свойственных летам более зрелым; он еще чуждался дел государственных, искал развлечений, особенно в соколиной охоте, любимой им до страсти. Судьба не подарила ему руководителя, какого имел юный Михаил в доблестном родителе; мать Алексея, царица Евдокия Лукьяновна, скончалась через несколько недель после своего супруга. Патриарх Иосиф не был способен заменить собой Патриарха Филарета: удрученный глубокой

старостью, он не обращал полного внимания даже и на дела церковные 1, а к государственным был вовсе неспособен.

Царь Алексей Михайлович Романов

Правление перешло в руки бояр, и во главе их встал воспитатель царя Борис Иванович Морозов 2, сановник умный, образованный, но хитрый и корыстолюбивый. Чтобы обеспечить за собой власть, он старался удалить от двора родственников покойной царицы; окружал юного государя людьми, себе преданными; доставил друзьям своим важнейшие места. Не довольствуясь этим, он искал случая еще более возвыситься посредством родственного союза с семейством царским 3.

Другие бояре завидовали влиянию Морозова: корыстолюбие, притеснения его клевретов в соединении с некоторыми несвоевременными налогами вывели из терпения народ. Народ роптал, жаловался на лихоимство судей, достигшее высшей степени; приписывал все бедствия родственнику царскому, с которым заодно действовал тесть его Милославский, человек ума ограниченного, между

ЦРЬ ВЕЛИКІИ
КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ
МИХАЙЛОВИЧЪ
ВСЕЯ ВЕЛИКІА
И МАЛЫА
И БѢЛЫА
РОСИИ СЛАВ
И ЧЮЖЕ

тем возгордившийся своим возвышением, алчный к обогащению.

Наконец вспыхнул мятеж в Москве; озлобленная чернь умертвила нескольких ненавистных ей чиновников и грабила хоромы Морозова 4; он также был бы убит, если бы царь не успел скрыть и тайно отправить его в Кирилло-Белозерский монастырь 5. Спустя несколько времени, когда жители столицы были успокоены ласками и обещаниями, а упразднившиеся места заняты достойными и любимыми сановниками, сам царь, объявив народу, что желает говорить с ним, в праздничный день выехал на Лобное место. В сильной и трогательной речи выразил он сожаление о бедствиях, претерпенных гражданами от злых чиновников; обещал быть их защитником, охранять от всяких притеснений. Особенно тяготила Алексея Михайловича забота о судьбе нежно любимого воспитателя. Дав обещание наказать Морозова, если найдет достойным этого, он решился напомнить о нем; объявил, что не требовал до сих пор от граждан никакой жертвы, надеется, что они исполнят первую его просьбу, забудут проступ-

ки боярина, который был ему вторым отцом и наставником, а Морозов будет стараться заслужить и их любовь. Слезы блистали на глазах юного Алексея. Народ упал на колена, целовал одежду, ноги его и единогласно восклицал: «Да будет, что угодно Богу и тебе, государю! Мы все дети твои» 6. Столица успокоилась. Через несколько времени возвратился в нее и Морозов. Он с тех пор в самом деле сделался благотворителем народа, защитником угнетенных и, по свидетельству современников, вместо прежней ненависти заслужил общую любовь 7.

Впрочем, волнение, прекратившееся в Москве, отозвалось в других городах, где также народ жаловался на злоупотребления. В это смутное и тяжкое время Промысл Божий послал юному царю твердого и верного руководителя. Избранник Промысла явился к Алексею в лице игумена отдаленной и мало-значительной обители Кожеезерской Никола.

Громадное значение этой великой (хотя и не всегда безупречной) личности в истории Русской Церкви налагает на нас обязанность

проследить жизнь Никона от начала ее до конца.

В 1605 году у крестьянина Нижегородской области села Вильдеманова, Мины, родился сын Никита. Он скоро лишился своей матери и все детство провел под нестерпимым гнетом мачехи. Ему рано удалось выучиться грамоте. Чтение книг увлекло его к аскетической жизни, и в 12 лет он убежал из дома отца в монастырь, где еще в этом раннем возрасте удивлял братию силой своего характера и ревностью в монастырских подвигах. Родня опять вызвала его в мир и заставила жениться. На 21-м году он выбран был в священники прихожанами одного соседнего села; но по своим достоинствам недолго мог оставаться в таком захолустье. Через два года о нем узнали московские купцы, бывшие на Макарьевской ярмарке, и перезвали его с собой в Москву. Через 10 лет, лишившись детей, Никита уговорил жену постричься, а сам удалился на Белое море в Анзерский скит.

Анзерский остров лежит в двадцати двух верстах от острова Соловецкого. Он был прежде необитаемым и служил только вре-

менным пристанищем для беломорских судов и промышленников, покуда не поступил в собственность Соловецкого монастыря по грамоте, данной еще при жизни преподобного Зосимы Соловецкого от веча Великого Новгорода, незадолго до уничтожения вольности новгородской. Настоятели монастыря завели там солеварни и при них поставили первую деревянную церковь святителя Николая. В 1616 году поселился на острове преподобный Елезар, сын козельского купца Севрюкова, постриженник Соловецкий при преподобном игумене Иринархе. Местное предание уверяет, что пустынный работал деревянные чашки, выставлял их на пристани, а сам удалялся в леса от людей. Приплывавшие поморцы брали посуду, а в оплату оставляли хлеб, крупу и капусту. Мало-помалу собралось к нему несколько ревнителей скитского житья. Кельи отшельников поставлены были в версте одна от другой. В субботу вечером собирались старцы для общей молитвы и на следующий день, совершив воскресное пение, расходились по кельям для богомыслия и рукоделия по силам каждого. Дивный пустынножитель

лично известен был царю Михаилу Феодоровичу, которому он предсказал рождение сына и наследника, Алексея. К сему великому подвижнику пришел отрекшийся от мира священник Никита и принял пострижение иноческое с именем Никона. Тогда анзерские скитники озабочены были сооружением каменного храма вместо ветхого деревянного; деньги на строение были собраны 8, но работы еще не начались. Несколько лет провел Никон в далеком от всякой мирской суеты пустынном убежище, где вместо стен одно море и благочестие служили оградой, но некоторые недоразумения, случившиеся между Никонем и преподобным Елезаром 9, были причиной удаления его в 1635 году из Анзерской пустыни. Никон, проезжая с острова на утлой ладье, едва не погиб от внезапной бури и только упованием на силу Креста Господня спасся от потопления перед Онежским устьем; пристал к Кию острову, где в память своего спасения водрузил крест с тем намерением, чтобы со временем построить там хотя малую церковь или монастырь. Потом он продолжал путь свой до Кожеезерской пусты-

ни 10; пробыв в ней несколько времени, он возлюбил это уединенное место и, принятый там в число братии, удалился на ближайший остров, построил себе келью, питался рыбой своей ловли, ходил в монастырь только для отправления или слушания Божией службы и провождал все прочее время в уединении и богомыслии. Избранный братией в сан игумена обители, он прибыл в Москву по делам монастырским. Молва о добродетелях пустынного инока сопровождала Никона в столицу. Его необыкновенный ум, светлый взгляд на предметы, природное красноречие и величавая наружность довершили впечатление, произведенное им при дворе. Юный царь полюбил его с первого свидания и велел назначить архимандритом Новоспасского монастыря.

Здесь началось сближение царя с Никонем, обратившееся в искреннюю дружбу. Царь часто призывал его для беседы, поручил ему принимать и докладывать себе прошения от бедных, сирот и утесняемых. Влияние Никона возрастало так заметно, что даже Морозов, достигший тогда высшей степени значения, мог опасаться встретить в нем сопер-

ника. Через два года Новоспасский архимандрит был посвящен в сан митрополита Новгородского. Доверенность государя сопровождала его и на новое место служения: кроме полной власти в делах духовных, на него возложено было поручение иметь надзор за судопроизводством; дано право освобождать из темниц всех несправедливо заключенных. В Новгороде Никон прославился многими благодеяниями: во время бывшего там голода ежедневно питал на архиерейском подворье несколько сот неимущих, устроил богадельни для престарелых и увечных. Еще более возвысился он во мнении государя, когда с опасностью для собственной жизни укротил мятеж, возгоревшийся в Новгороде во время того же голода. Никон укрыл царского наместника князя Хилкова в своих палатах, а сам вышел к бунтующему народу; удары посыпались на Никона: одни бросали в него камни, другие били палками, и он замертво оставлен на площади. Едва дышащий, поднят он служителями; но тотчас же отправился совершать литургию с крестным ходом в той части города, где свирепствовал бунт; после

литургии Никон не убоился и еще раз явиться мятежникам и вошел в самую избу, где собрались они. Твердость пастыря на сей раз поразила самых свирепых: они притихли, прекратили убийства, но еще не переставил действовать против правительства; заградив пути к столице, ссылались со шведами, чтобы передать им город. Никон успел уведомить царя и указал, какие нужно предпринять меры против злоумышленников; сам предал бунтующих анафеме. Буря утихла, укрощенная твердостью Никона; народ обратился к нему за разрешением духовным, царь предоставил суд над виновными митрополиту, и митрополит судил как пастырь справедливый и милостивый 11. Это было в 1650 году. С того времени любовь царя к Никону увеличилась; он часто стал вызывать его в Москву для советов.

Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон у гроба митр. Филиппа (худ. А.Д. Литовченко)

Последние годы первосвятительства Патриарха Иосифа ознаменованы открытием

святых мощей преподобного Саввы Звенигородского, преподобного Александра Свирского в основанных им обителях и святого великого князя Георгия Всеволодовича во Влади-

мирском Успенском соборе. В то же время, по мысли митрополита Никона 12 и соборному определению, царь повелел перенести в Московский Успенский собор останки святителей, пострадавших за веру и отечество: Патриарха Иова из Старицы, Патриарха Гермогена из Чудова монастыря и святого митрополита Филиппа с Соловецкого острова. Сретая мощи первопрестольника Иова 13 среди великого стечения народа и предчувствуя близость собственной кончины, старец-патриарх Иосиф со слезами сказал царю: «Вот, смотри, государь, какво хорошо за правду стоять: и по смерти слава!» Через несколько дней Иосиф сильно заболел и вскоре преставился (в 1652 году), после 10-летнего первосвященства.

Между тем за мощами святого митрополита Филиппа отправился на Соловки митрополит Никон с боярином князем Хованским, в сопровождении многих лиц духовных и светских. С ним послана была царская молитвенная грамота к святому Филиппу, в которой правнук Грозного, преклоняя свой царский сан перед святителем-мучеником, молил его

пришествием в Москву разрешить грех Грозного царя и упразднить поношение, лежавшее на царской власти 14. Во время отсутствия Никона царь писал ему замечательные письма, в которых выразилась вся душа доброго и набожного Алексея 15. Из писем царя видно, что бояре очень недовольны были силой Никона 16, заметно и то, что сам Никон не умел смягчать своей силы кротостью и благодушием. В самых почтительных выражениях царь советовал ему быть посписходительнее к боярам, но в то же время просил его не сказывать им об этом совете, не выдавать его – царя, что он заодно с ним – митрополитом. Добрый до слабости 17, находясь под двумя влияниями – Никона и бояр, царь боялся оскорбить ту и другую сторону, колебался между ними и старался мирить их.

По исполнении возложенного на него поручения 18 Никон не застал уже в живых патриарха Иосифа и должен был заступить на его место 19. Но он хорошо видел слабость церковной власти в дряхлых руках своего предшественника, видел вред монастырского приказа 20 и невыгодное влияние нового уло-

жения на дела церковные 21, видел самоволие бояр и враждебные отношения их к нему, как к любимцу царя, видел множество беспорядков 22, требующих для уничтожения своего свободной и ничем не стесняемой силы, и решительно отказался от первосвятительского сана. В Успенском соборе при полном собрании бояр и многочисленном стечении народа царь долго заклинал Никона именем Божиим не оставлять церкви в сиротстве и без пастыря. Наконец Никон решился исполнить волю царскую, но прежде, обратясь ко всем, спросил: будут ли почитать его как архипастыря и отца, слушать его во всем и дадут ли ему устроить Церковь? Все клятвенно обязались повиноваться своему пастырю в делах Церкви и совести, и Никон принял патриаршество (25 июля 1652 г.).

Шествие на осляти (худ. В. Швортц)

Неограниченная дружба соединяла нового Патриарха с царем. Вместе молились они, вместе рассуждали о делах, вместе садились за трапезу, и так было каждый день. Патриарх был восприемником детей царских. Ни

одно государственное дело не решалось без участия Никона в течение шести лет. И великий ум, предприимчивый, твердый характер Никона отпечатлены на этих годах, счастливых для государства Русского (1651–1657).

Самым блистательным и самым славным делом в царствование Алексея было соединение Малороссии с Великой Россией. Еще в предшествовавшее царствование, вскоре после смерти знаменитого защитника веры и прав своей родины Петра Конашевича Сагайдачного, умевшего внушить польскому правительству и страх, и уважение к себе, православный митрополит Киевский Иван Борецкий, не видя иного «благотишнейшего при-

станция» для своей паствы, присылал (в 1625 г.) к царю Михаилу Феодоровичу и Патриарху Филарету с просьбой о принятии Малороссии и запорожских казаков «под их государственную руку» 23. Но царь Михаил боялся вовлечь свое ослабленное смутами государство в новую борьбу с Польшей. Он только обнадежил своих единоверцев в покровительстве; обещал в случае нового притеснения Православия вступить за них. С такой же осторожностью действовал преемник его, созвав Земский Собор при Патриархе Иосифе (1648 г.), когда доблестный гетман Богдан (Зиновий) Хмельницкий умолял его о принятии Малороссии в подданство Москвы. Он соглашался исполнить его просьбу только тогда, когда сам король признал казаков независимыми; предлагал им в случае нестерпимых насилий переселиться с Московское государство, обещая дать обширные земли, в то же время старался примирить своих единоверцев с польским правительством. Но устроить дело мирным путем было невозможно.

Между тем страдания Украины увеличились 24, и Хмельницкий снова обратился в

Москву с усиленными просьбами о присоединении единовѣрных к единовѣрным. Но и на этот раз царь решился еще испытать посредничество, и опять без успеха. Надлежало опасаться, что казаки, доведенные до отчаянія, поддадутся султану; тогда крымскіе татары и турки придвинутся ближе к Москве.

Гетман просил покровительства и ходатайства у новаго Патриарха Московскаго 25, и не напрасно. В Грановитой палатѣ снова созван был великій Собор из духовенства, бояр, думных и выборных всяких чинов людей. Начиная с Патриарха Никона, все единоголосно решили и просили государя «за честь свою стоять и против польскаго короля войну вести, а гетмана Богдана и все войско Запорожское с городами их и с землями принять под свою государственную руку для православной христіанской веры и святых Божиих церквей» 26.

Наконецъ важнѣйшее дело втораго царя из дома Романовых, дело, обессмертившее имя Алексея, было решено. Получив радостную вѣсть из Москвы, обрадованный вождь угнетенной Малороссіи торжественно предло-

жил войску и народу присоединение к Великой России. Бессмертный Богдан изобразил бедствия, претерпенные Малороссией, необходимость искать государя и защитника, искать его «не в царях басурманских, турецком или крымском, но в православном христианском великом царе восточном, который есть с ним единого благочестия греческого закона, единого исповедания». Он заключил словами: «Кроме его царские высокие руки благодетнейшего пристанища не обрящем; а буде кто с нами не согласует теперь, пусть идет куда хочет, вольная дорога». Раздались общие восклицания: «Волим под царя восточного православного крепкую руку, в нашей благочестивой вере умирати, нежели ненавистнику Христову, поганину достатись». Уверившись в согласии всех, гетман произнес: «Буди тако, да Господь Бог нас укрепит под его царскою крепкою рукою». Народ единогласно отвечал: «Боже утверди, Боже укрепи, чтобы мы вовеки все едино были!»

Торжество воссоединения Великой России с Малою совершилось 8 января 1654 года. восторг народа и войска не знал предела; бояре

московские, принявшие присягу от новых подданных царя Алексея, посетили Киев, где митрополит Сильвестр Коссов встретил их такой речью: «Целует вас в лице моем оный благочестивый Владимир, великий князь русский; целует вас апостол Андрей Первозванный, провозвестивый на сем месте велию просияти славу Божию, яже ныне вашим пришествием благополучино паки обновляется; целуют вас общему житию начальницы, преподобный Антоний и Феодосий Печерские и все преподобные, лета и живот свой о Христе в сих пещерах изнулившие; целуем и мы о Христе ваше благородие со всем освященным собором, целующе же любовне взываем: внидите в дом Бога нашего и на седалище первейшее благочестия русского, да вашим пришествием обновится яко орля юность наследия благочестивых великих князей русских» 27.

Вслед за присоединением Малороссии необходимо должна была начаться война с Польшей. Но она не могла уже быть опасною для державы, которая по слиянии двух родственных племен русской земли сделалась

настолько сильною, что сама уже внушала ужас врагам своим. Царь Алексей сам отправился на войну, поручив семейство свое и все внутренние дела государственные другу-патриарху; бояре ежедневно являлись с докладами к Никону и без него не могли приступить ни к какому делу 28. Посол за послом спешили к нему от царя с известием о взятии городов. В полгода овладели Смоленском, Минском, Витебском, со множеством окрестных мест. В 1655 году завоевана была Вильна с остальными городами Белоруссии; и в то же время прошли всю Волынь и Галицию, разбивая поляков; там и здесь первые в победах были казаки. Польша доведена была до изнеможения. Она предложила перемирие, оставив временно за Россией все завоевания.

Между тем как царь находился с войском, в Москве (в 1651 г.) открылась моровая язва, перешедшая затем и в соседние города. В столице свирепствовала она со страшною силой, так что к ноябрю месяцу почти не осталось священников 29. Патриарх с обыкновенной для него твердостью делал распоряжения к облегчению бедствий; особенно заботился он

о сохранении оставленной на его попечение царской семьи. Послав наперед приказание в Калязинский монастырь об осторожном приготовлении келий, служб и всего нужного к приезду царицы 30, Никон отправился с семьей царя-друга в Лавру богоносного Сергия, потом странствовал с нею из монастыря в монастырь, вместе с тем лично наблюдал за безопасностью мест. В то же время от имени царицы рассылал по городам грамоты об употреблении строгих мер предосторожности: предписано было ограждать зараженные места крепкими заставами, жечь костры для очищения воздуха. Наконец в конце октября Патриарх в Вязме передал царю дорогое сердцу семейство его невредимым и тогда же отправился вперед в Москву, чтобы очистить город 31. Зараза открылась в 1655 году по городам восточного края. Так как суеверие распространяло вредные мысли о происхождении и ходе язвы, то Патриарх разослал от своего имени пространную окружную грамоту к вразумлению суеверов и невежд. В грамоте Патриарх, убеждая переносить несчастье с терпением, укрепляться молитвою и постом,

советовал беречься сообщения с зараженными, запрещал верить ложным толкам суеверов, разглашавшим, что никто не должен избегать этой язвы, как посланной гневом Божиим. Пастырь поучал, что каждый отвечает за грехи свои, что по наставлению пророков, Спасителя и апостолов спастись от смерти не грешно, а, напротив, кто не избегает опасности видимой и подвергается ей без нужды, тот самоубийца. Иные, говорил Патриарх, не слушая добрых советов, сами погибли и других погубили. Они поверили сказкам сновидцев, которые говорили, будто Бог открыл им, когда и как прекратится язва. И что же вышло? Зараза поражала легковерных, а от них переходила на других; христиане умирали без приготовления христианского. «Будем, – заключал пастырь, – ниневитяне, не содомляне! Оставим злобу, да не погибнем от злобы» 32.

При тех блистательных надеждах, какие возбуждены были победами над Польшей и присоединением Малороссии, естественно было, что Никон (1656 г.) одобрил войну с Швецией за владения православной России в

Ливонии. Дела с Швецией, как и с Польшей, шли с успехом, пока Никон пользовался доверенностью царя; между прочим, в Кокенгузене освящена была церковь во имя царевича Димитрия и города назван Дмитриевым.

Плодом трудов Патриарха было и то, что в начале 1656 года молдавский воевода Стефан через послов своих просил царя принять его под покровительство, как принят гетман Малороссии. И Молдавия причислена к владениям царя, хотя и не была удержана 33.

Кремлевская площадь времен царя Алексея Михайловича

Такова была государственная деятельность Никона на пользу православному отечеству, с искреннею любовью к доброму государю! Посмотрим теперь на пастырские подвиги его в служении Церкви и духовному просвещению.

Вступление на патриарший престол доставило ему средства еще более развить свой преобразовательный дух в служении истине и благу Церкви и отечества. Он установил партесное пение греческое и киевское, применяясь к древним напевам; ввел более разнообразия в иконной живописи; вообще заботился о благолепии церковей московских и о стройности Богослужения, искореня повсюду, как прежде в Новгороде, обычай читать и петь в несколько голосов. Собственным примером строгой жизни внушал духовенству иметь бдительный надзор над нравственностью мирян; в отношении к нерадивым был взыскателен и строго наказывал за всякое нарушение церковного чина. При самом назначении в духовные должности подвергал ставленников строгому испытанию в знании обязанностей: посвящал в священники и диако-

ны только людей, имевших достаточные познания, по крайней мере, в чтении и письме, что, конечно, не могло нравиться невежественным ставленникам и вместе с тем настоятельно требовало изыскания мер для просвещения духовенства.

Патриаршая власть при Никоне усилилась до высшей степени. Патриарх был действительным, а не номинальным только «великим государем», окружил себя царской пышностью и величием. Он выстроил себе новый дворец 34, употреблял все средства тогдашнего искусства для украшения соборов и для благолепия Богослужения: лучшие облачения в патриаршей ризнице принадлежат ему; на них употреблены целые пуды жемчуга, золота и камней; около митры первосвященника видим корону. Никона боялись сами бояре, которых он обличал без всякого стеснения, поступая с ними самовластно 35. Действия монастырского приказа и самого Уложения были парализованы сильным влиянием Патриарха на царя. Хотя Никон не успел совершенно уничтожить Уложение и заменить его вновь изданной Кормчей книгой, но побудил

царя разослать по всем воеводам выписки из градских законов Номоканона в дополнение Уложения, с повелением производить суд по этим выпискам. Вопреки Уложению, которое, безусловно, запретило увеличивать церковные имущества, патриарший дом и построенные Никоном монастыри обогатились новыми вотчинами. Другие монастыри в то же время получили возможность делать новые приобретения. Но в то же время, вследствие той же дружбы царя с Патриархом и всегдашней готовности Никона на жертвования для блага отечества, никогда еще с церковных земель не было таких больших сборов даточными людьми, лошадьми, военными припасами, как при Никоне. Сам Патриарх выставил в поле до 10000 воинов; столько же выставили монастыри. Патриарх, кроме того, на свои богатые средства увеличивал свои домовые богадельни, раздавал богатую ручную милостыню, делал жертвования на тюрьмы 36.

В начале и в первой половине XVII века был уже весьма заметен упадок монашества. Хотя в это время возникло более ста новых

обитателей, но все они были неблагоустроены и малолюдны (по 2, по 3 монаха, почти без всяких средств). Может быть, в видах возвышения монашества чрез посредство новых обитателей иноческих, образцовых по строгому уставу и изяществу зданий, Никон основал в разное время три знаменитых монастыря.

Первый из них сооружен в 1652 году, в заливе Белого моря, на Кии-острове, где Никон, еще отшельником, при переезде с Анзерского скита на материк, спасенный от потопления, водрузил крест. Новая обитель в память этого события наименована Крестным монастырем и была щедро одарена царем и Патриархом 37.

Другой монастырь основан Никоном на озере Валдайском. Живописные виды окрестностей озера и лежащих на нем островов весьма понравились Никону, когда он, бывши еще митрополитом Новгородским, проезжал в 1651 году в Москву. Немедленно по вступлении своем на патриарший престол он устроил на одном из островов обитель, отличную от обыкновенных – по образцу Иверского Афонского монастыря. Испросив соизволения

царя Алексея Михайловича, он отправил на Афонскую гору несколько живописцев, предписав им снять копию с чудотворной иконы Божией Матери, а равно доставить самовернейший план монастыря. Когда сии посланные возвратились, Патриарх отправил на остров Валдайского озера искусных зодчих, которые, избрав место для монастыря, построили на этом месте сперва рыбачьи хижины, а потом и деревянную церковь во имя Божией Матери. В 1654 году Никон отправил митрополита Новгородского Макария в Боровицкий Духов монастырь для перенесения мощей праведного Иакова Боровицкого в ново-созидаемую обитель 38, а сам, вложив в серебряный позолоченный ковчег части мощей святителей московских Петра, Ионы и Филиппа, отправился с ними из Москвы и, прибыв в новоустроенный монастырь, переложил мощи святого Иакова Боровицкого в новую серебряную раку и поставил ее, равно как и ковчег с мощами святителей московских, в деревянной церкви. В том же году Патриархом Никоном учреждена в Иверском монастыре архимандрия. При втором посещении

Патриарха заложена, а при третьем освящена им вместо бывшей деревянной каменная церковь во имя Пресвятой Богородицы. Тогда же принесена им икона Божией Матери, списанная с Афонской Иверской или Портаитиссы, украшенная золотом и драгоценными камнями. Царь Алексей Михайлович, имевший особое благоволение к Никону, много содействовал своими щедрыми пожертвованиями к устройению сего знаменитого монастыря, и в 1654 году мая 9-го он дал новой обители «великую жалованную грамоту» 39, в которой село Валдай переименовано Богородицким, озеро – Святым и самый монастырь назван Иверским-Святоезерским 40.

Третий и важнейший из числа монастырей, основанных Никоном, находится в окрестностях Москвы и известен всему просвещенному миру под именем Нового Иерусалима 41. При поездках из Москвы в создаваемый им Иверский монастырь Никон заметил местность при реке Истре и вознамерился устроить здесь верное подобие Иерусалимского храма и в нем Гроба Господня. Купив у боярина Романа Боборыкина землю и село

Воскресенское, все окружаемое рекой, гористое место выровнял насыпью, с трех сторон выкопал рвы, поверхность холма обнес деревянной оградой с восемью башнями и внутри на первый случай соорудил во имя Воскресения Господня теплую деревянную церковь с трапезой и прочими службами. Эта церковь в 1657 году была освящена им в присутствии государя, который, рассматривая местоположение, столько пленился им, что сказал Патриарху: «Сам Бог изначала определил место сие для обители; оно прекрасно, как Иерусалим».

Никон, утешенный столь сладким именем, назвал в угодность царю новую свою обитель Новым Иерусалимом, а гору, с которой царь смотрел на окружающую местность, Элеоном; тогда же и другие ближайшие многие места получили наименования, сходные со священными местностями Палестины. Вскоре после того через Арсения Суханова Никон получил из Иерусалима чертежи и модель храма Гроба Господня, и в 1658 году заложен тот дивный храм, который ему не суждено было окончить 42.

При всегдашней заботливости о духовном просвещении клира и народа великий перво-святитель не мог оставить без внимания и покровительства Греко-Латинской школы, учрежденной при Патриархе Филарете. В 1648 году любимец царя Алексея, окольник Федор Михайлович Ртищев 43, устроил близ Москвы Андреевский монастырь, вызвал туда братию из разных киевских и других малороссийских обителей и решил завести там ученое братство для перевода разных полезных церковных книг. С этой целью он обратился с просьбой к митрополиту Сильвестру Коссову, который, снисходя к благочестивому его желанию, избрал между прочими Епифания Славеницкого и отправил его в Москву. Обеспеченный содержанием от Ртищева, Славеницкий немедленно приступил к переводу разных священных книг. В этом деле он явился образцом для своих сотрудников, также вызванных из Киева, Арсения Сатановского и Дамаскина Птицкого; занимаясь переводами, он в то же время составлял полный лексикон славяно-греко-латинский и задумывал новый перевод всей Библии с греческого текста на

язык славянский. По вступлении Никона на патриарший престол вызван был из Соловецкого монастыря и Арсений Грек 44 и присоединен к ученому братству. Никон желал иметь всех их близ себя и из Андреевского монастыря переместил Славеницкого, Птицкого и Арсения в Чудов монастырь, а Сатановского в Богоявленский и сделал Епифания начальником патриаршего Чудовского училища и главным справщиком печатного двора, не отвлекая его и от прежних занятий 45.

Воскресенский Новоиерусалимский монастырь (основан патриархом Никоном)

Важнейший под виг патриаршего служения Никона заключается в исправлении церковных книг. Труды, предпринятые по этой части при Патриархе Филарете и Иосифе, доказали необходимость поверки книг по греческим подлинникам и тщательного исправления вкравшихся погрешностей. Оба первосвященителя находили время и средства собственным надзором следить за печатавшимися церковными книгами, хотя и при этом вновь выходившие книги не могли освободиться от некоторых важных ошибок.

В ином отношении к этому делу стоял слабый и доверчивый Патриарх Иосиф. Он не мог сам лично заниматься им, а между тем потребность исправления книг или, по крайней мере, строгого и внимательного надзора за ними была уже ясно признана всеми, так что уже нельзя было не удовлетворять ей. Патриарх решился поручить дело надзора за печатанием книг лицам, пользовавшимся особенным его доверием.

По свидетельству сибирского митрополита Игнатия 46, они были: протопоп Аввакум, Иоанн Неронов, суздальский поп Лазарь, поп Никита (прозванный впоследствии Пустосвятом), царский духовник протопоп Стефан Вонифатьев и некоторые другие. Это были, как можно видеть из последствий их жизни, люди с умом хитрым, способные действовать на других, имевшие довольно лицемерия, чтобы возбуждать участие к себе. В предметах веры существовала для них одна только мертвая буква, без отношения к оживотворяющему ее духу. Не имея в сердце способности воспринимать внутренний смысл богослужебного обряда и всей внешней стороны христианского богопочитания, руководимые лицемерною набожностью, они тем не менее, как и все подобные люди, любили доискиваться особенного значения, в особенности там, где или во все не было повода к тому, или было совершенно невозможно по сокровенности самого дела. Неудивительно, что такие люди были приверженцами тех мнений и понятий, чуждых истинно благочестивому чувству, которые вообще принадлежали партии мнимых

приверженцев старины. Они вносили свои мнения и в богослужебные книги. Ничто не препятствовало им; они овладели доверенностью Иосифа, пользовались общественным уважением по своему положению; печатный двор был тогда в ведомстве царского дворцового приказа, под управлением единомышленника их князя Львова. Итак, новые справщики церковных книг, отличавшиеся крайним невежеством, не только портили книги, печатая их с неверных, искаженных рукописей, о сличении которых и не думали они, но и вносили в книги свои собственные заблуждения. Учение свое о сложении перстов в крестном знамении они подтверждали мнимым сказанием блаженного Феодорита о перстосложении Мелетиевом, присоединив собственное толкование 47 в так называемой Кирилловой книге (изд. 1644 г.), в предисловии к Следованной Псалтири (изд. 1647 г.), также в Книге о единой вере (изд. 1648 г.) и в малом Катехизисе (изд. 1649 г.). Каждая из этих книг печаталась в числе 1200 экземпляров, все они разносили заблуждения по всем краям Русской земли. При таком своеволии в издании

богослужебных книг происходили беспорядки и несогласия в самом совершении Богослужения. Порча церковных книг дошла до высшей степени и была тем прискорбнее и безотраднее, что производилась явно, утверждаясь, по-видимому, на законных основаниях.

Еще в сане архимандрита Новоспасского Никон смотрел со скорбью на невнимание к устройению церковному со стороны дряхлого и немощного Патриарха Иосифа. В 1649 году прибыл в Москву Иерусалимский Патриарх Паисий. Святитель, конечно, скоро заметил несогласие в Богослужении Русской Церкви с Церковью Греческой, и из всех окружавших его скорее всего он мог разделить наблюдения и мысли свои с Никоном, который сам так живо сочувствовал этому делу. Неудивительно, что на благоговейного к святыне Никона глубоко подействовали неоднократные беседы греческого святителя о некоторых разностях в совершении обрядов Русской Церкви с Греческой. При беседах с царем Никон не замедлил передать ему замечания Паисия и собственные свои планы. Следствием было отправление на восток Арсения Суханова 48.

К движению благочестивой ревности пришло на помощь новое побуждение. Со святой горы Афонской пришло известие, что там явился некто из сербов, иеромонах Дамаскин, учивший открыто, что каждому христианину нужно креститься двумя, а не тремя перстами. Отцы афонских монастырей по благословению Цареградского Патриарха Парфения, присланному им письменно, составили Собор, призвали на оный к ответу самого Дамаскина и «книгу русскую (вероятно, нашу Следованную Псалтирь) 49 у него взяли, а в ней тако написано, якоже той учаще, и тую книгу соборне сожгоша; а тако творящих и учащих анафеме предаша». Собор Святогорский утвердил совершать крестное знамение непременно тремя первыми перстами.

Это событие навлекло явное подозрение на справщиков печатного двора. Они были удалены, и наблюдение над исправлением книг поручено ученым монахам киевским.

Вступив на престол первосвятительский, Патриарх Никон не замедлил обратить внимание на те же беспорядки в московских церквах, какие исправлял он в прежней сво-

ей Новгородской епархии. Кроме того, он был поражен здесь иными, еще более важными разногласиями и неправильностями: так литургию совершали то на семи, то на шести просфорах, употребляя притом просфоры с различными печатями; образ совершения проскомидии во многих церквах был также различен. Вместо того, чтобы для крестного знамения слагать три первых перста и благословлять перстосложением именованным, крестились и благословляли только двумя перстами; неправильно писали святое имя Господа Иисуса; были и другие различия 50. Никон, строгий во всем, касающемся благочестия церковного, не мог смотреть на все это равнодушно и решился ввести то единство в Богослужение, которым все должно быть запечатлено в Церкви. При стремлении к сей цели он еще сильнее убедился в необходимости исправления богослужебных книг. Он увидел, что беспорядки в совершении Богослужения не были только отступлением от чина церковного, излагающегося в богослужебных книгах, но что они вошли и в самый состав этих книг, наполненных разными

неисправностями.

Чтобы очевиднее и тверже удостовериться, в каком состоянии были богослужебные книги, Никон обратил внимание на древнее книгохранилище, давно забытое всеми. В продолжение многих дней он рассматривал 51 книгохранилище с тайной и сильно пораженной душой его мыслью: «Не есть ли что погрешно от православного греческого закона». Страшная мысль эта оправдалась. Прочитав шитый на саккосе Фотия, принесенном из Греции, Символ Веры, Никон увидел несогласие с ним Символа в новопечатных книгах; рассматривал и ин святой литургии и здесь нашел некоторые недостатки и излишества в сравнении с греческим; намеренные и ненамеренные ошибки в переводе, даже немаловажные изменения в мыслях находились и в других книгах. Надобно было положить конец распространению зла. К тому же времени возвратился из путешествия Арсений Суханов. Правда, составленный им отчет о путешествии (Проскинитарий) далеко не отвечал тем целям, каких ожидал от него Никон, ибо Арсений смотрел поверхностно на свое дело

и, вовсе не обращая внимания на тогдашнее бедственное состояние христианского Востока, много сообщил известий о Греческой Церкви, представлявших ее не совсем в благоприятном свете; однако же это не препятствовало ему быть и полезным. Между известиями Арсения находилось и следующее: «Греки троют в церквах аллилуия, а в Царьграде знаменуются греки тремя персты».

Увидев столько разногласия между богослужебными книгами и церковными чинами, Никон советовался с царем об уничтожении и исправлении поврежденного. Царь, конечно, готов был предоставить ему полную свободу поступать в сем случае, как ему угодно. Но не так думал сам Патриарх. С одной стороны, взирая с глубоким уважением на предпринимаемое дело, как на дело самой православной веры, Никон не хотел совершать его единолично, своей собственной властью; а с другой – замечая в одних явное нерасположение и предвидя противоборство с их стороны, а в других – не совсем уверенный, он признал за лучшее просить царя о составлении Собора. Эту мысль Патриарх пере-

дал царю, основывая притом предложение свое о Соборе на правилах апостолов и Вселенских Соборов, повелевающих быть по временам Соборам для рассуждения о делах церковных. Царь согласился. Причина такого именно образа действия лежала сколько в опытах предшествовавших исправлений, столько и еще более в положении настоящего образа мыслей и отношений современников. На нем председательствовал сам царь, присутствовали Патриарх Никон и многие из пастырей Русской Церкви 52. Заседание Собора открыто было речью Патриарха. Раскрыв, что нет ничего богоугоднее, как присно поучаться в Божественных заповедях и на них твердо основываться, показав, как за целым и чистым хранением сих заповедей постоянно и строго блюли Вселенские Соборы и благочестивые цари, Никон продолжает: «Праведно есть и нам всяку церковных ограждений новизну истребляти, видящим новины всегда виновны бývати церковного смятения же и разлучения, но уставом последовати святых отцов», благоговейно принимать все, что приняли и утвердили святые Соборы, бывшие до

сего времени. Следовательно, надобно нововведенные чины церковные, несогласные с древними славянскими и греческими книгами, надлежащим образом исправить. Этого требуют самое дело, священный долг, возложенный на каждого пастыря Церкви, и сама совесть каждого истинного христианина. «На ваше рассмотрение, – заключил Патриарх, – предлагаю теперь вопрос: новым ли московским печатным книгам последовати, в них же многая обретошася нами от преведших и преписующих неискусне с древними греческими же и славенскими несходства и несогласия, явнее же рещи, прегрешения, или древним греческим и славенским, иже оубо един купно чин и устав показывают?» В ответ на эту речь и на этот вопрос Патриарха царь и Собор сказали: «Достойно и праведно исправить противу старых харатейных и греческих». Получив такой ответ, Никон здесь же предложил несколько примеров, свидетельствующих об отступлении настоящих церковных чинов от греческих и несогласии с правилами соборными. Всякий раз, как он представлял какую-либо несообразность или

неправильность новых церковных книг, Собор говорил: «И мы такожде утверждаем быти, якожде греческие и наши старые книги и уставы повелевают быти» 53. Однако же между присутствовавшими на Соборе нашлись люди, которые подавали голос в защиту московских книг. Это были – Павел, епископ Коломенский, протопоп Аввакум, Иоанн Неронов и другие 54.

Чтобы устранить всякие возражения со стороны противников, в совете царя с первосвятителем положено было написать к восточным патриархам о предложенном деле и просить их решения относительно некоторых предметов. Избран был известный по своей жизни с доброй стороны Мануил Грек и отправлен в Константинополь с царской и патриаршей грамотой. В своей грамоте к Патриарху Вселенскому Никон спрашивал о предметах в то время спорных. Патриарх Паисий собрал греческих пастырей и деянием соборным утвердил решение Московского Собора: следовать православному Писанию восточных учителей в древних греческих и славянских книгах. Вместе с тем написаны были со-

борные ответы на 25 вопросов, приложенных Никоном. Патриарх Паисий в грамоте к Никону изъяснил живейшую радость и глубокое уважение к предприятиям русского первосвященителя. Препроводив толкование на чин Богослужения, иначе Скрижаль, рассмотренную и одобренную, как писал он, на Соборе, Вселенский Патриарх просил Никона ни в чем не разнствовать от уставов Восточной Церкви. «Да будем, – говорил он, – чадами единой и той же матери – Церкви Восточной и да не имеют нечистые еретические уста никакого повода упрекать нас в какой-либо разности». Хотя Никон, прикрывая Церковь свою, как любящий ее пастырь, не писал Паисию о самом важном несогласии нашей Церкви с греческою, о несогласии в Символе Веры, но Паисий, узнав об этой разности, препроводил верный греческий список никео-константинопольского Символа Веры и просил уничтожить разность, столь важную 55. В заключение просил Паисий Никона быть снисходительным к тем, которые заблуждались не в существенных догматах веры, а только в вещах маловажных.

Послание Цареградского первосвященника обрадовало царя и Патриарха Русского. Теперь с поразительной ясностью представилась им мысль, ясно высказанная Паисием в его послании, именно мысль о том, чтобы среди зачинавшихся движений не отступить Русской Церкви от матери своей, но остаться верною и пребыть в совершенном единении с нею. Эта мысль окончательно побудила к приобретению древних рукописей греческих. С этой целью отправлен был на восток тот же Арсений Суханов, который был там прежде; ему поручено было не щадить издержек для приобретения древних греческих рукописей. Арсений приобрел на одном Афоне до 500 книг богослужебных и учительных, между которыми одному Евангелию считали тогда 1050 лет, другому 650, одному Служебнику 600 и другому 450 лет и проч. Много рукописей приобретено в разных других местах 56.

Ко времени возвращения Арсения с такими сокровищами прибыли в Москву Патриархи, Антиохийский Макарий и Сербский Гавриил, митрополиты Никейский Григорий и Молдавский Гедеон. Никон воспользовался

этим редким случаем для главного своего дела. Он собрал (в 1655 г.) Собор русских пастырей и пригласил на оный дальних гостей. Патриархи и митрополиты признали нужду в исправлении книг, так как древние греческие книги, тогда же пересмотренные, оказались несходными с позднейшими славянскими. По прочтении деяний Соборов Московского и Константинопольского 1654 года, единогласно всеми принято следовать их решениям. Никон говорил перед Собором, что уже много раз укоряли восточные пастыри Церковь Русскую в неисправности книг и обрядов ее, и в примере указал на перстосложение в крестном знамении 57. Патриарх Макарий объявил, что двуперстное знамение принадлежит армянам и издревле принято «творити знамение честного креста тремя перстами десныя руки». Он произнес отлучение на двуперстников и свой отзыв подписал собственноручно 58. Такой же голос подали Сербский Патриарх и оба восточных митрополита. Затем Никон предложил на рассмотрение Собора исправленный Служебник и Скрижаль, присланные Патриархом Паисием. То и дру-

гое было рассмотрено и одобрено. Дело исправления и печатания исправленных книг потекло быстро и непрерывно 59. В особенности издание Скрижали было благотворным делом для Русской Церкви, слишком бедной такими источниками духовного просвещения...

Великое дело Никона принималось большинством духовенства и мирян с полной покорностью. Только немногие обнаружили противление пробудившемуся общему сознанию нужды в исправлении книг. Это были те, которые портили книги при патриархе Иосифе и которые теперь, вследствие определения соборного, должны были отвечать за порчу книг. * Резкая оценка старообрядчества в данном и других церковно-исторических трудах XIX века в значительной степени объясняется не столько существом разногласий, сколько раскольничьей деятельностью старообрядцев, и тем, что они противодействовали целому ряду общегосударственных начинаний. Как явление же русской духовной жизни, раскол был и есть трагедия русского народа. — Прим. ред. Таков был Аввакум, первым обна-

руживший неудовольствие на исправление испорченных им книг. К нему пристали Павел, Коломенский епископ, и костромской протопоп Даниил, делившие с Аввакумом дружбу. Эти трое стали возмущать других против дела, одобренного Соборами. По соборному определению, Аввакум сослан был на берег Байкала 60, помощник его в порче книг князь Львов – в Соловецкий монастырь, Даниил – в Астрахань, а Павел скрылся от обличений Патриарха. Спокойствие восстановилось. Мудрые распоряжения Никона оказывали благотворное действие. Когда выслушаны были отзывы святителей Востока, тоите, которые прежде колебались не по упорству против истины, а по недостатку образованности, оставляли свои предубеждения, как, например, протопоп Иоанн Неронов, в иночестве Григорий 61. Из отношений Никона к Неронову видим, что великий первосвятитель умел иногда быть снисходительным отцом к немощным, хотя и ревновал о чистоте Церкви.

Удалив сеятелей плевел из двора церковного и в то же время действуя на прочих пи-

саниями отеческими и вразумлениями в предметах православной веры, великий первосвятитель если бы не отвратил совершенно, то по крайней мере весьма ограничил бы влияние приверженцев к старопечатным книгам и указал бы средства к скорому искоренению их духа. Но по неисповедимым судьбам Промысла, часто располагающим события вопреки самой, по-видимому, очевидной вероятности человеческих соображений, произошло иное. Для блага Церкви потребно было отсечение всех ветвей, внутренне засохших и ставших бесплодными в очах Сердцеведца, дабы беспрепятственно и плодоносно совершалось произрастание и процветание неувядаемого древа, Самим Богом насажденного.

Патриарх Никон. Начало раскола.

Наказаны были заточением в отдаленные места главнейшие и упорнейшие противники исправления церковных книг. Удаление их послужило к распространению или, лучше сказать, к обнаружению раболепной привязанности к старым книгам и в других, дышав-

ших одним духом с распространителями суеверия. Изгнанные из Москвы защитники старопечатных книг разносили грубые понятия и ложные нарекания свои в страны отдаленные – туда, где по судебному приговору надлежало им быть в заточении. Наказание их в связи с делом, которое еще только совершалось и которое не было еще всюду общеизвестно и потому возбуждало любопытство народное, привлекло к ним весьма многих слушателей. Преступники пользовались своим положением. И здесь, как в Москве, они пред-

ставляли дело по своим грубым понятиям, прибавляя к этому вымыслы и ложь, говорили с жаром, выставляя себя мучениками за истину, за «старую» веру. Посему неудивительно, что «богохульное плодоношение» суеверов 62 распространялось по различным странам, градам и весям царства Русского.

Такое пагубное сеяние плевелов еще более распространилось, когда прекратилась деятельность бодрого стража нивы Господней. Последующая печальная судьба Патриарха Никона сильно способствовала успехам расколоучителей.

Примечания

1 Патриарх Иосиф по старости и слабости не мог поддержать даже своей собственной церковной власти: при нем видим сильное господство патриарших дьяков и московских протопопов, издателей поврежденных богослужебных книг. Полное безучастие старца-Патриарха в составлении Уложения было причиной многих недоразумений впоследствии.

2 В «Житии Федора Ртищева» читаем: «Бе

болярин честен, и смотрителен крайний, и царского величества от его младенческа возраста хранитель, муж крепкодушен и строитель дел царских прилежный, Борис званием Морозов. Благоволением же царским бысть силен в слове и деле». Но здесь выставлены одни только похвальные качества Морозова.

3 Когда царь вступил в брак, по совету Морозова, с дочерью стольника Милославского, Марией Ильиничной, вдовец Морозов женился на сестре царицы – Анне.

4 При нападении возмущившейся черни на кремлевский дом Морозова, молодая жена его в трепете ожидала неминуемой смерти, но неистовые не осмелились прикоснуться к ней. Они сказали только: «Благодари Бога, что царица – сестра твоя!» Замечательная черта в характере народа, сохранившего, даже в минуту сильного раздражения, свою преданность к царскому дому.

5 В грамоте на имя игумена Афанасия, старца Феокиста и келаря Савватия (Акты Археографической Экспедиции IV, 29) добрый царь собственноручно прибавил: «А если убежете ево так как и мне добро ему зделаете

и я вас пожялюю так, чево от засяла света такой милости не видали; а грамотку сию покажите ему приятелю моему». В другом послании к тем же властям (Дополнения Исторических Актов, 111, 45): «Как ся грамота придет, и вы известите приятелю моему и вместо отца моего родново боярину Борису Ивановичу Морозову, что время ему, воспитателю моему, ехать в деревню в Тверскую ево, и сию грамоту ему покажите, и верьте ей, а вверху приписал я государь царь своею рукою у сей грамоты; акак приедет ко мне Борис Иванович, и что скажет про вас, по тому и милость моя к вам будет». В том же году Кирилловский монастырь возведен на степень архимандрии; настоятелям дано священнодействовать с рипидами и свещным осенением. Это право и теперь сохранилось.

6 Хотя смутные обстоятельства первых лет царствования Алексея Михайловича не имеют прямого отношения к истории Русской Церкви, но мы сочли необходимым упомянуть, хотя бы кратко, о бунте черни в Москве для того, чтобы показать разницу этого времени от последующего, бывшего уже под дру-

гим влиянием, и чтобы выставить на вид светлую черту народа, всегда благоговевшего перед особой помазанника Божия.

7 По возвращении Морозов продолжал участвовать в важнейших делах, и Алексей Михайлович до самой кончины его (1662 г.) пользовался советами мужа, умудренного долговременною опытностью (Мейерберг, с. 296). Замечательным памятником огромного богатства этого боярина осталось паникадило чудной работы, пожертвованное им в Успенский собор и, к несчастью, похищенное неприятелем в 1812 году. В нем было более ста пудов чистого серебра, на позолоту употреблено 2000 золотых, столько же заплачено за работу (Берх 11, с. 181).

8 Преподобный Елезар вместе с Никоном приходил в Москву для сбора подаяния и получил значительную милостыню от царя Михаила и многих бояр.

9 Никон советовал отдать собранную сумму на сохранение в Соловецкий монастырь, а преподобный Елезар с братией на это не согласился. Первый заботился о сохранности капитала, который мог подвергнуться ограб-

лению на пустынном острове, а последние имели в виду полную независимость своего скита от Соловецкой обители (Известие о рождении, воспитании и житии святейшего Никона Патриарха, написанное И. Шушериным. Издание Воскресенского монастыря. Москва, 1871, с. 7). Впрочем, эти недоразумения не разрушили союза духовной любви между Никоном и наставником его в иноческой жизни: уже будучи митрополитом Новгородским, Никон писал к Соловецкому архимандриту: «Поберегите анзерских старцев, строителей и братию», и предписывал исполнить просьбу старца Елезара – отпустить в его скит больничного старца Кирика; в 1655 году Патриарх Никон выпросил у царя прибавку свеч, ладана, вина и муки для скита; установил быт 17 братьям в скиту и послал от себя серебряные оклады на иконы и дары скитникам деньгами и рыбой. Преподобный Елезар преставился после 40-летних подвигов 13 января 1656 года. Память его чтится местно. Мощи его почивают под спудом в каменной часовне, за алтарем Троицкого храма в Анзерском ските.

10 Кожеезерский монастырь, упраздненный в 1764 году, находился в Каргопольском уезде, на берегу озера Кожи, в 920 верстах от Новгорода и в 120 – от Онеги. (История Российской Иерархии, IV, С. 555).

11 Смертной казни подвергся один только зачинщик бунта – посадский человек Волк; не более 10 человек сослано было в Сибирь; все остальные помилованы.

12 Церковная Российская История митрополита Платона, ч. 2, с. 67 и 235.

13 Мощи первых двух Патриархов обретенны вполне нетленными (См. Душеполезное Чтение, 1869, ч. II, с. 212 и 213; ч. III, с. 16). Перенесение мощей Патриарха Иова поручено было митрополиту Ростовскому Варлааму II, который вскоре после того скончался, при встрече мощей святого митрополита Филиппа.

14 В «Молебном послании ко святым мощам Филиппа митрополита» царь Алексей молит «Христова подражателя, небесного жителя, преизящного и премудрого духовного учителя, пастыря и молитвенника, изгнанного и пострадавшего по ненависти неправед-

ных мужей, разрешити согрешение» прадеда его царя Иоанна и возвратиться «на престол свой в царствующий град Москву» (Собрание государевых грамот и договоров, III, № 147).

15 В этих письмах вполне видны любовь и уважение царя к другу его. «О крепкий воине и страдальче Царя Небесного, о возлюбленный мой любимиче и содружебниче, святыи владыко!» – так пишет царь к Никону, повторяя не раз подобные названия. Царь говорит с Никоном, как с самым близким человеком, для которого нет тайн у него. (Акты Археографической Экспедиции, 4, № 57).

16 Царь писал: «Да ведомо мне учинилось от князь Ивановых грамотах Хованского, что будет он пропал, а пропасть свою пишет, что будто ты заставляешь с собою правило ежен. Даи у нас перешептывали: николи де такого бесчестья не было, что ныне государь выдал нас митрополитом... Да Василий Отяев пишет к друзьям своим: лучше бы де нам на новой земле за Сибирью с князь Иваном Ивановичем Лобановым пропасть, нежели да с новгородским митрополитом: как де так силою заставляет говеть, никого де силою не за-

ставить Богу верить».

17 Царь писал еще: «А слово мое ныне во дворце страшно и делается без молчания (немедленно)».

18 Мощи святого Филиппа были привезены в Москву и поставлены открыто в Успенском соборе 9 июля 1652 года, при чем совершились многие исцеления. Никон прибыл в Москву еще прежде, призванный царем с дороги.

19 По обычаю положены были три жребия – митрополита Никона и двух иеромонахов. Выпал жребий одного из последних – Антония, иеромонаха Южского Козмодамианского монастыря; но он, по преклонной старости и, вероятно, в угодность воле царской – видеть Патриархом Никона, отказался. Этот Антоний, в миру священник Анания, был наставником Никона в Желтоводской обители и отцом Суздальского митрополита Илариона, который до вступления в монашество был женат на родной сестре Павла, епископа Коломенского.

20 Монастырский приказ (конечно, по кончине патриарха Филарета) вступался нередко

в суд по чисто церковным делам, присвоил себе право назначать в монастырские вотчины священников и причетников, определять и отрешать настоятелей, келарей и других лиц монастырского собора, позволял себе даже перерешать распоряжения епархиальной власти. Со стороны духовенства начались разнообразные попытки уклониться от силы новых узаконений. Архиереи начали выпрашивать у царя грамоты, освобождавшие духовенство их епархий от всякого суда, кроме архиерейского. Монастыри тоже хлопотали о несудимых грамотах. Патриаршая область получила подтверждение своих прежних привилегий и независимость от монастырского приказа еще при составлении Уложения, и сам Никон в сане митрополита Новгородского получил царскую несудимую грамоту, по которой все духовные лица Новгородской епархии подчинялись суду одного митрополита как в духовных, так и в гражданских делах.

21 Уложение весьма чувствительно коснулось самых важных привилегий и всего государственного положения духовного чина. Во-

первых, оно решительно подтвердило все прежние постановления касательно церковных вотчин и безусловно запретило всякое увеличение их. Во-вторых, стремясь установить «равный суд и расправу» для всех лиц всяких чинов, составители Уложения необходимо должны были столкнуться с многочисленными привилегиями церковных людей и учреждений, с гражданской неподсудностью духовенства мирскому суду и с удельной областью всего церковного ведомства вообще, по которой оно выделялось среди общего государственного строя.

22 Еще будучи митрополитом в Новгороде, Никон приступил к полезным преобразованиям. Он старался истребить укоренившийся в церквах обычай читать и петь поспешно и во многие голоса, так что за всеюнощной кафизмы и каноны, за литургией ектении и возгласы сливались с пением клира; вводил благолепие в священные одеяния и утвари, совершал службу с особенным благоговением, часто и умирительно поучал свою паству от Священного Писания.

23 Посланный от митрополита Иова Луц-

кий епископ Исаакий говорил царю и Патриарху: «У малороссиян одна только дума, как бы поступить под государственную руку. Кроме государя Московского, нам некуда деваться» (Бантыш-Каменский. История Малороссии, с. 199).

24 После несчастной битвы под Берестечком литовский гетман Радзивилл занял Киев; соборную церковь Богородицы каменную на посаде ляхи разграбили всю, образа пожгли, церковь вся выгорела, одни стены остались; в церкви лошадей своих жида и ляхи ставили. В монастыре Печерском казну также всю взяли; Радзивилл велел взять и паникадило, присланное царем из Москвы; у святой Софии взяли также всю казну, ризы, сосуды, всю утварь, образ святой Софии; все монастыри разорили.

25 После гетмана Бурляй и Мужиловский привезли грамоты к Никону и ближним боярам в начале 1652 года.

26 Таким образом, единоверие, желание избавить Православие от гонений были истинной причиной присоединения Малороссии к Московскому государству. На эту причи-

ну постоянно указывается с обеих сторон. В переговорах с московским правительством Хмельницкий писал о необходимости соединения «с единоверцами и однородцами, последним остатком свободного в Греческой Церкви благочестия и древнего апостолического Православия, угнетенного и искаженного во всем мире магометанством и папезством, неверными и недоверками». Московское правительство, со своей стороны, неоднократно повторяло, что государь принял Малую Россию под свою руку «для избавления от лядцкого гонения православных людей, не хотя того слышати, что единоверным православным христианам в разоренье от латинов и от папезник быти» (Симбирский сборник, грам. 12 и 19).

27 Впрочем, несмотря на эту речь, в Москве были недовольны Сильвестром: во время последних сношений Хмельницкого с царем о подданстве Сильвестр не отозвался ни разу; в Москве показалось это очень странным: ведь дело шло об избавлении православных от гонения нечестивых латин. Малая Россия соединяется с Великою во имя Восточ-

ного Православия, а митрополит молчит; помнили поведение Иова Борецкого и тем более изумлялись поведению Сильвестра Коссова. Но между положением Иова и Сильвестра была большая разница: Иов держал митрополию во время сильного разгара борьбы между Православием и униєю, когда новопоставленные архиереи православные подвергались тяжелым нареканиям и преследованиям. Сильвестр правил Церковь совершенно в иное время, когда благодаря Хмельницкому религиозные преследования затихли. Прекращение гонений давало простор другим интересам: Сильвестр был шляхтич и потому не мог не сочувствовать шляхетскому государству, а главное – при польском владычестве он был независим, ибо зависимость от отдаленного Патриарха Византийского была только на словах, тогда как при подданстве Малороссии московскому государю митрополит не мог избежать зависимости от Московского Патриарха – зависимости действительной и нелегкой.

28 Акты Археографической Экспедиции 4, № 71 – грамота Патриарха о высылке подводу из Вологды на государеву службу: «Указал го-

сударь царь... И мы великий государь... По нашему указу довелось с вологодских монастырей взять». Такого же содержания грамота в Галич – 4. № 86. Дополнения Исторических Актов; 3. № 120 и 121.

29 В Иверском списке «известия» Шушерина: «В царствующем граде мало не вси изомроша, и за великое удивление, аще в которой улице человека 4 или 5 осталось».

30 «А готовить запасы велеть в монастырских вотчинах в добрых местах, где морового поветрия в людях не именовалось» (Акты Археографической Экспедиции 4. № 73 – грамота Патриарха в Калязин).

31 Думают, что в это время царь пожаловал Никону титул «великого государя», но это мнение ошибочно. Еще в октябре 1653 года в соборном деянии о присоединении Малороссии Никон называется великим государем (Собрание грамот 3, 481. То же видим и в других актах того же и следующего 1654 года). Как из всех прежних патриархов именовался великим государем один родитель царский Патриарх Филарет, то по отношению к Никону это имя выражало только сыновнее уваже-

ние царя к Патриарху. Никон со своей стороны весьма не желал такой почести и просил царя освободить от нее. В письмах к царю он называл себя то грешным и смиренным Никоном, то смиренным Никоном-Патриархом. Но в публичных актах титул, по настоянию царя, остался за Никоном.

32 Грамота помещена в древней Вивлиофике, VI, с. 162.

33 О грамотах Никона в Молдавию. Исторические Акты V, с. 477.

34 Архидиакон Павел Алеппский, сопровождавший Патриарха Антиохийского Макария при первом приезде его в Москву, видел великое множество патриарших чиновников, 7 палат с 7 судьями и множеством дьяков, и при каждой палате тюрьмы с цепями и колодками, которыми обременяли виновных священнослужителей.

35 Так, преследуя чужеземные обычаи, он истребил у бояр образа итальянской живописи; у родственника царского, боярина Романова, изрезал на куски ливрею, сделанную для прислуги по западному покрою.

36 Для пропитания бедных Никон устроил

в Москве несколько богаделен. Судя по расходным книгам патриаршего приказа, никто из патриархов столько не расходовал милостыни нищим и не делал пособий нуждающимся, сколько Никон. При каждом выходе своем на служение он жаловал их из своих рук деньгами, не забывая и тюремных сидельцев в черной палате, в тюрмах на Варнавском крестце, в разбойном и других приказах. В праздники, при посещении темниц, сам наделял колодников милостыней и пастырским утешением. Однажды ему случилось ехать в Новоспасский монастырь на поминовение царских родителей; на дворе попались ему салазки с горячими сайками; он остановился купить их и раздать убогим. Нищелюбие его простиралось до того, что он допускал убогих и неимущих в свою столовую палату за праздничные трапезы, радушно разделяя пищу с меньшей братией Христовой (Патриаршего Приказа расходная книга 1763 и 64 г., № 58).

37 Местность 2-классного Крестного монастыря – в 8 верстах от материка, в 15 верстах от города Онеги и в 233 верстах от Архангель-

ска. Крестовоздвиженская соборная церковь этой обители построена и освящена Патриархом Никоном в 1661 году. Здесь сохраняется в виде местной иконы крест, устроенный тщанием и усердием храмоздателя в Палестине из кипарисного дерева, в вышину и в ширину во всем подобно кресту Христову. В кресте, в серебряных позлащенных ковчегах, помещены мощи разных святых, числом до 300 частиц.

38 Кто был праведный Иаков? Точных сведений не отыскано. По местному преданию, он был простой и набожный судовщик, принял на себя юродство Христа ради и убит громом. Тело его принесено было в 1540 году на льдине по весеннему разливу реки Мсты к порогу Боровицкому; местные жители положили его на берегу на обрубке; тело сохранилось нетленным и прославлено чудесами. В 1545 году мощи блаженного Иакова по освидетельствовании перенесены были с благословения Макария, митрополита Всероссийского, в каменный храм Боровицкого Духова монастыря.

39 39 Эту грамотою приписаны к обители

три монастыря: Покровский, Короцкий, Рождественский Лисий – Деревеницкий и Духов Боровицкий, с принадлежащими им селами, деревнями и пустошами; также два подворья в Новгороде и подворье в Москве; шесть сольных варниц в Старой Руссе, 10 погостов; село Валдай и еще 11 сел и много «рядков и деревень с пустошьми и селищи и займищи».

40 Сказание о чудотворной Иверской иконе Божией Матери, гр. М. Толстого, с. 91–96.

41 Ставропигиальный Воскресенский 1-классный монастырь, именуемый Новым Иерусалимом, находится в 53 верстах от Москвы и в 21 версте от Звенигорода.

42 Эта церковь имеет вид креста, середину которого осеняет купол; внутренняя длина храма простирается на 30 сажень, ширина 19, вышина внутри от помоста до креста 30 сажень с аршином; алтарь весьма пространный; горное место полукруглое о девяти ступенях и от заалтарного здания отделено особенною каменною стеною, на которой поставлено шесть столпов на равном расстоянии один от другого, так что через промежутки между ними все застроенное здание, состоя-

щее из 29 храмов, в самом поразительном виде представляется взору. Посреди самой церкви воздвигнут над гробом Спасителя великолепный шатер вышиной в 33 сажени, освещенный 75 окнами, с тремя рядами хоров, украшенными 60 картинами, изображающими пророчества о Иисусе Христе и Его страданиях. Этот купол по огромности и красоте представляет одно из великолепнейших в мире зданий. Храмовоздатель не успел достроить церкви: она довершена иждивением царя Федора и освящена Патриархом Иоакимом в 1685 году. Обновление всего здания и сооружение нового купола последовали в 1749–1756 годах под наблюдением архимандрита (а потом епископа) Амвросия Зертис-Каменского.

43 Арсений Грек, учитель школы при патриаршем дворе, подвергся гонению за ревностное обличение невежд, печатавших книги, и заключен, по воле Патриарха Иосифа, в Соловецком монастыре в тюрьму. Местное предание уверяет, что он из-за тюремной решетки взывал к Никону (тогда еще митрополиту, присланному за мощами святого Фи-

липпа): «Как будешь во времени, то и Арсюшку вспомяни!» Мольба была услышана.

44 Епифаний Славеницкий, «муж, по свидетельству современного сказания, многоученый, аще кто ин таков во времени сем, не токмо грамматики и риторики, то и философии и самой феологии известный бысть испытатель и искуснейший рассудитель и опасный претолковник еллинского, славянского и польского диалектов» (Славянская История митрополита Евгения, ч. I, с. 178), сделал в Москве много переводов творений отцов Церкви: Златоуста, Василия Великого, Григория Назианзена, Афанасия и Дамаскина. Кроме того, им переведены: 1) Матфея Властаря сокращение по алфавиту правил святых соборов и отец; 2) Правила святой апостол и климентовых апостольских заветаний, Соборов Вселенских и поместных и правил святых отцов, приемлемых Восточною Церковью, с Фотиевым Номоканоном и толкованием Валсамона: это полнейшая славянская Кормчая книга; 3) Константина Арменопула сокращение божественных и священных правил и градских законов. Эту книгу Славеницкий пе-

реводил в другой раз по повелению Патриарха Никона, так как первый перевод его погиб во время свирепствовавшей в Москве моровой язвы. Из собственных сочинений Славеницкого, кроме упомянутого Греко-Славено-Латинского лексикона, известен филологический лексикон, или свод разных мест из святых отцов греческих, объясняющий и определяющий смысл слов и выражений Священного Писания. Епифаний преставился в 1676 году и погребен в Московском Чудовом монастыре.

45 В послании против сибирских еретиков (Славянская История митрополита Евгения 1. 315).

46 Вот как изложено ими учение о сложении перстов для крестного знамения: «Вопрос: Каким образом знамение святого креста имама на себя полагати? Ответ: Совокупити три персты правые руки, сиречь великого и малого и третьего, что подле малого, в них же исповедуем таинство божественных трех Ипостасей, Отца и Сына и Святого Духа, в трех лицах. Два же перста протянути великий и средний» (Малый катехизис московского из-

дания, 1649). А между тем почти в то же время и в той же книге киевского издания (1645 года) сказано: «Рукою правою три первые пальца сложивши, знак креста начинай ими на челе» и проч.

47 Проскинитарий Арсения: «Лета 7157 (1649) мая в девятый день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу и по благословению господина святителя Иосифа... велено было ехать в Иерусалим».

48 Сами раскольники ссылаются на этот факт, конечно, приспособляя его к своим целям: «Какая правда во Афонской горе: греки сожгли своих святейших патриархов многосложный свиток, книгу, что писали к Феофилу царю еретику... и нашу Русскую Псалтырь» (Рукописное рассуждение об исправлении церковных книг в России М. Середонина).

49 Соборный свиток, напечатанный при Служебнике, издано в 1667 г.

50 «Беззаконный бо той, – пишут раскольники о Никоне, – еретические Гришкины книги восприят сокровенные под казенною благовеценскою палатою» (Рукопись Щит Веры, л.

67).

51 На Соборе были: Макарий, митрополит Новгородский, Корнилий, митрополит Казанский, Иона, митрополит Ростовский, Сильвестр, митрополит Крутицкий, Михаил, митрополит Сербский, Маркелл, архиепископ Вологодский, Софроний, архиепископ Суздальский, Михаил, архиепископ Рязанский, Макарий, архиепископ Псковский, Павел, епископ Коломенский, 11 архимандритов и игуменов и 13 протопопов (Скрижаль, 1656, с. 47–50). В основание приняты 37-е правило апостольское, 8-е правило шестого и 6-е правило седьмого Вселенских Соборов.

52 Еще до созвания Собора повелено было собрать в Москву все древние славянские рукописные книги, переведенные с греческого за 500 лет и ранее, из тех мест, где были знаменитые своей древностью книгохранилища. Так доставлены были все харатейные рукописи и древние книги из Великого Новгорода, Троицко-Сергиевой Лавры, Юрьева монастыря, Иосифова Волоцкого монастыря и прочих мест. Книги собраны были из 39 русских монастырей. Всем сделан каталог, хранящийся в

синодальной библиотеке под № 205 на 89 листах. В начале означено время и повод к собранию книг: «7161 (1653 г.) генваря в 11 день по указу великого Господина святейшего Никона, Патриарха Московского, выписано степенных монастырей из отписных книг печатного дела исправления ради». (Подробная опись сих книг напечатана в Чтениях Московского Общества Истории за 1848 г. № 6)

53 Денисов, защищая раскол, пишет: «Никтоже оная новшества возражающъ, кроме Павла, доблего епископа Коломенского, и великоревностного протопопа Аввакума, в самопервособория время сия возразивших и прочих малых» (История Русской Церкви с. 179). О Павле и Неронове упоминается в послании Паисия к Никону в ответ на вопросы 8 и 9 (Скрижаль, 1656 с. 712).

54 Патриарх Паисий писал: «Обаче, преблаженнейший брате, со прошением zde речеся слово, яко бывают в церковных чинех некая, яже зрясте не стояти добре, яже не имуть подобия чином Великие церкви, и удивляюся, како не воспросишася и сия? – И первое яко во святом Символе Святых Отцов

Никейского Собора имате приложения и некая словеса, яже мы не имамы; посем и ина некая несогласия в церковных вещах» (Скрижаль, 1656, с. 761).

55 Из Афонских монастырей Арсений вывез 498 книг, из «иных старожитных мест» Востока около 200 книг (Указатель патриаршей библиотеки, составлен архимандритом Саввой (ныне епископом Полоцким). Изд. 2-е, 1858, с. 7 и 8).

56 «Зазираху мне, – говорил Никон, – проходящий к нам в царствующий град Москву потреб своих ради святой Восточной Церкви вселенские патриархи Константина града – Афанасий, Паисий – святого града Иерусалима и святого града Назарета – митрополит Гавриил – и прочии поношаху ми в неисправлении Божественного Писания и прочих церковных книг, от них же единая сия, яко тремя персты, последними двумя малыми с великим пальцем соединя, да два прочими великосредними, изображающе творим на лице нашем знамение креста» (Скрижаль, л. 750). Святейший Афанасий весьма милостиво был принимаем в Москве в 1652–1653 годах и

на обратном пути скончался в Лубнах, где теперь открыто почивают мощи его, прославленные нетлением и чудесами. В одно время с ним был в Москве Архидский и Болгарский архиепископ Дионисий. Иерусалимский Патриарх Паисий посетил Москву, как уже сказано, в 1649 году; Гавриил, митрополит Назаретский, был в Москве в 1651 году.

57 Вот отзыв Патриарха Макария: «Предание прияхом с начала веры от святых апостолов и святых отец и святых седми Соборов творити знамение честного креста тремя первыми персты десныя руки, и кто от православных христиан не творит крест тако... есть еретик и подражатель арменов» (Скрижаль, л. несчетный).

58 До 1658 года под рассмотрением Никона исправлены и изданы были «Постная Триодь» и «Скрижаль» (1655 г.), «Соборник» молитв и «Часослов» (1656 г.), «Ирмолог», переведенный снова (1657 г.), «Требник» и Следованная Псалтирь (1658 г.).

59 Аввакум говорит в одном из своих посланий: «А меня в Дарбурскую (Даурскую) землю сослал, от Москвы, чаю, тысячей будет

с двадцать за Сибирь».

60 Неронов писал к царю (в 1653 и 1654 годах) два письма против Никона; царь через духовника Вонифатьева велел ему молчать. Он обратился с письмом к царице: «Ревнители благочестия, их же реку отца епископа Павла и братию Даниила, протопопа Костромского, и Аввакума, протопопа Юрьевского, – изгнали ради проповеди закона и ради учения и за еже понуждати им человек», – т. е. за открытое возмущение против Собора. Царица через того же Вонифатьева отвечала Неронову, что она удивляется его упорству. И несмотря на все эти дерзости, Никон, когда Неронов объявил ему, что не желает быть под осуждением патриархов, принял его с любовью и сам смиренно просил прощения в строгости, за которую укорял его Неронов. «По грехам моим нетерпелив я; прости, Господа ради», – сказал Никон. Возвращая Неронова Церкви, Никон плакал. Так свидетельствует один из ревнителей мнимой старины. И он же говорит: «Вопроси некогда старец Григорий Неронов Патриарха: иностранные власти наших служебных (книг) не хулят? И Патри-

арх рече: по коим хочешь, по тем и служишь» (Записка неизвестного, приложенная к письмам Неронова).

61 Как выразился царь Алексей в своей речи на Соборе 1666 года.

Глава VI

Охлаждение дружбы царя с Патриархом. Козни врагов Никона. Удаление Никона в Воскресенский монастырь. Прибытие Паусия Лигарида. Вопросы Стрешнева Паусию. Обыск в тайном архиве Патриарха. Дело Бобарыкина. Дело Зюзина. Прибытие двух Восточных Патриархов. Собор 1666 года; одобрение книжного исправления; суд над расколоучителями и их последователями.

Соединяя необыкновенный ум с возвышенным духом и непоколебимой твердостью воли 1, Никон обладал чудной нравственной силой, влиянию которой невольно подчинялось все окружающее. Доказательством тому служат, с одной стороны, безусловная к нему преданность большей части его приближенных, любовь народа, привязанность и неогра-

ниченая доверенность царя; с другой – мелкие козни царедворцев, не находивших средств действовать прямо против громадной личности, перед которою все враги являются какими-то пигмеями. Значение, которым обладал его государь, возбуждало в боярах зависть: Никон имел многочисленных врагов при дворе 2. Вполне сознавая свое превосходство перед другими, он любил им пользоваться, старался еще более возвысить патриаршую власть, вооружался против всякого нарушения ее прав. Суровый до излишества нрав, взыскательный надзор над поступками не только духовных, но и светских сановников, высокомерие Патриарха оскорбляли многих. Громко укорял он в церкви, в присутствии самого государя, бояр, подражавших некоторым обычаям Запада. К духовенству был неумолимо строг, не щадил даже святителей: так, Коломенского епископа Павла 3, дерзнувшего противиться исправлению церковных книг, отрешил без суда соборного от епархии и подверг заключению. Он восставал и против монастырского приказа, учреждение которого представлялось стеснительным для патриар-

шей власти, особенно когда распоряжения его стали касаться не одних церковных имений, но и духовных лиц 4; не любя щадить врагов своих, нередко предавал их проклятию 5. Но как дотоле власть духовная всегда находилась у нас в некоторой зависимости от власти царской, то при неуступчивости Никона падение его было неизбежно. Немаловажную роль в этом деле играли, без сомнения, и другие обстоятельства: ненависть приверженцев раскола к смелому исправителю книг, особенно же происки царедворцев. Но они не были главной, тем менее единственной причиной: вражда бояр только подала повод к первым несогласиям между царем и Патриархом и вместе с неуступчивостью и раздражительностью Никона уничтожила впоследствии возможность примирения.

Перемена отношений между царем и Патриархом сделалась особенно заметной по возвращении царя из второго (ливонского) похода в 1658 году. Во время отсутствия государя власть Никона естественно усилилась; нет сомнения, что в это время и характер царя сделался независимее, по крайней мере относи-

тельно Никона: без него уже привыкли обходиться. Теперь, при новой встрече, действительно должны были яснее обнаружиться темные стороны характера строгого первосвященника, на которые прежде царь не обращал внимания или смотрел со снисходительностью друга. Тем не менее едва ли и в это время Алексей Михайлович приобрел настолько твердости характера, чтобы действовать с полною самостоятельностью, — его натура была слишком мягка для этого. Почувствовав настолько решимости, чтобы выйти из-под влияния Никона, он в то же время весьма легко подчинился другим влияниям, и должно сказать, этим последним, собственно, и был обязан тем, что шел дальше и дальше в разлад со своим прежним другом. Дружеских бесед за трапезою уже не было, не было искренних совещаний о делах с другом-первосвященником. Если бы добрый царь и Патриарх откровенно объяснились между собою, прежнее дружество ожило бы снова. Но царь по природе своей и по прежним отношениям к Патриарху не мог решиться на прямое объяснение, на прямой расчет с Никоном; он был слиш-

ком мягок для этого и предпочел бегство; он стал удаляться от Патриарха. Никон заметил это и также по природе своей и по положению, к которому привык, не мог идти на прямое объяснение с царем и вперед сдерживаться в своем поведении. Холодность и удаление царя прежде всего раздражили Никона, не привыкшего к такому обращению; он считал себя обиженным и не хотел смириться до того, чтобы искать объяснения и мерами кротости уничтожить нелюбье в самом начале. По этим побуждениям Никон также удалился и тем давал врагам своим полную свободу действовать, все более и более вооружать против него государя. Так вскоре по возвращении царя из похода отношения двух друзей сделались очень натянуты; надобно было ожидать взрыва накопившихся в том и другом неудовольствий. Враги Никона сторожили удобную минуту, чтобы подложить искру и зажечь вожделенную для них вражду между царем и Патриархом. Благоприятный случай к тому представился скоро.

В Москве делали торжественный прием грузинскому царю Теймуразу, прибывшему

скрепить союз Грузии с Россией. Патриарх оставил Воскресенское уединение свое, чтобы принять участие в деле, которое было в связи с делами церковными и в котором участвовали предшественники его, начиная с Патриарха Иова. Но Патриарх не был приглашен во дворец. Изумленный Никон послал своего боярина узнать о причине. Стольник Богдан Хитров, любитель старины и родственник царский, ударил боярина палкой; посланный сказал, что он прислан Патриархом; Хитров повторил удар с грубою бранью. Раздраженный Никон требовал удовлетворения, и царь обещал лично объясниться с Патриархом; но происками бояр Никон не получил удовлетворения. Патриарх надеялся говорить с царем в праздники; но пришел один праздник (8 июля 1658 г.), и царь удержан был от выхода; пришел другой (10 июля), – Патриарх долго ждал царя; но князь Ромодановский, пришедший объявить, что царь не выйдет, стал публично упрекать Никона в гордости за титул великого государя и «сказал царским словом», чтобы вперед Патриарх не смел называться и писаться великим государем.

Тогда Никон, огорчившийся до глубины души, потерял терпение. По окончании литургии он объявил вслух, что он более не Патриарх 6; поставил к Владимирской иконе Богоматери посох святителя Петра и в ризнице написал письмо царю, прося себе кельи для пребывания. Это был поступок самоволия, достойный порицания и пагубный по своим последствиям. Царь, смущенный, хотел успокоить Никона; присланный им князь Трубецкой стал увещевать Патриарха: но Никон остался непреклонным, ожидая, по-видимому, «пришествия царского». Еще раз явился боярин и произнес наконец: «Великий государь указал тебе сказать, где ты изволишь, там себе монастырь и келии избери». Тогда Патриарх, имевший на этот раз право оскорбиться только тем, что не сбылись его ожидания, вышел из собора, чтобы сесть на телегу. Народ не допустил его, царь прислал карету; но Никон отверг ее и в большую грязь отправился из Кремля пешком на Воскресенское подворье, а оттуда уехал в свой Новый Иерусалим. Вслед за ним был послан Трубецкой, чтобы еще раз от имени государя спросить о

причине отшествия. Никон повторил, что «ради спасения душевного ищет безмолвия, отрекается от патриаршества и просит себе в управление только основанные им монастыри: Воскресенский, Иверский и Крестный». Вместе с тем благословлял Крутицкому митрополиту Питириму управлять церковными делами и в письме к царю смиренно молил о прощении за скорый отъезд.

Поселившись в любимой обители, он посвятил себя попечениям о построении каменной соборной церкви, принимал личное участие в работах; вместе с другими копал землю, носил камни, известь, воду. Близ монастыря устроил он пустынь, в которую часто уединялся для поста и молитвы. Молва о труженической жизни добровольного изгнанника не могла не тронуть сердца кроткого царя, из которого еще не изгладились следы привязанности к бывшему другу. Алексей Михайлович не переставал осыпать его милостями; посылал значительные суммы на содержание ему и братии; предоставил в полное распоряжение его доходы с трех основанных им монастырей и принадлежащих к ним сел. Но

враги удалившегося Патриарха, в числе их некоторые лица духовные (Крутицкий митрополит Питирим, Рязанский архиепископ Иларион, Чудовский архимандрит Иоаким), продолжали действовать. Стараясь сделать невозможным примирение, они, с одной стороны, более и более вооружали царя; с другой – поддерживали раздражительность в Патриархе. Никон, изнуря свое тело постом и трудами, не смирился духом настолько, чтобы совершенно отказаться от притязаний на власть, которая ему уже не принадлежала.

Так прошло четыре года, и в это время отсутствие ревностного первосвященника принесло горькие плоды для Церкви. С одной стороны, сам Никон лишил себя средств примирить простодушных с делом книжного исправления. С другой – враги Никона, стараясь унижить его, вместе с тем унижали в лице его дело святой правды и укрепляли суеверие. Без сомнения, созревшее зло открылось бы и без переворота в судьбе Никона, но в другом виде. Теперь же суеверы приняли самое сильное участие в гибели Никона. Они надеялись, что, низвергнув ненавистного им Пат-

риарха, восторжествуют над самой Церковью. Они успели возвратить Аввакума из Сибири, и Аввакум в столице принимаем был с честью, тогда как Патриарха судили и осуждали. Они открыто просили царя свергнуть Никона, жалуясь, что Никоново исправление книг грозит вере падением 7, внушали народу, что Никон в немилости, Никон под судом за исправление книг.

Может быть, в видах мира церковного, а вероятнее, для окончательного низложения ненавистного им Никона митрополит Питирим 8 с боярами Салтыковым и Трубецким представил царю, что Церковь остается без пастыря и необходимо избрать нового Патриарха. Царь велел быть Собору. Тогда ненависть к Никону обнаружилась в самом черном виде. Чего не говорили о нем! Больно слушать крики страстей, дошедших до дикости. Впрочем, нашлись два лица, которые довольно свободно говорили в пользу Никона на Соборе. Ученый Епифаний Славеницкий, писавший соборные акты, объявил, что в правилах церковных не нашел он, чтобы отрекшегося епископа лишали священства. А Игнатий

Иовлевич, архимандрит Полоцкий, говорил, что, не выслушав голоса самого Патриарха, почему удалился от кафедры и желает ли оставить ее навсегда, нельзя составлять определения об отрешении его от управления Церковью; к тому же русские епископы не вправе судить своего архипастыря без участия восточных патриархов. Сей голос проник в кроткое сердце царя, и постановления Собора не были утверждены.

К несчастью Церкви, прибыл в Россию бывший митрополит Газский Паисий Лигарид. Об этой личности, по важному участию ее в деле Никона, необходимо сказать предварительно несколько слов.

Панталеон Лигарид (мирское имя Паисия) был уроженец острова Хиоса, получил образование в Риме, в греческой коллегии, учрежденной папой Григорием XIII. Оставив Рим в 1642 году 9, он искал, но безуспешно, счастья в Константинополе, потом перешел в Угро-Валахию, был учителем в Яссах и там умел расположить к себе пребывавшего в молдавских монастырях Гроба Господня Иерусалимского Патриарха Паисия. Последовав за ним

в Иерусалим, Панталеон принял от него пострижение и получил новое имя Паисия, которым прикрыто было все старое.

Наш паломник Арсений Суханов, находившийся в то время в Иерусалиме, был восприемным отцом Лигарида. Спустя несколько лет монах Паисий был уже митрополитом Газы палестинской и, несмотря на перемену имени, подвергся осуждению патриархов Досифея и Хрисанфа (преемников покровителя его Паисия) за прежние неправославные сочинения 10. При непрестанных странствованиях с места на место, Паисий обратил на себя внимание Патриарха Московского Никона. Имея нужду в ученых людях для предпринятого исправления церковных книг, Никон по рекомендации Арсения приглашал его к себе в Москву, тем более что слышал и о собственном желании Паисия приехать в Россию. «Слышахом о любомудрии твоем, – писал он к Лигариду (в 1657 году), – от монаха Арсения, и яко желаеши видети нас, великого государя: тем и мы тебе, яко чадо наше по духу возлюбленное, с любовью прияти хотим. Точию, прием сия наша письмена, к царствующему

граду Москве путешествовати усердствуй». Но неизвестно, почему Паисий не последовал немедленно этому приглашению и только уже спустя несколько лет явился в Москву, когда Никон был совсем в другом положении, и явился не для пособия заботливому Патриарху в его полезных для Церкви трудах, а для отягчения его участи.

Паисий был самый истый грек из всех приезжавших в Россию греков, хитрый, льстивый, пронырливый и всего более дороживший корыстью, которая, собственно, и привлекла его в Россию и для которой он охотно жертвовал и долгом, и совестью. Приезд его обрадовал обе стороны: царь принял его очень ласково, как человека, который при основательном знании церковных правил легко может распутать ему трудное дело, безуспешно тянувшееся целых пять лет. Никон, со своей стороны, тоже рассчитывал найти в Паисии своего защитника, тем более что явился в Москву по его приглашению. Он поспешил отправить к Паисию Арсения-грека с приветствием. Но, обласканный царем и еще более вельможами, Лигарид не замедлил

стать в ряду самых злых врагов Никона. Первым делом Паисия и вельмож были вопросы родственника царского Семена Стрешнева Паисию о Никоне и ответы Паисия, выбранные из церковных правил в осуждение Никону. Между тем Никон, в других случаях не совсем доверчивый, не зная расположения Паисия, в письме к нему излил жалобу на свое положение и подобную же грамоту написал Константинопольскому Патриарху. Грамота была перехвачена вельможами; письмо к Паисию было, как понятно, также в их руках, и обе бумаги глубоко огорчили доброго царя.

Вопросы Стрешнева и ответы Паисия скоро дошли до Никона. Теперь он уже видел совершенно ясно, как жестоко обманулся в Паисии и какого опасного врага нажил в нем, ожидая встретить защитника. На вопросы и ответы он отвечал, со своей стороны, сильными возражениями, причем обнаружил обширную начитанность и замечательную силу ума, смело высказал свой взгляд на многие важные предметы, имевшие отношение к его делу, выразил убеждения, в силу которых он действовал прежде, — выразил с полной от-

кровенностью, нисколько не стесняясь тем, что они могут послужить орудием против него же. Например, по поводу обвинения в том, что позволял себе бить подчиненных, Никон говорит прямо, что действительно иногда и в церкви смирял он непокорных, и даже «рукою помалу», – но что он не отказывается и на будущее время поступать таким образом с людьми бесчинными, так как, по его убеждению, «тот не погрешит против истины, кто, взявши бич, изгонит из церкви соборной творящих беззаконие, говоря: дом Мой дом молитвы наречется, вы же властью сего мира сотвористе вертеп разбойников». В выражениях Никона отразилось вполне смятенное, взволнованное до самой глубины состояние духа, в каком он находился в то тяжелое время своей жизни. Как будто он и писал их единственно с тою целию, чтобы вылить на бумагу подавлявшие его ощущения, которые ему необходимо было высказать, чтобы сколько-нибудь облегчить себя, а высказать было некому; предположение это тем более верно, что Никон, как видно, не имел намерения сделать какое-либо употребление из на-

писанных им возражений и никому не подавал их в виде протеста.

В конце 1662 года вельможи убедили царя потребовать сведений о состоянии имущества церквей, монастырей и дома патриаршего, с донесениями настоятелей, каких вещей и подарков требовал от них Никон. В то же время раскрыт был тайный архив Патриарха. понятно, какое впечатление должны были произвести на него известия о таких крупных обидах, как обвинение в растрате казны, вмешательство светских в духовные дела, осмотр его келий и бумаг. Никон в письме к государю горько жаловался на эти обиды и выражался тем резким и смелым языком, каким обыкновенно говорил в минуты душевного волнения и которому придавало теперь еще более силы сознание правоты своего дела. С особенным негодованием писал он об обыске, произведенном в его кельях, и горько жаловался на дерзость, с какой нарушены тайны совести, вверенные ему, как святителю 11. Царь Алексей Михайлович не мог не признать справедливости Никоновых жалоб; но, с другой стороны, резкий тон письма, смелые и неумерен-

ные обличения не могли не огорчить его: он сам признавался приближенным людям, как сильно «оскорбляют и досаждают его жестокие письма» Никона. Враги Никона, устроившие это, торжествовали: им удалось разрушить добрые отношения между царем и Патриархом, возбудить между ними новые неудовольствия и сделать взаимные отношения их затруднительнее и запутаннее прежнего. Время между тем проходило. Царь оставался под влиянием бояр и хотя все еще не решался приступить к избранию нового Патриарха, но уже не делал попыток к сближению к Никону; Никону, в свою очередь, труднее было теперь возвратитъ прежнее спокойствие; положение его становилось безвыходнее, и теперь-то особенно явились те внутренние искушения, для борьбы с которыми нужна была великая нравственная сила. Напрасно думал Никон подавить поднимавшуюся внутри его бурю суровыми аскетическими подвигами, даже усиленными физическими трудами, разделяя их с работниками, работавшими при постройке Воскресенского монастыря.

Вскоре после того началось другое дело, не

менее тяжкое для Никона. Тяжба с родственником царским, стольником Романом Бобарыкиным, которому монастырский приказ присудил землю, купленную Патриархом для Воскресенского монастыря, привела Никона в безмерное раздражение; он прибег к тому несчастному средству мщения, к которому, как он сознается, он обращался, «от тяжкия кручины огорчеваясь»: он проклял Бобарыкина. Притом это несчастное дело Никон совершил каким-то особенным образом: он отслужил молебен, за молебном велел прочесть царскую жалованную грамоту на земли Воскресенского монастыря, как бы в свидетельство, что отнятая Бобарыкиным земля действительно составляет монастырскую собственность, и потом стал читать 108-й псалом, выбирая из него известные слова проклятия и прилагая их к «обидающему»: да будут дние его мали, да будут сынове его сиры и жена вдова и проч. Бобарыкин сделал донос, что эти проклятия Никон относил к лицу государя. Чувствительный и очень набожный царь был, разумеется, огорчен этим известием до крайности. Назначено исследование на

месте. в следователи избраны враждебные Никону бояре (князь Никита Одоевский и Родион Стрешнев) и несколько духовных лиц, между которыми первое место занимал Паисий Газский, легкомысленно принявший на себя судебную должность в чуждой ему Церкви, не имея от своего Патриарха не только полномочия, но даже и вида на свое звание.

Здесь суждено было Никону и Паисию, врагам прежде первого свидания, встретиться впервые лицом к лицу. Не станем исчислять всех наглых речей следователей (особенно Лигарида), обращенных к Никону, ни ответов Патриарха, не менее суровых и дерзких.

12. Хотя царь приказал вельможам-следователям обходиться с Патриархом Никоном со всем уважением, подобающим его сану, но они, окруженные толпами стрельцов и чиновников, распорядились Никоном по-своему: вместо вопросов предлагали ему укоризны и брань, запирали его в келье и живших с ним в монастыре подвергли пыткам. Никон доказал, что проклинал не царя, а обидящего Бобарыкина. «Я служу за царя молебны, – сказал он, – а не проклиная его на погибель».

Окружающие его монахи также подтвердили, что Патриарх за царя постоянно молится, а кого проклинал, они не знают. Итак, исследование не подтвердило доноса и только довело Патриарха до последней степени раздражения. Из донесения следователей, явно недобросовестного, царь не мог не видеть ненависти, преследующей Никона, и поспешил успокоить Патриарха своим расположением, потом послал ему подарки.

Но враги Патриарха не дремали; Паисий в письме к царю, выставляя себя ревнителем Церкви и царской чести, писал, что для пользы Церкви и царя надобно снести с Константинопольским Патриархом. Он же приготовил еще прежде вопросы о царской и патриаршей власти, не называя в них по имени Никона, но выбирая случаи из истории Никона в таком виде, как представляла их враждебная сторона. Царь отправил вопросы не к одному, а ко всем патриархам. В 1664 году получены ответы, но в неопределенных выражениях: о самом Никоне не было ни слова. Конечно, все ответы имели ближайшее отношение к его делу и уполномочивали Собор

русских пастырей действовать по отношению к нему самостоятельно; но все-таки они возбуждали сомнение, то ли именно сказали бы патриархи, если б их прямо спросили о Никоне, если б им с полной откровенностью изложили его дело. А Иерусалимский Патриарх Нектарий, хотя и подписался под определением Собора, но в особом письме просил царя за Никона; он писал, что ни в грамоте царской, ни в наказе послу не находит причин к строгому осуждению Никона, и умолял царя вспомнить заслуги Никона возвращением его к кафедре, не слушать возмутителей покоя и умирить Церковь 13. Голос одного из замечательнейших по глубокой учености и ревности к православию восточных первосвятителей произвел сильное впечатление на царя; он внушил ему сомнения относительно действительной важности патриарших ответов в приложении к делу Никона, показал, что ответы в том виде, как они написаны, не могут привести дело к верному и несомнительному решению и что для этого нужно придумать новые средства. Царь решился пригласить сами патриархов в Москву, для личного присут-

ствия на Соборе, который должен будет заняться подробным рассмотрением и решением дела о Патриархе Никоне. В ответ на царское приглашение Константинопольский и Иерусалимский патриархи отказались ехать в Россию по причине трудности путешествия и смутного состояния церковных дел в их собственных областях. Изъявили согласие отправиться в Москву два других Патриарха – Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий; последний бывал уже в России, именно во дни могущества Патриарха Никона, и был хорошо знаком с русским гостеприимством.

Когда горестный конец Никонова дела уже приближался, когда не оставалось уже, по-видимому, никакой надежды к примирению, лучшие из окружающих царя стали замечать в разговорах царских сожаление об участи, ожидающей бывшего его друга, и как бы возвращение к прежнему дружелюбию 14. Царский постельничий, издавна расположенный к Никону, Никита Зюзин писал ему, что через ближних людей Артамона Сергеевича Матвеева да Афанасия Лаврентьича Ордына-Нащокина, государь приказал ему, Зюзину, отпи-

сать к Патриарху, чтобы он немедленно приезжал в Москву и шел прямо в соборную церковь Успения. По прочтении письма Никон, вполне уверенный в искренности Зюзина 15 и обнадеженный слухами о жалости, выражаемой государем, сказал: «Буди воля Божия, сердце царево в руке Божией, а я рад миру». Чтобы восстановить союз любви, Никон прибыл в Москву, прямо в Успенский собор, в день памяти святого митрополита Петра (21 декабря) во время утрени и позвал звать царя на молитву. Это произвело сильную тревогу. Минута была решительная: от нее зависело или падение врагов Никона, или окончательное низвержение его. Враги убедили царя не принимать Патриарха и объявить, чтобы ехал обратно в Воскресенский монастырь. Огорченный Патриарх сказал вслух, что отрясает прах с ног своих там, где не принимают его 16. Потом грамотою объявил согласие свое на избрание нового Патриарха, с тем чтобы оставлены были в ведении его построенные им монастыри, прощал всех оскорбивших его, разрешил как виновных перед ним епископов, так и бояр Стрешнева, Бобарыкина и

подобных им, если они окажут раскаяние; желал также, чтобы не был запрещен ему доступ к царю и доступ к нему желающим посещать его. Но эти условия сильно не нравились враждебной стороне: пребывая на покое близ Москвы, Никон мог снова сблизиться с царем и сделаться опасным для тех, которые старались погубить его. Убедили царя положиться на решение Собора под председательством приглашенных патриархов, а письмо Никона оставлено без внимания.

В ноябре 1666 года прибыли наконец в Москве два первосвятителя Православной Церкви: Паисий, «милостию Божиею папа и Патриарх великого града Александрии и судия вселенной», и Макарий, «милостию Божиею Патриарх Божия града Антиохии и всего Востока». Под председательством самого государя открылся Собор, в котором, кроме обоих патриархов, участвовали четыре митрополита русских, шесть греческих (из Никеи, Амасии, Иконии, Трапезунда, Варны, Хиоса), один грузинский и один сербский, шесть наших и два греческих архиепископа, пять епископов, более пятидесяти архимандритов,

игуменов и протоиереев; присутствовал и весь синклит царский. Заседания открылись 1 декабря 1666 года: царь сидел на высоком троне, патриархи занимали богато украшенные места. Торжественна была минута, в которую Никон, вызванный из своей обители и приготовившийся к суду причащением Святых Тайн и елеосвящением, явился уверенный в правоте своей, гордый и непреклонный, как прежде. Никакие убеждения не могли заставить его прийти без преднесения, по чину патриаршему, животворящего креста. Все присутствовавшие встали. Он прочел входную: «Достойно есть» – и сотворил отпуст; трижды поклонился царю, потом патриархам и всему освященному Собору. Но, не видя для себя места наравне с патриархами, не хотел сесть на указанное ему, которое было без возглавия и подножия, и стоя слушал обвинения в течение нескольких часов. Обвинителем явился сам царь. Весь взволнованный, в слезах, стоял он перед святителями, произнося обвинения на своего бывшего задушевного друга, жаловался на самовольное удаление Патриарха, на восьмилетнюю цер-

ковную смуту по его вине, отрицал всякую вражду к нему со своей стороны. Если бы в эту минуту Никон решился сделать один добрый, уступчивый шаг, царь Алексей Михайлович, по всей вероятности, здесь же на Соборе искренно помирился бы с ним. Но крутой, чуждый смирения, неуступчивый нрав не допустил Никона сделать этого шага; он отвечал, что ушел от царского гнева, но в свою же епархию и патриаршества не оставлял. Царь представил Собору перехваченное письмо Никона к Патриарху Цареградскому и жаловался на бесчестие. Никон отвечал, что письмо это он написал духовно и тайно к своему брату, и не его вина, что написанное тайно делается явным.

На Соборе представлено множество обвинений против Никона. Между ними одни были заготовлены еще прежде и были поводом к созыву Собора и приглашению восточных патриархов; другие возникли во время самого суда. В числе первых обвинений были следующие: а) что Патриарх Никон самовольно, без благословной вины, оставил престол свой и пребывал в уединении слишком продолжи-

тельное время, от чего произошли в Церкви беспорядки; б) досаждал государю и не был ему покорен, митрополита Газского называл еретиком и мятежником; в) без соборного суда подвергал запрещению некоторых епископов и лишал их епархий; г) по удалении от патриаршего престола посвящал некоторых в духовный сан; д) будучи Патриархом, вмешивался в дела гражданские. К другим обвинениям, открывшимся на Соборе, относились следующие: е) когда был призван на Собор, по обычаю церковному, то пришел не смиренным обычаем; ж) унижал патриархов, говоря, что они не владеют древними своими престолами; з) отверг правила средних и поместных Соборов, бывших по седьмом Вселенском 17; и) в письмах к патриархам православнейшего государя обвинял в латинстве, называл мучителем неправедным, говорил, что и вся Русская Церковь преклонила к латинским догматам; й) живя в Воскресенском монастыре, многих людей наказывал не духовно, но мучил мирскими казнями; к) построил монастырь Воскресенский, назвав его Новым Иерусалимом, и таким образом надругался

над святым названием; л) отнял многие вотчины для своих новоустроенных монастырей, распорядился в этом случае самовластно и в ущерб имению монастырей, принадлежащих другим епархиям. Таковы были обвинения, которые читали Никону в Чудовской церкви, по окончании соборных рассуждений, – обвинения, вследствие которых он и был низложен.

Самое важное из всех обвинений, возведенных на Никона, основывалось на пагубных последствиях удаления его от пастырской деятельности – на «волнении и колебании Церкви, на умножение нестроений», словом – на расколе, который значительно усилился во время продолжительного вдовствования Церкви 18. Действительно, с удалением Никона, преследовавшего зло, оно быстро оживилось и восстало с новой силой; те, которые были совершенно усмирены силой ума и воли Патриарха, теперь снова явились деятельными поборниками своих лжеучений, получив к тому полную свободу; вызванные снова боярами и не видя здесь прежнего своего обличителя, они стали свободно развивать

свою пагубную деятельность. Но в этом при-
скорбном явлении можно ли обвинять ис-
ключительно одного Никона? Не более ли ви-
новными являются те, которые были причи-
ной удаления Патриарха? Бояре стеснили че-
рез монастырский приказ деятельность пат-
риаршего судного разряда, которому принад-
лежали дела по отношению к преступлениям
против святости патриаршего сана, своими
клеветами при дворе не дали ему докончить
великого дела. Возвратив из ссылки в Москву
главных зачинщиков раскола, они под видом
ревности к старой вере, в самом деле для
успешного выполнения своих замыслов от-
крыли широкий путь распространению рас-
кола.

На последнем заседании Собора, в Благове-
щенской церкви Чудова монастыря (12 декаб-
ря 1666 г.), решена участь Никона. При этом
печальном действии добрый царь не хотел
присутствовать; не приняли участия в нем и
достоинейшие пастыри того времени: Лазарь
Черниговский, Симон Вологодский и Михаил
Коломенский. Никону объявлено было, что
он, от имени всех патриархов и Собора рос-

сийского духовенства присужден к лишению святительского сана и заточению, с сохранением только звания простого монаха, в одной из пустынных обителей, «даже до последнего его издыхания, яко да тамо возможет плакаться своих грехов в безмолвии мнозе» 19. Тщетно возражал Никон, что его осудили не в соборной церкви, где он восприял жезл пастырский, а в частной, монастырской и в присутствии одних клеветников его. Не удерживая своего негодования, называл он незаконным суд, произведенный «пришельцами и наемниками». Патриархи стали снимать с него клобук с жемчужным херувимом и драгоценную панагию. «Разделив их, можете поправить ваше рабское состояние», – произнес низложенный. Отправленный в Ферапонтов Белозерский монастырь, он не принял богатой шубы и других даров, присланных от царя для обеспечения его во время путешествия; велел сказать, что Никон ничего не требует. Садясь в сани, он говорил сам себе: «Никон, Никон! От чего же все это тебе приключилось? Не говори правды, не теряй дружбы. Давал бы ты богатые обеды и вече-

рял с ними, не было бы тебе этого».

Низложением Никона не окончилась деятельность великого Собора: окончив в 1666 году суд над бывшим Патриархом, Собор в следующем 1667 году произнес осуждение на упорных расколоучителей и их последователей.

На Соборе высказалась необходимость полного, всестороннего исправления церковного порядка, нарушенного по поводу исправления церковно-богослужебных книг Патриархом Никоном. Необходимость эта была тем настоятельнее, что неудовольствия и волнения дошли до открытого отступления от Церкви; духовенство усиливало эти волнения; священники, по выражению Собора, «вознерадели о всяком церковном благочестии и попечении», позволяли себе произвольные действия, противные правилам церковным, даже начали образовывать свои отдельные общества, не повинующиеся Церкви; мало-помалу стало развиваться мнение, что «ересьми многими и антихристовою скверною осквернены церкви и чины и таинства церковныя» 20. В духовенстве усматривалось

грубое невежество, невнимательность к своему делу, даже прямые нарушения обязанностей, происходящие от корыстного пользования местами, нетрезвость, неповиновение установленной власти; в среде монашествующих заметно было пренебрежение иноческих обетов и нарушение строгости монастырской жизни; в поведении народа – небрежное отношение к местам Богослужения, равнодушные к Таинству покаяния и другие признаки упадка истинного благочестия. На Соборе постановлены были и определения: а) ближайшим образом относившиеся к делу исправления книг и тех именно мест, которые были защищаемы раскольниками; б) определения, касавшиеся жизни и поведения духовенства и, наконец, с) определения, имевшие целью искоренить те беспорядки, которые замечены были в церковной жизни.

Определения, известные под общим наименованием определений Собора 1666–67 года, собственно суть: 1) определения Собора русских архиереев и высшего духовенства, бывшего под председательством митрополита Питирима в феврале 1666 года; 2) определе-

ния Собора русских архиереев и прочего духовенства вместе с восточными патриархами в 1667 году и 3) определения Собора русских пастырей под председательством новопоставленного Патриарха – Иоасафа II 21.

Приступая к решению вопроса о раскольниках и их заблуждениях, Собор счел нужным предварительно изложить свое мнение о трех предметах, имеющих значение «оснований» в деле о расколе.

Предметы эти суть: вопрос о патриархах греческих; о греческих богослужебных книгах; о Соборе 1654 года. Два первых вопроса возникли, конечно, не по сомнению в чистоте верований православных восточных патриархов и неповрежденности греческих богослужебных книг, а потому, что появились дерзкие отрицания со стороны раскольников. Предубеждения против Церкви Восточной, нужно заметить, уже с давних пор росли и развивались в народе русском. Несчастное положение Греческой Церкви под владычеством турок, заставлявшее греков обращаться к Западу, приводило некоторых из русских к неправильной мысли о том, будто Греческая

Церковь впала в латинство и что греческие книги, печатаемые на Западе, утратили свой первоначальный православный характер и имеют отступления от Православия в духе западном. Предвидя и предчувствуя, что вслед за патриархом Никоном и другими пастырями Русской Церкви восточные патриархи выступят со словом обличения против них, отделившиеся не устыдились заподозрить восточных пастырей в неправославии и через это самое отрицали одно из важных доказательств, на которых утверждался Патриарх Никон в деле исправления церковно-богослужебных книг. Последовательно проводя свою мысль, раскольники признавали недействительными и определения Московского Собора 1654 года, и это именно потому, что в глазах Патриарха Никона и всей Русской Церкви определения эти потому и важны, что побуждения к ним были поданы со стороны восточных первосвятителей и утверждение и засвидетельствование важности этих преданий проистекали от них же. Прежде всего предложен был вопрос: как нужно думать о патриархах восточных? Остались ли они верными

Православию, живя под властью магометан? Решая этот вопрос, Собор определяет: «Исповедовать святейших патриархов: Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского по настоящее время пребывающими в Православии». Другой вопрос был: «Праведны ли и достоверны ли печатные книги греческие, употребляемые патриархами восточными и священниками в священнослужении?» В деле исправления церковно-богослужебных книг, как вначале, так и впоследствии, Никон всегда старался поставить на вид важность греческих книг; и когда дело было сделано и исправленные книги стали вводить в употребление, тогда каждая разность их со старыми книгами для людей несведущих казалась, по собственному их признанию, «латинской ересью». И так как такого рода сомнение стояло в связи с предыдущим, то и отцы Собора, опровергнув первое, опровергли и второе; они единодушно определили, что «книги печатные и рукописные, которые употребляют святые патриархи и по которым исполняют славословие Божие и чины церковные, должно признавать пра-

вославными и, следовательно, во всем принимать их». Когда таким образом единодушное определение Собора признало верность Православию Церкви Восточной и ее богослужебных книг, то само собою открывалось значение Собора Московского 1654 года: он «признан был православным, истинным».

Затем на Соборе было изложено мнение о тех основаниях, на которых думали утвердиться державшиеся раскола. Этими основаниями для расколоучителей были:

1) Собор 1551 года, известный под именем Стоглавого. Положения раскольников, опровергаемые Собором 1666–67 годов, почти все первоначально были высказаны уже на Стоглавом Соборе, и для раскольников постановления этого Собора были особенно дороги; они представлялись им в виде непререкаемых оснований древнецерковного учения; в Стоглаве представлены были доказательства для некоторых нерешительных раскольниковских мнений; эти доказательства почти с буквальной точностью приводились раскольниками в борьбе против учения православного.

2) Житие преподобного Евфросина Псковского, в котором доказывается древность употребления сугубой аллилуйи в Церквах Русской и Греческой.

3) Свидетельство Мелетия и Феодорита в пользу двуперстного сложения.

4) Указание на Максима Грека, будто он учил читать и петь аллилуия сугубое.

5) После исторических свидетельств раскольники в основание своих положений приводили и собственные объяснения и рассуждения. Так, доказывая свое мнение о сугубой аллилуии, раскольники приводили в свое оправдание толкование, будто аллилуия значит то же, что и слава Тебе Боже.

В своих определениях Собор излагает свое мнение о каждом из этих оснований. Отцы Собора, признавая недействительными постановления Стоглава, приводимые раскольниками, указывали, что этот Собор не чужд был ложных мнений; погрешности допущены им «нерассудно», простотою и неведением, – внесено в церковное правило то, чего сами не могли хорошо понимать. Замечают даже, что это был только поместный Собор, так

как в определениях своих не имел он сношения с Церквами Восточными, тогда как это надлежало сделать в силу единоверия Церквей. И это в обычае Восточной Церкви. Стоглав, не исполнивший этого обычая, есть только частный, поместный Собор, решения которого должны быть предоставлены на суд Собора важнейшего. Последний, т. е. «большой» Собор, может и должен исправить неправильности «меньшего» Собора. Присутствие самого царя не делает Стоглавый Собор равным Вселенскому, потому что характер Вселенского Собора есть именно тот, чтобы на нем – или сами непосредственно, или через своих представителей – были епископы всех Церквей, как это заповедует 2-е правило Карфагенского Собора. Заключительным выводом было то, что если Собор Стоглавый был поместный, то и постановления его можно отменять и изменять. Клятву, положенную на Соборе Стоглавом, Собор 1667 года разрешает и разрушает как безрассудную клятву, ибо, по замечанию отцов Собора, митрополит Макарий и его сподвижники на Соборе не только не соглашались с древними греческими и

славянскими книгами, но и издали свои определения без сношения с Восточными Церквами. Суждение Собора о другом основании раскольнических мнений – «жизни Евфросина» – было такое же, как и о Стоглаве; Собор сделал подробное и полное опровержение мнения о сугубой аллилуйи. Не признали отцы Собора истинным и свидетельство Мелетия и Феодорита. А о свидетельстве Максима Грека Собор заметил, что это свидетельство не могло принадлежать Максиму, как человеку особенно мудрому и ученому, который не стал бы приводить мнения нетвердого и ни на чем не основанного. Наконец, и собственным рассуждениям раскольников, будто аллилуйя есть то же, что и слава Тебе Боже, Собор дает иное, правильное объяснение.

Так в своих определениях Московский Собор опровергает все основания, приводимые раскольниками в защиту своих мнений.

Далее, рассмотрев основания свои и раскольничьи, Собор рассматривает самый «предмет» отделения раскольников от Церкви Православной – богослужебные книги и исправление их при Патриархе Никоне.

По рассмотрении некоторых церковно-богослужебных книг, Собор высказал свое решение о «Служебнике» Патриарха Никона. Еще на Соборе 1651 года рассматриваем был Служебник, и в нем сделано было несколько поправок. В 1655 году на другом Московском Соборе Патриарх Никон, пользуясь присутствием Патриарха Антиохийского Макария, предложил снова на рассмотрение Собора Служебник; он был рассмотрен и одобрен. Вновь рассмотренный и напечатанный во время самого Собора Служебник Никона был утвержден. Другою книгою, обратившею на себя внимание Собора, была «Скрижаль». Русской Церкви недавно еще сделалась известною эта книга: когда Патриарх Никон просил восточных патриархов принять участие в исправлении книг, то Патриарх Паисий препроводил между прочим толкование на чин Богослужения, иначе Скрижаль, рассмотренную и одобренную, как он писал, на Соборе; так как в этой книге изъяснялся почти весь круг церковного Богослужения, то Собор определил воздавать ей особенную честь. Рассмотрена и одобрена была книга, которая хотя не принадлежала

кругу богослужбных, но имела важное значение в деле полемики против раскола. Это «Жезл правления» Симеона Полоцкого 22. Были рассмотрены и утверждены ответы Патриарху Никону (эпистолии), присланные в 1655 году Патриархом Константинопольским Паисием на те вопросы, которые предлагал Никон. Наконец, Собор издал свое решение о сочинении касательно сложения перстов при крестном знамении, – сочинении, обыкновенно предпосылаемом Псалтири следованной и другим церковным книгам; соборное определение запрещает веровать этому сочинению и повелевает уничтожать в печатных книгах, как «невежественное и нерассудное» 23.

Затем Собор обратил внимание на те «частные положения», содержащиеся в богослужбных книгах, которые явились исправленными в новопечатных книгах, по сравнению со старопечатными. Таковыми были: а) чтение 8-го члена Символа Веры, б) крестное знамение, в) чтение так называемой молитвы Иисусовой, г) почитание четвероконечной и восьмиконечной формы животворящего креста и д) хождение посолонь.

Все эти частные положения, как составляющие главный предмет разногласия Православия и раскола, уже очень известны; поэтому мы только перечислим вкратце самые определения Собора. Излишнее слово в 8-м члене Символа Веры «истинного» Собор определил опустить. Вместо двуперстного сложения при крестном знамении Собор определил употреблять троеперстное, как древнее и всеобщее, и при этом отличает образ перстосложения при крестном знамении и при пасторском именованном благословении. В Иисусовой молитве вместо слов «Боже наш» раскольники читали «Сыне Божий». Отцы Собора не осуждают и той, как читают раскольники, но только утверждают свою, как «соборную и общую», а особенно «секущую меч на еретики арианы». Вместо исключительного почитания раскольниками восьмиконечного креста с надписанием «се Агнец Божий» и адамовою головою Собор определил воздавать равное почтение и четвероконечному кресту и этот последний изображать на просфорах, назначаемых для жертвенного Агнца. Наконец, раскольники защищали

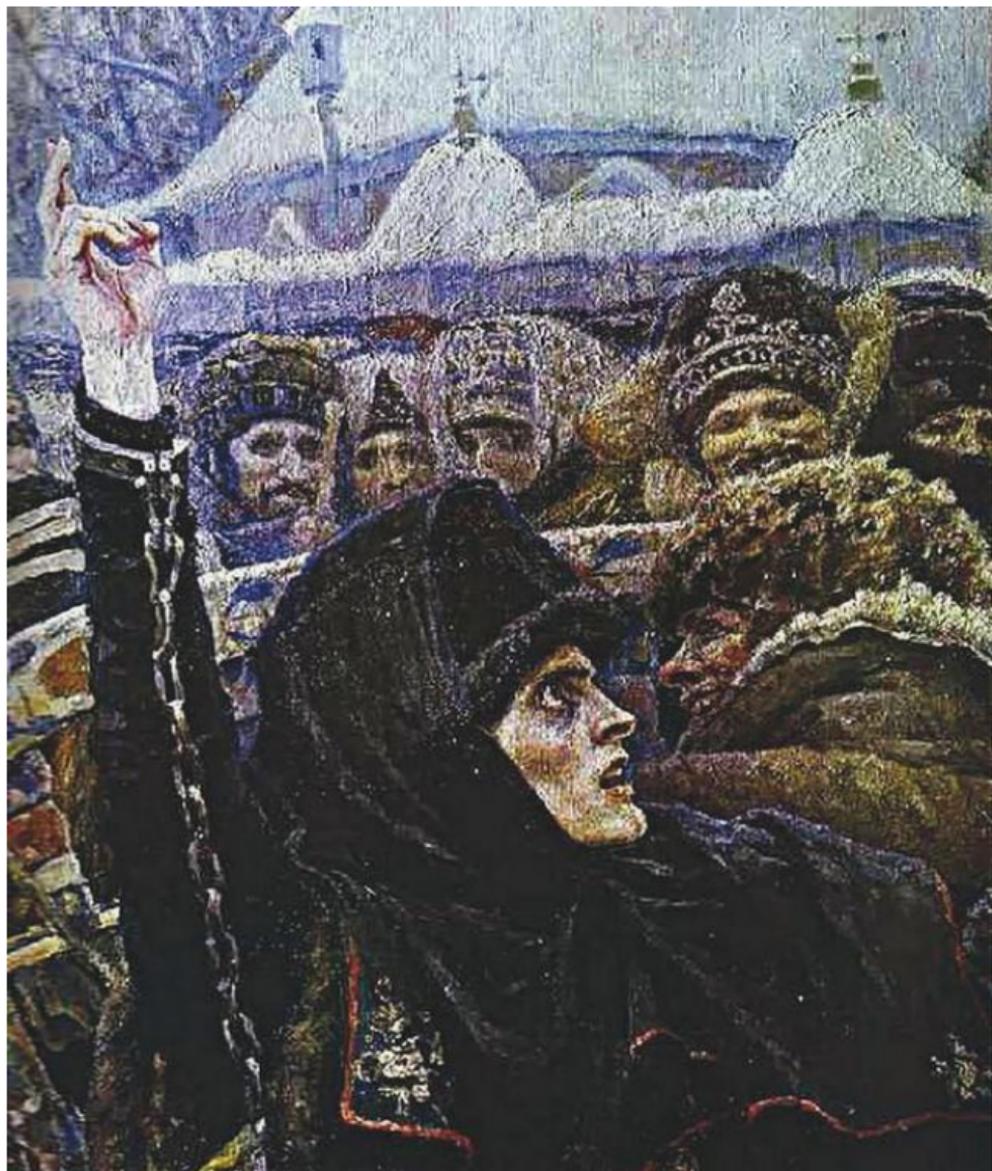
ошибочный обычай – хождение посолонь, которое действительно предписывалось в старопечатных книгах при некоторых священнодействиях. Восточные патриархи замечали на Соборе, что ходить по направлению к западу не согласно с Восточною Церковью. Поэтому согласно с обычаем Церкви Восточной и Древнерусской Собор отверг раскольническое мнение и определил, чтобы хождение с плащаницею, мощами, хождение вокруг купели при крещении, вокруг аналоя при Таинстве брака совершалось по направлению к востоку.

Из всех рассуждений и определений Собора выходило то общее заключение, что церковно-богослужебные книги исправлены законно и правильно и остались вполне верны древнецерковному Православию и что, следовательно, Церковь, принимающая в употребление эти книги, также православна. На этих общих выводах держится и то постановление, что те, которые не принимают новоисправленных книг, не признают их православными, равно те, которые не почитают православною Церковь, принимающую таковые

книги, должны быть почитаемы «раскольниками». Чтобы подействовать на упорных страхом церковного наказания, Собор присо-вокупил к этим общим постановлениям и угрозы: «Аще кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святой Восточной Церкви и сему священному Собору или начнет прекословить и нам противлятися: и мы такового противника данною нам властью от Святого и Животворящего Духа проклятию предаем»... Вследствие таких определений бывший протоиерей Аввакум, поп Лазарь, чернец Епифаний, диакон Феодор и другие преданы анафеме как противники Православия.

В. И. Суриков. Боярыня Морозова (фрагмент). 1887.

Эта анафема доселе производила и производит сильное действие на старообрядцев: они утверждают, будто бы начало отделения их от Церкви последовало вследствие произнесения Макарием, Патриархом Антиохийским, в Москве в 1666 году и Московским Собором 1667 года на содержащих старые обря-

ды и что клятвы произнесены прежде, а потом последовало отделение. Они как будто не

видят или, лучше сказать, не хотят видеть, что клятвы Собора суть не что иное, как приговор или осуждение, произнесенное Собором на людей, уже показавших себя противниками Церкви, и именно на них, а не на обряды, защитниками которых они себя выставили, потому что отделение расколоучителей от Церкви последовало прежде 1667 года, как ясно видно из наглых поступков и писаний зачинщиков раскола. Самое учреждение «правил единоверия» неоспоримо доказывает, что Православная Церковь не осуждает строго разности в обрядах, но отсекает от себя анафемою тех, которые из-за обрядов отделяются от единства церковного. Припомним слова приснопамятного нашего святителя, митрополита Московского Филарета: «Изреченное Собором 1667 года проклятие положено на не покоряющихся святой Восточной Церкви и священному Собору, на противников, яко еретиков и непокорников. И следовательно вступившие в мир и соединение со святой апостольскою Церковию, поелику сим являют, что они не суть противники, но по самой силе определения Собора 1667 года долж-

ны быть разрешены и разрешаются и пребывают свободны от изреченного тем Собором проклятия. При сем надлежит принять во внимание, что писанное в книге Стоглава о знамении честного креста и о сугубой аллилуйи и о прочем Собор 1667 года хотя и нашел несходным с древними греческими и славянскими харатейными книгами, и сего не одобрил; но, однако, на сию книгу и на писанное в ней и на упоминаемое в ней Собор своего проклятия не положил, рассуждая, что писано то по неведению и что составившие описанный в сей книге Собор не были противниками Церкви. И потому святейший Синод не против суждения Собора 1667 года и благословно вступившим в соединение и мир со святою апостольскою Церковью, по снисхождению, разрешает обычное для них употребление выше упомянутых и прочих подобных обрядов» 24.

Примечания

1 Так свидетельствовали даже иностранцы, недовольные недостатком веротерпимости со стороны Никона. Писатель книги

«Stephanus Razin» говорит: «Nicon autocritate et prudentia egregius» (12).

2 Против Никона были Стрешневы – родня царя по матери, Милославские – родня первой супруги царя, Морозов – царский свояк, первая супруга царя Марья Ильинична, составитель Уложения князь Одоевский, бояре Долгорукий, Трубецкой, Салтыков и др. Семен Стрешнев до такой степени ненавидел Никона, что назвал его именем собаку и выучил ее подражать патриаршему благословению. Все эти люди зорко следили за Патриархом, ловили всякий случай, где он слишком резко выставлял свою власть или давал волю своему гневу.

3 Денисов в «Винограде Российском» приписывает епископу Павлу следующие слова, начертанные будто бы им вместо подписи под соборным деянием 1654 года: «Аще кто от обычных преданий святые кафолические церкви отъимет, или приложит к ним, или иначе развратит, анафема да будет». Сверх того Денисов утверждает, будто бы Павел Коломенский на Соборе победоносно обличил Никона в посягательстве на искажение Право-

славной веры. А между тем на подлинном деянии Собора 1654 г., хранящемся в Синодальной библиотеке под № 379, видим подпись Павла со следующей припискою: «А что говорил на святом Соборе о поклонех, и тот устав харатейной в оправдание положил зде, а другой писмянной». Оказывается, таким образом, что Павел, епископ Коломенский, вместе со всеми присутствовавшими на Соборе архиереями признал настоятельную нужду исправления церковно-служебных книг и чинов, и только сделал возражение по вопросу о поклонах в четыредесятницу: обстоятельство, очень важное для первоначальной истории раскола. (Деяние Московского Собора 1654 года. Изд. Братства святого Петра митрополита. Москва, 1873). Что касается до низложения и заточения Павла, то Никон поступил если не совсем законно, то совершенно справедливо, как доказали последствия.

4 Так Полоцкий Богоявленский монастырь, зависевший непосредственно от Патриарха, без его согласия был отдан в управление новопоставленному местному епископу Каллисту; определялись игумены и священники

именем государя, помимо патриаршей власти.

5 Вот для примера один случай: когда торговый человек Иван Щепотник за пятьсот пудов меди, взятые из его лавки для колокола, заверстал патриаршею мягкою рухлядью, Никон так разгневался, что, по собственному выражению его, «того ради преобидения Ивана проклял». Также проклял он и Стрешнева за кощунственное обучение собаки.

6 Впоследствии, когда происходили допросы об отречении Патриарха (всех показаний было взято по этому случаю более 60), митрополит Крутицкий Пителир показал, будто Никон говорил, что если помыслит впредь быть Патриархом, то пусть будет анафема. Никто из остальных свидетелей не подтвердил этого показания: одни говорили, что совсем не слышали, другие не помнят, чтобы Патриарх произносил клятву особенно, чтобы говорил: буду анафема. Еще ризничий патриарший Иов показал, будто Никон говорил в своей речи, что его называли иконоборцем за то, что правит книги, и хотели побить камнями; прочие свидетели не подтвердили и этого

показания (Сочинение Н.И. Субботина «Дело Патриарха Никона», с. 20). При изложении печальной судьбы Никона мы много пользовались этим превосходным исследованием.

7 Неизвестный сочинитель Аввакумовой жизни говорит, что спустя 6 лет (после 1654 года, следовательно, в 1660 или 1661 году), Аввакум был возвращен в Москву и даже был принят ласково самим царем. Аввакум скоро начал здесь жарко проповедовать свое учение; духовное правительство просило царя обуздать Аввакума; царь посылал Семена Стрешнева советовать Аввакуму, чтобы молчал. Аввакум «через верных своих» подал царю просьбу, чтобы Никон лишен был патриаршества. По настоянию духовенства царь сослал Аввакума в Мезень.

8 Питирим действовал уже как подвластный Патриарх, без всякого сношения с Никоном. Когда в неделю Ваий Питирим совершил известный обряд «хождение на осляти», Никон, почитавший этот обряд исключительно принадлежащим Патриарху, написал царю, что Крутицкий митрополит «дерзнул олюбодействовать седалище великого архиерея

всёя Руси».

9 Современник его, известный Лев Аллацкий, в 1645 году писал к другу своему Бертольдусу Нигузию: «Панталеон Лигарид три года назад удалился из Рима в Константинополь для посещения своего отечества Хиоса и для распространения в той стороне римской веры». Еще прежде того Лигарид издал при книге Неофита Родина, соученика своего в Риме, «Апологию Петра Аркудия», известного своими ревностными трудами на пользу унии в юго-западной России и между греками. В таком же духе писаны и другие сочинения Лигарида (Прибавление к Творениям Отцов, 1862; статья о Паисии Лигариде А.В. Горского, с. 135 и след.).

10 О том, что Патриарх Нектарий отлучил Паисия от Церкви, несомненное свидетельство находится в изданном недавно письме Патриарха Досифея к царю Алексею Михайловичу (Записки Археологического Общества т. 2). Здесь вины Паисия, за которые он подвергся отлучению, не обозначены точно, сказано только, что он имел «многие и великие вины и согрешения»; можно догадаться из письма,

что одной из таких вин было расположение Паисия к латинству (Дело Патриарха Никона, с. 50).

11 «Худые моего смирения вещи повелел еси взяти, яже суть в келии остались, и письма, в них же многое таинство, его же никому же от мирских достоит ведати. Понеже поупущением Божиим и вашим государским советом с освященным Собором избран бых, яко первый святитель, и многое ваше государево таинство имех у себя, такожде и иных много, овии требующе совершенного отпущения грехов своих, написующе своима рукама и запечатлеюще подаша ми, да яко святитель имея власть по благодати Божией, данной нам от Пречистого и Животворящего Духа, власть на земли вязати и решить человеческие грехи, разрешаху им грехи, их же разрешити никому иному и ведати подобало, мню, ниже самому тебе великому государю. И дивлюся о сем, как вскоре в таковое дерзновение пришел еси, иже иногда страшился еси на простых церковных причетников суд наносить, якоже и святые законы не повелевают, ныне же всего мира иногда бывша аки пастыря вос-

хотел еси грехи и таинства ведати и не сам точию, но и мирским попустил еси, им же дерзающим бесстрашно на таковая, не постави Господи во грехе, аще покаются. Вскую ныне наши судятся от неправедных, а не от святых? Но слышим, яко сего ради бысть, да Писания святые десницы твоя не останется у нас, еже писал еси, жалуя нас богомольца своего, либо почитая великим государем и проч. не по нашей воли, но по своему изволению. Не вем, откуда сие начася; помню тобою великим государем такая начатки явишася. Понеже ты, великий государь, писал тако и в грамотах твоих государевых во всех, и в отписках из всех полков к тебе, великому государю, так писано, и во всех делах, и невозможно сего испразднити. Да потребится зло сие и горделивое, проклятое проименование, аще и не моею волею сие бысть. Надейся на Господа, яко нигде не обрящется моего на сие хотения или веления, разве лживого сочинения, его же ради днесь много пострадах и стражду Господа ради от лжебратии, их же уста полны суть горести и льсти, под языком их неправда. Еще же и самого тебя, великий государь,

молю, престани Господа ради туне намя гневаться. Солнце, речеся, во гневе вашем да не зайдет. Аз же ныне паче всех человеков обоглан тебе, поношен и укорен неправедно. Се-го ради молю тя: претворися Господа ради и не дай мне грешному немилосердия, не попусти истязати моя худые вещи; убойся глаголющего: «им же судом судите, осудитесь, и ею же мерою мерите, возмеритесь вам» (Дело Патриарха Никона, с. 182–186).

12 Никон называл Паисия «вором, нехристом, самоставленным мужиком». Паисий сказал Патриарху: «Я пришел из настоящего Иерусалима, в котором пролил Спаситель Пречистую Кровь Свою, а не из твоего лжеименного Иерусалима, который не есть ни ветхий, ни новый, а третий, сиречь грядущего антихриста». Бояре злобились и бранились; они донесли царю, «только бы он (Никон) был не такова чина, и мы бы и жива его не отпустили».

13 Патриарх Нектарий писал к царю: «Просим священное ваше величество, чтобы вы не преклоняли слуха своего к наветам людей завистливых, любящих мятежи и возмущения,

особенно если такие будут из духовного сана. Свидетельствуюсь Богом, что нас весьма огорчили случившиеся в Российской Церкви соблазны... Несогласие и возмущение в Церкви страшнее всякой войны, ибо раздирает нешвенную одежду Христову, которой не разделили и воины во время страдания Христова. Вы знаете, что в теперешнем положении, когда Церковь наша находится под игом рабства и колеблется, как корабль, обуреваемый волнами, в одной вашей Российской Церкви мы видели, как в ковчеге Ноя, прибежище благочестия и мира. Ныне же кто внушил вам отвращение от этого блага? Для чего отвергаете первое достояние? А первое достояние есть мир... Если кир Никон после вторичного приглашения не согласится возвратиться на свой престол, то извольте поступить с ним по правилам положения, что будет совершенно правосудно; ибо неприлично столичного города быть без духовного пастыря. Итак, непременно должно или его возвратить, или другого возвести на его место; однако ж гораздо лучше вашему величеству возвратить его, по вышеприведенным причинам» (Дело Патриарха

Никона, с. 80–81).

14 К этому времени почти все жизнеописатели Никона относят посылку от него Воскресенского архимандрита к царю, прибывшему в Савинский монастырь. В ответе своем Никону царь называет новый монастырь его Новым Иерусалимом, а самого Никона «великим государем». Но все эти обстоятельства относятся к другому времени, а именно к 1657 году: тогда царь после освящения деревянной церкви в Воскресенской обители (18 октября), отправился в Савин монастырь и оттуда препроводил Патриарху эту письмо или грамоту 20 октября с присланным к нему архимандритом. Желающие могут видеть сказанную в старинной копии, сохраняющуюся вместе с прочими в архиве Воскресенской обители.

15 Зюзин и прежде неоднократно советовал Никону о примирении и вел с ним постоянную переписку. По исследованию о причине внезапного приезда Никона в Москву суд признал Зюзина виноватым, и «за такую лютую дерзость, что своим письмом Церковь поколебал и на помазанника Божия солгал и людей возмутил, бояре приговорили казнить

его смертью. Но великий государь по прошению своих благоверных чад пожаловал, на милость положил: смертно его не казнить, а только сослать в Казань, на службу, да поместья отдать ему на прокормление». Замечательно, что лучшие люди в Думе боярской: Матвеев, Ордын-Нащокин, Ртищев – были друзьями Никона.

16 На это полковник стрелецкий сказал: «Мы прах сей подметим». А Никон отвечал: «Сметет вас сия небесная метла», указав на сиявшую в то время комету.

17 Когда Никон в запальчивости не признал этих правил и выразил сомнение в Православии показанного ему греческого Номоканона, патриархи сказали: «По нуждам и диавол истину исповедует, а Никон истины не исповедует».

18 Обвинение это было выражено так: «Яко оставлением престола сотвори Церковь святую вдовствовать 8 лет и 6 месяцев, в неже между патриаршества время блазнишася его ради мнози, и явишася раскольницы и мятежницы Православной Русской Церкви, лестными своими учеными погубившие мно-

гие души» (Древняя Российская Вивлиофика, ч. III, с. 404).

19 Дополнения к Актам Историческим, т. V, № 102, с. 459.

20 «Священники новопечатных книг начали гнушаться и по ним божественные словесия не исполняют. Могущи же по домам своим начаша держати вдовых священников без благословения архиерейского» (Там же, с. 460 и 461).

21 Впрочем, все эти определения имеют одинаковую силу и достоинство: все они утверждены и собственноручно подписаны восточными патриархами и всеми членами вселенского Собора 1667 года.

22 Эта книга особенно замечательна потому, что состоит в опровержении челобитных, заключающих в себе полный свод всех раскольничьих положений, которые прежде того появлялись отрывочно и по частям.

23 Дополнение к Актам Историческим № 102, т. V, с. 462–472.

24 Грамота на устройство единоверческой церкви святого Николы, данная Филаретом, митрополитом Московским, 20 сентября 1854

года (Сведения о единоверческих церквах, Москва, 1858, л. 24).

Глава VII

Преемники Никона, патриархи Иоасаф II и Питирим. Патриарх Иоаким. Соловецкий бунт. Кончина царя Алексея. Никон в заточении. Царь Феодор Алексеевич. Возвращение и кончина Никона. Деятельность Патриарха Иоакима. Собор 1681 года. Заботы о просвещении. Московское училище. Состояние духовного просвещения на юге. Дела южной митрополии. Митрополиты: Дионисий Болабан и Иосиф Нелюбович-Тукальский

В течение семи лет переменилось два преемника Никона на Московском патриаршем престоле. Они прошли едва заметно, как тени, и действительно казались тенями сравнительно с той личностью, которой место они заняли. Первый из них, Патриарх Иоасаф II, посвященный двумя восточными патриархами в январе 1667 года из архимандритов Троицкого Сергиева монастыря, старец добрый, кроткий и незлобивый, остался заметным только по деяниям великого Собора, в

которых он участвовал. Здесь, кроме суда церковного на противников Церкви, определены были многие статьи, касающиеся до внутреннего и наружного устройства церковного, и отменены неправильно вкравшиеся обычаи, как-то: перекрещивание переходящих к нам из Латинской Церкви, и запрещение священнослужения вдовым священникам, и некоторые несвойственные привилегии, данные архимандритам великих обителей. Соображаясь с нуждами расширяющегося царства, Собор рассудил сделать некоторые изменения в составе епархий: архиепископы Астраханский, Тобольский и Рязанский возведены были на степень митрополитов; основано епископство в Белгороде; восстановлены особые епархии в Нижнем Новгороде и Владимире; Пермская епархия отделена от Вятской; положено увеличить число епархий в Сибири. Изданы многие постановления, касавшиеся устройства судов патриарших и епископских, имуществ архиерейских и монастырских. Исправление богослужебных книг по греческому тексту не прекращалось при Патриархе Иоасафе. В 1670 году издана была Цветная

Триодь, поверенная с подлинником, а в 1672 году напечатана Постная Триодь, вновь переведенная с греческого текста.

По кончине Иоасафа (в 1672 г.) избран на патриаршество митрополит Новгородский Питирим, один из врагов Никона. Десятимесячное пребывание его на престоле прошло бесследно для Русской Церкви, но в лице преемника его она получила снова мудрого, твердого и ревностного первосвященника.

Иоаким, из дворянского рода Савеловых, с ранней юности обучался в Киево-братской коллегии, потом проходил военную службу и на 35-м году жизни (в 1655 году) принял пострижение в Киево-Межигорском монастыре 1. Вызванный в Москву Патриархом Никоном в 1657 году 2, он был архимандритом Чудова монастыря, потом митрополитом Новгородским; возведен на патриаршество в июле 1673 года. Промысл Божий судил ему во все время управления Русской Церковью непрестанно бороться то с расколом, то с отпрысками папизма.

При самом вступлении на первосвященнический престол он застал горестное и небывав-

лое дотоле событие: бунт в Соловецкой обители против Церкви и царской власти.

Еще в 1657 году присланы были в Соловецкий монастырь новоисправленные книги. Старые иеромонахи посмотрели на них и сказали, что они «старики и по старым книгам едва читают, а по новым, сколько ни учиться, не навыкнуть будет». Некоторые помоложе хотели было служить по-новому, но им запретил это архимандрит Илия. В Москве в это время заняты были делом Никона и не обратили надлежащего внимания на отдаленный монастырь, только сменили Илию. А между тем старообрядчество все зрело в обители под влиянием множества сосланных сюда противников Никона. Здесь жили князь Львов, бывший начальник печатного двора при Патриархе Иосифе, и бывший архимандрит Саввина монастыря Никанор, некогда бывший духовник царский, ставший во главе восстания. В обитель явились разбежавшиеся общники волжского разбойника Разина и множество безрассудных ревнителей мнимой старины. Когда после великого Собора снова прислано было в монастырь требование слу-

жить по-новому, келарь Азарий и казначей Геронтий написали челобитную государю от лица всей братии, в которой просили оставить монастырь в старом предании чудотворцев. После нескольких попыток к вразумлению упорных 3 в 1668 году царь послал в монастырь стрельцов, и началась соловецкая осада, при которой первой опорой бунта были казаки из шаек Разина. Из-за крепких стен обители, привыкшей к осадам во время нападений от шведов, раздались пушечные выстрелы по царскому войску, впервые возвестившие открытый разрыв раскола с государством. В первый же раз раскол отверг здесь и молитву за царя. Священники все протестовали против этого решения монастырского Собора и успели ускользнуть из монастыря. Тогда явилось другое крайнее положение раскола. «Мы и без священников проживем, – порешил Никанор с казаками и некоторыми из монахов, – священники нам не нужны»; и действительно стали жить без Богослужения и без Таинств. Осада монастыря затянулась на 10 лет, потому что государство, занятое тогда еще разинским бунтом, не могло

употребить на нее достаточных сил. Наконец в 1676 году уже третий воевода Мещеринов взял монастырь. Многие бунтовщики погибли в сече; оставшиеся в живых зачинщики бунта, в том числе и Никанор, перевешаны, другие разосланы в Колу и Пустозерск; покорные Церкви и государству оставлены в монастыре 4. Так возвращена Православию знаменитая Лавра Соловецкая, когда зло пустило уже глубокие корни в окрестностях и даже в дальней Сибири.

Усмирение соловецкого бунта было последним делом царствования Алексея; монастырь был взят за неделю до его кончины 5. После краткой болезни царь мирно преставился на 49-м году от рождения, напутствованный святыми Таинствами и назначив наследником престола старшего сына своего Федора 6.

Царь Алексей Михайлович принадлежит к числу замечательнейших государей русских. Являя в себе высокий образец добродетелей христианских 7 и семейных, постоянно заботясь о благе своего народа, он «покорил себе сердца подданных, которые столько же лю-

били его, сколько благоговели пред ним» 8. Недоставало ему только проницательности и более глубокого взгляда на государственные отношения; изменяла иногда и твердость, особенно в молодых годах. Чрезмерная доброта подавала повод к излишней доверчивости, которую, как мы видели, часто употребляли во зло люди, умевшие чем-нибудь снискать расположение царя. Злоупотребления, особенно корыстолюбие некоторых вельмож, были главными причинами смут, нарушавших при Алексее Михайловиче спокойствие Московского государства. Но тень, набрасываемая временными неурядицами, исчезала пред светлую сторону царствования, в которое присоединилась Малороссия, распространились пределы России до берегов отдаленного Амура, вышло Уложение, решен вековой вопрос об исправлении богослужебных книг, совершились многие другие замечательные события. Потомство забыло бедствия, от которых страдали только современные поколения. Оно помнит лишь деяния, посеявшие плодотворные семена для будущего, имевшие благодетельное влияние на судьбу многих

грядущих поколений. Деяния эти навсегда увековечили память о царствовании Алексея Михайловича, стяжали ему, несмотря на недостаток самостоятельности в его характере, наименование «мудрого родителя Петра Великого».

Царь Алексей перед кончиною писал в духовном завещании: «От отца моего духовного, великого господина, святейшего Никона, иерарха и блаженного пастыря, аще и не есть ныне на престоле сем, Богу тако изволившу, прощения прошу и разрешения».

А между тем Патриарх-изгнанник, на которого умирающий самодержец устремлял угасающий взор свой, еще томился в заключении в пределах белозерских. После низложения на Соборе Никон был отправлен в Феропонтов монастырь, назначенный ему местом заточения. При жестокой стуже изгнанник и спутники его, не имевшие теплой одежды, сильно страдали от холода. По прибытии на место Никон испытал всю строгость заключения, почти темничную, потому что сперва даже заложены были железными затворами окна его келий, однако в непродолжительное

время получил он и облегчение от незаслуженных томлений. Никон даже начал пользоваться совершенною свободою и многими льготами по личной к нему любви кроткого царя Алексия, который никогда не питал к нему неприязни, несмотря на происки бояр. Искренно желал он примирения, хотя и тайного, с бывшим своим другом и крестным отцом всех детей своих. Милостыня царская – деньги и съестные припасы в виде поминок, то радостных, то печальных, часто посылались к бывшему Патриарху. Сначала он отвергал дары царские, но в день Пасхи (1668 г.)пил царское вино и угощал им свою братию

10. Вскоре получил от царя позволение иметь свою отдельную церковь в монастыре, для которой теперь же было прислано ему богато украшенное Евангелие на престольное, серебряный потир и дискос, несколько пар церковных облачений и немало различной церковной утвари. Никон избрал для себя одну из монастырских церквей, во имя Богоявления Господня на святых вратах, и здесь стали совершать для него Богослужение иноки, рукоположенные некогда в священный сан самим

Никоном в последние годы его патриаршества. Одни из них прибыли с ним из Москвы как добровольные спутники осужденного Патриарха; другие, после различных судебных исследований об участии их в деле Никона, под стражей присланы к заточенному Патриарху. Сам Патриарх стал с этих пор получать значительное содержание из Москвы, имел все удобства жизни, даже выезжал с места своего заточения и пользовался свободно монастырской библиотекой.

По указу царя выстроены были для него новые обширные кельи с 25 жилыми покоями и деревянными переходами на стене в 30 сажен длины, ведущими к надворотной Крестовой церкви 11. По своему властительному характеру Никон, можно сказать, был полным распорядителем в месте своего заточения: игумен монастыря и братия и даже самые стрельцы, приставленные для его стражи, были ему покорны и называли его святейшим по тому неизъяснимому чувству, которое обыкновенно вселяет в окружающих человек гениальный и твердый волею. Никон всегда любил труды подвижнические, когда

еще был Патриархом, – еще более стал он трудиться в Ферапонтове. Сам он, со своею прислугою и бывшею при нем братиею, расчистил по другую сторону озера лесистый участок на урочище, называемом Лещево, развел там два обширных огорода и разработал поле для хлеба и овса. Иногда вместо годовых припасов, которые ему должно было получать из соседних монастырей, требовал он денег взамен их 12. Все это давало ему возможность раздавать обильную милостыню по всей окрестности, и тем умножалось его влияние; народ к нему стекался отовсюду не только за денежным пособием, на которое Никон был весьма щедр, но и за лекарствами и для молитв его, потому что бывший Патриарх читал молитвы над болящими, особенно над беснующимися, помазывая их елеем, и некоторые исцелялись, как он сам письменно извещал о том царя. Никон, монах и узник, казалось, стал привыкать к своей доле, не ожидая ничего лучшего. Вдруг нечаянная кончина кроткого царя жестоко напомнила ему о его узах 13; может быть, тяжкое испытание нужно было для великой души Никона, чтобы оконча-

тельно отрешить его от всего земного и сделать достойным той Голгофы, под которую он избрал себе место последнего покоя. Давно уже слишком привольное его положение в Ферапонтове приводило в страх недоброжелателей его в столице; там старались представить его опасным даже и в самом заточении, распускали молву о мнимых его сношениях с волжским атаманом Разиным, неохотно смотрели на множество народа, стекавшегося к нему в монастырь; келейные посещения людей всякого звания и пола возбуждали неблагоприятное подозрение, и, быть может, в этом был неосторожен Никон, слишком строгий нравственностью во всю жизнь и потому мало внимательный к людской молве. Начались наветы от беглого келейника патриаршего Ионы, который был строго наказан за нетрезвую жизнь, впрочем, по суду монастырскому; Иона рассказал о крестах, какие ставил Никон на озере, с титулом патриаршим и с жалобой на свое заточение 14.

С кончиною царя Алексея отяготилась участь ферапонтовского заточника. Новый царь Феодор и по болезненному состоянию

постоянно зависел от лиц, его окружающих, а между тем друзья Никона (Матвеев и другие) были удалены от двора, уступив свое место Милославским, близким родственникам царя по матери, враждебно настроенным к бывшему Патриарху.

По доносам Ионы и других было назначено строгое исследование с перемещением Никона-монаха для более строгого надзора в Кириллов монастырь. Из наставлений, данных Чудовскому архимандриту Павлу и окольниковому, посланному с ним для исследования доносов в Ферапонтов монастырь, видно, как еще боялись Никона в Москве и не доверяли его покорности, хотя и напрасно. Велено было позвать его к допросу в соборную церковь и в случае отказа идти к нему в келью с приговором; но бывший Патриарх не оказал ни малейшего сопротивления, спокойно пошел в церковь и отвечал на многочисленные статьи допросов.

Не отрекался он, что допускал к своей руке и позволял себя называть святейшим Патриархом, говоря, что о том известно было великому государю. Клеветы о мнимых сношении-

ях с Разиным нисколько его не смутили; он не скрыл, что когда шайки атамана были в пределах белозерских, сам пристав царский привел к нему в Ферапонтов двух казаков, которые извещали его о силе своего атамана, хотя это не имело никаких последствий и не было тайной. Видно, что совесть бывшего Патриарха была совершенно спокойна, и он не боялся никаких улик; касательно же виновного келейника объявил, что у него не было своей расправы и суда, как его в том обвиняли, но что приговор над Ионой совершился по суду монастырскому.

Несмотря, однако, на такие искренние ответы, бывшему Патриарху не позволено было даже возвратиться в свои кельи, и прямо из церкви был он отвезен в Кириллов монастырь под строгий затвор; все его имущество келейное описано и отобрано, кроме самых необходимых вещей; присные его все разосланы по дальним монастырям; к нему приставлены более для надзора, нежели для услужения, два совершенно ему чуждые старца в Кириллове, всякое же свидание и переписка запрещены и выход из кельи дозволен только

в ближайшую церковь. Поколебалась на минуту твердая душа Никона; следовательно архимандрит Павел, сжалившись над ним, доносил Патриарху Иоакиму, что Никон заплакал, услышав о намерении удалить его присных, и со слезами просил оставить их при нем, ради его старости обещая впредь поминать Иоакима святейшим Патриархом, чего прежде не делал потому, что почитал его причиной всего зла. Он даже намекнул, что при начале своего удаления в Новый Иерусалим, когда дело шло о избрании ему преемника, сам он указывал на Иоакима, как на единственного человека, способного занять его престол; но все просьбы престарелого узника остались тщетными: ему надлежало испытать до дна всю горькую чашу заточения.

Тяжка была жизнь Никона в Кириллове. Здесь предстоял низложенному первосвященнику последний период испытания, из которого вышел он, как золото, искушенное в горниле. Никону суждено было в первые годы своего заключения в Кириллове страдать ежедневно от утара в дымных кельях, где его затворили под крепкой стражей, так что он

едва не скончался от невыносимого томления, пока не были построены для него новые кельи 15. Изнуренный старец помышлял о вечности и желал только последней отрады: успокоиться под сенью созданной им обители Нового Иерусалима. Все житейское в нем уже перекипело, и последняя даже искра мирская угасла в Кириллове, во время пятилетнего тяжкого заключения.

Наконец настало и для него время успокоения. Благочестивая тетка царя, царевна Татяна Михайловна, всегда благопритствовавшая Никону, убедила Феодора посетила забытую обитель Нового Иерусалима и принять от оставленной там братии челобитную о возвращении ее основателя. Пораженный величием зданий, начатых по образцу святого Гроба, государь велел продолжать их и, движимый состраданием, предложил на Соборе дозволить старцу Никону умереть в основанной им обители. Долго оставался непреклонным Патриарх Иоаким, вероятно, из боязни найти опасного совместника в лице бывшего Патриарха, доколе наконец весть о принятии схимы и совершенном изнеможении Никона

тронула его сердце.

В самый тот день, когда пришло в Кириллов монастырь милостивое разрешение царя и Патриарха, Никон еще заранее, по тайному предчувствию, собрался в путь и, к общему изумлению, велел собраться своей келейной братии. С трудом посадили в сани изнуренного болезнями старца, чтобы влечь по земле до струга на реке Шексне. При впадении Шексны в Волгу приветствовали его посланными от братии Воскресенского монастыря; Никон велел плыть вниз к Ярославлю и, причалив у Толгского монастыря, приобщился запасных даров, ибо начинал крайне изнемогать. Игумен с братиею вышли к нему навстречу и с ними вместе сосланный на покаяние враг Никона, бывший архимандрит Сергей, который во время суда содержал его под стражей и осыпал поруганиями. Этому Сергию, заснувшему в трапезе, в час приплывтия Патриарха, явился во сне Никон, говоря: «Брате Сергие, восстани, сотворим прощение!» – и внезапно услышал он, что шествует Волгою Патриарх, и, видя умирающего, раскаянный, со слезами пал к его ногам и испросил себе прощение.

Снова тронулся струг по водам. Граждане ярославские, слыша о его пришествии, стеклись к реке и, видя старца на одре смертном, с плачем припадали к нему, целуя руки и одежды и прося благословения; одни влекли вдоль берега струг, другие же, бросаясь в воду, им помогали: так причалили к обители Всемилоственного Спаса.

Изнемогающий страдалец уже ничего не мог говорить, а только давал всем руку; дьяк царский велел перевезти струг на другой берег, чтоб избавиться от толпы народной. Ударили в колокол к вечерне, Никон стал кончаться. Озираясь, будто кто пришел к нему, сам он оправил себе волосы, бороду и одежды, как бы готовясь в дальнейший путь; духовник с братиею прочитали отходные молитвы. Патриарх же, распростершись на одре, сложив крестообразно руки и вздохнув, отошел с миром (17 августа 1681 г.). Между тем благочестивый царь Феодор, не зная о его преставлении, послал навстречу карету свою со множеством коней; когда же узнал, проследил и спросил: что завещал в своей духовной Никон? Услышав, что усопший избрал

его, как крестного сына, своим душеприказчиком и во всем на него положился, кроткий царь с изумлением сказал: «Если так святейший Патриарх возложил на меня всю надежду, воля Господня да будет, и я его в забвении не положу». Он велел везти тело его в Новый Иерусалим.

Новые затруднения возникли со стороны Патриарха Иоакима при погребении Никона, которому не соглашался он воздать почестей святительских, как лишенному сана вселенскими патриархами. Однако же государь убедил Корнилия, митрополита Новгородского, действовать при погребении и, сам участвуя в трогательном обряде, нес на раменах своих останки Никона от Елеонского креста до той могилы под Голгофою, где Никон приготовил себе место для вечного покоя. По просьбе царя Феодора, все патриархи восточные, признавая церковные заслуги Никона, грамотами своими разрешили, чтоб имя его опять было включено в священный лик патриархов, ибо этот великий муж Русской Церкви всегда был достоин своего высокого сана, хотя временно испытал искушения и скорби.

Между тем как царь Феодор заботился о восстановлении святительской чести своего крестного отца, ревностный Патриарх Иоаким неумоимо подвизался в устройении дел церковных, в борьбе с расколом и в распространении духовного просвещения.

Осудив Никона, великий Собор 1667 года утвердил, однако, все его церковные распоряжения, признал даже справедливым его взгляд на монастырский приказ. Было постановлено, что Патриарх не должен носить титула «великого государя», должен повиноваться верховной власти и не вступаться в мирские дела; но в то же время была подтверждена независимость духовенства и всех людей церковного ведомства от мирского суда не только в гражданских, но даже в уголовных делах. Впрочем, несмотря на соборные постановления, воеводы и другие мирские власти постоянно вторгались в церковные суды. Само духовенство предпочитало духовному суду светский, продолжало подавать свои иски на посторонних в разных приказах, а также судиться у воевод и городских властей; многие монастыри судились по старому в

приказе большого дворца. Так было при двух слабых престарелых преемниках Никона; но ревностный первосвященник Иоаким, взявшись твердою рукою за кормило Церкви, не допускал мирского вмешательства в дела церковные 16; должности судей и сборщиков даней поручал он лицам духовным, строго следил, чтобы лица клира не подлежали суду мирскому, кроме преступлений уголовных, которые должна была судить власть светская, и то не иначе как с ведома власти духовной. Между тем он предпринимал меры, которые должны были увеличить надзор духовной власти за делами Церкви. На Соборе 1675 года он определил, чтобы все церкви и монастыри (кроме монастырей, приписанных к патриаршему дому), находившиеся по писцовым книгам в той или другой епархии, были в ведении епархиального архиерея и чтобы никто из архиереев не имел в чужой епархии подвластных себе церквей и монастырей. Этим распоряжением уничтожились те страшные беспорядки, которые в то время были так обыкновенны между духовенством, особенно монашествующим, и к которым вели как на-

зываемые «несудимые грамоты» и старый обычай, по которому некоторые монастыри и церкви ускользали от надзора местного архиерея, принадлежа архиерею другой епархии 17.

В ноябре 1681 года Патриарх Иоаким созвал Собор русских святителей для рассуждения о делах раскола. Собор просил благочестивого царя Феодора, чтобы «развратники и отступники (раскольники), которые по многом церковном учении и наказании и по архиерейском попечении явятся противны и святой Церкви непокорны», были отсылаемы к гражданскому суду, где и получали бы решение, какого кто достоин, как было при царе Алексее Михайловиче 18, причем воеводы и приказные люди обязаны вполне содействовать церковной власти. По предложению царя Собор положил: новоисправленные книги безденежно выдавать каждому, кто только принесет книги прежних изданий. Царь сообщил, что самоволие заводит пустыни с тем, чтоб они служили пристанищем раскола; оно же умножает часовни, где народ собирается слушать молитвы перед сомнительными ико-

нами, а оставляет святую литургию. Собор постановил: впредь не дозволять новых подобных пустынь, а живущих в таких пустынях, где вблизи живут мирские люди, вывести в монастыри, храмы же обратить в приходские церкви; из числа же часовень оставить только те, к которым близка стража, прочие же закрыть.

Лучшими мерами, без сомнения, были те, которые направлялись против самого корня раскола, против народного невежества, которое предавало массы непросвещенного народа во власть злонамеренных расколоучителей. Так смотрел на корень раскола Патриарх Иоаким, и на этом взгляде основывалась заботливость его о распространении духовного просвещения.

Патриаршая Чудовская школа, существовавшая в Москве, покровительствуемая Никоном и руководимая Епифанием Славеницким вместе с другими членами ученого братства, пережила бурю бед Никона 19. После падения Никона ученые труды наставников, возбудив толки в толпе невежд, нашли многих противников и учению: расколоучители открыто во-

пияли против книжных исправлений, крепко держались за старину и в свете образования хотели видеть тьму бесовскую. Но слепое гонение на учение послужило только к усиленному сознанию нужды учения и вместо разрушения повело к ее возрастанию.

Присутствовавшие на великом Соборе восточные патриархи Паисий и Макарий в слове, предложенном от лица их в день Рождества Христова, убеждали народ и царя полюбить мудрость и позаботиться о заведении училищ греческих и славенских 20, а пастырям вменили в обязанность содействовать царю доходами с церковных имений 21.

Тогда же некоторые из боголюбивых граждан Москвы подали просьбу о дозволении открыть училище при церкви святого Иоанна Богослова 22. Оба патриарха восточные и Московский Патриарх Иоасаф благословили доброе намерение двумя грамотами 23. Но все воззвания к щедрости пастырей и настоятелей монастырских остались тщетными. Церковные и монастырские отчины уже довольно были истощены частыми сборами на нужды государственные. Дряхлые старцы-патри-

архи Иоасаф и Питирим не предпринимали ничего для устройства училищ. Царь озабочен был то укрощением бунтов, то внешними войнами. Неизвестно ничего даже о судьбе предположенного училища при церкви Иоанна Богослова.

Странным кажется, как не настоял об учреждении училищ в Москве сильный при дворе молодой образованный инок, с пылкой деятельностью, ученик уважаемого царем архипастыря Черниговского Лазаря Барановича, учитель царевича Феодора Алексеевича Симеон Полоцкий. Но, прибыв в Москву в 1664 году, он хотя и принимал участие в ученых трудах на пользу Церкви Русской, однако более семи лет жил простым иноком в Заиконоспасском монастыре. Около 1672 года сделался он наставником царевича Феодора: с этой поры стал он более иметь силы и влияния на других. Но, к несчастью, он незнаком был с греческим языком, а его латинское образование отчуждало от него строгих к Православию иноков и иерархов.

При Патриархе Иоакиме пришло наконец время, когда завещанное восточными перво-

святителями дело должно было исполниться. В 1673 году возвратился в Москву из путешествия по Востоку некто иеромонах Тимофей и принес с собой известие о притеснениях, какие терпело тогда Православие на Востоке, особенно в Иерусалиме, от латинян, домогавшихся не только овладеть всеми святыми местами в Палестине, но и привлечь всех в покорность папе. Дошло это и до сведения юного царя. Сожалея об участи христиан восточных, он пожелал учредить училище греческое в Москве, дабы оказать какую-нибудь помощь угнетаемому Православию. Патриарх Иоаким охотно согласился с мыслью государя. Собрано было до 30 учеников; избран учителем проживавший в Москве ученый грек Мануил 24, а после него иеромонах Иоаким, также из греков; ректором училища назначен сам Тимофей, которого Патриарх причислил к своему домовому клиру. Училище открыто было при типографии. «И невозможно изобразить, – пишет один из учеников сего училища, – как заботились о нем сам благочестивейший государь и святейший Патриарх. Едва ли не каждую неделю приходили они в ти-

пографию, и порознь и вместе, и явно и тайно, чтоб утешаться новым и неслыханным делом, наделяли учащихся одеждою и червонцами» 25. Не менее радовался Патриарх Иерусалимский Досифей, когда узнал о благотворном предприятии на пользу духовного просвещения 26. Скоро начатки еллинского учения показались малы для щедрот государя, и он пожелал дать школе более обширные размеры и преобразовать ее в академию, но, не успев привести это дело в исполнение, скончался. Незадолго до ранней кончины он обратился к патриархам восточным с прошением прислать в Москву испытанных в Православии и учености наставников.

Между тем как в Москве едва появилась еще заря науки, свет просвещения колебался и едва не погасал на юге Руси: Братская коллегия в Киеве страдала от бури мятежей и неустройства, объявшей всю Малороссию. Около 1657 года Киево-Богоявленский монастырь со всеми принадлежавшими к нему строениями и училищем дотла был истреблен страшным пожаром. Коллегии в это тяжелое время уже не существовало, последние из

возмужавших питомцев ее взяли за оружие, чтобы отомстить врагам отечественного спокойствия за гибель и разрушения, внесенные ими. Несколько лет спустя, при ректоре Иоанникии Голятовском, предпринято восстановление разрушенных зданий, но успели построить только деревянную Богоявленскую церковь и несколько убогих хижин для небольшого остатка уцелевших учеников. В 1665 году в самых окрестностях Киева открылись военные действия, и коллегия снова подверглась совершенному разрушению.

Все эти бедствия проистекали из междоусобий, раздиравших несчастную Украину после кончины доблестного гетмана Богдана Хмельницкого и митрополита Сильвестра. Между тем как война польская продолжалась с обоюдными успехами и неудачами, самая Малороссия едва не отпала от державы Московской изменой гетмана Виговского, избранного вопреки законных прав сына Хмельницкого Юрия. Один только Киев остался неизменно верным царю. Мечтая о совершенной независимости Украины, Виговский пленился ложными обещаниями Польши о свободе

гражданской и духовной и обагрил кровью благословенную страну, присоединение которой не стоило ни единой капли крови. Поляки и хищные крымцы воспользовались ее неустойчивостью, чтобы грабить под видом союзников то Виговского, то Юрия. Сам Юрий явился за булавою отца своего, получил утверждение от царя, изменил ему и кончил иночеством во цвете лет странное и бурное свое поприще.

В столь же печальном расстройстве находилась со времени кончины Сильвестра Косова киевская иерархия, страдавшая внутренними раздорами и слабостью двух своих первосвященников. Первый из них Болабан (1658–1663), прежде избрания в митрополиты был администратором на Волыни от имени Сильвестра Косова и состоял в сане епископа Луцкого и Острожского. Избранный в Киевские первосвященники, Дионисий Болабан истребовал на это благословение от Константинопольского Патриарха Парфения. Нежелание его снести предварительно о своем избрании с Патриархом Московским было причиною того, что царь Алексей Михайлович не

признал Дионисия митрополитом и повелел посвященному тогда в Москве из киевлян епископу Мстиславскому и Оршанскому Методию быть блюстителем Киевской митрополии. К стыду Православия, Дионисий усердно содействовал измене Виговского и вместе с ним присягнул в верном исполнении статей Гадячского договора, предававшего Малороссию во власть Польши. Он окончил жалкую и многомятежную жизнь свою в Корсуні, не смея показаться в Киев, но удерживая за собой власть святительскую до самой кончины.

Православное духовенство и шляхетство левой стороны Днепра избрали на митрополию Иосифа Нелюбович-Тукальского (1664–1676), бывшего епископа Могилевского, удалившегося в Чигирин от преследования униатов. Приверженцы Польши, со своей стороны, избрали в митрополиты Антония Венницкого и убедили короля заточить Иосифа в Мариенбургскую крепость 27.

В начале 1665 года выступил на поприще общественной деятельности Петр Дорошенко, простой чигиринский казак, ознаменовавший последующую жизнь свою смелыми по-

двигами и разными злодеяниями. Он захватил в свои руки власть гетманскую. По просьбе его король приказал освободить из заточения митрополита Иосифа и возвратить его на родину. Но Иосиф не смел явиться в Киев как потому, что боялся негодования царского на принятие митрополии без ведома и согласия московского двора, так и потому, что ни киевское духовенство, ни малороссийские казаки правой стороны Днепра, как не участвовавшие в избрании Тукальского, не хотели признавать его своим митрополитом. В Киеве между тем местоблюститель Мефодий явился возмутителем 28 против благодетеля своего, царя православного. Вскоре после того Дорошенко поддался туркам на наущению митрополита Иосифа, который, не внимая советам лучших людей Украйны 29, через это постыдное дело потерял уважение народное. Малороссии предстояло быть союзницей поклонников Магомета, если бы Андрусовский договор (1667 г.) не остановил этого губительного дела в самом его начале. Россия заключила перемирие с Польшею и, взяв на себя покровительство над исповедующими веру право-

славную, утешила волнение народное, а уступка Киева со всеми к нему принадлежностями и военными снарядами во власть царю на два года послужила первым звеном, неразрывно связавшим юго-западную Россию с северо-восточной.

Блюстителем престола Киевской митрополии от царя был назначен Черниговский архипастырь Лазарь Баранович. С первого же раза он благотворно подействовал на взволнованные умы несчастной Украины и способствовал восстановлению в ней возможной тишины. В 1669 году Баранович уговорил послать в Москву посольство о принятии всей Малороссии в подданство, о прощении вины ее и о подтверждении казацких вольностей. Между прочим поручено было членам сего посольства настоять на том, чтобы не отдавать полякам Киева, «сего, – как сказано в инструкции, – первопрестольного града Царства Русского, от которого искони на всю Россию воссияла благодать Божия». Тогда же состоялись статьи так называемого Глуховского договора; Дорошенко отвергнут, и Демьян Многогрешный принял гетманские клейноды и

присягнул в верности государю.

Истекал срок Андрусовскому договору; надо было возвратить Киев польской короне. Всегда праводушный и верный слову царь Алексей Михайлович, может быть, и исполнил бы это; но обстоятельства были сильнее его царской воли. Гетман Многогрешный, митрополит Иосиф Тукальский, Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский и Киево-Печерский архимандрит Иннокентий Гизель настоятельно требовали, чтобы не отдавать священного города врагам Православия, и царь Алексей Михайлович решился: в конце 1679 года Киев окончательно присоединен к державе русской. Раз утвердив это, царь уже не отступал ни перед какими угрозами и на неоднократные требования польского правительства твердо отвечал одно: «Не отдам Киева». И Киев, колыбель русского Православия, остался навсегда достоянием державы русской 30. Грустно и смутно померкла вечерняя заря многомятежной жизни митрополита Киевского Иосифа Нелюбович-Тукальского. Он скончался в Чигирине в 1676 году. Увлекаемый обстоятельствами и слабым характером,

тяжкими несчастьями заплатил он за свои политические ошибки; но потомство не упрекнет его в измене Православию и самую привязанность его к недостойному Дорошенко отнесет к движению благородно-призвательной души. Братская коллегия не забыла его посильной благотворительности; не от избытка он жертвовал ей, а делился собственным куском хлеба, ибо отдал ей то, что ему самому дано было на пропитание 31. Смуты и нестроения своей родины, а всего более Церкви, глубоко волновали его добрую, но слишком доверчивую душу, а отсутствие возможности поправить дело своей иерархии сокрушало его безмерно. «По беззакониям моим, – писал он 9 августа 1670 года к боярину Ордыну-Нащокину, – которым нет числа, не признаю я себя душою страждущею за благочестие. В горести душа моя. Как могу назваться пастырем, когда растеряно стадо? О, да соберет его Создавший и Искупивший Своею кровию» 32.

Таково было бедственное положение южнорусской митрополии, еще отделенной от целости отечественной Церкви, под не дей-

ствительною, а только номинальною зависимо-
мостью от патриархов Цареградских.

Примечания

1 Терновский. Исследование о подчинении Киевской митрополии Московскому Патриарху, с. 88.

2 Акты Исторические IV, № 208.

3 Увещения мятежникам были предлагаемы неоднократно: так, в 1674 году ездили с царскою грамотою уговаривать их Холмогорского Спасского собора священник Кирилл и подьячий Василий Истомино; но монахи соловецкие, приняв грамоту, посланцев «вон выслали с бесчестьем». Еще ранее того ездил в Соловки, и также безуспешно, клопский игумен Макарий с грамотой Иоакима, тогда еще митрополита Новгородского (Исторические Акты, IV, № 248).

4 Раскольнический писатель Денисов в своей «Истории о отцах и страдальцах Соловецких» виновником окончательного разорения обители выставляет Патриарха Иоакима, говоря, что царь Алексей Михайлович перед своею смертью хотел было уже разрешить со-

ловлянам жить по их старым обычаям, но Патриарх воспротивился этому всеми силами: «Патриарх ожесточился паче камене, не сотряше царевы болезни пламене: увери царя милость ко отцем отложить, хотя место святое кровию облити. Царь елико Патриарху покоряшесе, толико лютеша болезнь умножашесе. И толико болезни зельное терпяше, яко едва и отдыхати можаше».

5 Тот же день Денисов записал день взятия обители одним числом со днем смерти государя; тогда как государь действительно скончался «против 30 числа», а Соловецкая обитель взята 22, а не 29 января (Акты Археографической Экспедиции, IV, № 212).

6 Царь Алексей оставил после себя трех сыновей: двое старших были рождены первою его супругою Мариюю Ильиничною; младший – Петр – был сыном второй супруги – Наталии Кирилловны, из рода Нарышкиных. Сверх того царь имел от первой же супруги еще несколько дочерей; первое место между ними занимала властолюбивая царевна София. Это разделение царского семейства на две отрасли послужило впоследствии пово-

дом для кровопролитных мятежей стрелеч-
ких.

7 Верный исполнитель всех обрядов свя-
той Церкви, Алексей Михайлович являл при-
мер набожности и воздержания, доходивших
до изумительной строгости к самому себе. Ни-
кто не соблюдал посты строже его. По свиде-
тельству иностранца Коллинса, Великим по-
стом он обедал не более трех раз в неделю, а
именно: в четверток, субботу и воскресенье, в
остальные же дни кушал только по куску чер-
ного хлеба с солью, по соленому грибу или
огурцу и по стакану полпива. У Котошихина
(с. 63) читаем почти то же самое: «И ест царь в
те посты (Великий и Успенский), в неделю, во
вторник, в четверг, в субботу, но однажды в
день, а пьет квас, а в понедельник и в среду, в
пятницу во все посты не ест и не пьет ничего,
разве для своих и царицыных и царевичевых
и царевниных именин». Он не пропускал ни
одного Богослужения. Когда был здоров, все-
гда выходил в церковь; если был болен, то
служба совершалась в его комнатах; в пост,
посещая всенощные, стоял по пяти или по
шести часов сряду и клал много земных по-

клонов; часто, подобно Давиду (говорит Мейерберг) вставал ночью и молился до утра. Не менее изумительны подвиги его благотворительности. В день Благовещенья кормил он в своих «покоевых хоромах» нищих и из собственных рук жаловал их милостынею; в Рождество и другие большие праздники не садился за стол без того, чтоб не накормить прежде тюремных сидельцев и пленных. Накануне праздников, особенно в сочельник пред Рождеством Христовым, бывали так называемые «тайные выходы» в тюрьмы и богадельни, где царь из своих рук раздавал милостыню тюремным сидельцам, полоняникам, богаделенным, увечным и всяким бедным людям, рассыпал щедроты свои и по улицам, через которые проходил. Между тем доверенные лица из стрелецких полковников и подъячих тайного приказа раздавали царскую милостыню на Земском дворе, у Лобного места и на Красной площади.

8 Сказание иностранца Лизека, с. 318.

9 Никон не принял драгоценных мехов, присланных от царя на дорогу, но при выезде из Москвы Новоспасский архимандрит Иосиф

подарил ему свою шубу. Спутники же Никона продолжали страдать от стужи до тех пор, пока в одном селе близ Мологи неизвестная старушка тайно от приставов снабдила их теплым платьем.

10 В день Святой Пасхи, после литургии, Никон пригласил к столу своему архимандрита Иосифа, полковника Наумова, игумена и келаря Ферапонтова монастыря и многих из братии. Наполнив чашу вином, присланным от царя, Никон обратился к своим гостям и торжественно сказал: «Да не до конца пребудет вражда наша с государем, се ныне питие сие про здравие благочестивейшего царя со всеми вкушаю и впредь присланным от него отрицаться не буду».

11 Теперь нет уже келий Никона в Ферапонтове, хотя цела еще надворотная церковь, к которой они примыкали переходами, и сохранилась дверь, которая вела на переходы. Последние бревна из стен жилища Патриарха-узника недавно употреблены на постройку сельской школы.

12 Особенно тяготился поборами Никона соседний Кириллов монастырь. Кирилловцы

говорили ферапонтовским монахам: «Батька ваш ест нас».

13 При известии о кончине царя Алексея Никон вздохнул от глубины сердца, прослезился и, обратив взоры к небу, сказал: «Воля Господня да будет! Аще бо zde с нами прощения не получ, но в страшное Пришествие Господне судитися имать». Лопухин просил его подать прошение царю на бумаге. «Мы исполняем, – сказал Никон, – слово Господа: оставите, оставится и вам», – и присовокупил: «Бог его простит». Но не решился дать письменного разрешения.

14 Устроив каменный остров на озере, прилегающем к Ферапонтову монастырю, Никон поставил на нем крест с надписью: «Никон, Божию милостию Патриарх, постави сей крест Господень, будучи в заточении за слово Божие и за Святую Церковь на Беле-озере в Ферапонтове монастыре, в тюрьме». Мимо этого самого места пролегла зимой большая дорога к монастырю. Путешественники и богомольцы останавливались при кресте Никона и прочитывали надписи. Такая же надпись была вырезана на всех келейных сосудах Ни-

кона и на стуле его работы, который донныне хранится в ризнице Кириллова монастыря.

15 При точном исследовании местности нельзя усомниться, что кельи, которые занимал Никон, были те самые, где теперь помещается духовное училище, с южной стороны Евфимиевской церкви: подле них и доселе уцелел корпус, называющийся больничным. Местность их с точностью определена в донесении архимандрита Никиты Патриарху Иоакиму по тому случаю, когда велено было устроить особую кухню для Никона, чтобы избавить его от головной боли, происходившей от постоянного угара.

16 Когда новгородцы били челом Патриарху Иоакиму, чтобы духовным лицам судиться по гражданским делам не в митрополичьем дворе, а в приказной палате, Патриарх, оставив неподсудность духовенства мирскому суду, пригрозил им за это участием Корея, Дафана и Авирона (Знаменский. Руководство к Русской церковной истории, с. 276).

17 Акты Исторические V, № 186. Акт Археологической Экспедиции IV, № 201 и 253.

18 В том же году это соборное постановление

ние подтверждено указом царским, по которому главные расколоучители: Аввакум, Лазарь, Феодор и Епифаний, были сожжены всенародно, без сомнения, в той надежде, что с гибелью их погибнет и все дело их. Но это еще более распалило ненависть раскольников против Патриарха, которого они считали главным виновником казней.

19 Чудовское училище существовало и в 1666 году. В сем году Паисий Лигарид писал свой ответ шведскому посланнику о вере греков и русских относительно Евхаристии в училище святого Алексия.

20 «Видишь, – сказано в сем поучении, – яко во мнозех от вас не имеет премудрость места, идеже главу приклонити. Скитається она якоже Христос – Премудрость Божия, в Вифлеемском вертепе, и несть взыскай ея.. Оставивше греческий язык и небрегуще о нем оставили есте и мудрость, и аки оземствовасте (изгнали) ю. Страннии роди и противнии вере православной, на западе обитающи, греческий язык яко светильник держат, ради мудрости его, и училища его назидают. Зде точию лености ради зело обесценися (грече-

ский язык)». Из рукописи Московской Духовной Академии, № 68.

21 «Не хотим же, – говорили патриархи, – да вся тягота и бремя на прекрепкий царский престол возложится, яко едва не бесконечная имеющий иждивения на оборону и утверждения своей державы. Но токмо хотим, да разделится на архиереи и на избраннейшие начальныя архимандриты, яко имеющих многие отчины и доходы довольные». (Из той же рукописи).

22 В рукописи Синодальной библиотеки под № 130, л. 153, есть письмо прихожан сей церкви к неизвестному лицу, где сказано: «Еще же и другую благородную и полезную православному народу умысливше вещь, сиречь словенской грамматики училища состроение, учителя и учеников пристяжание, написахом челобитную ко пресветлому царскому величеству, да изволит нам сие начинание к совершению возводити». – История Российской Иерархии, ч. I, с. 420.

23 Обе грамоты помещены в Прибавлениях к Творениям Святых Отцов. 1845, с. 168–171.

24 Вероятно, тот самый, который похоро-

нен в Московском Заиконоспасском монастыре в 1694 году, по прозванию Левендатов, как сказано в надгробной надписи. Древняя Вивлиофика ч. XVIII, с. 201.

25 «Историческое известие о Московской Академии», составленное Поликарповым. Древняя Вивлиофика XVI, с. 296.

26 Досифей писал к царю Феодору: «Благодарим Господа Бога, яко во дни святого вашего царствия благоволи быти в царствующем граде еллинской школе: еллинским языком писано Евангелие и Апостол; еллини быху святии отцы; еллински написашеся деяние святых Соборов и святых отцов списание и все святые Церкви книги, и сие есть Божественное дело, еже учити христианам еллинский язык, во еже разумети книги православной веры, яко же писали суть, и познавати толкование их удобно и наипаче, дабы отдалени были от латинских, иже исполнены суть лукавства и прелести, ереси и безбожества». – Собрание государевых грамот, IV, № 135.

27 Маркевич. История Малороссии, II, 102.

28 Мефодий попался в руки Дорошенки и

отослан к митрополиту Иосифу, который предал его суду, лишил епископского сана и заточил в монастырь Уманский. Оттуда бежав, он и явился в Киев, но, схваченный боярином Шереметевым, отправлен в Москву и кончил жизнь под крепкою стражею в монастыре Новоспасском.

29 Еще Хмельницкий говорил некогда: «Христианам самопроизвольно отдаться во власть неверных, сдружиться и слиться с ними есть грех смертельный, поступок позорный и предосудительный, – есть почти самоубийство. Имея с неверными неразрывное общение, невозможно не совратиться с пути христианского и не заразиться басурманскими мерзостями. Мы останемся тогда, как обломанное судно в пространном море, обуреваемое со всех сторон и не имущее пристанища и надежды к спасению, и будем то же, что были после нашествия Батыя, под властью татар, невольники, в Богослужении отступники и рабы, гибнущие душою и телом» (Маркевич. История Малороссии I, 332). А Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский, писал к Иосифу, склоняя его на подданство Москве:

«Под басурманскою рукою стонет Греция и по настоящее время, и самих патриархов вешают: невольная вольность! И для чего под такое ярмо класть шею? Греки рады бы освободиться от него, Русь сама лезет. Я свои овцы черниговские поставил на путь, и вы, всея России пастырь, ведете всю Русь к монарху русскому, а сами летите на престол свой, как на гнездо свое. Знаю, что благодушный монарх достойно избранного на митрополию пастыря велел бы принять милостиво» (С. Терновский. Исследования о подчинении Киевской митрополии Московскому Патриарху, с. 50).

30 На съезде боярин князь Одоевский говорил уполномоченным польским: «Россия не в противность договоров владеет всею западною Украйною, а следовательно, и Киевом. Все эти города и Киев завоеваны Россиею не у поляков, а у турок. Польша не имела права без совещания с Россиею отдавать султану заднепровскую Украину, а если уж она отдала ее, то не вправе иметь на нее никаких притязаний. Напротив того, королю должно быть приятнее, чтобы Киевом владела держава

христианская, а не магометане. Впрочем, что бы ни говорили против этого, а Киев, приобретенный от Порты, не будет возвращен королевству» (Маркевич. История Малороссии, II, 187). В память этого радостного для всей православной России события государь принес в дар Киево-Печерской Лавре ризы серебряного глазета с золотыми цветами; оплечье этих риз по красному бархату богато унизано жемчугом.

31 Получив от Дорошенко «на столовое содержание» местечко Стайки, Иосиф не захотел пользоваться этим даянием и подарил его Киево-братской коллегии. «Хотя и сам борзо нищете, – писал он в своей грамоте, – но отделяю их (Стайки), как две лепты вдовицы, на поддержание того обнищавшего святого места» (Памятники временной комиссии в Киеве. II, 232).

32 Филарет, архиепископ Черниговский. История Русской Церкви. Период IV, с. 51.

Глава VIII

Уничтожение местничества. Кончина царя Феодора. Цари Иоанн и Петр под опекой царицы Софии. Стрелецкий и

раскольничий мятежи в Москве. Строгие меры против раскола. Усиление раскола и разделение его на толки. Борьба Патриарха с расколом и папизмом. Развитие устной проповеди. Законоспасская Академия. Братья Иоанникий и Софроний Лихуды. Споры о «пресуществлении» в Таинстве Евхаристии. Подчинение Киевской митрополии Московскому Патриарху. Виды Патриарха Иоакима относительно южных славян.

В числе многих заслуг для отечества бдительного и ревностного первосвященника Иоакима нельзя умолчать об участии его в уничтожении пагубного местничества 1. Когда по челобитной выборных людей, представленной царю Феодору боярином князем В. Голицыным, созван был Земский Собор (12 января 1682 года), Патриарх произнес сильную речь от лица духовенства 2; все члены Собора пристали к мнению Патриарха, и разрядные книги были сожжены в присутствии царя и Собора. Таким образом дела государственные начали приходить в порядок при тихом шестилетнем правлении царя Феодора:

усмирилась Малороссия, и с Портой заключен был мир, также с другими соседями, Швецией и Польшей. Благоденствовала и Церковь: Патриарх Иоаким старался угашать расколы, распространять просвещение в училищах духовных и даже для лучшего надзора за духовенством и паствой хотел учредить в расширяющемся царстве до пятидесяти кафедр епископских, местных и викарных. Предприятие рушилось с преждевременною смертью бездетного царя Феодора (27 апреля 1682 года), и государство временно погрузилось в смуты и волнения, из которых исторгла его только мощная десница возмужавшего Петра.

Неистовый стрелецкий бунт был началом зол, когда Патриарх с благонамеренными боярами провозгласил на царство вместо болезненного Иоанна 3 десятилетнего бодрого Петра, под управлением матери его царицы Натальи и добродетельного боярина Матвеева. Честолюбивая царевна София, действуя втайне с родственными ей Милославскими, взволновала стрельцов, и жертвами их сделались в течение трехдневного бунта Матвеев, Нарышкины и все бывшие опоры царствования

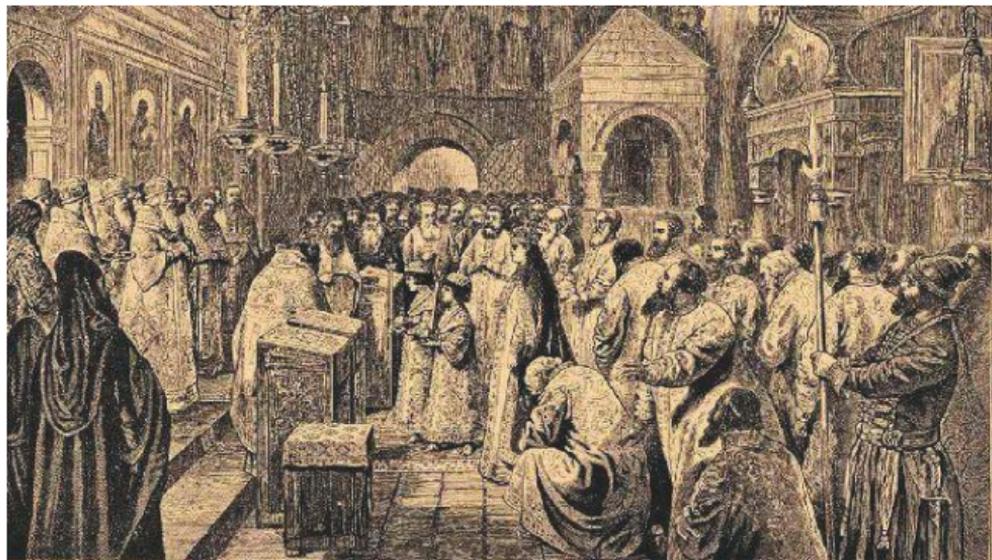
Алексию и Феодора; едва не погиб сам Патриарх, устремившийся с Красного крыльца увещевать толпу. Вынужденное провозглашение Иоанна для соцарствования Петру и приглашение Софии управлять государством совместно с малолетними братьями были плодами первого мятежа стрельцкого, стоившего отечеству столько драгоценной крови.

Спустя несколько дней смятение гражданское приняло личину церковного. Когда вся Москва была еще в трепете от кровопролития, раскольники подговорили стрельцов Титова полка «постоять за старую веру». Никогда раскол, по-видимому, не имел лучшего времени для выполнения самых безрассудных замыслов. Начальником стрельцов был князь Хованский, тайный приверженец раскола. Хованский, не столько желая защищать раскол, сколько стать первым при троне, оказал покровительство заговорщикам. Они желали доставить себе более чем полную свободу: они желали получить всю власть в свои руки и отомстить как за соловецкую осаду, так и за казнь Аввакума и его сообщников. Хованский дал им в предводители Никиту Пу-

стосвята, уже несколько раз осужденного за раскол 4. Подобные Никите соловецкий беглец Савватий и другие нарочно вызваны были в Москву. Они настаивали немедленно приступить к переменам. Хованский едва уговорил их не спешить, польстив им обещанием, что предстоявшее венчание царей (23 июня) совершится по старым книгам. Никита и другие бродяги ходили между народом, призывая на защиту старого благочестия. «Постояйте, постояте, православные, за истинную веру, не принимайте новой Никоновой», – шумел Пустосвят. Выборные Титова полка ходили с тем же по стрелецким полкам. Волнение становилось общим, хотя большинство стрельцов (исключая Титова полка) не согласились подписываться под челобитной, составленной бродягой, монахом Сергием.

Венчание на царство царей Иоанна V и Петра I 25 июня 1682 г.

По настояниям Хованского назначен день для выслушания челобитной – 5 июля 1682 года. В этот день толпы раскольников с шумом ворвались в Кремль. Неся перед собой ана-

лои, образы, зажженные свечи, а за пазухами камня, они подошли к Архангельскому собору и расположились на площади. Сергей вошел на скамью и читал вслух соловецкую челобитную. Возбужденный фанатиками народ грозно волновался. Первосвятитель с собором святителей совершал моление об усмирении мятежа. Из храма он выслал протопопа с напечатанным увещанием народу и с обличением клятвопреступному Никите. Раскольники едва не убили посланного. После молебна Патриарх возвратился в Крестовую палату. Князь Хованский не раз присылал требовать, чтобы Патриарх вышел на площадь; с тем же

требованием явился он и во дворец, куда приглашен был Софией Патриарх. София и Патриарх видели намерения заговорщиков; да и страшный опыт был так недавно. София, царица Наталия, две царевны объявили, что не оставят церкви и ее пастырей без защиты. Хованскому сказано, что собрание будет в Грановитой палате в присутствии царственных особ; там выслушана будет и челобитная.

Правительница Софья Алексеевна

Долго заговорщики не хотели расстаться с площадью, однако Собор открылся в палате. Близ правительницы, царицы и царевен сидели с Патриархом 7 митрополитов, 5 архиепископов, 2 епископа, между ними святитель Митрофан. Несколько архимандритов и пресвитеров, бояре и выборные войска стояли. Раскольники, по знаку Хованского, вошли в палату с шумом, с образами, аналоями, свечами. Они подали челобитную. София приказала читать ее.

«Бьют челом, — так начиналась челобитная, — священнический и иноческий чин и все православнии христиане, опрично тех,

которые Никоновым книгам последуют, а ста-

рые хулят». Патриарх заметил: «Книг старых не хулим мы, напротив, по ним и по греческим исправляются поздние испорченные; вы, судии старой и новой веры, еще не касались и грамматики, а принимаете на себя судить о вере, что принадлежит пастырям». Дерзкий Никита, несмотря на то, что ему запрещено было говорить, сказал с грубостью: «Мы пришли не о грамматике с тобою говорить, а о церковных догматах», – и продолжал шуметь в том же тоне. Холмогорский архиепископ Афанасий, сам прежде бывший в расколе, заметил Никите дерзость и грубость его. Пьяный расстрига в порыве ярости бросился на архипастыря, хотел бить его и едва удержан был одним из выборных. Далее в челобитной читали: «Цари изнемогша, архиереи падоша; просим, чтобы великие государи взыскали старое прадеда и деда их благочестие». Выраженное в этих словах сомнение о Православии царей Алексея и Феодора особенно раздражило пылкую Софию: она вскочила с места и грозила, что все царское семейство после этого уйдет из Москвы. Стрельцы трусили от этой угрозы, потому что в слу-

чае ухода царского семейства из Москвы на них поднялись бы все войска и вся земля; они поспешили успокоить гневную правительницу 5. Патриарх взял в одну руку Евангелие святого Алексия, в другую – соборное установление патриаршества. Первое показывали как улику упорству, не желающему переменить в старом ни одной буквы. В последнем прочел Символ Веры, где написан он без прибавления слова о Святом Духе «и истинного», тогда как эта прибавка печаталась при патриархах Филарете и Иосифе. По отношению к изображению святого креста указал на сосу-ды преподобного Антония Римлянина. Сделано было и еще несколько указаний в древних книгах по главным пунктам спора.

Чувствуя, что ничего не сделали для себя, невежды подняли неистовый крик: «Вот так, вот так!» – кричали они, подняв двуперстное знамение. Мятежникам сказано, что решение им будет объявлено. Царственные особы удалились; за ними вышли Патриарх и прочие.

Невежды возвращались из Кремля с криком: «Победили!» На Лобном месте еще раз поставили аналой и кричали: «Веруйте по-на-

шему, мы переспорили всех архиереев». За Яузой отзвонили в колокола.

Наутро расстриге Никите, выданному стрелецкими выборными, была отрублена голова на Лобном месте; товарищи Пустосвята разосланы были по дальним монастырям, многие разбежались б.

После столь явного и столь неистового мятежа в самих палатах царских правительство принуждено было прибегнуть к самым строгим, согласно духу времени, мерам для усмирения раскольников: раскол был совершенно запрещен в государстве; тех, которые перекрещивают соvrащенных, назначено казнить смертью, хотя бы они и покаjались; за укрывательство раскольников виновных бить кнутом и налагать на них пеню. Множество раскольников в отчаянии бросились за границу 7 или укрывались от правительства в непроходимых лесах севера и Сибири; самые рьяные изуверы сами стремились на казни как на мучение за веру или же сами себя сжигали в срубax; учение об очистительном подвиге самосожжения, которое проповедовал еще Аввакум, нашло себе множество последовате-

лей.

Между тем раскол, отвергнув церковный авторитет и предоставленный самому себе, распался на множество толков. Прежде всего вследствие отвержения православной иерархии между раскольниками возник трудный вопрос: откуда брать священников? Одни стали брать их у Церкви, сманивая к себе пьяных и нищих попов и разными способами очищая в них благодать рукоположения от Никоновой скверны. Другие положили, что можно обойтись и без священства, предоставив все требоисправления выборным мирянам. Так возникли два основных толка в расколе – поповщина и беспоповщина, которые, в свою очередь, распались на множество великих толков 8, разделенных друг от друга обрядовыми разностями или степенью отрицательного отношения к Церкви и государству. Ничем не обуздываемое отрицание часто принимает в них характер уже не раскола, а чистой ереси 9. Еретический характер раскольнического отрицания главным образом выразился в отвержении православной иерархии, отвержении Таинств Евхаристии,

Священства и Брака или в ложном представлении о силе и способах совершения этих и других Таинств, в смешении их с обрядами, раздавании, например, вместо Евхаристии пасхального хлеба (артоса) и богоявленской воды. Крайняя степень отрицания выразилась в нетовщине, которая совершенно отвергла все Таинства и обряды и, отчаянно опустив руки, все предоставила Богу: «Пусть спасает, как Сам ведает».

После раскольничьего бунта московское правительство приняло особые настоятельные меры. Неутомимый Патриарх Иоаким составил пространное опровержение челобитной, представленной Собору 1682 года, – сочинение, достойное христианского пастыря и по духу, и по изложению, в котором видна обширная ученость, ум глубокий и основательный. Оно составляет как бы отчет в поправках Богослужения, на которые раскол указывал как на отступление от веры истинной. Каждой такой поправке показаны основания в подлинной священной древности. «Увет духовный» (так названо опровержение челобитной) разослан был ко всем архипастырям для

чтения по всем церквам. Сверх того Патриарх издал еще несколько небольших сочинений против раскола 10 и отправил в разные места избранных им увещателей. Так архиепископ Холмогорский Афанасий, возвратившись в свою епархию, ревностно действовал там против «поморян» 11. Он собрал обширную библиотеку рукописей для вразумления невежд и написал для них «Щит веры». В сибирские остроги и волости в 1688 году послан был иеродиакон Михаил «для исправления церковных догматов и духовных дел», поставленный после в игумена Енисейского с тем же назначением 12. Игнатий Корсаков в 1689 году в сане Новоспасского архимандрита отправлен был в Кострому и Кинешму для увещания тамошних раскольников. Казанский митрополит Адриан написал для своей паствы «О крестном знамении».

Письменная деятельность Патриарха Иоакима не ограничивалась обличением расколоучителей: он должен был вести борьбу с папизмом. Польско-латинское влияние начало беспокоить русскую иерархию еще при жизни Славеницкого, вскоре по прибытии в

Москву Симеона Полоцкого. Между этими представителями двух направлений киевского образования, старого – еллино-славянского и нового – польско-латинского, с самого начала обнаружилось столкновение, в котором московская иерархия приняла сторону Епифания и старалась его авторитетом ослабить авторитет Полоцкого. По своему кроткому и миролюбивому характеру Епифаний не выходил в неприязненные отношения к Симеону Полоцкому, но не скрывал и своего несочувствия к образу его мыслей, например, указывал на то, что в основу своего «Венца Веры» Полоцкий принял не Никейский, а мнимо-апостольский католический символ веры. Когда Епифанию было поручено исправлять Библию, он не принял Полоцкого в число своих сотрудников как человека, не знающего греческого языка, а знающего лишь один латинский, и заметил, что вообще в последнее время в Киеве читают одни латинские книги и от этого иногда истины не знают. После смерти Епифания Полоцкий, оставшись без соперников, начал еще резче отзываться о невежестве москвитян, держал себя заносчи-

во и гордо, не хотел знать ни Патриарха, ни других духовных властей, даже сочинения свои печатал без благословения Патриарха в дворцовой типографии. Патриарх Иоаким был сильно раздражен против гордого придворного монаха, обвинял его в «хлебопоклоннической ереси» (так как он учил поклоняться хлебу в Евхаристии до времени его действительного пресуществления), называл его орудием иезуитов. Но Полоцкий был недоступен для патриаршей власти, потому что находил себе сильную поддержку в царе и при дворе 13.

Симеон Полоцкий отличался также как проповедник. Живая проповедь, давно уже замолкшая на севере, начала подавать голос с половины XVII века, особенно по примеру южной Руси. Еще Патриарх Никон дозволил Епифанию Славеницкому произносить иногда проповеди, а в 1667 году восточные патриархи Паисий и Макарий преподали благословение прихожанам церкви Иоанна Богослова иметь по их желанию священника-проповедника. Однако для Русской Церкви нужен был пример человека сильного, чтобы ослабить

предубеждение народное против проповеди. И таким явился Симеон Полоцкий. Воспитанник южных училищ, даровитый ученик просвещенного и добродетельного Лазаря Барановича, учитель царский, уверенный в благоволении своего венценосного воспитанника, Симеон, с пылким умом, с живым воображением, с жаждой деятельности, свободно стал на кафедру. Успех проповедника был блистательный. Произнесенные им поучения на воскресные дни («Обед душевный», изданный в Москве, 1681) и на праздники («Вечеря душевная», 1683) быстро распространились по России; они стали известные еще прежде, чем вышли из типографии 14. Однако ж новость Полоцкого для иных была странностью, а те, которым не нравилась власть его при дворе, особенно желали найти в новом что-нибудь худое. Патриарх Иоаким с неудовольствием смотрел на проповедника, но не мог запретить ему 15. Впрочем, к чести Полоцкого нужно сказать, что он, не ограничиваясь тонкостями киевской схоластики, имел в виду живые, практические цели и умел приспособляться к потребностям и понятиям слушате-

лей: он сильно укорял духовенство за леность к назиданию паствы, обличал невежество народа, раскола, грязные пороки, суеверия, остатки язычества – веру в волшебство, в на-шешптывание, заговоры, встречи, приметы, ложные чудеса и святыни, обличал народные игры, праздники Коляды и Купалы, пропове-довал необходимость просвещения и обра-щался к царю с молением об умножении школ и учителей.

Пример Полоцкого не остался без подража-телей: в пермских усольях умного Строгано-ва, поощряемый его покровительством, неиз-вестный по имени, приходский священник городка Орла написал книгу «Статир, или По-учения воскресные и праздничные», подра-жая, как сам он говорил, поучения святых отцов – премудрого Кирилла Транквиллиона и «трудолюбивого, разумного отца Симеона Полоцкого». Сей неученый, но со здравым смыслом проповедник умно рассуждал о нуж-де живой проповеди. Но ему нелегко обходи-лась проповедь его; невежи прихожане кри-чали: «Здесь бывали у нас священники доб-рые, но не делали того, а жили попросту; от-

куда же этот вводит странности?» В предисловии к «Статиру» проповедник излагает обстоятельства жизни своей в любопытном рассказе, по которому можно судить о степени образования нашего духовенства в конце XVII века 16.

Последним трудом Полоцкого была грамота для новой академии 17. Мы видели, что царь Феодор, не желая ограничиться одними начатками еллинского учения, захотел устроить высшее училище – Академию. Намерение царя сделалось известным на западе Европы, и ученые стали являться из Польши с намерением занять места наставников в будущей академии. В 1681 году прибыл в Москву с этой целью некто Ян Белободский, бывший кальвинским проповедником в Слуцке. Симоновский архимандрит Гавриил Дамецкий и Павел Негребецкий, выходец из Польши, вскоре из бесед с ним открыли его неправомыслие 18. Белободский обличен был самим Патриархом в неправомыслии и не допущен в училище. Осторожный царь не хотел поручить академию даже ученым из юго-западных областей русских, которых представлял ему Негре-

бецкий как мужей отлично образованных и твердых в Православии. Русский посланник в Царьграде Возницын по воле царя в 1682 году обратился к патриархам Цареградскому, Антиохийскому и Александрийскому с прошением прислать в Москву испытанных в Православии и учении наставников, и Патриарх Иоаким писал о том же Патриарху Иерусалимскому Досифею 19.

Царь Феодор Алексеевич

Написанная Полоцким грамота замечательна во многих отношениях. Академии предназначалось быть верховным училищем всех свободных наук, храмом мудрости духовной и гражданской со всеми правилами самостоятельного ученого корпуса, какими пользовались в то время европейские университеты: она должна была управляться советом профессоров под председательством избираемого из среды их блюстителя, или ректора, подлежала только собственному суду во всех делах, кроме уголовных, могла приобретать всякого рода имущество в полную безотчетную собственность. Учащиеся из низших со-

словий народа только через нее получали

право на высшие степени государственной службы по части гражданской; для благородных академический аттестат облегчал и сокращал производство, давая немедленно чины, соответственные успехам. Сверх того академии принадлежало право заведования всей системой народного образования и воспитания: без разрешения академии не дозволялось нигде заводить училищ, ни даже иметь домашних наставников и учителей. Иностранные ученые, приезжающие в Россию, должны были подвергаться испытанию в академии и только на основании полученных от нее свидетельств допускались к свободному пребыванию в государстве. Наконец, сообразно с духом времени академическая конференция облечена была грозной властью верховного судилища по делам веры и благочестия над людьми всякого чина и звания. Ректору же и учителям вменялось в обязанность наблюдать, чтобы ни у духовных, ни у мирян не было в домах запрещенных книг и чтобы не учившиеся свободным наукам не вступали в состязания о вере.

Общие понятия о важности и целях хри-

стианского просвещения изложены в первом пункте грамоты 20. Далее исчисляются предметы преподавания: грамматика, пиитика, риторика, диалектика, философия разумительная (умозрительная), естественная (физика), богословие созерцательное (учащее вещей Божественных) и деятельное (учащее очищению совести), право церковное и гражданское (учение правосудия духовного и мирского) и прочие свободные науки.

От блюстителя и учителей требовалась присяга в твердом сохранении Православия. Если кто из учителей пожелает определиться на царскую службу, то не иначе может быть принят, как со свидетельством ректора и прочих учителей. А за продолжительную усердную службу при академии, засвидетельствованную ректором, учителю обещается особая пенсия от щедрот царских.

Поместить Академию предназначалось в Заиконоспасском монастыре, в котором для сего обещано построить до Неглинных ворот здание на казенный счет. На содержание училища, учителей и учеников приписывались к Заиконоспасскому монастырю еще семь мо-

настырей с их вотчинами. Сверх того царь прибавлял еще на содержание академии свою дворцовую Вышегородскую волость в Верейском уезде со всеми угодьями и мельницами и несколько пустошей. Наконец, чтобы обеспечить академию со стороны учебных пособий, царь обещал предоставить академии царскую библиотеку 21.

После кончины Феодора, не успевшего привести в исполнение задуманного им великого дела, бунт стрельецкий и волнения, поднятые раскольниками, отвлекли на время правительство от устройства академии; впрочем, учение в типографской школе продолжалось. По укрощении мятежей, когда бразды правления приняла царевна София, заботы о начатом деле образования возобновились, и два ученых инока представили царевне просьбы в стихах о водворении наук в столице по плану Феодора. Первым был Чудовский иеродиакон Карион Истомин, который в ноябре 1682 года поднес просьбу в стихах: на ней изображает высокое значение мудрости, восхваляет ум Софии, напоминает ей заботы отца ее и брата о просвещении своих поддан-

ных и просит, чтобы она умолила братьев своих Иоанна и Петра утвердить в Москве полный курс образования 22. Другой был настоятель Заиконоспасского монастыря иеромонах Сильвестр Медведев, ученик Симеона Полоцкого, в январе 1685 года он представил царевне грамоту царя Феодора об учреждении академии и вместе с нею также свое стихотворное послание 23. Но, вероятно вследствие влияния Патриарха Иоакима, который неблагоприятно смотрел на Медведева как на поборника латинства, опасался видеть его блюстителем будущей академии, – привилегии академии не были утверждены руками царей. В это время в Москву уже ожидали учителей греческих, за которыми посылали к восточным патриархам.

В марте 1685 года прибыли в Москву после многотрудного и продолжительного путешествия два родных брата – иеромонах Иоанникий и Софроний Лихуды 24. Они представили в посольском приказе две грамоты: одну – от восточных патриархов, свидетельствующую об их Православии и учености, а другую – от гетмана Самойловича, обласкавшего путни-

ков при проезде через Малороссию. Цари и царевна приняли милостиво ученых восточных наставников; для них построены были особые деревянные кельи в Богоявленском монастыре.

Здесь начались труды Лихудовы 25. Между тем приступлено к постройке обширного здания для академии в Заиконоспасском монастыре, чему весьма много содействовал и деньгами и распоряжениями сильный в то время при дворе князь Василий Васильевич Голицын, которого Лихуды называли своим «заступником, защитителем, помощником, покровом и прибежищем». Здание было окончено в 1686 году: сам Патриарх с собором духовенства присутствовал при открытии его и благословил перейти туда Лихудам с учениками из Богоявленского монастыря. Открылся полный, но постепенный курс учения на двух языках, латинском и греческом. Грамматику и пиитику Лихуды преподавали на греческом, а риторику, логику и физику на обоих языках. Успехи учеников так были блистательны, что они в три года изучили означенные науки, могли говорить на обоих языках и перевели

несколько книг на славянский язык.

Но едва только первые семена науки начали приносить плоды, как учителя подверглись тяжким искушениям. Еще до приезда Лихудов в Москву начали распространяться в народе неправильные толки о Таинстве Евхаристии, принесенные с Запада: некоторые держались мнения лютеран о значении хлеба и вина в Евхаристии; другие принимали учение римских католиков о времени пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христову. В девятый день по приезде Лихуды уже имели спор о святой Евхаристии с поляком Белободским в присутствии царей и придворных. Белободский не мог устоять в споре с православными докторами богословия и наконец сознался, что он «непричастен богословия». Но такое благоприятное окончание спора было только началом продолжительных состязаний. В главе приверженцев римско-католического учения о Евхаристии стоял строитель Заиконоспасского монастыря иеромонах Сильвестр Медведев, по отзывам современников, «чернец великого ума и остроты ученой» 26. Он представил свои мысли в со-

чинении под названием «Манна», усиливаясь в нем доказывать, что хлеб и вино пресуществляются в Тело и Кровь Христовы при произнесении слов Спасителя, выражающих установление Таинства: «Примите, ядите, сие есть Тело Мое, пейте от нея вси, сие есть Кровь Моя», – и не считал важными последующие слова молитвы церковной, которою призывается на освящаемые Дары благодать Святого Духа. Для опровержения сего мнения Лихуды написали: «Акос, или Врачевание, противопологаемое ядовитым угрызениям змиевым» и на основании многих свидетельств, взятых из преданий апостольских и писаний святых отцов, изложили православное учение о времени пресуществления. Против «Акоса» Сильвестр написал «Тетрадь на Иоанникия и Софрония Лихудов», на которую Лихуды отвечали «Диалогами грека учителя к некоему иисуиту». Спор зашел так далеко, что о высоких предметах святейшего Таинства даже простой народ стал толковать на торжищах. Для пресечения соблазна Патриарх Иоаким вступил в сношения с восточными патриархами, которые и прислали целое со-

бране церковных свидетельство, подтверждающих православное учение о Святой Евхаристии 27. Сверх того он с особенной пастырской строгостью прислал послания к духовным властям киевским, подозревая, что ложные мнения первоначально возникли на юге России, и получил от них удостоверительные листы, которыми они соглашались с православным учением и отвергали заблуждение папистов 28.

В это время первосвятитель Московский мог иметь властное влияние на южнорусскую Православную Церковь: Киевская митрополия была уже подчинена Патриарху Московскому и всея России.

При гетмане Самойловиче настало самое удобное время для соединения Киева с Москвой в церковном отношении. Мы видели, что это дело было близко к успеху при Богдане Хмельницком и Патриархе Никоне, но удаление последнего и, наконец, низвержение его отсрочило успех соединения надолго. Теперь гетман Самойлович также сознавал необходимость быть верным Москве и вместе с тем, подобно Хмельницкому, все в Малороссии

старались подчинить своей власти, от всех требовал к себе полнейшего повиновения; а Патриарх Иоаким еще более Никона способен был устроить это дело, потому что он лучше Никона знал состояние малороссийского духовенства, так как в юности своей много лет провел в Малороссии 29.

Переписка между Патриархом Иоакимом и гетманом Самойловичем относительно поставления в Киев митрополита начинается с 1683 года. В письме к Самойловичу (от 4 сентября 1683 г.) Патриарх высказывает глубочайшее сожаление о том, что, по дошедшим к нему слухам, Киевская митрополия без начального пастыря, Киевского митрополита, всякого благочиния лишилась. Действительно, положение иерархии в Киевской митрополии могло подать повод Патриарху, к сожалению, и к вмешательству в дела митрополии. Иерархия тогда совсем пала. Вместо настоящих архиереев в Киевской митрополии ходило много греческих и сербских архиереев, изгнанных патриархами и даже лишенных сана, которые тем не менее за недостатком в Малороссии настоящих архиереев со-

вершали всякие священнодействия и рукоположения. Но еще более сильное побуждение заботиться об избрании в Киев митрополита имел Московский Патриарх потому, что в то же время могло выставить претендента на ту же митрополию польское правительство, которое возобновило попытку привлечь в унию представителей южнорусской иерархии — епископов тех областей, которые находились еще под польским обладанием. Один из них, Иосиф Шумлянский, епископ Львовский, охотно согласился принять унию. Снискав себе таким образом расположение польского правительства, он начал незаконно титуловаться администратором Киевской митрополии и старался возбудить в Малороссии мятеж против Москвы.

Вслед за тем (в 1684 г.), когда гетман Самойлович заботился о приискании достойного лица для занятия престола Киевской митрополии, прибыл в Батурин епископ Луцкий и Острожский Гедеон Святополк, князь Четвертинский, знаменитый происхождением и страданиями за веру православную 30. На съезде в Киеве он был избран на митрополию

и тогда же изъявил неперемнное свое желание принять жезл архипастырский не от кого другого, как от первосвятителя всероссийского в Москве. После продолжительной переписки о правах и преимуществах будущего архипастыря Киевского, цари и царевна изъявили полное согласие на присоединение южной митрополии; а Патриарх Иоаким с великой радостью отвечал Самойловичу, что он согласен избранного архипастыря на престол Киевской епархии возвести и благословением его утвердить, во-первых, потому, что с самого начала распространения христианской веры в России митрополия была одна и повсюду россияне были в повиновении и послушании всероссийскому престолу; во-вторых, потому, что когда Собором всех святейших Восточной Церкви патриархов устроился в царствующем граде Москве патриарший престол, то на Соборе повелено было всем российских престолов архиереям повиноваться патриаршему престолу Московскому. В особом письме к Четвертинскому Иоаким приглашал его в Москву для посвящения.

Прибыв в Москву с многолюдною свитою

духовных и мирских лиц, Гедеон был посвящен в сан митрополита Киевского 8 ноября 1685 года, при торжественном служении Патриарха в Московском Успенском соборе и в присутствии царей. Стоя перед Патриархом среди церкви на орлеце и произнося обыкновенную архиерейскую присягу, Гедеон давал обещание, что во всем будет повиноваться Московскому Патриарху 31. После посвящения он получил драгоценные дары от щедроты царской 32 и две утвердительные грамоты: одну от царей, другую от Патриарха. В первой из них подтверждены все привилегии, о которых просил гетман 33, за исключением одной – права называться экзархом Константинопольского Патриарха. В грамоте, данной от Патриарха, заметно стремление с его стороны поставить Гедеона на такое же положение, в каком были и другие митрополиты, подчиненные Московскому Патриарху. Так он титулуется новопоставленного митрополита «митрополитом Киевским и Галицким и Малыя России», но ни разу не называет его митрополитом всея России, как назывались до того времени Киевские митрополиты. Доз-

воляя Гедеону носить митру с крестом и ношение креста пред ним в его епархии, Патриарх «ради единчества» с прочими российскими митрополитами повелевает носить белый клобук, что до сих пор не было в обыкновении у Киевских митрополитов по примеру святителей восточных. О неподсудности митрополита Патриарху по делам администрации (чего особенно добивался гетман) в патриаршей грамоте не упоминалось 34.

После того как Гедеон Четвертинский принял посвящение в сан митрополита Киевского в Москве от Московского Патриарха и торжественно обещал повиноваться ему во всем, подчинение Киевской митрополии Московскому Патриарху уже совершилось на деле. Но пока Константинопольский Патриарх не изъявил своего согласия, присоединение не могло еще считаться совершенно законным. Притом гетман и Четвертинский считали необходимым, чтобы Константинопольский Патриарх знал о совершающемся подчинении Киевской митрополии Московскому Патриарху и дал на это свое согласие: они опасались, чтобы Вселенский Патриарх не поразил

их своим проклятием, чему уже бывали примеры 35. Немедленно после посвящения Гедеона отправлено было посольство в Константинополь, и через год получены грамоты от Патриарха Константинопольского Дионисия и Иерусалимского Досифея, разрешающие подчинение южнорусской Церкви Московскому Патриарху 36.

Таким образом благоразумный и деятельный Патриарх Иоаким блистательно довершил то, чего не успели в свое время сделать великий Патриарх Никон и незабвенный гетман Богдан Хмельницкий 37. Присоединение Киевской митрополии к Москве имело весьма важное значение для современной церковной и государственной жизни. С одной стороны, оно давало Московскому первосвятителю возможность следить за учением православной веры на юге, не допуская лжеучений, притекающих с Запада. С другой – предотвращалась возможность участия духовных властей в смутах, возбуждаемых честолюбцами, которые постоянно находили поддержку в местном духовенстве 38. Наконец, самое соединение политическое, совер-

шенное Богданом, оставалось непрочным без единства религиозного, которое одно могло связать неразрывными узами малороссийский юг и великорусский север в одну обширную Россию посредством единства Церкви.

Совершив великое дело соединения, Иоаким явил себя самым глубоким политиком XVII века, тем более что светлый ум его прозревал еще далее для блага и силы России. В нем созрела обширная мысль: соединить под властью патриаршего престола всея Руси, как основанного Первозванным Апостолом, всех православных наших единоплеменников на юге Европы. Эту мысль подтвердил сербский митрополит Савва II Бранкович, приезжавший в Россию для сбора в пользу своей кафедры, разоренной междоусобиями 39. Выехавший из Болгарии в Москву князь Ростислав Страшимирович еще более утвердил Иоакима в его намерениях: обласканный Патриархом, он обещал склонить к церковному соединению не только своих единоплеменников, между которыми имел много приверженцев, как единственный потомок государей болгарских 40, но даже и сербов с черногорцами и

молдаван с волохами. Иоаким надеялся склонить Вселенского Патриарха к отказу от духовной власти над этими странами, как достиг той же цели относительно Малороссии; но племянник его Дубровский, посланный им в Царьград для предварительных переговоров с греческим духовенством и турецким правительством об этом деле, едва спасся от разъяренной черни, когда в Константинополе получено известие, что в Москве подписан (26 апреля 1686 г.) наступательный и оборонительный союз с Польшей против Крыма и Турции 41. Эта неудачная попытка завоевания Крыма, предпринятая по внушению славолюбивого князя В. Голицына, вопреки желанию Патриарха Иоакима, вопреки убедительному молению Цареградского Патриарха 42 и настояниям умного гетмана Самойловича 43 – послужила препятствием к тому великому делу, которое и донныне еще не вполне совершилось: мы разумеем здесь освобождение православных славян, и в особенности многострадального народа болгарского, от греческой иерархии и возвращение им права иметь своих единоплеменных архипастырей

и возносить свои молитвы перед престолом Божиим на своем родном языке.

Примечания

1 Устрялов в своей Русской Истории говорит, что «местничество в некотором смысле стесняло даже власть самодержавную, ибо воля государя была священна во всех случаях, кроме расчетов об отечестве: подданные беспрекословно исполняли все веления его, не роптали на самые тяжелые опалы, отнимавшие у них имущество, свободу, жизнь; но как скоро сталкивались права родословные, обиженный отказывался от назначенной ему должности и часто охотнее подвергался ссылке в Сибирь, чтобы только не запятнать своей чести, т. е. не стоять на равной степени с товарищем, прапрадед которого был в низшем звании в сравнении с его прапрадедом. Легко вообразить, до какой степени озабочивали государя пустые споры людей, самых близких к престолу, и сколь пагубны были неминуемые следствия несогласия, порождаемого местничеством, особенно в военное время. Эти споры погубили Шеина под Смоленском, Ромода-

новского под Конотопом, Шереметева под Чудновом и Хованского в Литве».

2 Патриарх сказал, между прочим, что от местничества, «аки от источника горчайшаго вся злая и Богу зело мерзкая и всем нашим царственным делам вредительная происходили, и благое начинание яко возрастную пшеницу терпение подавляло и до благополучнаго совершения к восприятию плодов благих не допускало, и не точию род, егда со иным родом за оное местничество многовременныя злобы имел, но и в едином роде такое ж враждование и ненависть содевались; и аще бы о всех тех противных случаях донести вашему царскому величеству, то б от тяжести ваша царская ушеса понести сего не могли. Аз же и со всем освященным собором не имеем никоея достойныя похвалы принести великому вашему царскому намерению за премудрое ваше благоволение» (Соловьев, История России, XIII, 320).

3 «Скорбного главою», по выражению современников, и вовсе неспособного к делам правления.

4 После своего покаяния на Соборе 1667 го-

да Никита опять совратился в раскол и успел приобрести себе у раскольников громкую репутацию непобедимого книжника. Сам Хованский сказал про него, «что он всем заградит уста, что и прежде никто не мог его перекричать».

5 Некоторые из бунтовщиков сказали царевне: «Пора, государыня, давно вам в монастырь: только-де царством мутит».

6 В числе последних был и Савва, позднее написавший раскольничью «Историю о вере, или Сказание о Соборе 1682 года». Отобранная у товарищей Пустосвята при следствии над ними книга показала, какими низкими уловками вовлекали они простых людей в обман. В этой старинной книге все слова, которые говорили против раскола, были подскоблены и заменены другими, согласно с мыслями раскола.

7 Многие тысячи раскольников, преступая клятву в верности царю, бежали за границу и завели там гнездо раскола. Так основались в Лифляндии известные поселения раскольников на берегу Пейпуса. Другие в 1683 году перешли за рубеж польский и основали долго

бывшую в славе у раскольников Ветку и столь же славное Стародубье. Иные делали еще хуже: бежали в Крым к татарам и оттуда вместе с мусульманами то с моря, то сухим путем делали набеги на Россию, грабили и убивали христиан; или скрывались в гребнях Кавказа близ рек Терека и Кумы и оттуда делали набеги на мирных поселенцев по примеру диких горцев.

8 Цель и пределы наших «Рассказов» не позволяют нам входить в подробности истории раскола и его толков.

9 Не говорим здесь о ересь случайных, не составляющих сущности раскола, каковы, например, мнение Аввакума, что Троица Трисущна в трех равных естествах, что Христос Бог особый сидит на четвертом престоле, соцарствуя Троице, что душа человека и ангелы плотовидны; или противоположное мнение дьякона Федора, что Троица несекома, однолица. Подобные мнения зависели от личного невежества расколоучителей.

10 Таковы: 1. «Извещение чудесе, бывшее в царствующем и богоспасаемом граде Москве, о сложении трех первых перстов,

ими же подобает вообразити крестное знамение на себе всякому православному христианину, по древнепреданному от отцов преданию», 1677 г. 2. «Поучение ко всем православным христианам», 1681 г. 3. «Слово благодарственное Господу Богу»... за избавление Церкви от раскольников 5 июля 1690 г. 4. «Послание ко всем возлюбленным святыя, восточныя, православныя Церкви сынам»... 5. Список с соборного определения о казни Никиты Пустосвята, 1682 г. 6. Клятвенное объявление на ругатели святых икон после 1684 года.

11 Исторические Акты V. № 93.

12 Там же, № 160.

13 Симеону Полоцкому особенно покровительствовал царь Феодор, который учился у него латинскому и польскому языкам, так что Полоцкий сохранил свою силу и влияние при дворе до самой своей кончины.

14 Сильвестр Медведев в 1676 году писал об этих сочинениях к Полоцкому: «Поучения недельные и праздничные скончал еси и оныя начал еси читать в церкви, имеюще намерение в кийждо неделю и во всякий праздник народу прочитати». Следовательно, те и

другие поучения были говорены с кафедры.

15 Патриарх Иоаким называл «Обед душевный» исполненным душевных бед. Впрочем, уже по смерти Полоцкого, произнося осуждение на проповеди его, Патриарх прибавил: «А могло быть, сочинитель имел другие мысли».

16 «Статир, или Поучения воскресные и другие числом 156, сочиненные в 1684 году неизвестным приходским священником Пермской епархии в городке Орле» (Рукопись Румянцевского Музея № 411). В предисловии автор говорит о самом себе: «Аз поселянин сый и навозогреб, сущий невежа, отца имам усмаря, деда портнягу, прадеда скотопаса... к дровосечеству немощен, к земледелию ленив, к купле несмыслен, в просительство стыждуся и от последней грубости поступих несмысленне, восприях сан диаконства: не яко Богу служити, но тунежителства ради... И препроводих лет пятерицу во обители Пыскорского монастыря и ту покусихся то части святых книг чтения и восприях мало ведения о законе Божиим... Восприях же и сан священства, служих два лета во граде Соли-Камской... По сих возвести Божия благодать о мне

недостойном благородному и великоименитому господину Григорию Строганову». Далее повествует, что Строганов перевел его к церкви Похвалы Богородицы в вотчине своей на Орле-городке. «Убеди же мя, невежду сущего, в церкви Божии люди учити, зело бо он любляше поучении Божественного закона слушати».

17 В превосходном сочинении г. профессора Московской Духовной Академии доктора богословия С.К. Смирнова «История Славяно-Греко-Латинской Академии» (с. 15 и 16) приведены доказательства того, что сочинителем грамоты нельзя признать никого другого, кроме Симеона Полоцкого, как представителя в то время западного образования в Москве и имевшего большую силу при дворе.

18 Рукопись Московской Духовной Академии, № 68.

19 История Славяно-Греко-Латинской Академии, с. 11.

20 «Мудростию слава Божия умножается, православная вера от злокозненных еретических хитростей в целости сохраняется и расширяется; варварские народы богознанием

просвещаются, иноверные царствия к благоверию обращаются, правоверные же ко известнейшему познанию догматов веры достигают и очищение совести хранить научаются».

21 Впрочем, эту грамоту нельзя принимать за устав Академии: в ней же царь неоднократно обещается выдать устав, например, в пункте четвертом «блюстителю училищ и учителям творити крестное целование по чину, иже от Нас Великого Государя во устав Академическом». Тут самая грамота называется привилегией: «Аще кто явится противность сему привилегию каковую привносяй» и проч.

22 История Славяно-Греко-Латинской Академии, с. 396–400.

23 Древняя Российская Вивлиофика, ч. VI.

24 Фамилия Лихудов замечательна и древностью, и знатностью. Еще в XI веке князья Лихуды занимали высшие места в Греческой империи. Потомки их по разорении Царьграда турками переселились на остров Кефалонию. Здесь от одного из Лихудов, Марка, родились Иоанн и Спиридон, после в монаше-

стве – Иоанникий и Софроний. Начатки учения сообщил юным Лихудам один священник кефалонийский; потом они учились богословию и философии в Венеции и в падуанской академии, где и получили докторские дипломы. В 1670 году возвратились в Кефалонию, приняли пострижение, посвящены в иерейский сан, учили и проповедовали. В 1683 году, в марте месяце, оба брата отправились на венецианском корабле в Константинополь и здесь, выдержав испытание в учении и Православии, по поручению Патриарха Дионисия в продолжение пяти месяцев неоднократно говорили поучения в кафедральной церкви в присутствии всех духовных властей. По предложению патриархов они охотно согласились ехать в Россию.

25 На первый раз перевели к ним для обучения греческому языку пять учеников из типографской школы, а именно: Алексея Барсова, Николая Семенова-Головина, Федора Поликарпова, Федота Агеева и Иосифа Афанасьева; к ним присоединились чудовский монах Иов и иеродиакон Богоявленского монастыря Палладий Рогов. По переведении академии в

Заиконоспасский монастырь к ним присоединены все ученики типографской школы и вновь принято до 40 боярских детей и значительное число разночинцев.

26 В то время еще сильна была партия сторонников западного образования – учеников незадолго перед тем умершего Симеона Полоцкого. Во главе ее стоял Сильвестр, враждебно расположенный к Лихудам с самого их приезда в Москву. Потеряв надежду быть главой Академии, он стал жаловаться, что Лихуды захватили под школы землю, принадлежащую его монастырю, что они посевают в учениках плевелы ересей, и подобными клеветами успел при дворе охладить расположение к Лихудам.

27 Вся история этих споров подробно изложена в статье покойного А.И. Смеловского «Братья Лихуды» в журнале Министерства Народного Просвещения 1845 года.

28 По окончании указанных сношений, в 1689 году, открыт был в Москве Собор, который предал анафеме поборников папистического мнения об Евхаристии и определил предать сожжению их сочинения, в том числе и

«Манну» Медведева; сам он назначен в заточение. Но, узнав о решении Собора, он бежал, был пойман, лишен иноческого сана и под именем расстриги Семена Медведева сослан на покаяние в Троицко-Сергиеву Лавру. Здесь в декабре того же года он написал покаянное исповедание, каялся в прежних заблуждениях и просил разрешения. Собор (в январе 1690 года) простил Медведева, в следующем году за участие в стрелецком бунте он был обезглавлен.

29 Патриарх Иоаким имел постоянное сношение с Малороссиею. С 1676 года игумен Киево-Межигорского монастыря ежегодно присылал своих монахов с посланиями к Патриарху. С этими лицами, приезжавшими из Малороссии в Москву, Иоаким мог очень часто беседовать о поставлении в Киев нового митрополита. Но особенно часто разговаривал об этом Патриарх с приезжавшими в Москву людьми гетмана и неоднократно писал о том гетману, зная, что от него главным образом зависит устройство дела. В 1683 году по случаю избрания в архимандриты Печерской лавры Варлаама Ясинского гетман испросил

благословение избранному от Московского Патриарха, а позднее сам Варлаам, опасаясь, чтобы униаты не завладели Лаврою или по крайней мере местностями ее в польских владениях, исходатайствовали себе у Иоакима утвердительную грамоту.

30 Он происходил из древнейшей княжеской фамилии, ведшей свой род от Святополка-Михаила, внука Ярослава I, отчего составились и двойное имя Четвертинского: Гедон-Святополк, князь Четвертинский. Он уже 25 лет носил сан епископа Луцкого и Острожского, быв посвящен в этот сан митрополитом Дионисием Балабаном. Изгнанный из Луцка отступником Шумлянским, он решился бежать из польских владений, тем более что король и королева лично объявили ему, что если он не сделается униатом, то будет послан на вечное заточение в Мариенбург. Тогда, писал Четвертинский, «немощь человеческую имый, утрашился абие, соглядая сие, яко не точию из имех быти в толиком лишении, но и овцам словесного стада не возмогл бых помощи ни в чем же, сего ради оставити престол мой и вся своя понужден есмь».

31 Вот слова присяги: «Още же и церковный мир исповедаю соблюдать... и последовати мне во всем и повиноватися всегда отцу моему, великому господину, святейшему кир Иоакиму, Патриарху Московскому и всея России и северных стран, и аще случится и по нем благословением Божиим будущему святейшему Патриарху Московскому и всея России и всему преосвященному Собору. – Аще же, еже обещано zde мною что преступлю, и отцу моему, святейшему кир Иоакиму, Патриарху Московскому и всея России и северных стран, и по нем будущим святейшим Московским и всея России патриархам, и всему священному Собору явлюся непослушен, или противен, или от него во особность восхощу отступить и епархию, мне врученную, каковым-либо образом ему, отцу моему, святейшему Патриарху и святому Собору в чем непослушно сотворю, и тогда абие лишен буду сана своего и власти, без всякого извета и слова».

32 Гедеон получил от царей для обветшавшего и оскудевшего Софийского собора: 1) богослужебные сосуды золотые с финифтяными

рисунками; 2) кованную из чистого золота митру, украшенную драгоценными камнями, между которыми особенно замечателен большой превосходный сапфир; 3) полное облачение из персидской золотой парчи, обнизанной жемчугом. Эти утвари хранятся доныне в ризнице Киево-Софийского собора. Лично Гедеону цари подарили множество соболей, великолепную карету, обитую голубым бархатом, и шестерик лошадей. Все лица свиты его были щедро одарены.

33 В письмах к царю и Патриарху гетман от своего имени и от имени духовенства просил, чтобы послано было из Москвы посольство в Константинополь к Патриарху с большой посылкою и просьбою, чтобы Константинопольский Патриарх прислал согласие на подчинение Киевской митрополии Московскому Патриарху. Вместе с тем гетман просил, чтобы соблюдены были права и преимущества Киевской митрополии, чтобы оставлено было митрополиту прежнее облачение: митра с крестом и предподношение креста; просил, чтобы избрание Киевского митрополита по-прежнему совершалось вольными голо-

сами, чтобы по-прежнему дозволено было иметь в Киевской митрополии типографию и заводить школы, и о том, наконец, чтобы Патриарх Московский совершал только посвящение митрополита Киевского, но в суды и распоряжения его не вступался. Нельзя было просить только об одной привилегии Киевского митрополита из указанных духовенством, именно – чтобы он назывался по-прежнему митрополитом всея России. Вместо того гетман просил от своего имени, чтобы дозволено было Киевскому митрополиту именоваться по-прежнему «экзархом Константинопольского трона», считая это название необходимым для того, чтобы православные епископы в польских владениях не избрали особого митрополита с титулом экзарха, что может заставить весь народ преклониться к этому новому митрополиту. В царской грамоте утверждено за митрополитом право невозбранного печатания книг, а также «и учение детям греческого и латинского языков; в делах же, приключаящихся Малой России, как в военных, так и в расправных, Киевским митрополитом воля быти не имеет и вступа-

тисся не довлеет». Запрещено иметь какие-либо сношения с духовными особами державы польской, без ведома и совета гетманов, и потому всякая переписка «из стран польских и литовских и иных» должна быть объявляема гетману, а чрез него всероссийскому престолу.

34 Подчиненные митрополичьей кафедре настольною царскою грамотою архиепископ Черниговский и архимандрит Киево-Печерский не захотели оставаться в ведомстве митрополита и представили от себя грамоты, утверждавшие независимость их ни от кого, кроме патриархов. Вследствие сего новыми царскими и патриаршими грамотами Черниговская епархия и Киево-Печерская Лавра исключены из-под ведомства Гедеона и подчинены непосредственно Московскому патриаршему престолу, причем Чернигов объявлен первою архиепископиею, а лавра первою ставропигиею всероссийских патриархов.

35 Так Патриархом Паисием был проклят гетман Брюховецкий, Патриархом Мефодием – гетман Многогрешный. Это проклятие патриархов много смущало гетманов, потому

что подрывало народное к ним доверие, и оба подвергшиеся проклятию гетманы усердно просили московское правительство, чтобы оно ходатайствовало за них перед патриархами.

36 Обе эти патриаршие грамоты напечатаны в приложениях к «Описанию Киево-Софийского собора» митрополита Евгения.

37 В изложении дела о церковном подчинении Киева Москве мы преимущественно пользовались весьма подробным и основательным сочинением г. С. Терновского «Исследование о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату». Киев, 1872.

38 Вспомним, что приближалось время Мазепы и что он уже не встретил приверженцев среди духовенства (как прежде Дорошенко). Проникнутый чувством церковного единства, малороссийский народ заклеил вечным позором самое имя изменника. Церковь дала Петру средства сохранить Малороссию и победить непобедимого дотоле короля шведского.

39 Русский Вестник, 1865, № 5. статья профессора Н.А. Попова «Сербь в Австрии».

40 Он происходил от князя Страшимира Александровича, сына одного из достопамятных королей болгарских, проникавшего даже до Адрианополя при византийском императоре Андронике и победившего потом Иоанна Кантакузана (Историография почитания имени, славы и расширения народа славянского, собранная из многих книг исторических через г. Мавроурбина, архимандрита Рагужского. Перев. с итальянского. СПб., 1722, с. 332–334).

41 Страшимирович и Дубровский приняли потом участие в возмущении болгар против султана и едва успели спастись бегством в Москву. Здесь поселился Страшимирович, женившись на сестре Дубровского, и оставил после себя сына Савелья, родоначальника дворян Савельевых-Ростиславичей. Все сведения о намерениях Патриарха Иоакима относительно болгар заимствованы нами из статьи г. Н. Е-на «Патриарх Иоаким и заслуги его отечеству в гражданском, политическом и религиозном отношениях» (Северная Пчела, 1847, с. 133–136). В этой статье г. Е. ссылается на какой-то «Хронограф, собранный повелением

патриарха Иоакима» и на грамоты, жалованные царями Дубровскому и Страшимировичу. Этого хронографа и грамот нам не удалось отыскать.

42 Патриарх Дионисий умолял царей не начинать войны с турками, «зане дадут вину потребитися всем христианам, котории под сим царством безвинно» (Непереплетенный сборник Синодальной библиотеки под № IV. Переводы с грамот, л. 3).

43 «Пусть будет, как угодно великим государям, – говорил гетман, – а мне кажется, нет причины с султаном и ханом мир нарушать. Этот мир после великой и страшной войны заключил блаженной памяти великий государь царь Федор Алексеевич беспрестанным, премудрым промыслом и усердным старанием, да и моя служба и раденье в том были. А теперь этот мир разорвать мне кажется неприлично и не для чего. И в мысли нельзя держать не только нам, но и детям нашим, что поляки когда-нибудь перестанут к нам враждовать. Мне кажется, что лучше держать мир, а на поляков оглядываться, с турками и татарами поступать разумно» (Соловьев. Ис-

Глава IX

Последний Патриарх Адриан. Характер и деятельность царя Петра. Отношения его к делам церковным, к духовенству великороссийскому и малорусскому и к монашеству. Монастырский приказ. Святители: Иов Новгородский, святой Митрофан Воронежский, Стефан Рязанский, святой Димитрий Ростовский, Филофей Тобольский, святой Иннокентий Иркутский, Феофан Прокопович. Взгляд Петра на монастыри. Положение монашества и белого духовенства. Меры против раскола: действия Питирима. Состояние духовного просвещения в Киеве и Москве. Церковные суды. Уничтожение патриаршества и учреждение Святейшего Синода.

Преемником просвещенного и ревностного первосвященника Иоакима был митрополит Казанский Адриан, последний в числе десяти патриархов Московских и всея России. При выборе Патриарха высшие власти указывали на Маркелла, митрополита Псковского, — че-

ловека ученого и образованного 1; но низшее духовенство было против Маркелла и указывало на Адриана. Царь Петр прислал к архиереям и хотел Маркелла; но царица Наталья Кирилловна с архимандритами, игуменами и низшим духовенством стояла за Адриана. Врагам Маркелла не нравилась его обширная ученость, и они говорили, что ученый Патриарх будет благоприятствовать иноверцам. Враги Маркелла пересилили, и Адриан был возведен на патриаршество 2.

Новый Патриарх крепко стоял за старые обычаи: он предавал анафеме бранобритие 3 и вооружался против употребления табака столько же, как и против лжеумствований лютеранских 4. При нем усилилось противодействие южнорусскому образованию; один несчастный случай еще более утвердил иерархов в подозрительности к западным ученым 5.

Реакция против западного образования коснулась самих Лихудов. Они преподавали своим ученикам грамматику, пиитику, риторику, логику и физику. Все эти науки излагались ими по схоластическому, но сглаженно-

му методу; вместо Аристотеля ученые греки выдвинули наперед отцов Церкви, вместо латыни – греческий язык. Но для возбуждения подозрений насчет их Православия теперь довольно было и того, что они с греческим языком не оставляли и латинского. Главным обвинителем их явился Иерусалимский Патриарх Досифей, который давно уже следил за успехами латинской науки в России и несколько раз писал в Москву предостережения против киевских ученых. Отправляясь в Россию, Лихуды дали ему обещание учить москвичей только по-гречески. Узнавши, что они не сдержали своего обещания, Досифей (1693 г.) отправил в Москву три послания – к царям, Патриарху и самим Лихудам, в которых решительно осуждал преподавание в Академии латыни; Лихудов укорял за то, будто они не занимаются своим делом, а забавляются около физики и философии и не подготовили ни одного учителя, и грозил им отлучением. Ученых братьев отставили от Академии, предоставив им преподавать итальянский язык на печатном дворе; но Досифей не был доволен и этим: он требовал, чтобы их

вовсе выгнали из Москвы, обвинял их в сношениях с турецким правительством. Тогда их заточили в костромской Ипатьевский монастырь 6. Место их в Академии заняли их ученики, при которых латинский язык уже совершенно был изгнан из Академии.

Все это происходило в начале царствования Петра, когда юный царь сначала под опекою Софии, потом под влиянием матери, далеко не свободной от предрассудков старины 7, наконец, в соправительстве старшего брата 8 не пользовался полнотою самодержавной власти. Но, освободившись от всех препон, связывавших его руки, Петр явился гениальным преобразователем своего государства.

И прежние цари из дома Романовых предпринимали преобразования, но по характеру своей церемониальной, неподвижной дворцовой жизни и своего исключительно церковного образования они только могли писать грамоты из дворца, обличать настроения, выставлять новые требования на бумаге, направленные не столько к нововведениям, сколько к охранению старых обычаев при новых порядках. Новый царь явился человеком,

отрешенным и от дворцового этикета, связывавшего деятельность его предшественников, и от древнего быта. Религиозного воспитания он не получил ни в правилах киевской схоластики, ни в духе великорусского древнего благочестия: отсюда готовность у него к восприятию новых понятий в религиозной сфере и светский характер его реформы. Он учился без руководителей и даже без книг, на ходу, среди потех, и прежде всего, разумеется, бросая на то, что его поражало очевидной пользой: его заняли не киевская элоквенция с диалектикой, а корабли, пушки, крепостные работы, ремесла – то, чем Европа так возвышалась над Россией, для чего Россия толпами вызывала к себе иностранцев, несмотря на свою религиозную замкнутость; это был уже не ученик риторики, как брат его царь Федор, а корабельный плотник, бомбардир, шкипер, человек совершенно реального направления. Это направление сблизило его с Немецкой слободой, без которой он не находил удовлетворения своей любознательности. Для его предшественников, для большинства русских людей знаться с еретиками было

страшно – для Петра, не воспитанного в старинных понятиях, этого страха не существовало, и он без всякого стеснения протянул к иноземцам свою руку как к друзьям и учителям.

Петр вырос в гонении от родных (Милославских), царевен-тетек и царевен-сестер, под страшными впечатлениями стрелецких бунтов, впечатлениями вечных жалоб матери, постоянно раздражаемый указаниями окружающих на отнятую у него власть, на его заброшенность в Преображенском, на торжество нелюбимой родни. Еще в XVI веке был у нас царь, воспитанный под такими же впечатлениями; из него вышел Иоанн Грозный. Из Петра выработывался царь, такой же грозный, с такою же ревностью к своей власти, с болезненной ненавистью к религиозному суеверию и религиозной исключительности. Но от кровожадного мучительства Иоаннова спасла его высокая задача, которую он поставил целью всей своей жизни и для которой трудился, напрягая все силы духовные и телесные, силы исполинские в сравнении с обыкновенными силами человеческими 9.

Задачей его было образовать русский народ и посредством образования довести его до возможно высшей степени политического могущества и экономического благосостояния. С давних пор и донныне против Петра слышится упрек в увлечении иноземцами, в поклонении Западу, в пренебрежении русской народностью. Ничего не может быть несправедливее этого упрека. Россия в ее идеальном виде была для Петра – все на земле; за нее он готов был жертвовать жизнью 10. Запад же для Петра был только орудием – орудием ценным, пока цель еще не достигнута 11.

К несчастью, еще в начале Петр встретил страшные бунты мнимых староверов, волнение невежественных масс под личиной веры и во имя древнего Православия, потом заговор на жизнь его и мятежное восстание стрельцов. На это восстание царь отвечает страшным стрелецким розыском с пытками и жестокостями, каких история не видала со времен Грозного; это был акт не правосудия, а ожесточенной ярости царя, который в это время, по словам современников, был как лев рыкающий 12. Страшные застенки Преобра-

женского постоянно наполнялись новыми жертвами царского гнева; среди пыток и казней орудие крутой воли Петра – суровый князь-кесарь Ромодановский непрестанно, по собственным словам его, «кровьми омывался». Так с самого начала Петровская реформа получила крутой и даже фантастический характер и стала вводиться насильственными и жестокими средствами.

Но, несмотря на ненависть к суеверию, напрасно обвиняют Петра в недостатке веры. Ввиду громадности предстоящих работ Петр считал первым долгом как для себя, так и для своих подданных «безустанный труд», физический и умственный, ремесленный и военный. Из этой любви к труду мы видим первую черту религиозного характера Петра. «Молись и трудись», – говаривал он, а также: «Аще кто не хочет делати, ниже да ясть». «Мы, – писал царь из Голландии Патриарху Адриану, – последуя слову Божию, бывшему ко праотцу Адаму, в поте лица трудимся». «Мы, – писал царь в другой раз почти в тех же выражениях боярину Стрешневу, – по заповеди Божией к праотцу Адаму, в поте ли-

ца своего хлеб едим». Как человек умный и много испытавший, Петр не мог не заметить, что часто самые усиленные труды ни к чему не ведут, что для успеха нужно еще что-то. Что же именно? «Благословение Божие», – решил Петр, по крайней мере, в применении к себе. «Быть трудолюбивым и честным, – рассуждал Петр, – вот лучшая политика человека, власть имущего; приносит она, однако же, мало пользы, если не сопутствует ей благословение Божие». Эта идея о воле Божией, всеми управляющей, о необходимости помощи Божией, Божьего благословения для успешного труда проникает всю общественную деятельность Петра и дает ей христианский оттенок. Обращение царя к Промыслу Божию оживало с особенной силой при радостных или торжественных событиях 13. Воззвание к промыслу Божию не было чуждо Петру и при неудачах 14.

В трудных для совести случаях, которые, впрочем, при определенности воззрений Петра, были у него очень редки, он считал для себя непререкаемым долгом обращаться к свету закона Божия и освещать им путь свой. Тако-

во было дело царевича Алексея. Петр призывал духовных и светских сановников принять участие в разбирательстве этого трудного для его совести дела 15.

Нельзя сказать, чтобы религиозное сознание, внушавшее Петру во всех общественных отношениях благоговение к закону Божию, было всегда безошибочно. Строгость перевешивала в нем милосердие, и, казня преступников, Петр почти всегда забывал изречение Апостола: «И хвалится милость на суде». В этом отношении любопытна одна сцена из эпохи стрелецких казней. Патриарх Адриан, вспомнив старинную обязанность святителя печаловаться за опальных, пришел в застенок с иконой Богоматери и молил царя о пощаде преступников. «Зачем ты здесь? – вскричал Петр. – Разве тебя зовет сюда твоя обязанность? Скорее уходи и поставь икону на свое место; знай, что я не меньше твоего чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой долг и истинное благочестие обязывают меня заботиться о народе и карать злодеяния, ведущие к общей гибели». «Я думаю, – сказал даже царь, – что для Бога нет более приятной жерт-

вы, как кровь беззаконников». Но в другом подобном случае Петр поступил иначе: когда он приехал в Смоленск для казни стрельцов и преступники уже были подведены к плахе, вдруг из толпы народа бросается к ногам раздраженного государя игуменя Смоленского девичьего монастыря Марфа с громким воплем о помиловании. Это неожиданное зрелище так поразило царя, что он подал знак остановить казнь, и вскоре милость восторжествовала над справедливым гневом. Петр почувствовал сладость прощения и в благодарность Марфе приказал, чтобы она требовала от него, чего пожелает, что он все готов исполнить. Тогда благочестивая старица просила построить в обители ее каменную церковь вместо деревянной, и просьба ее была исполнена 16.

Император Петр I Алексеевич

Как человек искренно верующий, Петр, естественно, должен был молиться. К внешнему богопочтению Петр относился довольно свободно. По праздникам Петр ходил в церковь, причем по живости характера любил

принимать участие в Богослужении: пел на клиресе и читал Апостол, но богомольем осо-

бенным не отличался. Черты древней русской набожности: постничество, долгие земные поклоны, возжигание многих свечей перед образами, любовь к добродушным колоколам и прочее были не в духе царя. Тем не менее были в многотрудной жизни Петра такие минуты, когда он молился с полной горячностью и искренностью. Так после страшной бури на Белом море, пристав к берегу у Пертоминского монастыря, Петр с усердной благодарственной молитвою поставил крест в память о своем чудесном спасении. Так на полях полтавских, над могилой убитых воинов, Петр, конечно, волнуемый самыми сильными и разнообразными молитвенными ощущениями, водрузил собственноручно крест с надписью: «Воины благочестивые, за благочестие кровию венчавшиеся в лето от воплощения Бога Слова 1709». Так во время пребывания в Карлсбаде, Петр часто удалялся на близлежащую гору для уединенных молитв. И доселе деревянный крест обозначает там место царской молитвы.

Но вместе с тем Петр ввиду осмеяния суеверий и старых обычаев позволял себе грубые

и кощунственные забавы 17, соблазнявшие верующих людей. Брадобритие, немецкое платье, празднование Нового года 1 января (вместо 1 сентября) и другие нововведения восстанавливали читателей старины против царя-преобразователя. А преследуемые Петром изуверы раскольники принимали его за антихриста.

Патриарх Адриан сначала было резко высказался в старом духе против иноземных обычаев и нововведений, но скоро должен был замолчать; в последнее время он даже вовсе уехал из Москвы и жил безучастно в своем любимом Перервинском монастыре 18. Патриарх не мешал реформам; но Петру этого было мало, ему нужно было, чтобы Патриарх ему содействовал: безучастное положение первосвященника было тем же отрицанием новых порядков, только безмолвным. Петр видел в Патриархе живое нравственное средоточие всех недовольных; для подтверждения такого взгляда среди тогдашних обстоятельств ему вовсе не нужно было каких-нибудь особенных фактов в поведении Адриана, достаточно было и того, что Адриан высказывался

в духе недовольных прежде; теперь он замолчал, но он мог заговорить опять, и притом в такое время, когда противодействие Патриарха было всего более опасно, могло наделать еще больше хлопот, чем во времена Патриарха Никона. В октябре 1700 года Патриарх скончался, и возник трудный вопрос о назначении ему преемника. Где было найти человека, сочувствующего реформам, когда между духовными лицами трудно было выбрать даже такого Патриарха, который давал право надеяться на одно только безмолвие со своей стороны? Петр решился повременить с избранием Патриарха. Управление Церковью на время поручено было «местоблюстителю патриаршего престола». С этого времени идет непрерывный ряд перемен в иерархическом строе Русской Церкви.

Патриарший дом, дома архиерейские и монастырские дела повелено ведать боярину И.А. Мусину-Пушкину: «Сидеть на патриаршем дворе в палатах и писать монастырским приказом». Велено переписать все монастыри, мужские и женские; сколько монахов и монахинь переписчики застанут в каких мо-

настырях, тем и оставаться в своих монастырях неисходно. Монахи в кельях наедине не должны ничего писать, чернил и бумаги не держать, писать должны в трапезе, в определенном месте, с позволения начальника, по преданию древних отцов. Ни в мужских, ни в женских монастырях нельзя было никого постричь вновь без царского указа. Эти распоряжения объяснялись целым рядом жалоб предшествовавшего времени на ослабление нравственности в монастырях и на кочевую жизнь монахов и монахинь, производящих соблазн своим поведением. Затем последовала хозяйственная реформа: в архиерейских и монастырских вотчинах велено дать новый торг на все оброчные статьи, которые отданы были на оброк до урочных лет, и если новые откупщики станут давать больше старых, то им и отдавать статьи, не дожидаясь истечения урочных лет для прежних откупщиков. Посельские старцы в вотчинах отставлены; вместо них определены приказчики из мирян. Наконец, знаменитый указ 1702 года определил назначить монашествующим определенное (весьма ограниченное) количе-

ство денег и хлеба, а затем все остатки назначены на пропитание нищих в богадельнях и в бедные монастыри, у которых нет вотчин.

Понятно, что такие распоряжения не могли не быть неприятными для высшего духовенства. Может быть, в этом заключалась одна из сильнейших причин, почему Петр встречал в нем постоянное противодействие всем своим преобразованиям, особенно в духовенстве великорусском, как более обиженном притеснениями монастырского приказа и не имевшем достаточного для целей реформы образования. В этом сопротивлении видам Петра, доходившем иногда до преступления, оказывались виновными не только священники и монахи, но даже и архиереи 19. Большая часть иерархов великорусского происхождения подражала безмолвию Патриарха; и только весьма немногие выражали делами свое сочувствие Петру, как Афанасий Холмогорский и Тихон Казанский. Первый был лично известен царю своим образованием и ласковым обращением с иностранцами, которые приезжали к архангельскому порту; последний доставлял значительные пожертво-

вания на содержание войска.

В особенности пользовались уважением царя Петра два современных ему святителя: Иов, митрополит Новгородский, и святой Митрофан, первый епископ Воронежский.

Иов, постриженник и впоследствии архимандрит Сергиевой Лавры, митрополит Новгородский с 1697 года, завел в своей епархии училища для образования достойных священников. Главными сотрудниками его в этом деле были греки, братья Иоанникий и Софроний Лихуды, заточенные, как мы уже видели, в костромской Ипатьевский монастырь, Иов выпросил их у царя Петра и с помощью их в 1706 году учредил при доме своем два училища – греко-латинское и словенское. Для помещения их он построил подле своего архиерейского дома обширное двухэтажное здание, до сих пор известное под именем «Лихудиевского училища». В шесть лет они довели своих учеников до риторики и логики, обучив их сверх того греческому и латинскому языкам. Через учеников, получивших образование в этих училищах, митрополит завел потом до четырнадцати русских школ по уездным го-

родам и монастырям обширной своей епархии.

Кроме занятий по училищу, Лихуды трудились над сочинениями и переводами книг с греческого и латинского на русский язык. Для пособия им митрополит Иов вызвал из Москвы некоторых прежних учеников их (иеродиакона Кариона Истомина, Николая Семенова и других) и таким образом учредил при своем доме «Общество переводчиков» 20. Кроме этих учреждений, клонившихся к распространению отечественного просвещения, митрополит Иов достопамятен еще другими заботами, делающими честь его человеколюбию. Он с 1706 года на иждивении своих вотчинных доходов завел в Новгороде три больницы, странноприимницу и дом для незаконнорожденных и подкидышей. Этот воспитательный дом был устроен в приписанном к архиерейской кафедре упраздненном монастыре Колмове, на берегу Волхова, близ Новгорода. Иов живал здесь летом и сам наблюдал за своими «найденышками». Государь, узнав об этих человеколюбивых учреждениях, в 1712 и 1713 годах повелел на содержание их приписать к

Новгородскому архиерейскому дому половину монастырских вотчин в Олонецком уезде и Галилейскую пустынь в Новгородском уезде, в Деревской пятине, бывшую до того времени за Воскресенским монастырем; в 1714 году обратил в воспитательный дом для приема несчастнорожденных и всяких младенцев богадельню сестры своей, царевны Наталии 21. Достигнув глубокой старости, Иов несколько раз просился на покой в Троицкий монастырь, в котором принял пострижение, или в Колмов, где завел воспитательный дом для подкинутых младенцев; но государь удерживал полезного деятеля на его месте. Досточтимый святитель скончался 3 февраля 1716 года 22.

Святой Митрофан знаменит не школьною ученостью, но святостью жизни и содействием Петру в усердном радении о благе родной земли.

Михаил (мирское имя святого Митрофана) происходил из духовного звания и провел большую часть жизни в быту семейном. Овдовев 23, он на 40-м году постригся в Золотниковской обители, недалеко от Суздаля. Там же

и после в Макарьевском Унженском монастыре был он настоятелем.

В 1682 году, когда нужно было избрать первого епископа Воронежского, царь Феодор, благоговевший к преподобному Макарию, избрал «ученика и наместника его, игумена Митрофана, мужа истинно праведного и святого», как говорит современная монастырская записка 24. Новые епархии, в том числе и Воронежская, открыты были тогда с тою целью, чтобы ближайший надзор святителей мог вовремя видеть замыслы лжеучителей, принимать меры для противодействия расколу. Митрофан посвящен в епископа Воронежского 2 апреля 1682 года Патриархом Иоакимом с 16 архипастырями. Здесь же, в Москве, пришлось ему убедиться в значении раскола для Церкви и государства: он был свидетелем кровавого неистовства стрельцов против ненавистных им бояр и буйства Никиты Пустосвята с его шайкой в Грановитой палате. Нельзя было не удержаться до гроба в душе этих страшных сцен. И святитель Митрофан до гроба был столько же твердым обличителем своеволий раскола, сколько ревностным

попечителем о благе государственном.

Проникнутый духом учения Христова, святитель был искренним чителем власти царской и усердным попечителем о благе православного царства. Царь Петр Великий готовился тогда к войне с магометанским царством и для осады Азова с моря строил на воронежской верфи корабли разных размеров. Святитель Божий старался помогать царю и молитвою, и словом увещания. Он объяснял при каждом случае, как благодетельны намерения государя для Церкви и отечества, столько лет страждущих от дикого магометанства. Когда же строение кораблей встретило себе затруднение вопреки стараниям царя в недостатке денег, святитель поспешил отвратить это препятствие. Собрал все деньги, какие были у него при кафедре, он принес их государю и сказал: «Всякий сын отечества должен от своего достатка помогать нужде государственной; прими же, государь, от моих издержек оставшиеся деньги и употреби их против неверных». Тронутый Петр принял это пособие из рук святителя как залог благоволения Божия к его предприятию. И в последующее

время святой Митрофан жертвовал достояние свое на нужды государства. Во время шведской войны расходы военные истощали казну до крайности. В 1700 году святой Митрофан послал от себя 4000 рублей на остановившееся строение кораблей в Воронежском адмиралтействе. В следующем году он пожертвовал 3000 рублей на жалованье воинам.

Со своей стороны, царь-преобразователь глубоко чтит и любил святого Митрофана: не уступая никому и ни для чего из своих нововведений, он сделал однажды уступку только для святителя Воронежского по следующему случаю: человек Божий, благоговей к помазаннику Божию, твердо хранил в душе, что святая воля Божия выше всего и что спасение душ христианских, врученных сею волею христианскому пастырю, должно быть предметом ревности пастырской, и не боялся говорить правду царю ввиду опасностей грозного царского гнева. Петр проживал по несколько недель в Воронеже для надзора за постройкой военного флота. Вблизи адмиралтейства стоял дворец его. По обычаю иноземному, здание царское было украшено изваяниями языче-

ских богов. Раз царь пригласил к себе святителя. Старец перешел уже мост и вступил на остров реки Воронеж, где находилось адмиралтейство, как взор его встретил изваяния языческие у ворот дворца. Целомудренный взор святителя оскорбился, и благоговение его к христианству, заменяемому здесь памятниками язычества, возмутилось. Святитель не пошел далее, а воротился в свои кельи. Государь, которому сказали, что архиерей был у дворца и ушел, оскорбился поступком архипастыря и послал опять звать его к себе. Святитель отвечал посланному: «Пока государь не повелит низвергнуть идолов, которые соблазняют народ, не могу явиться во дворец пред царские очи». Услышав столь решительный ответ, Петр пришел в негодование. «Как смеет он не слушаться царской власти?» – говорил гневный Петр. Царь послал сказать, что, если не явится сейчас же, как преступник царской воли подвергнется казни. «Жизнь моя во власти царя, – отвечал святитель посланному, – но для меня лучше умереть, чем нарушить долг святительского сана моего. Лучше умереть, чем присутствием сво-

им или боязливым молчанием одобрять язычество. Неприлично государю православному ставить языческие болваны и тем соблазнять простые сердца народа». Гнев Петра между тем несколько остыл, и, когда передали ему слова святителя, он терпеливо выслушал их. Со своей стороны святой Митрофан, хорошо зная строгость Петра, спешил приготовить душу свою к вечности. Он распорядился, чтобы благовестили к всенощному бдению в большой колокол. Государь, услышав блавест, спросил: «Что за праздник завтра?» Ему отвечали, что нет никакого. Он послал спросить о причине блавеста к архиерею. Святитель отвечал посланному: «Мне, как преступнику, словом царским назначена смерть; готовясь к смерти, хочу я совершить соборное моление с церковью о прощении грехов моих, чтобы Господь явил надо мною милостью Свою». Петр изумился решимости святителя умереть по ревности к делу Божию. Он немедленно послал успокоить его милостивым словом своим и просил не тревожить народ необычайным звоном. Затем немедля велел снять статуи, оскорбившие пастыря. Услышав о по-

следнем, святитель на другой день пришел к царю и смиренно благодарил его за уничтожение изваяний, соблазнительных для народа. Так пастырь Божий совершил исповеднический подвиг. Государь видел по этому опыту величие духа в святителе и еще более, чем прежде, стал уважать его. Святитель Митрофан и во всякое другое время близко к душе держал мысль о смерти. Доказательством тому служит синодик его, в котором видим, как любвеобильное сердце святителя обнимало и овец паствы своей, и людей, верно служивших отчизне православной 25. Дом его был отдыхом для всех утомленных жизнью, в нем находили помощь себе все бедные, вдовы и сирые. Он был прост в обхождении: к нему открыт был доступ для каждого, богатого и бедного, знатного и безызвестного.

Двадцать лет святой Митрофан управлял воронежской паствой, достиг глубокой старости и мирно преставился 23 ноября 1703 года 26. По воле Божией случилось, что в тот самый день прибыл в Воронеж государь. По обычаю своему поспешил он посетить доброго архипастыря, но уже застал его при послед-

нем издыхании; царь поцеловал его руку и остался ждать кончины, которая не замедлила. Государь сам закрыл глаза его и велел приготовить все нужное для погребения почетного. Когда священники подошли, чтобы поднять тело для выноса, государь, обратясь к чинам мирским, сказал: «Нам стыдно будет, если не засвидетельствуем признательности нашей сему блистательному пастырю отдаaniem последней почести; мы сами вынесем тело его». И с этими словами государь поднял гроб святителя и со старшими военачальниками понес в собор; потом сам же нес тело в усыпальницу и опустил в могилу. «Не осталось у меня такого святого старца, – буди ему вечная память!» – сказал царь благодарный
27.

Между архипастырями своего времени, воспитанными среди старого, немногосложного быта, где важнейшим церковным вопросом была забота о благолепии обрядов и о строгой дисциплине церковной, Петр нашел слишком мало святителей, подобных Иову и Митрофану, и встретил слишком мало сочувствия и содействия своим предначертаниям,

а потому, естественно, должен был обратить взор на духовенство южной России как более просвещенное и более способное к тем реформам, которые казались ему необходимыми. Недоверие к Православию киевских ученых, сильно укоренившееся в Москве, и обличения восточных патриархов 28 не могли задержать исполнения твердой воли царя. Еще при жизни Патриарха Адриана Петр положил начало поставлению архиереев из малороссов – воспитанников киевских, и первый выбор пал на того, кому впоследствии вверено было управление всею Русскою Церковью по кончине последнего Патриарха.

Стефан (в миру Симеон) Яворский родился в Волынском местечке Яворове. Родители его, принадлежавшие к дворянскому сословию, как и все дворяне тогдашнего времени, обращали на себя особенное внимание папистов и униатов. От их злобных преследований Яворские принуждены были покинуть родину, удалились в Малороссию и поселились со всем своим семейством в Нежине. Юный Симеон с детских лет показывал необыкновенные способности и склонность к наукам. Но

так как в Нежине в то время не было никакого училища, то родители поручили его на воспитание Варлааму Ясинскому, бывшему тогда иеромонахом и проповедником в Киево-Печерской Лавре. Когда в звании ректора и восстановителя Киево-Могилянской коллегии Ясинский перешел игуменом в Братский монастырь, то взял с собой Яворского и определил его во вновь открытые школы, имея сам непосредственное над ним наблюдение. Дорожа счастливыми способностями своего воспитанника, Ясинский независимо от школьных уроков сам преподавал ему поэзию и риторику, читал и объяснял ему латинских авторов, искренно радуясь понятливости и успехам своего юного питомца, и, наконец, отправил его в галицкие и польские училища, славившиеся тогда отличными наставниками-иезуитами 29. Возвратившись оттуда со званием «учителя словесных наук и философии и полного богослова» 30, Яворский посвятил труды свои на служение родному училищу. Постриженный в Киевской Лавре в 1690 году, учитель, проповедник, игумен Киево-Николаевского пустынного монастыря, он был прислан

(в начале 1700 года) от благодетеля своего Варлаама Ясинского (тогда уже митрополита Киевского) в Москву, с просьбою к Патриарху Адриану о посвящении его на вновь учрежденную Южно-Переяславскую епархию. Выслушав слово 31, произнесенное Стефаном над гробом боярина Шеина, Петр захотел видеть проповедника на одной из ближайших к Москве епархий. Несмотря на то, что в Москве приняли Стефана неласково, осыпали его бранью и клеветами и даже сам Стефан упорно отказывался от архиерейства 32, царь повелел Патриарху Адриану посвятить киевского игумена прямо в сан митрополита Рязанского, а по кончине Патриарха назначить его «екзархом святейшего патриаршего престола, блюстителем и администратором».

Одним из главных дел Стефана в новом его звании была борьба с расколом и протестантством. Он застал в Москве рассеваемое раскольниками мнение, что будто бы близко пришествие антихриста, что Москва – Вавилон, а жители ее – вавилоняне, слуги антихристовы и сыны погибели. Главнейшим поводом к распространению этих слухов были

преобразования Петра, дурно понятые невеждами. Они брались за вычисления, назначали день и час, когда Христос придет на суд, и сообразно с таким вычислением рыли могилы, делали гробы, закутывались в саваны и ложились ожидать Христа. Яворский решился обличить и образумить грубых лжеучителей и для этого написал сочинение, в котором, обличив суеверные мнения раскольников, показал на основании Священного Писания истинные знамения пришествия антихристового.

В то время открыта в Москве секта самых иступленных кальвинистов. Стрелецкий полковой лекарь Димитрий Евдокимов Тверитинов-Дерюшкин, живя при одном неправославном враче и набравшись от него кальвинских мыслей, начал рассеивать дерзкие хулы на святые иконы, крест, мощи, Евхаристию, призывание святых, поминовение усопших, литургию, посты, значение добрых дел и другие предания Православной Церкви. Эта зараза распространилась между стрельцами и мастерами. Цирюльник Фома Иванов дошел до такой дерзости, что публично произносил в Чудове монастыре хулу на святого

Алексия-митрополита и разрубил ножом его икону. Стефан немедленно приступил сначала к тайному расследованию относительно этого общества и, нашедши главных виновников, в 1714 году предал нераскаянных анафеме, а Фома Иванов подвергнут был смертной казни по суду гражданскому 33. Чтобы навсегда предохранить некрепких верою от подобных заблуждений, Яворский написал знаменитое свое сочинение «Камень Веры», которое, впрочем, не было напечатано при жизни автора.

Митрополит Стефан Яворский был одним из знаменитейших ревнителей Православия. Смелый, благородный и откровенный, он говорил правду самому Петру, окруженному протестантами. Это не мешало, однако же, правдолюбивому монарху уважать святителя; зато иностранцы-лютеране смотрели на него как на непримиримого и опасного своего врага. И не они одни, но и все враги Церкви православной боялись сильных, прямых и непобедимых его обличений. По его внушению царь в 1719 году издал указ не иначе дозволить брак лютеранина с православным ли-

цом, как под условием воспитания детей в Православии.

Другой, современный Стефану, великий святитель и искренний друг последнего от юности, был святитель Димитрий, митрополит Ростовский.

Невдалеке от Киева, в городке Макарове, у малороссийского сотника Саввы Григорьевича Туптало в 1651 году родился сын, нареченный при крещении Даниилом. Воспитанный с младенчества благочестивыми родителями в страхе Божием, юный Даниил был отдан в Киево-Могилянскую коллегию и начал проходить по порядку классы, только что открытые Иоанникием Галятовским 34. Томимый жаждою познаний, он быстро окончил учение в начальных школах и в цвете юношеских лет достиг классов поэзии и риторики. Здесь-то раскрылся перед ним тот рудник слова, который потом разработал он своим гениальным умом. Под руководством знаменитого полемического богослова Галятовского Туптало изучил те приемы и обороты речи, которые невольно поражают в его поучениях и беседах самого обыкновенного читателя; у него

занял он ту энергию и непобедимую силу убеждения, которые явились впоследствии в борьбе его с раскольниками. И потому благодарить надо Провидение, что оно допустило будущего святителя слушать уроки в киевской коллегии. К сожалению, он не мог идти далее риторики: ибо кроме того, что других классов не было тогда в коллегии, даже сама она в то время едва не подверглась полному разрушению.

Окончив учение в коллегии, семнадцатилетний юноша не захотел оставаться в миру и, испросив у своих родителей благословение вступить в монашество, 9 июля 1668 года в Киево-Кирилловском монастыре Даниил принял иноческое пострижение и прославленное им потом имя Димитрия. Следуя таким образом вышнему призванию, юный инок весь погрузился в подвижничество: строгое уединение и богомыслие, отречение от всего, что имеет мир в себе привлекательного, необыкновенная кротость, смирение и послушание, неутомимое усердие к Церкви Божией и непрестанная молитва отличали его даже между старейшими братьями обители. Такой

светильник не мог долго оставаться под спудом. Через шесть лет после этого блюститель киевской митрополии архиепископ Лазарь Баранович вызвал его в Чернигов, облек в сан иеромонаха и определил проповедником при соборе. Два года проповеднического служения в Чернигове столько прославили молодого витию, что имя его сделалось известным не только в Малороссии, но и в Польше и Литве. Упрощенный братией Слуцкого православного монастыря, он целый год проповедовал там слово Божие. Многие обители предлагали святому Димитрию принять начальство над ними: но он уклонялся от этих приглашений и продолжал жить в Слуцке, не имея сил расстаться с любимцем души своей Иоанном Скочкевичем, строителем того монастыря. Лазарь Баранович и гетман Самойлович упрасивали его воротиться в Малороссию, и святой Димитрий, дождавшись кончины своего друга и почтив память его надгробным словом, в 1679 году прибыл на родину. Гетман принял его весьма милостиво и благодетельствовал ему; но добродетельный и смиренный инок не захотел употреблять в свою

пользу расположение сильного человека и удалился в Батури́нский Николаевский монастырь, где усугубил свое подвижничество, проводя время в посте, молитвах, чтении Священного Писания и проповедании слова Божия. Вскоре братия Киево-Кирилловского монастыря обратилась к святому Димитрию с убедительнейшими просьбами о принятии начальства над ними, извещая, что они единогласно избрали его своим игуменом. Они просили и гетмана ходатайствовать о том же; но святой Димитрий отправил представителя их с благодарственным письмом; убеждения Самойловича также не подействовали. Через год после того явились к игумену два старца Максаковской Преображенской обители с предложением игуменства. Долго отговаривался святой Димитрий; наконец неотступные просьбы преодолели его глубокое смирение, – потому более, что Максаковский монастырь по своему уединенному местоположению соответствовал строгой отшельнической его жизни. Недолго, однако ж, он управлял этой обителью: 1 марта 1682 года его перевели в том же звании в Батури́нский Крупи́н-

кий монастырь; но и здесь начальствовал он с небольшим полтора года и потом сам отказался от настоятельства и возобновил строгую келейную жизнь в том же монастыре. Так будущий великий святитель готовился в тиши уединения к будущим великим подвигам!

В 1684 году архимандрит Киево-Печерский Варлаам Ясинский вызвал святого Димитрия в Лавру и предложил ему собрать и исправить «Жития святых». Огромный труд устрашил Димитрия; но убеждения архимандрита и соборных старцев вынудили его согласие, и он приступил к занятиям. Действительно, работы было много; попытки предшественников Димитрия в этом деле были далеко несовершенны, руководствоваться ими и думать было нечего: следовало начинать сначала. Димитрий обложил себя книгами Матафрас-та, писателями восточной и западной Церкви, греческими историками и жизнеописаниями святых, собранными Макарием, митрополитом Московским, под названием Четьих-Миней. Два года провел святой Димитрий в Киево-Печерской Лавре, весь преданный своему занятию 35; а в 1686 году, подвиж-

нутый неотступными убеждениями гетмана Самойловича и батуринаского духовенства, снова принял начальство над Крупницким монастырем. Здесь он докончил первую четверть своих Четых-Миней, содержащую в себе жизнеописания святых, память которых празднует православная Церковь в сентябре, октябре и ноябре месяцах. Труд этот, рассмотренный и одобренный архимандритом Варлаамом Ясинским и всем лаврским собором, немедленно был напечатан в Печерской типографии и в 1689 году представлен царскому двору. Патриарх Иоаким разгневался было, что книга напечатана без его рассмотрения, но, сделав замечание митрополиту Варлааму, одобрил благочестивое усердие сочинителя 36.

В том же году гетман Мазепа, питая уважение к Димитрию и желая представить его ко двору, взял с собою в Москву, где он и пробыл около двух с половиною месяцев; при чем представился царю Иоанну Алексеевичу и царевне Софии Алексеевне, а также и царю Петру Алексеевичу в Троицком монастыре. В Москве Димитрий часто посещал Патриарха

Иоакима, который, продолжая одобрять его занятия, благословил его иконой. Возвратившись из Москвы, святой Димитрий еще с большею ревностью принялся за работу. Чтоб не иметь никакого развлечения, он построил для себя в своем Батурином монастыре 37 особую келью, которую в записках своих называет «скитом» 38, и, отказавшись от управления вверенною ему обителью, совершенно заключил себя в своем ските и в 1693 году окончил вторую четверть своего творения, в которой поместил жизнеописания святых, празднуемых в декабре, январе и феврале месяцах. В следующем году святой Димитрий был переведен игуменом в Глуховский Петропавловский монастырь, где также продолжал многополезные свои занятия. Через три года потом он был перемещен в звании настоятеля в Киево-Кирилловский монастырь, куда двадцать девять лет перед сим вступил бельцом, а вышел оттуда иноком. Здесь, однако ж, святой Димитрий начальствовал недолго, ибо того же года наименован архимандритом Черниговского Успенского Елецкого монастыря, а в 1699 году переведен был в Новгород-Се-

верскую Спасскую обитель. Тут он окончил и третью четверть своих Миней: март, апрель и май месяцы. Последняя четверть совершена святым Димитрием в 1705 году уже в Ростове. Таким образом с лишком двадцать лет трудился святитель над этим образцовым сочинением, которое и в свое время имело и доныне сохранило духовно-воспитательное влияние на православный русский народ. Святой Димитрий желал доставить благочестию чтение и приятное и полезное и доставил лучшее для всех состояний. Красноречие жизнеописателя – живое и увлекательное, язык – образец славянской чистоты и изящества.

В том же 1700 году, когда Стефан Яворский был неволею поставлен в митрополиты Рязанские, Петр поручил Киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому «поискать из архимандритов и игуменов или других иноков доброго и ученого и благодетельного жития, которому бы в Тобольску быть митрополитом, и мог бы Божию милостию исподволь в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и других невежествах закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение

истинного живого Бога». По этому требованию был прислан Димитрий и весной 1701 года посвящен в митрополиты Сибирские; но и это назначение было невольное: Димитрий заболел с горя; он чувствовал, что здоровье его не могло бороться с суровым климатом Сибири, да и труд, на который он положил все свои силы, остался бы неоконченным. Поэтому царь Петр, посетив его, больного, позволил ему остаться в Москве для проповеди слова Божия, и святитель проповедовал здесь около года. В 1702 году определен он на кафедру Ростовскую.

Ревностный святитель нашел свою епархию в печальном положении, в каком находились тогда почти все епархии великороссийские и из которого хотел извлечь Петр посредством образованных архиереев. Духовенство было невежественное, учить своих духовных детей не могло, и духовные дети тем легче увлекались проповедью какого-нибудь раскольничьего старца, который кричал против духовенства, отступившего от правой старой веры 39. Грустно и больно было образованному и ученому сыну юго-западной Руси

встретить такое невежество в новой своей пастве; св. Димитрий решился просветить и исправить сперва церковных учителей и для этого написал и разослал им два окружных наказа с изъяснением их обязанностей как по отношению к самим себе, так и к вверенной им пастве. А дабы на будущее время приготовить для Церкви способнейших священнослужителей, он основал в Ростове семинарию и, разделив ее на три класса, сам надзирал за ходом учения, а иногда, за неимением учителей, сам обучал детей. Кроме этого способнейшим из воспитанников он толковал в свободное время Священное Писание, желая восполнить этим недостаток богословского класса 40.

Но святому Димитрию предлежал еще другой, важнейший подвиг в Ростовской пастве. Там было в то время множество раскольников, главные учителя которых, укрываясь в брынских лесах, через потаенных своих проповедников всюду рассеивали свое зловерное учение. Крайне прискорбно это было просвещенному защитнику веры Христовой. Он решился объезжать по несколько раз свою

епархию и проживал в Ярославле немалое время для того, чтобы словом обличать закоснелое невежество отступников Церкви православной. Однажды при выходе из храма нечаянно спросили его незнакомые ему читатели брады: «Нам велят брить бороды, а мы готовы положить и головы свои за бороду. Как повелишь нам, владыко?» Святитель, вовсе не ожидая подобного вопроса, нашелся, однако, дать ответ и верный, и остроумный. «Как вы думаете, – сказал святитель, – отрастет ли голова, если у вас снимут ее?» – «Нет», – отвечали те. – «А брада?» – «Брада отрастет». – «Пусть же вам отрежут бороду, дождетесь другой». После того святитель узнал, что в пастве его много людей, которые сомневаются в спасении души из-за того, что по указу царя обрили бороду, думая, что вместе с тем лишились образа Божия. Святитель в 1705 году разослал по епархии сочинение: «О образе Божии и подобии в человеце». А царь Петр повелел как можно чаще печатать это сочинение. Между тем святитель готовил обширное сочинение «Розыск о брынской вере», сочинение превосходящее в том отношении, что раскрывает са-

мый дух раскола, показывая в нем недостаток евангельского смысла и любви. В первой части он оканчивает исследование тою мыслью, что вера раскольников неправа, а во второй – тем, что учение их душевредно; в третьей – тем, что дела их небогоугодны. Ненависть, возбужденная в раскольниках всех толков этим сочинением к угоднику Божию, лучше всего свидетельствует о том, как сильно и неприязненно им было оружие слова Димитрия. Перед очами всего мира стали они со своей верой неправою, своим вредным учением и с делами, приводящими в ужас и омерзение всякого испытателя судеб человечества

41.

Из ученых сочинений святителя Ростовского особенно замечательна «Летопись», названная самим сочинителем по скромности «келейною», т. е. написанною для домашнего употребления; но из собственного письма святого Димитрия к другу его, Стефану Яворскому, открывается и другая, важнейшая цель этого сочинения. «В нашей Малороссийской стране трудно найти Библию славянскую... и редко кто знает порядки историй

библейских... И для того хотел вкратце библейскую историю преподать таковым для ведения». Особенно любопытно здесь его исследование «о несогласном летосчислении». Вообще, летопись эта была бы единственной в нашей литературе, если б была окончена; но, к сожалению, святой Димитрий успел довести ее только до 3600 года от сотворения мира.

Такие многочисленные и разнообразные занятия, увеличивающиеся с году на год, по мере возвышения святого Димитрия по степеням церковной иерархии, нимало не погасили в нем проповеднического жара. Будучи уже митрополитом, он все оставался тем же ревностным органом слова Божия, каким были в ту пору, когда едва лишь переступил границу юношеского возраста, каким являлся и в Киеве, и в Чернигове, и во всех монастырях, куда приводим был ко благу святой Церкви вышним Промыслом. В сане иерарха он редко совершал литургию без слова поучительного. Проповедуемые им истины христианства, так сродные его уму, были жизнью его сердца, и оттого, изливаясь прямо из души, являлись

всегда живыми, действенными; и не в тесных пределах школьной риторики, не в напыщенных формах классического ораторства того времени изрекал он высокие догматы и святыя правила жизни христианской, а в простой беседе отца с детьми, учителя с учениками. Искусно пользуясь всем, что имеет в себе наука, святой Димитрий при необыкновенной силе выражений и живости оборотов умеет держать в постоянном напряжении внимание слушателя, не позволяя ему ни на одну минуту скучать сухим изложением догматических или нравственных истин. Самый тон обличения у него не грозный и потрясающий, а тихий, отечески-укорительный, выражающийся иногда в повествовании несколько сатирическом. И доселе вся православная Россия питается вдохновенными беседами святителя Ростовского 42.

Но дух бодр, а плоть немощна. Изнемогая в силах, святой Димитрий все еще не прекращал своих занятия и за два дня до своей кончины (26 октября 1709 г.), больной и расслабленный, едва совершил божественную литургию. На другой день он позвал к себе певчих

и заставил их петь им же самим сочиненные духовные песни. Что происходило тогда в душе праведника, тихо волнуемой воспоминаниями, порождаемыми этой мелодией, которую сложил он в первой поре свежести и крепости сил!.. 28 октября служители, взошедшие в келью митрополита, усидели его стоящим на коленях и уже предавшим дух свой Богу. Так скончался праведник на 59-м году от рождения!

Тело святителя оставалось непогребенным до прибытия друга его Стефана Яворского 43, который вторично отпел его 25 ноября и предал земле в Иаковлевском монастыре, в юго-западном углу Зачатейской церкви, по желанию почившего 44.

Оставшаяся многочисленная библиотека его отослана тогда в Москву в патриаршую библиотеку, а черновые его рукописи положены, согласно завещанию, в гроб вместо возглавия и подстилки. Кроме библиотеки, не найдено никакого имения, потому что он, кроме книг, ничего не собирал, а все раздавал бедным, нуждающимся, больным и сирым, не оставив ничего даже на погребение 45.

Мы видели, что слабость здоровья и труды в составлении Четиих-Миней отвлекли святого Димитрия от апостольского подвига в пустынях Сибири. Промысл Божий предназначил этот подвиг другому неутомимому и ревностному труженику: имя просветителя Сибири принадлежит преимущественно блаженному митрополиту Филофею, в схиме Федору.

Филофей Лещинский родился в 1650 году и по выходе из киевской коллегии женился и был священником; но лишившись супруги, принял монашество и в скором времени произведен в наместники Братского монастыря. Местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский, соученик Лещинского, имел счастье в непродолжительном времени, согласно державной воле Петра I, рукоположить Филофея в сан митрополита Сибирского и Тобольского, на место святителя Димитрия, перемещенного в Ростов. При самом посвящении он получил поручение стараться о распространении христианства между разными язычниками Сибири в духе евангельском; личная ревность и внутреннее призвание

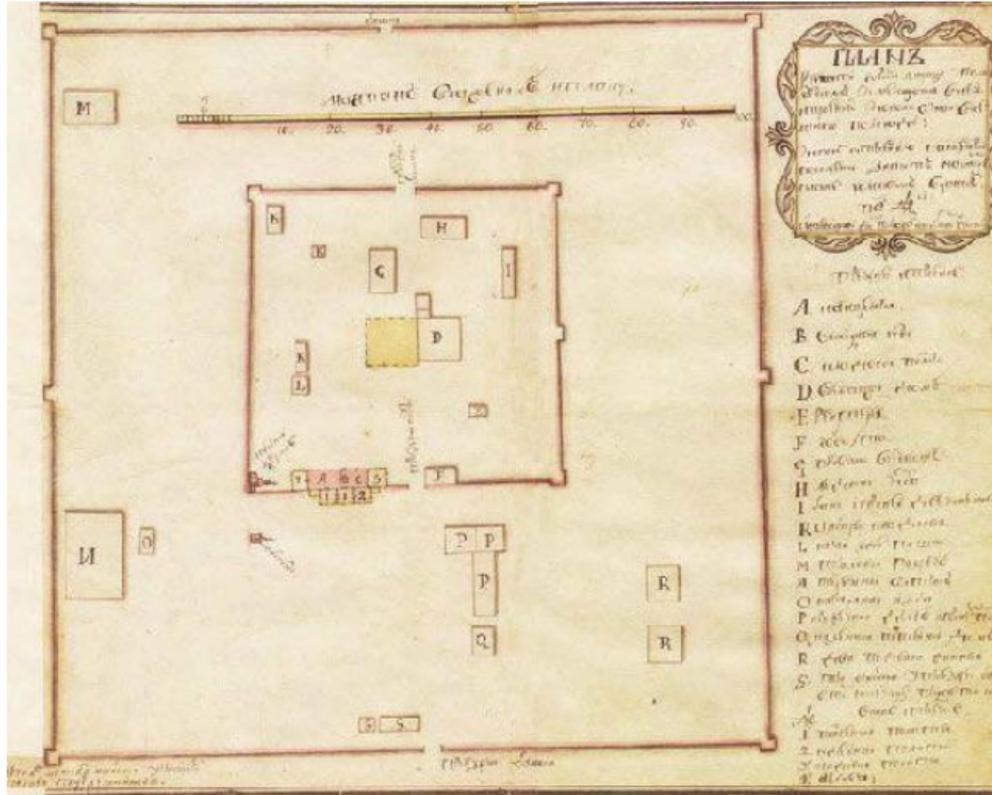
еще более требовали того же от Филофея. Помощниками святому делу были взяты им из Киева ученые иноки и благочестивые молодые люди. Филофей, как видно, глубоко сожалел о потере восточной Даурии, уступленной Китаю в 1689 году. Он отправил миссионеров к пограничным сибирским монголам и старался обратить к святой вере самого калмыцкого кутухту (первосвященника), который столько уважал его, что не усомнился в грамотах своих называть святителя «великим ламою» и «над ламами ламою». Святитель Филофей простирал ревность свою и на Пекин 46; узнав, что некоторые из пекинских поселенцев под тяжестью языческого мрака начинают ослабевать в святой вере, он послал в Пекин (в 1711 г.) обличительную грамоту и успел поддержать слабых в любви ко Христу. Одушевленный наставлениями его купец Осколков в 1713 году просил маньчжурскую Палату внешних сношений о дозволении присылать в Пекин русских священников. Хотя перед тем такая же просьба русского правительства была отвергнута, но Осколкову дело удалось. Император дозволил

прибыть русской миссии. И в 1711 году отправлены были из Тобольска архимандрит Иларион Лежайский, иеромонах Лаврентий и иеродиакон Филимон с причетниками. В 1715 году они приняты были в Пекине с отличным вниманием; император велел отвести им квартиры и выдавать содержание; они служили в той же каменной церкви, которая устроена была для русской роты, и их труды не остались без пользы для русских и для китайцев 47. Заболев тяжкою болезнью, неутомимый труженик отказался от кафедры и принял схиму в Тюменском монастыре с именем Феодора; ревность его к распространению веры получила теперь еще более свободы. Сибирский воевода, князь Гагарин, предложил ему внешние пособия для проповеди; Феодор отправился с несколькими священниками вниз по Иртышу к остякам. Первый год службы вере немного принес видимых плодов; после долгих убеждений Феодор успел склонить в Самаре народ к тому, что тот сам сжег идола своего; то же сделано в шорванских юртах; но здесь смятение едва могло быть успокоено убеждениями в бессилии не

умевшего защитить себя идола. В Конде крещены некоторые отцы семейств. В 1713 году Феодор во второй раз поплыл по Иртышу. В алтынских юртах слово веры одержало победу над самыми закоренелыми идолослужителями. Феодор крестил 3500 человек, в том числе жен и детей прежде крещенных остяков. В следующем году отправился он из Тюмени в Пелым и крестил 400 вогулов, а миссионер, помощник его, еще 300. В Березове по устройству Промысла Божия собрались остяки из дальних кочевьев. Феодор крестил их и оставил им священника. В 1715 году он плывал вниз по Конде и в здешних остяках встретил упорное сопротивление, даже покушение на жизнь его. Но надежда на Господа, искренность убеждения и чистота души, одушевлявшие богоугодного старца, одержали победу над упорным заблуждением. В том же году он снова вызван на митрополию и продолжал заботу о распространении веры. В 1716 году посланные им миссионеры обратили чулымских татар и более половины кистимцев, живших на реке Том. В 1718 и 1719 годах святитель, несмотря на дряхлость лет, опять сам

путешествовал с проповедью святой веры, был в Иркутске и оттуда дважды за Байкалом, плавал по рекам Ангаре, Тунгуске и Кеши. Федор был отцом обращенных им, доставлял им пособия жизни, свободу от подушного оклада и рабства. Апостольскими своими подвигами он успел обрести для Христа до 40000 остяков, вогулов, татар, тунгусов и других инородцев и поставил для них 37 церквей.

Удалясь в Троицкую Тюменскую обитель, он провел пять лет в труженичестве и молитвенных подвигах. Добрый пастырь, не щадивший себя для паствы своей, скончался 31 мая 1726 года, завещав похоронить себя у самого входа в храм Троицкий, дабы, по его собственному выражению, «мимоходящие попирали прах его ногами» 48.

Чертеж города Тобольска и Якутска. 1701.

В первые годы служения митрополита Филофея открыта была епархия Иркутская, – викарная сибирской митрополии, где прежде того были уже обители иноков – ревнителей веры 49. Первым епископом Иркутским был Варлаам Косовский, из воспитанников киевских. По перемещении его в Тверь на место

его, несколько лет остававшееся праздным, поступил святой Иннокентий, уроженец малороссийский, из древней дворянской фамилии Кульчицких. По окончании полного курса наук в Киевской академии, он был постри-

жен в монашество в Печерской Лавре и отправлен был вместе с другими в Москву к должности учителя в тамошнюю Славяно-греко-латинскую Академию. Четыре года нес он училищную службу и, достигнув звания префекта, был переведен в Петербург в Александро-Невскую Лавру, где вскоре занял должность наместника. Когда Петр I вознамерился учредить в Китае епископию наравне с римско-католическою миссией, Иннокентий 5 марта 1721 года хиротонисан был в сан епископа и отправлен к посланнику Измайлову в Пекин, на место бывшего там архимандрита. О прибытии его послана была к китайскому правительству предуведомительная грамота. К несчастью, она не застала уже в Пекине Измайлова, пользовавшегося большим уважением богдыхана, и по интригам миссионеров-иезуитов была возвращена селенгинскому начальнику с таким изъяснением, что «по указу богдыханскому, господина Иннокентия Кульчицкого в Пекин пропускать не велено, для того, что от сибирского губернатора никакого об нем письма нет и знаку печати, какие даны Измайлову, не приложено». Инно-

кентию повелено было до времени оставаться в Селенгинске, где они пробыл до 1725 года, а затем по указу Синода выехал в Иркутск на житье в тамошнем Вознесенском монастыре; два года спустя он назначен был викарием Тобольского митрополита в Иркутске, с подчинением ему Вознесенского монастыря; и таким образом уроженец юга поставлен был Промыслом благовестить Евангелие сынам суровой Сибири. Высшее помазание, щедро изливанное в душу и сердце угодника Божия, не являлось тщетным: полудикие обитатели дальнего севера убеждались вдохновенною его проповедью и толпами стекались к купели крещения. Чтобы упрочить дело обращения идолопоклонников, Иннокентий открыл при Вознесенском монастыре училище для детей всякого звания, где преподавали им русский букварь, чтение и пение, толковали заповеди, учили читать писать и переводить по-монгольски; но с кончиною святителя эта школа пришла в упадок и совсем уничтожилась. Святой Иннокентий мирно кончил благочестивую жизнь свою 26 ноября 1731 года и в простой монашеской мантии погребен был

в склепе под соборной церковью Вознесенского монастыря 50.

Таковы были святители, избранные Великим Петром на служение Церкви Православной в трудную эпоху преобразования России! Нам остается сказать еще несколько слов об одном, в высшей степени даровитом, ученом монахе, который сделался ближайшим и усерднейшим сотрудником царя-преобразователя и по кончине его стал во главе церковного управления.

Феофан Прокопович родился в 1681 году. Он был сын киевского мещанина и при крещении наречен был Елеазаром. В детстве лишившись родителя, он поступил на воспитание к родному своему дяде, иеромонаху Феофану Прокоповичу, бывшему тогда ректором коллегии. Елеазару было всего три года; но с каждым месяцем появлялись в нем новые отблески того могучего ума и несокрушимой воли, которыми впоследствии изумлял он всех своих современников. Достигнув отрочества, он поступил в низшие классы училища и еще раз остался сиротой, лишившись на восьмом году своего возраста благодетеля-дяди. Ка-

кой-то киевский мещанин, имя которого остается, к сожалению, неизвестным, взял мальчика к себе на воспитание и дал ему возможность продолжать начатое учение. Семнадцать лет от роду Елеазар Прокопович уже окончил полный курс академических наук; но жажда к познаниям только что разгорелась в нем. В 1698 году он поехал в Литву и, встретив препятствие в исповедуемой им православной вере, назвался униатом и даже вступил в братство витебского базилианского монастыря, под именем Елисея – все это для того, чтоб иметь возможность еще раз выслушать курс высших наук. Настоятель отправил его в вольинское владимирское училище, находившееся при кафедральном монастыре униатского епископа. Блистательные успехи в науках скоро обратили на него внимание всего училищного начальства, и Елисей скоро из ученика сделался учителем поэзии и риторики. Через несколько времени провинциал базилианского ордена отправил Прокоповича вместе с другими канониками в римскую академию для изучения философских и богословских наук. Три года пробыл он там, исполняя

все обязанности, сопряженные с принятым им званием; но пылкость характера Прокоповича была причиною того, что тайна его обнаружилась, и мнимый Елисей должен был бежать через Венецию и Австрию в Польшу. Прибыв в православный Почаевский монастырь, он принял монашество с переименованием в Самуила. Спустя несколько времени Прокопович был приглашен в Киев митрополитом Варлаамом, который лично знал необыкновенные его способности, и с 1704 года определил его в академию учителем пиитики. В следующем году Прокопович принял имя Феофана, в память своего покойного дяди, и с тем уже остался до самой смерти.

Словом приветственным на приезд в Киев Петра I, произнесенным в Софийской церкви июля 5-го 1706 года, открывается великолепный ряд торжественных и похвальных слов Феофана. Это слово замечательно как памятник первой встречи его с Петром. Несмотря на многие недостатки, нельзя не признать в нем искреннего выражения радости. Очень кстати Феофан окружил себя воспоминаниями старины и связал древнюю славу России с

настоящую. В год Полтавской битвы, в проезд Петра Великого через Киев, Феофан Прокопович произнес длинное похвальное слово, или «Панегирик о православной над войсками Свейскими победе». В этом слове, довершившем возвышение Феофана, он – первый из современных ему ораторов – стал изображать живую современность, не переводя ее в символы и аллегории.

В 1716 году, уже ректор академии, был вызван в Петербург и там постоянно говорил проповеди, в которых выяснял слушателям политические события и планы Петра. В 1718 году во время розысков, когда русское духовенство уличалось в связях с царевичем и отринутой царицей, когда Петр заподозрил в этом даже и Стефана Яворского 51, Феофан говорил слово о власти царской с ясными намеками на современников; тут говорилось о богословствующих невеждах, которые хотят летать, но как «прузи, имея малые крыльца, а чревище великое», сейчас же падают на землю, – о мудрецах, каким-то бесом льстимых или меланхолиею омраченных, которые считают грешным, что ни увидят чудного, слав-

ного, веселого, — о видящих сония и гласы слышащих; доказывалось, что и священный чин обязан повиноваться государю, ибо этот чин не есть иное государство.

Феофан положил основание новой школе проповедников, заключавшей в себе возможность уклонения в протестантскую односторонность: он допускал совершенно свободное изъяснение текстов Писания, без авторитета отцов Церкви 52. От проповеди он требовал обличения предрассудков и суеверий и преподавания основных догматов христианства, всем доступного, ясного и подкрепленного текстами. Он особенно предостерегал против произвольных, натянутых толкований, против обычая мимо прямого смысла искать аллегорий и символов и предписывал строго держаться буквального смысла. Как основатель новой школы в богословской науке, Феофан сильно восстал против влияния католических преданий, вкравшихся в нашу Церковь, и ревностно трудился над их искоренением. В этом критическом труде он руководствовался одним Писанием и личным разумом. Понятно, что при таком образе мыслей

Феофан, непримиримый враг римского католицизма, в своих воззрениях на предметы веры и церковное устройство естественно должен был уклоняться на сторону протестантизма и в этом отношении значительно расходился с Яворским и другими киевскими учеными, которые отыскиали в его богословских лекциях протестантские понятия о первородном грехе, оправдании верою, о церковной внешности и т. п. Сверх того, местоблюстителю Стефану, строгому в жизни и твердому в правде, не могла нравиться гибкость Феофановой совести и свободное участие его в пиршествах вместе с иностранцами 53, так что, когда царь захотел возвести Феофан в сан святительский, Стефан счел за нужное противиться его постановлению 54. Но воля Петра была исполнена, и Феофан в 1718 году сделался епископом Псковским с правом носить саккос, что тогда почиталось особенным монаршим благоволением, ибо епископы облачались в фелонь с омофором. С этой поры Прокопович становится правою рукою Петра в делах церковных, более министром, чем святителем Церкви.

По кончине Петра, и особенно при Бироне, Феофан стоял во главе церковного управления и действовал самовластно, нисколько не обуздывая страстей своих и мстительности против тех, которые прежде служили ему препотою. Хитрый и дальновидный, он умел устоять и удержать все влияние в ту страшную эпоху, когда знатнейшие деятели на поприще политическом кончали жизнь свою в снегах Сибири, когда от пыток и телесных наказаний не избавляли ни личные достоинства, ни высокий сан. Но пришел конец и его многомятежной жизни (8 сентября 1736 г.); в устрашающих образах проходили перед ним минувшие события, и, готовясь предстать суду Божию, он, приставив указательный палец ко лбу, произнес: «О, главо, главо! Разума упившись, куда ся преклонишь?» 55

Церковные преобразования Петра коснулись и состояния духовенства как монашествующего, так и белого. Взгляд Петра на монашество, выраженный еще при учреждении монастырского Приказа, проходит по всему его законодательству о монастырях. Руководствуясь своими материальными понятиями о

служении обществу и раздраженный теми подметными письмами против реформы, которые из монастырских келий распространялись в народе, он смотрел на монахов как на людей, которые «поядают чуждые труды» и от которых, кроме того, являются «забобоны, ереси и суеверия». Несмотря на значительные суммы денег, заимствованные Петром из богатых обитателей 56, первую заботою его было сокращение числа монастырей и монахов. Еще с 1701 года монастырский Приказ начал перепись монастырей для составления определенного штата монашествующих. Штаты не были составлены, но принято было общим правилом число монахов и монахинь против переписи не увеличивать, постригать желающих только на свободные места. С течением времени и то число монашествующих, какое найдено по переписи, стало уменьшаться; вместо убылых монахов в монастырях помещались больные, нищие, сумасшедшие и особенно отставные солдаты. Впрочем, вскоре по основании новой столицы на берегах Невы Петр устроил там новую обитель в честь святого великого князя Александра Невского, в

которую перенес и мощи его из Владимира 57. Здесь монахи были преимущественно ученые, по выбору самого царя, который ясно понимал пользу, приносимую Церкви ученым монашеством, и указом предписал: «Во всех Российския Империи монастырях, переписав молодых ниже 30 лет монахов, для учения, кого каких наук возможно, в славяно-латинские школы собрать». В 1727 году император Петр II повторит тот же указ; в нем замечено между прочим, что целью такого распоряжения поставляется то, чтобы был от ученых иноков «плод Божией Церкви».

Белое духовенство требовало еще более попечений, нежели монашествующее; реформа застала его в самом жалком положении, материальном 58 и нравственном 59. Для улучшения материальных средств приходского духовенства правительство предпринимало сокращение числа церквей и священно-церковнослужителей. При построении новой церкви требовалось предварительное разрешение высшей духовной власти и самого государя, обращалось внимание на число приходских дворов, отводимых для новой церкви, на до-

статочность средств для ее содержания и на расстояние ее от соседних церквей. Но вопрос об улучшении содержания духовенства так и остался нерешенным. При Петре уменьшилось даже и то благосостояние, каким духовенство пользовалось прежде. Так еще с 1698 года всем церквам, у которых были какие-нибудь угодья и приходские дворы, прекращена была казенная руга, а тем, у которых вовсе не было ни прихода, ни угодий, эту ругу велено выдавать только наполовину. Кроме того, самые угодья церквей – мельницы, рыбные ловли, лавки, постоялые дворы и пчельники, которые были особенно любимой доходной статьей духовенства, были объявлены теперь оброчными статьями казны и обложены оброком. Старые платежи в архиерейскую казну сделались для духовенства еще тяжелее прежнего, попав теперь в ведомство сборщиков монастырского Приказа. Чтобы усилить нравственное значение белого духовенства, решили поставлять в священники и дьяконы людей достойных и противодействовать обычаю, по которому места передавались по наследству и продавались, находясь в зависимо-

сти от домов священнослужительских. Набор детей духовенства в военную службу еще более увеличил число недостойных священников и дьяконов, потому что молодые люди бросались на места, чтобы отбыть от военной службы. Народному значению духовенства весьма много вредило еще то, что оно было притянуто к общей тогда системе полицейских доносов; оно обязано было доносить правительству о прихожанах, которые противодействовали реформе, о распространителях суеверий и расколов, о заговорах против государя, даже в том случае, если узнавало о них на исповеди.

Неудивительно, что при таком положении духовенства, с одной стороны, а с другой – при жестких гонениях со стороны правительства – раскол как отрицание Церкви усиливался постоянно, разветвляясь на бесчисленные толки 60. Вразумления церковного (кроме святителей, упомянутых выше) он встречал весьма мало. Безжалостный впоследствии к неисправимым изуверам, Петр в первой половине своего царствования приказывал с противниками Церкви с кротостью и ра-

зумом поступать по Апостолу – «бых беззаконным яко беззаконен, да беззаконных приобрящу», и «не так, как ныне, жестокими словами и отчуждением». Он думал, как видно из этих слов, что дело пойдет успешнее с переменою тона, ибо до тех пор духовные лица обращались к раскольникам как строгие судьи к преступникам. Петр нашел человека, который мог быть способнее других к такой перемене обращения: то был Питирим, игумен Переяславского Никольского монастыря, сам бывший прежде в расколе и потому знавший хорошо своих прежних собратий. В 1706 году Петр поручил ему обращение раскольников увещательными средствами. Если царь не хотел преследовать своих подданных за религиозные убеждения, то, с другой стороны, смотря на раскол как на заблуждение, он не мог позволить, чтобы заблуждения распространялись в народе. Он терпел раскол только с условием, чтобы раскольники исполняли обязанности добрых граждан и подданных: так он прямо объявил выгорецким раскольникам, что позволяет им молиться по-старому, если только они будут усердно помогать

ходу железных заводов. Выгорецкие раскольники усердно работали, уверяли царя, что они за него молятся, оказывали разные знаки своей преданности и потому беспрепятственно могли молиться по-старому. Но Петр хорошо знал, что не все раскольники были похожи на выгорецких, знал, что это самые злые противники преобразования, самые ревностные распространители учений о новых временах как временах антихриста, знал, что эти люди толпами бегут и кроются в лесах и пустынях, лишая государство рабочих сил и отбывая от службы. Петр не хотел преследовать безвредных раскольников; но чтобы они были безвредны, чтобы правительство могло терпеть их как безвредных, нужно было знать, что они, где они и сколько их. В феврале 1716 года велено было переписать всех раскольников, как светских, так и чернецов и черниц; но как выгорецкие раскольники получили право молиться по-старому за усердную работу на заводах, так и все раскольники за это право должны были помочь государству в его великой денежной нужде, должны были платить двойной оклад. В течение 12

лет Питирим обратил весьма много раскольников в Юрьевецком и Балахнинском уездах. В 1716 году он послал в керженские поповщинские скиты 130 вопросов, на которые раскольники отвечали тоже вопросами (числом 240), но ответов на вопросы Питирима не прислали, уклоняясь от состязания с ним из боязни посрамления. После неоднократных требований с его стороны эти ответы присланы были к нему в 1719 году, когда он был уже епископом Нижегородским. В селе Пафнутове наконец состоялся обмен этих ответов с ответами Питирима и знаменитое собеседование его с учителями керженцев Варсонофием и дьяконом Александром в присутствии многочисленной толпы раскольников, кончившееся присоединением расколоучителей к Православию 61. Ответы святителя Питирима под именем «Пращицы» и исповедь Варсонофия напечатаны и разосланы были по церквям 62. Питирим сам объезжал скиты раскольничьи, строил церкви, приготовлял и поставлял способных священников. К концу жизни его (умер в 1738) в его епархии едва осталось 2000 раскольников, тогда как в 1716

году их считалось свыше 40000.

Для истребления раскола необходимо было просвещение духовное, и оно составляло постоянную заботу царя-преобразователя. В Киевской Могилянской коллегии, по мере восстановления ее, учение продолжало процветать. Тишина, водворившаяся в Киеве со времени присоединения его к семейству городов русских, безопасность от всех притеснений, никогда не перестававших в местах, подвластных польской короне, привлекали в Киевское училище и других молодых людей, не принадлежавших даже державе русской. От царей Иоанна и Петра коллегия получила две грамоты: в первой из них предоставлено ей право беспрепятственно владеть вотчинами со всеми принадлежащими к ним угодьями, пожитками и доходами. Вторая грамота назначает еще в первый раз царское жалованье коллегияльному начальству 63, хотя весьма скудное. Петр-единовластитель даровал (26 сентября 1701 года) киевским школам новую милостивую грамоту. Главное, что особенно было лестным для коллегии в этой грамоте, — это название ее академией, равной по приви-

легиям «иным академиям во всех государствах иноземческих». Вместе с этим ученики в царской грамоте наименованы «студентами», с правом неподсудности никому, кроме ближайшего своего начальства. С этой поры началась новая эра существования Киево-Могилянской коллегии: возведенная в звание академии, она год от году становилась более достойною своего высокого имени.

В 1710 году Киев, пораженный тяжким бедствием – чумой 64, был свидетелем чуда, явленного Богом, дивным во святых Своих. Только один Михайловский монастырь, в котором почивают мощи святой великомученицы Варвары, был сохранен вместе с подгорным скитом своим от губительной болезни. Желая увековечить сие великое знамение молитвенного ходатайства св. великомученицы, митрополит Иоасаф сочинил ей акафист и установил прочитывать его еженедельно по вторникам, что исполняется доныне.

Конечно, и академия не могла не разделять бедствий своего края. В одних имениях, принадлежавших коллегиальному братству, произвели страшное опустошение моровая

язва и саранча, а другие отошли за границу, под владычество Польши, по Прутскому договору, при котором Украина правой стороны Днепра досталась Польше. Но внутреннее состояние академии день ото дня возвышалось. Особенно ректор ее Феофан Прокопович, отрешившись от уз схоластики, приобрел своими богословскими трактатами такую славу, какой никогда не имели его предместники. Сверх того, высокое значение его, приобретенное милостивым вниманием государя и могущественного любимца его Меншикова, связи с другими вельможами двора не могли не быть благодетельными и для училища; в аудитории его стали слышаться знатнейшие фамилии, и все лучшие помещики малороссийские, зная о любви монарха к просвещению, наперерыв спешили отдать детей своих в единственное тогда училище. Граждане, купцы и мещане киевские за честь себе поставляли быть в числе воспитанников академии, заключавшей в себе до 1100 слушателей.

Академия пользовалась покровительством гетманов Мазепы и Скоропадского и имела

постоянных попечителей в лице митрополитов Киевских: Варлаама Ясинского (1690–1707) и Иоасафа Кроковского (1707–1718), который после измены Мазепы был вызван Петром на Собор в Глухов вместе с другими святителями, чтобы предать проклятию коварного изменника и ненасытного честолюбца. Болезненно отзывалась в сердце Иоасафа анафема тому, кого за несколько дней перед сим почитал он охранителем Православия и благодетелем просвещения; но, скорбя о человеке, он поражал клятвою изменника вере, царю-благодетелю и родному краю. Немедленно по прибытии в Киев митрополит обнародовал акт проклятия печатными листами с увещанием ко всему народу пребывать в верности к государю. В 1718 году, когда начался суд над царевичем Алексеем, Иоасаф был вызван в Петербург, но остановлен в Твери, и, между тем как свите его приказано было следовать в обратный путь, митрополит был заточен в Тверском Архангельском монастыре, где 1 июля 1718 года и скончался 65. Он был последним первосвятителем киевским на праве избирательном; преемни-

ки его назначались уже по общему порядку.

Положение Московской академии в начале царствования Петра было весьма неблагоприятно. Наступило время переходное: влияние греческого языка сменяется латинским, круг ученой деятельности расширяется, наставников берет академия не из Греции, но из единоплеменной Руси юго-западной. Замечательно, что в это время рушилась последняя опора ученых из греков: последний Патриарх Московский, стоявший за идеи царя Феодора и Софии, до самой смерти заботившийся о вызове новых ученых из греков, скончался, оставив академию в опасности совершенного упадка. Действительно, непрерывная смена наставников в академии после Лихудов, дошедшая наконец до того, что некому было учить, сокращение предметов учения, открытое гонение на язык греческий не могли обещать академии прочного существования, и это до тех пор, пока не вступился в ее участь преобразователь России.

Первый из учеников Лихудов и почти последний в ряду наставников, вышедших из их школы, Палладий Роговский, не мог напо-

минать собою Лихудов: заграничное образование не оставило в нем и следов греческого образования, полученного им в Москве, так что он не знал даже языка греческого. Слушая полтора года Лихудов еще в школе Богоявленского монастыря, Палладий, «желая совершенного учения», удалился из Москвы, снял иноческое платье и учился год в Вильне в иезуитской школе; потом в силезском городе Нейссе провел еще год, «учаясь пиитическому разуму»; отсюда перешел в Ольмюц для слушания риторики. Но ольмюцкие иезуиты не соглашались допустить его в школу, если он не примет унии, и Палладий решился из любви к науке на временное, впрочем, только наружное отступление от Православия. Это открыло ему дорогу в Рим, где семь лет изучал он философию и богословие в греко-униатской коллегии, был здесь посвящен в пресвитера униатским митрополитом Онуфрием и, по окончании учения получив степень доктора философских и богословских наук, тайно уехал в Россию, исповедал Патриарху Адриану свое невольное отступничество, написал пространное исповедание своей веры в духе

Православия и проклял учения, мудрствования, догматы и толкования западные, несогласные с учением Восточной Церкви. В 1699 году Патриарх принял Палладия в недра Православной Церкви, а на следующий год поручил ему должность наставника в академии и поставил его игуменом Заиконоспасского монастыря 66.

Между тем по смерти Патриарха Адриана во главе управления делами Церкви стал митрополит Стефан Яворский. В 1701 году царь вверил его непосредственному надзору и попечению Московскую академию, и Яворский первый принял название протектора академии. Выбор, сделанный Петром, оправдался как нельзя лучше: просвещенному вниманию Яворского обязана академия своим восстановлением и распространением. Лучший из тогдашних воспитанников Киевской академии, dokonчивший свое образование за границей, Стефан внушил царю, что лучшим образцом для устройства академии Московской может быть Киевская, уже засвидетельствовавшая долговременными опытами доброе направление введенного в ней образова-

ния и даровавшая Церкви многих архипастырей и ученых, и Петр, еще прежде указывавший Патриарху Адриану на киевских ученых 67, повелел «завести в академии учения латинские». Сличая это распоряжение Петра с распоряжениями царя Феодора Алексеевича и Патриархов Восточных, имевшими место при основании академии и после при Лихудях, находим, что тогда отдавали преимущество и даже исключительное господство образованию греческому, а теперь вводится образование латинское. Царь Петр в свое путешествие по Европе видел одни рассадники латинского образования и потому, внося преобразование во внешнюю жизнь народа, желал и науку облечь в общепринятые на Западе формы. Стефан Яворский, питомец школ киевской, львовской и познанской, очевидно, не мог не сочувствовать порядку, введенному в этих школах. Потому в силу указа царского Яворский обратился за учителями к академии Киевской и после смерти Палладия устроил академию Московскую по образцу Киевской. Есть основание думать, что все уроки читались и сочинения были писаны на од-

ном латинском языке: академия утратила прежнее название школ греческих и именовалась латинскими славено-латинскими школами 68.

Мы уже видели, что царь-преобразователь тяготился последним Патриархом. Хотя Адриан вовсе не походил на Никона и только безмолвием ему протестовал против реформ и нововведений, но перед глазами Петра всегда носился призрак прежнего «властительного» великого государя 69. Не надеясь найти Адриану преемника просвещенного, достойного уважения по благочестию и вместе с тем усердного сподвижника в деле преобразования государства, Петр давно уже решил уничтожить патриаршество в России и заменить его соборным управлением.

По воле царя, в 1720 г. собран был Собор пастырей Церкви Русской. Под председательством самого царя, Собор рассуждал о высшем духовном правительстве. Признано было полезным поручить управление Церковью, вместо Патриарха, постоянному Собору пастырей. Причины обнародованы следующие: а) Тогда как занятия одного лица могут

останавливаться то болезнями, то смертью его, Собор имеет возможность вести дела безостановочно, и ответы на возможные сомнения могут быть всегда готовы. б) Легче дознать правду Собору многих, чем одному лицу. в) В решениях Собора более может быть беспристрастия, чем в решениях одного лица. г) Решения Собора более имеют важности и твердости и потому охотнее будут исполняемы, чем решения одного лица. д) И влияние сильных не столько может препятствовать правильным определениям Собора, чем решениям одного лица. Вследствие сего положено было, не изменяя ничего в отношениях церковного правления, открыть постоянный духовный Собор, который назывался сначала духовною коллегиею, а потом получил наименование «святейшего Правительствующего Всероссийского Синода».

В 1721 году царь Петр уведомил посланием Константинопольского Патриарха, а через него и прочих первосвятителей восточных об учреждении соборного правления Русской Церкви. Патриарх Иеремия, в ответ на царское послание, писал к Святейшему Синоду,

признавая его братом во Христе восточных патриархов, с равною им церковною властью. Такое же послание получено от патриарха Антиохийского Афанасия; патриархи Александрийский и Иерусалимский не прислали от себя отзыва, потому что первый скончался, а второй лежал на смертном одре.

Так утвердился новый вид высшего управления Церкви Русской!

Духовный Регламент, написанный Феофаном Прокоповичем, пересмотренный Собором и утвержденный государем, как применение древних церковных правил к состоянию Русской Церкви, стал церковным правилом. Впрочем, самим Регламентом как оставлены в неприкосновенности и древней силе древние правила Соборов, так предоставлено Синоду вводить и новые постановления, по нуждам Святой Церкви, по руководству Священного Писания и правил Церкви вселенской, по утверждению их самодержавною властью 70.

Президентом Святейшего Синода был назначен Стефан, митрополит Рязанский; за ним по старшинству следовали члены: Феодо-

сий (Яновский), архиепископ Новгородский, Феофан, архиепископ Псковский, Петр, архимандрит Симоновский, Леонид, архимандрит Петровский, Филофей, архимандрит Донской, греческий священник Анастасий Кондоиди, Иоанн, протопоп Троицкий, Петр, протопоп Петропавловский, иеромонах Варлаам Овсянников.

В сущности постоянный Собор, или Синод, остался тем же для Русской Церкви, чем было патриаршее правление, как и писали патриархи. Заменяя собой патриаршество, он принял на себя и занятие патриаршего правления. Священным долгом его, долгом перед Господом и Церковью, служит следующее: наблюдать за чистотою учения и благолепием богослужения, противодействовать ересям и расколу, поверять сказания о святых и искоренять всякое суеверие, наблюдать за проповеданием слова Божия, избирать и поставлять достойных архипастырей, преподавать наставление архипастырям, в случае недоумения их, принимать и разрешать жалобы недовольных решениями церковных правителей. Преимущественному смотрению его

принадлежат все духовные училища и все лица духовного звания, равно цензура духовных книг, свидетельствование мощей и чудес и сопричисление к лику святых. Ему принадлежит окончательное решение дел о сомнительных браках или о браках в недозволенных степенях родства и о расторжении брака. Вообще же все, что может иметь влияние на состояние отечественной Церкви, по отношению к догматам веры или к богослужению и правлению, составляет предмет забот и рассуждений Святейшего Синода 71.

Примечания

1 История России Соловьева, XIV, 154. Маркелл, родом из южных славян, служил прежде в посольском Приказе переводчиком греческого, латинского, немецкого, польского и татарского языков; по пострижении в монашество, был в патриаршем дворе судьей в тунской палате; потом архимандритом брянского Свенского монастыря; в 1680 году посвящен в сан архиепископа Суздальского; 6 сентября 1682 г. назначен митрополитом в Псков, а 8 сентября 1691 года переведен в Ка-

зань (Святыни и древности Пскова, стр. 15).

2 Гордон II, 309–311.

3 В сильном послании против брадобрития, «еретического безобразия, уподобляющего человека котам и псам», Патриарх стращал русских людей вопросом: «Если они обреют бороды, то где станут на Страшном Суде: с праведниками ли, украшенными брадою, или с обритыми еретиками?» – Устрялов, 111, 193.

4 В одной проповеди Патриарх Адриан жаловался на то, что многие «от пипок табацких и злоглагольств люторских, и прочих еретиков объюродели. Совратясь со стезей отцов своих, говорят: для чего это в церкви так делается? Нет в этом пользы, человек это выдумал... Едва только св. книгам узнает имя или склад словесный, и уже учит архиереев и священников монастыри править, устроит чин церковный». Патриарх требовал, чтобы все по-старому учились у своих духовных отцов.

5 При Адриане попался в отступничестве от православных один московский дьякон, Петр Артемьев, который ездил учиться в Венецию; этот болезненный и нервный человек

попал там в руки иезуитов и был доведен ими до такого фанатизма, что по возвращении в Россию начал горячо отстаивать и проповедовать свои латинские убеждения даже с церковной кафедры. В 1698 году он был расстрижен и сослан в крепкое заточение на Соловки. Из допросов ему узнали, как русские ученые отрекались на Западе от Православия, писали против него сочинения на ученые степени, как иезуитское воспитание приучало их ко лжи, укрывательству своих убеждений, ложным клятвам. Вследствие этого в Москве не стали верить заграничным воспитанникам даже в том случае, когда они с клятвой отрекались от латинства и просили присоединения к Церкви.

6 Впрочем, Адриан, в письме к Досифею, старался защитить Лихудов, ссылаясь на прежние похвалы им самого Досифея. Досифей отвечал ему: «Говорят, что я прежде хвалил их (Лихудов), зачем же теперь порицаю их? Но говорить так неблагоразумно. Христос Сердцеведец избрал Иуду и сделал его апостолом, как доброго, а когда он стал зол, отринул его. Так и нам учителя показались на вид

смирненными, и мы думали, что у них сердце доброе, а они оказались после злыми и лукавыми, и мы писали о их злобе и лукавстве, которые вы и сами видели; и не было нужды писать об этом много грамот, но следовало бы вам после первой же грамоты сослать их куда-нибудь дальше, чтобы они не оставались в Москве и не писали, что им вздумается; они смиряться не умеют и пишут сюда всякую ложь, от чего может произойти зло» (История Московской Академии С.К. Смирнова, с. 70 и 71). Впрочем, Лихуды были сосланы в Кострому уже в 1701 г., по кончине Патриарха Адриана.

7 Царица Наталья Кирилловна так ненавидела иностранцев, что никогда не допускала их целовать ее руку.

8 Царь Иоанн, «скорбный главою», умер незаметно, как и жил, 29 января 1696 года.

9 Здесь не место говорить о всех великих делах Петра; мы постараемся ограничиться взглядом на отношение его к Церкви и духовенству, пользуясь с благодарностью превосходной речью г. профессора Киевской Духовной Академии Ф.А. Терновского (Труды Киев-

ской Духовной Академии, 1874 г., октябрь).

10 «А о Петре ведайте, – говорил он перед Полтавскою битвою, – что ему жизнь не дорога: жила бы только Россия во славе и благоденствии».

11 «Европа, – писал Петр, – нужна нам только на несколько десятков лет, а после того мы можем обернуться к ней задом».

12 Ярость царя не пощадила и его семейства: царевны Софья и Марфа, мутившие стрельцов, и супруга царя, Евдокия Лопухина, державшаяся старинной партии, были пострижены, последняя в том самом Покровском-Суздальском монастыре, который принял некогда в свои стены другую невольную постриженицу, великую княгиню Соломонию, супругу Василия Иоанновича.

13 По случаю взятия Азова царь писал Шереметьеву: «Письмо ваше о пресчастливой победе с превеликою радостью приняли и Господу Богу сердечно благодарили; ибо такие случаи Ему Единому приписывать стоит». При известии о заключении мира со шведами, царь писал: «Николи наша Россия такого полезного мира не получала. Правда, долго

ждали, да дождались. За еже все да будет Богу, всех благ виновнику, выну хвала».

14 После неудачи на берегах Прута, Петр писал в Сенат: «Так воля Божия благоволила и грехи христианские допустили... Но мню, что праведный Бог может к лучшему сделать».

15 Духовным лицам царь между прочим писал следующее: «Хотя довольно власти над сыном по божественным и гражданским правам имею, однако ж боюсь Бога, дабы не погрешить. Ибо натурально есть, что люди в своих делах меньше видят, нежели другие в их. Такожи врачи, хотя би всех искуснее который был, то не отважится свою болезнь сам лечить, но призывает других. Подобным образом сию болезнь свою вручаем вам, прося лечения оной, бояся вечной смерти. Да взыщете и покажете от Св. Писания истинное наставление и рассуждение... дабы мы, из того усмотря, неотягченную совесть в сем деле имели». Светским лицам увещание от царя было в том же роде: «Не влаттируя, сиречь похлебствуя мне и несмотря на лицо, сделайте правду и не погубите душ своих и моей, чтоб

совести наши остались чисты в день страшного испытания».

16 Отечественные Записки Свиньина, № 76 (Август 1826), с. 271 и 272.

17 Таково, например, учреждение «всешутейшего и всепьянейшего собора», во главе которого был поставлен пьяный Никита Зотов, бывший учитель царя, с титулом Иоанникиты, Патриарха презбургского, яузского и всего Кокуя; членам компании розданы в этом соборе разные должности – экклезиархов, диаконов и проч.; сам царь принял на себя должность протодиакона. Кроме того был еще князь-папа, со своей коллегией кардиналов, и князь-игумен.

18 В народе говорили: «Какой он Патриарх? Живет из куска, бережет мантии да клобука белого, затем и не обличает».

19 Так по делу царевича и царицы пострадали и духовники их Яков Игнатьев и Федор Пустынный (оба казнены), многие монахи и монахини. Досифей, епископ Ростовский (по расстрижении Демид Глебов), за пророчество о скорой смерти царя и за ложные видения, которыми он действовал на царицу Евдокию,

колесован. Лишены сана: Исаия, митрополит Нижегородский, за то, что потворствовал раскольникам и видел в шведской войне наказание Божие за новые порядки, и Игнатий, епископ Тамбовский, который давал деньги книгописцу Талицкому и плакал при чтении его фанатических тетрадей, где доказывал, что Петр – антихрист.

20 Из сочинений, составленных Лихудами в Новгороде, известны: 1) Обличение ересям Лютера и Кальвина; 2) против гаждателей Библии; 3) Слово о Софии – Премудрости Божией, сочинение 1708 года (Рукопись Румянцевского Музея, № 244); 4) Похвальное слово святому Варлааму Хутынскому и житие преподобного (Рукопись Хутынского монастыря). Кроме того, переведены с греческого и исправлены канон и стихирьы Софии Премудрости Божией.

21 Голиков, изд. 2-е, V, с. 226. В 1715 году царь повелел указом во всех городах империи, у церквей при оградах, сделать госпитали, «по примеру учрежденных в Новгороде Иовом, митрополитом».

22 Митрополит Иов ревностно и с успехом

подвизался против раскола. После него остались сочинения: против раскольников, о рождении антихриста; письмо к Черкашеву о крещении (у Толстого, IV, № 59); три книги писем его в Новгородской Софийской библиотеке; духовное завещание его в III ч. Описания Соловецкого монастыря, с. 257–263. При нем составлена третья новгородская летопись, летопись преимущественно о храмах (Собрание Летописей, III, 205–279).

23 В одном из писем своих святитель упоминает о сыне своем Иване Михайловиче, служившем в звании подьячего.

24 Описание Макариева Унженского монастыря, с. 17 и 21.

25 В синодике святителя поминаются воины из полка боярина Алексея Семеновича Шеина, скончавшиеся на пути к Азову и убитые под стенами сего города, также воины из полка боярина Бориса Петровича Шереметьева, убиенные в сражении и умершие в плену.

26 Предчувствуя близкое исшествие из мира земного, приготовил он духовное завещание, весьма поучительное и назидательное. Оно напечатано при «Описании жития и чу-

дес святителя».

27 Нетление мощей святителя Митрофана известно было со времени перенесения их в другой храм, при многократных поправках в соборе, где они были погребены. Многочисленные чудеса исцеления притекающих с верою ко гробу угодника Божия побудили к освидетельствованию мощей. Наконец, 7 августа 1837 года, святые мощи новопрославленного святителя Христова были открыты и повелено праздновать повсеместно память святителя Митрофана в день его преставления.

28 Иерусалимский Патриарх Досифей в 1702 г. прислал к царю послание, в котором просил его не ставить на иерархические должности ни греков, ни сербов, ни черкас (малороссов), а ставить одних природных москвитян, «аще и немудрии суть».

29 По всей вероятности, обучаясь в иезуитских школах, он должен был на время отступить от Православия. На одной книге его (в библиотеке Харьковской семинарии) собственноручная надпись: «Exlibris Stanislawi Simonis Jaworscy» (два имени и притом одно –

папистское). Филарета Черниговского Обзор, 1, 382.

30 Artium liberalium et philosophiae magister, consummatus theologus. Так подписался он на панегирике Echo. Там же.

31 Стефан владел необыкновенным даром слова. Даже сочинитель лютеранского пасквиля на «Камень Веры» говорит о Стефане, что он имел удивительный дар слова и «едва подобные ему в учительстве обрестись могли. Мне случилось, – продолжает тот же сочинитель, – видеть в церкви, что он мог, уча слушателей, заставить их по произволу плакать и смеяться». В проповедях его есть сила мысли, есть искусство в расположении частей речи, есть одушевление чувства искреннего, есть наконец и ясность в слове; но им довольно вредит встречающаяся по местам искусственность того времени, позволявшая выставлять картины и обороты речей обиходной жизни, с большой примесью иностранных слов.

32 Стефан писал царю: «Вины, для которых я ушел от посвящения: 1) Писал ко мне преосвященный митрополит Киевский, чтоб

я возвращался в Киев и его во время старости не оставлял при его немощах и недугах. 2) Епархия Рязанская, на которую меня хотели посвятить, имеет еще в живых своего архиерея, а правила святых отцов не повелевают живу суццу архиерею иному касаться епархии – духовное прелюбодеяние (!!). 3) Изощренный завистью язык многие досады и клепы на меня говорил: иные рекли, будто я купил себе архиерейство за 3000 червонных золотых; иные именовали меня еретиком, ляшенком, обливанником. 4) Не дано мне сроку, чтоб я мог приготовиться на такую высокую архиерейскую степень очищением совести своея и чтением книг богодуховных».

33 Тогда же некоторые из увлеченных в ересь разосланы были по монастырям. В архиве Кириллова Белозерского монастыря случилось мне видеть грамоту (митрополита Стефана), при которой был прислан «еретик Артюшка-монах, соумышленник Фомкицирюльника» для заключения в «каменный мешок» – тесную тюрьму в одной из монастырских башен.

34 Иоанникий Галятовский, учитель ритори-

рики в Киевской коллегии и настоятель Купятицкого монастыря на Волыни, был одним из знаменитейших состязательных богословов своего века; многочисленные его сочинения свидетельствуют о той ревности, с какою всю жизнь свою преследовал он всякое учение, враждебное духу православного христианства. Иезуиты еще не встречали между православными такого сильного и непобедимого противника, как Галятовский, – и не одни иезуиты, – даже униаты, евреи и магометане были поражены несокрушаемым словом этого великого поборника Православия. И далеко пронесла молва славное имя Галятовского.

35 В Великой церкви Киево-Печерской Лавры показывают место, где святитель Димитрий всегда становился при богослужении. Оно находится с левой стороны от входа, близ памятника князя Константина Острожского; там теперь поставлена икона святителя, богато украшенная серебряной вызолоченной ризой.

36 Подлинная грамота Иоакима к Варлааму, с указанием ошибок в Минеях, хранится в Московской Синодальной библиотеке (непе-

реплетенный Сборник № IV). Из числа этих важна была только одна: «Напечатасте в книге своей опись, яко Пречистая Богородица зачата и рождена без первородного греха, от Адама происходящего; токмо видим таковое мудрование в книгах латиномудрствующих, но и тии о сем великия при и раздоры меж собою имут». Святитель Димитрий впоследствии, готовя свою Минею ко второму изданию, тщательно заботился, как показывают письма его к Феологу, об исправлении ошибок и недостатков первого издания. И мысли о рождении Богоматери без греха первородного уже нет в последующих изданиях Миней.

37 В этом монастыре при управлении святого Димитрия, вероятно в 1691 году, скончался Адам Зерников, достойный полного уважения, но в свое время едва замеченный. Рожденный в лютеранстве, Адам сам по себе почувствовал недовольство учением Лютера. Чтение книги Критопула «Исповедание церкви греческой» обратило мысли его к Православной Церкви. Главный предмет спора Православия с Римом – исхождение Святого Ду-

ха – обратил на себя все его внимание. Он посетил библиотеки Оксфорда, Кембриджа, Парижа и Рима, чтобы в древних и лучших списках отеческих сочинений видеть учение отцов о сем предмете. Следствием этого труда была полная уверенность в правоте Церкви Православной. Он прибыл к Лазарю, архиепископу Черниговскому, и объявил ему свое желание соединиться с Православной Церковью. Вместо устного отречения от лютеранства он представил на бумаге «опровержение лютеранской веры». Затем гетман принял его с честью в Батурине, как хорошего инженера; но он, приняв иночество, занялся собранием разысканий своих по библиотекам. Около 1682 г. окончил он свой обширный трактат «Об исхождении Духа Святого от Единого Отца». Это было сочинение образцовое, какого доселе не было и на Востоке. Оно писано на латинском языке и издано в двух частях архиепископом Самуилом Мстиславским в Кенигсберге, 1774 и 1776 года.

38 Это малое издание, впоследствии обещавшее и проданное батуринскому помещику, покойнику П.И. Прокоповичу, существует

и теперь при учрежденной им школе пчеловодства и служит для сбережения воска и меда.

39 «Окаянное наше время! – говорил святитель Димитрий в одной из своих проповедей. – Окаянное время, в которое так пренебрежно сеяние слова Божия, и не знаю, кого прежде надобно винить – сеятелей или землю, священников или сердца человеческие, или тех и других вместе? Сеятель не сеет, а земля не принимает, иереи небрегут, а люди заблуждаются; иереи не учат, а люди невежествуют; иереи слова Божия не проповедают, а люди не слушают и слушать не хотят. С обеих сторон худо: иереи глупы, а люди неразумны, иерейские жены и дети многие никогда не причащаются, иерейские сыновья приходят ставиться на отцовские места, мы их спрашиваем: давно ли причащались? И они отвечают, что и не помнят, когда причащались. О окаянные иереи, не радящие о своем доме! Как могут радеть о святой Церкви люди, домашних своих к святому причащению не приводящие?»

40 К сожалению, средства епархии, ограни-

чиваемые до крайности монастырским Приказом, лишили святителя возможности содержать училища. До нас дошло следующее письмо святителя Димитрия к Иову Новгородскому: «Уподобляешься Господу своему, когда, желая иметь людей учительных, разумных в пастве своей, собрал немалое число учеников и предложил им то учение, которое есть начало и источник всему любомудрию, т. е. еллино-греческий язык, которым все мудрые учения распространились по всем народам. Я, грешный, пришедши на престол ростовской паствы, завел было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше и уже начали было грамматику разуместь недурно; но, попущением Божиим, скудость архиерейского дома положила препятствие: питающий нас вознегодовал, будто много издерживается на учителей и учеников, и отнято все, чем дому архиерейскому питаться, не только отчины, но и церковные дани и вечные деньги. Умалчиваю о прочих поведениях наших. Sat sapienti! (разумеющему довольно)».

41 В 1766 г. шайка раскольников решилась

было украсть и сжечь мощи святителя, но не успела в покушении оттого, что святитель сам известил во сне архимандрита о замысле злодеев. (Описание Ростовского Иаковлевского монастыря. Москва, 1850 г., с. 60–62.)

42 Сочинения святителя Димитрия весьма многочисленны. Довольно подробный список их помещен в Словаре писателей митрополита Евгения и в Обзоре русской Духовной Литературы Филарета, архиепископа Черниговского.

43 Святитель Димитрий и Стефан Яворский условились между собой, чтобы тот, кто первый из них умрет, был погребен другим. Рязанский митрополит сдержал свое слово: он явился в Ростов на погребение своего друга, оросил слезами священные останки его, произнес усопшему надгробное слово и сочинил надгробную надпись в стихах. Словарь достопамятных людей Русской Земли, ч. 1, с. 532.

44 В завещании своем святитель Димитрий говорит: «Никтоже да трудится смерти моей испытую или взыскуя какового-либо келейного моего собрания: ибо ниже на погре-

бение что оставляю, ни на поминование, да нищета иноческая наипаче на кончине явится Богу. Верую бо, яко приятнее Ему будет, аще ни едина цата по мне не отстанет, неже егда бы многое собрание было раздаваемо. И аще мене тако нища никто же восхощет обычному предати погребению, молю убо тех, иже свою смерть памятствуют, да отвлекут мое грешное тело во убогий дом и тамо между трупиями да повергнут е. Аще же владычествующих изволение повелить мя умерша погребсти по обычаю, то молю христолюбивых погребателей, да погребут мя в монастыре святого Иакова, епископа Ростовского, во угле церковном, идеже место ми назнаменовах: о сем челом бью».

45 По блаженной кончине святителя Димитрия протекло 42 года, и Господь Бог благоизволил прославить угодника Своего. Несмотря на то, что мощи святителя Димитрия лежали в сыром месте, не покрытом сводами, тление не прикоснулось к священным останкам праведника; даже одежда святителя, его митра, шелковые четки вишневого цвета сохранились в прежнем виде, тогда как дубовый

гроб совершенно сгнил. Чудесные исцеления, источаемые верующим молитвою и ходатайством угодника Божия, предвозвестили прославление его у Господа. По освидетельствовании мощей и поверке чудес, Святейший Синод манифестом 22 апреля 1757 года причислил Димитрия к лику святых и назначил повсеместное празднование памяти его 21 сентября – в день открытия мощей и 28 октября – в день преставления. Нетленные мощи поставлены открыто на том месте, где прежде почивали они в могиле. Благодетельством дочери Петра I, императрицы Елизаветы, устроена из первого серебра, открытого в ее царствование, великолепная кованая серебряная рака святителю Димитрию, в которую нетленные мощи его переложены 23 мая 1763 года, в присутствии императрицы Екатерины II. Длина раки 3 арш. 7 вершк., ширина 2 арш. 6 вершк., ширина в тумбе 3 арш.; на крышке раки литые атрибуты архиерейского достоинства.

46 В 1684 г., по воле китайского императора, разорены были русские селения на реке Амуре; несколько пленников, жители Албазина со священником их, отведены были в Ки-

тай и поселены в северо-восточном углу Пекина особою слободою под именем «русской роты». Император приказал дать им готовое буддийское капище для устройства церкви, которая и была устроена во имя Софии, Премудрости Божией. В 1695 году Тобольский митрополит Игнатий отправил к ним с верхотурским священником Григорием и с Тобольским диаконом Лаврентием антиминс, миро, богослужебные книги и утварь.

47 Спасский-Сибирский Вестник, 1822 год, с. 117–192.

48 Словарь достопамятных людей Русской Земли Бантышъ-Каменского, с. 111, 219.

49 Спасская в Якутске с 1660 г., Троицкая в Киренске с 1663 г. и Вознесенская в Иркутске с 1672 г.

50 В царствование императора Павла I сенаторы Ржевский и Левашов, ревизовавшие Иркутскую губернию, донесли государю о нетлении мощей святителя Иннокентия; а в 1800 году Амвросий, митрополит Новгородский, объявил Святейшему Синоду Высочайшее повеление о рассмотрении всех обстоятельств, изъясненных в рапорте сенаторов и

приложенных при нем сведений от тогдашнего Иркутского епископа Вениамина с краткой выпиской о чудесах, происходивших при гробе святителя. По следствию оказалось, что мощи и самая одежда в Бозе почившего пребыли совершенно нетленными, а чудеса, бываемые от них, не подвержены никакому сомнению. Через два года после сего снова произведено расследование, и как бы во свидетельство несомненного прославления угодника Божия, в том же году, когда сторел весь монастырь, уцелела одна лишь деревянная церковь, под которой почивали мощи святителя Иннокентия. В 1804 г. указом Святейшего Синода от 1 декабря установлено праздновать память святителя Иннокентия 26 ноября. В 1805 г. 9 февраля, по облачении мощей в святительские ризы, они были перенесены в соборную Успенскую церковь, где и ныне открыто почивают в серебряной позолоченной раке, источая всем верующим исцеления.

51 Петр заподозрил святителя Стефана в расположении к царевичу, бывшему тогда за границей, по следующему месту проповеди на 17 марта (день памяти святого человека

Божия и именин царевича): «О, угодниче Божий! Не забуди и тезоименинника твоего, и особенного заповедей Божиих хранителя и твоего преисправного последователя. Ты оставил еси дом свой: он такожде по чужим домам скитается; ты удалился от родителей: он такожде; ты лишен от рабов, слуг и подданных, друзей, сродников, знакомых: он такожде; ты человек Божий: он такожде раб Христов. Молим убо, святче Боже! Покрый своего тезоименинника, нашу едину надежду». В той же проповеди были слова, которые Петр мог применить к себе: «Море свирепое, море – человеке законопреступный! Почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берег есть закон Божий, берег есть – во еже не прелюбы сотворити, не вождеleti жены ближнего, не оставляти жены своя; берег есть, во еже хранити благочестие, посты, а наипаче четыредесятницу; берег есть почитати иконы».

52 Феофан положил в основание следующее правило: «испытывали б (проповедники) сами от Священного Писания, что есть воля Божия, и то б говорили». (Стефан Яворский и Феофан Прокопович как исповедники. Рас-

суждение, писанное на степень магистра Ю.Ф. Самариным, М., 1884, с. 132).

53 ?????

54 Стефан написал и послал обличение на богословскую систему Прокоповича к епископам Алексию Сарскому и Варлааму Тверскому, вызванным в Петербург для посвящения Феофана в сан епископа Псковского, с тем чтобы они донесли об этом государю и формально потребовали бы от Феофана, перед посвящением, отречения от указанных пунктов и публичного оглашения, что лекции его были неправильны; в случае же отказа Феофана, Яворский требовал, чтобы обличение его было представлено Вселенским Патриархам. Но протест этот, по замечанию Евгения, в некоторых статьях действительно привязчивый, не был уважен и, к сожалению, послужил лишь поводом к распре между сими двумя иерархами (Словарь Исторический, ч. II, с. 261).

55 Так из Сергиевой Лавры Петр взял в разное время «на ратное дело» и в разные Приказы 402 000 серебряных рублей, 200 золотых червонных и 1000 ефимков. Кроме того от

Лавры было отписано на Олонецкие верфи и на Невский монастырь 4412 дворов.

56 Святотроицкая Александровская Лавра основана в 1710 году при устье речки Черной, на месте, прославленном победами святого князя Александра Невского над шведами. Мощи святого князя, почивавшие открыто во владимирском Рождественском монастыре, перевезены в 1724 году до Новгорода и там поставлены на яхту. Царь со своею свитою встретил 30 августа святые мощи при устье реки Ижоры, снял их с яхты на свою галеру и сам управлял рулем до монастыря, где святые мощи положены в бывшей тогда деревянной церкви под спудом. Тогда же установлен праздник 30 августа. Серебряная рака пожертвована в 1752 году дочерью Петра, Елисаветою, из первого серебра, добытого в ее царствование.

57 Священники, по словам публициста петровского времени, крестьянина Посошкова, были «ничем от пахотных мужиков не отменны: мужик за соху – и поп за соху; мужик за косу – и поп за косу. Понеже, аще пашни ему не пахать, то голодну быть; где было идти

в церковь на славословие Божие, а поп пойдет с мужиками овины сушить, где было обедню служить, а поп пойдет с причетниками хлеб молотить, а паства духовная остается в стороне».

58 Велено наблюдать за священниками, чтобы они не шумели пьяные по улицам, не ссорились по-мужичьи на обедах, не являли силы и храбрости к питию, не пили по кабакам, не ложились спать на улицах.

59 Снова повторяем, что пределы наших «Рассказов» не позволяют нам входить в подробности дел раскольничьих.

60 Александр после опять отступил от Церкви и был казнен, как оскорбитель власти и обманщик (Собрание Законов 1721 года № 3522).

61 «Пращица» Питирима спасла многих в его пастве и в других местах. Она показывает в Питириме не только удивительную начитанность, но ум ясный и пронизательный, верное знание Священного Писания и духа Христовой Церкви. С мученическим терпением старается он довести любящих споры до сознания в ошибках, до разумения верного

пути, – подробно разбирает с ними каждое сомнение их, объясняет непонятое ими и с сердечною теплотою обращается к их совести. Здесь виден Питирим с его умом здравым, с его сердцем, полным любви, с решимостью воли твердою; виден тот учитель Церкви, какой нужен в борьбе с расколом.

62 Эта грамота замечательна еще и в том отношении, что она составляла как бы училищную инструкцию. Главнейшие пункты ее суть следующие: преподавать науки «через своих православных префектов и профессоров и учителей, а не отинуда приходящих», вменив им в святую обязанность делать свое дело «с великою ревностью и тщанием, так как и предки их в тех же школах радетельно, спокойно и свободно детей учили без всяких препинаний, во всяком почитании и безопасности». Преподавать же «не токмо пиитики и риторики, и философии и богословии учение, а также славено-российский, еллино-греческий и латинский язык. В преподавании наук свободных ни в чем не отлучатися исповедания святые восточные Церкви, наипаче остерегаться того накрепко, чтоб учение было

благочестивое, христианское, восточного исповедания». В этой грамоте коллегия названа просто «школами», а все воспитанники без различия «учениками».

63 По словам очевидца, «пусть город Киев остался, яко выгнано всех обитателей из Киева и странствоваху от града во град, един другого чуждаючися – отец детей, дети отца и мнозех трупие поядаху дверие, птицы, псы и свиньи. Церкви божественные опустеша, також и монастыри, и не бе ни жертвы, ни приношения, и таково бяше время, яко ни купити, ни продати, ибо города сталися позапираны, дома позабиваны, жители изгнаны, и все яже кто имеяше, оставляше и богаше по пустынях и полях».

64 Вина Иоасафа осталась неизвестною. Может быть, замечали в нем расположение к несчастному царевичу; еще более правдоподобно, что митрополит навлек на себя подозрение тем, что был в близких отношениях к Мазепе и посещал его, при мнимой его болезни, в Борзне, незадолго перед открытием измены.

65 Палладий учил только на латинском

языке, учил недолго: изнуренный продолжительным и трудным учением в школах западных, он скончался 23 января 1703 года и погребен в Заиконоспасском монастыре.

66 В 1699 г. Петр писал Патриарху Адриану, что русское духовенство малограмотно, есть в Москве школа, но мало от нее пользы, надобно послать хоть 10 человек в Киев для науки.

67 Иерусалимский Патриарх Досифей прислал в 1703 году к местоблюстителю Стефану послание, в котором выразил сильное негодование на недоброжелательство последнего к грекам, на латинское направление его сочинений и на изгнание из Московской академии греческого языка; при этом он заранее предварял местоблюстителя, что на востоке не потерпят, если его выберут в патриархи. «Находясь в Москве, – писал Патриарх, – ты стер в конце еллинское училище и только о латинских школах заботишься. Не может быть Патриарх из малороссиян или белорусов, потому что они, имея сношения с латинами, принимают многие нравы их и догмы. За примерами не нужно далеко ходить: довольно тебя, который отправившись в латинские

земли для снискания мудрости, принес хульные писания в дар воспитавшей и почтившей тебя восточной Церкви. Зачем ты опасешься обличать тех, которые приносят смущение в царствующий град (т. е. иностранцев)? Святейший Патриарх Иоаким, видя смущение в Церкви, с великим тщанием искоренял их, а ты молчишь!»

68 В первой части Регламента сказано: «От соборного правления нельзя опасаться отечеству мятежей и смущения, какие происходят от единого правителя духовного, ибо простой народ не ведаёт, как различается власть духовная от самодержавной, но великого высочайшего пастыря честью и славою удивлённый помышляет, что такой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или ещё и больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство; так сам собою народ умствовать привык: что же, когда приложатся плевелные разговоры властолюбивых духовных лиц и к сухому хворосту огонь подложат? Простые сердца так мнением этим развращаются, что не только смотрят на самодержца своего, сколько на верховного

пастыря, и когда услышат между ними распрю, то все более духовному, чем мирскому правителю сочувствуют, хотя слепо и пребезумно, за духовного ратовать и бунтовать дерзают, и льстят себя окаянные, что по Самом Боге поборают и руки свои не оскверняют, но освящают, хотя бы и на кровопролитие устремились. Такому в народе мнению очень рады бывают коварные люди, враждующие на своего государя».

69 Указ 25 января 1721 г.: «Должна есть коллегия сия (Святейший Синод) и новыми вперед правилами дополнять регламент свой, яковых востребууют разные разных дел случаи». Первое прибавление к Регламенту составлено было Синодом в 1722 году. В указе 1732 года издано Синодом новое дополнение (Собрание Законов № 6177). Вообще указы Синода с правилами составляют дополнения к Регламенту.

70 История Русской Церкви преосвященно-го Филарета, ч. V, с. 3–5.

Приложения

Хронологическая таблица к очеркам истории Церкви[3]

СВЯЩЕННИК СЕРГИЙ МАНСУРОВ

I ВЕК

2 поколение

1. Святые Апостолы: Иаков, Иоанн Богослов, Петр, Павел, Варнава и другие. Святые Евангелисты: Матфей, Марк, Лука.

2. Иерусалим, Антиохия, Рим (Ефес).

3. Деяния и Послания указанных Апостолов.

3 поколение:

1. Святой апостол Иоанн Богослов, Святой Климент Римский (Святой Ерм).

2. Ефес, Рим.

3. Послания и Апокалипсис апостола Иоанна Богослова. Послания к Коринфянам Святого Климента Римского. Книга «Пастырь» Ерма.

Пособия: История Церкви Евсевия Кеса-

рийского. Отчасти Апокрифы: Успение апостола Иоанна Богослова, Мученичество равноапостольной Феклы и др. Толкование Свя-
тых Отцов на Священное Писание, к примеру: Толкование Святого Иоанна Златоуста на Евангелие и Деяния.

II ВЕК

1 поколение:

1. Святой Игнатий Богоносец (Святой Поликарп Смирнский), Святой Ерм.

2. Малая Азия (Сирия), Рим.

3. Послания Святого Игнатия Богоносца. Учение 12-ти Апостолов – «Дидахи». Мученические акты Святого Игнатия Богоносца. Книга «Пастырь» Ерма. Послание Поликарпа Смирнского.

2 поколение:

1. Святой Поликарп Смирнский, Святой Иустин Философ (Святой Мелитон Сардикийский).

2. Малая Азия (Рим).

3. Мученические акты Поликарпа Смирнского, его Послание. Мученические акты и

творения Святого Иустина Философа. Творения Иринея Лионского (Послание к Диогнету). Творения Апологетов.

3 поколение:

1. Святой Иринея Лионский, мученики Лионские.

2. Малая Азия, Галлия, Рим.

3. Творения Святого Иринея Лионского. Послания о мучениках Лионских, Мученические акты Аполлония и других Римских мучеников (творения Апологетов). Творения Тертуллиана и Климента Александрийского.

Пособия: История Церкви Евсевия Кесарийского. Мученические акты позднейших редакций.

III ВЕК

1 поколение:

1. Святой Ипполит Римский, мученики Карфагенские (Филицитата, Перпетуя и др.) и Римские.

2. Рим (Малая Азия), Карфаген.

3. Творения Святого Ипполита Римского. Мученические акты Филицитаты, Перпетуи и др. (творения Оригена, Тертуллиана и Кли-

мента Александрийского). «Октавий» Минуция Феликса. Мученические акты.

2 поколение:

1. Святой Киприан Карфагенский, Святой Дионисий Александрийский, Святой Григорий Чудотворец Неокесарийский.

2. Карфаген (Рим), Малая Азия, Египет.

3. Творения Святого Киприана Карфагенского, особенно его письма и книги «О падших» и «О единой Церкви» (Святой Дионисий Александрийский, Григорий Неокесарийский и его житие, написанное Святым Григорием Нисским).

3 поколение:

1. Святой Антоний Великий, Святой Мефодий Патарский.

2. Египет, Малая Азия.

3. Житие Святого Антония Великого, написанное Святым Афанасием Великим, и его письма к монахам. Творения Святого Мефодия Патарского. Мученические акты.

Пособия: История Церкви Евсевия Кесарийского.

IV ВЕК

1 поколение:

1. Преподобный Пахомий Великий (и Феодор), Преподобный Антоний Великий, Святой Николай Чудотворец, Святой Спиридон Тримифунтский, Александр Александрийский, первое поколение учеников Преподобного Антония Великого, Святой Равноапостольный Константин.

2. Египет.

3. Жития указанных святых. Письмо епископа Аммона к Феофилу Александрийскому «О жизни Пахомия и Феодора». Послание Святого Александра Александрийского и другие документы по 1 Вселенскому Собору и Истории Церкви IV и I веков: Евсевия, Сократа, Созомена. «Достопамятные Сказания» Феодорита. Древний Патерик.

2 поколение:

1. Святой Макарий Египетский, Святой Афанасий Александрийский, Преподобный Антоний Великий, Преподобный Иларион Палестинский.

2. Египет (Палестина, Сирия, Каппадокия).

3. Творения Преподобного Макария Египетского (и его Житие). Творения Афанасия Александрийского. Древний Патерик (или «Достопамятные Сказания»). «История монахов» Руфина. «Лавсаик» Палладия Елеонского.

3 поколение:

1. Святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Святой Мелентий Антиохийский, Преподобный Ефрем Сирий, Амвросий Медиоланский, Григорий Нисский, Блаженный Иероним Стридонский и его друзья.

2. Египет, Сирия, Каппадокия, Константинополь, Палестина, Италия.

3. Творения трех Святителей (особенно литургия), их Жития и других указанных святителей: «Лавсаик» Палладия (связь Златоуста с Египетскими Подвижниками по «Лавсаику»), «Собеседование» Преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, «История монахов» Руфина.

Пособия: История Церкви Евсевия Кесарийского, Сократа, Созомена и Феодорита.

V ВЕК

1 поколение:

1. Святой Исидор Пелусиот, Святой Кирилл Александрийский (Блаженный Феодорит Киррский, Святой Симеон Столпник), Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, Блаженный Иероним.

2. Египет, Сирия (Италия с Галлией, Палестина, Карфаген).

3. Творения Преподобного Исидора Пелусиота, Святого Кирилла Александрийского, Блаженного Феодорита Киррского (особенно «История Боголюбцев»), Преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, Блаженного Августина (особенно его «Исповедь»), Блаженного Иеронима. Жития Преподобных Египта: Паисия Великого, Виссариона, Пимена Великого, Арсения Великого и др. «Достопамятные Сказания». Деяния III Вселенского Собора.

2 поколение:

1. Преподобный Симеон Столпник (Блаженный Феодорит), Святой Лев Великий, папа Римский, Блаженный Диадок, епископ Фотий, Святой Евфимий Великий, Преподобный Исихий Иерусалимский, Преподобный Нил Синайский.

2. Сирия, Италия (с Галлией), Палестина и Карфаген.

3. Житие Преподобного Симеона Столпника (Великие Четы-Минеи), «История Боголюбцев» Блаженного Феодорита и некоторые его письма (о примирении с Иоанном Антиохийским). Творения Преподобного Нила Синайского и Святого Льва, папы Римского, Блаженного Диадоча (в Добротолубии и отдельно). Житие Преподобного Евфимия Великого. Творения Преподобного Исихия Иерусалимского. Деяния IV Вселенского Собора.

3 поколение:

1. Святой Евфимий Великий, Преподобный Феодосий Великий, Преподобный Иоанн Козанит и Преподобный Савва Освященный, Авва Филимон, Святой Роман Сладкопевец.

2. Палестина, Константинополь, Сирия.

3. Жития Палестинских Святых: Евфимия, Феодосия, Саввы и др. Творения Аввы Филимона и Святого Романа Сладкопевца.

VI ВЕК

1 поколение:

1. Преподобный Зосима, Преподобный Сав-

ва Освященный, Преподобный Феодосий Великий, Святой Венедикт Нурсийский. Святой Ефрем Антиохийский.

2. Палестина, Финикия, Италия и примыкающие страны.

3. Наставления Аввы Зосимы (Добротолубие и у Аввы Дорофея). Житие Преподобного Макария Египетского (и у историка Евагрия об Авве Зосиме). Житие Преподобного Саввы, Феодосия. Беседы Григория Двоеслова.

2 поколение:

1. Преподобный Варсонофий Великий (и Иоанн Пророк), Святой Венедикт Нурсийский и его ученики; ученики Преподобного Саввы Освященного.

2. Палестина, Италия.

3. Творения Преподобного Варсонофия и Иоанна Пророка («Вопросы и ответы» и Житие Преподобного Варсонофия), «Луг Духовный» – то, что относится к середине VI века. Беседы Святого Григория Двоеслова и другие его сочинения. Деяния V Вселенского Собора.

3 поколение:

1. Преподобный Авва Дорофей (Блаженный Иоанн Мосх), Святой Григорий Двоеслов (Великий, папа Римский), Святой Григорий Акраганский.

2. Палестина, Италия (Египет, Синай).

3. Творения Аввы Дорофея и Григория Двоеслова, Житие Святого Григория Акраганского («Луг Духовный», Великие Четьи-Минеи).

VII ВЕК

1 поколение:

1. Святой Софроний, Патриарх Иерусалимский, Святой Иоанн Милостивый, Блаженный Иоанн Мосх, Преподобный Георгий Хозевит, Блаженный Леонтий Иерусалимский, Преподобный Антиох.

2. Палестина (Синай), Египет.

3. Творения Святого Софрония («Луг Духовный»). Творения Леонтия Иерусалимского, Святого Модеста и «Пандекты» Преподобного Антиоха. Житие Преподобного Георгия Хозевита, Мученика Анастасия Перса. Житие Святого Иоанна Милостивого.

2 поколение:

1. Святой Иоанн Лествичник, Преподобный Максим, Святой Мартин, папа Римский, Авва Фалассий.

2. Синай (Палестина), Ливия (Африка).

3. «Лествица» Преподобного Иоанна Лествичника. Творения и Житие Преподобного Максима Исповедника. Житие Святого Мартина, папы Римского. Творения Аввы Фалассия. Синайский Патерик.

3 поколение:

1. Преподобный Анастасий Синаит и Андрей Критский.

2. Синай (Палестина, Сирия).

3. Творения Преподобного Анастасия Синаита (особенно «Вопросы и ответы» и «Слово на Преображение»). Поучения и песнопения Преподобного Андрея Критского. Деяния VI Вселенского Собора.

VIII ВЕК

1 поколение:

1. Преподобный Исаак Сирин, Святой Герман, Патриарх Константинопольский.

2. Сирия (и Палестина), Константинополь.

3. Поучения Святого Исаака Сирина (там

же о жизни современных ему подвижников). Творения Германа Константинопольского. Житие Преподобномученицы Феодосии, Творения Иоанна Дамаскина (ранние).

2 поколение:

1. Святой Иоанн Дамаскин, Преподобномученик Стефан Новый и другие Вифинские Подвижники.

2. Палестина, Вифиния.

3. Творения и песнопения Святого Иоанна Дамаскина и Космы Манумского. Жития Стефана Нового и Иоанна Дамаскина.

3 поколение:

1. Преподобный Платон Исповедник (и Преподобный Феодор Студит), Святой Тарасий, Патриарх Константинопольский, Преподобный Феофан Сигриан, Преподобный Стефан Чудотворец.

2. Вифиния, Палестина.

3. Слово о Преподобном Платоне (Слово о матери) и другие ранние творения Феодора Студита (частью Житие Феодора Студита). Житие Святого Тарасия Константинопольско-

го. Деяния VII Вселенского Собора. Житие Преподобного Стефана Чудотворца.

IX ВЕК

1 поколение:

1. Преподобный Феодор Студит, Святой Никифор, Патриарх Константинопольский, Преподобные Феодор и Феофан Начертанные, Феофан Сигрианский, Святой Феодор Едесский.

2. Вифиния, Константинополь, Палестина.

3. Творения и Жития Феодора Студита и Патриарха Никифора. Жития Феодора и Феофана Начертанных и Феофана Сигрианского.

2 поколение:

1. Преподобный Иоанникий Великий, Святой Мефодий, Патриарх Константинопольский, равноапостольные Кирилл и Мефодий, просветители славян. Святой Феодор Едесский.

2. Вифиния, Константинополь, Сирия (Палестина).

3. Жития Преподобного Иоанникия Великого, Равноапостольных Кирилла и Мефодия, просветителей славян; Святого Мефодия, Патриарха Константинопольского. Житие и тво-

рения Святого Феодора Едесского. Житие Николая Студита.

3 поколение:

1. Преподобный Иосиф Песнописец, Святой Мефодий, просветитель славян, Блаженный Фотий, Патриарх Константинопольский, Святой Антоний, Патриарх Константинопольский, Преподобный Григорий Хозевит (Грузия), Преподобный Евфимий Новый, Южноиталийские Подвижники (греки).

2. Константинополь, Славянские страны, Афон, Вифиния, Юг Италии, Грузия.

3. Жития и творения Преподобного Иосифа Песнописца, Святого Мефодия, просветителя славян. Житие Святого Антония Кавлея, Евфимия, Патриарха Константинопольского, и Евфимия Нового, Преподобного Григория Ханзитийского. Жития южноиталийских Святых. Творения Блаженного Фотия Константинопольского (особенно его письма).

Пособия: Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской Церкви с половины IX в. до половины XIII в. Казань, 1894. Житие Равноапостольных Кирилла и Мефодия (см. Кни-

гу для чтения по Истории средних веков под ред. П. Виноградова, вып. 2-й).

X ВЕК

1 поколение:

1. Преподобный Михаил Малейн, Преподобный Андрей, Христа ради Юродивый, Преподобный Василий Новый; Блаженный Симеон Метафраст, Святой Евфимий, Патриарх Константинопольский, Святой Петр Аргосский, Святой Климент Величский.

2. Константинополь, Вифиния (Юг Италии).

3. Жития: Преподобного Михаила Малейна, Преподобного Андрея Юродивого, Преподобного Василия Нового, Святого Евфимия, Патриарха Константинопольского. Творения: Блаженного Симеона Метафраста, Патриарха Николая Мистика, Петра Аргосского. Житие и творения Святого Климента Величского.

2 поколение:

1. Святой Афанасий Афонский, Преподобный Симеон Благоговейный, Преподобный Лука Элладский, Преподобный Фантин-Калабрийский (Фессалоникийский), Преподобный

Павел Латрский.

2. Афон, Константинополь, Юг Италии (особенно Калабрия), Эллада.

3. Житие Преподобного Афанасия Афонского, его Устав и другие творения. Поучения Преподобного Симеона Благоговейного (о нем см. в «Словах» Преподобного Симеона Нового Богослова). Жития Преподобного Луки Эладского, Преподобного Фантина и других южно-италийских Подвижников. В Житии Преподобного Нила Россанского о Преподобном Павле Латрском.

3 поколение:

1. Преподобный Нил Россанский, Преподобный Симеон Новый Богослов, Преподобный Афанасий Афонский, Преподобный Никон Метансит, Равноапостольная Ольга.

2. Афон, Юг Италии, Эллада, Константинополь, Русь.

3. Житие Преподобного Нила Россанского. Завещание Преподобного Афанасия Афонского и Творения Преподобного Никона Метансита. Ранние «Слова» Преподобного Симеона Нового Богослова и его Житие. Пролог.

XI ВЕК

1 поколение:

1. Преподобный Симеон Новый Богослов, Преподобные Иоанн и Евфимий Афонские, Преподобный Симеон (инок Синайский), Преподобный Лазарь Галисийский, Равноапостольный Владимир, Преподобный Антоний Печерский.

2. Константинополь, Афон, Синай, Палестина, Малая Азия, Юг Италии, Русь.

3. Житие Симеона Нового Богослова и его творения. Житие Преподобных Лазаря Галисийского и Симеона, инока Синайского. Житие Иоанна и Евфимия. Афонский Патерик. Повесть временных лет (о Равноапостольном князе Владимире).

2 поколение:

1. Преподобный Никита Стифат, Блаженный Иоанн Евхаитский, Преподобный Лазарь Галисийский, Преподобные Антоний и Феодосий Печерские, Преподобный Варфоломей Крптоферратский, Преподобный Ефрем Переяславский, Георгий Иверский, связь Преподобного Феодосия Печерского со Студитским

монастырем времени Никиты Стифата.

2. Константинополь, Афон, Киев, Антиохия.

3. Жития указанных Святых. Творения Преподобного Никиты Стифата. Печерский Патерик. Повесть временных лет.

3 поколение:

1. Преподобный Мелетий Миупольский, Блаженный Иоанн Евхаитский, Преподобный Никон Черногорец (около Антиохии), первые ученики Преподобных Антония и Феодосия Печерских, Блаженный Феофилакт Болгарский, Филипп Пустынник.

2. Константинополь, Антиохия, Киев, Русь.

3. Житие Преподобного Мелетия Миупольского. Творения Блаженного Иоанна Евхаитского, Феофилакта Болгарского, Филиппа Пустынника, «Диоптра». Творения Никона Черногорца. Печерский Патерик.

XII ВЕК

1 поколение:

1. Печерские Подвижники (Преподобный Никола Святоша и др.), Блаженный Феофилакт Болгарский, Владимир Мономах.

2. Киев, Русь, Константинополь, Славянские земли.

3. Печерский Патерик и Повесть временных лет. Творения Блаженного Феофилакта Болгарского. Житие Преподобного Мелетия Миупольского. Поучение Владимира Мономаха.

2 поколение:

1. Преподобная Евфросиния Полоцкая, Преподобный Петр Дамаскин, Святой Леонтий, Патриарх Иерусалимский, Николай, игумен Странтский.

2. Киев, Русь, Палестина (Юг Италии).

3. Житие Преподобной Евфросинии Полоцкой, Творения Преподобного Петра Дамаскина. Житие Святого Леонтия Иерусалимского. Путешествие Фоки. Творения Николая, игумена Странтского.

3 поколение:

1. Преподобные Кирилл и Лаврентий, епископы Туровские, Преподобный Симеон Сербский, Преподобный Савва Сербский, Николай Странтский.

2. Киевская Русь, Афон, Палестина, Юг Италии.

3. Печерский Патерик. Творения и молитвы Преподобного Кирилла Туровского. Житие Преподобного Симеона и Преподобного Саввы Сербского. Творения Николая Странтского (Гидрутского).

XIII ВЕК

1 поколение:

1. Преподобный Авраамий Смоленский и Савва Сербский.

2. Киев, Русь, Афон, Сербия.

3. Житие Преподобного Авраамия Смоленского. Житие и творения Преподобного Саввы Сербского.

2 поколение:

1. Преподобный Мелетий Галасийский, Арсений (наставник Преподобного Григория Синаита), Арсений, Патриарх Константинопольский, Мученики из-за унии (на Афоне и др.), Святой князь Александр Невский

2. Малая Азия (Галасийская обл.), Афон, Северная Русь.

3. Творения Преподобного Мелетия Гала-

сийского («Восторгнутые Класы» в сборнике Паисия Величковского). Житие Преподобного Григория Синаита, Святого Александра Невского. Сведения о Патриархе Арсении Константинопольском в Византийской Истории и др. Афонский Патерик.

3 поколение:

1. Святой Феодит Филадельфийский, Святой Афанасий, Патриарх Цареградский, Святитель Петр, Митрополит Московский, Преподобный Петр Ордынский.

2. Константинополь, Афон, Малая Азия, Галасийский монастырь, Ростов.

3. Творения Преподобного Феодита Филадельфийского (Добротолубие), Житие Святого Афанасия, Патриарха Цареградского (и его письма). Житие Петра Ордынского. Житие Святителя Петра Киевского и Московского.

XIV ВЕК

1 поколение:

1. Преподобный Максим Капсокаливский, Преподобный Григорий Синаит и его ученики, Святые Сербские: Даниил, Стефан и др., Святой Петр, Митрополит Киевский и Мос-

КОВСКИЙ.

2. Афон, Сербия, Ростов (средняя и северная Россия).

3. Житие Григория Синаита и его творения. Житие Преподобного Максима Капокаливского. Житие Святителя Петра Московского, написанное Прохором Ростовским.

2 поколение:

1. Святой Григорий Палама, Преподобный Сергей Радонежский, Святые Филофей и Каллист, Патриархи Константинопольские, Святой Алексий, Митрополит Московский, Преподобный Савва (Афон), Нил Кавасила.

2. Афон, Константинополь, средняя Россия (Московский край).

3. Житие (Филофеево) Григория Паламы и его творения. Творения Каллиста Патриарха и Святого Алексия. Жития указанных Святых. Творения Нила Кавасилы.

3 поколение:

1. Преподобный Сергей Радонежский, Патриарх Каллист и Игнатий Псанфопулос, Святитель Стефан Пермский.

2. Афон, Константинополь, средняя Россия.

3. Житие Преподобного Сергия и летописные сведения о нем; Творения Патриарха Каллиста и Игнатия Ксанфопулоса, Святителя Стефана Пермского и учеников Преподобного Сергия.

XV ВЕК

1 поколение:

1. Преподобный Кирилл Белозерский, Блаженный Симеон Солунский, Преподобный Никон Радонежский, Афанасий Высоцкий, ученики и друзья Преподобного Сергия Радонежского.

2. Северная Россия, Московский край, Афон, Солунь, Константинополь.

3. Житие Преподобного Кирилла Белозерского. Летопись и другие сведения о Преподобном Никоне и Афанасии Высоцком. Творения Блаженного Симеона Солунского.

2 поколение:

1. Преподобный Пафнутий Боровский, Блаженный Марк Ефесский, Патриарх Геннадий Схоларий, Святитель Иона Московский, Преподобный Макарий Калязинский.

2. Средняя Россия, Константинополь, (Афон).

3. Житие Преподобного Пафнутия Боровского. Творения Марка Ефесского и Геннадия Схолария. Житие Макария Калязинского.

3 поколение:

1. Преподобный Иосиф Волоколамский, Преподобный Нил Сорский, Святой Нифонт Цареградский.

2. Северная Россия и Московский край, Афон.

3. Житие Преподобного Иосифа Волоколамского и его творения. Творения Преподобного Нила Сорского. Житие Святого Нифонта Цареградского.

XVI ВЕК

1 поколение:

1. Преподобный Корнилий Комельский, Преподобный Александр Свирский, Преподобный Даниил Переяславский, Иаков Новый.

2. Вологодский край, Северная Россия, Афон.

3. Жития Преподобных Александра Свирского, Даниила Переяславского, Корнилия Ко-

мельского и его учеников (см. также Устав Преподобного Корнилия Комельского).

2 поколение:

1. Преподобный Максим Грек, Святые Казанские: Гурий, Варсонофий и Герман, ученики Корнилия Комельского: Преподобный Геннадий Костромской, Филипп Ирапский и др., Святитель Филипп Московский.

2. Казань, Волоколамский монастырь, Вологодский край.

3. Творения Преподобного Максима Грека. Жития Казанских Святителей. Житие Преподобного Геннадия Костромского и др. учеников Преподобного Корнилия Комельского. Житие Святителя Филиппа Московского (сочинения князя Курбского, там же о Святом Гурии Казанском и Максиме Греке).

3 поколение:

1. Святой священномученик Дорофей, Святой Иринарх Ростовский, Блаженные Ростовские и Московские, Преподобный Трифон Вятский, Святитель Гермоген Московский, Патриарх Иеремия II Константинопольский, Свя-

тая Иулиания Лазаревская.

2. Северная Россия (Вятка), Ростов, Москва.

3. Житие Преподобного Трифона Вятского. «Цветник» священномученика Дорофея. Жития Иулиании Лазаревской, Иринарха Ростовского и др. Творения Патриарха Иеремии Константинопольского (переписка с лютеранами).

XVII ВЕК

1 поколение:

1. Преподобный Дионисий Радонежский, Святитель Гермоген Московский, Преподобный Иринарх Ростовский, Преподобный Иов Почаевский, Никодим Хозьюгорский.

2. Московский край, Ростов, северная Россия.

3. Житие Преподобного Дионисия Радонежского (написано Симоном Азарьиным). Творения Святителя Гермогена. Житие Преподобного Иринарха Ростовского, «Алфавит Духовный». Житие Преподобного Иова Почаевского и Никодима Хозьюгорского.

2 поколение:

1. Блаженный Иларион Суздальский; Пре-

подобномученик Афанасий Брестский; Преподобный Макарий Овручский (Лазарь Баранович и его сподвижники).

2. Флорищева Пустынь, Украина (Чернигов).

3. Житие Преподобного Илариона Суздальского. «Диаруш» Преподобного Афанасия Брестского – Житие и описание его кончины. Житие Преподобного Макария Овручского.

3 поколение:

1. Святитель Димитрий Ростовский, Святитель Феодосий Черниговский, Святитель Иоанн Тобольский, Досифей Иерусалимский, Блаженный Иларион Суздальский.

2. Украина (Киев, Чернигов).

3. Житие и творения Святителя Димитрия Ростовского и других указанных Святых и писателей.

XVIII ВЕК

1 поколение:

1. Старец Иоанн Саровский, Святитель Иоанн, Митрополит Тобольский, Старец Иов Соловецкий, Преподобный Акакий Афонский, Святитель Димитрий Ростовский.

2. Средняя Россия, Афон, Сибирь.

3. Автобиография Иоанна Саровского, его «Устав Саровской Пустыни» и другие творения. Творения Святителя Иоанна Тобольского, Святителя Димитрия Ростовского (поздние). Жизнеописания Иова Соловецкого и Преподобного Акакия Афонского (Афонский Патерик и у Григоровича-Барского).

2 поколение:

1. Молдавские Старцы – Михаил, Василий Мерлополянский, Старец Паисий Величковский, Святитель Иоасаф Белгородский, Старец Ефрем Саровский, Старец Досифей Киевский.

2. Молдавия, Афон, Саров, Украина.

3. Жизнеописание Паисия Величковского с приложениями (Творения Василия Мерлополянского). Житие и другие сведения о Святителе Иоасафе Белгородском (собранные кн. Жеваховым). Описание Саровской пустыни (о Старце Ефреме и др. Саровских Старцах). Жизнь Досифея Киевского (в рукописи Синодальной Библиотеки).

3 поколение:

1. Саровские Старцы – Пахомий, Назарий Валаамский, Феодор Санаксарский, Святитель Тихон Воронежский, Митрополит Гавриил Новгородский, Старец Паисий Величковский, Подвижники Брянских лесов – Старцы Адриан, Василиск, Никодим Святогорец.

2. Саров, Воронеж, Северная Россия, Афон, Молдавия.

3. Описание Саровской Пустыни и Житие Преподобного Серафима. Жизнеописание Феодора Санаксарского и воспоминания архимандрита Феофана Новоезерского. Воспоминания келейника Святителя Тихона Воронежского, его Житие и творения. Жизнеописание и письма Митрополита Гавриила. Жизнеописание и творения Паисия Величковского. Жизнеописание Зосимы Верховского и написанное им житие Старца Василиска.

XIX ВЕК

1 поколение:

1. Преподобный Серафим Саровский, Архиепископ Антоний Воронежский, Старец Лев Оптинский, Старец Зосима Верховский, Митрополиты Платон и Филарет Московские. Завторник Георгий Задонский, Старец Филарет,

игумен Глинский.

2. Саров, средняя Россия (Воронеж, Калужский край), Сибирь, Афон, Глинская пустынь.

3. Жизнеописание Преподобного Серафима Саровского, его наставления. «Летопись Саровского Дивеевского монастыря» архимандрита Леонида Чичагова, беседы с Мотовиловым. Жизнеописание и письма Льва (Леонида) Оптинского, Старца Зосимы Верховского, Моисея Оптинского. Творения Митрополита Платона и Филарета Московских. Автобиография Митрополита Платона. «Отзывы и мнения» Филарета Московского. Жизнеописание и письма Георгия Задонского. Жизнеописание и другие сведения об Антонии Воронежском. Жизнеописание Парфения Киевского.

2 поколение:

1. Оптинские Старцы Моисей, Макарий и другие; Митрополиты Филарет Московский и Филарет Киевский; Архимандрит Антоний (ученик Преподобного Серафима, наместник Троице-Сергиевой Лавры), Старец Парфений Киевский; Епископ Игнатий Брянчанинов; ученики Старца Филарета Глинского.

2. Оптина Пустынь, Московский край, Киев, Глинская пустынь.

3. Жизнеописание указанных лиц, их письма и творения; «Странствия инока Парфения»; «Откровенные рассказы странника»; ранние творения Епископа Феофана Затворника («Путь ко Спасению» и др.).

3 поколение:

1. Старцы Амвросий и Иосиф Оптинские, Епископ Феофан Затворник, протоиерей Иоанн Кронштадтский, иеросхимонах Александр Гефсиманский, Старец Варнава.

2. Оптина пустынь, Московский край, Кронштадт (Петербург).

3. Жизнеописания указанных лиц и их творения. «Моя жизнь во Христе» протоиерея Иоанна Кронштадтского.

Пособия: «Жизнеописания подвижников XVIII и XIX вв.».

XX ВЕК

Кто внутренне усвоит жизнь и творения предыдущих поколений, тот найдет современных им преемников.

Хронологический список русских Святых[4]

IХ век

Святой равноапостольный Кирилл, учитель Словенский († 869)

Святой равноапостольный Мефодий, учитель Словенский († 885)

Преподобный Сергей Валаамский (IX в.?)

Преподобный Герман Валаамский (IX в.?)

X век

Святой блаженный Андрей, Христа ради юродивый, славянин из Новгорода, Константинопольский (1-ая пол. X в.)

Святая равноапостольная благоверная великая княгиня Российская

Ольга, в крещении Елена († 969)

Святой мученик Феодор варяг, Киевский († 983)

Святой мученик Иоанн варяг, Киевский († 983), сын Феодора варяга

Святитель Михаил, первый митрополит Киевский и всея Руси († 992)

XI век

Святой равноапостольный благоверный великий князь Российский Владимир, в крещении Василий († 1015)

Святой благоверный князь Борис Ростовский, страстотерпец Российский, в крещении Роман († 1015)

Святой благоверный князь Глеб Муромский, страстотерпец Российский, в крещении Давид († 1015)

Святой мученик Георгий отрок († 1015)

Святитель Феодор, епископ Ростовский († 1023)

Святитель Иоаким Корсунянин, епископ Новгородский († 1030)

Святой преподобномученик Моисей Угрин, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († ок. 1031–1043)

Святая благоверная княгиня Анна Новгородская († 1050), супруга святого благоверного князя Ярослава Мудрого

Святой благоверный князь Владимир Ярославич Новгородский († 1052), сын святого благоверного князя Ярослава Мудрого Преподобный Ефрем Новоторжский († 1053)

Святитель Иларион, митрополит Киевский и всея Руси († ок. 1053)[5]

Святой благоверный князь Ярослав Мудрый Киевский, в крещении Георгий († 1054)

Святитель Лука, епископ Новгородский († 1060)

Преподобный Судислав, князь Псковский, затворник Киевский, в крещении Георгий († 1063)

Преподобный Варлаам, игумен Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († 1065)

Преподобный Иларион схимник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий († 1066)

Преподобный Иеремия прозорливый, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († ок. 1070)

Преподобный Дамиан пресвитер, целеник, Киево-Печерский, в в Ближних пещерах почивающий († 1071)

Святитель Леонтий священномученик, епископ Ростовский († 1073) Преподобный Антоний Киево-Печерский, первоначальник монашеского жития на Руси, в Ближних пеще-

рах почивающий († 1073)

Преподобный Авраамий, архимандрит Ростовский († ок. 1073–1077)

Преподобный Феодосий Киево-Печерский, общих житий начальник, в Дальних пещерах почивающий († 1074)

Святой благоверный великий князь Свято-слав Киевский († 1076)

Преподобный Аркадий, Вяземский и Новоторжский († 1077)

Святой благоверный великий князь Изяслав Киевский, в крещении Димитрий († 1078)

Преподобный Матфей прозорливый, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († ок. 1085)

Святой благоверный князь Ярополк Владимиро-Волынский, в крещении Петр († 1086)

Преподобный Иоанн Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († до 1088)

Преподобный Никон, игумен Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († 1088)

Святитель Николай, епископ Тмутараканский († после 1088)

Святитель Иоанн II, пророк, митрополит

Киевский и всея Руси († 1089)

Святитель Лука, епископ Белгородский († после 1089)

Святитель Исаяя, епископ Ростовский († 1090)

Преподобный Исаакий затворник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († ок. 1090)

Преподобный Иоанн, игумен Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († 1092)

Святой преподобномученик Григорий чудотворец, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († 1093)

Святитель Стефан, епископ Владимиро-Волынский († 1094)

Святитель Марин, епископ Юрьевский († 1095)

Преподобный Агапит, врач безмездный, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († ок. 1095)

Святитель Герман, епископ Новгородский († 1096)

Святой преподобномученик Евстратий Киево-Печерский, в Ближних пещерах почиваю-

ций († 1097)

Святой преподобномученик Климент, игумен Киево-Зверинецкий и иже с ним († ок. 1097)

Святой преподобномученик Феодор Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († 1098)

Святой преподобномученик Василий Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († 1098)

Святитель Ефрем, епископ Переяславский, в Киевских Ближних пещерах почивающий († ок. 1098)

Преподобный Захария Киево-Печерский († после 1098), сын Иоанна

Киево-Печерского, в Ближних пещерах почивающий

Преподобные двенадцать греков, создатели Великой церкви Киево-Печерской обители в честь Успения Пресвятой Богородицы, в Ближних пещерах почивающие (XI в.)

Преподобный Марк гробокопатель, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XI–XII вв.)

Преподобный Феофил слезоточивый, Кие-

во-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XI–XII вв.)

Преподобный Иоанн богоугодник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XI–XII вв.)

Преподобный Феофил другой, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XI–XII вв.)

Преподобный Феодосий другой, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XI–XII вв.)

Преподобный Иоанн другой, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XI–XII вв.)

XII век

Святитель Николай, митрополит Киевский и всея Руси († ок. 1101–1103)

Преподобный Прохор чудотворец, лебедник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († 1107)

Святитель Никита, епископ Новгородский († 1108)

Преподобный Пимен многоболезненный, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почи-

вающий († 1110)

Преподобная Анна, княжна Киевская († 1112)

Преподобный Алипий иконописец, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († 1114)

Преподобный Григорий иконописец, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XII в.)

Преподобный Никон сухой, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (нач. XII в.)

Преподобный Нестор летописец, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († ок. 1114)

Преподобный Пимен постник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († после 1114)

Святой священномученик Кукша, просветитель вятичей, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († после 1114)

Святой преподобномученик Никон, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (после 1114)

Преподобный Исаия чудотворец, Киево-Пе-

черский, в Ближних пещерах почивающий († 1115)

Святитель Мина, епископ Полоцкий († 1116)

Святитель Амфилохий, епископ Владимиро-Волынский († 1122)

Святитель Феоктист, епископ Черниговский († 1123)

Святой благоверный великий князь Владимир Мономах, Киевский, в крещении Василий († 1125)

Святой благоверный князь Константин Муромский († 1129)

Святая благоверная княгиня Ирина Муромская (XII в.), супруга святого благоверного князя Константина Муромского

Святой благоверный князь Михаил Муромский (XII в.), сын святого благоверного князя Константина Муромского и святой благоверной княгини Ирины Муромской

Святой благоверный князь Феодор Муромский (XII в.), сын святого благоверного князя Константина Муромского и святой благоверной княгини Ирины Муромской

Преподобный Тимофей, игумен Киево-Пе-

черский, в Дальних пещерах почивающий († 1131)

Святой благоверный великий князь Мстислав Киевский, в крещении Феодор († 1132)

Святой благоверный князь Всеволод Псковский, в крещении Гавриил († 1138)

Преподобный Пимен постник, игумен Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий († 1141)

Преподобный Спиридон просфорник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († ок. 1141)

Преподобный Никодим просфорник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († ок. 1141)

Святитель Пантелеимон, епископ Черниговский († 1142)

Преподобный Никола святоша, князь Черниговский, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († 1143)

Преподобный Мартин Туровский († после 1146)

Святой благоверный великий князь Игорь Черниговский и Киевский, страстотерпец († 1147)

Преподобный Антоний Римлянин, Новгородский († 1147)

Преподобный Онисифор исповедник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († 1148)

Святитель Евфимий, епископ Переяславский († после 1149)

Святитель Симон, епископ Суздальский, в Киевских Ближних пещерах почивающий (1-я пол. XII в.)

Преподобный Авраамий, игумен Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий († до 1156)

Святитель Нифонт, епископ Новгородский, в Киевских Ближних пещерах почивающий († 1156)

Преподобный Досифей I, игумен Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий († 1156)

Преподобный Авраамий Мирожский († 1158)

Святитель Константин, митрополит Киевский и всея Руси († 1159)

Преподобный Иоанн многострадальный, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почи-

вающий († 1160)

Святой благоверный князь Борис Туровский († ок. 1160)

Преподобный Еразм черноризец, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († ок. 1160)

Святитель Аркадий, епископ Новгородский († 1162)

Преподобный Акиндин I, игумен Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий († 1164)

Святой благоверный князь Изяслав Владимирский († 1165)

Святой благоверный князь Глеб Городенский, Киевский († после 1166)

Святой благоверный великий князь Ростислав Киевский († 1167)

Святой благоверный князь Мстислав Владимирский († 1172)

Преподобная Евфросиния игумения, Полоцкая († 1173)

Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский, страстотерпец († 1174)

Святой благоверный князь Глеб Владимирский, в крещении Георгий († 1174)

Святой благоверный великий князь Михаил Владимирский († 1176)

Преподобный Афанасий затворник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († ок. 1176)

Преподобный Герасим Вологодский († 1178)

Святой благоверный князь Мстислав Храбрый, Новгородский, в крещении Георгий († 1180)

Святитель Дионисий, епископ Полоцкий († 1182)

Преподобный Поликарп архимандрит, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († 1182)

Святитель Кирилл, епископ Туровский († ок. 1183)

Святитель Иоанн, архиепископ Новгородский († 1186)

Преподобный Никита столпник, Переяславский († ок. 1186)

Преподобный Илия Муромец, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († ок. 1188)

Святитель Лука, епископ Ростовский (†

1189)

Преподобный Арефа затворник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († не позже 1190)

Преподобный Тит иеромонах, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий († 1190)

Преподобный Варлаам Хутынский († 1192)

Святитель Григорий, архиепископ Новгородский († 1193)

Святитель Лаврентий, епископ Туровский, в Киевских Ближних пещерах почивающий († 1194)

Преподобный Кирилл игумен, Новгородский († после 1196)

Святитель Мартирий, архиепископ Новгородский († 1199)

Преподобный Сильвестр чудотворец, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XII в.)

Преподобный Нектарий послушливый, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XII в.)

Преподобный Иоанн постник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий

(XII в.)

Преподобный Макарий постник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий

(XII в.)

Преподобный Феофан постник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий

(XII в.)

Преподобный Анатолий затворник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий

(XII в.)

Преподобный Андрей игумен, Новгородский

(XII в.)

Святой преподобномученик Анастасий диакон, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий

(XII в.)

Преподобный Авраамий затворник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий

(XII–XIII вв.)

Преподобный Онуфрий молчаливый, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий

(XII–XIII вв.)

Преподобный Елладий затворник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий

(XII–XIII вв.)

Преподобный Онисим затворник, Кие-

во-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XII–XIII вв.)

XIII век

Святая благоверная княгиня Мария Владимирская, в иночестве Марфа († 1206)

Святитель Игнатий, епископ Смоленский († ок. 1210)

Святитель Иоанн, епископ Ростовский († 1213)

Преподобный Досифей II, игумен Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий († ок. 1218)

Святой благоверный князь Василий Новгородский († 1219)

Преподобный Авраамий, игумен Ярославский († после 1219)

Преподобный Авраамий Смоленский († до 1224)

Преподобный Ефрем Смоленский (XIII в.)

Преподобный Антоний Дымский († 1224)

Святитель Симон, епископ Владимирский († 1226)

Святой благоверный князь Петр Муромский, в крещении Давид († 1228)

Святая благоверная княгиня Феврония Муромская, в крещении Евфросиния († 1228), супруга святого благоверного князя Петра Муромского

Святой благоверный князь Мстислав Новгородский († 1228)

Святой мученик Авраамий Болгарский, Владимирский († 1229)

Святитель Антоний, архиепископ Новгородский († 1231)

Преподобный Акидин II, игумен Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий († 1232)

Святой благоверный князь Феодор Новгородский († 1233)

Святой благоверный князь Феодор Зарайский, мученик († 1237)

Святой благоверный князь Иоанн Зарайский, мученик († 1237), сын святого благоверного князя Феодора Зарайского и святой благоверной княгини Евпраксии Зарайской

Святая благоверная княгиня Евпраксия Зарайская, мученица († 1237), супруга святого благоверного князя Феодора Зарайского

Святой благоверный великий князь Георгий

гий Владимирский, мученик († 1238)

Святой благоверный князь Василий Ростовский, мученик († 1238) Святой благоверный князь Всеволод Владимирский, мученик († 1238)

Святой благоверный князь Мстислав Владимирский, мученик († 1238)

Святой благоверный князь Владимир Владимирский, мученик († 1238)

Святой благоверный князь Димитрий младенец, Владимирский, мученик († 1238)

Святая благоверная княгиня Агафия Владимирская, мученица († 1238)

Святая благоверная княгиня Феодора Владимирская, мученица († 1238)

Святая благоверная княгиня Мария Владимирская, мученица († 1238)

Святая благоверная княгиня Христина Владимирская, мученица († 1238)

Святой мученик Меркурий Смоленский († 1238)

Святой священномученик Митрофан, архиепископ Владимирский († 1238)

Святой священномученик Пахомий архимандрит, Владимирский († 1238)

Святой священномученик Даниил игумен, Владимирский († 1238)

Святой священномученик Феодосий игумен, Владимирский († 1238)

Святитель Меркурий, епископ Смоленский, в Киевских Ближних пещерах почивающий († 1239)

Святой священномученик Симеон, епископ Переяславский († 1239)

Преподобный Константин Косинский († ок. 1240)

Преподобный Косма Косинский († ок. 1240)

Преподобный Памва иеромонах, затворник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий († 1241)

Преподобная Евпраксия, княгиня Псковская († 1243)

Святой священномученик Лукиан, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий († 1243)

Святой священномученик Анфим, епископ Сарский

Святая благоверная княгиня Феодосия Владимирская, в иночестве Евфросиния († 1244), супруга святого великого благоверного князя

Ярослава Владимировского

Святой благоверный князь Михаил Черниговский, мученик и исповедник († 1245)

Святой мученик и исповедник Феодор Черниговский († 1245), боярин святого благоверного князя Михаила Черниговского

Святой благоверный великий князь Ярослав Владимировский, в крещении Феодор († 1246)

Святой благоверный князь Олег Красный, Пронский, мученик († 1247)

Святой благоверный князь Михаил Смоленский († ок. 1248)

Святой благоверный князь Василий Ярославский († 1249)

Преподобная Евфросиния, княжна Суздальская († 1250)

Преподобный Елисей Лавришевский († ок. 1250)

Святой благоверный князь Святослав Юрьевский, в крещении Гавриил († 1253)

Святой благоверный князь Константин Ярославский († 1257)

Преподобный Феодор Каменский († ок. 1260)

Святитель Кирилл, епископ Ростовский († 1262)

Преподобный Ксенофонт Робейский († 1262)

Святой праведный Иоанн Устюжский († после 1262)

Святая праведная Мария Устюжская († после 1262), супруга святого праведного Иоанна Устюжского

Святой благоверный великий князь Александр Невский, в схиме Алексий († 1263)

Святой благоверный князь Димитрий Владимирский († 1269), сын святого благоверного великого князя Александра Невского

Святая благоверная княгиня Евдокия Владимирская (XIII в.), дочь святого благоверного великого князя Александра Невского

Святой благоверный князь Роман Рязанский, мученик († 1270)

Святитель Серапион, епископ Владимирский († 1275)

Преподобный Киприан Устюжский († 1276)

Святитель Кирилл II, митрополит Киевский и всея Руси († 1280)

Святой благоверный князь Глеб Ростов-

ский, Белоезерский († 1280)

Преподобная Харитина, княжна Литовская († 1281)

Святой благоверный князь Роман Угличский († 1285)

Святой благоверный князь Олег Брянский († ок. 1285)

Святитель Феодор, епископ Владимирский († 1286)

Святитель Игнатий, епископ Ростовский († 1288)

Святитель Симеон, епископ Тверской († 1289)

Преподобный Петр, царевич Ордынский († 1290)

Святой благоверный великий князь Дмитрий Владимирский († 1294)

Святитель Василий, епископ Рязанский († 1295)

Святой благоверный князь Довмонт Псковский, в крещении Тимофей († 1299)

Святой благоверный князь Феодор Смоленский († 1299)

Святой преподобномученик Иоасаф Снегорский († 1299)

Святой преподобномученик Василий Мирожский († 1299)

Святой преподобномученик Иосиф пресвитер, Псковский († 1299)

Святой преподобномученик Константин пресвитер, Псковский († 1299)

Святой благоверный князь Владимир Ржевский (XIII в.)

Святая благоверная княгиня Агриппина Ржевская (XIII в.), супруга святого благоверного князя Владимира Ржевского

Святой благоверный князь Иоанн Путивльский, мученик (XIII в.)

Преподобный Савва богоугодник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Авраамий трудолюбивый, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Лука эконоом, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Сергей послушливый, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Сисой затворник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Феофил затворник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Алексей затворник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобные тридцать отцов Киево-Печерских, мироточивые главы которых почивают в Ближних пещерах

Преподобный Ефрем пресвитер, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Евстафий златарь, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Иероним затворник, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Меладий старец, Киево-Печерский, в Ближних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Пергий старец, Киево-Печер-

ский, в Ближних пещерах почивающий
(XIII в.)

Преподобный Павел чудеснопослушли-
вый, Киево-Печерский, в Ближних пещерах
почивающий (XIII в.)

Преподобный Мелетий иерей, Киево-Пе-
черский, в Ближних пещерах почивающий
(XIII в.)

Преподобный Серапион иерей, Киево-Пе-
черский, в Ближних пещерах почивающий
(XIII в.)

Преподобный Филарет иерей, Киево-Пе-
черский, в Ближних пещерах почивающий
(XIII в.)

Преподобный Азария-постник, Киево-Пе-
черский, в Ближних пещерах почивающий

Преподобный Вассиан Киево-Печерский, в
Ближних пещерах почивающий

Преподобный Давид Киево-Печерский, в
Ближних пещерах почивающий

Преподобный Елисей Киево-Печерский, в
Ближних пещерах почивающий

Преподобный Иннокентий Киево-Печер-
ский, в Ближних пещерах почивающий

Преподобный Исихий Киево-Печерский, в

Ближних пещерах почивающий

Преподобный Иоаким Киево-Печерский, в
Ближних пещерах почивающий

Преподобный Никифор Киево-Печерский,
в Ближних пещерах почивающий

Преподобный Нифонт Киево-Печерский, в
Ближних пещерах почивающий

Преподобный Сергей другой, Киево-Печер-
ский, в Ближних пещерах почивающий

Преподобный Силуан другой, Киево-Печер-
ский, в Ближних пещерах почивающий

Преподобный Сильвестр другой, Киево-Пе-
черский, в Ближних пещерах почивающий

Преподобный Сисой канонархист, Кие-
во-Печерский, в Ближних пещерах почиваю-
щий

Преподобный Стефан постник, Киево-Пе-
черский, в Ближних пещерах почивающий

Преподобный Тимофей инок, Киево-Печер-
ский, в Ближних пещерах почивающий

Преподобный Сисой схимник, Киево-Пе-
черский, в Дальних пещерах почивающий
(XIII в.)

Преподобный Пафнутий затворник, Кие-
во-Печерский, в Дальних пещерах почиваю-

ций (XIII в.)

Преподобный Афанасий затворник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Софроний затворник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Анатолий затворник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Пиор затворник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Исидор затворник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Лаврентий затворник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Кассиан затворник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Феодор молчаливый, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Аммон затворник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Мардарий затворник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Панкратий затворник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Евлогий старец, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII в.)

Преподобный Павел послушливый, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII–XIV вв.)

Преподобный Моисей чудотворец, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII–XIV вв.)

Преподобный Мартирий диакон, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII–XIV вв.)

Преподобный Мартирий затворник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII–XIV вв.)

Преподобный Григорий затворник, чудо-

творец, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII–XIV вв.)

Преподобный Макарий диакон, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII–XIV вв.)

Преподобный Захария постник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII–XIV вв.)

Преподобный Силуан схимник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII–XIV вв.)

Преподобный Агафон чудотворец, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII–XIV вв.)

Преподобный Лонгин вратарь, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIII–XIV вв.)

Преподобный Макарий пустынный, Новгородский (XIII–XIV вв.)

XIV век

Святая благоверная княгиня Мария Псковская, в иночестве Марфа († 1300), супруга святого благоверного князя Довмонта Псковского
Святой благоверный князь Даниил Москов-

ский († 1303)

Святой блаженный Прокопий, Христа ради юродивый, Устюжский († 1303)

Святитель Максим, митрополит Киевский и всея Руси, Владимирский († 1305)

Святитель Феокист, архиепископ Новгородский († 1310)

Святая благоверная княгиня Ксения Тверская, в иночестве Мария († 1312)

Святой благоверный великий князь Михаил Тверской, мученик († 1318)

Святой благоверный князь Константин Ярославский († до 1321), сын святого благоверного князя Феодора Смоленского

Святой благоверный князь Давид Ярославский († 1321), сын святого благоверного князя Феодора Смоленского

Святой мученик Феодор философ, Камский († 1323)

Святой благоверный великий князь Дмитрий Тверской, мученик († 1325)

Святой блаженный Захария иерей, Христа ради юродивый († 1325)

Преподобный Вассиан Крестомировский (нач. XIV в.)

Святитель Петр Московский, митрополит Киевский и всея Руси († 1326)

Святитель Прохор, епископ Ростовский, в схиме Трифон († 1328)

Святой благоверный князь Феодор Стародубский, мученик († 1330)

Преподобный Михаил верижник, Вязниковский († 1333)

Святитель Антоний, епископ Ростовский († 1336)

Преподобный Кирилл схимонах, Радонежский († до 1337), отец преподобного Сергия Радонежского

Преподобная Мария схимонахиня, Радонежская († до 1337), мать преподобного Сергия Радонежского

Святая благоверная княгиня инокиня, преподобная Анна Кашинская († 1338), супруга святого благоверного великого князя Михаила Тверского

Святой благоверный князь Александр Тверской, мученик († 1339)

Святой благоверный князь Феодор Тверской, мученик († 1339), сын святого князя Александра Тверского

Святой благоверный великий князь Иоанн
Калита, Московский († 1340)

Святой благоверный князь Василий Яро-
славский († 1344)

Святой мученик Антоний Литовский (†
1347)

Святой мученик Иоанн Литовский († 1347)

Святой мученик Евстафий Литовский (†
1347)

Святитель Василий Калика, архиепископ
Новгородский († 1352)

Святитель Феогност Московский, митропо-
лит Киевский и всея Руси († 1353)

Святитель Моисей, архиепископ Новгород-
ский († 1362)

Святой благоверный князь Андрей Суз-
дальский († 1365)

Святитель Феодор Добрый, епископ Твер-
ской († 1367)

Святитель Иоанн, епископ Суздальский (†
1373)

Преподобный Авраамий Галичский (†
1375)

Преподобный Варлаам Серпуховской (†
1377)

Преподобный Гедеон Серпуховской (XIV в.)
Святитель Алексей Московский, митрополит Киевский и всея Руси († 1378)

Святая благоверная княгиня, преподобная Феодора Нижегородская, в миру Анастасия († 1378), супруга святого благоверного князя Андрея Суздальского

Преподобный Кирилл Челмогорский († 1378)

Преподобный Сильвестр Обнорский († 1379)

Преподобный Александр-Пересвет, схимонах-воин, Радонежский († 1380)

Преподобный Андрей Ослябя, схимонах-воин, Радонежский (XIV в.)

Преподобный Леонтий Стромьинский († ок. 1380)

Святитель Кирилл, епископ Ростовский († 1384)

Преподобный Илия келарь, Радонежский († 1384)

Преподобный Пахомий Нерехтский († 1384)

Святитель Дионисий, архиепископ Суздальский († 1385)

Преподобный Михей Радонежский († 1385)

Преподобный Исаакий молчальник, Радонежский († 1388)

Преподобный Афанасий Череповецкий († ок. 1388)

Преподобный Феодосий Череповецкий († ок. 1388)

Святой благоверный великий князь Димитрий Московский, Донской († 1389)

Преподобный Лазарь Мурманский, Олонецкий († 1391)

Преподобный Афанасий Муромский, Олонецкий (XV в.)

Преподобный Митрофан игумен-старец, Радонежский († до 1392)

Преподобный Василий Сухой, Радонежский († до 1392)

Преподобный Симон, архимандрит Смоленский, Радонежский († до 1392)

Святитель Иаков, епископ Ростовский († 1392)

Преподобный Сергей, игумен Радонежский и всея России чудотворец († 1392)

Преподобный Димитрий Прилуцкий († 1392)

Преподобный Мефодий Пешношский (†

1392)

Преподобный Савва Стромьинский († 1392)

Преподобный Иаков Стромьинский (XIV в.)

Преподобный Роман Киржачский († 1392)

Святой преподобномученик Григорий Авнежский († 1392)

Святой преподобномученик Кассиан Авнежский († 1392)

Святой блаженный Феодор, Христа ради юродивый, Новгородский († 1392)

Святой блаженный Николай, Христа ради юродивый, Кочанов, Новгородский († 1392)

Святой блаженный Георгий, Христа ради юродивый, Новгородский

Преподобный Макарий Радонежский († после 1392)

Преподобный Симон еклисиарх, Радонежский († после 1392)

Преподобный Игнатий Радонежский († после 1392)

Святитель Феодор, архиепископ Ростовский († 1394), племянник преподобного Сергия Радонежского

Преподобный Афанасий Высоцкий, Серпуховской, младший († 1395)

Преподобный Андроник, игумен Спасский, Московский († ок. 1395)

Святитель Стефан, епископ Великопермский († 1396)

Преподобный Арсений трудолюбивый, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Зинов постник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Ипатий целебник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Иосиф многоболезненный, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Нестор некнижный, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Руф затворник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Вениамин затворник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Евфимий схимник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Тит воин, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Ахила диакон, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Паисий богоугодник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Меркурий постник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Геронтий канонарх, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Леонтий канонарх, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Анастасий другой, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий

Преподобный Варсонофий Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий

Преподобный Геннадий Киево-Печерский,

в Дальних пещерах почивающий

Преподобный Герасим Киево-Печерский, в
Дальних пещерах почивающий

Преподобный Даниил старец, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий

Преподобный Димитрий Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Петр Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XIV в.)

Преподобный Иаков посольник, Радонежский (XIV в.)

Преподобный Онисим вратарь, Радонежский (XIV в.)

Преподобный Елисей диакон, Радонежский (XIV в.), сын преподобного Онисима вратаря

Преподобный Нектарий вестник, Радонежский (XIV в.)

Преподобный Варфоломей Радонежский (XIV в.)

Преподобный Наум Радонежский (XIV в.)

Преподобный Иоанникий Радонежский (XIV в.)

Преподобный Димитрий Цилибинский (XIV в.)

Святая праведная Иулиания Новгородский
(XIV в.)

Преподобный Стефан Московский
(XIV–XV вв.), брат преподобного Сергия Радо-
нежского

Преподобный Григорий Голутвинский
(XIV–XV вв.)

Преподобный Ферапонт Боровенский
(XIV–XV вв.)

Преподобный Макарий Писемский, Ко-
стромской (XIV–XV вв.)

Преподобный Никита Новгородский
(XIV–XV вв.)

Преподобный Кирилл Новгородский
(XIV–XV вв.)

Преподобный Никифор Новгородский
(XIV–XV вв.)

Преподобный Климент Новгородский
(XIV–XV вв.)

Преподобный Исаакий Новгородский
(XIV–XV вв.)

Преподобные два брата Сокольницкие,
Новгородский (XIV–XV вв.)

XV век

Святой благоверный князь Михаил Тверской и Микулинский, в иноМ, атфей († 1400)

Преподобный Афанасий Высоцкий, Серпуховской, старший († ок. 1401)

Святитель Михаил, епископ Суздальский († 1402)

Преподобный Евфимий Суздальский († 1404)

Святитель Киприан Московский, митрополит Киевский и всея Руси († 1406)

Святой благоверный князь Симеон Вяземский, мученик († 1406)

Святая благоверная княгиня Иулиания Вяземская и Новоторжская, мученица († 1406), супруга святого благоверного князя Симеона Вяземского

Преподобный Стефан Махрицкий († 1406)

Святая благоверная княгиня Евдокия Московская, в иночестве

Евфросиния († 1407), супруга святого благоверного великого князя Димитрий Донского

Преподобный Савва Сторожевский, Звенигородский († 1407)

Святитель Арсений, епископ Тверской († 1409)

Преподобный Феодор Ростовский († 1409)

Преподобный Павел Ростовский († после 1409)

Преподобный Савва, игумен Спасский, Московский († ок. 1410–1420)

Святой священномученик Патрикий иерей, Владимирский († 1411)

Преподобный Сергей Нуромский, Вологодский († 1412)

Преподобный Феофил Омучский († ок. 1412)

Преподобный Иаков Омучский († ок. 1412)

Преподобный Никифор Боровский († до 1414)

Святитель Григорий Премудрый, архиепископ Ростовский († 1416)

Преподобный Ферапонт Можайский, Белоозерский († 1416)

Преподобный Антоний Карельский († 1418)

Преподобный Феликс Карельский († 1418)

Преподобный Епифаний Премудрый, Радонежский († ок. 1418–1422)

Преподобный Корнилий Палеостровский, Олонецкий († ок. 1420)

Преподобный Авраамий Палеостровский,

Олонецкий (XV в.)

Святой праведный Василий Кашинский († ок. 1420)

Святая праведная Ирина Кашинская († ок. 1420), супруга праведного Василия Кашинского

Святитель Симеон, архиепископ Новгородский († 1421)

Преподобный Никита Боровский († после 1421)

Преподобный Павел, пустынник Глушицкий († после 1422)

Святой благоверный князь Димитрий Заозерский, Вологодский († 1424)

Святая благоверная княгиня Мария Заозерская, Вологодская († после 1424), супруга святого благоверного князя Димитрия Заозерского

Святой благоверный князь Феодор Вологодский

Святой благоверный князь Василий Требовольский

Святитель Дионисий Грек, архиепископ Ростовский († 1425)

Преподобный Андрей иконописец, Рублев,

Московский († до 1426)

Преподобный Даниил иконописец, Московский († до 1426)

Преподобный Никон, игумен Радонежский, и всея России чудотворец († 1426)

Преподобный Кирилл Белозерский († 1427)

Преподобный Александр, игумен Спасский, Московский († после 1427)

Преподобный Павел Комельский, Обнорский († 1429)

Преподобный Леонтий Кариховский, Новгородский († 1429)

Святитель Фотий, митрополит Киевский и всея Руси, Московский († 1431)

Преподобный Савватий Тверской († не позднее 1434)

Святой блаженный Максим, Христа ради юродивый, Московский († 1434)

Преподобный Игнатий архимандрит, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий († 1435)

Преподобный Евфимий Карельский († 1435)

Преподобный Савватий Соловецкий (†

1435)

Преподобный Дионисий Глушицкий († 1437)

Преподобный Александр Куштский, Вологодский († 1439)

Преподобный Антоний Куштский, Вологодский

Святой благоверный князь Димитрий Красный, Галицкий и Бежецкий († 1440)

Преподобный Тарасий Глушицкий († 1440)

Преподобный Феодосий Глушицкий (XIV–XV вв.)

Святой священномученик Герасим, епископ Великопермский († 1441)

Преподобный Варфоломей строитель, Симоновский, Московский († 1442)

Преподобный Иоанн Златый, келарь Симоновский, Московский († 1442)

Преподобный Игнатий иконник, Симоновский, Московский († 1442)

Преподобный Иаков Железоборовский († 1442)

Преподобный Григорий Пельшемский († 1442)

Преподобный Макарий Унженский († 1444)

Преподобный Варнава Ветлужский († 1445)
Преподобный Арсений Коневский († 1446)
Святой преподобномученик Антоний,
инок Чудовский, Московский († 1451)
Преподобный Амфилохий Глушицкий (†
1452)
Преподобный Иоасаф Каменский († 1453)
Преподобный Михаил Клопский († ок.
1453–1456)
Святитель Ефрем, архиепископ Ростовский
(† 1454)
Святой священномученик Питирим, епископ
Великопермский († 1456)
Преподобный Филипп Рабангский († 1457)
Святитель Евфимий, архиепископ Новго-
родский († 1458)
Преподобный Варсонофий Тверской († ок.
1459)
Преподобный Паисий Галичский († 1460)
Преподобный Евфросин Тверской († ок.
1460)
Преподобный Варлаам Улейминский, Уг-
личский († после 1460)
Святитель Иона, митрополит Московский
и всея Руси († 1461)

Преподобный Савва Вишерский († 1461)
Преподобный Андрей Вишерский (XV в.)
Преподобный Варлаам Важский, Пинежский († 1462)

Преподобный Паисий Важский, Пинежский.

Святой блаженный Георгий, Христа ради юродивый, Шенкурский († ок. 1462)

Преподобный Кассиан Каменский († 1463)
Преподобный Евфимий Сянжемский († ок. 1465)

Преподобный Савва Тверской († 1467)
Святитель Трифон, архиепископ Ростовский († 1468)

Святитель Иона, епископ Великопермский († 1470)

Святитель Иона, архиепископ Новгородский († 1470)

Святой священномученик Исидор пресвитер и иже с ним семьдесят два святых мученика, Юрьевские († 1472)

Преподобный Марк Псково-Печерский († до 1473)

Святитель Филипп I, митрополит Московский и всея Руси († 1473)

Преподобная Васса Псково-Печерская († ок. 1473)

Святой блаженный Исидор, Христа ради юродивый, Твердислов, Ростовский († 1474)

Святой праведный Сергей Свирский († после 1474)

Святая праведная Варвара Свирская († после 1474), супруга святого праведного Сергия Свирского

Святитель Феодосий, митрополит Московский и всея Руси († 1475)

Преподобный Иларион Гдовский, Псковоезерский († 1476)

Преподобный Пафнутий Боровский († 1477)

Преподобный Илия Боровский (XV в.)

Преподобный Зосима Соловецкий († 1478)

Преподобный Герман Соловецкий († 1479)

Преподобный Александр Ошеневский († 1479)

Преподобный Иона Псково-Печерский († 1480)

Преподобный Серапион Псковский († 1480)

Преподобный Макарий Глушицкий († ок. 1480)

Святой Вассиан I, архиепископ Ростовский

(† 1481)

Преподобный Евфросин Псковский († 1481)

Преподобный Антоний Краснохолмский († 1481)

Святитель Феофил, архиепископ Новгородский, в Киевских Дальних пещерах почивающий († 1482)

Преподобный Досифей Верхнеостровский, Псковский († 1482)

Преподобный Мартиниан Белоезерский († 1483)

Преподобный Макарий Калязинский († 1483)

Преподобный Феодор, князь Острожский, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий († ок. 1483)

Святитель Геронтий, митрополит Московский и всея Руси († 1489)

Преподобный Тимофей Кубенский († 1492)

Преподобный Стефан Кубенский (XV в.)

Преподобный Тимофей игумен, Вологодский

Преподобный Кирилл, пустынник Вологодский

Преподобный Спиридон, пустынник Воло-

годский

Преподобный Фавст, пустынник Вологодский

Преподобный Косма Яхромский († 1492)

Преподобный Ефрем Перекомский († 1492)

Преподобный Роман Перекомский
(XV–XVI вв.)

Преподобный Тихон Калужский († 1492)

Преподобный Никифор Калужский
(XV–XVI вв.)

Преподобный Нектарий, игумен Введенский, Бежецкий († ок. 1492)

Преподобный Левкий Волоколамский († ок. 1492)

Святой блаженный Леонтий, Христа ради юродивый, Устюжский († после 1492)

Святой благоверный князь Андрей Угличский († 1494)

Святой блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, Устюжский († 1494)

Преподобный Савва Крыпецкий († 1495)

Святой священномученик Макарий, митрополит Киевский и всея Руси и иже с ним († 1497)

Святой благоверный князь Андрей Смо-

ленский (XV в.)

Святой благоверный князь Глеб Смоленский (XV в.)

Преподобный Дионисий иеромонах, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий (XV в.)

Преподобный Иов архимандрит, Владимирский (XV в.)

Преподобный Иаков Брылеевский (XV в.)

Преподобный Игнатий Псковский (XV в.)

Преподобный Харлампий Псковский (XV в.)

Преподобный Памфил Псковский (XV в.)

Преподобный Игнатий молчальник, Белоезерский (XV в.)

Преподобный Досифей старец, Белоезерский (XV в.)

Преподобный Петр Каменский (XV в.)

Преподобный Пахомий Каменский (XV в.)

Преподобный Елеазар Мурманский, Олонецкий (XV в.)

Преподобный Назарий Мурманский, Олонецкий (XV в.)

Преподобный Евмений Мурманский, Олонецкий (XV в.)

Преподобный Иоанн священосец, Соловецкий (XV в.)

Преподобный Василий келейник, Соловецкий (XV в.)

Преподобный Макарий рыболовец, Соловецкий (XV в.)

Преподобный Онуфрий пустынник, Соловецкий (XV в.)

Преподобный Герасим отшельник, Соловецкий (XV в.)

Преподобный Ианнуарий Соловецкий (XV в.)

Святой преподобномученик Савва, игумен Железноборовский (XV в.)

Святой преподобномученик Вениамин, игумен Железноборовский (XV в.)

Святой блаженный Кирилл, Христа ради юродивый, Вельский (XV в.)

Святой блаженный Василий, Христа ради юродивый, Каменский (XV в.)

Святая праведная Фекла Переяславская (кон. XV в.)

Преподобная Параскева, игуменья Ржевская (до XVI в.)

Преподобный Иаков Галичский (кон. XV –

нач. XVI в.)

Преподобный Александр Вочский, Галичский (XV–XVI вв.)

Преподобный Нектарий, игумен Покровский, Тверской (XV–XVI вв.)

Преподобный Зосима Волоколамский (XV–XVI вв.)

Преподобный Адриан Волоколамский (XV–XVI вв.)

Преподобный Авксентий Перцовский, Вологодский (XV–XVI вв.)

Преподобный Онуфрий Перцовский, Вологодский (XV–XVI вв.)

Преподобный Стефан трудник, Соловецкий (XV–XVI вв.)

Преподобный Филипп пустынник, Соловецкий (XV–XVI вв.)

Преподобный Досифей Затворник, Соловецкий (XV–XVI вв.)

Преподобный Елисей Сумский, Соловецкий (XV–XVI вв.)

Преподобный Авраамий Печенгский (XV–XVI вв.)

Преподобный Коприй Печенгский (XV–XVI вв.)

Святой блаженный Трофим, Христа ради
юродивый, Суздальский (XV–XVI вв.)

XVI век

Преподобный Севастиан Сохотский, Пошехонский († ок. 1500)

Преподобный Тихон Луховский, Костромской († 1503)

Преподобный Варлаам (Герасим) Луховский (XVI в.)

Преподобный Фотий (Фаддей) Луховский (XVI в.)

Преподобный Паисий Угличский († 1504)

Преподобный Кассиан Грек, Угличский († 1504)

Преподобный Адриан Угличский († 1504)

Преподобный Боголеп Угличский (XV в.)

Святитель Геннадий, архиепископ Новгородский († 1505)

Преподобный Галактион Белозерский († 1506)

Преподобный Герман дивный, Белозерский († 1508)

Преподобный Нил Сорский († 1508)

Преподобный Вассиан Рябовский, Углич-

ский († 1509)

Преподобный Харитон Сянжемский († 1509)

Святитель Симон, митрополит Московский и всея Руси († 1511)

Преподобный Иосиф Волоколамский († 1515)

Святой блаженный Лаврентий, Христа ради юродивый, Калужский († 1515)

Преподобный Пафнутий Кенский († 1515)

Преподобный Пахомий Кенский († 1515)

Святитель Вассиан II, архиепископ Ростовский († 1516)

Святитель Серапион, архиепископ Новгородский († 1516)

Преподобный Геннадий Важеозерский († 1516)

Преподобный Давид Серпуховской († 1520)

Преподобный Иннокентий Комельский († 1521)

Преподобный Владимир Белопесоцкий, Серпуховской († ок. 1522)

Святая праведная Гликерия дева, Новгородская († ок. 1522)

Преподобный Игнатий Прилуцкий († 1523)

Преподобный Евфимий Архангелогородский († ок. 1523)

Преподобный Вассиан Строкинский, Каргопольский (нач. XVI в.)

Преподобный Филипп Ирапский († 1527)

Святой мученик Иоанн Казанский († 1529)

Преподобный Феогност Перемышльский († 1530)

Преподобный Кирилл Новоезерский († 1532)

Преподобный Макарий Оредежский († 1532)

Преподобный Кассиан Босой, Волоколамский († 1532)

Преподобный Герасим Черный, Волоколамский (XV–XVI вв.)

Преподобный Онуфрий Катромский († ок. 1532)

Преподобный Александр Свирский († 1533)

Преподобный Игнатий Островский (XVI в.)

Преподобный Леонид Островский (XVI в.)

Преподобный Дионисий Островский (XVI в.)

Преподобный Феодор Островский (XVI в.)

Преподобный Ферапонт Островский

(XVI в.)

Преподобный Корнилий Островский

(XVI в.)

Преподобный Афанасий Островский

(XVI в.)

Преподобный Иона Клименецкий († 1534)

Преподобный Корнилий Комельский († 1537)

Преподобный Кассиан Комельский († 1537)

Святой праведный Иаков Боровичский († до 1540)

Преподобный Лонгин Коряжемский († 1540)

Преподобный Даниил Переяславский († 1540)

Святой благоверный князь Димитрий Угличский, Прилуцкий († после 1540)

Преподобный Иродион Илоезерский († 1541)

Преподобный Стефан Озерский, Комельский († 1542) Преподобная

София, великая княгиня Московская, Суздальская († 1542)

Преподобный Иоанн Яренгский († ок. 1544–1545)

Преподобный Лонгин Яренгский († ок. 1544–1545)

Святой праведный Артемий, отрок Веркольский († 1545)

Святая праведная Параскева Пириминская (XV в.), сестра святого праведного Артемия Веркольского

Преподобный Лаврентий Комельский († 1548)

Преподобная Елена игуменья, Московская († 1548)

Преподобный Леонид Пошехонский († 1549)

Святой преподобномученик Адриан Ондрусовский († 1549)

Святой блаженный Сергей схимонах, Христа ради юродивый, Переяславский (1 пол. XVI в.)

Святая праведная Варсонофия Московская (1 пол. XVI в.)

Святая праведная Пелагия Ржевская (сер. XVI в.)

Преподобный Киприан Тропский, Ярославский (сер. XVI в.)

Преподобный Арсений Комельский († 1550)

Святой преподобномученик Адриан Поше-
хонский († 1550)

Преподобный Зосима Ворбозомский († ок.
1550)

Преподобный Иоаким Опочский († ок.
1550)

Преподобная Иулиания дева, Ольшанская,
в Киевских Ближних пещерах почивающая (†
ок. 1550)

Святой мученик Петр Казанский († 1552)

Святой мученик Стефан Казанский († 1552)

Преподобный Нифонт Телеговский,
Устюжский († 1553)

Преподобный Герасим Болдинский († 1554)

Преподобный Аркадий Дорогобужский
(XVI в.)

Преподобный Фотий старец, Волоколам-
ский († 1554)

Преподобный Нил Столбенский († 1554)

Святитель Иоасаф, митрополит Москов-
ский и всея Руси († 1555)

Преподобный Максим Грек († 1556)

Преподобный Антоний Сийский († 1556)

Преподобный Александр Сийский (XVI в.)

Преподобный Иоаким Сийский (XVI в.)

Преподобный Илия Сийский (XVI в.)

Преподобный Никифор Важеозерский († 1557)

Святой блаженный Василий, Христа ради юродивый, Московский († 1557)

Преподобный Вассиан Пертоминский († 1561)

Преподобный Иона Пертоминский († 1561)

Преподобный Симон Сойгинский († 1562)

Святитель Гурий, архиепископ Казанский и Свияжский († 1563)

Святитель Макарий чудный, митрополит Московский и всея Руси († 1563)

Преподобный Иона Казанский († после 1563)

Преподобный Нектарий Казанский († после 1563)

Преподобный Геннадий Костромской и Любимоградский († 1565)

Преподобный Нифонт Кожеезерский († 1565)

Святой праведный Иаков отрок, Менюжский († ок. 1566–1569)

Святой праведный Иоанн отрок, Менюжский († ок. 1566–1569)

Святитель Акакий, епископ Тверской († 1567)

Святитель Герман священномученик, архиепископ Казанский и Свяжский († 1567)

Преподобный Иоасаф затворник, Нижегородский († 1567)

Преподобный Димитрий инок, Нижегородский

Преподобный Феодосий Тотемский († 1568)

Преподобный Зиновий Отенский († 1568)

Святитель Филипп II священномученик, митрополит Московский и всея Руси († 1569)

Святой блаженный Тимофей, Христа ради юродивый, Опочский, Псковский († ок. 1569)

Преподобный Арсений Новгородский († 1570)

Святой преподобномученик Корнилий Псково-Печерский († 1570)

Святой преподобномученик Вассиан Псково-Печерский († 1570)

Святой преподобномученик Геласий игумен, Новгородский († 1570)

Святитель Пимен, архиепископ Новгородский († 1571)

Преподобный Феодорит, просветитель

Кольский († 1571)

Преподобный Христофор Сольвычегодский
(† ок. 1572–1582)

Святитель Варсонофий, епископ Тверской
(† 1576)

Святой блаженный Николай, Христа ради
юродивый, Салос, Псковский († 1576)

Преподобный Кирилл Астраханский († ок.
1576)

Преподобный Афанасий Сянжемский († по-
сле 1577)

Святой блаженный Иоанн, Христа ради
юродивый, Милостивый, Власатый, Ростов-
ский († 1580)

Преподобный Анания иконописец, Новго-
родский († 1581)

Преподобный Никон Новгородский

Преподобный Дионисий Новгородский

Преподобный Никандр Псковский († 1581)

Преподобный Трифон Печенгский, просве-
титель Кольский († 1583)

Святой преподобномученик Агапит Марку-
шевский († 1584)

Святой блаженный Симон, Христа ради
юродивый, Юрьевецкий († 1584)

Преподобный Варлаам, игумен Махрищский, епископ Суздальский († 1585)

Преподобный Сергей Малопинезжский († 1585)

Святитель Антоний, епископ Вологодский († 1588)

Святитель Григорий, епископ Суздальский

Святитель Александр, епископ Тверской

Святой блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, Большой колпак, Московский († 1589)

Преподобный Иона Яшезерский († ок. 1589–1592)

Святой преподобномученик Иона Печенгский, Кольский († 1590)

Святой преподобномученик Гурий Печенгский, Кольский († 1590)

Святой преподобномученик Герман Печенгский, Кольский († 1590)

Святой благоверный великий князь Дмитрий, царевич Московский, Угличский страстотерпец († 1591)

Преподобный Игнатий Ломский, Ярославский († 1591)

Преподобный Исаакий Ломский, Ярослав-

ский (XVI–XVII в.)

Преподобный Онуфрий Мальский, Псковский († 1592)

Преподобный Серапион Изборский, Псковский (XVI в.)

Преподобный Прохор Ястребский, Владимирский († 1592)

Преподобный Вассиан Ястребский, Владимирский († 1592)

Преподобный Стефан Гусинский
Святой праведный Савва иерей, Мошокский, Владимирский († 1592)

Святой блаженный Стефан, Христа ради юродивый, Ростовский († после 1592)

Преподобный Ферапонт Монзенский († 1597)

Святой благоверный Феодор, царь и великий князь Московский († 1598)

Преподобный Киприан Стороженский († после 1598)

Святой блаженный Парфений, Христа ради юродивый, Суздальский (2 пол. XVI в.)

Преподобный Кирилл Сырьинский (XVI в.)

Преподобный Никон Соколовский, Истринский (XVI в.)

Преподобный Василий Соколовский, Истринский (XVI в.)

Преподобный Тихон Соколовский, Истринский (XVI в.)

Преподобный Тихон Карачевский (XVI в.)

Преподобный Даниил Шужгорский (XVI в.)

Преподобный Харитон Кудинский (XVI в.)

Преподобный Варлаам Керетский (XVI в.)

Преподобный Антоний Черноезерский (XVI в.)

Святой мученик Борис Казанский (XVI в.)

Святой мученик Иаков Казанский (XVI в.)

Святой мученик Феодор Казанский (XVI в.)

Святой мученик Сильван Казанский (XVI в.)

Святой мученик Феодор Казанский (XVI в.)

Святой мученик Василий Казанский (XVI в.)

Святой мученик Феофан Казанский (XVI в.)

Святой мученик Димитрий Казанский (XVI в.)

Святой мученик Михаил Казанский (XVI в.)

Святой мученик Иоанн Казанский (XVI в.)

Святой мученик Василий Казанский (XVI в.)

Святой преподобномученик Ефрем Обнорский (XVI в.)

Святой преподобномученик Дионисий Обнорский (XVI в.)

Святой преподобномученик Иероним Обнорский (XVI в.)

Святой преподобномученик Исаакий Обнорский (XVI в.)

Святой блаженный Константин, Христа ради юродивый, Новоторжский (XVI в.)

Преподобный Ксенофонт Тутанский, Тверской (кон. XVI – нач. XVII в.)

Святой преподобномученик Григорий иеромонах (до XVII в.)

Преподобный Пафнутий Наволоцкий (XVI–XVII вв.)

Преподобный Афанасий Балахнинский (XVI–XVII вв.)

Преподобный Макарий Римлянин, Новгородский (XVI–XVII вв.)

Преподобный Викентий Вологодский (XVI–XVII вв.)

Преподобный Петр, иерей Черевковский, Сольвычегодский (XVI–XVII вв.)

Преподобный Никандр Городноезерский

(XVI–XVII вв.)

Святой блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, Можайский (XVI–XVII вв.)

Святой блаженный Иаков трудник, Христа ради юродивый, Московский (XVI–XVII вв.)

Святой праведный Гавриил Василевский, Владимирский (XVI–XVII вв.)

Святая праведная Анастасия Василевская, Владимирская (XVI–XVII вв.), супруга святого праведного Гавриила Василевского, Владимирского

XVII век

Святой блаженный князь Феодор, Христа ради юродивый († 1600)

Святой праведный Василий мученик, Мангазейский, Сибирский († 1602)

Преподобный Мартирий Зеленецкий († 1603)

Преподобный Гурий Шалацкий († ок. 1603)

Святая праведная Иулиания милостивая, Лазаревская, Муромская († 1604)

Преподобная Феодосия Лазаревская, Муромская (XVII в.)

Святой праведный Георгий Лазаревский,

Муромский (XVII в.)

Святитель Феодосий, архиепископ Астраханский († 1606)

Преподобный Андрей, пустынник Соловецкий († 1606)

Святитель Иов, Первый Святейший Патриарх Московский и всея Руси († 1607)

Святой преподобномученик Даниил, игумен Грехозаруцкий, и с ним тридцать преподобномучеников и двести мучеников мирян, Угличские († 1608)

Преподобный Сергей Шухтомский († 1609)

Святой священномученик Феокист, архиепископ Тверской († 1609)

Святой преподобномученик Константин, игумен Новоторжский, с братиею († 1609)

Святые преподобномученики Антоний, игумен Покровский, Герасим архимандрит, Евфимий и Варсонофий священноиноки и братья иноки Макарий, Матфий, Вассиан, Гурый, Иов, Иларион, Иов, Акакий, Онуфрий, Иосиф, Геронтий, Леонтий, Тихон, Филарет, Геласий, Иосиф, Вассиан, Христофор, Серапион, Герман, Маркелл, Никита, Арсений, Феодосий, Иона, Иуда, Симеон, Михаил, Иоанн, Ма-

карий, Мамант, Григорий, Никифор, Иларион, Афанасий, Полиевкт, Косма и с ними тысяча мучеников мирян, Угличские († 1609)

Святая преподобномученица Анастасия игумения и с нею тридцать пять сестер монахинь, Угличские († 1609)

Преподобный Адриан Монзенский († 1609)

Преподобный Феодосий трудник, Монзенский (XVI–XVII вв.)

Святой преподобномученик Иоасаф Боровский, архимандрит Троицкий, с братиею († 1610)

Преподобный Серапион Кожеезерский († 1611)

Преподобный Корнилий Кожеезерский (XVI в.)

Преподобный Лонгин Кожеезерский (XVI–XVII вв.)

Преподобный Герман Кожеезерский (XVI–XVII вв.)

Преподобный Боголеп Кожеезерский (XVI–XVII вв.)

Преподобный Антоний Леохновский († 1611)

Преподобный Иосиф Заоникиевский (†

1612)

Преподобный Антоний Заоникиевский
(нач. XVII в.)

Преподобный Иоанникий Заоникиевский
(нач. XVII в.)

Преподобный Трифон Вятский († 1612)

Преподобная София, княжна Слуцкая (†
1612)

Святой священномученик Гермоген, Свя-
тейший Патриарх Московский и всея Руси (†
1612)

Святой преподобномученик Евфросин Си-
ноезерский († 1612)

Святой преподобномученик Галактион Во-
логодский († 1612)

Преподобный Антоний Соловецкий (†
1613)

Преподобный Иаков Соловецкий, Костром-
ской († 1614)

Преподобный Герман Столобенский (†
1614)

Преподобный Иринарх, затворник Ростов-
ский († 1616)

Преподобный Иоанн затворник, Псков-
ский († 1616)

Преподобный Никифор новгородец, пустынный Соловецкий († 1616)

Преподобный Мисаил иеромонах, пустынный Соловецкий († ок. 1617)

Преподобный Поликарп Брянский († ок. 1620–1621)

Святитель Александр, епископ Переяславский (до 1621)

Преподобный Иринарх пономарь, Радонежский († 1621)

Преподобный Дорофей книгохранитель, Радонежский († 1622)

Преподобный Дорофей Югский († 1622)

Преподобный Иларион Югский (XVII в.)

Преподобный Иоанн, трудник Каргопольский, Власатый, в иночестве Иона († 1622)

Святой блаженный Кирпиан, Христа ради юродивый, Суздальский († 1622)

Преподобный Макарий Жабынский, Белевский († 1623)

Преподобный Вассиан Тиксненский († 1624)

Преподобный Авраамий, игумен Спасский, Коряжемский (нач. XVII в.)

Святитель Арсений, архиепископ Суздаль-

ский († 1627)

Святой блаженный Прокопий, Христа ради
уродивый, Вятский († 1627)

Преподобный Иринарх Соловецкий (†
1628)

Святой преподобномученик Иов Ущель-
ский († 1628)

Преподобный Марк Белавинский († ок.
1630)

Преподобный Адриан пустынник, Соло-
вецкий († ок. 1632)

Преподобный Нестор пустынник, Соловец-
кий († ок. 1632)

Преподобный Дионисий Радонежский (†
1633)

Преподобный Диодор Юрьегорский († 1633)

Преподобный Прохор (Порфирий) Юрье-
горский (сер. XVII в.)

Преподобный Тимофей алексинец (в схиме
Феодор), пустынник Соловецкий († 1634)

Преподобный Антоний Кенский, Кожее-
зерский, в схиме Авраамий († 1634)

Преподобный Савва, пустынник Соловец-
кий († 1636)

Святая блаженная Марфа, Христа ради

юродивая, Московская († 1638)

Преподобный Никодим Кожеезерский († 1640)

Преподобный Макарий Холмогорский, Красногорский († 1640)

Святой преподобномученик Симон Воломский († 1641)

Преподобный Евфросин Куржеский, Каргопольский († ок. 1641–1652)

Преподобный Антоний Краснохолмский († 1642)

Святой праведный Симеон Верхотурский, Сибирский († 1642)

Преподобный Дионисий Переяславский († 1645)

Преподобный Иоаким Шартомский (сер. XVII в.)

Преподобный Далмат Пермский († после 1646)

Святой преподобномученик Афанасий Брестский († 1648)

Святой блаженный Илия, Христа ради юродивый, Даиловский, Ярославский (1 пол. XVII в.)

Преподобный Геннадий иконописец, Чер-

ниговский (сер. XVII в.)

Преподобный Ефрем Черный, пустынник
Соловецкий (сер. XVII в.)

Преподобный Алексей калужанин, пу-
стынник Соловецкий (сер. XVII в.)

Преподобный Иосиф I, пустынник Соло-
вецкий (сер. XVII в.)

Преподобный Тихон москвитянин, пу-
стынник Соловецкий (сер. XVII в.)

Преподобный Феодул рязанец, пустынник
соловецкий (сер. XVII в.)

Преподобный Трифон, пустынник Соло-
вецкий (сер. XVII в.)

Преподобный Иосиф II молодой, пустынник
Соловецкий (сер. XVII в.)

Преподобный Севастиан, пустынник Соло-
вецкий (сер. XVII в.)

Преподобный Гурий, инок чудный, пу-
стынник Соловецкий (сер. XVII в.)

Преподобный Кирик (Кириак), больнич-
ный старец, пустынник Соловецкий (сер.
XVII в.)

Преподобный Кассиан Муезерский, Соло-
вецкий

Преподобный Авксентий инок, Соловец-

кий, Кашкаренский

Преподобный Акий инок, Соловецкий,
Кашкаренский

Преподобный Тарасий инок, Соловецкий,
Кашкаренский

Святые мученики Симеон, Киприан,
Иосиф, Василий и иже с ними, Иргенские, Си-
бирские (сер. XVII в.)

Святой блаженный Иоанн I, Христа ради
юродивый, Соловецкий (сер. XVII в.)

Святой блаженный Иоанн II, Христа ради
юродивый, Соловецкий (сер. XVII в.)

Святой блаженный Максим, Христа ради
юродивый, иерей праведный, Тотемский (†
1650)

Преподобный Иов Почаевский († 1651)

Святитель Софроний, архиепископ Суз-
дальский († 1654)

Преподобный Леонид Устьнедумский (†
1654)

Преподобный Лукиан Александровский (†
1654)

Святой священномученик Михаил, архи-
епископ Рязанский († 1655)

Святитель Афанасий, Патриарх Царьград-

ский, Лубенский и Харьковский († 1656)

Преподобный Елеазар Анзерский († 1656)

Святитель Серапион, митрополит Сарский и Подонский († 1659)

Преподобный Филипп Сухонский († 1662)

Святитель Маркелл, архиепископ Вологодский и Белозерский, Соловецкий († 1663)

Святой праведный Иоанн младенец мученик, Угличский († 1663)

Святитель Нектарий, архиепископ Тобольский и всея Сибири († 1667)

Святой праведный Боголеп отрок-схимонах, Черноярский († 1667)

Святой блаженный Фома, Христа ради юродивый, Сольвычегодский († до 1669)

Святой блаженный Иродион, Христа ради юродивый, Сольвычегодский († до 1669)

Святой блаженный Михаил, Христа ради юродивый, Сольвычегодский († до 1669)

Святой блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, Сольвычегодский († 1669)

Святой блаженный Василий, Христа ради юродивый, Сольвычегодский (XVII в.)

Святой священномученик Иосиф, митрополит Астраханский († 1672)

Святой блаженный Андрей, Христа ради юродивый, Тотемский († 1673)

Святой преподобномученик Макарий Каневский, архимандрит Овручский († 1678)

Преподобный Тихон Крестогорский, Вохмовский († ок. 1679–1690 гг.)

Преподобный Корнилий Александровский († 1681)

Преподобный Макарий Высокоезерский († 1683)

Святой мученик Павел Русский († 1683)

Преподобный Макарий Менюжский († ок. 1684)

Преподобный Феодосий Сийский († 1687)

Преподобный Исаия Сийский, Ручьевский (XVI–XVII вв.)

Преподобный Никанор Сийский, Ручьевский (XVI–XVII вв.)

Преподобный Авраамий, игумен Богородицкий, Пинежский

Святой мученик Гавриил младенец, Белостокский († 1690)

Преподобный Корнилий Переяславский († 1693)

Преподобный Кирилл схимонах, Борисо-

Глебский

Святитель Феодосий, архиепископ Черниговский († 1696)

Святитель Пителир, епископ Тамбовский († 1698)

Святой Симеон, митрополит Смоленский († 1699)

Преподобный Стефан Костромской (XVII в.)

Преподобный Карп Московский

Преподобный Тит пустынник, Юрьевский, Поволжский

Святой мученик Павел Виленский (XVII в.)

Святой блаженный Афанасий, Христа ради юродивый, Ростовский (XVII в.)

Святой блаженный Онуфрий, Христа ради юродивый, Романовский, Ярославский

Святой блаженный Киприан, Христа ради юродивый, Карачевский

Святой праведный Карп Медушевский, Ковровский (XVII в.)

Святой праведный Прокопий Устьянский (XVII в.)

Святой праведный Григорий иерей, Шуйский, Владимирский

Святой праведный Димитрий Шуйский,

Владимирский

Святой праведный Артемий Шуйский, Владимирский

Святая праведная Евфросиния Шуйская, Владимирская

Святая праведная Иулиания Сольвычегодская

Святая праведная Параскева Кеврольская, Архангельская (кон. XVII – нач. XVIII вв.)

XVIII век

Святой блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, Верхотурский, Сибирский († 1701)

Святитель Митрофан, епископ Воронежский († 1703)

Святой блаженный Косма, Христа ради юродивый, Верхотурский, Сибирский († 1706)

Святитель Иларион, митрополит Суздальский и Юрьевский († 1707)

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский († 1709)

Преподобный Зосима Александровский († ок. 1713)

Святитель Иоанн, митрополит Тобольский и всея Сибири († 1715)

Преподобный Иов Анзерский, в схиме Иисус († 1720)

Святитель Филофей, митрополит Тобольский и всея Сибири, в схиме Феодор († 1727)

Святой священномученик Никифор иеромонах, Крымский († 1730)

Святой праведный Иоанн исповедник, Русский († 1730)

Святой Иннокентий, епископ Иркутский († 1731)

Святой Антоний, митрополит Тобольский и всея Сибири († 1740)

Святой священномученик Констанций Русский († 1743)

Святой мученик Евстафий отрок, Крымский († 1752)

Святой Иоасаф, епископ Белгородский († 1754)

Святитель Павел, митрополит Тобольский и всея Сибири († 1770)

Святитель Софроний, епископ Иркутский († 1771)

Святая блаженная Евдокия, Христа ради юродивая, Суздальская († 1776)

Святой мученик Пахомий Русский, Афон-

ский († 1780)

Святитель Тихон, епископ Воронежский († 1783)

Преподобный Синесий схиархимандрит, Сибирский († 1787)

Преподобный Паисий Нямецкий († 1794)

Преподобный Мисаил иеромонах, Абалацкий († 1797)

XIX век

Святитель Варлаам, архиепископ Тобольский и всея Сибири († 1802)

Святая блаженная Ксения, Христа ради юродивая, Петербургская († ок. 1803)

Святой священномученик Никита славянин, иеромонах Пантелеймонова монастыря, Афонский († 1808)

Преподобный Андрей, игумен Рафаиловский, Тобольский († 1820)

Святой праведный Петр отрок, Томский, Сибирский († 1820)

Преподобный Серафим Саровский († 1833)

Преподобный Герман Аляскинский († 1837)

Святитель Мелетий, архиепископ Харьковский и Ахтырский († 1840)

Преподобный Даниил Ачинский, Сибирский († 1843)

Преподобный Варлаам пустынный, Чикойский, Сибирский († 1846)

Преподобный Макарий миссионер, Алтайский († 1847)

Святитель Филарет, митрополит Киевский, в схиме Феодосий († 1857)

Святой праведный Феодор Томский, Сибирский († 1864)

Святитель Игнатий, епископ Кавказский и Черноморский († 1867)

Святая блаженная Домна, Христа ради юродивая, старица, Томская, Сибирская († 1872)

Святой праведный Стефан Омский, Сибирский († 1876)

Святой равноапостольный Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, апостол Сибири и Америки († 1879)

Святитель Герасим, епископ Астраханский († 1880)

Преподобный Амвросий иеросхимонах, старец, Оптинский († 1891)

Святитель Феофан, епископ Тамбовский и

Шацкий, затворник Вышинский († 1894)

XX век

Святитель Мелетий, епископ Рязанский († 1900)

Святой праведный Иоанн иерей, Кронштадтский († 1908)

Святой равноапостольный Николай, архиепископ Тамбовский, апостол Японии († 1912)

Преподобный Арефа Верхотурский, Сибирский († 1915)

Святитель Тихон, Святейший Патриарх Московский и всея Руси, исповедник († 1925)

Преподобный Силуан Афонский († 1938)

Хронологический список предстоятелей Русской Церкви

МИТРОПОЛИТЫ

В Киеве

Святой Михаил (988–992)

Леонтий (992–1008)

Иоанн I (1008–1035)

Феопемпт (1035–1049)

Святой Иларион (1051– ок. 1053)

Ефрем (1055)

Георгий (1062 г., † после 1072)

Святой Иоанн II (1077–1089)

Иоанн III (1089–1090)

Святой Ефрем (1091–1096)

Святой Николай (1097– ок. 1101–1103)

Никифор I (1104–1121)

Никита (1122–1126)

Вдовство Церкви (1126–1130)

Михаил II (1130–1145)

Климент (1147–1155)

Святой Константин I (1156–1159)

Феодор (1161–1163)

Иоанн IV (1164–1166)

Константин II (1167 г., † после 1172)

Никифор II (упоминается с 1182–1197)
Матфей (упоминается в 1201 г., † 1220)
Кирилл I (1224–1233)
Иосиф (1237–1240)

В Киеве и Владимире попеременно
Святой Кирилл II (1243–1280)

Во Владимире

Святой Максим Грек (1283–1305)

Святой Петр (с 1308 г. по 1325 г. – во Влади-
мире, в 1325–1326 гг. – в Москве)

В Москве

Святой Феогност (1328–1353)

Святой Алексий (1354–1378)

Святой Киприан (1380–1385)

Пимен (1385–1390)

Святой Киприан, вторично (1390–1406)

Святой Фотий (1410–1431 гг., рукоположен
в 1408)

Исидор (1437–1441)

Святой Иона (1449–1461)

Святой Феодосий (1461–1465)

Святой Филипп I (1465–1473)

Святой Геронтий (1473–1489)
Зосима (1491–1494)
Святой Симон (1496–1511)
Варлаам (1511–1522)
Даниил (1522–1539)
Святой Иоасаф (1539–1543)
Святой Макарий (1543–1563)
Афанасий (1564–1566)
Святой Филипп II, священномученик
(1566–1569)
Кирилл III (1568–1572)
Антоний (1572–1581)
Дионисий (1581–1586)

ПАТРИАРХИ

Святой Иов (с 1586 г. митрополит, с 26 января 1589 г. по 1605 г. – Патриарх)[6]
Святой Гермоген, священномученик
(1606–1612)
Междупатриаршество (1612–1619)
Филарет Никитич (1619–1633)
Иоасаф I (1634–1641)
Иосиф (1642–1652)
Никон (1652–1658)
Питирим, митрополит Крутицкий, прави-

тель (1658–1667)

Иоасаф II (1667–1672)

Питирим (1672–1673)

Иоаким (1674–1690)

Адриан (1690–1700)

Стефан Яворский, Местоблюститель Патриаршего Престола (1700–1721)

Святейший Синод в Петербурге (1721–1918)

Святой Тихон (1918–1925)

Петр, митрополит Крутицкий, Местоблюститель Патриаршего Престола (1925–1936)

Сергий (1925–1936 – заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола; 1936–1943 – Местоблюститель Патриаршего Престола; 1943–1944 – Патриарх)

Алексий I (1945–1970)

Пимен (1971–1989)

Алексий II (День интронизации – 28.V. (10.VI) 1990)

Хронологический список Великих князей, царей, императоров и императриц российских

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ

В Новгороде
Рюрик (862–879)

В Киеве

Олег (879–912)

Игорь Рюрикович (912–945)

Святая Ольга (945–955)

Святослав Игоревич (955–972)

Ярополк I Святославич (972–980)

Святой Владимир I Святославич (980–1015)

Святополк I Ярополкович (1015–1018)

Святой Ярослав I Владимирович
(1019–1054)

Святой Изяслав I Ярославич (1054–1073)

Святой Святослав II Ярославич (1043–1076)

Святой Изяслав I Ярославич (опять)
1076–1078)

Всеволод I Ярославич (1078–1093)

Святополк II Изяславич (1093–1113)

Святой Владимир II Всеволодович Мономах (1113–1125)

Святой Мстислав I (Феодор) Владимирович Великий (1125–1132)

Ярополк II Владимирович (1132–1139)

Всеволод II Олегович (1139–1146)

Святой Игорь II Олегович (1146 г., около недели или двух)

Изяслав II Мстиславич (1146–1154)

Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий (1155–1157)

Изяслав III Давидович (1157–1159)

В Киеве и Владимире

Святой Андрей I Георгиевич Боголюбский во Владимире (1157–1174)

Святой Ростислав (Михаил) Мстиславич в Киеве (1159–1167)

Мстислав II Изяславич в Киеве (1167–1169)

Владимир III Мстиславич в Киеве (1169–1172)

Святой Михаил I Георгиевич во Владимире (1174–1176)

Всеволод III Георгиевич во Владимире (1176–1212)

Роман Ростиславич в Киеве (1173–1177)
Святослав III Всеволодович в Киеве
(1177–1195)
Рюрик II Ростиславич в Киеве (1195–1211)
Святой Георгий II Всеволодович во Влади-
мире (1212–1216)
Всеволод III Святославич в Киеве
(1212–1214)
Константин Всеволодович во Владимире
(1216–1219)
Георгий II Всеволодович опять во Влади-
мире (1219–1238)
Мстислав III Романович в Киеве
(1214–1224)
Владимир IV Рюрикович в Киеве
(1224–1240)
Во Владимире, но жили в других местах
Святой Ярослав II Всеволодович
(1238–1246)
Святослав III Всеволодович (1246–1248)
Михаил II Ярославич во Владимире
(1248 г., полгода)
Андрей II Ярославич (1249–1252)
Святой Александр I Ярославич Невский
(1252–1263)

Ярослав III Ярославич (1263–1272)

Василий I Ярославич (и в Костроме,
1272–1276)

Святой Димитрий I Александрович в Пере-
славле Залесском (1276–1294)

Андрей III Александрович (и в Городце,
1294–1304)

Святой Михаил III Ярославич (и в Твери,
1305–1318)

Георгий III Даниилович (и в Москве,
1319–1322)

Святой Димитрий II Михайлович в Твери
(1325)

Александр II Михайлович в Твери
(1325–1328)

В Москве

Святой Иоанн I Даниилович Калита
(1328–1340)

Симеон Иоаннович Гордый (1340–1353)

Иоанн II Иоаннович (1353–1359)

Димитрий III Константинович Суздаль-
ский (1359–1363 гг., † 1384 в Нижнем Новгоро-
де)

Святой Димитрий IV Иоаннович Донской

(1363–1389)

Василий II Димитриевич (1389–1425)

Василий Васильевич Темный (1425–1462)

Иоанн III Васильевич (1462–1505)

Василий IV Иоаннович (1505–1533)

ЦАРИ

Иоанн IV Васильевич Грозный (1533–1584)

Святой Феодор I Иоаннович (1584–1598)

Борис Феодорович Годунов (1598–1605)

Феодор II Борисович (1605)[7]

Василий Иоаннович Шуйский (1606–1610)

Междуцарствие (1610–1613)

Михаил Феодорович Романов (1613–1645)

Алексий Михайлович (1645–1676)

Феодор III Алексеевич (1676–1682)

Иоанн V и Петр I Алексеевичи (1682–1689)

Петр I (царь 1689–1721)

ИМПЕРАТОРЫ И ИМПЕРАТРИЦЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Петр I (1721–1725)

Екатерина I Алексеевна (1725–1727)

Петр II Алексеевич (1727–1730)

Анна Иоанновна (1730–1740)

Иоанн VI Антонович (1740–1741)

Елисавета Петровна (1741–1761)

Петр III Феодорович (1761–1762)

Екатерина II Алексеевна (1762–1796)

Павел I Петрович (1796–1801)

Александр I Павлович (1801–1825)

Николай I Павлович (1825–1855)

Александр II Николаевич (1855–1881)

Александр III Александрович (1881–1894)

Николай II Александрович (1894–1917)

Примечания

Граф Михаил Владимирович Толстой (1812–1896), русский духовный писатель, автор многочисленных книг по истории Русской Церкви: «Патерик Свято-Троицкой Лавры», «Древние святыни Ростова Великого» (М., 1847), «Русские святыни и древности» (тт. I–III, М., 1861–1868) и других, сотрудник журналов «Русский Архив», «Богословский Вестник» и «Чтения Общества любителей истории и древностей».

[^^^]

Следует отметить, что текст «Оповеди» является фальсификацией – это было доказано историками в XIX веке и было известно в Валаамском монастыре. – Прим. Изд. «Сатись».

[^^^]

Печатается по изд.: «Богословские труды», выпуск VI, с. 92–100. Заголовок дан редакцией.

[^^^]

В список включены имена тех угодников Божиих, которые входят в печатные и рукописные месяцесловы и святцы XI – XX веков, в «Книгу, глаголемую о русских святых» Издание Общества Истории и древностей, 1887 г., в соборные памяти, установленные в 1960–1990 годы Русской Православной Церковью. Имена этих угодников Божиих собраны в месяцеслове «Настольной книги священнослужителя» (т. 2, М., 1978; т. 3, М., 1979), в списке Всех святых (по ликам) в земли Российстей просиявших (Минея, май, ч. 3, М., 1987, с. 356–380), а также в книге «Канонизация святых. Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси» (Троице-Сергиева Лавра. 6–9 июня 1988 г.) и в более поздних церковных материалах.

[^^^]

В «Рассказах по истории Русской Церкви» графа М.В. Толстого высказывается мнение, что митрополит Киевский и всея Руси Иларион и Иларион схимник, Киево-Печерский, в Дальних пещерах почивающий, – одно лицо (см. с. 32 наст. изд.).

[^^^]

6

В 1605–1606 года Патриарший престол занимал Игнатий, лжепатриарх.

[^^^]

В 1605–1606 гг. царский престол занимал самозванец Григорий Отрепьев («Лжедмитрий»).

[^^^]